Д. Уиндем

Золотоглазые

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Джон Уиндем

ЗОЛОТОГЛАЗЫЕ

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

У58

Составитель *В.П. КИРЧЕВ*

Джон Уиндем

У58 Золотоглазые: Пер. с англ. Сост. В. П. Кирчев. Кишинев — 576с. (Зарубежная фантастика, вып. 20).

В настоящий сборник вошли рассказы и повести известного английского писателя-фантаста Джона Уиндема, объединенные темой контакта двух цивилизаций — земной и внеземной, а также проблемой выживания человечества в экстремальных условиях

ISBN 5—86892—160—7

© Сост. В. П. Кирчев, 1993
© Оформ. худ. М.Михалев, 1993

ЗОЛОТОГЛАЗЫЕ

Одним из самых счастливых обстоятельств в жизни моей жены было то, что она вышла замуж за человека, который родился 26 сентября. Если бы не это, мы бы, без сомнения, провели дома в Мидвиче ночь с 26-го на 27 сентября и не избежали бы последствий того, что этой ночью произошло...

Но, поскольку был мой день рождения, а за день до этого я подписал контракт с американским издательством, то 26-го утром мы отправились в Лондон и устроили небольшой праздник.

Все было очень мило: несколько визитов, скромный ужин (омары) и возвращение в отель, где Джанет насладилась ванной.

Следующим утром — неторопливый отъезд. Остановка для покупок в Трейне — ближайшем городе с большим магазином. Затем снова по главной дороге через деревянный Стоуч и правый поворот на местное шоссе, но... Полдороги закрыто: «Проезда нет». А рядом стоит полисмен. Он поднимает руку, я останавливаюсь. Полицейский подходит к машине, и я понимаю, что он из Трейна.

— Извините, сэр, но дорога закрыта.

— Вы хотите сказать, что мне придется объехать вокруг, чтобы попасть на дорогу из Оннли?

— Боюсь, она тоже закрыта, сэр.

— Но...

Сзади раздался гудок.

— Сверните чуть влево, сэр.

Несколько озадаченный, я делаю то, что он просит, и мимо нас проносится армейский грузовик с молодыми ребятами в хаки.

— Революция в Мидвиче? — спрашиваю я.

— Маневры. Проезд закрыт.

— Но не обе же дороги? Мы живем в Мидвиче, констебль.

— Я знаю, сэр. Но дорога закрыта. На вашем месте я бы свернул в Трейн, пока мы здесь все не выясним. А здесь стоять не советую, мимо проезжает много машин.

Джанет собирает покупки в сумку и открывает дверцу:

— Я пойду, а ты приедешь, когда дорога будет открыта, — говорит она мне.

Констебль колеблется с минуту, затем говорит, понизив голос:

— Вы живете здесь неподалеку, поэтому я вам скажу, но это строго между нами: — Лучше не пытайтесь, мадам. Никто не может попасть в Мидвич, вот такое дело.

Мы уставились на него.

— Но почему не может? — говорит Джанет.

— Именно это и выясняется, мадам. А теперь, если попадете в Трейн, я позабочусь, чтобы вам сообщили, когда дорога будет свободна.

С ним было бесполезно спорить. Этот человек исполнял свой долг и делал это как можно более дружелюбно.

— Ну, хорошо,— согласился я.— Мое имя Гейфорд. Ричард Гейфорд. Я скажу в гостинице, чтобы мне передали, если меня самого не будет на месте.

Мы вернулись на главную дорогу и, приняв на веру утверждение полицейского, что другая дорога закрыта, направились туда, откуда приехали. Как только мы оставили позади Стоуч, я все же свернул на проселочную дорогу.

— Что-то это слишком странно,— сказал я.— Давай срежем через поля и посмотрим, что там творится.

— Давай,— согласилась Джанет, открывая дверцу.— Этот полицейский вел себя как-то не так.

Самым странным было то, что Мидвич, как известно, считается местом, где не случается ничего более-менее интересного. Мы с Джанет прожили здесь уже почти год и обнаружили, что отсутствие происшествий было основной чертой этого местечка. В самом деле, если бы даже при въезде в городок стояла надпись «Мидвич не беспокоить», в ней не было бы никакой надобности. И почему именно он был выбран для страшных событий 26 сентября, казалось, останется загадкой навсегда.

Мидвич — совсем непримечательное место. Он расположен в восьми милях северо-западнее Трейна. Главная дорога на запад от Трейна пролегает через окрестности местечек Стоуч и Оннли, от каждого из которых идет дорога на Мидвич. В центре Мидвича — прямоугольная площадь, а по ее сторонам церковь, почта, магазин мистера Уолта и несколько коттеджей.

В целом же, деревушка включает в себя 60 коттеджей и домиков, деревенскую ратушу, поместье Киль и Ферму. Ферма в викторианском стиле, правда, с двумя современными пристройками, возведенными, когда Ферма была взята государством для исследований. В Мидвиче не было ни ископаемых, ни стратегических дорог, ни автодрома, ни военной школы, лишь Ферма все еще оказывала влияние на его жизнь. Сотни лет здесь занимались сельским хозяйством, и до злополучного вечера 26 сентября, казалось, не было причин что-либо менять в этой жизни еще на миллионы лет.

Однако нельзя сказать, что Мидвич совсем уж стоял в стороне от исторических событий. В 1831 году он оказался центром вспышки холеры, а в 1916 году дирижабль сбросил бомбу, которая упала на вспаханное поле, но, к счастью, не взорвалась. В число подобных событий можно включить также то, что лошадь Кромвеля ставили на постой при местной церкви, а Уильям Вордсворт посетил развалины аббатства и написал один из своих шаблонных хвалебных сонетов.

За исключением этих событий, время, казалось, проходило мимо Мидвича, никак в нем не отражаясь. Так же жило и население деревушки. Почти все, кроме викария и его жены, семьи Зеллаби в поместье, доктора, медсестры, нас и, конечно, исследователей, жили здесь уже много поколений с безмятежностью, которая стала правилом.

День 26 сентября не предвещал ничего неожиданного. Возможно, мисс Брант почувствовала некоторое беспокойство при виде девяти сорок на одном поле, как она потом заявила, да мисс Огл, быть может, была расстроена предыдущей ночью тем, что ей приснился кутеж вампира, но, к несчастью, эти предчувствия и

сны вскоре оправдались. В остальном ничто не говорило о том, что в Мидвиче в этот понедельник было что-то ненормальное.

Но когда мы с Джанет вернулись из Лондона, события уже разворачивались. И вот во вторник, 27-го...

Мы закрыли машину, перелезли через ворота и отправились по полю, держась изгороди. Затем мы вышли на другое поле и повернули чуть левее, в сторону холма. Это было большое поле с хорошей изгородью, и нам пришлось пройти еще влево, чтобы найти ворота, через которые мы смогли бы перелезть. На полдороге через пастбище мы были на верхушке холма и смогли увидеть Мидвич. Из-за деревьев не очень хорошо, но кое-что заметили: пару столбов медленно поднимающегося дыма и церковь. На следующем поле я заметил также четыре или пять коров, в глубокой дремоте развалившихся на земле.

Я не очень искушен в сельской жизни, я только живу в деревне, но где-то в памяти промелькнуло, что в этом есть что-то необычное. Коровы, что-либо жующие,— вполне обычное зрелище, но лежащие и крепко спящие— нет. Но в то время я только смутно почувствовал, что в этом есть что-то неправдоподобное, но не более.

Мы перелезли через изгородь на поле со спящими коровами и двинулись через него. Слева нас окликнули. Я оглянулся и увидел вдалеке фигуру в хаки. Человек кричал что-то невразумительное, но то, как он махал при этом своей палочкой, ясно давало нам понять, что надо вернуться. Я остановился.

— О Ричард, пойдем.-До него далеко,— сказала Джанет и побежала вперед.

Я все еще колебался, глядя на человека, который махал теперь палочкой с еще большей энергией и кричал что-то громкое, но все же непонятное. Я решил последовать за Джанет. Она была уже ярдах в двадцати от меня, когда я двинулся с места, но вдруг она зашаталась, рухнула на землю без звука и замерла. Я остолбенел. Все это случилось непроизвольно. Если бы она вывихнула ногу или просто споткнулась, я бросился бы к ней. Но это было так неожиданно, с таким неуловимым оттенком законченности происшедшего, что я на мгновение подумал, что ее застрелили.

Но остановился я лишь на мгновение, затем рванулся вперед, краем глаза заметив, что человек слева все еще кричит и машет руками. Но меня он теперь уже не заботил. Я поспешил к Джанет, но до нее не дошел: отключился так быстро, что даже не увидел, как падаю на землю.

Как я уже сказал, 26 сентября в Мидвиче все было вполне спокойно. Я занимался этим делом вплотную и могу сказать вам, кто и где находился в этот вечер и что делал.

Несколько молодых людей уехали в Трейн в кино. В большинстве те же, кто ездил туда и в прошлый понедельник.

Мисс Огл вязала на почте у коммутатора, находя, как обычно, что чужая телефонная беседа куда интереснее, чем телеграф.

Мистер Таппер (он был садовником, пока не выиграл что-то баснословное на футбольном тотализаторе) находился в плохом настроении из-за своего опять сломавшегося цветного телевизора и ругался так, что его жена не выдержала и ушла спать. Все еще горел свет в одной-двух новых лабораториях, переведенных на Ферму, но в этом не было ничего неожиданного: исследователи частенько засиживались за своими загадочными опытами до поздней ночи.

Но хотя все и было, как обычно, для кого-то вещь и самый заурядный день может значить очень много. Например, для меня это был день рождения, поэтому наш коттедж стоял темный и закрытый. В поместье Киль в этот день мисс Ферелин Зеллаби заявила мистеру Хьюгу (в то время лейтенанту), что пора бы сделать ей предложение и было бы неплохо сообщить об этом отцу. Алан после некоторых колебаний разрешил препроводить себя в кабинет Гордона Зеллаби, чтобы ознакомить его с ситуацией.

Он нашел хозяина поместья удобно расположившимся в большом кресле. Его белая седая голова была элегантно склонена вправо так, что казалось, он спал под прекрасную музыку, наполнявшую комнату. Не говоря ни слова и не открывая глаз, он указал на легкое кресло по его правую руку и приложил палец к губам, прося тишины.

Алан прошел на цыпочках к указанному креслу и сел. Затем последовала пауза, в течение которой он забыл все фразы, вертевшиеся у него на языке, и следующие десять минут занимался изучением комнаты. Одна стена от пола до потолка была заставлена книгами, оставалось свободное место только для двери, через которую Алан вошел. Еще больше книг помещалось в низких шкафах. Они стояли по всей комнате, обрамляя окна, проигрыватель, и камин, в котором горел приятный, но не такой уж нужный огонь. Один из шкафов был отведен под труды самого Зеллаби в разных изданиях и на разных языках, а наверху было еще место для новых книг.

Над этим шкафом висел портрет молодого красивого человека, в котором все еще, после прошедших сорока лет, можно было узнать Гордона Зеллаби. Несколько портретов других выдающихся деятелей висело в разных концах комнаты. Над камином место было занято более личными фотографиями. Вместе с портретом отца, матери, брата и двух сестер Гордона Зеллаби висели фотографии Ферелин и ее матери (миссис Зеллаби).

Портрет Анжелы, второй жены Гордона Зеллаби, стоял в центре стола, за которым были написаны его работы.

Напоминание о работах Зеллаби заставило Алана подумать, не слишком ли неблагоприятное время он выбрал для визита, так как хозяин кабинета обдумывал новую книгу. Этим и объяснялась некоторая рассеянность мистера Зеллаби.

Так всегда случается, когда он что-нибудь замышляет, — объяснила Ферелин. — Когда он думает, то кажется, он теряет часть самого себя. Он уходит гулять и забредает так далеко, что не может понять, где он, так что ему приходится звонить домой и просить нас найти его. Это немного утомительно, но все приходит в порядок, как только он начинает писать книгу. Пока он пишет, мы все должны быть строги с ним, чтобы он вовремя поел, и все такое...

Комната в целом, с ее удобными креслами, приятным освещением и пушистым ковром, казалась Алану практическим воплощением взглядов хозяина на уравновешенную жизнь. Он вспомнил, что в книге «Пока мы живы», единственной книге, которую он читал у Зеллаби, автор считает аскетизм и сверхтерпение явными признаками плохой приспособляемости. Это была интересная книга, но Алан считал, что мрачная. И автор, представлялось ему, не уделял должного внимания тому, что новое поколение было более динамичным и более дальновидным, чем те, которые ему предшествовали.

В конце концов музыка кончилась. Зеллаби выключил приемник, нажав кнопку в подлокотнике кресла, открыл глаза и посмотрел на Алана.

— Думаю, вы не против,— извинился он.— Мне кажется, когда звучит Бах, его нельзя прерывать. Кроме того,— добавил он, поглядев на проигрыватель,— мы все нуждаемся в соответствующих условностях, обращаясь с этими новшествами. Становится ли искусство музыканта менее значительным только потому, что он сам здесь не присутствует? Да и что есть вежливость? Мне считаться с вами? Вам со мной? Или нам обоим считаться с гением? Даже гением второстепенным? Никто нам не скажет этого. Никогда мы этого не узнаем... Кажется,— продолжал он,— мы не очень искусны в соединении новшеств с нашей общественной жизнью, не так ли? Мир книжного этикета рассыпался в прах в конце прошлого века, и с тех пор не существует набора правил, которые могут указать вам, как общаться с чем-то вновь изобретенным. Нет правил, которые личность могла бы нарушить, а это само по себе удар по свободе. Довольно грустно, не так ли?

— О да,— сказал Алан.— И э-э...

— Хотя, имейте в виду,— продолжал Зеллаби,— трудно даже ощутить наличие такой проблемы. Реальная личность — продукт нашего века — мало интересуется жизненным рассмотрением всех новшеств — она просто хватает их все, когда они появляются. И только когда она сталкивается с чем-то действительно большим, наконец, осознает социальную проблему в целом и затем, вместо того чтобы пойти на уступки, требует невозможного: легкого выхода — закрытия исследований, подавления, как это случилось с А-бомбой.

— Э, полагаю, да, это так. А что особенно...

Мистер Зеллаби почувствовал недостаток пыла в ответе Алана.

— Пока вы молоды,— сказал он понимающе,— жизнь беззаботная, без мыслей о будущем имеет романтический аспект. Но это, согласитесь, не подходит для сложного мира. К счастью, мы на Западе все еще сохраняем секрет нашей этики, но есть признаки, что старым костям становится все труднее с уверенностью нести бремя новых знаний, вы так не думаете?

Алан собрался с духом. Воспоминание о предыдущих запутанных высказываниях Зеллаби побудило его к прямому наступлению.

— Действительно, сэр, я хотел с вами поговорить о совсем другом деле,— сказал он.

Когда Зеллаби замечал, что его прерывают в его размышлениях, он по привычке пытался вернуться в старое русло. Теперь он отложил рассуждения об этическом секрете и спросил.

— Конечно, мой друг. Что такое?

— Это касается Ферелин, сэр.

— Ферелин? О да, боюсь, она уехала в Лондон на пару дней. Она вернется завтра.

— Э-э, она уже вернулась, мистер Зеллаби.

— В самом деле?— воскликнул Зеллаби. Он обдумал это сообщение.— О да, вы правы. Она обедала с нами. Да вы оба были!— сказал он с видом триумфатора.

— Да,— сказал Алан, решившись не упускать шанса выложить свои новости, сознавая, что ни одна из приготовленных фраз, к сожалению, не осталась у него в голове.

Зеллаби терпеливо выслушал Алана до его заключительной фразы.

— Я надеюсь, сэр, что вы не будете возражать, если мы официально объявим о нашей помолвке.

— Мой дорогой друг, вы переоцениваете мое положение. Ферелин — здравомыслящая девушка, и я не сомневаюсь к тому же, что она и ее мать знают все о вас и вместе достигли правильного решения.

— Но я не встречался с миссис Холдер,— воскликнул Алан.

— А если бы встретились, дело бы продвинулось вперед быстрее. Джейн — прекрасный организатор,— сказал Зеллаби, рассматривая с благожелательным видом одну из книг на камине.— Ну, вы исполнили свою роль похвально, поэтому я тоже должен вести себя так, как Ферелин считает правильным.

Через несколько минут, собравшись за столом со своей женой, дочерью и будущим зятем, он поднял бокал.

— Давайте выпьем,— объявил Зеллаби,— для поднятия духа. Заключение брака, как оно трактуется церковью и государством, подразумевает, увы, сугубо механическое отношение к партнеру, совсем не то, что было у Ноя. Человеческий дух, однако, более вынослив, и случается, любовь тоже выживает в такой прозаической форме. Будем же надеяться...

— Папа,— перебила его Ферелин,— уже больше десяти, а Алан должен вернуться в лагерь, ему нельзя опаздывать. Ты должен просто сказать. «Счастья вам и долгой жизни!..»

— О,— сказал мистер Зеллаби,— ты уверена, что этого достаточно? Это выглядит очень кратко. Однако, если ты думаешь, что так надо, пожалуйста. От всего сердца желаю вам долгой и счастливой жизни!

Они выпили.

— К сожалению, Ферелин права, мне надо уезжать,— сказал Алан.

Зеллаби сочувственно кивнул.

— Для вас это, должно быть, тоскливое время. Как долго вы еще будете служить там?

Алан ответил, что надеется через три месяца уйти из армии. Зеллаби кивнул снова.

— Полагаю, армейский опыт вам еще пригодится. Иногда я жалею, что не служил сам. Был слишком молод во время одной военной компании, привлечен к работе в министерстве информации — во время другой. Нужно было выбрать что-нибудь более активное. Ну, спокойной ночи, мой дорогой друг. Это... — Он остановился, пораженный внезапной мыслью.— Дорогой мой, мы зовем вас Алан, но я ведь не знаю вашего полного имени. Давайте мы исправим этот промах.

Алан представился, и они снова пожали друг другу руки.

Когда они с Ферелин проходили через холл, Алан взглянул на часы.

— О, надо спешить. Увидимся завтра в шесть, дорогая. Спокойной ночи, милая.

Они поцеловались в дверях пылко, но быстро, и он сбежал по ступенькам к маленькому красному автомобилю, стоявшему у выезда. Мягко заработал мотор, Алан махнул на прощанье рукой и умчался.

Ферелин стояла в дверях, пока исчезли огни машины и рокот мотора не растворился в вечерней тишине. Она закрыла двери и,

возвращаясь в свою комнату, отметила, что на часах было четверть одиннадцатого.

Итак, в четверть одиннадцатого ничего ненормального в Мидвиче не наблюдалось.

С отъездом Алана равновесие снова могло установиться в обществе, которое провело день без событий в ожидании не менее спокойного завтра.

Многие коттеджи все еще освещали мягким светом тихий вечер. Случайные наплывы голосов и смеха не были местного происхождения, рождаясь за мили от Мидвича, они прорывались через телевизионные и радиопрограммы и создавали фон, на котором большинство в деревне готовилось ко сну. Самые старые и самые маленькие уже спали, жены наполняли свои грелки горячей водой.

Последние завсегдатаи кабачка «Коса и камень» задержались для принятия последней рюмочки, среди них Альфред Уэйт и Гарри Крайнхарт, которые, наконец-то, доспорили об удобрениях для огорода.

Единственным событием, которому еще оставалось произойти, был приезд автобуса. На нем возвращались из Трейна наиболее непоседливые. После этого Мидвич мог окончательно улечься спать.

В двадцать два пятнадцать племянница викария Полли Райтон думала, что если бы ей удалось сбежать в постель на полчаса раньше, она смогла бы почитать книгу, которая лежала на ее коленях, и насколько же приятнее это было бы, чем выслушивать спор между теткой и дядей, происходящий из-за того, что дядя Хьюберт пытался прослушать в одном углу комнаты передачу по третьей программе радио, а тетя Дора разговаривала в это время по телефону со своей лондонской подругой миссис Клю. Где-то в двадцать два шестнадцать миссис Клю подошла к основному вопросу:

— Скажи, Дора, только честно, в чем должна быть Клей: в белом атласе или белой парче?

«Наверное, в атласе»,— подумала миссис Либоди, но так как ошибка могла стоить ей многолетней дружбы, она заколебалась.

— Для очень молоденькой невесты, конечно... никто не скажет, что Клей очень молоденькая невеста, поэтому...

— Далеко не молоденькая,— согласилась миссис Клю и подождала.

Миссис Либоди в душе проклинала назойливость, с которой миссис Клю задавала свои вопросы, и приемник своего мужа, из-за которого с трудом соображала.

— Ну,— сказала она наконец,— и то и то — очаровательно, но для Клей, я думаю...

На этом голос ее прервался.

Далеко в Лондоне миссис Клю ждала и нетерпеливо поглядывала на часы. Затем она нажала рычаг и набрала: «О».

— Я хочу подать жалобу,— сказала она,— мой разговор прервали на самом важном месте.

Ей сказали, что попробуют соединить еще раз, но ничего не получилось.

— Я подам письменную жалобу,— сказала миссис Клю.— Я отказываюсь платить хотя бы за одну лишнюю минуту и не понимаю, почему я должна платить при таких обстоятельствах. Мы были прерваны ровно в двадцать два семнадцать.

Человек на телефонной станции ответил ей тактично и записал время — 22.15, 26 сентября.

С 22.15 того злополучного вечера сообщения о Мидвиче становятся эпизодическими. Его телефоны не отвечают. Автобус, который должен был пройти через Мидвич в Стоуч, не проехал; грузовик, который был выслан на поиски автобуса, также не вернулся.

В Трейне было получено сообщение о каком-то неопознанном летающем предмете, замеченном где-то в районе Мидвича и, возможно, совершавшем посадку. Кто-то в Оннли заметил пожар в одном из домов Мидвича, но никто не пытался его потушить. Пожарная команда из Трейна выехала в Мидвич, но пропала без вести. Трейнская полиция выслала наряд, чтобы узнать, что случилось с пожарной командой, но и он словно растворился. В Оннли заметили второй пожар, который, казалось, никто не пытался тушить. Позвонили констеблю Гобби в Стоуч, и он, взяв свой велосипед, покатил в Мидвич. Больше о нем никто не слышал.

Рассвет 27 сентября был серым. Как и в других местах, моросил мелкий дождь, но, несмотря на это, в Оннли и Стоуче петухи и другие птицы приветствовали утро радостными криками. В Мидвиче, однако, не пела ни одна птица.

В Оннли и Стоуче, как и в других местах, руки потянулись к зазвеневшим будильникам. В Мидвиче часы трезвонили, пока не кончился завод. В других деревнях заспанные люди выходили из коттеджей, сталкивались со своими приятелями и сонно здоровались с ними. В Мидвиче никто ни с кем не встречался и не здоровался.

Мидвич лежал в оцепенении. Когда остальной мир наполнил день шумом, Мидвич продолжал спать. Мужчины и женщины, лошади, коровы, овцы, собаки, свиньи и мыши — все спали. Тишина нарушалась только шумом листвы, боем часов на ратуше, гомоном из Оннли, который доносился со стороны мельницы. И пока рассвет, бледный и серый, все еще занимался, оливково-серый фургон с надписью «Телефонная служба» отправился из Трейна, чтобы соединить Мидвич с остальным миром. В Стоуче он остановился у телефонной будки проверить, не подает ли Мидвич каких-либо признаков жизни, но Мидвич не отвечал. Он был все так же оторван от мира, как и в 22.17.

— Кор,— сказал один из мастеров своему приятелю,— ну, если мисс Огл не занята своим делом и из-за нее поднялся весь шум...

— Я не думаю, — ответил шофер.— Спроси меня, и я скажу, что старушка всегда слушает, когда кто-то с кем-то говорит, и днем и ночью. Вот смеху-то будет...— добавил он туманно.

Немного отъехав от Стоуча, фургон повернул резко вправо и проехал около полумили в сторону Мидвича. Затем он свернул за угол и столкнулся с ситуацией, которая поразила шофера. Он увидел пожарную машину, перевернувшуюся на бок, черную машину, которая стояла на другой стороне, и человека с велосипедом, лежащих на обочине.

Он потихоньку поехал вперед, стараясь протиснуться между двумя машинами. До того, как он смог это проделать, его собственный фургон покатился к ограждению и врезался в него.

Получасом позже первый дневной автобус без пассажиров — он должен был собрать детей в Мидвиче и отвезти их в Оннли—

с большой скоростью врезался между пожарной машиной и фургоном и совсем перекрыл дорогу.

На другой дороге, ведущей в Мидвич и соединявшей его с Оннли, скопилось множество машин, так что шоссе утром напоминало свалку.

Почтовый фургон, который двигался из Оннли, вовремя остановился на дороге, чтобы самому не врезаться в эту неразбериху. Один из служащих вылез из фургона и направился вперед по дороге, чтобы разобраться, что к чему. Он как раз подходил к автобусу, когда без всяких видимых причин (ведь не стрелял же в него) покачнулся и упал на землю. При виде упавшего приятеля у шофера затряслись поджилки. Взглянув дальше на дорогу, на стоявший автобус, он увидел головы некоторых пассажиров, совершенно неподвижные. Кое-как придя в себя, он развернул машину и помчался в Оннли к ближайшему телефону.

Подобное положение дел было обнаружено на другой дороге, со стороны Стоуча, шофером булочного фургона, а еще через двадцать минут такие же события имели место на двух других дорогах к Мидвичу.

Поъехали санитарные машины, из которых вылезли люди в специальной форме, с дымящимися сигаретами. Они осмотрели место происшествия с видом знатоков и направились к автобусу. Двое санитаров с носилками, шедшие впереди, почти уже достигли лежащего почтальона, когда один из них вдруг упал прямо на него. Остальные моментально остановились. Кто-то крикнул «Газ!» и люди попятились.

За этим последовала долгая пауза.

Шофер машины покачал головой:

— Это не наше дело, — сказал он тоном человека, принимающего важное решение. — Это работенка для военных.

— Точно, — сказал другой. — Пусть армейские части разбираются в этом. Здесь нужны не респираторы, а противогазы.

В то время, как мы с Джанет подъезжали к Трейну, лейтенант Алан Хьюг стоял вместе с начальником пожарной службы Моррисом на дороге в Оннли. Они наблюдали, как один из пожарных пытается зацепить лежащего санитара с помощью длинного шеста с крюком. Наконец, это ему удалось, и он начал подтаскивать санитара к себе. Тело продвинулось на несколько ярдов, а затем санитар сел и выругался.

Алану показалось, что он никогда еще не слышал более прекрасного языка. Острое беспокойство, с которым он ехал, улеглось, когда было обнаружено, что жертвы этого странного происшествия тихо, но совершенно очевидно дышат. Теперь было видно, что по крайней мере один из них не показывает никаких явно болезненных последствий полуторачасового пребывания здесь.

— Хорошо, — сказал Алан. — Если с ним все в порядке, вполне возможно, что и с другими все будет в норме, хотя это и не приближает нас ни на шаг к разрешению загадки.

Следующим, кого вытащили, был почтальон. Он лежал дальше, чем санитар, но и его выздоровление было таким же быстрым и полным.

— Граница, кажется, очень резкая и постоянная, — добавил Алан. — Слышал ли кто-нибудь о совершенно устойчивом газе, да еще при небольшом ветре? Это бессмыслица.

— Не может быть это и жидким веществом, испаряющимся с земли,— сказал начальник пожарной охраны.— Поражает, как удар молота. Я не слышал о таких средствах, а вы?

Алан покачал головой.

— Кроме того,— согласился он,— быстро испаряющееся вещество уже исчезло бы. Больше того, оно не испарялось бы ночью и не захватило бы автобус и остальных. Автобус должен был прибыть в Мидвич в 11.25, а я проехал по этой дороге за несколько минут до того. Все было в порядке. Ведь именно его я встретил по дороге в Мидвич.

— Интересно, как далеко это распространяется,— пробормотал начальник пожарной охраны.— Должно быть, далеко, или мы видели бы тех, кто пытается пройти сюда.

Он продолжал смотреть в растерянности в сторону Мидвича. За лежащими машинами дорога была чистой, с гладкой, чуть сверкающей поверхностью,— до следующего поворота.

Теперь, когда утренний туман рассеялся, можно было увидеть башни ратуши и церкви, нависшие над оградами.

Пожарный с помощью одного из солдат Алана продолжал вытаскивать тех, кого мог достать. Пережитое, казалось, не оставляло никакого следа в памяти жертв. Каждый садился и заявлял, что он не нуждается в помощи врачей. Следующим делом было освободить дорогу от трактора, чтобы вытащить остальные машины и тех, кто в них был.

Алан оставил сержанта и пожарного и отошел в сторону. Тропинка впереди поднималась на небольшую возвышенность, с которой он смог увидеть несколько крыш деревни и крышу поместья Киль Грант, Ферму, верхние камни аббатства и два серых дымка. Безмятежный вид. Несколько в стороне, на поле, он увидел четырех спавших овец. И хотя он знал, что вреда им не будет, их вид обеспокоил его потому, что опасная зона оказалась шире, чем он предполагал. Еще дальше Алан заметил двух коров, спящих на боку. В задумчивости он зашагал обратно.

— Сержант Деккер,— позвал он.

Сержант подошел и откозырял.

— Сержант, я хочу, чтобы вы достали канарейку в клетке.

Сержант моргнул.

— Э-э, канарейку, сэр?— спросил он неуверенно.

— Да, или щегла, я думаю, тоже сойдет. В Оннли должно быть несколько птиц. Возьмите джип. Скажите владельцам: они получат компенсацию, если необходимо.

— Я, я...

— Короче, сержант. Птички должны быть здесь, как можно быстрее.

— Слушаюсь, сэр. Э-э, канарейку...— добавил сержант, чтобы убедиться, что он понял правильно.

— Да,— сказал Алан.

... Я осознал, что лежу лицом вниз на земле. Очень странно. Мгновение назад я спешил к Джанет, теперь вдруг — это.

Я сел и обнаружил, что меня окружают несколько человек. Здесь же валялся и отцепленный от моей одежды убийственного вида крюк. Санитар из машины посматривал на меня с интересом.

Молоденький рядовой тащил банку белил, другой карту, и такой же безусый капрал был вооружен клеткой с канарейкой на

длинном шесте. В дополнение ко всему, что-то сюрреалистическое было в Джанет, все еще лежащей там, где она упала.

Я встал на ноги, когда пожарный крюк дотянулся до нее, зацепив за полу пальто. Он начал тянуть, но пальто, конечно, сразу порвалось, поэтому он стал просто перекатывать Джанет к нам. Через несколько секунд она села, разгневанная и злая.

— Все в порядке, мистер Гейфорд? — спросил голос рядом со мной.

Я оглянулся и узнал в офицере Алана Хьюга, которого мы пару раз встречали у Зеллаби.

— Да, а что происходит?

Но он не обратил внимания на мой вопрос, помогая Джанет подняться. Затем он повернулся к капралу.

— Я вернусь на дорогу. Продолжайте, капрал.

— Есть, сэр! — ответил тот.

Он опустил свой шест с клеткой и пошел вперед. Птичка упала с перекладины и лежала на дне клетки, посыпанном песком. Капрал потянул клетку к себе. Птичка вспорхнула и уселась на перекладину. Один из наблюдавших рядовых вышел вперед с кистью и нарисовал небольшую белую полоску на земле, другой сделал отметку на карте. Процессия продвинулась вперед ярдов на двадцать и повторила всю процедуру. Теперь уже Джанет спросила, что, в конце концов, происходит.

Алан объяснил все, насколько сам знал, и добавил:

— Совершенно очевидно, что нет никаких шансов попасть туда, пока это продолжается. Лучшее, что вы можете сделать,— это вернуться в Трейн и подождать, пока все выяснится.

Мы посмотрели вслед капралу и его помощникам как раз в тот момент, когда птичка снова упала с жердочки.

После того, как мы сами все испытали, не могло быть другого решения. Джанет кивнула. Мы поблагодарили молодого Хьюга, расстались с ним и направились к машине.

В гостинице «Орел» Джанет настояла, чтобы мы сняли комнату на ночь, просто на всякий случай. Затем я спустился в бар. Он был необычайно переполнен для этого времени, причем почти все посетители были приезжие. Они сидели парами или небольшими группами, и большинство неестественно громко обсуждало что-то. Я с трудом пробился к стойке, а когда возвращался к столику с бокалом в руке, услыхал чей-то голос:

— О, а ты что тут делаешь, Ричард?

Голос оказался знакомым, так же как и лицо человека, который обратился ко мне, но понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, кому принадлежит это лицо. К тому же на человеке оставила свой след печать прошедших лет, да и вместо традиционной твидовой шляпы на нем была военная фуражка. И все-таки я его узнал:

— Бернард, дружище!— воскликнул я.— Удивительно! Давай-ка побыстрее выберемся из этой толпы.

Я крепко сжал его руку и потащил за собой на балкон. Встреча с ним заставила меня вновь, как много лет назад, почувствовать себя молодым. На радостях я послал официанта принести еще пива. Через полчаса первый бурный взрыв взаимной радости прошел, и Бернард начал расспрашивать:

— Ты не ответил на мой вопрос,— напомнил он, внимательно оглядывая меня.

— Я не знал, что ты занимаешься такими делами.

Он кивнул в сторону бара:

— Пресса,— объяснил он мне.

— Ах, вот оно что. А я удивляюсь, что это за нашествие.

Его брови немного опустились.

— Так ты не оттуда?

— Я здесь просто живу,— ответил я.

В этот момент к нам подошла Джанет, и я представил ее.

— Джанет, дорогая, это Бернард Уосткот. В то время, когда мы были вместе, он был капитаном, но я не знал, что он стал майором.

— А теперь я подполковник,— сказал Бернард и сердечно приветствовал мою супругу.

— Я очень рада,— сказала ему Джанет.— Очень много о вас слышала, и вот, наконец, встретились.

Джанет пригласила его пообедать вместе с нами, но он отказался, так как должен был присутствовать на важном заседании. Его сожаление было искренним — и Джанет предложила вместе поужинать.

— Если удастся попасть домой, то дома, или здесь, если мы все еще будем в изгнании.

— Дома?— не понял Бернард.

— В Мидвиче,— объяснила Джанет,— это в восьми милях отсюда.

Поведение Бернарда немного изменилось.

— Вы живете в Мидвиче?— переспросил он, переводя взгляд с меня на Джанет.— Давно?

— Почти год,— ответил я.— Вообще-то мы сейчас должны быть там, но...— Я объяснил, как мы оказались в «Орле». Он на несколько секунд задумался, а затем, очевидно, пришел к какому-то выводу. Он повернулся к Джанет.

— Миссис Гейфорд, вы разрешите забрать вашего мужа с собой? Это касается Мидвича, и именно по этому делу я и приехал. Думаю, он сможет помочь нам, если захочет.

— Чтобы узнать, что там происходит?— спросила Джанет.

— Ну, в связи с этим. Ты не возражаешь?— обратился он ко мне.

— Если я смогу быть полезным, то конечно. Хотя я не знаю... Кому это надо?

— Объясню позже,— сказал он.— Я должен был быть там час назад. Я бы не тащил вашего мужа, если бы это не было так важно, миссис Гейфорд. С вами без нас все будет в порядке?

Джанет заверила его, что «Орел» надежное место.

— Еще одно,— добавил он перед нашим уходом.— Не позволяйте этим ребятам из бара докучать вам. Гоните их, если пристанут. Они стали ужасно раздражительными, когда узнали, что мидвичское дело не попадет в газеты. Ни слова с ними, почему — я расскажу вам позже.

— Хорошо. Возбуждать, но молчать. Это по мне,— согласилась Джанет, и мы вышли.

Птички в клетках, судя по всему, уже закончили свою работу и были возвращены своим хозяевам.

В комнате, в которую мы вошли, находились военные и полиция.

— Вот результат нашей работы,— сказал капитан и показал крупномасштабную карту с правильной окружностью почти две мили в диаметре, с мидвичской церковью чуть юго-восточнее центра.

— Мы установили, что это статично, невидимо, без запаха, не регистрируется радаром, не отмечается эхолотами, производит

мгновенное действие на птиц, пресмыкающихся и насекомых и, судя по всему, не имеет никаких последствий, хотя люди из автобуса и другие чувствуют себя неважно чисто морально. Это все, что мы узнали.

Бернард задал несколько вопросов, уточнил детали, и мы вышли, чтобы найти полковника Датчера. Мы его вскоре обнаружили с пожилым человеком, который, как оказалось, был шефом полиции Уинширa. Оба они стояли на небольшой возвышенности, осматривая местность, и были похожи на генералов XVIII века, наблюдавших не очень удачное сражение. Бернард представил нас. Полковник внимательно посмотрел на него.

— А,— сказал он,—о, да. Вы тот самый человек, который звонил и просил держать все это в тайне.

Прежде чем Бернард успел ответить, шеф полиции продолжил:

— Хранить в тайне! В самом деле! Эта штука покрыла местность окружностью в две мили, фактически полностью, а вы хотите, чтобы это осталось в тайне.

— Таковы были инструкции,— сказал Бернард.— Безопасность.

— Но чем, черт побери, они думают...

Полковник Датчер прервал его:

— Мы сделаем все возможное, чтобы представить это как тактический эксперимент. Конечно, притянуто, но хоть что-то надо сказать. Беда в том, что это, может быть, действительно наш собственный трюк, пошедший не в то русло. Так много секретности в наши дни, что никто ничего не знает. Не знаешь, что есть у других, не знаешь даже, что сам мог бы использовать. Все эти ученые умы в своих закрытых лабораториях разрушают нашу профессию. Скоро военное дело будет просто колдовством, мистикой...

— Представители Агентства новостей уже примчались сюда,— проворчал шеф полиции.— Мы выпроводили некоторых, но вы же знаете, что это за люди. Они будут рыскать везде и совать свой нос повсюду. И как мы должны заставить хранить все в тайне?..

— Ну, пусть это вас не беспокоит,— сказал ему Бернард.

— Уже было по этому делу распоряжение Министерства внутренних дел. Они очень огорчены. Но, я думаю, продержатся. Это, действительно, зависит от того, обнаружится ли что-нибудь достаточно сенсационное, чтобы вызвать шум.

— Хм-м,— сказал полковник, снова разглядывая пейзаж.

— Я полагаю, это зависит от газетчиков, будет ли, с их точки зрения, «спящая красавица» сенсацией или скукой.

В течение двух часов прошла целая вереница людей, представляющих различные учреждения, гражданские и военные. Большая палатка была поставлена у дороги в Оннли, и в ней на 16.30 была назначена конференция. Полковник Датчер открыл ее изложением ситуации. Когда он заканчивал, вошел со злобным видом капитан и положил на стол перед полковником большую фотографию.

— Вот, господа,— сказал он угрюмо.— Это стоило жизни двум хорошим людям на хорошем самолете, к счастью, мы не потеряли другой. Я думаю, это стоит того.

Мы столпились вокруг, чтобы изучить фотографию и сравнить ее с картой.

— А что это такое?— спросил майор разведки, указывая на некий предмет.

Предмет был бледным, овальным, судя по теням, похожим на перевернутую тарелку. Шеф полиции склонился, рассматривая его как можно ближе.

— Не могу себе представить,— заметил он.— Выглядит, как необычное здание, но этого не может быть. Я с неделю назад был на развалинах аббатства и ничего подобного там не было. И кроме того, это собственность Британской ассоциации старины... Они не строят, они разбирают все по камешкам.

Один из присутствующих смотрел то на фотографию, то на карту.

— Что бы там ни было, оно находится в математическом центре окружности. Этого не было несколько дней назад. Должно быть, оно приземлилось здесь.

— Если только это не скирда, накрытая чем-то белым,— сказал кто-то.

Шеф фыркнул:

— Посмотрите на масштаб и очертания. Оно размером с дюжину скирд, по крайней мере.

— Что же это, черт побери?— спросил майор.

Один за другим мы рассматривали *это* в лупу.

— Вы не можете сделать более четкую фотографию?

Капитан пожал плечами.

— Вы могли бы выяснить это, слетав туда,— сказал он.— Это снято с высоты 10.000 метров. Никакого эффекта там не обнаруживается.

Полковник Датчер прокашлялся.

— Двое из моих офицеров предполагают, что зона может быть сферической формы.

— Возможно,— согласился капитан,— или ромбовидной, или двенадцатигранной.

— Я знаю,— сказал полковник мягко,— что они засекали птиц, влетавших в зону, и наблюдали, когда они попадают под влияние. Они утверждают, что гребень зоны не поднимается вертикально, как стена, то есть это не цилиндр. Стороны слегка сходятся. Они только спорят, коническая она или куполообразная. Их наблюдения говорят о сферической форме.

— Ну вот, это первая помощь, которую мы получили,— признал капитан.— Если они правы, и это сфера, то она должна иметь потолок около пяти тысяч миль над центром. Думаю, что у них нет никаких соображений, как это установить, не теряя еще один самолет.

— Собственно говоря,— сказал полковник Датчер,— один самолет уже погиб. Возможно, вертолет с канарейкой на шестедлиной в несколько сотен футов будет выходом из положения.

— Да,— прервал его капитан.— Это мысль. Та же, что и у парня, который чертил окружность.

— Да-да,— кивнул полковник Датчер.— Думаю, мы сможем поимпровизировать, но за мысль спасибо. Правда, сегодня уже поздно. Оставим это на раннее утро. Попробуем сделать снимок с меньшей высоты, если будет хорошее освещение.

Майор разведки прервал затянувшееся молчание:

— Может, попробовать бомбами?— сказал он в задумчивости.— Разрывными, осколочными, например.

— Бомбами?— переспросил капитан, подняв брови.

— Не вредно бы сделать их послушными. Никогда не знаешь, что замышляют эти Иваны. Было бы хорошо пробраться туда. Недать этой штуке уйти, накрыть ее так, чтоб ничего не осталось.

— Не слишком ли круто?— возразил шеф полиции.— Я имею в виду— не лучше ли ее оставить неповрежденной, если возможно.

— Возможно,— согласился майор,— но в данном случае мы разрешаем держать нас на расстоянии с помощью этой штуки.

— Не уверен, что такое можно сделать в Мидвиче,— сказал другой офицер.— Поэтому считаю, что они совершили вынужденную посадку и используют этот экран, чтобы предотвратить какое-либо вмешательство, пока они исправят поломку.

— Но здесь находится Ферма...— сказал кто-то робко.

— В любом случае, чем скорее мы получим разрешение властей вывести эту штуку из строя, тем лучше,— заключил майор.— Ей все равно нечего делать на нашей земле. Основное — не дать ей уйти. Слишком интересная штука... Не говоря уже о ней самой, этот эффект экрана мог бы быть очень полезным. Необходимо сделать все возможное, чтобы овладеть ею в неповрежденной форме и только при необходимости разрушить.

Дальше последовало обсуждение, но длилось оно недолго, так как почти у всех присутствующих были краткие доклады о наблюдениях. Было принято только два определенных решения: о необходимости ежечасного спуска на парашютах осветительных ракет, чтобы иметь возможность осматривать местность, и о новой попытке сделать более точные фотографии с вертолета на следующий день, утром.

Я совершенно не понимал, зачем Бернарду пришло в голову пригласить меня на эту конференцию и зачем он сам на ней присутствовал, так как за все время не сказал ни слова.

На обратном пути я спросил:

— Мне нельзя поинтересоваться, почему ты занимаешься этим делом?

— Ну, у меня профессиональный интерес.

— Ферма?— предположил я.

— Да, Ферма входит в мою сферу, и, естественно, все необычное в ее окрестностях интересует нас. А ведь это необычно?

Под «нами» подразумевалось, как я понял, либо военная разведка, либо один из ее отделов.

— Я думаю,— сказал я,— что такими вещами занимается специальный отдел.

— Есть разные отделы,— туманно ответил он и перевел разговор на другую тему.

Нам удалось устроить его в «Орле», и мы вместе пообедали. Я надеялся, что после обеда он объяснит свой профессиональный интерес, но он явно пресекал все разговоры о Мидвиче. И все же это был прекрасно проведенный вечер.

Дважды за вечер я звонил в трейнскую полицию, справляясь, не изменилось ли что-либо в Мидвиче, и оба раза мне ответили, что ничего нового нет. Допив последний бокал, мы разошлись.

— Приятный мужчина,— сказала Джанет, когда дверь за ним закрылась.— Я боялась, что будет одна из встреч старых бойцов, которая так утомительна для жен, но он вел себя совсем по-иному. Зачем он брал тебя с собой днем?

— Сам удивляюсь,— признался я.— Вероятно, у него были какие-то свои планы, но он стал еще более скрытен.

— Все это, действительно, очень странно,— сказала она, словно ее поразило все происходящее.— Ему действительно нечего сказать обо всем этом?

— Ни ему, ни другим,— заверил я ее.— Об этой штуке они знают только то, что сказали им мы: а мы не знаем, когда это поражает и действительно ли после этого нет никаких следов.

— Ну, это, по крайней мере, обнадеживает. Надо надеяться, что никому в деревне не причинен большой вред.

Мы еще спали, когда утром 28 сентября офицер-метеоролог сообщил, что над Мидвичем туман рассеивается, и экипаж из двух человек взлетел на вертолете. Проволочная клетка с парой живых, но несколько встревоженных хомяков была с ними.

— Они думают,— заметил пилот,— что 6.000 будет вполне безопасно, так что попробуем с 7.000 для спокойствия. Если будет все нормально, будем осторожно спускаться.

Наблюдатель установил свои приспособления и занялся игрой с клеткой, пока пилот не сказал ему:

— Готово, теперь спускай их, и мы попробуем на 7.000.

Клетку опустили через дверь — на 5.000. Вертолет сделал круг, и пилот сообщил на землю, что собирается сделать подобный круг над Мидвичем.

Наблюдатель лег на пол, вглядываясь в хомяков через бинокль.

Они не переставали копошиться в клетке. Наблюдатель отвел от них взгляд на мгновение и навел бинокль на деревню.

— Эй, за рулем,— позвал он.

— Что?

— Та штука, которую мы должны были сфотографировать у аббатства...

— Ну, что с ней?

— Хм, или это мираж, или она улетучилась,— сказал наблюдатель.

Почти в тот же момент, когда наблюдатель на вертолете сделал свое открытие, пикет на дороге Стоуч—Мидвич проводил свою обычную пробу. Сержант из наряда бросил кусок сахару за белую линию, что была проведена через дорогу, и стал наблюдать за собакой. Она бросилась вперед, пересекла линию, схватила сахар и стала его грызть. Сержант бесстрастно обозревал собаку несколько секунд и сам пошел к линии. Он поколебался, но затем перешагнул через нее. Ничего не произошло. С растущей уверенностью он сделал еще пару шагов. Несколько грачей прокаркали, пролетая над ним. Он проводил их глазами. Грачи направились к Мидвичу.

— Эй, на рации,— позвал сержант.— Сообщите в штаб Оннли. Пораженная зона, кажется, очистилась. Подтверждение дадим после следующих осмотров.

Несколькими минутами раньше в поместье Киль Гордон Зеллаби с трудом шевельнулся и издал стон. Затем он понял, что лежит на полу и что в комнате, в которой еще мгновение назад было светло и тепло, даже слишком тепло, теперь темно и холодно.

Он поежился, ему показалось, что никогда он еще так не замерзал. Он промерз насквозь, и каждая его клеточка болела.

В темноте послышался еще какой-то звук. Дрожащий голос Ферелин произнес:

— Что случилось?.. Папа? Анжела? Где вы?..

Зеллаби пошевелил ноющей и непослушной рукой и сказал:

— Я здесь... Почти замерз. Анжела, дорогая моя...

— Рядом с тобой, Гордон,— ее голос был совсем близко.

Он протянул руку и наткнулся на что-то, но его руки так окоченели, что он не мог понять, что это. На другом конце комнаты раздался голос.

— Я вся окоченела! О, господи,— жаловалась Ферелин.— Я не верю, что это мои ноги.— Она остановилась на мгновение.— Что это за крысиный шорох?

— Я думаю, что это мои зубы,— сказал Зеллаби с усилием.

Послышался еще звук, затем стук колец на оконных шторах, и комната наполнилась серым светом.

Зеллаби посмотрел на камин и не поверил своим глазам. Мгновение назад он положил новое полено в камин, а сейчас там не было ничего, кроме кучи золы. Анжела, сидящая рядом с ним, и Ферелин у окна тоже смотрели на камин.

— Да что же это такое, в самом деле?..— начала Ферелин.

— Шампанского?— предложил Зеллаби.

— Что ты, папа!

Несмотря на протесты жены и дочери, Зеллаби попытался встать. Оказалось, что это слишком болезненно, и он решил немного собраться с силами. Ферелин, пошатываясь, подошла к камину. Она протянула к нему руку и стояла так, дрожа.

— По-моему, он потух,— сказала она.

Ферелин хотела взять газету, но окоченевшие пальцы не слушались. Она посмотрела на газету озадаченно, затем достала несколько щепок из корзины и бросила их на газету, но никак не могла зажечь спичку.

— Мои пальцы не хотят слушаться,— чуть не плача, сказала она.

С усилием она прижала спички к камину. Кое-как ей удалось зажечь одну. Ферелин поднесла ее к газете, и пламя вспыхнуло.

Анжела встала и, шатаясь, подошла к камину. Зеллаби подполз к ним на четвереньках. Щепки начали потрескивать. Все трое стали жадно греть руки. Онемевшие пальцы понемногу отходили.

— Странно,— сказал Зеллаби сквозь зубы,— что я дожил до своих лет и только сейчас осознал, почему люди поклоняются дождю и огню.

Два потока санитарных машин, пожарных, полицейских, джипы и армейские грузовики съезжались в Мидвич. Они встретились в центре, на площади. Гражданский транспорт подъехал тоже, и его пассажиры вышли. Армейские грузовики окружили аббатство. Исключением был маленький красный автомобиль, который развернулся, въехал в поместье Киль и остановился у дверей дома.

Алан Хьюг ворвался в кабинет Зеллаби, схватил Ферелин, сидевшую на ковре у камина, и прижал ее к себе.

— Господи! Любимая моя, с тобой все в порядке?— воскликнул он, все еще тяжело дыша.

— Милый мой...— сказала она, словно в этом заключался ответ.

После паузы Гордон Зеллаби заметил:

— С нами тоже, мне кажется, все в порядке, хотя мы в растерянности. И очень замерзли. А вы?

Алан, кажется, только что заметил их.

— О!— начал он и запнулся.— Боже! Что-нибудь согревающего, и мигом!— и Алан выбежал из комнаты, потянув Ферелин за собой.

— Что-нибудь согревающего, и мигом,— пробормотал Зеллаби.— Сколько прелести в простой фразе.

Итак, когда мы с Джанет спустились к завтраку в восьми милях от Мидвича, нас ждали новости. Подполковник Уосткот уехал пару часов назад, а наша деревенька просыпалась, как и всегда раньше.

На дороге Мидвич-Стоуч все еще стоял полицейский пикет, но, будучи жителями Мидвича, мы миновали его быстро и, проехав через такие знакомые и совершенно обыденные окрестности Мидвича, добрались до нашего коттеджа без всяких помех. Мы не раздумали, в каком виде найдем наш дом, но причин для беспокойства не было. Коттедж стоял нетронутым. Мы вошли, расположились, как обычно, и начали заниматься намеченными делами, не замечая никаких неприятных изменений, за исключением того, что молоко в холодильнике прокисло, так как электричество было отключено.

Час спустя после возвращения, события предыдущего дня стали казаться мне нереальными. Когда мы вышли поговорить с соседями, то оказалось, что чувство нереальности случившегося у них более выражено. Ничего удивительного в этом не было, так как, заметил мистер Халабен, они знали о положении дел только то, что не смогли лечь в постель ранним вечером и пришли в себя утром ужасно замерзшими, остальное были только слухи. Нельзя было не поверить, что во время этой паузы прошел целый день, так как весь остальной мир не мог ошибиться, но сам Халабен считал это неинтересным событием, так как интересным может быть только осознанное. Поэтому он предложил не обращать внимания на происшедшее и сделать все возможное, чтобы забыть, что один день из его жизни был выброшен, словно его и не было.

Такой выход оказался несколько легким, так как сомнительно, чтобы что-то смогло в то время вызвать какую-то сенсацию. Было в этом деле несколько интересных, многообещающих фактов, но они не оправдали себя. Среди них одиннадцать несчастных случаев, и что-то можно было из этого извлечь, но даже здесь недостаток деталей и подробностей не давал возможности возбудить читательский интерес. Рассказы тех, кто это пережил, были однообразны и лишены всякого драматизма и напряжения, так как им нечего было рассказать, кроме воспоминаний о холодном пробуждении.

Теперь мы могли залечить наши раны, определить наши потери и в целом прийти в себя после событий, которые стали известны, как «Потерянный день».

Нашими одиннадцатью жертвами были: мистер Уильям Грант, фермер, его жена и маленький сын, погибшие во время пожара в коттедже, еще одна пара сгорела также в своем доме, другой фермер Герберт Фел был обнаружен мертвым рядом с коттеджем миссис Хариман, что было трудно объяснить. Муж последней был в то время на работе в пекарне. Гарри Крайнхарт, один из двоих мужчин, которых наблюдатели видели лежащими у кабачка «Коса и камень», также погиб от удара при падении. Четверо других были все людьми старыми, переохлаждение вызвало у них пневмонию и лечение не смогло их спасти.

Еще с неделю военные приезжали в Мидвич и офицерские машины сновали туда-сюда, но центром внимания была не сама деревня, и потому жители не очень беспокоились. Внимание бы-

ло приковано к развалинам аббатства, где был поставлен постоянный патруль для охраны огромной впадины, которая, очевидно, была оставлена каким-то предметом, приземлившимся здесь. Инженеры изучали этот феномен, проверяя опытами и делая фотографии. Техники обшарили это место с миноискателями, счетчиками Гейгера и другой аппаратурой. Затем внезапно военные потеряли интерес к этому делу и удалились.

Исследования на Ферме продолжались немного дольше, и среди работающих там был Бернард Уосткот. Он несколько раз заезжал к нам, но ничего нового не сообщил, а мы не спрашивали о деталях. Мы знали не больше, чем остальные в деревне: что секретные работы продолжаются. До того, как объявить о своем отъезде в Лондон, Бернард не заговаривал о том злополучном Потерянном Дне. Но в этот раз, когда разговор стих, он сказал:

— У меня к вам есть предложение. Если оно вам подойдет...

— Послушаем и решим,— сказал я.

— Основное вот в чем: нам очень важно, чтобы кто-то наблюдал за деревней и знал, что здесь происходит. Мы, конечно, можем оставить здесь одного из наших людей, но против этого есть некоторые возражения. Во-первых, ему надо быть своим человеком в деревне, а во-вторых, сомнительно, чтобы мы могли обеспечить его работой на это время, а если он не будет здесь постоянно, то какая с него будет польза? Если же, с другой стороны, мы сможем найти надежного человека, который уже знает место и людей и будет нам письменно сообщать о новостях, это будет выгодно со всех сторон. Как вы думаете?

Я размышлял минуту.

— Вообще-то, это нам не очень нравится. Все будет зависеть от того, в чем будут заключаться наши обязанности?— я посмотрел на Джанет, сидящую рядом.

— Это выглядит так, словно нас пригласили шпионить за нашими друзьями и соседями,— заметила она холодно.— Думаю, что нам это не подойдет.

— Да,— поддержал ее я.— Это же наш дом.

Бернард кивнул, словно ожидал именно такой реакции.

— Вы считаете себя частью этого общества?— спросил он.

— Мы стремимся к этому,— ответил я.

Он снова кивнул.

— Хорошо, что вы, по крайней мере, начали чувствовать обязательства по отношению к нему. Это основное, что нужно человеку, который возьмется за наше дело.

— Не совсем понимаю, зачем вообще нужна слежка. Сотни лет Мидвич обходился без этого. По крайней мере, внимания самих жителей вполне достаточно.

— Ты прав,— заметил он.— До сегодняшнего дня. А теперь, однако, Мидвич нуждается во внешней помощи, и он ее получит. А вот своевременно ли он ее получит, будет зависеть от правильной информации о том, как идут здесь дела.

— Какого вида помощь? Против чего?

— В основном, в настоящий момент против всех, кто любит лезть не в свое дело,— сказал Бернард.— Мой друг, неужели ты думаешь, что только по чистой случайности события в Мидвиче не попали в газеты в тот же день? И случайно ли толпы журналистов не докучали всем жителям Мидвича, когда деревня открылась?

— Конечно, нет,— ответил я.— Естественно, я знаю, что это дело безопасности, ты сам мне говорил — и я не был удивлен. Я не знаю, что делается на Ферме, но знаю, что там все в тайне.

— Но усыплена была не только Ферма,— заметил он,— а все на милю вокруг.

— Но Ферма входит в эту зону. Наверное, это была основная цель. Вполне возможно, что влияние не могло быть сконцентрировано на меньшей площади или эти люди, кто бы они ни были, посчитали, что так будет надежнее.

— Именно так думают в деревне? — спросил он.

— Большинство так, с некоторыми вариантами.

— Значит, все сваливают на Ферму?

— Естественно. Что еще могло быть интересного в Мидвиче?

— Ну, тогда, предположим, я скажу, что имею основание считать, что Ферма не имеет ничего общего с этим, что наше тщательное расследование и подтверждает.

— Но тогда все становится сущей бессмыслицей,— возразил я.

— Естественно, не в том смысле, конечно, что любую катастрофу или аварию можно считать в какой-то мере бессмыслицей.

— Катастрофу? Ты имеешь в виду вынужденную посадку?

Бернард пожал плечами.

— Этого я вам сказать не могу. Возможно, случайность состоит как раз в том, что Ферма оказалась в том месте, где произошло приземление. Но я все к тому, что почти все в деревне побывали под действием странного и почти незнакомого явления. И теперь вы и все остальные здесь считают, что действие закончилось и все закончилось вместе с ним. Почему?

Мы с Джанет уставились на него.

— Ну,— сказала она,— прилетели и улетели, а почему бы и нет?

— Просто прилетели, ничего не делали и улетели без всякого влияния на что-либо?

— Не знаю. Никакого видимого влияния, кроме несчастных случаев.

— Никакого ВИДИМОГО влияния,— повторил Бернард.— В наши дни это почти ничего не значит, правда? Вы, например, можете получить серьезную дозу рентгеновского или гамма-излучения и без всякого видимого немедленного эффекта. Не беспокойтесь, это только к примеру. Если бы что-то в этом роде было, мы бы обнаружили. Все в порядке. Но что-то, чего мы не смогли обнаружить, присутствует. Что-то совсем незнакомое нам, что может вызвать нечто, назовем это — искусственный сон. Замечательное явление — совершенно не объяснимое и не тревожное. Вы действительно думаете, что такое возможно? Но нужно наблюдать внимательно. Так или нет?

Джанет начала сдаваться.

— Вы имеете в виду, что мы или кто-то другой должны для вас наблюдать и записывать все последствия?..

— Я за надежный источник информации о Мидвиче в целом. И хочу быть каждый день в курсе, как обстоят дела здесь, и если будет необходимо предпринять какие-то шаги, я буду знать все обстоятельства и смогу сделать это в подходящее время.

Это выглядит теперь как благородная миссия, сказала Джанет.

В каком-то смысле так оно и есть. Мне нужны регулярные доклады о состоянии здоровья, ума и морали населения в Мид-

виче, чтобы я мог по-отечески приглядеть за ним. Речь идет не о шпионаже, я хочу действовать в интересах Мидвича, если будет необходимо.

Джанет пристально посмотрела на него.

— А что, вы думаете, может здесь произойти, Бернард? — спросила она.

— Разве я делал бы вам такое предложение, если бы знал? Я принимаю все меры предосторожности. Мы не можем наложить карантин, но можем наблюдать, по крайней мере... Что вы на это скажете?

— Я не знаю пока, — сказал я ему. — Дай нам пару дней подумать, я сообщу тебе.

— Хорошо, — сказал он. И мы продолжали разговаривать на другую тему.

Мы с Джанет обсуждали это предложение последующие несколько дней.

— У него что-то на уме, я уверена, — говорила она. — Но что?

Я не знал.

Джанет продолжала перебирать аргументы.

— Это не будет отличаться от того, что делают медицинские работники?

«Да, не будет», — подумал я.

— Если не мы, то он найдет кого-нибудь другого, — подытожила она. — Я не знаю, право, кто возьмется за это в деревне. И будет совсем уж неприятно, если он пригласит кого-то со стороны.

Все это было так.

В итоге, зная о стратегическом пункте мисс Огл на почте, я не позвонил, а написал Бернарду о том, что мы нашли возможным наше сотрудничество, и получил ответ — предложение встретиться в Лондоне. В письме не было и тени благодарности. Бернарду просто хотелось, чтобы мы наблюдали за тем, что происходит в настоящее время.

Мы наблюдали. Но замечать было практически нечего. Через две недели после Потерянного Дня только немногое еще напоминало о нем. Меньшинство, которое чувствовало, что секретность не дала им возможности попасть в газеты и стать национальными героями, уже успокоилось, остальные были рады, что их обыденный порядок жизни был прерван ненадолго.

Другое разделение местных взглядов касалось Фермы и ее работников. Одни считали, что Ферма имеет непосредственное отношение к событию и если бы не ее загадочная деятельность в Мидвиче, ничего бы не произошло. Другие считали, что Ферма помогла избежать более серьезных последствий, и видели в ней благословение.

Артур Кримм, директор исследовательской станции, снимал один из коттеджей в поместье Зеллаби. Встретив его однажды, Зеллаби выразил мнение большинства, что деревня в неоплатном долгу у исследователей.

— Если бы не ваше присутствие и не соответствующие интересы службы безопасности, — сказал он, — мы бы, без сомнения, пострадали от гораздо худшего нашествия, чем в тот Потерянный День. Наша уединенность была бы разрушена, наша впечатлительность оскорблена тремя современными фуриями: печатью, радио и телевидением. Итак, несмотря на неудобства, которые, я уверен, были многочисленными, вы можете, по крайней мере, получать благодарность жителей Мидвича, чья жизнь осталась нетронутой.

Мисс Полли Райтон, почти единственный гость, приехавший в то время в Мидвич, завершила свои каникулы у дяди и тети и вернулась в Лондон. Алан Хьюг, к своему ужасу, узнал, что его не только неожиданно отправляют на север Шотландии, но и задерживают на службе еще на несколько недель. Большую часть своего времени он проводил теперь в спорах с начальством, а остальную, судя по всему, посвящал переписке с мисс Зеллаби. Миссис Хариман, жена пекаря, придумав серию очень неправдоподобных обстоятельств, приведших к тому, что Герберт Фел был обнаружен в ее саду, нашла выход в постоянных напоминаниях о подозрительном прошлом своего мужа. Почти все остальные жили, как прежде.

Таким образом, через три недели все происшедшее казалось уже далеким прошлым. Даже новые надгробные плиты, казалось, стояли уже много лет. Миссис Крайнхарт, ставшая вдовой, уже оправилась и ничем не показывала, что ее положение расстраивает ее или является бременем.

Мидвич несколько встряхнулся — довольно необычно, но совсем чуть-чуть, в третий или четвертый раз за последнее столетие.

Теперь я подхожу к технической трудности, так как я объяснил, что эта история не обо мне, а о Мидвиче. Если бы я должен был изложить информацию так, как она ко мне поступала, я бы очень запутал дело. Это была бы какая-то путаница людей и событий, последствия шли бы раньше причин, их вызывающих, поэтому мне необходимо переосмыслить информацию, не обращая внимания на даты, когда я ее получил, и поставить ее в хронологическом порядке. Если читателю покажется в результате, что писатель обладал сверхнаблюдательностью, он должен понимать, что это просто следствие того, что я пишу, оглядываясь назад, в прошлое.

Во всем этом спокойствии наблюдались и очаги беспокойства. Как-то мисс Ферелин Зеллаби упомянула в одном из своих писем Алану Хьюгу, что ее подозрения полностью подтвердились. В этом письме она объяснила, что не понимает, как это могло случиться. В соответствии со всем, что она знала, этого просто не может быть, но факт остается фактом: она, кажется, забеременела. Впрочем, и «кажется» было не совсем подходящим словом, так как она была совершенно уверена. А поэтому не сможет ли она на недельку приехать, чтобы кое-что обсудить?

Позже я узнал, что Алан был не первым, кто узнал эти новости Ферелин. Она была взволнована и озадачена некоторое время и за два-три дня до того, как написать Алану, решила, что пришло время, чтобы семья знала об этом. С одной стороны, она очень нуждалась в совете и объяснении, которого не было ни в одной прочитанной ею книге, с другой стороны, она считала, что сделать этот шаг — более достойно, чем ждать, пока кто-нибудь догадается сам.

Она решила, что Анжела подойдет лучше других. Мама, конечно, тоже хорошо, но лучше сказать ей позже, когда что-то будет предпринято (это был один из тех случаев, когда мама могла выйти из себя).

Однако, принять решение оказалось куда легче, чем приступить к его осуществлению. С утра в среду Ферелин была настроена очень решительно: она найдет момент, уведет Анжелу куда-нибудь и объяснит все. К несчастью, такой момент все не насту-

пал. Среда прошла, затем утро четверга, а днем у Анжелы было заседание женского института, после чего она вернулась усталая. Был один момент в пятницу, но все же не совсем тот, так как отец был со своими гостями в саду и уже накрывали на стол к чаю. Итак, то одно, то другое,— в субботу Ферелин все еще не открыла своей тайны. «Я должна ей сказать сегодня, даже если не все будет к тому расположено. Так может тянуться неделями»,— сказала она себе твердо, когда одевалась.

Гордон Зеллаби уже кончил завтракать, когда она вышла к столу. Он рассеянно поцеловал ее. Затем его поглотили свои заботы: он обошел сад в глубокой задумчивости и удалился в свой кабинет.

Ферелин поела хлопьев, выпила кофе и принялась за яичницу с ветчиной. После пары кусочков она отодвинула свою тарелку достаточно решительно, чтобы Анжела оторвалась от своих размышлений и посмотрела на нее.

— Что случилось?— спросила она с другой стороны стола.— Яйца несвежие?

— О, все в порядке,— ответила Ферелин.— Просто мне сегодня не хочется есть.

Анжела пропустила ответ мимо ушей, хотя Ферелин надеялась, что она спросит «почему?» Внутренний голос подбадривал Ферелин: «Может, теперь? В конце концов, какая разница, раньше или позже?» Она задержала дыхание.

— Дело в том, Анжела, что мне сегодня с утра плохо.

— О, в самом деле?— спросила мачеха и слегка наклонилась над столом, чтобы отрезать кусочек хлеба. Накладывая мармелад, она добавила?— И мне тоже. Ужасно, правда?

Ферелин решила довести дело до конца:

— Дело в том, что мне плохо не просто так. Мне плохо от того, что у меня будет ребенок.

Анжела рассматривала ее несколько мгновений с нескрываемым интересом, а затем медленно кивнула:

— У меня тоже.— И она с особым тщанием намазала остальную часть хлеба.

Ферелин от удивления приоткрыла рот. К ее стыду и смущению, она почувствовала себя явно шокированной. Но... Но, а все же, почему бы и нет? Анжела была на шестнадцать лет старше ее самой, и ее состояние было так же естественно, только... Ну, как-то никто не мог подумать... В конце концов, папа был почти дедушкой по своей первой женитьбе... Кроме того, это было как-то неожиданно. Не то, чтобы Анжела стала нехорошей, нет, она была чудесной, и все ее любили, и Ферелин тоже, как старшую сестру... К этому можно было привыкнуть...

Она продолжала смотреть на Анжелу, тщетно пытаясь что-нибудь сказать, но как-то все перевернулось. Анжела не видела Ферелин. Она смотрела куда-то вдаль через окно. Ее темные глаза сияли. Их сияние росло и превратилось в две слезинки, скатившиеся по ее щекам. Ферелин все сидела, словно парализованная. Она никогда не видела Анжелу плачущей. Анжела была не таким человеком.

Мачеха наклонилась вперед и уронила голову на руки. Ферелин вскочила, словно освободившись от чего-то. Она подбежала к Анжеле, обняла ее, прижала к себе, стала гладить ее волосы, шепча какие-то слова, утешая ее.

Во время этой паузы Ферелин не могла не почувствовать неожиданность всего происходящего. Ей казалось, что они поменялись местами. Правда, сама Ферелин не собиралась рыдать на плече у Анжелы, но все было так непохоже на действительность, что Ферелин засомневалась, не спит ли она.

Очень скоро Анжела, однако, взяла себя в руки. Она стала дышать спокойно и уже искала платок.

— Извини, что я такая дурочка, но я так счастлива.

— Да,— ответила Ферелин.

— Понимаешь,— объяснила Анжела,— я не совсем верила этому сама, а вот сказала тебе, и это стало реальностью. Я всегда мечтала о ребенке. Но ничего не происходило, и я почти готова была забыть об этом. А теперь это действительно случилось, и я... я... — Анжела снова начала плакать тихо, умиротворенно.

Несколько минут спустя она окончательно успокоилась, вытерла глаза и решительно убрала платок.

— Ну хватит,— сказала она.— Я никогда не думала, что в слезах есть какой-то толк. Однако...— она посмотрела на Ферелин,— я становлюсь совсем эгоисткой. Извини, дорогая моя.

— О, все хорошо. Я рада за тебя,— сказала Ферелин великодушно. Помолчав, добавила:— Я сама не настроена плакать, просто немного испугалась.

Слова эти удивили Анжелу. Она не ожидала от Ферелин такого ответа. Она посмотрела на падчерицу, только сейчас осознав всю важность ситуации.

— Испугалась?— повторила она.— Я не думаю, что тебе надо бояться. Это неприятно, конечно, но мы не будем пуританами. Во-первых, надо убедиться, что ты права.

— Я права,— сказала Ферелин мрачно.— Но я не понимаю. У тебя все совсем по-другому: ты замужем, и все такое...

Анжела не обратила на это внимания. Она продолжала:

— Ну, тогда надо дать знать Алану.

— Да, наверное,— согласилась Ферелин без всякого энтузиазма.

— Конечно, глупышка. Достаточно посмотреть на него. Естественно, я не могу быть уверена, но не удивлюсь, если он будет рад. Но, Ферелин, в чем дело?

Она замолчала, озадаченная выражением лица Ферелин.

— Ты не поняла, Анжела. Это был не Алан.

Выражение симпатии исчезло с лица Анжелы. Ее лицо стало холодным. Она собиралась встать.

— Нет!— воскликнула Ферелин в отчаянии.— Ты не поняла меня, Анжела! Это не то. Никого не было, понимаешь? Поэтому я и боюсь.

В течение этих двух недель три молодые девушки в Мидвиче исповедались викарию Либоди. Он крестил их детьми, знал их и их родителей очень хорошо. Все они были интеллигентными и не распущенными девушками. И каждая в исступлении повторяла:

— Не было никого, викарий, вот почему я и боюсь.

Когда Хариман, пекарь, случайно услышал, что его жена была у врача, он вспомнил: тело Герберта Фела было найдено в его саду. И избил жену, хотя она в слезах повторяла, что Герберт в дом не входил и вообще ей нечего делать ни с ним, ни с любым другим мужчиной.

Молодой Том Дороти вернулся домой в отпуск из восемнадцатимесячного плавания, и когда узнал, что его жена в положении,

собрал вещи и увел к матери. Но та велела ему вернуться к перепуганной женщине. И когда он не сдвинулся с места, сказала ему, что она сама, уважаемая вдова, несколько испугана и не могла бы сказать, как это случилось. Том Дороти вернулся домой и нашел свою жену лежавшей на полу в кухне и возле нее склянку из-под аспирина. Испугавшись, он побежал за доктором...

Одна же очень молодая женщина неожиданно купила велосипед и стала гонять по дорогам Мидвича с бешеной скоростью.

Две молодые женщины были найдены в обмороке в горячих ваннах. Три — неожиданно падали, споткнувшись. Несколько неожиданно пострадали от необычного желудочного отравления.

Даже мисс Огл заметили на почте поедающей странную пищу, которая состояла из копченой сельди, хлеба и маринованных артишоков.

Наконец, последовал вызов врача к Рози Платч, которая выпила содержимое бутылки с надписью «Яд». Хорошо, что в ней было совершенно не то, что ожидала бедная Рози, но все равно врачу пришлось потрудиться. Закончив, врач Уиллерс прожал от бессильной ярости. Рози Платч было только семнадцать лет.

Безмятежное спокойствие, в котором вот уже два дня находился Зеллаби после свадьбы Ферелин и Алана, было нарушено появлением доктора Уиллерса. Доктор, все еще расстроенный недавним случаем с Рози Платч, был в таком возбужденном состоянии, что Зеллаби с трудом понимал цель его визита. Мало-помалу он, однако, сообразил, что доктор и викарий решили просить его о помощи, не совсем его, а Анжелу, и в не совсем понятном деле.

— Все пока обходится благополучно,— сказал Уиллерс,— но это вторая попытка самоубийства за неделю. В любой момент возможна еще одна, успешная. Мы должны раскрыть это дело и снять напряжение. Мы не можем позволить себе отсрочку.

— Что касается меня, то дело действительно необходимо раскрыть. О чем вы, доктор?— поинтересовался Зеллаби.

Уиллерс посмотрел на него и потер лоб.

— Извините,— сказал он.— Меня это так закрутило, что я забыл, что вы ничего не знаете. Я о неожиданных беременностях.

— Неожиданных?— Зеллаби поднял брови.

Уиллерс, как мог, постарался объяснить, почему они странные.

— Все это имеет какую-то ограниченную зону,— заключил он,— и викарий, и я полагаем, что это связано с другим явлением, которое было у нас, а именно — с Потерянным Днем.

Зеллаби некоторое время рассматривал его. В одном сомневаться не приходилось — в искренности беспокойства доктора.

— Это любопытная теория,— сказал он.

— Не более, чем любопытная ситуация,— вставил Уиллерс.— Однако это подождет. А вот женщины, которые сейчас на грани истерии, ждать не могут. Некоторые из них — мои пациентки, многие — будут, если состояние напряжения не будет снято,

доктор закончил фразу, покачивая головой.

— Много женщин? спросил Зеллаби.

Не могу сказать точно.

Ну, а примерно? Нужно иметь представление, с чем мы имеем дело.

— Я бы сказал... от 65 до 70.

— Что?— Зеллаби уставился на него, не веря своим ушам.
— Я вам уже сказал, что это дьявольски трудная проблема.
— Но если вы не уверены, то почему 65?
— Потому что это мой участок. Я повторяю: 65 — это число женщин в деревне, которые могут иметь детей.

Поздно вечером, после того, как Анжела Зеллаби, усталая и потрясенная, ушла спать, Уиллерс сказал:
— Жаль наносить такой удар, Зеллаби, но она скоро все равно бы узнала. Надеюсь, что другие женщины воспримут это хотя бы наполовину так же спокойно, как ваша жена.
Зеллаби кивнул.
— Замечательная она, правда? Интересно, как бы вы или я восприняли такое потрясение?
— Адские дела,— согласился Уиллерс.— Итак, большинство замужних женщин восприняли все спокойно, но теперь, чтобы остановить развитие неврозов у незамужних, нам тоже придется их огорчить, но иного пути нет, насколько я могу судить.
— Я весь вечер думаю об одном: как много мы должны им сказать?— произнес Зеллаби.— Пусть все остается загадкой, дадим им возможность самим делать выводы. Или есть лучший путь?
— Но, черт возьми, это же действительно загадка, не так ли?— вставил доктор.
— Много загадочного в том, каким образом все произошло.
— Ну, могут быть разные выкладки.
Зеллаби вздохнул.
— Но вывод...— начал он и остановился, глядя на фотографию Ферелин.— Господи! И Ферелин тоже? Полагаю, вы просто не знаете.
Уиллерс поколебался.
— Я не могу быть уверенным,— сказал он.
Зеллаби взъерошил волосы и откинулся в кресле. Он задумчиво смотрел минуты две на ковер. Затем поднялся и в привычной манере начал говорить:
— Имеются три, нет — четыре возможных предположения. Кроме того, есть и соображения против, к которым я подойду позднее.
— Хорошо,— согласился доктор.
Зеллаби кивнул.
— Есть ли возможность хотя бы среди некоторых низших форм стимулировать партеногенезию...
— Но не среди высших форм, насколько я знаю, не среди млекопитающих.
— Хорошо, тогда искусственное осеменение.
— Возможно,— подтвердил доктор.
— Но вы так не думаете?
— Нет.
— И я тоже. Тогда,— продолжал Зеллаби немного мрачно,— остается возможность чужеродного внедрения, которая может вылиться в то, что кто-то, Хаксли, по-моему, назвал ксеногенезис. То есть производство форм, не похожих на родителей, или, можно сказать, «хозяина». Это будет не настоящая мать.
Доктор Уиллерс нахмурился.
— Я надеюсь, что это не придет им в голову.
Зеллаби покачал головой.
— Оставьте надежду, мой друг. Возможно, это не придет им в голову сразу, но все равно наиболее образованным это придет в

голову. Мы можем согласиться, не так ли, что исключаем партеногенезис, ведь нет ни одного документально подтвержденного случая.

Доктор кивнул.

— И здесь насилие невозможно из-за простой математики. Просто невозможно, чтобы в любой многочисленной группе наугад выбранных женщин более двадцати пяти процентов из них были на одинаковом сроке беременности.

— Ну...— начал доктор с сомнением.

— Хорошо. Давайте договоримся о 33. Но тогда, если ваша оценка верна, нынешняя ситуация все равно практически невероятна. Следовательно, нравится нам это или нет, остается четвертая — последняя возможность. Во время этого Потерянного Дня должно было иметь место внедрение оплодотворенного яйца.

Уиллерс выглядел сокрушенным, но было ясно, что его еще не до конца убедили.

— Не согласен с вами, что последняя. Могут существовать другие варианты, которые просто не приходят нам в голову.

Зеллаби сказал с нетерпением:

— А вы можете предложить другой путь оплодотворения, который бы не входил в противоречие с математическим барьером? Нет? Очень хорошо, из этого следует, что это не может быть зачатие, это инкубация.

Доктор вздохнул.

— Хорошо. В этом я с вами согласен!— сказал он.— Но, со своей стороны, вопрос о том, как это случилось, меня волнует постольку-поскольку. Меня волнует благополучие моих пациенток и тех, кто ими будет.

— Вас это будет волновать немного позднее,— сказал Зеллаби,— потому что все они имеют одинаковый срок, значит, роды пройдут в ограниченный период времени. В конце июня или в первую неделю июля. В случае, если все остальное будет нормально, конечно.

— Сейчас,— твердо продолжал Уиллерс,— моя главная цель — снять беспокойство, а не возбудить его. И поэтому мы должны сделать все возможное, чтобы скрыть теорию внедрения как можно скорее и на возможно длительный срок. Иначе все это может вызвать ненужную панику. Для их пользы я и прошу вас относиться с пренебрежением ко всем предложениям такого рода, которые вам встретятся.

— Да,— согласился Зеллаби после некоторого раздумья.— Пожалуй, я согласен, в данном случае это — вынужденная цензура.— Он нахмурился.— Трудно понять, как женщина смотрит на все это. Могу сказать только то, что если бы я был призван, даже при самых благоприятных обстоятельствах, произвести на свет новую жизнь, такая перспектива внушала бы мне страх, а имей бы я какую-нибудь причину подозревать, что на свет появится непредсказуемая форма жизни, я, вероятно, сошел бы с ума. С большинством женщин такого не случилось бы, они морально более стойки, но некоторым из них все равно могло бы быть очень плохо, поэтому убедительно отмести такую причину будет лучшим решением.— Он задумался.— Теперь мы должны разработать линию, по которой моя жена будет действовать. Есть несколько вещей, от которых необходимо отгородиться. Это, прежде всего, огласка.

— О боже, конечно,— сказал Уиллерс.— Как только пресса узнает об этом...

— Сохрани нас Бог от этого. Ежедневные комментарии в течение шести месяцев. Они-то, конечно, не упустят ксеногенезиса. Пойдут конкурсы прогнозов и предсказаний. Хорошо, Милитари Интеллидженс удалось избежать огласки Потерянного Дня в газетах. Посмотрим, что они смогут сделать теперь.

— Да, нужна поддержка.

Подготовка к тому, что мы неофициально назвали собранием особой экстренности, величайшей экстренности для всех женщин Мидвича, была интенсивной. Нас навестил сам Гордон Зеллаби, которому удалось внести в обращение драматическое напряжение.

Когда в деревне стало известно, что очередное занятие по гражданской обороне, или что-то напоминающее его, в данном деле не играет роли, нахлынуло еще большее удивление: что же могло заставить доктора, викария, их жен, районную акушерку да еще и обоих Зеллаби так беспокоиться, чтобы обзвонить всех и передать персональное приглашение, известить, что не будет никакого сбора пожертвований и даже подадут бесплатный чай. Все это вызвало такой интерес даже у самых подозрительных, что зал был переполнен к назначенному часу.

Анжела Зеллаби, немного более бледная, чем обычно, и доктор с викарием сидели на возвышении. Доктор нервно курил, викарий казался погруженным в размышления, от которых время от времени отрывался, чтобы высказать какое-либо замечание миссис Зеллаби, а она с отсутствующим видом отвечала ему. Минут десять они ждали, пока все успокоятся, затем доктор попросил закрыть двери и открыл собрание коротким, но мало понятным призывом отнестись ко всему серьезно. Викарий поддержал его и свое выступление закончил так:

— Я со всей серьезностью прошу вас прослушать все, что скажет миссис Зеллаби. Мы перед ней в неоплатном долгу за ее согласие выступить перед вами. Я хочу также добавить, что на все, что она скажет, есть наше согласие — мое и доктора. Все это сделано только потому, что я уверен: женщина женщину поймет лучше. Вот мы и обременили ее таким заданием. А теперь мы с доктором Уиллерсом покинем зал, но останемся в вестибюле. Когда миссис Зеллаби закончит, мы, если потребуется, вернемся сюда и постараемся ответить на ваши вопросы. А теперь переключите ваше внимание на миссис Зеллаби.

Он кивнул доктору, и оба они вышли через дверь на возвышении. Она закрылась за ними, но не плотно.

Анжела выпила стакан воды, посмотрела на свои руки, лежащие на записях. Затем подняла голову, ожидая, когда затихнут разговоры. Когда все смолкло, она внимательно осмотрела зал, словно замечая каждое лицо.

— Во-первых, я хочу предупредить вас,— начала она,— что мне будет трудно объяснить, а вам не менее трудно поверить в то, что вы услышите.

Она опустила глаза и продолжала:

— Я жду ребенка. Я очень, очень рада и счастлива. Вполне естественно для женщины хотеть иметь ребенка и быть счастливой, зная, что будут дети. И совсем неестественно и даже плохо бояться их. Дети должны нести радость. К несчастью, есть в Мидвиче женщины, которые не могут позволить себе таких чувств.

Некоторые из них стыдятся и боятся. Ради них мы и собрались. Помочь им и заверить их, что не нужно переживать.

Она снова оглядела зал.

— С вами случилось то, что очень странно. И случилось это почти со всеми женщинами Мидвича, которые могут иметь детей.

Зал сидел неподвижный и молчаливый, все глаза сосредоточились на Анжеле. Прежде чем закончить, она почувствовала справа от себя какое-то движение. Посмотрев туда, Анжела увидела и мисс Латирли, и ее постоянную приятельницу мисс Ламб. Анжела остановилась на середине предложения и обождала. Она слышала возмущенный тон мисс Латирли, но слов разобрать не могла.

— Мисс Латирли,— громко сказала она,— я правильно поняла, вы не считаете, что наш разговор лично вас касается?

Мисс Латирли встала и, дрожа от возмущения, произнесла:

— Да, вы правильно поняли. Никогда в моей жизни...

Мисс Латирли стояла, твердо глядя на миссис Зеллаби.

— Все это...— начала она, но передумала.— Хорошо, миссис Зеллаби, я в другое время заявлю свой протест против неслыханных наветов, которыми вы награждаете наше общество.

Она повернулась с негодованием и помедлила, явно ожидая, что мисс Ламб последует за ней. Но мисс Ламб не сдвинулась с места. Мисс Латирли нетерпеливо нахмурилась и посмотрела на нее. Мисс Ламб упрямо продолжала сидеть. Мисс Латирли открыла было рот, чтобы что-то сказать, но выражение лица приятельницы остановило ее. Мисс Ламб старалась не встречаться с ней взглядом. Она смотрела прямо перед собой, пока ее лицо не загорелось красной краской.

Странный тихий звук вырвался из груди мисс Латирли. Она протянула руку, чтобы ухватиться за стул. Ничего не говоря, она смотрела на свою подругу. За несколько минут она постарела и осунулась. Ее рука упала со спинки стула. Огромных усилий стоило ей собраться. Она решительно подняла голову, глядя вокруг невидящими глазами. Прямая и немного неуверенная, она одна последовала в конец зала.

Анжела молчала. Она ожидала взрыва комментариев, но ничего не последовало. Аудитория казалась шокированной и растерянной. Все люди снова повернулись к ней в ожидании. В тишине она вспомнила, на чем остановилась. Стараясь деловитостью снизить то эмоциональное напряжение, которое подняла мисс Латирли, она с усилием продолжала свое выступление.

Анжела видела, как мисс Ламб наклонилась вперед, прижав к глазам платочек, а добрейшая миссис Грант пыталась ее утешить. Но не только мисс Ламб нашла себе утешение в слезах. То здесь, то там вспыхивало что-то близкое к истерике, но не было ничего похожего на взрыв, которого она так боялась.

С чувством облегчения, довольная собой Анжела продолжала еще несколько секунд наблюдать за залом. Решив, что первая волна схлынула, она постучала по столу. Бормотание и всхлипывание прекратились, и все повернулись к ней. Анжела глубоко вздохнула:

— Ребенок ожидает от жизни счастья. Но жизнь трудная, и для некоторых из нас она будет еще труднее. Справедливо это или несправедливо, нравится нам это или нет, все мы: и замужние, и одинокие — находимся в одной лодке. Для презрения нет никаких оснований (и не должно быть). Все мы были поставлены в

одинаковые условия, и если какая-нибудь замужняя женщина будет считать себя более других добродетельной, ей лучше подумать: как она сможет доказать, что ребенок, которого она носит, от ее мужа. Все это случилось со всеми нами. Мы должны ради всего лучшего сплотиться вместе. Нам нечего стыдиться, и нет между нами никакой разницы, за исключением того, что те, кто лишен любви своих мужей, лишен и помощи в трудный час, они будут нуждаться больше остальных в нашем сочувствии и заботе.

Она продолжала развивать эту мысль, пока не поняла, что на нее обратили внимание и запомнили. Потом перешла к другому аспекту.

— Но все это — наше личное дело, ни у кого из нас не может быть более важного личного дела. Я уверена, вы со мной согласитесь... Мы должны с этим справиться без постороннего вмешательства. Вы все, должно быть, знаете, как рвутся дешевенькие газеты ко всему более-менее необычному. Они создают снежную лавину, выставляют людей напоказ, как на ярмарке. И в результате жизнь людей, их дом, их дети им самим уже не принадлежат. Вы все читали в газетах об одном случае, когда в семье родилось сразу несколько детей, а потом профессора медицины, поддержанные правительством, вмешались, и вскоре родителей лишили их детей. Ну, а я не собираюсь терять своего ребенка таким образом, и я жду и надеюсь, что все вы чувствуете то же. Поэтому, если мы не хотим иметь, во-первых, массу неприятностей (а я предупреждаю, что если все станет общеизвестным, то разговоров в клубе, баре не оберешься, и с самыми отвратительными вымыслами) и, во-вторых, вполне вероятно, что детей у нас отнимут под предлогом изучения. Все мы должны не только не упоминать, но и не намекать вне деревни о наших делах. В наших силах самим решать, без вмешательства министерств и газет. Если в Трейне или еще где-нибудь будут интересоваться или незнакомцы начнут задавать вопросы, мы не должны, ради себя и наших детей, говорить что-либо. Мы должны делать вид, словно в Мидвиче нет ничего необычного. Ни в коем случае нельзя показывать, что мы что-то скрываем. Если мы будем вместе и заставим мужчин понять, что и они должны быть с нами вместе, мы не возбудим к себе интереса, и нас оставят в покое, как это обычно бывает. Это наше личное дело, и как будущие матери, мы будем защищать своих детей.

Она еще раз внимательно осмотрела аудиторию, как и в начале выступления. И закончила:

— Теперь я попрошу викария и доктора вернуться. Если вы не будете возражать, я присоединюсь к вам через несколько минут. Я знаю, что у вас масса вопросов.

Она выскользнула в маленькую комнату за спиной.

— Прекрасно, миссис Зеллаби, это действительно прекрасно,— сказал мистер Либоди.

Доктор Уиллерс сжал ей руку.

— Думаю, вы отлично справились, дорогая моя,— сказал он, следуя за викарием на сцену.

Зеллаби проводил ее к креслу. Она села и откинулась на спинку, закрыв глаза. Ее лицо было бледным и измученным.

— Думаю, тебе лучше пойти домой,— сказал ей Зеллаби.

— Нет, я буду в порядке через несколько минут. Я должна вернуться.

— Они могут обойтись и без тебя. Ты сделала все то, что от тебя требовалось, и сделала прекрасно.

— Я знаю, что должны чувствовать эти женщины. Это так невероятно, Гордон. Надо дать им возможность задавать вопросы и выговориться так, как им захочется. Они должны свыкнуться с этой мыслью. Им нужно чувство всеобщей поддержки. Я знаю по тому, что тоже нуждаюсь в этом.

Она подняла руку и отвела волосы.

— Ты знаешь, Гордон, я только что говорила неправду.

— Что именно, дорогая? Ты так много говорила.

— О том, что я рада и счастлива. Два дня назад это была абсолютная правда. Я хотела ребенка — нашего, твоего и моего. А теперь боюсь. Я очень боюсь, Гордон.

Он сжал ее плечи. Она со вздохом положила голову на его руку

— Дорогая моя Анжела,— сказал он, нежно гладя ее волосы.— Все будет хорошо. Мы присмотрим за тобой.

— Ничего не знать! — воскликнула она.— Знать только, что там кто-то развивается, не быть уверенным, кто и как... Я начи наю чувствовать себя, как животное.

Он легко поцеловал ее в щеку, продолжая гладить волосы.

— Ты не должна волноваться,— сказал он ей.— Я готов спорить, что когда он или она появятся на свет, ты, бросив лишь один взгляд на младенца, скажешь: «О боже! Да ведь это нос Зеллаби!» А если нет, мы вместе постараемся справиться с выпавшей на нашу долю судьбой. Ты не одинока, моя дорогая, и ты не должна чувствовать себя одинокой. Я с тобой, Уиллерс тоже. Мы все готовы помочь тебе, всегда. Она повернула голову и поцеловала его.

— Гордон, дорогой, я должна идти,— объявила она.

Зеллаби несколько мгновений смотрел ей вслед, затем пододвинул кресло к незакрытой двери, закурил сигарету и уселся, выясняя — по вопросам женщин — настроение деревни.

Задачей на январь было ослабить потрясение и управлять реакцией, чтобы таким образом сформулировать определенное отношение к происшедшему. Собрание можно было считать успешным. Атмосфера разрядилась, и присутствующие, выведенные из полуоглушенного состояния, приняли предложение о всеобщей солидарности.

Организаторы думали, что несколько человек будут держаться в стороне, но они также, как и остальные, не имели ни малейшего желания допускать в свою личную жизнь посторонних. Более того, те, кто хотел устроить шумиху, поняли, что деревня устроит им бойкот. Когда смущение уступило место уверенности, когда установилось некое равновесие среди незамужних женщин между испуганными, несчастными и упорно самоуверенны ми, когда атмосфера уже не очень отличалась от той, что предшествовала празднествам и цветочным карнавалам, вновь утвержденный комитет почувствовал, что он добился успеха в наведении порядка.

Возникший комитет — Уиллерс, семья Либоди и Зеллаби, сестра Даниэла — был пополнен также мистером Артуром Крим мом, который был выбран, чтобы защищать интересы нескольких возмущенных исследователей с Фермы, которые обнаружили, что и они вовлечены во внутреннюю жизнь маленького Мидвича.

Когда пять дней спустя комитет вновь собрался, то члены его поняли: завоевание надо беречь. Отношение к происходящему,

которое было успешно создано, могло вылиться в обыкновенный предрассудок, если его аккуратно не направлять в нужное русло. Хотя бы в течение некоторого времени его необходимо было поддерживать и направлять.

— Мы должны организовать что-то напоминающее кампанию по спасению при стихийных бедствиях, но не внушая людям, что ситуация действительно соизмерима с бедствием.

Подобное предложение вызвало всеобщий возглас одобрения, лишь миссис Либоди, казалось, сомневалась.

— Но,— сказала она с сомнением,— мы должны быть честны.

Присутствующие посмотрели на нее с удивлением.

— Я имею в виду,— продолжала она,— что происшедшее можно отнести к разряду бедствий, не так ли? В конце концов без всякой причины ничего не случается. И в нашем случае есть причины, которые надо найти, и побыстрее.

Анжела смотрела на нее, нахмурившись.

— Что-то я вас не понимаю,— сказала она.

— Я хочу сказать, что когда в обществе происходит что-то необычное, то тому должны быть причины. Вспомните хотя бы бедствия Египта, Содома...

Последовала напряженная пауза. Зеллаби почувствовал, что необходимо как-то разрядить обстановку.

— С моей стороны, я считаю бедствие Египта непоучительным примером запугивания, техника его хорошо изучена и называется она — политика силы. Что касается Содома... — он остановился, перехватив взгляд жены.

— Э-э,— протянул викарий, осознав, что от него чего-то ждут.

Анжела пришла ему на помощь.

— Я думаю, вам не стоит волноваться об этом, миссис Либоди. Бесплодие, конечно, является классической формой заклятия, но я лично не помню примера, где возмездие приняло бы форму плодородия. И потом... это едва ли кажется благоразумным.

— Это зависит от плода,— мрачно возразила миссис Либоди.

Последовала еще одна неловкая пауза. Все, за исключением мистера Либоди, смотрели на миссис Либоди. Доктор Уиллерс попытался поймать взгляд сестры Даниэлы и затем вновь посмотрел на Дору Либоди, которая не показала вида, что всеобщее внимание ей неприятно. Она окинула всех извиняющимся взглядом.

— Извините, но боюсь, что причиной всему — я,— сказала она.

— Миссис Либоди...— начал доктор.

Она неодобрительно подняла руку.

— Вы добры,— сказала она.— Я знаю, вы хотите пощадить меня. Но пришло время признаться. Я грешница. Если бы я родила своего ребенка двенадцать лет назад, ничего бы не случилось. Теперь я должна искупить грех, нося ребенка, который не от моего мужа. Вполне понятно, что я очень огорчена: из-за этого страдаете все вы. Но это приговор.

Викарий, красный и обеспокоенный, вмешался, не дав ей договорить:

— Я думаю, э-э, вы извините нас...

Все задвигали стульями. Сестра Даниэла подошла к миссис Либоди и начала с ней разговор. Доктор Уиллерс наблюдал за ними, пока не заметил, что мистер Либоди сидит рядом с ним. Он успокаивающе положил руку ему на плечо:

— Это было потрясением для нас. Я ожидал несколько таких случаев, и ничего удивительного. Хороший сон изменит настроение. Я зайду к вам завтра утром.

Через несколько минут они разошлись, задумчивые и подавленные.

Политика, проводимая Анжелой, имела значительный успех. В оставшееся время в январе мы стали свидетелями такой программы общественной активности и душевного добрососедства, которая могла оставить в стороне только самых ярых противников.

В конце февраля я смог сообщить Бернарду, что все идет гладко. Я сообщил ему детали, накопившиеся со времени моего последнего доклада, но не смог дать подробной информации о мнениях и разговорах, преобладающих на Ферме, хотя он просил меня об этом. Исследователи или придерживались мнения, что эти события входят в круг секретности, или считали, что будет спокойнее вести себя так, как будто ничего и не произошло.

Мистер Кримм по-прежнему был единственным связующим звеном между Фермой и деревней, и мне казалось, что узнать какую-нибудь информацию от него я смогу, либо получив разрешение открыть мой официальный интерес, либо Бернард должен встретиться с ним сам. Бернард предпочел последнее, и во время ближайшего визита Кримма в Лондон была устроена их встреча. Он зашел к нам на обратном пути, почувствовав необходимость поделиться некоторыми волнующими его заботами.

— Все это неприятно,— жаловался он.— Я просто не знаю, как мы будем распутываться с этими «сексуальными» проблемами, с разрешениями отлучиться... А потом это повлияет на весь план работы. Я объяснил подполковнику Уосткоту, что если его департамент действительно серьезно намеревается сохранить все дело в секрете, они должны делать это на высоком официальном уровне. В ином случае мы должны будем вскоре представить нашему начальству соответствующие объяснения. Я думаю, он уяснил мое положение. Но, клянусь моей жизнью, не вижу, какой аспект может заинтересовать в этом деле Милитари Интеллидженс.

— Вот жалость,— сказала Джанет.— А мы надеялись, что вы, поговорив с подполковником, узнаете что-нибудь и посвятите нас.

Казалось, жизнь в Мидвиче течет гладко, но чуть позднее одно из подводных течений вырвалось наружу и создало нам массу беспокойства.

После заседания комитета, которое преждевременно закончилось из-за миссис Либоди, он прекратил дальнейшую деятельность по наведению порядка и спокойствия в деревне. Но в один из мартовских дней викарий из Трейна, сопровождаемый своей женой, привез ее домой на машине. Они нашли ее, заявил викарий мистеру Либоди, на рынке, где она проповедовала, стоя на перевернутом ящике.

— Проповеди?— удивился мистер Либоди с некоторой неловкостью.— А о чем?

— О, ну это было нечто фантастическое,— уклончиво ответил викарий.

— Но я должен знать. Я уверен, доктор спросит об этом.

— Ну, это было что-то типа призыва к покаянию перед Судным днем. Жители Трейна должны покаяться и молить о проще-

нии в страхе перед бедствиями, муками и адовым пламенем. Довольно диссидентские призывы, я бы сказал. И ко всему — никаких контактов с жителями Мидвича, которые уже страдают от Божьего недовольства. Если в Трейне не обратят внимание на это предупреждение, наказание постигнет и их.

— О,— еле сдерживая себя, сказал Либоди.— Она не сказала, в какой форме будет наказание?

— Божья кара,— сказал викарий,— наказание в виде детей. Это, конечно, вызывало в ответ сквернословие. Правда, как только моя жена обратила мое внимание на э-э... состояние миссис Либоди, дело стало более понятным, но не менее угнетающим. Я... О, вот и доктор Уиллерс,— он замолчал с явным облегчением.

Неделю спустя, в середине дня, миссис Либоди заняла позицию на нижней ступеньке Мемориала войны и начала говорить. Она была по этому случаю босой и одетой в платье из дерюги. Волосы ее были посыпаны пеплом. К счастью, не так много народа бывает в это время на улицах, и миссис Грант проводила ее домой до того, как она разошлась. Разговоры об этом через час расползлись по всей деревне. Вскоре стала гулять новость о том, что доктор Уиллерс рекомендовал ей отдохнуть в доме отдыха, что было воспринято больше с жалостью, чем с удивлением.

В середине марта Алан и Ферелин впервые после их свадьбы посетили Мидвич. Анжела не хотела беспокоить Ферелин положением дел в Мидвиче, пока она жила в маленьком городке среди незнакомых людей в ожидании отставки Алана. Озабоченность Алана, конечно, углубилась, когда он узнал все. Ферелин слушала, не перебивая, только поглядывая на Алана. Она прервала молчание:

— Вы знаете, у меня такое чувство, что это какая-то шутка. Я имею в виду...— Она замолчала, пораженная неожиданной мыслью.— О, как ужасно! Удар в спину для бедного Алана. Это может быть основанием для развода? О, дорогой! Ты хочешь развестись?

Зеллаби слегка наклонился, поглядев на дочь. Алан обнял Ферелин.

— Я думаю, мы еще немного подождем, ладно?— ласково сказал он.

— Дорогой,— сказала Ферелин, беря его за руку.

Затем она повернулась к Анжеле и попросила ее рассказать подробнее о реакции жителей деревни. Полчаса спустя они вышли, оставив мужчин вдвоем. Алан дождался, когда дверь плотно закроется.

— Вы знаете, сэр, по-моему, это удар ниже пояса.

— Да, да, вы правы. Приступ предрассудков — самое болезненное явление. Я говорю о нас, о мужчинах. Для женщин это, к несчастью, лишь первое препятствие.

— Это ужасное потрясение для Ферелин, впрочем, боюсь, и для Анжелы тоже,— добавил он поспешно.— Конечно, нельзя ожидать, что Ферелин сразу поймет все трудности. В такие вещи надо вникнуть.

— Мой дорогой,— сказал Зеллаби,— как муж Ферелин вы имеете право думать о ней все, что хотите. Но единственное, чего вы должны избегать для вашего собственного спокойствия,— это недооценивать ее. Она, уверяю вас, поняла много больше и глубже. Мне кажется, она немного сэкономила. Конечно же, она все по-

няла, ведь она знает, что если будет выглядеть озабоченной, то вы станете беспокоиться о ней.

— Вы думаете? — уныло спросил Алан.

— Да. Более того, такое поведение вполне благоразумно. Бесполезные волнения утомляют. Лучшее, что может сделать человек в подобной ситуации, так это понять причину беспокойства, предпринимая практические шаги. Я предлагаю вам результат моих напряженных изысканий. Вы даже не представляете, сколько старинных поговорок, гаданий старых цыганок, предсказаний вспомнили в деревне. Мы стали в какой-то мере собирателями фольклора. Вы знаете, что в положении опасно проходить через кладбище в ночь на пятницу? Практически самоубийство — носить зеленое! Если нож или игла, упав, втыкается в пол, то будет мальчик, вы знаете об этом? Нет, я думаю. Но ничего. Я составил этот букет из цветов человеческой мудрости в надежде, что они успокоят моих издателей.

С надлежащей вежливостью Алан спросил, как продвигаются его труды. Зеллаби грустно улыбнулся.

— Я должен сделать последнюю часть «Британских огней» к концу следующего месяца. Я уже написал три главы. Если бы я помнил, с чем они связаны, без сомнения, нашел бы их устаревшими. Когда над головой висит топор, трудно сосредоточиться.

— Что меня больше всего поражает, так это то, как вы ухитряетесь держать в тайне все происходящее. Я бы сказал, что у вас для этого не было никаких возможностей, — заметил Алан.

— И я так думал, — подтвердил Зеллаби, — и все шокированы. Я думаю, это что-то вроде «голого короля», слишком велика правда, чтобы в нее верить. Но заметьте, и в Оннли, и в Стоуче говорят о некоторых из нас не лестные вещи, хотя, по всей видимости, они не имеют понятия о действительных масштабах событий. Говорят, что в обеих деревнях ходят слухи о том, что мы все позволили себе участвовать в одном из старинных веселеньких праздников перед Днем всех святых. Во всяком случае, некоторые сворачивают, когда мы проходим мимо.

— Вы уверены, что в миле от вас не имеют ни малейшего представления о том, что происходит в действительности? — спросил Алан.

— Я бы так не сказал. Они просто не хотят этому верить. Они, должно быть, наслышаны вполне достаточно, но считают, что все это сказка, придуманная, чтобы скрыть что-то более нормальное, но отвратительное. Уиллерс был прав, когда говорил, что защитный рефлекс оградит нормального человека от подобных сенсаций, пока дело не попадет в прессу. Одно слово в газетах — и все восемьдесят-девяносто процентов кинутся в крайность и поверят всему. Циничное отношение к нам этих двух деревень даже на руку. От них ничего интересного газеты не добьются, информация может исходить только от нас.

Самым тяжелым в первые недели после объявления реального положения дел стали стрессы. Мужья, когда обнаружили, что никто не смеет посмеяться над ними, так как разработана специальная система защиты тайны, стали более разумными. Разногласия между мисс Ламб и мисс Латимли были улажены через несколько дней после того, как мисс Латимли перенесла потрясение. Мисс Ламб теперь находилась под таким прессом преданности, что его было трудно отличить от тирании.

Одно время было трудно с Гиллм. О, ее нужно было видеть! Светловолосая, толстенькая, с красными пухлыми щечками.

Она долго протестовала, заявляя, что предпочитает кукол и что для нее все слишком сложно.

Зеллаби привел еще несколько интересных случаев. После паузы Алан сказал:

— Вы говорили, что есть еще десять женщин, которые могли бы быть впутанными в это дело, но оказались вне его?

— Да, пятеро из них находились в автобусе на пороге из Оннли. И были на виду в течение всего Потерянного Дня. И это, по крайней мере, опровергает теорию оплодотворяющего газа, которая становится научным ужасом наших дней, — ответил Зеллаби.

«Я жалею, что обстоятельства не позволяют официально поздравить вашу деревню с успешно проведенной операцией, — писал мне Бернард в начале мая. — Она проводилась осторожно и со всеобщей поддержкой, которая, честно говоря, удивила и поразила нас. Большинство из нас считали, что будет необходимо принять какие-то официальные меры. Теперь, спустя только семь недель, мы надеемся, что обойдется без этого. Наибольшую заботу сейчас доставляет миссис Фразер из штата мистера Кримма, но это не лежит виной ни на деревне, ни на самой девушке. Ее отец, военный морской капитан, довольно странный человек, что-то задумал со своей дочерью. К счастью, мы организовали встречу с некоторыми влиятельными людьми и вовремя. Каковы ваши мысли? Переживает ли Мидвич все это?»

Ответить на это письмо было не так просто.

Если бы не всеобщая грусть, наверное, все казалось вполне приемлемым. С другой стороны, нельзя было избавиться от мысли, что за поворотом ждет что-то неизвестное, маленький детонатор, который может взорвать все.

У нас были свои взлеты и падения, и мы преодолевали их.

Иногда они приходили ниоткуда и распространялись, как инфекция. Для наиболее истеричных и предрасположенных к панике доктор Уиллерс быстро организовал рентген, который показал, что все выглядит вполне нормально.

Положение в мае можно было охарактеризовать, как «улучшение», но со вспыхивающим желанием начать битву. Доктор Уиллерс, рьяно выступающий за то, чтобы рожать уехали в Трейнский госпиталь, отменил свой совет, так как если в детях будет что-то ненормальное, то все предыдущие попытки держать в секрете окажутся бесполезными. С другой стороны, в Грейне не было столько места для такого феномена, как одновременное появление всего женского населения Мидвича, и одно это разожгло бы интерес общественности. Поэтому Уиллерс изматывал себя, чтобы сделать как можно лучше местные приготовления. Сестра Даниэла трудилась без устали, и вся деревня благодарила всевышнего, что День случился в то время, когда она отсутствовала. Уиллерс, понятное дело, выписал временного помощника. Маленькая комната в местном муниципалитете стала складом, и несколько больших коробок от мануфактурных и химических фирм к тому времени уже прибыли.

Мистер Либоди тоже почти выдохся. Было жалко его в связи с поведением миссис Либоди, и в деревне его уважали как никогда ранее. Миссис Зеллаби стойко придерживалась своей линии на солидарность и, поддерживаемая Джанет, продолжала заявлять, что Мидвич встретит все, что бы ни произошло, нерушимым

объединенным фронтом. Я был полностью поглощен их работой.

Мистер Кримм имел некоторые трудности и послал подполковнику Уосткоту письмо, заявив, что единственной возможностью избежать общественного скандала будет перевод Фермы из гражданского ведомства в военное. И все же он не понимал, почему военная разведка так интересуется всей этой историей.

В середине мая произошло ощутимое изменение. До этого дух Мидвича не был так наполнен нездоровым ожиданием, как сейчас, когда все напряглись.

— Пора нам приниматься за дело!— сказал доктор Уиллерс мистеру Зеллаби.

— Есть некоторые препятствия: нытье глупых старух...— возразил Зеллаби.— Хорошо, если бы оно прекратилось.

— Это только одно из препятствий. А их намного больше.

Зеллаби немного помялся, но продолжал стоять на своем:

— Да, мы можем попытаться. Мы уже много предприняли, чтобы избежать большого беспокойства.

— Гораздо больше, чем кажется, и почти все благодаря миссис Зеллаби,— сказал доктор.

Зеллаби подумал, а затем решился:

— Я очень озабочен ее состоянием, Уиллерс. Не могли бы вы поговорить с ней?

— Поговорить? О чем?

— Она гораздо больше взволнована, чем показывает. Это появилось два дня назад. Ничего особенного вроде бы не вызывало эту вспышку; но я вдруг осознал, что она смотрит на меня ненавидящими глазами, а на самом деле вы знаете, как она ко мне относится. А потом, хотя я и молчал, она воскликнула: «Для мужчины все просто! Он не проходит через все это сам. Он знает, что никогда и не поймет. Как он может понять? Он может переживать, но он всегда в стороне. Он не знает, что это на самом деле, даже когда все нормально, а уж о том, что происходит сейчас... Что значит лежать ночами и думать о том, что тебя просто использовали, словно ты больше не личность, а какой-то механизм, инкубатор. И так час за часом, ночь за ночью. Чем может быть тот, кто стал просто инкубатором? Конечно, ты-то это понять не сможешь. Это невозможно, это убивает. Я скоро сойду с ума. Я не выдержу все это...»

Зеллаби покачал головой, замолчав.

— Чертовски мало мы можем сделать. Я даже не пытался ее остановить. Я думал, ей будет легче, если она выговорится. Но я был рад, если бы вы могли поговорить с ней, уверить ее. Она знает, что все обследования говорят, что развитие ребенка нормально, но она вбила себе в голову, что профессиональная необходимость заставляет вас говорить так в любом случае.

— Все верно,— сказал доктор.— Я не знаю, что бы я делал, если бы это было не так, но, конечно, так не может продолжаться. Я уверяю вас, что мои пациентки не испытывают такого облегчения от сознания того, что все в порядке, как я сам. Не беспокойтесь, я поговорю с ней, и все будет хорошо.

Через неделю стало ясно, что предсказание Уиллерса бледнеет перед действительностью. Чувство напряженности росло и становилось ощутимей день ото дня.

В конце следующей недели объединенный фронт Мидвича несколько ослаб. Мистеру Либоди приходилось нести все более и

более тяжелую ношу всеобщей тревоги. Он делал все возможное, организовывал ежедневную помощь, в остальные дни разъезжал от одной беременной к другой, подбадривал каждую, как мог.

— Недооценка,— говорил Зеллаби.— Я не работал ни на одной пороховой фабрике, но представляю, что это может значить. Я чувствую, что в любую минуту что-то бесконтрольное, ужасное может произойти. И все же нам ничего не остается, как только ждать и надеяться, что этого не произойдет. Честно говоря, не знаю, как мы проживем еще месяц или около того.

Но процесс неожиданно стал еще и развиваться. Мисс Ламб, у которой вошло в привычку совершать небольшие прогулки под присмотром мисс Латирли, стала тому причиной. Одна из бутылочек из-под молока, аккуратно поставленная к задней стене коттеджа, случайно была кем-то перевернута, и когда они вышли, миссис Ламб наступила на нее. Бутылка покатилась — и она упала. Мисс Латирли втащила ее обратно в дом и рванулась к телефону.

Миссис Уиллерс все еще ждала мужа, когда он вернулся спустя пять часов. Она не услышала, как подъехала машина. Когда открылась дверь, он стоял на пороге, усталый и небритый. Таким жена его видела один или два раза за всю их совместную жизнь. Она обеспокоенно схватила его за руку.

— Чарли, Чарли, дорогой, что там? Не...

— Я пьян, Милли, извини. Не обращай на меня внимания,— сказал он.

— О, Чарли, ребенок, он...

— Просто реакция, дорогая. Только реакция. Ребенок прекрасный, понимаешь. Никаких отклонений и осложнений. Никаких. Он безупречен.

— Слава богу!— воскликнула миссис Уиллерс.

— У него золотые глаза,— сказал ей муж.— Смешно и забавно. Надеюсь, никто не возражает против золотых глаз?

— Нет, дорогой. Ну, конечно, нет.

— Само совершенство, за исключением глаз. Золотых глаз. И больше никаких осложнений.

Миссис Уиллерс помогла ему снять пиджак и проводила его в гостиную. Он упал в кресло, затем вдруг сел, ошарашенно оглядываясь.

— Так глупо, да?— сказал он.— Все беспокойства... А он безупречен... Я, я...— он неожиданно разрыдался.

Миссис Уиллерс села на ручку кресла и обняла мужа.

— Ну, ну, мой дорогой, все хорошо, милый. Теперь все уже позади,— она повернула к себе его лицо и нежно поцеловала.

— Мог родиться черным, желтым, зеленым, как мартышка. Рентген тут не поможет. Если все женщины Мидвича последуют за мисс Ламб, ей нужно будет поставить икону в церкви.

— Знаю, дорогой, знаю. Но ты не должен больше тревожиться об этом. Ты ведь сказал, что он безупречен.

Уиллерс несколько раз утвердительно кивнул.

— Правильно, безупречен,— повторил он и снова кивнул.— Вот только золотые глаза. Золотые глаза, прекрасные. Безупречен. О боже, как я устал, Милли.

Месяцем позже Гордон Зеллаби мерил шагами комнату ожидания в лучшем Трейнском роддоме. Затем он понял, что нужно пересилить себя и сесть. В его годы подобное поведение выглядит смешным, сказал он себе. Для молодого человека все это выглядело бы совершенно естественно, а последние недели убедили его

в том, что он больше не молод. Он чувствовал себя вдвое старше, чем год назад. Однако, когда через десять минут вошла сестра, она обнаружила, что он вышагивает по коридору.

— У вас мальчик, мистер Зеллаби,— сказала она.— И миссис Зеллаби велела передать, что у него ваш нос.

Прекрасным июльским утром Гордон Зеллаби, выйдя из почтового отделения, встретил маленькую семейную процессию, идущую из церкви. В центре была девушка, несущая ребенка, завернутого в белое. Она была слишком молода, чтобы выглядеть матерью этого ребенка, едва старше школьницы. Зеллаби лучезарно улыбнулся, и все улыбнулись ему в ответ. Но вот они прошли, а его глаза, глядящие вслед девочке, стали грустны.

Когда он вошел на церковный двор, навстречу ему вышел викарий.

— Здравствуйте, викарий. Все поете на крестинах?— сказал он.

Мистер Либоди приветствовал его, и они вместе зашагали по тропинке.

— Уже легче. Осталось двое или трое.

— И будет сто процентов?

— Почти. Должен признаться, я не ожидал этого. Но я думаю, они чувствуют, что хотя крещение и не урегулирует все это дело, но все же это лучше. Я рад, что они так делают,— он помолчал.— Вот эта молоденькая Мэри Хистон. Она выбрала имя Теодор. Выбрала сама, по собственному желанию. Я рад этому.

Зеллаби задумался, а затем кивнул:

— Я тоже рад, викарий, очень рад. И вы знаете, в этом неплохое признание для вас.

Мистер Либоди казался польщенным, но покачал головой.

— Нет, не для меня. То, что такой ребенок, как Мэри, захотела назвать свое дитя «Даром божьим» вместо того, чтобы стыдиться его,— это заслуга всей деревни. Совместная работа с прекрасным капитаном — миссис Зеллаби.

Некоторое время они шли молча, затем Зеллаби сказал:

— Однако факт остается фактом, как бы девочка это ни восприняла. Она обворована. Из ребенка она превратилась во взрослую женщину. По-моему, это грустно. У нее не было возможности расправить крылья. Время поэзии и романтики прошло. Ей остается только грустить об этом.

— Возможно, кто-то и согласится, но я сомневаюсь в этом. Поэтому поэзия встречается все реже... Но не только в этом дело, теперь нужно больше темперамента, чем в наши времена, чтобы перейти сразу от игрушек к детям.

Зеллаби покачал головой с сожалением.

— Полагаю, вы правы. Всю мою жизнь я считал предосудительными утопические взгляды женщин. И всю мою жизнь девяносто процентов из них показывали мне, что их это нисколько не волнует.

— Конечно, есть такие, кто не был обворован совсем,— вставил Либоди.

— Вы правы. Я только что заглянул к мисс Огл. Она не из таких. Она все еще растеряна, но она довольна. Можно подумать, она сотворила какое-то колдовство, сама не зная как.

Он помолчал и продолжил:

— Моя жена сказала, что через несколько дней возвращается миссис Либоди. Мы очень рады это слышать.

— Да, доктора удовлетворены ее состоянием.
— А как ребенок?
— С ним все в порядке,— ответил мистер Либоди грустно.— Она его обожает.
Он остановился у ворот сада.
— Да,— кивнул Зеллаби.— А что с мисс Фершам?..
— Она очень занята. Все еще считает, что щенки куда интереснее детей, но я замечаю, что это убеждение начало ослабевать.
— Даже самые упорные принимают случившееся,— согласился Зеллаби.— Как мужчина, я нахожу, что после сражения все успокаивается.
— Да, сражение было. Но сражение — только высшее проявление борьбы. А бороться еще придется много.
Зеллаби посмотрел на него более внимательно, а мистер Либоди продолжал:
— Кто они, эти дети? Есть нечто удивительное в их золотых глазах. Они...— он поколебался и добавил: — Я думаю, это не вид иного создания, которое вручает себя нам, но я постоянно возвращаюсь к тому, что должна быть какая-то проверка.
— Кого? Кем?
Мистер Либоди покачал головой:
— Возможно, мы никогда не узнаем. Какой-то тест мы уже прошли. Мы могли бы отвергнуть ситуацию, но мы приняли ее, словно это наше дело.
— Будем надеяться, что мы поступили правильно,— сказал Зеллаби.
Либоди выглядел ошарашенным.
— Но что еще?
— Не знаю. Да и кто может сказать, как нам поступать дальше?
На том они и расстались. Либоди собирался зайти еще к кому-то, а Зеллаби в задумчивости продолжал свою прогулку. Сделав всего несколько десятков шагов, он встретил мисс Бринкман. Она расторопно толкала перед собой коляску с ребенком. Внезапно она остановилась как вкопанная, беспокойно глядя на свое чадо. Затем она вынула ребенка из коляски, присела на ступени Мемориала войны и, расстегнув блузку, начала кормить ребенка грудью. Зеллаби некоторое время наблюдал за ней, но вскоре продолжил прогулку. Подойдя ближе, он приветливо поднял шляпу. Мисс Бринкман раздраженно взглянула на него, краснея, но не шевелясь. Она заговорила, как будто заикаясь:
— Мое поведение естественно, не так ли?
— Конечно,— заверил ее Зеллаби.
— Раз так, то уходите,— сказала она и заплакала.
Зеллаби медлил.
— Не могу ли я быть чем-нибудь вам полезным?
— Можете: уходите,— повторила она.— Уж не думаете ли вы, что мне приятно чувствовать себя выставочным экспонатом.
Зеллаби все еще не решался уйти.
— Она голодна,— сказала мисс Бринкман.— Вы бы поняли меня, если бы ваш ребенок был одним из них. А теперь, пожалуйста, уходите.
Зеллаби еще раз поднял шляпу и удалился, как его просили. Он шел, озадаченно хмурясь, сознавая: что-то упустил, что-то было скрыто от него.
На полдороге к поместью звук машины заставил его остановиться. Машина затормозила тоже. Обернувшись, он увидел не

продовольственный фургон, а маленький черный автомобиль Ферелин.

— Дорогая моя, — сказал он, — как это мило с твоей стороны. Я и не думал, что ты приедешь. Жалко, что меня забыли предупредить.

Но Ферелин не ответила на его улыбку. Ее лицо, немного бледное, было очень усталым.

— Никто не знал, что я приеду, даже я. Я не собиралась. — Она посмотрела на ребенка в люльке, стоящей на сидении рядом. — Это он заставил меня приехать, — сказала она.

На следующий день в Мидвич вернулось несколько человек. Первой была Маргарет Хексби из Норвича, вместе с ребенком. Она уже не состояла в штате Фермы почти два месяца, однако вернулась именно на Ферму, требуя приюта. Двумя часами позже приехала Диана Доусен из окрестностей Глечестера, тоже с ребенком и тоже с требованием предоставить ей место. С ней проблем было меньше, так как она все еще оставалась в штате, даже учитывая то, что она вернулась на несколько недель раньше запланированного срока. Третьей приехала мисс Полли Райтон из Лондона, которая находилась в глубокой депрессии после того, как я оказал помощь ее дядюшке, преподобному Хьюберту Либоди.

На следующий день приехали еще две бывшие сотрудницы Фермы, которые уже подписали бумаги на увольнение, но теперь дали понять, что именно Ферма должна найти для них комнаты в Мидвиче. После обеда приехала молоденькая мисс Дорри, которая жила с мужем в Девенпорте, а теперь решила пожить отдельно.

Вскоре вернулись и все остальные женщины, уехавшие из Мидвича с детьми, родившимися в один день.

Приехавших встретили по-разному. Мистер Либоди был рад своей племяннице. Доктор Уиллерс был обеспокоен и озадачен, опасаясь, как и миссис Уиллерс, что этот наплыв может вынудить доктора отложить отпуск, который она для него организовала.

Гордон Зеллаби обозревал этот интересный феномен с юридической сдержанностью. Единственный человек, на котором возвращение отразилось с наибольшей силой, был Кримм.

Несколько срочных писем было отправлено Бернарду. Дети появились в Мидвиче помимо желания их матерей и, чтобы избежать огласки, необходимо было принять срочные меры. План по уходу и поддержанию детей должен был быть принят на самом высоком официальном уровне.

Кримм жаловался, что он не способен самостоятельно справиться со всеми неурядицами, возникшими в его владениях. И что лишь вмешательство вышестоящих инстанций способно урегулировать положение дел на Ферме.

Доктор Уиллерс счел необходимым сочинить три послания. Первое он написал с использованием медицинских терминов, для протокола. Второе, более популярное, для всех желающих ознакомиться с ситуацией. Из того, что он написал, можно процитировать следующее:

«...выживаемость — сто процентов. Всего родилось — шестьдесят один: тридцать девочек и тридцать один мальчик. Проводилось только поверхностное обследование детей, но тем не менее можно выделить основные закономерности: ...наиболее но-

ражают глаза. По структуре они совершенно нормальны, но роговица уникальна по своей окраске — яркий, почти флюоресцирующий золотой цвет одинакового оттенка у всех. Волосы, мягкие и прекрасные, чуть темнее нормального блонда. Под микроскопом они плоские с одной стороны, и дугообразные с другой. Очертаниями похожи на букву «D». Образцы, взятые у восьми детей, совершенно одинаковые. Пальцы и ногти более узкие, чем обычно. Никакого предположения об образовании клешни, когтей или чего-нибудь в этом роде сделать не могу. В самом деле, ногти немного более плоские, чем обычно, но еще рано утверждать что-либо определенное. До сего времени в протоколах не могу найти ни одного такого случая.

В предыдущем отчете было высказано предположение, что дети чуждого нам происхождения, так как выделяются... одинаковостью. Тот факт, что они не похожи на своих родителей, лишь подкрепляет это мнение. Дополнительные исследования будут проведены лишь после того, как будет определена группа крови одного из родителей. Я не обнаружил в литературе описания других случаев гуманоидного ксеногенезиса, но несмотря на это, не вижу причин, почему бы он был невозможен. Об этом догадались многие женщины, непосредственные участницы событий. Наиболее образованные согласны с подобным выводом, остальные считают, что верить подобному утверждению унизительно, и просто не обращают на него внимания.

Несмотря на разногласия родителей, дети совершенно здоровы, хотя своим поведением отличаются от нормальных детей того же возраста. Отличительными чертами являются: отношение размера головы к размеру тела, более характерное для детей старшего возраста, и еще — удивительный, едва заметный серебристый оттенок кожи, который волнует родительские чувства и присущ всем без исключения детям..."

Полностью прочитав доклад, Джанет накинулась на доктора:

— Послушайте, а как же вынужденное возвращение матерей с детьми? Вы же не можете так просто опустить этот вопрос, перешагнув через него.

— Одна из форм истерии, вызвавшая коллективную галлюцинацию, возможно, временную, — ответил Уиллерс.

— Нет, все матери, образованные и не образованные, соглашаются, что дети принуждают их. Жившие вдали не хотели возвращаться сюда, но приехали, потому что были вынуждены. Я разговаривала со всеми мамашами, и все они говорят, что неожиданно почувствовали сигнал горя, от которого могут избавиться, только вернувшись в Мидвич. Их попытки описать это влияние отличаются, видимо, это действует на них по-разному: одни чувствовали себя стесненными, другие голодными или мучились от жажды, третьи ощущали в голове странный шум. Ферелин сказала, что она просто умирала от невыносимой головной боли. Но, как бы то ни было, они все чувствовали, что это связано с детьми и единственный путь избавиться от непрекращающихся страданий — привезти их сюда.

То же касается и мисс Ламб. Она тоже чувствовала себя плохо, но так как она болела и не могла встать с постели, принуждение переключилось на мисс Латирли: и она не могла вздохнуть свободно, пока не отвезла ребенка в Мидвич. Как только она остановилась у миссис Гранит, то, освободившись, смогла вернуться к мисс Ламб.

— Если мы будем принимать все эти сказки на веру,— сказал Уиллерс,— если мы будем помнить большинство пустых женских разговоров, мы просто перестанем удивляться их взглядам на жизнь, которые состоят из одних диспропорций, алогизмов и ночных кошмаров и в которых символические ценности перевешивают реальные. Что мы имеем на самом деле? Несколько женщин, ставших жертвой невероятного и необъяснимого феномена, и несколько детей, которые вовсе не их дети. Известно, что женщины склонны считать своих детей самыми лучшими. Если же женщина не контактирует с другими, то ей приходит в голову, что ее золотоглазый ребенок не совсем нормален по сравнению с другими детьми. Она напряженно ожидает ответа, либо подтверждающего, либо опровергающего ее подозрение. А для того, чтобы ребенок не выглядел ненормально, его следует поместить в среду ему подобных, в данном случае места лучше, чем Мидвич не найти. Именно поэтому женщины со своими золотоглазыми детьми и возвращаются в Мидвич.

— А мне кажется, что все происходит не совсем так,— возразила Джанет.— А что вы скажете о случае с мисс Велт?

Этот вопрос имел скрытый смысл: однажды Джанет, зайдя в магазин с миссис Грант, обнаружила ее за странным занятием. Вся в слезах, мисс Велт тем не менее раз за разом втыкала в себя иголку. Подобное поведение показалось миссис Грант ненормальным, поэтому она отвела ее к доктору. Уиллерс дал мисс Велт успокоительного, и когда ей стало лучше, она рассказала, что меняя пеленки, нечаянно уколола мальчика. Он пристально посмотрел на нее своими золотыми глазами, заставляя... вкалывать в себя иголку.

— Ну, извините, — ответил Уиллерс.— Если вы хотите рассказать еще о каких-то истерических припадках с выдиранием волос или с какими-нибудь другими симптомами,— расскажите, мне будет интересно.

— А Хариман тоже,— не унималась Джанет.

Хариман однажды появился в приемной Уиллерса в ужасном виде. Нос разбит, выбиты два зуба, оба глаза были подбиты. Он сказал, что был избит тремя неизвестными мужчинами, но тех никто не видел. С другой стороны, двое местных мальчишек утверждали, что видели в окно, как Хариман яростно лупил себя обеими руками. А на следующий день кто-то заметил синяк на лице ребенка Харимана.

Уиллерс пожал плечами.

— Если Хариман пожалуется, что его топтали два розовых слона, я не буду удивлен,— сказал он.

— Ну, если вы сами не вставите в свой отчет эти факты, я напишу дополнительный рапорт,— сказала Джанет.

И она сделала это. В заключение она написала: «Это не является, как считает доктор Уиллерс, следствием истерии, это просто факты. Ситуация должна быть принята как она есть, исследована и понята. Среди слабовольных есть тенденции к предрассудкам, стремление наделить детей магической силой. Такого сорта чепуха не приносит никакой пользы. Необходимо беспристрастное исследование...»

Исследования, хотя и в более общих направлениях, были темой третьего рапорта доктора Уиллерса, написанного в форме протеста.

«... В первую очередь, я не понимаю, почему Милитари Интеллидженс вообще интересуется этим делом. Во-первых, если уж на то пошло, интерес должен быть всесторонним.

Мои записи — это только наблюдения обыкновенного практикующего врача, а изучение должно быть разнообразным.

То, что военные вмешиваются во многие отрасли науки, к тому же без всякой необходимости,— абсурдно! Но такой феномен не должен замалчиваться и оставаться неизученным. Препятствие со стороны военных — просто скандал. Необходимо иметь возможность изучать сравнительное развитие детей хотя бы в рамках официальной секретности.

Подумайте о трудностях, с которыми удавалось наблюдать обычных тройняшек и четверняшек, и посмотрите на материал для наблюдения, который мы имеем. Шестьдесят одинаковых детей, таких одинаковых, что большинство матерей не могут их отличить, хотя и скрывают это. Подумайте о работах по изучению сравнительных данных в условиях одинакового окружения, общения, диет и всего остального. Все, что происходит сейчас,— это сжигание книг до того, как они написаны. Необходимо что-то предпринять, пока не все шансы потеряны...»

Все эти послания завершились кратким визитом Бернарда и целым вечером острых дискуссий. Дискуссии закончились частичным обещанием Бернарда расшевелить министерство здравоохранения на немедленные практические действия.

Когда остальные покинули нас, Бернард сказал:

— Теперь, когда официальный интерес к Мидвичу станет открытым, было бы очень полезно завоевать благорасположение Зеллаби. Сможете ли вы организовать встречу с ним?

Я позвонил Зеллаби, который сразу же согласился. После обеда я отвез Бернарда в Киль Мейн и оставил его там.

Он вернулся двумя часами позже и выглядел задумчивым.

— Ну,— спросила Джанет,— что же будет с сагой о Мидвиче?

Бернард посмотрел на меня.

— Мидвич меня заинтересовал,— сказал он.— Большинство ваших рапортов были отличны, но я сомневаюсь, что вы правильно воспринимаете Зеллаби. Я понимаю... Зеллаби говорит много, и иногда это просто сотрясение воздуха, но то, что вы передавали, касалось больше форм, чем содержания.

— Извини, если я тебя в чем-то повел по ложному следу,— согласился я.— Что касается Зеллаби, то вся трудность состоит в том, что сущность его очень уклончива, часто он высказывается только намеками. Далеко не все из того, что он говорит, необходимо вносить в рапорт, он упоминает о вещах вскользь, и, когда он выскажется, ты не знаешь, серьезно это — или просто его выкладки, игра с теориями. И нельзя быть уверенным в том, что он подразумевает. Все это только осложняет задачу.

Бернард кивнул.

— Теперь я все понимаю, сам прошел через это. Я потратил десять минут, излагая свою мысль: а не является ли цивилизация, если посмотреть на нее сугубо через призму биологии, формой упадка... А он перешел к вопросу о том, что разрыв между гомо сапиенс и остальными живыми существами не так уж велик, и предположил: не будет ли лучше для нашего развития, если нам придется удовлетвориться положением какого-то другого сапиенса или, по крайней мере, образца человека. Я понимаю, что все это имеет основание быть высказанным, но убейте меня,

я не понимаю значения его слов. Одно совершенно ясно: он все замечает. Кстати, он придерживается того же мнения, что и доктор, относительно обследования экспертами, но по другим причинам. Он считает, что это не истерия, и хочет знать, что же это на самом деле. Кстати, вы знали, что дочь Зеллаби пыталась увезти ребенка на машине на следующий день?

— Нет, я об этом не знала, — ответила Джанет. — А что значит пыталась?

— Только то, что через шесть миль она была вынуждена сдаться и вернуться домой. Ему это не понравилось. Зеллаби сказал так: «Плохо, когда мать устает от привязанности ребенка, — это серьезно». Он чувствует, пора что-то предпринять.

Прошло почти три месяца, пока Алан Хьюг освободился, чтобы приехать на уикенд, и поэтому высказанное Зеллаби намерение перейти к решительным действиям пришлось откладывать.

К этому времени «нежелание Детей» (теперь стала писаться заглавная «Д», чтобы отделить их от обычных детей) быть удаленными из непосредственного соседства с Мидвичем, стало общеизвестным. Это было неудобно, так как вызвало массу проблем. Например, кто присмотрит за ребенком, когда его матери нужно куда-то отлучиться? Но серьезных неприятностей это не вызывало. Скорее считалось слабостью — еще одно неудобство плюс к остальным, неизбежным с маленькими детьми.

У Зеллаби был свой взгляд на вещи, но он терпеливо дождался воскресного вечера, когда смог увести своего зятя в сад, в маленькую беседку, где никто не мог помешать им. Когда они уселись, он с необычной прямотой подошел к делу:

— Мой мальчик, я хочу заявить вам следующее: я бы чувствовал себя намного счастливее, если бы вы забрали Ферелин отсюда.

Алан смотрел на него с удивлением, затем слегка нахмурился:

— Я думаю, вам вполне ясно, что я ничего так не хочу, как того, чтобы она жила со мной.

— Конечно, конечно, мой мальчик. В этом нет сомнения. Но в данный момент я озабочен чем-то более важным и не собираюсь вмешиваться в ваши личные дела. Я думаю о том, что необходимо сделать для Ферелин, а не о том, что вы оба хотите или что вам нравится.

— Она хочет уехать. Однажды она уже пыталась,— напомнил Алан.

— Я знаю, но она хотела взять с собой ребенка, а он вернул ее обратно, как это уже было однажды. И, судя по всему, так будет повторяться, если она будет пытаться уехать снова. Вы должны увезти ее без ребенка. Если вы сможете уговорить ее сделать это, мы организуем для ребенка прекрасный уход. Возможно, что когда он не будет непосредственно рядом с ней, он не будет иметь никакого влияния на нее, кроме простой симпатии.

— Но, по Уиллерсу...

— Уиллерс поднимает пустой шум, чтобы только показать, что он сам не испуган. Не думаю, что его методы самоуспокоения много значат. Он не видит того, чего сам не хочет видеть. Пока его методы никому не помогли.

— Вы думаете, что не истерия была причиной возвращения Ферелин и всех остальных обратно в Мидвич?

— А что такое истерия? Функциональное расстройство нервной системы. Естественно, определенная нервная напряжен-

ность была у многих женщин, но вся беда Уиллерса состоит в том, что он остановился там, где должен был начать. Вместо того, чтобы принять это и честно спросить себя, почему реакция приняла именно такую форму, он скрывается за завесой общих фраз о долгом периоде всеобщего возбуждения... Я не обвиняю его. Он сделал вполне достаточно. Теперь он выдохся и заслуживает снисхождения. Но это не значит, что мы должны допускать искажения фактов, которыми он занимается. Например, если даже он сам наблюдал эти «истерики», он не упомянул, что ни одна из них не обходится без присутствия хотя бы одного из Детей.

— В самом деле? — переспросил Алан.

— Все без исключения. Это чувство неудобства возникает только вблизи Ребенка. Отделите его от матери или удалите мать — и неудобство исчезнет.

— Но я не совсем понимаю, как это происходит.

— И я не имею понятия. Можно предположить что-то связанное с гипнозом. Но что бы то ни было, меня удовлетворяет главное объяснение: Дети сознательно действуют на своих родителей. Именно поэтому все и вернулись в Мидвич.

— Да, и с тех пор никто не может увезти Ребенка дальше, чем на шесть миль.

— Женщины не могут покинуть Мидвич вместе с Детьми, но если ребенок остается дома, мать может отправиться и в Трейн, и куда захочет. Уиллерс считает, что истерика, возникающая у женщин, покидающих Мидвич вместе с детьми, проистекает из чувства страха: пока ребенок дома — он в безопасности, так они считают. Поэтому Ферелин может уехать из Мидвича, оставив Ребенка, вы должны помочь ей решиться.

Алан задумался.

— Что это, ультиматум? Заставить ее сделать выбор: Ребенок или я. Это жестоко, не правда ли?

— Дорогой мой. Для вас ультиматум выдвинул Ребенок. Вам же остается одно: до конца осознать ситуацию. Единственно возможным для вас компромиссом будет подчинение воле Ребенка и переезд в Мидвич на постоянное жительство.

— Что я смогу сделать в любом случае, — отметил Алан.

— Ну и ладно. Ферелин в течение долгих недель пыталась найти выход из создавшейся ситуации, так что она должна понять вас. И вы должны ей в этом помочь.

Алан медленно сказал:

— Вы требуете от меня решительных действий?

— Да. А что еще можно предпринять? Ведь Ребенок не ваш.

— Мм-м... — пробормотал Алан.

Зеллаби продолжал:

— Но это и не ЕЕ Ребенок. Иначе я бы не стал обо всем говорить. Ферелин, как и остальные женщины, невольно втянутые в авантюру, может иметь более интимные отношения с Детьми, чем обычно бывает. Учтите, ваш ребенок не имеет ничего общего с вами. И лишь в результате действия какой-то необъяснимой силы Ферелин привязалась к нему и вынуждена его нянчить. Он не ваш ребенок, и он не принадлежит ни к одной расе людей на земле. Даже Уиллерс признает это. Нам не известно, кто они, хотя охарактеризовать процесс их появления мы можем: назовем этот феномен мутацией. Мутация широко распространена, но в данном случае она возникла и существует за счет поддержки извне. Никто не предполагал, что явление примет такие масштабы, количество к тому же не влияет на качественные факторы.

Все Дети — пришельцы. Кукушата. Кукушка отложила яйца в гнездо, но почему именно в ЭТО? На чем основывался выбор? В нашем случае этот вопрос не играет главной роли. Яйцо уже высижено, а вот что станет делать птенец? Его поведение, скорее всего, будет основываться на инстинкте самосохранения, а он будет характеризоваться жестокостью.

Алан слегка побагровел.

— Вы действительно считаете, что существует аналогия?

— Я совершенно уверен в этом.

Некоторое время они оба сидели тихо, задумчиво. Зеллаби застыл в своем кресле, Алан вглядывался вдаль. Наконец, он не выдержал и сказал:

— Хорошо. Полагаю, большинство надеется, что в один прекрасный день все станет на свои места. Теперь я понял, что это заблуждение. Но что же, в таком случае, произойдет дальше?

— Не думаю, что это будет чем-нибудь приятным, — ответил Зеллаби. — Кукушки выживают потому, что они грубы и имеют одну цель. Вот почему я хочу, чтобы вы увезли Ферелин подальше от Мидвича. Это будет трудно, но сделайте все возможное, чтобы заставить ее забыться и жить спокойной жизнью. Это будет трудно, но не настолько, как в случае, если бы Ребенок был ее собственным.

Алан нахмурился.

— Это трудно, — сказал он. — Несмотря ни на что, у нее материнское чувство к Ребенку типа физического влечения и чувства ответственности.

— Так и должно быть. Именно потому бедная пеночка изматывает себя до изнеможения, пытаясь прокормить прожорливых кукушат. Они эксплуатируют инстинкт матери. Действие такого инстинкта необходимо для продолжения рода. Но в данном случае Ферелин просто не должна оказаться обманутой чувством материнства.

— Если бы у Анжелы был такой ребенок, как бы вы поступили? — медленно, растягивая слова, спросил Алан.

— Сделал бы то же самое, что советую сделать вам. Увез бы Анжелу из Мидвича, продал бы дом, разорвал бы все нити, связывающие ее с этим местом. Я мог бы и сейчас сделать это, хотя она и не вовлечена в эту историю. Подождем: все зависит от того, как повернутся события. Волшебные истории меня не интересуют, а потенциальные возможности Детей нам еще до конца не известны. Тем не менее, чем скорее вы увезете Ферелин, тем спокойнее я буду себя чувствовать. Но мне не хотелось бы ей что-то говорить. С одной стороны, это ваше личное дело, с другой — существует риск, что, высказывая свои не совсем ясные предчувствия, я, возможно, и не прав. Как говорится, вам и карты в руки. Однако, если вам трудно решиться или трудно сообщить Ферелин, Анжела и я вам поможем.

— Надеюсь, это не понадобится. Мы оба отлично понимаем, что дальше так продолжаться не может. Теперь я получил дополнительный толчок, так что мы уладим дело.

Они продолжали сидеть, молча размышляя каждый о своем. Алан испытывал чувство облегчения: его отрывочные предчувствия и опасения наконец-то сконцентрировались и дали заряд для активного действия. Беседа с тестем произвела на него сильное впечатление, ведь тот излагал одну за другой мысли, которые отвечали на все его вопросы. Размышления Зеллаби были крайне интересными и разнообразными. Алан хотел продолжить ди-

скуссию, но тут увидел Анжелу, пересекающую лужайку. Она подошла, села в кресло рядом с мужем и попросила сигарету. Зеллаби протянул ей пачку. Некоторое время мужчины следили за ней, за тем, как она нервно затягивается.

— Что-то случилось?— спросил Зеллаби.

— Я еще не совсем уверена. Мне только что звонила Маргарет Хексби. Она уехала.

Зеллаби удивленно поднял брови.

— Ты имеешь в виду из Мидвича?

— Да, она говорила из Лондона.

— О!— сказал Зеллаби и задумался.

Алан спросил, кто такая Маргарет Хексби.

— О, извините. Вы не знаете ее. Это одна из бывших сотрудниц Кримма. Очень талантливая, как я поняла... Доктор физики Маргарет Хексби из Лондона.

— Она одна из многих?— поинтересовался Алан.

— Да, одна из наиболее «обиженных»,— сказала Анжела.— Теперь она решила покончить с этим и уехала, оставив Ребенка на Мидвич. Она решила, что для официального заявления я самый подходящий человек и хотела все уладить с Ребенком.

— Где он теперь?

— Там, где она квартировала. В коттедже миссис Дорри.

— И она просто ушла оттуда?

— Вот именно. Миссис Дорри еще не знает. Мне придется пойти и сказать ей.

— Должно быть, это ужасно,— сказал Зеллаби.— Я прекрасно представляю настроение женщин, у которых останавливались девушки с Фермы. Они вышвырнут их, пока те не смотались, как Хексби. Может, подождать, пока Кримм вернется? В конце концов Мидвич не отвечает за этих женщин. Кроме того, она может одуматься.

— Не эта, я думаю. Это не минутный порыв. Она прекрасно все продумала. Ее доводы: она никогда не просилась в Мидвич, ее просто направили сюда. Если бы они направили ее в область желтой лихорадки, то отвечали бы за все осложнения, а так как послали сюда, то пусть распутываются теперь сами.

— Хм,— сказал Зеллаби.— Но это сопротивление могут не принять в высших кругах.

— Однако, это ее решение. Она оставляет Ребенка и считает, что она так же отвечает за него, как если бы его подбросили к ее двери, и поэтому нет причин, почему она должна ломать всю свою жизнь, бросать работу, науку. Она говорит, что не знает, кто больше ответственен — Ферма или Мидвич, но это не ее дело. Она откажется платить что-либо, если только не будет официальной установки. В этом случае миссис Дорри или другая добрая душа, которая захочет взять Ребенка, будут получать два фунта в неделю, которые будут присылаться регулярно.

— Ты права, моя дорогая. Она все продумала. Все это нужно было предусмотреть. Я думаю, законная ответственность за Детей когда-то должна быть установлена. Привлечь к суду?

— Я не знаю, но она обдумала и такую возможность. Если так случится, она будет драться в суде. Она уверена, что медицинское освидетельствование установит, что она была поставлена на место матери без ведома и согласия, поэтому не несет ответственности. Если и это провалится, она будет судиться за нанесение оскорбления и ущерба.

— Весьма интересно,— сказал Зеллаби.

— Но она надеется, что до суда не дойдет.

— В этом она права,— согласился Зеллаби.— Мы делали все возможное, чтобы сохранить в тайне нашу историю, а этот суд соберет журналистов со всего света. Бедняга Кримм и бедняга подполковник Бернард... Интересно, хватит ли их власти теперь?— Он немного подумал.— Дорогая, я только что говорил с Аланом про то, чтобы увезти Ферелин. Теперь это необходимо ускорить. Как только станет известно, многие последуют примеру Маргарет Хексби.

— Да, некоторые могут это сделать,— согласилась Анжела.

— В таком случае возможно, что и многие другие последуют ее примеру. Быть может, стоит что-либо предпринять, чтобы остановить их?

— Но вы же знаете, что может вмешаться общественность.

— Дело не в общественности, дорогая. Мне интересно, что случится, если вдруг выяснится, что Дети не желают оставаться в Мидвиче одни, так же, как они не желали уезжать далеко от Мидвича?

— Ты действительно так думаешь?

— Не знаю. Я лишь пытаюсь представить себя на их месте. Если так, они должны противодействовать любым факторам, уменьшающим их комфорт и снижающим внимание родителей к ним. Не надо быть кукушкой, чтобы понять это. И хотя это всего лишь предположение, но стоит задуматься.

— Как бы то ни было, а Ферелин лучше уехать подальше от Мидвича,— согласилась Анжела.— Для начала, можно предложить ей уехать на две-три недели,— обратилась она к Алану.

— Хорошо. Именно с этого я начну,— сказал Алан.— Где же Ферелин?

— Я оставила ее на веранде.

Зеллаби набюдал, как Алан пересек лужайку и исчез за углом дома. Потом он обернулся к жене.

— Я думаю, все не так страшно,— сказала Анжела.— Естественно, Ферелин захочет остаться с Ребенком. У нее слишком развито чувство долга. А тут еще конфликтная ситуация, она устала.

— Она очень привязана к Ребенку?

— Трудно сказать. Влияние традиций и общественного мнения сказывается. Хотя каждый должен исходить из личных убеждений и голоса совести.

— Так как же поступить Ферелин? — напряженно спросил Зеллаби.

— Она много натерпелась, вынашивая ребенка... Своего ребенка. Теперь ей предстоит осознать, что золотоглазый — не ее ребенок, а она — не его мать. Над этим необходимо хорошо подумать.— Некоторое время она сидела, задумавшись.— Ежедневно на ночь я читаю молитву. Не знаю, слышат ли ее, но я очень хочу, чтобы там знали, как я благодарна за своего ребенка.

Зеллаби нежно взял ее за руку.

— Всякий биологический вид борется за жизнь, применяя при этом любые средства, как бы грязны они ни были.

— Что ты придумал, Гордон?

— Я все время думаю о кукушках. Они настойчивы в стремлении выжить. Причем, они так настойчивы, что остается лишь один выход — избавиться от них, когда они занимают чужое гнездо. А я ведь гуманист...

— Я знаю, Гордон.

— Больше того, я цивилизованный человек. Поэтому я не могу одобрить то, что сделать просто необходимо. То же происходит с остальными людьми. Поэтому мы, как бедные пеночки, будем выкармливать инопланетные чудовища, предав собственную культуру. Странно, не правда ли? Люди способны топить котят, но в то же время не способны понять, что заботливо растят чужеродные существа.

— Ты действительно думаешь, что мы должны сделать ЭТО?

— Да, дорогая.

— Это не похоже на тебя.

— Не похоже только потому, что мы никогда не сталкивались с подобной ситуацией. Мне пришло в голову, что тезис «живи сам и не мешай жить другим» применим лишь в определенных рамках. Пока он играл охранительную роль, я с ним соглашался, но когда я почувствовал, что мое место под солнцем под угрозой, он мне тут же разонравился.

— Но, Гордон, дорогой, я уверена, что твои опасения преувеличены. В конце концов несколько малышей, отличающихся от других...

— ...которые по своему желанию способны вызвать у родителей невроз. Не забудь и Харимана: они способны защитить себя, заставить выполнить свои желания.

— Все это может исчезнуть, когда они подрастут. Мы ведь знаем о взаимопонимании, и о гипнозе...

— Единичные случаи. А мы имеем множество взаимосвязанных: шестьдесят один ребенок! И они самые практичные и самовлюбленные детки, которые когда-либо существовали. Они крайне самоуверенны, поэтому неудивительно, что они способны получить все, чего захотят. В данный момент они еще на том уровне развития, на котором желаний не так много, но позже...

— Доктор Уиллерс говорит...— начала было Анжела.

— Уиллерс ведет себя, как зазнавшийся страус. Его вера в истерии малообоснованна. Надеюсь, отпуск пойдет ему на пользу.

— Но, Гордон, ведь он как-то пытался объяснить...

— Дорогая, я достаточно спокойный человек, но не испытывай моего терпения. Уиллерс никогда не пытался объяснить происходящее. Он воспринимал определенные факты, когда от них нельзя было увильнуть, остального он старался не замечать; подобное отношение к происходящему не имеет ничего общего с попыткой его понять.

— Но ведь должны существовать какие-то объяснения?

— Конечно.

— Что же ты думаешь?

— Нам придется подождать, пока Дети подрастут и представят нам дополнительные доказательства.

— Но какая-то гипотеза существует?

— Боюсь, ничего обнадеживающего.

— Но что именно?

Зеллаби в ответ покачал головой.

— Я не готов к ответу,— проговорил он.— Но как благоразумной женщине могу задать тебе вопрос: если бы ты захотела получить власть над обществом, которое вполне устойчиво, к тому же хорошо вооружено, что бы ты предприняла? Приняла бы ты его условия или пошла бы на крайние меры? А может, выгоднее использовать тактику «пятой колонны»?

Следующие несколько недель внесли в жизнь Мидвича ряд перемен. Доктор Уиллерс оставил практику, передав ее молодому врачу, помогавшему ему во время кризиса. Вместе с миссис Уиллерс он отправился в круиз в состоянии сильного нервного истощения, к тому же перессорившись со всем начальством.

В ноябре город охватила эпидемия гриппа, от которого умерли трое стариков и трое Детей. Один из них оказался сыном Ферелин. Когда Ребенку стало хуже, ей сообщили об этом. Но, приехав, она уже не застала его в живых. Кроме него умерли две девочки.

Незадолго перед эпидемией эвакуировали Ферму. Впервые об эвакуации объявили в понедельник, грузовики прибыли в среду, а к концу недели новые лаборатории с дорогостоящим оборудованием опустели, оставив в жителях чувство, что они были свидетелями какой-то гигантской пантомимы. Мистер Кримм и его штат тоже уехали, и от Фермы осталось только четверо золотоглазых Детей, которым нужно было найти приемных родителей.

Неделю спустя пара, назвавшаяся Фирманами, переехала в коттедж, который ранее занимал Кримм. Фирман представился как медик, специализирующийся по социальной психологии, а его жена — доктор медицины. Нам дали понять, что будут изучать развитие Детей по поручению какого-то официального лица. Этим они и занимались, постоянно шныряя по деревне, что-то высматривая и заглядывая в коттеджи, частенько посиживая на скамейке у Грина. Их напористость преобладала над конспирацией, а их тактика вызывала недовольство и неприязнь в деревне. Но своим упорством и настойчивостью в конце концов они завоевали нечто вроде признания.

Мы с Бернардом проверили их. Он сказал, что к его департаменту они не имеют никакого отношения, но что с документами у них все в порядке. Мы чувствовали, что это был результат стремления Уиллерса изучать Детей, но как бы там ни было, мы позволили им заняться своим делом. Какими бы интересными в научном отношении ни были Дети в первый год их жизни, сейчас мало что могло привлечь к ним внимание. Кроме их сохраняющегося стремления остаться в Мидвиче, напоминания об их силе стали редки. Они были, как сказал Зеллаби, на удивление разумными и спокойными Детьми.

Время текло спокойно, и не только мы с Джанет, но и другие начали сомневаться, не пригрезилось ли все случившееся.

Однажды ранним летним утром Зеллаби сделал открытие, которое ускользнуло от Фирманов, несмотря на их неусыпное наблюдение. Он прибыл в наш коттедж. Я сказал, что занят, но он был не из тех людей, кто откладывает намеченное.

— Я знаю, мой дорогой. Но это очень важно. Мне нужны надежные свидетели.

— Свидетели чего? — поинтересовался я.

— Я просто прошу вас понаблюдать эксперимент и сделать собственные выводы. А вот и наш аппарат,— он пошарил по карманам и положил на стол маленький резной ларчик, чуть больше спичечного коробка, с замочком и секретом,— две пластины величиной в ноготь нужно повернуть в правильное положение — и он откроется.— Он потряс ларчик, и в нем что-то застучало.

— Конфеты,— объяснил он.— Одна из новинок фирмы «Ниноус». Внешне, кажется, никак не откроешь, но чуть надавишь

пластину, ларчик без труда откроется — и конфета ваша. Зачем нужно беспокоить себя созданием такой штуковины, знают только японцы, но для нас она сыграет хорошую службу. Кого из Мальчиков мы выберем?

— Никому из них нет еще и года.

— Но во всех отношениях это хорошо развитые двухлетние Дети. И потом: я ведь предлагаю не тест на знания...и вообще, я ни в чем не уверен. Чей Мальчик?

— Хорошо. Миссис Грант,— сказала Джанет, и мы поехали к ней.

Миссис Грант проводила нас на задний дворик, где играл Ребенок. Он выглядел года на два. Зеллаби дал ему ларчик, тот потряс его, радуясь постукиванию внутри, понял, что там что-то есть интересное, и попытался открыть, но тщетно. Зеллаби дал ему время поиграть, а затем достал из кармана конфету и обменял ее на шкатулку, все еще не открытую.

— Не понимаю, что вы собираетесь нам показать,— сказала Джанет, когда мы вышли.

— Терпение, моя дорогая, терпение,— сказал Зеллаби ободряюще.— Кто будет следующим?

Джанет предложила викария, но Зеллаби не согласился.

— Нет, этот не пойдет. И Девочка Полли Райтон тоже.

— Что это значит? Звучит загадочно, — сказала Джанет.

— Я хочу, чтобы мои свидетели были удовлетворены. Назовите кого-нибудь другого.

Мы остановились на мисс Дорри. Представление повторилось. Но, поиграв немного с ларчиком, Малыш протянул его Зеллаби, выжидательно глядя на него. Тот, показав Мальчику, как открыть ларчик, дал ему сделать это самому и вынуть конфету. Зеллаби положил другую конфету, закрыл шкатулку и протянул ее Малышу.

— Попробуй еще разок,— предложил он.

Малыш легко открыл ларец и получил вторую конфету.

— А теперь,— сказал Зеллаби, когда мы вышли,— вернемся к первому, к сыну миссис Грант.

В саду миссис Грант он снова дал Ребенку коробочку, как делал ранее. Ребенок взял ее с нетерпением. Без малейших колебаний он нажал и подвинул пластинку и вытащил конфету, словно раз двадцать делал это. Зеллаби посмотрел на наши ошарашенные лица и довольно мигнул. Он снова закрыл шкатулку и протянул ее Малышу. Представление повторилось.

— Ну, назовите еще Мальчика.

Мы побывали еще у троих в разных концах деревни. Никто из них ни на минуту не был озадачен. Они открывали шкатулку, словно были досконально знакомы с ее устройством и содержимым.

— Правда, интересно? — спросил Зеллаби.— Теперь давайте примемся за Девочек.

Мы снова повторили всю процедуру за исключением того, что теперь не второму, а третьему Ребенку Зеллаби открыл секрет шкатулки. Но все повторилось...

— Они очаровательны, не правда ли? — спросил Зеллаби.— Еще головоломку?

— Немного позднее,— сказала Джанет.— Сейчас я хочу чая.

И мы втроем вернулись к нам.

— Эта идея с ларчиком удалась,— удовлетворенно сказал Зеллаби, скромно уминая сэндвич с огурцом.— Эксперимент прошел без сучка, без задоринки.

— Значит, вы уже пробовали другие идеи на них? — спросила Джанет.

— О, массу. Некоторые были слишком трудные, другие не полностью завершенные, кроме того, у меня не было точного направления, куда двигаться.

— А теперь вы уверены, что оно у вас есть? Мне почему-то так не кажется,— сказала Джанет. Он посмотрел на нее.

— Я думаю, вы знаете, и не надо скромничать.

Он сжевал еще один сэндвич и посмотрел на меня вопросительно.

— Я полагаю, вы ждете, что я подтвержу выводы вашего эксперимента? Что знает один Мальчик, тут же узнают и все остальные, у Девочек такие же способности. С этим я соглашаюсь, если нет подвоха.

— Но...

— Вы согласитесь, что полученную информацию следует перепроверить.

— Да, я понимаю. Я и сам пришел к этому выводу не так скоро,— кивнул он.

— Но мы должны были узнать все это?

— Конечно.

— Сделать выводы труднее, чем просто воспринимать информацию.

— Минуточку,— перебила меня Джанет.— Мистер Зеллаби, вы утверждаете, что стоит одному Мальчику получить какую-либо информацию, все остальные автоматически узнают о ней?

— Естественно, хотя для них подобная передача информации не является чем-то необычным.

Джанет отнеслась к его словам явно скептически. Зеллаби вздохнул.

— Вам следует провести самостоятельный опыт,— он взглянул на меня.— Вы согласны с этой гипотезой?

Я наклонил голову в знак согласия:

— Вы сказали, что ваш вывод предварительный. Что дальше?

— Я считаю, что даже такое изменение в людях способно опрокинуть всю нашу социальную систему.

— Но ведь иногда существует подобная взаимосвязанность у близнецов? — спросила Джанет.— Не сходны ли эти явления?

— Думаю, нет,— Зеллаби покачал головой.— Или только способность развилась до таких размеров, что приобрела новые черты. К тому же это не близнецы. Мы имеем две отдельные группы, не связанные между собой. Меня интересует другой вопрос: насколько велики индивидуальные способности Детей? Можно ли говорить о них, как о самостоятельных личностях, если исходить из их способности общаться друг с другом на расстоянии? Задавая один и тот же вопрос разным Мальчикам, я получаю одинаковые ответы. В случае выполнения ими различных механических действий возможны различия, но не столь значительные, как у нормальных Детей. Главная трудность заключена в том, что на вопрос отвечает одновременно вся группа.

Джанет нахмурилась:

— Мне непонятно...

— Давайте попойдем к вопросу по-иному,— продолжил Зеллаби.— В наличии мы имеем пятьдесят восемь маленьких инди-

видуумов. Но действительность обманчива. Оказывается, что в наличии лишь два индивидуума — Мальчик и Девочка, Мальчик состоит из тридцати компонентов, Девочка — из двадцати восьми, каждый из которых имеет свою физическую структуру и индивидуальную внешность.

Последовала пауза.

— По мне, так все это слишком сложно,— сказала Джанет.

— Конечно, и для меня тоже слишком сложно,— согласился Зеллаби.

— Послушайте,— начал я, прерывая очередную паузу.— Вы серьезно верите, что все это правда? Быть может, вы слишком драматизируете события?

— Есть факты и доказательства.

— Единственное, что вы доказали,— их возможность общаться друг с другом каким-то таинственным способом, чего я просто не понимаю. А переход к многочастевой индивидуальности — не слишком ли большой скачок?

— На данном этапе, возможно. Вы были свидетелями лишь одного опыта, я же провел их несколько серий, и все говорит за то, что коллективный индивидуум существует. Это не так уж странно, как может показаться вначале: хорошо отлаженная эволюционная уловка, чтобы избежать дефекта. Многие формы, кажущиеся, на первый взгляд, колониями, действуют, как индивидуумы. Наиболее подходящие примеры мы можем найти на уровне простейших форм жизни, но нет факторов, ограничивающих данную теорию только ими. Многие насекомые вполне подходят к данному определению. Размеры насекомых невелики, поэтому они достигают силы в совместных действиях. Мы сами объединяемся в группы сознательно. Почему бы природе самой не произвести модель для преодоления нашей слабости? В конце концов мы стоим перед барьером к дальнейшему развитию и должны найти путь, чтобы обойти его. У.В.С. предлагает в качестве первого шага расширить длительность человеческой жизни до трехсот лет. Это может быть один путь — и, без сомнения, продление жизни будет вызовом закоренелому индивидуализму, но есть и другие пути...

Мы переглянулись с Джанет, и мне показалось, что она отключилась. Когда ей кажется, что кто-то городит чушь, она принимает решение не тратить усилия на понимание и закрывает свое сознание, словно стеной. Я прошелся по комнате и взглянул в окно.

— Чувствую себя, как хамелеон,— сказал я наконец,— которому не удается окрасить себя в цвет того же места, куда его поместили. Если я вас правильно понял, у каждой из этих групп есть разум, и значит ли это, что Мальчики в коллективе имеют в тридцать раз увеличенную обычную силу, а Девочки — в двадцать восемь раз?

— Думаю, что нет,— ответил Зеллаби серьезно.— Это не значит, что их умственная способность в тридцать раз больше нормальной, это было бы выше всякого понимания. Это означает улучшение умственных способностей до какого-то уровня. Этот уровень может заключать в себе огромные возможности. Но для меня важным кажется вопрос о степени силы желаний. Это серьезная проблема. Никто не имеет понятия, как происходят эти внушения, но я полагаю, что когда определенный уровень желания сконцентрирован на чем-то одном, то оно выполняется.

Здесь тот случай, когда количество переходит в качество. Но это, если честно признаться, только мои размышления.

— Все кажется невероятно трудным для меня, если вы правы.

— В деталях, в механизмах — да,— согласился Зеллаби.— Но в принципе, я думаю, это не так трудно, как кажется. В конце концов вы же согласитесь, что главное качество человека суть воплощение его духа.

— Конечно,— согласился я.

— Ну, а дух — это живительная сила, и потому она не статична, ведь это что-то, что должно либо развиваться, либо атрофироваться. Эволюция предполагает развитие более сильного духа. Предположите тогда, что этот великий дух, этот супердух появится на сцене. В виде чего? Обычный человек не так скроен, чтобы содержать его, супермен ему тоже не подходит. Может ли он, пренебрегая неудобным единым носителем, перейти к группе? Так энциклопедии становится тесно в одном томе. Не знаю... Но если это так, тогда два супердуха, распределенные в двух группах, не менее правдоподобны.— Он помолчал, глядя в окно на шмелей, перелетавших с одной лавандовой ветви на другую, а потом задумчиво добавил: — Я думаю об этих двух группах довольно много. Я даже чувствую, что лучше найти им имена... И наиболее подходящие имена — Адам и Ева.

Через пару дней я получил письмо, в котором меня уведомили, что я могу рассчитывать на очень интересную работу в Канаде, если немедленно отправлюсь туда. Это я и сделал, оставив Джанет закончить дела и чуть позже присоединиться ко мне.

Когда она приехала, то новостей о Мидвиче она привезла немного. Сообщила только, что вражда между Зеллаби и Фирманами прорвалась наружу.

Зеллаби, как выяснилось, рассказал Бернарду Уосткоту о своей находке. Запрос о дальнейших подробностях дошел до Фирманов, для которых вся эта идея была в новинку и, естественно, неприемлема. Но они сразу же придумали свои собственные тесты и становились мрачными после их проведения.

— Но, по крайней мере, полагаю, они отбросят идею насчет Адама и Евы,— добавила она.— Бедный старый Зеллаби! За одно я буду вечно благодарна, что нам удалось уехать в Лондон именно в тот день. Я достаточно натерпелась в Мидвиче и не буду очень огорчена, если никогда о нем не услышу.

В течение нескольких лет мы заезжали домой редко и ненадолго. Мы навещали родственников, встречались с отдельными людьми, расширяя деловые контакты. И лишь восемь лет спустя, летом, устроив себе восьминедельный отдых, я навестил Бернарда Уосткота в Лондоне. Мы зашли выпить в «Ин-энд-аут». Я ожидал услышать, что все пришло в норму, более того, я был уверен, что о Детях остались лишь воспоминания, а они сами, как это часто бывает с непризнанными гениями, сошли на нет. Я надеялся услышать, что они стали компанией обычных деревенских детей и единственное, что выделяет их из общей массы,— необычная внешность.

Бернард, какое-то время молчавший, сказал:

— Дело в том, что я должен ехать в Мидвич. Не хочешь составить мне компанию? Проведаешь старых знакомых...

Я был совершенно свободен: Джанет уехала на север погостить у школьной подруги.

— Ты все приглядываешь за этим местом? Тогда я с удовольствием приму твое приглашение. Зеллаби в добром здравии?

— О, да. Он из породы людей, которые не стареют.

— В последние из наших встреч он рассказывал о своей идее коллективной личности. Ему удалось создать убедительную концепцию. Что-то об Адаме и Еве, как мне помнится.

— Там немногое изменилось,— сказал Бернард, но не стал продолжать разговор на эту тему.— Дело, по которому я еду, несколько мрачновато — допрос, но пусть тебя это не беспокоит.

— Один из Детей?

— Нет,— он покачал головой.— Дорожное происшествие с местным мальчиком Паули.

— Паули,— повторил я.— О, да, я помню. У них ферма в направлении Оннли.

— Да-да, трагический случай.

Мне было неловко расспрашивать его, поэтому мы переменили тему, и я рассказал ему, как идут мои дела в Канаде.

На следующий день, с первыми лучами солнца, мы отправились в путь. В машине Бернард разговорился. Возможно, он почувствовал себя свободнее, чем в баре.

— Ты обнаружишь в Мидвиче некоторые перемены,— предупредил он меня.— Ваш коттедж занимают сейчас муж и жена Уэлтон. Не помню даже, кто живет у Кримма, после Фирманов в нем сменилось много хозяев. Но сильнее всего тебя удивит Ферма. Табличка перекрашена, на ней можно прочитать «Мидвич Гранж» — специальная школа министерства просвещения и образования.

— Дети? — спросил я.

— Именно,— кивнул он.— Экзотическая концепция Зеллаби оказалась куда менее экзотической, чем казалось. Фактически это был удар, к великому конфузу Фирманов. Это показало их такими недогадливыми, что им пришлось убраться.

— Вы имеете в виду, что оправдалась теория Адама и Евы? — спросил я, не веря.

— Не совсем. Я имею в виду две умственные группы. В два года один Мальчик научился читать простые слова.

— В два! — воскликнул я.

— Это четыре года обычного ребенка,— напомнил мне Бернард.— На следующий день выяснилось, что все Мальчики могут читать эти слова. Неделей позже Девочки выучились читать, когда научилась одна из них. Затем один Мальчик научился ездить на велосипеде — и все сразу сумели. Мисс Бринкман научила свою Девочку плавать — и все остальные Девочки овладели плаванием, а Мальчики после того, как один из них освоил, тоже поплыли. С того времени, как Зеллаби указал на этот факт, сомнений не осталось. Но не все принимают его теорию. Считают, что это просто передача мыслей на расстоянии, высокий уровень чувствительности.

Я не удивился, услышав это. Но он продолжал:

— В любом случае здесь просто научный спор, а Дети общаются внутри своих групп. Ходить в обычную школу они не могли и поэтому на Ферме открыли что-то вроде школы специального оздоровительно-исследовательского центра. У них отличающееся от нашего чувство общения. Их связь друг с другом более важна, чем любое другое чувство, даже к родному дому. Некоторые из домов отказывались от них, и кто-то придумал поселить их на

Ферме. Кое-кто из них переселился сразу, затем и остальные присоединились.

— Странно. А что подумали жители деревни об этом? — спросил я.

— Меньшинство с облегчением избавилось от ответственности, некоторые были действительно привязаны к Детям и все еще любят их, и переселение подействовало на них угнетающе. Но в общем все они приняли все как есть. Никто не попытался остановить переезд Детей на Ферму. С тремя матерями, которые хорошо относились к ним. Дети сохранили добрые отношения, заходят домой и даже живут там, когда хотят. А некоторые порвали полностью.

— Это самое странное решение, о котором я когда-либо слышал, — признался я.

Бернард улыбнулся.

— Ну, если ты вспомнишь, то и начало было довольно странным, — напомнил он.

— Чем они занимаются на Ферме? — поинтересовался я.

— В основном это школа. У них есть преподавательский и медицинский состав, а также психолог. К ним приезжают преподаватели и читают лекции. Вначале держали классы, а затем поняли, что в этом нет никакой необходимости. Теперь уроки посещают только один Мальчик и одна Девочка, остальные знают то, что выучили эти двое. Учим шесть пар сразу разным предметам одновременно, и они как-то сортируют все и усваивают.

— Боже праведный, они должны впитывать знания, как губки.

— Так оно и есть. И еще дают фору некоторым учителям.

— И все же вам удается держать в тайне их существование?

— На всеобщем уровне — да. С прессой — взаимопонимание, а других путей получить огласку пока нет. Что касается окрестностей, здесь пришлось провести работу. Население Мидвича никогда не было высокообразованным. В соседних деревнях сейчас считают, как уверяет Зеллаби, что Мидвич — это что-то вроде дома для сумасшедших без ограды. Да, нам пришлось представить эту зону как неполноценную. Все здесь свихнулись после Дня, особенно Дети, для которых правительству пришлось открыть специальную школу. Имеются, конечно, случайные слухи, но они воспринимаются как не очень удачные шутки.

— Должно быть, пришлось привлечь и инженерную мысль, и администрацию, — вставил я. — Чего я никогда не понимал и сейчас не понимаю, так это — почему вы так заинтересованы в том, чтобы держать все это в тайне. Безопасность в Потерянный День — это понятно, что-то совершило посадку. Это забота вашей организации. Но теперь? Все это беспокойство, чтобы скрыть Детей... Странная организация на Ферме... Специальная школа типа этой не может стоить нескольких фунтов в год...

— Ты думаешь, что департамент социального обеспечения может проявить столько заботы под свою ответственность?

— Давай не будем, Бернард, — попросил я его.

Мы позавтракали в Трейне и прибыли в Мидвич после двух. Я нашел, что здесь ничего не изменилось. Казалось, что прошла неделя, а не восемь лет. На площади, где должно было проходить следствие, уже собралась толпа ожидающих.

— Кажется, было бы разумным отложить твой приезд до лучших времен. Практически, вся деревня собралась здесь, — сказал он.

— Это займет много времени, как ты думаешь?

— Простая формальность, надеюсь. Наверное, в полчаса управимся.

— Ты даешь показания? — спросил я, удивляясь: если это формальность, зачем он побеспокоился, приезжая сюда из Лондона.

— Нет, просто надо присмотреть за событиями,— сказал он.

Я решил, что он прав — надо было отложить мой визит — но последовал за ним на холм.

Все было заполнено, и так как я заметил нескольких знакомых, не могло быть сомнений, что все решили присутствовать. Я не совсем понимал причину. Молодой Джим Пауэлл был знаком всем, но чувствовалось, что это не главное, и я ожидал некоего взрыва собравшихся.

Но ничего не случилось. Процесс был формальным и быстрым. Через полчаса все было кончено. Я заметил, что Зеллаби исчез, как только собрание закрылось. Я нашел его стоящим на ступенях. Он поприветствовал меня, как будто мы повстречались с ним пару дней назад, и сказал:

— Как вы здесь оказались? Я думал, вы в Канаде.

— В Канаде,— пояснил я.— А здесь я случайно: Бернард привез меня сюда.

Зеллаби повернулся к Бернарду.

— Удовлетворены? — спросил он.

Бернард слегка пожал плечами:

— А что же еще?

В это время Мальчик и Девочка прошли мимо нас и зашагали по дороге сквозь расступившуюся толпу. Я едва успел кинуть взгляд на их лица и в удивлении уставился им вслед.

— Погодите, но не могут же это быть они...

— Они самые,— сказал Зеллаби.— Вы не видели их глаз?

— Но это невероятно! Им же только девять лет!

— По календарю,— согласился Зеллаби.

Я глазел, как они шли вперед.

— Но это... это невозможно!

— Невозможное, как вы помните, вполне реально в Мидвиче,— заметил Зеллаби.— Невозможное сейчас мы можем воспринимать как обычное. Невероятное принять труднее, но и это мы научились делать. Разве подполковник не переубедил вас?

— В общем,— подтвердил я.— Но эти двое! Они выглядят на полные шестнадцать-семнадцать лет!

— Физически, я уверен, столько же им и есть.

Я смотрел на них, все еще не желая принять увиденное.

— Если вы не спешите, пройдемте к нам, выпьем чаю,— предложил Зеллаби.

Бернард посмотрел на меня и предложил поехать на его машине.

— Хорошо,— согласился Зеллаби.— Только ведите осторожнее после того, что вы услышали.

— Я не лихач,— сказал Бернард.

— Молодой Пауэлл тоже им не был, он был хорошим водителем,— сказал Зеллаби.

Проехав немного вверх по дороге, мы увидели поместье Киль в солнечном свете. Этот дом в прошлый раз выглядел точно таким же.

— Когда я его увидел впервые,— сказал Зеллаби,— мне показалось, что именно в таком месте можно спокойно закончить свои дни, но сейчас спокойствие под вопросом.

Машина проехала за ворота, остановилась у входа. Зеллаби провел нас на веранду и усадил в мягкие кресла.

— Анжела отлучилась, но обещала быть к чаю,— сказал он.

Зеллаби отвернулся и посмотрел на лужайку. За девять лет, прошедших с того дня, он совсем не изменился,— прекрасные седые волосы так же густы и блестят под августовским солнцем. Морщинок вокруг глаз почти не прибавилось, лицо немного осунулось, черты его заострились, но фигура осталась такой же.

Он повернулся к Бернарду:

— Вы удовлетворены? Думаете, этим закончится?

— Надеюсь, что еще можно сделать? Мне кажется, мы приняли самое оптимальное решение,— сказал Бернард.

Зеллаби обратился ко мне:

— Что вы, как сторонний наблюдатель, думаете об этом?

— Я не знаю. Процесс проходил в странной атмосфере, правда, порядок был сохранен. Мальчик ехал неаккуратно. Он сбил пешехода и решил сбежать, но не вписался в поворот, врезался в стену церкви. Вы полагаете, что смерть во время аварии не объясняется несчастным случаем?

— Это несчастный случай,— сказал Зеллаби,— но... перед этим произошел еще один несчастный случай. Позвольте рассказать вам, что произошло: я не имел возможности подробно описать все подполковнику.

Зеллаби возвращался по дороге из Оннли со своей обычной вечерней прогулки, когда подошел к повороту на улицу Хикмана, откуда появилось четверо Детей, они шли в сторону деревни. Это были трое Мальчиков и Девочка. Зеллаби изучал их с неослабевающим интересом. Мальчики были так похожи, что он не смог бы отличить их. Большинство в деревне, за исключением некоторых женщин, разделяли эту трудность.

Как всегда, он удивлялся, как они смогли развиться за такое короткое время. Уже это одно отличало их: развитие шло раза в два быстрее нормального. Они были немного худощавее по сравнению с детьми того же возраста, но это было признаком их типа.

Зеллаби хотел знать о них больше, досконально, он пробовал терпеливо и настойчиво войти к ним в доверие, но они принимали его не больше, чем остальных. Внешне они были дружны с ним. Они с удовольствием говорили с ним, слушали, радовались, учились, но никогда не шли дальше этого, и он чувствовал, что никогда не пойдут. Всегда где-то рядом был барьер, и их собственное «Я» лежало за ним. Их настоящая жизнь проходила в каком-то их собственном мире, так же надежно закрытом от внешнего мира, как в свое время были закрыты племена амазонок со своими обычаями и этикой. Они собирали знания.

Наблюдая Детей, идущих впереди и разговаривающих между собой, он неожиданно поймал себя на мысли, что думает о Ферелин. Она стала редко бывать дома. Вид Детей беспокоил ее, и он не пытался уговаривать ее, успокаивая себя тем, что она счастлива со своими двумя малышами.

Было странно думать, что если бы золотоглазый мальчик Ферелин выжил, то Зеллаби не смог бы отличить его от идущих впереди Детей. Одна мисс Отл преодолевала эту трудность, считая

каждого Мальчика, которого встречала, своим сыном. И, удивительно, они не пытались разуверить ее.

В это время квартет повернул за угол и исчез из его поля зрения. Он достиг поворота, когда его обогнала машина, и затем он увидел то, что произошло.

Автомобиль открытый, с двумя сиденьями, маленький, ехал довольно медленно, но как раз на повороте Дети остановились. Они стояли посреди дороги, обсуждали, в какую сторону идти.

Водитель сделал все возможное. Он повернул вправо, чтобы не задеть Детей, и ему это почти удалось. Еще несколько дюймов — и он бы благополучно проехал мимо, но этих дюймов не хватило, и его левое крыло зацепило одного из Мальчиков, отбросив от дороги на ограду соседнего коттеджа. Этот момент запечатлелся у Зеллаби, как в фильме: Мальчик у ограды, трое других Детей, словно окаменевших на своих местах, молодой человек в машине, пытающийся выровнять ее. Остановилась ли машина, Зеллаби не знал. Если и остановилась, то на какое-то мгновение, затем мотор вновь взревел, машина рванулась вперед. Водитель нажал на педаль, автомобиль помчался прямо, разогнался и врезался в церковь, а водителя выбросило вперед, и он ударился о стену...

Все что-то кричали, несколько человек бросились к машине, но Зеллаби не сдвинулся с места. Он стоял, оглушенный происшедшей на его глазах катастрофой, глядя на желтые языки пламени и желтый дым, поднимающийся от машины. Он усилием воли заставил себя повернуться и посмотреть на Детей. Они смотрели на обломки с одинаково напряженным выражением на лицах. Но Зеллаби не удалось хорошенько рассмотреть их: все трое одновременно повернулись к Мальчику, который, постанывая, лежал у ограды.

Зеллаби почувствовал дрожь во всем теле. Он с трудом преодолел несколько ярдов, отделявших его от скамейки, сел на нее, облокотившись на спинку, чувствуя приступ отвратительной слабости.

О дальнейших событиях я узнал не от Зеллаби, а от миссис Уильямс из «Косы и Камня».

— Я слышала, как машина промчалась мимо, затем услышала грохот и выглянула в окно. Люди бежали в сторону церкви. Затем мимо, пошатываясь, прошел мистер Зеллаби. Он сел на скамейку. У него был такой вид, будто он вот-вот потеряет сознание. Я выбежала к нему. Действительно, он находился почти в бессознательном состоянии. Но все же он сумел произнести два слова: «таблетки» и «карман». Я достала, он тут же принял две, но ему не помогло, и я дала еще две. На нас никто не обратил внимания. Все бежали к месту аварии. Таблетки немного помогли, я провела мистера Зеллаби в дом и уложила на кушетку. Он сказал, что скоро все будет в порядке, а я вышла узнать, что случилось с машиной.

Вернувшись, я увидела, что лицо его не так бледно, но он все лежал, силы не возвращались к нему.

— Извините за беспокойство, миссис Уильямс, — сказал он.

— Наверное, лучше позвать доктора, мистер Зеллаби.— о он отрицательно покачал головой.

— Нет, не надо, мне уже лучше.

— Думаю, вам следует обратиться к врачу.

Он еще раз покачал головой и сказал:

— Миссис Уильямс, вы умеете хранить секреты?

— Как и все,— ответила я.

— Тогда я вам буду очень признателен, если никто не узнает о моем состоянии.

— Ну, я не знаю,— сказала я.— По-моему, вам все же следует обратиться к врачу.

Он вновь покачал головой.

— Я уже был у многих врачей, дорогих и очень чопорных. Но ни один не назвал мне средство против старения. Вы же знаете, и машина изнашивается.

— О, мистер Зеллаби...— начала я.

— Не огорчайтесь, миссис Уильямс. Я еще достаточно крепок. Но я думаю о тех, кто любит нас. Стоит ли их лишний раз расстраивать? Это жестоко. Вы согласитесь со мной?..

— Я согласна, если вы уверены, что с вами ничего серьезного.

— Я уверен, совершенно уверен. Я и так ваш должник, миссис Уильямс, тем не менее хочу попросить вас еще об одном одолжении: не упоминайте о том, что со мной случилось. Хорошо?

— Договорились.

— Спасибо, миссис Уильямс.

— Вы видели что произошло?— спросила я.— Достаточно, чтобы получить инфаркт.

— Я не заметил, кто сидел за рулем.

— Молодой Джим Паули. С фермы Дарк.

— Я помню его, хороший парень.

— Да, сэр. Милый мальчик Джим. Не из тех, теперешних, сумасшедших. Не могу понять, как он мог разбиться насмерть, да еще в деревне. Совсем на него не похоже.

После продолжительной паузы Зеллаби заметил:

— Перед этим он задел одного из Детей, не сильно, слегка: я думаю, тот перелетел через дорогу.

— Один из Детей,— сказала я. И потом вдруг поняла, что он имел в виду.— О, нет, сэр. Мой бог, они не могли бы...— я вдруг замолчала, заметив, как он смотрит на меня.

— Другие тоже видели это,— сказал он.— Более здоровые и не такие впечатлительные. Может, я и сам бы не был так ошарашен, если бы только когда- нибудь ранее в своей жизни был свидетелем такого вот преднамеренного убийства.

Рассказ самого Зеллаби закончился тем, что его охватила дрожь. Когда он замолчал, я посмотрел на Бернарда. В его лице ничего не изменилось, а я сказал:

— Вы предполагаете, что Дети сделали это? Что они заставили его врезаться в стену?

— Я не предполагаю,— сказал Зеллаби с сожалением.— Я утверждаю. Они сделали это так же, как заставили своих матерей вернуться в Мидвич.

— Но если это, как вы утверждаете, знают все...

— Ну и что с того? Что бы сказали вы, будь вы на их месте? Представьте себе, кто-нибудь скажет, что мальчика заставили, что он подчинился чьей-нибудь воле и покончил с собой. Пройдут ли в суде такие показания? Конечно, нет? Понадобится другое следствие, чтобы вынести приемлемый приговор. Почему заседатели и свидетели должны рисковать своим добрым именем? Ради чего? Вам нужны доказательства? Подумайте о себе, о своих взаимоотношениях с окружающими. Вы читали мои книги, я как писатель пользуюсь вашим расположением, к тому же вы лично знакомы со мной. Но даже это не сможет изменить вашего

обывательского мышления. Ведь первое, что пришло вам в голову, когда я рассказывал вам о происшествии: «Как это могло прийти ему в голову или показаться?» Вы не верите мне. Вспомните, друг мой, вы не жили в Мидвиче в то время, когда Дети заставили матерей вернуться обратно.

— Но данное событие более высокого уровня, — возразил я.

— Разве? А вы можете объяснить разницу между просто невероятным и невероятным, но со смертельным исходом? Ну, подумайте. Ведь с того времени, как вы уехали, вы потеряли контакт с невероятным, вас захлестнула реальность. А здесь неординарные события составляют основную часть нашей жизни.

Я почувствовал, что появилась возможность задать несколько вопросов:

— А как же Уиллерс и его теория истерии?

— Он отказался от нее незадолго до своей смерти, — ответил Зеллаби.

Я был ошеломлен. Я хотел спросить о докторе еще у Бернарда, но во время беседы забыл о своем намерении.

— Я не знал, что он умер. Ведь ему было чуть больше пятидесяти лет. Как это случилось?

— Он принял слишком большую дозу барбитала.

— Вы думаете, что... Но ведь Уиллерс не из таких людей...

— Я согласен с вами. Официальное заключение: "...нарушения нервной системы". Несомненно, многозначительная фраза, но ничего не объясняющая. Конечно, можно столь сильно переутомить мозг, что сумасшествие будет лучшим исходом. Но никто не имеет ни малейшего представления, почему он так поступил. Так что нам остается удовлетвориться официальным заявлением.

Он некоторое время сидел молча.

— Пока я не узнал, каким будет решение о молодом Паули, я и не вспоминал об Уиллерсе.

— Вы считаете, что к его смерти также причастны Дети?

— Не знаю. Но ведь вы сами сказали, что Уиллерс был не таким человеком. Выясняется, что наша жизнь в деревне гораздо опаснее, чем можно предположить. Прямо скажем, неприятная неожиданность. Мы все должны сознавать, что хотя именно Паули появился из-за угла в тот роковой момент, на его месте мог оказаться любой из нас. Я или Анжела или еще кто-нибудь. Любой из нас: он, вы, я — можем нечаянно причинить Детям боль. Мальчик Паули невиновен. Он сделал все возможное, чтобы избежать столкновения, но не смог. И вот в приступе гнева они отомстили ему, убив. Итак, мы должны решать. Для меня лично Дети — самое интересное из того, с чем мне приходилось встречаться за всю свою жизнь. Мне очень хотелось бы выяснить, как они проделывают подобные штуки. Но Анжела еще молодая женщина, а Майкл все еще зависим от нее. Мы уже отправили его из Мидвича. Не знаю, должен ли я убедить ее уехать. Я не хотел бы принимать преждевременное решение, но я не знаю, когда для него придет время. Эти последние несколько лет были жизнью на вулкане. Разум говорит, что внутри растет и ширится огромная сила, рано или поздно произойдет извержение. Но время идет, и лишь иногда слабые толчки трогают нас, и мы начинаем верить, что извержения не будет. Я спрашиваю себя: этот случай с Паули — просто толчок посильнее или всплеск извержения? И не знаю. Все мы чувствуем присутствие опасности, еще год назад мы строили планы, которые становились ненужными. Теперь нам об

этом напомнили, и, вероятно, это тот момент, когда все изменится в сторону реальной угрозы и разрушения моего дома.

Зеллаби был обеспокоен по-настоящему, и в отношении Бернарда не было никакого сомнения. Я почувствовал, что должен извиниться.

— Кажется, все это дело с Потерянным Днем стерлось в моей памяти, и нужно немного времени, чтобы привыкнуть к Мидвичу. Вы подсознательно пытаетесь обойти неудобства и говорите мне, что отрицательные черты в Детях с годами будут уменьшаться.

— Мы все стараемся так думать,— сказал Зеллаби.— И пытаемся уверить себя в этом. Но дело в том, что это не так.

— Но вы все еще не знаете, как осуществляется это принуждение?

— Да, это все равно, что спросить, как одна личность главенствует над другой. Ведь есть такие личности, которые господствуют над группой людей, в которую входят. У Детей эта способность в союзе увеличивается. Но вот как они это делают?

Анжела Зеллаби, мало изменившаяся с тех пор, как я ее в последний раз видел, появилась на веранде несколько минут спустя. Она была так занята своими мыслями, что не сразу нас заметила.

— Ричард и подполковник были на следствии,— сказал Зеллаби.— Все случилось, как мы ожидали, ты слышала?

Анжела кивнула.

— Да, я была на ферме Дарк с миссис Паули и ее мужем. Нам сообщили. Бедная женщина вне себя. Она обожала Джима. С трудом удалось удержать ее от того, чтобы пойти на следствие. Она хотела обвинить Детей. Мы с мистером Либоди смогли убедить ее не делать этого, так как она накликает неприятности на себя и свою семью, а пользы никому не принесет. Поэтому мы были с ней, пока это продолжалось.

— Другой мальчик Паули, Давид, был там,— сказал Зеллаби ей,— казалось, он сам не раз хотел высказаться, но отец удержал его.

— Сейчас, мне сдается, было бы лучше, если бы все-таки кто-нибудь высказался,— сказала Анжела.

— Это должно вылиться рано или поздно. И оно выльется. Это уже не просто дело собаки или быка.

— Собаки или быка? Я не слышал о них,— сказал я.

— Пес укусил одного из них за руку и через несколько секунд выскочил на дорогу перед трактором и был задавлен. Бык задел кого-то из компании и упал в шахту,— объяснил Зеллаби.

— Но теперь это уже убийство!

— О, не думаю, чтобы они имели это в виду. Может, они были испуганы и решили таким образом отомстить, когда кто-то из них был ранен. Но это все равно убийство. Вся деревня это знает и теперь все собираются с этим покончить. Мы просто не можем позволить этому продолжаться. Они даже не переживают. Ни один. Это меня больше всего пугает. Они должны переживать. А теперь, с сегодняшнего дня, для них убийство не влечет наказания, они это поняли.

Не знаю, что чувствовал Бернард, когда мы прощались, спускаясь к машине. Говорил он очень мало и толком не высказал своей точки зрения. Я почувствовал облегчение от сознания того, что возвращаюсь в обычный мир.

Меня преследовало чувство напряжения, я постепенно привыкал к реальности существования Детей. Для Зеллаби они постоянно оставались реальным фактором, делом всей жизни.

Думаю, Бернард так же, как и я, находился в состоянии внутреннего напряжения. Поэтому он с необычайной осторожностью ехал по деревне мимо того места, где произошла катастрофа с Паули. Понемногу он начал увеличивать скорость, но лишь после того, как мы свернули на дорогу в Оннли. Вдали показались четыре фигурки. Даже на таком расстоянии было видно, что это четверо Детей.

— Притормози немного, Бернард. Мне хочется получше рассмотреть их.

Он тут же снизил скорость и, проезжая мимо них, мы почти остановились. Дети шли навстречу движению. Одежда напоминала униформу: Мальчики в голубых хлопчатобумажных рубашках и серых вельветовых брюках, Девочки в коротких серых юбках и бледно-желтых кофточках. До сих пор мне удавалось видеть их лица лишь мельком. Но теперь я смог хорошо рассмотреть их: оказалось, что они похожи друг на друга больше, чем я ожидал. Их кожа удивительно сияла, что было заметно и тогда, когда они были маленькими, но теперь на фоне загара сияние бросалось в глаза. Волосы у всех имели одинаковый темно-золотистый цвет. Но самое главное, что выделяло их,— цвет глаз, не имеющий ничего общего с таковым у людей Земли. Я не заметил никаких различий между Мальчиками и сомневаюсь, смог ли бы я отличить их от Девочек, будь они подстрижены совершенно одинаково.

Я хорошенько вгляделся в их глаза: оказалось, что они не просто желтые, а пронзительно сияющие золотом. Очень непривычно, но если забыть об этом, выглядели они очень красиво, напоминая собой драгоценные камни. Зачарованный, я продолжал смотреть на них, когда же мы поравнялись, они быстро взглянули на нас и повернули к Ферме. Я почувствовал себя встревоженным, и мне стало понятным, почему многие семьи позволили Детям уйти на Ферму. Некоторое время мы смотрели им вслед, затем Бернард повернул голову к рулю.

Неожиданный грохот где-то рядом заставил нас подскочить. Я резко повернулся и успел заметить, как один из Мальчиков упал на дорогу. Трое оставшихся Детей стояли ошеломленные.

Бернард открыл дверцу, собираясь выйти. Один из Мальчиков повернулся и посмотрел на нас, глаза его горели тяжелым недобрым светом. Я почувствовал внезапно нахлынувшую на меня слабость. Мальчик медленно повернул голову в другую сторону. Из-за изгороди, рядом с дорогой, послышался звук второго выстрела, более приглушенный, чем первый, а затем отдаленный крик.

Бернард выскочил из машины, я бросился за ним. Одна из Девочек присела возле раненого Мальчика. Она прикоснулась к нему, и он застонал. Лицо стоящего Мальчика перекосила гримаса боли. Он тоже застонал, будто в агонии. Девочки начали плакать. Из-за деревьев, скрывавших Ферму, послышался стон, эхом ему отдались плачущие голоса.

Бернард остановился. Я почувствовал, как волосы встают дыбом. Плач повторился и разнесся по округе стоном многочисленных голосов, выражавших ужас и боль.

Онемевшие, мы стояли, глядя, как шесть Мальчиков, все удивительно похожие друг на друга, подбежали к лежащему и под-

няли его на руки. И только когда они понесли его, я осознал, что из-за изгороди доносятся рыдания совсем других людей. Я поднялся на пригорок и посмотрел через изгородь. На траве сидела девушка, одетая в легкое платье. Ее лицо закрывали руки, а тело сотрясали рыдания. Бернард подбежал ко мне, и мы вместе перемахнули через изгородь. Теперь я увидел человека, лежащего у ног девушки. Вдоль его тела лежало ружье.

Когда мы подошли ближе, она с ужасом посмотрела на нас. Рыдания возобновились.

Бернард поднял ее. Я посмотрел на тело, это было ужасно. Сняв жакет, я попытался прикрыть то, что осталось от головы. Бернард повел девушку прочь, поддерживая под руки.

На дороге послышались голоса, несколько человек заглянули через изгородь и увидели нас.

— Это вы кричали?— спросил один из них.

— Там мертвый человек,— сказал Бернард.

Девушка рядом с ним задрожала и что-то запричитала.

— О, в самом деле?— спросил мужчина.

Девушка запричитала еще громче:

— Это Давид. Они убили его... Они убили Джима, теперь убили Давида тоже...— и захлебнулась рыданиями.

Один из мужчин подошел ближе.

— О боже, это ты, Эльза! — воскликнул он.

— Я пыталась остановить его, но он не послушался, — сказала она с трудом,— я знала, что они убьют его, но он меня не слушал, — она потеряла силы и, дрожа, прислонилась к Бернарду.

— Нужно увести ее отсюда, — сказал я . — Вы знаете, где она живет?

— Да, — сказал один из мужчин и решительно взял девушку за руку, будто она была ребенком. Он повел ее, плачущую и дрожащую, к машине. Бернард повернулся к другому мужчине.

— Побудьте здесь, чтобы никто не подходил, пока не приедет полиция.

— Это и есть Давид Паули?— спросил мужчина, забираясь на холм.

— Она сказала — Давид,— ответил Бернард.

— Лучше вызвать полицейских из Трейна.— Он посмотрел на тело.— Убийцы! Дети-убийцы.

Меня высадили у Киль Мейна, и я воспользовался телефоном Зеллаби, чтобы вызвать полицию. Когда я положил трубку, то обнаружил, что сам Зеллаби стоит сзади меня со стаканом в руке.

— Вы выглядите так, словно имеете к этому какое-то отношение.

— Да, имею,— согласился я. — Очень прямое и неожиданное.

— Как это случилось?— спросил он.

Я изложил ему все, что видел. Двадцатью минутами позже вернулся Бернард и добавил некоторые детали.

— Братья Паули были расстроены,— начал он.

Зеллаби кивнул, соглашаясь.

— Ну, кажется, младший, Давид, нашел, что расследование является последней каплей, и решил, что если никто не собирается совершить правосудие за то, что было сделано с его братом, он сам все сделает. Эта девушка, Эльза, зашла на ферму Дарк сразу же после его ухода. Когда она увидела, что он несет ружье, она догадалась, что должно произойти, и постаралась остановить его. Он не слушал ее и запер в сарае, а затем ушел. Ей потребовалось время, чтобы выбраться оттуда, и она побежала за ним к Ферме.

Когда она добралась до поля, вначале его не увидела и подумала, что ошиблась. Заметила она его, только когда прогремел выстрел, и увидела, что ружье было направлено на дорогу. Затем он повернул ружье и выстрелил в себя.

Зеллаби некоторое время молчал.

— С точки зрения полиции, это будет довольно простым делом. Давид, считая, что Дети отвечают за смерть брата, убивает одного из них из мести, а затем, чтобы избежать наказания, кончает жизнь самоубийством. Что еще может придумать обыватель?

— Я мог сомневаться до сего времени,— заметил я,— но теперь нет. Как этот мальчик посмотрел на нас! Я убежден, что на мгновение ему показалось, что выстрелил один из нас, пока он не понял, что мы не могли этого сделать. Возникшее чувство описать нельзя, но оно было пугающим. Ты тоже ощущал нечто подобное?— спросил я Бернарда.

Он кивнул.

— Странное, неприятное, липкое чувство, — согласился он. — Очень мерзко.

— Это было... — я остановился, внезапно вспомнив. — О господи, я был так потрясен, что забыл сказать полиции о раненом Мальчике. Нужно вызвать скорую помощь на Ферму?

Зеллаби покачал головой.

— У них в штате есть собственный врач.

Зеллаби размышлял в течение нескольких минут, затем, вздохнув, сказал:

— Мне не очень нравится все это, подполковник. Совсем не нравится. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что начинается кровная вражда.

Обед в Киль Мейне был отложен, чтобы мы с Бернардом могли дать показания в полиции, и в то время, как мы закончили, я почувствовал, что голоден. Я был также благодарен Зеллаби за приглашение переночевать у них. Происшедшее заставило Бернарда изменить свои планы относительно возвращения в Лондон. Он решил, что должен быть под «рукой», если не в самом Мидвиче, то не дальше Трейна, оставив мне решать, составить ли ему компанию или поехать поездом. Более того, я чувствовал, что мое критическое отношение к доводам Зеллаби изменилось, столкнувшись с очевидным. И я должен был принести ему извинения.

Я потягивал ликер, немного смущенный. Зеллаби, чувствуя, без сомнения, что мы достаточно потрясены, старался в беседе придерживаться тем, далеких от Мидвича. Но вскоре, по возвращении в гостиницу, насущные проблемы Мидвича снова были с нами, принесенные появлением мистера Либоди. Он был очень озабочен и выглядел немного старше, чем я мог ожидать после восьмилетнего отсутствия.

Анжела Зеллаби послала еще за одной чашкой и налила ему кофе. Его усилия поддерживать отвлеченную беседу были заметны, и когда он, наконец, поставил пустую чашку, то сделал это с таким видом, словно больше не был в силах сдерживаться.

— Что-то надо делать, — объявил он нам.

— Дорогой мой викарий, — мягко напомнил ему Зеллаби. — Мы давно уже говорили об этом.

— Я имею в виду безотлагательное решение. Мы сделали все возможное, чтобы найти Детям место, сохранить «равновесие». Наши взаимоотношения с ними опирались на эмпирически по-

добранные факты. Теперь мы должны принять законодательный документ, определяющий возможности Детей, их влияние на окружающих, для того, чтобы суд мог выносить решения. Если закон не способен вершить правосудие, люди начинают презирать его и переходят к самостоятельным действиям. Что и подтверждается сегодняшним происшествием. И даже если мы сможем преодолеть возникший сегодня кризис без серьезных осложнений, завтра он вновь напомнит о себе. А использовать закон для того, чтобы принимать незаконные решения, нельзя. Сегодняшнее расследование напоминало фарс. В деревне никто не сомневается, что и расследование дела молодого Паули было таким же фарсом. Необходимо немедленно принять решение, которое даст возможность контролировать поступки Детей в законном порядке, пока дело не обросло новыми неприятностями.

— Вы помните, — сказал Зеллаби, — мы предвидели возможность возникновения новых трудностей. Мы даже послали на имя полковника меморандум. Мы не могли предположить, что события развернутся в кровавые столкновения, но мы высказывали пожелания, чтобы они попадали под наши законы. И что произошло далее? Вы, подполковник, передали наш меморандум в вышестоящие инстанции, и нам сверху выразили благодарность за проявленную заботу и уверения, что соответствующие учреждения вскоре составят инструкции и правила для Детей. Одним словом, дело положили под сукно, надеясь, что все обойдется. А если бы учреждения начали разрабатывать подобные правила, оставалось бы им только посочувствовать, так как я лично не представляю, как можно заставить Детей подчиняться каким-либо правилам, если они того не хотят.

Мистер Либоди постукивал костяшками пальцев, он выглядел совершенно беспомощным.

— И все же мы должны что-то предпринять, — повторил он, — события приняли непредсказуемый характер, теперь в любую минуту можно ожидать взрыва. Почти все мужчины собрались сейчас в «Косе и Камне». Никто не звал их, они сами по себе оказались все вместе. Женщины тем временем ходят от дома к дому, собираются группами и о чем-то шепчутся. Мне кажется, что это тот повод, которого мужчины ждали давно.

— Повод? — спросил я. — Мне не совсем понятно.

— Кукушки, — объяснил Зеллаби. — Не думаете ли вы, что мужчины действительно любят своих Детей? Преданное выражение лиц — успокоительная маска для жен. Подумайте о гневе, который лежит у них глубоко в подсознании и который они прячут, — это делает им честь, впрочем, этот гнев немного смягчился под воздействием нескольких примеров, вроде тех, с Харимаком, которые заставили их бояться. Женщины, их большинство, этого не чувствуют. Они все хорошо знают, что Дети — это не их Дети, но они испытали все трудности вынашивания и родов, и даже если обижены, их связь с Детьми тяжело разорвать. А другие, как мисс Огл, мисс Ламб, все равно обожали бы их, даже если бы они имели рога, хвосты и копыта. Самое большое, на что можно надеяться у мужчин — на их терпение.

— Все это очень трудно, — добавил мистер Либоди. — Разорвались нормальные семейные отношения. Все время тлеет огонек раздоров.

— И вы думаете, что дело Паули явится роковым? — спросил Бернард.

— Возможно. Ну не это, так другое,— потерянно сказал мистер Либоди.— Если что-то можно было бы сделать, пока не поздно...

— Ничего нельзя, мой дорогой,— решительно сказал Зеллаби.— Я говорил вам это заранее, и вам пришло время начать мне верить. Вы сделали очень много, чтобы все уладить и сгладить, но ничего основательного ни вы, ни кто-то из нас сделать не может, потому что инициатива исходит от Детей. Полагаю, я знаю их, как никто другой. Я изучал их с тех пор, как они были малышами, но я не знаю их, и только в самых общих чертах мы можем понять, чего они хотят и как они мыслят. Кстати, что случилось с тем Мальчиком, в которого стреляли?

— Они отослали скорую. Доктор Андерби смотрит за ним. Нужно удалить множество осколков, но он думает, что все будет в порядке, — сказал викарий.

— Надеюсь, он поправится. Если же нет, здесь начнется вражда,— сказал Зеллаби.

— Мне кажется, что она уже есть,— грустно сказал Либоди.

— Нет еще, — возразил Зеллаби.— Пока агрессором была деревня, а для вражды необходимо две партии.

— Но вы не собираетесь отрицать, что Дети убили двоих Паули?

— Нет, но это не агрессивность. У меня есть некоторый опыт в отношении Детей. В первом случае их действия были естественной реакцией на насилие, во втором была оборона — не забудьте, что был еще один патрон, заряженный и готовый выстрелить в следующего, но в зародыше это было нечаянное убийство. В обоих случаях их, а не они спровоцировали. Фактически единственная преднамеренная попытка убийства была совершена Давидом Паули.

— Если кто-то зацепит вас машиной, а вы убьете его за это, разве это не будет убийством? Давид ждал, что суд совершит правосудие, а суд обманул его, поэтому он взял все в свои руки. Это было преднамеренное убийство или преднамеренное правосудие?

— Только не правосудие, — твердо сказал Зеллаби.— Это вражда. Он попытался убить одного из Детей, в то время как они совершали свой акт коллективно. Но что действительно стало ясно, то это то, что законы, свойственные одному виду, для блага другого вида просто становятся недействительными.

Викарий возразил:

— Не знаю, Зеллаби... не знаю. Я просто запутался. Я даже не знаю наверняка, могут ли Детей приговорить за убийство.

Зеллаби поднял брови.

— Бог сказал,— начал Либоди,— «Создадим человека по своему образу и подобию». Хорошо. Но что такое Дети? Образ — это не внешний вид, это внутренний мир — дух, душа. Но вы говорили мне, и я поверил, что у Детей нет индивидуального духа, а один дух мужчины и один дух женщины, каждый гораздо могущественней отдельных наших. Что же тогда Дети представляют из себя? Они выглядят как люди, но другой природы. А если у них другая природа, то может ли убийство нами одного из них считаться убийством? Оказывается — нет. И если они не подходят под запрет «не убий», то каким должно быть наше отношение к ним? В настоящее время мы оделяем их всеми привилегиями Хомо сапиенс. А вправе ли мы так поступить? Если они другого вида, не является ли нашей прямой обязанностью бороться с ни-

ми, чтобы защитить свой род? Ведь если бы мы обнаружили опасных диких зверей в нашем окружении, наши обязанности были бы вполне понятны. Но я не знаю. Я в затруднении.

— Да, да, мой дорогой, в самом деле вы в затруднении, — согласился Зеллаби. — Только несколько минут назад вы говорили мне с жаром, что Дети убили обоих Паули. Если взять это в сумме с вашими более поздними предложениями, то получится, что если они убивают нас, то это убийство, а если мы должны будем убить их, то это будет что-то другое. Не совсем я понял и ваши доводы о похожести. Если ваш бог — просто земной бог, вы, без сомнения, правы, так как, несмотря на отрицание самой идеи, никто не станет отрицать, что Дети были произведены извне. Но, как я понимаю, ваш бог — всемирный бог для всех солнц и планет, и у него должна быть какая-то универсальная форма. Не будет ли слишком тщеславной попытка представить, что он предложил себя только в форме, которая подходит для данной не очень важной планеты. Наше восприятие этой проблемы очень различно...

Он остановился при звуке раздавшихся в зале голосов и вопросительно посмотрел на жену. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, дверь резко распахнулась, и миссис Грант появилась в дверном проеме. Едва пролепетав: «Простите!» она бросилась к мистеру Либоди.

— О, сэр, вы должны немедленно пойти, — сказала она, с трудом переводя дыхание.

— Дорогая миссис Грант...— начал он.

— Вы должны идти, сэр, — повторила она в отчаянии.— Они идут к Ферме. Они хотят поджечь ее. Вы должны остановить их.

Либоди уставился на нее, в то время как она сжимала его руку.

— Они выходят сейчас. Вы можете остановить их, викарий. Они хотят сжечь Детей. О, поторопитесь, пожалуйста, поторопитесь.

Мистер Либоди встал и повернулся к Анжеле Зеллаби.

— Извините, я думаю, мне лучше...

Но его извинения были прерваны миссис Грант, которая потащила его к двери.

— Кто-нибудь вызвал полицию?— спросил я.

— О нет. Не знаю. Они все равно не успеют вовремя, — сказала миссис Грант, продолжая тащить викария.

Четверо из нас остались, глядя друг на друга. Анжела резко пересекла комнату и закрыла дверь.

— Я лучше пойду, верну его,— сказал Бернард.

— Может, и мы поможем чем нибудь,— согласился Зеллаби, вставая с кресла. Я тоже двинулся, чтобы присоединиться к ним.

Анжела решительно стояла спиной к двери.

— Нет, — сказала она твердо.— Если вы хотите сделать что-нибудь полезное, вызовите полицию.

— Ты можешь сделать это, дорогая, пока мы пойдем и...

— Гордон,— сказала она медленно, словно выговаривая провинившемуся ребенку.— Остановись и подумай. Полковник Уосткот, вы сделаете больше вреда, чем пользы. Вы отвечаете за интересы Детей.

Мы остановились перед ней, удивленные и немного смущенные.

— Чего ты боишься, Анжела? — спросил Зеллаби.

— Не знаю, как сказать... Только подполковника могут линчевать.

— Но это не важно, — запротестовал Зеллаби.— Ты знаешь, что Дети могут управлять индивидуумами, и я хочу видеть, как они справятся с толпой. Если они такие способные, им достаточно только повелеть, толпа повернется и уйдет. Будет очень интересно, сделают ли они это...

— Чепуха,— сказала Анжела упрямо, с твердостью, которая заставила Зеллаби моргнуть.— Не в этом их способности, и ты это знаешь. Если бы это было так, они просто заставили бы Джима Паули остановить машину и заставили бы Давида сделать второй выстрел в воздух. Но этого не случилось. Они никогда не отступают, они контратакуют.

Зеллаби снова моргнул.

— Ты права, Анжела,— с удивлением сказал он,— мне это не приходило в голову. Их противодействие слишком сильно.

— Вот именно. И как бы они ни обошлись с толпой, я не хочу чтобы ты был там. И вы тоже, подполковник,— добавила она Бернарду.— Вы будете нужны, чтобы избавить нас от неприятностей, которые могут возникнуть. Я рада, что вы здесь. По крайней мере, здесь есть кто-то, кого послушают.

— Может, я буду наблюдать? С расстояния?— слабо предложил я.

— Если у вас есть рассудок, вы останетесь здесь и не будете лезть на рожон,— бросила она и резко повернулась к мужу.— Гордон, мы теряем время. Позвони в Трейн и узнай, вызвал ли кто-нибудь полицию. И вызови скорую.

— Скорую? Не слишком ли мы это... преждевременно?— возразил Зеллаби.

— Ты предложил свою теорию, но ты, кажется, не совсем...— ответила Анжела.— А я говорю — скорую, и если ты это не сделаешь, я вызову ее сама.

Зеллаби с видом обиженного ребенка подошел к телефону. Мне он кивнул:

— Мы даже не знаем толком ничего. У нас есть только слова миссис Грант...

— По-моему, миссис Грант была одной из надежных женщин,— сказал я.

— Да, это так,— подтвердил он.— Ну, рискнем.

Повесив трубку, он повернулся к остальным и решил предпринять еще одну попытку.

— Анжела, дорогая, не думаешь ли ты, что если кто-то и может удержать их на приличном расстоянии, то это должен быть я. В конце концов, я — один из тех, кому Дети доверяют, они мои друзья...

Но Анжела оборвала его с неослабевающей решительностью:

— Гордон, не стоит пытаться провести меня этой чепухой. Ты просто убеждаешь себя. Ты знаешь не хуже меня, что у Детей нет друзей.

Констебль из Уиншира заглянул в Киль Мейн на следующее утро, как раз во время мадеры и бисквитов.

— Извините за беспокойство, Зеллаби. Ужасное событие, совершенно кошмарное. Ничего не понятно. Создается впечатление, что никто в деревне не в состоянии ничего объяснить. Думаю, вы сможете нарисовать более-менее ясную картину.

Анжела подалась вперед.

— Каковы действительные цифры, сэр Джон? Мы не получили еще ничего официального.

— Боюсь, все очень плохо,— он покачал головой.— Одна женщина и трое мужчин мертвы. Восемь мужчин и пять женщин в госпитале. Трое из них в очень плохом состоянии. Несколько человек из тех, кто не в госпитале, выглядят настолько плохо, что лучше бы их туда отправили. Показания всех участников: каждый бил кого-то еще. Но почему? Вот что я не могу понять. Никто не говорит ничего вразумительного.

Он повернулся к Зеллаби.

— Вы вызвали полицию и сообщили, что в Мидвиче будут беспорядки. Что вас заставило это сделать?

— Сложилась любопытная ситуация,— начал Гордон.

Его перебила жена.

— Миссис Грант, это была она,— сказала Анжела и описала сцену с викарием.— Уверена, что мистер Либоди сможет рассказать вам больше, чем мы. Он был там, вы знаете, а мы нет.

— Да, он был там, кое-как добрался до дома, но сейчас он в госпитале в Трейне.

— О, бедный мистер Либоди! Он очень пострадал?

— Боюсь, я не в курсе. Доктор сказал, что его нельзя пока беспокоить. Теперь,— он повернулся к Зеллаби еще раз,— вы сказали моим людям, что толпа направилась к Ферме с намерением поджечь ее. Что было источником такой информации?

Зеллаби казался удивленным.

— Миссис Грант. Моя жена сказала вам об этом.

— И все? Сами вы не вышли посмотреть, что творится?

— Нет,— ответил Зеллаби.

— Вы хотите сказать, что после разговора с истеричкой вызвали полицию и сказали, что потребуется скорая помощь?

— Это я настояла,— нетерпеливо перебила Анжела.— И оказалась права.

— Но ведь не слова этой женщины...

— Я давно знакома с миссис Грант. Она разумная женщина.

Бернард тут же добавил:

— Если бы миссис Зеллаби не отговорила нас идти, я уверен, мы в данную минуту находились бы в госпитале, а может быть...

Констебль поднял усталые глаза.

— За эту ночь я измучился, как никогда,— наконец проговорил он.— Быть может я чего-то не понял. Вы утверждаете, что миссис Грант пришла к вам и сообщила, что жители Мидвича, добропорядочные солидные англичане, собрались поджечь школу, в которой живут их собственные дети...

— Не совсем так, сэр Джон. Поджигать собирались мужчины, а женщины, по крайней мере, большинство из них, возражали,— пояснила Анжела.

— Ну, хорошо. В таком случае эти мужчины, обыкновенные деревенские парни, собирались пойти и поджечь школу с детьми. И вы не сомневаетесь в достоверности сведений? Вы не отрицаете столь невероятную гипотезу, принимая ее как само собой разумеющееся? Вы не пытаетесь перепроверить, лично посмотреть, что происходит? Вы просто вызываете полицию. Потому что, по вашему мнению, миссис Грант — разумная.

— Да,— медленно произнесла Анжела.

— Сэр Джон,— холодно обратился к полицейскому Зеллаби,— я понимаю, что вы вчера были крайне заняты, но мне ка-

жется, что если наш разговор не перейдет в другое русло, его бессмысленно продолжать.

Констебль слегка покраснел и опустил глаза. Затем яростно протер их своими крупными руками, извинился сперва перед Анжелой, а затем и перед Зеллаби. После чего сказал:

— Но мне не за что зацепиться. Я ничего не могу понять. Нет никаких следов того, что люди действительно хотели поджечь Ферму. Они к ней не пошли. Они просто дрались друг с другом. Мужчины и несколько женщин, но дрались на территории Фермы. Почему? Никто не пытался остановить мужчин. Выяснилось, что все они вместе пришли на территорию Фермы, и только священник пытался их остановить, но они его и слушать не захотели. Есть ли причина для побоища, которое случилось? Помню, мой предшественник, старый Боджер, говорил что-то насчет странностей Мидвича. О боже, он оказался прав. Но что из этого...

— Мне кажется, лучшее, что можно вам предложить, — это обратиться к подполковнику Уосткоту,— сказал Зеллаби, указывая на Бернарда, и добавил:— его департамент по каким-то причинам, которые уже девять лет возбуждают мое недоумение, сохраняет постоянный интерес к Мидвичу, так что, может, он знает о нас больше, чем мы сами.

Сэр Джон переключился на Бернарда.

— Что это за учреждение, сэр?— поинтересовался он.

Когда Бернард отвечал, его глаза слегка округлились. Он выглядел как человек, который готов вот-вот упасть.

— Вы сказали Милитари Интеллидженс?— тупо спросил он.

— Да, сэр,— ответил Бернард.

Констебль покачал головой.

— Я сдаюсь.— Он взглянул на Зеллаби с выражением загнанного человека.— Теперь еще и военная разведка.

В то время, когда констебль приехал в Киль, один из Детей — Мальчик — не спеша шел по дороге с Фермы. Два полицейских, разговаривающих в воротах, прервали свою беседу. Один из них повернулся и направился встречать Мальчика.

— Куда ты, сынок?— поинтересовался он довольно дружелюбно.

Мальчик посмотрел на него без всякого выражения, хотя его удивительные глаза были возбуждены.

— В деревню,— сказал он.

— Лучше б тебе не ходить,— посоветовал полицейский.— Они не очень-то дружелюбны к вам после этой ночи.

Но Мальчик не изменил своей походки и не ответил ему. Он просто продолжал идти. Полицейский развернулся и пошел к воротам. Приятель удивленно посмотрел на него.

— Козлик,— сказал он,— ты не совсем выполнил приказ, а? Надо бы нам убедить их не нарываться на новые неприятности.

Первый полицейский посмотрел вслед Мальчику с озадаченным выражением.

— Смешно,— поеживаясь, сказал он.— Может, он не понял... Появится еще кто-то, попробуй сам, Барт.

Минуту спустя появилась спокойно идущая Девочка.

— Хорошо,— сказал Барт.— Отеческое предостережение, да?

Он направился было к Девочке, но через четыре шага развернулся и пошел обратно, наблюдая, как Девочка прошла мимо него. На них она даже не взглянула.

— Что за дьявол?— спросил второй полицейский убитым голосом.

— Черт те что,— сказал первый.— Ты идешь сделать что-то, а вместо этого делаешь совсем другое. Не скажу, чтобы это мне понравилось.— Эй!— позвал он Девочку.— Эй, мисс!

Девочка не обернулась. Он тронулся с места, чтобы догнать ее, прошел несколько ярдов и остановился как вкопанный. Девочка скрылась за поворотом. Полицейский расслабился и, повернув, пошел к воротам. Он тяжело дышал и был озадачен.

— Мне определенно не нравится все это,— сказал он.— Это просто дурацкое место.

Автобус из Оннли остановился в Мидвиче по пути в Трейн. Десять или двенадцать женщин подождали, пока выйдут два нагруженных вещами пассажира, и потом рванулись к дверям. Мисс Латирли во главе толпы взялась за поручень и сделала шаг вперед, но ничего у нее не вышло. Обе ее ноги, казалось, прилипли к земле.

— Пожалуйста, побыстрее,— сказал кондуктор.

Мисс Латирли сделала вторую попытку — безуспешно. Она беспомощно взглянула на кондуктора.

— Станьте в сторону, мадам, дайте другим войти, а я сейчас дам вам руку.

Мисс Латирли растерянно последовала его совету. Мисс Дорн передвинулась на ее место и уцепилась за поручень, больше у нее ничего не вышло. Кондуктор подошел, взял ее за руку, потянул вверх, но ноги не поднимались на ступеньку. Она стояла рядом с мисс Латирли, обе они смотрели, как остальные безуспешно пытаются войти в автобус.

— Что такое? Дурацкие шутки?— спросил кондуктор. Потом увидел выражение лиц у женщин.— Извините, леди. Никаких обид. Что за беда у вас?

Именно мисс Латирли заметила одного из Детей. Он сидел на скамейке у «Косы и Камня», повернувшись к ним, и лениво покачивал ногой. Она направилась к нему и внимательно изучала его, пока приближалась. Не совсем уверенно она сказала:

— Ты не Джозеф, нет?

Мальчик ухмыльнулся.

— Я собираюсь поехать в Трейн, проведать мисс Фершали, маму Джозефа. Она ранена прошлой ночью. Она в госпитале.

Мальчик продолжал смотреть на нее. Он только слегка покачал головой. Слезы гнева навернулись у нее на глазах.

— Вам мало того, что вы сделали? Вы чудовища. Все, что мы собираемся сделать, — это проведать наших раненых. И это сделали вы...

Мальчик не ответил. Мисс Латирли инстинктивно рванулась к нему, но вовремя остановилась.

— Ты не понимаешь? В вас есть хоть капля человеческого?

За ее спиной кондуктор, озадаченный и рассерженный, говорил:

— Ну, решайтесь же, леди, идите. Эта старая развалина не кусается, вы знаете. Мы не можем ждать вас целый день.

Группа женщин стояла в нерешительности, некоторые действительно были испуганы. Мисс Дорн предприняла еще одну попытку сесть в автобус. Это было бесполезно. Две женщины повернулись и со злостью посмотрели в сторону Мальчика. Он и не шевелился...

Мисс Латирли, беспомощно отвернувшись, пошла прочь. Терпение кондуктора лопнуло:

—Ну, если вы не хотите ехать, мы отправляемся.

Никто из группы не пошевелился. Он решительно дернул звонок, и автобус поехал. Кондуктор видел, как они грустно смотрели вслед. Когда он пошел вперед, чтобы поделиться мнением с водителем, то смог лишь что-то пробормотать про себя.

Полли Райтон вместе с миссис Либоди отправилась в Трейн навестить викария. Он пострадал довольно сильно: перелом бедра, сломанная ключица, многочисленные ушибы. Тем не менее он был бы рад гостям.

Но, не отъехав от Мидвича и двухсот ярдов, Полли резко затормозила и развернула машину.

— Мы что-то забыли?— удивленно спросила миссис Либоди.

— Ничего,— ответила Полли,— но дальше я просто не могу ехать.

— Не можешь?— переспросила миссис Либоди.

— Не могу,— ответила Полли.

— Ну, что ты, милочка, в такой момент...

— Тетя Дора, я сказала «не могу», а не «не хочу».

— Не понимаю, что ты такое говоришь,— удивилась миссис Либоди.

— Отлично,— Полли, проехав несколько ярдов, вновь развернула автомобиль.— Поменяемся местами и посмотрим, что получится.

Нехотя, миссис Либоди заняла место водителя. Она не любила водить машину. Проехав вперед несколько ярдов, миссис Либоди затормозила точно на том же месте, что и Полли. Сзади раздался звук клаксона, и мимо них проехала мотолавка с номером Трейна. Они посмотрели ей вслед, и миссис Либоди попыталась нажать ногой на педаль акселератора, но ничего не получилось.

Полли выглянула из машины. Возле изгороди сидела Девочка, наполовину скрытая ветками. Полли долго и пристально разглядывала Девочку, пытаясь узнать ее.

— Джуди?— сказала Полли.— Твоя работа?

Девочка кивнула.

— Но ты не должна... Мы направляемся в Трейн проведать дядюшку Хьюберта. Ты ведь слышала, что он ранен Он в госпитале.

— Вам нельзя ехать,— ответила Девочка, как бы извиняясь.

— Но, Джуди, я должна выполнить его поручение, пока он болен и не может заниматься делами.

Девочка отрицательно покачала головой. Полли почувствовала, что начинает терять над собой контроль. Она глубоко вздохнула, раздумывая, что сказать, но миссис Либоди опередила ее:

— Не перечь ей, Полли. Разве прошедшая ночь не была нам хорошим уроком?

Совет пришелся кстати. Полли молча посмотрела на Ребенка у изгороди. На глазах у нее навернулись слезы обиды. Миссис Либоди развернула машину, проехала несколько ярдов. Затем они вновь поменялись местами, и Полли молча повела машину назад.

В Киль Мейне все еще разбирались с констеблем.

— Ваша информация лишь подтверждает тот факт, что жители направились на Ферму, чтобы поджечь ее,— протестовал он

— Это так,— согласился Зеллаби.

— Но вы также говорили, и подполковник согласился с вами, что Дети на Ферме — виновники побоища, именно они спровоцировали его.

— Все так и было,— согласился Бернард.— Но что мы можем сделать?

— Вы хотите сказать, что нет свидетелей? Но это наша работа.

— Нет. Я имею в виду не отсутствие свидетелей. Я имею в виду, что вы не сможете привлечь их к ответственности по суду.

— Послушайте,— сказал констебль с явным нетерпением,— четверо убито — повторяю, убито, — тринадцать в больнице, еще большее число получили сильные ушибы. Это не такая вещь, о которой говорят «какая жалость» и прекращают дело. Мы должны решить, на ком лежит ответственность, и вынести обвинение. Вы должны это понять.

— Это не совсем обычные Дети...

— Знаю, знаю! Старый Боджер говорил мне об этом, когда я заступал на пост. Не все шарики на месте, специальная школа и прочее.

Бернард вздохнул.

— Сэр, они не дебильные. Спецшкола была открыта потому, что они другие. Они морально ответственны за события вчерашней ночи, но это совсем не значит, что они отвечают перед законом. Вы не сможете вынести им обвинение.

— Кто-то должен быть обвинен, хотя бы тот, кто отвечает за них. Вы же не хотите сказать, что девятилетние Дети могут как-то вызвать побоище, в котором убивают людей, и выйти сухими из воды! Это фантастично!

— Я уже несколько раз подчеркнул, что Дети — другие. Их возраст несущественнен — за исключением того, что они все же Дети, и это значит, что в своих поступках они более жестоки, чем в намерениях. Закон не может их тронуть, и мой департамент против придания этому делу огласки.

— Смешно,— возразил констебль.— Слышал я об этих школах. Дети не должны быть расстроены. Самовыражение, самообразование и все такое прочее. Чушь собачья! Они более расстроены, будучи другими, чем были бы, будучи нормальными. Но если какой-то департамент думает, что из-за того, что эта школа привлекает особое внимание правительства, к Детям будут подходить по-другому, то ему придется вскоре изменить свое мнение.

Зеллаби и Бернард обменялись многозначительными взглядами. Бернард попытался объяснить еще раз:

— Эти Дети, сэр Джон, владеют огромной силой внушения. Закон не предусматривает эту особую форму принуждения. Поскольку эта форма насилия не имеет узаконенного существования, нельзя сказать в суде, что Дети могут производить ее. Поэтому — по закону — преступление, каким его принято считать в глазах общественности, или никогда не имело места, или должно быть отнесено к другим людям. Суд не найдет ничего общего между Детьми и преступлением.

— Они его совершили, вы об этом сказали сами.

— По мнению суда, они вообще ничего не сделали. И более того, если бы вы попытались сфокусировать ваши обвинения, вы бы ничего не достигли. Дети воздействуют на ваши суждения, но вы не сможете арестовать их, даже просто задержать, если и попытаетесь.

— Эту работу мы оставим для присяжных. Единственное, в чем нуждаемся мы, — доказательства,— заверил констебль.

Зеллаби отвлеченно рассматривал шторы. Бернард, казалось, занимался медленным счетом от нуля до десяти и обратно. Я поймал себя на том, что начал как-то странно покашливать.

— Этот школьный наставник на Ферме, как его — Торранс?— продолжал констебль.— Он должен нести ответственность за этих Детей. Я видел его прошлой ночью. Он поразил меня своей уклончивостью.

— Доктор Торранс — больше психиатр, чем наставник,— объяснил Бернард.— Думаю, он не знает, какую линию поведения выбрать.

— Психиатр,— повторил сэр Джон подозрительно.— Вы, кажется, сказали, что здесь нет помешанных детей.

— Нет,— терпеливо повторил Бернард.

— Тогда в чем он должен сомневаться? Не относительно же правды. Именно ее вы должны говорить, когда полиция проводит расследование. Если вы этого не сделаете, вас будут ожидать неприятности.

— Все не так просто,— возразил Бернард.— Если вы разрешите мне пойти с вами и увидеть его еще раз, он более охотно ответит на ваши вопросы и лучше объяснит ситуацию.

С этими словами он поднялся. Остальные тоже встали. Бернард и констебль вышли. Зеллаби откинулся в кресле, глубоко вздохнул и рассеянно потянулся за сигаретой.

— Я не встречал доктора Торранса,— сказал я,— но очень ему сочувствую.

— Нет необходимости,— ответил Зеллаби.— Осторожность подполковника Уосткота пассивна, а у Торранса — агрессивна. Но сейчас меня больше всего волнует отношение к делу нашего подполковника. Если он сможет найти общий язык с сэром Джоном, думаю, он сможет сообщить нам нечто важное. Мне кажется, что именно подобной ситуации он и старается достичь с самого начала. Почему же тогда он выглядел озабоченным?

В это время появилась Анжела. Зеллаби некоторое время задумчиво глядел на нее и не сразу обратил внимание на выражение ее лица.

— Что случилось, дорогая?— спросил он и тут же добавил, вспомнив:— Ведь ты собиралась в Трейнскую больницу?

— Я поехала. И вот вернулась. Кажется, нам не разрешают покинуть деревню.

Зеллаби выпрямился.

— Ерунда какая-то. Этот осел не имеет права держать под арестом всю деревню. Как...

— Это не Джон. Это Дети. Они пикетируют все дороги, не давая нам покинуть Мидвич.

— В самом деле?— воскликнул Зеллаби.— Это ужасно интересно.

— Мне не до шуток!— рассердилась его жена.— Это ужасно неприятно, к тому же неизвестно, что последует дальше.

Зеллаби попросил рассказать о происшествии. Анжела рассказала, закончив так:

— Запрет наложен на местных жителей. Остальные свободно въезжают и выезжают.

— Они не применяли силу?

— Конечно, нет. Просто принуждают тебя остановиться. Кое-кто обратился в полицию, она вмешалась, но безрезультатно. Де-

ти не стали их останавливать — они и не поняли, из-за чего поднялся шум. Те, которые слышали, что Мидвич наполовину помешался, совершенно в этом уверились.

— Но у Детей должна быть какая-то причина,— сказал Зеллаби.

Анжела обиженно посмотрела на него.

— Возможно, это и имеет социологический аспект, но я хочу знать, что будет предпринято.

— Дорогая,— мягко сказал Зеллаби,— мы уважаем твои чувства, но мы уже знаем, что не можем препятствовать Детям влиять на нас, а теперь по какой-то причине это им нужно.

— Но, Гордон, в Трейне наши сограждане, многие тяжело ранены, и их хотят навестить родственники.

— Дорогая моя, другого пути, как найти одного из них и объяснить им все, я не вижу. Они могут понять меня, но все зависит от причины, по которой они это делают, согласна?

Анжела неудовлетворенно нахмурилась. Она хотела ответить, но передумала и вышла. Когда закрылась дверь, Зеллаби вздохнул.

— Мужское высокомерие завистливо, а женское... Мы обычно размышляем, как динозавры, и думаем, когда и как наши дни подойдут к концу. Но не женщина. Ее вечность — это вера. Великие войны и катаклизмы могут сотрясать мир, империи разваливаться в страданиях и смерти, но женщины вечны. Она, женщина, — первородное, главное; она будет существовать всегда, она не верит в динозавров, она едва ли верит, что мир существовал, пока не появилась она. Мужчины будут строить, играть со своими игрушками, а женщина остается в загадочной связи с великим древом жизни.

Он замолчал, и я спросил:

— А в отношении сегодняшних событий?

Кажется, он снова стал серьезным:

— Если вы подозреваете, что миссис Зеллаби не понимает чего-то, что ясно для нас, то мне страшно. Для нас существуют два пути: либо самоуничтожение, либо уничтожение конкурирующих с нами видов. Мы столкнулись с видом, превосходящим нас умом и силой воли. Что мы можем противопоставить?

— Ваши слова напоминают приговор побежденному. Не слишком ли сильно сказано для события, происходящего в маленькой английской деревеньке?

— Моя жена сказала почти то же самое. Тщетно я пытался убедить ее в том, что неважно, где все произошло.

— Меня беспокоит не то, что все произошло именно в Мидвиче,— сказал я,— а ваша уверенность. Ведь вы считаете: Дети могут делать все что угодно, ничто не может остановить их.

— Наивно рассуждать подобным образом. Возможно, нам тяжело будет справиться с ними. Но ведь люди физически слабее многих животных, тем не менее мы побеждаем их за счет развитого мозга. Единственно, кто может победить нас, — существа с более развитым мозгом. Может показаться невозможным, что подобные существа появились, но еще более невероятно, что мы позволим подобным существам занять главенствующее положение в мире. И вот — очередная штучка из ящика Пандоры — концентрированный мозг. Две мозаики — одна из тридцати, другая из двадцати восьми элементов. Что можем мы, с нашим автономным мозгом, сделать против тридцати, работающих как один?

Я возразил, что даже если это так, Дети едва ли смогли за семь лет достаточно усвоить знаний и навыков, чтобы успешно противостоять целой массе человеческого мозга и опыта. Но Зеллаби не согласился.

— Правительство имело какие-то свои соображения, снабжая их прекрасными учителями, так что сумма их знаний будет значительной. Всем известно, что сказал Фрэнсис Бэкон. Но знания сами по себе не сила. Толпа ходячих энциклопедий ничего не может сделать, если носители знаний не умеют ими пользоваться. Знания — это просто горючее, нужен еще мотор понимания, чтобы извлечь из него силу. И что меня пугает, так это мысль о силе, которую может произвести способность к пониманию, в тридцать раз превышающая мою. Я даже не могу представить...

Я нахмурился. Как всегда, я немного не понимал Зеллаби.

— Вы серьезно уверены, что мы не имеем возможностей, чтобы отвести этих пятьдесят восемь Детей с того пути, что они выбрали?

— Уверен,— ответил Зеллаби.— Что вы предлагаете нам сделать? Вы знаете, что случилось с толпой прошлой ночью. Люди намеревались атаковать Ферму — вместо этого их заставили избивать друг друга. Пошлите полицию — и случится то же самое. Пошлите против них солдат — и они будут стрелять друг в друга.

— Возможно,— сказал я.— Но должны быть другие способы. Из того, что вы сказали, ясно: никто ничего о них не знает. Они очень рано были отделены эмоционально от своих матерей, если, конечно, от них можно было когда-либо ожидать эмоций. Большинство из них пошло на полный разрыв, в результате в деревне о них ничего не знают. За прошедшее время вряд ли кто-нибудь думал о них как об индивидуумах. Стало трудным различать их, появилась привычка рассматривать их как коллектив, так что они стали двумя фигурами.

Зеллаби поправил:

— Вы совершенно правы, мой дорогой друг. Здесь явная утрата нормальных контактов и симпатий. Но виной тому не только наша поспешность. Я сам держался к ним так близко, как только мог, но еще до сих пор нахожусь на расстоянии. Несмотря на все мои усилия, я все еще воспринимаю их как двоих. Я твердо уверен, что остальной состав Фермы не пошел дальше.

— Тогда вопрос остается: как получить о них больше информации?

Через некоторое время Зеллаби сказал:

— Не приходило ли вам в голову, что ваше собственное место тоже здесь, дорогой мой? Сможете ли вы уехать отсюда? Считают ли Дети вас одним из нас?

Это было нечто новое и не совсем приятное. Я решил остаться и проверить. Бернард уехал на машине констебля, а я взял его машину для проверки. Ответ я получил, чуть отъехав по дороге на Оннли. Очень странное чувство. Моим рукам и ногам велели остановиться и повернули машину без моего ведома. Одна из Девочек сидела на обочине и глядела на меня безо всякого выражения. Я попытался завести машину снова. Но руки не слушались. Ноги я тоже не мог поднять к педали. Я посмотрел на Девочку и сказал, что живу не в Мидвиче и хотел бы попасть домой. Она чуть сжала губы, и мне осталось только вернуться.

— Гм,— сказал Зеллаби.— Итак, вы почетный житель, да? Я думал, что так и будет. И напомнил Анжеле, чтобы она дала знать кухарке, так-то, мой дорогой друг.

В то самое время, когда мы с Зеллаби беседовали в Киль Мейне, еще одна беседа на ту же тему проходила на Ферме. Доктор Торранс, чувствуя свободу в присутствии подполковника Уосткота, старался ответить на вопросы констебля более четко, чем ранее. Но опять ничего не было понятно, и потеря взаимопонимания между партнерами особенно обнаружилась, как только доктор сказал:

— Боюсь, я не могу сделать ситуацию для вас более понятной.

Констебль нетерпеливо заворчал:

— Все мне продолжают так говорить, я не могу это отрицать. Никто здесь не в состоянии что-либо объяснить. Все мне говорят, что эти Дети каким-то образом ответственны за события последней ночи, даже вы, кто, по моему мнению, отвечает за них. Я согласен, что не понимаю ситуацию, в которой молодым ребятам позволили как-то выйти из-под контроля, так, что они вызвали беспорядки. Как констебль, я хотел бы пригласить одного из зачинщиков и послушать, что он скажет обо всем этом.

— Но, сэр Джон, я уже объяснял вам, что здесь нет зачинщиков.

— Я знаю, знаю. Я слушал вас. Все они одинаковые, и все такое... Это хорошо в теории, быть может, но вы знаете не хуже меня, что во всякой группе есть юноши, которые стоят во главе, и именно они должны быть у вас. Справьтесь с ними — и вы сумеете справиться с остальными.

Он выжидательно замолчал.

Доктор Торранс обменялся беспомощным взглядом с подполковником Уосткотом. Бернард слегка пожал плечами и чуть заметно кивнул. Доктор Торранс показался еще более несчастным. Он спросил встревоженно:

— Хорошо, сэр Джон, так как вы взялись приказывать, я не могу не подчиниться, но я должен просить вас внимательно следить за вашими словами. Дети очень... чувствительны.

Выбор последнего слова был явно неудачен, так как вслед за констеблем это слово используют заботливые мамаши, говоря о своих испорченных сыновьях, и оно не расположило его по отношению к Детям.

Он пробормотал что-то неодобрительное, когда доктор Торранс поднялся и вышел из комнаты. Бернард открыл было рот, чтобы подкрепить предупреждение доктора, но потом решил, что только ухудшит дело. Они ждали в молчании, пока не вернулся доктор с одним из Мальчиков.

— Это Эрвин, — сказал он, представляя Мальчика. Последнему он добавил: — Сэр Джон хочет задать тебе несколько вопросов. В обязанность констебля входит доложить о событиях прошлой ночи.

Мальчик кивнул и повернулся к сэру Джону. Доктор занял свое место у стола и начал наблюдать за обоими, напряженно и обеспокоенно. Взгляд Мальчика был спокоен, внимателен, но совершенно нейтрален.

Сэр Джон встретил его таким же спокойствием. «Здоровенький Мальчик, — подумал он, — немного сухопарый, ну, не настолько, чтобы производить впечатление худого. Хрупкий, лучше сказать».

Было трудно судить о чем-либо по чертам лица: оно было привлекательным, хотя без той слабости, которая часто сопровождает миловидность. С другой стороны, оно не подчеркивало силу,

рот, в самом деле, был немного маловат, хотя не надменный. По лицу узнать много было нельзя. Глаза, однако, были более впечатляющие, чем он ожидал. Ему говорили об удивительных золотистых глазах, но никому не удавалось передать их лучистость, их странную способность светиться изнутри. На мгновение это вывело его из равновесия, потом он взял себя в руки, напомнив себе, что говорит с каким-то уродцем, Мальчиком девяти лет от роду, выглядевшим на все шестнадцать, воспитанным на самопознании, самообразовании, самовыражении. Он решил относиться к юноше так, словно ему и впрямь девять лет, и начал в той манере отношения мужчины к ребенку, которая свойственна практичным людям.

— Вчерашнее событие очень серьезно,— произнес он.— Наша работа — выяснить все дело и найти, что же все-таки произошло, кто отвечает за случившееся, и так далее. Мне говорят, что ты и другие были там, что ты на это скажешь?

— Нет,— быстро сказал мальчик.

Констебль кивнул. Мы не ожидали немедленного признания.

— Что же случилось?— спросил констебль.

— Люди деревни пришли сжечь Ферму,— сказал Мальчик.

— Вы были уверены в этом?

— Они так сказали, и других поводов прийти в такое время у них не было.

— Хорошо, не будем вдаваться в такие подробности. Пусть будет так. Ты говоришь, они пришли поджечь Ферму, а другие хотели остановить их, и началось побоище.

— Да,— согласился Мальчик, но не так уверенно.

— Тогда фактически ты и твои друзья не имеют к этому никакого отношения. Вы были просто наблюдателями?

— Нет,— ответил Мальчик.— Мы должны были защищаться. Это было необходимо, иначе они сожгли бы дом.

— Вы имеете в виду, что призвали некоторых из них, чтобы остановить других, так?

— Нет,— терпеливо объяснил Мальчик.— Мы заставили их драться друг с другом. Мы могли просто отослать их, но если бы мы это сделали, они захотели бы вернуться в другое время. Теперь они этого не сделают, они поняли, что лучше оставить нас в покое.

Констебль помолчал.

— Ты сказал «заставили их драться друг с другом». Как это вы сделали?

— Это трудно объяснить. Не думаю, чтобы вы поняли.

Сэр Джон слегка покраснел.

— В любом случае я хочу послушать.

— Это будет бесполезно,— сказал Мальчик.

Он говорил просто, словно констатировал факт.

Лицо констебля стало красным. Доктор Торранс поспешно вставил:

— Это совершенно непонятное дело, сэр Джон, все мы стараемся понять, но не многим это удается. Вряд ли что-либо станет понятным, если сказать, что Дети пожелали, чтобы люди атаковали друг друга.

Сэр Джон посмотрел на него, потом на Мальчика. Он вновь залился краской, но контролировал себя. После нескольких глубоких вздохов он снова заговорил с Мальчиком, но теперь более неспокойно.

— Однако дело сделано, мы возвращаемся, и вы подтвердите, что ответственность за случившееся лежит на вас.

— Мы ответственны за то, что оборонялись,— равнодушно сказал Мальчик.

— Ценой четырех жизней и тринадцати серьезных ранений, хотя ты сам сказал, что вы могли бы просто их повернуть.

— Они хотели убить нас.

Констебль долго смотрел на него.

— Я не понимаю, как вы делаете это, но я не верю, что в тот момент подобное решение было единственным.

— Они бы пришли снова. Это было необходимо,— еще раз повторил Мальчик.

— Вы не можете быть столь уверены в своей правоте, все это чудовищно. Вы хоть чувствуете раскаяние перед пострадавшими людьми?

— Нет,— ответил Мальчик.— Да и почему? Вчера один из вас стрелял в нашего. Мы должны защищаться.

— Но не мстить. На вашей стороне закон...

— Но закон не смог защитить Уилфреда. И он оказался бессильным прошлой ночью. Закон наказывает преступника, совершившего преступление. Для нас это бессмысленно, мы хотим жить.

— Но вы отрицаете, что ответственны за смерть других людей?

— Начнем все сначала?— спросил Мальчик.— Я ответил на ваши вопросы лишь для того, чтобы вы смогли лучше разобраться в ситуации. Так как вы, по-видимому, не уловили хода мысли, я объясню вам проще. Если кто-либо будет вмешиваться в наши дела или нас будут излишне беспокоить, мы будем защищаться. Мы доказали, что способны на это, и надеемся, что подобное предупреждение поможет избежать последующих неприятностей.

Сэр Джон безмолвно уставился на Мальчика. Он привстал с кресла, словно собирался броситься на Мальчика, но передумал. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог вымолвить:

— Маленькие подлецы! Свинтусы! Как ты смеешь разговаривать со мной подобным образом? Ты отдаешь себе отчет в том, что я являюсь представителем полиции всей Англии! Если нет, то через некоторое время ты поймешь! И я буду тому непосредственным свидетелем! Разговаривать так со старшими!.. Итак, если вас будут беспокоить, вы станете защищаться? Вам еще многому необходимо научиться, мой мальчик...

Внезапно, на полуслове он остановился и уставился в лицо Мальчика.

Доктор Торранс подался всем телом вперед.

— Эрвин...— начал он протестующе, но с места не сдвинулся.

Бернард Уосткот спокойно продолжал сидеть в кресле, наблюдая.

Рот констебля скривился, челюсть немного отвисла, глаза расширились и, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Волосы медленно встали дыбом. Слезы заструились по щекам, он начал дрожать, но, казалось, шевелиться не мог. Постепенно он стал приходить в себя, зашевелился, поднял дрожащие руки и ощупал ими лицо. Из его горла раздался страшный крик. Он сполз на пол со своего кресла и упал лицом вперед. Он лежал, извиваясь, прижимаясь к ковру, как бы стараясь втереться в него. Внезапно он замер.

Мальчик перевел взгляд на присутствующих:

— Не беспокойтесь, он не ранен. Он пытался запугать нас, и мы показали ему, что значит быть испуганным по-настоящему. Теперь он все поймет. Он сейчас придет в себя.

После этого он резко повернулся и вышел из комнаты.

Бернард вытащил платок и вытер со лба капли пота. Доктор Торранс все еще сидел не шевелясь, лицо его отливало смертельной белизной. Они оба смотрели на лежащего констебля. Тот лежал тихо, видимо, без сознания, издавая длинные прерывистые гортанные звуки — вздохи, изредка вздрагивая всем телом.

— Господи!— воскликнул Бернард. Он посмотрел на Торранса.— И вы жили здесь все эти годы!

— Я ни разу не видел ничего подобного,— ответил доктор.— Мы подозревали много возможностей, но не сталкивались с подобной враждебностью. И слава Богу!

— Да, могло быть хуже,— ответил Бернард, вновь повернувшись к лежащему сэру Джону.

— Его следует убрать, пока он не успел прийти в себя. А нам лучше удалиться, свидетелей подобных ситуаций не прощают. Пришлите пару полицейских, чтобы забрали его. И скажите им, что ему неожиданно стало плохо.

Через пять минут они стояли на ступеньках перед домом, наблюдая, как увозят констебля, все еще не пришедшего в себя.

— Кажется, они уничтожили еще одного человека...

После двух рюмок двойного виски взгляд Бернарда потерял загадочность, которая появилась на его лице еще в Киль Мейне. Он пересказал нам разговор между констеблем и Мальчиком. Чуть помолчал, а затем добавил:

— Вы знаете, есть одна из ребяческих черт в Детях, которая поражает меня, — это их неспособность правильно оценивать свою силу. Все, что они делают, преувеличено. Что могло быть прощено в намерениях, становится ужасным при осуществлении. Они хотели проучить сэра Джона, дать понять, что неразумно вмешиваться в их дела, но зашли так далеко, что довели беднягу до состояния безумного страха. Они уничтожают человеческое достоинство, и это напрасно.

Зеллаби спросил своим мягким голосом:

— Не смотрим ли мы на все это со своей точки зрения? Вы, подполковник, говорите «непростительно» и думаете, что они ожидают, что их простят. Но почему? Разве мы заботимся о том, чтобы нас простили волки или шакалы за то, что мы их убиваем? Нет, мы просто обезвреживаем их, когда возникает такая необходимость. Дети раньше нас с вами уяснили, что мы для них опасны. А мы еще нет. Учтите: они намерены выжить, а значит действовать так, как посчитают нужным, без жалости и сомнений.

Он сказал это спокойно и уверенно, как бы внушая слушавшим его. Бернард ответил:

— Конечно, положение изменилось. Если не считать нескольких незначительных инцидентов, они не совершили поступков, способных вызвать у нас желание оказать на них давление. И вдруг следует взрыв многочисленных несчастий. Можете ли вы сказать, с какого времени сложилась подобная ситуация и как: внезапно или постепенно? До случая с Паули ничего подобного не наблюдалось?

— Неприятное и весьма неопределенное положение. И ни единого примера, могущего помочь нам в нашем деле. Во всей нашей литературе инопланетяне показаны неприятными су

ществами, хитрыми и коварными. Вспомните марсиан Уэллса. Их поведение довольно обычно: они просто развернули кампанию с оружием, которое выводило из строя все, что им мешало. Не надо пытаться вернуть свои позиции, а в этом случае...

— Осторожно, дорогой,— сказала его жена.

— Что? А, кофе. А где сахар?

— Слева от тебя.

— О, спасибо. Так на чем я остановился?

— На марсианах Уэллса,— сказал я.

— Да, конечно. Ну, это прототип огромного количества пришельцев. Сверхоружие, с которым борется человек при помощи своего слабого оружия, пока не оказывается спасенным благодаря какой-нибудь случайности. Естественно, в Америке все иначе. Что-то спускается, и кто-то выходит, и, благодаря отличным средствам сообщения, в стране ширится паника от побережья до побережья. Все шоссе из всех городов переполнены, кто убегает, кто улетает — только не Вашингтон. В Вашингтоне наоборот: бесчисленные толпы, насколько хватает глаз, стоят серьезно и молчаливо, лица бледны от напряжения, глаза направлены к Белому дому, в то время, как в каком-то Катсхиллсе всеми забытый профессор и его дочь с их преданным молодым ассистентом напрягаются, как повитухи, помогая рождению «детища лаборатории», которое в последние минуты спасет весь мир. Возможно, сообщение о таком вторжении через несколько часов будет встречено со скептицизмом, но позвольте, американцы лучше знают свой народ. А что у нас? Просто еще одна война. Мотивы упрощены, оружие усложнено, но пример тот же, и, как результат, ни один из прогнозов, выводов не оказывается хоть как-нибудь полезным, когда что-то действительно случается.

— Для меня до сих пор проблема: когда понимать вас буквально, а когда в переносном смысле,— сказал я.

— Сейчас можно с уверенностью принимать его буквально.

Зеллаби бросил на подполковника косой взгляд:

— Именно так? Вы даже не против?— спросил он.— Скажите, подполковник, как давно вы приняли эту теорию вторжения?

— Лет восемь назад. А вы?

— Почти тогда же. Может, немного раньше. Мне она не очень-то нравится. Но я принял ее. Не знаю, однако, что принято в официальных кругах. Что вы решили предпринять?

— Мы сделали все возможное, чтобы сохранить их изолированными здесь и проследить за их образованием.

— Прекрасная и полезная вещь, как оказалось. А почему?

— Погодите,— вставил я.— Я снова в затруднении — между буквальным и фигуральным пониманием. Вы что, оба принимаете тот факт, что Дети — это что-то вроде пришельцев. Что они откуда-то извне?

— Видите?— сказал Зеллаби.— Никакой континентальной паники. Просто скептицизм. Говорил я вам?

— Да, мы принимаем,— сказал Бернард.— Это единственная теория, которую в департаменте не надо насаждать, хотя есть лица, которые не принимают ее. Но мы располагаем большими доказательствами, чем мистер Зеллаби.

— Ага!— сказал Зеллаби.— Вот мы и подходим вплотную к загадочному интересу Милитари Интеллидженс ко всему этому делу.

— Теперь не вижу причин, почему бы не открыть его вам. Я знаю, что раньше вы не пытались вмешиваться в наши дела и

выспрашивать о наших интересах. Вы, конечно, много думали об этом, но не уверен, что вы нашли разгадку.

— А какова она?— поинтересовался Зеллаби.

— Просто-напросто Мидвич был не единственным местом, где случился Потерянный День. В течение трех недель было зафиксировано еще несколько неопознанных летательных объектов.

— О проклятие! Тщетно, все тщетно!— воскликнул Зеллаби.— И где же тогда остальные группы Детей? Где?

Но Бернард не торопился. Он намеренно спокойно продолжал:

— День имел место в небольшом городке на севере Австралии. Там тоже что-то произошло. Было тридцать три беременности, но по какой-то причине все Дети умерли. Большинство через несколько часов после рождения, другие через неделю. Еще один День был в эскимосском поселке на острове Виктория, севернее Канады. Население скрывает, что произошло, но, вероятно, они были так разъярены и напуганы появлением малышей, непохожих на них, что погубили их сразу. Во всяком случае, ни один не выжил. И это, между прочим, было время, когда Дети заставили своих мам вернуться в Мидвич. По-видимому, сила внушения развивается, когда Детям уже несколько недель. Еще один День...

Зеллаби поднял руку.

— Постойте, дайте мне самому догадаться. Это где-то за «железным занавесом»?

— Там известны два случая,— подтвердил Бернард.— Один в районе Иркутска, недалеко от монгольской границы. Они решили, что женщины спали с дьяволом и погубили и их и Детей. Другой День произошел совсем на востоке, в местечке Гежинск, в горах к северо-востоку от Охотска. Могут быть и другие случаи, о которых мы не слышали. Совершенно точно, что это случилось где-то в Африке и Южной Америке, но проверить это трудно. Население очень скрытное. Есть даже предположение, что какая-нибудь деревня потеряла День и даже не знала об этом,— в таком случае Дети будут еще большей загадкой. В большинстве случаев, о которых мы знаем, Детей считали уродами и убивали, но мы подозреваем, что в некоторых местах их спрятали...

— Но не в Гежинске?— вставил Зеллаби.

Бернард посмотрел на него с легкой усмешкой в уголках губ.

— У вас хорошая интуиция. Вы правы, не в Гежинске. День прошел за неделю до событий в Мидвиче. Через три-четыре дня мы узнали об этом. Русские были очень обеспокоены. Когда у нас произошло то же самое, мы утешали себя хотя бы тем, что это не их рук дело. Они, в свою очередь, через некоторое время узнали о Мидвиче и тоже немного успокоились. Все время наш агент следил за Гежинском и слал донесения. Он нам и сообщил, что через некоторое время все женщины там оказались беременными. Сначала мы не уловили в этом никакого предупреждения себе, но затем обнаружили такое же положение дел в Мидвиче и начали все более интересоваться этим. Когда родились Дети, ситуация для нас была более легкой, чем для русских. Они, фактически, закрыли Гежинск, в два раза превышающий Мидвич, и наша информированность уменьшилась. Мы же не могли совершенно закрыть Мидвич, поэтому стали действовать иначе, и, думаю, нам это удалось.

Зеллаби кивнул.

— Понятно. Вы толком не знали, ни что у вас, ни что у русских. Но если бы выяснилось, что русские имеют группу потенциальных гениев, для нас было бы полезно иметь такую же группу в противовес им? Не так ли?

— Более или менее. Очень скоро стало известно, что у них есть что-то необычное.

— Я должен был предвидеть это,— сказал Зеллаби. Он грустно усмехнулся.— Мне просто не приходило в голову, что Мидвич не единственное место в своем роде. Теперь-то я вижу, что вы имели право так к нам относиться. Что же произошло в Гежинске, раз наши Дети ополчились на нас?

Бернард аккуратно положил на тарелку свой нож и вилку; несколько секунд разглядывал их и затем посмотрел на нас.

— Дальневосточная армия,— медленно проговорил он,— была недавно снабжена новым атомным оружием с радиусом действия в сорок-пятьдесят миль. На прошлой неделе они проводили первое испытание — города Гежинска больше не существует.

Мы уставились на него. С ужасом Анжела подалась вперед:

— Вы имеете в виду, что все... там?..— сказала она с недоверием.

Бернард кивнул.

— Все. Весь город. Никто не мог быть предупрежден, чтобы Дети не узнали. Кроме того, сработано все так, что официально это можно определить как ошибку в вычислениях или как диверсию.

Он помолчал.

— Официально, для внутреннего и всеобщего успокоения. Мы, однако, получили результаты тщательно замаскированного наблюдения — из русских источников. Оно открывает много деталей относительно Гежинска и... оправдывает действия, совершенные там. Задача этого источника — передать очень настоятельное предупреждение. После описания Детей в нем говорится, что эти группы представляют собой не просто национальное бедствие, а расовую опасность. Информатор призывает все правительства нейтрализовать известные группы безотлагательно. Это подчеркивается с некоторой долей паники, так как Дети — угроза всей человеческой расе.

Зеллаби сказал:

— А какова же реакция М. И.? Поинтересовались, что заставило русских так поступить?

— Некоторые — да, другие — нет.

— А они разделались с Гежинском на прошлой неделе, вы говорите? В какой день?

— Вторник, второе июля,— сказал Бернард.

— Интересно, а откуда они узнали...

Вскоре после завтрака Бернард объявил, что собирается снова на Ферму.

— У меня не было возможности поговорить с Торрансом, пока сэр Джон был там, а позже нам нужно было передохнуть.

— Полагаю, вы не можете высказывать нам кое-какие мысли о том, что вы намерены делать с Детьми?— спросила Анжела.

Он покачал головой.

— Если бы у меня были какие-то идеи, они стали бы официальной тайной. Но я собираюсь узнать, не может ли Торранс, хо-

рошо знающий Детей, предложить мне что-либо. Я вернусь через часок,— добавил он, оставляя нас.

Выйдя из парадных дверей, он автоматически направился к машине и, уже взявшись за ручку дверцы, изменил свое решение. Небольшая прогулка освежит его, думал он, шагая по дороге. За забором невысокая женщина в голубом костюме посмотрела на него, на секунду замешкалась, но все же шагнула ему навстречу. Ее лицо залила краска, тем не менее она решительно подошла к Бернарду. Тот приветливо поднял шляпу.

— Вы меня не знаете. Я — мисс Ламб, но все мы знаем вас, подполковник Уосткот.

Бернард ответил легким кивком, размышляя, много ли «все мы» знают о нем и давно ли знают. Он спросил, чем может быть полезен.

— Я о Детях, подполковник. Что будет предпринято?

Он сказал ей довольно честно, что никакого решения еще не принято. Она слушала внимательно, руки в перчатках сжимались и разжимались.

— Не будет ничего серьезного, не правда ли?— спросила она.— О, я знаю, прошлая ночь была ужасной, но это не их вина. Они еще не понимают всего. Они так молоды. Я знаю, они выглядят старше в два раза, но ведь это не так много, правда? Они не собирались делать ничего плохого. Они были испуганы, вы бы тоже испугались, если бы толпа подошла к вашему дому, намереваясь его сжечь. И вы были бы правы, защищая себя. Если бы к моему дому пришли, я бы защищалась, как могла, даже с топором.

Бернард в этом не сомневался. Но эта маленькая женщина, выступающая с топором против толпы, как-то не умещалась в его сознании.

— Но они воспользовались ужасными средствами,— напомнил он мягко.

— Я знаю. Но когда вы молоды и напуганы, очень легко быть грубым. Когда я была ребенком, были обиды, которые просто сжигали меня изнутри. Если бы у меня была сила сделать то, что хотелось, это было бы ужасно, уверяю вас.

— К несчастью,— вставил Бернард,— Дети имеют эту силу, и вы должны согласиться, что нельзя разрешить им так ею пользоваться.

— Да, конечно. Но они не будут этого делать, когда станут достаточно взрослыми и поймут все. Я уверена, они не будут. Говорят, их нужно выслать, но вы же не сделаете этого, не правда ли? Они так молоды. Я знаю, они сильные, но они нуждаются в нас. Они не умнее. Они просто испуганы. Они же не были такими раньше. Если они останутся с нами, мы сможем научить их любви и нежности, показать им, что люди не хотят им ничего плохого.

Он посмотрел на нее, ее руки были сжаты, глаза полны слез — молили.

Бернард с сочувствием взглянул на нее, поражаясь этой преданности, которая рассматривает шесть смертей и серьезные увечья, как детскую забаву. Он почти видел в ее глазах обожаемую хрупкую фигуру с золотыми глазами. Она никогда не осудит, не обвинит, не перестанет обожать, никогда не поймет. Это была единственная прекрасная вещь в ее жизни.

Его сердце было полно сопереживания. Он смог ей только объяснить, что принимать решение — не в его компетенции, заве-

рил ее, стараясь не подавать ложных надежд, что все сказанное ею будет включено в его рапорт, и затем, мягко простившись, пошел своей дорогой, чувствуя спиной ее взгляд.

Деревня казалась подавленной, когда он по ней шел. Одинокий полицейский был погружен в свои мысли. Урок, полученный от Детей, был усвоен.

Неожиданно Бернард заметил двух Детей, сидевших на скамейке у дороги. Они так сосредоточенно глядели в небо, что не заметили, как он подошел. Бернард остановился, пытаясь понять, куда смотрят Дети, и в тот же момент услышал звук. Он поднял голову, увидел летящую машину: серебристый контур на фоне голубого неба. На высоте около пяти тысяч метров. В тот самый момент, когда Бернард обнаружил его, под ним появились черные точки. Раскрылись пять парашютов, а самолет продолжал лететь вперед.

Он снова посмотрел на Детей в тот момент, когда они обменялись довольными взглядами. Потом взглянул на самолет, на пять точек под белыми куполами. Хоть он слабо видел силуэт самолета, но был уверен, что это легкий бомбардировщик дальнего действия «Кари» с экипажем из пяти человек. Задумчиво он обратил взгляд на Детей, и они заметили его. Втроем они изучали друг друга, пока самолет еще гудел над ними.

— Это была очень дорогая машина,— произнес Бернард.— Кое-кто будет очень недоволен, потеряв ее.

— Это предупреждение. Но, видимо, им придется потерять несколько машин, пока они поверят в это,— сказал Мальчик.

— Возможно, для вас это что-то новенькое,— сказал Бернард.— Вам не нравится, когда над вами пролетают самолеты, да?

— Точно так,— согласился Мальчик.

Бернард кивнул.

— Понятно, но почему вы всегда выбираете такие суровые предупреждения? Разве вы не могли бы просто повернуть его назад?

— Мы могли заставить его разбиться,— сказала Девочка.

— И мы должны быть благодарны, что вы этого не сделали... Но было бы не менее эффективным вернуть его назад. Зачем нужны такие сильнодействующие методы?

— Это производит большее впечатление. Нам пришлось бы возвращать слишком много самолетов, прежде чем кто-нибудь поверил, что это делаем мы. Но если они будут терять самолет всякий раз, когда будут его посылать, они заметят и это,— сказал Мальчик.

— Понятно. То же подразумевается в событиях той ночи. Если бы вы просто направили толпу обратно, это было бы недостаточным предупреждением,— предположил Бернард.

— А вы считаете, что и это подействовало бы?— спросил Мальчик.

— Все зависит от того, как это было проделано. Без сомнения, никакой необходимости заставлять их избивать друг друга не было, тем более до смерти. Не слишком ли вы усердствуете, вызывая гнев и ненависть?

— И страх тоже,— заметил Мальчик.

— Значит, вы хотите внушать людям страх, но почему?

— Только чтобы заставить вас не приставать к нам. Раньше или позже, но вы постараетесь уничтожить нас, как бы мы себя

ни вели. Наше положение будет более твердым, если мы перехватим инициативу.

Мальчик говорил совершенно спокойно, но слова прямо-таки вонзались Бернарду в мозг. Он ведь слушал речь взрослого человека, видя перед собой шестнадцатилетнего парня и не забывая, что тому всего девять лет.

Бернард был ошеломлен подобными несоответствиями. Он едва смог взять себя в руки. Тут же на память ему пришла сцена с констеблем, он ужаснулся сочетанию детской внешности и взрослой ужасающей значимости произносимых слов.

— Ты Эрвин?— спросил Бернард.

— Нет,— ответил Мальчик.— Иногда я Джозеф. Но теперь я просто один из Нас. Не бойтесь. Мы хотим поговорить с вами.

Бернард сел на лавочку рядом с ними и спокойно начал разговор:

— Желание убить вас — самонадеянно. Естественно, если вы будете вести себя так и дальше, мы будем ненавидеть вас и мстить, вернее, мы будем защищаться. Разве вы ненавидите нас столь сильно? Если нет — легче прийти к согласию.

Он посмотрел на Мальчика со слабой надеждой, что следовало говорить мягче, более по-детски. Мальчик же, начав говорить, окончательно разрушил всякую надежду.

— Вы оставляете все на том же уровне. Дело не в ненависти или симпатии. В этом нет разницы. Дело в том, что дискуссией нашего конфликта не разрешить. Между нами стоит биологическая ненависть: вы не можете не позволить себе убивать нас, потому что, в противном случае, с вами будет покончено. Это политическая необходимость, требующая вмешательства высших сфер. Кое-кто из ваших политических лидеров, знающих о нас, должно быть, раздумывает, а не последовать ли решению, принятому русскими.

— Так вы об этом тоже знаете?

— Да, конечно. Пока Дети в Гежинске оставались живы, нам не надо было заботиться о себе, но когда они умерли — баланс был нарушен. Русские понимали, что мы представляем потенциальную опасность, что биологическая и политическая необходимость совпадают, и они уничтожили нас. Эскимосы сделали то же, но из примитивного инстинкта. Хотя результаты одинаковые. Для вас данный выход более гуманен. Вы верите в идею, что государство служит индивидууму, а значит ваша совесть будет встревожена тем, что мы тоже имеем такие же права. Первый момент страха и испуга прошел. Мы испугались, когда услышали о действиях русских против Детей. Вы могли бы быстро организовать инцидент и здесь, но вы решили, что мы спрятаны. И все будет устроено без хлопот. А теперь люди в госпитале, в Трейне, уже рассказали о нас. Шанс использовать какой-либо несчастный случай прошел. Что же вы собираетесь делать для нашей ликвидации?

— Думаю, наша цивилизованная страна известна своей способностью находить компромиссы. История учит нас быть более терпимыми к меньшинству...

Теперь ответила Девочка:

— Дело не в цивилизованности, — сказала она, — если мы будем существовать, мы будем доминирующим элементом. Разве вы согласитесь быть подавленными? И еще политический вопрос: может ли государство позволить, чтобы в нем развивалась могущественная группа, меньшинство, которое нет сил держать

под контролем? Ясно?.. И что же вы сделаете? Мы в безопасности, пока вы говорите об этом. Наиболее примитивные из вас, ваши массы, захотят уничтожить нас. Ваши религиозные деятели будут лицемерно беспокоиться об этической стороне. А потом ваших нерешительных правых, стоящих у власти и неохотно идущих к тому, чтобы применять против нас жесткие меры, сместят, воспользовавшись шансом, ваши политики из левых. Они будут защищать наши права как забытого меньшинства. Их лидеры будут гореть священным негодованием. Они будут требовать права на правосудие, сочувствие и сердечность. Потом кому-то из них придет в голову, что это действительно серьезная проблема, и если они хотят победить, то не лучше ли сменить политику сердечности на холодную войну, и свистопляска доброжелателей сойдет на нет.

— Кажется, вы не слишком высокого мнения о наших политиках, — вставил Бернард.

— Как безопасно существующий преобладающий вид вы можете позволить себе потерять чувство реальности и забавлять себя абстракциями. Пока продолжается эта возня, многим придет в голову, что проблема взаимоотношений с более совершенным видом, чем они сами, не станет проще в будущем. Тогда наступит время практических действий. Но мы показали прошлой ночью, что случится с солдатами, если они будут посланы против нас. Если вы пошлете самолеты, они разобьются. Затем вы додумаетесь до артиллерии или до управляемых ракет, как русские, а на электронику мы действовать не можем. Но если так случится, вы не сможете убить только нас, вам придется убить всех в деревне. Эту ситуацию надо обдумать: какое правительство сможет удержаться после убийства невинных масс? У вас не будет не только партии, которая позволит это... Лидеров могут просто линчевать.

Она остановилась, а Мальчик продолжал:

— Детали могут меняться, но что-то в таком духе будет непременно. Ни вы, ни мы не имеем иных целей, кроме желания выжить. Все мы игрушки жизненной силы. Она сделала вас сильнее в коллективе, но умственно недоразвитыми. Она сделала нас умственно сильными, но слабыми физически и противопоставила вам, наблюдая, что случится. Жестокий спор. Жестокость так же стара, как и мир. Есть некоторый прогресс по этой части: юмор и сочувствие — наиболее важные из человеческих побуждений. Но они не слишком твердо установились в ходе вашей эволюции.

— Он улыбнулся. — Это подтвердит Зеллаби, наш первый учитель, — вставил он, продолжая. — Но, кажется, есть возможность все же отложить битву. И это как раз то, о чем мы хотим с вами поговорить.

— Ну, вот это уже совсем необоснованное ограничение моих передвижений, — говорил Зеллаби Девочке, сидящей на дереве около тропинки. — Вы прекрасно знаете, что я всегда совершаю вечернюю прогулку и возвращаюсь к чаю. Тирания легко становится плохой привычкой. Кроме того, у вас заложницей моя жена.

Девочка, казалось, обдумывала сказанное.

— Хорошо, мистер Зеллаби, — согласилась она.

Зеллаби сделал шаг вперед. Теперь это получилось у него беспрепятственно, и он перешел через невидимый барьер, который только что останавливал его.

— Спасибо, дорогая, — сказал он, вежливо склонив голову. — Пойдемте, Гейфорд.

Мы прошли в лес, оставив стража тропинки беспечно болтать ногами и наблюдать за окрестностями.

— Больше всего меня занимает аспект взаимоотношений между индивидуумом и коллективом, — начал Зеллаби. — Восприятие у Детей, несомненно, индивидуальное, но ум — коллективный. А как с ощущениями, которые они получают? Если один сосет карамель, остальные тоже получают удовольствие? Кажется, нет, хотя они должны осознавать, что карамель вкусна. Та же проблема встает в том случае, когда я показываю им фильмы или читаю лекции. Теоретически, если двое присутствуют на моей лекции, все остальные получают ту же информацию — именно так они обучаются. Практически же все они посещают мои лекции, когда я выступаю на Ферме. Содержание фильма они смогут передать один другому, но какая-то часть визуальных ощущений теряется. Поэтому смотреть своими собственными глазами для них предпочтительнее. Их с трудом можно разговорить на эту тему, но мне ясно, что индивидуальное впечатление от фильма, как и от карамельки, более удовлетворяет их. Эти размышления наводят на ряд дополнительных вопросов.

— Да, вероятно, — согласился я, — но это второстепенные вопросы... Что касается меня, то самой проблемы достаточно.

— О,— сказал Зеллаби, — не думаю, чтобы в этом было что-то новое. Наше существование здесь уже поднимает эту проблему.

— Не согласен. Мы выросли здесь, а откуда пришли Дети?

— А вы что, берете теорию как факт, мой дорогой? Очень широко распространено предположение, что мы выросли и развивались здесь из созданий, которые были нашими предками и предками обезьян, их наши археологи называют потерянным звеном. Но нет ни одного более-менее надежного доказательства, что такое создание существовало. И само это «потерянное звено» все опутано потерянными связями. Разве вы можете понять огромное различие между расами, развивающимися от одного звена? Я не смог, как ни старался. Также я не могу понять на более поздних ступенях и корня тех прогрессивных усилий, которые дали толчок к развитию в кочевниках таких четких и определенных черт характера и черт рас. На островах это понятно, но на огромных континентах... На первый взгляд, может иметь место какое-то влияние климата, если не брать в расчет, что монгольские признаки являются неизменными от экватора до Северного полюса. Подумайте также о нескончаемом количестве переходных типов, которые должны были бы существовать, и об огромном количестве останков, которые мы бы обнаруживали. Подумайте о том огромном числе поколений, которое мы должны отсчитать, чтобы свести черных, белых, красных и желтых к одному общему предку, и примите во внимание, что там, где должны быть бесчисленные следы, оставленные миллионами разумных предков, у нас практически ничего нет, кроме пустоты. Мы знаем гораздо больше о возрасте земноводных, чем о возрасте предполагаемого развившегося человека. Уже много лет назад мы имели полное эволюционное древо лошади. Если бы это было возможно для человека, такое древо было бы создано. А что мы имеем? Всего лишь несколько изолированных образцов. Никто не знает, где и как они подходят к эволюционной картине — только предположения, неприемлемые для нас, как и для Детей.

С полчаса я слушал лекцию о неудовлетворительном изучении генеалогии человечества, которую Зеллаби завершил извинением, что не смог изложить эту теорию в пяти-шести предложениях, как намеревался.

— Однако вы уловили суть.

— А что если ваши доводы окажутся просто несостоятельными, что тогда? — спросил я.

— Не знаю. Но я отказываюсь принимать плохую теорию только потому, что нет лучшей. В результате я рассматриваю появление Детей едва ли более непонятным, хотя и шокирующим фактом, чем появление других человеческих рас, которые, очевидно, пришли к существованию уже совершенно сформировавшимися или, по крайней мере, без четкой линии предков.

Такой вывод совсем не свойствен Зеллаби, и я предположил, что у него, наверное, все же есть своя теория.

— Нет, — сказал он скромно и добавил: — Каждый должен размышлять, хотя иногда это бывает и не очень приятно. Для такого рационалиста, как я, просто неприятно думать, что могут быть какие-то силы, вовсе не внешние, которые организуют все здесь. Когда я смотрю на мир, иногда мне кажется, что это какой-то испытательный полигон, такое место, где мы можем давать появляться новым связям, а время от времени и смотреть, как они развиваются. Забавно для Создателя наблюдать его творения оправдывающими себя, не правда ли? Узнавать, получилась ли у него в этот раз удачная модель или не очень, обозревать развитие новых видов и смотреть, какие из них оказались наиболее удачными, чтобы превратить в ад жизнь для других. Вы так не думаете? О, я говорил вам, что такие размышления становятся неприятными.

Я сказал:

— Как мужчина мужчине, Зеллаби, вы не только слишком много говорите, но говорите много чепухи, хотя и пытаетесь оформить ее так, чтобы это выглядело со смыслом. Очень неудобно для слушателя.

Зеллаби обиделся.

— Мой дорогой друг, я всегда говорю со смыслом. Это мой социальный недостаток. Нужно отличать форму от содержания.

— Я хочу только знать, имеете ли вы какую-то серьезную теорию вместо отмененной теории эволюции?

— Вам не понравилось мое размышление о Творце. Мне оно тоже не нравится. Но, однако, у него есть достоинство: оно не более неправдоподобно и более приемлемо, чем любое религиозное предположение. Когда я говорю «Создатель», я не обязательно имею в виду индивидуум. Скорее всего группу. Мне кажется, если бы наши собственные биологи и генетики смогли бы получить какой-нибудь отдаленный остров для исследований, они бы с интересом наблюдали экологический инстинкт. Ну, а что такое наша планета, как не остров во Вселенной... Но мои размышления — это далеко не теория.

Мы вышли к дороге на Оннли. Когда приближались к деревне, задумчивая мужская фигура появилась со стороны Фермы и повернула на дорогу перед нами.

Зеллаби окликнул его. Бернард остановился, оторвался от своих мыслей и подождал нас.

— У вас такой вид, будто Торранс не помог, — сказал Зеллаби.

— Я до него не дошел, — заметил Бернард. — Теперь уже нет нужды его беспокоить. Я поговорил с двумя вашими Детками.

— Не с двумя из них, — возразил Зеллаби. — Вы говорили или с Мальчиком, или с Девочкой, или с обоими.

— Хм, — сказал я. — Не скажу, чтобы я завидовал вам в этом деле. И каковы же соображения?

— Возможно, ультиматум — не совсем подходящее слово. Куда лучше звучит «требование». Я сказал Детям, что надежд на то, что кто-то обратит на них внимание, — немного. Они ответили, что только данный способ не влечет за собой неприятностей. Если мне не удастся доставить их послание, а мне ясно, что в одиночку я не смогу этого сделать, тогда кто-нибудь из них будет меня сопровождать.

— Будьте осторожны, не забывайте, что они проделали с констеблем. Почему они не хотят пройтись подобным образом по государственной лестнице до самого верха?

— Это неизбежно, как после зимы — весна, — сказал Зеллаби. — Но я не ожидал, что все произойдет так быстро. Я думал, пройдет еще несколько лет, пока... Но русские предвосхитили события. Полагаю, все произошло гораздо раньше, чем ожидали и Дети. Они отлично понимают, что к активным действиям еще не готовы. Вот почему они хотят где-нибудь укрыться и без неприятностей достичь зрелого возраста. Нам следует сделать выбор: с одной стороны, долг нашей цивилизации и культуры — ликвидировать Детей, так как ясно, что в лучшем случае они будут просто доминировать и их культура подавит нашу. Но, с другой стороны, именно наша культура привила нам неприятие ликвидации невооруженных меньшинств. Но есть еще один путь — дать Детям возможность сдвинуть проблему на сообщество, еще менее образованное и оборудованное, — форма уклонения, потеря смелости; остается с гордостью вспомнить уэллсовских марсиан — с ними хоть все было ясно и понятно, решение не имело моральной подоплеки.

В молчании мы слушали его. Мне хотелось что-то вставить, но Бернард сказал:

— Хорошо, принимаю вашу поправку. Когда я говорил с Детьми, то почувствовал в их разговорном стиле явное влияние Зеллаби.

Зеллаби это явно польстило:

— Если даже вы считаете нас львом или ягненком, наши отношения всегда будут хорошими. Приятно иметь какое-то интеллектуальное влияние, — сказал он. — Как же вы поговорили?

— Не думаю, что именно мы «поговорили», — сказал Бернард. — Я был информирован, прослушал лекцию и получил инструкции. И в конце концов мне было поручено передать ультиматум.

— В самом деле? И кому? — спросил Зеллаби.

— Я не совсем уверен. Но думаю, кому-нибудь, кто по своему положению снабдит их воздушным транспортом.

Зеллаби поднял брови.

— Куда?

— Они не сказали. Куда-нибудь, где их не будут беспокоить.

Бернард кратко передал разговор.

— В общем, все сводится к тому, — суммировал он, — что их присутствие здесь является вызовом властям, от которого нельзя до бесконечности уклоняться. Их нельзя не брать во внимание, но любое правительство, которое попытается иметь с ними дело, навлечет на себя огромные политические неприятности, если это предприятие будет безуспешным.

— Естественно, — проворчал Зеллаби. — Их настоятельная забота — выжить, чтобы потом, при случае, доминировать.

— Поэтому в интересах обеих партий снабдить их средствами, чтобы они уехали.

— Это значит — подыграть Детям, — вставил Зеллаби и погрузился в размышления.

— Рискованно, с их точки зрения я имею в виду, улетать на одном самолете.

— О, они об этом тоже думают. Они берут во внимание массу деталей. Они все продумали и рассчитывают на несколько самолетов.

— В данной ситуации, когда каждое решение кажется аморальным, остается единственная возможность: действовать на благо большинства. Поэтому от Детей следует как можно скорей избавиться. Жаль, что я должен признать обоснованность подобного решения. За девять лет я успел полюбить их. И что бы вам ни говорила моя жена, я лично думаю, что сдружился с ними максимально, насколько возможно.

Некоторое время он молчал.

— Единственно правильное решение, — повторил Зеллаби. — Но, конечно, наши власти не способны это сделать, чему я, вообще-то, рад, потому что не представляю, как это можно воплотить в жизнь, не подвергая разрушению всю деревню.

Он остановился и бросил взгляд на Мидвич, лежащий под лучами солнца.

— Я стар и не протяну долго, но у меня молодая жена и маленький сын, и мне нравится думать о том, что они будут жить еще долго. Нет, конечно же, власти будут настаивать, но если Дети захотят уйти, они уйдут. Гуманизм пересилит биологическую необходимость. Так что дьявольский День будет лишь отложен, но вот на какой срок?

После чашки чая Бернард встал и начал прощаться с Зеллаби.

— Большего мне уже не узнать, — сказал он. — Чем скорее я представлю требования Детей властям, тем скорее дело тронется с места. У меня не осталось сомнений, и лично я постараюсь убрать Детей за пределы страны, и как можно скорее. Я многое повидал на своем веку, но не встречался с более ужасным зрелищем — обезличиванием констебля. Конечно, я буду держать вас в курсе дел.

Он посмотрел на меня.

— Едешь со мной, Ричард?

Я колебался. Джанет все еще была в Шотландии и не должна была вернуться раньше, чем через два дня. Для моего присутствия в Лондоне не было никакой необходимости, а проблема Детей в Мидвиче была более интересна.

Анжела заметила мои сомнения.

— Оставайтесь, если хотите, — сказала она. — Особенно теперь мы будем рады компании.

Я понял, что она имеет в виду, и согласился.

— В любом случае, — добавил я Бернарду, — мы даже не знаем, сколько человек Дети собираются выпустить. Если бы я попробовал уехать с тобой, возможно, выяснилось бы, что они бы меня еще и не выпустили.

— О! Да, этот смехотворный запрет, — сказал Зеллаби. — Нужно серьезно поговорить с ними об этом. Совершенно абсурдная мера в их положении.

Мы проводили Бернарда до двери и посмотрели, как он спускается к шоссе.

— Да, игра для Детей... — снова сказал Зеллаби, когда машина завернула за угол. — И уладить потом, позже?.. — Он слегка пожал плечами.

— Дорогая, — сказал Зеллаби за завтраком, глядя через стол на свою жену, — если тебе случится поехать сегодня в Трейн, захвати там одну большую коробку карамелек.

Анжела переключила свое внимание на мужа.

— Дорогой, — сказала она без раздражения, — во-первых, если ты припомнишь вчерашний день, то поймешь, что о поездке в Трейн не может быть и речи. Во-вторых, у меня нет желания снабжать Детей конфетами. В-третьих, если это означает, что ты собираешься сегодня на Ферме показывать свои фильмы, то я категорически против.

— Запрет снят. Я сказал им прошлым вечером, что это глупо. Никто из заложников просто не покинет деревню, тем более ни мисс Ламб, ни мисс Огл. И потом, я сказал, что отменю свои лекции, если половина из них будет околачиваться на дорогах и тропинках.

— И они так сразу и согласились?

— Конечно, они же не глупы, ты знаешь. Они прислушиваются к разумным советам.

— О, неужели? После того, что мы пережили!..

— Но так оно и есть, — возразил Зеллаби. — Когда они возбуждены или испуганы, они делают глупости, но разве мы не делаем их? А так как все они молоды, они перебирают, но разве так же не поступают все в молодости? Конечно, они нервничают и расстраиваются, ну, а мы бы не нервничали, если бы над нашими головами висело то, что случилось в Гежинске?

— Гордон, — сказала его жена. — Я тебя не понимаю. Дети должны ответить за шесть погубленных жизней. Они УБИЛИ шестерых, которых мы все хорошо знали, а многим нанесли серьезные увечья. В любое время то же может произойти и с нами. И ты можешь это оправдать?

— Конечно, нет, дорогая. Я объясняю, что когда они возбуждены, они так же, как и мы, способны совершать ошибки. Однако для того, чтобы жить самим, они должны уничтожить нас, и из-за этого они нервничают, совершают одну ошибку за другой, думая, что их время уже пришло.

— Значит, мы должны спокойно сказать им: «Мы считаем, что вам пришлось убить шесть человек. Давайте забудем о них».

— Что ты предлагаешь? Выступить против них?

— Конечно, нет. Но если законом запрещено прикасаться к ним, я не понимаю, какой толк в подобном законе. Если он не способен подтвердить то, что всем и так понятно, мы уже не должны делать вид, будто ничего не случилось. Существуют и социальные меры воздействия.

— Они показали, что их сила предпочтительнее наших так называемых «социальных акций».

— Гордон, я не понимаю тебя, — торопливо проговорила Анжела. — У нас одинаковые взгляды, но теперь, кажется, я теряю в тебе союзника. Прогнозирование в данный момент равнозначно негласному прощению и поощрению.

— Мы смотрим на данный вопрос по-разному: ты судишь по законам общества и определяешь происходящее как элементарную борьбу за существование.

Последнюю фразу Зеллаби произнес как-то непривычно странно, голосом совсем другого человека.

— Мудрая овца не гневит льва, — продолжал он. — Она отдает себя в его лапы, надеясь на лучшее. Дети любят карамельки и будут терпеливо ждать их.

Его глаза встретились с глазами Анжелы. Растерянность и боль исчезли с ее лица, уступив место доверию. Меня эта сцена даже смутила. Зеллаби повернулся ко мне.

— Дорогой друг! У меня сегодня будет много дел. Возможно, вы захотите отпраздновать поднятие нашего шлагбаума? Поезжайте в Трейн с Анжелой.

Незадолго перед вторым завтраком мы возвратились в Киль Мейн. Зеллаби сидел в кресле на веранде. Он не слышал моих шагов, и, увидев его лицо, я был поражен переменой, происшедшей в нем. За завтраком он выглядел помолодевшим и сильным, а сейчас передо мной сидел старый, уставший, больной человек. Легкий ветерок шевелил его волосы, подчеркивая худое лицо, взгляд, устремленный вдаль.

Половицы заскрипели, Зеллаби встрепенулся. Лицо его оживилось, оно вновь принадлежало именно тому Зеллаби, которого я хорошо знал. Я сел в кресло рядом с ним, поставив на пол большую банку карамелек. Зеллаби внимательно посмотрел на нее.

— Они их очень любят, ведь они просто дети.

— Послушайте, — обратился я к нему. — Мне не хочется быть слишком назойливым, но не думаете ли вы, что неразумно идти туда сегодня вечером. В конце концов время вспять не повернуть. Они не могут не предполагать, что против них будут предприняты меры. Их ультиматум сразу же принят не будет, если будет принят вообще. Вы сказали, что они нервничают и сейчас, оставаясь при этом крайне опасными.

— Только не для меня, мой дорогой. Я стал их учителем еще до того, как власти приложили к ним руки. И я продолжаю их учить. Я не могу сказать, что понимаю их, но думаю, что знаю о них больше, чем кто-либо другой. И главное — они мне доверяют...

Он замолчал, откинувшись в кресле.

— Доверяют... — начал он, но в этот момент в комнату вошла Анжела с подносом в руках, на котором стояла бутылка вишневой настойки и стаканы. Зеллаби тут же принялся расспрашивать ее о том, что говорят о нас в Трейне.

За ленчем он был более молчалив, чем обычно, сразу же после него вышел из кабинета. Чуть позже я увидел его идущим к шоссе — направление его ежедневной прогулки, но он не пригласил меня с собой, поэтому я развалился в кресле. Он вернулся к чаю, за которым посоветовал мне как следует поесть, так как из-за лекции ужин будет перенесен.

Анжела без особой надежды вставила:

— Дорогой, ты не думаешь... Я имею в виду, они уже видели твои фильмы. Я знаю, что ты показывал этот фильм два раза, по крайней мере. Не мог бы ты отложить его и найти новый?..

— Дорогая, это очень хороший фильм. Его можно смотреть больше чем два раза, — объяснил Зеллаби немного обиженно. — Кроме того, я не говорю два раза одно и то же: об островах Греции всегда найдется что сказать.

В половине седьмого мы начали загружать его вещи в машину. Оказалось, что их очень много. Бесчисленные коробки с проектором, усилителем, громкоговорителем, коробка с фильмом, магнитофон. Все очень тяжелое. Когда все сложили, показалось, что он уезжает не на вечернюю лекцию, а в длительное путешествие. Сам Зеллаби крутился вокруг, проверяя, пересчитывая. Добавил банку карамелек и, наконец, довольный повернулся к Анжеле.

— Я попросил Гейфорда довезти меня до Фермы и помочь разгрузиться, — сказал он. — Не беспокойся, — он прижал ее к себе и поцеловал.

— Гордон... — начала она. — Гордон...

Он поднял ее лицо и посмотрел в глаза.

— Не бойся, дорогая, я знаю, что делаю, — сказал он ей. Затем он повернулся, сел в машину, и мы поехали по шоссе. Анжела оставалась на ступеньках, несчастно глядя на нас.

Я не могу сказать, что, когда мы подъехали к Ферме, у меня не было дурных предчувствий. Однако внешне на Ферме ничто не вызывало тревогу. Это было довольно большое здание, изуродованное новыми, индустриального типа крыльями, построенными как лаборатории во времена мистера Кримма. Лужайка перед домом еще носила следы побоища, развернувшегося здесь две недели назад. Наш приезд не остался незамеченным. Прежде чем я успел открыть дверцу и выйти, парадная дверь распахнулась, и с десяток Детей возбужденно сбежали по ступенькам, крича:

— Здравствуйте, мистер Зеллаби!

Они открыли задние дверцы, и два Мальчика начали вытаскивать вещи. Две Девочки понесли по ступеням вверх микрофон и свернутый экран. Другие с восторгом вытащили банку с карамельками и поспешили за Девочками.

— Стоп, — сказал Зеллаби обеспокоенно, когда они дошли до тяжелых ящиков. — Это очень деликатные вещи. Обращайтесь с ними аккуратнее.

Мальчик улыбнулся ему в ответ и поднял один из черных ящиков. Ничего странного или загадочного сейчас в Детях не было, если не считать их удивительной похожести, словно они были из хора музыкальной комедии. В первый раз со времени моего приезда я разглядел в них просто детей, и было невозможно сопрягать этих детей с опасностью. Визит Зеллаби был очень важным событием. Я видел, как он наблюдает за ними с доброй, умудренной улыбкой. У меня появилось чувство, что это совсем не те Дети. Было трудно представить их в сцене с несчастным констеблем, которая поразила Бернарда. И еще труднее было поверить, что они могли предъявить ультиматум для передачи его в высшие инстанции.

— Надеюсь, присутствовать будет большинство, — полувопросительно сказал Зеллаби.

— Да, мистер Зеллаби, — заверил его один из Мальчиков. — Все, кроме Уилфреда, конечно: он в изоляторе.

— Да? Как он?

— Спина все еще болит, но повязку сняли, и доктор сказал, что все будет в порядке.

Мое чувство недоумения и удивления продолжало расти. Я все с большим трудом мог поверить, что именно эти Дети убили шесть человек и что Зеллаби, который стоял рядом, был тем же Зеллаби, который говорил об угрозе.

Последние ящики были вынесены из машины, и тут я вспомнил, что они уже были в машине, когда мы начали грузить остальное. Они были очень тяжелыми, так как каждый ящик тащили два Мальчика.

Зеллаби проследил за тем, как они поднимаются по лестнице, и повернулся ко мне.

— Огромное спасибо вам за помощь, — сказал он, словно отпуская меня.

Я был разочарован. Мне хотелось остаться и продолжать изучать их во время беседы. Зеллаби поймал выражение моего лица.

— Я бы пригласил вас остаться, — объяснил он. — Но должен признаться, что мысли об Анжеле не дают мне покоя. Она очень встревожена. Она всегда неуютно чувствует себя с Детьми, и эти несколько месяцев огорчили ее больше, чем она показывает. Я очень надеюсь, что вы, мой дорогой друг... Это было бы очень любезно с вашей стороны...

— Конечно, — сказал я. — Как непростительно с моей стороны не подумать об этом. Да, конечно...

Что еще можно было сказать?.. Зеллаби улыбнулся и протянул мне руку.

— Отлично. Я вам очень благодарен, мой дорогой. Я уверен, что могу рассчитывать на вас.

Затем он повернулся к Детям, которые все еще галдели рядом, и улыбнулся им.

— Они заждались, — бросил он. — Веди, Присцилла.

— Я — Хелен, мистер Зеллаби.

— О, хорошо. Неважно. Пойдемте, мои дорогие, — сказал он, и они вместе поднялись по ступенькам.

Я вернулся в машину и не спеша поехал по дороге через деревню. В «Косе и Камне» все выглядело как обычно, я подумал было остановиться здесь и выяснить местные настроения, но вспомнил просьбу Зеллаби и поехал дальше. В Киль Мейне я развернулся, оставил машину готовой к поездке за Зеллаби после лекции и вошел в дом. В главной гостиной Анжела сидела перед распахнутыми окнами, слушая концерт Гайдна. Она повернулась ко мне, и по выражению ее лица я понял, что Зеллаби был прав, когда отправлял меня домой.

— Встречен с энтузиазмом, — ответил я на ее взгляд. — Из всего, что я увидел, могу сказать только, что, если не принимать в расчет их озадачивающей похожести, это была обычная толпа школьников. У меня нет сомнений, что он прав, когда говорит, как они ему доверяют.

— Возможно, — согласилась она. — Но я им не доверяю. Думаю, с того самого времени, когда они заставили своих мамаш вернуть их сюда. Мне удавалось сильно не волноваться, пока они не убили Джима Паули. Но с того времени я начала их бояться. Слава Богу, я сразу отослала Майкла. Трудно представить, что они однажды могут натворить. Даже Гордон соглашается, что они встревожены. С нашей стороны ужасно глупо оставаться здесь жить, ставя себя под угрозу детского страха или приступа злости, который на них найдет. Можете ли вы представить, что кто-нибудь серьезно воспримет их ультиматум? Я не могу! А это значит, что Дети должны устроить нечто такое, что заставит обратить на них внимание. Они должны убедить важных большеголовых персон, чтобы те выслушали, но как они решат эту за-

дачу, знает один Бог. После всего случившегося я так напугана, я боюсь... Им абсолютно все равно, что может произойти с нами.

— То, что они проделали в Мидвиче, не очень-то им поможет, — я попытался хоть как-то успокоить ее. — Они должны поехать в Лондон вместе с Бернардом, как намечали. И если они устроят там несколько своих штучек, то...

Яркая, напоминающая грозовую, вспышка оборвала мои слова. Дом потряс взрыв.

— Что?.. — начал я. Но не смог продолжать. Взрывная волна, хлынувшая в дом через окно, чуть не свалила меня с ног. Вслед за ней обрушился дикий ревущий грохот. Казалось, крыша дома вот-вот обрушится на нас. Переполнивший наши души грохот резко оборвался, сменившись еще более страшной тишиной.

Не осознавая происходящего, я бросился вслед за Анжелой, выпрыгнув через окно на поляну. По воздуху со всех сторон неслись листья, сорванные с деревьев. Я взглянул на дом. Два куска штукатурки отвалились от стены, упав вниз. Все окна глядели на меня пустыми рамами, ни единого куска стекла не осталось.

Я повернулся: сквозь деревья и над ними виднелось яркое белое пламя. Ни секунды не сомневаясь, я понял, что все это значит...

Вернувшись через некоторое время в дом, я направился в гостиную, но Анжелы там не было... Я позвал ее, но она не откликнулась. Я нашел ее в кабинете Зеллаби.

Пол комнаты был усеян битым стеклом. Анжела сидела за столом, уронив голову на обнаженные руки. Когда я вошел, она не пошевелилась и ничего не сказала.

Из открытой двери потянуло сквозняком. Он подхватил листок бумаги, лежащий рядом с Анжелой, и бросил его мне под ноги.

Я поймал его. Это было письмо, написанное рукой Зеллаби. Необходимости читать его у меня не было: все стало предельно ясно в тот самый момент, когда я увидел красно-белый столб пламени над Фермой, вспомнил несколько ящиков, которые, как я полагал, содержали его проектор. Конечно же, письмо адресовалось не мне, но когда я положил его обратно на стол, рядом с неподвижно сидящей Анжелой, мне попались на глаза несколько строк:

«... доктор подтвердит, что это дело нескольких недель, в лучшем случае месяцев. Так что не огорчайся, моя единственная любовь.

... нельзя забывать о борьбе за существование. Ведь говорят, что с волками жить — по-волчьи выть. Умно сказано, хотя можно сказать и проще: «Если хочешь выжить в джунглях — живи по их законам».

ЧОККИ

Я узнал о Чокки весной того года, когда Мэтью исполнилось двенадцать. В конце апреля или в начале мая — во всяком случае весной, потому что в этот субботний день я без особого пыла смазывал косилку в сарае и вдруг услышал под окном голос Мэтью. Я удивился: я и не знал, что он тут, рядом. Он с явным раздражением отвечал кому-то, а вот кому — непонятно.

— Почем я знаю? Так уж оно есть.

Я решил, что он привел в сад приятеля и тот спросил его о чем-то по дороге. Я ждал ответа, но так и не дождался. И тут снова заговорил мой сын, сменив гнев на милость:

— Ну, время, за которое Земля оборачивается вокруг своей оси,— это сутки, и в них двадцать четыре часа, и...

Он замолчал, словно его прервали,— но я ничего не услышал.

— Не знаю я, почему!— снова ответил он.— И ничем тридцать два не лучше! Всем известно, что двадцать четыре часа — это сутки, а семь суток — неделя...

Его прервали опять. Он возразил:

— Нет, не глупо! Семь не глупей восьми. (*Пауза.*) А зачем ее делить на четвертушки? Ну зачем? В неделе семь дней — и все! А четыре недели — это месяц, только в нем тридцать дней или тридцать один... Нет, тридцать два никогда не бывает! Дались тебе эти тридцать два! Да, я понял, просто нам такой недели *не надо*. И вообще, Земля делает оборот вокруг Солнца за триста шестьдесят пять дней. Все равно ты их не разделишь на твои половинки и четвертушки.

Мое любопытство было настолько возбуждено этим односторонним разговором, что я осторожно выглянул из окна. Мэтью сидел под самым окном на перевернутом ведре, привалившись к нагретой солнцем кирпичной стенке, и я увидел сверху его светловолосую макушку. Смотрел он, по-видимому, на кусты, что росли по ту сторону газона. Но в этих кустах, да и вообще нигде вокруг никого не было.

Однако Мэтью продолжал:

— В году двенадцать месяцев... — его снова прервали, и он чуть-чуть склонил голову набок, словно прислушивался. Прислушался и я, но не услышал ни словечка, даже шепотом.

— Совсем не глупо!— возразил он.— Одинаковые месяцы в год не втиснешь, хоть ты их...

Он снова оборвал фразу, но на этот раз прервавший его голос был слышен весьма отчетливо. Это крикнул Колин, соседский мальчишка, в саду за стеной. Мэтью мгновенно преобразился — серьезность слетела с него, он вскочил, взревел и помчался по газону к дырке в нашем заборе.

Я же принялся за косилку, и все это не шло у меня из головы, но шум, поднятый мальчишками в соседнем саду, немного успокоил меня.

Я постарался не думать об этом, но позже, когда дети легли, мне снова стало не по себе.

Беспокоил меня не этот разговор — дети, в конце концов, часто говорят сами с собой; я удивился тому, на какую тему говорили, и не понимал, почему Мэтью так упорно и явно верил в присутствие невидимого собеседника. Наконец я спросил:

— Мэри, ты ничего не замечала странного... или... нет, как бы это получше выразиться?.. необычного, что ли... у Мэтью?

Мэри опустила вязанье.

— А, и ты заметил! — она взглянула на меня.— Да, «странное» — не то слово. Он слушал невидимку? Или говорил сам с собой?

— И то, и другое. Это с ним давно?

Она подумала.

— В первый раз я это заметила... Ну, дней двадцать назад...

Я не очень удивился, что так долго ничего не замечал: на неделе я мало вижу детей.

— Беспокоиться не стоит,— говорила Мэри.— Детская блажь... Помнишь, он был машиной, углы огибал, тормозил. Слава богу, это скоро кончилось. Надо думать, и тут недолго протянется...

В голосе ее было больше надежды, чем уверенности.

— Ты не волнуешься за него?— спросил я.

Она улыбнулась.

— Ну, что ты! Он в порядке. Я больше волнуюсь за нас.

— За нас?

— Может, нам грозит новый Пиф...

Мне стало не по себе.

— Ну нет!— вскинулся я.— Только не Пиф!

Мы с Мэри встретились шестнадцать лет назад и через год поженились.

Встречу нашу можно приписать и совершенной случайности, и чрезмерной предусмотрительности судьбы, смотря как взглянуть. Во всяком случае, обычной она не была, и — насколько нам обоим помнится — нас никто никогда не знакомил.

К тому времени я несколько лет работал не за страх, а за совесть в фирме Энсли и Толбой, что на Бэдфорд-сквере, и как раз тогда меня сделали младшим компаньоном. Теперь уж я не помню, почему я решил как-то особенно, по-новому провести лето — то ли хотел отпраздновать повышение, то ли просто устал, а может, тут было и то, и другое.

Теоретически я мог поехать куда угодно. В действительности же не все было мне по карману, и времени могло не хватить, и за пределы Европы тогда не очень выезжали. Но, в сущности, и в Европе много хороших мест.

Поначалу я носился с мыслью о круизе по Эгейскому морю. Залитые солнцем облака манили меня, я тосковал по лазури вод, и пение сирен уже ласкало мой слух. К несчастью, оказалось, что все места проданы, кроме недоступного мне первого класса, проданы до октября.

Потом я решил просто побродить по Европе, беззаботно шагая от деревни к деревне; но, поразмыслив, понял, что моих знаний французского будет маловато.

Тогда, как и тысячи других людей, я стал помышлять о туристической поездке; в конце концов, нам покажут много интересных мест. Я снова подумал о Греции, но, сообразив, что добираться до нее очень долго, даже если и делать по сто миль в день, нехотя отложил это на будущее и сосредоточил внимание на более доступных мне красотах Рима.

Мэри Босворт в эти дни была без работы. Она только что кончила Лондонский университет и не знала, кому нужны — и нужны ли вообще — ее познания в истории. Они с подругой после экзаменов решили отправиться за границу для расширения кругозора. Правда, у них были разногласия насчет того, куда ехать. Мэри тянуло в Югославию. Подруга ее, Мелисса Кэмпли, стремилась в Рим — из принципа, а главное потому, что такую поездку она считала паломничеством. Сомнения Мэри — может ли паломник ехать поездом — она отмела и стояла на том, что путешествие с гидом, снабжающим вас по пути ценными сведениями, ничуть не хуже поездки верхом, сдобренной сомнительными историями.* Спор кончился сам собой: туристическое агентство сообщило, что набирает группу туристов для путешествия в Рим.

За два дня до отъезда Мелисса заболела свинкой. Мэри обзвонила друзей, но никто не смог собраться так быстро, и ей пришлось отправиться одной туда, куда ехать не хотелось.

Так цепочка помех и уступок привела к тому, что мы с Мэри и двадцатью пятью другими туристами сели в розовый с желтым автобус, и, сверкая золотыми буквами, он повез нас к югу Европы.

Но в Рим мы так и не попали.

Кое-как устроившись на ночь в гостинице у озера Комо, где удобства были ниже всякой критики, а еда — и того хуже, мы проснулись в одно лучезарное утро и, глядя на то, как солнце сгоняет туман с ломбардских холмов, поняли, что дело наше плохо. И гид, и шофер, и автобус исчезли.

После бурного совещания мы решили послать срочную телеграмму в агентство; ответа не было.

Время шло, настроение портилось — не только у нас, но и у хозяина. Кажется, он ждал к вечеру новых туристов. Наконец, они прибыли, и наступил полный хаос.

Все начали снова совещаться, и вскоре стало ясно, что мы с Мэри — единственные одиночки — не можем рассчитывать на постель; стащив из ресторана стулья полегче, мы расположились на них. Все же лучше, чем на полу.

Наутро ответ от агентства еще не пришел. Мы снова послали срочную телеграмму. Кое-как нам удалось раздобыть кофе и булочек.

— Так далеко не уедешь,— сказал я Мэри за завтраком.

— Как, по-вашему,— спросила она,— что случилось?

Я пожал плечами.

---

* Намек на «Кентерберийские рассказы» Чосера, где описывается паломничество к мощам святого Фомы Бекета.— *Прим. перев.*

— Может, агентство обанкротилось. Эти двое — шофер и гид — как-то узнали и поспешили смыться.

— Вы думаете, не стоит тут ждать?

— Конечно. А деньги у вас есть?

— До дому доехать не хватит. Фунтов пять-шесть и лир тысячи четыре. Я думала: мне много не надо.

— И я так думал. У меня фунтов десять, а лир совсем мало. Давайте подумаем, как нам быть.

Наши спутники раздраженно спорили или мрачно молчали.

— Ладно, — согласилась она.

Мы взяли чемоданы, вышли и сели у дороги ждать автобуса. Он привез нас в городок, где была железнодорожная станция, и оттуда мы поехали в Милан. Консул не очень нам обрадовался, но с облегчением вздохнул, когда узнал, что мы просим лишь денег для проезда домой вторым классом.

Следующей весной мы поженились. Это оказалось не так просто. У Мэри оказалось столько родных, что на свадьбе я чуть не задохнулся.

Мои родители скончались за несколько лет до моей свадьбы; родных у меня мало, так что с моей стороны были только Алан Фрум — мой шафер, дядя с тетей, две кузины, старший партнер по фирме и несколько друзей. Все остальное пространство в церкви занимали Босворты. Там были родители Мэри; ее старшая сестра Дженет с мужем, четырьмя детьми и явными признаками пятого; другая старшая сестра Пэшенс, с тремя детьми; братья Эдвард (Тэд) и Фрэнсис (Фрэнк), с женами и неисчислимым количеством детей; дяди, тети, кузины, друзья, приятели и просто знакомые — все столь плодовитые, что церковь уподобилась яслям или школе. Выдавая замуж последнюю дочку, мой тесть решил устроить все на славу, и это ему удалось.

Мы немного пришли в себя и решили воплотить в жизнь заветную мечту — провести медовый месяц в Югославии и на греческих островах.

Потом мы купили домик в Чешанте — оттуда было легко доехать до всех Босвортов.

Когда мы его покупали, мне, помнится, стало чуть-чуть не по себе, словно я почувствовал, что поступаю не совсем благоразумно; однако я приписал это личному предубеждению. Я не привык к родственным связям, не знал их с детства, а то, что я видел, мне не очень понравилось, но ради Мэри я решил стать настоящим членом клана. Она-то к родным привыкла! К тому же, думал я, ей будет не так одиноко при моих отъездах в город.

Намерения мои были благими, но все вышло не так, как думалось. Я скоро понял, что из меня не сделаешь полноценного представителя клана; боюсь, это поняли и другие. И все же, быть может, я нашел бы себе место в клане, если б не особые обстоятельства.

В первый же год после нашего знакомства Дженет родила пятого и поговаривала о том, что шесть — более круглое число. Другая сестра, Пэшенс, поспешила создать квартет. Фрэнк тоже подарил Мэри племянника, и ее то и дело приглашали в крестные матери. У нас же не было надежд на появление ребенка.

Прошло два года с тех пор, как мы поженились, а ребенка все не было. Мэри сменила старого доктора на нового и, не поверив ему, отправилась к третьему. Третий тоже сказал, что беспокоиться не о чем... но Мэри беспокоилась.

Я, надо сказать, не знал, к чему такая спешка. Мы были молоды, и времени у нас хватало — все впереди! Мне даже хотелось пожить свободно еще несколько лет, и я говорил об этом Мэри.

Она соглашалась, но только для проформы. Создавалось впечатление, что она благодарна мне за притворство, но уверена, что сам я страдаю так же, как она.

Я не понимаю женщин. Никто их не понимает. А сами они понимают себя хуже всех. Например, ни я, ни они не могли бы сказать, почему им так хочется поскорее родить: биологическая ли это потребность или тут играют роль и другие факторы — желание оправдать надежды близких, доказать свою нормальность, укрепить семью, утвердить себя, убедиться, что ты совсем взрослая, не отстать от людей, выдержать соревнование. Не знаю, какой из этих факторов весомее и есть ли иные, но все вместе они оказывают мощное воздействие. Стоит ли говорить, что замечательнейшие из женщин — скажем, Елизавета I или Флоренс Найтингейл* — не утвердили, а потеряли бы себя, роди они ребенка. В мире, где и так хватает детей, все еще мечтают о детях.

Я начал сильно беспокоиться.

— Она с ума сходит,— говорил я Алану.— И совершенно зря. Доктора уверяют ее, что все в порядке, и я уверяю — но тут все горе в том, что очень уж давит среда. Весь ее клан помешан на детях, они больше ни о чем не говорят. Сестры рожают и рожают, и невестки, и подруги; и с каждым новорожденным она чувствует себя все более неполноценной. Я теперь не знаю — да и она не знает,— хочет она ребенка для себя или это что-то вроде соревнования.

Алан ответил так:

— Думаешь, ты прав? Вряд ли. Очень ли важно, в инстинкте дело или в среде? Она хочет ребенка, вот что главное, очень хочет. Мне кажется, выход тут один.

— Да, господи, мы столько советовались...

— Я хочу сказать — надо найти замену. Как ты считаешь?

И мы усыновили Мэтью.

Какое-то время казалось, что все улажено. Мэри очень его полюбила, и дел у нее прибавилось. А кроме того, теперь она могла толковать о детях, как все.

Как все? Нет, не совсем... Когда прошел первый восторг, Мэри поняла, что все же она не совсем полноценная мать.

— Мы переезжаем,— сказал я Алану месяцев через шесть.

— Куда?— спросил он.

— Да я нашел тут местечко в Хиндмере. Хороший дом, побольше этого, и стоит повыше. Меньше похоже на город. Воздух, говорят, лучше.

Он кивнул.

— Так, так,— сказал он и снова кивнул.— Правильно.

— Ты о чем?

— Далеко отсюда. На другом конце Лондона... А Мэри что думает?

---

* Флоренс Найтингейл (1820—1910) — одна из первых женщин — медицинских сестер, организатор фронтовой службы милосердия.— *Прим. перев.*

— Она очень рада. Вообще, она теперь редко радуется,— но попробовать ей хочется.— Я помолчал.— Иного выхода нет. Я очень боялся, что она вот-вот сорвется. Увезу ее от этих влияний. Пусть ее родные услаждаются своей плодовитостью, а ей лучше пожить самостоятельно. В новом месте никто не будет знать, что Мэтью — не ее сын, если она сама не скажет. Кажется, это и до нее дошло.

— Да, лучше не придумаешь,— отвечал Алан.

Так оно и было. Мэри ожила. Через несколько недель она совсем оправилась, завела друзей и нашла себе место в жизни.

А через год мы сами стали ждать ребенка.

Я сказал двухлетнему Мэтью, что у него появилась сестричка. К моему удивлению, он заплакал. Не без труда я допытался, что он ждал овечку. Но он быстро смирился и отнесся к Полли с большой ответственностью.

Так мы стали хорошей и правильной семьей из четырех человек — правда, одно время нас было пятеро. К нам присоединился Пиф.

Пиф был невидимый маленький друг. Полли завела его лет в пять, и, пока он был с нами, он нам очень мешал.

Вот ты садишься на пустой стул, и вдруг тоскливый вопль удерживает тебя в самой неустойчивой позе — ты чуть не задавил Пифа. Любое твое движение могло обеспокоить неприкосновенную тварь, и Полли кидалась утешать ее, самозабвенно бормоча что-то о неосторожных злых папах. Часто в самый разгар телеспектакля или бокса из детской, сверху, раздавался зов; в большинстве случаев Пифу хотелось попить. Когда, зайдя в кафе,мы вчетвером садились за столик, Полли отчаянно молила изумленную официантку принести пятый стул. Или в машине включишь сцепление, а дети тут же взвоют — оказывается, Пиф еще не сел, надо открыть дверцу. Как-то раз я отказался взять Пифа на прогулку и зря — моя жестокость омрачила весь день.

Для существа своей породы Пиф был не слишком долговечен. Он пробыл с нами добрую часть года, которая показалась нам длинней, чем была, а летом его обидели. Увлекшись более осязаемыми друзьями, Полли бессердечно покинула его, и в город мы вернулись вчетвером.

Я был рад его исчезновению, но пожалел беднягу, обреченного навеки бродить по пустынным пляжам Сассекса. И все-таки без него стало легче — кажется, и самой Полли. И вот теперь Мэри намекнула, что нам грозит еще один такой друг; но об этом страшно было и подумать.

— Да,— печально ответил я.— К счастью, этого быть не может. Пиф годится для маленькой девочки. Если один надцатилетний парень хочет кем-нибудь командовать, у него всегда найдутся мальчишки поменьше.

— Ох, надеюсь, ты прав,— неуверенно сказала Мэри.— Хватит с нас одного Пифа.

— Тут совсем другое,— продолжал я.— Если помнишь, Пифа вечно бранили, и он кротко терпел. А этот все ругает, обо всем судит...

Мэри удивилась.

— Как это? Я не понимаю...

Я повторил, как мог, все, что слышал.

Мэри нахмурилась.

— Ничего не пойму,— сказала она.

— Очень просто. В конце концов, календарь — условность...

— Нет, Дэвид! Для детей — нет! Для мальчика это закон природы, как день и ночь или зима и лето. В неделе семь дней, иначе быть не может.

— Мэтью примерно так и отвечал. Понимаешь, казалось, будто он спорит с кем-то... или с самим собой. В любом случае — дело темное.

— Наверное, он спорил с тем, что ему в школе сказали — учитель или кто еще.

— Да, наверное,— согласился я.— И все равно неясно. Кажется, теперь кое-кто хочет, чтобы в каждом месяце было по двадцать восемь дней. Но чтобы в неделе — восемь, а в месяце — тридцать два... нет, такого я не слышал.— Я подумал немного.— Ничего не выйдет. Куда-то надо деть еще девятнадцать дней.— Я покачал головой.— Во всяком случае, я не хотел бы раздувать из этого историю. Просто мне это показалось необычным и все. А ты ничего не замечала?

Мэри снова опустила вязанье и пристально изучала узор.

— Нет... не то чтобы очень. Иногда он что-то бормочет, но бормочут все дети. Боюсь, я не очень прислушивалась... Понимаешь, не хотела помогать рождению нового Пифа. Но вот что важно: он теперь все время спрашивает...

— Теперь!— повторил я.— А раньше он не спрашивал?

— Сейчас — по-другому. Понимаешь, раньше он спрашивал, как все... А теперь...

— Я не заметил никаких перемен.

— Да, он и по-старому спрашивает, но еще и по-новому, иначе.

— Как же это?

— Ну, вот хотя бы: «почему у людей два пола?» Он говорит, зачем нужны два человека, чтобы сделать одного? И еще — «где Земля?» Нет, подумай — как это «где»? По отношению к чему? Он знает, что она вращается вокруг Солнца, но где само Солнце? И еще много другого — совсем не те вопросы, что прежде.

Я ее понимал. Раньше Мэтью спрашивал много и о разном, но интересы его были ближнего прицела, скажем, «почему тут гайка?» или «почему лошади едят одну траву, а мы так не можем?»

— Взрослеет?— предположил я.— Кругозор расширяется?

Мэри поглядела на меня с упреком.

— Милый, я о том и твержу. Ты мне другое скажи: *почему* он расширяется, *почему* так вот, сразу, изменились у Мэтью интересы?

— А что? Ты как думала? Для того и ходят в школу, чтоб интересы стали шире.

— Да, да,— сказала она и снова нахмурилась.— Но это не то, Дэвид. Он не просто развивается. Он как будто перепрыгнул на другую дорожку... Он стал другим, иначе на все смотрит.— Она помолчала, все еще хмурясь, и прибавила:— Надо бы знать побольше о его родителях. В Полли я вижу и тебя, и себя. Смотришь — и чувствуешь: *кто-то* развивается. А с Мэтью не за что ухватиться. Не знаешь, чего ждать.

Я понял ее — хотя не очень уж верю, что в ребенке видны родители. И еще я понял, куда идет наш разговор. Через два-три раунда мы уткнемся в проблему среды и наследственности. Чтобы этого избежать, я сказал:

— Надо слушать и наблюдать — так, незаметно,— пока впечатления не станут отчетливей. Зачем зря беспокоиться? Может, это скоро пройдет.

И мы решили положиться на время.

Однако следующий же день принес новые впечатления.

Для воскресной прогулки мы с Мэтью выбрали берег реки.

Я не сказал ему о подслушанном разговоре и говорить не собирался, но присматривался к нему — правда, без особых успехов. Вроде бы он был как всегда. Быть может, думал я, он стал чуть-чуть внимательней? Немножко лучше понимает нас? Иногда мне так казалось, но я не был уверен и подозревал, что это я стал внимательней к нему. Примерно с полчаса он задавал свои обычные вопросы, пока мы не добрались до фермы «У пяти вязов».

Дорога шла через луг, и штук двадцать коров тупо глядели на нас. И тут с Мэтью что-то случилось. Когда мы почти пересекли поле и подошли к перелазу через плетень, он замедлил шаг, остановился и стал смотреть на ближнюю корову. Она тоже глядела на него не без тревоги. Когда они насмотрелись друг на друга, Мэтью спросил:

— Папа, почему коровы не идут дальше?

Сперва вопрос показался мне одним из ста тысяч почему, но Мэтью очень уж вдумчиво смотрел на свою корову. Ей это, по-видимому, не нравилось. Она замотала головой, не сводя с него стеклянного взгляда. Я решил ответить серьезно.

— Ты о чем?— спросил я.— Как это «дальше»?

— Понимаешь, она идет-идет и остановится, как будто ей дальше не пройти. А почему?

Я все еще не понял.

— Куда идет?— спросил я.

Корова потеряла интерес к Мэтью и ушла. Он пристально глядел ей вслед.

— Ну, подумай,— снова начал он.— Когда Альберт подходит к воротам, коровы знают, что их сейчас начнут доить. Они знают, в какое стойло идти, и ждут его там. А когда он всех передоит, он снова отпирает ворота, и они знают, что надо идти обратно. Дойдут до поля и станут. А зачем? Шли бы и шли.

Я понемногу начал понимать.

— Ты думаешь, они вдруг глупеют?— спросил я.

— Да,— кивнул Мэтью.— Они ведь *не хотят* тут пастись — увидят дыру в плетне и сразу уходят. Так почему бы им просто не открыть ворота и не выйти? Они бы могли.

— Ну... не умеют, наверное,— предположил я.

— Вот именно, папа. А почему? Они сто раз видели, как Альберт открывал. У них хватает ума запомнить свое стойло. Почему бы им не запомнить, как он открывает ворота? Они ведь кое-что понимают, а такое простое не поймут. Что у них в голове, интересно?

Я стал говорить об ограниченных умственных способностях животных, но это совсем сбило его с толку. Он мог понять, что у многих ума нет. Нет и нет. Но если уж он есть, почему он ограничен? Как же это могут быть границы у разума?

Мы проговорили весь остаток пути, и, входя в дом, я уже хорошо понял, что Мэри имела в виду. Раньше наш Мэтью и спрашивал, и спорил иначе. Я сказал ей об этом, и она согласилась, что пример убедительный.

Впервые мы услышали о Чокки дней через десять. Быть может, это случилось бы позже, если б Мэтью не простудился в школе. У него поднялась температура, мы его уложили, и, когда начался сильный жар, Мэтью бредил. Иногда он не знал, с кем говорит — со мной, с Мэри или с Чокки. Этот Чокки явно тревожил его, и Мэтью несколько раз принимался с ним спорить.

На второй вечер температура сильно подскочила. Мэри позвала меня наверх. Бедняга Мэтью был совсем плох. Он пылал, лоб его покрылся потом, а голова металась по подушке, словно он хотел из нее что-то вытряхнуть. Устало и отчаянно он твердил: «Нет, Чокки, нет! Не сейчас! Я не пойму. Мне спать хочется. Ой, не надо... замолчи-и. Уйди!.. Не могу я тебе сказать». Он снова заметался и вынул руки из-под одеяла, чтобы заткнуть уши. «Чокки, перестань! Заткнись!»

Мэри подошла и положила ему руку на лоб. Он открыл глаза и узнал ее.

— Ой, мама, я так устал! Прогони ее. Она не понимает. Пристала ко мне...

Мэри вопросительно взглянула на меня. Я пожал плечами. Она присела на кровать, приподняла Мэтью и поднесла к его губам стакан апельсинового сока.

— Ну, вот,— сказала она, когда он выпил сок.— А теперь ложись и постарайся заснуть.

Мэтью лег.

— Я *хочу* заснуть, мама. А Чокки не понимает. Он говорит и говорит. Пожалуйста, скажи, чтоб он замолчал.

Мэри снова положила руку ему на лоб.

— Ну, ну,— успокаивала она,— поспи, сразу легче станет.

— Нет, ты скажи ей, мама. Она меня не слушает. Прогони ее!

Мэри нерешительно посмотрела на меня. Теперь она пожала плечами, но тут же нашлась. Глядя куда-то поверх его головы, она заговорила, и я узнал старый прием времен Пифа.

— Чокки,— ласково, но твердо сказала она,— пожалуйста, дайте ему отдохнуть. Ему нехорошо, Чокки, он должен поспать. Я вас очень прошу, не трогайте его сейчас. Если завтра ему станет лучше, вы приходите.

— Видишь?— сказал Мэтью.— Ты должен уйти, Чокки, а то мне будет хуже.— Он прислушался, а потом решительно ответил:— Да.

Кажется, игра удалась. Даже точно — удалась. Он лег и явно успокоился.

— Ушла,— сказал он.

— Вот и ладно,— сказала Мэри.— Теперь полежи тихо.

Он послушался, устроился поудобней и затих. Почти сразу глаза его закрылись, и через несколько минут он заснул. Мы с Мэри поглядели друг на друга. Мэри укрыла его получше и приспособила поближе звонок. Мы на цыпочках пошли к двери, погасили свет и спустились вниз.

— Ну,— сказал я,— что нам со всем этим делать?

— Как странно, правда?— сказала Мэри.— Господи, милый, в нашей семье поселился еще один Пиф!

Я налил нам обоим ликеру, протянул Мэри рюмку и поднял свою.

— Будем надеяться, *этот* окажется полегче,— я поставил рюмку и посмотрел на нее.— Знаешь, тут что-то не то. Я тебе уже

говорил Пифов выдумывают маленькие девочки. Но чтобы парень одиннадцати лет... Так не бывает. Надо бы кого-нибудь спросить...

Мэри кивнула.

— Да,— сказала она.— А самое странное — вот что. Он как будто сам не знает, какого Чокки рода. Дети всегда знают точно, «он» или «она». Это очень важно для них.

— Это и для взрослых важно,— ответил я,— но я тебя понимаю. Ты права. Да, очень странно... Все тут странно.

Наутро температура у Мэтью упала. Он быстро выздоровел. Очевидно, оправился и его друг и простил, что его на время выгнали.

Чокки перестал быть тайной — по-моему, тут очень помогло то, что ни я, ни Мэри не проявили недоверия; и Мэтью нам кое-что поведал.

Начнем с того, что Чокки был (или была) много лучше Пифа. Он(а) не занимал(а) пустых стульев и не чувствовал(а) себя плохо в кафе. Вообще, у Чокки явно не было тела. Он(а) как бы только присутствовал(а), а слышал его (ее) один Мэтью, и то не всегда. Бывали дни, когда Мэтью совсем о нем (о ней) забывал. В отличие от Пифа Чокки не совался(лась) повсюду и не просился(лась) в уборную во время проповеди. Из двух невидимок я предпочитал Чокки.

Мэри была не столь уверена в своем выборе.

— Как ты думаешь,— спросила она однажды вечером, поглядывая искоса на петли своего вязания,— правы ли мы, что ему подыгрываем? Ты не хочешь разрушить то, что создано его воображением и так далее, но пойми, никто ведь не знает, где тут остановиться. Получается какой-то замкнутый круг. Если каждый будет притворяться, что верит во всякую чушь, как же дети научатся отличать правду от вымысла?

— Осторожней!— сказал я.— Ты коснулась опасной темы. Это во многом зависит от того, сколько народу верит в вымысел.

Она не приняла шутливого тона и продолжала.

— Грустно будет, если мы потом обнаружим, что эту фантазию надо было не укреплять, а развенчивать. Может, спросить психиатра? Он хоть скажет, нормально это или нет.

— Я бы не стал раздувать из этого историю,— возразил я.— Лучше оставить все как есть. Пиф исчез сам по себе, и вреда от него не было.

— Я не хочу посылать Мэтью к доктору. Я думала сама пойти посоветоваться, нормально это или нет. Мне будет легче, когда я узнаю.

— Если хочешь, я займусь расспросами,— сказал я.— Но, по-моему, это несерьезно. Вроде книг, понимаешь? Мы *читаем* книгу, а дети ее выдумывают, живут ею. Меня другое волнует: возраст у него не тот. Наверное, скоро это кончится. А не кончится — спросим врача.

Признаюсь, я говорил не слишком искренне. Кое-какие вопросы Мэтью меня здорово озадачили — они были вроде бы «не его», а главное — теперь, когда мы признали Чокки, он и не пытался выдать их за свои. Он часто начинал так: «Чокки не знает...», «Чокки хочет знать...», «Чокки говорит, ей интересно...».

Я отвечал, хотя мне казалось, что Мэтью ведет себя очень уж по-детски. Еще больше меня беспокоило, что он упорно считает себя посредником, переводчиком.

Во всяком случае, я решил выяснить хотя бы одно.

— Вот что,— сказал я,— не могу понять, какого Чокки пола. «Он» это или «она»? А то мне очень трудно отвечать тебе.

Мэтью не спорил.

— Да, нелегко,— сказал он.— Я тоже так думал и спросил, но Чокки не знает.

— Вон оно что!— сказал я.— Странно. Обычно это знает всякий.

Мэтью не спорил и тут.

— Понимаешь, Чокки не такой,— серьезно поведал он.— Я объяснил все как есть, а он не понял. Это очень редко бывает — по-моему, он ведь очень умный. Он сказал, что у нас все нелепо, и спросил, почему мы так устроились. А я не знаю. И никто не знает, я спрашивал. И ты не знаешь, папа?

— М-м-м... Как тебе сказать... Не совсем...— признался я.— Так уж оно есть... Природа такая...

Он кивнул.

— И я то же самое сказал — ну, примерно то же самое. Наверное, я плохо объяснил, потому что он говорит — если это на самом деле так глупо, все-таки должно быть какое-то объяснение.— Он помолчал немного, и, когда начал снова, в голосе его трогательно сочетались обида и сожаление:— У него выходит, что все самое обыкновенное глупо. Мне даже немножко надоело. Например, он животных ругает. Не пойму, за что — разве они виноваты, что у них не очень много ума?

Мы поговорили еще. Я не скрывал заинтересованности, но не хотел быть навязчивым. По истории с Пифом я помнил, что лучше не слишком давить на воображение. То, что я узнал на этот раз, уменьшило мое расположение к Чокки. Он (или она) не отличался(лась) покладистостью. Кроме того, очень уж серьезны были эти разговоры. Вспоминая нашу беседу, я понял: Мэтью даже и не помышлял, что Чокки менее реален, чем мы, и тоже начал склоняться к тому, что надо побывать у психиатра...

Одно мы, во всяком случае, выяснили, в каком роде употреблять связанные с Чокки слова. Мэтью объяснил так:

— Чокки говорит совсем как мальчик, но, понимаешь, не о том, о чем мальчики разговаривают. А иногда он бывает такой вредный, как старшие сестры... Ты понимаешь?

Я сказал, что понимаю, и, поговорив еще немного, мы решили, что лучше все-таки отнести Чокки к мужскому роду

Когда я рассказывал Мэри об этом разговоре, она задумчиво смотрела на меня.

— Все же как-то яснее, когда это «он», а не «оно»,— объяснял я.— Легче его представить, *и* общаться легче, чем с каким-то бестелесным, расплывчатым существом. Мэтью кажется, что Чокки не очень похожа на его приятелей...

— Вы решили, что Чокки — «он», потому что так вам легче с ним общаться,— сказала Мэри.

— Ну, знаешь, такой чепухи...— начал я, но махнул рукой. По ее отсутствующему взгляду я понял, что зря потрачу время. Она помолчала, подумала и медленно заговорила:

— Если это у него не пройдет, мы недели через две почувствуем, что и мораль, и медицина, и общество требуют от нас каких-то действий.

— Я бы держал его подальше от психиатров,— сказал я.— Когда ребенок знает, что он — «интересный случай», возникает куча новых бед.

Она помолчала — наверное, перебирала в уме знакомых детей. Потом кивнула. И мы решили посмотреть, что будет дальше.

Однако все вышло не так, как мы думали.

— Тише!— заорал я,— тише вы, оба!

Мэтью удивленно воззрился на меня, Полли — тоже. Потом и Мэтью, и Полли повернулись к матери. Мэри изо всех сил сохраняла безучастный вид. Губы ее чуть-чуть поджались, и, не говоря ни слова, она покачала головой. Мэтью молча доел пудинг, встал и вышел; от обиды он держался очень прямо. Полли прожевала последний кусок и громко всхлипнула. Я не растрогался.

— Чего ты плачешь?— спросил я.— Сама начала.

— Иди-ка сюда,— сказала Мэри, вынула платок, вытерла ей мокрые щеки и поцеловала.— Ну, вот. Понимаешь, папа не хотел тебя обидеть. Он тысячу раз говорил, чтобы ты не задирала Мэтью. Особенно за столом. Говорил ведь, а?

Полли засопела. Она смотрела вниз и крутила пуговицу.

— Нет, правда,— сказала Мэри,— не ссорься ты с ним. Он же с тобой не ссорится. Когда вы ругаетесь, нам очень худо, да и тебе не сладко. Ну, попробуй, всем лучше будет.

Полли оторвала взгляд от пуговицы.

— Я пробую, мама!— заревела она.— Ничего не выходит.

Мэри дала ей платок.

— А ты еще попробуй, хорошо?— сказала она.

Полли постояла тихо, кинулась к выходу и выбежала, хлопнув дверью.

Я встал и закрыл дверь.

— Мне очень жаль,— сказал я, возвращаясь.— Мне даже стыдно, но сама посуди... За две недели мы ни разу не пообедали без скандала. И всегда начинает Полли. Она его мучает и пилит, пока не доведет. Прямо не знаю, что это с ней — они всегда так ладили...

— Да, ладили,— кивнула Мэри.— До недавних пор.

— Новый этап?— предположил я.— У детей все какие-то этапы. Пока они через это перевалят, совсем измотаешься. Каждый этап плох на свой лад.

— Может, и так,— задумчиво сказала Мэри.— Только... У детей такого не бывает.

Удивившись ее интонации, я взглянул на нее. Она спросила:

— Разве ты не видишь, что ее мучает?

Я тупо глядел на нее. Она объяснила:

— Самая обычная ревность. Хотя... для того, кто ревнует, ревность всегда необычна.

— Ревнует?— переспросил я.

— Да, ревнует.

— К кому же? К чему? Не понимаю!

— Чего ж тут не понять? К Чокки, ясное дело.

Я воззрился на нее.

— Какой бред! Чокки просто... ну, не знаю, кто он такой... то есть — она... оно... Его нет, просто нету.

— Что с того? Для Мэтью он есть — значит, есть и для Полли. Ты сам сказал, что они всегда ладили. Полли восхищается

Мэтью. Он все ей говорил, она ему помогала и очень этим гордилась. А теперь у него новый друг. Она не нужна. Как тут не взревнуешь?

Я растерялся.

— Вот теперь ты говоришь так, словно Чокки на самом деле есть.

Мэри взяла сигарету.

— Что значит — «есть»? Бесы и ведьмы есть для тех, кто в них верит. И бог тоже. Для тех, кто живет верой, неважно, что есть, чего нет. Вот я и думаю — правы ли мы? Мы ему подыгрываем, он все больше верит, Чокки все больше есть... Теперь и для Полли он есть — она ведь к *нему* ревнует. Это уже не игра... Знаешь, мне это не нравится. Надо бы посоветоваться...

Я понял, что на сей раз она говорит серьезно.

— Ладно,— сказал я,— может быть...— Но тут раздался звонок.

Я открыл дверь и увидел человека, которого, несомненно, знал, но никак не мог припомнить. Я уж было подумал, что он связан с родительским комитетом, как тот представился сам.

— Здравствуйте, мистер Гор. Вы, наверное, меня не помните. Моя фамилия Тримбл, я преподаю математику вашему Мэтью.

Когда мы вошли в гостиную, Мэри его узнала.

— Здравствуйте, мистер Тримбл. Мэтью наверху, готовит уроки. Позвать его?

— Нет, миссис Гор. Я хотел видеть именно вас. Конечно, из-за него.

Я предложил ему сесть и вынул бутылку виски. Он не возражал.

— Вы чем-то недовольны, да?— спросил я.

— Что вы, что вы!— поспешил заверить он.— Совсем нет. Надеюсь ничего, что я зашел? Я не по делу, скорей из любопытства.— Он снова помолчал, глядя то на меня, то на Мэри.— Это вы математик, да?— спросил он меня.

Я покачал головой.

— Не пошел дальше арифметики.

— Значит, вы, миссис Гор?— спросил он.

Теперь головой покачала она.

— Что вы, мистер Тримбл! Я и арифметики-то не знаю.

Тримбл удивился, даже как будто огорчился.

— Странно,— сказал он,— а я думал... Может, у вас есть такой родственник или друг?..

Головой покачали мы оба. Мистер Тримбл удивился еще больше.

— Странно...— повторил он.— Кто-нибудь ему да помогал... верней, подавал мысли... как бы тут сказать...— он заторопился.— Я всей душой за новые мысли! Но, понимаете, две системы сразу — это скорей собьет ребенка, запутает... Скажу откровенно, ваш Мэтью не из вундеркиндов. До недавних пор он учился как все — ну, чуть лучше. А теперь... Как будто его кто подталкивает, дает материал, но слишком сложный...— Он снова помолчал и прибавил смущенно.— Для математического гения это бы ничего... он бы даже удовольствие получал... а для вашего Мэтью трудновато. Он сбивается, отстает.

— Я тоже буду с вами откровенным,— отвечал я.— Ничего не понимаю. Он что, рвется вперед, перепрыгивает через ступеньки?

— Нет, нет! Тут просто столкнулись разные системы... Ну, словно думаешь на двух языках сразу. Сперва я не понимал, в чем дело, а потом нашел обрывки черновика... Вот, взгляните.

Он склонился над бумагой и писал не меньше получаса. Мы явно разочаровали его, но кое-что я понял и перестал удивляться путанице в голове у Мэтью.

Тримбл касался недоступных мне областей математики, и я простился с ним не без облегчения. Однако нас тронуло, что он ради Мэтью тратит собственное время, и мы обещали разобраться в этой истории.

— Прямо не пойму, кто бы это мог быть,— сказала Мэри, когда мы вернулись в гостиную.— Вроде бы он мало кого видит...

— Наверное, у них в школе есть вундеркинд,— предположил я.— Заинтересовал его вещами, которые ему еще не осилить. Правда, я никого такого не припомню. Ну, да ладно — попробую доискаться, в чем тут дело.

Я отложил это до субботы. Когда Мэри убрала со стола и увела Полли, мы с Мэтью вышли на веранду. Я вынул карандаш и нацарапал на полях газеты:

ДНДДННДД

— Что это?— спросил я.

— Сто семьдесят девять,— сказал Мэтью.

— Почему бы просто не написать 179?— сказал я.

Мэтью объяснил мне двоичную систему — примерно как Тримбл.

— Что же это, легче, по-твоему?— спросил я.

— Не всегда,— сказал Мэтью,— делить трудно.

— Зачем же идти кружным путем? Разве по-обычному не проще?

— Понимаешь, так ведет счет Чокки. Он не умеет по-нашему. Он говорит, очень глупо возиться с десятью дурацкими цифрами потому, что у нас десять пальцев на руке. Тут и двух пальцев хватит.

Я смотрел на бумажку и думал, как быть. Значит, Чокки... Мог бы и сам догадаться.

— Что ж, когда Чокки считает, он так и говорит Д и Н?

— Ну, вроде того... Не совсем... Это я их зову Д и Н — вместо «да» и «нет», чтоб легче было.

Я раздумывал, как справиться с новым вторжением Чокки; надо полагать, вид у меня был растерянный — и Мэтью снова стал терпеливо объяснять.

— Понимаешь, папа, сто — это ДДНННДНН. Начинай справа. 1 — нет, 2 — нет, 4 — да, 8 — нет, 16 — нет, 32 — да, 64 — да. Сложи все Д, получишь сотню. Так все числа можно написать.

Я кивнул.

— Ясно, Мэтью. А теперь вот что скажи — как ты это узнал?

— Я же говорил, папа! Так Чокки считает.

Мне снова захотелось усомниться в существовании Чокки, но я рассудительно сказал:

— Ну, а он откуда взял? Вычитал где-нибудь?

— Не знаю, папа. Кто-нибудь его научил,— неуверенно отвечал Мэтью.

Я вспомнил кое-какие математические загадки, которые задал мне Тримбл, выложил Мэтью и не удивился, что для Чокки и это

— дело привычное. Вдруг Мэтью как-то встряхнулся и пристально взглянул на меня.

— Папа, ты ведь не думаешь, что я сумасшедший?

Я смутился; мне казалось, что я сумел это скрыть.

— Ну что ты! Кто тебе это сказал?

— Колин.

— Ты не говорил ему про Чокки?

— Нет! Я никому не говорил, только тебе и маме... И Полли,— печально прибавил он.

— Молодец,— похвалил я его.— Я бы тоже никому не сказал. А что же Колин?

— Я его спросил, может, он слышал — есть люди, у которых внутри кто-то разговаривает?— серьезно объяснил Мэтью.— А он говорит, не слышал, это первый признак у сумасшедших. Этих, которые слушают голоса, сажают в сумасшедший дом или жгут, как Жанну д'Арк. Ну, я и хотел узнать...

— А, вон оно что!— сказал я уверенным тоном, который не соответствовал моим чувствам.— Это совсем другое дело.— Я лихорадочно и тщетно искал мало-мальски убедительную разницу.— Он имел в виду голоса, которые пророчат или, скажем, подбивают людей на всякие глупости. Те голоса ни о чем не спрашивают и не учат бинарной системе. Наверное, он читал про такие голоса, а тебя не совсем понял. Ты не беспокойся, не стоит.

Кажется, я говорил убедительней, чем думал. Мэтью радостно кивнул.

— Я бы очень не хотел сойти с ума,— сказал он.— Понимаешь, я совсем не сумасшедший.

Мэри я рассказал только о первой части нашей беседы — я чувствовал, что вторая ничего не даст, а ее растревожит.

— Все сложней и сложней,— говорил я.— Считается, что дети часто делают открытия, но они им рады, они гордятся собой. Что-то тут не то...Зачем приписывать другому свои успехи? В этом есть что-то ненормальное. А все-таки его интересы стали шире. Он теперь больше замечает. И, потом, у него появилась какая-то ответственность. Тут вот что важно: может ли повредить такой кружной подход? Этот твой Тримбл вроде бы не очень доволен?

— Ах, да!— перебила меня Мэри.— Я получила записку от мисс Тоуч, их географички. Я не все поняла, но в общем она благодарит нас за то, что мы поощряем интерес к ее предмету, и тактично намекает, что слишком подталкивать его не надо.

— Опять Чокки?— спросил я.

— Не знаю. Боюсь, Мэтью задавал ей такие же странные вопросы, как мне — где Земля и все в этом роде.

Я подумал.

— Может, изменим тактику?— предложил я.— Перейдем в наступление?

— Нет,— сказала Мэри.— Чокки спрячется. То есть Мэтью перестанет нам доверять и замолчит, а это ведь хуже.

Я потер лоб.

— Трудно это все... И поощрять глупо, и мешать... что же нам делать?

Во вторник мы все еще думали и гадали, как нам быть.

В тот день по пути домой я забрал новую машину — автомобиль с прицепом, о котором я давно мечтал. Прицеп был боль-

шой, просторный, и багажник немалый. Мы все уселись в машину и проехались немножко для пробы. Машина меня хорошо слушалась, и я понял, что привяжусь к ней. Мои были просто в восторге и, подъезжая к дому, решили держать теперь голову выше. Потом я оставил машину у гаража (мы собирались с Мэри в гости) и прошел к себе, с тем чтобы написать до ужина письмо.

Примерно через четверть часа я услышал громкий голос Мэтью. Слов я не разобрал, но понял, что он с кем-то сердито спорит. Выглянув в окно, я увидел, что прохожие останавливаются и не без удовольствия смотрят через забор. Я пошел разобраться, что к чему. Мэтью, весь красный, стоял неподалеку от машины и что-то кричал. Я направился туда.

— Что случилось, Мэтью?— спросил я.

Он обернулся. Сердитые детские слезы текли по его красным щекам. Пытаясь что-то выговорить, он схватил мою руку обеими руками. Я посмотрел на машину, подозревая, что все дело в ней. Она была вроде бы в порядке. Тогда я увел Мэтью подальше от зрителей, сел в кресло на веранде и посадил его к себе на колени. Еще никогда в жизни я не видел его в таком состоянии. Он трясся от гнева, задыхался, плакал. Я обнял его.

— Ну, ну, старина! Успокойся!— говорил я.

Мало-помалу он затих и стал дышать чуть ровнее. Наконец, он глубоко вздохнул. Я дал ему платок.

— Прости меня, папа,— сказал он сквозь платок, громко сопя.

— Да ладно. Не торопись.

Он опустил платок и сжал его в кулаке; дышал он еще тяжело. Потом поплакал снова, но уже иначе. Снова утерся, снова вздохнул и стал приходить в себя.

— Прости меня, папа,— повторил он.— Кажется, прошло.

— Молодец,— отвечал я,— кто же тебя обидел?

Он ответил не сразу.

— Машина...

Я удивился.

— Машина? Господи помилуй! Она как будто в порядке. Что она тебе сделала?

— Ну, не сама машина,— пояснил Мэтью.— Она очень хорошая, я думал — она прямо люкс, и Чокки понравится. Я ее показал и стал объяснять, как и что.

— А ему не понравилась?— догадался я.

Что-то екнуло у Мэтью в горле, но он взял себя в руки и твердо продолжал:

— Он сказал, она дурацкая... и страшная... и нелепая. Он... над ней смеялся!

Воспоминание об этой чудовищной несправедливости снова вывело его из себя, но он победил свой гнев. Я всерьез обеспокоился. Мне совсем не понравилось, что мнимое существо вызвало такую истерику. Я пожалел, что мало знаю о симптомах шизофрении. Ясно было одно: развенчивать Чокки — не время, а сказать что-то надо.

— Что ж в ней смешного?— спросил я.

Мэтью засопел, помолчал и снова засопел.

— Да все!— мрачно сказал он.— Мотор дурацкий, и устарел, и неэкономно... и вообще — глупо. Что за машина, если ей нужны тормоза! Должна сама останавливаться. И почему нужны рессоры — потому что едешь по земле на колесах, а на них еще какие-то сосиски? Я говорю, машины все такие, а наша — новая

и очень хорошая. А он говорит, чепуха, наша машина дурацкая, и опасная, и только дурак может выдумать такую громыхалку, и дурак на ней поедет. А потом... я не все помню, я очень рассердился. И плевать мне на этого Чокки! Наша машина — первый класс.

Тяжелый случай... Сердился он искренне; было ясно, что мальчик перенес настоящую яростную схватку. Я больше не сомневался, что надо посоветоваться с психиатром, а то сделаешь неверный шаг. Однако я не сдался.

— Какой же должна быть машина, по его мнению? — спросил я.

— Вот и я так спросил! — сказал Мэтью. — А он говорит — там, у них, машины без колес. Они едут немножко над землей и совсем бесшумно. Он сказал, для наших машин нужны дороги, и скоро все они друг друга передавят. А *хорошие* машины просто не могут врезаться друг в друга.

— Да, это было бы неплохо, если удастся сделать, — согласился я. — Только где это — «у них»?

Мэтью нахмурился.

— Мы никак не разберемся. Понимаешь, когда не известно, где все остальное, не поймешь, где ты сам.

— Ты хочешь сказать, у вас нет точки отсчета? — предположил я.

— Да, наверное, так, — неуверенно отвечал Мэтью. — Я думаю, он живет очень далеко. Там все другое.

Я хмыкнул и пошел другим путем.

— А сколько ему лет?

— Да хватает, — сказал Мэтью. — У них там другое время. Мы подсчитали, что по-нашему ему лет двадцать. Только он говорит, что проживет века два, так что двадцать — это еще немного. Он считает, что очень глупо жить лет по семьдесят.

— Он многое считает глупым, — заметил я.

Мэтью пылко закивал.

— Ой, много! — согласился он — Чуть не все

Прискорбно. сказал я

— Иногда надоедает, — признал он

Тут Мэри позвала нас ужинать.

Я совершенно не знал, что делать. По-видимому, у Мэтью хватило осторожности, и он не рассказал приятелям про Чокки. Наверное, он решил поделиться с Поляли новым другом — и зря. Но говорить ему с кем-то надо, а после истории с машиной надо было и выплакаться, для чего я очень подходил.

Когда я рассказал Мэри про машину, она предложила спросить нашего домашнего врача, к кому же нам обратиться. Я был против. Эйкот — приличный лекарь, но мне казалось, что для этого дела у него кишка тонка. И потом Мэтью его не любил и ему бы не доверился. Скорей, он обиделся бы, что мы его выдали, и замкнулся бы в себе.

Мэри подумала и согласилась со мной.

— А все-таки, — сказала она, — дело зашло так далеко, что пускать на самотек уже нельзя. Надо что-то делать. К случайному психиатру не будешь обращаться. Нужен хороший, подходящий, чтоб кто-нибудь его знал...

— Кажется, я знаю, — сказал я. — Алан недавно вспоминал одного нашего парня из Кембриджа, некоего Лендиса. Рой Лен-

дис. Алан с ним дружил, и сейчас они видятся. Этот Лендис как раз занялся психиатрией. Он бы нам подсказал, с кем посоветоваться. А может, это по его специальности. Попробуем, а?

— Хорошо,— согласилась Мэри.— Замани его сюда. Все лучше, чем сидеть сложа руки.

Время и профессиональный навык творят чудеса. В элегантном человеке с бородкой, который пришел в клуб, чтоб с нами пообедать, я с трудом узнал неряху-студента и подумал, что его внешний вид внушает доверие и немножко пугает. Мне стало чуть-чуть не по себе.

Тем не менее я прыгнул в воду. Я подчеркнул, что нам срочно нужен совет, и рассказал про Мэтью. Слушая меня, Лендис становился все проще и внимательней. История с машиной очень заинтересовала его. Он задал несколько вопросов; я ответил, как мог, и во мне родилась надежда. Потом он согласился приехать к нам через неделю и объяснил, как подготовить почву. И я со спокойной совестью доложил Мэри, что дело, наконец, сдвинулось с места.

Назавтра я сказал Мэтью:

— Знаешь, вчера я обедал с моим старым другом. Наверное, он тебе понравится.

— У-гу,— сказал Мэтью, не слишком интересовавшийся моими старыми друзьями.

— Мы говорили о машинах,— продолжал я,— и он думает примерно как твой Чокки. Он говорит, что теперешние машины — очень топорные.

— У-гу,— повторил Мэтью и прямо взглянул на меня.— А ты ему сказал?

— Ну, кое-что. Понимаешь, не мог же я соврать, что это твои мысли. Он и не удивился — не то, что я. Вероятно, он такое слышал.

Мэтью чуть-чуть оживился, но был еще настороже.

— С ним тоже говорят?— спросил он.

— Нет,— сказал я,— не с ним. Наверное, с его знакомым. Вообщем он не очень удивился. Боюсь, мы не слишком глубоко обсудили вопрос, но я думал, тебе будет интересно.

Начало вышло хорошее. Мэтью возвращался к этой теме раза два. Ему понравилось, что кто-то не удивился его Чокки.

В субботу мы на новой машине отправились к морю. Мы выкупались, поели, а потом взрослые легли позагорать, а дети гуляли.

В половине шестого мы собрались домой. Полли быстро нашли и оторвали от новых подружек, а Мэтью нигде не было. Не было его и в шесть. Я решил проехать по берегу, а женщины остались на случай, если он вернется.

Нашел я его в порту, где он вел серьезную беседу с полисменом. Я подъехал ближе, и он увидел меня.

— Ой, папа!— крикнул он, поднял глаза на собеседника и пошел ко мне. Полисмен последовал за ним и поднес руку к шлему.

— Добрый день, сэр,— сказал он.— Я тут толкую вашему пареньку, что это не дело.— Он покачал головой.— Разве можно в лодки лазать? Все равно что в чужой дом.

— Конечно, нельзя, констебль,— согласился я.— Ты лазал в лодки, Мэтью?

— Я просто смотрел. Я думал, можно. Я ничего не делал.

— Но в лодку ты лез?
— Да, папа.
Тут я покачал головой.
— Нехорошо! Констебль совершенно прав. Ты попросил прощенья? — Я взглянул на полисмена и увидел, что тот чуть заметно подмигнул мне. Мэтью тоже взглянул на него снизу вверх.
— Простите, сэр, — сказал он. — Я не думал, что лодка — как дом. Теперь буду знать, — и протянул руку.
Полисмен серьезно пожал ее.
— Ну, поехали, и так опаздываем, — сказал я. — Спасибо, констебль.
Полисмен улыбнулся и снова козырнул мне.
— Что ты такое натворил? — спросил я.
— Я же сказал! Смотрел и все.
— Ну, тебе повезло. Хороший полисмен попался.
— Да, — сказал Мэтью.
Мы помолчали.
— Папа, — начал он снова, — прости, что я опоздал. Понимаешь, Чокки никогда не видел лодки, то есть — вблизи не видел. Я ему показывал. А там один заметил, рассердился и потащил меня к полисмену.
— Ясно. Значит, Чокки виноват?
— Не совсем, — признался честный Мэтью, — я думал, ему понравится.
— Гм, — усмехнулся я, — по-моему, это вполне в его духе: заявить, что лодки — дурацкие.
— Он так и сказал. Он говорит, надо очень много сил, чтобы разрезать всю эту воду. Разве не умней скользить над водой и разрезать воздух?
— Ну, здесь он опоздал. Передай, что это у нас есть, — отвечал я, и тут мы подъехали к тому месту, где нас ждали женщины.

Неделя шла к концу, и я все больше радовался, что скоро приедет Лендис. Начнем с того, что Мэтью принес дневник, и, хотя все, казалось, было в порядке, кое-что поставило меня в тупик.
Мистер Тримбл, признавая успехи Мэтью, считал, что они возросли бы, если бы он ограничился традиционной школьной программой.
Мисс Тоуч с удовольствием отмечала внезапный интерес к ее предмету, но советовала отложить астрономию и ограничиться пока географией.
Мистер Кефер, учитель физики, был не совсем доволен. «Рекомендую, — писал он, — задавать меньше вопросов и прочнее усваивать материал».
— Что у тебя там с мистером Кефером? — спросил я.
— Он сердится, — ответил Мэтью. — Как-то я спросил про световое давление, а другой раз я сказал, что понимаю, что такое тяготение, только не понимаю, *почему* оно такое. Кажется, он и сам не знает, да и про многое другое тоже. Он хотел узнать, кто меня научил так спрашивать. Не могу ж я ему сказать про Чокки! А он сердится. Но сейчас все в порядке. Я вижу, что спрашивать не стоит, и сижу тихо.
— Мисс Блейд тоже как будто недовольна.
— А, это я спросил, как размножаться, если у тебя один пол. Она говорит — «конечно, у каждого один пол», а я говорю — «нет, если у всех один пол, все одинаковые». Она стала объяснять, что

так бывает у растений, а я сказал — «нет, не только у них», а она сказала — «чепуха!» Ну, я и ответил, что это не чепуха, потому что я сам такого знаю. А она спросила особенным голосом, что я имею в виду. Тут я увидел, что не надо было лезть — не говорить же ей про Чокки! Я и заткнулся, а она не отстает. Теперь все время на меня вот так смотрит. А больше ничего не было.

Удивлялась не одна мисс Блейд. Я сам недавно спросил:

— А дом у него есть? Ну, мама, папа, семья — он тебе не говорил?

— Да не очень,— сказал Мэтью.— Я никак не разберусь. Понимаешь, он говорит много слов, которые ничего не значат.

Я признался, что не совсем понял. Мэтью нахмурился.

— Вот если б я был глухой,— начал он наконец,— а ты бы мне говорил про музыку, я бы не понял, верно? Так и тут, вроде этого. Он говорит про кого-то... папу или маму... но у него все это вместе, как-то одно выходит.

Я заметил только, что все это очень странно. Мэтью не спорил.

— И ему нас трудно понять,— поведал он.— Он говорит, очень неудобно, когда у тебя двое родителей. Легко любить одного, но как можно любить двоих одинаково?

Изложение этих идей загадочного Чокки расположило меня к биологичке. Кроме того, я порадовался, что приедет Лендис, хотя и боялся приговора.

Вскоре позвонила Дженет и сообщила — как всегда, кратко,— что собирается к нам на уикэнд. Мэри, не вдаваясь в подробности, сказала, что мы будем заняты.

— Жаль,— ответила Дженет.— Ну, ничего. Мы погостим у вас в пятницу и субботу.

— А, черт!— сказала Мэри, вешая трубку.— Надо было позвать ее на то воскресенье. Ладно уж, теперь поздно.

В пятницу вечером приехала Дженет с мужем и двумя младшими детьми. Верные себе, они опоздали на полтора часа, а потом целые сутки вели привычные беседы. Мэри и Дженет говорили о детях Дженет, о детях третьей сестры, Пэшенс, и брата Теда, и брата Фрэнка, и многих общих друзей. Я и Кеннет придерживались более безопасной темы и говорили о машинах. Все шло прилично, пока к субботнему вечеру Дженет не заметила, что в беседах еще не коснулась наших детей.

— Конечно, это не мое дело,— начала она,— но, по-моему, свежим глазом иногда увидишь больше. Ты согласна?

Я смотрел на Мэри. Она усердно разглядывала вязание.

— Может быть, да... А может, и нет,— ответила она.

Но Дженет задала чисто риторический вопрос и не собиралась пускаться в обобщения.

— Мэтью как-то осунулся,— продолжала она,— он вроде бы бледноват.

— Да?— сказала Мэри.

— Ты не замечала? Вот это я и имела в виду! Наверное, устал... В этом возрасте им часто не по силам нагрузка...

— Правда?— спросила Мэри.

— А может, он просто хилый,— продолжала Дженет. Мэри кончила ряд, положила работу на колени и разгладила ее рукой.

— Да нет, он крепкий,— сказала она.— Верно, Дэвид?

— Еще бы!— сказал я.— Ничем не болел, кроме насморка, а уж от этого не убережешь.

— Как я рада!— сказала Дженет.— А все-таки надо бы присмотреться. В конце концов, мы не так много знаем о его наследственности. Вы не обращали внимания? Он иногда как-то отсутствует... погружен в себя.

— Не обращали,— ответила Мэри.

— Потому я и сказала о свежем глазе. А я заметила. И еще, Тим говорит, что Мэтью разговаривает сам с собой.

— Дети часто думают вслух.

— Да, но Тим слышал кое-что странное. Понимаешь, у некоторых детей слишком развита фантазия.

Мэри оставила вязание.

— Что же именно слышал Тим?— спросила она.

— Он точно не помнит, но что-то странное.

Я почувствовал, что время вмешаться.

— Понятно,— сказал я.— Мэтью чересчур чувствителен. Твой Тим настолько не умеет погружаться в себя...

Дженет услышала только то, что хотела.

— Вот именно!— вскричала она.— Сразу видно, что они совсем разные.

— Твой Тим на удивление нормален,— согласился я.— Трудно представить, чтобы он сказал что-нибудь странное. Правда, иногда мне жаль, что идеальную нормальность обретаешь только за счет индивидуальности. Что ж, ничего не поделаешь! Нормальность — это посредственность.

— Я бы не сказала, что Тим посредственный,— возмутилась Дженет и принялась объяснять, чем он хорош. Во всяком случае, о Мэтью она забыла.

— Хорошо, что ты перевел разговор,— сказала Мэри, когда мы ушли к себе.— А вообще, ты зря так про Тима. Он совсем не дурак.

— Конечно, не дурак, а вот твоя сестра — особа настырная и, боюсь, не слишком умная. Как все родители, она хочет, чтоб ее ребенок был и нормален, и гениален. Она намекнула, что Мэтью не совсем нормален, и пошла в атаку. Мне пришлось обороняться, и я намекнул, что Тим не гениален. Тут обороняться пришлось ей. Дело простое.

Конечно, Дженет со своей оравой уехала позже, чем думала, но все же мы выставили их минут за двадцать до прибытия Лендиса. Прибыл он, как и положено преуспевающему врачу, в большом сверкающем «ягуаре».

Я познакомил его со своими. Мэри была немного сдержана, а Мэтью, к счастью, очень приветлив. После завтрака мы посидели на веранде, а потом Мэри увела Полли, я сослался на какое-то дело, и Мэтью с Лендисом остались одни.

Когда пришло время пить чай, я увидел, что Мэтью еще говорит. Лендис взглядом попросил меня уйти.

Мы с женщинами решили пить чай без них и были правы — беседа кончилась часам к шести. Мэтью и Лендис вышли к нам. Они вроде бы очень подружились. Мэтью был много веселей, чем обычно, Лендис о чем-то думал.

Дети поели первыми и легли. Теперь можно было поговорить. Мы сели к столу; беседу начала Мэри:

— Надеюсь, Мэтью вас не слишком замучил,— сказала она.

Лендис покачал головой.

— Замучил!— повторил он.— куда там...— Он обернулся ко мне.— Вы мне и половины не рассказали,— прибавил он не без упрека.

— А я и не знаю половины,— отвечал я.— Не хотел на него давить. Я еще не забыл, как трудно, когда родители на тебя давят. Потому я вас и позвал. Конечно, вы — врач, но я надеялся, что с чужим ему легче. Кажется, так и есть.

— Да,— кивнул Лендис.— Я не думал, что ему так нужен советчик. Ну, сейчас он облегчил душу, и ему, наверное, станет легче.

Он помолчал, потом обратился к Мэри.

— Скажите, миссис Гор, а раньше, до этого Чокки, он много фантазировал?

Мэри подумала.

— Да нет,— сказала она.— В раннем детстве он был очень впечатлительным. Его приходилось уводить раньше, чем включишь радио. Но это ведь другое, правда? А фантазером... нет, не был.

Лендис кивнул.

— Признаюсь, после разговора с вашим мужем я было решил, что Мэтью начитался фантастики. Я пошел по ложному пути.

— Вообще-то он много читал,— вставил я.— Как они все. Но он больше любит старые приключенческие книги.

— Да, я это быстро выяснил. И передумал... а потом передумал снова.

Он долго молчал, и Мэри не выдержала.

— Что ж вы думаете теперь?

Лендис ответил не сразу. Отвечая, он почему-то глядел в стену странным, отсутствующим взглядом.

— В конце концов,— сказал он,— вы не мои пациенты. Пациентам я бы сказал, что случай сложный и сразу не разберешься. Я бы уклонился от ответа. Но у вас я неофициально, и вот я признаюсь: это мне не по силам.

Он замолчал, Мэри посмотрела мне в глаза. Мы ничего не сказали.

— Просто не понимаю,— продолжал Лендис.— Вижу, на что это похоже, но получается какая-то чушь...

Он снова замолчал.

— На что же это похоже?— немного резко спросил я.

Он подумал, потом вздохнул.

— Больше всего это похоже на то, что наши темные предки называли одержимостью. Они бы сказали, что некий дух, быть может злой, вселился в Мэтью.

Мы помолчали. Я заговорил первым.

— Вы сами сказали, что это чушь...

— Не знаю... Нам нельзя превращаться в таких же догматиков, как наши предки. Легко все упростить — сам Мэтью именно упрощает, когда рассказывает нам, что Чокки с ним говорит, а он его слушает. Предки сказали бы, что он «слышит голоса», но это все — слова, способ выражения. У Мэтью нет иного слова, кроме «говорить». На самом деле он не слушает Чокки, он ничего не слышит. И, отвечая, он не нуждается в словах — иногда, правда, он их произносит, по привычке. И «слушать» здесь — в переносном смысле. Но беседы эти — не выдумка. Они реальны.

Мэри хмурилась.

— Объясните получше,— сказала она.

— Несомненно одно: тут вмешалось еще чье-то сознание,— сказал Лендис.— Вспомните, что он спрашивал и что рассказывал вам обоим. Все мы согласны, что ему такого не придумать, и потому я здесь. Но не удивляло ли вас, что все это выражено очень просто, по-детски?

— Ему еще нет двенадцати,— заметила Мэри.

— Вот именно. И для его лет у него на редкость богатый словарь. Но для этих тем у него слов не хватает. Он знает, что хочет спросить или сказать, но подобрать подходящие слова ему трудно.

Так вот, если б он повторял то, что слышал, он бы не столкнулся с этой трудностью, он бы просто повторил те же слова, даже если бы их не понял. Если б он прочел все это в книге, он бы запомнил. В общем, он бы не мучился муками слова. Значит, он не слышал и не читал. Однако он понимает то, о чем спрашивает. Как же эти мысли попали в его голову? Вот что не ясно...

— Так ли уж неясно?— спросила Мэри.— Слова — это воплощение мыслей. Мысли есть у всех. Они могут прийти в голову раньше слов.

Этот ее тон был мне знаком. Что-то рассердило ее — быть может, словечко «одержимость».

— Возьмем бинарную систему,— продолжал Лендис.— Если б ему объяснили ее или если б он о ней прочитал, он бы знал о нуле и единице, или о плюсе и минусе, или хотя бы об иксе и игреке. Он же знает только отрицание и утверждение и сам назвал их Д и Н.

— Ну, хорошо,— вмешалась Мэри.— Слов он не слышит, но что же тогда происходит? Откуда он взял, что с ним говорит этот Чокки?

— Чокки на самом деле есть. Конечно, я сперва подумал, что Мэтью подсознательно создал его, и быстро убедился, что неправ. А вот *где* он и *кто* он, я не знаю, как и Мэтью.

Мэри ждала не этого.

— Я понимаю, что Чокки существует для Мэтью, сказала она.— Он реален для Мэтью, потому мы и подыгрываем, но...

Лендис прервал ее:

— Нет, он куда реальней! Кто бы он ни был, он— не плод воображения.

— *Сознательного* воображения,— уточнил я.— Быть может, он плод комплекса?

Лендис покачал головой.

— Не думаю. Возьмем этот случай с машиной. Ни один мальчик его лет не назовет последнюю модель нелепой. Она для него — чудо. Мэтью гордился ей, хотел ею похвастаться. А вышло то самое, что вышло бы, если бы другой мальчик или другой взрослый над ней посмеялся. Только ни мальчик, ни взрослый не смогли бы объяснить, какой же ей следует быть на самом деле.

А сегодня он рассказал мне еще одно. По его словам, он объяснял Чокки, что такое ступенчатые ракеты. И Чокки снова посмеялся. Он считает их дурацкими и устарелыми, в общем — примитивными. Он сказал, что тяготение — это сила, то есть вид энергии, а очень глупо и накладно перешибать одну энергию другой. Надо сперва изучить природу препятствующей силы. Когда ее изучишь как следует, то поймешь, как ее преодолеть и даже заставить ее работать на нас, а не против нас. Чтобы запустить космический корабль, надо не выстреливать им в небо, пре-

одолевая тяготение, а научиться защите от тяготения, создать преграду. Тогда, уравновешивая силу притяжения и центробежную силу, можно добиться плавного старта и ровного ускорения. При разумной степени ускорения лишь в два или три *g* вскоре совершенно спокойно достигается скорость, которой нашим ракетам не развить. Управляя антигравитационными экранами, вы установите направление, а скорость сможете уменьшать и увеличивать.

Наши ракеты, сказал Чокки, просты (он имел в виду примитивны), как автомобиль на часовом механизме или на бензиновой горелке. Исчерпаете горючее, и вам конец — но тут мы застряли. Мэтью не понял. Какая-то сила — и все. Вроде бы она похожа на электричество, но он знает, что она совсем другая. Во всяком случае, берут ее из космической радиации, и она может двигать машины и защищать от тяготения, и она никогда не кончится. Предел скорости для нас — скорость света. Нашему космоплаванию мешают два обстоятельства. Во-первых, на ускорение и замедление уходит много времени; мы боремся с этим, увеличивая *g*, но эффект не велик,— а какой ценой дается! Во-вторых,— и это важнее — скорость света мала, и так не достигнешь звезд. Как-то надо все это преодолеть, а пока что — и тут Мэтью снова ничего не понял. Он сказал мне: «Чокки еще говорил, но это ничего не значило. Это не влезает в слова».

Лендис помолчал.

— Такие мысли — тоже не из книг. Он мог читать об этом, но не читал. Тогда бы он хоть что-то понял и не искал бы слов.

— А я не поняла ничего,— сказала Мэри.— При чем тут вообще космические полеты?

— Это просто пример. Ему каким-то образом дали понять, что наши ракеты плохи, как и наши машины.

— И вам кажется, что все это верно, то есть мало-мальски связно?

— То, что он говорит, не выходит за пределы логики. Уж лучше бы выходило.

— Почему?

— Можно было бы решить, что он сам пытается что-то склеить из прочитанного. А тут он честно признается, что многого не понимает, и очень старается верно передать все, что понял. И еще одно: по мнению этого Чокки, нашу цивилизацию очень тормозит упование на колесо. Мы когда-то набрели на вращательное движение и всюду его суем. Только совсем недавно мы начали немного от него освобождаться. Откуда мальчику взять такую мысль?

— Ну, что ж,— сказал я,— предположим, мы решили, что дело тут не в подсознании. Как же нам быть?

Лендис снова покачал головой.

— Честно говоря, сейчас я не знаю. Без всякой науки, просто так, я могу только повторить в самом буквальном смысле слова: «Не знаю, что с ним». Я не знаю, что или кто с ним беседует. Хотел бы я знать!

Мэри быстро и решительно встала. Мы сложили тарелки на столик, и она покатила его к дверям. Через несколько минут она принесла кофе, разлила его и сказала Лендису:

— Значит, вы не можете ему помочь, да? Больше вам сказать нечего?

Лендис нахмурился.

— Помочь, — повторил он.— Не знаю. Я вообще не уверен, что ему нужна помощь. Сейчас ему надо с кем-нибудь говорить о Чокки. Он не особенно привязан к Чокки, часто на него сердится, но узнает от него много интересного. В сущности, его беспокоит не столько сам Чокки — есть он или нет; его беспокоит, как бы сохранить тайну, и тут он прав. Пока что он доверил ее только вам. Мог доверить и сестре, но она, кажется, его подвела.

Мэри помешивала кофе, растерянно глядя на крошечную воронку в чашке, потом сказала:

— Теперь вы говорите так, будто Чокки существует. Не надо путать. Чокки — выдумка Мэтью, друг для игры, вроде Пифа. Я понимаю, это бывает, беспокоиться нечего — до какой-то грани, а когда он переступит эту грань, беспокоиться нужно, это уже ненормально. Какое-то время нам казалось, что Мэтью переступил эту грань и с ним творится что-то неладное. Потому Дэвид и обратился к вам.

Лендис пристально взглянул на нее и ответил:

— Боюсь, я не точно выразился. Чокки совсем не похож на Пифа. Я хотел бы думать, как вы — да меня и учили этому. Я рад бы счесть это выдумкой. Ребячья выдумка, вроде Пифа, вышла из-под власти Мэтью — и все. Но я не могу спорить с очевидностью. Я не фанатик и не стану искажать факты в угоду университетским догмам. Чокки объективно существует — сам не пойму, что это значит. Он не внутри, а снаружи. Однако и я не так прост, чтоб вновь поднять на щит старую идею одержимости.

Он помолчал, покачал головой и продолжал:

— Нет. Разгадка не в этом. «Одержимость» означала «владычество», «власть»... А здесь скорей сотрудничество.

— Господи, о чем это вы?— спросила Мэри.

Голос ее был резок, и я понял, что она потеряла последнее доверие к Лендису. Сам он, кажется, этого не заметил и отвечал ей спокойно:

— Помните, когда он болел, он просил Чокки замолчать и прогнал его с вашей помощью. Кажется, Чокки исчез и после истории с машиной. Мэтью прогнал Чокки. Чокки не властвует над ним. Я его об этом спрашивал. Он сказал, что вначале Чокки говорил с ним, когда хотел — и в классе, и за обедом, и за письменным столом, и даже ночью, во сне. Мэтью не нравилось, что ему мешают, когда он работает в одиночку или на людях — на него тогда странно поглядывают, потому что он не может слушать сразу и Чокки, и других. А еще больше он не любит, чтоб его будили ночью. И вот он мне рассказал, что просто отказывался отвечать, если Чокки являлся не вовремя. Приспособиться было нелегко, у Чокки время другое, Мэтью пришлось завести у вас на кухне хронометр и продемонстрировать ему, что же такое час. Тогда они составили расписание, и Чокки стал приходить в удобное время — удобное для Мэтью, а не для него. И заметьте, как все это разумно. Никаких фантазий. Просто мальчик велит приятелю приходить в такое-то время, и приятель соглашается.

На Мэри все это не произвело никакого впечатления. Я даже не знаю, слушала она или нет.

— Не понимаю,— нетерпеливо сказала она.— Когда это началось, мы с Дэвидом думали, что вмешаться глупо. Мы решили, что это ненадолго, и ошиблись. Мне стало не по себе. Не надо быть психологом, чтобы знать, к чему приводит смешение выдумки и яви. Я думала, вы осторожно поможете Мэтью освобо-

диться от этой блажи. А вы, кажется, укрепляли ее весь день и сами в нее поверили. Я не могу согласиться, что это полезно ему или кому бы то ни было.

Лендис взглянул на нее так, словно с языка у него была готова сорваться резкость, но сдержался.

— Прежде всего,— сказал он,— надо все понять. А для этого необходимо завоевать доверие.

— Тут спорить не о чем,— сказала Мэри.— Я прекрасно понимаю, что с Мэтью вы должны были верить в Чокки — мы и сами так делали. А вот почему вы верите без Мэтью, я не пойму.

Лендис терпеливо ответил:

— Прошу вас, миссис Гор, вспомните, что он спрашивал. Вопросы ведь странные, верно? Умные, странные и совсем не в его духе.

— Конечно,— сердито сказала она.— Но мальчики много читают. Начитаются — и спрашивают. Мы беспокоимся потому, что вся его естественная пытливость преобразуется в фантазии, связанные с Чокки. Это какое-то наваждение, неужели вы не видите? Я хочу знать одно: как это лучше всего пресечь?

Лендис снова пустился в объяснения, но Мэри уперлась и не принимала ни одного из его доводов. Я очень жалел, что он употребил это несчастное слово — «одержимость». Такой ошибки я не ждал от психиатра, а поправить ее теперь было уже нельзя. Мне оставалось сидеть и смотреть, как укрепляется их враждебное отношение друг к другу. Всем стало легче, когда Лендис уехал.

Положение казалось мне сложным. Я понимал ход мыслей Лендиса, хотя и представить себе не мог, куда он его заведет; понимал я и Мэри. Что ни говори, а Лендис допустил грубую профессиональную ошибку. На мой взгляд, ему бы лучше не касаться старых верований. Мы все честно считаем, что переросли суеверные страхи, но они притаились в нас, и порою их очень легко разбудить неосторожным словом. Теперь Мэри тревожилась еще больше — вот к чему привел визит психиатра. К тому же ее рассердил его аналитический, неторопливый подход к делу. К Лендису она обратилась за советом, а вместо совета выслушала рассуждение об интересном случае, особенно неутешительное потому, что врач сам признал себя побежденным. В конце концов она пришла к заключению, что Лендис чуть ли не шарлатан, а это очень плохо для начала.

Когда на следующий вечер я пришел с работы домой, у нее был какой-то отсутствующий вид. Когда мы убрали со стола и отправили детей наверх, я уже понял: Мэри что-то собиралась сказать мне и не знала, как я это приму. Она села немножко прямей обычного и не без вызова обратилась скорее к камину, чем ко мне:

— Я ходила к Эйкоту.

— Да?— сказал я.— А в чем дело?

— Насчет Мэтью,— прибавила она.

Я посмотрел на нее.

— А Мэтью не взяла?

— Нет,— она покачала головой.— Хотела взять, а потом раздумала.

— И то хорошо,— сказал я.— Мэтью решил бы, что мы его предали. Лучше ему не знать.

— Да,— довольно уверенно согласилась она.

— Я уже говорил,— продолжал я,— для чирьев или там кори Эйкот годится, но *это* не по его части.

— Верно,— сказала Мэри.— Не думай, я ничего и не ждала. Я постаралась рассказать как можно лучше. Он терпеливо слушал и, кажется, немного обиделся, что я не привела Мэтью. Я все пыталась втолковать ему, дураку, что мне нужно не его мнение, а рекомендация — к кому обратиться.

— Надо полагать, он все-таки высказал свое мнение?

— Вот именно. Побольше ходить, холодные обтирания по утрам, простая пища, салаты всякие, открывать на ночь окно...

— И никаких психиатров?

— Да. Созревание сложней, чем мы думаем, но природа — великий целитель, и здоровый режим устранит временные расстройства.

— М-да,— сказал я. Мы помолчали. Потом Мэри сказала:

— Дэвид, надо ему помочь!

— Мэри, милая,— ответил я,— тебе не понравился Лендис, но он хороший психиатр, признанный. Он бы не сказал так, зря, что Мэтью вряд ли нужна помощь. Мы с тобой тревожимся, потому что ничего не понимаем. Это нечто необычное, но у нас нет оснований считать, что это опасно. Будь у нас причины для тревоги, Лендис так бы и сказал.

— Ему-то тревожиться нечего! Мэтью ему чужой. Трудный случай; сейчас интересно, а вылечится — и не нужен.

— Милая, не приписывай ему таких помыслов. И потом, Мэтью не больной. Он совершенно нормален, но в нем есть еще что-то. Это совсем другое дело.

Мэри выразительно взглянула на меня — так она глядит, когда хочет придраться.

— А мне что с того? Я хочу, чтоб он был просто нормальный, без всяких «что-то». Я хочу, чтоб ему было хорошо.

Я решил не спорить. У Мэтью бывали срывы — у какого ребенка их нет?— но мне совсем не казалось, что ему плохо. Однако скажи я это Мэри, мы бы втянулись в спор о том, что такое счастье, а мне его не вытянуть.

Так мы и не решили, что делать. Я не хотел терять контакта с Лендисом: Мэтью явно доверял ему, он явно интересовался Мэтью. Но пойти против Мэри можно было только в крайнем случае. А срочности пока не было, до кризиса дело не дошло...

И вот мы снова утешились воспоминаниями о том, что кончилась же история с Пифом. Однако я намекнул Мэтью, что мама не очень любит Чокки и лучше пока о нем помалкивать.

Недели две мы слышали о нем совсем немного. Я понадеялся было, что он нас покидает — не то, чтоб его уволили, а скорей он сам понемногу расплывается и блекнет. Увы, надежды мои скоро рухнули.

Как-то вечером, когда я собрался включить телевизор, Мэри меня остановила. «Постой минутку»,— сказала она, пошла к своему бюро, принесла несколько листов бумаги (самый большой — дюймов шестнадцать на двенадцать), молча вручила их мне и села на место.

Я посмотрел на листы. Те, что поменьше, оказались карандашными рисунками; те, что побольше,— акварелями. Все они были странные. Сначала шли два пейзажа. Места я смутно узнал, хотя не мог понять, откуда же смотрел художник. Поразили

меня фигуры: и коровы, и овцы были какие-то узкие, прямоугольные, люди — не то живые, не то деревянные, тощие, угловатые, словно куклы из палочек. Но движение он схватил хорошо.

Рисунок был уверенный, точный, краски — немного мрачные; по-видимому, художник слишком увлекся тончайшими оттенками зеленого. Я ничего не понимаю в живописи, но мне показалось, что уверенная линия и скупость изобразительных средств говорят о немалом мастерстве.

Были и два натюрморта — ваза с цветами, в которых нетрудно было узнать розы, хотя ботаник увидел бы их иначе; и миска с красными ягодами — несомненно, клубникой, только уж очень пупырчатой.

Еще там был вид из окна — кусок школьной площадки, по которой бегают очень живые, хотя и слишком голенастые фигурки.

И наконец, два портрета. На первом был изображен мужчина с длинным, резко очерченным лицом. Не скажу, чтоб я его узнал, но что-то в линии волос подсказало мне, что это я — хотя глаза у меня, по-моему, ничуть не похожи на фонари. Другой портрет был женский, и этого лица я никогда не видел. Я рассмотрел рисунки, положил их к себе на колени и взглянул на Мэри. Она кивнула.

— Ты в этом лучше разбираешься,— сказал я.— Это и вправду хорошо?

— Да. Они странные, но какие-то живые, простые, точные... Я их случайно нашла. Упали за комод.

Я посмотрел на верхний рисунок — на тощих коров, на овец и на бестелесного мужчину с вилами в руках.

— Может, кто-нибудь из его класса?— предположил я.— Или учительница...

Мэри покачала головой.

— Нет, ее рисунки я видела. Они выписаны очень уж тщательно. Вот последний — ее, а ты на него посмотри!

— Можно положить их обратно и ничего ему не говорить,— сказал я.

— Можно... только мне от них не по себе. Лучше б он сам нам объяснил...

Я посмотрел на второй рисунок и вдруг узнал это место, излучину реки.

— Мэри, милая,— сказал я.— Боюсь, ты сама была бы не рада.

— С чего мне радоваться? Я не радовалась даже тогда, когда твой Лендис еще не болтал про одержимых. Но я хочу знать, а не гадать. В конце концов, ему могли их подарить...

Я понял по ее лицу, что она и впрямь так думает, и не стал отказывать, хотя и знал, что таким образом мы вступим в новую фазу. Я взял Мэри за руку.

— Ладно,— сказал я.— Вряд ли он уже спит.— И, выглянув в холл, позвал Мэтью, а тем временем разложил рисунки на полу.

Мэтью явился прямо из ванной — розовый, лохматый, в пижаме. Увидев рисунки, он замер и тревожно посмотрел на Мэри.

— Понимаешь, Мэтью,— сказал я как можно беспечней.— Мама тут убирала и нашла их. Они упали за комод.

— А!— сказал он.— Вот они где.

— Они очень интересные. Нам они понравились. Это твои?

Мэтью подумал.

— Да,— не без вызова ответил он.

— Я спрашиваю,— уточнил я,— это ты нарисовал?

На сей раз его «да» звучало немного иначе — словно он защищался.

— Гм... раньше ты рисовал по-другому. Наверное, за них тебе поставили хорошие отметки.

Мэтью попытался схитрить.

— Это не в школе,— сказал он.— Это я так.

— Ты стал по-другому видеть,— заметил я.

Мэтью согласился.

— Наверное,— с надеждой предположил он,— я просто расту.

Он умоляюще смотрел на меня. В конце концов, я сам посоветовал ему молчать.

— Ладно, Мэтью. Нам только хочется узнать, кто же это все нарисовал.

Мэтью бросил страдальческий взгляд на Мэри, посмотрел на ковер и стал водить ногой по узору.

— Я,— сказал он, и тут его решимость ослабла.— То есть,— уточнил он,— ну... я *рисовал*...

У него был такой несчастный и растерянный вид, что я не решался давить на него. Мэри пришла к нему на помощь.

— Бог с ним!— сказала она и обняла его.— Нам они очень понравились, вот мы и спросили.— Она наклонилась и подняла один рисунок.— Например, этот пейзаж. Он очень умный, хороший, но какой-то странный. Ты, правда, так видишь?

Мэтью не сразу смог ответить, потом выпалил:

— Честное слово, мама, я сам! Они такие смешные, потому что Чокки так видит.

Он испуганно покосился на нее, но увидел только внимание, облегченно вздохнул и стал объяснять.

— Это было после урока. У меня с рисованием не особенно,— печально признался он.— Вот мисс Сомс и сказала, что мое дело плохо. И Чокки тоже не понравилось. Я ему говорю — я стараюсь, а ничего не выходит. А Чокки говорит, я просто не умею смотреть. Я говорю — причем тут «умею»? Или ты смотришь, или нет. А он говорит, можно смотреть и не видеть, и мы немножко поспорили. А потом он сказал: «Давай поставим опыт — ты рисуй, а смотреть буду я». Сперва ничего не получалось, я не мог. Ужасно трудно совсем не думать. Ты думаешь, что не надо думать, а это не то, не годится. А Чокки сказал: «Сиди себе, держи карандаш и ни о чем не думай». Мне ужасно надоело, а он не отстает. Ну, на четвертый раз кое-что вышло, а потом пошло легче и легче. Теперь я сажусь, беру краски, что-то у меня, ну, как будто включается, и пожалуйста — картинка. Только это — Чокки так видит, не я.

Я заметил, что Мэри барабанит по столу, но лицо ее не менялось.

— Кажется, я понял,— сказал я.— Это чудно, а?

— Первый раз было чудно! Тогда было как... ну, как будто тормоза убрали. А теперь дело идет скорей...— он нахмурился в поисках сравнения, потом улыбнулся,— вроде как едешь без рук на велосипеде.— Он нахмурился снова.— Нет, не совсем... Чокки держит руль... трудно объяснить,— виновато кончил он.

Не для себя, а для Мэри я спросил:

— Это не бывает насильно, против твоей воли?

Мэтью быстро закачал головой.

— Что ты? Если я хочу рисовать, я ни о чем не думаю, и все выходит. А теперь даже и того не нужно. Последние раза три я видел свою руку, и, знаешь,— я совсем сам рисовал. Он только смотрел за меня.

— Да, милый,— сказала Мэри,— мы понимаем, но...— она заколебалась, пытаясь найти слова помягче,— как по-твоему, хорошо так делать?

Мэтью посмотрел на рисунки.

— Наверное, хорошо, мама. Они куда лучше тех, моих... хотя немножко чудные...— честно признал он.

— Я не совсем о том...— начала Мэри, но передумала и взглянула на часы.— Поздно уже,— сказала она мне.

— Да, поздно,— поддержал я.— Только вот что скажи, Мэтью: ты никому их не показывал?

— Показывать я не показывал...— ответил он.— Правда, мисс Сомс один раз ко мне подошла, когда я вот этот сделал.— Он показал на вид из школьного окна.— Она спросила, чей это, а я не мог сказать, что чужой, и сказал «мой», а она стала на меня смотреть, как будто я вру. «Ладно,— говорит,— нарисуй... ну, как машина мчится». А я говорю, я не могу рисовать, чего не вижу. Я хотел сказать, «чего он не видит», но ведь ей так не ответишь. Она опять посмотрела на меня пристально-пристально и говорит: «Ладно. Нарисуй-ка мне вид из другого окна». Я повернул мольберт к другому окну и нарисовал. Она взяла мою картинку, смотрела на нее, смотрела, долго-долго, потом на меня и спрашивает — можно ее забрать? Не могже я сказать, что нельзя, и говорю — берите, а можно мне идти? Она кивает, а сама все смотрит на картинку.

— Странно, что она не сделала запись в дневнике,— сказал я.

— Это было в самом конце,— объяснил он,— все уже было записано.

Мне стало не по себе, но я ничего не мог поделать. А кроме того, и впрямь было поздно.

— Тебе давно пора спать,— заметил я.— Спасибо, что рассказал про рисунки. Можно, мы их оставим тут, еще посмотрим?

— Ладно, только не потеряйте,— сказал он. Взгляд его упал на портрет изможденного мужчины.— Это совсем не ты, папа. Правда, не ты,— заверил он, кивнул нам и побежал наверх.

Мы сидели и смотрели друг на друга. Глаза у Мэри медленно наполнялись слезами.

— Дэвид, Дэвид! Он был такой хороший!..

Позже, немного успокоившись, она сказала:

— Я боюсь за него, Дэвид. Этот... как его там... все реальнее для него. Мэтью начинает плясать под его дудку. Я боюсь...

Я покачал головой.

— Ты не поняла. Он очень настаивал на том, что сам решает, когда рисовать и рисовать ли вообще.

— Конечно, он так думает,— возразила она.

Я старался успокоить ее, как мог. Я напомнил, что это не приносит Мэтью несчастья. У него хватило ума не рассказать ничего приятелям, так что никто его не дразнит. Полли ему просто не верит и предпочитает видеть в Чокки нового Пифа. Мэтью действительно самый нормальный мальчик — плюс что-то еще, какой-то Чокки, который, по всей видимости, ни капли ему не вредит... Но все было впустую.

На пути в спальню я заглянул к Мэтью. Он спал, не потушив света. У него на груди обложкой кверху лежала книга. Я глянул на заглавие и наклонился ближе, убедиться, что правильно прочитал. Это была «Жизнь в городах» Льюиса Мэмфорда. Я взял ее; Мэтью проснулся.

— Не удивляюсь, что ты заснул! — сказал я.— Скучновато, а?

— Ужас какая тоска,— согласился он.— А Чокки думает, она интересная — то есть те куски, которые я для него понимаю.

— А!— сказал я.— Ну, что ж, пора спать. Спокойной ночи, старик.

— Спокойной ночи, папа.

На лето мы с Аланом Фрумом и его женой Фил сняли домик в Северном Уэльсе. Они поженились года на два позже нас, и дети их, Эмма и Пол, были примерно такие же, как наши. Выбрали мы Бонтгоч — деревушку в широком устье реки, где я не раз отдыхал в детстве. Тогда она была маленькая, серенькая, только на краю ее стояло несколько домов побольше. Летом туда приезжали большей частью дети и внуки местных жителей и было довольно тихо. Но потом ее открыли, и с тех пор модные бунгало усеяли берег и подножие склонов. Живут в них люди приезжие, временные, и теплую часть года почти все они возятся с лодками. Бонтгоч для лодок не подходит — в устье мощные приливы, плавать опасно; но там, где плавать полегче, лодочники так расплодились, что места у причала приходится ждать годами. Однако теперь и Бонтгоч стал хорош; тут даже построили яркий навес и назвали его яхт-клубом.

Может, и было странно, что мы умудрялись обходиться без лодки, но нам это нравилось. Песку тут хватало — дети могли плескаться у берега и ловить креветок. К тому же с обеих сторон устье сжимают некрутые холмы; можно лазать по ним и исследовать заброшенные россыпи, где, по преданию, когда-то добывали золото. Нам нравилось уезжать на денек-другой, оставив детей под присмотром Фрумов, и нравилось оставаться, когда уезжали Алан с Фил. Все шло прекрасно целую неделю, до понедельника...

В тот день свободны были мы с Мэри. Мы прочесали чуть не все тропки, а потом, оставив машину, погуляли по холму и поели у ручья, глядя с холма на море. Позже, под вечер, мы закусили в придорожной гостинице и часам к десяти, не спеша, вернулись в деревню. У ворот мы остановились полюбоваться на закат и пошли по дорожке к дому.

Переступив порог, мы поняли: что-то произошло. Мэри сразу почувствовала это и впилась глазами в Фил.

— В чем дело?— спросила она.— Что случилось?

— Все в порядке, Мэри. Все хорошо,— сказала Фил.— Оба спят. Ты не волнуйся.

— Что случилось?— повторила Мэри.

— Они в реку упали. Но все обошлось.

Женщины поспешили наверх. Алан налил нам виски. Я посмотрел на него и на бутылку. Утром она была полна, сейчас — пуста на три четверти.

— Что тут у вас произошло?— спросил я.

Он поставил стакан и тряхнул головой.

— Случайность, старик. Они играли вчетвером на причале. Знаешь, какой он шаткий. Прилив уже начался, и вода прибы-

вала быстро. Эта дурацкая моторка Билла Уэстона стояла ярдов на пятьдесят выше. Старый Ивенс говорит — он все видел,— что там, наверное, канат оборвался. По его словам, она понеслась так быстро, что остановить нельзя было. Во всяком случае, она врезалась в мостки и снесла у них, черт ее дери, конец. Мои стояли чуть подальше, их только стукнуло, а твоих потащило прямо в воду...

Он остановился и снова отхлебнул из стакана.

— Ну, ты же знаешь, как быстро несется вода... Их сразу отнесло на несколько ярдов. Ивенс подумал — все, конец, и вдруг видит: Мэтью пробивается к Полли. Больше он ничего не видел, потому что поднял тревогу, побежал в яхт-клуб. За ним кинулся полковник Саммерс, но даже на моторке они догнали ребят только в миле от берега. Мэтью все еще держал Полли. Полковник очень растрогался. Говорит: «Кто-кто, а Мэтью заслужил медаль!» Он будет о ней хлопотать. Мы были дома. Мои двое ничего не сказали, пока не увидели, что моторка отчалила. Мы сделать ничего не могли! О господи, как мы извелись, пока ждали!.. Не хотел бы я провести еще такой час. Ну, обошлось, слава богу,— и слава Мэтью, конечно. Если б не он, Полли погибла бы, это уж точно. Молодец! Если полковника нужно поддержать насчет медали, я готов. Мэтью ее заслужил.

Алан залпом прикончил виски и снова потянулся к бутылке.

Я тоже приложился. Мне это было очень нужно. Последние два года я часто думал: как жаль, что на воде Мэтью не может продержаться и минуты...

Меня выгнали из комнаты, где жили Полли с Эммой.

— Она спит,— сказала Мэри.— Знаешь, она сильно расшибла правое плечо. Наверное, об лодку. А так все в порядке, только очень устала. Дэвид, Дэвид!..

— Все обошлось, Мэри. Все прошло.

— Да, слава богу. Фил мне все рассказала. Дэвид, как же он ее спас?

Я зашел к Мэтью. Свет у него еще горел. Мэтью лежал на спине и смотрел на лампу. Я успел уловить его озабоченный взгляд прежде, чем он меня заметил.

— Привет, папа,— сказал он.

На секунду ему как будто стало легче, потом он опять погрузился в мрачное раздумье.

— Привет,— сказал я.— Ну как ты?

— Ничего. Озябли мы здорово. Тетя Фил сделала горячую ванну.

Я кивнул. С виду он и правда был ничего.

— Слышал про твои подвиги, Мэтью.

Взгляд его стал еще озабоченней. Он опустил глаза и стал вертеть в пальцах простыню. Потом снова взглянул на меня.

— Это все неправда,— сказал он очень серьезно.

— Я и то удивился,— вставил я.— Еще на днях ты и плавать не умел.

— Да, папа... только...— он снова принялся закатывать уголок простыни,— только... Чокки умеет,— закончил он, неуверенно глядя на меня.

Я постарался изобразить на своем лице только внимание.

— Расскажи-ка мне все,— сказал я.

Мэтью стало как будто полегче.

— Это случилось очень быстро. Я увидел, что лодка сейчас врежется, и сразу же оказался в воде. Попробовал плыть и очень испугался — я же знал, что не выйдет, и я все равно утону. Тут Чокки сказал: «Не дури! Без паники». Знаешь, он рассердился. У него был голос, как у мистера Кефера, когда он орет в классе, даже хуже. Я никогда его такого не слышал, удивился, и страх прошел. Тогда он сказал: «Теперь ни о чем не думай, как тогда с рисованием». Я попробовал и вижу — плыву!— Мэтью нахмурился.— Не знаю уж, как я плыл — Чокки показывал, что делать ногами и руками... ну, вроде наших рисунков. Так что, видишь, это правда он, а не я. Понимаешь, папа?

— Да,— сказал я не совсем честно.

— И ты меня плавать учил, и другие, и я сам пробовал, а до Чокки ничего не выходило.

— Да...— я снова притворился, что понял.— Значит, ты увидел, что плывешь, и повернул к берегу?

Внимательный взгляд Мэтью стал настороженным.

— Как же я мог? А Полли? Она ведь тоже в воду упала.

Я кивнул.

— Да,— в третий раз сказал я,— Полли тоже упала... в том-то и дело...

Мэтью подумал минутку и вздрогнул — наверное, вспомнил первые, страшные секунды. Потом лицо его стало твердым.

— Ее Чокки спас,— упрямо повторил он.

Наутро Алан смотрел на меня смущенно.

— Наверное, это от волнения... Ждал чертову лодку... Не знал, спасли их или нет — и помочь не мог... Сорвался, понимаешь...

— Ладно,— сказал я,— оставь. Мне было не лучше.

Мы присели на солнышке, пока не позовут завтракать.

— Нет,— сказал Алан,— не пойму, как это он. Полковник говорит, когда они подплыли, он ее еще держал. Больше мили продержал, а течение быстрое. Устал, говорит, но не сдавался. Два дня назад Мэтью мне сам жаловался, как ему стыдно — все плавают, а он нет. Я пробовал его учить, но дело не пошло.

— Да, он никак не мог научиться,— сказал я и — поскольку он знал про Чокки, сам привел Лендиса — поведал ему версию Мэтью. Он недоверчиво смотрел на меня.

— А, черт... Не хочу обидеть Мэтью, но ты-то ему веришь?

— Я верю, что он в это верит. Как же объяснить иначе? И потом...— я рассказал про рисунки.— После этого мне не так трудно поверить хоть наполовину.

Алан задумался. Он закурил и молчал, глядя на реку. Наконец он сказал:

— Если это то, что нам кажется... а иначе никак не объяснить, если это так, на вашего Чокки надо смотреть по-новому...

— И я так думал,— согласился я.— Мэри, бедняга, совсем не рада. Она боится за Мэтью.

Алан покачал головой.

— И зря. Существует Чокки или нет — а Лендис вроде бы думает, что он в каком-то смысле существует,— дети живы только потому, что Мэтью в него верит. Разве Мэри не понимает? Это бы ей помогло.

— Помогло бы,— согласился я.— Только — ох, не знаю! Почему это в злых духов верят чаще, чем в добрых?

— Из осторожности?— предположил он.— Как-то верней считать неизвестное враждебным, пока его получше не узнаешь. Может, Чокки только начал проявлять себя. Что ж, начало неплохое.

Я кивнул.

— Хотел бы я, чтоб Мэри посмотрела на это так... но ей очень не по себе...

К завтраку Мэтью опоздал. Я отправился искать его и нашел на развалинах старой дамбы. Он разговаривал с неизвестным мне, приятным на вид блондином. Завидев меня, Мэтью поднял голову.

— Здравствуй, папа,— сказал он.— Неужели завтракать пора?

— Да,— ответил я.

Молодой человек вежливо встал.

— Простите, сэр. Это я виноват. Я расспрашивал вашего сына о его подвиге. Он ведь наш герой со вчерашнего дня.

— Возможно,— сказал я,— но ему пора завтракать. Пошли, Мэтью.

— До свиданья.— сказал Мэтью блондину, и мы пошли домой.

— Кто это?— спросил я.

— Так, один,— отвечал Мэтью.— Хотел узнать, как Полли. Говорит, у него такая же дочка, вот он и волнуется.

Мне показалось, что незнакомец для этого слишком молод; но теперь всякое бывает, и к концу завтрака я о нем забыл.

Следующие дни Мэтью плавал так много, что его едва удавалось оттащить от воды.

Но вот отпуск мой кончился. На прощанье полковник Самерз зашел к нам выпить и заверил нас, что он уже написал в Королевское общество насчет медали.

— Хороший у вас парень. Есть чем гордится. И подумать — говорит, что плавать не умел! Не поймешь их, мальчишек. Ну, ладно. Да, здорово он это, дай ему бог!

В понедельник я пришел поздно. Работы было много, я устал и не придал особого значения тому, что Мэри несколько рассеянна. Пока я ужинал, она тактично молчала, а потом вынула газету и протянула мне.

— Сегодняшняя,— сказала она.— На первой странице. Ниже.

Я посмотрел на подвал первой полосы и увидел Мэтью. Фото было вполне приличное. Я поискал шапку. Она гласила:

«Юный герой говорит, что ему помог ангел-хранитель». Сердце у меня екнуло. Я стал читать:

> «Двенадцатилетний Мэтью Гор из Хиндмера, Суррей, получит медаль за отвагу. Он спас свою сестру, десятилетнюю Полли, когда она тонула в устье реки у деревни Бонтгоч
> Мэтью и Полли играли на деревянных мостках неподалеку от местного яхт-клуба, когда течением оторвало от причала моторную лодку мистера Уильяма Уэстона. Лодка врезалась в мостки, снесла десять футов досок, и дети оказались в стремительном потоке.

Мэтью немедленно сориентировался, схватил сестру и, пока поток относил их от берега, держал ее голову над водой. Тревогу поднял мистер Ивен Ивенс, хорошо известный в Бонтгоче, а полковник Саммерс, тоже почтенный местный житель, поспешил отправиться на помощь на своей моторной лодке.

Полковник Саммерс почти две мили гнался за детьми по предательским водам устья и, наконец, сумел подплыть к ним и взять их на борт.

Полковник сказал: «Мэтью спас сестру, рискуя жизнью. Побольше бы нам, англичанам, таких мальчиков!»

Самое удивительное: *Мэтью не знал, что умеет плавать.* Беседуя с нашим репортером, он скромно отрицал, что совершил подвиг. «Полли не плавает,— сказал он,— а я понял, что плыву, и, конечно, стал ее спасать». На вопрос репортера он ответил, что учился плаванью, но научиться не мог. «Когда я упал в воду, я очень испугался,— признает он,— но тут я услышал голос. Он мне говорил, чтоб я не трусил, и учил, что делать руками и ногами. Я послушался и поплыл». Без сомненья, Мэтью говорит правду. Прежде никто не видел, чтоб он плавал, и все считали, что плавать он не умеет.

Когда репортер спросил, не удивился ли он голосу, он ответил, что часто его слышит, так что не очень удивился.

Когда репортер предположил, что это — ангел-хранитель, он отвечал, что все может быть.

Как ни удивительно, что человек внезапно поплыл, повинуясь невидимому наставнику, несомненно одно: Мэтью совершил подвиг — рискуя жизнью, спас сестру, и мы надеемся, что его отвага будет вознаграждена».

Я взглянул на Мэри. Она медленно покачала головой.

— Он давно заснул. Да и к чему? Дело сделано.

— Это местная газетка,— сказал я.— Господи, как же?..— и вспомнил молодого человека, который беседовал с Мэтью на берегу.

— Газета пришла на здешний адрес,— напомнила Мэри.— Наверное они нашли в телефонной книжке...

Я решил не сдавать своих позиций.

— На что им это нужно? Сразу видно: дешевая местная сенсация, выдумка репортера.

Ни я, ни Мэри не знали, должно быть, как следует, кого мы имеем в виду, когда говорим «они». Но вскоре я убедился, что недооценил прыти современной информации.

У меня появилась дурная привычка: бреясь, я крутил радио — наверное, чтобы не думать, и вообще, теперь так многие делают. И вот на следующее утро я терпеливо слушал новости. Профессор из какого-то свежеиспеченного университета рассказывал, что его раскопки доказали принадлежность местечка Монтгомери к древнему королевству Мерсия. Когда он кончил, диктор сказал: «Сейчас ровно двадцать пять с половиной минут девятого... тьфу, восьмого! Ну, перейдем от древних англов к современным ангелам. Юный Мэтью Гор из Хиндмера, отдыхая летом в деревне, как истинный рыцарь спас свою тонущую сестру, не умея — как это ни странно — плавать. Деннис Клаттербак сообщает ..»

Передача стала глуше. Чей-то голос произнес.

— Мне сказали, что, когда вас унесло течением, ты тотчас поплыл к сестре и держал ее, пока вас не подобрали. Это верно?

— Да,— сказал Мэтью. Его голос звучал не совсем уверенно.

— И еще мне сказали, что раньше ты не плавал.

— Да... ну, то есть да, не плавал,— сказал Мэтью довольно растерянно.

— Никогда не плавал?

— Да,— твердо ответил Мэтью.— У меня не получалось...— прибавил он.

— А сейчас получилось?

— Да.

— Говорят, ты слышал голос?

Мэтью помолчал.

— Ну... вроде того...— ответил он.

— Ты думаешь, это твой ангел?

— Нет!— сердито сказал Мэтью.— Еще чего!

— Ты же сам говорил репортеру...

Мэтью не дал кончить фразу.

— Ничего я не говорил! Это он говорил. И вообще я не знал, что он репортер.

— Но голос ты слышал?

Мэтью снова помолчал и не нашел ничего лучше, чем сказать: «Вроде того...»

— А когда ты его услышал, ты понял, что умеешь плавать?

Мэтью хрюкнул.

— И ты не думаешь, что тебе помог твой ангел-хранитель?

— Я не говорил ни про каких ангелов!— возопил Мэтью.— Это он говорил. Просто я влип, а Чо...— он внезапно остановился, и я почти услышал, как он прикусил язык.— Ну, понял, что умею,— неловко закончил он.

Репортер что-то начал говорить, но его оборвали на первом слоге.

Диктор сказал:

— Мэтью научился плавать *за один раз*. Замешан тут ангел или не замешан, а Мэтью умело воспользовался преподанным ему уроком, и мы за него рады.

Мэтью спустился к столу, когда я кончал завтракать.

— Сейчас слушал тебя по радио,— сказал я ему.

— А!— сказал Мэтью и, не вдаваясь в объяснения, занялся корнфлексом.

— Когда это ты успел?— спросил я.

— Тут один звонил, когда мама ушла. Спрашивает: «Ты не Мэтью?», а я говорю: «Мэтью», а он говорит: « Я из Би-Би-Си. Можно к вам зайти?» Я говорю: «Можно», а то ведь невежливо отказать, если он оттуда. Ну, он пришел и показал мне газету. А потом включил запись и стал меня спрашивать. А потом ушел.

— И ты не сказал про него маме?

Мэтью возил ложкой по тарелке.

— Понимаешь, я думал, она испугается, что я ему говорил про Чокки. А я не говорил. Наверное, им это неинтересно.

Слабый довод, подумал я. Кажется, он чувствует себя виноватым, что пустил этого типа.

— М-да... Что ж, теперь поздно,— сказал я.— Только если еще заявятся, не говори с ними, а отсылай их к маме или ко мне. Ладно?

— Ладно, папа,— ответил он, помолчал и прибавил хмуро:— Да нет, это трудно. Понимаешь, я ведь не знал, что там, на берегу, был репортер. И этот тоже... Я не думал, что это интервью...

— А ты подозревай каждого незнакомца,— посоветовал я.— Мы ведь не хотим, чтоб они узнали про Чокки?

Мэтью жевал и ответить не мог, но кивнул очень решительно.

Под вечер зашел молодой человек, отрекомендовавшийся местным репортером. Мэри говорила с ним сухо. Да, эту чушь про ангелов она читала и удивилась, почему такое печатают. Мэтью учился плавать, но ему не хватало уверенности. Он знал, что надо делать, а в миг опасности сделал то, чему его учили, и увидел, что плывет. Да, это очень смело и очень хорошо, но чуда тут нет. К сожалению, видеть его нельзя — он ушел на весь день. И вообще лучше его не трогать. Она билась долго, и в конце концов расстроенный репортер ушел.

В тот же день мне на работу позвонил Лендис. Он сказал, что думал о Мэтью и хочет о многом меня порасспросить. Я было решил, что он снова собрался к нам — а Мэри бы это не понравилось; к счастью, вместо этого он предложил мне как-нибудь пообедать с ним. Я чуть не спросил, слышал ли он Мэтью в новостях, но дел было много, и мне не хотелось пускаться в объяснения. Мы условились встретиться в его клубе в четверг.

Когда я пришел домой, Мэри стряпала с мрачной решимостью, как всегда, когда ей не по себе. Я спросил, что случилось.

— Он опять говорил с репортерами,— сказала она, безжалостно двигая кастрюльку.

— Я ж его просил...

— Знаю,— горько сказала она.— Он, бедняга, не виноват... Я прямо взбесилась.

Оказалось, что множественное число она употребила для выразительности. Репортер был один. Мэтью встретил его, когда возвращался домой. Тот спросил, не Мэтью ли Гор ему повстречался, и назвал себя местным репортером. Мэтью посоветовал ему сперва поговорить с мамой. Репортер ответил, что был у нее и просил разрешения. Он надеялся побеседовать с Мэтью, но того не было дома. До чего же удачно, что они встретились! Однако не беседовать же тут, на углу. Как насчет чая с пирожными? И они пошли в кафе.

— Немедленно напиши редактору,— сказала Мэри.— Это черт знает что!

Я написал с должным негодованием и без малейшей надежды, но хоть немного успокоил Мэри. Чтобы не заводить ее снова, я не сказал о Лендисе.

Среда прошла тихо — правда, утром принесли письмо для Мэтью, и в левом углу конверта виднелась надпись «Общество телепатических явлений». Я прочитал его в вагоне. Автор слышал по радио о необычных подвигах Мэтью и решил, что все это будет интересно членам его кружка. Если Мэтью не возражает, и т.п.

Да, в среду было тихо, но четверг возместил это с лихвой.

Я пытался читать «Таймс»— что непросто в переполненном вагоне,— когда случайно увидел фотографию в «Дейли телеграф», которую держал пассажир напротив, и она сразу чем-то привлекла мое внимание. Я подался вперед, чтобы лучше видеть. У тех, кто ежедневно ездит в поезде, вырабатывается особый

рефлекс на такую нескромность. Мой визави опустил газету, взглянул на меня так, словно я браконьер или убийца, и развернул ее на другой странице.

Все же то, что я успел заметить, взволновало меня, и на вокзале Ватерлоо я стал искать этот номер, чтобы посмотреть как следует. Однако «Дейли телеграф» распродали. Утвердившись еще сильней в своих подозрениях, я добрался до Блумсбери-сквер и тут же послал искать по всему учреждению свежий «Телеграф». К счастью, один нашли и принесли мне. Я развернул его, исполненный предчувствий,— и не зря...

Полстраницы занимали фотографии рисунков с выставки школьников. Тот, который привлек мое внимание еще в вагоне, снова встревожил меня и затмил все другие. Это был вид из окна; внизу, на улице, несколько мальчиков с ранцами толкались у каких-то ворот. Мальчики были угловатые, длинные, и многих бы это удивило — но не меня. Мне не нужна была подпись, и все же я прочитал: «Рисунок «Домой» двенадцатилетнего Мэтью Гора из Хинтона, в Хиндмере, говорит о таланте и наблюдательности, редких для таких лет».

Я все еще смотрел на рисунок, когда вошел Томми Перселл и заглянул через мое плечо.

— А!— сказал он.— Видел, видел. Поздравляю. Так и думал, что это ваш. А я не знал, что у него такие таланты. Очень тонко... хотя довольно странно, а?

— Да,— ответил я, и мне показалось, что газета скользит у меня из рук,— довольно странно.

Лендис залпом выпил полрюмки шерри.

— Видели газеты?— спросил он.

Я не стал притворяться, что не понимаю.

— Видел сегодняшний «Телеграф»,— ответил я.

— А «Стандард»? Они тоже напечатали и дали целый абзац о даровитом ребенке. Вы мне об этом не говорили,— с упреком прибавил он.

— Я сам тогда не знал.

— И про плаванье тоже?

— Это все потом случилось.

— Конечно и там, и тут — Чокки?

— Кто ж еще!— сказал я.

Он подумал немного.

— Довольно опрометчиво, а? Не надо было выставлять эту картинку.

— Мы ее не выставляли.

— Вот досада!..— бросил он и заказал еще два шерри.

— Да, картинка,— снова начал он.— Фигуры какие-то странные, вытянутые... тощие, что ли. Они у него всегда такие?

Я кивнул.

— Как он их рисует?

Я рассказал ему все, о чем Мэтью поведал нам. Он не удивился, только задумался. Потом начал так:

— И не одни фигуры. Все вертикальные линии длинней, чем надо. Как будто их видит существо, привыкшее к другим пропорциям... как будто там у них все шире, приземистей.— Он оборвал фразу, бессмысленно глядя на рюмку. Потом лицо его осветилось.— Нет, не то! Как будто смотришь сквозь особые очки и рисуешь, что видишь, без поправки. Наденьте другие стекла, сокра-

щающие вертикальные линии,— и все станет на место. Должно быть, зрение Чокки не совсем совпадает со зрением Мэтью...

— Нет, не пойму...— сказал я.— Ведь глаз, который видит натуру, видит и картинку.

— Это просто аналогия...— уступил он,— я говорил приблизительно... а, может, упростил. Но что-то в этих линиях да есть. Пойдем-ка пообедаем.

За обедом он подробно спрашивал о происшествии в Бонтгоче. Я рассказал, как мог, и он решил, что это чуть ли не важнее рисунков. И тогда, и потом, дома, меня поражало, что он совсем не удивился. Мне даже порой казалось, что он разыгрывает меня — хочет проверить, как далеко я зайду. Но нет, в его речах не было и намека на недоверие; он принимал самые поразительные вещи.

Я все больше ощущал, что он зашел дальше меня — я волей-неволей соглашаюсь принять Чокки как гипотезу, а он просто верит в него. Словно, думал я, он следует правилу Шерлока Холмса: «Когда все невозможное исключено, считайте правдой то, что остается — как бы невероятно оно ни было». Почему-то мое беспокойство от этого усилилось.

После обеда, за кофе и бренди, Лендис сказал:

— Надеюсь, вы заметили, что я много думал о вашем деле, и теперь, мне кажется, вам нужен Торби. Сэр Уильям Торби. Он очень умен, и опытен, и гибок — а это у нас нечасто бывает. Я хочу сказать, что он не фанатик психоанализа. К каждому случаю он подходит особо: решит, что нужен анализ,— применит, а решит, что нужны лекарства,— даст лекарства. На его счету много поразительных исцелений. Да, если кто-то вам поможет, то именно Торби.

Я не стал обращать внимание на «если» и сказал

— Вроде бы в тот раз вы говорили, что помощь не нужна.

— Я и сейчас скажу! Это вашей жене нужна помощь. Да и вам не помешает.

Он был прав. Мы с Мэри куда больше тревожились за Мэтью, чем он сам. И я согласился, чтобы Лендис свел нас с сэром Уильямом Торби.

— Хорошо,— сказал Лендис,— я с ним поговорю и через несколько дней дам вам знать.

Дома я застал клокочущую от гнева Мэри и понял, что она видела «Ивнинг Стандард».

— Какой-то кошмар!— взорвалась она.— Как она смела посылать рисунок без спроса? Прямо... ну, как это называют?.. прямо присвоение чужой собственности!.. Даже у Мэтью не спросила. Послала и никому не сказала. Нет, она бы не посмела — хоть с кем-то она да советовалась. Не знаю, до чего дойдут учителя! Им кажется — у них все права, а у нас никаких. Хоть бы из вежливости спросили родителей... Какое хамство! Ну чему научится ребенок, если его учат невежи? Завтра же напиши им, пусть она хоть прощенья попросит... Нет, сейчас пиши. Утром тебе будет некогда.

Я очень устал за день.

— Не станет она просить прощенья. С какой стати?— сказал я.

Мэри прямо взглянула на меня, набрала воздуху и начала снова. Я прервал ее.

— Такая у нее работа. Ее ученик нарисовал картинку, и ей показалось, что ее можно выставить. Она хотела, чтоб ему воздали должное. Конечно, она думала, что мы будем в восторге. Да мы и были бы, если б не этот Чокки.

— Хоть бы спросила...

— А ты бы ей сказала про Чокки? И потом, это было перед самыми каникулами, она еле успела послать. Держу пари, сейчас она ждет благодарности.

Мэри сердито фыркнула.

— Ладно,— сказал я,— пиши сама. Извинений ты не дождешься. Что ж тогда? Поднимешь скандал? Местные газеты любят перепалку родителей и учителей. Можешь прогреметь на всю страну. И картинке сделаешь рекламу. А кто-нибудь догадается, что Мэтью Гор с картинкой и Мэтью Гор с ангелом — один и тот же мальчик. Вообще-то, и так догадаются, не стоит самим звонить на всю Англию.

Мэри так испуганно взглянула на меня, что я пожалел о своем тоне, и смотрела долго-долго, а потом лицо ее скривилось... Я помог ей встать и почти отнес ее в кресло...

Наконец она вынула платок у меня из кармана и стала понемногу затихать. Рука ее нашла мою руку.

— Прости, что я такая глупая,— сказала она.

Я обнял ее.

— Ничего! Ты не глупая, ты просто боишься, что ж тут страшного.

Она помолчала, комкая платок.

— Я так за него боюсь,— нетвердо сказала она, привстала и взглянула на меня.— Дэвид, скажи мне честно!.. Они... они не решат, что он сумасшедший? А?

— Конечно, не решат. С чего бы? Ты ведь знаешь, он совсем нормальный.

— А если пронюхают про Чокки? Что он слышит голос и... и...— договорить она не смогла.

— Ты не того боишься,— начал я.— Посмотри на это иначе. С Мэтью, с самим Мэтью все в порядке. Редко встретишь такого разумного, здорового мальчика. Прошу тебя, очень тебя прошу, пойми: этот Чокки — не выдумка. Не Мэтью его создает, а он приходит к Мэтью, кто б он ни был. Трудно поверить, я знаю, и невозможно понять. Но я убежден в этом, и Лендис тоже. Он психиатр, и он доволен Мэтью, не считает его больным. Прошу тебя, поверь!

— Я стараюсь... но я не понимаю! Кто такой Чокки? Плаванье... картинки... все эти вопросы...

— Этого-то мы и не знаем... пока. Мне кажется, Мэтью сейчас и вправду похож на одержимого. Да, слово неудачное, оно связано с безумием, страхом, злой волей, но я его употребил не в этом смысле. Другого слова не найдешь! Как будто кто-то в него вселился... Очевидно, Чокки ему не вредит. Мы пугаемся его, потому что не понимаем. Я хочу судить объективно, и, знаешь, мне кажется, мы неблагодарны. Вспомни, ведь Мэтью считает, что Чокки их обоих спас... А если не он — так кто же? Нет, он не опасен. Он надоедлив, навязчив, но расположен к Мэтью как... скажем, добрый дух

— Ах, вон что!— сказала Мэри.— Ты хочешь сказать, что он и есть ангел-хранитель.

— Ну, нет... не то... я хотел сказать... а вообще-то в некотором роде — да.

На следующее утро в станционном киоске я купил нашу местную газету. Как я и ожидал, там было про Мэтью — на четвертой колонке первой полосы под шапкой «"Ангел хранитель" спасает детей». Мне не понравились кавычки — видимо, редактор хотел подстраховаться,— но я стал читать и немного успокоился. Пришлось признать, что статья неплохая и объективная, хотя автор явно не договаривал, и даже какая-то растерянная, словно он решил судить непредвзято и вдруг перестал понимать, что же все это означает. Ангел-хранитель присутствовал чуть ли не только в заголовке; по статье же скорее выходило, что когда Мэтью упал в воду, с ним случилось что-то странное, но никто не знает, что же именно. Сомнений не было в одном: Мэтью спас Полли.

Как ни печально, люди прежде всего замечают заголовки; в конце концов, для того они и покупают газеты.

Алан в то утро позвонил, пригласил позавтракать, и я согласился.

— Видел вчера в газете его рисунок,— сказал Алан.— После твоих рассказов я решил сходить на выставку. Она чуть не рядом с нами. Почти все — ерунда, как обычно. Не удивляюсь, что им так понравился Мэтью. Все-таки чудной у него ракурс, все какое-то длинное — а что-то есть, есть...— Он помолчал, с интересом глядя на меня.— Странно, что вы их послали. Ведь вы так говорили про Чокки...

— Мы не посылали,— ответил я и рассказал ему о последних событиях.

— Ах, вот оно что! Да, неудачно, все так совпало. Кстати, в среду ко мне заходили из Общества любителей плаванья. Насчет медали. Они там прослышали, что Мэтью раньше не умел плавать, и, конечно, усомнились во всей этой истории. Ну, я им рассказал, что мог. Подтвердил, что он не плавал. Черт, я же сам его учил дня за два до того! Кажется, поверили, но я их еще больше сбил с толку — Он снова замолчал.— Знаешь, Дэвид, теперь твой Чокки — именинник. Что ты будешь с ним делать?

— Что же мне с ним делать? А вот насчет Мэтью — Лендис кое-что посоветовал

И я пересказал ему нашу беседу

— Торби... Торби... да еще сэр?..— пробормотал Алан — Что-то недавно слышал... Ах, да! Его пригласили консультантом в какую-то фирму. Не помню, куда именно — во всяком случае, дело там большое. Тот, кто мне рассказывал, интересовался, вошел ли он в долю. И практики там — хоть отбавляй.

— И денег тоже?— спросил я.

Алан покачал головой.

— Не скажу, не знаю. Да уж платят, наверное! Я бы поговорил бы сперва с Лендисом...

— Спасибо, я поговорю. Не так уж приятно платить кучу денег, если лечение затянется.

— Не думаю, что оно затянется. В конце концов, никто не считает, что Мэтью нездоров... что его надо лечить. Ты просто хочешь понять... и посоветоваться, правда?

— Не знаю,— ответил я.— Конечно, Чокки не принес ему никакого вреда...

— И спас их обоих, не забудь.

— Да. Я, собственно, за Мэри волнуюсь. Она не успокоится, пока Чокки не изгонят... не уничтожат, не развеют — ну, словом, не покончат с ним.

— Покоя хочет... Нормальность — прежде всего... Инстинкт побеждает логику... Что ж, все мы думаем по-разному, особенно мужчины и женщины. Постарайся, чтоб она дала Торби возможность высказаться. Что-то мне кажется, хуже будет, если она сама начнет выкуривать Чокки.

— Этого не бойся. Она знает, что Мэтью тогда рассердится. Она ведь вроде Полли — им обеим кажется, что Мэтью им изменил.

Когда я пришел домой, там было невесело, но меня никто не ругал, и я приободрился. Я решил, что Мэри читала газету и отнеслась к ней, как я, и спросил ее, как прошел день.

— Я думала, в город лучше не ездить,— отвечала она,— и заказала все по телефону. Часов в одиннадцать пришел очень милый, немножко чокнутый священник. Он огорчился, что Мэтью нет, хотел, понимаешь, растолковать ему, что он ошибается, и растолковал мне. Видишь ли, он с огорчением прочитал, что Мэтью принял версию об ангеле-хранителе. Дело в том, что это не христианское понятие. Ранняя церковь просто заимствовала его вместе с другими языческими верованиями. С тех пор много неверных идей было вытеснено истинным учением, а эта все держится. Говорит, христиане должны бороться с ересью, так что вот, не соглашусь ли я передать Мэтью, что Творец не передоверяет своих дел секретарям. Он сам, и только Он, мог поддержать тогда Мэтью и дать ему смелость и силу. Священник же считает своим долгом разъяснить недоразумение. Ну, я сказала, что передам, а сразу после него позвонила Дженет...

— О господи!

— Да, позвонила. Она потрясена успехами Мэтью в рисовании.

— И приедет завтра их обсудить?

— Нет, в воскресенье. Завтра приедет Пэшенс, она тоже звонила.

— Надеюсь,— сказал я без особой надежды,— что ты им бесповоротно отказала.

Она ответила не сразу.

— Ты же знаешь, Дженет такая настырная...

— А...— сказал я и снял трубку.

— Подожди минутку!— попросила Мэри.

— Что ж, мне сидеть и смотреть, как твои сестрицы потрошат Мэтью? Сама знаешь, будут тарахтеть, ломаться, выпытывать и жалеть тебя, беднягу, которой попался такой необычный ребенок. К черту!

Я коснулся диска.

— Нет,— сказала Мэри,— лучше я.

— Ладно,— согласился я.— Скажи, чтоб не приходили. Скажи, что я обещал друзьям приехать на уикэнд... и на следующей неделе тоже, а то им дай только волю!

Она все сделала как надо и, кладя трубку, взглянула на меня. Ей явно полегчало, и я очень обрадовался.

— Спасибо, Дэвид...— начала она. Тут раздался звонок; я взял трубку.

— Нет,— сказал я.— Он спит... Нет, завтра не будет целый день.

— Кто?— спросила Мэри.

— «Санди Даун». Хочет взять у него интервью. Знаешь, кажется, они поняли, что Мэтью-герой и Мэтью-художник — одно и то же лицо. Скоро многие поймут.

И я не ошибся. Позвонили из «Рипорт», потом — из «Санди Войс».

— Ну, решено,— сказал я.— Завтра придется уйти на целый день. И пораньше, пока они еще не расположились в саду. Да, и на ночь останемся. Пойдем собирать вещи.

Мы пошли наверх, и телефон затрезвонил снова. Я поколебался.

— Да ну его,— сказала Мэри.

И мы не подошли к телефону ни в этот, ни в следующий раз.

Нам удалось уехать в семь, опередив репортеров. Мы направились к берегу.

— Надеюсь, они без нас не вломятся,— сказала Мэри.— Мне кажется, что я беженка.

Всем нам так казалось часа два, пока мы ехали до берега. Машин на шоссе было полно, и мы еле ползли. То и дело что-то случалось и образовывалась пробка на целые мили. Дети стали скучать.

— Это все он,— плакалась Полли.

— Нет, не я,— возразил Мэтью.— Я ничего такого не хотел. Само случилось.

— Значит, это Чокки.

— Тебе бы его благодарить,— напомнил Мэтью.

— Сама знаю, а не могу. Он все портит,— ответила Полли.

— Последний раз, когда мы тут ехали, с нами был Пиф,— заметил я.— Он немножко мешал.

— Пиф был глупый, он мне ничего не говорил, это я ему говорила. А этот Чокки вечно болтает или спрашивает всякую ерунду.

— Нет,— сказал Мэтью,— сейчас он уже не спрашивает. Его не было со вторника. Я думаю, он отправился домой.

— А где его дом?— спросила Полли.

— Не знаю. Он был какой-то расстроенный. Наверное, отправился к себе, спросить, как и что.

— Что спросить?— настаивала Полли.

Я заметил, что Мэри в беседу не вступает.

— Если его нет,— предложил я,— давайте про него забудем.

Полли высунула голову и стала разглядывать неподвижные вереницы машин.

— Мы, наверно, нескоро поедем,— заявила она.— Я лучше почитаю.— Она выудила книгу откуда-то сзади и открыла ее. Мэтью посмотрел на картинку.

— Это что, цирк?— поинтересовался он.

— Скажешь тоже!— презрительно воскликнула Полли.— Это очень интересная книжка про одного пони. Его звали Золотое Копытце. Раньше он выступал в цирке, а сейчас учится в балете.

— Вон что!— сказал Мэтью с достойной уважения сдержанностью.

Мы доехали до большой стоянки, где брали по пять шиллингов с машины, взяли вещи и отправились искать море. Каменистый

берегу самой стоянки заполнили люди с транзисторами. Мы пошли дальше по камушкам и добрались до места, где от сверкающей воды нас отделяла только широкая лента нефти и мусора, да кромка пены.

— О господи!— сказала Мэри.— Надеюсь, ты не будешь тут купаться?

Присмотревшись получше, Мэтью заколебался, но все же возроптал:

— А я хочу плавать, раз я умею.

— Не здесь,— сказала Мэри.— Какой был хороший пляж несколько лет назад! А сейчас это... это...

— Самый краешек британской клоаки?— подсказал я.— Ну, пойдем еще куда-нибудь. Иди сюда, мы уходим!— крикнул я Мэтью, который все еще, словно во сне, смотрел на грязную пену. Полли и Мэри пошли по берегу, а я подождал его.

— Что, Чокки вернулся?— спросил я.

— Как ты узнал?— удивился он.

— Да, уж узнал. Вот что, окажи-ка мне услугу. Молчи про него, если можешь. Не надо портить маме поездку. Ей и так здесь не понравилось.

— Ладно,— согласился он.

Мы отошли от берега и обнаружили деревню в ущелье, у подножия холмов. Там было тихо, а в кабачке мы очень прилично позавтракали. Я спросил, можно ли остаться на ночь, и, на наше счастье, у них оказалась комната. Мы с Мэри расположились в садике, в шезлонгах; Мэтью исчез, туманно намекнув, что идет побродить; Полли улеглась под деревом, и ей почудилось, что она — Золотое Копытце. Примерно через час я предложил прогуляться перед чаем.

Мы лениво побрели по тропинке, опоясывающей холм, и через полмили, по ту сторону, увидели, что кто-то стоит на коленях и рисует в большом альбоме.

— Это Мэтью,— сказала Мэри.

— Да,— ответил я и повернул обратно.

— Нет, пошли,— сказала она.— Я хочу посмотреть.

Я без особой охоты отправился за ней. Мэтью нас не заметил, даже когда мы подошли вплотную. Он выбирал карандаш решительно и точно, а линию вел уверенно — ничего похожего на прежнюю неопределенность. Потом и твердо, и нежно он растирал ее, растушевывал рукой, или большим пальцем, или углом платка, а после, вытерев платком руки, наносил новую линию и опять растушевывал ее.

Я всегда дивлюсь художникам, как чуду, но сейчас сассекский ландшафт так явственно оживал на бумаге, материал был так прост, а техника — так необычна, что я стоял, словно зачарованный, и Мэри тоже. Так мы простояли больше получаса, наконец Мэтью распрямился, тяжело вздохнул и поднял готовый рисунок, чтобы его рассмотреть. Тут он заметил, что мы стоим сзади, и обернулся.

— Ох, это вы!— сказал он, не совсем уверенно глядя на Мэри.

— Мэтью, какая красота!— воскликнула она.

Мэтью явно стало легче. Он снова воззрился на рисунок.

— Наверное, сейчас он видит правильней...— серьезно, как судья, сказал он,— хотя еще немного чудно.

Мэри спросила:

— Ты мне дашь этот рисунок? Я буду его очень беречь.

Мэтью с улыбкой посмотрел на нее. Он понял, что наступил мир.

— Хорошо, мама, если хочешь,— сказал он и попросил на всякий случай:— Только ты с ним поосторожней.

— Я буду очень осторожна, он такой красивый,— заверила она.

— Да, ничего,— согласился Мэтью.— Чокки считает, что это красивая планета, если б мы ее не портили.

Домой мы вернулись в воскресенье вечером. В эти дни нам стало легче, но Мэри все же боялась думать о понедельнике.

— Эти газетчики такие наглые. Гонишь их, гонишь, а они все лезут,— жаловалась она.

— Не думаю, что они тебя будут сильно мучить. Во всяком случае, не в воскресенье. А к концу недели все уляжется. Знаешь, лучше всего убрать Мэтью куда-нибудь. На один день, конечно,— в школу ему со вторника. Сделай ему побольше бутербродов и скажи, чтоб не возвращался до вечера. И денег дай: соскучится — пойдет в кино.

— Как-то жестоко его выгонять...

— Да. Только вряд ли он предпочтет репортеров с ангелами.

Наутро Мэри выставила его — и не зря. За день к нему наведались шестеро: наш собственный викарий; еще какой-то священник; дама средних лет, отрекомендовавшаяся духовидицей; дама из местного кружка художников, в который, по ее мнению, будет счастлив вступить и Мэтью; дама, полагавшая, что грезы детей мало изучены; и, наконец, инструктор плаванья, надеявшийся, что Мэтью выступит на следующем водном празднестве.

Когда я вернулся, Мэри еле дышала.

— Если я когда-нибудь сомневалась в могуществе печати, беру свои слова обратно. Жаль только, что его тратят на такую чепуху.

Вообще же понедельник прошел неплохо. Мэтью вроде бы хорошо провел день. Он нарисовал два раза один и тот же ландшафт. Первый рисунок был явно в манере Чокки; второй — похуже, но Мэтью гордился им.

— Это я сам,— поведал он.— Чокки много мне говорил, как надо смотреть, и я начинаю понимать, чего он хочет.

Во вторник, с утра, Мэтью ушел в школу. Домой он вернулся с подбитым глазом.

— Мэтью!— вскрикнула Мэри.— Ты дрался!

— Нет,— гневно ответил Мэтью.— Меня побили.

По его словам, он стоял на переменке во дворе, а мальчик постарше, Саймон Леддер, подошел к нему с тремя приспешниками и стал острить насчет ангелов. Саймон заявил, что, если ангел спасет Мэтью от его кулака, он в ангелов поверит, а не спасет — значит, Мэтью трепло. Затем он претворил свое заявление в жизнь, ударив Мэтью так, что тот упал. Может быть, минуты на две он даже потерял сознание. Во всяком случае, он помнит только, что, встав, увидел не Саймона, а мистера Слетсона, директора школы.

Мистер Слетсон был так мил, что зашел к нам попозже справиться о здоровье Мэтью. Я сказал, что Мэтью лучше, хоть вид у него и неважный.

— Мне так жаль,— сказал мистер Слетсон.— Виноват только Леддер. Надеюсь, это больше не повторится. Странное происшествие! Я был далеко, помочь не мог, но все видел. Он ударил Мэтью и ждал, пока тот встанет — явно хотел ударить снова. Но

когда Мэтью встал, они все вдруг отступили, уставились на него, а потом бросились бежать. Я спросил зачинщика, Леддера, что случилось. Он отвечал, что «Мэтью был очень уж злющий». Странно... Но это значит, что больше они не пристанут. Кстати...— и, понизив голос, он принялся немного растерянно поздравлять нас с успехами сына в плавании и рисовании.

Полли очень заинтересовалась подбитым глазом.

— А ты им видишь?— спросила она.

— Да,— сухо отвечал Мэтью.

— Он смешной,— сообщила она и прибавила, подумав:— а Копытцу тоже чуть не выбили глаз.

— Балерина заехала ногой?— предположил Мэтью.

— Нет, это еще в той книжке, где про охоту,— объяснила Полли и, помолчав немного, невинно спросила:— это Чокки?

— Ну, хватит!— сказал я.— Мэтью, а твоей учительнице понравилось, что «Домой» напечатали в газетах?

Мэтью покачал головой.

— Я еще ее не видел. Сегодня рисования не было.

— Наша мисс Пинксер видела,— вмешалась Полли.— Она считает, что это просто дрянь.

— Господи, Полли!— взволновалась Мэри.— Не может быть, чтобы она так выразилась.

— Она не выразилась. Она подумала. Сразу видно... Она сказала, у Мэтью стиг... стигматы, что ли, и наверняка он носит очки. А я ей сказала, на что ему очки, ведь это не он рисовал.

Мы с Мэри переглянулись.

— Ой, что ты натворила!— охнула Мэри.

— Так это ж правда,— возроптала Полли.

— Нет,— сказал Мэтью.— Это я рисовал. Учительница сама видела.

Полли фыркнула.

Когда они, наконец, ушли, я рассказал Мэри свои новости. Утром звонил Лендис. Он видел сэра Уильяма. Тот заинтересовался Мэтью. Время у него распределено по минутам, но все же он сказал, чтобы я договорился с его секретаршей.

Я позвонил, и секретарша тоже упомянула о времени, но обещала посмотреть, зашуршала бумагой и, наконец, любезно сообщила, что мне повезло — в пятницу в два есть просвет, можно прийти, иначе придется ждать неделями.

Мэри колебалась. Кажется, за последние дни ее нелюбовь к Чокки ослабела; и еще, я думаю, ей не хотелось делить с кем-то Мэтью — как прежде, когда он пошел в школу. Однако присущий ей здравый смысл победил, и мы решили, что в пятницу я повезу Мэтью на Харли-стрит.

В среду было тихо. Мэри отказала только двоим посетителям и еще двоим — по телефону, а в школе прогнали предполагаемого репортера. Правда, сам Мэтью не поладил с Кефером.

Началось, по-видимому, с того, что Кефер на уроке физики сказал, что скорость света — предел, и ничто не может двигаться быстрее света.

Мэтью поднял руку. Кефер посмотрел на него.

— О,— сказал он.— Так я и думал. Ну, молодой человек, что вы знаете такого, чего не знал Эйнштейн?

Мэтью уже жалел, что выскочил, и буркнул:

— Это я так... Неважно.

— Нет, важно,— настаивал учитель.— Всякое возражение Эйнштейну чрезвычайно важно. Возражайте!

— Простите, сэр, скорость света — предел только *физической* скорости.

— Конечно. А что, по-вашему, движется быстрее?

— Мысль,— сказал Мэтью.

Кефер снова посмотрел на него.

— Мысль, милый мой Гор, тоже физический процесс. В нем участвуют нейроны, в клетках происходят химические изменения. Все это занимает время. Его можно измерить в микросекундах. Поверьте, скорость мысли окажется много меньше скорости света. Иначе мы могли бы предотвратить немало несчастных случаев.

— Простите...

— Что такое, Гор?

— Понимаете, сэр... Я, наверное, хотел сказать не «мысль», а «разум».

— Ах, вон что? Психология — не моя область. Не объясните ли нам?

— Если вы, сэр, как-нибудь... ну, метнете ваш ум...

— Метну? Быть может, пошлю сообщение?

— Да, сэр. Если вы его пошлете, пространство и время... ну, исчезнут.

— Так, так. Чрезвычайно занятная гипотеза. Вероятно, вы можете это продемонстрировать?

— Нет, сэр, я не могу...— и Мэтью остановился.

— Однако знаете того, кто может? Я уверен, что будет чрезвычайно поучительно, если вы его нам покажете.— Он печально взглянул на Мэтью и покачал головой. Мэтью уставился в парту.

— Итак,— обратился учитель к классу,— ничто в мире (за исключением ума Мэтью Гора) не превышает скорости света. Продолжим урок...

В пятницу я встретил Мэтью на вокзале Ватерлоо. Мы позавтракали и пошли к сэру Уильяму без пяти два.

Сэр Уильям оказался высоким, чисто выбритым, горбоносым, полуседым человеком с темными, зоркими глазами и густыми бровями. На улице я бы принял его за юриста, а не за врача. Сначала мне показалось, что я его где-то видел — быть может, потому, что он был похож на герцога Веллингтона.

Я представил ему Мэтью, мы поговорили немного, и он попросил меня подождать.

— Сколько мне ждать?— спросил я у секретарши.

— Не меньше двух часов: пациент новый,— сказала она.— Приходите после четырех. Мы присмотрим за мальчиком, если он выйдет раньше.

Я пошел к себе на службу, а в пятом часу вернулся. Мэтью вышел в шестом и взглянул на часы.

— Ой!— удивился он.— А я-то думал, что пробыл там всего полчаса.

Тут вмешалась секретарша.

— Сэр Уильям просит прощения, что не может повидаться с вами. У него срочная консультация. Он вам напишет дня через два,— сказала она, и мы ушли.

— Ну, как?— спросил я Мэтью в вагоне.

— Он очень много спрашивал. Насчет Чокки он совсем не удивился. И еще мы слушали пластинки,— прибавил он.

— А он собирает пластинки?— спросил я.

— Нет, не такие. Это спокойная музыка... добрая... ну, музыкальная. Он спрашивал, а она играла. А когда одна пластинка кончилась, он вынул из шкафа другую и спросил, видел я такую или нет. Я сказал — «нет», потому что она была странная, в черных и белых узорах. Он подвинул стул и говорит: «Сиди здесь, увидишь»,— и поставил ее. Она зажужжала, а музыки не было. Потом зажужжала громче. То тише, то громче, то тише, то громче, жужжит и жужжит. Я смотрел, как она крутится, а узоры так завихряются, как вода, когда из ванны уходит, только не вниз — просто уходят сами в себя, исчезают. Мне понравилось — как будто вся комната кружится, а я падаю со стула. А потом вдруг все остановилось, и смотрю — играет обыкновенная пластинка. Сэр Уильям дал мне оранжаду и еще поспрашивал и говорит — на сегодня хватит, я и вышел.

Я передал все это Мэри.

— А, гипноз!— сказала она.— Мне это не очень нравится.

— Да,— согласился я.— Но ему видней, что тут нужно.

Мэтью мог заартачиться. Лендису он легко все рассказал, но то случай особый. Чтобы не биться за каждый ответ, сэр Уильям, наверное, решил облегчить им обоим дело.

— М-м...— сказала Мэри.— Что ж, будем ждать его письма.

На следующее утро Мэтью вышел к завтраку усталый, вялый и рассеянный. Попытки Полли завязать беседу он отверг так решительно, что Мэри велела ей замолчать.

— Тебе нехорошо?— спросила она Мэтью, ковырявшегося в корнфлексе.

— Нет,— Мэтью покачал головой.— Мне хорошо,— и он демонстративно набросился на корнфлекс. Ел он так, словно хлопья душили его.

Я пристально смотрел на него и видел, что он вот-вот расплачется.

— Эй, Мэтью! Мне сегодня надо в Чичестер. Хочешь со мной?

Он снова покачал головой.

— Нет, папа, спасибо... Я бы лучше... Мама, можно мне взять бутербродов?

Мэри вопросительно взглянула на меня. Я кивнул

— Можно. Я после завтрака тебе сделаю.

Мэтью поел еще и ушел наверх.

— Золотое Копытце тоже не ел, когда погиб его друг Глазастик. Очень печально было,— заметила Полли.

— Иди-ка причешись,— сказала Мэри.— Смотреть противно.

Когда она ушла, Мэри сказала:

— Честное слово, это из-за вчерашнего типа.

— Может быть,— согласился я.— А скорее — нет. Он вчера был веселый. И вообще, если он хочет куда-то идти, мы не должны его удерживать.

Когда я вышел, то увидел, что Мэтью кладет альбом, краски и бутерброды в багажник велосипеда. Я понадеялся, что бутерброды выдержат путешествие.

— Ты поосторожней. Помни, что сегодня суббота,— сказал я.

— Помню,— ответил он и уехал.

Вернулся он в шесть и ушел к себе. К обеду он не спустился. Я спросил Мэри, в чем дело.

— Говорит, что есть не хочется,— сказала она.— Лежит и глядит в потолок. Его что-то мучает.

Я пошел к нему. Он и впрямь лежал, вид у него был измученный.

— Устал, старик?— спросил я.— Ложись совсем. Я тебе принесу поесть.

Он покачал головой.

— Спасибо, папа. Не хочу.

Я оглядел комнату и увидел четыре новые картинки. Все ландшафты. Два стояли на камине, два на комоде.

— Это сегодня?— спросил я.— Можно посмотреть?

Я подошел поближе. На одном я сразу узнал докшемский пруд, на другом был угол пруда, на третьем — вид на деревню и холмы с более высокой точки, а на четвертом — что-то, мне незнакомое.

Я увидел равнину. На заднем плане, на фоне ярко-синего неба, тянулась цепь древних на вид холмов, прерывавшаяся какими-то приземистыми, округленными башнями. Посередине, чуть вправо, высилась пирамида — огромная и не совсем правильная, потому что камни (если это вообще были камни) не были пригнаны друг к другу, а если верить рисунку, громоздились кучей. Я не назвал бы ее сооружением, но и не сказал бы, что это природная формация. За ней извилистой линией располагались какие-то сгустки материи, иначе я их не назову, потому что таких не видел; быть может, это были мясистые растения, быть может,— стога, быть может,— хижины, и дело осложнялось тем, что каждый из них отбрасывал по две тени. От левого края рисунка к пирамиде шла ровная, как по линейке, полоска и резко сворачивала к дымке у подножия холмов. Вид был мрачный и цвета невеселые, кроме яркой лазури неба: охряный, тускло-красный, серый. Сразу чувствовалось, что «там» сухо и ужасно жарко.

Я все еще смотрел и дивился, когда услышал сзади всхлипывания. Мэтью с трудом произнес:

— Это последние. Больше не будет.

Я обернулся. Он щурился, но слезы все же текли. Я присел на кровать и взял его руку.

— Мэтью, милый, скажи! Ну, скажи, что с тобой такое?!

Мэтью втянул носом воздух, откашлялся и выговорил:

— Это из-за Чокки, папа. Он уходит. Навсегда.

Я услышал шаги на лестнице, быстро вышел и плотно закрыл дверь.

— Что с ним?— спросила Мэри.— Болен?

Я взял ее за руку и увел подальше.

— Нет,— сказал я.— Все будет хорошо.— Я повел ее по лестнице вниз.

— Да в чем же дело?— настаивала она.

Здесь, в холле, Мэтью не мог нас услышать.

— Понимаешь, Чокки уходит... освобождает нас,— сказал я.

— Ох, как я рада,— сказала Мэри.

— Радуйся, только смотри, чтоб он не заметил.

Мэри подумала.

— Я отнесу ему поесть.

— Нет, не трогай его.

— Что ж ему голодать, бедняге?

— Он... Я думаю, они там прощаются... а это нелегко.

Она, недоверчиво хмурясь, глядела на меня.

— Что ты, Дэвид! Ты говоришь так, как будто Чокки и вправду есть.

— Для Мэтью он есть, и прощаться с ним трудно.

— Все равно, голодать нельзя.

Я всегда удивлялся, почему это самые милые женщины не могут понять, как серьезны и тяжелы детские огорчения.

— Позже поест,— сказал я.— Не сейчас.

За столом Полли безудержно и невыносимо болтала о своих пони. Когда она ушла, Мэри спросила:

— Я думала... Как по-твоему, это тот тип подстроил?

— Какой?

— Твой сэр Уильям. Он ведь Мэтью загипнотизировал. А под гипнозом можно внушить что угодно. Предположим, он ему сказал: «Завтра твой друг уйдет навсегда. Тебе будет нелегко с ним прощаться, но ты простишься, а он уйдет, и ты его со временем забудешь». Я в этом плохо разбираюсь, но ведь внушение может вылечить, правда?

— Вылечить?— переспросил я.

— Я хотела сказать...

— Ты хотела сказать, что, как прежде, считаешь Чокки выдумкой.

— Не то чтоб выдумкой...

— А плавание? И потом — ты же видела, как он рисовал на днях... Неужели ты еще считаешь...

— Я еще надеюсь. Все же это лучше, чем одержимость, о которой толковал твой Лендис. А сейчас как будто про нее и речи быть не может. Смотри: он идет к этому сэру, а на следующий день говорит тебе, что Чокки уходит...

Мне пришлось признать, что кое в чем она права; и я пожалел, что мало знаю о гипнозе вообще, а о вчерашнем — в частности. Кроме того, я пожалел, что, изгоняя Чокки, сэр Уильям не сумел провести это как можно менее болезненно.

Вообще я сердился на Торби. Я повел к нему Мэтью для диагноза, которого я не услышал, а мне подсунули лечение, о котором я не просил. Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что он действовал не так, как надо, а, точнее говоря, своевольно.

Перед сном мы зашли к Мэтью — вдруг ему захотелось есть? У него было тихо, он мерно дышал, и, осторожно прикрыв дверь, мы ушли.

Наутро, в воскресенье, мы не стали его будить. Он выполз очень заспанный часам к десяти, глаза у него порозовели, вид стал совсем рассеянный, но аппетит к нему вернулся.

Примерно в половине двенадцатого к дому подъехала большая американская машина, похожая спереди на пианолу. Мэтью, грохоча, скатился по ступенькам.

— Папа, это тетя Дженет! Я бегу,— задыхаясь крикнул он и ринулся к черному ходу.

День выдался трудный. Это было похоже на прием без почетного гостя или на выставку курьезов без главного экспоната. Мэтью знал, что делает. Весь день шла болтовня об ангелах-хранителях (с примерами «за» и «против»), а также о том, что все знакомые художники были весьма неприятными, если не опасными людьми.

Не знаю, когда Мэтью вернулся. Должно быть, он пробрался в дом (и, кстати, в кладовую), а после пролез к себе, пока мы болтали. Когда все ушли,я поднялся к нему. Он сидел у открытого окна и смотрел на заходящее солнце.

— Рано или поздно придется ее увидеть,— сказал я,— но сегодня и впрямь не стоило. Они ужасно расстроились, что тебя нет.

Мэтью с трудом улыбнулся.

Я оглядел комнату и опять увидел те четыре рисунка. Пруд я похвалил, но не знал, говорить или нет о четвертой картинке.

— Что это, по-твоему?— все же спросил я.

Мэтью обернулся.

— Это где Чокки живет,— сказал он и немного помолчал.— Жуткое место, а? Потому ему у нас и нравится.

— Да, место не из приятных,— согласился я.— И жарко там, наверное.

— Днем — жарко. Видишь, сзади что-то, вроде пуха? Это озеро испаряется.

— А это что за пирамида?— спросил я.

— Сам не знаю,— признался он.— То мне кажется это — здание, то — город. Трудно немножко, когда нет подходящих слов — ведь у нас такого не бывает.

— А это?— я имел в виду симметричные ряды холмов.

— Это там растет.

— Где «там»?— спросил я.

Мэтью покачал головой.

— Мы так и не выяснили, где — мы, где — они.

Я заметил, что он употребил прошедшее время, снова взглянул на рисунок, и меня опять поразила его сухая одноцветность и ощущение жары.

— Знаешь что,— сказал я,— прячь его, когда уходишь. Маме он не очень понравится.

Мэтью кивнул.

— Я и сам так думал. Сегодня спрячу.

Он замолчал. Мы смотрели из окна на алый полукруг солнца, перерезанный темными стволами. Наконец, я спросил:

— Он ушел, Мэтью?

— Да, папа.

Мы молчали, пока не исчез последний луч. Потом Мэтью всхлипнул, на глазах его выступили слезы.

— Папа, от меня как будто кусок оторвали.

На следующее утро он был невесел и немножко бледен, но в школу пошел твердо. Вернулся он усталый; однако неделя шла, и он как будто приходил в себя. К субботе он совсем оправился. Мы вздохнули с облегчением, хотя каждый имел в виду свое.

— Ну, слава богу, прошло,— сказала Мэри в пятницу вечером.— Наверное, этот твой сэр все-таки был прав.

— Торби,— сказал я.

— Ладно, Торби. Он ведь тебе объяснил, что это — «переходная фаза». Мэтью создал целый фантастический сюжет — так бывает в его годы, и нам беспокоиться незачем, если это не затянется. По-видимому, все пройдет само собой, и довольно скоро. Видишь, прошло.

— Да,— согласился я, чтоб не спорить. В конце концов, если Чокки ушел, важно ли, ошибся Торби или нет? Честно скажу, во

вторник мне было очень трудно читать его письмо. Он писал, что плавать Мэтью умел, но ему мешал безотчетный страх перед водой. Шок снял запреты; однако сознание приписало это постороннему вмешательству. С рисунками — примерно то же самое. Несомненно, у Мэтью в подсознании таилась сильная тяга к рисованию. Она была подавлена — скорей всего, из-за каких-нибудь страшных картинок, которые он видел в детстве. Когда его теперешняя выдумка достаточно окрепла, чтобы затронуть и сознание и подсознание и создать между ними мост, тяга эта высвободилась и превратилась в действие.

Объяснил он и историю с машиной, и многое другое — в том же духе. И, хотя он разобрал не все случаи, которые казались мне важными, я не сомневался, что он могбы найти объяснение и тут.

Я был разочарован, более того — письмо оскорбило меня нарочитой мягкостью и покровительственным тоном. Меня бесило, что Мэри приняла его всерьез; еще больше бесило меня, что события его подтверждают. Теперь я видел, что многого ждал от Торби, а дождался пустой отписки.

А все же — он прав... Чокки действительно исчез, как он предсказывал. Боль действительно утихает, хотя в этом я меньше уверен...

И вот я сказал «да» и терпеливо слушал рассуждения Мэри. Она говорила как можно мягче, что я напрасно усматриваю столько сложностей в новом варианте Пифа. Сама она при этом успокаивалась; и я ей не мешал.

Я всегда верил газетам, убеждавшим нас, что всякие общества (тем более Королевские) долго заседают, совещаются, выслушивают свидетелей и взвешивают все и вся, прежде чем присудить ту или иную награду. Я прикинул, что пройдет с полгода до того, как представленному к награде вручат ее в торжественной обстановке. Но в Королевском обществе плаванья все было не так.

Медаль прибыла тихо, по почте, в понедельник утром на имя мистера Мэтью Гора. К сожалению, я не смог ее перехватить. Мэри расписалась за Мэтью, и, когда мы, мужчины, вошли в столовую, пакетик лежал у его тарелки.

Мэтью взглянул на него, окаменел и долго не отрывал взгляда. Потом принялся за корнфлекс. Я тщетно пытался переглянуться с Мэри. Она наклонилась к сыну через стол.

— Что ты не откроешь?— подбодрила его она.

Он посмотрел снова, взгляд его заметался по столу и встретился с выжидательным взглядом Мэри. Медленно, неохотно Мэтью взял нож и взрезал пакет. На стол выпала красная кожаная коробочка. Мэтью снова заколебался, нехотя открыл ее и застыл, глядя на золотой диск, сверкающий на синем бархате.

— Не надо мне...— буркнул он.

На сей раз я поймал взгляд Мэри и едва заметно покачал головой. Нижняя губа Мэтью чуть-чуть отвисла и задрожала.

— Это нечестно!..— начал он.— Нас Чокки спас... Это неправда, папа...

Он все глядел на медаль, опустив голову. Меня пронзило воспоминание об ударах, которые не забываешь и взрослым. Открыть, что в этом мире воздают почести не тем, кому надо,— как раз такой удар. Ценности сместились, надежное пошатнулось, золото стало медью, правда — неправдой.

Мэтью вскочил и, ничего не видя, выбежал из комнаты. Медаль поблескивала золотом в коробочке, на столе.

Я взял ее. По краю, кругом, красовалось полное название Общества, потом шли всякие завитушки в довольно современном стиле, а в центре мальчик и девочка, держась за руки, смотрели на восходящее солнце, которое сияло вовсю.

Я перевернул медаль. Та сторона была проще. Надпись, окаймленная лаврами,— и больше ничего.

Наверху:

ПРИСУЖДАЕТСЯ

ниже, другим шрифтом:

МЭТЬЮ ГОРУ

и еще ниже:

ЗА ПОДВИГ

Я протянул ее Мэри. Она внимательно все рассмотрела и положила медаль на место.

— Какой стыд, что он ее так принял!— сказала она.

Я сунул коробочку в карман.

— Жаль, что она пришла сейчас,— сказал я.— Подержу ее, дам позже.

Мэри, кажется, хотела возразить, но тут явилась Полли, которая очень боялась опоздать в школу. Перед уходом я зашел к Мэтью, но его уже не было, а учебники лежали на столе.

Вернулся он в седьмом часу, сразу после меня.

— Где же ты был?— спросил я.

— Гулял.

Я покачал головой.

— Знаю,— кивнул он.

Больше мы не говорили. Мы оба все поняли и так.

Несколько дней — до пятницы — событий не было. В пятницу я заработался, пообедал в городе и домой вернулся к часам десяти. Мэри к кому-то звонила. Как раз, когда я вошел, она нажимала на рычаг, не кладя трубки.

— Его нет,— сказала она.— Обзваниваю больницы.

Она позвонила еще два-три раза; список ее кончился, и она положила трубку. Я достал виски.

— Выпей,— сказал я.— Лучше будет.

Она с благодарностью выпила.

— В полицию звонила?

— Да. Сначала я позвонила в школу. Он ушел оттуда вовремя. Ну, я позвонила в участок, сказала приметы. Они обещали сообщить, если будут новости,— она выпила еще.— Дэвид, Дэвид! Спасибо хоть ты пришел. Я себе такое воображала... Знаешь, раньше мне казалось: только бы кончился Чокки! А теперь вот он замкнулся. Ничего не говорит, даже мне... И ушел куда-то в понедельник... Ты не думаешь...

Я сел к ней и взял ее руку.

— Конечно, нет. И ты не думай.

— Он так замкнулся...

— Это ведь все-таки удар. Он привык к своему Чокки. Теперь надо как-то приспосабливаться — но он старается...

— Ты правда так считаешь? Ты не утешаешь меня?

— Ну, что ты! Если б мы сморозили какую-нибудь глупость, он бы ушел недели две назад, а он и не собирался. Он мучился, бедняга, но уходить не хотел. Это точно.

Мэри вздохнула.

— Дай бог... да, надеюсь, ты прав. Но тогда я совсем ничего не понимаю. Он же знал, что с нами будет. Он же не злой.

— Да,— согласился я.— Это меня и беспокоит.

Утром мы позвонили в полицию; они посочувствовали нам, но ничего нового не сказали.

— Его, наверное, похитили,— предположила Полли.— Подсунут записку, потребуют огромный выкуп.

— Вряд ли,— отвечал я,— да и не можем мы дать огромный выкуп.

Молчание мучило ее, она ерзала и, наконец, сказала снова:

— Когда похитили Копытце, его хотели сделать боевым пони...

— Помолчи,— сказал я.— А не можешь — иди к себе.

Она укоризненно взглянула на меня и сердито вышла из комнаты.

— А может, напишем в газеты?— предложила Мэри.— Они так хотели взять у него интервью.

— Сама знаешь, что будет. «Юный художник исчез», «Где ангел?» и прочее.

— Бог с ними, только б его найти.

— Ладно, попробую,— сказал я.

В воскресенье утром зазвонил телефон. Я схватил трубку.

— Мистер Гор?

— Да.

— Моя фамилия Боллот. Вы меня не знаете, но наши дети вместе учатся. Сейчас прочитал в газете. Какой ужас! Как там, ничего нового?

— Ничего.

— Вот что, мой Лоуренс говорит, он видел вашего Мэтью в ту пятницу. Он разговаривал недалеко от школы с каким-то типом в машине — кажется, мерседес. Лоуренсу показалось, что они спорили. Потом ваш Мэтью сел в машину, и они поехали.

— Спасибо вам, мистер Боллот. Большое спасибо. Я сейчас позвоню в полицию.

— Вы думаете, это... Да, наверное. Ну, они его быстро найдут.

Но они его не нашли.

В понедельник газеты писали о нем, радио говорило, телефон звонил все время, а новостей не было.

Никто не подтвердил истории, рассказанной Боллотом, но сам он твердо стоял на своем. Расспросы в школе ничего не дали — в тот день никого из мальчиков не подвозили на машине. Значит, это был Мэтью.

Зачем его красть? Для чего? Если бы нам грозили, требовали выкупа, и то было бы лучше. А так — он исчез неизвестно куда, и мы могли думать что угодно. Я увидел, что Мэри все хуже и хуже с каждым днем, и я с ужасом ждал, что она вот-вот сорвется.

Неделя тянулась без конца. Особенно долгим было воскресенье, а потом...

В девятом часу, во вторник, на перекрестке в Бирмингеме остановился мальчик, воззрился на полисмена и терпеливо ждал, пока тот его заметит. Управившись с потоком машин, полисмен склонился к нему.

— Привет, сынок! Что случилось?— сказал он.

— Простите, сэр,— сказал мальчик.— Я, кажется, заблудился. А это очень жаль, потому что мне не на что вернуться домой.

Полисмен покачал головой.

— Плохо дело,— посочувствовал он.— А где ты живешь?

— В Хиндмере,— ответил мальчик.

Полисмен посмотрел на него с внезапным интересом.

— А как тебя зовут?— осторожно справился он.

— Мэтью,— сказал мальчик.— Мэтью Гор.

— Ах ты, черт!— сказал полисмен.— Стой, где стоишь, Мэтью! Стой и не двигайся!

Он вынул микрофон из нагрудного кармана, нажал кнопку и что-то сказал. Минуты через две рядом с ним остановилась полицейская машина.

— Это тебе подали,— сказал полисмен.— Отвезут домой.

— Спасибо вам большое, сэр,— сказал Мэтью, уважавший полицию.

Они привезли его часов в шесть. Мэри позвонила мне, и я поспешил домой. Вызвали мы и Эйкота.

Мэтью, явно подружившийся с полицейскими, пригласил их зайти, но они сослались на служебные обязанности. Тогда Мэтью поблагодарил их, мы их поблагодарили, и они уехали, чуть не столкнувшись со следующей машиной. Водитель отрекомендовался полицейским хирургом, и мы вошли в дом.

Мы выпили; минут через десять доктор Прост что-то мягко сказал Мэри, и она увела Мэтью, несмотря на его заявление, что его уже кормили в полиции.

— Прежде всего,— сказал Прост, когда дверь за ними закрылась,— вы можете, наконец, успокоиться. Он в полном порядке, мы ничего не нашли. Он даже не напуган. В жизни не слышал о таком безвредном похищении. Вам нечего опасаться, что это подействует на его здоровье или психику. Однако кое-что я должен отметить. Потому я и хотел вас видеть, доктор Эйкот. Первое — ему делали инъекции. Больше десяти, в оба предплечья. Что ему вводили, абсолютно неясно. Повторяю, это не оказало никакого воздействия, состояние — превосходное. И все же надо за ним последить. Беспокоиться нет оснований, тем не менее, доктор, примите это к сведению.

Эйкот кивнул.

— Второе особенно странно. Мэтью убежден, что попал в катастрофу и сломал ногу. Правую. Он говорит, что она была «в гипсе» и там, «в лечебнице», его вылечили новым, ускоренным способом. На ноге действительно есть слабое раздражение — от гипса. Мы сделали рентген ноги, но не нашли и следов перелома.

Он помолчал, хмуро глядя на стакан, потом залпом выпил виски.

— Обращались с ним, по-видимому, прекрасно. «В лечебнице», по его словам, все его любили и успокаивали. По-видимому, они все продумали и всячески старались не напугать его. Ему и в голову не пришло, что его похитили. Он только удивлялся, почему вы с миссис Гор не приходите и не отвечаете на его письма. И еще он удивился, что его высадили в Бирмингеме. Впечатление такое, что кто-то хотел убрать его на десять дней,— он пристально взглянул на меня.— Если вы знаете или подозреваете кого-нибудь, советую вам сообщить полиции.

Я покачал головой.

— Совершенно не понимаю, зачем его похищали. Чепуха какая-то.

Он пожал плечами.

— Что ж, другого объяснения придумать не могу,— и больше об этом не говорил, хотя явно со мной не согласился.

Потом врачи посовещались и ушли вместе. Эйкот обещал утром зайти.

Мэтью, Мэри и Полли были на кухне. Видимо, в полиции кормили не очень сытно.

Я сел и закурил.

— Расскажи-ка нам все, Мэтью,— попросил я.

— Еще раз?— испугался он.

— Нам ты не рассказывал,— напомнил я.

Мэтью набрал воздуху.

— Ну, шел я из школы, а этот мерседес меня обогнал и остановился впереди. Вышел какой-то дядя и смотрит туда-сюда, как будто что-то ищет,— начал он.

Мужчина увидел Мэтью и вроде бы хотел заговорить с ним, но стеснялся. Однако, когда Мэтью проходил мимо, он спросил:

— Простите, не могли бы вы нам помочь? Мы ищем Дэншем Род, а здесь нет табличек.

— Пожалуйста,— ответил Мэтью.— Сверните направо, а потом еще через два квартала — налево. Это Олд Лэйн, а за перекрестком она называется Дэншем Род.

— Спасибо,— сказал мужчина, пошел на место и вдруг обернулся.— А не могли бы вы нам сказать, где тут живет мистер Гор?

Конечно, Мэтью сказал и согласился, чтоб его подвезли. Дальше он помнит только, что проснулся в больнице.

— Почему ты решил, что это больница?— спросила Мэри.

— Ну, очень похоже,— сказал Мэтью.— Я думаю, они как раз такие. Белая кровать и вокруг все белое, пусто и очень чисто. И сестра сидит, тоже очень чистая.

Он понял, что не может пошевелить ногой, а сестра сказала, чтоб он не шевелил, потому что нога сломана, и спросила, не больно ли ему. Он сказал, что не больно. Она сказала «хорошо» и объяснила, что ему кололи какое-то обезболивающее и лечат его новым способом, от которого очень быстро срастаются кости, особенно детские.

Доктора там тоже были, штуки три — в белых халатах, как по телевизору — очень хорошие, веселые. Кололи его все время. Сперва ему не нравилось, а потом ничего, привык. Что поделаешь, ведь ноге-то становилось лучше!

Иногда он скучал, но ему давали книги. Радио у них не было, они так и сказали, зато пластинок было много. Кормили просто здорово.

Одно плохо: что мы к нему не ходили.

— Мы бы сразу пришли!— сказала Мэри.— Мы же не знали, где ты.

— Они сказали, вы знаете,— возразил Мэтью.— А я вам два раза писал.

— Никто нам не сообщал, и писем мы никаких не получали,— сказал я.— А какой их адрес?

— Эпфорд Хауз, Уонерш, под Гилдфордом,— быстро сказал он.

— Ты в полиции его назвал?

— Да.

Видел он только свою палату. За окном был луг, а дальше — изгородь и высокие деревья. Позавчера сняли гипс и сказали, что все в порядке, завтра он поедет домой.

Выехали они затемно — он не знает, в котором часу, потому что часов там не было. Он попрощался с сестрой. Один доктор, на этот раз — без халата, повел его вниз, к машине. Они в нее сели, и доктор сказал, что свет лучше зажечь, а шторку опустить, чтоб шоферу не мешало. Когда машина тронулась, он вынул колоду карт и стал показывать фокусы. Потом достал два термоса: кофе — для себя и какао — для Мэтью. А потом Мэтью заснул.

Проснулся он от холода. Машина стояла, было светло. Он приподнялся и увидел, что никого с ним нет, а машина — не та, другая, и стоит она неизвестно где. Он вышел. По улице шли люди и не замечали его. Дойдя до угла, он увидел табличку; улицы он не запомнил, но очень удивился, что сверху написано: «Город Бирмингем». Перед ним была улица побольше, а прямо напротив — кафе. Он понял, что хочет есть, пошарил в карманах и ничего не нашел. Оставалось одно — посоветоваться с полисменом.

— Правильно,— сказал я.

— Да...— неуверенно сказал Мэтью.— Правда, они потом очень много спрашивали.

— Домой везли в полицейской машине?— спросила Полли.— Без наручников?

— В трех машинах,— сказал Мэтью.— Сперва в свой участок и там спрашивали. Потом — сюда, в наш, и тоже спрашивали и покормили. А потом — домой.

— Везет тебе!— позавидовала Полли.— Когда украли Копытце, пришлось нанять вагон для лошадей. Это очень дорого.

— Украли...— повторил Мэтью.— А разве...— он замолчал и глубоко задумался.— Разве меня украли, папа?

— Похоже на то,— сказал я.

— Так ведь они... они... они были очень хорошие. Они меня вылечили. Они совсем не похожи на воров,— он снова задумался, потом спросил:— По-твоему, все это липа? Я ногу не ломал?

Я кивнул.

— Нет, не может быть,— сказал он.— Гипс правда был... и вообще...— он подумал снова.— Чего меня-то красть?— он помолчал.— Ты много выложил, папа?

Я опять покачал головой.

— Ничего я не платил.

— Значит, это не похищение,— заключил он.

— Ты устал,— вмешалась Мэри,— поцелуй меня, и бегите оба наверх. Мы к вам зайдем.

Дверь за ними закрылась. Мэри посмотрела на меня. Потом она опустила голову на стол и заплакала в первый раз с тех пор, как Мэтью пропал.

Это было во вторник.

В среду доктор Эйкот зашел к нам, как обещал. Он очень внимательно осмотрел Мэтью и сказал, что все в полном порядке и нет никаких оснований пропускать завтра школу.

В этот же день Мэри позвонила своей сестре и сообщила ей, что Мэтью не совсем здоров. Ей пришлось довольно долго объяснять, что ему еще не под силу семейное нашествие.

В четверг Мэтью отправился в школу и вернулся очень гордый — ведь вся страна волновалась о нем; правда, он жалел, что не может рассказать ничего интересного.

Еще в пятницу все было в порядке.

К вечеру Мэри устала и ушла наверх в начале одиннадцатого. Я остался внизу — хотел поработать, чтобы освободить субботу и воскресенье.

В двенадцатом часу я услышал стук в дверь. Мэтью просунул голову в щелку и осторожно огляделся.

— Мама легла? — спросил он.

Я кивнул.

— Уже давно. Да и тебе пора.

— Вот и хорошо,— сказал он и тщательно прикрыл за собой дверь. Он был в халате и шлепанцах, волосы его стояли дыбом, и я подумал, что ему приснился страшный сон.

— Что с тобой? — спросил я.

Он оглянулся, словно хотел проверить, закрыта ли дверь.

— Там Чокки,— сказал он.

Я приуныл.

— А я-то надеялся, что он ушел! — сказал я.

Теперь кивнул Мэтью.

— Он и ушел. А сейчас вернулся. Он хочет тебе что-то рассказать.

Я вздохнул. Так хорошо было думать, что с этим покончено! Однако Мэтью был очень серьезен и немного расстроен. Я закурил сигарету и откинулся на спинку кресла.

— Так,— сказал я.— Что же именно?

Мэтью как будто и не слышал. Он глядел в пространство. Но он заметил, что я помрачнел.

— Прости, папа. Я сейчас.— Он снова уставился в пустоту. Лицо его менялось, он кивал, но молчал — словно я смотрел телевизор с выключенным звуком. Наконец, он кивнул последний раз и произнес не совсем уверенно:

— Хорошо. Попробую.

Потом взглянул на меня и объяснил:

— Он говорит, это будет очень долго, если он скажет мне, а я — тебе. Понимаешь, я не всегда могу подыскать слова. Ты понимаешь?

— Кажется, да,— отвечал я.— Многие люди бились над этим. У тебя это вроде перевода. Трудное дело!

— Да,— решительно кивнул Мэтью.— Вот Чокки и считает, что лучше ему прямо говорить с тобой.

— А! — сказал я.— Что ж, пусть попробует. А мне что делать?

— Нет, не как со мной, по-другому. Не знаю, почему — наверное, так не со всеми выходит. С тобой не выйдет, и он попробует по-другому.

— Как же? — поинтересовался я.

— Ну, это я буду говорить, то есть — он через меня... Как с рисованием...— не очень связно объяснил он.

— А...— сказал я, на сей раз неуверенно. Я растерялся, не все понимал, незнал, соглашаться ли.— Незнаю... Ты-то сам что думаешь?..

— Я тоже не знаю,— перебил он.— А вот Чокки знает, что все выйдет, и я ему верю. Он всегда оказывается прав в таких делах.

Мне было не по себе, словно меня втягивали в какое-то сомнительное дело, вроде медиумического сеанса.

— Вот что,— сказал я.— Если это долго, ты лучше ложись. Теплее будет.

— Ладно,— сказал Мэтью.

И мы пошли наверх. Он лег, я сел рядом в кресле. Мне было не по себе; я чувствовал, что не надо бы все это допускать и, будь Мэри здесь, она бы воспротивилась. Оставалось одно: надеяться, что в кровати Мэтью сразу заснет.

Он положил голову на подушку и закрыл глаза.

— Ни о чем не буду думать,— сказал он.

— Послушай, Мэтью,— не сразу ответил я,— разве ты сам?..— но я не окончил: глаза его открылись снова. Они глядели не на меня, они никуда не глядели. Губы его дрогнули, зашевелились беззвучно, и голос его сказал:

— Говорит Чокки.

Это не было похоже на сеанс. Мэтью не бледнел и дышал ровно, он был как всегда, только смотрел в одну точку. Голос говорил:

— Я хочу вам кое-что объяснить. Это нелегко, ведь Мэтью не все понимает, а его...— он помедлил,— словарный запас очень простой, небольшой, да и не все слова, что он употребляет, ему понятны.

Голос был его, Мэтью, манера говорить — чужая. Казалось, рекордсмена по бегу заставили бежать в мешке. Зачарованный, помимо воли, я ответил:

— Говорите. Я постараюсь понять.

— Я хочу поговорить с вами, потому что я больше не вернусь. Вам будет приятно это слышать, а другой половине его родителя... то есть маме... будет еще приятнее. Она меня боится. Она считает, что я порчу Мэтью, и это она зря. Вы понимаете?

— Кажется, да,— осторожно ответил я.— А может, вы лучше скажете мне, кто вы и что и почему вы здесь?

— Я — исследователь, то есть разведчик... миссионер... нет, я учитель. Я здесь, чтобы учить.

— Вот оно что! Чему же именно?

Он помолчал.

— У Мэтью нет для этого слов... он их не понимает.

— Не все вам удается?

— Да, не все. Мэтью слишком молод. Его слова просты для сложных идей. Когда я думаю о математике или о физике, он не понимает. Даже с числами плохо.

Я передаю как можно подробнее нашу беседу, но передать ее дословно нельзя. Простые слова шли легко, на словах посложнее голос нередко запинался. Кроме того, он часто искал слово, находил приблизительно, уточнял, а иногда — совсем не мог найти, и мы оставались ни с чем. Наконец, мне приходилось пробиваться сквозь любимые словечки Мэтью, не совсем подходящие к теме: «так», «вроде», «вот», «ну»; и сейчас я передам не точно все, а скорее главное, суть — то, что Чокки хотел рассказать мне и что я понял.

Я догадался сразу, что разговор мне предстоит нелегкий. Мэтью лежал передо мной, говорил, а лицо его не двигалось, глаза глядели в пустоту, он был безжизненней, чем кукла чревовещателя, и смотреть на него было так тяжело, что я не всегда как следует вникал в слова. Чтобы сосредоточиться, я выключил свет. Кроме того, я трусливо надеялся, что в темноте он заснет.

— Я слушаю,— сказал я во мрак.— Вы — миссионер, учитель, разведчик. Откуда же вы?

— Издалека.

— Какое же расстояние до тех мест?

— Не знаю. Много, много парсеков.

— О-го!— сказал я.

— Меня послали узнать, что у вас за планета.

— Так, так... А зачем это знать?

— Во-первых, мы хотели выяснить, можно ли извлечь из нее пользу. Понимаете, мы — очень старый народ, наш мир куда старше вашего. Мы давно поняли: чтобы выжить, нам нужны новые планеты. На путешествие со скоростью света уходит слишком много времени. Наугад лететь не стоит. Планет — миллионы, и случайно найти подходящую — бесконечно малый шанс.

И вот мы посылаем разведчика... исследователя... У разума нет массы, и на такое путешествие не нужно время. Разведчик сообщает, что и как. Если он говорит, что планета подходящая, посылают других — проверить. Если и они ее похвалят, астрономы начинают искать, где она. Если до нее не так уж далеко, добраться можно, посылают космический корабль. Это редко бывает. Четыре раза за вашу тысячу лет. И мы нашли всего две планеты.

— Понимаю. А когда же нам ждать вас?

— Ваша планета не подходит. Другой такой нет, здесь очень красиво, но для нас холодно и воды слишком много. И еще есть причины, почему она — не для нас. Я сразу это понял.

— Зачем же вы тут оставались? Почему не искали другой планеты, получше?

Чокки терпеливо ответил:

— Мы — исследователи. Насколько я знаю, мы — единственные исследователи во Вселенной. Мы долго считали, что жизнь может быть только у нас. Потом нашли несколько других таких планет. Еще дольше мы думали, что разум есть только у нас, что мы — крохотный, немыслимый островок разума в пустом, огромном мире... И снова узнали, что ошиблись. Разумная жизнь встречается редко... очень редко... реже всего. Но это самая большая ценность. Только она дает миру смысл. Она — священна, ее надо беречь. Без нее нет начал, нет концов, ничего нет, кроме бессмысленного хаоса.

Вот мы и должны поддерживать все формы разумной жизни. Мы должны раздувать в пламя любую искру разума. Если разум в оковах — надо сломать их. Если разуму трудно — надо ему помочь. Если разум высок — надо самим поучиться. Потому я и остался.

Все это показалось мне возвышенным, хотя и слегка высокопарным.

— К какой же из этих разновидностей,— спросил я,— вы относите нас?

Голос Чокки, то есть голос Мэтью, ответил сразу:

— У вас разум сдавлен, ему тесно. За последнее время вы сами сломали несколько стенок, и это уже неплохо для вашего возраста. Сейчас вы застряли в колее примитивной техники.

— А мы думаем, что она очень быстро развивается.

— Да. Вы за сто лет неплохо разобрались в электричестве. Но все у вас такое громоздкое, отдача так мала... А ваши двигатели

внутреннего сгорания — просто ужас: грязные, вредные, и машины какие-то варварские, опасные...

Я прервал его.

— Вы уже говорили это Мэтью. Но ведь у нас есть атомная энергия.

— В самом элементарном виде. Вы медленно учитесь. А главное — вы еще слишком зависите от Солнца.

— От Солнца?

— Да. Все, что у вас есть, идет от его излучений. Прямое излучение сохраняет вам жизнь, и растит вам пищу, и дает воду; оно могло бы поддерживать вас миллионы лет. Но разуму мало просто выжить. Чтоб развиваться и расти, ему нужна энергия.

Недавно вы научились использовать накопленную энергию вашего Солнца — так называемое горючее — и зовете это прогрессом. Это не прогресс. Прогресс — движение к цели. А какую цель вы поставили? Вы не знаете. Может быть, вы идете по кругу? Вы и правда по нему идете, истощая свои запасы. Истощите — и очутитесь там, где были до их открытия. Это не прогресс, а мотовство. Конечно, горючее использовать надо. Клад под спудом пользы не приносит. Но использовать — не расточать. С его помощью надо производить другой, лучший вид энергии.

Да, вы имеете некоторое представление об атомной энергии, и вы ее, конечно, изучите глубже. Но кроме нее у вас почти ничего нет на будущее. Вы тратите чуть ли не все, чтобы строить машины, пожирающие энергию все быстрее; а источники ее у вас ограничены. Конец один, и он вполне ясен.

— Не спорю,— согласился я.— Так что же нам делать?

— Пока не поздно, используйте ваши ресурсы, чтобы овладеть неисчерпаемым источником энергии. Только тогда вы выйдете из порочного круга. Кончится ваше одиночество, увеличатся возможности для творчества — ведь источник бесконечной энергии и возможности дает бесконечные.

— Так...— сказал я.— Более или менее понятно. А что ж это за источник?

— Космическая радиация. Ее можно использовать.

Я подумал и сказал:

— Странно, что в мире, где кишат ученые, никто о ней не подумал.

— Странно, что двести лет никто не подозревал о возможностях электричества; так и тут, с иксом.

— С чем?

— У Мэтью нет таких слов. Он не может это понять.

Я опять помолчал, потом спросил:

— Значит, вы — здесь, чтоб подарить нам новый вид энергии. Зачем это вам?

— Я уже сказал. Разумная жизнь редка. Каждая ее форма должна поддерживать другую. Более того: некоторые формы должны дополнять друг друга. Кто знает, какие возможности кроются в них? Сегодня мы поможем вам с чем-нибудь справиться, а позже вы так разовьетесь, что поможете нам или еще кому-нибудь. Использование икса — только начало, мы многому можем вас научить. Но и это освободит ваш мир от многих тягот, расчистит путь.

— Значит, вкладываете капитал в рискованное предприятие?

— Можно сказать иначе: если учитель не хочет, чтоб ученик его догнал, все будет стоять на месте.

Он говорил еще, и тут мне стало скучно. Мне никак не удавалось увести его от общего к частному, очень уж он увлекся своей миссией. А я хотел узнать, почему из миллионов людей он выбрал Мэтью и «вселился» в него. Наконец, мне удалось добиться ответа.

Он объяснил, что «миллионы»— сильное преувеличение. Надо было, чтобы в одном человеке совместилось несколько свойств. Во-первых, его ум должен принимать сообщения Чокки — а на это способны далеко не все. Во-вторых, он должен быть молод. Дети узнают много необъяснимого из мифов, легенд, сказок и легко примут что-нибудь еще, если оно их не пугает. Люди постарше твердо усвоили, что может быть, а что — не может, и очень пугаются контакта — им кажется, что они сходят с ума. В-третьих, это должен быть разум, способный к развитию — а как ни странно, и это встречается нечасто. В-четвертых, обладатель разума должен жить в технически развитой стране, где хорошо учат в школах.

Я сказал, что все же не понимаю, чего он добивался. Он ответил, все так же сухо, но в тоне его мне почудилась печаль.

— Я хотел, чтобы Мэтью заинтересовался физикой. С моей помощью он сделал бы огромные успехи. Когда он узнал бы больше, мы нашли бы с ним общий язык. Он понял бы кое-что из того, что я хочу передать ему. Общение шло бы все лучше. Я убедил бы его в существовании икса, он бы начал искать. Конечно, я мог бы давать объяснения только в понятной ему форме. Ну,— он помолчал,— все равно, что специалиста по паровым машинам, который не знает электричества, учить собирать транзистор. Трудно, но возможно, при должном уме и терпении. Если б он доказал существование икса — назовем это космической энергией,— он стал бы величайшим из всех ваших людей. Выше Ньютона и Эйнштейна.

Он подождал, пока я все это переварю. Я переварил и сказал:

— Знаете, Мэтью это не очень подходит. Он не хотел, чтоб его хвалили за спасение Полли. Он бы не принял незаслуженной славы.

— Она бы нелегко ему далась. Он бы много трудился.

— Наверное, но все равно. Да что там, теперь — неважно. Почему вы это бросили? Почему вы уходите?

— Потому что я наделал ошибок. Я провалился у вас. Это — первое мое задание. Меня предупреждали об опасности. Я не слушался. Сам виноват.

Исследователь, разведчик должен быть свободным. Его предупреждали, чтобы он не привязывался, не полюбил того, с кем он в контакте, а главное — сохранял сдержанность. Он понимал это в теории, но когда он связался с Мэтью, оказалось, что сдержанность не входит в число его достоинств. То одно, то другое выводило его из себя. Например, ему многое у нас не понравилось, и он дал волю гневу. Это плохо, а еще хуже, что он этот гнев проявил. Нельзя было вступать в споры с Мэтью и отпускать замечания о здешних машинах, домах или жителях. Надо было просто запомнить, что Мэтью рисовать не умеет, а он помог ему. Нельзя было так давить на Мэтью. И главное — нельзя было привязываться. Как ни жаль, надо было дать ему утонуть...

— Слава богу,— сказал я,— что у вас не хватило сдержанности. А вообще, — неужели все это было так важно? Конечно, вы

привлекли к нему ненужное внимание, и нам пришлось помучиться, но особой беды не случилось.

Чокки со мной не согласился. Впервые он почувствовал, что ничего не выйдет, когда Мэтью говорил с Лендисом

— Он ему слишком много сказал Только тогда я понял как много я сам сказал Мэтью, и понадеялся, что Лендис достаточно глуп, чтобы счесть это ребячьей фантазией.

Но Лендис был неглуп. Он очень заинтересовался, рассказал все Торби, и тот заинтересовался тоже.

— Сэр Уильям загипнотизировал Мэтью,— продолжал Чокки,— но не меня. Я слышал все ушами Мэтью и видел его глазами. Сперва сэра Уильяма просто занимали ответы. Потом он насторожился. Он стал спрашивать с подвохом. Он делал вид, что Мэтью говорил ему то, чего тот не говорил. Пытался сбить его, чтоб Мэтью солгал. Когда ловушки не сработали, он остановил пластинку и несколько минут внимательно смотрел на Мэтью. Он волновался все больше, ему становилось все труднее. Когда он наливал себе что-то из бутылки, рука у него дрожала. Он выпивал и снова смотрел на Мэтью недоверчиво и удивленно. Потом решительно поставил стакан, подтянулся и стал действовать холодно и методично. Взял новую пластинку, блокнот, карандаш, закрыл глаза, чтоб сосредоточиться. И тут-то начался настоящий допрос.

Голос на минуту прервался.

— Тогда я понял, что плохи мои дела. работать с Мэтью дальше бесполезно и опасно. Я понял, что должен его бросить, а ему это будет тяжело. Я жалел его, но я знал, что он должен поверить в мой уход. Поверить, что мне надо уйти, и я не вернусь.

— Я не совсем понял.

— Мне стало ясно, что сэр Уильям воспользуется своим открытием, сам или с помощью других,— а потом уж пойдет и пойдет... Так и вышло. Мэтью украли. Ему делали разные уколы. И он говорил...

Они его высосали. Каждая моя фраза, каждое мое слово попало на их пленку. И его печаль, и мой уход. Это было достаточно трогательно, чтоб убедить их в моем существовании. Да и не мог он лгать после их уколов...

Они были ничего, неплохие. Не хотели ему зла. Наоборот — он был для них сокровищем, пока они не узнали, что я ухожу. Они хотели через него узнавать то, чему я буду учить его,— узнавать об энергии, способной изменить мир.

Когда они поняли, что я ухожу, то решили отпустить его — и за ним следить. Они могут схватить его сразу, если я объявлюсь, и будут ждать моего возвращения. Я не знаю, есть ли аппарат в этой комнате; если нет — будет Но это теперь неважно, я действительно ухожу

Я прервал его.

— И все-таки я многого не понял «Они» — кто бы они ни были — держали Мэтью в плену Они узнали, что он преуспеет в физике, математике и во всем, что вам нужно. Вы ведь этого и хотели — вам нужен канал связи. Вы говорили, что вам надо научить нас использовать эту силу. Что ж, вот вам случай! Они хотят знать, вы — сообщить. А вы бежите... Ерунда какая-то.

Мы помолчали.

— Мне кажется,— ответил Мэтью-Чокки,— что вы не знаете как следует собственной планеты. Повторяю один скажет друго-

му — и пойдет... У вас есть промышленный шпионаж... есть королевства нефти, газа, электричества, угля, атомной энергии. У каждого свои интересы. Сколько заплатят они за информацию о том, что им угрожает? Миллион... два... три... больше? Кто-нибудь соблазнится... Какое им дело до мальчика? Что значит его жизнь? Что значит, если нужна сотня жизней? Много есть способов...

Об этом я не думал.

— Я говорю вам это потому, что за ним будут следить. Теперь это неважно, но не говорите ему без особой надобности. Неприятно знать, что за тобой следят. Я бы на вашем месте отвадил его от физики, вообще от науки, чтоб им нечего было ждать. Он учится видеть мир... становится художником. Художника они не тронут. Помните, он не знает, о чем я говорю.

Пора прощаться.

— Вы уходите к себе?

— Нет. У меня еще есть работа здесь. Только теперь мне будет труднее. И времени уйдет больше. Придется действовать тоньше — они и за мной следят.

— Вы думаете, это все же удастся?

— Конечно. Я ведь должен. Буду работать иначе: то там, то сям, идею — одному, миг вдохновенья — другому, по крупице, пока они не соберутся все вместе. Это будет нескоро. Может, не при вашей жизни. Но будет... будет.

— Пока вы не ушли,— попросил я,— скажите мне: какой вы, Чокки? Я бы лучше вас понял. Если я дам Мэтью карандаш и бумагу, можно ему нарисовать вас?

Он помолчал и решительно ответил:

— Нет.

— Нет,— повторил голос Мэтью-Чокки.— Даже мне бывает трудно поверить, что у таких, как вы, есть разум. Вы бы удивились еще больше, что разум есть у таких, как я. Нет, лучше не рисовать,— он помолчал снова.— Попрощаемся.

Я встал. Смутный утренний свет струился сквозь шторы, и я видел, что Мэтью все еще смотрит в пустоту. Я подошел было к нему. Губы его зашевелились.

— Нет,— сказал Чокки его голосом,— оставьте его. Я должен попрощаться и с ним.

Я ответил не сразу.

— Ладно,— сказал я наконец.— Прощайте, Чокки.

Мы не будили его все утро. Спустился он к ленчу совсем разбитый, но, к моей радости, спокойный. Позавтракав, он уехал куда-то на велосипеде и вернулся только к ужину — усталый и голодный. Поел и сразу поднялся к себе.

Назавтра, в воскресенье, он был почти как всегда. Мэри успокаивалась, глядя, как жадно он ест за завтраком. Полли успокоилась тоже, но что-то ее терзало. Наконец она не выдержала.

— Разве мы ничего не будем делать?— спросила она.

— Что именно?— спросила Мэри.

— Ну, сейчас ведь воскресенье. Можно что-нибудь делать. Вот когда Копытце украли, а он потом вернулся, в его честь устроили состязания,— с надеждой подсказала она.

— И он всех победил, да?— выговорил Мэтью, прожевывая булку с мармеладом.

— Конечно! Это ж в его честь,— радостно сообщила Полли.

— Никаких состязаний,— сказал я.— И празднеств тоже не будет. Мы с Мэтью тихо погуляем, а?

— Ладно,— сказал Мэтью.

Мы пошли по берегу реки.

— Он сказал, что уходит,— начал я

— Да,— ответил Мэтью и вздохнул — Теперь хоть он все объяснил как следует, а раньше было просто жутко

Я не стал допытываться, как же он все объяснил Мэтью снова вздохнул.

— Скучновато будет,— сказал он.— С ним я стал лучше замечать, как и что.

— А ты сам замечай. Мир у нас интересный, есть что заметить.

— Да я замечаю! То есть я теперь больше замечаю. Только скучно одному...

— А ты рисуй, тогда и другие увидят,— предложил я

— Да,— согласился он.— Не совсем то же, а все таки.

Я остановился и сунул руку в карман.

— Мэтью, у меня для тебя кое-что есть.

И я протянул ему красную коробочку

Мэтью помрачнел и не взял ее.

— Возьми,— сказал я.

Тогда он взял и невесело на нее уставился.

— Открой,— сказал я.

Медленно, нехотя, он нажал на кнопку, и крышка поднялась.

Медаль сверкала на солнце решкой кверху. Мэтью взглянул на нее равнодушно или даже с отвращением. Вдруг он застыл, потом нагнулся и не двигался несколько секунд. А затем поднял голову и улыбнулся, хотя глаза его блестели слишком сильно.

— Спасибо,— сказал он.— Ой, папа, спасибо!— и снова наклонился, чтоб рассмотреть получше.

Надпись сделали на славу — как будто всегда так было

НАГРАЖДАЕТСЯ ЧОККИ ЗА ХРАБРОСТЬ

«ПОПРОБУЙ, ПОЙМИ ЕЕ...»

Не было ничего, кроме меня. Я висела в каком-то вакууме без времени, пространства и силы, который не был ни тьмой, ни светом. Я имела сущность, но без формы, знание, но без чувства, ум, но без памяти. Интересно, и это-то ничто — моя душа? Мне казалось, что я вечно блуждала так, и буду блуждать до бесконечности...

Но, как-то вдруг, безвременность прекратилась. Теперь я знала, что есть сила, что меня двигают и что, следовательно, прекратилась и внепространственность. Никаких признаков движения не было, но я просто знала, что меня что-то влечет. Я была счастлива, потому что знала, что это было что-то или кто-то, к кому мне хотелось двигаться. У меня не было других желаний, кроме как повернуться подобно игле компаса и провалиться сквозь вакуум...

Но меня ждало разочарова́ние. Никакого гладкого бы́строго падения не последовало. Вместо этого на меня устремились другие силы. Меня тащили то в одну, то в другую сторону. Не представляю, откуда я это знала, ведь не было никакого соотношения, никакой неподвижной точки, даже направления. И все же я могла чувствовать, что меня дергают туда-сюда, как будто одна сила завладела мной на какое-то время только для того, чтобы, ослабев, уступить меня новой силе. Потом я вдруг начинала скользить к невидимой цели, пока меня не задерживали и не перекладывали на другой курс.

Меня швыряло то так, то этак, со все сильнее растущим ощущением осознанности. Я хотела понять, что за силы-соперницы борются за меня. Может быть, добро и зло, жизнь и смерть...

Ощущение, что меня тащат то взад, то вперед, становилось все определеннее, пока я просто не стала перескакивать с одного курса на другой. Тут чувство борьбы резко прекратилось. Я ощущала, что перемещаюсь все быстрее и быстрее, проносясь, как блуждающий метеорит, который наконец-то поймали.

— Все в порядке,— произнес голос. — Приход в сознание по какой-то причине немножко задерживается. Лучше сделайте-ка пометку в ее карточке. Какой номер? Ах, у нее это только в четвертый раз. Да, конечно, отметьте. Все в порядке. Она приходит в себя.

Это был женский голос, говоривший с легким незнакомым акцентом. Поверхность, на которой я лежала, дернулась подо мной. Я открыла глаза, увидела движущийся надо мной потолок

и снова сомкнула веки. Тотчас же другой голос, опять же с незнакомой интонацией, сказал мне:

— Выпейте это.

Рука приподняла мою голову, и к моим губам прижали чашку. Выпив содержимое, я легла обратно с закрытыми глазами. На некоторое время я впала в беспамятство и, очнувшись, почувствовала себя крепче. Несколько минут я лежала, уставясь в потолок и смутно недоумевая, где же я нахожусь. Я не могла припомнить ни одного потолка, который был бы покрашен вот в такой розовый оттенок кремового цвета. И вдруг, внезапно, все еще уставясь в потолок, меня передернуло, как будто бы что-то резко вонзилось в мой мозг. Я с испугом осознала, что чужим был не только розовый потолок — чужим было все. Там, где положено было бы быть воспоминаниям, был один сплошной пробел. Я не имела ни малейшего понятия, кто я и где я, я не могла припомнить, как или почему я оказалась здесь... В панике я попыталась сесть, но рука удержала меня и тотчас же приставила к губам чашку.

— С вами все в порядке. Только расслабьтесь,— убеждающе сказал мне тот же голос.

Мне так хотелось спросить, но я чувствовала себя такой утомленной, а все вокруг причиняло слишком много беспокойства. Первая волна паники спала, оставив меня в полной апатии. Я недоумевала, что же со мной случилось? Может быть, несчастный случай? Но разве так бывает с теми, кто серьезно ранен? Я не знала, и на несколько мгновений мне не было никакого дела до этого. За мной ухаживали. Я чувствовала себя такой сонной, что вопросы могли и подождать.

Наверное, я впала в беспамятство, это могло длиться и несколько минут, а может, и час. Знаю только, что когда я открыла глаза снова, я чувствовала себя спокойнее: скорее озадаченно, чем встревоженно, и я лежала некоторое время без движения. Я достаточно пришла в себя, чтобы утешиться мыслью, что, если это и был несчастный случай, по крайней мере, не было боли.

Тотчас же у меня прибавилось энергии, а вместе с нею и любопытства, где же я нахожусь? Я повернула голову на подушке, чтобы оглядеться вокруг.

В нескольких метрах от себя я увидела приспособление на колесах, что-то среднее между кроватью и вагонеткой. На ней, заснув с открытым ртом, лежала самая неимоверно огромная женщина, которую я когда-либо видела. Я уставилась на нее, недоумевая, не надето ли на нее что-то вроде каркаса, чтобы убавить вес одежды, что придавало ей гороподобный вид, но движения при дыхании показали мне, что это не так. Тогда, присмотревшись, я увидела за нею еще две вагонетки, обе содержавшие точно таких же женщин.

Я изучила лежавшую ближе всех более скрупулезно и обнаружила, к моему удивлению, что она совсем молоденькая — не старше 22-23 лет. Ее лицо было немного пухленьким, возможно, но ни в коем случае не страдало полнотой: в самом деле, с ее свежими здоровыми красками молодости и коротко остриженными золотыми кудряшками она была очень хорошенькой. Я впала в недоумение, что за странное расстройство желез могло вызвать такую степень аномалии в ее возрасте.

Прошло где-то 10 минут, и послышалось приближение энергичных деловых шагов. Голос поинтересовался: «Как вы теперь себя чувствуете?»

Я повернула голову в другую сторону и прямо перед собой обнаружила лицо почти на уровне с моим. В первое мгновение я подумала, что оно принадлежит ребенку, но потом увидела, что черты под белым колпаком были определенно не моложе 30 лет. Не дожидаясь ответа, она нашла под пижамой мою руку и проверила пульс. Его частота удовлетворила ее, потому что она уверенно мне кивнула:

— У вас все будет в порядке, Мать,— сказала она мне. Я уставилась на нее озадаченно.— Машина стоит как раз за дверью, как вы думаете, вы сможете дойти?— продолжала она.

Изумленно я спросила:

— Какая машина?

— Ну, чтобы отвезти вас домой, конечно,— сказала она с профессиональным спокойствием.— А теперь переоденьтесь,— и она стащила с меня пижаму.

Я задвигалась и бросила взгляд вниз. То, что я там увидела, заставило меня замереть на месте. Я подняла руку. Ни на что она не была так похожа, как на пухлый белый валик со смешной маленькой ладошкой, приделанной к его концу. Тут я услышала отдаленный вскрик и потеряла сознание...

Когда я вновь открыла глаза, рядом оказалась женщина, нормальная женщина в белой спецодежде со стетоскопом на шее, в замешательстве наклонившаяся надо мной. Женщина в белой шапочке, которую я приняла сперва за ребенка, стояла перед ней, приходясь ей чуть выше локтя.

— Я не знаю, доктор,— говорила она.— Она только внезапно вскрикнула и потеряла сознание.

— Что это? Что со мной случилось? Я знаю, что я не такая — не такая, не такая,— вырвалось у меня. До моего слуха долетело, как мой голос, сбиваясь на плач, выкрикивал слова.

Доктор продолжала озадаченно смотреть на меня.

— Что она хочет этим сказать?— спросила она.

— Не представляю, доктор,— ответила малышка.— Это было совсем неожиданно, что-то вроде шока — но я не знаю почему.

— Ну, она ведь уже выпущена и выписана, и в любом случае не может оставаться здесь. Нам нужно это помещение,— сказала доктор.

— Лучше дам ей болеутоляющее.

— Но что же случилось? Кто я? Произошла какая-то ужасная ошибка. Я знаю, что я не такая. П-пожалуйста, с-скажите мне...— умоляла я ее и под конец как-то растерялась, запинаясь и путаясь от волнения.

Движения доктора стали успокаивающими. Она мягко положила мне ладонь на плечо.

— Все в порядке, Мать. Беспокоиться не о чем. Отнеситесь к вещам спокойно. Скоро мы отвезем вас домой.

Другая служительница, в белой шапочке, не выше первой, подбежала со шприцем в руке и вручила его доктору.

— Нет!— запротестовала я.— Я хочу знать, где я? Кто я? Кто вы такие? Что со мной случилось?— я попыталась выбить шприц из ее руки, но обе маленькие служительницы повисли у меня на руках и держали их, пока она втыкала иглу.

Да, это было болеутоляющее. Оно отключило меня, но не полностью. Странное чувство: я, казалось, парила в нескольких футах от своего тела и рассматривала себя с неестественным спокойствием. Я была или чувствовала себя в состоянии оценивать происходящее с полной ясностью изображения...

Очевидно, я страдаю амнезией. Какое-то потрясение вызвало у меня «потерю памяти», как это часто определяют. Очевидно, пропала только малая часть моей памяти — как раз личная часть: кто я, откуда — весь механизм, помогавший жить изо дня в день, казалось, был не тронут, я не забыла, как говорить или как думать, наоборот, мой мозг оказался достаточно забит для этого.

С другой стороны, меня выводило из себя сознание того, что во всем вокруг что-то неладно. Я откуда-то знала, что никогда до этого не была здесь, я знала также, что в присутствии двух маленьких медсестер было что-то подозрительно странное, но самое главное, я знала с абсолютной определенностью, что эти массивные формы, лежащие тут, — не мои. Я не могла припомнить, что за лицо я увижу в зеркале, даже будет оно темным или светлым, старым или молодым, но в чем не было у меня ни тени сомнения, это в том, что каким бы оно ни было, оно никогда не принадлежало этому телу.

А в комнате были еще другие гигантские молодые женщины. Очевидно, дело было не в расстройстве желез у нас всех разом, иначе не могло было быть и речи о том, чтобы послать меня «домой», каким бы он ни оказался.

Я все еще продолжала спорить с самым умным видом сама с собой о происходящем, хотя и без особых успехов. Тут потолок над моей головой вновь стал двигаться, и я поняла, что меня везут. Двери в конце помещения распахнулись, и вагонетка подо мной слегка накренилась, пока мы спускались под уклон.

В конце спуска стояла машина, похожая на «скорую помощь», с розовой крышей, вычищенной до блеска, и ожидала меня с уже открытой необычной дверцей. Я заинтересованно наблюдала, что играю роль в привычной процессии. Команда из восьми крохотных служительниц принялась с трудом перетаскивать меня с вагонетки на пружинный диван в «скорой помощи», будто это было чем-то вроде силового упражнения. Две из них задержались после других, чтобы подоткнуть мои покрывала и подложить еще одну подушку мне под голову. Затем они вышли, закрыв за собой дверцу, и через пару минут мы поехали.

Именно с этого момента — и возможно, тут помогло болеутоляющее — у меня возникло растущее ощущение равновесия и чувство, что я понимаю ситуацию.

Скорее всего, со мной произошел несчастный случай, как я и подозревала, но моя же ошибка и главная причина тревоги была в уверенности, что я на целый этап выздоровления дальше, чем на самом деле. Я решила, что прошло уже достаточно времени для восстановления моего сознания, тогда как в действительности было не так. Я, должно быть, еще не окончательно пришла в себя после сотрясения мозга, скорее всего, а это было сном, галлюцинацией. Через некоторое время проснусь в условиях, которые смогу хотя бы ощутить, если и не вспомню сразу.

Я недоумевала, как эта утешительная и успокаивающая мысль не пришла мне в голову раньше, и решила, что именно тревожное ощущение реальности до мелочей бросило меня в панику. Удивительно глупо с моей стороны было поверить выдумке, что этот сон вроде Гулливера среди довольно разных по размерам лилипутов. Очень характерно было для большинства снов и то, что я четко не осознавала, кто я, так что не нужно было удивляться и этому. А вот что необходимо было сделать, так это с разумным интересом вбирать в себя все, что я наблюдала: здесь

битком набито символическим содержанием, над которым было бы интересно поработать после.

Открытие совершенно изменило мое отношение к окружающему, и я смотрела вокруг с обостренным вниманием. Совсем уж поразительно странным показалось мне то, что все, попадавшееся на глаза, было обстоятельно до мелочей. Не было и в помине чувства переднего плана, никакой явно выраженной расплывчатости или какого либо фона, которые часто встречаются во сне. Все представлялось убедительно материальным в трехмерном пространстве. Мои собственные ощущения тоже казались совершенно настоящими. Боль от укола, к примеру, была самой настоящей. Иллюзия действительности настолько подействовала на меня, что я стала с большим вниманием отмечать все это про себя.

Внутри фургон или «скорая помощь», или что-то в этом роде, был выкрашен в тот же игрушечно-розовый цвет, как и снаружи — кроме крыши, которая была небесно-голубой, с россыпью маленьких серебряных звездочек. Напротив передней перегородки были нагромождены несколько буфетов с никелированными ручками. Мое ложе или носилки находились вдоль левой стороны, А справа были закреплены два сидения, довольно маленькие, обтянутые похожей на стекло тканью соответствующего всей обивке цвета. Между двумя окнами, расположенными во всю длину фургона, оставался небольшой простенок. Каждое из окон было украшено занавесками чудесной вязки из розовой тесьмы и поднятыми наверх шторами. Достаточно было повернуть голову и я могла наблюдать за пейзажем, который тянулся за окнами. Машина двигалась какими-то рывками, которые, исходя из ее назначения, были довольно-таки странными, хотя предположительно объяснимы плохой дорогой. Что бы то ни было, я чувствовала себя независимо и удобно на пружинившем ложе.

Бесконечный пейзаж за окном был однообразен и безлик. Вдоль нашего пути, в 20 ярдах от дороги, среди аккуратных газонов стояли здания. Каждое было высотой в три этажа, 150 ярдов в длину крытое черепицей и в стиле, смутно напоминавшем итальянский. Построенные из однотипных блоков дома, с резко выделяющимися дверями и окнами, с однообразными занавесками, отличались друг от друга лишь цветом покраски. Они казались нежилыми, сколько бы я ни вглядывалась в окна, лишь то тут, то там мелькали женщины в белых спецовках, занимающиеся поливкой газонов и украшением клумб.

Дальше от дороги, где-то в 200 ярдах от нее, стояли дома побольше и выше, более утилитарного вида. Некоторые имели две трубы, похожие на заводские. Я подумала, что это, может быть, действительно какие-то фабрики, но расстояние и дома, заслонявшие их, давали возможность лишь мельком взглянуть на них.

Машина двигалась по дороге, поворачивая то в одну сторону, то в другую сторону с равными промежутками по времени, что наводило на мысль, что строители были больше заинтересованы в расположении домов, а не улиц. Движения на дороге почти не наблюдалось, а то, что этим словом можно было назвать, состояло из грузовиков, преимущественно больших. Они были покрашены в яркие тона, с надписями из комбинации пяти букв на бортах для опознавания, а по конструкции выглядели совершенно обычно, как где- либо в другом месте.

Мы продолжали наше лишенное событий путешествие в умеренном темпе еще 20 минут, пока не подъехали к прямому про-

езду, где дорога ремонтировалась. Машина замедлила ход, а рабочие отошли к обочине, освобождая нам путь. Пока мы проползали вперед по развороченной дороге, я была в состоянии хорошенько их разглядеть. Это были женщины или девушки, одетые в брюки вроде джинсов, фуфайки без рукавов и рабочие сапоги. Все были коротко подстрижены, а на некоторых были шляпы. Они были высоки, широкоплечи, загорелы, выглядели здоровыми и похожими на мужчин из-за огрубевших, с бицепсами сильных рук, державших кирки и лопаты.

Рабочие с заботливостью наблюдали, как машина прокладывала путь по ремонтируемой дороге, но когда мы поравнялись с ними, они обратили все свое внимание внутрь машины и толпились, вытягивая шеи, чтобы разглядеть меня. Они широко улыбались белозубыми улыбками, подняв правую руку, как бы подавая какой-то знак. Их добрые намерения были так очевидны, что я улыбнулась в ответ. Они пошли рядом, стараясь попасть в ритм ползущей машины, ожидающе глядя на меня, пока их улыбки не переросли в недоумение. Они что-то говорили, но я не могла расслышать слов. Некоторые настойчиво повторяли знак. По их разочарованному виду стало ясно, что от меня ожидали большего, чем улыбка. Все, что пришло мне в голову, это поднять правую руку в подражание их жесту. Это был, по крайней мере, частичный успех, их лица просветлели, хотя озадаченный вид сохранялся. Затем машина, раскачиваясь, снова свернула на большую дорогу, оставляя позади их озабоченные лица, набирая скорость до прежнего сдержанного темпа. И это тоже символика, но уже не нечто обычное из учебника. «Что вообще могла делать,— недоумевала я,— компания дружелюбных амазонок, снаряженных орудиями землекопов вместо луков, в моем подсознании? Последствия какой-то фрустрации,— предположила я.— Или подавленное желание повелевать...»

Я, кажется, незаметно углубилась в рассуждения, пока мы проезжали последние из пестрых, но тем не менее однообразных блоков, и вырвались на открытое пространство. По клумбам я уже поняла, что была весна, и теперь я любовалась сочными пастбищами и опрятными пахотными полями, уже тронутыми зеленью. Над подстриженными изгородями стоял как бы зеленый туман, и некоторые из деревьев в педантично расположенных рощицах были покрыты молодыми листочками. Ярко светило щедрое солнце на этот аккуратнейший из всех сельских пейзажей, какие я когда-либо видела.

Только рогатый скот, точками усеявший поля, вносил некоторый беспорядок в тщательную планировку. Даже фермерские домики были ее частью. Незанятая территория около домов была с огородом в акр с одной стороны, фруктовым садом — с другой и сеновалом — с третьей. В голову приходил кукольный ландшафт бабушки Мозес, но только ухоженный и рационализированный. Я не могла увидеть ни одного одинокого коттеджа, случайно расположенного сарая или несимметричной пристройки. И что же за вывод я должна сделать из этой довольно патологической выставки аккуратности? Что я еще более ненадежная личность, чем предполагала. Да еще подсознательно страдаю по простоте и безопасности.

Открытый грузовик, ехавший впереди нас, свернул в проход к одной из ферм, окаймленный красивой ухоженной изгородью. В нем сидело с полдюжины молодых женщин, державших какие-то орудия: «снова амазонки»,— подумала я. Одна из них, заме-

тив нас, привлекла к нам внимание остальных. Они подняли руки в том же приветствии, что и те, другие, и я помахала. Я помахала в ответ.

«Довольно ошеломляюще»,— подумала я: амазонки — как желание доминировать, и этот пейзаж — как стремление к пассивной безопасности. Но это не очень-то вяжется вместе.

Мы катились дальше в прежнем темпе — 20 миль в час или где-то так,— как я определила,— три четверти часа лишь со слегка изменяющейся перспективой, низкие холмы тянулись вдаль на много миль до подножия невысоких голубых гор. Аккуратные фермерские домики провожали нас почти что с регулярностью верстовых столбов, хотя и чаще в два раза. Иногда на полях попадались группы людей, еще реже — отдельные фигурки, хлопотавшие на ферме или управлявшие трактором, но все они были слишком далеко от меня, чтобы разглядеть их поподробнее. Тотчас они пропадали из виду

Снова слева от дороги, отходя от нее под прямым углом более чем на милю, показался ряд деревьев. Я сначала подумала, что это лес, но потом заметила, что пространства между стволами были ровными, а сами деревья — подрезаны, чтобы создавать впечатление живой ограды. Она заканчивалась где-то через 20 футов от поворота, и мы проехали вдоль нее с полмили, пока машина не замедлила свой бег, свернула налево и остановилась перед высокими воротами. Водитель дал пару гудков.

Ворота были украшены орнаментом и, вероятно, сделаны из нержавеющего железа, покрашенного розовой краской. Арка ворот была оштукатурена и выкрашена в тот же цвет. Почему, спрашивала я себя, в любом случае это преобладание розового, который я считала сентиментальным цветом? Или это цвет плоти? Символика пылкости плоти, которую я недостаточно удовлетворяю? «Вряд ли»,— подумала я. Не розовый, а скорее уж ярко-красный... Я не думаю, что знаю хотя бы одного человека, который бы воспламенился благодаря розовому цвету.

Пока мы ожидали, во мне росло чувство, что в воротах есть что-то неправильное. Сооружение, стоявшее за ними, было одноэтажным зданием, соответствующей с воротами расцветки. Деревянные части здания бледно-голубого цвета, а на окнах белели вязаные занавески. Дверь открылась, и вышла женщина средних лет в белом костюме, состоявшем из брюк и блузы. Волосы ее были темными, с несколькими седыми прядями, коротко подстриженные. Голову ничего не покрывало. Увидев меня, она подняла руку в таком же приветствии, как у амазонок, хотя и небрежно, и пошла открывать ворота. Только тогда, когда она пропустила нас, я неожиданно увидела, какая она маленькая — не выше 1 метра роста. И это-то и объясняло, что было не так в воротах: они были построены полностью по ее мерке...

Я продолжала глазеть на нее и ее маленький домик, пока мы проезжали мимо. Ну, а что же с этим? Мифология богата гномами и другими крохотными людьми и тем, что они совершенно спокойно могут проникнуть в сны, так что кто-нибудь, я уверена, должен уж решить, какой стандартный символ они означают, но в тот момент я не могла его вспомнить. Было ли это подавленное желание иметь ребенка?

Я отложила это тоже для дальнейшего созерцания и перенесла свое внимание снова на окружающее. Мы продолжали неторопливо наш путь по какой-то скорее подъездной аллее, чем дороге, с окрестностями, представляющими из себя что-то среднее меж-

ду общественным парком и муниципальным: широкие газоны — цвета нетронутого зеленого вельвета, то тут, то там усыпанные клумбами, изящные собрания серебряных берез и случайные большие деревья. Между ними то тут, то там стояли трехэтажные розовые здания, построенные, видимо, без какого-либо плана.

Пара, типа амазонок, в фуфайках и брюках цвета опавшей листвы, занималась посадкой на клумбе рядом с аллеей, и нам пришлось остановиться, пока они перетаскивали свою тележку, полную тюльпанов, на траву, чтобы дать нам проехать. Они послали мне обычное приветствие и дружелюбную ухмылку, когда мы проезжали мимо.

Минутой позже у меня возникло ощущение, что с моим зрением что-то не так, потому что стоило нам проехать один дом, как перед ним предстал другой. Он был белый, а не розовый, но тем не менее в точности такой же, хотя и составлял где-то одну треть от первого...

Я заморгала и с усилием уставилась на дом, но он продолжал оставаться таких же размеров. Невдалеке через газон, в розовом одеянии, шла медленно и тяжело карикатурно огромная женщина. Ее сопровождали три маленькие женщины в белых костюмах, выглядевшие по сравнению с ней детьми или ожившими куклами: невольно вспоминались буксиры, суетившиеся вокруг лайнера.

Я почувствовала, что засыпалась: профиль и комбинация символов выходили за пределы моей подготовки.

Машина повернула направо и подъехала к пролету ступенек, ведущих к розовому зданию нормального размера, но не без странностей, так как ступеньки были разделены центральной балюстрадой: те ступеньки, которые вели налево от нее, были обычными, а те, что направо,— меньше и многочисленнее.

Гудки водителя объявили о нашем прибытии. Где-то через 10 секунд полдюжины маленьких женщин появились на пороге и побежали вниз по ступенькам справа. Дверь хлопнула, когда водитель выбрался из машины и пошел встретить их. Когда он попал в поле моего зрения, я увидела, что это была тоже малышка, но не в белом, как другие: она была одета в сияющий розовый костюм, как ливерная колбаса, который цветом в точности соответствовал машине.

Малышки перекинулись парой слов между собой, прежде чем открыть мне дверцу, и затем чей-то голосок радостно пропищал:

— Добро пожаловать, Мать Орчис. Добро пожаловать домой.

Ложе или носилки, на которых я лежала, скользнули по ремням, и на них малютки опустили их на землю. Одна из молодых женщин с розовым крестом св. Андрея, прикрепленным с левой стороны блузы, наклонилась надо мной. Она деликатно поинтересовалась:

— Как вы думаете, Мать, вы сможете идти?

Момент был неподходящим, чтобы вдаваться в размышления о форме обращения. Очевидно, я была единственной мишенью для вопроса.

— Идти?— повторила я,— конечно, я могу идти.

И я села при помощи около восьми рук. Конечно же, это было явным преувеличением. Я осознала это в тот момент, когда поднимала ногу. Даже при всей той помощи, что оказывали мне малышки, это было напряжением и достаточной нагрузкой. Я посмотрела на чудовищные формы, волнами вздымающиеся под розовыми одеяниями, с болезненным отвращением и чувством,

что как бы эта масса символически не была замаскирована, она потом наверняка окажется противным разоблачением.

Я попыталась сделать шаг. «Идти» было вряд ли подходящим словом для моего передвижения. оно выглядело серией замедленных усилий воли, а эти женщины, не выше моего локтя, порхали вокруг меня, как встревоженные наседки. Раз уж начав, я должна была идти вперед, передвигаясь подобно огромной волне, сначала через несколько метров гравия, затем с тяжеловесной неторопливостью вверх по левой стороне ступенек.

Когда я достигла верха, вокруг явно ощущалось чувство облегчения и триумфа. Мы на несколько мгновений задержались там, чтобы я могла перевести дыхание, а затем двинулись дальше внутрь здания.

Коридор с тремя или четырьмя дверями по обе стороны вел прямо вперед. Мы свернули налево в конце его, и я, впервые с начала галлюцинаций, уперлась нос к носу в свое изображение в зеркале. Мне пришлось собрать весь запас решимости, чтобы не запаниковать снова, увидев то, что там было. Первые несколько секунд я потратила на то, чтобы не впасть в истерику.

Передо мной стояла возмутительнейшая пародия на меня: слоноподобные нижние формы, выглядевшие более массивными из-за розовых обмоток. Благо они закрывали все, кроме головы и рук, но, выставленные напоказ, они сами были потрясением другого рода: руки, нежные, с ямочками, выглядевшие совершенно непропорциональными, были красивы, а голова и само лицо и вовсе девичьи. А она, эта девушка, была к тому же красива. Ей не могло быть больше 21 года. Вьющиеся светлые волосы слегка выгорели на солнце и были коротко подстрижены. Краски лица были розовые и кремовые, а нежные руки были красивыми без всяких подделок. Она глядела на меня из зеркала, на маленьких женщин, собравшихся около меня, парой зелено-голубых глаз из-под выгнутых дугой линии бровей. И это прелестное лицо, как бы сошедшее с полотен Фрагонара, было приделано к этому чудовищному телу. Не более жестоким было бы вырастить бутон на реке.

Когда я шевельнула губами, шевельнулись и ее губы, когда я подняла руку, ее рука поднялась тоже. И все же, стоило немного отодвинуться, как она исчезла, дав повод к размышлению. Она ничем не была похожа на меня, поэтому должна была быть посторонним, которое я рассматриваю, хотя и не без грусти и жалости к ней. Я наблюдала, как слезы наполняли ее, нежные веки набухали от слез, как сквозь туман я видела побежавшие слезы.

Одна из крохотных женщин за моей спиной поймала мою руку.

— Мать Орчис, дорогая, что случилось? — спросила она, полная внимания.

Я не могла ей сказать, я сама не имела полного представления. Изображение в зеркале покачало головой с тянувшимися по щекам слезами. Маленькие ручки барабанили по мне то тут, то там, тонкие успокаивающие голоса подбадривали меня идти вперед.

Следующая дверь была открыта, и, заботливо суетясь, меня провели в комнату за нею. Мы вошли в место, поразившее меня смешением будуара с большой палатой. Впечатление от будуара заключалось большей частью в розовом цвете ковра, покрывал, подушек, абажуров ламп, а от больничной палаты — в шести покрытых клеенкой диванах или ложах, одно из которых пустовало.

Это была довольно просторная комната для шести кроватей, разделенных сундуком, стулом и столом около каждой, создававших впечатление загроможденности, и с достаточным пространством в середине, чтобы уместить несколько обширных мягких кресел и центральный стол с мудреным украшением из цветов.

Все помещение было пропитано не таким уж неприятным запахом, и откуда-то доносился приглушенный звук струнного квартета, исполнявшего что-то в сентиментальном духе. Пять из диванов были уже заняты чем-то гороподобным. Двое из команды помощниц поспешили вперед и сдернули розовое сатиновое покрывало с шестого. Лица со всех пяти лож повернулись ко мне. Трое из них приветливо улыбались, другие хранили вежливое молчание.

— Привет, Орчис,— приветствовала меня одна из них.

Потом с оттенком заботы добавила:

— Что случилось, дорогая? Тебе было плохо?

Я поглядела на нее. У нее было доброжелательное кукольно-хорошенькое личико, обрамленное светло-каштановыми волосами. По лицу она выглядела на 23-24 года. Остальное было огромной насыпью розового сатина. Я не могла ничего ответить. Но я попыталась как можно приветливее возвратить ей улыбку, когда с чужой помощью тащилась мимо нее.

Мой конвой сгрудился около пустой постели. После некоторых приготовлений мне помогли на нее взгромоздиться и под голову пристроили подушку.

Усилия путешествия от машины до ложа были столь значительными, что я была рада возможности расслабиться. Пока две малышки натягивали покрывало и подтыкали его под меня, третья вытащила носовой платок и мягко приложила его к моим щекам. Она подбадривала меня.

— Вот и все, дорогая! Снова теперь дома, в покое. Отдохните немного и будете совсем в порядке. Попытайтесь просто заснуть на чуток.

— Что с ней стряслось?— поинтересовался решительный голос с одной из кроватей.— Она что, вляпалась во что-нибудь?

Маленькая женщина с платком, та, что носила крест св. Андрея и, как оказалось, отвечала за перевозку, резко повернула голову.

— Нет надобности говорить в таком тоне, Мать Хейзел. Конечно же, у Матери Орчис — четверо чудесных малышей. Ведь так, дорогая?— добавила она, повернувшись ко мне.— Она просто немножко устала после поездки, вот и все.

— Хм-ф!— произнесла девушка, к которой обращались по имени Хейзел, презрительным тоном, но продолжать не стала.

Суета продолжалась. Тотчас маленькая женщина вручила мне стакан чего-то, выглядевшего как вода, но неопределенной крепости. Первое ощущение было невнятно и неопределенно, но потом я быстро вошла во вкус. Поубиравшись и посуетившись еще немножко, моя свита удалилась, оставив меня лежащей головой на подушке под пристальными изучающими взглядами пяти гигантских женщин.

Жуткое молчание было нарушено той девушкой, которая приветствовала меня, когда я вошла.

— Куда они отправили тебя в отпуск, Орчис?

— Отпуск?— тупо спросила я.

Она и остальные уставились на меня в изумлении.

— Я не знаю, о чем вы говорите,— сказала я им.

Они продолжали тупо и флегматично глядеть на меня.

— Ну, тогда это не слишком-то похоже на отпуск,— сделала вывод одна из них, явно озадаченная.— Я свой последний не забуду. Меня отправили на море и дали мне маленькую машину, так что я могла везде побывать. Все были так милы с нами, а там было шесть матерей, включая меня. Ты ездила на море или в горы?

Они были полны решимости и дальше досаждать мне своим любопытством, и рано или поздно ответ пришлось бы дать. Я выбрала то, что казалось на тот момент самым простым выходом.

— Я не могу вспомнить,— сказала я.— Ни капли не могу вспомнить. Кажется, я полностью потеряла память.

Это было принято без особого сочувствия.

— Ох!— произнесла та, которую звали Хейзел, с ноткой удовлетворения. — Я так и думала, что здесь что-то есть. Догадываюсь, что ты даже не можешь вспомнить определенно, были ли на этот раз твои малыши Первой степени. Если бы нет, Орчис не вернулась бы сюда. Ее бы дисквалифицировали как Мать второй степени и послали в Уайтвиг — С большей доброжелательностью в голосе она спросила меня:— Когда это случилось, Орчис?

— Я... Я не знаю,— ответила я.— Ничего не могу вспомнить до сегодняшнего утра в больнице. Все полностью вылетело из головы.

— Больнице!— презрительно повторила Хейзел.

— Она, должно быть, имеет в виду Центр,— сказала другая.

— Но, неужели ты хочешь сказать, что не можешь даже нас вспомнить, Орчис?

— Нет,— подтвердила я, кивнув головой.— Прошу прощения, но все до того, как я попала в больн... Центр — все улетучилось.

— Чудно это,— сказала Хейзел неприязненным тоном.— А они знают?

Одна из остальных взяла мою сторону.

— Конечно, они обязательно знают. Скорее всего, они думают, что есть память у Матери или нет, это не мешает ей рожать детей Первой степени. Ведь при чем здесь память?

— Почему бы не дать ей отдохнуть чуточку,— отрезала другая,— не думаю, чтобы она себя прекрасно чувствовала после Центра и после того, как добралась сюда. Я так — никогда. Не обращай на них внимание, Орчис, дорогая. Просто постарайся чуточку поспать. Наверняка, когда проснешься, все окажется в порядке.

Я с благодарностью приняла ее предложение. Все это было настолько ошеломляюще, что совладать с ним в тот момент было невозможно. Более того, я действительно вымоталась. Я поблагодарила ее за совет и откинулась на подушку. Я постаралась нарочито закрыть глаза, насколько это было возможным. И что было самым удивительным, если можно так сказать — спать внутри галлюцинации — то я спала.

В момент пробуждения, перед тем, как открыть глаза, во мне вспыхнула надежда, что галлюцинация исчезла. К несчастью, это было не так. Чья-то рука осторожно трясла меня за плечо, и первое, что я увидела, было лицо главной из малышек вблизи моего.

Она произнесла:

— Ну же, Мать Орчис, дорогуша. Вы чудненько поспали, вы ведь себя получше чувствуете?

За ее спиной еще две малышки принесли поднос-столик на низких ножках. Они так установили его, что он перекрывал меня, подобно мосту, и до него было удобно дотянуться. Я уставилась на то, чем он был нагружен. Без всякого сомнения, я до этого еще ни разу не видела, чтобы перед одним человеком ставили такое чудовищное количество самой питательной еды. В первое мгновение вид ее вызвал у меня отвращение — но тут я почувствовала, что внутри меня произошел разлад, потому что вид ее не оттолкнул ту огромную тушу, что я заполняла: у этой последней изо рта текли слюни, и ей не терпелось начать. Внутренняя часть меня изумлялась, соприкасаясь с остальным телом, которое в это время поглощало две или три рыбины, целого цыпленка, несколько ломтиков мяса, кучу овощей, фрукты, утопавшие в горах взбитых сливок, и большие кварты молока, без малейшего чувства пресыщения. Случайные взгляды по сторонам показывали мне, что другие «Матери» так же глубокомысленно обходились с содержимым их подносов.

Я поймала пару любопытных взглядов, но все были слишком серьезно заняты, чтобы в тот момент вновь возобновить свою назойливость. Я недоумевала, как мне отделаться от них после, и мне пришло в голову, что если бы только у меня была книга или журнал, я, возможно, была бы в состоянии успешно, хотя и не очень вежливо, погрузиться в чтение.

Когда вернулись прислужницы, я попросила ту с крестом, не смогла бы она мне позволить что-нибудь почитать. Эффект от этой простой просьбы был ошеломляющим: те двое, что переносили мой поднос, ни мало ни много как уронили его. А та, что была рядом, широко раскрыла рот и стояла так в изумлении до тех пор, пока не привела в порядок свои мозги. Она поглядела на меня сперва подозрительно, а потом озабоченно.

— Все еще чувствуете себя не совсем в порядке, дорогая? — спросила она.

— Да нет же,— запротестовала я,— я прекрасно себя чувствую.

Однако выражение озабоченности на ее лице настаивало на этом.

— Я бы на вашем месте снова попыталась бы поспать,— посоветовала она.

— Но я не желаю. Я только хочу тихонечко почитать,— возразила я.

Она похлопала меня по плечу несколько неуверенно.

— Боюсь, вас порядком вымотало, Мать. Но не волнуйтесь, уверена, что скоро все пройдет.

Я почувствовала беспокойство.

— Но что такого в том, что я хочу почитать? — потребовала я.

Она улыбнулась чопорной профессиональной улыбкой медсестры.

— Ну же, ну же, дорогая. Постарайтесь просто поспать немного. Ведь, боже сохрани, с какой стати может понадобиться Матери чтение?

С этими словами она поправила мое одеяло и заторопилась прочь, оставив меня наедине с пятью моими товарками, глазевшими на меня во всю мочь. Хейзел насмешливо хмыкнула; однако никаких внятных замечаний не последовало в течение нескольких минут.

Я достигла того состояния, когда моя отрешенность не выдерживала натиска галлюцинаций. Я чувствовала, что еще немного, и я потеряю уверенность и начну сомневаться в ее нереальности. Все происходившее раздражало меня. Непоследовательные преувеличения и нелепости, дурацкие виды, в самом деле, любая из этих привычных черт сна успокоили бы меня, но вместо этого продолжался все тот же явный бред с тревожащим видом убедительности и последовательности.

Я начала ощущать неуютное чувство, что, копни другой раз поглубже, можно было бы докопаться и до конечных причин абсурда. Вживание в сон было слишком сильным, чтобы успокоить ум — даже факт удовольствия от еды, как будто я полностью бодрствовала и сознательно чувствовала себя лучше от нее, приводил в смятение реальностью произошедшего.

— Читать?— неожиданно произнесла Хейзел с презрительным смешком.— И писать, я думаю, тоже?

— А почему бы и нет?— отпарировала я.

Они все уставились на меня еще внимательнее, чем прежде, и потом обменялись многозначительными взглядами. Двое из них улыбнулись друг другу. Я раздраженно потребовала:

— Что тут такого? Или от меня ждут, что я вообще не умею ни читать, ни писать и тому подобное..?

Одна из женщин доброжелательно и успокаивающе сказала:

— Орчис, дорогуша. Ты не думаешь, что лучше бы тебе провериться у доктора? Просто так, на всякий случай.

— Нет,— решительно ответила я.— Со мной ничего такого нет. Я только пытаюсь понять. Я просто прошу книгу, а вы все глядите на меня, будто я сошла с ума. Почему?

После неловкой паузы та жедевушка пугливо произнесла почти те же слова, что и малышка прислужница.

— Орчис, дорогая, постарайся взять себя в руки, что хорошего может быть Матери от чтения и писанины. Разве поможет ей это лучше рожать малышей?

— В жизни есть еще вещи, кроме того чтобы рожать детей,— коротко ответила я.

Если раньше они были удивлены, то теперь их как громом поразило. Даже Хейзел, казалось, лишилась дара речи. Их идиотские лица довели меня до белого каления, и я неожиданно почувствовала себя болезненно уставшей от всего этого бреда. На время я действительно забыла о своей роли отрешенного наблюдателя.

— Черт возьми,— прорвало меня.— Что здесь за чертовщина? Орчис, Мать Орчис! Ради бога! Где я? Или это что-то вроде желтого дома?

Я зло уставилась на них, ненавидя даже сам их вид. Интересно? Уж не сговорились ли они против меня? Каким-то образом, внутри себя я была совершенно уверена, что кем бы и чем бы ни была, я не Мать. Я выпалила это вслух и тут, к моему огорчению, расплакалась.

За отсутствием чего-нибудь другого, я приложила к глазам рукав. Когда я смогла снова ясно видеть, я обнаружила, что четыре из пяти глядят на меня с доброжелательной заботой. Четыре, но не Хейзел.

— Я же говорила, что с ней что-то странное,— торжествующе обратилась она к другим.— Она с ума сошла, вот что.

Та, что была до этого расположена ко мне доброжелательнее всех, попыталась снова:

— Но, Орчис, конечно же, ты — Мать. Ты — Мать первой степени, с тремя зарегистрированными родами. Двенадцать чудных малышей первой степени, дорогуша. Не можешь же ты забыть это!

Я снова всхлипнула. Я чувствовала, будто что-то пытается прорваться сквозь пустоту в моем мозгу, но я не знала, что это, только то, что оно делало меня неимоверно несчастной.

— Ох, это жестоко, жестоко! Почему я не могу прекратить это? Почему оно не уйдет и не оставит меня в покое? — молила я.— В этом всем ужасная жестокая насмешка, но я не понимаю ее. Что случилось со мной? Это не навязчивая идея — нет-нет — ох, ну помогите же мне..!

Некоторое время я крепко зажмуривалась, всем сердцем желая, чтобы вся галлюцинация растаяла и исчезла.

Но этого не случилось. Когда я вновь открыла глаза, они все еще были там, бессмысленно уставясь на меня своими глупыми хорошенькими лицами над отвратительными грудами розового сатина.

— Я намерена отсюда убраться,— сказала я.

Последовало неимоверное усилие подняться до сидячего положения. Я чувствовала, что остальные наблюдают с широко открытыми глазами, как я это делаю. Я и так и этак билась над тем, как бы спустить ноги с кровати, но они запутались в сатиновом покрывале, и я не могла их высвободить. Это была настоящая, отчаянная истерика во сне. Я услышала свой голос, молящий: «Помоги, Дональд, милый, пожалуйста, помоги...»

И внезапно, будто со словами «Дональд» расцвела весна, что-то, казалось, повернулось в моей голове. Затор в мозгу раскрылся не полностью, но достаточно, чтобы знать, кто я. Я неожиданно поглядела на других. Они все еще глядели на меня, полуизумленно, полувстревоженно. Я оставила попытки встать и опять откинулась на подушку.

— Больше вам меня не одурачить,— сказала я им.— Теперь я знаю, кто я.

— Но, Мать Орчис,— начала одна.

— Хватит,— огрызнулась я на нее. Казалось, я из жалости к самой себе пришла к чему-то вроде мазохистского бессердечия.

— Я не Мать,— резко сказала я.— Я всего лишь женщина, у которой когда-то был муж и которая надеялась — но только надеялась,— что у нее будут от него дети.

За этим последовала пауза, довольно странная, потому что хотя бы смешок должен был раздаться в ответ. Но на то, что я сказала, не обратили даже внимания. На лицах ничего не отразилось, на них было не больше мысли, чем на кукольных.

Тотчас же самая дружелюбная, казалось, почувствовала долг прервать молчание. Нахмурив брови и сморщив носик, она спросила:

— Что такое муж?

Я тяжело переводила взгляд с одного лица на другое. Ни на одном ни следа коварства, ничего, кроме озадаченного выражения, которое можно увидеть иногда в детских глазах. На мгновение я готова была впасть в истерику, но взяла себя в руки. Ну что ж, раз галлюцинация не оставит меня в покое, я буду воевать с ней ее же оружием и посмотрим, что же из этого выйдет. Я начала с невозмутимым видом и серьезностью объяснять простыми словами:

— Муж — это тот человек, которого женщина...

Из выражения их лиц явствовало, что я не очень-то просветила их. Однако они дали мне закончить три или четыре предложения, не прерывая. Затем же, когда я остановилась перевести дыхание, доброжелательница вмешалась с тем, что, очевидно, требовало для нее объяснения:

— Но что,— спросила она, явно недоумевая,— что такое мужчина?

Холодное молчание повисло над комнатой после того, как я объяснила. Но я даже не соизволила обратить на это внимание. Я была слишком занята, пытаясь принудить раскрыться дверцу моей памяти еще чуть-чуть, и обнаружила, что с определенной точки ее уже не сдвинуть.

Я знала теперь, что я — Джейн. Я была до этого Джейн Саммерс, а стала Джейн Уотерлей, когда вышла замуж за Дональда. Мне... было... 24, когда мы поженились, только 25, когда погиб Дональд, 6-ю месяцами позже. И там все закончилось. Это казалось вчерашним днем, но я не могла сказать...

До этого все было совершенно ясно. Мои родители и друзья, мой дом, моя школа, учеба в колледже, работа в качестве доктора Саммерс в рейгестерской больнице. Я могла вспомнить, как впервые увидела Дональда, когда его принесли однажды вечером с переломом ноги — и все, что за этим следовало...

Я вспомнила теперь лицо, что я должна была увидеть в зеркале — и оно, конечно же, было совсем не таким, какое я видела в коридоре — оно было овальное, с легким загаром, рот должен был быть меньше, аккуратнее, с каштановыми волосами, вившимися без всякой химии, с карими глазами, довольно широко расставленными, возможно, слегка тяжелым взглядом...

Знала я теперь, как выглядит и мое тело — стройное, с длинными ногами и маленькими крепкими грудями — чудесное тело, которое я сначала принимала как должное, пока Дональд своей любовью не научил меня гордиться им.

Я посмотрела вниз на омерзительную гору из розового сатина и содрогнулась. Во мне закипела ярость. Я тосковала по Дональду, который успокоил бы и приласкал меня и сказал бы мне, что все будет в порядке, что я не такая, какой вижу себя сейчас, и что все это в самом деле сон.

В то же время меня поразил ужас при мысли, что он когда-нибудь увидит меня толстой и жирной. И тут я вспомнила, что Дональд никогда уже не увидит меня — никогда — и я снова стала так несчастна и разбита, слезы потекли у меня по щекам.

Остальные просто продолжали смотреть на меня, широко раскрыв глаза и недоумевая. Прошло полчаса, все в том же молчании, потом дверь открылась, впустив целый отряд малышек, всех в белых спецовках. Я увидела, как Хейзел поглядела на меня и потом на начальницу. Она вроде как собралась что-то сказать, но передумала. Малышки разделились по две на кровать. Встав по бокам, они стащили покрывала, закатали рукава и начали массаж.

Сперва это было даже приятно и вполне успокаивающе: оставалось только откинуться назад и расслабиться. Но вскоре мне это стало нравиться все меньше, а потом я нашла это даже обидным.

— Хватит,— сказала я резко той, что справа.

Она остановилась, дружелюбно улыбнулась мне, хотя и с едва заметной неуверенностью и потом продолжила.

— Я сказала, хватит!— повторила я, отталкивая ее.

Ее глаза встретились с моими. В них была озабоченность и боль, хотя с губ не сходила профессиональная улыбка.

— Я же сказала,— добавила я отрывисто.

Она продолжала колебаться и взглянула на вторую с другой стороны кровати.

— Ты тоже,— сказала я другой.— Достаточно.

Она даже не замедлила ритма. Та, что справа, собралась с духом и тоже возобновила работу как раз там, где я ее остановила. Я протянула руку и толкнула ее, на этот раз сильнее. В этом валике, должно быть, было куда больше мускулов, чем можно было предположить. От толчка она пролетела с полкомнаты, споткнулась и упала. Движение в комнате замерло. Все уставились сперва на нее, потом на меня. Пауза была короткой. Все снова принялись за работу. Я оттолкнула ту девушку, что работала слева, хотя и осторожно. Другая взяла себя в руки. Она плакала и выглядела испуганной, но упрямо стиснула зубы и собралась вернуться назад.

— Держитесь подальше от меня, вы, маленькие пугала,— угрожающе сказала я им.

Это остановило их. Они замерли и поглядывали несчастно друг на друга. Та, что была с повязкой начальницы, засуетилась.

— Что такое, Мать Орчис?— поинтересовалась она.

Я сказала. Это ее озадачило.

— Но все же в порядке,— увещевала она.

— Но не для меня: Мне это не нравится, и я этого не потерплю,— ответила я.

Она стояла неуклюже в затруднении.

С другого конца комнаты раздался голос Хейзел:

— Орчис чокнулась. Она говорила нам тут самые отвратительные вещи.

Малышка повернулась посмотреть на нее, а потом вопрошающе на одну из остальных. Ей ответили кивком с выражением отвращения, и она, повернувшись ко мне, начала изучающе разглядывать.

— Вы две, пойдите и доложите,— сказала она моим пребывавшим в замешательстве массажисткам. Обе они плакали и вместе поплелись вон из комнаты. Та, что руководила, бросила на меня еще один глубокомысленный взгляд и последовала за ними. Несколькими минутами позже все остальные собрались и ушли. Мы шестеро были одни. Последовавшее молчание нарушила Хейзел:

— Ну и гадко же было так делать. Эти бедные дьяволята всего лишь выполняли свою работу,— заметила она.

— Если это их работа, она мне не нравится,— ответила я ей.

— Ну и схлопотала им порку, бедняжкам. Но, я полагаю, это опять потеря памяти. Ты не вспомнила ведь, что Слугу, огорчившую Мать, наказывают поркой, не так ли?— саркастически добавила она.

— Поркой?— повторила я с трудом.

— Да, поркой,— передразнила она.— Но тебе ведь дела нет, что с ними станет? Не знаю, что случилось с тобой, пока тебя не было, но что бы это ни было, результат, кажется, получился прегадкий. Мне никогда не было до тебя дела, Орчис, хотя другие думали, что я не права. Ну, а теперь мы знаем все.

Никто не стал продолжать. Сильно чувствовалось, что все разделяют мнение Хейзел, но, к моей удаче, я избежала их упреков из-за того, что дверь открылась.

Вновь вошла старшая служительница с полудюжиной маленьких клевретов, но на этот раз ими предводительствовала красивая женщина лет тридцати. Ее внешность доставила мне неимоверное успокоение. Она не была ни крошечной, ни амазонкой, не была она и толстой. На фоне сопровождающей ее служительницы она выглядела длинноватой. Я определила ее рост приблизительно 1 метр 60 см. Это была нормальная, приятно сложенная молодая женщина, с коричневыми волосами, коротко подстриженными, в плиссированной черной юбке, видной из-под белой спецовки. Старшая служительница почти семенила, чтобы поспеть за ее широкими шагами, и говорила что-то о заблуждениях и «только что обратно из Центра сегодня, доктор...»

Женщины остановились около моего ложа, в то время как малышки столпились вместе, поглядывая на меня с недоверием. Она воткнула мне в рот термометр и подержала запястье. Удовлетворившись показаниями обоих, поинтересовалась:

— Головная боль? Беспокоит что-нибудь другое?

— Нет,— ответила я ей.

Она внимательно меня оглядела. Я возвратила ей взгляд.

— Что..?— начала она.

— Да у нее с головой не в порядке,— вмешалась Хейзел с другого угла комнаты.— Она говорит, что потеряла память и не знает о нас.

— Она говорила о жутких отвратительных вещах,— добавила другая из пяти.

— У нее галлюцинации. Она думает, что может писать и читать,— подлила масла в огонь Хейзел.

На это доктор улыбнулась.

— Это так?— спросила она у меня.

— Не вижу, почему бы и нет...— но это было бы легко проверить,— резко ответила я.

Она ошарашенно поглядела на меня, но потом пришла в себя, повторив терпеливую полуулыбку.

— Отлично,— согласилась она миролюбиво.

Она вытащила из кармана маленький записной блокнот и предложила его мне вместе с ручкой. Ручка непривычно легла в мою ладонь, и непослушные пальцы не сразу удобно взялись за нее, но несмотря на это, я написала:

...я всего лишь слишком хорошо осознаю, что вижу галлюцинацию — а вы только ее часть.

Хейзел хмыкнула, когда я вручила блокнот обратно. Если у доктора не отвалилась челюсть, то улыбки-то уж как не бывало. Она напряженно поглядела на меня. Все остальные в комнате, видя выражение ее лица, стихли, будто я совершила чудо.

Доктор обернулась к Хейзел.

— Что она тут вам рассказывала?— спросила она.

Хейзел поколебалась, но потом выпалила:

— Такую гадость! Она рассказывала о двух полах у человека — так, будто мы были как животные. Это было отвратительно.

С минуту доктор размышляла, потом обратилась к старшей служительнице:

— Лучше доставить ее в лазарет. Я осмотрю ее там.

Как только она вышла, малышки рванулись подтащить низкую каталку из угла к моему ложу. Сдесяток рук помогли мне перебраться на нее и проворно увезли прочь.

— Ну, а теперь,— зловеще прошипела доктор,— вернемся к нашему разговору. Кто тебе рассказал всю эту чепуху о двух полах? Мне нужно ее имя.

Мы были одни в маленькой комнате с розовыми обоями в золотых звездочках. Служительницы тут же отчалили, как только привезли меня. Доктор сидела, держа наготове блокнот на коленях и ручку в руке. У нее был вид инквизитора, которого не проведешь. Мне было не до правил вежливости. Поэтому я попросила ее не быть дурой. Она, казалось, на мгновение была в нерешительности от овладевшего ею гнева, но потом взяла себя в руки и промолвила:

— После того, как ты покинула клинику, у тебя был отпуск, конечно же. И куда тебя посылали?

— Я не знаю,— ответила я.— Все, что я могу вам сказать — это то что и другие. Все это галлюцинация или обман — или что бы там ни было — началось в той больнице, что вы зовете Центром.

С полным решимости спокойствием она сказала:

— Послушай, Орчис. Когда ты уехала от нас, 6 недель назад, ты была совершенно нормальной. Ты поехала в Клинику и в обычном порядке родила своих малышей. Но в тот промежуток времени, что прошел между родами и сегодня, кто-то вбил тебе в голову всю эту дрянь — заодно научив тебя читать и писать. Теперь ты мне скажешь, кто это был. И предупреждаю, не отговаривайся от меня потерей памяти. Если ты была в состоянии помнить этот вызывающий тошноту бред, который ты рассказывала другим, ты уж сможешь вспомнить, от кого ты его узнала.

— Да ради бога, говорите же разумно, наконец,— ответила я.

Она снова вспыхнула.

— Я могу выяснить в Клинике, куда они тебя послали, и в Доме Отдыха — кто были твои основные друзья, пока ты находилась там, но я не хочу терять время, прослеживая все твои контакты, поэтому я прошу тебя не создавать сложностей и сказать сразу. Ты это прекрасно можешь. Мы не хотим, чтобы пришлось принудить тебя говорить,— заключила она зловеще.

Я закрутила головой.

— Вы на неверном пути. Насколько я поняла эту галлюцинацию, включая мою связь с этой Орчис, все началось каким-то образом в Центре. Как это случилось — я не могу сказать, и что случилось с нею прежде, не могу представить.

Она нахмурилась, явно обеспокоенная.

— Какая галлюцинация?— осторожно переспросила она.

— Вся эта фантастическая система — и вы тоже,— махнула я на все вокруг,— это тошнотворное огромное тело, все эти крохотные женщины, все. Очевидно, все это родилось в моем подсознании — и состояние моего подсознания меня беспокоит, так как осуществлением желаний его никак не назовешь.

Она продолжала глядеть на меня, еще больше забеспокоившись.

— Кто вообще мог рассказать тебе о подсознании?— неуверенно спросила она.

— Не вижу, почему даже в галлюцинациях от меня ждут, чтобы я была неграмотной идиоткой,— ответила я.

— Но Мать не может ничего знать о таких вещах. Ей это не нужно.

— Послушайте,— сказала я.— Я же вам объяснила, как и тем несчастным пародиям на женщин в той комнате, что я не Мать.

То, чем я являюсь — это всего лишь несчастный Б.М., которому снится какой-то кошмар.

— Б.М.?— спросила она рассеянно.

— Бакалавр Медицины. Я практикую врачебное дело,— сказала я ей.

Она продолжала с любопытством разглядывать меня. Ее взгляд с неуверенностью блуждал по моим мощным формам.

— Ты утверждаешь, что ты доктор?— спросила она странным голосом.

— В обычном смысле — да,— согласилась я.

В ее голосе послышалось негодование, смешанное с изумлением, когда она возразила.

— Но это же полнейший вздор! Тебя воспитали и вырастили, чтобы ты была Матерью. Ты и есть Мать. Да ты только посмотри на себя!

— Да,— повторила я с горечью.— Только посмотрите на меня.

Воцарилось молчание.

— Мне кажется,— произнесла я наконец,— галлюцинация это или нет, мы недалеко уйдем, если будем просто обвинять друг друга во вздоре. Предположим, вы объясните мне, что это за место, кем, вы думаете, я являюсь. Это может подтолкнуть мою память.

Но она воспротивилась этому.

— Думаю,— сказала она,— что сперва ты расскажешь мне то, что можешь вспомнить. Это лучше навело бы меня на мысль, что тебя так озадачило.

— Отлично,— согласилась я и пустилась в пространное повествование о себе, насколько я могла вспомнить все — до того момента то есть, когда разбился самолет Дональда.

Было глупо с моей стороны попасться на эту удочку. Конечно же, она и не собиралась что-нибудь мне рассказывать. Когда она выслушала все, что я смогла ей сообщить, она ушла, оставив меня в бессильной ярости.

Я дождалась, пока все в доме не затихло. Вскоре отключили музыку. Заглянула служительница спросить, не нужно ли мне чего, видно, заканчивая последние дневные обязанности, и затем я уже ничего не смогла услышать. На всякий случай я подождала еще полчаса, пролетевшие незаметно, и попыталась с усилием встать, на этот раз разбив всю задачу на маленькие этапы. Самым трудным делом было встать на ноги из сидячего положения, но мне это удалось. Потом я подошла к двери и обнаружила, что она не заперта. Я приоткрыла ее чуть-чуть, прислушиваясь. В коридоре не было ни звука, ни какого-нибудь движения, поэтому я широко раскрыла дверь и отправилась исследовать все, что могла, в этом доме. Двери всех комнат были закрыты. Прикладывая к ним плотно ухо, я могла расслышать за некоторыми размеренное тяжелое дыхание, но никаких других звуков в безмолвии. Я продолжала путь, свернув несколько раз за угол, пока не увидела перед собой парадную дверь. Я попыталась найти замок, но она не закреплялась ни болтами, ни засовом. Я замерла, прислушиваясь, на несколько мгновений и затем открыла ее и вышла наружу.

Передо мной расстилался сад паркового типа, с резкими от лунного света тенями. Между деревьями справа поблескивала вода, слева стоял дом, похожий на тот, что за моей спиной, в чьих окнах не было ни огонька.

Я недоумевала, что же дальше? Пойманная, как в ловушку, в эту гигантскую тушу и совершенно беспомощная, я могла мало что сделать, но я решила пойти дальше и хотя бы выяснить, что я могу, пока есть возможность. Я подошла к началу ступенек, по которым взбиралась до этого из машины «скорой помощи», и начала осторожно спускаться по ним, держась за балюстраду.

— Мать,— произнес резкий, язвительный голос за моей спиной.— Что вы делаете?

Я обернулась и увидела одну из малышек в белой, освещенной лунным светом спецовке. Она была одна. Я не ответила и шагнула дальше. До этого я могла рыдать в ярости от этого тяжеловесного, неуклюжего тела, но теперь оно научило меня осторожности.

— Вернитесь. Немедленно вернитесь,— сказала мне малышка.

Я не обратила внимания. Она, легко ступая, спустилась за мной и уцепилась за мои одежды.

— Мать,— снова сказала она.— Вы должны вернуться. Вы там простудитесь.

Я собралась сделать еще шаг, но она потянула за одежду, чтобы удержать меня. Я наклонилась вперед, сопротивляясь. Раздался резкий звук рвущейся ткани. Я качнулась и потеряла равновесие. Последнее, что я увидела — это остаток пролета ступенек, летящий мне навстречу...

Когда я открыла глаза, чей-то голос произнес:

— Так-то лучше, но зачем же так капризничать, Мать Орчис. Счастье еще, что не случилось ничего худого. Сделать такую глупость. Мне стыдно за вас — действительно стыдно.

Голова моя раскалывалась, и я с раздражением обнаружила, что вся эта глупость все еще продолжается. Одним словом, я не была в настроении выслушивать град упреков. Я послала ее к черту. На мгновение она выпучила на меня глаза, а потом стала натянуто холодна. Она в молчании прилепила мне слева на лоб корпию и пластырь и удалилась, сдерживая себя.

Мне с неохотой пришлось признать, что она была совершенно права. Что вообще намеревалась я сделать — и что вообще могла я сделать, обремененная этой жуткой массой плоти? Огромная волна отвращения к ней и чувство беспомощного страха снова довели меня до слез. Я тосковала по моему собственному чудесному, стройному телу, которое мне так нравилось и делало то, что я его просила. Я вспомнила, как Дональд однажды указал мне на молодое деревце, раскачивавшееся на ветру, и представил его мне, как моего близнеца. И всего через пару дней...

Тут внезапно я сделала открытие, от которого я снова попыталась сесть. Пустота в моем мозгу заполнилась до конца. Я смогла вспомнить все... От усилий у меня все зазвенело, поэтому я расслабилась и откинулась на подушки, перебирая в памяти все до того момента, когда у меня из руки вытащили иголку и протерли кожу...

Но что случилось после того? Я ожидала галлюцинации и сны... но не такое ясное, до мельчайших деталей, последовательное ощущение действительности... не это состояние, которое, как кошмар, стало всеобъемлющим.

Что же, что, Господи, что со мной сделали?

Я, должно быть, снова заснула, потому что когда я открыла глаза, за окнами было светло, и стайка малышек забралась ко мне помочь с туалетом.

Они проворно расстелили простыни и перекатывали меня то так, то этак при помощи искусной технологии для умывания. Я терпеливо вынесла их усердие, ощущала себя свежее и с радостью обнаружила, что головная боль постепенно исчезла. Когда мы почти уже подошли к концу омовения, раздался властный стук в дверь и, не ожидая разрешения, вошли две фигуры, одетые в черную униформу с серебряными пуговицами. Они были типа амазонок, высокие, ширококостные, крепко сложенные и симпатичные. Малышки побросали все и забились, повизгивая от испуга, в дальний угол комнаты, где сбились в кучку.

Те две отдали мне знакомый уже салют. Со странной смесью решимости и почтительности одна из них спросила:

— Вы Орчис — Мать Орчис?

— Так они меня здесь зовут,— допустила я.

Девушка заколебалась, затем, скорее умоляюще, чем приказывая, сказала:

— У меня приказ на ваш арест, Мать. Пожалуйста, следуйте за нами.

Малышки в углу разразились взволнованными, недоверчивыми возгласами. Девушка в униформе успокоила их одним взглядом.

— Оденьте Мать и приготовьте ее к поездке,— скомандовала она.

Малышки нерешительно вышли из своего угла, направляя в сторону пришедших нервные примирительные улыбки. Вторая резко, хотя и не зло, сказала им:

— Идите же, поторапливайтесь!

Меня уже почти запеленали в розовые одежды, когда в комнату вошла доктор. Она нахмурилась при виде тех двух в униформе.

— Что здесь такое? Что вы здесь делаете?— спросила она.

Главная из них объяснила.

— Арестовать?!— воскликнула доктор.— Арестовать Мать! В жизни не слышала такого вздора! В чем обвинение?

Девушка в униформе, слегка смутившись, ответила.

— Она обвиняется в Реакционизме.

Тут доктор просто уставилась на нее.

— Мать-реакционистка! Что ваши люди придумают следующим? А ну, убирайтесь-ка обе.

Молодая женщина запротестовала.

— У нас приказ, доктор.

— Вздор. На это нет права. Слышали вы когда-нибудь, чтобы арестовывали Мать?

— Нет, доктор.

— Не хотите же вы устроить такой прецедент сейчас. Идите же.

Девушка в униформе, расстроенная, заколебалась, но тут ей в голову пришла идея.

— Если бы вы дали мне подписанный вами отказ сдать Мать..?— предложила она с надеждой.

Когда обе отбыли, вполне удовлетворенные своим листком бумаги, доктор мрачно посмотрела на малышек.

— Не можете удержаться и не насплетничать, а, слуги? Все, что вам случается услышать, проходит через вас, как огонь по кукурузному полю, и сеет неприятности повсюду. Ну так вот, если я услышу хоть что-нибудь, я буду знать, откуда ветер дует — Она повернулась ко мне. — А вы, Мать Орчис, на будущее огра

ничьте свой лексикон до «да» и «нет» в присутствии этих болтливых маленьких вредителей. Вскоре я вас вновь увижу. Нам хотелось бы задать вам несколько вопросов,— добавила она и вышла, оставив за собой подавленную прилежную тишину.

Она вернулась, как только был увезен мой поднос, на котором был до этого мой достойный Гаргантюа завтрак, и вернулась не одна. Четыре сопровождающие ее женщины выглядели так же нормально, как и она, а за ними следовало несколько малышек, волочивших стулья, которые они и расставили около моего ложа. Когда они удалились, пять женщин, все в белых спецовках, сели и уставились на меня, как на диковинку. Одна казалась где-то около того же возраста, что и доктор, две — около 50 лет, а одна — под 60 или больше.

— Ну, Мать Орчис,— сказала доктор таким тоном, будто открывала собрание.— Теперь нам ясно, что здесь имело место что-то в высшей степени необычное. И, естественно, мы заинтересованы выяснить только — что, и, если возможно, почему. Тебе не надо беспокоиться об этих полицейских сегодня утром, с их стороны было неуместно вообще приходить сюда. Это просто расследование — чтобы установить, что же произошло.

— Я хочу этого не меньше вашего, — был мой ответ.

Я посмотрела на них, на комнату вокруг меня и под конец на распростертые внизу массивные формы.— Я сознаю, что все это должно быть галлюцинациями, но что больше всего меня беспокоит это то, что я всегда считала, что в любой галлюцинации должно недоставать по крайней мере одного измерения — должна отсутствовать реальность каких нибудь ощущений. Но это не так. Все мои чувства в порядке, и я могу их использовать. Все вещественно я заключена в плоть, которая на ощупь слишком, слишком материальна. Единственный поразительный недостаток, который я до сих пор наблюдала — это причина, даже чисто символическая причина.

Четверо других женщин уставились на меня в изумлении. Доктор взглянула на них с видом. ну теперь-то вы мне поверите. Потом снова повернулась ко мне.

— Мы начнем с нескольких вопросов,— сказала она.

— Прежде, чем вы начнете,— вставила я,— мне надо кое-что добавить к тому, что я сообщила вам прошлым вечером. Я снова его вспомнила

— Наверное, удар при падении,— предположила она, взглянув на пластырь.— Что ты пыталась сделать?

Я проигнорировала вопрос.

— Я думаю, мне лучше рассказать вам остальное — что могло бы, по крайней мере, немного помочь.

— Что же,— согласилась она,— ты рассказала мне, что была замужем, но твой муж вскоре после свадьбы погиб,— она бросила взгляд на других, на их лицах было написано непроницаемое равнодушие.— После этого шла та часть, которой недоставало,— добавила доктор.

— Да,— сказала я,— мой муж был летчиком-испытателем. И то, что произошло с ним, случилось после свадьбы через 6 месяцев — всего за месяц до того, как истекал срок его контракта. После его гибели тетя увезла меня на несколько недель. Не думаю, что я когда-нибудь..вообще, что-то смогу вспомнить из того времени. Я...я...вообще тогда ничего не в состоянии была воспринимать.

Но помню, как однажды, проснувшись утром, я ясно себе представила, что так жить больше нельзя. Я осознала, что мне необходимо чем-то занять себя, скорее всего работой. Доктор Хеллиер, заведовавший больницей во Врейгестуле, где я работала до свадьбы, сообщил, что рад был бы снова меня там увидеть. Так что я вернулась и усердно работала, чтобы не оставалось много времени на размышления. Это было где-то восемь месяцев назад.

Однажды доктор Хеллиер рассказал о медикаменте, который удалось синтезировать его другу. Не думаю, чтобы он в действительности просил найти добровольцев для проведения опыта, но из того, что он сказал, выходило, что медикамент обладает необычными и эффективными свойствами. Я предложила себя для испытаний. Мне было все равно, случится со мной что-нибудь или нет, так как меня ничто ни с кем не связывало.

Та доктор, что говорила со мной, прервала меня вопросом:

— Что это был за медикамент?

— Он называется чайнжуатин,— ответила я.— Вы его знаете?

— Да, я слышала название. Что же это такое?

— Наркотик,— ответила я.— В естественном виде он содержится в листьях дерева, растущего главным образом на юге Венесуэлы. Его открыло одно из индейских племен, обитающих там, как, в свою очередь, другие открыли хинин. И почти так же они его используют в оргиях. Некоторые жуют эти листья, впадая в транс, подобно зомби, от одной порции в 6 унций. Состояние транса длится 3-4 дня, в течение которых принявшие наркотик совершенно беспомощны, как дети, и не в состоянии ничего делать, поэтому присматривать за ними и охранять их поручают другим членам племени.

По поверьям этого племени, охранять впавших в транс необходимо, так как чайнжуатин высвобождает душу из тела, давая ей свободно блуждать повсюду в пространстве и времени, и самой важной работой охраняющего является присмотр за тем, чтобы никакая другая блуждающая душа не проскользнула в тело, пока истинный владелец в отлучке. Когда испытавшие транс приходят в себя, то утверждают, что пережили что-то волшебно-мистическое. Никаких неблагоприятных для здоровья эффектов чайнжуатин, кажется, не оказывает и не становится болезненно необходимым раз принявшему его как наркотик.

О своих же мистических переживаниях принявшие чайнжуатин рассказывают, что они очень сильны и хорошо запоминаются.

Друг доктора Хеллиера испытывал синтезированный чайнжуатин на лабораторных животных, отрабатывая толерантную дозу или что-то в этом роде, но он не мог узнать, насколько достоверны рассказы о мистических переживаниях. Безусловно, они были результатом воздействия наркотика на нервную систему, но какое же состояние он вызывал: экстаз, страх, трепет, ужас или еще что-то из десятка других состояний. Без «подопытного кролика», обладающего мозгом, как человеческий, узнать что-либо было невозможно.

Так вот на что я себя предложила.

Я, замолчав, посмотрела на серьезные, озадаченные лица, обращенные ко мне и на море розового сатина подо мной.

— А на самом деле,— добавила я,— как оказалось, эти наркотические переживания были каким-то сочетанием абсурда, непостижимости и гротеска.

Но их, этих женщин, не так-то легко было сбить с толку, слишком уж они были добросовестны. Им надо было разоблачить ненормальность во что бы то ни стало.

— Понятно,— произнесла главная из них, скорее пытаясь сохранить умный вид, чем сказать что-нибудь. Она заглянула в бумажку, на которой время от времени делала пометки.

— А теперь ты можешь назвать время и дату, когда состоялся эксперимент?

Я могла и сделала это. Потом последовали один вопрос за другим.. Что меня меньше всего устраивало, так это то, что от моих ответов в них росла неуверенность в себе, по мере того, как они их получали, но стоило мне задать им вопрос, они его или не замечали, или отвечали на него небрежно, как на не имеющий к разговору отношения.

Все это продолжалось непрерывно, пока не пришлось прерваться из-за моей очередной кормежки. Они ушли, оставив меня в покое.

У меня была слабая надежда, что они вернутся, но когда этого не произошло, я задремала и очнулась от очередного нашествия малышек. Они тащили с собой вагонетку и вскоре катили меня вон из здания тем же путем, что и по приезде. На сей раз мы проехали по наклонной плоскости, в низу которой ожидала все та же или, быть может, другая «скорая помощь». Когда меня благополучно в нее погрузили, трое из малышек забрались внутрь, чтобы составить мне компанию. Но что было невыносимым, так это их безостановочная болтовня на протяжении всего полуторачасового путешествия.

Местность немного отличалась от той, что я уже видела, но за воротами были все те же аккуратные поля и похожие одна на другую фермы. Случайных построек было немного, все они были тесно расположенными строениями одного типа.

Мы продолжали ехать по такой же неудобной дороге. На полях — кое-где группы амазонок, занятых работой, и еще реже — отдельные фигуры. Все уличное движение состояло из редких грузовиков, больших и маленьких, да случайных автобусов, но без единой частной машины. «Моя иллюзия,— отметила я,— удивительно обстоятельна в деталях». Ни одна из амазонок, к примеру, не забывала поднять правую руку в дружественном уважительном приветствии розовой машине.

Один раз мы проехали выемку железнодорожного пути. Сперва, взглянув с моста вниз, я подумала, что это высушенное дно канавы, но потом заметила среди травы и сорняков следы рельсов. Большинство деталей уже развалилось, но вполне еще можно было различить семафор.

Мы проехали через скопление одинаковых строений, по размерам напоминавших город, но это было единственным сходством. В 2-х или 3-х километрах от него мы очутились в чем-то вроде парка, миновав украшенные орнаментом ворота.

С одной стороны, парк напоминал чем-то имение, что мы покинули, так как все здесь было тщательно ухожено: бархатистые газоны, пестревшие весенними ярко-красными клумбами, но строения существенно отличались от прежних. Это были не блочные дома, а в большинстве своем довольно маленькие, разные по стилю домики, некоторые всего в одну комнату. У моих маленьких спутников это место вызвало подавленное настроение, впервые они перестали тараторить и глазели по сторонам с явным благоговением.

Один раз водитель остановила машину, чтобы узнать дорогу у шедшей не спеша с корытом на плече амазонки в спецовке. Она указала дорогу, одарив меня веселой, уважительной улыбкой через окошко, и через некоторое время мы подъехали к опрятному маленькому двухэтажному домику.

На этот раз вагонетки не оказалось. Малышки с помощью водителя, суетясь, помогли мне выбраться из машины и, служа мне своеобразной опорой, поддерживая, ввели в дом.

С трудом удерживая, довели меня до двери, находившейся слева, и я очутилась в прелестной комнате, со вкусом обставленной и украшенной в том же стиле, что и дом. В кресле около камина сидела седовласая женщина в платье из пурпурного шелка. Лицо и руки ее говорили о достаточно почтенном возрасте, но взгляд, которым она посмотрела на меня, был проницательным и живым.

— Добро пожаловать, дорогая моя,— произнесла она голосом, в котором не было и следа старческой дрожи.

Она перевела взгляд на стул. Потом снова на меня и задумалась.

— Я полагаю, на тахте вам будет удобнее,— предложила она.

Я оглядела тахту: да, это был настоящий георгианский стиль, подумала я с сомнением.

— А она выдержит?— поинтересовалась я.

— О, я думаю, что да,— сказала она, но тоже с сомнением.

Моя свита осторожно уложила меня и встала рядом с озабоченными лицами. Когда стало ясно, что тахта, хоть и скрипнув, выдержала мой вес, пожилая леди прогнала их вон и позвонила в маленький серебряный колокольчик. Вошла миниатюрная девушка, настоящая горничная ростом в метр.

— Пожалуйста, херес, Милдред,— приказала пожилая леди.— Вы ведь пьете херес, моя дорогая?— обратилась она ко мне.

— Да-да... да, спасибо,— слабо ответила я. После паузы прибавила: — Прошу прощения, миссис... мисс..?

— Ох, мне следовало сразу представиться. Меня зовут Лаура, не мисс и не миссис, а просто Лаура. Вы, я знаю, Орчис. Мать Орчис.

— Так они говорят,— с отвращением призналась я.

Некоторое время мы изучали друг друга. Впервые с начала галлюцинации я увидела в чьих-то глазах сочувствие, даже жалость. Я снова огляделась, отметив про себя совершенство обстановки.

— Это же... Я ведь не сошла с ума?— спросила я.

Она медленно покачала головой, но не успела ответить, так как вернулась миниатюрная горничная, неся на стеклянном подносе графин граненого стекла и бокалы. Пока та наливала нам, я заметила, что пожилая леди, как бы сравнивая, переводит взгляд с нее на меня и обратно. На ее лице было любопытное необъяснимое выражение. Но я сохраняла спокойствие, внимательно наблюдая за горничной, разливающей вино по стаканам.

— Разве это не мадера?— спросила я.

Она удивилась, а потом, улыбнувшись, кивнула с уважением.

— Думаю, вы в одном предложении заключили весь смысл своего визита,— сказала она.

Горничная ушла, и мы подняли наши бокалы. Пожилая леди отпила глоток и поставила свой на особый столик рядом с собой.

— Однако,— продолжила она,— давайте-ка побеседуем. Вам сказали, почему вас послали ко мне, моя дорогая?

— Нет,— покачала я головой.

— Потому что я историк,— ответила она мне.— Доступ к истории — это привилегия. В наши дни он предоставляется немногим — и даже тогда с неохотой. Но, к счастью, до сих пор существует мнение, что ни одна из отраслей знания не должна исчезнуть, хотя некоторые из них и преследуются по определенным политическим целям.— Она неодобрительно улыбнулась и затем продолжила.— Потому что, когда требуется что-либо утвердить, нужна консультация специалиста. Вам сказали что-нибудь насчет вашего диагноза?

Я снова отрицательно покачала головой.

— Я думала иначе. Ох, уж эти профессионалы! Ну, я расскажу вам, что мне было сказано по телефону из Дома Матери, так будет легче прояснить ситуацию. Мне сообщили, что вас опросили несколько врачей, которых вы заинтересовали, озадачили и, боюсь, основательно расстроили, бедняжек. Ни у одной из них не было даже минимального поверхностного знания истории. А еще короче: две из них придерживаются мнения, что вы страдаете галлюцинациями на почве шизофрении, а три остальных склонны считать ваш случай подлинным переселением душ. Такое бывает чрезвычайно редко. Существует не более трех достоверных задокументированных случаев и один спорный, как они мне сказали. Но из тех, что признаны, два связаны с медикаментом чайнжуатин, а один с очень схожим с ним препаратом.

Таким образом, три из них нашли, что ваши ответы в основном последовательны, и почувствовали, что подробности в них достоверны. Это значит, что ничего из вами сказанного не противоречило тому, что они знали. Но так как за пределами своей профессии они мало что знают, они решили, что тут есть много другого, во что трудно и невозможно поверить. Поэтому попросили сделать это меня, имеющую для этого средства.

Она замолчала и задумчиво оглядела меня.

— Я также думаю,— добавила она,— что за всю мою довольно долгую жизнь это будет самое интересное, что со мной случалось. Ваш бокал пуст, моя дорогая.

— Переселение душ,— недоуменно повторила я, протягивая бокал.— Но, если бы это было возможно.

— О, в этом нет сомнения. Те упомянутые мной три случая совершенно достоверные.

— Может быть и так... почти,— допустила я.— По крайней мере, с одной стороны да, но с другой — нет. Ведь есть приметы ночного кошмара. Вы кажетесь мне совершенно нормальной, но взгляните на меня — и на вашу крохотную горничную! Это же несомненно часть галлюцинаций. Мне кажется, что я здесь говорю с вами, но в действительности этого не может быть, тогда где же я?

— Думаю, что я больше, чем кто-нибудь другой могу понять, каким далеким от реальности должно казаться это вам. Я сама провела за книгами так много лет, что иногда оно и мне кажется ненастоящим, будто я живу не совсем здесь. А теперь скажите мне, дорогая, когда вы родились?

Я сказала ей. С минуту она размышляла.

— Хм!— Произнесла она,— Георг VI — но вы же не помните второй большой войны?

— Нет,— подтвердила я.

— Но вы, может быть, помните коронацию следующего монарха? Кто он был?

— Елизавета... Елизавета Вторая. Моя мама водила меня посмотреть шествие,— сообщила я ей.

— Вы что-нибудь помните?

— Не так уж много, только то, что шел дождь, почти целый день,— призналась я.

Некоторое время мы продолжали в том же духе, потом она успокоенно улыбнулась.

— Ну, я думаю, этого достаточно, чтобы обосновать свое мнение. До этого я уже слышала о коронации, из вторых рук. Должно быть, была замечательная сцена, в аббатстве,— она задумалась на мгновение и вздрогнула слегка.— Вы были так терпеливы со мной, моя дорогая, если вы вернетесь, это будет только справедливо, но, боюсь, вам придется приготовить себя к нескольким потрясениям.

— Думаю, что уже приучила себя к этому за последние 36 часов — или то, что кажется 36-ю часами,— сказала я ей.

— Сомневаюсь,— ответила леди, серьезно глядя на меня.

— Объясните,— попросила я,— пожалуйста, объясните, если можете.

— Ваш бокал, моя дорогая. Потом я вам расскажу, в чем суть дела.

Налив нам обеим, она спросила:

— Какая черта произошедшего вас больше всего поразила до сих пор?

Я подумала:

— Так много всего...

— Не то ли, что вы не видели ни единого мужчины?— подсказала она.

Я мысленно вернулась назад. Вспомнила недоуменную интонацию в голосе одной из Матерей, спросившей: «Что такое мужчина?»

— Да, конечно, это одна из них,— согласилась я.— А где они?

Она покачала головой, в упор глядя на меня.

— Их больше нет, моя дорогая. Совсем нет. Ни единого.

Я уставилась на нее, ничего не понимая. Выражение ее лица было совершенно серьезным и сочувственным. Ни следа хитрости или коварства, в то время как я содрогнулась от подобной мысли. Под конец я выдавила:

— Но... но это невероятно! Должны же быть хоть где-нибудь?.. Не могли же вы... то есть, каким образом? То есть,— я запуталась в выражениях и смолкла.

Леди покачала головой.

— Я знаю, что это должно казаться тебе невероятным, Джейн. Можно, я буду звать тебя Джейн? Но это так. Я теперь старуха, мне почти 80, и за всю свою долгую жизнь я никогда не видела мужчины, кроме как на старинных картинах и на фотографиях. Допей херес, моя дорогая. Тебе станет лучше.— Она помолчала.— Боюсь, что это огорчает тебя.

Я подчинилась, слишком изумленная в тот момент, чтобы возразить, но протестуя внутренне. Вместе с тем я не могла не верить, потому что действительно не видела ни единого мужчины до сих пор, даже намека на его присутствие. Леди тихо заговорила, давая мне время собраться с мыслями:

— В некоторой степени я могу понять, что ты чувствуешь. Всю мою историю я изучала не только по книгам. Когда я была девочкой, лет 16 или 17, я частенько слушала мою бабушку. Она была такой же старой, как и я теперь, но память о ее молодости была в

ней сильна. Я даже почти видела те места, о которых она рассказывала, но они были частью настолько чуждого мне мира, что я с трудом представляла, что она чувствовала. Когда она говорила о молодом человеке, с которым была помолвлена, из ее глаз катились слезы — не только по нему, конечно, но по всему тому миру, который она знала девушкой. Мне было жаль ее, хотя на самом деле я не могла понять, что она чувствовала. Да и как я могла? Но теперь я, постарев и прочитав много книг, лучше понимаю ее чувства.— Она с любопытством поглядела на меня.

— А вы, моя дорогая. Вы, наверное, тоже были помолвлены, чтобы выйти замуж?

— Я была замужем, немножко,— сказала я ей.

Несколько минут она размышляла.

— Должно быть очень странное ощущение иметь над собой хозяина,— задумчиво заметила она.

— Хозяина?— изумленно воскликнула я.

— Быть управляемой мужем,— пояснила она сочувственно.

Я уставилась на нее.

— Но.. все не так было...— но я смолкла, потому что еще немного и расплакалась бы. Чтобы отвлечься, я спросила:

— Но что случилось? Что вообще случилось с мужчинами?

— Все умерли,— сообщила мне леди,— заболели. И никто не мог сделать ничего, вот они и умерли. Меньше чем через год уже никого не осталось, кроме очень немногих.

— Но ведь тогда, тогда бы все разрушилось?

— О, да. И очень сильно. Настали плохие времена. Жуткое количество умерло от голода. Наиболее пострадали промышленные районы. В наиболее отсталых странах и сельских районах женщины смогли заняться земледелием и пахать, чтобы выжить самим и их детям, но почти вся огромная цивилизация полностью развалилась. Вскоре исчез транспорт: бензин кончился, а уголь уже не добывали. Состояние дел было ужасное, потому что, хотя и было очень много женщин и по числу они превосходили мужчин, все, чем они в основном занимались до этого, было потребление и трата денег. Вот почему, когда пришел кризис, едва ли одна из них знала, как делать все самой, потому что почти всеми ими владели мужчины, и им приходилось вести жизнь домашних животных и паразитов.

Я хотела было возразить, но ее тонкая ручка предостерегающе взметнулась вверх.

— Это не их вина — не совсем,— пояснила она.— Катастрофа застигла их на полпути, все как будто сговорилось мешать их освобождению. А процесс его был очень долог, уходя корнями еще в 19-е столетие, в Южную Францию. Там, в виде элегантной и развлекательной моды праздных слоев общества и берет свое начало романтическая концепция. Постепенно, со временем, она проникла почти во все слои общества, но только в последней четверти 19 столетия по-настоящему разумно были оценены ее коммерческие возможности, и только в 20-м их стали использовать.

В начале 20-го столетия женщине впервые предоставили шанс вести собственную полезную, творческую интересную жизнь. Но это не устраивало коммерцию: ей больше подходили женщины в виде массового потребителя, чем производителя, за исключением самого что ни есть бытового уровня. Таким образом, появилась и совершенствовалась Романтика, как оружие против дальнейшего развития женщин, чтобы обеспечить бесперебойное потребление, и его усердно использовали.

Женщине ни на мгновение не дозволялось забыть свой пол и на равных конкурировать с мужчиной. Все должно было иметь «женскую точку зрения», отличную от «мужской», о которой кричали, не прекращая, на каждом углу. Конечно, если бы заводовладельцы открыто объявили лозунг: «Назад на кухню» — это не принесло бы им популярности, но ведь были и другие способы. Была приобретена безличная профессия, названная «домохозяйка». Кухню возвеличивали и делали все более дорогой, заставляли мечтать об этой кухне и давали понять, что достичь ее можно только через замужество. В это вмешивалась пресса, по сотне тысяч экземпляров еженедельно, непрестанно и настойчиво, журналы, сосредоточивающие внимание женщин на необходимости продать себя какому-нибудь мужчине, чтобы получить маленькую неэкономичную единицу жилья, на которую можно было бы изводить деньги.

Романтическую атрибутику усвоили целые отрасли торговли, романтический ореол все заметнее и заметнее пробивался в рекламе. Романтика находила себе место во всем, что могла бы купить женщина, от нижнего белья до мотоциклов, от «здоровой» пищи до кухонных плит, от дезодорантов до заграничных путешествий, пока вскоре это не начало их смущать, а не развлекать.

Повсюду раздавались бесполезные жалобы. Бессвязно бормоча перед микрофонами, женщины существуют только потому, чтобы «подчиняться» и «отдавать себя», обожать и быть обожаемыми. Больше всего этой пропаганды нес кинематограф, убеждая свою основную и важную часть аудитории, состоявшую из женщин, что ничто в жизни не может быть лучше, чем беспомощно лежать в сильных руках рыцаря с увлажнившимися от страсти глазами. Давление выросло до такой степени, что большинство молодых женщин все свое свободное время проводили в романтических мечтах и средствах их достижения. Их довели до состояния искренней веры в то, что принадлежать мужчине и обосноваться в собственной крошечной кирпичной коробке, чтобы пощупать то, что предлагают заводовладельцы, и есть высшая форма блаженства, которую может дать жизнь.

— Но,— снова хотела я возразить. Но пожилая леди уже завелась и ничего не замечала вокруг.

— Все это, конечно, не могло сдержать извращенности общества. Процент разводов увеличился. Настоящая жизнь не могла и близко подойти к той степени романтического ореола, которым она была окружена в воображении каждой девушки. В общей сумме разочарования, неудовлетворенности и утраченных иллюзий среди женщин стало больше, чем когда-либо раньше.

Что же оставалось делать любой сознательной идеалистке с ее смешными и вычурными идеалами, почерпнутыми из бесконечной рекламной шумихи, как не решиться на разрыв необдуманного брака и пуститься на поиски идеала, по праву, по ее понятию, ей принадлежащего?

Это жуткое положение дел родилось из умышленно подогреваемой неудовлетворенности, что-то вроде мышиной возни с соблазнительно сияющим где-то в недосягаемой высоте романтическим идеалом. Наверное для нескольких исключений он действительно осуществился, но для других это оставалось жестоким бессердечным романом, на который они бесполезно растрачивали себя и свои деньги.

На сей раз мне удалось вмешаться.

— Но это было не так. Кое-что из сказанного вами, может быть, и правда, но остальное — искусственно надуманное. Все шло не так, как вы утверждаете. Я там жила. Я знаю.

Она осуждающе покачала головой.

— Вы были слишком тесно связаны с вашим временем, чтобы сделать правильную оценку. Нам же с расстояния видно лучше. Мы воспринимаем его так, как оно и было — жуткой, бессердечной эксплуатацией слабовольного большинства. Некоторые образованные и решительные женщины смогли устоять против него, но какой ценой! Выдерживать натиск большинства всегда обходится недешево — и даже тогда им не всегда удавалось избежать чувства, что они ошибаются и что участникам мышиной возни жить интереснее.

Вот так великие надежды женщин на эмансипацию, с которых начался 20 век, были вытеснены на второй план. Покупательная способность была предоставлена малообразованной и легкоубеждаемой части общества. Жажда Романа — в основном эгоистическое желание, а когда ему дают волю превозобладать над всеми остальными — оно разрушает любой женский коллектив. Женщина была отделена, таким образом, и в то же время вовлечена в состязание со всеми другими женщинами, что делало ее совершенно беспомощной; она становилась добычей всеобщего внушения. Если ей представляли, будто отсутствие определенных товаров или услуг нанесет непоправимый ущерб Роману, она начинала беспокоиться, что делало возможным эксплуатировать ее сверх меры. Она могла верить только в то, что ей говорили, и большую часть времени проводила в хлопотах, все ли она правильно делает, чтобы приблизить Роман. Таким образом, эксплуатация ее повышалась, по-новому и утонченнее, а она более теряла независимость, активность и способность к творчеству, чем когда-либо.

— Ну, знаете,— сказала я.— Такой до смешного неузнаваемой истории моего мира мне еще не приходилось слышать. Будто кто-то что-то списал, а все пропорции спутал. Что насчет творчества — да, наверное, семьи стали меньше, но женщины все еще продолжали рожать детей. Насилие все так же росло.

Взгляд пожилой леди задержался на мне.

— Вы, несомненно, дитя своего века в каком-то смысле,— заключила она.— Почему вы считаете, что в рождении детей есть что-то творческое? Разве в почве есть что-то от творчества, потому что в нем прорастают семена? Это механическое действие и, как все они, в основном, так же легко воспроизводится менее разумными существами. А вот воспитать ребенка, выучить его, помочь стать личностью — это творчество. Но, к несчастью, в то время, о котором мы говорим, женщины были, в основном, поставлены в такие условия, что могли воспитать из своих дочерей только себе подобных — невежественных потребительниц.

— Но,— сказала я беспомощно,— я знаю это время. Это моя эпоха. А у вас все искажено.— Но это ее не впечатлило.

— Историческая перспектива всегда правдивее,— снова заявила она и продолжила.— Но если тому, что произошло, было суждено произойти, то время было самое подходящее. Случись это на сто или пятьдесят лет раньше, это скорее всего означало бы вымирание. 50-ю годами позже вполне могло бы быть поздно, потому что катастрофа произошла бы в мире, где все женщины выгодно бы ограничились домашней жизнью и потребительством. Но наудачу в середине века некоторые женщины продолжали

получать различные профессии и в огромном числе их можно было найти в рядах медицины — где только, кстати, они и были многочисленны и опытны, а это ведь та профессия, которая жизненно необходима для выживания. Я почти не разбираюсь в медицине, поэтому не могу подробно рассказать, что было предпринято. Все, что я могу вам сказать — это то, что начались интенсивные исследования, которые скорее будут понятны вам, чем мне. Биологический вид, даже наш вид, обладает огромной волей к выживанию, и врачи увидели, что и у нее есть средства самовыражения. Несмотря на всеобщий голод, хаос и другие лишения, дети каким-то образом продолжали появляться на свет. Да так и должно было быть. Восстановление могло и подождать. На повестке дня стояло новое поколение, которое смогло бы помочь восстанавливать и потом наследовать восстановленное. Поэтому продолжали рожать: девочки выживали, мальчики умирали. Это было ужасно, да и бесполезно, поэтому вскоре стали рожать только девочек — опять же, средства достижения этого скорее поймете вы, чем я.

Как мне сказали, это не так уж здорово, как кажется на первый взгляд. Саранча, кажется, при отсутствии мужских особей будет продолжать производить женские особи, так же в одиночестве может размножаться и тля, но на 8 поколений, вряд ли больше. Так неужели мы с помощью знаний и исследовательских возможностей не можем превзойти в этой области саранчу или тлю?

Она замолчала, насмешливо ожидая отклика с моей стороны. Наверное, она надеялась, что я буду недоверчиво изумлена и даже потрясена. Если так, то я ее разочаровала: технические достижения перестали вызывать простодушное удивление с тех пор, как физики-атомщики продемонстрировали, что перед хорошей мозговой атакой любое препятствие — ничто. Но не следует думать, что возможно почти все: совершенно разные вещи — желаемое и нужное, и это было единственное, что казалось мне уместным ответить ей.

Я спросила:

— И чего же вы достигли?

— Выживания,— просто ответила она.

— Фактически, да,— согласилась я,— достигли. Но если оно стоило всего остального, если во имя существования в жертву были принесены любовь, искусство, поэзия, наслаждение и физическое удовольствие, что осталось, кроме бездушных отбросов? В чем остался смысл для выживания?

— Насчет смысла не знаю, если не считать, что это желание, общее для всех видов. Уверена, что не лучше понимали эту причину и в 20-м веке. Но остальное, почему вы считаете, что оно исчезло? Разве Сафо не писала стихи? Ваше утверждение, что наличие души зависит от двуполой системы, удивляет меня: так часто утверждалось, что оба пола пребывают в своего рода конфликте, ведь так?

— Как историк, изучавший мужчин, женщин и их побуждения, вы могли бы лучше понять, что я имела в виду!— сказала я ей.

Она осуждающе покачала головой.

— Вы настолько являетесь продуктом своей эпохи, моя дорогая Вам внушали на всех уровнях, начиная с работ Фрейда и кончая пустячным женским журнальчиком что возвышенный до романтической любви секс движет миром а вы им верили Но мир продолжает двигаться и для других для насекомых, для

птиц и рыб, животных. Как вы думаете, много знают они о романтической любви, пусть даже за короткие сезоны спаривания? Вас ввели в заблуждение, моя дорогая. Договорившись между собой, они направили ваши интересы и тщеславие по тому пути, который наиболее подходил социально, был выгоден и почти безвреден.

Я покачала головой.

— Я этому просто не верю. Ода, кое-что о моем мире вы знаете — со стороны. Но вы не понимаете его, не чувствуете.

— Это вы так считаете, моя дорогая,— спокойно ответила она. Ее повторяющееся утверждение разозлило меня. Я спросила:

— Предположим, я вам верю, что же тогда заставляет мир вертеться?

— Это же просто, моя дорогая. Это воля к власти. В нас это заложено еще с детства, сохраняется это и в старости. Она есть равно и в мужчинах, и в женщинах. Это основа сильнее и желаннее, чем секс. Говорю вам, вас ввели в заблуждение — эксплуатировали, подавляли во имя экономического удобства. После того, как разразилась болезнь, женщины впервые в истории перестали быть эксплуатируемыми. Как только правители-мужчины перестали путать и отвлекать их, они начали понимать, что вся истинная власть принадлежит женскому началу. Самец служит только одной краткой цели, а остальную часть своей жизни он оставался болезненным и дорогостоящим паразитом.

Осознав свою власть, ее захватили врачи. Через 20 лет весь контроль был в их руках. С ними было несколько женщин из инженеров, архитекторов, юристов, администраторов, несколько учителей и так далее, но только врачи держали в руках нити жизни и смерти. Будущее зависело от них, и по ходу того, как все постепенно оживало, они, вместе с другими профессионалами, остались Главенствующим классом и стали известны как Докторат. Он получил власть, он установил законы, он ввел их в действие. Была, конечно, и оппозиция. Ни память о старине, ни 20 лет беззакония так легко не проходят, но перевес был на стороне врачей. Каждая женщина, которая хотела родить, должна была идти к ним. А они уже заботились, чтобы ее должным образом устроили в общине. Постепенно банды разбойниц выродились, и был восстановлен порядок.

Но позднее против Доктората поднялась лучше организованная оппозиция. Эта партия заявила, что болезнь, поразившая мужчин, изжила себя, и что можно и нужно восстановить старый порядок. Они известны под названием Реакционисток и встали значительным препятствием на пути прогресса. У Большинства, в Совете Доктората, еще живы были воспоминания о системе, использовавшей каждую женскую слабость, и она была не более как наивысшей точкой их многовековой эксплуатации. Они помнили, как неохотно допускали их до образования. Теперь же приказы отдавали они: у них не было ни малейшего желания отдавать свою власть и авторитет, а неизбежно, без всякого сомнения и свободу, существу, ни в коей мере не оправдавшему биологически свое назначение. Единодушно они отказались предпринять то, что привело бы к всеобщему самоубийству, а Реакционистки были объявлены вне Закона как подрывная преступная организация.

Но это оказалось только полумерой. Вскоре стало ясно, что, борясь со следствием, они пренебрегли причиной. Докторату пришлось согласиться с мыслью, что общество, которым он правит,

неустойчиво. Общество, способное выжить, но по структуре своей напоминавшее тень от исчезнувшего, так сказать, тела. Дальше существовать в такой усеченной форме оно не могло, а привело бы только к еще большему недовольству. Следовательно, если власть должна была стать крепкой, надо было найти более подходящую систему. В решении этого вопроса были учтены все естественные стремления любой малообразованной или неграмотной женщины, иерархический принцип и предрасположенность почитать искусственные отличия. Вы, без сомнения, вспомните, как, стоило в ваше время мужу какой-нибудь дурочки неожиданно прославиться или приобрести влияние, как все остальные женщины начинали ей завидовать, хотя она продолжала оставаться такой же дурочкой. И что стоило не занятым ничем женщинам собраться и организовать общество, как оно запутывалось в установлении и охране все новых и новых социальных отличий. С этим было связано и то важное значение, которое они придавали безопасности. Были учтены и способность к самопожертвованию и бессознательное рабское подчинение канонам местной общины. Надо сказать, что они — очень послушные существа. Большинство из них были счастливы, придерживаясь всех правил, какими бы странными они ни показались человеку со стороны. Трудности управления ими лежали, главным образом, в установлении наиболее соответствующих правил.

Было ясно, что успех системы зависел от того, насколько полно ее сущность отразит все характерные черты женской натуры. Взаимодействие сил должно было поддержать равновесие в обществе и уважение к властям. А вот детали оказались куда труднее.

В течение нескольких лет были предприняты исследования возможных общественных форм и устройств, но какой бы план ни выдвигался, он отвергался как неподходящий по той или иной причине. Говорят, что окончательно выбранная структура была навеяна, хотя и не знаю, насколько это правда, Библией, тогда еще не запрещенной и причинявшей много беспокойства. Мне рассказывали, что там сказано так: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым». Совет, как оказалось, посчитал это изречение, в слегка измененном виде, вполне подходящим, чтобы привести общество к состоянию, учитывавшему все необходимые характеристики.

За основу взяли четырехплановую систему и постепенно ввели сильные разграничения среди населения. С их установлением была достигнута и стабильность, потому что простор для личного честолюбия ограничивался пределами данного класса, а возможности перейти в другой класс не было. Таким образом, у нас есть Докторат — образованный правящий класс, на 50% состоящий из медицинских работников. Матери — чье название говорит само за себя. Слуги, многочисленные и в определенных психологических целях — маленькие ростом. Рабочие, физически сильные, с развитой мускулатурой для тяжелых работ. Все три нижних класса подчиняются власти Доктората. Оба трудовые класса чтят Матерей. Слуги считают, что их задачи более почетны, чем у Рабочих, Рабочие склонны относиться к Слугам подчеркнуто полупрезрительно, потому что их наказывают.

Как видите, равновесие было достигнуто, и хотя пока еще не все достаточно слаженно, нет сомнения, что скоро все будет в порядке. Например, возможно, что уже давно следовало бы ввести до-

полнительное разделение в классе Слуг, а полиция, как считают некоторые, поставлена в невыгодное положение, так как по образованию ее служители не намного отличаются от обычных Рабочих.

Она продолжала объяснять, вдаваясь во все подробности, в то время как во мне росло сознание чудовищной гнусности этого преступления.

— Муравьи!— внезапно перебила я ее.— Муравейник, так вот что вы взяли за образец!?

Она удивилась как моему тону, так и тому, что ее слова доходили до меня так долго.

— А почему бы и нет?— спросила она.— Несомненно, это одна из самых выносливых общественных структур, когда-либо созданных природой, хотя кое-какие изменения...

— Так вы... вы утверждаете, что иметь детей могут только Матери?— спросила я резко.

— О, члены Доктората тоже, когда захотят,— заверила она меня.

— Но... но...

— Совет устанавливает пропорции,— продолжала она объяснять.— Врачи в клинике осматривают младенцев и распределяют по соответствующим классам. А дальше это уже вопрос наблюдения за их особым питанием, тщательным контролем и правильным обучением

— Но,— бурно возразила я,— ради чего? В чем здесь смысл? Что хорошего в такой жизни?

— Ну, а в чем смысл жизни вообще? Скажите мне,— предложила она.

— Наше назначение в том, чтобы любить и быть любимыми и рожать детей от тех, кого мы любим.

— Опять ваши условности, прославление и воспевание примитивного анимализма. Как вы считаете, мы выше животных?

— Конечно, но...

— Вы говорите — любовь, но что вы знаете о любви между матерью и дочкой, когда их отношения не омрачаются ревностью из-за мужчины? Знаете ли вы чувство чище, чем любовь девушки к ее малюткам сестрам?

— Да ничего вы не понимаете,— снова возразила я.— Как вы можете понять любовь, которая придает прелесть всему миру? Как она поселяется в вашем сердце, постепенно наполняет собой все ваше существо, изменяет все вокруг, к чему бы вы ни прикоснулись, что бы ни услышали... Да, она может больно ранить, я знаю это, слишком хорошо знаю, но она может и подобно солнечному лучу заставить кровь бежать быстрее по жилам... Она может превратить развалины в цветущий сад, лохмотья — в платье королевы, голос — в божественную музыку. В чьих-то глазах вы сможете увидеть целую вселенную. О, вы не понимаете... вы не знаете... не можете... Ох, Дональд, милый мой, как же мне объяснить ей то, о чем она даже никогда и не догадывалась..?

Последовала неуверенная пауза, но вскоре она сказала

— Естественно, что в вашем обществе такая условная реакция была необходима, но вряд ли вы можете ожидать, что мы подчиним нашу свободу и будем потакать нашему вторичному закабалению, вновь вызывая к жизни собственных угнетателей.

— Да вы не хотите понять! Только глупцы среди женщин и мужчин постоянно воевали между собой. Большинство же вза

имно дополняло друг друга. Мы были парами, составляющими целое.

Она улыбнулась.

— Моя дорогая, или вы на удивление дезинформированы о вашей же собственной эпохе, или та глупость, которую вы изрекли, слишком крепко вбита вам в голову пропагандой. Ни как историк, ни как просто женщина не могу я считать оправданным воскрешение такого общества. Примитивная ступень развития уступила место цивилизации. На какое-то время женщина, сосуд жизни, имела несчастье посчитать мужчину необходимым для жизни, но теперь ситуация изменилась. Неужели вы предполагаете, что следует сохранять такое бесполезное и опасное бремя только из чистой сентиментальности? Да, я допускаю, что некоторых удобств мы лишены, вы ведь, думаю, уже заметили, что мы менее изобретательны в механике и, скорее, повторяем те образцы, что достались нам по наследству от мужчин, но это нас мало волнует. Нас, в основном, интересует органика и то, что обладает чувствительностью. Возможно, мужчины смогли бы научить нас передвигаться в два раза быстрее, как летать на Луну, или как убивать побольше людей и побыстрее, но для нас эти вещи не стоят вторичного закабаления. Нет, наш мир нам лучше подходит нам всем, за исключением разве что нескольких Реакционисток. Вы видели наших слуг. Ведут они себя, наверное, несколько застенчиво, но разве они подавлены или грустны? Разве между собой они не щебечут как воробышки, весело и оживленно? А Рабочие — те, кого вы назвали амазонками, — разве они не выглядят сильными, здоровыми, радостными?

— Но вы обкрадываете их всех, крадете у них право, данное им от рождения.

— Не надо лицемерить, моя дорогая. Разве ваша социальная система не лишала женщину ее «права, данного от рождения», если она не была замужем? Вы не только давали ей это понять, но еще и обливали общественным презрением. А у нас Слуги и Рабочие не знают о нем, а физическая разница их не беспокоит. Материнство — функция Матерей и принимается ими как естественная.

Я затрясла головой: «Все равно их обкрадывают. У женщины есть право на любовь...»

На мгновение она вышла из себя, резко оборвав меня:

— Вы продолжаете повторять мне лозунги вашего времени. Любовь, о которой вы говорите, моя дорогая, существовала только в вашем маленьком, надежно защищенном мирке, благодаря вежливому и выгодному соглашению. Едва ли вам когда-нибудь позволили заглянуть в ее лицо, не прикрашенное романтикой. Вас никогда открыто не продавали и не покупали, как живой товар, вам никогда не приходилось предлагать себя первому встречному, чтобы было на что жить, вы не были на месте тех женщин, что на протяжении столетий кричали, бились в агонии и умирали под захватчиками в разграбленных городах — как не кидали вас в пламя, чтобы вы им не достались, никогда не приходилось вам всходить на погребальный костер, чтобы умереть на нем, вы никогда не томились, всю жизнь запертая в гареме, вы никогда не были живым грузом рабовладельческого судна, вы никогда не зависели от одного только удовольствия вашего господина и хозяина..

Такова оборотная сторона — уходящая в глубь времен. Но больше такого не будет. С этим, наконец-то, покончено. Осмели-

тесь ли вы сказать, что мы должны снова воскресить их, снова страдать под их игом?

— Но большинство из того, что вы сказали, уже давно исчезло,— возразила я,— мир становился лучше!

— Неужели?— сказала она.— Интересно, что думали женщины Берлина, когда он был взят? Неужели лучше? Или он стоял на грани нового варварства?

— Но если от зла вы можете избавиться, только выбросив на свалку и хорошее, что останется?

— Очень многое. От мужчины польза была только в одном. Он был нужен для зачатия ребенка. Всю остальную энергию он тратил на разрушение мира. Без него мы стали куда лучше.

— И вы действительно думаете, что усовершенствовали природу,— усмехнулась я.

— Довольно,— сказала она, взбешенная моим тоном,— цивилизация — вот усовершенствование природы. Или вы предпочли бы жить в пещере и видеть, как многие из ваших детей умирают в младенчестве?

— Но есть же нечто... нечто главное...— начала я, но она остановила меня жестом, требуя тишины.

В вечерней тишине, издалека, неслось пение женских голосов. С минуту мы вслушивались в него, пока песня не закончилась.

— Как прекрасно!— сказала пожилая леди,— даже сами ангелы смогли бы разве спеть сладостней? В этом слышится счастье, не правда ли? Наши милые дети — среди них две мои внучки. Они счастливы и у них есть причина быть счастливыми они растут в мире, где им не приходится, чтобы выжить, отдаваться на милость какого-то мужчины, им никогда не придется раболепствовать перед их хозяином и господином, им не придется столкнуться с опасностью быть изнасилованными или убитыми из-за ревности. Прислушайтесь!

Послышалась следующая песня, весело зажурчала к нам из темноты сумерек.

— Почему вы плачете?— спросила меня пожилая леди, когда песня закончилась.

— Я знаю, что это глупо... Я не могу поверить всему, что вижу... поэтому, наверное, я плачу, по всему тому, что вы потеряли, если это правда,— ответила я.— Под этими деревьями могли бы стоять влюбленные, они могли бы слушать эту песню, держась за руки, и любоваться восходящей луной. Но влюбленных теперь не бывает и не будет больше...— Я взглянула на нее.— Слышали ли вы когда-нибудь строки:

> Как много роз невидимо цветет,
> Даря свой сладкий аромат пустыне

Разве вы не чувствуете все одиночество созданного вами мира? Неужели вы действительно не понимаете?— спросила я.

— Я знаю, вы у нас видели очень мало, но неужели вам так и не стало ясно, как это великолепно, когда женщине уже не приходится сражаться с другими за милость мужчины?— ответила она вопросом на вопрос

Мы беседовали, пока сумерки не перешли в ночь и между деревьями не замерцали огоньки других домов. Она была очень начитанна К некоторым периодам истории у нее было даже что то вроде привязанности, но ничто не могло поколебать ее одобрения собственной эпохи. В ней она не замечала никакой сухости

Вечно мои «условности» мешали мне понять, что золотой век женщины, наконец-то, наступил.

— Зачем вы цепляетесь за все эти выдумки,— говорила мне пожилая леди.— Вы рассказываете о полноте жизни, а пример ваш — какая-то несчастная женщина, не расстающаяся со своими цепями даже на загородной вилле. Полнота жизни, чепуха! Но вот для торговцев было удобным, чтобы она так думала. А по-настоящему полноценная жизнь в любом обществе была бы чрезвычайно короткой.

И так далее...

Под конец вновь появилась малютка горничная и доложила, что мои провожатые готовы к отъезду, как только понадобится. Но перед тем, как покинуть пожилую леди, мне хотелось задать ей еще один вопрос.

— Скажите, пожалуйста, как это... как это могло случиться?— спросила я ее.

— Несчастный случай, моя дорогая. Хотя несчастный случай такого рода был исключительно продуктом своего времени. Какие-то исследования, вызвавшие неожиданные вторичные последствия.

— Но как?

— Довольно любопытно, так сказать, мимоходом. Вы когда-нибудь слышали о человеке по фамилии Перриган?

— Перриган?— повторила я.— Не думаю, это нераспространенная фамилия.

— О, он получил позже большую известность,— заверила она меня.— Доктор Перриган был биологом и занимался уничтожением крыс, в частности бурых крыс — вредителей, которые обходятся довольно дорого. Его метод состоял в том, чтобы найти болезнь, которая поражала бы их насмерть. Для этого он взял за основу вирусную инфекцию, обычно губительную для кроликов, или скорее группу вирусов с повышенно избирательным действием и изменчивостью, потому что они легко подвергались мутации. Вирусы были до того разнообразны, что когда инфекцию испытывали на австралийских кроликах, успешной оказалась лишь шестая попытка, все предыдущие вирусы погибали из-за иммунитета, выработанного кроликами. В других странах тоже проводились такие исследования, хотя и с переменным успехом, пока во Франции не вывели вирусную инфекцию, которой переболело все поголовье европейских кроликов.

Взяв за основу несколько таких вирусов, Перриган при помощи излучения и других средств вызвал в них новые мутации и успешно вывел новую разновидность, поражавшую крыс. Однако этого было недостаточно, и он продолжил работу до тех пор пока наследственная избирательность вируса не обрушилась со всей яростью на бурых крыс. Этим он избавил мир от выносливого вредителя, потому что после этого бурые крысы перевелись полностью. Но что-то вышло неладно. До сих пор вопрос открыт — произошла ли новая мутация крысиного вируса или инфекцию вынесли из лаборатории сбежавшие крысы-носители, зараженные в предшествующих опытах, практического значения это уже не имеет. Важно то, что произошла утечка вируса, способного поражать людей, и прежде, чем его обнаружили, он успел широко распространиться, да к тому же проделывал он это с ошеломляющей скоростью, слишком огромной, чтобы сдержать его любыми мерами.

У большинства женщин против новой болезни нашли иммунитет, а из тех 10 процентов, что все-таки заболевали, выздоравливали около 80 процентов. У мужчин же, наоборот, не оказалось никакого иммунитета, выздоравливали единицы, да и то частично. Благодаря тщательным предосторожностям некоторым удалось избежать заражения, но невозможно вечно сидеть взаперти, и под конец вирус, обладавший невероятным растяжимым инкубационным периодом, настигал и их.

Во время рассказа мне в голову пришло несколько существенных вопросов, но вместо ответа пожилая леди покачала головой.

— Боюсь, я не смогу вам помочь. Может быть, врачи согласятся объяснить,— сказала она, но на лице ее было написано сомнение.

Я перевела себя в сидячее положение, скинув ноги с тахты.

— Понятно,— сказала я,— просто несчастный случай... да, думаю, едва ли кто ожидал, что такое может случиться.

— А почему бы...— заметила она,— почему бы не взглянуть на это, как на вмешательство свыше?

— Не пахнет ли это ересью?

— Я имела в виду Смерть Перворожденного,— задумчиво произнесла она.

Я не нашлась, что ответить на это. Тогда я спросила:

— Ответьте мне по совести, неужели у вас никогда не бывает ощущения, что вы живете в каком-то тоскливом кошмаре?

— Никогда,— ответила она.— Кошмаром был ваш мир, но теперь он исчез. Прислушайтесь!

Звучание голосов, усиленное игрою оркестра, плыло к нам из темноты парка. Нет, в них не было тоски, в них слышалось почти что ликование, но как же объяснить им, беднягам..?

Прибыли мои сопровождающие и помогли мне встать с тахты. Я поблагодарила пожилую леди за терпение ко мне и доброту, но она покачала головой.

— Моя дорогая, это я в долгу перед вами. За короткое время я узнала о воспитании женщин в смешанном обществе больше, чем могли бы дать мне все мои книги. Я надеюсь, моя дорогая, что врачи сделают возможным для вас забыть эти ужасы и жить счастливо с нами, здесь.

В дверях я остановилась и обернулась к ней, заботливо поддерживаемая моими сопровождающими.

— Лаура!— впервые назвала я ее по имени.— Так многие из приведенных вами аргументов верны, и все же в целом вы не правы. Ох, как не правы. Неужели вы ничего не читали про истинную любовь? Девушкой не вздыхали по Ромео, который сказал бы: «И здесь есть свет, а ты, Лаура, солнце».

— Не думаю, хотя пьесу читала. Миленькая идеализированная басня. Интересно, скольким будущим Джульеттам стоила она разбитого сердца? Но на ваш вопрос я отвечу своим, моя дорогая Джейн. Неужели вы никогда не видели цикла рисунков Гойи «Ужасы войны»?

Розовый фургон повез меня не обратно в «Дом Матерей», пунктом нашего назначения оказалось более строгое, больничного вида здание, где меня суетливо уложили в постель в отдельной комнате. Утром после плотного завтрака меня навестили три врача. Они держались скорее приветливо, чем официально и мы дружески проболтали около получаса. Очевидно, они были хорошо осведомлены о моей беседе с историком Лаурой и не уходили от ответов на мои вопросы. Многие из них даже доставляли им

удовольствие, хотя я этого понять не могла, потому что не находила в них ничего утешительного: все, что они рассказывали, было до ненормальности практично, подчинено единой, раз и навсегда выработанной технологии. Однако под конец их настроение переменилось. Одна из них, перейдя на деловой тон, произнесла.

— Вы должны понять, что столкнули нас со сложной проблемой. Нельзя сказать, чтобы Матери были восприимчивы к недовольству, но вы за довольно короткий срок сумели возмутить и ошеломить их. Ваше влияние на более неустойчивые элементы может оказаться еще серьезнее. Дело даже не в том, что вы говорите, ваше отличие от других вытекает из всего вашего мировоззрения. Не вы в этом виноваты и, откровенно говоря, мы не видим, как вы, образованная женщина, смогли бы приспособиться к тому безмятежному и бездумному одобрению всего, что требуется от Матери. Ваше терпение быстро истощится. Да и те условности, что вбила вам в голову ваша система, не дадут вам отнестись к нам доброжелательно.

Я поняла, что это беспристрастное суждение обо мне было правдой И я не могла его оспаривать. Перспектива провести остаток дней своих среди этих розовых, шпионящих, мягкотелых Матерей с регулярными перерывами на роды, несомненно, бы стро выбила бы меня из колеи.

— И что же тогда? — спросила я. — Сможете ли вы уменьшить эту тушу до нормальных размеров?

Она покачала головой.

— Скорее всего, нет, — хотя не знаю, такого еще не делали. Но даже если бы и смогли, вряд ли вы сможете ужиться в Докторате, не говоря уже о вашей приверженности влиянию Реакционизма.

Это понимала и я.

— Что тогда?

Она поколебалась, но затем сказала.

— Единственное действенное средство, которое мы можем предложить — это гипнотическая операция, заменившая бы вашу память.

Как только до меня дошло значение этих слов, мною овладела паника. Я боролась с ней, убеждая себя, что они, по крайней мере, разумно изложили свое предложение. И мне необходимо ответить так же. И несмотря на это, прошло несколько минут, прежде чем я смогла ответить дрожащим голосом.

— Вы просите, чтобы я совершила самоубийство. Моя память и мой ум — одно и то же: это я. Потеряв их, я умру так же верно, как если бы вы убили мое тело.

Им нечего было возразить на это.

В этой жизни у меня осталось только одно — память, что ты любил меня, мой милый, милый Дональд. Ты живешь теперь только там. Если умрет она — это станет твоей второй смертью, навсегда.

В течение дня мое одиночество нарушали лишь нашествия малюток, сгибавшихся под тяжестью пищи. В остальное время я была наедине с моими мыслями, а они едва ли веселили

— Откровенно говоря, — как сказала мне не без сочувствия одна из врачей, — мы не видим другого выхода. Умственные расстройства — самый большой источник беспокойства для нас со времен катастрофы, они случаются ежегодно. Даже если пострадавшие загружали себя неимоверным количеством работы, многие из них не могли приспособиться А вам мы не можем предложить и этого

Я понимала, что со своей стороны она честно меня предостерегла. И я знала, что даже если галлюцинация, становящаяся день от дня все реальнее, будет вынуждена растаять, я была в ловушке.

В течение долгого дня и последовавшей за ним ночи я упорно пыталась вернуть ту ясность, которую умудрилась внушить себе в самом начале, но не смогла. Я уже была не в состоянии справиться с наступившими на меня противоречиями, мои чувства слишком ясно свидетельствовали о реальности окружавшего мира, во всем настойчиво просматривался дух последовательности и логичности...

Отпустив мне на размышления 24 часа, в комнату явилось все то же трио.

— Я думаю,— сообщила я им,— что теперь лучше понимаю. То, что вы мне предлагаете — это безболезненное забвение, вроде того, что следует за умственным расстройством. Вы ведь не видите другого выбора?

— Нет,— согласилась главная из них, а две другие кивнули,— но во время гипноза нам, конечно, понадобится ваше содействие

— Знаю,— ответила я,— и понимаю также, что в данной ситуации возражать было бы пустой тратой времени. Поэтому я...я. да, я готова согласиться, но на одном условии.

Они вопросительно посмотрели на меня.

— Оно вот в чем,— объяснила я.— Вы должны сперва попытаться применить другой способ. Я хочу, чтобы вы мне сделали инъекцию чайнжуатина. Пусть это будет та же доза, что и в первый раз, количество я вам назову. Видите ли, если это очень идеальная галлюцинация или что-то вроде проекции, что придает им большое сходство с действительностью, то они как-то связаны с этим медикаментом. Я должна обязательно попытаться, ничего подобного со мной никогда еще не происходило. Поэтому я подумала, что если воспроизвести те же условия — или, скажем, поверить в это — у меня будет хотя бы шанс... Не знаю. Может, это и глупо, но даже если ничего не выйдет, хуже ведь не будет? Так что, вы позволите мне попытаться..?

Все три с минуту соображали.

— Не вижу причин, почему бы и нет...— сказала одна.

Главная из них кивнула.

— Не думаю, чтобы в данной ситуации были сложности с санкцией,— согласилась она.— Если вы хотите попытаться, справедливо дать вам возможность, но...я не очень-то на это надеюсь.

Во второй половине дня появились шесть малюток слуг, поспешно приготовивших меня и мою комнату к опыту. Затем прибыла еще одна, везя огромный, выше ее роста столик на колесах, уставленный бутылками, подносами и пузырьками, который она подкатила ко мне.

Вошли сразу три врача. Одна из малюток стала закатывать мой рукав. Та врач, что говорила больше всех, взглянула на меня дружелюбно, но серьезно.

— Это же чистый риск, понимаете?— сказала она

— Понимаю. Но это мой единственный шанс. И я хочу его использовать

Она кивнула, взяла шприц и, пока малютка протирала мою гантскую руку проверила его Потом приблизилась к кровати и застыла в сомнении

Ну же!— попросила я — Иначе что ждет меня здесь?

Она кивнула и вонзила иглу

Все вышеизложенное написано мною намеренно. Оно будет храниться в моем банке непрочитанным, пока это не понадобится.

Я никому не рассказывала об этом. Доклад по воздействию чайнжуатина, сделанный мною доктору Хеллиеру, где я описала мои ощущения просто как полет в пространстве, лжив. Истина — в вышеизложенном. Я скрыла ее потому, что после возвращения, когда я обнаружила, что вновь нахожусь в моем собственном теле, в обычном нормальном мире, пережитое мной стало преследовать меня так же часто, как если бы это была действительность. Все в нем до мелочей было слишком живо, слишком ясно в памяти, и я не могла выбросить его из головы. Оно висело надо мной подобно угрозе, и мысль о нем не покидала меня..

Я не осмелилась рассказать об этом доктору Хеллиеру, он бы на значил мне лечение. Если другие мои друзья и не принимали его достаточно всерьез, чтобы звонить в больницу, то это только потому, что смеялись надо мной и иронизировали по поводу содержания. Поэтому я продолжала молчать. Перебирая в уме еще и еще раз все происшедшее, я злилась на себя, что не расспросила пожилую леди о таких удобных для проверки мелочах, как даты и имена.

Если бы, к примеру, катастрофа по ее расчетам, случилась несколько лет назад, то весь смысл угрозы растаял бы, он противоречил фактам. Но мне в голову не пришло задать столь элементарный вопрос... Но, продолжая думать об этом, я вспомнила, что есть все-таки одна деталь, которую можно проверить, и навела справки. Лучше бы я не делала этого, но что-то заставило меня...

Так я обнаружила, что доктор Перриган существует, что он биолог и работает с кроликами и крысами... В своей области он хорошо известен. В ряде журналов напечатаны его статьи о борьбе с грызунами. Но нет никакого секрета в том, что он выводит новые вирусы миксоматозиса, предназначенные для истребления крыс, он уже создал целую группу и называет их «макозимор бус», хотя сделать вирусы устойчивыми или избирательными для использования ему пока не удалось

Но я никогда не слышала об этом человеке или его исследова ниях до того, как о них упомянула пожилая леди в «галлюцина ции»... Я много думала об этом. Что же за тайну описала я выше? Если это что-то вроде предвидения неизбежного предопределен ного будущего, никто не сможет изменить его. Но в этом я не вижу смысла, будущее предопределяет то, что случилось и случается сейчас. Следовательно, существует огромное число возможных будущих, каждое из которых — возможное следствие и того, что происходит сейчас. Мне кажется, что под воздействием чайнжуатина я видела одно из них...Это было, я думаю, предостережение о том, что может случиться, если не предотвратить его...

Сама мысль об этом настолько отвратительна и порочна, она требует такого чудовищного исполнения естественного хода ве щей, что необратить внимание на такое предостережение—зна чит пренебречь долгом перед самим собой

В силу этого я под свою собственную ответственность и не доверяясь никому более, делаю все возможное, чтобы то, что я описа ла, не произошло никогда.

На тот случай, если кого-либо несправедливо обвинят в содей ствии мне в том, что я намереваюсь сделать, этот документ дол жен быть использован. Вот почему я пишу его. Нельзя допу стить, чтобы доктор Перриган продолжил свою работу, таково мое единственное решение.

Подписано: Джейн Четерлей.

Несколько мгновений стряпчий недоуменно рассматривал подпись, потом кивнул.

— А потом,— сказал он,— она села в машину, поехала к Перригану,— и такой трагический результат.

Насколько я знаю ее, она, наверняка, приложила все усилия, чтобы убедить его оставить эти исследования, хотя вряд ли ожидала, что это ей удастся. Трудно представить себе человека, готового отказаться от многолетней работы из-за того, что должно казаться ему чем-то вроде гадания на картах. Поэтому ясно, что она ехала туда, приготовившись бороться не по правилам, если потребуется. Полиция, кажется, правильно предположила, что она застрелила его намеренно. Но они ошиблись, посчитав, что дом она сожгла, чтобы скрыть доказательства преступления. Из завещания вполне ясно, что ее основное желание было стереть исследования Перригана с лица земли.

Он покачал головой:

— Бедняжка! В последних двух страницах такое чувство долга, какая-то не ведающая о последствиях святая простота, что движет мучениками. Она даже не отрицала, что сделала это. Но чего она не сказала полиции, это «почему» она это сделала.

Помолчав, он добавил:

— В любом случае, благодарю небо за этот документ. По крайней мере, он должен спасти ей жизнь. Я бы очень удивился, если подкрепленная этим ссылка на невменяемость провалится.— Он щелкнул ногтями по рукописи.— Счастье еще, что она не отправила его в банк, как собиралась.

На изборожденном морщинками лице доктора Хеллиера была написана тревога.

— Как горько укоряю я себя за это,— сказал он.— Мне не следовало разрешать ей испытывать этот чертов медикамент, но я думал, что она все еще находится под потрясением от смерти мужа. Она старалась полностью загрузить себя работой и с нетерпением ждала опыта. Вы ее достаточно знаете, чтобы понять, какой целенаправленной может быть эта женщина. Для нее это был шанс внести свой вклад в медицину — и так оно и было. Но мне следовало быть более осторожным и заметить, что после эксперимента с ней было что-то неладно. Я несу всю ответственность за это несчастье, только я.

— Хм,— произнес поверенный,— как врачу вам сильно повредит, если вы дадите ход этому в качестве главного аргумента защиты, доктор Хеллиер.

— Возможно, и нет. Этим я займусь, когда подойдет срок. Дело в том, что помимо всего другого я нес за нее ответственность как за подчиненного. Нельзя отрицать, что если бы я отказался допустить ее до эксперимента, этого бы не случилось. Поэтому мне кажется, что мы обязаны отстоять констатацию невменяемости, что она была умственно повреждена воздействием медикамента, который назначил ей я. Если мы сможем выбить такой приговор, ее направят для осмотра и лечения в психиатрическую больницу, может быть, на совсем короткий срок.

— Трудно сказать. Мы, конечно, можем сказать это адвокату и посмотреть, что он об этом думает.

— Это к тому же обосновано,— настаивал Хеллиер.— Такие люди, как Джейн, не совершают убийства, если они вздравом уме, и когда их припрут к стенке, они делают это очень рассудительно. И, конечно же, она не стала бы убивать совершенно незнако-

мого ей человека. Ясно, что медикамент вызвал у нее настолько яркую галлюцинацию, что она не смогла точно разграничить действительное и воображаемое. Она поверила фантазии и действовала в соответствии с нею.

— Да. Да, полагаю, можно думать и так,— согласился стряпчий. Он снова взглянул на лежавшую перед ним кипу бумаг.— В общем, все это, конечно, бессмысленно,— сказал он,— и все же рассказ пропитан каким-то духом логичности. Интересно...— он печально замолчал и потом продолжил,— это исчезновение мужчин, Хеллиер. Она находит это не столько невозможным, сколько нежелательным. Для законоведа, считающего естественный порядок само собой разумеющимся, это кажется довольно странным, но что сказали бы вы как ученый-медик, возможно ли такое, ну, в теории?

Доктор Хеллиер нахмурился.

— Я всегда хотел, чтобы вопросам такого рода уделялось больше внимания. Объявить такое невозможным было бы слишком опрометчиво. Если же подходить к нему с точки зрения чистой абстракции, я вижу две или три линии решения... Конечно, если бы возникла совершенно невероятная ситуация, требующая таких исследований... Ну, вроде тех, в которых другие бились над атомом,— кто знает?— Он передернул плечами.

Стряпчий вновь кивнул.

— Как раз это я и хотел узнать,— заключил он.

— А в общем-то для такого достаточно лишь чуток сбиться с верного курса. Подумайте, если взять правдоподобность рассказа в сочетании с ее глубочайшей убежденностью, для защиты это должно помочь. Но, что касается меня, уже от такого предположения мне делается несколько не по себе.

Доктор резко взглянул на него.

— Ну и ну! Вот это да! А еще такой прожженный законник! Только не говорите мне, что собираетесь фантазировать. А если и собираетесь, то примите в расчет еще одно. Если бедняжка Джейн что и натворила, так это то, что лишила свою собственную выдумку будущего. С Перриганом покончено, а все его исследования развеяны пеплом по ветру

— Хм,— снова произнес стряпчий.— Все равно лучше было бы, если бы мы знали, каким образом, кроме этого,— он постучал по кипе бумаг,— каким еще образом могла узнать она о Перригане и его исследованиях. Насколько известно, больше он никак не мог попасть в поле ее зрения — или, может быть, она интересуется ветеринарным делом?

— Нет. Я уверен в этом,— покачав головой, ответил Хеллиер

— Тогда это так и остается неясным. Но есть еще вот что. Вы, наверное, считаете меня дураком, и время без сомнения докажет, что вы правы, но должен сказать, что, будь Джейн более внимательна, наводя справки перед убийством, я чувствовал бы себя чуточку спокойнее.

— То есть..?— озадаченно спросил доктор Хеллиер.

— А то, что она, кажется, не выяснила, что есть еще и сын. Но он есть, понимаете? Он интересуется почти тем же, чем и отец, и считает, что медлить тут нельзя. Он даже успел уже заявить, что будет продолжать дело отца с несколькими уцелевшими от пожара микробами... Весьма похвально для сына, вне всякого сомнения. Но все же меня пугает еще чуточку больше то, что он также является доктором наук, биохимиком, и, что вполне естественно, его имя тоже Перриган...

ДЕНЬ ТРИФФИДОВ

Если день начинается воскресной тишиной, а вы точно знаете, что сегодня среда, значит что-то неладно.

Я ощутил это, едва проснувшись. Правда, когда мысль моя заработала более четко, я засомневался. В конце концов не исключалось, что неладное происходит со мной, а не с остальным миром, хотя я не понимал, что же именно. Я недоверчиво выжидал. Вскоре я получил первое объективное свидетельство: далекие часы пробили, как мне показалось, восемь. Я продолжал вслушиваться напряженно и с подозрением. Громко и решительно ударили другие часы. Теперь уже сомнений не было, они размеренно отбили восемь ударов. Тогда я понял, что дело плохо.

Я проглядел конец света, того самого света, который я так хорошо знал на протяжении тридцати лет; проглядел по чистой случайности, как и другие уцелевшие, если на то пошло. Так уж повелось, что в больницах всегда полно людей, и закон вероятности сделал меня одним из них примерно неделю назад. Легко могло получиться, что я попал бы в больницу и две недели назад; тогда я не писал бы этих строк — меня вообще не было бы в живых. Но игрою случая я не только оказался в больнице именно в те дни, но притом еще мои глаза, да и вся голова, были плотно забинтованы, и кто бы там ни управлял этими «вероятностями», мне остается лишь благодарить его.

Впрочем, в то утро я испытывал только раздражение, пытаясь понять, что за чертовщина происходит в мире, потому что за время своего пребывания в этой больнице я успел усвоить, что после сестры-хозяйки часы здесь пользуются самым большим авторитетом.

Без часов больница бы просто развалилась. Каждую секунду по часам справлялись, кто когда родился, кто умер, кому принимать лекарства, кому принимать еду, когда зажигать свет, когда разговаривать, когда работать, спать, отдыхать, принимать посетителей, одеваться — в частности, часы предписывали, чтобы меня начинали умывать и приводить в порядок точно в три минуты восьмого. Это было одной из главных причин, по которым я предпочел отдельную палату. В общих палатах эта канитель начиналась зачем-то на целый час раньше. Но вот сегодня часы разных степеней точности уже отбивали по всей больнице восемь, и тем не менее ко мне никто не шел.

Я терпеть не могу обтирания губкой; процедура эта представлялась мне совершенно бессмысленной, поскольку проще было бы водить меня в ванную, однако теперь, когда губка так запаздывала, мне стало не по себе. Помимо всего прочего, губка обыкновенно предшествовала завтраку, а я чувствовал голод.

Вероятно, такое положение огорчило бы меня в любое утро, но сегодня, в эту среду восьмого мая, должно было произойти осо-

бенно важное для меня событие, и я вдвойне жаждал поскорее разделаться со всеми процедурами: в этот день с моих глаз собирались снять бинты. Я не без труда нащупал кнопку звонка и задал им трезвону на целых пять секунд, просто так, чтобы дать им понять, что я о них думаю.

В ожидании возмездия, которое неминуемо должна была повлечь за собой такая выходка, я продолжал прислушиваться.

И тогда я осознал, что тишина за стенами моей палаты гораздо более странная, нежели мне казалось вначале. Это была более глубокая тишина, чем даже по воскресеньям, и мне снова и снова пришлось убеждать себя в том, что сегодня именно среда, что бы там ни случилось.

Я никогда не был в состоянии объяснить себе, почему учредители госпиталя Св. Меррина решили воздвигнуть это заведение на перекрестке больших улиц в деловом квартале и тем самым обрекли пациентов на вечные терзания. Правда, для тех счастливцев, чьи недуги не усугублялись ревом и громом уличного движения, это обстоятельство имело те преимущества, что они, даже оставаясь в постелях, не утрачивали, так сказать, связи с потоком жизни. Вот громыхают на запад автобусы, торопясь проскочить под зеленый свет; вот поросячий визг тормозов и залповая пальба глушителей удостоверяют, что многим проскочить не удалось. Затем стадо машин, дожидавшихся на перекрестке, с ревом и рыканьем устремляется вверх по улице. Время от времени имеет место интерлюдия: раздается громкий скрежещущий удар, вслед за которым на улице образуется пробка — ситуация, в высшей степени радующая человека в моем положении, когда он способен судить о масштабах происшествия исключительно по обилию вызванной этим происшествием ругани. Разумеется, ни днем, ни ночью у пациента Св. Меррина не было никаких шансов вообразить себе, будто обычная жизнь прекратила течение свое потому только, что он, пациент, временно выбыл из игры.

Но этим утром все изменилось. Необъяснимо и потому тревожно изменилось. Не громыхали колеса, не ревели автобусы, не слышно было ни одного автомобиля. Ни тормозов, ни сигналов, ни даже стука подков — на улицах еще время от времени очень редко появлялись лошади. И не было слышно множественного топота людей, обычно спешащих в это время на работу.

Чем дольше я вслушивался, тем более странным все представлялось и тем меньше мне нравилось. Мне кажется, я слушал минут десять. За это время до меня пять раз донеслись неверные шаркающие шаги, трижды я услыхал вдали нечленораздельные вопли и один раз истерический женский плач. Не ворковали голуби, не чирикали воробьи. Ничего, только гудел в проводах ветер...

У меня появилось скверное ощущение пустоты. Это было то самое чувство, которое охватывало меня в детстве, если я начинал фантазировать, будто по темным углам спальни прячутся призраки; тогда я не смел выставить ногу из страха, что кто-то протянется из-под кровати и ухватит меня за лодыжку; не смел даже протянуть руку к выключателю, чтобы кто-то не прыгнул на меня, едва я пошевелюсь. Теперь мне снова пришлось бороться с этим ощущением, как я боролся с ним когда-то ребенком в темной спальне. Просто поразительно, какие мы еще дети, когда дело доходит до испытаний такого рода. Оказывается, древние страхи все время шагали рядом со мной, выжидая удобного мо-

мента, и вот этот момент наступил — и все потому только, что мои глаза закрыты бинтами и прекратилось уличное движение...

Я взял себя в руки и попробовал рассуждать логически. Почему прекращается уличное движение? Обычно потому, что улицу перекрывают для ремонтных работ. Все очень просто. В любой момент на сцене могут появиться пневматические молотки, которые внесут разнообразие в слуховые впечатления многострадальных пациентов.

Но у логики есть один недостаток: она не останавливается на полпути. Она немедленно подсказала мне, что шума уличного движения нет даже вдали, что не слышно ни гудков электричек, ни сирен буксиров. Не слышно было решительно ничего, пока часы не начали отбивать четверть девятого.

Искушение посмотреть — бросить всего-навсего один взгляд краешком глаза, не больше, просто составить какое-то представление о том, что же, черт побери, происходит,— было огромно. Но я обуздал его. Во-первых, легко сказать: бросить один взгляд. Для этого мне пришлось бы не просто приподнять повязку, а размотать множество прокладок и бинтов. Но, что самое важное, я боялся. После недели полной слепоты не вдруг наберешься храбрости шутить шутки со своим зрением. Правда, снять с меня бинты было решено именно сегодня, но это собирались сделать при специальном сумеречном свете, причем мне разрешили бы остаться без бинтов лишь в том случае, если бы обследование показало, что с глазами у меня все в порядке. Я не знал, в порядке ли мои глаза. Могло оказаться, что мое зрение испорчено. Или что я вообще ослеп. Я ничего не знал...

Я выругался и снова нажал на кнопку звонка. Это доставило мне некоторое облегчение.

Никто, по-видимому, звонками не интересовался. Во мне поднималось раздражение, такое же сильное, как тревога. Унизительно, конечно, пребывать от кого-то в зависимости, но куда более скверно, когда зависеть не от кого. Терпение мое истощилось. Необходимо что-то предпринять, решил я.

Если я заору в коридор и вообще начну скандалить, то кто-нибудь обязательно явится — хотя бы для того, чтобы обругать меня. Я отбросил простыню и вылез из кровати. Я ни разу не видел своей палаты, и хотя на слух я довольно точно представлял себе, где находится дверь, найти ее оказалось вовсе не просто. Несколько непонятных и ненужных препятствий встретились мне на пути, я ушиб палец на ноге и ободрал голень, но мне удалось пройти через палату. Я высунул голову в коридор.

— Эй!— закричал я.— Дайте мне завтрак! В палату сорок восемь!

Секунду стояла тишина. Затем послышался рев голосов, вопивших одновременно. Казалось, их были сотни, и нельзя было различить ни единого слова. Как будто я включил запись шума толпы, причем толпы настроенной очень воинственно. У меня мелькнула дикая мысль, что, может быть, меня, пока я спал, переправили в дом умалишенных, что здесь не госпиталь Св. Мерина. Эти голоса просто не могли принадлежать нормальным людям. Я торопливо захлопнул дверь, чтобы оградить себя от этого столпотворения, и ощупью вернулся на кровать. В тот момент кровать представлялась мне единственным безопасным и спокойным местом во всем жутком мире. И словно в подтверждение этого, в палату ворвался новый звук, и я замер с простыней в руках. С улицы донесся вопль, дикий и отчаянный, от которого

кровь застыла у меня в жилах. Он повторился трижды, и когда он затих, мне все еще казалось, что он звенит в воздухе.

Я содрогнулся. Я чувствовал, как щекочут мой лоб под бинтами струйки пота. Теперь я знал, что происходит нечто страшное. И я не в силах был больше выносить одиночество и беспомощность. Я должен был знать, что вокруг меня происходит. Я поднял руки к бинтам — мои пальцы коснулись булавок, и тут я остановился...

Что, если лечение было неудачным? Что, если я сниму бинты и окажется, что я слепой? Тогда будет еще хуже, во сто крат хуже...

Я уронил руки и лег на спину. Я злился на себя и на больницу, и я произнес несколько глупых беспомощных ругательств.

Вероятно, прошло некоторое время, прежде чем я вновь обрел способность рассуждать последовательно. Я вдруг осознал, что снова ищу возможные объяснения происходящему. Объяснений я не нашел. Зато я окончательно убедился, что сегодня среда, какая бы там чертовщина ни происходила. Ибо вчерашний день был весьма примечателен, а я мог поклясться, что после него прошла всего одна ночь.

В хрониках вы прочтете, что во вторник седьмого мая Земля в своем движении по орбите прошла через облако кометных осколков. Вы можете даже поверить в это, если вам угодно, ведь поверили же миллионы людей. Возможно, так оно и было в самом деле. Я не могу привести доказательства ни «за», ни «против». Я не был в состоянии увидеть, что происходило; но у меня есть на этот счет кое-какие мысли. По-настоящему я знаю только то, что я провел вечер в кровати, выслушивая свидетельства очевидцев о небесном явлении, которое было провозглашено самым поразительным в истории человечества.

Между прочим, пока оно не началось, никто ни слова не слыхал о предполагаемой комете или об ее осколках...

Не знаю, для чего понадобился радиорепортаж об этом, когда и так все, кто мог ходить, ковылять на костылях и передвигаться на носилках, были под открытым небом или возле окон, наслаждаясь зрелищем самого грандиозного из даровых фейерверков. Тем не менее радиокомментатор болтал, не умолкая, и это с особенной силой заставило меня прочувствовать, как это тяжко — быть слепым. Я решил, что, если лечение окажется неудачным, я лучше покончу с собой.

Днем в выпусках новостей сообщалось, что предшествующей ночью в небе над Калифорнией наблюдались какие-то яркие зеленые вспышки. В Калифорнии обычно происходит столько всякой всячины, что вряд ли кто-нибудь принял это сообщение всерьез, однако сообщения продолжали поступать, возникла версия о кометных осколках, и эта версия восторжествовала.

Из всех районов Тихого океана приходили описания ночи, озаренной блеском зеленых метеоров. В описаниях говорилось: «Метеоры падают такими обильными потоками, что кажется, будто само небо крутится вокруг нас». Да так оно и должно было быть, наверное.

По мере того как линия ночи передвигалась к западу, яркость зрелища отнюдь не ослабевала. Отдельные зеленые вспышки стали видны еще до наступления темноты. Диктор, комментировавший это явление в шестичасовом выпуске вечерних новостей, заметил, что оно создает помехи радиоприему на коротких волнах, но что на средние волны, на которых ведется настоящая

передача, и на телевидение оно влияния не оказывает. Он назвал это явление потрясающей картиной и настоятельно советовал не упустить случая полюбоваться ею. Он мог бы не затруднять себя советами. По тому, как взбудоражены были все в больнице, я мог судить, что случая полюбоваться потрясающей картиной не упустит никто, кроме меня.

И словно мне мало было болтовни диктора, просвещать меня сочла своим долгом также и нянечка, которая принесла мне ужин.

— Небо просто кишит падучими звездами,— сказала она.— Все они зеленые и яркие. От них лица такие страшные, как у мертвецов. Все на улицах, там сейчас светло, как днем, только что цвет другой. Иногда падают такие большие звезды, что глазам больно. Волшебное зрелище. Говорят, раньше никогда такого не было. А жалко, что вам нельзя этого видеть, правда?

— Правда,— сказал я несколько резко.

— Мы во всех палатах подняли шторы, все больные смотрят,— продолжала она.— Если бы не эти бинты, вы все увидели бы прямо отсюда.

— О,— сказал я.

— А на улице видно еще лучше. В парках и в Хите, говорят, собрались тысячи людей, стоят и глядят. И на всех плоских крышах тоже люди, все смотрят вверх...

— Не слыхали, сколько это будет продолжаться?— терпеливо спросил я.

— Нет, не слыхала. Говорят, правда, что сейчас они уже не такие яркие, как в других местах. Только знаете что? Даже если бы вам сегодня сняли эти бинты, смотреть все равно не разрешили бы. Глаза сначала надо будет беречь, а некоторые звезды такие яркие. Они... У-ух!

— Что — ух?— спросил я.

— Какая сейчас была яркая, вся палата сделалась зеленой. Право, так жалко, что вам нельзя этого видеть.

— Действительно,— согласился я.— А теперь, милочка, ступайте отсюда.

Я попробовал слушать радио, но оно издавало все те же «ухи» и «ахи» вперемежку с пошлыми благоглупостями о «величественном зрелище» и «уникальном явлении», и так было, пока у меня не появилось ощущение, будто для всего мира дается бал, на который не пригласили только меня одного.

Выбора у меня не было, так как в больнице радио передавало только одну программу: хочешь — слушай, хочешь — нет. Через некоторое время я стал догадываться, что спектакль пошел на убыль. Диктор посоветовал всем, кто еще не видел, немедленно пойти и увидеть, чтобы не жалеть потом всю жизнь.

Основная идея состояла, видимо, в том, чтобы убедить меня, что я упустил ту самую возможность, ради которой родился на свет. В конце концов мне это надоело, и я выключил радио. Последнее, что я слышал, было сообщение о том, что зрелище быстро идет к концу, и что мы, вероятно, через час-другой выйдем из зоны обломков.

Все это происходило вчера вечером, в этом не было никакого сомнения. Прежде всего, случись это раньше, я был бы куда более голоден, чем сейчас. Ладно, но что же тогда все это значит? Неужели вся больница, весь город праздновали эту ночь так, что до сих пор не могут очухаться?

Тут рассуждения мои были прерваны хором часов, близких и далеких, которые начали отбивать девять.

В третий раз я принялся терзать звонок. И пока я лежал в ожидании, мне послышалось, будто за дверью кто-то возится. Это было что-то вроде всхлипываний, шуршаний и шарканий, время от времени заглушаемых отдаленными криками.

Но в палату ко мне никто не вошел.

К этому времени мне было уже совсем плохо. Жуткие детские фантазии вновь овладели мною. Я напряженно ждал, что вот-вот отворится невидимая дверь и чудовищные призраки обступят меня. Я не был даже уверен, что кто-то или что-то не находится уже здесь, рядом, и не крадется неслышным шагом через палату...

Не могу сказать, что я вообще подвержен подобным штукам. Во всем были виноваты проклятые бинты у меня на глазах и страшные крики в коридоре, отозвавшиеся на мой зов. Но мною овладели призраки, а когда призраки овладевают человеком, сладить с ними уже трудно. Их уже не прогонишь веселым свистом или мурлыканьем песенки себе под нос.

Передо мной, наконец, в упор встал вопрос: что для меня страшнее — рискнуть зрением и снять бинты или оставаться во мраке со своими призраками?

Не знаю, что бы я сделал, случись это двумя днями раньше,— возможно, то же самое,— но в этот день я по крайней мере мог сказать себе:

— Ладно, провались оно все, обратимся к здравому смыслу. Ведь бинты все равно должны были снять сегодня. Рискну.

Одно обстоятельство делает мне честь. Я не настолько ополоумел от страха, чтобы сорвать с себя бинты немедленно. У меня достало здравого смысла и присутствия духа сначала встать с постели и опустить шторы. И только после этого я взялся за булавки.

Когда я снял повязки и обнаружил, что вижу в полутьме, я ощутил такое облегчение, какого не знал никогда раньше. Затем, убедившись, что ни злоумышленников, ни привидений нет ни под кроватью, ни вообще в палате, я первым делом подтащил к двери кресло и подпер им дверную ручку. После этого я почувствовал себя более уверенно. Я заставил себя привыкать к дневному свету постепенно, и на это у меня ушел целый час. К исходу этого часа я точно знал, что благодаря своевременной первой помощи и умелому лечению глаза мои видят так же хорошо, как прежде. Но никто ко мне не приходил.

На нижней полке тумбочки я обнаружил темные очки, заботливо приготовленные для меня. Из осторожности я надел их и только тогда подошел к окну. Нижняя часть его не открывалась, так что поле зрения было ограничено. Засматривая вниз и по сторонам, я увидел на улице двух-трех человек, которые брели вдалеке странной, неуверенной походкой, словно не зная, куда направиться. Но больше всего — и сразу же — меня поразила резкая и отчетливая видимость; даже отдаленные здания за крышами напротив вырисовывались необыкновенно ясно и четко. И тогда я заметил, что в городе не дымит ни одна труба...

Мой костюм был аккуратно повешен в шкафу. Когда я оделся, то почувствовал себя совсем хорошо. В портсигаре оказалось несколько сигарет. Я закурил и понемногу начал видеть мир совсем в ином свете: все казалось мне по-прежнему очень странным, но я уже сам не понимал, как это я поддался панике.

В наши дни не так-то просто вернуться к прежнему взгляду на вещи. Теперь каждый должен уметь рассчитывать во всем на себя. А тогда все было так регламентировано, так переплетено... Каждый столь неукоснительно играл свою маленькую роль, что нетрудно было принять привычку и обычай за закон природы, и когда установленный порядок как-нибудь нарушался, это влекло за собой серьезные последствия.

Если вы прожили половину жизни с определенными представлениями, то изменить их за пять минут невозможно. Оглядываясь назад, на тогдашний мир, я удивляюсь и даже как-то злюсь из-за того, что мы так мало знали и не хотели знать о своей повседневной жизни. Я практически ничего не знал, например, как поступают ко мне продукты питания, откуда берется чистая вода, как ткут и шьют мою одежду, каким образом канализация содержит города в чистоте и о других обыкновенных вещах. Наша жизнь представляла собой сложное взаимодействие специалистов, которые справлялись со своими обязанностями более или менее эффективно и требовали того же от остальных. Вот почему мне не верилось, что больница дезорганизована полностью. Я был уверен в том, что кто-то где-то продолжает держать ее в руках — только, к сожалению, этот кто-то совершенно забыл о палате сорок восемь.

Тем не менее, когда я все-таки снова подошел к двери и выглянул в коридор, мне пришлось признать, что дезорганизация коснулась не только единственного обитателя сорок восьмой палаты.

В коридоре не было ни души, хотя я слышал в отдалении приглушенный шум голосов. Слышались шаркающие шаги, время от времени в пустоте коридоров отдавалось эхо громкого выкрика, но не было ничего похожего на сумасшедший рев, который так напугал меня. На этот раз кричать я не стал. Я осторожно переступил через порог — почему осторожно? Не знаю. Просто было вокруг что-то настораживающее.

В гулком здании трудно определить, откуда доносятся звуки, но с одной стороны коридор кончался французским окном с матовыми стеклами, на которых лежала тень балконных перил, и я направился в другую сторону. За поворотом секция отдельных палат кончалась, и я очутился в более широком коридоре.

Сначала мне показалось, что в этом коридоре тоже нет никого, а затем, сделав несколько шагов, я заметил человеческую фигуру, выступившую из тени. Это был мужчина в белом халате, наброшенном поверх черной куртки и полосатых брюк. Я решил, что он один из штатных врачей больницы, только непонятно было, почему он так жмется к стене и пробирается словно на ощупь.

— Эй, послушайте,— сказал я.

Он мгновенно остановился. Его лицо, обращенное ко мне, было серым и испуганным.

— Вы кто?— спросил он неуверенно.

— Меня зовут Мэйсен, — ответил я.— Уильям Мэйсен. Я здешний пациент — сорок восьмая палата. Я вышел, чтобы узнать, почему...

— Вы зрячий? — быстро прервал он меня.

— Разумеется! Я снова превосходно вижу. Вылечили меня просто чудесно. Только ко мне все не приходили снять бинты, и я сделал это сам. Мне кажется, ничего худого в этом нет. Я взял...

Но он снова прервал меня:

— Пожалуйста, отведите меня в мой кабинет. Мне непременно нужно позвонить.

Я все еще не мог понять, в чем дело. Но этим утром меня сбивало с толку буквально все.

— Где это?— спросил я.

— Пятый этаж, западное крыло. На двери табличка «Доктор Сомс».

— Ладно,— сказал я с некоторым удивлением.— А где мы находимся сейчас?

Он помотал головой, его лицо напряглось и выразило крайнее раздражение.

— Да откуда мне знать, будь оно все проклято?— резко произнес он.— Глядите глазами, черт подери, вы же зрячий! Вы что, не видите, что я ослеп?

Нет, этого не было заметно. Его глаза были широко раскрыты и смотрели, как мне казалось, прямо на меня.

— Подождите минуту,— сказал я. Я отошел и огляделся. На стене напротив лифта я обнаружил большую цифру «5». Я вернулся и сказал ему об этом.

— Хорошо,— проговорил он.— Возьмите меня за руку. Когда выходишь из лифта, нужно свернуть направо. Затем первый коридор налево, третья дверь.

Я последовал его указаниям. Мы не встретили никого на своем пути. В кабинете я подвел его к столу и вложил ему в руку телефонную трубку. Несколько секунд он слушал. Затем он ощупью поискал на столе, нашел телефон и нетерпеливо постучал по рычагу. Выражение его лица медленно менялось. Раздражение и тревога исчезли. Он выглядел теперь просто усталым. Он положил трубку на стол. Несколько секунд он стоял молча и словно бы глядел прямо перед собой на противоположную стену. Затем он повернулся ко мне.

— Бесполезно,— сказал он.— Не работает. Вы еще здесь?

— Да,— ответил я.

Его пальцы ощупали край стола.

— Куда я обращен лицом? Где это проклятое окно?— спросил он вновь раздраженно.

— Прямо у вас за спиной.

Он повернулся и шагнул к окну, расставив руки. Он осторожно ощупал подоконник и край рамы, затем отступил назад. Прежде чем я понял, что он собирается делать, он с размаху всем телом ударился в стекло и выбросился наружу...

Я не стал смотреть. Все-таки это был пятый этаж.

Придя в себя, я тяжело повалился в кресло. Я взял из пачки на столе сигарету и закурил. Руки у меня тряслись. Так я просидел несколько минут, стараясь подавить дурноту. Вскоре она прошла. Я вышел из кабинета и вернулся туда, где встретился с ним. Когда я добрался до этого места, я все еще чувствовал себя не совсем хорошо.

В дальнем конце коридора я заметил дверь в палату. Стеклянные створки были матовые, только на уровне глаз темнели прозрачные овалы. Я подумал, что в палате должна быть дежурная, которой можно сообщить о самоубийстве врача.

Я отворил дверь. В палате было темно. Вероятно, шторы опустили вчера вечером, когда окончился небесный спектакль, да так и не подняли.

— Нянечка!— позвал я.

— Нету ее здесь,— сказал мужской голос.— Ее здесь давно нету, уже несколько часов... Слушай, приятель, подними ты эти проклятущие шторы, что мы здесь в темноте валяемся. Ума не приложу, что это нынче стряслось с этой проклятущей больницей...

Я поднял шторы на ближайшем окне, и в палату ворвался столб яркого солнечного света. Это была хирургическая палата, в ней находилось около двадцати лежачих больных. Большинство были с повреждениями ног, некоторые, кажется, с ампутированными конечностями.

— Ну что ты там возишься, приятель?— произнес тот же голос.— Поднимай же их.

Я повернулся и взглянул на говорившего. Это был смуглый дородный мужчина с обветренным лицом. Он сидел на постели лицом ко мне и к солнечному свету. Глаза его смотрели прямо на меня, и глаза его соседа, и глаза остальных...

Несколько секунд я молча глядел на них. Мне нужно было справиться с собой. Затем я сказал:

— Я... они... там что-то заело. Пойду поищу кого-нибудь, чтобы исправили.

С этими словами я вылетел из палаты.

Меня трясло, и мне хотелось глотнуть чего-нибудь крепкого. Я начинал понимать. Но поверить, что все, все до одного в этой палате ослепли, как тот врач, было невозможно. И тем не менее...

Лифт не работал, и я стал спускаться по лестнице. Этажом ниже я взял себя в руки и, набравшись смелости, заглянул в другую палату. Постели там были разбросаны. Сперва мне показалось, что палата пуста, но это было не так... не совсем так. На полу лежали двое в ночном белье. Один был весь в крови, у другого был такой вид, словно его хватил удар. Оба были мертвы. Остальные ушли.

Вернувшись на лестницу, я понял, что большая часть отдаленных голосов, которые я слышал все время, доносилась снизу; теперь они стали ближе и громче. Мгновение я колебался, но ничего другого мне не оставалось, как продолжать спускаться.

На следующем повороте я едва не упал, споткнувшись о тело, лежавшее поперек дороги. Ниже, на лестничной площадке лежал еще один человек, который, видимо, тоже споткнулся, но не удержался на ногах и раскроил себе череп о каменные ступени.

В конце концов я добрался до последнего поворота, откуда мне открылся вестибюль. Вероятно, все, кто был способен передвигаться, инстинктивно бросились сюда — либо в надежде найти помощь, либо чтобы выбраться на улицу. Возможно, некоторые сумели выйти. Одна из парадных дверей была распахнута настежь, но большинство больных не могло найти ее. Это была плотная толпа мужчин и женщин, почти все в больничном ночном белье, медленно и беспомощно кружившаяся на месте. Тех, кто был на краю толпы, это движение безжалостно прижимало к мраморным углам и лепным украшениям. То один, то другой человек спотыкался, и если толпа позволяла ему упасть, то шансов подняться у него уже не было.

Все это было похоже... Вы видели картины Доре, изображающие грешников в аду? Но Доре не мог изобразить звуков: рыдания, стоны, вопли отчаяния.

Больше минуты или двух я выдержать не мог. Я бросился назад, вверх по лестнице.

Мне казалось, что я должен чем-нибудь помочь им. Может быть, вывести их на улицу. Во всяком случае, прекратить это чудовищное медленное движение по кругу. Но довольно было одного взгляда, чтобы понять, что мне не удалось бы пробраться к выходу и тем более повести их за собой. А если бы и удалось, что дальше?

Я сел на ступеньку и некоторое время сидел, сжимая голову руками, и ужасные крики и стоны все стояли у меня в ушах. Тогда я отправился на поиски и нашел другой путь. Это была узкая служебная лестница, которая вывела меня во двор через черный ход.

Возможно, эта часть рассказа не совсем удалась мне. Все было так неожиданно и так потрясло меня, что какое-то время я сознательно старался не вспоминать подробности. А тогда у меня было такое чувство, будто это кошмар, от которого я отчаянно, но тщетно пытаюсь пробудиться. Выходя во двор, я все еще не решался поверить в то, что видел.

Но в одном-то я был уверен совершенно. Реальность или кошмар, а мне хотелось выпить, как никогда в жизни.

В переулке за воротами не было ни души, однако почти напротив оказался кабачок. Я и сейчас помню, как он назывался: «Герой Аламейна». На железных крючьях над приоткрытой дверью висела вывеска с очень похожим изображением виконта Монтгомери.

Я ринулся прямо туда.

Когда я вошел в общий бар, меня на миг охватило покойное ощущение обыденности. Бар был прозаичен и знаком, как все бары.

Но хотя в этом помещении не было никого, что-то, несомненно, происходило в задней комнате. Я услыхал тяжелое дыхание. Хлопнула пробка. Пауза. Затем голос произнес:

— Джин, будь он неладен! К черту!

Зазвенело разбитое стекло. Послышался сдавленный смешок.

— Зеркало, кажись. На что теперь зеркала?

Хлопнула другая пробка.

— Опять проклятый джин,— обиженно сказал голос.— К черту джин!

На этот раз бутылка угодила во что-то мягкое, стукнулась об пол и покатилась, с бульканием разливая содержимое.

— Эй!—позвал я.— Я бы хотел выпить.

Наступила тишина. Затем голос осторожно осведомился:

— Это кто там?

— Я из больницы. Я хотел бы выпить.

— Что-то не припоминаю вашего голоса. Вы зрячий?

— Да,— ответил я.

— Тогда лезьте через бар, доктор, ради бога, и найдите мне бутылку виски.

— В таких делах я доктор, это верно,— сказал я.

Я перелез через бар и вошел в заднюю комнату. Там стоял пузатый краснолицый человек с седыми моржовыми усами, одетый в брюки и сорочку без воротничка. Он был изрядно пьян. Кажется, он раздумывал, открывать ли бутылку, которую он держал в руке, или запустить ею мне в голову.

— А если вы не доктор, то кто вы?— спросил он подозрительно.

— Я был пациентом... но выпить я хочу, как любой доктор,— ответил я и добавил:— У вас опять джин.

— Опять! Вот сволочь,— сказал он и отшвырнул бутылку. Она с веселым звоном вылетела в окно.

— Дайте-ка мне штопор,— сказал я.

Я взял с полки бутылку виски, откупорил ее и вручил ему вместе со стаканом. Себе я налил порцию крепкого бренди, долив немного содовой, затем еще одну порцию. После этого дрожь в моих руках несколько унялась.

Я взглянул на своего собутыльника. Он пил виски, не разбавляя, прямо из горлышка.

— Вы напьетесь,— сказал я.

Он остановился и повернул ко мне голову. Я мог бы поклясться, что его глаза видят меня.

— Напьюсь, сказали тоже! — произнес он презрительно.— Да я уже пьян, черт подери!

Он был настолько прав, что я не стал спорить. Секунду подумав, он объявил:

— Я должен стать еще пьянее. Гораздо пьянее.— Он придвинулся ко мне.— Знаете что? Я ослеп. Слепой, понимаете? Как летучая мышь. И все слепые, как летучие мыши. Кроме вас. Почему вы не слепой, как летучая мышь?

— Не знаю,— сказал я.

— Это все проклятая комета, разрази ее... Это она все наделала. Зеленые падучие звезды... и все теперь слепые, как мыши. Вы видели зеленые звезды?

— Нет,— признался я.

— В том-то и дело. Вы их не видели и потому не ослепли. Все другие их видели,— он выразительно помотал рукой,— и все ослепли, как мыши. Сволочная комета, вот что я скажу.

Я налил себе третью порцию бренди. Мне стало казаться, что в его словах что-то есть.

— Все ослепли?— повторил я.

— Ну да! Все. Наверное, все в мире. Кроме вас,— добавил он, подумав.

— Почему вы знаете?

— Да очень просто. Вы вот прислушайтесь,— предложил он.

Мы стояли рядом, опершись на бар в темном кабачке, и слушали. Ничего не было слышно — ничего, кроме шороха грязной газеты, которую ветер гнал по пустой улице. И эта тишина включала в себя все, что было здесь забыто тысячу лет назад, а то и больше.

— Поняли?— сказал он.— Это само собой ясно.

— Да,— сказал я медленно.— Да. Теперь я понимаю.

Я решил, что пора идти. Я не знал куда. Но мне нужно было узнать как можно больше о том, что происходит.

— Вы здесь хозяин?— спросил я.

— Ну и что из этого?— сказал он, словно оправдываясь.

— Да ничего, просто я должен уплатить за три двойных бренди.

— А... плюньте вы.

— Но послушайте...

— Плюньте, вам говорят. И знаете почему? Потому что на кой дьявол мертвецу деньги? А я ведь мертвец... все равно что мертвец. Вот только выпью немного еще.

Для своих лет он выглядел весьма крепким мужчиной, и я сказал ему об этом.

— Зачем жить, если ты слепой, как мышь?— злобно отозвался он.— Моя жена так мне и сказала. И она была права... только

она храбрее, чем я. Когда она узнала, что детишки тоже ослепли, она что сделала? Легла с ними в постель и открыла газ. Понятно? Только у меня духу не хватило с ними остаться. Жена у меня была храбрая, не то что я. Ничего, я тоже стану смелее. Я скоро вернусь к ним — вот только напьюсь как следует.

Что я мог ему сказать? Все, что я говорил, только злило его. В конце концов он ощупью нашел лестницу и скрылся наверху с бутылкой в руке. Я не пытался ни остановить его, ни следовать за ним. Я стоял и смотрел, как он уходит. Я вышел на безмолвную улицу.

Это рассказ о событиях моей личной жизни. В нем упоминается огромное количество вещей, исчезнувших навсегда, и я не могу вести его иначе, чем употребляя слова, которыми мы имели обыкновение обозначать эти исчезнувшие вещи, так что они должны остаться в рассказе. А чтобы была понятна общая обстановка, мне придется вернуться к более давним временам, чем день, с которого я начал.

Когда я был ребенком, наша семья — отец, мать и я — жила в южном пригороде Лондона. У нас был маленький дом, который отец содержал ежедневным добросовестным высиживанием за конторкой в департаменте государственных сборов, и маленький сад, в котором отец работал еще более добросовестно каждое лето. Мало что отличало нас от десяти или двенадцати миллионов других людей, населявших тогда Лондон и его окрестности.

Отец был одним из тех виртуозов, которые способны в один миг получить сумму целой колонки чисел — даже в тогдашних нелепых денежных единицах,— и потому, вполне естественно, по его мнению, меня ждала карьера бухгалтера. В результате моя неспособность дважды получить одинаковую сумму одних и тех же слагаемых представлялась отцу явлением загадочным и досадным. И мои преподаватели, пытавшиеся доказать мне, что ответы в математике получаются логически, а не путем некоего мистического вдохновения, один за другим отступались от меня в уверенности, что я не способен к вычислениям. Отец, читая мои школьные табеля, мрачнел, хотя во всех других отношениях, кроме математики, табеля выглядели вполне прилично. Думаю, его мысль следовала таким путем: нет способности к числам — нет понятия о финансах — нет денег.

— Право, не знаю, что с тобой будет. Что бы ты сам хотел делать?— спрашивал он.

И лет до тринадцати или четырнадцати я, сознавая полную свою никчемность, уныло качал головой и признавался, что не знаю.

Тогда отец тоже качал головой.

Для него мир резко делился на людей за конторками, занимавшихся умственной работой, и людей без конторок, умственной работой не занимавшихся и потому неумытых. Как он ухитрился сохранить такие воззрения, которые успели устареть за целый век до него, я не знаю, но они насквозь пропитали годы моего детства, и я только много позже осознал, что неумение обращаться с числами совсем не обязательно обрекает меня на жизнь дворника или судомойки. Мне в голову не приходило, что карьеру мне может обеспечить предмет, который интересовал меня больше всего, а отец тоже либо не замечал, либо не обращал внимания на то, что мои отметки по биологии всегда были хорошими.

По-настоящему эта проблема была решена для нас появлением триффидов. Но триффиды сделали для меня гораздо больше. Они обеспечили меня профессией и дали возможность жить в достатке. Правда, несколько раз они едва не отняли у меня жизнь. С другой стороны, надо признаться, что они и сохранили ее, ибо именно ожог триффидов уложил меня на больничную койку, где я провел трагический «вечер кометных осколков».

В книгах содержится множество досужих рассуждений относительно внезапного появления триффидов. Большинство этих рассуждений — сплошной бред. Разумеется, триффиды не возникли самопроизвольно, как полагают некоторые простые души. Вряд ли справедлива и гипотеза, рассматривающая появление триффидов как некую разновидность пришествия — этакое знамение, предупреждающее о том, что грядет нечто худшее, если буйный мир не исправится и не станет вести себя прилично. И не из космоса попали к нам их семена в качестве образцов ужасающих форм жизни, населяющей иные, менее благополучные планеты. Я, во всяком случае, отлично знаю, что это не так.

Я узнал о них больше, чем кто бы то ни было, потому что триффиды стали моей специальностью, и фирма, в которой я служил, была тесно, хотя и не совсем честно, связана с их появлением в нашем мире. Тем не менее их истинное происхождение остается неясным. Мое собственное мнение, чего бы оно ни стоило, состоит в том, что триффиды появились в результате серии биологических экспериментов и, по всей вероятности, совершенно случайно. Те, кто знал их истинную генеалогию, не опубликовали ни одного авторитетного документа. Причиной этому было несомненно, странное политическое положение в ту эпоху.

Мир, в котором мы тогда жили, был просторен, и большая его часть была открыта для любого из нас. Его опутывали шоссе, железные дороги и океанские линии, готовые перенести нас за тысячи миль в целости и сохранности. Если нам хотелось путешествовать быстрее и мы могли себе это позволить, мы путешествовали на самолетах. В те дни ни у кого не было нужды таскать с собой оружие и вообще принимать какие-либо меры предосторожности. Вы могли просто встать и отправиться куда вам угодно, и ничто не могло помешать вам, если не считать множества всяких анкет и правил. Сейчас этот одомашненный мир представляется утопией. Тем не менее таким он был.

Молодым людям, которые не знают его, трудно, должно быть, вообразить все это. Наверное, то время представляется им золотым веком, хотя оно далеко не было таковым. Иные могут решить, что подобный благоустроенный мир был скучен, и это тоже не так. Наша планета была довольно занятным местом — по крайней мере для биолога. С каждым годом мы понемногу отодвигали границу произрастания пищевых растений все дальше на север. Там, где всегда были тундры и пустоши, появлялись и давали обильные урожаи новые поля. Возвращались к жизни и покрывались зеленью древние пустыни. Дело в том, что пища была тогда нашей насущной проблемой, и процесс восстановления посевных площадей и движение границ произрастания культурных растений вызывал у нас не меньше волнений, нежели движение военных фронтов у предыдущего поколения.

Это смещение интереса с мечей на орала было, вне сомнения, социальным прогрессом, но в то же время ошибались оптимисты, когда утверждали, что оно свидетельствует об изменении человеческой натуры. Человеческая натура оставалась прежней

— девяносто пять процентов людей жаждали жить в мире, а остальные пять процентов только и ждали случая заварить какую-нибудь кашу. Затишье продолжалось лишь потому, что такого случая не представлялось.

Одним из факторов, которые удерживали милитаристские пять процентов от безобразных выходок, были искусственные спутники. Интенсивные исследования в области ракетной техники дали, наконец, результаты. Были запущены первые исследовательские спутники. Прошло какое-то время, и на орбитах появились боевые спутники, спутники-бомбы. Было очень неприятно сознавать, что над вашей головой крутятся в неизвестных количествах ужасные средства истребления, крутятся себе спокойно, пока кто-то не нажмет кнопку. Еще неприятнее было сознавать, что сделать здесь ничего нельзя. Тем не менее жизнь должна была идти своим чередом, волей-неволей приходилось свыкаться с этой идеей, а новизна, как известно, живет очень недолго. Время от времени появлялись сообщения о том, что, кроме спутников с ядерными боеголовками, над нашими головами носятся спутники, начиненные гербицидами, эпизоотиками, радиоактивной пылью, инфекционными болезнями — новенькими, с иголочки, только что из лабораторий. Трудно сказать, действительно ли существовало это ненадежное и по сути своей предназначенное для истребления без разбора оружие. Но надо иметь в виду, что границы человеческой глупости — особенно глупости, вызванной давящим страхом,— определить трудно. И не исключено поэтому, что в каких-нибудь генеральных штабах набор вирусов, очень неустойчивых и делающихся безвредными уже через несколько дней, мог считаться стратегическим оружием. В конце концов страны заключили между собой молчаливое соглашение ничего не отрицать и не подтверждать относительно боевых спутников, и постепенно общественное мнение переключилось на не менее важную, но менее острую проблему нехватки продовольствия.

Именно в это время на исторической арене появился Умберто Кристофоро Палангец. Впрочем, его появление прошло совершенно незамеченным, и вряд ли те, кто не знал его лично, когда-либо догадывались о его существовании. Я, например, узнал о нем лишь годы спустя, когда уже работал в компании.

Умберто был латиноамериканцем. Его роль в мировом производстве продуктов питания началась с того момента, когда он вошел в контору «Арктической и Европейской Компании Рыбьих Жиров» и показал там бутыль с бледно-розовым маслом.

В «Арктической и Европейской» не проявили никакого энтузиазма. Дела ее шли не совсем хорошо. Тем не менее со временем они все же удосужились подвергнуть оставленный образец анализу.

Прежде всего обнаружилось, что масло это не является рыбьим жиром: это было растительное масло неизвестного происхождения. Вторым откровением явилось то обстоятельство, что в сравнении с этим маслом лучшие рыбьи жиры казались дрянной машинной смазкой. Встревожившись, сотрудники «Арктической и Европейской» отправили остаток образца на более тщательное исследование и одновременно разослали торопливые запросы с целью выяснить, не появлялся ли мистер Палангец где-либо еще.

Когда Умберто пришел опять, директор-управляющий принял его с очень лестной обходительностью.

— Какое замечательное масло принесли вы нам, мистер Палангец,— сказал он.

Умберто наклонил черную лоснящуюся голову. Он и сам прекрасно знал это.

— Ничего подобного я в жизни не видел,— признался директор.

Умберто снова наклонил голову.

— Да, вы не видели,— вежливо сказал он. Затем, как бы после раздумья, он добавил:— Но это ничего, сеньор, я думаю, вы еще увидите. И в очень больших количествах.— Он опять подумал.— Оно появится на рынке, я думаю, лет через семь-восемь.— Он улыбнулся.

Директору это показалось невозможным. Он честно сказал:

— Оно лучше, чем наши рыбьи жиры.

— Мне так и говорили, сеньор,— согласился Умберто.

— Вы собираетесь торговать им сами, мистер Палангец?

Умберто снова улыбнулся.

— Разве тогда я показал бы его вам?

— Мы могли бы улучшить один из наших жиров синтетически,— заметил директор задумчиво.

— При помощи некоторых витаминов... но синтез витаминов обойдется слишком дорого, даже если бы вы умели это,— тихо сказал Умберто.— Кроме того,— добавил он,— мне говорили, что это масло все равно с легкостью вытеснит ваши лучшие жиры.

— Гм,— сказал директор.— Ну хорошо, мистер Палангец. Полагаю, вы пришли к нам с предложением. Может быть, мы перейдем прямо к нему?

Умберто объяснил:

— Избавиться от этого затруднения можно двояко. Обычный путь — это предотвратить его или по крайней мере оттянуть до тех пор, пока не оправдает себя капитал, вложенный в существующее оборудование. Это, разумеется, наиболее приемлемый путь.

Директор кивнул. Он-то знал о таких вещах.

— Однако на этот раз я должен вам посочувствовать, потому что, видите ли, это невозможно.

Директор усомнился. Ему хотелось сказать: «Вы так думаете?» Но он подавил это желание и ограничился уклончивым: «О?»

— Другой путь,— продолжал Умберто,— это производить товар самому, пока не стряслось несчастье.

— А!— сказал директор.

— Я полагаю,— сказал Умберто,— мне кажется, я смог бы доставить вам семена этого растения, скажем, через шесть месяцев. Если бы вам пришлось выращивать это растение, вы смогли бы начать производство масла через пять лет или, возможно, полный урожай получился бы через шесть.

— Действительно, как раз вовремя,— заметил директор.

Умберто кивнул.

— Первый путь значительно проще,— сказал директор.

— Если бы он был осуществим,— согласился Умберто.— Но, к сожалению, ваш конкурент для вас недоступен или, скажем, он несокрушим.

Он произнес это утверждение с такой уверенностью, что директор в течение нескольких секунд внимательно глядел на него.

— Понятно,— сказал он наконец.— Хотелось бы знать... э-э... Вы не из Советского Союза, мистер Палангец?

— Нет,— сказал Умберто.— Как правило, я жил в странах западного мира. Но у меня есть различные связи...

Здесь уместно вспомнить, что русские прославились гигантскими работами по обводнению пустынь и степей и по созданию плодородных районов в своей северной тундре. Значительных успехов добилась и их биология, причем в этой области они, конечно, как и все другие государства, имели свои секреты.

— Подсолнечники,— сказал директор рассеянно, как бы размышляя вслух.— Мне случайно известно, что они там сумели увеличить выход подсолнечного масла. Но ведь это совсем не то.

— Да,— согласился Умберто.— Это совсем не то.

Директор посвистел.

— Семена, вы говорите. Вы хотите сказать, что это какой-то новый вид? Потому что, если это какой-то улучшенный известный сорт, который легко...

— Мне объяснили, что это новый вид — нечто совершенно новое.

— Значит, своими глазами вы его не видели? Может быть, это действительно какая-нибудь модифицированная разновидность подсолнечника?

— Я видел фотографию, сеньор. Я не говорю, что там нет ничего от подсолнечника. Я не говорю, что там нет ничего от турнепса. Я не говорю, что там нет ничего от крапивы или даже от орхидеи. Но я утверждаю вот что. Если все они приходятся этому растению папашами, то эти папаши не узнали бы своего ребенка. И уж, во всяком случае, они не стали бы им гордиться.

— Понятно. А теперь скажите, какую сумму вы рассчитываете получить от нас за семена этой штуки?

Умберто назвал сумму, которая сразу заставила директора перестать посвистывать. Она заставила директора снять очки и пристально уставиться на собеседника. Умберто это не смутило.

— Судите сами, сеньор,— сказал он, постукивая пальцами о пальцы.— Это трудно. И это опасно, очень опасно. Я не трус, но опасности не доставляют мне удовольствия. Есть еще один человек. Я должен буду увезти его с собой, и ему нужно хорошо заплатить. Там будут и другие, которым тоже нужно заплатить. Кроме того, мне придется купить самолет — реактивный самолет, очень быстрый. Все это стоит дорого. И я говорю вам: это не просто. Вам нужны хорошие семена. Большая часть семян этого растения не всхожа. Чтобы действовать наверняка, я должен буду доставить вам отсортированные семена, очень ценные... Да, это будет не просто.

— Я верю вам. Но все-таки...

— Неужели я прошу так уж много, сеньор? А что вы запоете через несколько лет, когда это масло появится на мировом рынке, и ваша фирма разорится?

— Все это надо тщательно продумать, мистер Палангец.

— Ну, разумеется, сеньор!— согласился Умберто с улыбкой.— Я могу подождать немного. Но боюсь, что уменьшить сумму я не смогу.

Сумму он не уменьшил.

Открыватель и изобретатель — это бич для бизнеса. Палки в колеса по сравнению с ними — ничто, вы просто меняете сломанные спицы и катите дальше. Но появление нового процесса, нового вещества, когда ваше производство отлично налажено и работает, как часовой механизм,— это сам дьявол во плоти. Иногда даже хуже, чем дьявол. Тогда уже хороши все средства.

Слишком многое поставлено на карту. И если вы не в состоянии действовать легально, вам приходится искать другие пути.

Ведь Умберто еще недооценил опасность. Дело было не только в том, что конкуренция нового дешевого масла вытеснила бы с рынка «Арктическую и Европейскую» и ее коллег. Эта реакция пошла бы вширь. Жестокий, хотя, возможно, и не смертельный, удар получило бы производство арахисового масла, оливкового масла и китового жира. Более того, это самым разрушительным образом отразилось бы на зависимых отраслях, производящих маргарин, мыло и сотни других товаров, начиная с косметических кремов и кончая масляными красками. И когда наиболее влиятельные из заинтересованных лиц осознали серьезность угрозы, условия Умберто стали казаться едва ли не скромными.

С ним заключили соглашение: очень уж убедительно выглядел образец масла, хотя все остальное и представлялось несколько туманным.

Фактически все обошлось «Арктической и Европейской» гораздо дешевле, чем она соглашалась заплатить, потому что Умберто исчез со своим самолетом, и больше его никогда не видели.

Никто никогда не узнает, что случилось с самим Умберто. Я думаю, что где-то в стратосфере над Тихим океаном его атаковали самолеты, пустившиеся за ним в погоню. Вероятно, он узнал об этом только тогда, когда снаряды с русских истребителей стали рваться у него в кабине.

И я думаю также, что один из этих снарядов вдребезги разбил некий фанерный ящик — тот самый ящик, в котором были упакованы семена.

Может быть, самолет Умберто взорвался, может быть, он просто развалился на куски. Как бы то ни было, я уверен, что, когда обломки начали свое долгое-долгое падение в океан, на их месте осталось в небе легкое облачко, похожее на клуб белого пара.

Но это был не пар. Это были семена, такие бесконечно легкие, что они плавали даже в разреженном воздухе. Миллионы опутанных шелковистой паутинкой семян триффидов, отданных на волю всех ветров, чтобы лететь туда, куда понесут их эти ветры...

Прошли, наверное, недели, а может быть, и месяцы, прежде чем они, наконец, коснулись земли, многие за тысячи миль от того места, где они начали свой полет.

Повторяю, все это только предположения. Но я не вижу более вероятной причины неожиданного появления этого таинственного растения почти во всех частях света.

Мое знакомство с триффидами состоялось в детстве. Случилось так, что один из первых триффидов в округе вырос в нашем собственном саду. Он уже изрядно развился, когда мы обратили на него внимание, потому что вместе с множеством других сорняков он пустил корни в укромном месте — в мусорной яме за оградой.

Там он никому не мешал, и ему никто не мешал. Мы просто время от времени смотрели, как он растет, и не трогали его.

Но триффид, конечно, своеобразное растение, и он не мог в конце концов не вызвать у нас некоторого любопытства. Возможно, наше любопытство не было слишком активным, поскольку всегда можно найти нескольких незнакомцев, которым удается поселиться в запущенных уголках сада; тем не менее мы нередко

говорили друг другу, что этот незнакомец выглядит как-то очень уж странно.

В нынешнее время, когда каждый слишком хорошо знает, как выглядит триффид, трудно восстановить в памяти, какими необычными и, в известном смысле, иноземными представлялись нам первые триффиды. Насколько я знаю, ни дурных предчувствий, ни тревоги они ни у кого не вызывали. Я полагаю, что большинство людей относилось к ним — если только вообще как-нибудь относилось — примерно так же, как мой отец.

В памяти моей запечатлена картина, как он озадаченно рассматривает наш экземпляр. Триффиду, вероятно, не больше года. Почти во всех деталях это уменьшенная вдвое копия взрослой особи, только он еще не имел названия и никто еще не видел взрослую особь. Отец нагибается, глядя на него через очки в роговой оправе, ощупывает стебель и тихонько пыхтит в желтоватые усы, что делает всегда, погружаясь в задумчивость. Он исследует прямой ствол и деревянистое основание. Он уделяет особое внимание трем маленьким черенкам, торчащим из основания рядом со стволом, и в этом внимании нет прозрения, одно лишь любопытство. Он разглаживает короткие пучки зеленых кожистых листьев, пропуская их между большим и указательным пальцами, словно осязание может что-то подсказать ему. Затем он заглядывает в диковинное воронкообразное образование на верхушке стебля и по-прежнему пыхтит сквозь усы в нерешительной задумчивости. Я помню, как он в первый раз поднимает меня на руки, чтобы я тоже посмотрел в эту коническую чашечку. На дне ее я вижу туго скрученную, похожую на молодой, свернутый в улитку листок папоротника, спираль, которая дюйма на два выступает из липкой массы. Я не притрагиваюсь к ней, но я знаю, что вещество это липкое, потому что в нем медленно барахтаются мухи и другие мелкие насекомые.

Отец не раз однообразно удивлялся, какое это странное растение, и обещал непременно пойти куда-то на днях и узнать, наконец, что оно такое. По-моему, он так и не ходил, а если бы и пошел, то вряд ли узнал бы что-нибудь в то время.

Триффид был тогда высотой более метра. Должно быть их было много в округе, и они росли себе спокойно и незаметно, и никто не обращал на них особенного внимания — так по крайней мере казалось, потому что, если даже биологи и ботаники интересовались ими, публика об этом не знала. И триффид в нашем саду продолжал мирно расти, как и тысячи его собратьев в запущенных уголках по всему белому свету.

Но прошло немного времени, и вот первый триффид вытянул из земли ноги и зашагал.

Такие невероятные способности триффидов, насколько я знаю, впервые обнаружились в Индокитае. Это, между прочим, доказывает, что люди все еще не обращали на триффидов практически никакого внимания. Индокитай был одной из тех областей нашей планеты, где вечно возникали всякого рода неправдоподобные и странные слухи. Эти слухи приобретали популярность, когда в делах наступало затишье, и издателям, чтобы несколько оживить газеты, приходилось прибегать к «духу таинственного Востока». Как бы там ни было, индокитайский случай недолго оставался уникальным. Через несколько недель сообщения о ходячих растениях посыпались с Борнео и Суматры, из Конго, Колумбии, Бразилии и других стран, расположенных вблизи экватора.

На этот раз они все-таки попали в печать. Однако никто еще не осознавал, что эти созревшие особи имеют что-то общее с почтенной мирной травой на нашей мусорной куче. Осознанию мешало то обстоятельство, что сведения поступали из третьих рук и публиковались с оттенком игривости, которой газеты прикрываются, если речь идет о морских змеях, о редчайших явлениях природы, о телепатии и тому подобном. И только когда появились фотографии, мы сообразили, что наша трава отличается от ходячих экземпляров только размерами.

Кинохроника совершила промах. Возможно, операторы, которые отправились в заморские страны, сумели в награду за беспокойство получить хорошие и интересные кадры, но у продюсеров бытовала теория, будто любая тема продолжительностью более десяти секунд, если это не репортаж о боксерском матче, неминуемо повергает зрителя в скуку. Поэтому то, что впоследствии сыграло такую громадную роль в моей жизни и в жизни множества других людей, я впервые увидел на считанных кадрах, втиснутых между первенством по хулу на Гавайских островах и спуском со стапелей нового линкора. (Это не анахронизм. Линкоры все еще строились; ведь кормиться нужно было и адмиралам.) Мне дали увидеть, как через экран бредут, раскачиваясь, триффиды под аккомпанемент изречений, предположительно соответствующих умственному уровню великого современного кинозрителя.

— А теперь, друзья, получайте, что нашел для вас наш оператор в Эквадоре. Зелень на прогулке! Вам небось такие штуки мерещатся разве что после хорошей попойки, а там, в солнечном Эквадоре, их можно видеть в любое время и безо всякого похмелья! Растения-чудовища на походе! Кстати, у меня идея! Давайте научим нашу картошку бегать прямо к нам в кастрюли. Как тебе это понравится, мамочка?

Короткое время, пока длилась эта сцена, я просидел как завороженный. Вот оно, наше таинственное растение из мусорной ямы, только высотой более двух метров. Я не мог ошибиться... И оно «ходило»!

Основание, которое я увидел тогда целиком впервые, было косматым от множества маленьких волосовидных корешков. Оно было сферической формы, только в нижней его части имелись три тупых, сужающихся к концам выступа. Опираясь на них, основание возвышалось над уровнем почвы на целый фут.

«Шагая», триффид передвигался примерно так, как человек на костылях. Две тупые «ноги» скользили вперед, задняя «нога» подтягивалась к ним, растение наклонялось, и передние «ноги» снова скользили вперед. При каждом шаге длинный стебель отчаянно мотался — это производило тошнотворное впечатление. Такой способ передвижения выглядел одновременно энергичным и неуклюжим, триффиды в движении смутно напоминали резвящихся молодых слонов. Было такое чувство, что у них вот-вот обдерутся листья или даже сломается стебель. Но при всей своей неказистости они могли «ходить» со скоростью нормального человеческого шага.

Вот примерно все, что я увидел, пока не начался спуск на воду линкора. Немного, но вполне достаточно, чтобы возбудить в мальчишке исследовательский дух. Если эта штуковина может показывать такой фокус в Эквадоре, то почему бы ей не показать такой же у нас в саду? Правда, наша гораздо меньше, но ведь на вид она совершенно такая же...

Через десять минут после возвращения домой я уже окапывал нашего триффида, осторожно убирая вокруг него землю, чтобы поощрить его к прогулке.

К несчастью, открытие самодвижущихся растений имело один аспект, который операторы не испытывали на себе или по каким-то причинам решили скрыть от публики. Во всяком случае, об опасности я не подозревал. Я сидел на корточках, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы не повредить корни, когда на меня обрушился чудовищный удар, и я потерял сознание...

Очнулся я в постели; мать, отец и доктор сидели рядом и с тревогой глядели на меня. Голова моя раскалывалась, все тело ныло, и, как я узнал потом, лицо мое украшал пухлый кроваво-красный рубец. Меня настойчиво, но напрасно расспрашивали, как случилось, что я валялся в саду без памяти: я не имел ни малейшего представления о том, чем меня ударило. Лишь позже я выяснил, что я, вероятно, был первым в Англии человеком, которого ужалил триффид. Триффид был, разумеется, незрелый. Но еще прежде чем я полностью оправился, отец узнал, как все произошло, и к тому времени, когда я снова вышел в сад, он уже совершил над триффидом правосудие и сжег обрубки на костре.

Как только ходячие растения стали установленным фактом, пресса оставила прежнюю сдержанность и устроила им настоящую рекламу. Теперь необходимо было подобрать им название. Ботаники уже привычно барахтались в многосложных латинских и греческих словах, создавая производные от ambulans и pseudopodia, но газеты и публика желали чего-нибудь более простого для произношения и не слишком тяжеловесного для заголовков. Если раскрыть газеты того времени, то можно встретить в них такие названия, как

тришоты	триниты
трикаспы	трипедалы
тригенаты	трипеды
тригоны	трикеты
трилоги	триподы
тридентаты	триппеты,

а также массу других таинственных слов, которые даже не начинаются обычным «три», хотя почти все они так или иначе включают в себя указание на три «ноги» растения.

Шли споры — публичные и частные, в барах и клубах — о терминах, но постепенно в этой филологической мешанине стал брать верх один термин. В своей первичной форме он оказался не совсем приемлемым, но повседневное употребление сократило его долгое «и», а привычка вскоре добавила для уверенности второе «ф». Так возник общепринятый стандартный термин. Короткое запоминающееся название, зародившееся в редакции какой-то газетки как подходящий ярлык для диковинки — ему суждено было впоследствии сделаться словом, неразрывно связанным с представлением о боли, страхе, несчастье: триффид...*

---

* От английского «three feet» (три ноги)

Первая волна всеобщего интереса скоро спала. Да, действительно, триффиды были немного жутковаты, но в конечном счете именно потому, что они были новинкой. Совершенно так же публика относилась к новинкам прошлых лет — к черным лебедям, гигантским ящерицам, кенгуру. И если на то пошло, разве триффиды более удивительны, чем двоякодышащие рыбы, устрицы, головастики и сотни других живых существ? Летучая мышь, скажем, это зверек, научившийся летать; отлично, теперь у нас есть растение, научившееся ходить, и что из этого?

Однако имелись в вопросе о триффидах аспекты, отмахнуться от которых было труднее. Их внезапное появление и тем более их повсеместное распространение представлялись весьма загадочными. Дело в том, что хотя созревали они быстрее всего в тропиках, но сообщения о них поступали отовсюду, кроме полярных районов и пустынь.

Публика была удивлена и несколько шокирована, узнав, что триффиды — плотоядные растения, что мухи и другие насекомые, попавшие в чашечку, самым настоящим образом перевариваются содержащимся в ней липким веществом. В нашем умеренном поясе мы, конечно, тоже знали о существовании крупных насекомоядных растений, но мы не привыкли, чтобы они находились вне специальных парников, и склонны были усматривать в них что-то неприличное или по крайней мере неправильное. Но настоящую тревогу вызвало открытие, что скрученный жгут, увенчивающий стебель триффида, представляет собой тонкое трехметровое жало, способное с силой выбрасываться наружу и содержащее достаточно яда, чтобы убить человека, если оно ударяет в незащищенную кожу.

Как только эта опасность была оценена по достоинству, последовало торопливое истребление триффидов; их рубили в куски повсюду, пока кого-то не осенило, что для полного обезвреживания триффида достаточно удалить у него жало. Только тогда это несколько истерическое избиение пошло на убыль, но ряды триффидов к тому времени уже изрядно поредели. Несколько позже появилась мода иметь одного-двух обезвреженных триффидов у себя в саду. Выяснилось, что отрезанное жало восстанавливается только через два года, и ежегодное урезание вполне гарантирует вашим детям безопасную и забавную игрушку.

В умеренном поясе, где человеку удалось ограничить большинство форм жизни (кроме себя самого) более или менее строгими рамками, статус триффидов был, таким образом, определен вполне четко. Но в тропиках, особенно в джунглях, они быстро сделались бичом божьим.

Путнику нелегко обнаружить засаду в кустах и зарослях, и едва он вступал в зону поражения, ему навстречу выхлестывалось ядовитое жало. Даже туземец не всегда мог разглядеть неподвижного триффида, коварно затаившегося возле лесной тропинки. Они были сверхъестественно чувствительны ко всякому движению поблизости от себя, и застать их врасплох было трудно.

Борьба с ними превратилась в тропиках в серьезную проблему. Наилучший способ состоял в том, чтобы отстреливать верхушку стебля вместе с жалом. Туземцы взяли на вооружение длинный легкий шест с кривым ножом на конце; они пользовались им довольно ловко, если успевали нанести удар первыми, но ничего не получалось, когда триффид вдруг наклонялся вперед и неожиданно увеличивал таким образом радиус поражения

на метр-полтора. Вскоре, однако, эти копьеобразные приспособления были вытеснены пружинными ружьями разных типов. Как правило, они стреляли вертящимися дисками, вертящимися крестами и маленькими бумерангами из тонкой стали. Точный бой у них не превышал двенадцати метров, однако при попадании они напрочь срезали стебель и с двадцати пяти метров. Изобретение этого оружия вызвало тихую радость как у властей, которым очень не нравилось, что огнестрельное оружие носит кто попало, так и у населения: острые как бритва метательные снаряды были значительно дешевле и легче, нежели патроны, и восхитительно подходили для бесшумной партизанской войны.

Повсюду продолжались интенсивные исследования триффида, его природы, образа жизни и внутреннего строения. Были проведены серьезные эксперименты с целью установить в интересах науки, как далеко и как долго способен он ходить; есть у него передняя и задняя часть или он с одинаковой неуклюжестью может двигаться любой стороной вперед; какую долю времени он проводит, зарывшись корнями в землю; как он реагирует на присутствие в почве различных химических веществ, а также масса всяких иных экспериментов, полезных и бесполезных.

Самый крупный экземпляр, найденный в тропиках, достигал в высоту почти трех метров. Европейские экземпляры не превышали двух метров сорока сантиметров, в среднем же они были двух метров десяти сантиметров. Они, по-видимому, легко приспосабливались в самом широком диапазоне климатов и почв. Естественных врагов у них, видимо, не было, если не считать человека.

Но они обладали еще большим числом довольно очевидных особенностей, которые вначале не были замечены наблюдателями. Прошло, например, много времени, прежде чем обратили внимание на то, что триффиды бьют жалом с невероятной точностью и почти всегда целятся в голову. Не сразу заметили и то, что они имеют обыкновение оставаться подле своих жертв. Причина стала ясной, когда узнали, что они питаются не только насекомыми, но и мясом. Жалящий жгут не обладал мускульной мощностью, чтобы разрывать плоть, но в нем было достаточно силы, чтобы отделять лоскутья от разложившегося тела и отправлять их в чашечку на стебле.

Не сразу заинтересовались и тремя небольшими голыми черенками у основания стебля. Существовало неясное представление, будто они как-то связаны с системой размножения — той самой системой, куда ботаники обыкновенно зачисляют на первый случай все сомнительные органы, пока они не будут как следует изучены и поняты. Поэтому стали считать, что свойство этих черенков вдруг приходить в движение и выстукивать барабанную дробь о главный стебель является своеобразным проявлением триффидных любовных устремлений.

Я был ужален в детстве, в самом начале эры триффидов. Этот несчастный случай, возможно, стимулировал мой к ним интерес, ибо кажется с той поры у меня с ними установилось что-то вроде связи. Я провел — или, с точки зрения моего отца, «потратил» — много времени, зачарованно наблюдая за ними.

Нельзя упрекать отца за то, что он считал это пустым времяпрепровождением. И тем не менее позже оказалось, что время было проведено далеко не худшим образом, потому что как раз перед тем, как я закончил школу, «Арктическая и Европейская

Компания Рыбьих Жиров» реорганизовалась, утратив в процессе реорганизации из своего названия слово «рыбьих». Публика узнала, что «Арктическая и Европейская» а также другие подобные фирмы за границей собираются выращивать триффидов в больших масштабах на предмет получения ценных масел и соков и производства питательных кормовых жмыхов. Таким образом, триффиды в одну ночь вошли в царство большого бизнеса.

Я тут же определил свое будущее. Я обратился в «Арктическую и Европейскую», где мои данные позволили мне получить работу в сфере производства. Неудовольствие отца было несколько смягчено размерами зарплаты, весьма хорошей для моего возраста. Но когда я с энтузиазмом заговорил о будущем, он только с сомнением запыхтел в усы. Он верил лишь в такую работу, которая имела давно установившиеся традиции; впрочем, он мне не препятствовал. «В конце концов,— снисходительно заметил он,— если эта штука кончится пшиком, ты будешь еще достаточно молод, чтобы приняться за что-либо более солидное».

Приматься за что-либо солидное мне не пришлось. Пятью годами позже отец и мать погибли при крушении прогулочного аэробуса, но им еще довелось увидеть, как новые фирмы вытеснили с рынков все конкурирующие масла, и те из нас, кто вступил в дело с самого начала, могли, очевидно, считать себя обеспеченными на всю жизнь.

Одним из вступивших с самого начала был Уолтер Лакнор

Вначале фирма колебалась, брать ли Уолтера. Он мало понимал в агрономии, еще меньше в делах и не имел никакой квалификации для лабораторных работ С другой стороны, он очень много понимал в триффидах, у него была врожденая сноровка обращаться с ними.

Я не знаю — могу только догадываться,— что случилось с Уолтером в роковой майский день через несколько лет. Очень печально, что он не выжил. Сейчас он был бы незаменим у нас. Я не думаю, что кто-нибудь действительно понимает триффидов или когда-нибудь научится понимать их, но Уолтер был к этому ближе всех. Или вернее будет сказать, что ему была дана способность воспринимать их интуитивно.

Впервые он поразил меня год или два спустя после того, как начался триффидный бизнес.

Солнце садилось. Мы закончили работу и с чувством удовлетворения взирали на три новых поля, засаженных почти созревшими триффидами. В те дни мы еще не содержали их в корралях, как позже. Они были высажены на полях приблизительно прямыми рядами — во всяком случае, прямыми рядами располагались стальные шесты, к которым они были прикреплены цепями, потому что сами растения оставаться в строю не желали Мы считали, что примерно через месяц можно будет начать надрезать их для получения сока. Вечер был тихий, и только триффиды время от времени нарушали эту тишину, барабаня черенками по стеблям. Уолтер смотрел на них, склонив голову. Затем он вынул изо рта трубку.

— Сегодня вечером они что-то разговорчивы,— сказал он.

Я воспринял это, естественно, как метафору.

— Возможно, погода виновата,— предположил я.— Мне кажется, они делают это больше, когда сухо.

Он искоса взглянул на меня, улыбаясь.

— Вы тоже более разговорчивы, когда сухо?

— С какой стати?..— начал я и остановился.— Не думаете же вы, что они действительно разговаривают,— сказал я, пораженный выражением его лица.

— Почему бы и нет?

— Но это же абсурд. Говорящие растения!

— Больший абсурд, нежели ходячие растения?— спросил он.

Я уставился на них, затем снова на него.

— Мне в голову не приходило...— начал я с сомнением.

— Подумайте об этом немного и понаблюдайте за ними. Мне интересно, к какому вы выводу придете.

Как это ни странно, но за все время, что я имел дело с триффидами, такая возможность никогда не приходила мне в голову. Я думаю, меня гипнотизировала теория любовного призыва. Но когда он подал эту идею, я принял ее сразу и целиком. Я не мог больше отделаться от ощущения, что они, возможно, действительно отстукивают друг другу какие-то тайные послания.

До того вечера я воображал, что наблюдаю триффидов достаточно внимательно, но когда о них заговорил Уолтер, я почувствовал, что не видел практически ничего. А Уолтер, если он был в настроении, мог говорить о них часами, выдвигая теории, которые звучали иногда дико, но никогда не казались невозможными. К тому времени публика уже не смотрела на триффидов, как на каприз природы. Они были забавными уродцами, только и всего; особого интереса они не представляли. Компания же ими интересовалась. Она считала, что их существование является благом для всего человечества и особенно для нее самой. Уолтер не разделял ни мнения публики, ни мнения Компании. Слушая его, я начинал временами мучиться скверными предчувствиями.

Теперь он был совершенно убежден, что они «разговаривают».

— А отсюда следует,— утверждал он,— что где-то в них прячется интеллект. Он не может находиться в мозгу, потому что, как показывают вскрытия, никакого мозга у них нет. Но это не значит, что у них нет какой-то системы или органа, которые выполняли бы функции мозга. А что-то вроде интеллекта у них, несомненно, имеется. Вы заметили, что когда они нападают, они всегда целят в незащищенную часть тела? Почти всегда в голову, иногда в руки. Или вот еще: если взять статистику жертв, то обращает на себя внимание процент поражения глаз и ослепление. Это весьма примечательно и важно.

— Чем же?— спросил я.

— Тем, что им известно, как вернее всего вывести человека из строя. Другими словами, они знают, что делают. Давайте посмотрим на это вот с какой точки зрения. Положим, что они действительно обладают интеллектом. Тогда у нас перед ними только одно важное преимущество — зрение. Мы видим, они — нет. Отнимите у нас зрение, и наше превосходство исчезнет. Мало того, наше положение станет хуже, чем у них, потому что они приспособлены к слепому существованию, а мы нет.

— Даже если бы это было так, они не могут создавать вещи. Они не могут пользоваться вещами. У них в этом жалящем жгуте очень мало силы,— заметил я.

— Правильно. Но на что нам способность пользоваться вещами, если мы не видим, что нужно делать? И кроме того, они не нуждаются в вещах, как мы. Они могут получать пищу прямо из почвы, могут питаться насекомыми и кусочками сырого мяса. Им ни к чему сложнейший процесс выращивания, распределе-

ния и вдобавок еще обработки продуктов питания. Короче, если бы мне предложили пари: у кого больше шансов выжить — у триффида или у слепого человека, я бы знал, на кого поставить свои деньги.

— Вы предполагаете равные интеллекты,— сказал я.

— Ничего подобного. Я готов признать, что триффиды обладают интеллектом совершенно иного типа, хотя бы потому, что их потребности гораздо проще. Смотрите, какие сложные процессы мы используем, чтобы получить съедобный продукт из триффида. А теперь поменяйте нас местами. Что нужно сделать триффиду? Ужалить, подождать несколько дней и приступать к еде, только и всего. Просто и естественно.

В таком духе он мог продолжать часами; слушая его, я постепенно терял представление об истинном соотношении между вещами и обнаруживал вдруг, что думаю о триффидах, как о своего рода соперниках человечества. Сам Уолтер никогда не притворялся, будто думает иначе. Он упомянул как-то, что намеревался, собрав необходимый материал, написать об этом книгу, но потом раздумал.

— Раздумали?— спросил я.— Что же помешало вам?

— Вот это все,— он махнул рукой в сторону плантаций.— Теперь это верный источник доходов. Не стоит зря внушать людям беспокойство. Все-таки триффиды у нас под контролем, так что вопрос это чисто академический. Вряд ли имеет смысл поднимать его.

— С вами я никогда ни в чем не уверен,— сказал я.— Я никогда не знаю, насколько вы серьезны и как далеко от фактов уводит вас ваше воображение. Вы серьезно полагаете, что они представляют опасность?

Прежде чем ответить, он пососал трубку.

— Если говорить честно, признался он,— то я... понимаете, я сам ни в чем не уверен. Но я твердо знаю одно: они могли бы представлять опасность. Я ответил бы вам гораздо более определенно, если бы мне удалось нащупать, о чем они там барабанят. Мне это как-то очень не нравится. Вон они, торчат себе на грядках, и никто не думает о них больше, чем об огурцах, но ведь они половину времени занимаются тем, что трещат и барабанят друг другу. Почему? О чем? Много бы я дал, чтобы узнать это.

Я думаю, что Уолтер редко упоминал о своих идеях кому-либо еще, и я тоже держал их в тайне отчасти потому, что считал себя человеком легковерным, а отчасти потому, что незачем нам было приобретать в фирме репутацию умалишенных.

Примерно год мы работали рука об руку. Но в связи с открытием новых питомников и с необходимостью изучать заграничный опыт я стал много времени проводить в поездках. Уолтер оставил работу в поле и перешел в исследовательскую группу. Его устраивало, что наряду с исследованиями для Компании он мог вести там исследования для себя. Время от времени я заходил позвидать его. Он непрерывно экспериментировал с триффидами, но вопреки его надеждам результаты не подтверждали однозначно его главные идеи. Ему удалось доказать — по крайней мере самому себе — наличие у триффидов довольно хорошо развитого интеллекта; впрочем, даже я вынужден был признать, что этот результат показал нечто большее, нежели инстинкт. Он все еще был уверен, что барабанная дробь черенков является формой передачи информации. Для публичного же употребления он указал, что черенки представляют собой какие-то важные ор-

ганы и что без них триффид медленно вырождается. Он установил также, что невсхожие семена у триффидов составляют девяносто пять процентов от общего числа.

— И слава богу,— заметил он.— Если бы они прорастали все, на земле скоро не осталось бы места ни для кого, кроме триффидов.

С этим я тоже согласился. В посевной сезон у триффидов было на что посмотреть. Темно-зеленый стручок под чашечкой блестел и надувался до размеров крупного яблока. Когда он взрывался, хлопок был слышен на расстоянии до двадцати метров. Белые семена, словно струя пара, взвивались в воздух, и самый легкий ветерок начинал уносить их прочь. С высоты триффидное поле поздним августом напоминало панораму какой-то беспорядочной бомбардировки.

Уолтеру принадлежало открытие, что качество соков повышается, если у растений не удалять жалящие жгуты. В результате практика урезания жгутов повсеместно прекратилась, и с тех пор при полевых работах нам приходилось носить защитные приспособления.

В день, когда случай уложил меня в госпиталь, я работал вместе с Уолтером. Мы исследовали некоторые экземпляры, у которых обнаружили необычные отклонения от нормы. Оба мы были в сетчатых масках. Я не видел точно, что произошло. Знаю только, что когда я наклонился, жало яростно хлестнуло мне в лицо и шлепнулось о проволоку маски. В девяноста девяти случаях из ста это ничего не значит: маски для этого и предназначены. Но на этот раз удар был так силен, что часть крошечных пузырьков с ядом лопнула, и несколько капель брызнуло мне в глаза.

Уолтер отнес меня в свою лабораторию и уже через несколько секунд применил противоядие. Только благодаря этому у врачей оказалась возможность спасти мне зрение. Но и то это означало для меня больше недели на больничной койке в полном мраке.

Пока я лежал в больнице, я твердо решил, что когда — и если — мне вернут зрение, я попрошу перевода на другую работу. Если мою просьбу отклонят, я уйду из фирмы совсем.

У меня выработался значительный иммунитет к триффидному яду еще после первого случая у нас в саду. Я был способен перенести и перенес без особого для себя вреда удары жалом, которые уложили бы любого неподготовленного человека хладным трупом. Но меня не оставляла мысль о кувшине, который повадился ходить по воду. Я получил последнее предупреждение.

Помнится, я провел во мраке много часов, раздумывая, на какую работу я могу рассчитывать, если мне откажут в переводе.

Принимая во внимание то, что уже ждало нас всех за углом, я едва ли мог найти более праздную тему для размышлений.

Дверь кабака еще раскачивалась позади меня, когда я направился по переулку на угол проспекта. Там я остановился в нерешительности.

Налево, за милями пригородных улиц, лежали поля и луга; направо был лондонский Уэст-энд и за ним Сити. Я уже несколько оправился, но ощущал себя теперь странно обособленным и как-то без руля и без ветрил. У меня не было никакого плана действий, и перед лицом событий, которые я начал наконец постигать как гигантскую и всеобъемлющую катастрофу, мне было все еще слишком не по себе, чтобы что-нибудь придумать. Какой

план мог бы соответствовать таким событиям? Я чувствовал себя одиноким, заброшенным и вместе с тем временами не совсем настоящим, не совсем самим собою.

Проспект был пуст, единственным признаком жизни были фигуры немногочисленных людей, осторожно нащупывавших путь вдоль витрин магазинов.

Для начала лета день был превосходный. В синем небе, испещренном белыми ватными облачками, сияло солнце. Все небо было чистым и свежим, только на севере грязным пятном вставал из-за крыш столб жирного дыма.

Я простоял в нерешительности несколько минут. Затем я повернул на восток, к центру Лондона.

До сих пор не знаю почему. Может быть, то была инстинктивная тяга к незнакомым местам, а возможно — подспудное чувство, что если еще сохранились где-нибудь порядок и организация, так это в том направлении.

После бренди я был голоден, как никогда в жизни, но разрешить проблему питания оказалось не так-то легко. Казалось бы, вот они, магазины и лавки, без хозяев, без охраны, с витринами, забитыми едой; и вот он я, голодный и с деньгами в кармане; и если бы мне не захотелось платить, можно было бы разбить витрину и взять, что угодно, бесплатно.

Но убедить себя пойти на это было трудно. Прожив тридцать лет в уважении к праву и в повиновении закону, я еще не был готов признать, что условия изменились совершенно. Кроме того, у меня было такое ощущение, будто, пока я веду себя нормально, мир еще может каким-то непостижимым образом вернуться к нормальному состоянию. Абсурд, разумеется, но у меня было сильнейшее чувство, что стоит мне швырнуть камень в витрину, как я навсегда окажусь вне прежнего мироустройства: я сделаюсь грабителем, вором, грязным шакалом, терзающим мертвое тело вскормившего меня порядка. Какая дурацкая щепетильность на обломках разгромленной вселенной! И все же мне до сих пор приятно вспомнить, что я не сразу утратил цивилизованный облик, что хоть некоторое время я бродил, глотая слюни, среди выставленных яств, и уже устаревшие условности не позволяли мне утолить голод.

Примерно через полмили проблема разрешилась чисто софистическим путем. Поперек тротуара стояло какое-то такси, зарывшись радиатором в витрину кондитерского магазина. Это было уже нечто совсем иное, чем если бы взлом совершил я сам. Я пролез мимо такси и набрал всякой вкусной еды. Но даже тогда во мне говорило что-то от прежних нравственных стандартов: я оставил на прилавке щедрую плату за все, что взял.

Наискосок через улицу был садик. Такие садики разбивают на месте кладбищ при исчезнувших церквах. Старые надмогильные камни сняли и прислонили к кирпичной ограде, на расчищенном пространстве посеяли траву и проложили гравиевые дорожки. Под свежей листвой деревьев поставили уютные скамейки, и на одной из них я устроился со своим завтраком.

Здесь было пустынно и тихо. Никто сюда больше не входил, только иногда мимо решетчатой калитки пробредала, волоча ноги, одинокая фигура. Я бросил крошки немногим воробьям, первым птицам, которых я увидел в этот день, и почувствовал себя лучше, наблюдая их дерзкое безразличие к катастрофе.

Покончив с едой, я закурил сигарету. Пока я сидел так, раздумывая, что делать дальше, тишина нарушилась звуками пиани-

но. Играли где-то неподалеку, и девичий голос запел балладу Байрона. Я слушал, запрокинув голову и глядя на узор, образованный нежными молодыми листьями в свежем синем небе. Песня смолкла. Замерли звуки пианино. Затем послышались рыдания. Без страсти: тихие, беспомощные, горькие. Не знаю, кто оплакивал свои надежды, певица ли или другая женщина. Но у меня больше не было сил слушать. Я встал и тихонько вышел обратно на улицу, и некоторое время видел все словно в тумане.

Даже Гайд-парк-Корнер, когда я добрался туда, был почти пустынен. Несколько покинутых легковых и грузовых машин стояли на улицах. Видимо, очень немногие из них потеряли управление на ходу. Один автобус прошел поперек улицы и остановился в Грин-парке; белая лошадь с обломками оглобель лежала у памятника артиллеристам, о который она раскроила себе череп. Двигались только люди, немного мужчин и еще меньше женщин. Они осторожно нащупывали путь руками и ногами там, где были поручни и ограды, и медленно брели, выставив перед собой руки, по открытым местам. Кроме того, неожиданно для себя я заметил двух-трех котов, видимо вполне зрячих, воспринимавших новые обстоятельства с самообладанием, которое столь свойственно всем котам вообще. Блуждание в этой сверхъестественной тишине приносило им мало пользы: воробьев было мало, а голубей не было совсем.

Меня все еще магнетически влекло к прежнему центру моего мира, и я пошел по направлению к Пиккадилли. Там я вдруг услыхал неподалеку от себя новый отчетливый звук — равномерное приближающееся постукивание. Я взглянул вдоль Парк-лэйн и понял, в чем дело. Человек, одетый более аккуратно, чем все другие, кого я видел этим утром, торопливо шел в мою сторону, постукивая по стене рядом с собой белой тростью. Услыхав мои шаги, он настороженно остановился.

— Все в порядке,— сказал я.— Идите, не бойтесь.

Я почувствовал облегчение при виде его. Это был, так сказать, обыкновенный слепой. Его черные очки не так смущали меня, как широко раскрытые, но бесполезные глаза остальных.

— Тогда стойте на месте,— сказал он.— Бог знает, сколько дураков уже столкнулись со мной сегодня. Что, черт побери, случилось? Почему так тихо? Я знаю, сейчас не ночь — я чувствую солнце. Что стряслось?

Я рассказал ему все, что знал.

Когда я закончил, он молчал не менее минуты, затем у него вырвался горький смешок.

— Есть в этом одна штука,— сказал он.— Теперь все их проклятое попечительство понадобится им самим.

И он несколько вызывающе расправил плечи.

— Спасибо. Счастливо оставаться,— сказал он и зашагал своей дорогой, держась с преувеличенной независимостью.

Быстрый и отчетливый стук его трости постепенно замер вдали за моей спиной, когда я направлялся вверх по Пиккадилли.

Людей здесь было больше, и я пошел по мостовой среди стоявших в беспорядке машин. На мостовой я гораздо меньше смущал людей, нащупывавших дорогу вдоль стен зданий, потому что заслышав поблизости от себя шаги, они каждый раз останавливались в готовности к возможному столкновению. Такие столкновения происходили на тротуарах непрерывно, и одно из них показалось мне многозначительным. Молодой человек в хоро-

шо сидящем костюме, при галстуке, выбранном явно на ощупь, и молодая женщина с хныкающим ребенком на руках ощупью двигались навстречу друг другу вдоль витрины магазина. Они столкнулись, молодой человек стал осторожно обходить женщину и вдруг остановился.

— Погодите минутку,— сказал он.— Ваш ребенок зрячий?

— Да,— сказала она.— А я вот ослепла.

Молодой человек повернулся. Он упер палец в стекло витрины и сказал:

— А ну, сынок, посмотри, что там такое?

— Я не сынок,— возразил ребенок.

— Ну же, Мэри, скажи джентльмену,— сказала мать укоризненно.

— Там красивые тети,— сказала девочка.

Молодой человек взял женщину за руку и повел ее на ощупь к следующей витрине.

— А здесь что?— спросил он.

— Всякие яблоки,— ответила девочка.

— Отлично!— сказал молодой человек.

Он стащил с ноги туфлю и ударил в стекло каблуком. Он был неопытен, и первый удар не увенчался успехом. Зато после второго звон разбитого стекла эхом прокатился по улице. Молодой человек снова натянул туфлю, осторожно всунул руку в разбитую витрину и принялся шарить там, пока не нашел пару апельсинов. Один он дал женщине, другой протянул девочке. Затем он опять пошарил, нашел апельсин для себя и принялся его чистить. Женщина стояла в нерешительности.

— Но...— начала она.

— В чем дело?— спросил он.— Вы не любите апельсины?

— Это же неправильно,— сказала она.— Нам не следовало брать их. Не так надо было.

— А как?— спросил он.— Как вы собираетесь добывать еду?

— Я думаю... Ну, я не знаю,— призналась она неохотно.

— Очень хорошо. Вот вам и ответ. Ешьте, а потом мы пойдем и поищем чего-нибудь более сытного.

Она все держала плод в руке, склонив голову, как бы глядя на него.

— Все равно это неправильно,— снова сказала она, но теперь в голосе ее было меньше уверенности.

Потом она опустила ребенка на тротуар и принялась чистить апельсин...

Пиккадилли-Сиркус был самым многолюдным местом, какое мне пришлось до сих пор видеть. После пустынных улиц мне показалось, будто он заполнен толпой, хотя там было, наверное, всего не более сотни человек. Большей частью они были в нелепых, самых неподходящих одеждах и беспокойно бродили по кругу, словно еще не совсем пришли в себя. Изредка какое-нибудь столкновение вызывало взрыв ругани и бессильной ярости, слушать это было жутко, потому что эти взрывы порождаются страхом и детской раздражительностью. Но вообще, за единственным исключением, разговоров и шума было немного, словно слепота заперла людей в самих себе.

Разговаривал и шумел только высокий и тощий пожилой человек с копной жестких седых волос, обосновавшийся на одном из «островков безопасности» на проезжей части. Он вдохновенно разглагольствовал о раскаянии, о гневе грядущем, о неприятно-

стях, которые ожидают грешников. Никто не обращал на него внимания: для большинства день гнева уже наступил.

Затем вдалеке послышались звуки, привлекшие всеобщее внимание — хор голосов, который становился все громче

Когда подохну я.
Меня не хороните
Возьмите мое тело
И в спирте утопите

Унылый и нестройный, он гудел в пустынных улицах, отдаваясь гнетущим эхом. Люди в Сиркусе поворачивали головы то вправо, то влево, пытаясь определить его направление. Пророк судного дня повысил голос, дабы перекричать соперников. А разноголосый вой приближался:

В ногах и головах
Поставьте мне бочонок,
Тогда червям могильным
Не жрать моих печенок.

И как аккомпанемент к нему слышалось шарканье многих шагов, старающихся ступать в ногу

Стого места, где я стоял, было видно, как они цепочкой один за другим выползли из бокового переулка на Шафтсбери-авеню и повернули к Сиркусу. Второй в цепочке держался за плечи ведущего, третий — за плечи второго и так далее, человек двадцать пять или тридцать. Песня закончилась, и тогда кто-то затянул «Пиво, пиво, вот славное пиво!» таким высоким голосом, что сейчас же устыдился и смолк.

Они устало и упорно тащились вперед, пока не оказались в центре Сиркуса, и тут ведущий скомандовал:

— Рота-а-а... стой!

У него был уверенный командирский голос. Все в Сиркусе стояли неподвижно, все лица были обращены к нему, каждый старался понять, что происходит. Ведущий снова заговорил, пародируя манеру профессионального гида:

— Итак, джентльмены, мы здесь. Пиккавматьегодилли-Сиркус. Центр мира. Пуп вселенной. Здесь знатные особы развлекались вином, девками и музыкой.

Он был не слепым, отнюдь. Его глаза смотрели зорко, схватывая все, что происходило вокруг. Должно быть, зрение у него сохранилось так же случайно, как у меня, но он был изрядно пьян, и пьяны были люди, которых он привел.

— Мы тоже будем развлекаться,— прибавил он.— Следующая остановка в знаменитом Кафе Рояль, выпивка за счет заведения.

— Ага... А как насчет девок?— спросил голос, и раздался смех.

— О, девки... Тебе нужны девки?— сказал ведущий.

Он шагнул вперед и поймал за руку какую-то женщину. Она завизжала, но он, не обращая на это внимания, подтащил ее к говорившему.

— Держи, парень. И не говори потом, что о тебе не забочусь. Это персик, цыпочка . если тебе не все равно

— Эй, а мне?— сказал другой

— Тебе? Так, посмотрим. Тебе блондинку или черненькую?

Позже я понял, что вел себя как дурак Моя голова все еще была набита условностями и нравственными стандартами, которые

утратили смысл. Мне даже в голову не пришло, что у женщины, принятой в эту банду, гораздо больше шансов выжить, чем у предоставленной самой себе. Воспламененный школьной героикой и благородными сантиментами, я ринулся в бой. Он заметил меня, когда я был уже совсем рядом, и я изо всех сил ударил его в челюсть. К несчастью, он чуть-чуть опередил меня...

Когда я вновь обрел способность интересоваться окружающим, оказалось, что я лежу на мостовой. Топот и шарканье банды затихали вдали, и пророк судного дня, восстановив свое красноречие, посылал ей вслед громовые угрозы вечного проклятия, адского пламени и геенны огненной.

Обретя таким путем некоторую долю здравого смысла, я почувствовал облегчение, что так дешево отделался. Если бы на мостовую лег он, мне неминуемо пришлось бы взять на себя ответственность за людей, которые шли за ним. Можно что угодно думать о его методах, но он был глазами этой группы, и к нему они будут обращаться не только за выпивкой, но и за едой. И женщины тоже пойдут к ним добровольно, когда достаточно наголодаются. Я огляделся и подумал, что уже теперь вряд ли какая-нибудь женщина стала бы серьезно возражать против этого. В общем, так или иначе, мне, кажется, удалось счастливо избежать возведения в ранг вожака банды.

Припомнив, что они направились в Кафе Рояль, я решил прийти в себя и освежить голову в отеле Риджент-Палас. Похоже было на то, что кто-то подумал об этом раньше меня, но нетронутых бутылок там осталось еще достаточно.

Я думаю, именно тогда, удобно расположившись со стаканчиком бренди и сигаретой, я начал, наконец, признавать, что все, что я видел, было реальным и окончательным. Что возврата к прежнему не будет, не будет никогда. Что это конец всему, что я знал...

Возможно, чтобы убедить меня, понадобился тот удар кулаком. Теперь я был лицом к лицу с фактом, что мое существование больше не имело цели. Мой образ жизни, мои планы, стремления, мои надежды — все это сметено вместе с условиями, которые их формировали. Я полагаю, что, если бы я имел родных и близких и у меня было бы кого оплакивать, я чувствовал бы себя в тот момент покинутым. Но то, что еще вчера создавало в моей жизни некоторую пустоту, обернулось теперь для меня удачей. Мать и отец давно умерли, единственная моя попытка жениться кончилась несколько лет назад неблагоприятно, никто во всем мире от меня не зависел. И как это ни странно, я вдруг обнаружил, что испытываю — отчетливо сознавая, что так не должно быть,— чувство облегчения.

Не только под действием бренди возникло это чувство, ибо осталось во мне навсегда. Я думаю, оно возникло из ощущения, что мне предстоит нечто совершенно небывалое и новое. Все прежние избитые проблемы, личные и общие, были решены одним могучим потрясением. Только небо тогда знало, какие могут встать новые проблемы, а по всему было видно, что их будет немало, но они будут новыми. Я стал сам себе хозяином и не был больше винтиком в чужой машине. Да, возможно, мир будет полон ужасов и опасностей, которым мне придется противостоять, но я буду действовать по своему разумению, я не буду больше игрушкой сил и интересов, которых я не понимал и не желал понимать.

Нет, это было не только бренди, ибо даже сейчас, годы спустя, я все еще испытываю нечто подобное, хотя не исключено, что бренди несколько упростило тогда для меня положение вещей.

Затем был еще маленький вопрос: что делать дальше, как и где начинать эту новую жизнь? Я, однако, решил пока не слишком беспокоиться об этом. Я допил бренди и вышел из отеля посмотреть, что может предложить мне этот странный мир.

Чтобы избежать новой встречи с бандой из Кафе Рояль, я направился по боковой улице, ведущей в Сохо, рассчитывая вернуться на Риджент-стрит немного дальше.

Видимо, голод гнал народ из домов. Поэтому или по иной причине кварталы, куда я теперь углубился, были более многолюдны, нежели остальные места, где мне пришлось до сих пор проходить. На тротуарах и в узких переулках происходили непрерывные столкновения, и сумятица усугублялась толкучкой перед разбитыми витринами. Никто из толпившихся, очевидно, не знал, какой перед ним магазин. Одни оставались снаружи и пытались выяснить это, отыскивая на ощупь распознаваемые предметы; другие, рискуя распороть животы о торчащие осколки стекла, предприимчиво лезли внутрь.

Я чувствовал, что надо бы показать этим людям, где найти пищу. Но действительно ли я должен это сделать? Если бы я подвел их к нетронутой продовольственной лавке, началась бы давка, и все было бы кончено в течение пяти минут, и слабейшие были бы раздавлены насмерть. Пройдет какое-то время, продовольствие кончится, и что тогда делать с тысячами, требующими еды? Можно было бы отобрать небольшую группу и неопределенно долго кормить ее — но кого отбирать и от кого отказаться? Как я ни старался, безусловно правильной линии поведения мне придумать не удавалось.

Происходило нечто жестокое и страшное, где не было места рыцарству, где все хватали и никто не давал. Человек, столкнувшись с другим человеком и почувствовав, что тот несет какой-то сверток, вырывал этот сверток в расчете на съестное и отскакивал в сторону, а ограбленный в бешенстве хватал руками воздух или бил кулаками во все стороны. Раз меня едва не сбил с ног пожилой человек, внезапно шарахнувшийся, не разбирая дороги, с тротуара на мостовую; выражение его лица было необычайно хитрое и торжествующее, и он алчно прижимал к груди две банки масляной краски. На углу мне преградила путь толпа, сгрудившаяся вокруг смущенного ребенка. Люди едва не плакали от отчаяния: ребенок был зрячий, но он был слишком мал, чтобы понять, чего от него хотят.

Я начал ощущать беспокойство. С моим цивилизованным порывом помочь всем этим людям сражался инстинкт, который приказывал держаться в стороне. Люди на глазах теряли обычные сдерживающие начала. Я испытывал также иррациональное чувство вины за то, что был зрячим, тогда как все остальные были слепыми. Это вызывало странное ощущение, будто я скрываюсь от них, разгуливая между ними. Позже я понял, что прав был инстинкт.

Возле Голден-сквера я подумал о том, что пора пробираться обратно на Риджент стрит, где мостовая шире и идти свободнее. Я уже сворачивал в переулок, который вел туда, когда меня остановил внезапный прозительный крик. Люди вокруг тоже остановились. Они стояли как вкопанные по всей длине улицы, повора

чивая головы так и этак, полные смятения, пытаясь догадаться, что происходит. Страх усилил горе и нервное напряжение, и многие женщины расплакались; нервы мужчин были не в лучшем состоянии: их испуг выразился в коротких проклятиях. Несомненно, они все время подсознательно ожидали чего-нибудь зловещего в этом роде. Теперь они ждали, что крик повторится.

Он повторился, болезненный и задыхающийся. Но теперь он не внушал такого страха, потому что к нему были готовы. На этот раз я понял, где кричат. В несколько шагов я был у входа в аллею. Когда я сворачивал за угол, задыхающийся крик раздался снова.

В глубине аллеи, метрах в десяти от входа, корчилась на земле какая-то девушка, а дородный мужчина избивал ее тонким медным прутом. Платье ее было разорвано, на голой спине виднелись красные рубцы. Вблизи я увидел, почему она не убегает: руки у нее были связаны за спиной, и конец веревки был обмотан вокруг левого запястья мужчины.

Я подбежал в тот момент, когда мужчина размахнулся для следующего удара. Было нетрудно выхватить у него прут и с известной силой обрушить этот прут ему на плечи. Он проворно лягнул в мою сторону ногой в тяжелом ботинке, но я быстро увернулся. Радиус его действий был ограничен веревкой, обмотанной вокруг запястья. Пока я искал по карманам нож, он еще раз лягнул воздух. Никуда не попав, он для ровного счета пнул девушку. Затем он выругал ее и потянул за веревку, чтобы поднять ее на ноги. Я торопливо нагнулся и перерезал веревку. Легкий толчок в грудь заставил его попятиться и сделать полоборота, так что он потерял ориентировку. Освободившейся левой рукой он выдал великолепный косой свинг. По мне он промахнулся, но угодил кулаком в кирпичную стену. После этого он потерял интерес ко всему, кроме боли в разбитых костяшках. Я помог девушке встать, распутал ее руки и повел по аллее прочь, а он все осквернял руганью воздух позади нас.

Когда мы свернули на улицу, она начала приходить в себя. Она повернула ко мне замурзанное, в потеках слез лицо и взглянула на меня.

— Да вы же зрячий!— сказала она недоверчиво.

— Конечно,— сказал я.

— О, слава богу! Слава богу! Я думала, что я одна осталась такая,— проговорила она и расплакалась.

Я огляделся. В нескольких шагах был кабачок, там гремел граммофон, вдребезги бились стаканы и, вообще, шла добрая старая жизнь. Несколькими метрами дальше был еще один кабачок, поменьше и еще нетронутый. Хороший удар плечом распахнул перед нами дверь в бар. Я чуть не на руках внес туда девушку и усадил ее в кресло. Затем я сломал другое кресло и заложил дверь, чтобы какие-нибудь непрошеные гости не помешали нам.

Можно было не спешить. Она всхлипывала и пила маленькими глотками. Я предоставил ей время, чтобы взять себя в руки, и вертел ножку бокала, слушая, как граммофон в соседнем кабачке выбулькивает популярную тогда, хотя и мрачноватую, песенку о сердце в холодильнике. В то же время я украдкой разглядывал девушку Ее платье, вернее то, что от платья осталось, было хорошего качества. Хорош был и голос, приобретенный явно не на сцене и не в киностудии. Она была блондинка, однако далеко не платиновая. Похоже было, что лицо у нее миловидное, если

отмыть его от грязи. Она была дюйма на три-четыре ниже меня, телосложения изящного, но не хрупкого. На вид она была сильной, хотя эта сила наверняка употреблялась до сих пор разве что на игры в мяч, на танцы и в лучшем случае на верховую езду. У нее были гладкие, прекрасной формы руки, а длина ногтей, тех, что еще были целы, представлялась скорее декоративной, нежели практичной.

Спиртное постепенно делало свое дело. После первой порции она уже оправилась настолько, что в ней заговорили обычные рефлексы.

— Господи,— сказала она.— Выгляжу я, наверное, ужасно.

Я был единственным человеком, который мог это заметить, но я промолчал.

Она встала и подошла к зеркалу.

— Ужасно,— признала она.— Где здесь?..

— Попробуйте пройти туда,— предложил я.

Она вернулась минут через двадцать. Учитывая, что возможности в ее распоряжении были, вероятно, очень ограничены, поработала она успешно: моральное состояние было восстановлено. Сейчас она больше походила на жертву дурного обращения в представлении кинорежиссера, чем на настоящую жертву.

— Сигарету?— спросил я, протягивая ей через стол вторую укрепляющую порцию.

Пока завершался процесс восстановления сил, мы обменялись рассказами о себе. Сначала рассказал я, чтобы дать ей время собраться с мыслями. После этого она сказала:

— Мне чертовски стыдно за себя. Я ведь вовсе не такая уж размазня, честное слово. На самом деле я могу за себя постоять, хотя вы, может быть, думаете иначе. Но все это оказалось для меня слишком огромным. То, что случилось, уже само по себе скверно, но тут мне пришла в голову одна ужасная мысль, и я ударилась в панику. Понимаете, мне представилось, будто я осталась единственной зрячей во всем мире. Это меня подкосило, я испугалась и потеряла голову, я сломалась, я ревела, как девчонка из викторианской мелодрамы. Никогда, никогда бы не поверила, что могу так раскиснуть.

— Пусть вас это не беспокоит,— сказал я.— Мы наверняка очень скоро узнаем о себе множество удивительных вещей.

— А меня это все-таки беспокоит. Если я потеряла голову в самом начале...— Она замолчала.

— Я в больнице тоже чуть не сошел с ума от страха,— сказал я.— Мы же люди, а не счетные машины.

Ее звали Джозелла Плэйтон. Имя показалось мне знакомым, хотя я не мог вспомнить, где оно мне встречалось. Она жила на Дин-род, Сент Джонс-вуд. Это подтверждало мои предположения относительно ее социальной принадлежности. Уединенные комфортабельные дома, большей частью некрасивые и все дорогие. Ее спасение от общей участи было столь же случайным, как и мое, даже, пожалуй, еще более случайным. В понедельник вечером она была на пирушке, и пирушка была, по-видимому, изрядная.

— Я думаю, какой-то болван вообразил, будто будет очень весело, если намешать в спиртное какой-нибудь гадости,— сказала она.— Выпила я очень немного, но никогда не чувствовала себя более скверно.

Вторник запомнился ей как день черных страданий и рекордного похмелья. Около четырех часов дня она решила, что с нее

достаточно. Она позвонила горничной и приказала, чтобы никто не смел ее беспокоить, пусть там будет комета, землетрясение или даже страшный суд. Заявив этот ультиматум, она приняла сильнейшую дозу снотворного, которое на пустой желудок подействовало на нее, как нокаут

После этого она ничего не знала пока сегодня утром ее не раз будил отец, ввалившийся к ней в комнату

— Джозелла,— проговорил он,— ради бога, вызови доктора Мэйла. Скажи ему, что я ослеп, начисто ослеп.

Ее поразило, что было уже около девяти. Она торопливо встала и оделась. Слуги не отзывались ни на звонок отца, ни на звонок из ее комнаты. Она пошла разбудить их и, к своему ужасу, обнаружила, что они тоже ослепли.

Телефон не работал, и ей показалось, что самым правильным будет съездить за доктором на машине. Тишина и отсутствие уличного движения сразу бросились ей в глаза, но она проехала почти милю, прежде чем сообразила, что произошло. Когда она осознала это, то в панике чуть не повернула обратно, но возвратиться ни с чем было бы глупо. Возможно, доктору, как и ей самой, удалось избегнуть этого непонятного бедствия. И поэтому в отчаянной, но уже тающей надежде она продолжала мчаться вперед.

На середине Риджент-стрит мотор стал давать перебои и фыркать; в конце концов он заглох совсем. Вспешке она не поглядела на счетчик: бак был пуст. Мгновение она сидела в нерешительности. Все лица на улице были обращены в ее сторону, но к тому времени она уже знала, что никто из этих людей не видит ее и не в состоянии ей помочь. Она вышла из машины, рассчитывая отыскать где-нибудь поблизости гараж или, если гаража не окажется, пройти оставшуюся часть пути пешком. Когда она захлопнула дверцу, ее позвали:

— Эй, приятель, а ну погоди минутку!

Она обернулась, и увидела человека, ощупью направлявшегося к ней.

— Что вам?— спросила она. Вид его ей не понравился.

Услыхав ее голос, он изменил тон.

— Я заблудился,— сказал он.— Не знаю, где нахожусь.

— Это Риджент-стрит. Сразу позади вас кинотеатр «Нью Гэлери»,— сказала она и повернулась, чтобы уйти.

— Только покажите мне, где здесь обочина, мисс, будьте так добры,— сказал он.

Она заколебалась, и в это время он подошел вплотную. Его протянутая рука пошарила и коснулась ее рукава. Он прыгнул вперед и крепко и больно сжал ее руки в своей ладони.

— Так ты зрячая,— сказал он.— Какого же ты черта зрячая, когда все слепые?

Прежде чем она сообразила, что происходит, он повернул ее, подставил ногу, и она уже лежала на мостовой лицом вниз, а он упирался коленом ей в спину. Сжимая ее кисти одной рукой, он принялся связывать их шнурком, который достал из кармана. Затем он поднялся и снова поставил ее на ноги.

— Все в порядке,— сказал он.— Теперь ты будешь моими глазами. Я голоден. Веди меня, где есть хорошая жратва. Давай пошевеливайся.

Джозелла рванулась от него.

— Не пойду. Немедленно развяжите меня. Я..

Он ударил ее по лицу.

— Хватит болтовни!

И она пошла.

Она пошла и все время искала случая бежать. Он был настороже. Раз ей почти удалось это, но он оказался проворнее. Едва она вывернулась из его рук, как он подставил ногу, и, прежде чем она смогла подняться, он снова держал ее. После этого он нашел прочный шнур и привязал ее к своему запястью.

Сначала она повела его в кафе и поставила перед холодильником. Холодильник не работал, но продукты в нем были еще свежими. Затем они отправились в бар, где он потребовал ирландского виски. Ирландское виски оказалось на верхней полке, куда она не могла дотянуться.

— Развяжите мне руки,— предложила она.

— Ну да, а ты треснешь меня по голове бутылкой. Я уже давно из пеленок, милочка. Нет уж, я лучше выпью шотландского. Где здесь оно?

Он брал в руки бутылку за бутылкой, и она говорила ему, что в них содержится.

— Мне думается, я была просто не в себе,— объяснила она.— Сейчас я вижу полдюжины способов, как можно было перехитрить его. Только разве можно сразу перемениться и стать зверем? Я, во всяком случае, не могу. Вдобавок вначале я все воспринимала неправильно. Мне представлялось, что в наше время такие вещи невозможны и что вот-вот кто-нибудь появится и все поставит на место.

Прежде чем они ушли, в баре разразился скандал. В открытую дверь ввалилась еще одна компания мужчин и женщин. Гангстер неосторожно велел Джозелле сказать им, что содержится в найденной ими бутылке. Они сразу замолчали и обратили в ее сторону незрячие глаза. Послышался шепот, затем двое мужчин осторожно выступили вперед. По их лицам было ясно видно, что они собираются делать. Она рванула веревку и крикнула:

— Берегитесь!

Без малейшего промедления гангстер выбросил вперед ногу в ботинке. Пинок попал в цель. Один из мужчин, вскрикнув от боли, согнулся пополам. Другой бросился вперед, но она отступила в сторону, и он с треском врезался в прилавок.

— Прочь руки от нее!— заревел гангстер. Он угрожающе поводил головой по сторонам.— Она моя, провалиться вам совсем. Ее нашел я!

Было ясно, однако, что те не собираются отступиться так просто. Даже если бы они видели опасность в выражении лица гангстера, это вряд ли остановило бы их. Джозелла начала понимать, что дар зрения, хотя бы из вторых рук, был теперь дороже всяких богатств и что с ним не расстаются без жестокой борьбы. Новоприбывшие стали надвигаться на них, вытянув перед собой руки. Тогда она подцепила носком ножку кресла и опрокинула его у них на пути.

— Пошли!— крикнула она, оттаскивая гангстера назад.

Двое мужчин споткнулись о перевернутое кресло и упали, на них повалилась женщина. Все смешалось, люди барахтались, пытаясь подняться, спотыкались и падали снова. Она потащила гангстера за собой, и они ускользнули на улицу.

Она не знала, почему она так поступила. Возможно, перспектива стать рабой и глазами этой компании показалась ей еще более мрачной, чем положение пленницы у гангстера. Впрочем,

он не стал благодарить ее. Он просто приказал ей найти другой кабачок, пустой.

— Я думаю,— сказала она рассудительно,— что он был не такой уж плохой человек, хотя по его внешности этого не скажешь. Притом он был испуган. В глубине души он трусил гораздо больше, чем я. Он дал мне поесть и немного выпить. А избивать он меня стал потому, что был пьян, и я не хотела идти с ним к нему домой. Не знаю, что бы со мной было, если бы не вы. Наверное, рано или поздно я бы убила его.— Она помолчала и добавила:— Но мне ужасно стыдно за себя. Вот до чего может дойти современная молодая женщина, не правда ли? Визжит и разваливается на куски... Черт возьми!

Теперь она выглядела и, наверное, чувствовала себя лучше, хотя и сморщилась от боли, потянувшись к бокалу.

— Что до меня,— сказал я,— то я во всем этом деле вел себя редкостным дураком. Мне просто повезло. Я должен был сделать выводы, когда увидел ту женщину с ребенком на Пиккадилли. Только случайно я не влип в такую же историю, что и вы.

— У всех обладателей сокровищами всегда была жизнь, полная опасностей,— задумчиво сказала она.

— Отныне буду иметь это в виду,— сказал я.

— А у меня это отпечаталось в памяти уже навсегда,— заметила она.

Некоторое время мы прислушивались к гаму в соседнем кабачке.

— Что же мы будем делать дальше?— сказал я наконец.

— Я должна вернуться домой. Там мой отец. Очевидно, теперь нет смысла пытаться найти доктора, даже если он остался зрячим.

Она хотела добавить еще что-то, но в нерешительности замолчала.

— Вы не будете возражать, если я пойду с вами?— спросил я.— Мне кажется, что в такое время людям вроде нас с вами не следует бродить в одиночку.

Она с благодарностью взглянула на меня.

— Спасибо вам. Я чуть не попросила вас об этом сама, но подумала, что у вас, может быть, и без меня есть о ком заботиться.

— Никого,— сказал я.— Во всяком случае, в Лондоне.

— Я очень рада. Дело даже не в том, что я боюсь, как бы меня снова не схватили... теперь я буду очень осторожна. Но, честно говоря, я боюсь одиночества. Я начинаю чувствовать себя такой... такой отрезанной от всех, такой покинутой.

Я стал видеть все в новом свете. Чувство облегчения постепенно вытеснялось растущим осознанием мрака, ожидавшего нас впереди. Сначала было невозможно не испытывать некоторого превосходства над остальными и, как следствие, уверенности. Наши шансы выжить в этой катастрофе были в миллион раз больше, чем у них. Там, где им нужно было шарить, нащупывать и догадываться, нам оставалось просто идти и брать. Но, кроме этого, должно было быть и другое...

Я сказал:

— Интересно, сколько людей сохранили зрение? Я натолкнулся на одного взрослого мужчину, на ребенка и грудного младенца. Вы не встретили ни одного. Мне кажется, нам предстоит убедиться, что зрение сделалось настоящей редкостью. И некоторые ослепшие уже начали понимать, что их

единственный шанс на спасение состоит в том, чтобы завладеть зрячим. Когда это поймут все, нам предстоит много неприятного.

Джозелла поднялась с места.

— Мне пора идти,— сказала она.— Бедный отец. Уже пятый час.

На Риджент-стрит меня вдруг осенило.

— Перейдем на ту сторону,— сказал я.— Кажется, где-то там должен быть магазин...

Магазин там был. Мы обзавелись парой ножей в ножнах и ремнями.

— Совсем как пираты,— сказала Джозелла, застегивая на себе ремень.

— По-моему, лучше быть пиратами, чем пиратской добычей,— возразил я.

Пройдя несколько сотен метров, мы наткнулись на огромный сияющий автомобиль. Таким роскошным машинам положено едва слышно мурлыкать, но когда я включил двигатель, нам показалось, будто она взревела громче, чем все уличное движение в каком-нибудь деловом квартале. Мы двинулись на север, выписывая зигзаги возле брошенных машин и бредущих людей, застывавших посреди улицы при нашем приближении. На всем пути лица с надеждой обращались нам навстречу; когда мы проезжали мимо, они разочарованно вытягивались. Мы проехали дом, охваченный пламенем, и где-то в районе Оксфорд-стрит поднимались клубы дыма от другого пожара. На Оксфорд-Сиркусе народу было больше, но мы аккуратно пробрались на транспортную дорогу в Риджент-парке.

Нам стало легче, когда улицы остались позади, и мы оказались на просторе, где не было несчастных людей, бредущих на ощупь неизвестно куда. На полях, заросших травой, мы заметили только две или три небольшие группы триффидов, ковыляющих в южном направлении. Каким-то образом они ухитрились вытянуть из земли колья, к которым были прикованы, и волокли их на цепях за собой. Я вспомнил, что несколько десятков экземпляров содержались в загоне при зоопарке, некоторые на привязи, а большинство просто в двойной ограде, и удивился, как им удалось оттуда выбраться. Джозелла тоже заметила их.

— Для них это, наверное, безразлично,— сказала она.

Остаток пути мы проехали без задержки. Через несколько минут я затормозил возле ее дома. Мы вышли из машины, и я распахнул ворота. Короткая подъездная дорога вела вокруг лужайки с кустарником, скрывавшим фасад дома со стороны шоссе. Едва мы обогнули ее, как Джозелла вскрикнула и побежала вперед. На гравии ничком неподвижно лежал человек. Лицо его было обращено к нам, и в глаза мне сразу же бросилась яркая красная черта на его щеке.

— Стойте!— заорал я.

Вероятно, тревога в моем голосе заставила ее замереть на месте.

Теперь я заметил триффида. Он затаился в кустарнике поблизости от распростертого тела.

— Назад! Живо!— сказал я.

Она колебалась, не спуская глаз с лежащего.

— Но должна же я...— начала она, оборачиваясь ко мне. Затем она остановилась. Глаза ее расширились, и она завизжала.

Я круто повернулся и увидел перед собой другого триффида, громоздившегося всего в нескольких шагах за моей спиной.

Одним машинальным движением я закрыл лицо руками. Я услыхал, как свистнуло жало, нацеленное в меня, но не было беспамятства, не было и мучительной жгучей боли. В подобные моменты мысль работает с молниеносной быстротой; тем не менее инстинкт, а не разум бросил меня на триффида, прежде чем тот ударил вторично. Я столкнулся с ним, опрокинул и, падая вместе с ним, вцепился обеими руками в верхнюю часть стебля, крутя и выворачивая чашечку с жалом. Стебель триффида не ломается, зато его можно как следует измочалить. И прежде чем я поднялся на ноги, стебель у этого триффида был измочален на совесть.

Джозелла стояла на том же месте как пригвожденная.

— Идите сюда,— сказал я.— В кустах позади вас есть еще один.

Она со страхом оглянулась через плечо и подошла.

— Он же ударил вас,— сказала она.— А вы даже не...

— Сам не понимаю, в чем дело,— сказал я.

Я поглядел на поверженного триффида. Затем я вспомнил про оружие, которым мы запаслись, имея в виду совсем других врагов, вынул нож и отрезал жало у основания.

— Вот оно что,— сказал я, показывая ей пузырьки с ядом.— Глядите, какие они пустые, все сморщились. Если бы они были полны хотя бы наполовину...— Я опустил книзу большой палец.

Это обстоятельство, а также мой благоприобретенный иммунитет к яду спасли меня. Все же на тыльной стороне ладоней появилась поперечная розовая полоса, а шея чесалась дьявольски. Я все время тер ее, пока стоял и рассматривал жало.

— Странно...— пробормотал я скорее себе под нос, чем для нее, но она услышала.

— Что странно?

— Мне никогда не приходилось видеть, чтобы пузырьки с ядом были совершенно пустые, как эти. Он, должно быть, здорово поработал жалом сегодня.

Сомневаюсь, чтобы она слушала меня. Ее внимание было вновь поглощено человеком на подъездной дороге, и она разглядывала триффида, стоявшего подле него.

— Как бы нам взять его оттуда?— спросила она.

— Ничего не получится, пока там торчит эта штука,— ответил я.— И кроме того... Видите ли, боюсь, ему уже ничем нельзя помочь.

— Вы хотите сказать, что он мертв?

Я кивнул.

— Да. Несомненно. Я видел людей, пораженных жалом. Кто это?

— Старый Пирсон. Он был у нас садовником. И шофером у отца. Такой славный старик... Я всю жизнь знала его.

— Мне право, очень жаль...— начал я, не зная, какие слова сказать в утешение, но она прервала меня.

— Глядите!.. Глядите, вон там!— Она показывала на тропинку, ведущую за угол дома. Из-за угла была видна нога в черном чулке и женской туфле.

Мы тщательно осмотрелись и затем перешли на другое место, откуда было лучше видно. Девушка в черном платье лежала в цветочной клумбе, вытянув ноги на тропинку. Ее милое, свежее личико было обезображено яркой красной линией. У Джозеллы перехватило дыхание. На глазах выступили слезы.

— О!.. О, это же Анна! Бедная маленькая Анна,— проговорила она.

Я попытался утешить ее.

— Они ничего не почувствовали — ни он, ни она,— сказал я.— Если жало убивает, оно убивает мгновенно.

Триффидов в засаде здесь, видимо, больше не было. Может быть, обоих убил один и тот же. Держась рядом, мы пересекли тропинку и вступили в дом через боковую дверь. Джозелла позвала. Никто не отозвался. Она позвала снова. Мы стояли и вслушивались в мертвую тишину, царившую в доме. Она повернулась и взглянула на меня. Не было сказано ни слова. Она медленно повела меня по коридору к двери, обитой байкой. И едва она приоткрыла дверь, как что-то просвистело в воздухе и шлепнулось о створку и притолоку дюймом выше ее головы. Она торопливо захлопнула дверь и поглядела на меня расширившимися глазами.

— Один там, в зале,— сказала она.

Она произнесла это испуганным полушепотом, как будто триффид мог подслушать ее.

Мы вернулись к боковой двери и снова вышли в сад. Ступая по траве, чтобы не производить шума, мы направились в обход дома и остановились перед входом в холл. Стеклянная дверь была раскрыта настежь, одна из стеклянных панелей была расколота. След из ошметок грязи тянулся через ступеньки и по паркету. Там, где след кончался, посредине комнаты стоял триффид. Верхушка его стебля почти касалась потолка, и он тихонько покачивался на месте. Возле его сырого косматого основания лежал пожилой человек в ярком шелковом халате. Я крепко взял Джозеллу за руку. Я боялся, что она может рвануться в холл.

— Это... ваш отец?— спросил я, хотя и так знал, кто это.

— Да,— сказала она и закрыла лицо руками. Она вся дрожала.

Я стоял неподвижно, не спуская глаз с триффида на случай, если он двинется в нашу сторону. Затем я подумал о носовом платке и подал ей свой. Сделать ничего было нельзя. Через некоторое время она взяла себя в руки. Вспомнив про ослепших людей, которых мы видели сегодня, я сказал:

— Вы знаете, я бы предпочел, чтобы со мной случилось это, нежели стать, как остальные...

— Да,— отозвалась она после паузы.

Она взглянула на небо. Там была мягкая бездонная синева, и плыли облачка, легкие, как перья.

— О да,— повторила она уже более уверенно.— Бедный папа. Он бы не перенес слепоты. Он слишком любил все это...— Она снова заглянула в холл.— Что же нам делать? Я не могу оставить...

В этот момент я уловил в уцелевшей стеклянной панели отражение какого-то движения. Я быстро обернулся и увидел триффида, который выдрался из кустов и ковылял напрямик через лужайку к нам. Было слышно, как при размахах стебля шуршат его кожистые листья.

Времени терять было нельзя. Я ведь понятия не имел, сколько их могло быть поблизости. Я снова схватил Джозеллу за руку и бегом потащил за собой назад той же дорогой, по которой мы пришли. Когда мы благополучно забрались в автомобиль, она, наконец, разрыдалась по-настоящему.

Ей будет легче, когда она выплачется. Я закурил сигарету и стал обдумывать наш следующий ход. Ей, конечно, не захочется бросить так тело отца. Она пожелает достойно похоронить его, и это означает, что нам придется рыть могилу и сделать все, что полагается в таких случаях. А прежде чем хотя бы попытаться все это сделать, нужно будет найти способ избавиться от триффидов, которые уже там, и отогнать других, которые могут появиться. Короче говоря, я бы с радостью отказался от всего этого, но в конце концов и то сказать: там, в холле, лежал не мой отец...

Чем больше я обдумывал эту новую проблему, тем меньше она мне нравилась. Я понятия не имел, сколько триффидов может быть в Лондоне. По нескольку штук содержал каждый парк. Обычно им урезали жала и пускали бродить, где им вздумается; но было много триффидов с нетронутыми жалами, их держали либо на привязи, либо за проволочной сеткой. Я вспомнил о тех, что ковыляли на юг по Риджент-парку. Интересно, сколько их держали в загоне при зоопарке и сколько вырвалось на свободу? Затем много триффидов было также в частных садиках; правда, следовало ожидать, что хозяева урезают их, но кто скажет, как далеко может зайти дурацкая беспечность? И было еще несколько триффидных питомников и еще несколько экспериментальных станций в окрестностях Лондона...

Я сидел и размышлял, и меня не покидало ощущение какого-то смутного движения в глубине памяти, какие-то ассоциации идей, которые никак не могли соединиться. Затем меня осенило. Я словно наяву услышал голос Уолтера:

— Уверяю вас, в борьбе за существование триффид оказался бы в гораздо лучшем положении, чем слепой человек.

Конечно, он имел в виду человека, ослепленного триффидным жалом. Но все равно меня так и подбросило. Более того, это меня испугало.

Я стал вспоминать. Нет, это были всего лишь общие соображения, и тем не менее теперь это представлялось чуть ли не сверхъестественным...

— Отнимите у нас зрение,— говорил он,— и наше превосходство исчезнет.

Да, совпадения случались во все времена, только далеко не всегда они бросаются в глаза...

Хруст гравия вернул меня к настоящему. По подъездной дороге к воротам ковылял, раскачиваясь, триффид. Я перегнулся через сиденье и поднял стекло в окне.

— Поезжайте! Поезжайте!— истерически закричала Джозелла.

— Здесь мы в безопасности,— сказал я.— Мне хочется посмотреть, что он станет делать.

В то же время меня осенило, что одна из моих проблем решена. Я настолько привык к триффидам, что совершенно забыл, как большинство людей смотрят на триффида с неурезанным жалом. Я вдруг понял, что Джозелла больше не заикнется о возвращении в этот дом. Ее взгляд на это чудовище выражался одной простой идеей: держаться от него как можно дальше.

В воротах триффид приостановился. Можно было поклясться, что он прислушивается. Мы сидели тихо и неподвижно. Джозелла смотрела на него с ужасом. Я ожидал, что он хлестнет жалом в автомобиль. Но этого не случилось. Вероятно, наши голоса звучали в закрытой кабине приглушенно, и он решил, что мы находимся вне пределов досягаемости.

Голые черенки коротко простучали по стеблю. Он качнулся, неуклюже перевалился вправо и скрылся на другой подъездной дороге.

Джозелла с облегчением вздохнула.

— О, давайте уедем, пока он не вернулся,— умоляюще проговорила она.

Я включил двигатель, развернул машину, и мы поехали обратно в Лондон.

К Джозелле вернулось самообладание. С явным и нарочитым намерением отвлечься от того, что осталось позади, она спросила:

— Куда мы сейчас едем?

— Сначала в Клеркенвел,— ответил я.— Затем мы поищем для вас одежду. За одеждой, если хотите, поедем на Бонд-стрит, но сначала отправимся в Клеркенвел.

— Но почему в Клеркенвел?.. О господи!

Действительно, «о господи!». Мы повернули за угол и оказались на улице, забитой людьми. Они с плачем и криками бежали нам навстречу, вытянув перед собой руки и спотыкаясь. В тот момент, когда мы увидели их, женщина, бежавшая впереди, оступилась и упала; сейчас же о нее споткнулись и повалились бежавшие следом, и она исчезла под грудой барахтающихся тел. А позади толпы мы увидели причину этого панического бегства. над головами охваченных ужасом людей раскачивались три ствола в темных листьях. Я дал газ и круто свернул в боковой переулок.

Джозелла обратила ко мне испуганное лицо.

— Вы... вы видели? Они их погоняли!

— Да,— сказал я.— Поэтому мы и едем в Клеркенвел. Там находится мастерская, которая производит лучшие в мире трифидные ружья и маски.

Проехав несколько кварталов, мы вновь помчались намеченным маршрутом, но вскоре оказалось, что путь далеко не так свободен, как я рассчитывал. На улицах вблизи от Кингз-Кросс-стэйшн народу было гораздо больше. Продвигаться вперед становилось все труднее, хотя я непрерывно сигналил. Наконец перед самой станцией пришлось остановиться. Не знаю, почему там была такая толпа. Можно было подумать, будто все население района сошлось туда. Мы не могли пробиться через плотную стену людей, и, оглянувшись, я убедился, что так же безнадежно было бы пытаться проложить путь назад. Толпа уже сомкнулась позади нас.

— Выходите, быстро,— сказал я.— Мне кажется, они хотят взять нас.

— Но...— начала Джозелла.

— Живо!— приказал я.

Я в последний раз дал сигнал и выскользнул из машины вслед за Джозеллой. И как раз вовремя. Какой-то мужчина нащупал ручку задней дверцы. Он распахнул ее и стал шарить внутри. Другие, спешившие к машине, едва не сбили нас с ног. Послышался сердитый крик, когда кто-то отворил переднюю дверцу и обнаружил, что место водителя тоже опустело. К этому времени мы уже благополучно смешались с толпой. Кто-то схватил мужчину, открывшего заднюю дверцу, приняв его за водителя. Началась свалка. Я крепко взял Джозеллу за руку, и мы стали выбираться из толпы, стараясь не привлекать к себе внимания.

Выбравшись, мы некоторое время шли пешком, ища подходящую машину. Примерно через милю мы нашли то, что было нужно: автофургон, показавшийся мне более всего пригодным для плана, который начал смутно формироваться в моем сознании.

Клеркенвел уже два или три века специализировался на производстве точных инструментов. Маленькая мастерская, с которой я время от времени имел дело по долгу службы, приспособила старинное умение к новым нуждам. Я нашел ее без труда; нетрудно оказалось и пробраться внутрь. Когда мы покинули ее, нами владело приятное чувство защищенности: в кузов машины мы уложили несколько штук превосходных триффидных ружей, несколько тысяч маленьких стальных бумерангов к ним и несколько шлемов с масками из проволочной сетки.

— А что теперь — одежда?— спросила Джозелла, когда мы тронулись.

— Обсуждается предварительный план; открытый для критики и поправок,— объявил я.— Прежде всего предлагается найти какое-нибудь pied-a-terre: местечко, где можно привести себя в порядок и обсудить положение.

— Только не кабак,— запротестовала она.— Довольно с меня кабаков на сегодня.

— С меня тоже,— согласился я.— Хотя мои друзья нипочем не поверили бы мне, особенно если принять во внимание, что все бесплатно. Собственно, я имел в виду какую-нибудь пустую квартиру. Найти такую, должно быть, не очень трудно. Там мы отдохнем и составим вчерне план действий. Кроме того, там было бы удобно устроиться на ночь... а если нынешние чрезвычайные обстоятельства, на наш взгляд, не отменили некоторых условностей, то что же, может быть, нам удастся найти и две квартиры.

— Я думаю, мне будет приятнее сознавать, что кто-то есть рядом со мной.

— И чудесно,— сказал я.— Далее, операция номер два. Обмундирование и снаряжение для леди и джентльменов. Тут нам, пожалуй, лучше разделиться, а разделившись, не забыть, на какой квартире мы остановились.

— Х-хорошо,— проговорила она с некоторым сомнением в голосе.

— Все будет в порядке,— заверил я ее.— Только возьмите за правило ни с кем не разговаривать, и никто не догадается, что вы зрячая. Вы тогда попали в переделку только потому, что были захвачены врасплох. В стране слепых и кривой — король.

— О, да... Это, кажется, из Уэллса, не так ли? Только в его рассказе получилось иначе.

— Вся трудность в том, как понимать слово «страна»— в оригинале «patria»,— заметил я.— «Caecorum in patria luscus rex imperat omnus». Первым это сказал некий джентльмен из римской классики, по имени Фуллоний, и больше о нем никто ничего не знает. Но здесь нет больше организованной patria, организованного государства. Есть только хаос. Воображаемый народец Уэллса приспособился к слепоте. Здесь же, по-моему, этого не произойдет. Я не вижу, как это могло бы произойти.

— А что же, по-вашему, произойдет?

— Я знаю не больше, чем вы. В свое время мы узнаем, и боюсь, что скоро. Но вернемся лучше к нашим баранам. На чем мы остановились?

— Одежда.

— А, да. Ну, это просто. Нужно забраться в магазин, взять то, что требуется, и выбраться обратно. В центре Лондона триффидов вы не встретите — по крайней мере пока.

— Как легко вы об этом говорите: забраться и взять.

— Чувствую я себя вовсе не легко,— признался я.— Но я не уверен, что это добродетель. Скорее уж привычка. С другой стороны, упрямое нежелание смотреть фактам в лицо ничего не изменит и ничем нам не поможет. Я думаю, мы должны считать себя не ворами, а всего лишь... ну, скажем, наследниками поневоле.

— Да. Что-то в этом роде,— согласилась она с видом эксперта.

Некоторое время она молчала. Затем она вернулась к первоначальной проблеме.

— А что после одежды?— спросила она.

— Операция номер три,— сказал я,— это, несомненно, обед.

С квартирой, как я и ожидал, все обошлось как нельзя проще. Мы оставили машину на середине улицы в богатом квартале и забрались на третий этаж. Не знаю, почему именно на третий, разве что он представлялся нам как-то менее заметным. Процесс выбора был несложен. Мы звонили или стучали, и если кто-нибудь откликался, мы шли дальше. За четвертой дверью нам не ответили. Муфта замка вылетела от одного хорошего толчка плечом, и мы вошли.

Я никогда не принадлежал к людям, которым нравится жить в квартире за две тысячи фунтов в год, однако я обнаружил, что в ее пользу можно сказать очень многое. Интерьер здесь обставляли, как мне кажется, элегантные молодые люди с тем остроумным даром сочетать вкус с передовой модой, который обходится так дорого. Там и тут наличествовали настоящие derniers cris, из них некоторым, если бы мир остался прежним, несомненно, предстояло бы стать увлечением завтрашнего дня; другие, по-моему, с самого начала были обречены на забвение. Общий же эффект был такой же, как на выставке-распродаже с ее нетерпимостью к человеческим слабостям: книга, сдвинутая с места на несколько дюймов, книга в переплете неподходящего цвета, безалаберный гость в неподходящем костюме, усевшийся в неподходящее кресло, сразу же нарушили бы здесь тщательно продуманное равновесие и тон. Я повернулся к Джозелле, взирающей на все это широко раскрытыми глазами.

— Ну как, подойдет нам эта хижина или пойдем дальше?— спросил я.

— О, я думаю, нам и здесь будет неплохо,—ответила она. Рука об руку мы ступили на нежно-желтый паркет и начали осмотр.

Я не рассчитывал на это, но трудно было бы найти более удачный способ отвлечь ее мысли от событий дня. Наш обход сопровождался потоками восклицаний, выражавших восхищение, зависть, удовольствие и, надо признаться, злость. На пороге комнаты, переполненной атрибутами женского снаряжения, Джозелла остановилась.

— Я буду спать здесь,— объявила она.

— Господи!— воскликнул я. Затем я сказал:— Ну что же, о вкусах не спорят.

— Не надо ехидничать. Ведь мне больше никогда, вероятно, не представится случай поблаженствовать. И кроме того, разве вам не известно, что в каждой девушке есть капелька пошлейшей кинозвезды? Вот и пусть это проявится в последний раз.

— Пусть,— сказал я.— Но я все же надеюсь, что здесь где-нибудь найдется местечко поскромнее. Избави меня бог спать в постели под зеркалом на потолке.

— Над ванной тоже есть зеркало,— сообщила она, заглядывая в соседнее помещение.

— Это было бы уже верхом разложения,— заметил я.— Впрочем, вам не придется ею пользоваться. Нет горячей воды.

— Правда, а я и забыла. Вот жалость-то!— разочарованно воскликнула она.

Остальные помещения оказались не такими сенсационными. Когда обход был закончен, Джозелла отправилась добывать одежду. Я еще раз осмотрел квартиру, чтобы выяснить, какими ресурсами мы здесь располагаем и чего у нас нет, а затем тоже двинулся в поход.

Едва я шагнул наружу, как дальше по коридору открылась другая дверь. Я замер на месте. Вышел молодой человек, ведя за руку белокурую девушку. Когда она переступила через порог, он отпустил ее.

— Подожди здесь минутку, родная,— сказал он.

Он сделал несколько шагов по мягкому ковру, скрадывавшему звуки. Его протянутые руки нашли окно в конце коридора. Его пальцы нащупали и отодвинули шпингалет. За окном снаружи я заметил пожарную лестницу.

— Что ты делаешь, Джимми?— спросила девушка.

Он быстро вернулся к ней и снова взял ее за руку.

— Я просто проверил дорогу,— сказал он.— Пойдем, родная.

Она отпрянула.

— Джимми, мне не хочется уходить. У себя дома мы хоть знаем, где находимся. Как мы найдем еду? Как мы будем жить?

— Дома, родная, еду мы и вовсе не найдем. и потому не проживем долго. Пойдем, моя радость. Не бойся.

— Но я боюсь, Джимми... Я боюсь!

Она прижалась к нему, и он обнял ее.

— Все будет хорошо, родная. Пойдем.

— Погоди, Джимми, мы идем не туда...

— Ты перепутала, дружок. Мы идем правильно.

— Джимми, мне страшно... Пойдем назад!

— Слишком поздно, родная.

Перед окном он остановился. Одной рукой он очень тщательно ощупал подоконник. Затем он обнял ее и прижал к себе.

— Это было слишком прекрасно и не могло продолжаться долго,— тихо сказал он.— Я люблю тебя, родная моя. Я очень, очень люблю тебя.

Она подняла к нему лицо, и он поцеловал ее в губы.

Повернувшись, он поднял ее на руки и шагнул из окна.

— Ты должен отрастить толстую шкуру,— сказал я себе.— Должен. Иначе останется только пить до бесчувствия. Такие вещи должны происходить сейчас повсюду. Здесь ничем не поможешь. Положим, ты достал бы им еды, чтобы они продержались еще несколько дней. А дальше? Ты должен научиться смотреть на это и мириться с этим. Ничего другого не остается. Или утолить себя в алкоголе.

Если не драться за свою жизнь, несмотря ни на что, выжить будет невозможно... Уцелеют лишь те, кто сумеет подчинить чувства разуму...

Поиски всего необходимого заняли больше времени, чем я ожидал. Мне удалось вернуться часа через два. Протискиваясь в дверь, я уронил несколько пакетов. Джозелла довольно нервно окликнула меня из своей сверхженственной спальни.

Это только я успокоил я ее пробираясь по коридору со своим грузом

Свалив все на кухне, я отправился подобрать упавшие пакеты Перед ее дверью я остановился

— Не входите! — предупредила она.

— Да я и не собирался,— возразил я.— Мне только хотелось узнать, умеете ли вы готовить.

— Я умею варить яйца,— отозвался ее приглушенный голос.

— Этого я и опасался. Многому же нам предстоит учиться...

Я вернулся на кухню. Водрузив керосинку на бесполезную электрическую плиту, я принялся за дело.

Когда я закончил накрывать столик в гостиной, результат показался мне вполне удовлетворительным. Чтобы довершить убранство, я поставил наготове подсвечники со свечами. Джозелла все не появлялась, но несколько минут спустя из ванной донесся плеск бегущей воды. Я окликнул ее.

— Сейчас иду,— отозвалась она.

Я подошел к окну и стал смотреть на город. Совершенно сознательно я начал прощаться со всем, что было. Солнце стояло низко. Башни, шпили, фасады из портландского камня казались белыми и розовыми на фоне темнеющего неба. Там и тут горели пожары. Облака дыма поднимались черными грязными пятнами, кое-где у их основания мелькали языки пламени. Очень возможно, сказал я себе, что после завтрашнего дня мне не видеть больше ни одного из этих знакомых зданий. Может быть, наступит время, когда кто-нибудь вновь вернется сюда, но все здесь будет совсем по-другому. Над городом поработают пожары и непогода, он будет мертв и заброшен. Но сейчас, на расстоянии, он еще может маскироваться под живой город.

Отец как-то рассказывал мне, что перед самой войной с Гитлером он имел обыкновение бродить по Лондону с широко раскрытыми глазами, поражаясь красоте зданий, которую он раньше никогда не замечал... и прощаясь с ними. Сейчас мною владело такое же чувство. Но тут было нечто худшее. В той войне выжило все-таки больше людей, чем кто-нибудь смел надеяться. А теперь был враг которого люди не могли одолеть. На этот раз человеку угрожали не варварские погромы и злоумышленные поджоги: впереди был просто долгий, медленный, неодолимый процесс разложения и разрушения.

Я стоял и смотрел, и сердце мое все еще отвергало то, что говорил мне разум. Даже тогда я все еще был под властью ощущения, будто все это слишком велико, слишком неестественно, чтобы происходить в действительности. И тем не менее я знал, что такое происходит в истории далеко не впервые. Трупы других великих городов похоронены в пустынях и стерты с лица земли азиатскими джунглями. Некоторые пали так давно, что от них не осталось даже названий. Но для тех, кто там обитал, разрушение представлялось не более вероятным и возможным, нежели представляется мне умирание исполинского современного города...

Должно быть, думал я, это было одним из наиболее упорных и удобных заблуждений человечества: считать, что «у нас это случиться не может», что никаким катаклизмам не подвержено лич-

но мое крошечное время и местечко в мире. Но вот это случилось у нас. Если не произойдет никакого чуда, то я взирал сейчас на начало конца Лондона. Вероятно, были и другие, такие же, как я, взиравшие на начало конца Сан-Франциско, Нью-Йорка, Парижа, Буэнос-Айреса, Бомбея и прочих городов, которым отныне предопределено пойти путем тех прежних, что заросли джунглями.

Я все смотрел в окно, когда позади послышался шорох. Я оглянулся и увидел Джозеллу. На ней было длинное красивое платье из бледно-голубого жоржета и белый меховый палантин. На простой цепочке блестели голубовато-белые бриллианты, камни, мерцавшие в серьгах, были поменьше, но такой же чистой воды. Ее волосы были так убраны, а лицо сияло такой свежестью, словно она только что вышла из салона красоты. Она шла через комнату, легко ступая ногами в серебряных туфельках и блестящих чулках-паутинках. Я молча таращил на нее глаза, и под моим взглядом исчезала легкая улыбка на ее губах.

— Вам не нравится? — спросила она по-детски обиженно.

— Это чудесно... Вы очаровательны, — отозвался я. — Мне... Ну, я просто не ожидал ничего подобного.

Требовалось что-то еще. Я ведь понимал, что ко мне этот наряд не имеет никакого отношения. Я добавил:

— Вы прощаетесь?

— Значит, вы поняли. Я так надеялась, что вы поймете.

— Думаю, что понял. Я рад, что вы так сделали. Это будет очень приятно вспоминать.

Я протянул ей руку и подвел к окну.

— Я тоже прощался... со всем этим.

Не знаю, о чем она думала, пока мы стояли там плечом к плечу: это ее тайна. Мои же мысли неслись беспорядочно, калейдоскопом картин жизни, которая кончилась навсегда, или это больше походило на перелистывание фотоальбома с одним всепонимающим «а ты помнишь?».

Мы долго стояли у окна, погруженные в раздумье. Затем она вздохнула. Она оглядела себя, приглаживая пальцами тонкий шелк.

— Это глупо?.. Когда горит Рим... — проговорила она с горестной усмешкой.

— Нет... это славно, — сказал я. — Спасибо вам. — Это жест... и напоминание о том, что при всех гадостях в нашем мире было так много красоты. Вы не могли бы сделать... и выглядеть... прекраснее.

Улыбка ее просветлела.

— Спасибо, Билл. — Она помолчала. — Ведь я еще не говорила вам «спасибо»? Нет, не говорила. Если бы вы не выручили меня...

— Если бы не вы, — прервал я ее, — я бы скорее всего валялся сейчас в каком-нибудь кабаке в пьяных слезах и соплях. Я благодарен вам не меньше. Сейчас не такое время, чтобы быть одному. — Затем, чтобы переменить разговор, я добавил: — Кстати, о пьянстве. Вот здесь у нас имеется отличное амонтильядо и кое-что приятное на закуску. Квартира нам попалась на диво удачная.

Я разлил шерри, и мы подняли бокалы.

— За здоровье, силу... и удачу, — сказал я.

Она кивнула. Мы выпили.

Когда мы принялись за превосходный паштет, Джозелла спросила:

— Что, если бы сейчас вдруг вернулся владелец всего этого?

— Мы объяснили бы ему... и он был бы только благодарен за то, что кто-то может сказать ему, где какая бутылка и так далее... Но вряд ли это случится.

— Пожалуй, — согласилась она, подумав. — Да, пожалуй. Боюсь, это вряд ли случится. А интересно... — Она оглядела комнату. Ее взгляд остановился на белом цоколе с рифленой облицовкой. — Вы не включили радио?.. Это ведь радио, не правда ли?

— Это и радио и телевизор, — ответил я. — Но он не работает. Нет тока.

— Ну конечно, я забыла. Наверное, мы еще долго будем забывать такие вещи.

— Но я включал другой приемник, когда выходил. На батарейках. И ничего. В эфире тишина, как в могиле.

— И это значит, что везде как у нас?

— Боюсь, что да. Пищит кто-то морзянкой на сорока двух метрах, и больше ничего. Нет даже несущей частоты. Хотел бы я знать, кто он и где находится, этот бедняга.

— Будет... будет очень тяжело, да, Билл?

— Будет... Нет, я не желаю омрачать этот обед, — сказал я. — Делу время, потехе час... а в будущем нас совершенно определенно ждет дело. Давайте поговорим о чем-нибудь более интересном. Например, сколько раз вы были влюблены и почему до сих пор вы не замужем... или вы замужем? Сами видите, как мало я знаю. Вашу биографию, будьте так любезны.

— Ну что же, — сказала она. — Я родилась в трех милях отсюда, и моя мать была этим очень недовольна.

Я поднял брови.

— Видите ли, она твердо решила, что я буду американкой. Но когда за нею приехали, чтобы отвезти на аэродром, было уже поздно. Очень она была импульсивная... Я думаю, что это передалось и мне.

Она продолжала болтать. Ничего примечательного не случилось в ее ранние годы, но, по-моему, ей нравилось вспоминать о них и на время отвлечься от нашего положения. А мне нравилось слушать ее, как она болтает о знакомых и забавных вещах, которые уже исчезли из этого мира. Мы с легкостью прошли через ее детство, через школьные годы и «выход в свет», если это выражение еще что-то значило.

— Когда мне исполнилось девятнадцать лет, я едва не вышла замуж, — призналась она.— И как я рада сейчас, что из этого ничего не получилось! Тогда, конечно, я думала по-другому. У меня была ужасная ссора с папой, который все это расстроил. Он-то ведь сразу понял, что Лайонель просто слигад и...

— Кто? —прервал я ее.

— Слигад. Вроде как помесь слизняка и гада, этакий светский тунеядец. Так вот, я порвала с семьей и ушла жить к одной своей подруге, у которой была квартира. Тогда семья перестала мне давать деньги. Это было очень глупо, так как могло привести не к тем результатам, на которые они рассчитывали. Не случилось это только потому, что образ жизни всех моих знакомых девушек, вступивших на такую стезю, показался мне очень уж утомительным. Слишком мало радостей, ужасное количество скандалов из ревности, которые приходится улаживать... и слишком много расчета. Вы не поверите, сколько им приходилось рассчи-

тывать, чтобы удерживать при себе одного-двух запасных партнеров... — Она задумалась.

— Это неважно, — заметил я. — Общую мысль я уловил. Вы просто не хотели никаких партнеров... — Она задумалась.

— Вы не лишены интуиции. В общем, я все равно не могла оставаться нахлебницей у подруги, где я жила. Мне нужно было зарабатывать, и тогда я написала книгу.

Мне показалось, что я ослышался.

— То есть вы сделали компиляцию?

— Я написала книгу. — Она взглянула на меня и улыбнулась. — Должно быть, я страшно тупая на вид — так на меня смотрели все, когда я говорила, что пишу книгу. Заметьте, книга получилась не очень хорошая... Я хочу сказать, не такая, как у Олдоса, или Чарльза, или других людей в этом роде. Но свое дело она сделала.

Я не стал осведомляться, какого из всех мыслимых Чарльзов она имеет в виду. Я просто спросил:

— Вы хотите сказать, что она была издана?

— О да. И она принесла мне много денег. Право на экранизацию...

— Что же это за книга? — спросил я с любопытством.

— Она называется «Мои похождения в мире секса».

Я вытаращил глаза, затем хлопнул себя по лбу.

— Джозелла Плэйтон, ну конечно! Я никак не мог вспомнить, где я слышал ваше имя, так это вы написали эту штуку? — добавил я недоверчиво.

Не знаю, почему я не вспомнил раньше. Ее фотографии были повсюду (не очень хорошие фотографии, как я теперь убедился), и всюду была эта книга. Две библиотеки наложили на нее запрет, скорее всего просто из-за названия. После этого успех ей был просто обеспечен, и книга стала продаваться сотнями тысяч экземпляров. Джозелла хихикнула. Я был рад, что ей смешно.

— О боже, — сказала она. — Вы на меня глядите совершенно как все мои родственники.

— Не могу им ставить этого в вину, — заметил я.

— А вы ее читали?

Я покачал головой. Она вздохнула.

— Смешной народ. Вам известны только название и реклама, и вы уже шокированы. А в действительности это такая маленькая безобидная книжечка. Смесь незрелой искушенности и розовой романтики с пятнышками девичьего румянца. Но с названием мне повезло.

— Тоже мне, везение, — сказал я. — Да еще и имя поставили свое настоящее.

— Это было ошибкой, — согласилась она. — Издатели меня убедили, что так будет лучше для рекламы. Со своей точки зрения они были правы. Я приобрела скандальную известность. Меня прямо распирало от смеха, когда люди в ресторанах и прочих таких местах осторожно разглядывали меня — как видно, им было трудно связать воедино то, что они видели, и то, что они думали. Ко мне на квартиру стали регулярно наведываться всякие личности, которые мне совсем не нравились, и, чтобы избавиться от них, я снова вернулась домой: я ведь уже доказала, что смогу прожить самостоятельно. Впрочем, книга все-таки подпортила мою репутацию. Оказалось, люди склонны воспринимать ее название буквально. По всей видимости, я была навек обречена отбиваться от людей, которых терпеть не могла... а те, ко

торых я была готова терпеть, были либо напуганы, либо шокированы. Больше всего меня раздражало, что книга даже не была безнравственной. Она была просто глупой, и разумным людям следовало бы понимать это.

Она помолчала. Мне пришло в голову, что разумные люди сочли просто глупой и самого автора, но я не стал говорить этого вслух. Все мы в молодости творим безрассудства, о которых потом неприятно вспоминать, но поступки, имеющие следствием финансовый успех, люди почему-то не склонны рассматривать как безрассудства молодости.

— Из-за этого все пошло как-то прахом, — пожаловалась она. — Я принялась за новую книгу, чтобы выправить положение. Но я рада, что так и не закончила ее. Она получилась резковатой.

— И название такое же волнующее? — спросил я.

Она покачала головой.

— Я собиралась назвать ее «Здесь покинутая»

— Гм... Да, в нем, конечно нет уже той изюминки, — сказал я. — Цитата?

— Да, — кивнула она. — Из мистера Конгрива: «Здесь покинутая дева отдыхает от любви».

— Э... А... — сказал я и на несколько минут погрузился в размышления.

— А теперь, — предложил я, — настало, мне думается, время составить вчерне план наших действий. Если разрешите, я хотел бы выставить несколько общих соображений.

Мы развалились в чрезвычайно комфортабельных креслах. На низком столике между нами стояла кофеварка. Перед Джозеллой была крошечная рюмка с куантро. Пузатый плутократический бокал с лужицей бесценного бренди был передо мной. Джозелла выпустила струйку дыма и пригубила из рюмки. Смакуя, она проговорила:

— Интересно, доведется ли нам когда-нибудь еще раз ощутить вкус свежих апельсинов? Ладно, валяйте.

— Так вот, — сказал я. — Положение не блестящее. Нам нужно поскорее убираться отсюда. Если не завтра, то послезавтра. Уже сейчас можно представить себе, что произойдет здесь. Пока еще есть вода в резервуарах. Скоро она кончится. Весь город будет вонять, как гигантская сточная канава. На улицах уже появились трупы, с каждым днем их будет все больше. — Я увидел, как она содрогнулась. Я совсем забыл, что кое-какие из моих общих соображений могут жестоко задеть ее. Я поспешно продолжал: — Это может вызвать холеру, тиф и бог знает, что еще. Важно уехать отсюда раньше, чем начнется что-нибудь в этом роде.

Она согласно кивнула.

— Тогда следующий вопрос, по-видимому, таков: куда мы едем? У вас есть какие-нибудь предложения? — спросил я.

— Ну... Мне кажется, надо найти место, где мы, грубо говоря, не будем путаться под ногами. С надежным водоснабжением, например, с колодцем. И еще хорошо, чтобы это было где-нибудь на возвышенности... где всегда бы дули свежие, чистые ветры.

— Правильно, — сказал я. — О свежих, чистых ветрах я не подумал, но вы правы. Вершина холма с надежным водоснабжением — такое местечко найти не так-то просто. — Я подумал секунду. — Лэйкт-дистрикт? Нет, слишком далеко. Может быть, Уэльс? Или, возможно, Эксмур, или Дартмур, или уж сразу Корнуолл? Где-нибудь на Лэндс-Энде у нас будет по преимуществу

юго-западный ветер прямо с Атлантики, ничем не зараженный. Но это тоже очень далеко. Нам ведь придется зависеть от городов, когда снова можно будет посещать их без опаски.

— Как насчет Суссекского Даунса? — предложила Джозелла. — Я знаю там, на северной стороне, славный фермерский дом, прямо напротив Пулборо. Он, правда, не на вершине холма, но довольно высоко на склоне. Там есть ветряной насос для воды, и я думаю, они там вырабатывают собственное электричество. Они все там переделали и модернизировали.

— Действительно, идея заманчивая. Но это слишком близко к населенным местам. Вы не думаете, что нам следовало бы убраться еще дальше?

— У меня на этот счет есть сомнения. Сколько пройдет времени, прежде чем можно будет снова вернуться в города?

— Не имею никакого представления, — признался я. — Думаю, что-нибудь около года... Такой срок наверняка достаточно велик, как по-вашему?

— Понятно. Но вы же сами говорили: если мы заедем слишком далеко, нам будет очень непросто получать из городов снабжение.

— Это, конечно, мысль, — согласился я.

Мы временно оставили вопрос о будущей резиденции и перешли к разработке деталей переезда. Мы решили, что утром прежде всего раздобудем грузовик — вместительный грузовик, и стали составлять список материальных благ, которые в него погрузим. Если мы успеем погрузиться, то выедем завтра же вечером, а если нет — этот вариант представлялся более вероятным, потому что список все увеличивался, — то мы рискнем остаться в Лондоне еще на одну ночь и отправимся послезавтра утром.

Было уже около полуночи, когда мы кончили добавлять к списку необходимого свои личные пожелания. В результате получилось нечто вроде каталога универсального магазина. Но даже если это занятие послужило лишь для того, чтобы отвлечь на время наши мысли от самих себя, оно стоило затраченного времени.

Джозелла зевнула и поднялась.

— Спать хочется, — сказала она. — И меня ждут шелковые простыни этого ложа любви.

Казалось, она плыла над толстым ковром. Положив ладонь на дверную ручку, она остановилась и с важным видом оглядела себя в большом зеркале.

— Было очень славно, — сказала она и послала своему отражению воздушный поцелуй.

— Спокойной ночи, сладкое суетное видение, — пробормотал я.

Она обернулась с легкой улыбкой и затем исчезла за дверью, как облако тумана.

Я плеснул в бокал последнюю каплю бренди, согрел в ладонях и выпил.

«Никогда, никогда в жизни ты не увидишь больше такого зрелища, — сказал я себе. — Sic transit...»

И, не дожидаясь, пока тяжкое отчаяние овладеет мной, я отправился в свою скромную постель.

Я уже покоился в блаженном полузабытье, когда раздался стук в дверь.

— Билл,— позвал голос Джозеллы.— Скорее идите сюда. Свет!

— Какой свет?— осведомился я, выбираясь из постели.

— В городе. Идите и посмотрите.

Она стояла в коридоре закутавшись в халат который мог принадлежать только владелице той замечательной спальни.

— Боже милосердный!— нервно проговорил я.

— Не валяйте дурака,— раздраженно сказала она.— Идите и посмотрите на этот свет.

Свет действительно был. Выглянув из окна на северо-восток, я увидел яркий неподвижный луч, скорее всего прожекторный, направленный прямо в зенит.

— Это означает, должно быть, что там кто-то зрячий,— сказала она.

— Должно быть,— согласился я.

Я попробовал определить, где находится прожектор, но не смог из-за темноты. Не слишком далеко, я был уверен, и основание луча как бы висело в воздухе — это, вероятно, означало, что прожектор установлен на высоком здании. Я заколебался. Мысль попытаться отыскать туда путь по улицам, погруженным в кромешный мрак, представлялась мне далеко не привлекательной. Кроме того, возможно было — весьма мало вероятно, но все-таки возможно,— что это западня. Даже слепой человек, достаточно умный и отчаянный, мог оказаться в состоянии смонтировать такую штуку на ощупь.

— Лучше оставим это до завтра,— решил я.

Я нашел пилку для ногтей и опустился перед окном на корточки так, чтобы мои глаза были на уровне подоконника. Кончиком пилки я старательно провел по краске прямую линию, обозначив точное направление на луч. Затем я вернулся в свою комнату.

Час или больше я лежал, не смыкая глаз. Ночь усилила тишину над городом и прибавила тоски нарушающим ее звукам. Время от времени с улицы поднимался гомон голосов, раздраженных и ломающихся от истерии. Однажды послышался леденящий душу визг, который, казалось, упивался освобождением от оков разума. Неподалеку кто-то тихо рыдал, бесконечно и безнадежно. Дважды я слыхал отчетливый треск одиночных пистолетных выстрелов... И я от всего сердца вознес благодарность случаю, который свел меня с Джозеллой и избавил от одиночества.

Полное одиночество было самым страшным состоянием, какое я мог тогда себе представить. Один был ничем. Содружество означало цель, а цель помогала держать на привязи мрачные ужасы.

Я старался заглушить ночные крики мыслями обо всем, что нужно будет сделать завтра и послезавтра, и еще через день и во все последующие дни; догадками о том, что может означать прожекторный луч и какое влияние он окажет на нас. Но рыдания продолжались, они не давали забыть о том, что я видел сегодня и что я увижу завтра...

Отворилась дверь, и я сел в постели, охваченный внезапной тревогой. Это была Джозелла с горящей свечой. Глаза у нее были огромные и темные, и она плакала.

— Я не могу заснуть,— сказала она.— Я боюсь... ужасно боюсь. Вы их слышите... всех этих несчастных? Я не вынесу этого...

Она пришла ища утешения, как ребенок. Не думаю все же, чтобы она нуждалась в утешении больше, чем я сам.

Она заснула раньше меня, положив голову мне на плечо.

Воспоминания о прошедшем дне все еще не давали мне покоя. Но рано или поздно человек засыпает. Последнее, что я вспомнил, был нежный девичий голос, певший балладу Байрона.

Проснувшись, я услыхал, что Джозелла уже возится на кухне. Мои часы показывали около семи. К тому времени, когда я побрился холодной водой и оделся, по всей квартире уже пахло поджаренным хлебом и кофе. Когда я вышел в кухню, Джозелла держала сковородку над керосинкой. Она была преисполнена самообладания, которое совсем не ассоциировалось с испуганной фигуркой минувшей ночи. И движения ее были весьма деловиты.

— Боюсь, молоко у нас будет консервированное,— сказала она.— Холодильник не работает. Впрочем, все остальное в порядке.

На мгновение мне было трудно поверить, что эта скромно и практично одетая девушка и есть вчерашнее видение из великосветского бала. На ней были темно-синий лыжный костюм, грубые носки с белым верхом и крепкие башмаки. На черном кожаном ремне вместо посредственного ножа, которым я ее вооружил вчера, висел отличный охотничий кинжал.

Не знаю, в какой одежде я ожидал ее увидеть и думал ли я об этом раньше вообще, но ее вид произвел на меня большое впечатление.

— Подходяще, как вы думаете?— спросила она.

— Замечательно,— уверил я ее. Затем я оглядел себя.— Мне тоже следовало подумать об этом. Этот джентльменский наряд,— добавил я,— не совсем пригоден в нынешних обстоятельствах.

— Да, вы могли бы одеться лучше,— честно согласилась она, взглянув на мой измятый костюм.— Этот свет прошлой ночью,— продолжала она,— шел с Университетской Башни. Я во всяком случае, в этом уверена. Больше в том направлении нет ничего заметного. И расстояние тоже подходит.

Я отправился в ее комнату и посмотрел вдоль царапины, которую провел на подоконнике. Она действительно указывала прямо на башню. И я увидел кое-что еще. На башне развевались два флага. Будь там один флаг, это могло оказаться просто случайностью, но два явно означали сигнал: дневной эквивалент прожекторного луча. За завтраком мы решили отложить выполнение нашей программы и прежде всего обследовать башню.

Мы вышли из квартиры примерно через полчаса. Как я надеялся, наш автофургон, стоявший на середине улицы, избег внимания мародеров. Не откладывая дела в долгий ящик, мы бросили чемоданы, добытые Джозеллой, в кузов рядом с противотриффидным снаряжением и тронулись в путь.

Людей было мало, вероятно усталость и похолодание воздуха подсказали им вчера, что наступила ночь, и пока лишь некоторые вышли из своих ночных убежищ. Теперь они старались держаться ближе к водосточным канавам, а не к стенам, как вчера. Многие из них имели трости или обломки дерева, которыми они простукивали путь вдоль обочины тротуаров. Ходить так было гораздо легче, нежели вдоль стен с их дверями и выступами, а стук уменьшал опасность столкновения.

Мы продвигались без особых трудностей и вскоре свернули на пустынную Стор-стрит, в конце которой перед нашими глазами выросла Университетская Башня. Джозелла сразу сказала

— Осторожно. По-моему, у ворот что-то творится.

Она была права. Подъехав ближе, мы обнаружили перед Университетом довольно изрядную толпу. Вчерашний день наделил нас неприязнью к толпам. Я резко свернул в Гауэр-стрит, проехал метров пятьдесят и остановил машину.

— Как вы думаете, что там происходит? Попробуем узнать или уберемся подобру-поздорову?— спросил я.

— Я за то, чтобы узнать,— быстро ответила Джозелла.

— Отлично. Я тоже.

— Я помню этот район,— добавила Джозелла.— За этими домами есть садик. Если забраться туда, можно наверняка все увидеть, ни во что не вмешиваясь.

Мы вышли из машины и принялись разглядывать нижние этажи ближайших зданий. В третьем доме обнаружилась открытая дверь. Проход вел прямо в садик. Это место выглядело странно, потому что большая его часть располагалась на уровне подвалов, то есть ниже уровня соседних улиц, но дальний его участок, ближайший к Университету, поднимался и образовывал своего рода террасу, отделенную от дороги высокими железными воротами и низенькой оградой. Из-за ограды доносился шум толпы. Мы пересекли лужайку, поднялись по гравиевой дорожке и устроились наблюдать, укрывшись за кустами.

Толпа на дороге перед воротами Университета состояла, должно быть, из нескольких сотен мужчин и женщин. Она была больше, чем можно было судить по ее шуму, и я впервые осознал, насколько толпа слепых молчаливее и пассивнее такой же толпы зрячих. Это, разумеется, естественно, ибо чтобы ориентироваться в происходящем, им приходится полагаться почти исключительно на слух, так что все заинтересованы в молчании каждого; но понял я это только теперь.

События развертывались прямо перед нами. Нам удалось найти небольшое возвышение, с которого мы могли видеть университетские ворота поверх голов толпы. Человек в кепке что-то многословно доказывал другому человеку, стоявшему по ту сторону решетчатых ворот. По всей вероятности, его доказательства успеха не имели, так как собеседник в ответ только отрицательно качал головой.

— Что там такое?— шепотом спросила Джозелла.

Я помог ей устроиться рядом с собой. Говоривший повернулся, и мы увидели его профиль. Ему было, насколько я мог судить, лет тридцать, у него были прямой узкий нос и впалые щеки; волосы, выбивавшиеся из-под кепки, были темные. Но внимание привлекала не столько его наружность, сколько напряженность, которая ощущалась в каждом его движении.

По мере того как переговоры продолжались, не давая никаких результатов, его голос становился все громче и выразительнее. Впрочем, на собеседника это не производило впечатления. Было очевидно, что человек по ту сторону ворот был зрячим: он настороженно поглядывал сквозь очки в роговой оправе. В нескольких шагах позади него стояли еще трое, тоже, несомненно, зрячие. Они тоже глядели на толпу и ее предводителя с тем же настороженным вниманием. Человек в кепке начал горячиться. Голос его возвысился, как если бы он говорил теперь, обращаясь не только к людям за ограждением, но и к толпе.

— Да послушайте же меня!— сердито вскричал он.— Эти вот люди имеют столько же права жить, как и вы. Разве не так, черт подери? Они не виноваты, что ослепли. Разве не так? Никто здесь не виноват. Но если они погибнут от голода, виноваты будете вы, и вам это прекрасно известно.

Я показывал им, где взять еду. Я делал для них все, что мог. но, господи Иисусе, я ведь один, а их тысячи! Вы бы тоже могли показывать им, где еда, но разве вы это делаете? Черта с два! Вам на них наплевать! Вы заботитесь только о своих шкурах. Я видел таких, как вы. У вас один символ веры: «Провалитесь все к чертям, лишь бы мне было хорошо».

Он презрительно сплюнул и ораторским жестом простер руку.

— Там,— сказал он,— там, в Лондоне, тысячи несчастных людей. Им нужно только, чтобы кто-нибудь показал, как взять еду, которая лежит у них под носом. Вы могли бы делать это. Единственное, что от вас требуется, это просто показать им. А вы? Что вы делаете, подонки? Вы помогаете им? Нет, вы заперлись здесь, и пусть все они подыхают с голоду, а между тем, каждый из вас мог бы спасти сотни людей, и для этого нужно всего-навсего выйти и показать беднягам, где взять жратву. Боже всемогущий, да есть ли в вас что-либо человеческое?

Он говорил яростно. Он знал, в чем обвинять, и обвинял он страстно. Я почувствовал, как пальцы Джозеллы бессознательно впились в мой локоть, и я положил ладонь на ее руку. Человек по ту сторону ворот сказал что-то, чего мы не расслышали.

— На сколько времени?— закричал человек в кепке.— Да откуда мне знать, черт вас подери совсем, на сколько времени хватит еды? Я знаю только, что если недоноски вроде вас не возьмутся за дело и не начнут помогать, мало кто останется в живых к тому времени, когда сюда придут, чтобы привести в порядок все это проклятое безобразие.— Секунду он стоял, свирепо глядя на собеседника.— Факт тот, что вы боитесь. Вы боитесь показать им, где еда. А почему? Потому что чем больше эти бедняги съедят, тем меньше останется для вашей шайки. В этом все дело. Что, не так? Вот она правда, только у вас нет смелости признать это.

Мы снова не расслышали ответа собеседника; впрочем, очевидно было, что оратору этот ответ не понравился. В течение секунды он мрачно смотрел сквозь решетку. Затем он сказал:

— Ладно. Вы сами хотели этого.

С молниеносной быстротой он вцепился в руку собеседника, вытянул ее между прутьями решетки на свою сторону и вывернул. Он схватил за руку стоявшего рядом мужчину и зажал ее на запястье собеседника.

— Держи крепче, парень,— сказал он и прыгнул к замку на воротах.

Человек в очках оправился от неожиданности. Он изо всех сил ударил свободной рукой через прутья позади себя. Этот удар наудачу пришелся слепому в лицо. Тот вскрикнул и сжал руку еще крепче. Предводитель толпы рвал и ломал замок. В этот момент треснул винтовочный выстрел. Пуля щелкнула в решетку и с жужжанием рикошетировала. Предводитель в нерешительности остановился. За его спиной раздались проклятия, женский визг. Толпа качнулась взад и вперед, словно не зная, бежать прочь или ринуться на штурм ворот. Решение за нее приняли те трое во дворе за ограждением. Я увидел, как молодой человек что-то выдернул из-под руки, и я упал ничком, опрокинув рядом Джозеллу, когда застучала автоматная очередь.

Было очевидно, что стрелявший нарочно взял слишком высокий прицел; тем не менее грохот выстрелов и визг пуль произвели впечатление. Одной короткой очереди оказалось достаточно, чтобы все кончилось. Когда мы подняли головы, толпа уже потеряла монолитность. Слепые люди поспешно разбредались, торопясь уйти подальше от ворот. Предводитель задержался, чтобы крикнуть что-то неразборчивое, затем повернулся и тоже пошел прочь. Он направился на север по Мэлит-стрит, стараясь снова собрать и построить своих последователей.

Я сел и взглянул на Джозеллу. Она задумчиво посмотрела на меня, затем опустила глаза и уставилась в землю. Прошло несколько минут, прежде чем мы заговорили.

— Ну?— сказал я наконец.

Она подняла голову и посмотрела на дорогу, на последних отставших от толпы, убредающих в переулки.

— Он был прав,— сказала она.— И вы знаете, что он был прав. Ведь верно?

Я кивнул.

— Да, он был прав... И все-таки он был и совершенно не прав. Понимаете, никто никогда не придет, «чтобы привести в порядок все это безобразие». Теперь я в этом совершенно уверен. Порядка больше не будет. Мы могли бы поступить, как он требует. Мы могли бы пойти и показывать некоторым — правда, только немногим — из людей, где еда. Мы могли бы делать это несколько дней, ну, может быть, недель. А потом? Что потом?

— Это так страшно, так жестоко...

— Если глядеть фактам в лицо, альтернатива очень простая,— сказал я.— Или уехать отсюда, чтобы спасти все, что можно спасти от гибели, в том числе и самих себя; или посвятить себя тому, чтобы еще хоть ненадолго продлить жизнь этих людей. Это самый объективный взгляд на вещи, который мне доступен. Но я знаю также, что, очевидно, гуманный путь является также скорее всего и дорогой к самоубийству. Должны ли мы тратить время на продление страданий, если мы уверены, что в конечном счете шансов спасти этих людей никаких? Лучший ли это способ применить свои силы?

Она медленно кивнула.

— Да, пожалуй, выходит, что выбирать не из чего. И даже если бы мы могли спасти некоторых, то кого для этого выбрать? И кто мы такие, чтобы выбирать? И вообще, как долго мы смогли бы это делать?

— Все здесь страшно сложно,— сказал я.— Я не знаю, сколько слепых может содержать один зрячий, когда кончатся готовые припасы, но не думаю, чтобы уж очень много.

— Вы уже все решили,— сказала она, взглянув на меня. Мне почудилось, будто в ее голосе прозвучала нотка неодобрения.

— Милая девушка,— сказал я.— Все это нравится мне не больше, чем вам. Я прямо изложил вам альтернативу. Что мы выберем? Поможем строить новую жизнь тем, кто избежал катастрофы? Или сделаем моральный жест, который вряд ли станет чем-либо большим, нежели жестом. Люди на той стороне дороги, очевидно, решили выжить.

Она погрузила пальцы в песок, затем высыпала песок из ладони.

— Я думаю, вы правы,— сказала она.— Но вы правы и в том, что мне это не нравится.

— Наши «нравится» и «не нравится» больше не имеют никакого значения,— отозвался я.

— Может быть, и так, но во всяком деле, которое начинается со стрельбы, есть, по-моему, что-то скверное.

— Он ведь стрелял в воздух,— заметил я.— И очень возможно, что он предотвратил свалку.

Из толпы уже никого не осталось. Я перелез через ограду и помог перебраться Джозелле. Человек у ворот приоткрыл створку, чтобы впустить нас.

— Сколько вас?— спросил он.

— Всего-навсего двое,— ответил я.— Мы видели ночью ваш сигнал.

— О'кэй. Пошли к Полковнику,— сказал он и повел нас через двор.

Тот, кого он назвал Полковником, располагался в небольшой комнатушке неподалеку от входа, вероятно, бывшей швейцарской. Это был круглолицый человек лет пятидесяти или около того. Волосы у него были густые, но седые и аккуратно подстриженные. Такими же седыми и аккуратными были его усы, и казалось, ни один волосок в них не посмел бы нарушить строй. Лицо его было розовым, здоровым и свежим, в пору молодому человеку; как я узнал позже, в пору молодому человеку была и его голова. Он сидел за столом с большим количеством бумаг, уложенных в абсолютно ровные пачки; перед ним лежал чистый розовый лист промокательной бумаги.

Когда мы вошли, он устремил сначала на меня, затем на Джозеллу внимательный твердый взгляд и смотрел на нас несколько дольше, чем необходимо. Я сразу раскусил эту технику. Она призвана внушить вам, что вы стоите перед опытным судьей, привыкшим оценивать людей с первого взгляда; вы должны почувствовать, что стоите перед надежным человеком, безо всяких там глупостей — или, при иных обстоятельствах, что видят насквозь и знают все ваши слабости. Правильной реакцией является такой же взгляд в ответ, тогда в вас признают «дельного парня». Так я и сделал. Полковник взял перо.

— Ваши фамилии?

Мы назвали себя.

— Адреса?

— Боюсь, что в нынешних обстоятельствах они вряд ли понадобятся,— сказал я.— Но если вы считаете, что должны их знать...

Мы дали свои адреса.

Он пробормотал что-то о системе, организации и родственниках и записал. Затем последовали вопросы о возрасте, профессии и так далее. Он снова обратил на нас испытующий взгляд, нацарапал на каждой анкете еще несколько слов и сложил анкеты в пачку.

— Нужны дельные люди. Дело дрянь. Работы здесь много. Очень много. Мистер Бидли скажет вам, что надо.

Мы вернулись в вестибюль. Джозелла усмехнулась.

— Он забыл спросить у нас рекомендации в трех экземплярах,— сказала она,— но на работу мы, кажется, приняты.

Микаэль Бидли, когда мы нашли его, оказался совсем не похожим на Полковника. Он был высокий, худой, широкоплечий и немного сутулый; было в нем что-то от атлета, занявшегося интеллектуальным трудом. Во время отдыха его лицо с большими черными глазами принимало меланхолическое выражение, но

редко кому случалось видеть его на отдыхе. Судить о его возрасте по седым прядям в шевелюре было невозможно. Ему могло быть сколько угодно от тридцати пяти до пятидесяти. В то время он был сильно измотан, и из-за этого определить его возраст было еще труднее, по-видимому, он был на ногах всю ночь; тем не менее он поздоровался с нами весело и представил нам молодую женщину, снова записавшую наши имена, когда мы назвали себя.

— Сандра Тельмонт,— объяснил он.— Сандра является нашим профессиональным запоминателем —она работала в кино монтажницей, и в том, что она с нами, мы видим заботливую руку судьбы.

Молодая женщина кивнула мне и посмотрела на Джозеллу более пристально.

— Мы с вами встречались,— сказала она задумчиво. Она взглянула на блокнот, который держала на колене. Затем на ее милой, но очень обыкновенной физиономии появилась слабая улыбка.

— О да, конечно,— проговорила она.

— Вот видите?— сказала Джозелла, обращаясь ко мне.— Мне теперь от этого не отделаться, как от липучки для мух.

— В чем дело?— спросил Микаэль Бидли.

Я объяснил. Он посмотрел на Джозеллу более внимательно. Она вздохнула.

— Пожалуйста, забудем об этом,— попросила она.— Я уже немного устала переживать это.

Ее слова вызвали у него добродушное удивление.

— Ладно,— сказал он и кивнул. Затем он повернулся к столу.— Теперь о деле. Вы видели Джэйкса?

— Это Полковник, который играет в Гражданские Власти?— спросил я.— Видели.

Он ухмыльнулся.

— Должен знать, что мы и как. Ни шагу, пока не знаешь, как с пайком,— произнес он, имитируя манеру Полковника.— Впрочем, это совершенно верно,— продолжал он.— Давайте я коротко опишу вам, что мы и как. Нас здесь сейчас тридцать пять человек. Люди разные. Зрячих из них двадцать восемь. Остальные слепые — жены и мужья и двое или трое детишек. В настоящий момент главная идея состоит в том, что завтра мы отсюда уезжаем, если успеем подготовиться... Чтобы уйти, как говорится, от греха подальше.

Я кивнул.

— Мы тоже решили убраться этим вечером и по той же причине.

— Какой у вас транспорт?

Я рассказал о нашем фургоне.

— Сегодня мы собирались погрузиться,— добавил я.— Пока у нас нет практически ничего, кроме целого арсенала противотриффидного снаряжения.

Он поднял брови. Сандра тоже с любопытством взглянула на меня.

— Странные вещи вы берете как предметы первой необходимости,— заметил он.

Я объяснил ему причину. Объяснил, видимо, скверно, потому что это не произвело на них впечатления. Он рассеянно кивнул и продолжал:

— Итак, поскольку вы соединились с нами, я предлагаю вот что. Приведите сюда свою машину, разгрузитесь, затем поезжай

те и смените ее на хороший большой грузовик. Затем... Да! Кто-нибудь из вас разбирается в медицине?

Мы покачали головами. Он нахмурился.

— Жаль. У нас до сих пор нет ни одного человека, причастного к медицине. Между тем, я буду очень удивлен, если нам скоро не понадобится доктор — например, всем нам нужно сделать прививки... Значит, посылать вас в набег на аптекарские склады не стоит. Как насчет продуктов и ширпотреба? Подойдет вам?

Он порылся в бумагах, скрепленных скрепкой, вытянул листок и протянул мне. На листке под номером 15 был напечатан на машинке список консервированных продуктов, кастрюль, сковородок и постельных принадлежностей.

— Наименования даны ориентировочно,— сказал он,— но все-таки старайтесь по возможности держаться их, тогда мы избегнем ненужного дублирования. Берите все лучшего качества. Когда будете брать продукты, обращайте внимание на объем; скажем, о кукурузных хлопьях забудьте, даже если они самое любимое ваше блюдо. Держитесь оптовых складов и крупных магазинов.— Он отобрал у меня лист и нацарапал на нем несколько адресов.— Из продовольствия за вами консервы и фасованные товары. Например, не дайте себе увлечься мешками с мукой — этим занимается другая группа.— Он задумчиво поглядел на Джозеллу.— Боюсь, это будет тяжелая работа. Но это самое полезное дело, какое мы можем вам сейчас предложить. Постарайтесь как можно больше сделать до темноты. Сегодня вечером в девять тридцать будет общее собрание и дискуссия.

Мы повернулись, чтобы идти. Он остановил нас.

— У вас есть пистолет?

— Об этом я не подумал,— признался я.

— Лучше иметь на всякий случай. Достаточно стрелять просто в воздух,— сказал он. Он достал из ящика стола два пистолета и протянул нам.— Все-таки не так противно, как это,— добавил он, поглядев на кинжал у Джозеллы на поясе.— Счастливого грабежа.

К тому времени, когда мы разгрузили фургон и выехали, мы обнаружили, что людей на улицах еще меньше, чем вчера. При звуках двигателя они теперь не пытались остановить нас, а торопливо отходили на тротуары.

Первый приглянувшийся нам грузовик оказался бесполезен, потому что он был нагружен деревянными контейнерами, снять которые было бы нам не под силу. Следующая находка была более счастливой — пятитонка, почти новая и пустая. Мы пересели в нее и поехали, бросив фургон на произвол судьбы.

Железные шторы пакгауза по первому адресу в моем списке были опущены, но без особых трудностей поддались нажиму ломика из соседней лавочки и закатились вверх. Внутри мы обнаружили находку. У платформы стояли три грузовика. Один из них был загружен ящиками с мясными консервами.

— Вы смогли бы вести такую машину?— спросил я Джозеллу.

Она поглядела.

— Почему бы и нет? Общий принцип тот же, верно? И уличное движение мешать не будет.

Мы решили вернуться за грузовиком позже и поехали на пустой машине к другому складу, где погрузили свертки одеял и пледов, затем поехали дальше, чтобы забрать звонкую груду кастрюль, сковородок, котелков и чайников. Управившись с этим, мы

почувствовали, что поработали здорово и что работа оказалась тяжелее, чем мы предполагали. Разыгравшийся аппетит мы утолили в маленьком кабачке, до сих пор не тронутом.

Атмосфера в деловых и коммерческих кварталах была мрачной, хотя мрачной скорее в стиле обычного воскресного или праздничного дня, чем бедствия. Людей здесь почти не было. Если бы катастрофа разразилась днем, а не ночью, когда все служащие уже разошлись по домам, картина здесь была бы чудовищной.

Подкрепившись, мы забрали из пакгауза грузовик с консервами и медленно, без всяких приключений повели оба грузовика к Университету. Мы оставили их во дворе и снова отправились на добычу. Около половины седьмого мы снова вернулись со второй парой грузовиков и с приятным чувством выполненного долга. Микаэль Бидли вышел, чтобы обследовать наш взнос. Он одобрил все, кроме дюжины ящиков, которые я поставил в кузов своего второго грузовика.

— Что в них?— спросил он.

— Триффидные ружья и припасы к ним,— ответил я.

Он недоуменно поглядел на меня.

— Ах, да! Вы же явились с целым арсеналом.

— Они нам наверняка понадобятся,— сказал я.

Он подумал. Было ясно, что он считает меня слегка помешанным на триффидах. Наверное, он относил это за счет профессионального предубеждения, усиленного фобией, которая возникла в результате недавнего несчастного случая. Теперь он, конечно, подозревал меня в других, менее безобидных маниях.

— Послушайте,— сказал я,— мы с Джозеллой привели четыре полных грузовика. Мне нужно в одном из них место для этих ящиков. Если вы полагаете, что не можете мне уделить такое место, я пойду и найду трейлер или другой грузовик.

— Нет, оставьте их там, где положили,— решил он.— Места они занимают немного.

Мы отправились в здание и попили чаю в импровизированной столовой, которую с большим знанием дела оборудовала миловидная женщина средних лет.

— Он думает,— сказал я Джозелле,— что я свихнулся на триффидах.

— Боюсь, что горький опыт научит его,— ответила она.— Странно, что никто, кроме нас, не встречался с ними.

— Эти люди находились в центральных районах, так что это неудивительно. Мы ведь тоже сегодня не видели ни одного.

— Они могут добраться по улицам сюда, как вы считаете?

— Трудно сказать. Может быть, отдельные заблудившиеся...

— Как они вырвались на волю?

— Так случается рано или поздно, когда они мечутся на привязи достаточно беспокойно и достаточно долго. А на наших фермах они прорывались так: наваливались всей кучей на какой-нибудь участок ограды и опрокидывали его.

— Неужели вы не могли сделать ограды прочнее?

— Могли, конечно, но мы же не держали их на фермах постоянно. Притом это случалось не так уж часто, а когда случалось, то обычно они просто вырывались из одного огороженного поля на другое. Мы загоняли их обратно и восстанавливали ограду. Я не думаю, что триффиды направятся сюда намеренно. Триффидам город должен представляться пустыней, и мне думается, что

они двинутся наружу, в открытые поля. Вы когда-нибудь стреляли из противотриффидных ружей? — добавил я.

Она покачала головой.

— Я переоденусь во что-нибудь более подходящее, и мы попрактикуемся, если хотите, — предложил я.

Примерно через час я вышел к ней, чувствуя себя гораздо более удобно в костюме, представляющем некоторую модификацию ее идеи о лыжных брюках и прочных башмаках, и увидел на ней весенне-зеленое платье, которое было ей очень к лицу. Мы взяли пару триффидных ружей и отправились в садик на Расселсквер. Мы провели около получаса, отстреливая верхушки у подходящих кустарников, когда к нам по траве широким шагом приблизилась молодая женщина в кирпично-красной куртке и элегантных зеленых брюках. Остановившись в нескольких шагах, она направила на нас крошечный фотоаппарат.

— Вы кто? — спросила Джозелла. — Пресса?

— Почти, — ответила молодая женщина. — Я официальный летописец. Зовут меня Элспет Кэри.

— Так быстро? — заметил я. — Видна твердая рука нашего Полковника.

— Вы совершенно правы, — согласилась она. Затем она взглянула на Джозеллу. — А вы мисс Плэйтон. Я часто думала...

— Послушайте, — прервала ее Джозелла. — Почему даже в этом гибнущем мире меня судят по одной моей случайной ошибке? Нельзя ли забыть об этом?

— Хм, — сказала мисс Кэри задумчиво. — Угу. — Она переменила разговор: — Так что у вас здесь насчет триффидов?

Мы рассказали ей.

— Они думают, — сказала Джозелла, — что Билл свихнулся.

Мисс Кэри обратила на меня прямой взгляд. Лицо ее было скорее оригинальным, нежели миловидным, оно загорело под более жарким солнцем, чем наше северное. Карие глаза смотрели твердо и зорко.

— Но это не так? — сказала она.

— Видите ли, я полагаю, что они могут натворить много бед, когда вырвутся на волю, и их следует принимать всерьез.

Она кивнула.

— Правильно. Я бывала в странах, где они на воле. Это очень скверно. Но в Англии... Здесь я просто не могу себе этого представить.

— Остановить их сейчас некому, — сказал я.

Гул мотора в небе прервал наш разговор. Мы взглянули вверх и увидели над крышей Британского Музея снижающийся вертолет.

— Это Айвен, — сказала мисс Кэри. — Он все-таки нашел машину. Мне надо пойти и заснять посадку. Увидимся позже. — И она заспешила через лужайку.

Джозелла легла на траву, заложив руки за голову, и стала смотреть в глубокое небо. Как только смолк мотор вертолета, наступила полная тишина.

— Не могу этому поверить, — сказала Джозелла. — Стараюсь изо всех сил, но не могу этому поверить по-настоящему. Так не может быть навсегда... навсегда... навсегда... Это что-то вроде сна. Завтра этот сад наполнится шумом. Помчатся мимо с ревом красные автобусы, заспешат по тротуарам прохожие, засверкают светофоры... Конец света не наступает вот так... не может... это невозможно...

Я ощущал примерно то же самое. Дома, деревья, нелепо-громоздкие отели на другой стороне Рассел-сквер — все было слишком привычным, слишком готовым при одном мановении вернуться к жизни...

— И все-таки мне кажется,— проговорил я,— что если бы динозавры были способны рассуждать, они в свое время подумали бы то же самое. Такие вещи случались уже не раз, наверное.

— Но почему именно с нами? Это словно в газетах, когда читаешь об удивительных событиях, которые произошли с какими-то другими народами... непременно с другими! Ведь мы такие обыкновенные.

— Разве не всегда люди спрашивали: «Почему именно со мной?» Был ли то солдат, оставшийся невредимым, когда все его товарищи погибли, или человек, которого посадили за подделку чеков. Просто слепой случай, я бы сказал.

— Случай, что это произошло вообще? Или что это произошло именно сейчас?

— Именно сейчас. Когда-нибудь это так или иначе должно было произойти. Это же противоестественно — считать, что один вид живых существ будет доминировать вечно.

— Не понимаю почему.

— Почему?— в этом весь вопрос. Но жизнь должна быть динамичной, а не статичной, такой вывод неизбежен. Так или иначе она должна меняться. Заметьте, я вовсе не считаю, что с нами теперь покончено навсегда, но попытка была очень основательная.

— Значит, вы не считаете, что это действительно конец... конец человечества?

— Может быть, и конец. Но... нет, этого я не считаю. Еще не сейчас.

Это могло быть концом. Тут я не сомневался. Но ведь должны были сохраниться и другие группы вроде нашей. Я видел пустой мир, по лику которого рассыпаны крошечные общины, стремящиеся снова с боем овладеть этим миром. Я должен был верить, что по крайней мере некоторым удастся добиться цели.

— Нет,— повторил я.— Это не обязательно конец. Мы все еще умеем приспосабливаться, и у нас огромные преимущества по сравнению с нашими предками. И пока остаются в мире здоровые телом и духом, у нас всегда есть шансы... и очень не плохие шансы.

Джозелла не ответила. Она лежала, обратив лицо к небу, с отрешенным выражением в глазах. Я подумал, что мог бы догадаться о том, что проходит перед ее мысленным взором, но промолчал. Через некоторое время она сказала:

— Вы знаете, едва ли не самое страшное — это то, с какой легкостью мы утратили мир, казавшийся таким устойчивым.

Она была совершенно права. Именно простота представлялась ядром этого ужаса. Мы забываем о силах, которые держат мир в равновесии, потому что хорошо знаем их, и безопасность является для нас нормой. Но это не так. Мне никогда раньше не приходило в голову, что преимущество человека определяется вовсе не наличием мозга, как это утверждают книги. Это преимущество следует из способности мозга усваивать информацию, которую несет узкий диапазон видимого света. Вся цивилизация человека, все, чего он достиг или мог достигнуть, висит как на ниточке на его восприимчивости к полоске вибраций от красной до фиолетовой. Без этого он погиб. На мгновение я осознал истин-

ную призрачность его власти, все чудо совершенного им при помощи столь хрупкого инструмента.

Джозелла продолжала развивать свою мысль.

— Это будет очень странный мир... то, что от него осталось, — сказала она задумчиво. — Я не думаю, что мы очень полюбим его.

Такая точка зрения показалась мне странной — как если бы кто-нибудь объявил, что он не любит умирать или ему нравится рождаться. Я предпочитал совсем иной подход: сначала выяснить, как это все будет, а затем всеми силами бороться против того, что мешает. Но спорить я не стал.

Время от времени мы слышали, как во двор Университета въезжают грузовики. Очевидно, большинство снабженческих групп уже вернулось. Я взглянул на часы и потянулся за ружьями, лежавшими подле меня.

— Если мы хотим поужинать, а потом послушать, что обо всем этом думают другие люди, — сказал я, — то самое время возвращаться.

Я думаю, все мы ожидали, что на собрании нам просто коротко обрисуют положение и дадут точные инструкции на завтра. Время отправления, маршрут, задача дня и прочее. И я решительно не ожидал, что мы получим столько пищи для размышлений.

Собрание состоялось в небольшом лектории, освещенном для такого случая автомобильными фарами. Когда мы вошли, за кафедрой совещались несколько мужчин и женщин, которые, по-видимому, утвердили себя в качестве некоего комитета. К своему изумлению, мы обнаружили, что в зале собралось около сотни человек. В большинстве это были молодые женщины — примерно по четыре на каждого мужчину. Джозелла обратила внимание на то, что из женщин только немногие были зрячие.

В группе совещавшихся выделялся своим ростом Микаэль Бидли. Рядом с ним я узнал Полковника. Остальные были мне незнакомы за исключением Элспет Кэри, сменившей в интересах наших потомков фотоаппарат на блокнот. Интерес комитета был сосредоточен на пожилом человеке с некрасивым, но добродушным лицом, в золотых очках, с длинными седыми волосами.

Была еще одна женщина в этой группе, совсем молоденькая, лет двадцати двух или трех. Видимо, она испытывала неловкость оттого, что не находилась вместе со всеми в зале. Время от времени она нервно и неуверенно поглядывала на аудиторию.

Вошла Сандра Тельмонт с огромным листом бумаги. Секунду она поглядывала на этот лист, затем живо разогнала комитет по креслам. Взмахом руки она направила Микаэля на кафедру и собрание началось.

Он постоял в ожидании, пока стихнут разговоры, слегка ссутулившись, глядя в зал темными глазами. Потом он заговорил. У него были приятный тренированный голос и совершенно домашние манеры.

— Должно быть, многие из нас, — начал он, — все еще не оправились от впечатления, вызванного катастрофой. Мир, который мы знали, кончился в мгновение ока. Некоторые из нас, возможно, испытывают чувство, будто это конец всему. Это не так. Но я сразу скажу вам, что это может оказаться концом света, если мы это допустим.

Как ни чудовищна эта катастрофа, мы все еще в состоянии пережить ее. Стоит, наверное, именно сейчас вспомнить, что в истории человечества не нам одним приходится быть свидетелями исполинских бедствий. О них дошли до нас только мифы, но не приходится сомневаться, что где-то в глубинах истории имел место Великий Потоп. Те, кто пережил его, были свидетелями катастрофы таких же масштабов, как наша, и в некоторых отношениях более ужасной. Но они не впали в отчаяние: они, должно быть, все начали сначала, как можем начать и мы.

Из жалости к себе и из патетики не построить ничего. Поэтому лучше будет, если мы сразу отрешимся от этих чувств, ибо мы должны стать именно строителями.

А чтобы выбить почву из-под ног любителей драматизировать, я позволю себе напомнить вот о чем. Нынешняя катастрофа даже сейчас не кажется мне самым худшим, что могло бы случиться. Я, а также, вероятно, и многие из вас большую часть жизни прожили в ожидании событий гораздо более страшных. И я все еще верю, что если бы не эта катастрофа, с нами случилось бы нечто худшее.

После шестого августа 1945 года шансы человечества поразительно уменьшились. Только позавчера они были меньше, чем в эту минуту. Если уж вам хочется драматизировать, возьмите лучше в качестве материала все годы после 1945-го, когда дорога безопасности сузилась до ширины натянутого каната, по которому мы переступали, намеренно закрывая глаза на пропасть, разверзшуюся под нами.

Рано или поздно мы могли оступиться. Совершенно неважно, как это могло произойти: по злому умыслу, по небрежности или простой случайности. Равновесие было бы потеряно, и началось бы уничтожение.

Мы не знаем, как это было бы страшно. Как это могло быть страшно... возможно, в живых не осталось бы ни одного человека, возможно, не уцелела бы и сама планета...

А теперь сравните наше положение. Планета не затронута, не покрыта шрамами. Она по-прежнему плодородна. Она может давать пищу и сырье. Мы располагаем хранилищами знаний, которые научат нас делать все, что делалось до сих пор... хотя о некоторых вещах лучше забыть навсегда. И у нас есть средства, здоровье, сила начать строить заново.

Речь его не была длинной, но она произвела впечатление. Должно быть, она заставила многих слушателей почувствовать, что они находятся не столько в конце одного пути, сколько в начале другого. И хотя его выступление состояло главным образом из общих мест, в зале, когда он сел, ощущалось больше бодрости.

Полковник, выступивший следом за ним, был практичен и держался фактов. Он напомнил, что в видах гигиены нам следует по возможности скорее удалиться из населенных районов, каковое мероприятие намечается примерно на полдень следующего дня. Практически все предметы первой необходимости и кое-что сверх того в количестве, достаточном для обеспечения разумного уровня удобств, уже имеются в наличии. В рассуждении запасов нашей целью должна быть максимальная независимость от внешних источников хотя бы на один год. Этот период мы проведем фактически на положении осажденных. Несомненно, помимо того, что запечатлено в списках, есть еще много других предметов, которые для всех нас было бы желательно взять с собой, но с ними придется подождать, пока медицинский надзор

(тут девушка в комитете покраснела) позволит группам выйти из изоляции и отправиться за ними. Что же касается места изоляции, то комитет тщательно обдумал этот вопрос и, приняв во внимание требования компактности, независимости и отчуждения от остального мира, пришел к заключению, что лучше всего для наших целей подойдет провинциальная школа-интернат или, на худой конец, какая-нибудь крупная помещичья усадьба.

Не знаю, то ли комитет тогда еще действительно не принял решения относительно места нашей будущей резиденции, то ли Полковник был одержим идеей о необходимости скрывать это решение как военную тайну, но то обстоятельство, что он не назвал ни место, ни хотя бы предполагаемый район, было, помоему глубокому убеждению, серьезнейшей ошибкой, допущенной в тот вечер. Впрочем, его деловой подход вселил в слушателей новый заряд уверенности.

Когда он сел, снова поднялся Микаэль. Он шепнул девушке несколько ободряющих слов и затем представил ее. Всех очень беспокоило, сказал он, что среди нас не было ни одного человека с медицинскими знаниями, и поэтому он с величайшим удовлетворением приветствует здесь сейчас мисс Берр. Правда, у нее нет медицинских степеней и внушительных рекомендаций, но зато она является медицинской сестрой высокой квалификации. Сам он полагает, что практические навыки, приобретенные за последнее время, могут стоить больше, нежели степени, полученные год назад.

Девушка, снова покраснев, коротко сообщила, что она полна решимости выполнить свой долг. Закончила она немного неожиданно, объявив, что сегодня же, не выходя из зала, сделает нам всем прививки от разных болезней.

Маленький человечек (имени его я не разобрал), похожий на воробья, втолковывал нам, что здоровье каждого является делом общим, что о любых болезненных симптомах необходимо докладывать немедленно, поскольку распространение среди нас заразных заболеваний может принять для нас очень серьезный оборот.

Когда он закончил, поднялась Сандра и представила последнего выступающего: «Доктор Е.Х.Ворлесс, доктор наук, Эдинбург, профессор социологии Кингстонского университета».

К кафедре подошел седовласый мужчина. Он постоял несколько секунд, положив на нее кончики пальцев и склонив голову. Остальные члены комитета внимательно и с некоторым беспокойством смотрели на него. Полковник, наклонившись к Микаэлю, что-то шепнул ему, и тот кивнул, не спуская глаз с профессора. Старик поглядел в зал. Он провел ладонью по волосам.

— Друзья мои, — сказал он. — Я полагаю, что могу претендовать на старшинство по возрасту. За мои семьдесят лет я узнал и должен был забыть много, хотя и не так много, как мне хотелось бы. Но если в процессе длительного изучения человеческих установлений что-либо поражало меня более, нежели их устойчивость, так это их разнообразие.

Хорошо говорят французы: autres temps, autres moeurs. Давайте хорошенько поразмыслим, и тогда мы отчетливо увидим, что добродетели, почитаемые в одном обществе, оборачиваются преступлением в другом, что поступки, вызывающие возмущение здесь, поощряются где-нибудь в другом месте, что привычки, порицаемые в одном веке, охотно прощаются в другом. Мы увидим

так же, что в каждом обществе и в каждую эпоху распространена уверенность в моральной правоте обычаев данного общества и данной эпохи.

Отсюда явствует, что поскольку многие обычаи разных обществ и разных эпох противоречат друг другу, они не могут быть все «правильными» в абсолютном смысле. Самый строгий приговор, который можно им вынести,— если им вообще должно выносить приговоры, — состоит в утверждении, что в какое-то время они были «правильными» для общества, где они существовали. Может быть, они правильны и сейчас, но нередко оказывается, что это совсем не так, что общество, которое продолжает слепо поддерживать их, безотносительно к изменившимся обстоятельствам, делает это себе во вред — возможно, ведет себя к самоуничтожению.

Аудитория не понимала, куда он клонит. Слушатели беспокойно задвигались. Большинство из них привыкло немедленно выключать радио, когда передавались выступления такого рода. Теперь они чувствовали себя в ловушке. Оратор решил пояснить свою мысль.

— Таким образом, — продолжал он, — вряд ли вы можете рассчитывать найти одни и те же нормы поведения, обычаи и привычки в какой-нибудь умирающей от голода индийской деревушке и, скажем, в центре Лондона. Аналогично население теплых стран с благоприятными условиями для жизни очень отличается в смысле взгляда на добродетели от занятого тяжким трудом населения суровых северных областей. Другими словами, различные обстоятельства порождают различные нормы морали.

Я напоминаю вам об этом потому, что мир, который мы знали, ушел. Он кончился.

Вместе с ним ушли и условия, определявшие и формировавшие наши нормы. У нас теперь другие нужды, и другими должны быть наши цели. Если нужен пример, я приведу вам такой: весь день мы с чистой совестью занимались тем, что еще два дня назад было бы грабежом и кражей. Старые нормы сломаны, и мы должны выяснить, какой образ жизни лучше всего соответствует новым. Мы не просто начинаем заново строить: мы должны начать заново думать, а это куда труднее и неприятнее.

В ближайшем будущем огромное большинство всех этих предрассудков должно исчезнуть или радикально измениться. Мы можем признать и сохранить лишь один первостепенный предрассудок, то, что гласит: человечество пребудет вовеки. Этому соображению должны быть подчинены, по крайней мере временно, все остальные. Чтобы мы ни делали, мы должны задавать себе вопрос: «Поможет это или помешает человечеству в борьбе за существование?» Если поможет, то мы обязаны делать, даже если это вступает в конфликт с идеями, в которых мы были воспитаны. Если помешает, то мы должны устраниться, даже если наше бездействие столкнется с нашими прежними идеями о долге и справедливости.

Это будет нелегко: старые предрассудки умирают с трудом. Простак опирается на костыли афоризмов и заповедей; опирается на них и робкий, и умственно ленивый... Мы тоже подчас опираемся на эти костыли — и гораздо чаще, чем нам кажется. Теперь же, когда старая организация мира рухнула, созданные для нее арифметические таблицы не дают больше правильных отве-

тов. Нам придется найти в себе моральную смелость думать и планировать самим за себя.

Он помолчал, задумчиво разглядывая аудиторию. Затем он сказал:

— Прежде чем вы рёшите примкнуть к нашему сообществу, следует совершенно отчетливо разъяснить вам одну вещь. Мы все, кто взялся за эту задачу, обязаны будем играть определенные роли. Мужчины будут работать, женщины будут рожать. Если вы с этим не согласны, то в сообществе вам не место.

После паузы, заполненной мертвой тишиной, он добавил:

— Мы можем позволить себе содержать слепых женщин — у них будут зрячие дети. Мы не можем позволить себе содержать слепых мужчин. Видите ли, в нашем новом мире дети — самое важное.

Он закончил выступление. Некоторое время все молчали, затем аудитория зашевелилась и зажужжала. Я повернулся к Джозелле. К моему удивлению, она улыбалась.

— Что здесь смешного? — спросил я несколько резко.

— Посмотрите на лица у публики, — ответила она.

Я посмотрел и был вынужден признать, что она имела причины улыбаться. Я взглянул на Микаэля. Обводя глазами зал, он старался определить общую реакцию.

— Микаэль как будто немного обеспокоен, — заметил я.

— Ну, а как же, — сказала Джозелла. — Другое дело, если бы Янгу удалось провернуть это еще в девятнадцатом веке.

— Какой вы иногда бываете грубой, — сказал я. — Вы что, знали обо всем этом заранее?

— Не то чтобы знала, но не такая уж я тупица. Кроме того, пока вы ходили переодеваться, кто-то пригнал полный автобус вот этих вот слепых девушек. Они из какого-то благотворительного учреждения. Я спросила себя: для чего было специально ездить за ними, если можно набрать тысячи на окрестных улицах? Ответ напрашивался сам собой. Во-первых, поскольку они слепые уже давно, у них должны быть известные рабочие навыки. Во-вторых, все они девицы. Такая дедукция не представляла особых трудностей.

— Гм, — сказал я. — Это зависит от точки зрения. Мне бы это в голову не пришло. А что вы?..

— Ш-ш-ш! — сказала она.

В зале наступила тишина.

Поднялась высокая женщина, смуглая и моложавая, с видом весьма целеустремленным.

— Следует ли нам сделать вывод, — спросила она голосом, в котором звучала углеродистая сталь, — следует ли нам сделать вывод, что последний оратор выступает в защиту свободной любви? — И она села с устрашающей решимостью.

Доктор Ворлесс рассматривал ее, приглаживая волосы.

— Я думаю, задавшая этот вопрос должна знать, что я ни слова не сказал о любви, ни о свободной, ни о продажной или взаимной. Не соблаговолит ли она поставить вопрос яснее?

Женщина снова встала.

— Я думаю, оратор понял меня. Я спрашиваю, не предлагает ли он отменить закон о браке?

— Все законы, которые мы знали, отменены обстоятельствами. Создавать законы, соответствующие новым условиям, а также, если понадобится, навязывать их придется теперь нам самим.

— Есть еще закон божий и закон благопристойности.

— Мадам, у Соломона было три сотни — или пять сотен? — жен, но бог, видимо, не ставил ему это в вину. Мусульманин с тремя женами сохраняет полную респектабельность. Все зависит от местных обычаев. Позже мы сами решим, каковы будут наши законы касательно этого и всех прочих предметов, чтобы они были наиболее выгодными для нашего сообщества.

Наш комитет после дискуссии пришел к выводу, что если мы хотим построить новый порядок вещей и не хотим впасть в варварство — а такая опасность существует,— мы должны иметь определенные обязательства со стороны тех, кто выразит желание присоединиться к нам.

Никто из нас не собирается восстанавливать образ жизни, который нами утрачен. Что мы предлагаем? Трудовую жизнь в наилучших условиях, какие мы можем создать, и счастье, которое придет в борьбе с трудностями. Взамен мы просим сотрудничества и плодотворной деятельности. Никто никого не принуждает. Выбирайте сами. Те, кому наше предложение не по душе, свободны идти куда угодно и основать сообщество отдельно на принципах, которые они предпочитают.

Последовал бессвязный спор, то и дело опускающийся до частностей и гипотетических предположений, на которые пока не могло быть ответа. Но никто не пытался прекратить его. Чем дольше он продолжался, тем привычней становилась сама идея.

Мы с Джозеллой отправились к столу, где сестра Берр расположилась со своими орудиями пыток. Нам было сделано несколько уколов, после чего мы снова сели слушать, как спорят.

— Как вы думаете,— спросил я Джозеллу,— сколько из них решат присоединиться?

Она огляделась.

— Да почти все к утру,— сказала она.

Я усомнился. Слишком много слышалось возражений и вопросов. Джозелла сказала:

— Знаете, если бы вы были женщиной и вам предстояло перед сном подумать час-другой, выбрать ли детей и организацию, которая будет о вас заботиться, или верность принципам, которые скорее всего не дадут вам ни детей, ни мужчину-защитника, вы бы не испытывали таких сомнений.

— Не ожидал от вас такого цинизма.

— Если вы всерьез считаете это цинизмом, значит, вы сентиментальный пошляк. Я говорю о реальных женщинах, а не о куклах из фильмов и дамских журналов.

— О,— сказал я.

Некоторое время она размышляла, затем нахмурилась. Наконец она сказала:

— Хотела бы я знать, сколько им от нас нужно. Я люблю детей, но должен быть какой-то предел.

Дебаты беспорядочно продолжались примерно час, после чего постепенно затихли. Микаэль попросил, чтобы списки тех, кто решит присоединиться к сообществу, были у него в кабинете к десяти часам утра. Полковник потребовал, чтобы все, кто может водить грузовики, явились к нему в семь ноль-ноль. На этом собрание закончилось.

Мы с Джозеллой вышли из здания. Вечер был теплый. Прожекторный луч на башне вновь с надеждой пронизывал небеса. Луна только что поднялась над крышей Музея. Мы нашли низенькую ограду и уселись на нее, глядя в темноту сада и слушая

слабый шорох ветра в листве. Мы молча выкурили по сигарете. Затем я отшвырнул окурок и глубоко вздохнул.

— Джозелла,— сказал я.

— М-м?— отозвалась она рассеянно.

— Джозелла,— снова сказал я.— Э... насчет детей. Я бы... э... я был бы чертовски горд и счастлив, если бы они были вашими и моими.

Секунду она сидела неподвижно, не говоря ни слова. Затем она повернула ко мне лицо. Лунный свет блестел на ее каштановых волосах, но глаза оставались в тени. Я ждал, сердце мое билось сильно и немного болезненно. Она произнесла с удивительным спокойствием:

— Спасибо, милый Билл. Мне кажется, я тоже была бы горда и счастлива.

Я перевел дыхание. Сердце билось по-прежнему сильно, и, протянув руку к ее руке, я обнаружил, что пальцы у меня дрожат. У меня не было слов в эту минуту. Но у Джозеллы они были. Она сказала:

— Правда, теперь это не так просто.

Меня подбросило.

— Что вы имеете в виду?— спросил я.

Она раздумчиво проговорила:

— Мне кажется, я бы на месте этого комитета...— Она кивнула в сторону башни.— Я бы установила правило. Я бы разделила нас на группы. Я постановила бы, что каждый мужчина, который женится на зрячей девушке, обязан взять на себя еще и двух слепых девушек.

Я уставился в ее лицо, скрытое тенью.

— Вы шутите,— сказал я.

— Боюсь, что нет, Билл.

— Но послушайте...

— А вам не кажется, что примерно это они и имели в виду... когда выступали там, на собрании?

— Пожалуй,— согласился я.— Но, одно дело, если такое правило установят они. И совсем другое...

Я проглотил слюну. Я сказал:

— Послушайте, вы с ума сошли. Это же противоестественно. То, что вы предлагаете...

Она подняла ладонь, чтобы остановить меня.

— Погодите, Билл, выслушайте меня. Я знаю, поначалу это звучит немного жутко, но никто с ума не сошел. Все это очень ясно... и очень просто.

Все это,— она обвела рукой вокруг,— что-то изменило во мне. Словно я вдруг все увидела по-другому. И мне кажется, те из нас, кого минула чаша сия, будут гораздо ближе друг другу, гораздо больше зависеть друг от друга, будут больше... ну, больше походить на единое племя, чем когда-либо раньше.

Весь день, когда мы разъезжали по городу, я видела несчастных, обреченных людей. И все время я твердила себе: «Если бы не милость судьбы...» И затем я сказала себе: «Это чудо! Я не заслуживаю лучшей участи, нежели эти люди. Но произошло чудо. Я уцелела... и теперь я должна оправдать это»; я ощутила себя как-то ближе к другим людям, чем прежде. Это ощущение заставило меня думать все время: чем я могу помочь хотя бы некоторым из них?

Понимаете, Билл, мы обязаны что-то сделать, чтобы оправдать это чудо. Я могла быть одной из этих слепых девушек; вы

могли быть одним из этих несчастных слепых мужчин. Мы не способны сделать ничего большого. Но если мы возьмем на себя заботу хотя бы о немногих и дадим им хоть чуть-чуть счастья, мы расплатимся... уплатим крошечную долю своего долга. Вы понимаете меня, Билл, ведь правда?

Минуту или больше я обдумывал ее слова.

— По-моему,— сказал я,— это самый странный довод, какой я слыхал сегодня... и вообще... в жизни. И все же...

— И все же это так, правда, Билл? Я знаю, что это так. Я попыталась поставить себя на место одной из этих слепых девушек, и я знаю. В нашей воле дать настоящую, полную жизнь, насколько это возможно, некоторым из них. Так что же, дадим мы ее им как долю нашей благодарности... или мы откажем им из-за внушенных нам предрассудков?

Некоторое время я молчал. Я ни секунды не сомневался, что Джозелла уверена в каждом своем слове. Я подумал о судьбах решительных женщин с подрывными идеями, таких, как Флоренс Найтингэл и Елизавета Фрай. Ничего с ними нельзя поделать... И так часто в конечном счете они оказывались правы.

— Ну хорошо,— сказал я.— Пусть будет так, раз вы считаете это нужным.

Мы все сидели на ограде, держась за руки, и глядели на испятнанные тенями деревья, но почти ничего не видели. По крайней мере я не видел. Затем в здании у нас за спиной кто-то завел патефон. Над пустынным двором зазвучал вальс Штрауса, полный светлой тоски по родине. На мгновение перед нами возникло видение большого зала: вихрь красок и — луна вместо хрустальной люстры.

Джозелла соскользнула со стены. Раскинув руки и изгибаясь, легкая как пушинка, она танцевала в огромном круге лунного света. Потом она остановилась передо мной. Глаза ее сияли, и она протянула ко мне руки.

И мы танцевали на пороге неведомого будущего под эхо исчезнувшего прошлого.

Я брел по незнакомому пустынному городу, где мрачно бил колокол и гробовой бестелесный голос вопил в пространстве: «Зверь на свободе! Берегитесь! Зверь на свободе!» Тут я проснулся и обнаружил, что колокол бьет наяву. Он гремел медным звоном так резко и тревожно, что секунду я не мог сообразить, где я нахожусь. Затем, пока я все сидел, приходя в себя, послышались крики: «Пожар!» Я выскочил из постели и в чем был выбежал в коридор. Там пахло дымом, слышались торопливые шаги, хлопали двери. Больше всего шум доносился справа, где бил колокол и кричали испуганные голоса, и я побежал туда. Лунные блики падали через высокие окна в конце коридора и разрежали сумрак, позволяя держаться подальше от стен, вдоль которых на ощупь двигались люди.

Я добежал до лестницы. Колокол гремел внизу в вестибюле. Я стал поспешно спускаться сквозь дым, становившийся все гуще. На последних ступеньках я споткнулся и упал. Сумрак вдруг обратился в кромешную тьму, в этой тьме вспыхнула туча искр, и все кончилось...

Сначала была боль в голове. Затем, когда я открыл глаза, был яркий блеск. Он ослепил меня, словно прожектор, но когда я попробовал поднять веки снова, на этот раз осторожно, оказалось, что передо мной всего-навсего обыкновенное окно, да притом

еще грязное. Я знал, что лежу на кровати, но я не стал подниматься: в голове стучал яростный поршень, предупреждавший малейшие попытки пошевелиться. Поэтому я продолжал тихо лежать и глядеть в потолок до тех пор, пока не обнаружил, что руки у меня связаны.

Это сразу вывело меня из летаргии, несмотря на грохот в голове. Я увидел, что связан со знанием дела. Не настолько крепко, чтобы было больно, однако вполне прочно. Несколько витков электрического шнура на запястьях и сложный узел внизу, так, чтобы нельзя было дотянуться зубами. Я выругался и стал осматриваться. Комната была невелика, и, кроме кровати, на которой я лежал, в ней ничего не было.

— Эй!— крикнул я.— Есть здесь кто-нибудь?

Через минуту снаружи послышались шаркающие шаги. Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась маленькая голова в шерстяном колпаке. Под головой болтался галстук, похожий на веревку. Лицо казалось темным от небритой щетины. Глаза были устремлены в мою сторону, но не на меня.

— Здорово, хрен,— сказала голова довольно дружелюбно.— Что, очухался? Потерпи немного, я сейчас принесу тебе хлебнуть горячего.— И голова скрылась.

Предложение потерпеть было совершенно лишним, но ждать пришлось недолго. Через несколько минут он вернулся, неся бидон с проволочной ручкой.

— Ты где?— спросил он.

— Прямо перед тобой, на кровати,— ответил я.

Он осторожно двинулся вперед, вытянув левую руку, нащупал спинку кровати, затем обошел кровать и протянул мне бидон.

— Получай, приятель. Вкус у него не так чтобы очень, потому как старина Чарли плеснул туда немного рома, но я думаю, ты не будешь в обиде.

Я принял бидон, зажав его довольно неловко между связанными руками. В бидоне оказался чай, крепкий и сладкий с изрядным количеством рома. Возможно, вкус у этого чая действительно был несколько странный, но он подействовал на меня, как эликсир жизни.

— Спасибо,— сказал я.— Ты прямо чудодей. Меня зовут Билл.

Его, как оказалось, звали Элф.

— Ну, выкладывай, Элф,— сказал я.— Что здесь происходит?

Он присел на край кровати и протянул мне пачку сигарет и спички. Я взял, прикурил для него, закурил сам и вернул ему коробок.

— Вот какое дело, друг,— сказал он — Ты, поди, знаешь, что вчера утром возле Университета был небольшой шум. Может, ты был там?

Я сказал, что все видел

— Ну так вот, после этого дела Коукер — это тот самый парень, который вел переговоры,— он вроде как бы обозлился. «Ладно,— говорит он этак злобно.— Эти гады у нас попляшут. Я все выложил им честно и благородно. А теперь они получат сполна». Да, а надо тебе сказать, что мы еще раньше встретили еще пару ребят и одну бабенку, которые тоже зрячие. Они все это и устроили. Он парень что надо, этот Коукер!

— Ты хочешь сказать.. Он все это подстроил? Никакого пожара не было?— спросил я.

— Пожар! Да какой там пожар? Они вот что сделали: натянули проволоку, зажгли в зале кучу бумаги и щепок и принялись бить в колокол. Мы посчитали, что зрячие выскочат первыми, потому что немного света от луны все-таки было. Так оно и получилось. Коукер и еще один парень брали в работу тех, кто спотыкался на проволоку, и передавали нам, а уж мы относили на грузовик. Просто, как поцелуй ручку.

— М-м,— произнес я горестно.— Действительно, он парень не промах, этот ваш Коукер. И много нас дураков попалось в эту ловушку?

— Да пару дюжин мы, наверное, взяли... правда, потом оказалось, что пять или шесть из них слепые. Когда в грузовике не осталось больше места, мы укатили и оставили остальных разбираться, что к чему.

Как бы ни относился к нам Коукер, было очевидно, что Элф враждебных чувств к нам не испытывал. Кажется, он смотрел на все это дело как на спорт. Я мысленно снял перед Элфом шляпу. Я-то отлично сознавал, что в его положении я не был бы способен смотреть на что бы то ни было как на спорт. Я допил чай и получил от него вторую сигарету.

— А что будет дальше,— спросил я.

— Коукер хочет разделить всех нас на команды и придать каждой команде одного из ваших. Вы будете смотреть, где что можно взять, вроде бы глазами будете для нас. Ваше дело будет помочь нам продержаться, пока кто-нибудь не придет и не управится с этой погибелью.

— Понятно,— сказал я.

Он настороженно повернул ко мне лицо. Нет, в чуткости отказать ему было нельзя. Он уловил в моем тоне больше, чем я хотел выразить.

— Ты думаешь, это надолго?— спросил он.

— Не знаю. Что говорит Коукер?

Коукер, по-видимому, не затруднялся частностями. Впрочем, у Элфа было свое мнение.

— Если ты спросишь меня, так, по-моему, никто нас спасать не придет. Если бы было кому, то давно бы уже пришли. Другое дело, будь мы в каком-нибудь маленьком городишке или в деревне. А тут Лондон! Ясно, что сюда пришли бы раньше, чем в какое другое место. Нет, на мой взгляд, они еще не пришли, и значит это, что они никогда не придут. Потому что, провалиться мне, кто же мог подумать, что случится такое?

Я ничего не сказал. Не такой был Элф человек, чтобы утешаться легковесными ободрениями.

— А ты, я смотрю, тоже так думаешь?— спросил он, помолчав.

— Да, дела обстоят неважно,— признался я.— Но есть еще шанс, видишь ли... люди откуда-нибудь из-за границы...

Он покачал головой.

— Они бы уже были здесь. Они бы уже разъезжали по улицам с громкоговорителями и объясняли нам, что нужно делать. Нет, приятель, мы влипли: никто никуда не приедет. Это уж точно.

Некоторое время мы молчали, затем он сказал:

— А знаешь, неплохо мы все-таки пожили.

Мы немного поговорили о том, как пожил он. Он работал во многих местах и всюду, по-видимому, обделывал кое-какие тайные делишки. Он подвел итог:

— Так или иначе, мне жилось неплохо. А ты чем промышлял?

Я рассказал. Это не произвело на него впечатления.

— Триффиды, ха! Гнусные твари. Какие-то они, можно сказать, ненастоящие, что ли.

Больше о триффидах не было сказано ни слова.

Элф вышел, оставив меня с моими мыслями и с пачкой своих сигарет. Я продумал ситуацию, и она мне не понравилась. Мне хотелось знать, как ее восприняли другие. Особенно меня интересовало мнение Джозеллы.

Я встал с кровати и подошел к окну. Вид из окна был жалкий. Внутренний двор-колодец с гладкими стенами, выложенными белыми изразцами, подо мной четыре этажа и застекленный люк внизу. Сделать тут можно было немного. Элф повернул за собой ключ, но на всякий случай я попробовал дверь. Комната не вселяла в меня никаких надежд. Она выглядела как номер третьесортной гостиницы, только из нее было вынесено все, кроме кровати.

Я вернулся на кровать и предался размышлениям. Вероятно, я смог бы одолеть Элфа даже со связанными руками — при условии, что у него нет ножа. Но он скорее всего имел нож, и это было бы неприятно. Вряд ли слепой станет угрожать ножом; чтобы справиться со мной, он пустит нож в ход без предупреждения. Затем, как узнать, с кем я еще столкнусь, пока буду искать выход на улицу? Более того, я не желал причинять Элфу никакого вреда. Самым благоразумным представлялось ждать удобного случая: такой случай обязательно должен выпасть на долю зрячего среди слепых.

Часом позже Элф вернулся, неся тарелку с едой, ложку и опять бидон с чаем.

— Вроде бы и грубо с нашей стороны,— извинился он,— но вилки и ножа давать тебе не велено, так что обойдись так.

Энергично работая ложкой, я спросил Элфа о других пленниках. Он знал очень немного и совсем не знал имен, но я выяснил, что среди них есть женщины. Затем я остался один на несколько часов, в течение которых изо всех сил старался заснуть и избавиться от головной боли.

Когда Элф появился снова с едой и неизбежным чаем, его сопровождал человек, которого он назвал Коукером. Коукер выглядел более усталым, чем вчера у ворот Университета. Под мышкой у него была кипа бумаг. Он окинул меня изучающим взглядом.

— Вам известно, чего от вас хотят?— спросил он.

— Более или менее. Элф рассказал мне.

— Тогда ладно.— Он бросил бумаги на кровать, взял одну сверху и развернул ее. Это оказался план Большого Лондона. Он указал на район, жирно обведенный синим карандашом, включающий часть Хэмпстеда и Суисс-коттедж.

— Вот ваше место,— сказал он.— Ваша команда работает внутри этого района и нигде больше. Нельзя допустить, чтобы все группы охотились за одной и той же добычей. Ваше дело искать продовольствие в этом районе и снабжать свою команду продовольствием и всем остальным, что понадобится. Дошло?

— А иначе?— спросил я, глядя на него.

— А иначе они останутся голодными. И если они будут голодны, вам придется плохо. Некоторые из парней — настоящее зверье, и никто из нас не занимается этим для развлечения. По-

этому будьте осторожны. Завтра утром мы отвезем туда вас и вашу группу на грузовиках, после чего вашим делом будет помочь им продержаться, пока не придет кто-нибудь, чтобы привести все в порядок.

— А если никто не придет?— спросил я.

— Кто-нибудь должен прийти,— сказал он угрюмо.— Одним словом, действуйте и смотрите, не забирайтесь в чужие районы.

Он повернулся, чтобы идти, но я остановил его.

— Мисс Плэйтон находится у вас?— спросил я.

— Имен я не знаю,— сказал он.

— Блондинка, примерно метр шестьдесят пять — шестьдесят семь, серо-голубые глаза,— настаивал я.

— Девушка примерно такого роста есть, и она блондинка. Но я не заглядывал ей в глаза. У меня есть дела поважнее,— сказал он и вышел.

Я нагнулся над картой. Я не был в восторге от своего района. Конечно, это был пригород с чистым целебным воздухом, но в данных обстоятельствах я бы предпочел расположение каких-нибудь доков или пакгаузов. Сомнительно было, чтобы в назначенном мне районе нашлись более или менее крупные товарные склады. Однако, «приз не может достаться всем сразу», как, несомненно, сказал бы Элф, и, кроме того, я не собирался оставаться там больше, чем необходимо.

Когда Элф пришел снова, я спросил его, не передаст ли он Джозелле записку. Он покачал головой.

— Прости, друг. Не велено.

Я обещал ему, что ничего плохого в записке не будет, но он остался неколебим. Я не мог винить его за это. У него не было причин доверять мне, и он не мог прочесть записку, чтобы убедиться, так ли она безобидна, как я обещал. И вообще, у меня не было ни бумаги, ни карандаша, и я оставил эту мысль. Все же мне удалось убедить его дать ей знать, что я нахожусь здесь, и выяснить, в какой район ее посылают. Ему ужасно не хотелось делать этого, но он был вынужден согласиться, что если порядок будет когда-либо восстановлен, мне будет легче найти ее, зная, откуда начинать поиски.

Затем я остался на некоторое время наедине со своими мыслями.

Беда была в том, что я с чудовищной ясностью видел правоту обеих сторон. Я знал, что здравый смысл и дальновидность на стороне Микаэля Бидли и его группы. Если бы они отправились в путь, мы с Джозеллой, несомненно, поехали бы с ними и работали бы с ними, и тем не менее я чувствовал, что сердце у меня было бы не на месте. Никто бы не смог убедить меня, что уже ничем нельзя помочь тонущему кораблю, не смог бы меня заверить, что я сделал выбор не по расчету. Если действительно не было возможности организованного спасения, тогда их предложение спасти то, что еще можно, было самым разумным. Но, к сожалению, человеческую натуру движет отнюдь не только разум. Я противопоставил себя прочным, укоренившимся традициям и предрассудкам, о которых говорил старый профессор. И он был совершенно прав относительно того, как трудно принять новые принципы. Если бы, например, пришло откуда-нибудь чудесное спасение, каким мерзавцем я ощутил бы себя за то, что удрал; как бы я презирал себя и остальных за то, что мы не остались здесь, в Лондоне, помогать до конца, каковы бы ни были наши соображения...

Но с другой стороны, если бы помощь не пришла, как бы я обвинял себя за бессмысленную трату времени и усилий, когда другие люди, более крепкие духом, трудились над спасением всего, что еще можно было спасти?

Я знал, что должен решиться раз и навсегда. Но я не мог.

Не было никакой возможности узнать, что избрала Джозелла. Она ничего мне не передавала. Но вечером в комнату просунул голову Элф. Он был краток.

— Вестминстер,— сказал он.— Ну и ну! Да разве найдешь какую-нибудь жратву в Парламенте?

На следующее утро Элф разбудил меня рано. Его сопровождал громадный детина с бегающими глазками, назойливо выставлявший напоказ мясницкий нож. Элф подошел ко мне, бросил на кровать охапку одежды. Детина закрыл дверь и привалился к косяку, следя за мной хитрым взглядом и поигрывая ножом.

— Давай лапы, приятель,— сказал Элф.

Я протянул ему руки. Он ощупал проволоку у меня на запястьях и перекусил ее кусачками

— А теперь, друг, напяливай на себя это барахло,— сказал он, отступая

Я оделся. Детина с ножом следил за каждым моим движением, как ястреб. Когда я застегнул последнюю пуговицу, Элф достал наручники.

— Ничего страшного,— заметил он.

Я медлил. Детина отвалился от косяка и выставил нож перед собой. Для него, очевидно, наступил самый интересный момент. Я решил, что сейчас, пожалуй, не время предпринимать отчаянные попытки, и снова протянул руки. Элф ощупал их и замкнул наручники на запястьях. Затем он вышел и принес мне завтрак.

Еще через два часа снова явился детина, по-прежнему держа нож напоказ. Он махнул им в сторону двери.

— Давай,— сказал он. Это было единственное слово, которое он произнес.

Он шел за мной по пятам, и я всей спиной ощущал острие ножа. Мы спустились вниз на несколько этажей и пересекли вестибюль. На улице ждали два нагруженных грузовика. У заднего борта одного стоял Коукер с двумя своими людьми. Он поманил меня Не говоря ни слова, он продел у меня между руками цепь. На концах цепи было по ремню. Один ремень был уже обмотан вокруг запястья дородного слепого мужчины, другой он прикрепил к запястью такого же угрюмого типа, так что я оказался между ними. Они ничем не желали рисковать.

— На вашем месте я бы не стал откалывать никаких номеров,— посоветовал мне Коукер.— Будьте с ними хороши, и они будут хороши с вами

Мы втроем неловко вскарабкались через задний борт, и оба грузовика тронулись в путь

Мы остановились где то неподалеку от Суисс коттеджа и выгрузились Человек двадцать бесцельно бродивших вдоль водосточных канав, при шуме моторов разом, словно части единого механизма, повернулись в нашу сторону с выражением недоверия на лицах, а затем начали медленно приближаться к нам, окликая нас на ходу Шоферы заорали нам, чтобы мы посторонились. Грузовики дали задний ход, развернулись и с грохотом умчались. Люди, двигавшиеся к нам, остановились. Кто-то из них закричал вслед грузовикам, остальные безнадежно и молча по-

вернулись и побрели прочь. Метрах в пятидесяти женщина забилась в истерике и стала колотиться головой о стену. Я почувствовал дурноту.

Я повернулся к своей команде.

— Ну,— сказал я,— что вам нужно прежде всего?

— Квартиру,— сказал один.— Нам нужно место, где спать.

Я подумал, что это самое меньшее, что я должен для них сделать. Я не мог вот так просто улизнуть и бросить их посередине улицы. Раз уж дело зашло так далеко, я должен был найти для них какой-то центр, что-то вроде штаба, и помочь им устроиться. Требовалось место, где можно было бы складывать добычу, питаться и держаться всем вместе. Я пересчитал их. В команде оказалось пятьдесят два человека, из них четырнадцать женщин. Лучше всего подошла бы гостиница. Это решило бы вопрос с кроватями и постельными принадлежностями.

Мы выбрали один из прославленных меблированных домов, викторианское здание с плоской крышей. Здесь было гораздо больше удобств, чем необходимо. Бог знает, что случилось с большинством жильцов. но в одном из холлов мы наткнулись на старика, пожилую женщину (она оказалась хозяйкой), средних лет мужчину и трех девушек. Они сгрудились там, дрожащие и перепуганные. У хозяйки достало присутствия духа протестовать против нашего вторжения. Она изрекла несколько очень громких угроз, но даже лед свирепых манер, свойственных хозяйкам меблированных домов, был до жалости тонок. Немного пошумел и старик, пытавшийся поддержать ее. Остальные сидели тихо, они только нервно прислушивались, обратив лица в нашу сторону.

Я объяснил, что мы въезжаем в дом. Если им это не понравится, они могут уйти. Если же они предпочитают остаться и делить все поровну, мы возражать не будем. Им это не понравилось. Было ясно, что где-то в доме спрятан запас провизии, который делить с нами они не желают. Только когда до них дошло, что мы намерены создать еще большие запасы, их отношение к нам смягчилось, и они приготовились извлечь из этого все выгоды.

Я решил, что останусь на день-другой, пока не устрою команду. Я догадывался, что Джозелла поступит со своей группой также. Хитроумный человек этот Коукер: трюк назывался «подержите младенца». Просят минуточку подержать младенца и удирают. Когда все наладится, я улизну и найду ее.

Дня два мы работали систематически, обчищая самые крупные магазины — большей частью однотипные лавки какой-то одной фирмы, в общем, не очень богатые. Почти повсюду до нас побывали другие. Витрины были в ужасном состоянии. Стекла были выбиты, на полу валялись вскрытые банки и разорванные пакеты, их содержимое липкой вонючей массой перемешалось с осколками стекла. Но повреждения, как правило, были невелики, и мы находили в лавках и на задних дворах нетронутые ящики.

Слепым было неимоверно трудно поднимать и вытаскивать эти тяжелые ящики на улицу и грузить их на ручные тележки. А ведь надо было еще доставить добычу домой и перенести в кладовые. Но практика уже начала давать им некоторые навыки.

Хуже всего было то, что мне нельзя было ни на минуту оставить их. Они были не в состоянии сделать почти ничего без моего руководства. Мы могли бы организовать хоть дюжину рабочих

партий, но использовать одновременно нельзя было даже две. В доме, когда я уходил с партией фуражиров, работы тоже приостанавливались. Мало того, им приходилось сидеть сложа руки, пока я тратил время на поиски и исследование новых источников добычи. Двое зрячих могли бы наработать вдвое и втрое больше, нежели вся моя команда.

С того момента, когда мы принялись за дело, у меня не было ни одной свободной минуты. Днем я думал только о работе и к вечеру уставал так, что засыпал мгновенно, едва ложился. Время от времени я говорил себе: «Завтра к вечеру я уже полностью обеспечу их всем необходимым, хотя бы на некоторое время. Тогда я смоюсь и пойду искать Джоселлу».

Звучало это прекрасно, но каждый день это было новое завтра и с каждым днем мне становилось труднее. Некоторые начали понемногу обучаться, но по-прежнему практически ничто, начиная с работы на улицах и кончая открыванием банки консервов, не могло производиться без моего участия. Мне даже казалось, что с каждым днем я становлюсь все более незаменимым.

И они не были ни в чем виноваты. В этом заключалась главная трудность. Некоторые старались изо всех сил, и я просто не мог предать их и плюнуть на их судьбу. Десять раз на день я проклинал Коукера за то, что он поставил меня перед такой проблемой, но это не помогало мне разрешить ее: я только спрашивал себя, чем все это может кончиться...

Первый намек на ответ (хотя я не подозревал тогда, что это намек) появился на четвертое или на пятое утро, как раз перед тем, как мы собрались выйти на добычу. Женский голос крикнул нам с лестницы, что на ее этаже двое больных, тяжело больных, по ее мнению.

Обоим моим волкодавам это не понравилось.

— Послушайте,— сказал я им.— Я сыт по горло этой цепью и наручниками. Мы бы прекрасно обошлись без них.

— И вы бы сейчас же удрали к своим?— сказал кто-то.

— Не обольщайтесь,— сказал я.— Мне ничего не стоит прикончить эту пару горилл-любителей в любое время дня и ночи. Я не сделал этого просто потому, что ничего против них не имею. Но меня начинает раздражать эта пара тупоголовых идиотов...

— Эй, послушай...— возразил один из волкодавов.

— И,— продолжал я,— если они не дадут мне взглянуть на заболевших, пусть ждут своего конца с минуты на минуту.

Мои волкодавы вняли гласу разума, но в комнате больных они изо всех сил, насколько позволяла цепь, старались держаться позади. Заболели двое мужчин — один средних лет, другой совсем молодой. У обоих был жар, оба жаловались на острую боль в животе. В те времена я мало понимал в таких вещах, но не надо было понимать много, чтобы ощутить сильное беспокойство. Придумать я ничего не мог, только велел перенести их в пустующий дом рядом и попросил одну из женщин по возможности ухаживать за ними.

Это было началом перемен. Следующее событие, совсем в ином роде, случилось примерно в полдень. К тому времени мы уже основательно очистили большинство продуктовых магазинов вблизи от дома, и я решил несколько расширить сферу действия. Я вспомнил, что в полумиле к северу находится еще одна улица с магазинами, и повел команду туда. Магазин мы нашли, но нашли и кое-что другое.

Свернув за угол, я сразу остановился. Перед бакалейной лавкой толпилась группа мужчин: они выносили из дверей ящики и грузили их на грузовик. Работали они совершенно так же, как мы. В моей группе было человек двадцать. Я остановил их и стал раздумывать, как быть дальше. Я склонялся к мысли отступить, чтобы избежать возможного столкновения и отправиться поискать свободное поле деятельности где-нибудь в другом месте: не было смысла вступать в конфликт, когда вокруг по различным магазинам разбросано так много добра. Но принять решение я не успел. Пока я колебался, из лавки уверенным шагом вышел рыжеволосый молодой человек. Не могло быть сомнения в том, что он зрячий: через секунду он увидел нас.

Он повел себя очень решительно. Он быстро сунул руку в карман. В следующее мгновение пуля щелкнула в стену у меня за спиной.

Последовала живая картина. Люди его и моей группы замерли, обратив друг на друга невидящие глаза, силясь понять, что происходит. Затем он выстрелил снова. Думаю, он целился в меня, но пуля попала в моего стража слева. Тот хрюкнул как бы в удивлении и со вздохом сложился пополам. Я нырнул за угол, волоча за собой второго волкодава.

— Живо!— сказал я.— Давай ключи от наручников. Пока я скован, я ничего не могу сделать.

Он только понимающе осклабился. Он был человек одной идеи.

— Ха,— сказал он.— Это ты брось. Меня не проведешь.

— О боже, шут гороховый...— проговорил я, натягивая цепь и подтаскивая к себе труп волкодава номер один, чтобы укрыться за ним.

Этот дурак пустился в спор. Бог знает, каким коварством наделила меня его тупость. Цепь провисла достаточно, чтобы я мог поднять обе руки. Я так и сделал и трахнул его обеими руками с такой силой, что голова его с треском ударилась о стену. На этом спор прервался. Я нашел ключ у него в боковом кармане.

— Слушайте,— сказал я остальным.— Повернитесь все кругом и идите прямо. Не отделяйтесь друг от друга, иначе пропадете. Ну, идите, не задерживайтесь.

Я отомкнул наручники на одном запястье, освободился от цепи и перебрался через стену в чей-то сад. Там я присел на корточки и освободил второе запястье. Затем я перешел через сад и осторожно заглянул через дальний угол ограды. Молодой человек с пистолетом не бросился за нами, как я ожидал. Он все еще был со своей группой и давал ей какие-то указания. Тогда я сообразил, что спешить ему было некуда. Раз мы не отстреливались, он понял, что мы не вооружены, а уйти отсюда быстро мы не в состоянии.

Покончив со своими директивами, он уверенно вышел на дорогу, откуда была видна моя удаляющаяся команда, и направился за нею следом. На углу он остановился взглянуть на распростертые тела моих стражей. Вероятно, цепь внушила ему, что один из них и был глазами нашей группы, потому что он снова сунул пистолет в карман и вразвалку пошел за остальными.

Этого я не ожидал, и мне потребовалась минута, чтобы понять его замысел. Затем я сообразил, что самым выгодным для него было бы проводить нашу группу до дома и поглядеть, какую добычу там можно захватить. Мне оставалось признать, что либо он быстрее меня осваивается в неожиданных положениях, либо

в отличие от меня он заранее продумал возможности, какие могут возникнуть. Я был рад, что велел своей команде идти прямо, никуда не сворачивая. Очень возможно, что они вскоре утомятся, но я знал, что найти самостоятельно обратную дорогу домой и привести туда этого молодого человека тогда уже никто из них не сможет. Пока они будут держаться вместе, собрать их не составит труда. Насущной же проблемой был человек, который имел пистолет и без размышлений пускал его в ход.

В некоторых местах земного шара можно было бы раздобыть подходящее оружие в первом попавшемся доме. Но не в Хэмпстеде; к сожалению, это был весьма респектабельный пригород. Вероятно, где-нибудь и оказалось бы спортивное ружье, но мне пришлось бы долго искать его. Единственное, что я мог придумать, это не терять молодого человека из виду и надеяться, что счастливая случайность даст мне возможность с ним разделаться. Я отломил у дерева сук, снова перелез через стену и побрел, постукивая по краю тротуара, в надежде на то, что меня теперь нельзя отличить от сотен слепых, бредущих вдоль улиц таким же образом.

Дорога здесь была прямая. Рыжеволосый молодой человек был метрах в пятидесяти впереди меня, а моя команда — еще дальше, метров на пятьдесят дальше. Так мы прошли около полумили. К счастью, никто из моей группы не свернул в переулок, который вел домой. Я еще спрашивал себя, сколько пройдет времени, прежде чем они решат, что прошли достаточно, когда случилось неожиданное: один из моих застонал вдруг и согнулся, прижимая руки к животу. Затем он осел на мостовую и повалился, корчась от боли. Остальные продолжали идти. Должно быть, они слышали стоны, но не догадались, что он — один из них.

Молодой человек посмотрел на упавшего, потом он сошел с тротуара и приблизился к скорчившемуся телу. Он остановился в нескольких шагах от него. Вероятно, с четверть минуты он стоял так, настороженно глядя на упавшего сверху вниз. Затем медленно, но совершенно хладнокровно он вытащил из кармана пистолет и выстрелил ему в голову.

При звуке выстрела группа впереди остановилась. Я тоже. Молодой человек больше не пытался преследовать их — было очевидно, что он сразу потерял к ним всякий интерес. Он повернулся кругом и пошел обратно посередине улицы. Я вспомнил свою роль и снова двинулся вперед ему навстречу, постукивая палкой по краю тротуара. Он даже не взглянул на меня, но я-то хорошо видел его лицо: напряженное, с плотно сжатыми челюстями... Я еще некоторое время стучал палкой, пока он не остался далеко позади, а затем поспешил к своим. Напуганные выстрелом, они спорили, идти им дальше или нет.

Я прервал их, сообщив, что больше не обременен своими тупыми волкодавами и что отныне мы будем действовать по-другому. Я достану грузовик и минут через десять вернусь, чтобы отвезти их домой.

Встреча с организованной группой соперников прибавила мне забот, однако наше убежище мы нашли по возвращении нетронутым. Единственной новостью, которая ожидала меня там, было то, что еще двое мужчин и одна женщина слегли с острой резью в животе и их перенесли в соседний дом.

Мы приняли все возможные меры к обороне на случай нашествия мародеров в мое отсутствие. Затем я взял новую группу, и

мы отправились на грузовике — на этот раз в другом направлении.

Я вспомнил, что когда в свое время мне приходилось бывать в Хэмпстеде, я чаще всего сходил с автобуса на последней остановке, и там была масса небольших лавочек и магазинов. С помощью карты я нашел этот район довольно легко, и не только нашел, но и обнаружил, что каким-то чудом он почти не пострадал. Если не считать трех-четырех разбитых витрин, он выглядел так, словно здесь все закрыто просто на уикэнд.

Но была и разница. Например, никогда раньше, ни в будни, ни по воскресеньям, здесь не царила такая тишина. И на улице лежало несколько трупов. К трупам я уже притерпелся достаточно, чтобы не обращать на них особого внимания. Я даже удивился, что их так мало, и решил, что большинство жителей забились в какие-нибудь убежища от страха или когда начали слабеть от голода. Отчасти из-за этого мне не захотелось заходить в жилые дома.

Я остановился перед продовольственным магазином и несколько секунд прислушивался. Тишина опустилась на нас, как одеяло. Не было слышно постукивания палок, не было видно бредущих фигур. Не было заметно никакого движения.

— О'кэй,— сказал я.— Вылезай, ребята.

Запертую дверь магазина отворили без труда. Внутри были аккуратные ряды кадушек с маслом, сыров, окороков, ящиков с сахаром и всего прочего. Я поставил группу на работу. К тому времени они уже приобрели кое-какие навыки и действовали более уверенно. Я мог оставить их и отойти, чтобы обследовать кладовые магазина и подвал.

Я был в подвале, исследовал хранившиеся там ящики, когда где-то послышались крики. И сейчас же загремели каблуки по полу надо мною. Один человек провалился вниз головой в открытый люк. Упав, он больше не двинулся и не издал ни звука. Я решил, что наверху идет схватка с какой-нибудь соперничающей шайкой. Я перешагнул через тело упавшего и с поднятой рукой, чтобы защитить голову, стал осторожно подниматься по трапу

Прежде всего я увидел в неприятной близости от своего лица многочисленные шаркающие башмаки. Они пятились к люку Я быстро выскочил и откатился в сторону, пока они не раздавили меня. И едва я поднялся на ноги, как вдребезги разлетелась витрина. Снаружи вместе с нею ввалились три человека. Длинная зеленая плеть хлестнула им вслед и настигла одного, когда он уже лежал на полу. Остальные двое вскочили и, скользя среди разбросанных банок и пакетов, навалились на столпившихся, стремясь убраться подальше от окна. Под их нажимом еще двое оступились и рухнули в открытый люк.

Достаточно было одного взгляда на эту зеленую плеть, чтобы понять, что произошло. За последние дни я совершенно забыл о триффидах. Я вскарабкался на ящики и посмотрел в окно через головы людей. Я увидел трех триффидов; одного посередине улицы и двух ближе, на тротуаре. Четыре человека неподвижно лежали на земле. Теперь стало понятно, почему здесь нетронуты магазины и почему в этом районе не видно ни души. Я проклял себя за то, что не пригляделся к трупам на дороге. Если бы я увидел след жала, я бы знал, чего ожидать.

— Стойте смирно!— закричал я.— Не двигайтесь!

Я спрыгнул с ящика, столкнул людей, стоявших на открытой крышке люка, и захлопнул люк.

— Позади вас дверь,— сказал я им.— Только без паники.

Первые двое вышли без паники. Затем триффид ударил свистнувшим жалом через разбитую витрину. Кто-то упал с диким криком. Остальные рванулись, едва не опрокинув меня. В дверях началась давка. Прежде чем мы прошли, позади дважды свистнули удары. В задней комнате я огляделя отдуваясь. Нас было семеро.

— Стойте смирно,— сказал я.— Здесь мы в безопасности.

Я вернулся к двери. Внутренняя половина магазина была вне пределов досягаемости для триффидов — пока они оставались снаружи. Мне удалось добраться до люка и снова откинуть крышку. Из подвала вылезли двое мужчин, упавших туда после того, как я выскочил наружу. Один придерживал сломанную руку, другой был в синяках и царапинах и ругался.

Задняя комната выходила в небольшой дворик. В кирпичной стене дворика была калитка, но я стал осторожен. Вместо того чтобы направиться к калитке, я забрался на крышу флигеля и осмотрелся. Калитка открывалась в узкую аллею, которая проходила по всей длине квартала. Аллея была пуста. Но на другой ее стороне, за стеной, огораживавшей, вероятно, частные садики, я различил среди кустарников неподвижные верхушки двух триффидов. Может быть, это было еще не все. Стена на той стороне была ниже, и их высота позволяла бить жалами через аллею. Я объяснил своим людям положение.

— Проклятые уроды,— сказал один.— Всегда ненавидел этих тварей.

Я снова осмотрелся. Здание через одно от нас оказалось автопрокатной конторой, там стояли наготове три легковые машины. Было нелегко добраться туда через две отделявшие нас стены, особенно с человеком, у которого была сломана рука, но нам это удалось. Кое-как мне удалось втиснуть всех в большой «дайлмер». Едва все уселись, я открыл ворота на улицу и побежал назад к машине.

Триффиды немедленно заинтересовались. Их зловещая чувствительность к звукам подсказала им, что здесь что-то происходит. Когда мы тронулись в путь, два уже поджидали нас у ворот. Их жала хлестнули нам навстречу и без вреда шлепнулись в закрытые окна. Я круто свернул, сбил одного и переехал через него. Минуту спустя мы были уже далеко и мчались на поиски другого, более безопасного места.

Этот вечер был для меня самым скверным со дня катастрофы. Освобожденный от своих стражей, я выбрал себе небольшую комнату, где мог побыть в одиночестве. На каминной полке я установил в ряд шесть свечей и долго сидел в кресле, обдумывая положение. Вернувшись домой, мы узнали, что один из первых заболевших умер; другой был, несомненно, при смерти; заболели еще четверо. К концу ужина заболели еще двое. Что это была за болезнь, я понятия не имел. При отсутствии санитарных условий и вообще при теперешнем положении это могло быть все что угодно. Я подумал о тифе, но у меня было смутное впечатление, что у тифа должен быть более длительный инкубационный период. Да и то сказать, если бы я и знал — какая разница? Достаточно того, что болезнь эта очень скверная, раз рыжеволосый молодой человек пустил в ход пистолет и отказался от преследования нашей группы.

Похоже было на то, что я с самого начала оказывал своей команде сомнительную услугу. Мне удалось помочь им продержаться, в то время как, с одной стороны, им угрожала соперничающая шайка, а с другой — из пригорода надвигались триффиды. Теперь появилась еще эта болезнь. Чего же я достиг в конце концов? Отодвинул на какое-то время голодную смерть, только и всего.

Я не знал, что делать дальше. И кроме того, меня мучила мысль о Джозелле. То же самое, а может быть, нечто похуже, могло твориться и в ее районе...

Я обнаружил, что снова думаю о Микаэле Бидди и его группе. Еще раньше я знал, что на их стороне логика, теперь я начинал думать, что на их стороне и истинная гуманность. Они исходили из того, что невозможно спасти кого-нибудь, кроме очень немногих. Внушать же остальным беспочвенные надежды — это по меньшей мере жестоко.

Кроме того, были еще мы сами. Если в чем-либо вообще есть какая-нибудь цель, то для чего мы выжили? Не для того же, чтобы попусту растратить себя в безнадежных усилиях?..

Я решил, что завтра же отправлюсь на поиски Джозеллы, и мы вместе разрешим все сомнения.

Щеколда двери звякнула. Дверь медленно приоткрылась.

— Кто там?— спросил я.

— О, вы здесь...— сказал девичий голос.

Она вошла и притворила за собой дверь.

— Что вам угодно?— спросил я.

Она была высокая и тонкая. Меньше двадцати, подумал я. У нее были слегка вьющиеся волосы. Каштановые волосы. Она была тихая, но не из тех, кого не замечают: так уж она была устроена и сложена. Золотисто-коричневые глаза ее смотрели поверх меня, а то бы я подумал, что она меня рассматривает.

Она ответила не сразу. Была в ней какая-то неуверенность, которая очень не шла ей. Я ждал, пока она заговорит. У меня почему-то комок подкатил у горлу. Понимаете, она была молода, и она была прекрасна. Вся жизнь должна была лежать перед нею: возможно, чудесная жизнь. Всегда есть что-то немного печальное в молодости и красоте при любых обстоятельствах, не правда ли?..

— Вы собираетесь уходить?— сказала она. Это был наполовину вопрос, наполовину утверждение тихим, чуть нетвердым голосом.

— Я этого не говорил,— возразил я.

— Да,— согласилась она.— Но это говорят другие... И ведь это правда?

Я ничего не сказал. Она продолжала:

— Так нельзя. Вам нельзя бросать их. Вы им нужны.

— Мне здесь нечего делать,— сказал я.— Все надежды напрасны.

— А вдруг окажется, что не напрасны?

— Этого не может быть... Не сейчас. Мы бы уже знали.

— Но если они все-таки оправдаются? А вы все бросили и ушли?..

— Вы полагаете, я не думал об этом? Мне здесь нечего делать, говорю я вам. Я был чем-то вроде наркотика, который впрыскивают больному, чтобы хоть немного продлить его жизнь... не вылечить, а именно отсрочить смерть.

Несколько секунд она молчала. Затем она проговорила нетвердо:

— Жизнь прекрасна... даже такая.— Она едва владела собой.

Я не мог выговорить ни слова. Она оправилась.

— Вы можете не дать нам умереть. Всегда есть шанс... просто шанс, что что-нибудь случится, даже сию минуту.

Я уже сказал, что думаю об этом. Я не стал повторять.

— Это так трудно,— проговорила она словно сама себе.— Если бы только я могла видеть вас... Но, конечно, если бы я могла видеть... Вы молоды? Голос у вас молодой.

— Мне около тридцати,— сказал я.— И я очень обыкновенный.

— Мне восемнадцать. Это был день моего рождения... день, когда пришла комета.

Я не мог придумать, что ответить. Любые слова были бы жестокими. Пауза затянулась. Я видел, как она стискивает руки. Затем она уронила руки; костяшки пальцев у нее побелели. Она шевельнула губами, чтобы заговорить, но ничего не сказала.

— Ну что? Что я могу сделать?— спросил я.— Продлить это еще немного?

Она закусила губу. Затем она сказала:

— Они... они говорят, что вы, наверное, одиноки. Я подумала, что если бы...— Ее голос дрогнул, костяшки пальцев побелели еще сильнее.— Если бы у вас кто-нибудь был... я хочу сказать, если бы у вас был кто-нибудь здесь... вы... вы бы, может быть, не ушли от нас. Может быть, вы остались бы с нами?

— О боже,— сказал я тихо.

Я глядел на нее. Она стояла очень прямо, губы ее слегка дрожали. У нее должны были быть поклонники, жадно ловившие тень ее улыбки. Она была счастлива и беззаботна, а потом к ней пришло бы счастье в заботах. Ее ждали жизнь, полная очарования, и радостная любовь.

— Вы ведь будете добры ко мне, правда?— сказала она.— Понимаете, я никогда еще...

— Замолчите! Замолчите!— сказал я.— Вы не должны говорить мне такие вещи. Пожалуйста, уходите.

Но она не уходила. Она стояла и глядела на меня невидящими глазами.

— Уходите же!— повторил я.

Она была укором, и я не мог вынести этого. Она была не просто собой. Она была тысячами тысяч погибших юных жизней.

Она подошла ближе.

— Что это, вы плачете?— сказала она.

— Уходите. Ради бога, уходите!— сказал я.

Она постояла в нерешительности, затем повернулась и ощупью направилась к двери. Когда она выходила, я сказал:

— Можете сказать им, что я остаюсь.

Проснувшись на следующее утро, я прежде всего ощутил запах. Он чувствовался и раньше, но погода, к счастью, была прохладная. Теперь же наступил теплый день, и было уже довольно поздно. Я не стану подробно рассказывать об этом запахе; те, кто знал его, никогда не забудут, а для остальных он неописуем. Он неделями поднимался над городами и разносился каждым дуновением ветра. Я вдохнул его в то утро, и он окончательно убедил меня, что наступил конец. Смерть есть лишь жуткий конец движения; окончательным же является распад.

Несколько минут я лежал и думал. Теперь единственное, что можно было сделать, это погрузить команду на грузовики и вывезти из города. А запасы, которые мы сделали? Их тоже надо погрузить и вывезти... и, кроме меня, никто не может сидеть за рулем... На это понадобятся дни... если они еще есть у нас, эти дни...

Тут я подумал, что сейчас делают мои люди. В доме стояла странная тишина. Я прислушался, но различил только стоны, доносившиеся откуда-то из другой комнаты. Меня охватила тревога. Я вылез из постели и торопливо оделся. На лестничной площадке я прислушался снова. Нигде в доме не было слышно шагов. На меня вдруг нахлынуло скверное ощущение, будто история повторяется, и я опять нахожусь в больнице.

— Эй! Кто здесь есть?— крикнул я.

Отозвалось несколько голосов. Я распахнул ближайшую дверь. Там лежал мужчина. Он выглядел очень плохо, и он был в бреду. Я ничего не мог сделать. Я снова закрыл дверь.

Мои шаги гремели по деревянным ступенькам. На следующем этаже женский голос позвал:

— Билл!.. Билл!

Она лежала на кровати в маленькой комнатушке, девушка, которая приходила ко мне вчера вечером. Когда я вошел, она повернула ко мне лицо. Я увидел, что она тоже больна.

— Не подходите близко,— сказала она.— Это все-таки вы, Билл?

— Да.

— Я так и думала. Вы еще можете ходить, остальные ползают. Я рада, Билл. Я сказала им, что вы не уйдете... но они сказали, что вы уже ушли. И они все ушли, все, кто мог ходить.

— Я спал,— сказал я.— Что произошло?

— Многие и многие из нас заразились. Все были напуганы.

Я сказал беспомощно:

— Что я могу сделать для вас? Может быть, вам что-нибудь принести?

Ее лицо исказилось, она обхватила себя руками и скорчилась. Потом приступ прошел. Она лежала, и струйки пота текли по ее лбу.

— Пожалуйста, Билл. Я не очень храбрая. Вы не можете принести мне чего-нибудь... покончить с этим?

— Да,— сказал я.— Я могу сделать это для вас.

Я вернулся из аптеки минут через десять. Я подал ей стакан воды и положил снадобье ей в другую руку.

Некоторое время она медлила. Затем она сказала:

— Все тщетно... и все могло быть совсем по-другому. Прощайте, Билл... и спасибо вам за то, что вы сделали.

Я глядел на нее, как она лежала. Была одна вещь, которая делала все еще более тщетным. Я спрашивал себя, сколько других женщин сказали бы: «Возьми меня с собой», когда она сказала: «Останься с нами»?

И я даже не знал ее имени.

Я решил ехать к Вестминстеру, потому что хорошо помнил о рыжеволосом молодом человеке, который в нас стрелял.

После того как мне исполнилось шестнадцать, мой интерес к оружию пошел на убыль, но теперь, когда мир снова впал в дикость, представлялось необходимым либо быть готовым вести себя при случае по-дикарски, либо в скором времени вообще перестать вести себя как бы то ни было. На Сэнт Джеймз-стрит было

несколько магазинов, где с величайшей изысканностью торговали всеми видами смертоносного оружия — от ружей на птиц до винтовок на слонов.

Я покинул эти магазины со смешанным чувством защищенности и агрессивности. У меня вновь был добрый охотничий кинжал. В кармане лежал пистолет, точный и надежный, как научный прибор. На сиденье рядом со мной покоились заряженный дробовик двенадцатого калибра и коробки с патронами. Я выбрал дробовик, а не винтовку: гремит он не менее убедительно, верхушку же триффида снесет, не в пример пуле, начисто. А триффиды были уже в самом Лондоне. По-видимому, они еще старались избегать улиц, но я заметил, как несколько штук ковыляли через Гайд-парк, и еще несколько торчало в Грин-парке. Скорее всего это были декоративные экземпляры с урезанным жалом, но, может быть, и нет.

И вот я прибыл в Вестминстер.

Все здесь несло на себе отпечаток смерти, гибели. Обычная россыпь покинутых машин замерла на улицах. Людей почти не было.

Над всем этим возвышалось здание Парламента, стрелки его часов застыли на трех минутах седьмого. Было трудно поверить, что теперь это просто претенциозное украшение из непрочного камня, которому предстоит разрушаться в бозе. Пусть градом посыплются вниз на террасу его обвалившиеся бельведеры — больше не будет негодующих членов парламента, жалующихся на риск, которому подвергаются их драгоценные жизни. Наступит время, и потолки и крыши провалятся в эти залы, откуда на весь мир звучало эхо добрых намерений и наивных уловок.

Рядом невозмутимо текла Темза. Она будет течь и тогда, когда обрушатся каменные набережные, растечется вода, и Вестминстер снова превратится в островок на болоте.

Поразительно четким силуэтом на фоне ясного неба вздымалось серебристо-серое Аббатство. Оно стояло, отчужденное своим возрастом от эфемерной поросли вокруг. Прочный фундамент веков поддерживал его, и, может быть, ему предстояло еще долгие века сохраняться в неприкосновенности и служить памятником тем, чья работа была теперь разорена дотла.

Я не стал там задерживаться. В грядущие годы кто-нибудь, исполненный романтической меланхолии, придет взглянуть на Аббатство. Но романтизм такого рода есть сплав трагедии и давних воспоминаний. Мне же все это было слишком близко.

Мало того, я начинал испытывать нечто новое — страх одиночества. Я не был одинок с тех пор, как шел из больницы по Пикадилли. Во всем, что я видел тогда, была неразгаданная новизна. А теперь я впервые почувствовал ужас, который обрушивает одиночество на стадное по натуре животное. Я ощущал себя голым, беззащитным против всех страхов, крадущихся за мною по пятам...

Я заставил себя ехать по Виктория-стрит. Даже рокот мотора тревожил меня своим эхом. Мне страстно хотелось бросить машину и бесшумно двигаться пешком, ища безопасности в собственной ловкости, подобно зверю в джунглях. Вся моя воля потребовалась мне, чтобы не сорваться и продолжать действовать по плану. Ведь я знал, что стал бы делать, если бы мне достался этот район: я бы искал продовольствие в его крупнейшем универсальном магазине.

Так и есть, кто-то очистил продовольственный отдел магазина армии и флота. Но сейчас там не было ни души.

Я вышел из бокового подъезда. Кот обнюхивал на мостовой что-то, похожее на груду тряпья. Я хлопнул в ладоши. Кот поглядел на меня и скрылся.

Из-за угла вышел человек. Лицо его сияло торжеством, он катил по середине улицы большой круг сыра. Услыхав мои шаги, он опрокинул сыр, сел на него и принялся яростно размахивать палкой. Я вернулся к машине.

Не исключено, что Джозелла тоже избрала для своей резиденции какой-нибудь отель. Я вспомнил, что несколько отелей есть вокруг вокзала Виктории, и направился туда. Их оказалось там гораздо больше, чем я предполагал. Обследовав десяток и не найдя никаких признаков организованной стоянки, я понял, что это совершенно безнадежно.

Тогда я стал искать кого-нибудь, чтобы расспросить. Может быть, именно благодаря ей кто-нибудь остался в живых. В этом районе я встретил пока всего несколько человек, способных передвигаться. Теперь мне уже казалось, что не осталось ни одного. Но в конце концов на улице Бекингэм Палас-род я заметил сгорбленную старуху, сидевшую на пороге. Всхлипывая и ругаясь, она терзала консервную банку сломанными ногтями. Я отправился в маленькую лавку поблизости и нашел там полдюжины банок бобов, забытых на верхней полке. Затем я нашел консервный нож и вернулся к ней. Она все еще безуспешно терзала свою жестянку.

— Бросьте ее,— сказал я.— Это кофе.

Я вложил в ее руку консервный нож и дал ей банку бобов.

— Слушайте меня,— сказал я.— Где-то здесь должна быть девушка, зрячая девушка. Вы ничего не знаете о ней? Она обслуживала группу слепых.

Я не очень рассчитывал на успех, но ведь что-то помогло этой старухе продержаться дольше, чем всем остальным. Я едва поверил своим глазам, когда она кивнула.

— Да,— сказала она и принялась открывать банку.

— Вы ее знаете? Где она?— спросил я. Мне почему-то и в голову не пришло, что речь могла идти вовсе не о Джозелле.

Старуха покачала головой.

— Я не знаю. Я была с ее командой какое-то время, а потом потеряла их. Такой старухе, как я, не угнаться за молодыми, и я их потеряла. Они не стали ждать бедную старуху, и я так и не нашла их больше.

Она продолжала трудиться над банкой.

— Где она живет?— спросил я.

— Мы все жили в отеле. Не знаю только, где этот отель, а то бы я его снова нашла.

— А название отеля?

— Не знаю. Что толку в названиях, когда не можешь читать, да и никто не может.

— Но вы должны помнить о нем что-нибудь.

— Ничего не помню.

Она подняла банку и осторожно понюхала содержимое.

— Вот что,— сказал я холодно.— Вы хотите, чтобы я оставил вам эти банки?

Она сделала движение рукой, чтобы придвинуть их к себе.

— Ну так вот. Тогда расскажите мне все, что знаете об этом отеле,— продолжал я.— Например, вы должны знать, большой он или маленький.

Она подумала, все еще загораживая банки.

— Внизу было вроде бы гулко.. как будто много места И там было роскошно...знаете, мягкие ковры, и хорошие кровати, и хорошие простыни.

— Что еще?

— Да больше как будто... А, да, вот что Снаружи две ступеньки, и входить надо через дверь, которая вертится.

— Это уже лучше,— сказал я.— Вы не врете? Если я не найду этот отель, то вас-то уж я найду, будьте уверены

— Как на духу, мистер. Две низенькие ступеньки и крутится дверь.

Она порылась в потрепанном чемоданчике рядом с собой вытащила грязную ложку и принялась смаковать бобы, словно это было райское угощение.

Оказалось, что отелей поблизости еще больше, чем я думал, и просто удивительно, сколько из них было с крутящимися дверями. Но я не сдавался. И когда я нашел, ошибки быть не могло следы и запах были слишком знакомы.

— Эй, кто-нибудь!— крикнул я в пустом вестибюле

Я уже решил подняться наверх, когда из угла послышался стон. Там, на диванчике в нише, лежал человек. Даже в сумеречном свете было видно, что он уже не жилец. Я не стал подходить слишком близко. Его глаза открылись. На секунду я подумал, что он зрячий.

— Это вы там?— сказал он.

— Да, я хотел...

— Воды,— сказал он.— Ради Христа, дай мне немного воды

Я направился в ресторан и нашел буфетную. В кранах не было ни капли. Я опростал в кувшин два сифона с содовой и вернулся в вестибюль с кувшином и чашкой. Я поставил их на пол так, что бы он мог до них дотянуться.

— Спасибо, друг,— сказал он.— Я управлюсь. Держись от меня подальше.

Он погрузил чашку в кувшин и осушил ее.

— Господи,— сказал он.— Как хорошо! — Он осушил еще одну чашку.— Что ты здесь делаешь, друг? Место это нездоровое сам понимаешь.

— Я ищу девушку...зрячую девушку Ее зовут Джозелла Она здесь?

— Была она здесь. Ты опоздал, приятель.

— Вы.. вы хотите сказать...

— Да нет Успокойся, друг Она этого не подцепила Нет, она просто ушла.. как все, кто мог ходить.

— А куда она пошла, вы не знаете?

— Этого я не могу сказать, друг.

— Ясно,— сказал я с трудом.

— Ты бы тоже лучше уходил, приятель. А то побудешь здесь еще немного и останешься здесь совсем Как я.

Он был прав Я стоял и смотрел на него.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет Э[illegible] мне хватит. Мне уже недолго.— Он помолчал. Затем он добавил — Прощай, друг, и большое спасибо. И если ты ее найдешь [illegible] и ее — она славная девушка.

Позже, когда я обедал консервированной ветчиной и бутылкой пива, мне пришло в голову, что я не спросил его, когда ушла Джозелла. Но я решил, что в таком состоянии он вряд ли мог иметь ясное представление о времени.

Затем я отправился в Университет. Я считал, что Джозелла подумала бы о том же, и была надежда, что кто-нибудь из нашей разгромленной группы мог тоже прибиться туда, пытаясь воссоединиться. Это была не очень основательная надежда, ибо здравый смысл должен был заставить их покинуть город еще несколько дней назад.

Два флага все еще висели над башней, вялые в теплом воздухе раннего вечера. Из двух десятков грузовиков, которые были собраны во дворе, осталось четыре, по всей видимости нетронутые. Я остановил машину рядом с ними и направился к зданию. Мои каблуки отчетливо стучали в тишине.

— Хэлло! Хэлло, эй!— позвал я.— Есть здесь кто-нибудь?

Эхо моего голоса прокатилось по коридорам и лестничным пролетам, перешло в едва слышный шепот и замерло. Я пошел к двери в другое крыло и покричал еще раз. Снова эхо замерло без ответа, оседая на стены бесшумно, как пыль. И тогда, повернувшись, я увидел на стене у парадного входа надпись мелом большими буквами. Это был адрес:

ТИНШЭМ-МЕНОР
ТИНШЭМ ДИВАЙЗЕС,
УИЛТШИР

Это было уже нечто.

Я глядел на надпись и раздумывал. Примерно через час стемнеет. До Уилтшира, насколько я помнил, не менее ста миль. Я вышел во двор и осмотрел грузовики. Один из них был мой — тот самый, который я пригнал последним и куда сложил свои противотриффидные ружья. Я вспомнил, что груз его состоит из отличного набора продуктов и предметов первой необходимости. Будет гораздо лучше прибыть с этим грузом, чем с пустыми руками на легковой машине. Но без самой настоятельной необходимости я вовсе не желал гнать ночью огромный, тяжело нагруженный грузовик по дорогам, на которых, надо полагать, могут возникнуть разные неприятные осложнения. Чтобы иметь возможность с ними справиться, пришлось бы искать другую машину и перетаскивать груз на нее; на это ушло бы слишком много времени. Куда лучше и удобнее выехать на этом же грузовике рано утром. Я перенес в его кабину коробки с патронами, чтобы все было готово к отъезду, и вернулся в здание. Дробовик я взял с собой.

Моя комната, из которой я выбежал по ложной пожарной тревоге, была в том же виде, как я ее оставил: одежда на кресле и даже портсигар и зажигалка там, где я положил их возле своей импровизированной кровати. Было еще слишком рано, чтобы ложиться. Я закурил, сунул портсигар в карман и решил побыть под открытым небом.

Прежде чем войти в садик на Рассел-сквер, я внимательно оглядел его. Я уже привык относиться с подозрением к открытым пространствам. И действительно, я заметил одного триффида. Он неподвижно стоял в северо-западном углу садика, но он был значительно выше окружающих кустов. Я подошел ближе и одним выстрелом снес его верхушку. В тишине сквера выстрел прозвучал, как грохот гаубицы. Убедившись, что других триф-

фидов поблизости нет, я вошел в садик и сел, прислонившись спиной к дереву.

Так я сидел, наверное, минут двадцать. Солнце опустилось низко, половина площади была погружена в тень. Скоро нужно будет возвращаться в здание. Пока светло, я еще могу держать себя в руках; но в темноте на меня бесшумно поползут призраки. Я уже чувствовал, что погружаюсь в первобытное состояние. Пройдет немного времени, и я буду проводить часы мрака в страхе, как проводили их мои отдаленные предки, с вечным недоверием вглядываясь в ночь за порогом своих пещер. Я встал и в последний раз оглядел площадь, словно это была страница истории, которую мне хотелось изучить, прежде чем она перевернется. И пока я стоял, на дороге послышался скрип шагов, негромкие звуки, прорезавшие, однако, тишину, как скрежет жерновов.

Я повернулся с ружьем наготове. Я был испуган, как Робинзон Крузо при виде отпечатка ноги, потому что это не были неуверенные шаги слепого. Затем я уловил в сумерках двигающийся огонек. Когда огонек появился в саду, я разглядел фигуру мужчины. Видимо, он увидел меня еще прежде, чем я услыхал его шаги, так как он направился прямо ко мне.

— Не стреляйте,— сказал он, широко расставив пустые руки. Я узнал его, когда он приблизился на несколько метров. Он тоже узнал меня.

— О, это вы,— сказал он.

Я продолжал держать ружье наготове.

— Привет, Коукер,— сказал я.— Что вам здесь надо? Хотите поручить мне еще одну маленькую команду?

— Нет. Можете опустить эту штуку. Слишком от нее много шума. Я и нашел-то вас из-за нее. Нет,— повторил он.— Довольно с меня. Я ухожу отсюда к чертовой матери.

— Я тоже,— сказал я и опустил ружье.

— Что случилось с вашей командой?— спросил он.

Я рассказал ему. Он кивнул.

— То же, что с моей. И с другими, наверное. И все-таки мы попытались...

— Негодная попытка,— сказал я.

Он снова кивнул.

— Да,— признался он.— Мне кажется, ваша группа с самого начала взяла правильную линию... Только неделю назад она представлялась мне совсем неправильной.

— Шесть дней назад,— поправил я его.

— Неделю,— сказал он.

— Да нет же... А, черт, какое это имеет значение? — сказал я.— В общем,— продолжал я,— что вы скажете, если я объявлю вам амнистию, и мы начнем все сначала?

Он согласился.

— Я ничего не понял,— опять признался он.— Я думал, что один только я отношусь к этому серьезно, и я просчитался. Я не верил, что это продлится долго или что кто-нибудь не придет на помощь. Но полюбуйтесь на это теперь! И так, наверное, повсюду. В Европе, в Америке, в Азии — везде то же самое. Если бы не так, они были бы уже здесь, помогали, лечили, чистили... Нет, я считаю, что ваша группа понимала это с самого начала.

Несколько секунд мы молчали, затем я спросил:

— Эта болезнь, эпидемия... Что это такое, по-вашему?

— Убейте меня, не знаю, приятель. Я думал, что это тиф, но кто-то мне сказал, будто тиф развивается дольше. Так что не знаю. И не знаю, почему не заразился сам... Разве что я мог держаться от заболевших подальше и следить за тем, чтобы моя еда была чистая. Я ел только консервы, которые открывал сам, и пил только пиво из бутылок. Так или иначе, хотя мне и везло до сих пор, мне не улыбается торчать здесь дольше. Вы-то куда собира етесь?

Я рассказал ему про адрес, написанный мелом на стене. Он еще не видел эту надпись. Он как раз направлялся к Универси тету, когда услыхал мой выстрел, и стал с некоторой опаской ра зыскивать стрелявшего.

— Это я...— начал я и остановился. Где-то на улице, к западу от нас, послышался звук стартера. Мотор заревел и вскоре затих вдали.

— Ну вот, еще кто-то уехал,— сказал Коукер.— Кстати, об этой надписи. Как вы думаете, кто ее мог оставить?

Я пожал плечами. Вполне возможно, что адрес оставил человек из нашей группы, который был захвачен Коукером и потом вернулся сюда. Или кто-нибудь из зрячих, кого Коукер упустил. Ведь определить, когда сделана надпись, было нельзя. Он подумал.

— Вдвоем нам будет лучше. Я пристроюсь к вам и посмотрю, что там делается. Ладно?

— Ладно,— согласился я.— Я за то, чтобы сейчас лечь спать и завтра выехать пораньше.

Я проснулся, когда он еще спал. Я вновь облачился в свой лыж ный костюм и тяжелые башмаки, бросив неудобную одежду, которой снабдили меня люди Коукера. К тому времени, когда я вернулся с набором банок и пакетов, Коукер тоже был на ногах и одет. За завтраком мы решили, что поедем не в одном грузовике, а поведем два — к вящей пользе обитателей Тиншэма.

— И смотрите, чтобы окна в кабине были закрыты,— напомнил я.— Вокруг Лондона полно трифф идных заповедников, особенно к западу.

— Ага. Я уже видел этих тварей в городе,— сказал он беспеч но.

— Я тоже видел их, и притом в действии,— сказал я.

В первом же гараже, который нам повстречался, мы взломали бензоколонку и запаслись горючим. Затем, грохоча по улицам, как танковая колонна, мы двинулись на запад: моя трехтонка впереди, он за мной.

Продвижение было утомительным. Через каждые несколько десятков метров попадался какой-нибудь брошенный автомобиль. Временами две-три машины загораживали дорогу полностью, так что приходилось переключаться на первую скорость и сдвигать одну из них в сторону. Разбитых машин было немного. Видимо, слепота поражала водителей хотя и быстро, но не мгновенно, так что они успевали затормозить. В большинстве они сворачивали при этом к тротуару. Если бы катастрофа произошла днем, главные магистрали были бы совершенно забиты и нам пришлось бы затратить дни, чтобы выбраться из центра боковыми улицами, отступая перед непроходимой стеной машин и ища объезда. Одним словом, продвигались мы не так медленно, как мне представлялось из-за нескольких пустяковых задержек, и когда я через несколько миль увидел впереди возле дороги пе-

ревернутую машину, я осознал, что теперь мы уже на пути, который прошли и расчистили для нас другие.

На западной окраине Стейнза мы ощутили, что Лондон, наконец, остался позади. Я остановил машину и пошел назад к Коукеру. Когда он выключил двигатель, наступила тишина, плотная и неестественная, нарушаемая только потрескиванием охлаждающегося металла. Я вдруг вспомнил, что с того момента, как мы тронулись в путь, я не видел, кроме нескольких воробьев, ни одного живого существа. Коукер вылез из кабины. Он стоял посередине дороги, вслушиваясь и оглядываясь. Потом он пробормотал:

Вон там перед нами пролегают
Пустыни бесконечной вечности...

Я пристально посмотрел на него. Серьезное, задумчивое выражение на его лице сменилось вдруг ухмылкой, и он спросил:

— А может быть,вы предпочитаете Шелли?

Я — Озимандис, царь царей,
Взгляни, надменный, на мои труды и ужаснись!

Пошли поедим чего-нибудь.

— Коукер,— сказал я, когда мы устроились на прилавке в магазине, намазывая мармелад на бисквиты.— Вы меня озадачили. Кто вы такой? В первый раз, когда я вас повстречал, вы занимались декламацией — вы мне простите это вполне подходящее слово?— на портовом жаргоне. Теперь вы цитируете Марвелла. Я не понимаю этого.

Он усмехнулся.

— Я тоже никогда этого не понимал,— сказал он.— Как и полагается гибриду: никогда не знаешь, что ты такое. Мать тоже не знала, что я такое,— во всяком случае, она никогда не могла доказать, кто был моим отцом, и получить средства на мое содержание. Она вымещала это на мне, и я с детства был всем на свете недоволен. Кончив школу, я повадился ходить на митинги — все равно какие, лишь бы это были митинги протеста. Это свело меня с публикой, которая там выступала. Может быть, они находили меня забавным. Так или иначе, они стали таскать меня с собой на всякие политические сборища. Потом мне надоело, что я их забавляю и что мои слова вызывают у них этакий двойной смех, наполовину вместе со мной, наполовину надо мной. Я сообразил, что мне необходимо общее образование, какое имеют они, и тогда я сам посмеюсь над ними. Я поступил в вечерние классы и стал практиковаться в их жаргоне. Очень многие не понимают одной простой вещи. Если вы разговариваете с человеком и хотите, чтобы он принял вас всерьез, говорите с ним на его собственном жаргоне. Если же вы цитируете Шелли, но говорите, как простолюдин, они находят, что вы милы, вроде обезьянки у шарманщика, но на смысл ваших слов они не обращают внимания. Необходимо говорить на жаргоне, который они привыкли принимать всерьез. И наоборот. Половина политической интеллигенции, выступая перед рабочей аудиторией, ничего не может добиться — и не столько потому, что она стоит выше этой аудитории, сколько из-за того, что большинство ребят слушают голос, а не слова; они пропускают слова мимо ушей, потому что слова эти очень уж вычурные, а не обыкновенная человеческая речь. И вот я рассудил, что надо сделаться двуязыким и каждый язык

употреблять в подходящей обстановке, а время от времени — вдруг и не тот язык не в той обстановке. Это действует без промаха. Чудесная вещь наша английская кастовая система. С тех пор я стал делать успехи в ораторском ремесле. Постоянной работой это не назовешь, но зато интересно и разнообразно.

— А как случилось, что вы не ослепли? Вы же не были в больнице, не так ли?

— Я? Нет. Случилось так, что я выступал на митинге протеста против хамства полиции во время одной забастовки. Мы начали около шести, а через полчаса пожаловала и сама полиция. Я нашел очень удобный люк и спустился в подвал. Они полезли за мной и стали подвал обыскивать, только я зарылся в кучу стружки. Они немного потоптались наверху, потом все затихло. Но я не торопился вылезать. Ни к чему мне было попадаться в их маленькие славные ловушки. Я согрелся в стружках и заснул. А когда утром осторожно высунул нос наружу, то увидел, что произошло.— Он помолчал в задумчивости.— Ну что же, моя ораторская карьера закончилась. Вряд ли теперь будет спрос на мои таланты.

Я не стал спорить об этом. Мы закончили еду. Он соскочил с прилавка.

— Пошли. Нам пора двигаться. «Завтра к свежим полям и новым лугам», если вам нужна на этот раз совершенно банальная цитата.

— Она не только банальная, она еще и не точная,— сказал я.— Не «к полям», а «к лесам».

Он подумал хмурясь.

— Провалиться мне, приятель, так оно и есть,— признал он.

И я и Коукер заметно ожили: сельские пейзажи вселяли какие-то надежды. Да, конечно, эти зеленые всходы созреют, но некому будет собрать урожай и некому будет собрать фрукты с плодовых деревьев; и вся эта местность никогда больше не будет такой аккуратной и нарядной, как сегодня, но при всем том она будет продолжать жить по-своему. Это не то что города, бесплодные и обреченные. Это место, где можно работать, заботиться и еще найти свое будущее. На его фоне мое существование в течение последней недели представилось мне чем-то вроде жизни крысы, шмыгающей по помойным ямам. И когда я глядел на поля, я чувствовал, как ширится и крепнет моя душа.

Когда нам попадались города на нашем пути, такие, как Рединг и Ньюбери, на некоторое время возвращалось ко мне лондонское настроение, но это были всего лишь незначительные впадины на графике моего возрождения.

Невозможно до бесконечности сохранять трагическое настроение. В этом разум подобен фениксу. Это его качество может быть полезным и вредным, оно просто часть воли к жизни, хотя именно оно позволило нам вступать в одну изнурительную войну за другой. Но мы не можем долго оплакивать даже целые океаны пролитого молока — таково необходимое свойство нашего организма. Под голубым небом с облаками, плывущими подобно айсбергам, страшная память о городе бледнела, и чувство жизни вновь освежало нас подобно чистому ветру. И если это не может служить оправданием, то, во всяком случае, объясняет, почему я время от времени вдруг с удивлением ловил себя на том, что пою за рулем.

В Хангерфорде мы остановились, чтобы взять горючего и еды. Чувство освобождения продолжало расти по мере того, как мы милю за милей мчались по нетронутой стране. Она еще не казалась пустынной, она была пока только сонной и приветливой. Даже небольшие кучки триффидов, ковыляющих через какое-нибудь поле или зарывшихся корнями в землю, не портили моего настроения. Они вновь превратились для меня в объекты чисто профессионального интереса.

Неподалеку от Дивайзеса мы опять остановились, чтобы свериться с картой. Немного дальше мы свернули вправо на проселок и въехали в деревню Тиншэм.

Миновать Менор, не заметив, не было никакой возможности. Высокая стена, огораживающая поместье, проходила рядом с дорогой за кучкой домиков, составлявших деревню Тиншэм. Мы ехали вдоль этой стены, пока не увидели массивные ворота из сварного железа. За воротами стояла молодая женщина, лицо которой не выражало ничего, кроме трезвого сознания возложенной на нее ответственности. Она была вооружена ружьем, и она неумело сжимала это ружье обеими руками. Я дал сигнал Коукеру притормозить и окликнул ее. Она пошевелила губами, но из-за шума двигателя я не расслышал ни слова. Я выключил двигатель.

— Это Тиншэм-менор?— осведомился я.

Она не пожелала выдавать никаких тайн.

— Вы кто такие?— спросила она вместо ответа.— И сколько вас?

Мне очень хотелось, чтобы она не обращалась так со своим ружьем. Не спуская глаз с ее пальцев, неловко нащупывающих спусковой крючок, я вкратце объяснил ей, кто мы такие, почему мы приехали, что мы везем, и заверил ее, что нас всего двое и больше в грузовике никто не прячется. Вряд ли она восприняла все это. Ее глаза не отрывались от моего лица, и в них было тоскливо-умозрительное выражение, обыкновенно свойственное ищейкам и неприятное даже у них. Мои слова не рассеяли эту всеобъемлющую подозрительность, которая делает добросовестных людей такими скучными. Когда она вышла, чтобы заглянуть в кузовы и проверить правдивость моих утверждений, я мысленно пожелал ей не столкнуться когда-нибудь с людьми, относительно коих ее подозрения оправдались бы. Ей очень не хотелось признать, что она удовлетворена, ведь это принижало ее роль надежного часового, но в конце концов она уступила и пропустила нас. Когда я въезжал в ворота, она крикнула: «Берите вправо!»— и сейчас же вернулась к своим обязанностям по обеспечению безопасности вверенного ей участка.

За короткой вязовой аллеей раскинулся парк в стиле восемнадцатого века, усаженный деревьями, которым было достаточно места, чтобы разрастись во всем великолепии. Дом не блистал архитектурным изяществом, но это был громадный дом. Он занимал обширную площадь и сочетал в себе множество разнообразных стилей, словно из его прежних владельцев никто не мог удержаться от искушения оставить на нем свой персональный отпечаток. Каждый из них при всем уважении к деятельности своих отцов ощущал, по-видимому, настоятельную необходимость выразить также и дух своего собственного времени. Неколебимое пренебрежение предыдущими канонами вылилось в

неколебимую эклектику. Это был, несомненно, смешной дом, но он производил впечатление дружелюбия и надежности.

Правая дорожка привела нас на широкий двор, где уже стояло несколько машин. Вокруг, занимая, наверное, несколько акров, располагались многочисленные каретники и конюшни. Коукер поставил свой грузовик рядом с моим и вылез. Никого вокруг видно не было.

Мы вошли в главное здание через черный ход и двинулись по длинному коридору. В конце коридора оказалась кухня баронских масштабов, где было тепло и пахло едой. С другой стороны была дверь, из-за которой доносился приглушенный гул голосов и звон посуды, но нам пришлось пройти еще через один темный проход и еще одну дверь, прежде чем мы до них добрались.

По-моему, место, где мы очутились, было некогда залом для слуг. Помещение было достаточно просторно для сотни человек, а сейчас здесь на скамьях за длинными столами на козлах сидело человек пятьдесят-шестьдесят, и с первого взгляда было ясно, что все они слепые. Они сидели тихо и терпеливо, в то время как несколько зрячих трудились не покладая рук. Возле входа у бокового столика трое девушек прилежно нарезали цыплят. Я подошел к одной из них.

— Мы только что прибыли,— сказал я.— Что прикажете делать?

Она остановилась, затем, не выпуская вилки, отвела тыльной стороной ладони прядь волос, упавшую на лоб.

— Было бы хорошо, если бы один из вас занялся овощами, а другой помог с посудой,— сказала она.

Я принял команду над двумя громадными кастрюлями с картошкой и капустой. Раскладывая порции, я урывками оглядел людей в зале. Джозеллы среди них не было, не видел я и никого из выступавших в Университете, хотя лица некоторых женщин показались мне знакомыми.

Процент мужчин здесь был гораздо больше, чем в прежней группе, причем подобраны они были странно. Несколько человек, возможно, и являлись лондонцами или, во всяком случае, горожанами, но большинство было в крестьянской одежде. Исключение составлял пожилой священник, но все они были слепыми.

Женщины были более разнообразны. Некоторые были в городских платьях, разительно не соответствующих обстановке, остальные были скорее всего местные. Из местных зрячей была только одна девушка, но среди горожанок было около десятка зрячих и несколько слепых, державшихся вполне уверенно.

Коукер тоже оглядывал зал.

— Странное это заведение,— сказал он вполголоса.— Ну что, нашли вы ее?

Я покачал головой. Я вдруг осознал, что моя надежда найти здесь Джозеллу была сильнее, нежели я думал.

— Удивительное дело,— продолжал он.— Здесь нет почти ни одного человека из тех, кого я взял тогда с вами... кроме той девчонки, которая нарезает курятину.

— Она вас узнала?— спросил я.

— Думаю, что да. Она на меня зверем посмотрела.

Когда раздача закончилась, мы тоже взяли себе по тарелке и сели за стол. Качество продуктов и поварское искусство не вызывали никаких сомнений, к тому же после недели жизни на одних консервах интерес к горячей пище был у меня обострен до край-

ности. После трапезы послышался стук по столу. Поднялся священник; подождав, пока наступит тишина, он заговорил:

— Друзья мои! Кончается еще один день, и уместно сейчас вновь вознести господу нашему молитвы благодарности за его великую милость, сохранившую нас в разгаре такого бедствия. Я призываю вас всех помолиться, дабы он воззрел с состраданием на тех, кто еще бродит во мраке и одиночестве, и дабы благоугодно было ему направить их стопы сюда, где мы сможем помочь им. Будем же просить его дать нам пережить грядущие испытания и несчастья, чтобы в его время и с его помощью мы смогли бы сыграть свою роль в построении лучшего мира к его вящей славе.

Он наклонил голову.

— Всемогущий и всеблагий господь наш...

Сказав «аминь», он затянул псалом. После псалома собрание разбилось на группы, слепые взялись за руки, и четверо зрячих девушек повели их из зала.

Я закурил сигарету. Коукер тоже рассеянно взял у меня одну, не сказав ни слова. К нам подошла девушка.

— Вы нам поможете прибрать со стола?— сказала она.— Мисс Дюрран, мне кажется, скоро вернется.

— Мисс Дюрран?— повторил я.

— Она наш руководитель,— объяснила девушка.— Свои дела вы уладите с нею.

О том, что мисс Дюрран вернулась, нам сообщили часом позже, когда почти стемнело. Мы нашли ее в маленькой комнате, похожей на кабинет, освещенный всего двумя свечами на столе. Я сразу узнал в ней ту смуглую женщину с тонкими губами, которая выступала против профессора на собрании в Университете. Когда мы предстали перед ней, все ее внимание сосредоточилось на Коукере. Выражение ее лица было не более дружелюбным, чем неделю назад.

— Мне сообщили,— холодно произнесла она, разглядывая Коукера, словно кучу отбросов,— мне сообщили, что вы тот самый человек, который организовал нападение на Университет.

Коукер подтвердил и ждал продолжения.

— Теперь я должна сказать вам раз и навсегда, что в нашей общине мы не признаем грубой жестокости и не собираемся ее терпеть.

Коукер слегка улыбнулся. Затем он ответил на исконном жаргоне средних классов:

— Все зависит от точки зрения. Разве вы можете судить, кто был более жесток: тот, кто осознал свою ответственность перед настоящим и остался, или тот, кто осознал свою ответственность перед будущим и ушел?

Она продолжала пристально смотреть на него. Выражение ее лица не изменилось, но было очевидно, что в эту минуту меняется ее мнение о Коукере. Она явно не ожидала ни такого ответа, ни такой манеры держаться. Оставив на время эту проблему, она повернулась ко мне.

— Вы тоже в этом участвовали?— спросила она.

Я объяснил ей, что играл во всем этом несколько пассивную роль, и задал ей вопрос в свою очередь:

— Что случилось с Микаэлем Бидли, с Полковником и остальными?

Это ей не понравилось.

— Они уехали куда-то в другое место,— сказала она резко.— Здесь у нас чистая благопристойная община в правилах... в христианских правилах, и мы намерены держаться этих правил. У нас нет места людям развратным. Разложение и неверие послужили причиной большинства несчастий мира. Те из нас, кого пощадила катастрофа, обязаны создать общество, в котором это не повторится. Циник, умник пусть знает, что здесь он не нужен, какие бы блестящие теории он ни выдвигал, чтобы замаскировать свою распущенность и свой материализм. Мы христианская община, и мы намерены таковой остаться,— она с вызовом посмотрела на меня.

— Значит, вы разделились?— сказал я.— Куда же направились те?

Она жестко ответила:

— Они отправились дальше, а мы остались здесь. Только это и имеет значение. Постольку, поскольку они не вмешиваются в наши дела, они могут зарабатывать себе вечное проклятье, где им угодно и как им угодно. А они будут прокляты, в этом я не сомневаюсь, раз им вздумалось считать себя выше законов божеских и человеческих.

Она завершила эту декларацию щелчком челюсти, который дал мне ясно понять, что дальнейшие вопросы будут пустой тратой времени. Затем она повернулась к Коукеру.

— Что вы умеете делать?— спросила она.

— Много чего,— ответил он хладнокровно.— Для начала я буду помогать всем понемногу, пока не увижу, где я полезнее всего.

Она была слегка ошарашена. Ясно было, что она намеревалась принять решение и дать руководящие указания. Но она передумала.

— Хорошо,— сказала она.— Осмотритесь и приходите ко мне поговорить завтра вечером.

Но от Коукера не так-то легко было отделаться. Он пожелал узнать о размерах поместья, о численности общины, о проценте зрячих и о массе других вещей. И он узнал.

Прежде чем мы ушли, я задал вопрос о Джозелле. Мисс Дюрран нахмурилась.

— Знакомая фамилия. Где же я ее?... О, это она выступала за консерваторов на прошлых выборах?

— Не думаю. Она... э... написала одну книгу,— сознался я.

— Она... — начала мисс Дюрран. Затем я увидел, что она вспомнила.— О, о, та самая?.. Ну, знаете, мистер Мэйсен, я не думаю, чтобы подобная особа пожелала связать свою судьбу с такой общиной, как наша.

В коридоре Коукер повернулся ко мне. Я увидел в сумерках, что он ухмыляется.

— Царство гнетущей ортодоксии,— заметил он. Усмешка исчезла, и он добавил:— Удивительный тип, знаете ли. Гордыня и предрассудки. Она нуждается в помощи, Она знает, что чертовски нуждается в помощи, но ничто не заставит ее в этом признаться.

Он задержался возле открытой двери. Было уже темно, и в комнате почти ничего нельзя было разглядеть, но мы знали, что это мужская спальня.

— Хочу перебросить с этими ребятами парой слов. Увидимся позже.

Он шагнул в комнату и весело поздоровался: «Здорово, приятели! Как делишки?» Я посмотрел ему вслед и вернулся в обеденный зал. Единственным источником света там были три свечи, поставленные рядом на столе. Возле свечей сидела девушка и с неудовольствием вглядывалась в какую-то штопку.

— Хэлло,— сказала она.— Ужасно, правда? Как это в старину умудрялись что-нибудь делать по вечерам.

— Не такая уж это старина,— возразил я.— И это наше будущее, а не только прошлое... если кто-нибудь научит нас делать свечи.

— Да, пожалуй.— Она подняла голову и оглядела меня.— Вы приехали сегодня из Лондона?

— Да,— признался я.

— Там сейчас плохо?

— Лондону конец,— сказал я.

— Наверное, вы видели там ужасные зрелища,— предположила она.

— Видел,— коротко сказал я и спросил: — Вы давно здесь?

Она охотно обрисовала мне положение вещей.

Во время нападения на Университет Коукер захватил почти всех зрячих. Осталось несколько человек. Она и мисс Дюрран были среди тех, кого Коукер упустил. На следующий день мисс Дюрран взяла командование на себя, но не совсем преуспела в этом. О немедленном отъезде из Лондона нечего было и думать, так как только один из оставшихся мог водить грузовик. Весь этот день и большую часть следующего они вынуждены были возиться со своими слепыми почти так же, как я со своими в Хэмпстеде. Но вечером следующего дня вернулись Микаэль Бидли и двое зрячих, а ночью в Университет прорвались еще несколько человек. К полудню третьего дня у них уже набралось с десяток водителей. Тогда они решили, что благоразумнее выезжать немедленно, нежели ждать и гадать, вернутся ли остальные.

Тиншэм-менор был выбран пробным пунктом назначения по предложению Полковника. Полковник знал это место и утверждал, что оно полностью отвечает требованиям компактности и изоляции.

Группа была очень разношерстная, и ее руководители отлично сознавали это. На следующий день после прибытия в Тиншэм состоялось собрание. По количеству участников оно было малочисленнее, чем тогда в Университете, но во всех других отношениях почти такое же. Микаэль и его сторонники объявили, что сделать предстоит слишком много и что они не намерены тратить свою энергию на умиротворение субъектов, погрязших в дешевых предрассудках и готовых ссориться по пустякам. Слишком велика задача, и слишком прижимает время.

Выступила Флоренс Дюрран. То, что произошло в мире, есть достаточное предостережение, сказала она. И она не может понять, как можно быть столь слепо неблагодарными за чудо спасения, да еще пытаться увековечить подрывные теории, которые в течение столетия подтачивали христианство. Она, со своей стороны, не желает жить в общине, где будут постоянно стремиться извратить простую веру тех, кто не стыдится выразить благодарность господу богу путем соблюдения его законов. Она не хуже других сознает серьезность положения. Самое правильное будет с должным вниманием отнестись к предупреждению, которое дал бог, и немедленно вернуться к его учению.

Таким образом обнаружился раскол группы. Мисс Дюрран поддержали пять зрячих девушек, десяток слепых девушек, несколько мужчин и женщин средних лет, тоже слепых, и не поддержал ни один из зрячих мужчин. При таких обстоятельствах не оставалось сомнений, что покинуть Тиншэм придется сторонникам Микаэля Бидли. Грузовики не были разгружены, ничто их не задерживало, и сразу после полудня они отбыли, оставив мисс Дюрран и ее последователей плыть или тонуть в соответствии со своими убеждениями.

Мисс Дюрран и зрячие девушки приступили к осмотру поместья. Большая часть дома была на замке, но в помещении для слуг кто-то недавно жил. Что произошло с людьми, присматривавшими за усадьбой, стало ясно, когда осмотрели фруктовый сад. Там среди рассыпанных фруктов лежали трупы мужчины, женщины и девочки. Рядом, зарывшись корнями в землю, терпеливо ждали два триффида. На образцовой ферме в дальнем углу поместья положение было такое же. Либо триффиды нашли дорогу в парк через какие-нибудь ворота, либо в парке еще раньше содержались неурезанные экземпляры, которые затем вырвались на свободу. Как бы то ни было, они представляли угрозу, и с ними следовало бы расправиться быстро, пока они не натворили новых бед. Мисс Дюрран послала одну девушку обойти ограду и запереть все ворота и калитки, а сама взломала дверь в оружейную комнату. Несмотря на отсутствие опыта, она вместе с другой молодой женщиной сумела отстрелить верхушки у всех триффидов, каких удалось обнаружить в поместье, а их оказалось двадцать шесть штук. Можно было надеяться, что больше в пределах ограды триффидов не осталось.

На следующий день они обследовали деревню и нашли там триффидов в значительных количествах. Уцелели только те жители, кто либо заперся у себя дома и намеревался отсиживаться, пока хватит припасов, либо не столкнулся с триффидами во время коротких вылазок за продовольствием. Всех их собрали и переправили в поместье. Они были здоровы и в большинстве полны сил, но сейчас они были скорее обузой, чем помощниками, потому что среди них не оказалось ни одного зрячего.

В течение того же дня прибыли еще четверо молодых женщин. Двое, сменяясь за рулем, пригнали груженый грузовик и привезли слепую девушку. Одна приехала в легковом автомобиле. Быстро осмотревшись, она заявила, что это заведение ей не подходит, и укатила дальше.

О Джозелле моя собеседница ничего не знала. Она никогда не слыхала ее фамилии и, вероятно, никогда ее не встречала.

Пока мы разговаривали, в зале вспыхнул электрический свет. Девушка посмотрела на лампы с благоговением, точно на небесное затмение. Она задула свечи и, продолжая трудиться над штопкой, время от времени поглядывала вверх, как бы желая убедиться, что лампы никуда не делись.

Через несколько минут вошел Коукер.

— Ваша работа?— спросил я, кивнув на лампы.

— Да,— признался он.— Здесь у них есть собственный генератор. Лучше использовать бензин, чем дать ему испариться.

— Вы хотите сказать, что мы все это время могли иметь электрический свет?— спросила девушка.

Коукер посмотрел на нее.

— Надо было всего-навсего завести мотор,— сказал он.— Если вам нужен был свет, почему вы не завели мотор?

— Я не знала, что он есть, и, кроме того, я ничего не понимаю в моторах и электричестве.

Коукер продолжал задумчиво глядеть на нее.

— И поэтому вы сидели впотьмах,— сказал он.— Как, по-вашему, долго вы протянете, если будете по-прежнему сидеть впотьмах вместо того, чтобы заниматься делом?

Его тон задел ее.

— Не моя вина, что я не разбираюсь в таких вещах.

— Не согласен,— возразил Коукер.— Это не просто ваша вина. Вы ее лелеете и холите. Более того, вы притворяетесь, будто вы слишком одухотворенная натура, чтобы разбираться в технике. Это дешевая и глупая форма тщеславия. Каждый является в мир круглым невеждой, но на то бог и даровал ему — и даже ей — мозги, чтобы приобретать знания. Неспособность пользоваться собственными мозгами не есть достойная похвалы добродетель, даже женщин следует порицать за это.

Она рассердилась, что было вполне понятно. Впрочем, Коукер был зол с самого начала. Она сказала:

— Все это очень хорошо, но у разных людей ум действует в разных направлениях. Мужчины понимают, как работают машины и электричество. Женщины, как правило, такими вещами не очень интересуются.

— Не пытайтесь всучить мне стряпню из мифов и притворства, это не для меня,— сказал Коукер.— Вам прекрасно известно, что женщины управляются — вернее, управлялись — с самыми тонкими и сложными механизмами, когда брали на себя труд разобраться в них. Но обычно бывало так, что они слишком ленивы и не желают брать на себя этот труд. На что это им, когда традицию милой беспомощности можно расценить как женскую добродетель? И когда можно свалить все дело на чьи-то плечи? Обычно это поза, и против нее никто не считает нужным выступить. Напротив, ее лелеют, мужчины ей подыгрывают, стойко ремонтируя для своей бедняжки пылесос и мужественно меняя перегоревшие лампы. Вся эта комедия полностью устраивала обе стороны. Жесткая практичность так хорошо гармонировала с душевной тонкостью и очаровательной беспомощностью, и дурак тот, кто пачкает руки.

Он продолжал, окончательно войдя в раж.

— До сих пор мы могли себе позволить забавляться такого рода умственной ленью и игрой в паразитов. Целые поколения твердили о равенстве полов, но женщина кровно заинтересована в своей зависимости и не желает освобождаться от нее. Ей пришлось модифицировать свое поведение в соответствии с изменившимися условиями, но эти модификации были незначительны, да и они вызывали у женщин недовольство.— Он помолчал.— Вы сомневаетесь? Так вот, взгляните на какую-нибудь бойкую девчонку и на интеллектуальную женщину. Обе они, каждая по-своему, втирают очки, играя в высшую чувствительность. Но приходит война, приносит с собой общественные обязанности, и оказывается, что из той и другой можно сделать приличных механиков.

— Они обычно не становились хорошими механиками,— заметила девушка.— Об этом все говорят.

— А, защитный механизм в действии. Только позвольте вам заметить, что такие утверждения были в интересах почти всех. Впрочем, все равно, до некоторой степени это было так,— признал он.— А почему? Да потому, что они учились наспех, без

надлежащей школьной подготовки, и им вдобавок пришлось бороться против взлелеянного годами убеждения, будто такие интересы им чужды и слишком громоздки для их тонких натур.

— Не понимаю, отчего вы набросились именно на меня,— сказала она.— Не я ведь одна ничего не понимаю в этом несчастном моторе.

Коукер усмехнулся.

— Вы совершенно правы. Получилось нечестно. Я просто разозлился, что вот есть мотор, исправный, готовый к работе, и никто пальцем не пошевелил, чтобы завести его. Меня всегда выводит из себя тупое недомыслие.

— Тогда пойдите и выскажите все это мисс Дюрран, а не мне.

— Не беспокойтесь, выскажу. Но это касается не только ее. Это касается и вас и всех остальных. Я в этом совершенно уверен, знаете ли. Времена изменились довольно радикально. Вы больше не можете сказать: «Ну, в таких делах я ничего не понимаю»,— и оставить это дело кому-нибудь другому. Больше нет идиотов, путающих невежество с невинностью, вот что важно. И невежество перестало быть в женщине изюминкой или игрушкой. Оно делается опасным, смертельно опасным. Если все мы как можно скорее не научимся разбираться во множестве вещей, которые прежде нас не интересовали, то ни мы, ни наши подопечные долго не протянут.

— Не понимаю, с чего вам вздумалось изливать свое презрение к женщинам именно на меня — и все из-за какого-то грязного старого мотора,— сказала она обиженно.

Коукер поднял глаза к потолку.

— Великий боже! А я-то стараюсь втолковать ей, что у женщин есть все способности, стоит им только взять на себя труд применить их.

— Вы сказали, что мы паразиты. Думаете, что это приятно слышать?

— Я не собираюсь говорить вам ничего приятного. И я всего-навсего сказал, что в погибшем мире женщинам было выгодно играть роль паразитов.

— И все потому, что я ничего не понимаю в каком-то вонючем шумном моторе.

— Черт возьми!— сказал Коукер.— Послушайте, отцепитесь вы от этого мотора.

— А тогда зачем...

— Мотор просто оказался символом. Главное же состоит в том, что отныне нам всем придется многому научиться. И не тому, что нравится, а тому, что обеспечивает и поддерживает жизнь общины. Отныне нельзя будет просто заполнить избирательный бюллетень и сложить всю ответственность на кого-то другого. И нельзя будет считать, что женщина выполнила свой долг перед обществом, если убедила мужчину взять ее на содержание и предоставить ей укромный уголок, где она будет безответственно рожать детей и отдавать их еще кому-то для обучения.

— Все-таки я не понимаю, какое это имеет отношение к моторам...

— Послушайте,— сказал Коукер терпеливо.— Предположим, у вас есть ребенок. Кем бы вы хотели его видеть, когда он вырастет? Дикарем или цивилизованным человеком?

— Конечно, цивилизованным.

— Вот. А тогда будьте любезны обеспечить ему цивилизованное окружение. Все, чему он обучится, он узнает от нас. Мы все

должны знать как можно больше, стать как можно более интеллигентными, чтобы дать ему максимум возможного. Это означает для нас тяжелый труд и напряженную работу мысли. Измененные условия должны повлечь за собой изменение взглядов.

Девушка собрала свою штопку. Несколько секунд она критически разглядывала Коукера.

— Мне кажется, с такими взглядами как у вас, вам больше подойдет группа мистера Бидли,— сказала она.— Мы здесь не намерены ни менять своих взглядов, ни поступаться своими убеждениями. Именно поэтому мы отделились от той группы. Так что если вам не нравятся обычаи достойных респектабельных людей, вам лучше уехать отсюда.— Она фыркнула и удалилась.

Коукер смотрел ей вслед. Когда дверь за нею закрылась, он облегчил свои чувства с непринужденностью портового грузчика. Я расхохотался.

— А чего вы ожидали?— спросил я.— Вы встаете в позу и ораторствуете перед этой девицей, как будто она является собранием правонарушителей — да еще ответственных за всю западную социальную систему. И после этого вы удивлены, что она взбесилась.

— Я ожидал, что она внемлет голосу разума,— пробормотал Коукер.

— С какой стати? Большинство из нас внемлет голосу привычки. Она будет против любых изменений, разумных или неразумных, которые вступают в конфликт с внушенным ей представлением о хорошем и плохом; и она будет искренне убеждена, что проявляет твердость характера. Вы слишком торопитесь. Приведите человека в райские кущи, когда он только что утратил дом и семью, и райские кущи ему не понравятся; оставьте его там на некоторое время, и он начнет думать, что эти кущи напоминают ему утраченный дом, только дом был уютнее. Она приспособится со временем, это неизбежно... и будет искренне отрицать, что приспособилась.

— Другими словами, давайте просто импровизировать, никаких планов нам не нужно, из этого ничего не выйдет. Так?

— Вот тут на сцену выступает руководство. Руководитель планирует, но он мудр и не говорит об этом. Когда возникает необходимость в переменах, он производит их как уступку — временную уступку, конечно,— обстоятельствам, и если он хороший руководитель, он производит уступки в правильной последовательности и окончательной форме. Планы всегда встречают очень веские возражения, но кто будет протестовать против уступок чрезвычайным обстоятельствам?

— Макиавеллизм какой-то. Я привык видеть цель и идти прямо к цели.

— Большинству людей это не подходит, хотя они и утверждают обратное. Они предпочитают, чтобы их уговаривали и упрашивали или даже погоняли. Тогда они никогда не совершат ошибки: если ошибка случайна, это будет чья-то ошибка, а не их. Ломить прямо вперед — это механистический взгляд, а люди в массе не машины. У них есть свои умы, весьма приятные умы, которым легче всего на проторенной дороге.

— Кажется, вы не слишком верите, что у Бидли что-нибудь получится. Ведь Бидли — это план во плоти.

— У него будут свои неприятности. Но его группа сделала выбор, а здешняя публика все отрицает,— сказал я.— Они собрались здесь просто потому, что сопротивляются любому плану.—

Я помолчал. Затем я добавил:— Знаете, эта девица была права в одном. Вам здесь не место. Ее реакция есть пример того, с чем вы столкнетесь, если попытаетесь обращаться с нею по-своему. Стадо овец не гонят на рынок по прямой линии, и тем не менее всегда находится дорога, чтобы доставить их туда.

— Нынче вечером вы необычайно циничны и блещете метафорами,— заметил Коукер.

Я возразил:

— Разве цинично знать, как пастух управляется со стадом?

— Некоторым может показаться, что цинично сравнивать людей с овцами.

— Но это менее цинично и более человечно, чем видеть в них кучу механизмов, приспособленных для управления на расстоянии.

— Гм,— сказал Коукер.— Это надо продумать.

Утро я провел довольно беспорядочно. Я ходил, помогал понемногу тут и там и задавал массу вопросов.

Ночь перед этим была отвратительной. Только когда я лег, я понял, чем была для меня надежда найти в Тиншэме Джозеллу. Как бы ни был я утомлен после переезда, заснуть не удавалось: я лежал в темноте с закрытыми глазами, чувствуя себя на мели и без будущего. Я был настолько уверен в том, что Джозелла с группой Бидли окажется здесь, что мне в голову не приходило задуматься, как быть дальше. Теперь я впервые осознал, что если бы даже я догнал Бидли, то совсем не обязательно нашел бы Джозеллу. Она ведь покинула Вестминстер совсем незадолго до меня и в любом случае должна была сильно отстать от группы. Очевидно, первым делом следовало подробно расспросить обо всех, кто приезжал в Тиншэм за последние два дня. Мне оставалось только одно — думать, что она направилась сюда. Это было моей единственной путеводной нитью. По-видимому, она зашла в Университет и нашла написанный мелом адрес; но ведь могло случиться, что она туда не заходила, а поспешила покинуть зловещую могилу, в которую превратился Лондон.

Тяжелее всего мне было бороться с мыслью, что Джозелла заразилась этой чумой, уничтожившей обе наши команды. Но я старательно отгоняя от себя эту мысль.

В бессонной ясности послеполуночных часов я сделал открытие: мое стремление встретиться с группой Бидли было весьма второстепенным по сравнению с желанием разыскать Джозеллу. Если я найду их, но Джозеллы с ними не будет... что же, тогда мне придется подождать немного, но от поисков я не откажусь...

Когда я проснулся, постель Коукера была уже пуста. Я решил посвятить утро расспросам. Скверно было, что никто не догадался записывать имена тех, кто нашел Тиншэм неподходящим для себя и поехал дальше. Фамилии Джозеллы почти никто не знал, разве что некоторые, вспоминавшие ее с неодобрением. Мои попытки описать ее внешность ни к чему не привели. Я лишь с достоверностью установил, что девушки в синем лыжном костюме здесь никогда не было, но, с другой стороны, я не мог поручиться, что сейчас она одета именно так. Расспросы кончились тем, что я всем страшно надоел и окончательно разочаровался сам. Была слабая надежда, что Джозелла — это та девушка, которая сразу по прибытии уехала за день до нас, но вряд ли Джозелла оставила бы по себе столь тусклое воспоминание.

Коукер появился во время обеда. Он занимался тщательным обследованием жилых помещений. Он переписал весь живой инвентарь и выявил число слепых животных. Исследовал оборудование и механизмы на ферме Все разведал относительно источников чистой воды. Заглянул на склады продовольствия и фуража. Выяснил, сколько слепых девушек были слепыми еще до катастрофы, и организовал для остальных тренировочные классы под их руководством

Он обнаружил, что мужчины загнаны в тоску добронамеренными заверениями священника, будто для них найдется много полезной работы, например... э...плетение корзинок и...э...вязание, и Коукер сделал все возможное, чтобы рассеять эту тоску более интересными перспективами.

Повстречав мисс Дюрран, он предупредил ее, что если не удастся сделать так, чтобы слепые женщины сняли с плеч зрячих хотя бы часть работы, то все развалится через десяток дней; и что если будут услышаны молитвы священника о том, чтобы к общине присоединились еще новые слепые, то заведение станет совершенно нежизнеспособным. Он пустился далее в рассуждения о необходимости начать немедленно создавать резервы продовольствия и конструировать устройства, которые дадут возможность работать слепым мужчинам, но она резко оборвала его. Она была явно обеспокоена, хотя и не желала показывать этого, но ее решительность, вызвавшая в свое время разрыв с группой Бидли, теперь столь же несправедливо обрушилась на группу Коукера. Закончила она тем, что, по ее сведениям, он и его воззрения вряд ли совместимы с духом общины.

— Беда в том, что она жаждет быть боссом,— сказал мне Коукер.— Это у нее в крови и не имеет ничего общего с возвышенными принципами.

— Какая клевета,— сказал я.— Вы просто хотите сказать, что безупречность ее принципов обязывает ее взять на себя всю ответственность и, таким образом, направлять и наставлять всех остальных является ее долгом.

— Это одно и то же,— сказал он.

— Да, но лучше сказать так,— возразил я.

Секунду он думал

— Если она немедленно не возьмется за дело по-настоящему, этому заведению конец. Вы видели их хозяйство?

Я покачал головой. Я рассказал ему, как провел утро.

— Немного же вам удалось узнать. И что дальше?— спросил он.

— Я здесь не останусь. Поеду за Бидли и остальными,— ответил я.

— А если ее нет и там?

— Сейчас я просто надеюсь, что она там. Должна быть. Где же ей еще быть?

Он открыл было рот, но промолчал. Затем он сказал:

— Вы знаете, я поеду с вами. Возможно, принимая все во внимание, там мне тоже не очень обрадуются, как и здесь, но я это переживу. Я видел, как развалилось на куски одно начинание, и я предвижу, как развалится это — не так стремительно, может быть, и более страшным образом. Странно, не правда ли? Самые благородные намерения оборачиваются сейчас самыми опасными в мире. И это срам, потому что Тиншэм мог бы уцелеть даже с таким количеством слепых. Пока здесь нужно только брать,

и так будет еще довольно долго. Им недостает только организованности.

— И желания быть организованными,— добавил я.

— Да, и этого тоже,— согласился он.— Вы знаете, беда в том, что катастрофа, несмотря ни на что, еще не дошла до сознания этих людей. И они не хотят браться за дело: им кажется, что это означало бы бесповоротный конец всему. А так они вроде бы застряли на даче, томятся и ожидают чего-то.

— Правда. Но не удивительно,— сказал я.— Даже нам пришлось пережить многое, чтобы убедиться, а они ведь не видели того , что видели мы. И потом здесь, в провинции, нет этого ощущения беспросветности... окончательной гибели, что ли.

— Ну что же, пусть они поскорее осознают все это, если хотят выжить,— сказал Коукер, оглядывая зал.— Спасительного чуда не будет.

— Дайте им время. Они осознают, как и мы. Вы всегда слишком торопитесь. Время, знаете ли, больше не деньги.

— Деньги не имеют значения, а время имеет. Сейчас им нужно думать об урожае, готовить мельницу, чтобы молоть муку, искать на зиму фураж для скота.

Я покачал головой.

—Это не так уж срочно, Коукер. В городах хранятся, должно быть, огромные запасы муки, и, судя по всему, потребителей для нее найдется немного. Мы еще долго сможем жить на капитал. Вот что действительно нужно было бы делать немедленно, так это обучать слепых. К тому времени, когда понадобятся рабочие руки, они должны научиться работать.

— Все равно, если не предпринять что-то, зрячие здесь скоро не выдержат. Достаточно, чтобы сдал один-другой, и все распол зется по швам.

С этим мне пришлось согласиться.

К вечеру мне удалось найти мисс Дюрран. Никто не знал и знать не хотел, куда направилась группа Микаэля Бидли, но я не верил, что они не оставили никаких указаний для тех, кто последует за ними. Мисс Дюрран была недовольна. Я даже поду мал сначала, что она откажется сообщить мне. И дело было не только в том, что я столь решительно предпочел другую общину. Серьезнее в этих обстоятельствах была потеря сильного мужчины, пусть даже с неподходящими принципами. Тем не менее она не дрогнула и не попросила меня остаться. В конце концов она резко сказала мне:

— Они направлялись в Дорсетшир, куда-то в район Бимин стера. Больше я ничего не знаю.

Я вернулся и рассказал Коукеру. Он огляделся. Затем он покачал головой с каким-то сожалением.

— О'кэй,— сказал он.— Мы покинем эту свалку завтра же.

В девять часов на следующее утро мы были уже в двенадцати милях от Тиншэма. Как и прежде, мы ехали в наших двух грузовиках. Мы сомневались, не взять ли более подвижную машину, оставив грузовики в пользу тиншэмской публики, но мне не хотелось расставаться со своим грузовиком. Я ведь сам грузил его и знал, что у меня в кузове. Кроме ящиков с противотриффидным снаряжением, вызвавших такое неодобрение у Микаэля Бидли, я собрал во время переезда из Лондона множество вещей, которые было бы трудно достать за пределами крупных городов:

аккумуляторные батареи, несколько насосов, наборы хороших инструментов. Эти предметы можно было бы раздобыть и позже, но наступало время держаться от городов подальше, от больших и маленьких. С другой стороны, тиншэмская публика располагала собственным транспортом для доставки всего необходимого из городов, где еще не было признаков эпидемии. Так или иначе, два грузовика не составили бы разницы, и мы выехали так же, как и приехали.

Погода стояла все еще теплая. Некоторые деревни уже дышали смрадом, хотя на возвышенных местах запах был почти не заметен. Изредка в поле у обочины дороги мы видели трупы, но, как и в Лондоне, инстинкт загнал большинство людей под крыши. Деревенские улицы были пустынны, пусто было и в окрестных полях, словно вся человеческая раса со своими домашними животными внезапно улетучилась с лица земли. Так было до Стипл-Хони.

С дороги, пока мы спускались по склону холма, деревушка была видна как на ладони. Она раскинулась на другом берегу небольшой сверкающей речки, над которой аркой нависал каменный мост. Это было тихое местечко, обступившее сонную церковь и очерченное по окраинам пунктиром белоснежных коттеджей. Казалось, никакие события за последние века не нарушали покой под его тростниковыми крышами. Но как и в других деревнях, ничто в нем не шевелилось, и ни единый дымок не поднимался над его трубами. И вот, когда мы уже проехали середину склона, мои глаза уловили какое-то движение.

Слева от моста на том берегу стоял наискосок к дороге двухэтажный дом. С кронштейна на стене свисала гостиничная вывеска, а в окне над нею развевалось что-то белое. Подъехав ближе, я разглядел человека, который отчаянно махал нам полотенцем, высунувшись из окна. Я решил, что это слепой, иначе он выбежал бы на дорогу нам навстречу. И он не был болен, слишком уж энергично он размахивал своим полотенцем.

Я дал Коукеру сигнал и затормозил, едва мы съехали с моста. Человек в окне бросил полотенце. Он прокричал что-то неслышное в шуме моторов и скрылся. Мы выключили двигатели. Стало так тихо, что мы услышали в доме торопливый стук каблуков по деревянной лестнице. Дверь распахнулась, и человек, выставив перед собой руки, шагнул на улицу. Из-за ограды слева молнией хлестнул длинный жгут и ударил в него. Он пронзительно вскрикнул и упал.

Я схватил дробовик и вылез из кабины. Я осторожно обошел изгородь, пока не увидел триффида, затаившегося в тени куста. Тогда я снес ему верхушку.

Коукер тоже вышел из своего грузовика и встал рядом со мной. Он взглянул на труп человека, затем посмотрел на обезглавленного триффида.

— Да ведь он... нет, черт возьми, не может же быть, чтобы этот урод нарочно поджидал его здесь,— сказал он.— Простая случайность, наверное... Не мог же он знать, что человек выйдет из дверей... Не мог, ведь правда?

— А если мог? Сработал он очень точно,— сказал я.

Коукер обеспокоенно посмотрел на меня.

— Чертовски точно. Но вы же не хотите сказать...

— Все как сговорились ничему не верить о триффидах,— сказал я и добавил:— Поблизости могут быть еще другие.

Мы тщательно обследовали все укромные местечки по соседству, но ничего не нашли.

— Хорошо бы выпить,— предложил Коукер.

Если бы не пыль на прилавке, маленький бар в гостинице выглядел бы весьма обыкновенно. Мы налили себе виски. Коукер залпом проглотил свою порцию. Затем он обратил на меня встревоженный взгляд.

— Это мне не нравится. Совершенно не нравится. Послушайте, Билл, вы должны знать об этом гораздо больше, чем все остальные. Ведь не мог он... я хочу сказать, что он ведь просто случайно оказался там, правда?

— Мне кажется...— начал я и остановился, прислушиваясь к барабанной дроби снаружи. Я пересек комнату и распахнул окно. Затем я всадил в обезглавленного триффида заряд из второго ствола — на этот раз в основание стебля. Барабанная дробь смолкла.

— Самое скверное в триффидах,— сказал я, когда мы налили по второй порции,— это те свойства, о которых мы ничего не знаем.— И я рассказал ему о теориях Уолтера. Он содрогнулся.

— Не станете же вы серьезно уверять, что они «разговаривают», когда издают этот треск?

— Не знаю,— признался я.— Я, пожалуй, возьмусь утверждать, что это своего рода сигналы. Но Уолтер считал это самым настоящим «разговором», а уж он то знал триффидов лучше, чем кто бы то ни было.

Я извлек расстрелянные гильзы и перезарядил ружье.

— И он в самом деле говорил об их превосходстве над слепым человеком?

— Это было много лет назад,— напомнил я.

— Все же... странное совпадение.

— Ничего странного,— возразил я.— Любой удар судьбы можно представить странным совпадением, если набраться терпения и подождать.

Мы выпили и повернулись, чтобы идти. Коукер посмотрел в окно. Затем он схватил меня за руку и показал на улицу. Из-за угла, раскачиваясь, вышли еще два триффида и заковыляли к ограде, служившей укрытием первому. Я подождал, пока они остановятся, и затем снес обоим макушки. Мы вылезли через окно, которое было достаточно удалено от любого возможного места засады, и направились к машинам, осторожно оглядываясь по сторонам.

— Еще одно совпадение?— спросил Коукер.— Или они пришли поглядеть, что случилось с их приятелем?

Мы выехали из деревни и помчались по узким проселочным дорогам. Мне показалось, что триффидов вокруг стало гораздо больше. А может быть, я просто не замечал их раньше? Или их действительно было меньше, поскольку мы ехали до этого по шоссейным дорогам? Я по опыту знал, что триффиды стремятся избегать твердых поверхностей, и считал, что такие поверхности, возможно, причиняют какое-то неудобство их ногам-корням. Подумав, однако, я постепенно пришел к убеждению, что их было много и раньше, причем относились они к нам не безразлично: не исключалось, что вовсе не случайно они двигались именно в нашу сторону, когда мы видели, как они ковыляют к шоссе через поля.

Более очевидное доказательство мы получили, когда триффид ударил в меня из-за живой изгороди. К счастью, целиться в дви-

жущуюся машину он не не умел. Удар был нанесен на мгновение раньше, чем нужно, и жало оставило след из капелек яда на ветровом стекле перед моим лицом. Прежде чем он успел нанести второй удар, я был уже далеко. Но после этого я, несмотря на теплую погоду, закрыл окно рядом с собой.

В течение прошлой недели я думал о трифффидах, только когда они были у меня перед глазами. Они встревожили меня и в доме у Джозеллы, и когда напали на нас в Хэмпстеде, но большую часть времени мне приходилось тревожиться совсем по другим, более насущным поводам. Теперь же, оглядываясь назад, вспоминая Тиншэм таким, каким он был до того, как мисс Дюрран очистила его с помощью дробовиков, и состояние деревень, через которые мы проезжали, я начал задавать себе вопрос: какую роль могли сыграть трифффиды в исчезновении населения?

Через следующую деревню я ехал медленно, внимательно приглядываясь. В нескольких палисадниках я заметил трупы, лежащие там, по-видимому, не первый день, и почти в каждом случае где-нибудь поблизости оказывался трифффид. По всему было видно, что трифффиды становятся в засаду только на мягкой почве, куда можно на время ожидания зарыться корнями. Там же, где дверь дома открывалась прямо на улицу, увидеть труп можно было редко, а трифффида — никогда.

Я представлял себе, что произошло в большинстве деревень. Жители выходили за едой. Пока они передвигались по мощеным участкам, они были в относительной безопасности; но стоило им покинуть тротуары или просто оказаться рядом с садовой оградой, как они попадали под смертельные удары. Кто-нибудь успевал вскрикнуть, и это усугубляло ужас оставшихся в домах. Время от времени голод выгонял на улицу следующего. Некоторым посчастливилось вернуться, но в большинстве они теряли ориентировку и бродили, пока не падали от истощения или не вступали в пределы досягаемости трифффида. Уцелевшие могли догадаться, что происходит. Те, у кого был сад, могли услыхать свист жала, и они осознавали, что им остается только одна альтернатива: умереть от голода или разделить судьбу покинувших дом. Возможно, многие заперлись в домах, довольствуясь наличными запасами еды и ожидая помощи, которая никогда не придет. Такова, возможно, история человека из гостиницы в Стипл-Хони.

Мысль о том, что в деревнях, через которые мы проезжали, еще могли сохраниться изолированные группы уцелевших жителей, была не очень приятной. Она снова вызвала ощущение, знакомое нам по Лондону: по всем нормам цивилизованной жизни следует попытаться найти их и сделать для них что-нибудь, и горькое сознание того, что всякая попытка такого рода обречена на провал.

Та же самая проблема. Что здесь можно сделать с самыми лучшими намерениями, кроме как продлить агонию? Опять на время утихомирить свою совесть только для того, чтобы опять увидеть крах своих усилий?

Мне пришлось твердо сказать себе, что в район землетрясения не лезут, когда еще рушатся здания. Спасательные работы надо начинать, когда толчки прекратятся. Но доводы разума не облегчали душу. Старый профессор был прав, когда подчеркивал трудности психической адаптации.

Трифффиды в большой степени усугубили катастрофу. Помимо плантаций нашей фирмы, в стране было множество других пи-

томников. Они выращивали триффидов для нас, для частных покупателей, для продажи менее значительным компаниям, которые занимались переработкой триффидного масла; и большинство этих питомников по климатическим соображениям располагалось как раз на юге. Но их было больше, чем я думал, если все виденное нами было результатом более или менее равномерного распределения на местности вырвавшихся на волю триффидов. И уж совсем не успокаивала мысль о том, что ежедневно все новые и новые экземпляры достигают зрелости, а урезанные триффиды медленно, но верно восстанавливают свои жала...

Сделав еще две остановки — одну для обеда и другую для заправки горючим,— мы въехали в Биминстер ранним вечером примерно в половине пятого. Мы доехали до центра города, не обнаружив никаких признаков пребывания здесь группы Бидли.

На первый взгляд здесь все было мертво, как и в других местах, которые мы видели сегодня. Главная улица с ее магазинами была пуста, только у обочины на одной стороне стояли два грузовика. До них оставалось еще метров двадцать, когда из-за них выступил человек с винтовкой. Он выстрелил поверх моей головы и затем снизил прицел.

С предупреждением такого рода приходилось считаться. Я затормозил.

Человек был высок и светловолос. Обращаться с винтовкой он умел. По-прежнему держа меня на прицеле, он дважды мотнул головой в сторону. Я воспринял это как предложение выйти из кабины. Спустившись на землю, я показал ему пустые руки. Когда я подошел к нему, из-за грузовиков вышел еще один мужчина в сопровождении девушки. За моей спиной раздался голос Коукера:

— Опусти свою пушку, приятель. Ты у меня как на ладони.

Светловолосый поглядел в сторону Коукера. Я мог бы прыгнуть на него в этот момент, но я сказал:

— Он прав. И вообще мы люди мирные.

Светловолосый неохотно опустил винтовку. Коукер, который спустился из своего грузовика под прикрытием моей машины, вышел из-за прикрытия.

— В чем дело? — спросил он.— Человек человеку волк?

— Вас только двое?— спросил второй человек.

Коукер взглянул на него.

— А вы чего ждали? Целой бригады? Нет, нас только двое.

Все трое облегченно вздохнули. Светловолосый объяснил:

— Мы думали, что вы какая-нибудь банда из большого города. Мы все время ждем, что они начнут набеги за продовольствием.

— О,— сказал Коукер.— Значит, вы давно уже не видели больших городов. Если это ваша единственная забота, можете спать спокойно. Все банды, какие там есть, озабочены сейчас совсем другим. Они делают — если мне будет позволено так выразиться — то же самое, что вы.

— И вы думаете, что они не придут сюда?

— Я совершенно уверен, что нет.— Он оглядел их.— Вы не из группы Бидли?

Они озадаченно переглянулись.

— Жаль,— сказал Коукер.— Это была бы наша первая удача за очень долгое время.

— А что такое группа Бидли? — спросил светловолосый.

После нескольких часов в кабине, прогретой солнцем, я чувствовал себя совсем иссохшим и увядшим. Я предложил перенести разговор с улицы в какое-нибудь более подходящее место. Мы обошли их грузовики, пробираясь через знакомый хаос ящиков, банок с чаем, окороков, мешков с сахаром, пакетов с солью и всего прочего, и вступили в небольшой бар. За элем мы с Коукером коротко рассказали им обо всем, что мы делали и что мы знали. Затем наступила их очередь.

Как оказалось, они были активным отрядом группы из шести человек. Остальные, две женщины и один мужчина, остались дома, в здании, которое было избрано в качестве резиденции.

Седьмого мая около полудня светловолосый и девушка мчались в автомобиле на запад. Они собирались провести две недели в Корнуэлле, и им было очень весело в дороге, когда где-то поблизости от Крюкерна на них надвинулся из-за поворота двухэтажный автобус. Легкий автомобиль врезался в него, и последнее, что помнил светловолосый, была чудовищная громада автобуса, нависшая над ними, как скала.

Он очнулся в постели и, подобно мне, был поражен таинственной тишиной. Если не считать нескольких ссадин, мелких порезов и гула в голове, ничего плохого с ним, видимо, не случилось. Полежав и никого не дождавшись, он отправился на разведку и понял, что находится в крошечной провинциальной больнице. В соседней палате он обнаружил свою девушку и еще двух женщин, из которых одна была в сознании, но не могла передвигаться, потому что нога и рука у нее были в гипсе. В другой палате оказались двое мужчин: один — вот этот его нынешний товарищ по группе и другой, со сломанной ногой. Всего в больнице было одиннадцать человек, из них восемь зрячих. Двое слепых были прикованы к постели и серьезно больны. Никто из обслуживающего персонала не появлялся. Светловолосому и его товарищам пришлось несколько труднее, чем мне. Они долго не решались покинуть больницу, делали все возможное для беспомощных больных, не понимая, что происходит, надеясь, что вот-вот кто-нибудь придет на помощь. Они не имели ни малейшего представления, что случилось с ослепшими и как их лечить. Они могли только кормить их и стараться их утешить. Двое слепых умерли на следующий день. Третий исчез, и никто не видел, как он ушел. Пассажиры автобуса, пострадавшие при столкновении, были местными жителями. Едва опомнившись, они ушли из больницы разыскивать родственников. Группа сократилась до шести человек, из которых двое были с переломами конечностей.

К тому времени они осознали, что бедствие велико и им, по крайней мере временно, придется рассчитывать только на себя. Но об истинном размахе случившегося они еще не имели представления. Они решили оставить больницу и найти более подходящее место, воображая, что в городах еще уцелело много зрячих, и дезорганизация может привести к разного рода эксцессам. Они ежедневно ожидали нашествия голодных, которые двинутся на них из разоренных городов подобно армиям саранчи. Поэтому главной их заботой было запасать продовольствие и готовиться к осаде.

Выслушав наши заверения в том, что такое нашествие совершенно исключено, они довольно уныло переглянулись.

Странное это было трио. Светловолосый оказался служащим фондовой биржи, звали его Стефен Бреннел. Его подруга была хорошенькая, отлично сложенная девушка, склонная иногда покапризничать и изобразить раздражение, но решительно неспособная чему-либо удивляться по-настоящему. До катастрофы она чем-то таким занималась: разрабатывала новые фасоны платьев и продавала их, исполняла мелкие роли в кино и из-за этого упускала верные шансы поехать в Голливуд, выступала хозяйкой в третьеразрядных клубах и уклонялась от этих обязанностей всеми доступными ей способами; таким «способом» и был, вероятно, несостоявшийся пикник в Корнуэлле. Она была непоколебимо убеждена, что с Америкой ничего серьезного не произошло и что надо только немного продержаться, а там примчатся американцы и наведут порядок. Из всех, кого я встречал после катастрофы, это было самое спокойное существо. Правда, порою она тосковала по ярким огням рекламы, но в то же время она твердо верила, что американцы вот-вот восстановят все это.

Третий член трио, смуглый молодой человек, имел против судьбы зуб. Он много работал и много копил, пока не завел собственную радиомастерскую, и у него была мечта. «Взгляните на Форда,— говорил он,— и взгляните на лорда Нуффилда — он начинал с велосипедной мастерской, которая была ничуть не больше моей радиомастерской, а чего он достиг! Такую же штуку проделаю и я. Но взгляните на эту дьявольщину, которая творится вокруг! Это же нечестно!» Судьба, как ему казалось, не желала больше Фордов и Нуффилдов, но он не собирался покоряться. Это только перерыв, ниспосланный для его испытания. Придет время, и мы снова увидим его в радиомастерской, твердо стоящим на первой ступеньке к миллионерству.

Но и они, увы, ничего не знали о группе Микаэля. Единственно, с кем они столкнулись, была группа людей в деревне на границе с Девонширом, где двое с дробовиками порекомендовали им никогда больше не ходить в том направлении. Люди эти, судя по всему, были местными жителями. Коукер заметил, что эта группа, по-видимому, очень мала.

— Если бы у них была большая группа, они бы меньше боялись и проявили бы больше любопытства,— утверждал он.— Но если группа Бидли все-таки где-нибудь поблизости, мы рано или поздно найдем ее.— Он повернулся к светловолосому и предложил: — Давайте держаться вместе, как вы считаете? Мы умеем работать, а когда мы найдем их, нам всем будет проще договориться с ними.

Трое вопросительно переглянулись и затем кивнули.

— Ладно,— согласился светловолосый.— Помогите нам погрузиться, и поедем.

По-видимому, Чаркотт Олд Хауз был некогда укрепленным замком. Сейчас его укрепляли заново. Когда-то в прошлом защитный ров осушили, однако Стефен считал, что ему удалось удачно нарушить дренажную систему, и ров постепенно вновь заполнится водой. Он планировал затем взорвать засыпанные участки рва и восстановить круговую защиту полностью. Наши новости лишили эти приготовления всякого смысла и вызвали у него некоторое уныние и досаду. Каменные стены дома были толстые. Из трех окон фасада торчали пулеметные дула, и еще два пулемета были установлены на крыше. В холле был нагото-

ве небольшой арсенал минометов с минами и огнеметов, которыми он очень гордился.

— Мы нашли военный склад,— объяснил он,— и потратили целый день, чтобы стащить сюда это вооружение.

Глядя на коллекцию оружия, я впервые осознал, что, будь катастрофа не такой сокрушительной, она принесла бы людям много больше страданий. Если бы уцелело хотя бы десять-пятнадцать процентов населения, весьма возможно, что крошечные общины вроде этой действительно были бы вынуждены жестоко отбиваться от наседающих толп голодных людей. Но в настоящей ситуации Стефен, видимо, совершил свои военные приготовления напрасно. Впрочем, не все. Я показал на огнеметы.

— Это может пригодиться против триффидов,— сказал я.

Он ухмыльнулся.

— Вы правы. Очень действует. Единственное, для чего мы их применяли. И кстати, это единственное оружие, которое обращает триффидов в бегство. Можете в клочья разбить триффида пулями, он с места не сдвинется. Наверное, они просто не знают, с какой стороны идет уничтожение. Но дайте им попробовать горячего из этой штуки, и они удерут со всех ног

— Сильно они вам досаждают,— спросил я.

Оказалось, что не очень. Время от времени один, а то и два или три приближаются к дому, и тогда их отгоняют огнеметом. Во время экспедиций группа несколько раз попадала в опасные положения, но обычно они покидают грузовик только в застроенных районах, где триффиды встречаются редко.

Вечером после наступления темноты мы все поднялись на крышу. Луна еще не взошла. Ландшафт перед нами тонул в непроглядном мраке. Сколько мы ни вглядывались, никому из нас не удалось разглядеть ни малейшего огонька. И никто из группы Стефена не видел в дневное время ничего похожего на дым. Когда мы возвращались в освещенную лампой комнату, я был в подавленном настроении.

— Остается только одно,— сказал Коукер.— Придется разделить район на участки и обшарить их.

Но в голосе его не было убежденности. По-моему, он считал, подобно мне, что группа Бидли продолжала бы по ночам зажигать сигнальный свет, а днем давала бы сигнал как-нибудь иначе — например, столбом дыма.

Однако более разумного предложения не было, и мы принялись трудиться над картой района, размечая участки и стараясь при этом, чтобы каждый участок включал возвышенность для лучшего обзора.

На следующее утро мы отправились на грузовике в город и оттуда разъехались на легковых машинах в разные стороны. Поиски начались.

Вне всякого сомнения, это был для меня самый печальный день с тех пор, как я бродил по Вестминстеру в поисках Джозеллы.

Правда, на первый взгляд было не так уж плохо. Была пустынная дорога под солнцем, была свежая зелень раннего лета. Были дорожные указатели, которые по-прежнему показывали, как попасть в Экзетер и Уэст и в другие места. Иногда, хотя и редко, были птицы. И были цветы у проселочных обочин, такие же, как всегда.

Но было и другое. Были поля, где валялись трупы коров и бродил слепой скот, ревели от боли недоеные коровы, отрешенно стояли пугливые овцы, запутавшиеся в зарослях ежевики или в колючей проволоке, а другие овцы бесцельно кружили по пастбищам или умирали от голода с выражением упрека в слепых глазах.

Проезжать вблизи от ферм становилось тошно. На всякий случай я оставил себе для вентиляции только узкую щель в верхней части окна, но я закрывал и эту щель, когда впереди на дороге показывалась ферма.

Триффиды были на свободе. Я видел, как они ковыляют через поля, как неподвижно стоят возле изгородей. На многих фермерских дворах они нашли себе по вкусу кучу отбросов и угнездились в них, терпеливо ожидая, пока мертвый скот достигнет должной стадии разложения. Я смотрел теперь на них с омерзением, какого они прежде никогда во мне не вызывали. Чудовищные, чуждые нам твари. Кто-то из нас вызвал их к жизни и кто-то из нас в безоглядной алчности расселил по всему свету. Мы не можем даже винить за них природу. Мы их создали сами, как создавали прекрасные цветы или гротескные пародии на собак. Я возненавидел их не только за плотоядность: им шло на пользу наше бедствие, они процветали на наших трупах...

Шли часы, и ощущение одиночества нарастало. На каждом холме, на каждой возвышенности я останавливался, чтобы осмотреть окрестности в полевой бинокль. Однажды я заметил дым, но когда подъехал, то увидел всего лишь несколько вагонов, догорающих на рельсах. Не знаю, что там произошло, кругом по-прежнему не было ни души. В другой раз флаг на шесте погнал меня к какому-то домику; но в домике было тихо. Потом на склоне отдаленного холма я заметил мелькание чего-то белого; однако, направив туда бинокль, я обнаружил несколько мечущихся в панике овец и среди них триффида, который раз за разом безрезультатно бил жалом в их защищенные шерстью спины. Живых людей я не видел нигде.

Я сделал остановку, чтобы поесть. Я ел быстро, вслушиваясь в тишину, которая действовала мне на нервы, торопясь скорее закончить и снова пуститься в путь, чтобы слышать хотя бы шум мотора.

Начались галлюцинации. Я видел руку, машущую мне из окна, но это оказалась не рука, а ветка дерева, качающаяся перед домом. Я видел посередине поля человека, который стоял и смотрел в мою сторону, но в бинокль рассмотрел только пугало. Я слышал зовущие голоса, еле слышные за шумом мотора, я останавливался и выключал двигатель, но голосов не было, не было ничего, только где-то вдали выла недоеная корова.

Мне пришло в голову, что по всей стране, наверное, разбросаны одинокие мужчины и женщины, которые считают, что они остались одни, что только они уцелели в катастрофе. И я испытывал к ним острую жалость.

Всю вторую половину дня я буквально в отчаянии продолжал упрямо рыскать по своему участку, уже потеряв всякую надежду. В конце концов, однако, я пришел к убеждению, что в этом районе большая группа людей может остаться незамеченной только в том случае, если будет искусно прятаться. Я не был в состоянии обшарить каждый проселок и каждую тропинку, но зычные звуки моего сигнала огласили на участке каждый акр. Тогда я сдался и поехал обратно в город. Я вернулся к нашему

грузовику в самом мрачном настроении. Никого еще не было, и, чтобы провести время и избавиться от холода в груди, я зашел в ближайший кабачок и налил себе хорошую порцию бренди.

Следующим вернулся Стефен. Видимо, поездка подействовала на него так же, как на меня: в ответ на мой вопросительный взгляд он только помотал головой и схватился за бутылку. Минут через десять к нам присоединился тщеславный радиомастер. Он привез с собой обалдевшего растрепанного парня, который не мылся и не брился, наверное, несколько недель. Этот субъект болтался на дороге — видимо, это занятие было его единственной профессией. Как-то вечером (он не помнил даже, в какой день) он забрался на ночь в отличный сарай. Накануне он прошел больше, чем обыкновенно, и потому заснул, как убитый. На следующее утро он проснулся в мире кошмаров. Он до сих пор не уверен, кто сошел с ума — он сам или остальная вселенная. У нас составилось мнение, что хотя он, может быть, немного не в себе, но у него сохранилось ясное и точное представление о том, как поступают с пивом.

Прошло еще полчаса, и появился Коукер. Он вошел в сопровождении здоровенного щенка и поразительно старой леди. Она была, видимо, в самом лучшем своем платье. Ее чистота и аккуратность разительно контрастировали с обликом нашего первого новобранца. Она с благовоспитанной нерешительностью остановилась в дверях кабачка. Коукер взял на себя церемонию представлений.

— Это миссис Форсетт,— провозгласил он,— единственная владелица Универсального Магазина Форсетта в коллекции из десятка домишек, двух пивных и одной церквушки, каковая коллекция известна под названием Чиппингтон Дени. Миссис Форсетт умеет готовить. Знали бы вы, как она готовит!

Миссис Форсетт приветствовала нас с достоинством, приблизилась с уверенностью, уселась с осмотрительностью и снизошла к предложенному ей стаканчику портвейна, за которым последовал еще один стаканчик.

В ответ на наши расспросы она призналась, что в роковой вечер и последовавшую за ним ночь она очень крепко спала. Почему так случилось — она не стала рассказывать, а мы не стали спрашивать. Она спала, и поскольку ее никто не беспокоил, она проспала до полудня. Проснувшись, она чувствовала себя неважно, и потому не поднималась до вечера. Ей показалось странным, но знаменательным, что никто не потребовал ее за прилавок. Когда она, наконец, встала и подошла к двери, она увидела в своем саду «одну из этих ужасных триффидных тварей» и человека, лежавшего на тропинке перед воротами, вернее, его ноги. Она уже хотела выйти и посмотреть, что с ним, но тут триффид шевельнулся. Она едва успела захлопнуть дверь. Вероятно, для нее это было неприятным переживанием — воспоминание о нем подвигло ее на третий стаканчик портвейна.

Затем она стала ждать, пока кто-нибудь придет и уберет триффида и труп. Ей было странно, что никто не приходит, но она не испытывала особых неудобств, потому что продуктов в магазине было достаточно. Так она и ждала, когда Коукер заметил дым ее печки, отстрелил у триффида верхушку и зашел посмотреть, что у нее делается, объяснила она, с восхитительной рассеянностью наливая себе четвертый стаканчик.

Она угостила Коукера обедом, а он в благодарность дал ей совет. Было нелегко внушить ей представление об истинном поло-

жении вещей. Отчаявшись, он предложил ей самой поглядеть на то, что делается в деревне, только держаться подальше от триффидов, а он к пяти часам вернется и узнает ее мнение. Он вернулся и увидел, что она полностью собралась, уложила багаж и готова ехать немедленно.

Вечером, вернувшись в Чаркотт Олд Хауз, мы снова обступили карту. Коукер принялся намечать новые районы поисков. Мы следили за ним без всякого энтузиазма. И тогда Стефен сказал то, что думали все, в том числе и сам Коукер:

— Послушайте, мы обшарили все в радиусе пятнадцати миль. Ясно, что поблизости их нет. Или ваши сведения неверны, или они решили здесь не останавливаться и поехали дальше. Я считаю, что продолжать поиски так, как сегодня, не имеет смысла.

Коукер положил циркуль.

— Что же вы предлагаете?

— Понимаете, по-моему, мы могли бы очень быстро и очень точно проделать все это с воздуха. Бьюсь об заклад, всякий, кто услышит звук мотора самолета, немедленно выскочит и начнет подавать какие-нибудь знаки.

Коукер покачал головой.

— И как это мы раньше об этом не подумали? Нужен, конечно, вертолет... Только где его найти? И кто будет пилотом?

— Я берусь запустить в воздух такую штуку,— уверенно сказал радиомастер.

Что-то в его тоне вызвало сомнение.

— Вы хоть раз водили вертолет?— спросил Коукер.

— Нет,— признался радиомастер.— Но я думаю, ничего там такого сложного нет. Была бы сноровка.

— Гм,— сказал Коукер, недоверчиво глядя на него.

Стефен вспомнил, что неподалеку находятся две базы ВВС, а от Йовила начиналась линия аэротакси.

Вопреки нашим сомнениям радиомастер не ударил лицом в грязь. Он был, очевидно, убежден что инстинктивное знание механизмов не подведет его. Повозившись полчаса, он поднял вертолет в воздух и привел его в Чаркотт.

Четыре дня подряд машина парила над районом по расширяющимся окружностям. Два дня наблюдения вел Коукер, на остальные два дня его заменил я. Всего мы обнаружили десять небольших групп. Ни в одной из них ничего не знали о группе Бидли, и ни в одной из них не было Джозеллы. Заметив группу, мы садились. Обычно она состояла из двух или трех человек, самая крупная состояла из семи. Они с радостной надеждой встречали нас, но их интерес к нам сразу пропадал, как только они узнавали, что мы не являемся разведывательным отрядом спасателей, а представляем такую же небольшую группу. Мы не могли предложить им ничего, чего бы они не имели. Некоторые в своем разочаровании начинали разговаривать в оскорбительных и угрожающих тонах, но большинство снова впадало в апатию. Как правило, они не высказывали желания объединяться с другими группами; они хотели только набрать всего побольше, устроиться поуютнее и ждать американцев, которые уж просто-таки обязаны найти какой-нибудь выход. Эта идея была широко распространена и глубоко укоренилась. Наши заверения, что выжившие американцы скорее всего по горло заняты своими делами, воспринимались как попытки облить холодной водой. Амери-

канцы, утверждали они, никогда бы не допустили, чтобы такое безобразие случилось у них в стране. Все же, невзирая на веру в доброго американского дядюшку, мы оставляли каждой группе карту с расположением всех других групп, обнаруженных на этот день, так что если бы они передумали, они могли объединиться с ними.

Эти полеты далеко не были развлечением, хотя они, во всяком случае, были лучше одиноких поездок по пустым полям. Однако в конце четвертого дня было решено прекратить поиски.

Так по крайней мере решили остальные. У меня было совсем другое отношение к этому. У меня была личная цель. Они же искали и могли найти только незнакомых людей. Для меня поиски группы Бидли были средством, а не самоцелью. Если бы я нашел ее, и Джозеллы там не оказалось, я бы все равно продолжал искать. Но я не мог ожидать, чтобы остальные бросили все и посвятили бы свое время моим личным делам.

Мне было странно, но я нигде не встретил ни одного человека, который бы кого-нибудь искал. Если не считать Стефена и его подругу, каждый был отрезан от всех друзей и родных, соединявших его с прошлым, и начинал новую жизнь с совершенно незнакомыми людьми. Один только я очень быстро обрел новую привязанность за такой короткий срок, что даже не подозревал, какое это будет иметь значение для меня.

После того как решили прекратить поиски, Коукер сказал:

— Ну ладно. Теперь следует подумать, что мы будем делать для себя.

— Будем запасаться на зиму и жить,— отозвался Стефен.— Что же еще?

— Я все время думаю об этом,— сказал Коукер.— Возможно, какое-то время этого будет достаточно. А потом?

— Если даже у нас кончатся запасы, не страшно,— сказал радиомастер.— Кругом всего полно.

— Американцы будут здесь до рождества,— объявила подруга Стефена.

— Послушайте,— терпеливо сказал Коукер.— Давайте пустим американцев по ведомству журавлей в небе. Напрягитесь и представьте себе мир, в котором нет никаких американцев. Можете?

Девушка вытаращила на него глаза.

— Куда же они девались?— сказала она.

Коукер печально вздохнул. Он повернулся к радиомастеру.

— Эти магазины и склады будут существовать не вечно. В новом мире нам дан хороший старт. Для начала у нас в руках порядочный капитал. Но он исчерпается. Правда, мы не съедим всего, что можно взять, всего не съесть даже нашим внукам. Но ведь съестное долго не протянет. Большая его часть скоро испортится. И речь идет не только о еде. Рассыплется рано или поздно все, может быть, и не так скоро, но наверняка. Если мы хотим иметь в следующем году свежую пищу, нам придется выращивать ее самим. И может быть, еще не так скоро, но все-таки наступит время, когда нам придется делать самим все. Наступит время, когда износится или проржавеет последний трактор, кончится горючее, и мы окончательно вернемся к природе и благословим лошадей, если они у нас еще будут.

Сейчас у нас передышка, ниспосланная нам небом передышка, и мы должны воспользоваться ею, чтобы прийти в себя и приняться за дело. Позже нам придется пахать, еще позже — учить-

ся ковать лемехи, а еще позже — учиться выплавлять железо. Мы сейчас на пути, который поведет нас назад, назад, назад, пока мы не научимся — если только мы сможем научиться — производить все, что потребляем. Только тогда мы остановимся на этом пути в первобытное состояние. Но как только мы остановимся, мы, вероятно, снова медленно поползем вверх.

Он оглядел нас, чтобы удостовериться, следим ли мы за его словами.

— Мы можем сделать это. Если захотим. Самое ценное в нашем хорошем старте — это знание. Мы избавлены от тех трудностей, которые пришлось преодолевать нашим предкам. Все, что нам надо, содержится в книгах, нам остается только взять на себя труд пойти и прочесть их.

Все глядели на Коукера с любопытством. Они впервые слышали, как он ораторствует.

— Я читал историю,— продолжал он,— и знаю из нее, что для использования знаний необходимо свободное время. Там, где каждому приходится работать ради куска хлеба до седьмого пота и где нет ни минуты свободного времени для мысли, там знание застаивается, и народ тоже. Люди, которые мыслят, не являются производителями материальных благ, они, как может показаться, почти полностью живут за счет других. Но в действительности они представляют собой долгосрочный вклад. Знания вырастали в больших городах и институтах, их содержал труд на полях и в малых городах. Вы с этим согласны?

Стефен сдвинул брови.

— Более или менее... Но я не понимаю, к чему вы клоните.

— А вот к чему. Рациональное количество людей в общине. Наша община благодаря своему размеру может рассчитывать только на животное существование и деградацию. Если нас по-прежнему будет всего десять человек, то нам конец. Неизбежно постепенное и бессмысленное вымирание. Когда пойдут дети, мы сможем урвать от наших трудов очень немного времени, чтобы дать им хотя бы самое зачаточное образование; пройдет поколение, и мы будем иметь дикарей или олухов. Для того, чтобы удержаться на нынешнем уровне, чтобы иметь возможность использовать знания в библиотеках, нам необходим учитель, врач и руководитель. Мы должны быть в состоянии прокормить их, пока они помогают нам.

— Ну?— сказал Стефен после паузы.

— Я все думаю о той общине, которую мы с Биллом видели в Тиншэме. Мы вам о ней рассказывали. Женщина, которая там верховодит, нуждается в помощи, нуждается отчаянно. У нее на руках пятьдесят или шестьдесят человек, из них всего дюжина зрячих. Так у нее дело не пойдет. И она это знает... но не желает признавать это перед другими. Она не попросила нас остаться, потому что не желает быть у нас в долгу. Но она была бы рада, если бы мы вернулись и попросили принять нас.

— Господи,— сказал я,— вы хотите сказать, что она намеренно пустила нас по ложному следу?

— Не знаю. Возможно, я несправедлив к ней. Но разве не странно, что мы не нашли здесь никаких следов Бидли и компании? Одним словом, не знаю, добивалась ли она этого, но в результате я все же решил вернуться туда. Хотите знать, почему? На это есть две причины. Первая: если эту общину не взять в руки, она разложится, и это будет срамом и растратой человеческого материала. Вторая причина: в Тиншэме гораздо удобнее, чем

здесь. Там есть ферма, которую ничего не стоит привести в порядок. Практически поместье там является самодовлеющей хозяйственной единицей, а при нужде оно может быть и расширено.

Еще важнее такое обстоятельство. Тиншэмская община достаточно многочисленна, чтобы выкроить время для обучения и нынешних слепых и их зрячих детей, когда они появятся. Я полагаю, что это можно сделать, и я приложу все усилия, чтобы это сделать. А если надменной мисс Дюрран это не понравится, пусть она пойдет и утопится.

Теперь дело вот в чем. Я думаю, что смог бы сделать это и сам. Но я уверен, что, если бы мы поехали туда всей компанией, мы бы все реорганизовали и наладили бы работу в течение нескольких недель. И мы бы жили в общине, которая будет расти и предпримет чертовски удачную попытку выдержать, несмотря ни на что. Или нам остается сидеть здесь маленькой группкой, обреченной на деградацию и отчаянное одиночество. Ну, что вы на это скажете?

Были споры, были вопросы о деталях, но по существу сомнений почти не было. Те, кто выезжал на поиски, знали, что такое отчаянное одиночество. Ни у кого не было привязанности к нынешней резиденции. Ее в свое время выбрали как хорошую оборонительную позицию — и только. Большинству уже невмоготу стало переносить полную изоляцию от мира. Мысль о более многочисленной и разнообразной компании уже сама по себе была привлекательной. Через час разговор шел о транспорте и порядке переезда, и предложение Коукера было окончательно принято. Сомневалась еще только подруга Стефена.

— Этот самый Тиншэм... он хоть значится на карте? — спросила она недовольно.

— Не беспокойтесь,— утешил ее Коукер.— Он значится на всех лучших американских картах.

Рано утром на следующий день я понял, что в Тиншэм я не поеду. Может быть, когда-нибудь потом, но не сейчас...

Моим первым побуждением было ехать со всеми, хотя бы для того, чтобы выжать из мисс Дюрран правду о группе Бидли. Но я вновь вынужден был с беспокойством признаться, что не уверен, с ними ли Джозелла,— ведь, говоря по правде, все сведения, которые мне удалось собрать, говорили не в пользу этого. Через Тиншэм она почти наверняка не проезжала. Но если она уехала не за группой Бидли, то куда? Маловероятно, чтобы в Университете имелся еще один адрес, который я проглядел...

И тут, словно вспышка света, меня озарило воспоминание о нашем разговоре в той роскошной квартире. Я как бы вновь увидел Джозеллу, как она сидит в голубом бальном платье, и огни свечей вспыхивают в бриллиантах. Мы говорили... «Как насчет Суссекского Даунса? Я знаю там, на северной стороне, славный старый фермерский дом...» И тогда я понял, что мне делать...

Утром я сказал об этом Коукеру. Он мне сочувствовал, но явно старался не слишком меня обнадеживать.

— Ну что ж, поступайте, как вам кажется лучше,— сказал он.— Я надеюсь... В общем, вы знаете, где мы будем находиться, и вы можете оба приехать в Тиншэм и помочь нам протаскивать эту бабу через обруч, пока она не образумится.

В то утро разразилась непогода. Лил проливной дождь, когда я снова влезал в знакомый грузовик. Коукер вышел проводить меня. Я знаю, почему он сделал это. Он никогда не говорил об этом

ни слова, но я чувствовал, что его мучают воспоминания о своем первом отчаянном предприятии и о его последствиях. Он стоял возле кабины, волосы его слиплись, по лицу и за шиворот текла вода, и он протянул мне руку.

— Будьте осторожны, Билл. Карет «Скорой помощи» у нас теперь нет, а ваша подруга наверняка предпочитает, чтобы вы явились к ней в целости и сохранности. Желаю вам счастья... и передайте ей мои извинения за все, когда вы ее найдете.

Он сказал «когда», но звучало это как «если».

Я пожелал им удачи в Тиншэме. Затем я включил зажигание, и грузовик, разбрызгивая грязь, помчался по мокрой дороге.

Утро было испорчено мелкими бедами. Сначала в карбюраторе оказалась вода. Затем я ухитрился проехать десяток миль на север в полной уверенности, что еду на запад, а когда я повернул назад, у меня отказало зажигание, и я остановился на открытом всем ветрам холме в совершенно пустынной местности. Эти задержки сильно испортили бодрое настроение, с которым я пустился в дорогу. К тому времени, когда я справился с неполадками, был уже час дня, и погода прояснилась.

Выглянуло солнце. Все вокруг стало ярким и свежим, но хотя следующие двадцать миль я проехал без происшествий, мною овладела тоска. Теперь я был по-настоящему предоставлен самому себе и не мог отделаться от ощущения одиночества. Оно вновь нахлынуло на меня, как в тот день, когда мы разделились, чтобы искать Микаэля Бидли; только теперь оно было вдвое сильнее... Раньше одиночество было для меня просто чем-то нежелательным, невозможностью перекинуться словом, чем-то, разумеется, временным. В тот день я узнал, что это нечто гораздо более страшное. Оно могло давить и угнетать, могло искажать привычные масштабы и играть опасные шутки с разумом. Оно зловеще пряталось всюду, натягивая нервы и звеня в них тревогой, не давая ни на минуту забыть, что никто тебе не поможет и никому ты не нужен. Оно доказывало тебе, что ты атом, летящий в пустоте, и оно ждало случая напугать тебя, напугать чудовищно — вот чего оно добивалось и чего нельзя было ему позволить...

Лишить стадное животное общества ему подобных означает изувечить его, изнасиловать его природу. Заключенный и изгнанник знают, что где-то существуют другие люди; само существование их делает возможным заключение и изгнание. Но когда стада больше нет, бытие стадного животного кончается. Оно больше не частица целого; уродец без места в жизни. Если оно не может удержать разум, оно пропало, пропало окончательно и бесповоротно, самым чудовищным образом, оно становится лишь судорогой в мышцах трупа.

Теперь это требовало гораздо больше усилий, чем прежде. Только отчаянная надежда вновь обрести друга в конце дороги удерживало меня от того, чтобы немедленно повернуть назад и искать облегчения в обществе Коукера и всех остальных.

Зрелища, которые я видел в пути, не имели с этим ничего общего. Да, они были ужасны, но к тому времени я уже притерпелся к ним. Ужас исчез, как исчезал из истории ужас, наполнявший поля великих сражений. И кроме того, я не смотрел больше на эти зрелища, как на часть исполинской, поражающей воображение трагедии. Моя упорная борьба была личным конфликтом со стадными инстинктами моей расы. Бесконечная оборона без

всякой надежды на победу. В глубине души я знал, что не выдержу длительного одиночества.

Чтобы отвлечься, я поехал быстрее, чем следовало. В каком-то маленьком городке с забытым названием я круто свернул за угол и врезался в автофургон, загораживающий улицу. К счастью, мой грузовик отделался царапинами, но машинам удалось так сцепиться, что разъединить их одному в таком тесном пространстве было делом нелегким. Эта проблема отняла у меня целый час и пошла мне на пользу, заняв мои мысли практическим делом.

После этого случая я впредь уже не решался ехать с большой скоростью, если не считать нескольких минут вскоре после того, как я въехал в Нью Форест. Сквозь ветви деревьев я вдруг увидел вертолет, летящий на небольшой высоте. Он двигался так, что должен был пройти над дорогой впереди меня. К несчастью, деревья у обочины совершенно скрывали дорогу от наблюдения с воздуха. Я погнал грузовик во весь дух, но к тому времени, когда я выскочил на открытую местность, вертолет был уже крошечным пятнышком, удалявшимся на север. Тем не менее даже один вид его доставил мне облегчение.

Несколькими милями дальше я очутился в маленькой деревушке, расположенной возле опушки зеленого массива. На первый взгляд она казалась очаровательной, словно картинка, эта пестрая смесь соломенных и черепичных крыш с цветущими садами. Но мне не хотелось вглядываться в эти сады, когда я проезжал мимо них: слишком часто виднелись в них триффиды, нелепо торчащие среди цветов. Я был уже недалек от окраины, когда из ворот последнего сада вырвалась крошечная фигурка и побежала по дороге ко мне навстречу, размахивая руками. Я затормозил, привычно огляделся, нет ли поблизости триффидов, затем взял ружье и соскочил на землю.

На девочке были голубое ситцевое платье, белые носки и сандалии. Ей было лет девять или десять. Хорошенькая малышка — это было сразу видно, хотя ее каштановые волосы были растрепаны, а лицо грязное от размазанных слез. Она потянула меня за рукав.

— Пожалуйста, пожалуйста,— сказала она умоляюще.— Пожалуйста, пойдите и посмотрите, что с Томми.

Я стоял и глядел на нее. Чудовищное одиночество этого дня рассеялось. Мой разум, казалось, вырвался из ящика, в который я его заключил. Мне хотелось поднять ее и прижать к себе. Я чувствовал, как к моим глазам подступают слезы. Я протянул ей руку, и она ухватилась за нее. Мы пошли к воротам, откуда она выбежала.

— Вон Томми,— сказала она.

Мальчик лет четырех лежал на крошечной лужайке между клумбами. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что с ним случилось.

— Его ударило чудище,— сказала она.— Оно его ударило, и он упал. И оно собиралось ударить меня, когда я хотела помочь ему. Ужасное чудище!

Я взглянул вверх и увидел над оградой верхушку триффида.

— Зажми уши ладошками,— сказал я.— Сейчас я выстрелю.

Она зажала уши, и я отстрелил триффиду верхушку.

— Ужасное чудище,— повторила она.— Теперь оно сдохло?

Я открыл рот, чтобы ответить утвердительно, когда триффид начал барабанить черенками по стеблю — совершенно как тот,

в Стипл-Хони. И как тогда, я заставил его замолчать выстрелом из второго ствола.

— Да,— сказал я.— Теперь оно сдохло.

Мы подошли к мертвому мальчику. Алый след удара четко выделялся на бледной щеке. Это случилось, должно быть, несколько часов назад. Она опустилась возле него на колени.

— Не надо,— сказал я ей тихо.

Она подняла голову, на ее глазах блестели слезы.

— Томми умер?— спросила она.

Я присел возле нее на корточки и покачал головой.

— Боюсь, что да.

Через некоторое время она сказала:

— Бедный Томми. Давайте похороним его, как щеночков.

— Да,— отозвался я.

При всем этом всеобщем уничтожении я вырыл единственную могилу, и она была такая маленькая. Девочка собрала букетик цветов и положила сверху. Затем мы уехали.

Ее звали Сюзен. Давным-давно, как ей это представлялось, что-то случилось с мамой и отцом, так что они ослепли. Отец ушел позвать на помощь и не вернулся. Потом пошла мама, строго наказав детям из дома не отлучаться. Она вернулась вся в слезах. На следующий день она опять пошла и на этот раз больше не вернулась. Дети съели все, что было в доме, потом есть стало нечего. В конце концов Сюзен проголодалась так, что решилась нарушить мамин наказ, и пошла попросить помощь в лавке мисс Уолтон. Лавка была открыта, но мисс Уолтон там не было. Сюзен позвала, никто не вышел. Тогда она взяла немного пирожков, печенья и конфет, решив, что мисс Уолтон она скажет об этом потом.

На обратном пути она увидела несколько чудищ. Одно в нее ударило, но не рассчитало, и жало проскочило у девочки над головой. Это ее напугало, и оставшийся путь она бежала что было сил. После этого она очень остерегалась чудищ и во время последующих походов в лавку научила остерегаться Томми. Но Томми был маленький. Когда он сегодня утром вышел поиграть, он не заметил чудища, которое спряталось в соседнем саду. Сюзен несколько раз пыталась подобраться к нему, но каждый раз она видела, как при ее приближении верхушка триффида начинала дрожать и двигаться...

Примерно через час я решил, что пора остановиться на ночлег. Оставив ее в кабине, я обошел несколько коттеджей, пока не нашел подходящего, и мы уселись за ужин. Я мало понимаю в маленьких девочках, но Сюзен, на мой взгляд, управилась с поразительным количеством еды; она призналась мне, что диета из печений, пирожков и конфет совсем не так приятна, как ей казалось когда-то. После ужина мне удалось ее немного отмыть, затем я кое-как причесал ее, и результат этих операций показался мне вполне удовлетворительным. С другой стороны, иметь собеседника доставляло ей такое удовольствие, что она на время забыла обо всем.

Я понимал ее. Совершенно то же самое испытывал и я.

Но вскоре после того, как я уложил ее в постель и снова спустился вниз, я услыхал, что она плачет. Я вернулся к ней.

— Ничего, Сюзен,— сказал я.— Все будет хорошо. Бедному Томми даже не было больно, это случилось очень быстро.— Я сел на край постели и взял ее за руку. Она перестала плакать.

— Это не только Томми,— сказала она.— Это уже после Томми... Нигде никого не было, совсем никого. Мне было так страшно...

— Я знаю,— сказал я.— Уж я-то знаю. Мне тоже было страшно.

Она взглянула на меня.

— Но теперь ведь вам не страшно?

— Нет. И тебе тоже. Вот видишь, нам нужно просто быть вместе, и тогда нам никогда не будет страшно.

— Да,— серьезно и задумчиво сказала она.— Я думаю, так будет хорошо...

Мы обсудили еще множество других вопросов, прежде чем она заснула.

— Куда мы едем?— спросила на следующее утро Сюзен, когда мы тронулись в путь.

Я сказал, что мы ищем одну леди.

— А где она?— спросила Сюзен.

Этого я точно не знал.

— Когда же мы ее найдем?— спросила Сюзен.

Этого я не знал совсем.

— А она красивая?— спросила Сюзен.

— Да,— сказал я, обрадованный тем, что могу, наконец, дать вполне определенный ответ.

Почему-то это ей понравилось.

— Это хорошо,— удовлетворенно сказала она, и мы перешли на другую тему.

Из-за нее я старался объезжать более крупные города по окраинам, но избегнуть многих неприятных сцен в сельской местности было трудно. Через некоторое время я бросил притворяться, будто они не существуют. Сюзен глядела на них с тем же отстраненным интересом, что и на обычные пейзажи. Они ее не пугали, а озадачивали, и она задавала вопросы. Тогда я рассудил, что мир, в котором ей предстоит расти, вряд ли будет находить пользу в сюсюканье и эвфемизмах, наполнявших мое детство, и впредь уже старался говорить с нею об ужасных и причудливых зрелищах с одинаковой объективностью. Для меня это тоже было хорошо.

К полудню собрались тучи, снова начался дождь. Когда в пять часов вечера мы затормозили на дороге сразу за Пулборо, дождь все еще лил вовсю.

— А куда мы теперь,— спросила Сюзен.

— В том-то и загвоздка,— признался я.— Это где-то там.— Я махнул рукой в сторону Даунса.

Я напрягал память, пытаясь вспомнить, что еще говорила Джозелла, но помнил только, что дом стоит на северной стороне холма. Кроме того, у меня было впечатление, будто он находится где-то напротив Пулборо и отделен от него болотистой низиной. Теперь, когда я был здесь, это представлялось весьма неопределенным ориентиром: холмы Даунса тянулись вправо и влево на мили.

— Может быть, для начала нам следует посмотреть, не видно ли какого-нибудь дымка на той стороне,— предложил я.

— Разве в такой дождь что-нибудь увидишь?— весьма справедливо возразила Сюзен.

Через полчаса дождь соизволил на некоторое время прекратиться. Мы вышли из грузовика и сели рядышком на каменную

ограду. Мы внимательно оглядели склоны холмов, но ни острые глаза Сюзен, ни мои, оснащенные биноклем, не обнаружили никаких признаков дыма или движения. Вскоре ливень возобновился.

— Есть хочется,— сказала Сюзен.

Я есть не стал. Теперь, когда я был так близок к цели, нетерпеливое стремление узнать, насколько оправдалась моя догадка, захватило меня полностью. Пока Сюзен ужинала, я отвел грузовик немного назад и вверх по склону, чтобы увеличить поле зрения. В промежутках между ливнями и в сгущающихся сумерках мы вновь оглядели противоположную сторону долины. Никаких результатов. В долине не было ни жизни, ни движения, если не считать нескольких коров и овец да торчащего в низине одинокого триффида. Мне пришла в голову одна мысль, и я решил спуститься в деревню. Не хотелось брать с собой Сюзен, потому что я знал, как там нехорошо, но оставлять ее здесь одну я тоже не мог. Впрочем, в деревне я обнаружил, что зрелища действуют на нее гораздо слабее, чем на меня: у детей иная концепция страшного, пока их не научат, чему следует ужасаться. Подавлен зрелищами был один только я. Для Сюзен там было не столько скверно, сколько интересно. Все мрачные ощущения у нее были смыты удовольствием от алого шелкового плащика, который она себе раздобыла, хотя он был ей велик на несколько размеров. Я тоже не остался в накладе. Я вернулся к грузовику с большой фарой, похожей на прожектор, которую мы сняли с роскошного «роллс-ройса».

Я установил эту штуку на стержне возле ветрового стекла и присоединил ее к аккумуляторам. Когда все было готово, оставалось только ждать темноты и надеяться на то, что дождь прекратится.

К тому времени, когда наступила тьма, дождь накрапывал еле-еле. Я включил свой прожектор и послал в ночь ослепительный столб света. Я медленно поворачивал фару вправо и влево, обводя лучом гряды холмов на той стороне и жадно вглядываясь в поисках ответного сигнала. Раз десять я ровно и упорно перемещал луч, выключая его на несколько секунд в конце каждого поворота. И каждый раз ночь над холмами оставалась непроглядно черной. Затем дождь снова пошел сильнее. Я направил луч прямо вперед и уселся в ожидании, слушая барабанный стук капель по крыше кабины, а Сюзен заснула, привалившись к моей руке. Прошел час, барабанный стук перешел в редкое потрескивание и замолк совсем. Когда я вновь принялся поворачивать фару, Сюзен проснулась. Я заканчивал шестой поворот, и вдруг Сюзен закричала:

— Глядите, Билл! Вон там! Свет!

Я сейчас же выключил фару и стал смотреть вдоль линии ее протянутой руки. Ничего определенного я не увидел. Нечто тусклое, словно светлячок вдали, если только не обман зрения. Пока мы вглядывались, снова хлынул ливень, и когда я взялся за бинокль, видимости уже не было никакой.

Я не знал, пора ли включать двигатель. Могло случиться, что свет — если свет был — не виден с более низкого места. Я снова включил фару и стал ждать, собрав все свое терпение. Прошел еще час, прежде чем дождь прекратился опять. Я сейчас же выключил фару.

— Есть!— возбужденно вскрикнула Сюзен.— Глядите! Глядите!

Да, свет был. И достаточно яркий, чтобы рассеять все сомнения. Правда, даже с помощью бинокля невозможно было разглядеть деталей.

Я включил фару и передал азбукой Морзе букву «В» — других букв, кроме «SOS», я не знал, и приходилось довольствоваться этим. В ответ огонек на той стороне мигнул и затем разразился серией точек-тире, которые — увы!— ничего мне не говорили. На всякий случай я ответил двумя «В», нанес на карту примерное направление на огонек и включил фары грузовика.

— Это там леди?— спросила Сюзен.

— Должна быть она,— сказал я.— Должна быть.

Это было нелегкое путешествие. Чтобы пересечь болотистую долину, пришлось воспользоваться дорогой к западу от нас и затем снова пробираться на восток вдоль подножия холмов. Едва мы проехали милю, что-то заслонило огонек. Отыскивать путь среди тропинок во мраке было трудно, и в довершение всего опять хлынул дождь. О дренажных шлюзах заботиться было некому, поэтому часть полей в низине оказалась под водой, и местами вода скрывала колеса. Приходилось править с исключительной осторожностью, а мне хотелось мчаться на полной скорости, не разбирая дороги.

Когда мы выбрались на другую сторону низины, затопление нам больше не грозило, но скорость не увеличилась, потому что тропинки изобиловали зигзагами и самыми невероятными поворотами. Мне пришлось все свое внимание отдать дороге, а девочка вглядывалась в склоны холмов, выжидая появления огонька. Мы достигли точки, где наш путь пересекала нанесенная на карту линия, но огонек не появлялся. Я попробовал первый же поворот вверх по склону. После этого мы потратили полчаса, чтобы вернуться на дорогу из мелового карьера.

Мы двинулись по нижней тропе дальше. Затем Сюзен разглядела справа между ветвями какое-то мерцание. Следующий поворот был удачнее. Мы снова поднялись по откосу и увидели в полумиле крошечный квадратик освещенного окна.

Но даже тогда и даже с помощью карты было нелегко найти ведущий туда проселок. Мы медленно, все время на первой скорости, тащились вверх по склону, и каждый раз, когда окно вновь появлялось перед нами, оно было ближе. Поселок не предназначался для тяжелых грузовиков. Кое-где мы продирались сквозь заросли и кусты ежевики, которые скребли борта кузова, как бы стараясь задержать нас и столкнуть обратно.

Наконец впереди на дороге показался фонарь. Он задвигался, раскачиваясь, показывая нам поворот к воротам. Затем он опустился на землю. Я подъехал и затормозил в метре от него. Когда я открыл дверцу, в лицо мне неожиданно ударил свет карманного фонарика. Я успел разглядеть фигуру в блестящем от воды дождевике.

Легкий надлом нарушил нарочитое спокойствие голоса, который произнес:

— Здравствуйте, Билл. Долго же вас не было.

Я спрыгнул с подножки.

— О Билл!.. Я не могу... Милый мой, я так надеялась... Билл...— говорила Джозелла.

Я вспомнил о Сюзен, только когда она сказала сверху:

— Глупые, вы же промокнете. Разве нельзя целоваться под крышей?

Чувство, с которым я прибыл на ферму Ширнинг, то самое чувство, которое твердило мне, что все беды теперь позади, интересно только тем, что свидетельствует, как обманчивы подчас бывают чувства. Я нашел и обнял Джозеллу, но мне не пришлось немедленно увезти ее в Тиншэм и воссоединиться с остальными, что должно было быть естественным следствием нашей встречи. Причин было несколько.

С того момента, как мне пришло в голову, где она может находиться, я представлял себе ее, должен сознаться, несколько кинематографически, будто она сражается против всех сил природы и так далее и тому подобное. В известном смысле, наверное, так оно и было, но вся обстановка здесь весьма отличалась от воображаемой. У меня был простой план: «Полезай в кабину. Мы поедем к Коукеру и его маленькой компании». Этот план рухнул в первую же минуту. Вообще следует знать, что так просто никогда не бывает, и, с другой стороны, поразительно, сколь часто лучшее маскируется под худшее...

Не то чтобы я с самого начала отдал предпочтение Ширнингу перед Тиншэмом, хотя присоединиться к большой группе было бы значительно умнее. Но Ширнинг был очаровательным местом. Слово «ферма» являлось просто его титулом. Фермой он был лет двадцать пять назад и до сих пор выглядел как ферма, но на самом деле это была загородная дача. В Суссексе и в соседних графствах было полно таких домов и коттеджей, которые облюбовали для себя усталые лондонцы. Внутри дом был полностью модернизирован, так что его прежние хозяева вряд ли узнали бы хоть одну комнату. Снаружи он блестел как новенький. Загоны и сараи имели вид скорее пригородный, нежели деревенский, они давно уже не знали никакого домашнего скота, кроме разве верховых лошадей и пони. Двор не имел никаких утилитарных устройств и не издавал грубых запахов; он был засажен высокой густой травой и превратился в лужайку для игры в шары. Окна под красной черепицей выходили на поля, обработанные другими фермерами, более практичными. Впрочем, сараи и амбары оставались в хорошем состоянии.

Друзья Джозеллы, нынешние владельцы Ширнинга, мечтали когда-нибудь все здесь переделать и заняться всерьез сельским хозяйством. Они до последнего дня отказывались от самых соблазнительных предложений в надежде, что когда-нибудь и какими-то путями, о которых имели очень смутное представление, они достанут деньги и выкупят принадлежавшую им по праву землю.

На ферме были свой колодец и своя силовая станция, так что она обладала многими преимуществами, но, обойдя ее, я понял мудрость Коукера, когда он говорил о необходимости коллективных усилий. Я ничего не понимал в сельском хозяйстве, но чувствовал, что, если мы останемся здесь, содержание шестерых человек потребует очень тяжелых трудов.

Остальных троих звали Деннис и Мэри Брент и Джойс Тэйлор, и они были уже здесь, когда прибыла Джозелла. Деннис был владельцем фермы. Джойс гостила у них и готовилась взять на себя домашнее хозяйство, потому что Мэри ждала ребенка.

В ночь зеленых вспышек на ферме были еще два гостя, Джоан и Тед Дэнтон, приехавшие на неделю отдохнуть. Все пятеро вы-

шли в сад любоваться небесным представлением. Наутро все пятеро проснулись в мире, где царил вечный мрак. Сначала они пытались звонить по телефону; затем, когда убедились, что это невозможно, они стали ждать приходящую прислугу. Она не пришла. Тед вызвался попробовать узнать, что произошло. Деннис не пошел с ним только из-за жены, которая была на грани истерики. Тед отправился в одиночку. Он больше не вернулся. Позже в тот же день ушла, никому не сказав ни слова, Джоан: вероятно, она хотела попытаться найти мужа. Она тоже исчезла навсегда.

Деннис следил за временем, ощупывая стрелки часов. К вечеру сидеть и ждать, сложа руки, стало невыносимо. Он решил попробовать дойти до деревни. Обе женщины решительно против этого восстали. Боясь за Мэри, он сдался, и попытку решила предпринять Джойс. Она подошла к двери и стала нащупывать путь палкой. Едва она переступила через порог, как что-то со свистом хлестнуло ее по руке и обожгло, как раскаленный утюг. Она с криком отскочила назад в прихожую и упала. Деннис нашел ее. К счастью она была в сознании. Она стонала и жаловалась на боль в руке. Нащупав вспухший рубец, Деннис догадался, в чем дело. Несмотря на слепоту, они с Мэри кое-как ухитрились применить горячие припарки. Пока Мэри грела воду в чайнике, он наложил турникет и сделал все возможное, чтобы выдавить яд. Затем они перенесли Джойс на кровать, где она пролежала несколько дней.

Тем временем Деннис проводил эксперименты. Слегка приоткрыв дверь, он просовывал наружу метлу. Каждый раз слышался свист жала, и ручка метлы несильно дергалась в его ладони. То же самое было у одного из окон, выходящих в сад; остальные окна были, по-видимому, свободны. Если бы не отчаянные протесты Мэри, он бы попробовал выбраться через окно. Но Мэри была уверена, что раз триффиды обступили дом, значит их много повсюду.

К счастью, у них было достаточно продуктов, чтобы продержаться некоторое время, хотя готовить было трудно; к тому же Джойс, несмотря на высокую температуру, видимо, превозмогла действие триффидного яда, так что положение не было таким уж отчаянным. Большую часть следующего дня Деннис занимался тем, что мастерил для себя подобие шлема. У него была проволочная сетка только с крупными ячейками, так что ему пришлось складывать и связывать ее в несколько слоев. Это заняло много времени, но в конце концов, оснастившись этим шлемом и парой фехтовальных рукавиц, к вечеру он смог отправиться на вылазку в деревню. Триффид ударил в него, едва он отошел от дома на три шага. Он стал шарить вокруг, нашел триффида и выкрутил ему стебель. Через минуту по шлему хлестнуло другое жало. Этого триффида он найти не смог, хотя тот нанес ему полдюжины ударов, прежде чем, наконец, отстал. Он нашел дорогу к мастерской, а оттуда направился через двор и вышел на проселок, нагрузившись тремя большими мотками бечевки, которую разматывал за собой. Бечевка должна была привести его назад.

На проселке его несколько раз хлестали жала триффидов. Чтобы преодолеть милю, отделявшую ферму от деревни, ему понадобилось удивительно много времени, и бечевка кончилась еще по пути. Тишина, царившая вокруг, приводила его в ужас. Время от времени он останавливался и кричал, но никто не отзывался. Иногда ему казалось, что он заблудился, но потом он ощутил под

ногами дорожное покрытие и понял, где находится. Окончательно он уверился в этом, когда наткнулся на столб с указателем. Тогда он пошел дальше.

Пройдя расстояние, показавшееся ему очень большим, он почувствовал, что его шаги звучат по-иному; они отдавались слабым эхом. Двинувшись в сторону, он обнаружил тротуар и затем стену. Немного дальше он нащупал почтовый ящик, вделанный в кирпичную кладку. Теперь он знал, что находится в деревне. Он закричал. На этот раз чей-то голос, голос женщины, откликнулся ему, но кричали где-то впереди, и слов нельзя было разобрать. Он крикнул вторично и направился на голос. Ответный крик вдруг оборвался пронзительным воплем. После этого снова наступила тишина. Только тогда, и все еще сомневаясь, он осознал, что положение в деревне не лучше, чем у него на ферме. Он присел на травянистую обочину тротуара и стал думать, что делать дальше.

По наступившей прохладе он догадался, что началась ночь. Видимо, он шел не менее четырех часов, и теперь оставалось только идти назад. Незачем, однако, возвращаться с пустыми руками... Он пошел дальше, постукивая по стенам палкой, пока палка не загремела об оцинкованную вывеску деревенской лавочки. На протяжении последних пятидесяти метров триффидные жала трижды хлестали его по шлему. Еще один удар, едва он открыл калитку, и он споткнулся о тело, лежавшее поперек дорожки. Труп был мужской, холодный как лед.

У него создалось впечатление, что в лавке кто-то побывал до него. Тем не менее он нашел изрядный окорок. Он сунул его в мешок вместе с пакетами масла и маргарина, печенья и сахара, затем сложил туда же часть банок с полки, которая, насколько он помнил, содержала съестное; банки сардин, во всяком случае, различить было легко. Затем он поискал и нашел десятка полтора мотков бечевки, взвалил мешок на плечо и отправился домой.

По дороге он сбился с пути и едва справился с охватившей его паникой, пока возвращался назад и ориентировался заново. Но в конце концов он снова оказался на знакомом проселке. Ощупью ему удалось найти бечевку, которая тянулась от фермы, и он связал ее с бечевкой из деревни. Остаток пути он прошел сравнительно благополучно.

В последующую неделю он дважды совершал вылазки в деревенскую лавку, и с каждым разом триффиды на дороге попадались все чаще. Троим обитателям фермы оставалось только ждать и надеяться. И тут случилось чудо: прибыла Джозелла.

С самого начала мне стало ясно, что о немедленном переезде в Тиншэм не может быть и речи. Во-первых, Джойс была еще очень слаба — увидев ее, я поразился, как ей удалось выжить. Расторопность Денниса спасла ей жизнь, но они не могли обеспечить ее в течение последующей недели ни укрепляющими средствами, ни хотя бы правильным питанием, и это замедлило выздоровление. Перевозить ее на большие расстояния было немыслимо в ближайшую неделю или две. И кроме того, путешествие было опасно также для Мэри, у которой вскоре должны были наступить роды; таким образом, нам оставалось только ждать, пока минуют эти два кризиса.

Снова пришлось заняться грабежами. На этот раз я должен был действовать по более обширному списку и доставлял на ферму не только продукты, но еще и горючее для генератора, кур не-

сушек, двух только что отелившихся коров (отощавших до того, что у них ребра торчали наружу), медицинские препараты для Мэри, а также огромное количество всяких мелочей.

Округа буквально кишела триффидами, нигде я еще не встречал их в таком количестве. Чуть ли не каждое утро оказывалось, что новые две или три штуки притаились в засаде возле дома, и, прежде чем приниматься за что-нибудь другое, надо было отстреливать им верхушки. Потом я оборудовал проволочную ограду, чтобы не допускать их в сад; тогда они стали приходить к самой ограде и вызывающе слонялись вокруг нее, пока их не приканчивали.

Я вскрыл ящики со снаряжением и обучил маленькую Сюзен стрелять из триффидного ружья. Она очень быстро стала специалистом по истреблению чудищ, как она продолжала их называть. Ежедневное отмщение стало ее долей работы.

Джозелла рассказала мне, что с ней было после ложной тревоги в Университете.

Ее вывезли с командой, как и меня, но от стражи, к которой она была прикована, она отделалась сразу же. Она предъявила им ультиматум: либо ее освободят от всех и всяческих пут, и тогда она будет оказывать им любую помощь; либо, если они намерены принуждать ее, наступит день, когда по ее рекомендации они хлебнут синильной кислоты или проглотят цианистый калий. Пусть они выбирают, что им больше подходит. Они сделали разумный выбор.

В том, что случилось дальше, ее история мало отличалась от моей. Когда команда погибла, она стала рассуждать примерно так же, как я. Она взяла автомобиль и отправилась искать меня в Хэмпстед. Ни единого живого человека из моей команды она не встретила; не столкнулась она и с теми, кого вел рыжеволосый убийца с пистолетом. Она пробыла в Хэмпстеде почти до захода солнца, а затем решила поехать в Университет. Незная, чего там можно ожидать, она остановила машину за два квартала и дальше пошла пешком. Не успела она дойти до ворот, как услыхала выстрел. Из осторожности она укрылась в садике, где мы с нею прятались раньше. Оттуда она заметила Коукера, который тоже осторожно оглядывался. Она не знала, что это я стрелял в триффида на Рассел-сквер и что это мой выстрел был причиной настороженности Коукера; она заподозрила ловушку. Попадаться второй раз она не желала и вернулась к своей машине. Она понятия не имела, куда уехали остальные и уехали ли они вообще. Она знала только одно место, где она могла найти убежище и о котором она, едва ли не случайно, упоминала мне. И она решила отправиться туда в надежде, что я, если я еще жив, вспомню и постараюсь его отыскать.

— Как только я выбралась из Лондона,— рассказывала она,— я свернулась калачиком на заднем сиденье и заснула. Сюда я приехала довольно рано, на следующее утро. Деннис услыхал шум мотора и высунулся из окна верхнего этажа, чтобы предупредить меня о триффидах. Затем я увидела несколько штук возле самого дома, и было очень похоже на то, что они ждут, чтобы кто-нибудь вышел. Мы с Деннисом кричали друг другу, потом триффиды зашевелились, и один направился ко мне, так что мне пришлось, безопасности ради, забраться в машину. Триффид продолжал двигаться ко мне. Я включила двигатель, сшибла и переехала его. Но остались другие, а у меня, кроме ножа, не было никакого оружия. Проблему разрешил Деннис.

«Если у вас найдется лишняя канистра бензина, плесните немного на них, а затем бросьте в них кусок горящей ветоши,— предложил он.— Это должно подействовать».

Это подействовало. Теперь я всегда пользуюсь садовым насосиком. Просто чудо, как я еще дом не подожгла.

С помощью поваренной книги Джозелла кое-как приготовила обед, а затем принялась наводить в доме порядок. Работа, обучение, всякого рода импровизации поглотили ее настолько, что ей некогда было задумываться над будущим дальше, чем на несколько ближайших недель. В эти дни она не заметила в окрестностях никого, но она была уверена, что где-нибудь должны быть люди, и тщательно наблюдала за долиной в поисках дыма днем и огней ночью. Однако в ее поле зрения не появилось ни одного дымка, ни единого проблеска света до того вечера, когда приехал я.

В каком-то смысле хуже всего катастрофа подействовала на Денниса. Джойс была еще слаба и еле двигалась. Мэри держалась замкнуто и, по всей видимости, находила бесконечное утешение в мыслях о своем предстоящем материнстве. Но Деннис был как зверь в западне. Нет, он не предавался бессмысленной ругани, как это делали многие другие, но он ненавидел свою слепоту злобно и горько, словно она загнала его в клетку, где он не намерен оставаться долго. Еще до моего прибытия он убедил Джозеллу найти в энциклопедии систему Брайля и сделать ему копию алфавита для слепых. Он ежедневно упорно тренировался, составляя из этой азбуки слова и пытаясь прочесть их. В остальное время он мучался своей бесполезностью, хотя никому не говорил ни слова. Он с угрюмой настойчивостью брался то за одно, то за другое дело, так что больно было смотреть на него, и всей моей силы воли едва хватало, чтобы удерживаться и не помогать ему: вспышка злости, которой он встретил однажды непрошеную помощь, была достаточно красноречива. Я испытал удивление перед его настойчивостью и трудолюбием, но больше всего меня поразило то, что уже на второй день слепоты он сумел смастерить такой удачный шлем из проволоки.

Он всегда стремился сопровождать меня в экспедиции, и его радовала возможность участвовать в погрузке тяжелых ящиков. Он жаждал книг по системе Брайля, но достать их можно было только в больших городах, и мы решили подождать с этим до тех пор, пока не уменьшится риск подхватить какую-нибудь заразу.

Дни потекли быстро — конечно, для тех из нас, кто обладал зрением. Джозелла была очень занята, большей частью по дому, и Сюзен училась помогать ей. Много дел было и у меня. Джойс стало значительно лучше, она впервые поднялась с постели, а затем быстро пошла на поправку. Вскоре после этого начались схватки у Мэри.

Это была трудная ночь для всех. Труднее всего, вероятно, для Денниса, который знал, что все зависит теперь от двух добросовестных, но совершенно неопытных девушек. Его самообладание вызывало во мне беспомощное восхищение.

Рано утром к нам спустилась смертельно усталая Джозелла.

— Девочка,— сказала она.— У них обоих все в порядке.— И она повела Денниса наверх.

Через несколько секунд она вернулась и взяла стаканчик, который я держал для нее наготове.

— Все обошлось очень гладко, слава богу,— сказала она.— Бедняжка Мэри страшно боялась, что малышка тоже родится

слепой, но ничего подобного, конечно, не случилось. А теперь она горько плачет, что не может увидеть ее.

Мы выпили.

— Странно как-то,— проговорил я.— Я имею в виду положение вообще. Словно зерно — оно сморщенное и как будто мертвое, а на самом деле оно живое. И вот теперь родилась новая жизнь, и она сразу вступает во все это...

Джозелла закрыла лицо руками.

— Господи! Билл... Неужели все и дальше будет так, как сейчас? Дальше... дальше... все время?

Она упала в кресло и расплакалась.

Через три недели я отправился в Тиншэм повидать Коукера и организовать наш переезд. Я взял легковую машину, чтобы обернуться за один день. Когда я вернулся, Джозелла встретила меня в холле. Она внимательно взглянула мне в лицо.

— Что случилось?— спросила она.

— Ничего особенного. Переезжать туда нам не придется,— ответил я.— Тиншэм погиб.

Она вытаращила глаза.

— Что там произошло?

— Не знаю точно, скорее всего чума.

Я коротко рассказал о поездке. Особенного расследования не потребовалось. Когда я приехал, ворота были настежь, и при виде триффидов, свободно разгуливающих по парку, я уже понял, чего следовало ожидать. Тяжелый запах подтвердил мою догадку. Я заставил себя зайти в дом. Судя по всему, он был покинут не менее двух недель назад. Я заглянул в две комнаты. Этого было достаточно. Я позвал, и мой голос замер в пустоте здания. Дальше я не пошел.

К наружной двери была прибита какая-то записка, но от нее остался только чистый уголок. Я потратил много времени в поисках листка, который, должно быть, сорвало ветром. Но я не нашел его. Грузовиков и легковых машин на заднем дворе не оказалось, большая часть припасов исчезла вместе с ними. Куда — я не знал. Оставалось вернуться в свою машину и ехать назад.

— И что же теперь?— спросила Джозелла, когда я закончил.

— Теперь, родная, мы останемся здесь. Мы знаем, как бороться за жизнь. И мы будем бороться за жизнь впредь... если нам не придут на помощь. Возможно, где-нибудь существует организация...

Джозелла покачала головой.

— Я думаю, о помощи надо забыть. Миллионы и миллионы людей ждали помощи и надеялись, и все напрасно.

— Таких групп, как наша, тысячи,— возразил я.— Они рассеяны по всей Европе, по всему миру. Некоторые объединятся, начнут строить заново.

— А когда это будет?— сказала Джозелла.— Через поколения? Вероятно, уже после нас. Нет. Мир погиб, остались только мы... Мы должны планировать свою жизнь без расчета на чью-либо помощь...— Она замолчала. На лице ее появилось странное, пустое выражение, какого я никогда у нее не видел. Она сморщилась.

— Родная моя...— сказал я.

— О Билл, Билл, я родилась не для такой жизни. Если бы не вы, я бы...

— Тихо, моя радость,— проговорил я нежно.— Тихо.— Я погладил ее по волосам.

Через несколько секунд она взяла себя в руки.

— Простите, Билл. Жалость к себе... Это отвратительно. Больше я не буду.

Она вытерла глаза платком.

— Итак, я должна стать женой фермера. Но все равно я рада выйти за вас замуж, Билл... даже если это не очень-то правильная, настоящая женитьба.

Она вдруг засмеялась. Я давно уже не слышал ее смеха.

— Что такое?

— Я вспомнила, как я всегда боялась своей свадьбы.

— Это делает вам честь... хотя это несколько неожиданно.

— Да нет, дело не только в этом. Я про своих издателей, репортеров, кинопублику. Какое это было бы для них развлечение. Выпустили бы новое издание моей глупой книжки... снова выпустили бы фильм... и фотографии во всех газетах. Вам бы это не понравилось.

— Я знаю кое-что, что не понравилось бы мне гораздо больше,— сказал я.— В лунную ночь вы поставили мне одно условие, помните?

Она взглянула на меня.

— Ну что же, возможно, не все получилось так уж плохо,— сказала она.

С тех пор я завел журнал. Это была помесь дневника, биржевого бюллетеня и тетради для заметок. В нем описаны места, где я побывал во время экспедиций, перечисляются добытые припасы, оцениваются количества припасов, которые надлежит вывезти, берутся на заметку складские и жилые помещения с примечаниями, какие из них следует очистить в первую очередь, пока они не разрушились. Прежде всего я искал продукты, горючее и зерно, но этим я не ограничивался. Журнал пестрит перечислениями грузов одежды, инструментов, белья, обуви, кухонной посуды, грузов скобяных изделий и проволоки, проволоки, снова проволоки, а также книг.

Из записей следует, что в первую же неделю после возвращения из Тинтэма я принялся сооружать проволочную ограду против триффидов. У нас уже были изгороди, защищающие от них дом и сад. Теперь же я начал осуществлять честолюбивый план по освобождению от них нескольких сотен акров посевной площади. Для этого необходима была прочная проволочная ограда, подкрепленная естественными препятствиями и вертикальными щитами, а внутри — изгородь более легкого типа, которая не давала бы скоту и нам самим неосмотрительно вступать в зону поражения жалом. Это была тяжелая, изнурительная работа, и она отняла у меня много месяцев.

Одновременно я стремился постигнуть азбуку сельского хозяйства. Изучать сельское хозяйство по книгам очень трудно. Во-первых, никто из авторов, писавших на эту тему, не предполагал, что какой-нибудь фермер будет начинать с абсолютного нуля. Поэтому я обнаружил, что все работы начинаются с середины в предположении, что читатель уже имеет какой-то опыт (которого я не имел) и знает терминологию (которой я не знал). Мои специализированные знания в биологии были решительно бесполезны перед лицом практических проблем. Теория требовала материалы и вещества, которые я либо не мог найти,

либо не смог распознать, если бы даже нашел. Очень скоро я понял, что к тому времени, когда кончатся практически невосполнимые запасы химических удобрений, кормов и всего прочего, останутся только простейшие механизмы, и тогда нам придется попотеть, а уж каков будет урожай, бог его знает.

Книжные знания в области коневодства, молочного хозяйства и работ на бойне тоже не давали никакой практической основы для овладения этими искусствами. Слишком много оказалось моментов, когда нельзя прерывать работу для консультации с нужной главой. Мало того, практика непрерывно обнаруживала загадочные отклонения от простых книжных схем.

К счастью, у нас было достаточно времени, чтобы делать ошибки и на них учиться. Сознание, что пройдет еще несколько лет, прежде чем нам придется более или менее целиком положиться на собственные ресурсы, оберегало нас от отчаяния по поводу наших неудач. Кроме того, мы могли утешать себя тем, что, проживая собранные запасы, мы тем самым не даем им погибнуть втуне.

Из соображений безопасности я прождал целый год, прежде чем снова поехать в Лондон. Для моих набегов это был самый прибыльный район, но он же производил на меня и наиболее тягостное впечатление. Сначала все еще казалось, будто прикосновение волшебной палочки может вернуть ему жизнь, хотя машины на улицах начали ржаветь. Годом позже изменения стали более заметны. Огромные пласты штукатурки обвалились со стен и засыпали тротуары. На улицах валялись колпаки дымовых труб и обломки черепицы. Травы и кустарники задушили канализационные люки. Опавшая листва забила водосточные трубы, и трава проросла в щелях стоков. Едва ли не каждое здание украсилось зеленым париком, под которым в прелой сырости гнили крыши. Сквозь окна были видны провалившиеся потолки, отставшие обои, блестящие от плесени стены. Сады парков и скверов заросли совершенно и расползались по соседним улицам. Зелень выпирала отовсюду, укореняясь на мостовых в щелях между камнями, выползая из трещин в бетоне, карабкаясь даже по сиденьям покинутых машин. Она вторгалась со всех сторон, чтобы вновь завладеть пустынями, которые создал человек. И странно, по мере того как живые растения закрывали камень, впечатление от города становилось все менее тяжелым. Когда Лондон вступил в стадию, где ему не помогла бы уже никакая волшебная палочка, большинство его призраков начало исчезать, медленно отступая в историю.

Однажды — не в тот год и не в следующий, а гораздо позже — я вновь стоял на Пиккадилли-Сиркусе, оглядывая запустение и пытаясь воссоздать мысленно картины кипевших там некогда толп. Но у меня ничего не вышло. Даже в моей памяти эти толпы были лишены реальности. От них не осталось никакого привкуса, никакого оттенка. Они сделались такими же аксессуарами истории, как римский Колизей или ассирийские армии, и почему-то такими же далекими для меня. Ностальгия, которая временами, в тихие часы, овладевала мною, терзала меня сильнее, чем само зрелище старого мира, лежащего в развалинах. Когда я бывал в полях далеко отсюда, я мог предаваться приятным воспоминаниям; но среди шершавых, медленно погибающих построек мне в голову лезли только суета, крушение надежд, бесцельные устремления, вездесущий металлический грохот, и я начинал сомневаться, так ли уж много мы потеряли...

Первую пробную вылазку в Лондон я предпринял в одиночку и вернулся с ящиками боеприпасов против триффидов, с бумагой, частями двигателей, а также с книгами и пишущей машинкой по системе Брайля для Денниса, с напитками, сладостями, патефонными пластинками и с новыми книгами для зрячих. Неделей позже со мной поехала Джозелла с более конкретной целью: за одеждой и бельем не только и не столько для взрослых, сколько для ребенка Мэри и для ребенка, которого ждала теперь сама. Лондон произвел на нее угнетающее впечатление, и больше она туда не ездила.

Я продолжал набеги на Лондон в поисках различных вещей и, как правило, пользовался случаем, чтобы заодно прихватить и предметы роскоши. Ни разу не пришлось мне увидеть, чтобы на улицах что-нибудь двигалось, если не считать немногих воробьев или заблудившегося триффида. Кошки и собаки дичали с каждым поколением, их можно было заметить на полях, но не здесь. Правда, иногда я наталкивался на свидетельства того, что не один я добываю припасы, но я никогда не видел этих людей.

Последнюю поездку я совершил в конце четвертого года. Где-то во внутреннем пригороде я обнаружил, что появилась опасность, пренебрегать которой я не имел права. Первым проявлением ее был громоподобный грохот позади меня. Я остановил грузовик и, оглянувшись, увидел поперек улицы груду развалин и столб пыли над нею. Видимо, сотрясение от тяжелого грузовика доконало непрочный уже фасад какого-то здания. Больше я не обрушил ни одного дома, но весь тот день я провел в напряженном ожидании потока кирпича и штукатурки, падающего мне на голову. С той поры я ограничил свои экспедиции небольшими городами, да и там я ходил пешком.

Крупнейшим и наиболее удобным источником снабжения для нас мог стать Брайтон. Но от него мне пришлось отказаться. Кто-му времени, когда я решил, что он безопасен для посещения, там были уже другие. Кто они и сколько их — узнать мне не удалось. Я затормозил перед грубой каменной стеной, возведенной поперек дороги. На ней красовались слова:

СТОЙ! НАЗАД!

Этот совет был подкреплен треском ружейного выстрела, и передо мной взлетел фонтанчик пыли. Я не увидел никого, с кем можно было бы вступить в переговоры, да и начало переговоров не предвещало ничего хорошего.

Я развернул грузовик и задумчиво поехал прочь. А что если наступит время, когда оборонительные приготовления моего друга Стефена все-таки окажутся не бесполезными? Для очистки совести я заехал в арсенал, где мы еще раньше взяли огнеметы против триффидов, и погрузил там несколько пулеметов и минометов.

В ноябре второго года у нас с Джозеллой родился первый ребенок. Мы назвали его Дэвидом. Моя радость сливалась временами с дурными предчувствиями: какое будущее создадим мы для него? Но Джозеллу это волновало меньше всего. Она его боготворила. Видимо, он был для нее компенсацией за все, что она утратила, и, как это ни странно, теперь она беспокоилась о состоянии мостов на нашем пути в будущее гораздо меньше, чем прежде. Как бы то ни было, это был крепкий мальчишка, и его здоровье позволяло надеяться, что он сможет постоять за себя, когда вырастет. Поэтому я подавил свои предчувствия и с удвоенным рве-

нием взялся за работу на земле, которая в один прекрасный день будет содержать нас всех.

После этого прошло, должно быть, не очень много времени, и Джозелла заставила меня обратить более пристальное внимание на триффидов. За эти годы я так привык принимать против них меры предосторожности, что их превращение в непременную деталь пейзажа прошло для меня гораздо менее заметно, чем для остальных обитателей фермы. Кроме того, имея с ними дело, я привык носить проволочную маску и перчатки, так что, когда я выезжал в экспедиции, ничего нового в этом для меня не было. Короче говоря, я привык обращать на триффидов не более внимания, чем на москитов в малярийной местности. Джозелла заговорила о них однажды вечером, когда мы лежали в постели. В тишине слышался только отдаленный перемежающийся треск твердых черенков, барабанящих по стеблям.

— В последнее время они трещат куда больше,— сказала она.

Сначала я не понял, о чем она говорит. Эти звуки были обычным фоном везде, где я так долго жил и работал, и если я не прислушивался к ним сознательно, я не мог даже сказать, есть они или нет. Теперь я прислушался.

— Не слышу, чтобы они трещали как-нибудь иначе,— сказал я.

— Я не сказала, что иначе. Я сказала, что они трещат больше, потому что их теперь больше, чем прежде.

— Не заметил,— проговорил я безразлично.

С тех пор как я соорудил ограду, мои интересы сосредоточились внутри нее, и мне было все равно, что делается снаружи. Во время поездок мне казалось, будто в большинстве мест триффидов столько же, сколько раньше. Я вспомнил, что их количество здесь поразило меня, еще когда я прибыл сюда впервые, и я предположил тогда, что где-то в окрестностях располагались крупные питомники.

— Много больше. Присмотрись к ним завтра,— предложила она.

Утром я вспомнил и, одеваясь, выглянул в окно. Я увидел, что Джозелла права. Позади совсем небольшого участка ограды можно было насчитать более сотни триффидов. За завтраком я сказал об этом. Сюзен удивилась.

— Их становится больше с каждым днем,— сказала она.— Разве ты не заметил.

— Мне и без того есть о чем беспокоиться,— сказал я. Ее тон слегка задел меня.— И вообще, по ту сторону ограды они меня не интересуют. Достаточно выпалывать их ростки внутри ограды, а снаружи они могут делать все, что им угодно.

— Все равно,— проговорила Джозелла озабоченно,— с какой стати они сходятся сюда такими толпами? Я совершенно уверена, что они именно сходятся. И мне хотелось бы знать почему?

На лице Сюзен вновь появилось выражение удивления.

— Да ведь он их приманивает,— сказала она.

— Не показывай пальцем,— автоматически заметила Джозелла.— Что ты имеешь в виду? Как это Билл их может приманивать?

— Очень просто. Он создает шум, и они приходят.

— Послушай,— сказал я.— О чем ты болтаешь? Ты что, полагаешь, будто я во сне им подсвистываю?

Сюзен обиделась.

— Ладно. Раз ты мне не веришь, я покажу тебе после завтрака,— объявила она и надулась.

Когда завтрак кончился, она выскользнула из-за стола и вернулась с моим дробовиком и с биноклем. Мы вышли на лужайку. Она оглядела горизонт, заметила вдали триффида и подала мне бинокль. Триффид неторопливо ковылял через поля. До него было больше мили, и он двигался на восток.

— Следи за ним,— сказала она.

Она выстрелила в воздух.

Через несколько секунд триффид послушно изменил курс и двинулся в нашу сторону.

— Видишь?— сказала она, потирая плечо.

— Да, это похоже на... А ты уверена? Попробуй еще раз,— предложил я.

Она покачала головой.

— Не стоит. Все триффиды, которые слыхали выстрел, идут сейчас сюда. Минут через десять они остановятся и станут слушать. Если они близко и им слышно, как трещат эти у ограды, они будут здесь. Если они далеко, но мы выстрелим еще раз, они тоже будут здесь. Но если они ничего не услышат, то подождут еще немного и поплетутся дальше своей дорогой.

Я вынужден был признать, что это открытие несколько ошарашило меня.

— Ага... э... конечно,— сказал я.— Ты, должно быть, следила за ними очень внимательно, Сюзен.

— Я всегда слежу за ними. Я их ненавижу,— сказала она, как если бы это все объясняло.

К нам подошел Деннис.

— Сюзен права,— сказал он.— Мне это не нравится. Мне это уже давно не нравится. Эти проклятые твари что-то против нас затеяли.

— Да бросьте вы...— начал я.

— А я вам говорю, они совсем не так просты, как мы думаем. Они ведь все знали. Они стали вырываться на свободу в тот же момент, когда не стало никого, кто мог бы их остановить. Они были возле нашего дома уже на следующий день. Можете вы объяснить это?

— Это для них обычное дело,— возразил я.— В джунглях они всегда слонялись возле тропинок. Часто они обступали деревни и врывались туда, если их не отбивали. В тропических странах они всегда были бичом божьим.

— Но ведь не здесь, вот что я хочу сказать. Они не могли вытворять этого здесь, пока не изменилась обстановка. Они даже не пытались. Но как только возможность представилась, они воспользовались ею немедленно. Словно они узнали, что теперь можно.

— Слушайте, Деннис, будьте же благоразумны,— сказал я.— Подумайте, ну что же вы говорите.

— Я отлично знаю, о чем я говорю. По крайней мере главное. Я не строю никаких определенных теорий, но я скажу вам вот что: они воспользовались нашей катастрофой с поразительной быстротой. Я скажу также, что в их нынешнем поведении чувствуется нечто очень похожее на систему. Вы были так погружены в работу, что не замечали, как они накапливаются и ждут здесь, за оградой. А Сюзен заметила, я сам слыхал, как она об этом говорила. И как вы полагаете, чего они там ждут?

Я не стал бы отвечать немедленно. Я сказал:

— Вы считаете, что дробовик их привлекает и мне лучше пользоваться трифффидным ружьем?

— Дело не только в дробовике, дело вообще в шуме,— сказала Сюзен.— Хуже всего трактор, потому что он шумит громко и долго, так что им легко определить, куда нужно идти. Но они слышат и наш движок. Я видела, как они сворачивают сюда, едва он начинает тарахтеть.

— Мне бы хотелось,— заметил я,— чтобы ты не твердила «они слышат», как будто это животные. Они не слышат. Они всего лишь растения.

— Все равно, как-то они слышат,— упрямо возразила Сюзен.

— Ну.. ладно, мы что-нибудь сделаем,— пообещал я.

Мы стали делать. Первой ловушкой было грубое подобие ветряной мельницы, производящее энергичный стук. Мы установили ее в полумиле от фермы. Она сработала. Она оттянула от ограды и собрала со всей округи трифффидов. Когда вокруг нее столпилось несколько сотен штук, мы с Сюзен поехали туда и взяли их в огнеметы. Ловушка отлично сработала и второй раз... и после этого трифффиды перестали обращать на нее внимание. Следующим нашим ходом было сооружение загона внутри ограды. Участок ограды перед загоном был заменен воротами. Место мы выбрали напротив движка и оставили ворота открытыми. Через пару дней мы захлопнули ворота и уничтожили пару сотен трифффидов, забравшихся в загон. Второй раз на том же месте это не удалось, и даже в других местах число попадающих в такую ловушку трифффидов быстро сокращалось.

Хорошие результаты мог бы дать обход границ с огнеметом раз в несколько дней, но это потребовало бы много времени и скоро оставило бы нас без горючей смеси. Расход ее при пользовании огнеметом очень велик, а запасы в армейском арсенале были ограничены. Если бы мы их исчерпали, наши драгоценные огнеметы стали бы железным ломом, потому что я не знал ни состава, ни способа приготовления эффективного горючего.

Два или три раза мы испробовали на скоплениях трифффидов минометы, но результаты были плохими. Трифффиды, как и деревья, могли выдержать без смертельного исхода множество механических повреждений.

Невзирая на ловушки и периодические избиения, число трифффидов со временем все увеличивалось. Они ничего не предпринимали. Они просто зарывались корнями в землю и стояли. На расстоянии они ничем не отличались от мирной изгороди, и если бы не барабанный стук, производимый то одним, то другим, они были бы не более примечательны, чем любая другая ограда. Но тому, кто усомнился бы в их постоянной готовности, достаточно было проехать на машине по проселку. Это значило пройти сквозь строй такого свирепого бичевания жалами, что приходилось, достигнув шоссе, останавливаться и очищать заляпанное ядом ветровое стекло.

Время от времени кто-нибудь из нас выдвигал новый способ борьбы с ними; было предложено, например, опрыскивать почву за оградой крепким раствором мышьяка. Но во всех случаях отступление трифффидов было временным.

Мы испробовали за год множество подобных уловок, и вот настал день, когда Сюзен рано утром влетела в нашу комнату и сообщила, что чудища прорвались и обступили дом. Она встала, как обычно, рано, чтобы подоить коров. Небо за окном ее спаль-

ни уже светлело, но когда она спустилась в холл, там царила кромешная тьма. Она сообразила, что так быть не должно, и включила свет. Едва разглядев прижавшиеся снаружи к окнам кожистые зеленые листья, она догадалась, что произошло.

Я на цыпочках пересек спальню и резко захлопнул окно. В тот же момент снизу в стекло хлестнуло жало. Мы увидели внизу чащу триффидов в десять или двенадцать рядов, обступивших дом вплотную к стенам. Огнеметы мы держали в сарае. Прежде чем отправиться за ними, я принял все меры предосторожности. В толстой куртке и рукавицах, в кожаном шлеме и в шоферских очках под проволочной маской, я врубился в толпу триффидов самым огромным мясницким ножом, какой у нас нашелся. Жала свистели и хлестали по проволочной сетке так часто, что яд совершенно залил ее и стал проникать внутрь мелкими брызгами. Брызги затуманили стекла очков, так что, добравшись до сарая, я первым делом смыл яд с лица. Чтобы расчистить себе путь назад в дом, я решился всего на одну короткую, направленную по низу струю из огнемета, потому что боялся поджечь дверь и оконные рамы, но и этого оказалось достаточно, чтобы они задвигались, заволновались и беспрепятственно пропустили меня.

Джозелла и Сюзен стояли с огнетушителями наготове, а я, все еще похожий на помесь глубоководного водолаза с марсианином, высовывался поочередно из окон верхнего этажа и поливал огнем осаждающую толпу этих тварей. Потребовалось немного времени, чтобы поджечь большинство и погнать остальных. Сюзен, уже в маске и перчатках, схватила второй огнемет и принялась с упоением гоняться за ними, чтобы истребить до конца. Я направился через поле искать пролом. Это было нетрудно. С первой же возвышенности я увидел место, где триффиды продолжали вливаться внутрь ограды потоком качающихся стеблей и развевающихся листьев. Все они двигались по направлению к дому. Выпроводить их было просто. Струя по передним остановила их; еще две по сторонам заставили их устремиться назад. Струя поверху подстегнула их и обратила в бегство запоздавших. Метрах в двадцати лежал плашмя участок ограды с вывороченными столбами. Я поднял его и кое-как укрепил снова, а затем выпустил из огнемета еще несколько струй, чтобы предупредить новые неприятности хотя бы на ближайшие часы.

Почти весь день потратили мы с Джозеллой и Сюзен, заделывая пролом. Затем, пока мы с Сюзен обшаривали все уголки внутри ограды и добивали последних вторгшихся триффидов, прошло еще два дня. Мы обследовали все ограждение и укрепили все сомнительные участки. А через четыре месяца они прорвались вновь...

На этот раз мы нашли в проеме множество раздавленных триффидов. Впечатление было такое, будто на ограду навалились и давили, пока она не упала, и передние ряды тварей, повалившись вместе с нею, были растоптаны остальными.

Было ясно, что необходимо принимать новые оборонительные меры. Все участки ограды были примерно одинаковой прочности, все они могли быть прорваны подобным же образом. Наиболее подходящим способом держать триффидов на расстоянии представлялась электрификация. Я нашел армейский генератор, установленный на трейлере, и доставил его домой. Мы с Сюзен принялись монтировать проводку. Прежде чем мы успели закончить ее, мерзкие твари прорвались еще раз в другом месте.

Я уверен, что эта система полностью бы себя оправдала, если бы ограду можно было держать под напряжением непрерывно или хотя бы большую часть времени. Но для этого требовалось горючее. Бензин был для нас особенно ценен. Мы всегда могли обеспечить себя какой-нибудь пищей, но когда кончатся запасы бензина и дизельного топлива, с ними кончится нечто большее, нежели какие-то удобства. Не будет больше экспедиций, следовательно, перестанут пополняться запасы. Первобытная жизнь начнется всерьез. Поэтому из соображений экономии мы пускали ток через ограду всего на несколько минут по два-три раза в сутки. Это вынудило триффидов отступить, теперь они не решались наваливаться на ограду. В качестве дополнительной предосторожности мы провели вдоль внутренней изгороди сигнальную проволоку, чтобы можно было вовремя управиться с любым прорывом.

Слабость системы была в том, что триффиды оказались способны учиться на опыте, по крайней мере в ограниченных пределах. Например, они стали привыкать к тому, что мы включаем ток только ночью и утром и только на короткое время. Мы стали включать генератор случайным образом, но Сюзен, для которой триффиды были постоянными объектами пристального наблюдения, вскоре начала утверждать, будто время, на которое электрический удар удерживает их вдали от ограды, становится все короче.

Мы начали замечать, что они отступают от ограды, только когда запускается генератор, а едва он умолкает они надвигаются снова. В то время мы не могли еще сказать, действительно ли они ассоциируют ток в ограде с шумом генератора, но позже у нас не осталось сомнений, что так оно и есть. Все же ограда под током и периодические нападения на их особенно густые скопления больше чем на год избавили нас от прорывов. Позже триффиды прорывались неоднократно, однако мы вовремя узнавали об этом, и прорывы перестали быть для нас серьезными осложнениями.

Защищенные нашей оградой, мы продолжали учиться сельскому хозяйству, и постепенно жизнь вошла в однообразный ритм.

Однажды летом шестого года мы с Джозеллой отправились вдвоем на морское побережье. Мы поехали в полугусеничном вездеходе, которым я обычно пользовался теперь, когда дороги сильно ухудшились. Для Джозеллы это был праздник. В последний раз она была за оградой несколько месяцев назад. Заботы по дому и о детях слишком утомляли ее, и она выезжала только изредка, когда это было совершенно необходимо. Но теперь дом можно было оставлять на Сюзен, и когда мы перевалили через гряду холмов, нас охватило чувство освобождения. На последнем южном склоне мы остановили машину, вышли и сели.

Был идеальный июньский день, в чистом синем небе белело несколько легких облачков. Солнце озаряло песчаные пляжи и море за ними так же ярко, как и в прошлом, когда эти пляжи были усеяны купальщиками, а море пестрело лодочками. Несколько минут мы в молчании глядели на эту сцену. Потом Джозелла сказала:

— Тебе иногда не кажется, Билл, что стоит на некоторое время закрыть глаза, а потом открыть, и можно увидеть все, как было раньше?

— Теперь уже не так часто,— ответил я.— Но ведь мне довелось увидеть гораздо больше, чем тебе. Впрочем, иногда...

— Погляди на чаек... Они такие же, как раньше.

— В этом году стало гораздо больше птиц,— согласился я.— И я рад этому.

На расстоянии крошечный городок все еще представлялся россыпью домиков под красными крышами и бунгало, населенных по большей части буржуа, отошедшими от дел. Но такое впечатление могло продержаться всего несколько минут. Хотя виднелись еще черепичные крыши, но стен уже не было видно. Аккуратные садики потонули в буйно разросшейся зелени, испещренной яркими пятнами одичавших потомков тщательно культивировавшихся цветов. И даже дороги выглядели, как полосы зеленых ковров. Вблизи же обнаруживалось, что впечатление мягкой зелени иллюзорно: дорога была выстлана грубыми жесткими ползунами.

— Всего несколько лет назад,— задумчиво проговорила Джозелла,— люди жаловались, что эти бунгало портят пейзаж. И посмотри на них теперь.

— Да, пейзаж отомщен,— сказал я.— Тогда казалось, что с природой покончено. Но кто мог подумать, что в старике так много крови?

— Меня это как-то пугает. Словно все сорвалось с цепи, все радуется, что нам пришел конец и что каждый волен идти своей дорогой. Хотелось бы мне знать... Может быть, мы все это время морочили себе голову? Как, по-твоему, Билл, с нами действительно покончено?

В моих экспедициях у меня было больше времени подумать над этим, чем у нее.

— Если бы ты была не такой, какая ты есть, я бы мог ответить тебе в этаком героическом тоне — в духе бездумного волюнтаризма, который часто сходит за веру и решимость.

— Но поскольку я такая, какая я есть?..

— Я дам тебе честный ответ: с нами еще не покончено. И пока будет жизнь, будет и надежда.

Несколько секунд мы смотрели на пейзаж перед нами.

— Мне кажется,— пояснил я,— только кажется, заметь, что у нас есть крошечный шанс, такой крошечный, что потребуется много времени, чтобы он оправдался. Если бы не триффиды, я бы сказал, что у нас хорошие шансы, хотя и тут потребовалось бы время. Но триффиды являются реальным фактором. Это нечто такое, с чем никогда не приходилось бороться ни одной растущей цивилизации. Смогут они отобрать у нас планету или мы сможем остановить их?

Настоящая проблема состоит в том, чтобы найти против них простое средство. Мы держимся не так уж плохо — мы отбиваем их. Но наши внуки, что будут делать они? Не придется ли им проводить жизнь в резервациях, отбивая триффидов ценой бесконечных тяжелых усилий?

Я уверен, что простой способ существует. Вся беда в том, что к простым способам идут через очень сложные исследования. А у нас для этого нет ресурсов.

— Да у нас же все ресурсы мира,— возразила Джозелла.— Только иди и бери.

— Материальные — да. Но умственных нет. Тут нужна группа, группа экспертов, которые все свое время отдавали бы проблеме, как разделаться с триффидами раз и навсегда. Что-то мож-

но было бы сделать, я уверен. Какой-нибудь избирательный гербицид. Синтезировать необходимые гормоны, которые вызывали бы у триффидов состояние биологической неустойчивости... только у триффидов, не задевая ничего другого. Это было бы возможно, если сосредоточить на таком деле достаточно мозговых мощностей...

— Раз ты так думаешь, почему бы тебе не попытаться?

— Слишком много причин. Во-первых, я для этого не гожусь. Я всего лишь посредственный биохимик, и я в единственном числе. Затем нужны лаборатория и оборудование. Далее, необходимо время, а на мне сейчас слишком много дел. Но даже если бы я смог что-нибудь сделать, нужны средства производить эти синтетические гормоны в массовых масштабах. Для этого потребовалась бы фабрика. Но прежде всего нужна исследовательская группа.

— Людей можно обучить.

— Да... когда они свободны от необходимости ежечасно драться за существование. Я собрал множество книг по биохимии в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь сможет ими воспользоваться. Я научу Дэвида всему, что знаю, а он передаст это дальше. Но если не будет когда-нибудь свободного времени для работы в этой области, для людей останутся только резервации.

Джозелла, нахмурившись, следила за стадом из четырех триффидов, которые ковыляли через поле под нами.

— Когда-то говорили, что единственным серьезным соперником человека являются насекомые. Мне кажется, что в триффидах есть что-то общее с некоторыми видами насекомых. О, я знаю, что биологически это растения. Я хочу сказать, что они не заботятся о судьбе отдельной особи и отдельная особь не беспокоится о своей судьбе. Каждый в отдельности обладает чем-то отдаленно напоминающим разум; когда же они собираются толпой, это заметно особенно. Толпой они действуют целенаправленно, совсем как муравьи и пчелы, и можно утверждать, что каждый в отдельности не знает цели и плана, частью которого является. Все это очень странно; нам, во всяком случае, этого не понять. Они слишком другие. Мне кажется, это противоречит всем нашим идеям о наследственных признаках. Может быть, есть в пчеле или триффиде что-нибудь похожее на ген общественной организации? Может быть, муравей имеет ген архитектуры? И если у них это есть, то почему не выработали гены знания иностранных языков или поварского искусства? Как бы то ни было, у триффидов есть что-то в этом роде. Возможно, каждый триффид в отдельности не знает, для чего он трется возле нашей ограды, но все вместе они знают, что их цель — добраться до нас. И что рано или поздно они доберутся.

— Может случиться еще очень многое, что предотвратит такой исход,— заметил я.— Мне бы не хотелось, чтобы ты потеряла надежду.

— А я и не теряю — разве что когда устаю. Обычно я слишком занята и не могу беспокоиться о том, что будет через много лет. Нет, как правило, мне просто немножко грустно — этакая нежная меланхолия, которую столь ценили в восемнадцатом веке. Меня одолевает чувствительность, когда ты заводишь патефон,— страшно подумать, что огромный оркестр, уже давно исчезнувший, все еще играет для горстки людей, загнанной в угол и обреченной на постепенное одичание. Музыка уносит меня в

прошлое, и я грущу о том, что ушло и никогда не вернется. У тебя не бывает такого чувства?

— Угу,— признался я.— Но я заметил, что со временем мне делается все легче принимать настоящее. Полагаю, если бы мне было дано исполнение желаний, я бы пожелал возродить наш старый мир, но с одним условием. Видишь ли, несмотря ни на что, внутренне я сейчас более счастлив, чем когда-либо раньше. Ты это знаешь, не правда ли, Джози?

Она положила ладонь на мою руку.

— Я тоже так чувствую. Нет, мне больно не за то, что потеряли мы, а за то, чего никогда не узнают наши дети.

— Будет нелегко внушить им надежды и цели,— признал я. — Нам не уйти от нашего прошлого. Но им-то незачем будет все время оглядываться назад. Традиции погибшего золотого века и мифы о предках-волшебниках были бы для них сущим проклятьем. Целые народы обладали этим комплексом неполноценности, который вырос из плача по славному прошлому. Только вот как сделать, чтобы этого не случилось?

— Будь я сейчас ребенком, — сказала она задумчиво, — я бы, наверное, спросила, в чем причина. Если бы мне не ответили... то есть если бы мне разрешили думать, будто меня произвели на свет в мире, который был разрушен совершенно бессмысленно, я бы сочла бессмысленной и самоё жизнь. Самое трудное здесь в том, что это так и представляется...

Она помолчала, размышляя, затем добавила:

— Ты не считаешь, что нам стоит... Ты не считаешь, что мы должны создать миф, чтобы помочь им? Сказку о мире, который был чудо, каким разумным, но таким злым, что его пришлось разрушить... или он случайно разрушил себя? Снова что-нибудь вроде великого Потопа. Это не подавило бы их комплексом неполноценности, это могло бы побудить к тому, чтобы строить, и строить на этот раз что-нибудь лучшее.

— Да... — проговорил я, подумав. — Да. В большинстве случаев лучше всего говорить детям правду. Это как бы облегчает им жизненный путь... Только зачем притворяться, будто это миф?

Джозелла с сомнением взглянула на меня.

— Что ты имеешь в виду? Триффиды... ну, я признаю, триффиды были чьим-то злым умыслом или ошибкой. Но все остальное...

— За триффидов, мне кажется, никого винить не стоит. Триффидные масла были очень ценным продуктом. Никому не дано знать, к чему ведет великое открытие, все равно какое — новый вид двигателя или триффид, и до катастрофы мы управлялись с ними превосходно. Они являлись для нас благословением, пока обстоятельства не сложились в их пользу.

— Да, но обстоятельства изменились не по нашей вине. Это было... ну, вроде землетрясения, урагана — то, что страховые компании определили бы как стихийное бедствие. А возможно, это был страшный суд. Ведь не сами же мы сотворили эту комету. Но ты прав, ошибок было много. Боже мой, сколько было ошибок! Об этом мы можем и должны предупредить наших детей.

— Гм... Ну что же... — сказал я. — Впрочем, когда они справятся с триффидами и выберутся из этого дрянного положения, у них будет возможность делать свои собственные, новые, с иголочки, ошибки.

— Бедные малыши, — пробормотала она, словно вглядываясь в бесконечные ряды прапраправнуков. — Как мало мы можем предложить им.

— Сказано: «Жизнь такова, какой ты ее делаешь».

— Это, мой милый Билл, почти во всех случаях всего лишь куча... ладно, не буду говорить гадостей. Помнится, эту пословицу любил повторять мой дядя Тед... пока с самолета не сбросили бомбу, которая оторвала ему обе ноги. Это изменило его мнение. Я вот ничего такого не сделала в своей жизни, что помогло бы мне остаться теперь в живых. — Она отбросила окурок. — Что мы такое совершили, Билл, почему нам выпало счастье жить в этом ужасе? Иногда — то есть когда я не чувствую себя усталой и эгоистичной — я думаю, как нам действительно повезло, и мне хочется вознести благодарность кому-то или чему-то. Но мне сразу приходит в голову, что если бы этот кто-то существовал, он выбрал бы гораздо более достойных, чем я. Простодушную девушку все это повергает в крайнее смущение.

— А мне кажется, — сказал я, — что будь кто-нибудь или что-нибудь за рулем вселенной, многое в истории просто не могло случиться. Впрочем, не стоит особенно раздумывать над этим. Нам повезло, моя радость. И если счастье завтра нам изменит, пусть. Что бы ни случилось, у нас уже не отобрать времени, которое мы провели с тобой. Я получил больше, чем заслуживаю, и больше, чем большинство мужчин получало за всю свою жизнь.

Мы посидели еще немного, глядя в пустынное море, а затем спустились на вездеходе в городок.

Разыскав большинство предметов, обозначенных в нашем списке, мы отправились на пляж и устроили пикник, имея позади широкую полосу плавника, через который не смог бы перебраться неслышно ни один триффид.

— Надо выезжать так почаще, пока мы можем, — сказала Джозелла. — Сюзен выросла, и я немного освободилась.

— Ты заслужила право на передышку более, чем кто-либо другой, — согласился я.

Я произнес это, чувствуя, что пора бы, пока это еще возможно, поехать с нею и сказать последнее прости всем знакомым местам и вещам. С каждым годом все ближе надвигалась на нас перспектива тюремного заключения. Уже приходилось, выезжая к северу от Ширнинга, делать многомильный крюк, чтобы миновать долину, которая снова превратилась в болото. Дороги быстро приходили в негодность, их покрытие разъедали дожди и потоки и разрушали корни растений. Все труднее становилось доставлять домой цистерны с горючим. Мог наступить день, когда одна такая цистерна застрянет на проселке, и, возможно, закупорит его навсегда. В полугусеничном вездеходе еще можно будет разъезжать по достаточно сухой местности, но со временем все труднее будет находить свободный проезд даже для него.

— И надо будет в последний раз повеселиться, — сказал я. — Ты снова приоденешься, и мы отправимся...

— Ш-ш-ш! — прервала меня Джозелла. Она подняла палец, прислушиваясь.

Я затаил дыхание. Это было скорее ощущение пульсации в воздухе, чем звук. Оно было едва заметно, но оно постепенно нарастало.

— Это... это же самолет! — сказала Джозелла.

Мы глядели на запад, прикрыв глаза ладонями от солнца. Гул мотора был все еще не громче жужжания насекомого. Он усиливался так медленно, что речь могла идти только о вертолете: любая другая машина давно бы уже успела пролететь над нами.

Первой его увидела Джозелла. Крошечная точка над морем неподалеку от береговой линии, движущаяся явно в нашу сторону параллельно побережью. Мы вскочили на ноги и принялись махать. Точка росла, и мы махали все яростнее и кричали изо всех сил. Если бы пилот держался прежнего курса, он бы не мог не увидеть нас на открытом пляже, но за несколько миль от нас вертолет вдруг круто свернул в северном направлении и полетел над сушей. Мы продолжали бешено размахивать руками в надежде, что он все же заметит нас. Все было напрасно. Медленно и невозмутимо он с гулом удалялся от моря и, наконец, скрылся за грядой холмов.

Мы опустили руки и поглядели друг на друга.

— Если он прилетел один раз, то может прилететь и снова, — стойко, но не очень убедительно сказала Джозелла.

Вертолет все же нарушил медленное течение нашего дня. Он нанес удар по смирению, которое мы так старательно укрепляли в своих душах. Мы говорили себе, что, кроме нас, должны существовать и другие группы, однако они в таком же положении, как и мы, а может быть, и в худшем. Но когда, словно видение из прошлого, перед нашими глазами проплыл вертолет, он вызвал в нас не только воспоминания: он показал, что кто-то сумел наладить жизнь лучше, чем мы. Может быть в этом был привкус зависти? И кроме того, он заставил нас вспомнить, что мы все еще по природе своей стадные существа.

Беспокойное ощущение, которое вертолет оставил после себя, нарушило наше настроение и привычный ход мыслей. Не сговариваясь, мы стали собирать вещи, в глубоком раздумье вернулись к вездеходу и направились домой.

Мы проехали, вероятно, половину расстояния до Ширнинга, когда Джозелла заметила дым. На первый взгляд это могло быть облако, но с вершины холма мы разглядели под расплывшейся шапкой плотный серый столб. Мы молча переглянулись. За все эти годы мы видели всего несколько случайных пожаров, самопроизвольно возникавших ранней осенью. И мы мгновенно поняли, что столб дыма поднимается впереди в районе Ширнинга.

Я пустил вездеход на полную скорость. Никогда еще он не мчался так по размытым, разрушенным дорогам. Нас кидало и швыряло на сиденье, но нам все равно казалось, будто мы едва ползем. Джозелла сидела молча, сжав губы, не спуская глаз со столба дыма. Она жадно искала признаки того, что горит где-нибудь либо ближе, либо дальше, только не в самом Ширнинге. Но сомневаться уже не приходилось. Мы с ревом промчались по последнему проселку, не замечая триффидов, хлеставших жалами в борта вездехода. Затем, после поворота, мы увидели, что горит не дом, а поленница дров.

На мой сигнал выбежала Сюзен и схватилась за веревку, которая распахивала ворота с безопасного расстояния. Она что-то прокричала, но мы не расслышали за лязгом гусениц. Ее свободная рука указывала не на пламя, а на дом. Только въехав во двор, мы поняли, в чем дело. Посередине нашей лужайки стоял вертолет.

Едва я остановил машину, из дома вышел человек в кожаной куртке и бриджах. Он был высокий, белокурый, лицо его было

обожжено солнцем. С первого же взгляда я почувствовал, что где-то уже его видел. Он помахал нам, весело улыбаясь.

— Мистер Билл Мэйсен, я полагаю, — сказал он, когда мы подошли к нему. — Меня зовут Симпсон. Айвен Симпсон.

— Помню,— сказала Джозелла. — Вы привели в тот вечер вертолет в Университет.

— Совершенно верно. Вы молодец, что помните. Но чтобы доказать вам, что у меня тоже хорошая память, я скажу вам, кто вы. Вас зовут Джозелла Плэйтон, и вы автор...

— Вы ошибаетесь, — строго прервала его Джозелла. — Меня зовут Джозелла Мэйсен, и я автор «Дэвида Мэйсена».

— А, да! Только что я видел оригинальное издание и скажу, если мне будет позволено, что выполнено оно с отменным мастерством.

— Постойте,— сказал я. — Этот пожар...

— Ничего страшного. Ветер дует от дома. Хотя боюсь, что запас ваших дров погиб.

— Что произошло?

— Это Сюзен. Она ни за что не желала, чтобы я пролетел мимо. Услыхав шум мотора, она схватила огнемет и стала искать, как подать сигнал. Дрова были ближе всего — такой костер проморгать невозможно.

Мы вошли в дом и присоединились к остальным.

— Кстати, — сказал Симпсон, — Микаэль велел мне, чтобы я прежде всего принес извинения.

— Мне? — спросил я удивленно.

— Вы были единственным человеком, который усмотрел в триффидах опасность, и он вам не поверил.

— Но... вы хотите сказать, что вы знали, где я нахожусь?

— Несколько дней назад мы узнали примерный район вашего местонахождения. Нам рассказал парень, которого мы все очень хорошо помним, — Коукер.

— Значит, Коукер тоже спасся, — сказал я.— Я видел могильник в Тиншэме и решил, что он погиб от чумы.

Позже, когда мы поели и выставили наше лучшее бренди, он рассказал нам историю своей группы.

Оставив Тиншэм на милость и принципы мисс Дюрран, партия Микаэля Бидли направилась вовсе не в район Биминстера. Она двинулась на север, в Оксфордшир. Мисс Дюрран сознательно обманула нас с Коукером: о Биминстере не было сказано ни слова.

Они нашли поместье, удовлетворявшее, как им сначала казалось, всем их требованиям, и они, несомненно, закрепились бы там, как мы закрепились в Ширнинге, но угроза со стороны триффидов все усиливалась и недостатки этого места обнаруживались со все большей очевидностью. Через год Микаэль и Полковник сочли, что оставаться там нецелесообразно. В это поместье уже было вложено немало труда, но к концу второго лета все согласились, что, чтобы построить общину, необходимо мыслить категориями десятков лет. Кроме того, необходимо было понять, что откладывать переезд нельзя, — позже будет труднее. Им нужно было место, которое бы обеспечивало дальнейшее развитие, район, окруженный естественными препятствиями так, чтобы достаточно было очистить его от триффидов всего один раз. Сооружение и укрепление изгородей требует больших усилий, а с увеличением общины пришлось бы и увеличивать их длину. Ясно было, что лучшим естественным препятствием, ко-

торое может заменить изгороди, является вода. Группа провела дискуссию относительно достоинств различных островов. В конце концов решено было выбрать остров Уайт, главным образом из-за климатических условий, хотя многие сомневались, удастся ли его очистить. И в марте они снова погрузились и отправились в путь.

— Когда мы туда прибыли, — рассказывал Айвен, — нам показалось, что триффидов там еще больше, чем на старом месте. Едва мы устроились в одном старом помещичьем доме возле Годшилла, как они стали тысячами скапливаться вокруг стен. Мы дали им недели две, а потом уничтожили их огнеметами.

Стерев в порошок первую партию, мы дали им накопиться снова, перебили их во второй раз, и так далее. Там мы уже могли позволить себе не жалеть горючей смеси, потому что с полным уничтожением триффидов надобность в огнеметах отпадала. На острове их могло быть довольно ограниченное число, и чем больше их собиралось вокруг дома, тем больше это нам нравилось.

Нам пришлось проделать это десятки раз, прежде чем начали сказываться результаты. Все пространство вокруг стен покрылось обуглившимися головешками, и только тогда они стали избегать нас. Черт возьми, их оказалось куда больше, чем мы ожидали...

— На вашем острове прежде было по меньшей мере полдюжины питомников, разводивших триффиды высших сортов, не говоря уже о тех, которых держали в частных садах, — заметил я.

— Это меня не удивляет. Судя по всему, этих питомников могла быть и целая сотня. Если бы меня спросили раньше, я бы сказал, что у нас в стране несколько тысяч этих тварей. В действительности же они, наверное, исчислялись сотнями тысяч.

— Да, примерно,— сказал я.— Они могут расти практически повсюду, и они давали большой доход. Когда они были огорожены в питомниках и на фермах, казалось, что их не так уж много. Впрочем, все равно, если учесть, сколько их здесь вокруг нас, то надо полагать, что целые области в стране должны быть сейчас свободны от них.

— Это точно,— согласился он.— Но поселитесь где-нибудь в такой области, и через несколько дней они начнут собираться там. Я и без пожара, который устроила Сюзен, догадался бы, что здесь живут люди. Вокруг каждого обитаемого места они образуют этакий темный бордюр.

Одним словом, через некоторое время толпы вокруг нашего дома сделались реже. Может быть, они нашли, что это вредно для их здоровья, или им не понравилось топтаться по обгорелым останкам своих родичей... ну и, конечно, их стало меньше. Тогда мы изменили тактику и сами вышли на охоту за ними. Это было нашим главным занятием в течение месяцев. Мы прочесали каждый дюйм острова — как нам, во всяком случае, казалось. Мы считали, что истребили всех триффидов до одного, маленьких и больших. И все-таки на следующий год они вновь ухитрились появиться, и еще через год после этого. С тех пор мы каждую весну проводим интенсивный поиск ростков из семян, которые заносятся к нам ветром, и уничтожаем их на месте.

Одновременно мы организовывались. Сначала нас было пятьдесят или шестьдесят человек. Я вылетал на вертолете, и когда я обнаруживал какую-то группу, то садился и передавал всем приглашение присоединиться к нам. Некоторые соглашались... но очень многие отказывались: они избавились от одного прави-

тельства и, невзирая ни на какие трудности, не желают другого. В Южном Уэльсе есть несколько групп, которые создали нечто вроде племенных общин; они отвергают любую форму организации сверх необходимого минимума, ими же самими установленного. Такие же общины имеются и в других каменноугольных районах. Обычно во главе их стоят шахтеры, которые в ночь катастрофы находились в смене под землей и не видели зеленых звезд... Богзнает, как им удалось потом выбраться из шахт на поверхность.

Некоторые столь решительно не желают никакого вмешательства извне, что стреляют по вертолету. Такая компания есть в Брайтоне...

— Знаю,— сказал я.— Меня они тоже прогнали.

— В последнее время я нашел еще нескольких таких. В Мейдстоне, в Гилдфорде и в других местах. Из-за них мы не нащупали вас раньше. Летать в этом районе небезопасно. Уж не знаю, что они себе вообразили; возможно, завладели большими запасами продовольствия и боятся, что их заставят с кем-нибудь поделиться. Во всяком случае, рисковать не имело смысла, и я оставил их вариться в собственном соку.

Все же многие присоединились к нам. Через год нас было около трех сотен — не все, конечно, зрячие.

А месяц назад я наткнулся на Коукера и его компанию. Между прочим, одним из первых вопросов, которые он мне задал, был вопрос о вас. Им пришлось очень плохо, особенно вначале.

Через несколько дней после его возвращения в Тиншэм, появились две женщины из Лондона и привезли с собой чуму. Коукер при первых же симптомах поместил их в карантин, но было уже поздно. Тогда он решил немедленно переехать. Мисс Дюран не пожелала сдвинуться с места. Она останется и будет смотреть за больными. Коукера она нагонит позже, если сможет. Больше он ее не видел.

Инфекцию они увезли с собой. Прежде чем им удалось от нее избавиться, они трижды переезжали с места на место. К тому времени они забрались уже далеко на запад, в Девоншир, и сначала у них все пошло хорошо. Но затем они начали испытывать те же затруднения, что и мы с вами. Коукер продержался около трех лет, после чего стал рассуждать примерно так, как рассуждаем мы. Только он не подумал об острове. Вместо этого он решил отгородить в Корнуэлле участок между рекой и морским побережьем. Прибыв туда, они потратили первые месяцы на сооружение изгороди, затем, как и мы на своем острове, взялись за триффидов. У них была гораздо более тяжелая местность, и им так и не удалось очистить ее от триффидов полностью. Правда, ограда у них получилась на диво прочная, но они не могли положиться на нее так, как мы полагаемся на море, и у них много сил уходило на патрулирование.

Коукер считает, что им удалось бы выдержать до тех пор, пока вырастут и станут работать дети, но это потребовало бы огромного напряжения. Когда я их нашел, они колебались недолго. Они тут же стали грузиться на свои рыбачьи лодки, и все они были на острове через пару недель. Когда Коукер узнал, что вы не с нами, он высказал предположение, что вы, вероятно, до сих пор находитесь где-нибудь в этом районе.

— Передайте ему, что за это мы прощаем ему все,— сказала Джозелла.

— Он будет нам очень полезен,— сказал Айвен.— И, судя по тому, что он говорил о вас, вы тоже могли бы быть очень полезны,— добавил он, глядя на меня.— Вы ведь биохимик, да?

— Биолог,— сказал я.— И немного биохимик.

— Это уже тонкости. Главное в другом. Микаэль попытался проделать кое-какие исследования, которые бы дали способ разделаться с триффидами по-научному. Найти такой способ необходимо, если мы намерены вообще чего-нибудь добиться. Но беда в том, что работают у нас над этим несколько человек, которые едва помнят школьную биологию. Как вы думаете, что, если вам сделаться профессором? Это было бы стоящее дело.

— Не знаю дела, более стоящего,— сказал я.

— Значит ли это, что вы приглашаете на свой остров нас всех? — спросил Деннис.

— Во всяком случае, для «взаимной оценки» — ответил Айвен.— Билл и Джозелла, наверное, помнят наши принципы, изложенные в тот вечер в Университете. Эти принципы действуют и поныне. Мы не собираемся реставрировать старое, мы хотим построить нечто новое и лучшее. Некоторым это не нравится. Они для нас бесполезны. Мы просто не можем позволить себе иметь оппозицию, которая будет стараться увековечить старые, скверные черты прежнего мира. Мы предпочитаем, чтобы люди, которые этого хотят, жили где-нибудь в другом месте.

— В данных обстоятельствах «другое место» — это не очень щедрое предложение,— заметил Деннис.

— О, я не хочу сказать, будто мы вышвыриваем их назад на съедение триффидам. Но таких людей было много, для них нужно было найти отдельное место, и вот одна компания переправилась на острова Чэннел и принялась их чистить, как мы чистили свой Уайт. Сейчас там человек сто. Они живут тоже вполне благополучно.

У нас принята система взаимной оценки. Новоприбывшие проводят с нами шесть месяцев, затем их дело заслушивается в совете. Если им не нравятся наши обычаи, они так и говорят; если нам они не подходят, мы тоже так и говорим. Если они нам подходят, они остаются; если нет, мы провожаем их на острова Чэннел или обратно на Большую землю, если это им предпочтительнее.

— Что-то в этом есть от диктатуры,— сказал Деннис.— А как формируется этот ваш совет?

Айвен покачал головой.

— Долго рассказывать. Лучше приезжайте и посмотрите сами. Если мы вам понравимся, вы останетесь. Но если даже нет, то все равно, по-моему, на островах Чэннел вам будет лучше, чем здесь через несколько лет.

Вечером, когда Айвен попрощался с нами, и его вертолет скрылся на юго-западе, я сел на свою излюбленную скамейку в углу сада.

Я глядел через долину, где когда-то зеленели аккуратные и ухоженные луга. Теперь они снова вернулись к первобытному состоянию. Необработанные поля заросли кустарником и тростниками, там и сям блестели застойные лужи. Крупные деревья медленно погружались в пропитанную водой почву.

Я вспомнил Коукера и его слова о руководителе, учителе и враче, и я думал об усилиях, которые потребуются, чтобы прокормить нас всех с этих немногих акров. О том, как подействуют на

каждого из нас тюремное заключение и полная изоляция. О троих слепых, которые к старости будут все острее сознавать свою бесполезность и в конце концов впадут в отчаяние. О Сюзен, которой нужен будет муж и дети. О Дэвиде, и о дочке Мэри, и о будущих детях, которым суждено сделаться батраками, едва они окрепнут. О Джозелле и о себе, о том, как с годами нам придется гнуть спину все усерднее, чтобы прокормить тех, кто появится на свет, и о том, что все больше нужно будет трудиться вручную...

И были еще триффиды, которые терпеливо ждут своего часа. Я видел сотни их, стоящих плотной темно-зеленой стеной позади ограды. Необходимо было открыть что-то, чтобы справиться с ними. Нужен какой-то естественный враг, какой-то яд, какой-то вирус. Для этого необходимо время, свободное от всякой другой деятельности. И как можно скорее. Время работало на триффидов. Им оставалось только ждать, а мы истощали свои ресурсы. Сначала горючее, затем не останется проволоки, чтобы чинить ограды. А они или их потомки будут ждать и ждать, пока проволока проржавеет насквозь...

И все же Ширнинг стал нашим домом. Я вздохнул.

В траве зашелестели легкие шаги. Подошла Джозелла и села рядом. Я обнял ее за плечи.

— Что думают об этом они? — спросил я.

— Они очень переживают, бедняги. Им трудно понять, что триффиды ждут их, ведь они даже не видят их. Слепым, должно быть, ужасно переезжать в совершенно новое место. Они ведь знают только то, что мы говорим им. По-моему, они вряд ли представляют себе, что жить здесь скоро станет невозможно. Если бы не дети, они решительно бы отказались.— Она помолчала, затем добавила: — Понимаешь, это их дом, это все, что у них осталось. То есть это они так думают. В действительности это уже не только их дом, но и наш — не так ли? Мы много времени поработали для него. — Она положила ладонь на мою руку.— Ты его создал, Билл, и сохранил для нас. Как ты думаешь, может быть, нам подождать здесь еще год-другой?

— Нет,— сказал я.— Я работал потому, что все держалось на мне. А теперь это представляется мне напрасным.

— Милый, не надо! Подвиги странствующих рыцарей не бывают напрасны. Ты дрался за всех нас и отражал драконов.

— Главным образом из-за детей,— сказал я.

— Да... из-за детей,— согласилась она.

— И ты знаешь, меня все время преследовали слова Коукера: первое поколение — батраки; следующее — дикари... Надо, пока не поздно, признать поражение и немедленно уходить.

Она сжала мне руку.

— Не поражение, Билл, а всего лишь — как это называется? — стратегическое отступление. Мы отступаем, чтобы работать и подготовить возвращение сюда. Мы ведь вернемся. Ты научишь нас, как стереть с лица земли этих гнусных триффидов, всех до единого, и отобрать у них нашу землю.

— Как ты веришь в меня, радость моя.

— Почему бы и нет?

— Что ж, я буду по крайней мере бороться. Но сначала мы переедем. Когда?

— Как, по-твоему, нельзя ли нам провести лето здесь? Это было бы для всех нас вроде каникул... нам ведь не нужно теперь готовиться к зиме. А каникулы мы с тобой заслужили.

— Хорошо,— согласился я.

Мы сидели и смотрели, как долина растворяется в сумерках. Джозелла сказала:

— Как странно, Билл. Теперь, когда я могу бросить все это, мне не хочется уезжать. Иногда наш дом представляется мне тюрьмой... а теперь я чувствую себя предателем. Понимаешь, я... Несмотря на все, я была здесь счастлива. Счастливее, чем когда-либо в моей жизни.

— Что до меня, родная, то я вообще раньше не жил. Но у нас будут еще лучшие времена... Это я тебе обещаю.

— Глупо, конечно, но я буду плакать, когда придет время уезжать. Я наплачу бочки слез. Ты не обращай на меня внимания.

Однако получилось так, что плакать нам было некогда.

Джозелла была права: торопиться нужды не было. За лето я рассчитывал подыскать на острове подходящий дом и в несколько рейсов переправить туда самое ценное из собранных нами запасов и оборудования. Но между тем дрова наши пропали, а нам необходимо было топливо для кухни. На следующее утро мы с Сюзен отправились за углем.

Вездеход для этого не годился, и мы взяли грузовик с четырьмя ведущими колесами. Хотя ближайший угольный склад на железной дороге был от нас всего в десяти милях, нам пришлось из-за плохих дорог и объездов проездить почти весь день. Никаких неприятных происшествий с нами не случилось, но вернулись мы только к вечеру.

Миновав последний поворот на проселке (причем триффиды хлестали по грузовику с обеих сторон также неутомимо, как всегда), мы в изумлении вытаращили глаза. Во дворе перед нашим домом стояла странная, чудовищного вида машина. Это зрелище так оглушило нас, что некоторое время мы сидели и глазели на нее с открытыми ртами. Затем Сюзен надела шлем и перчатки и вылезла открыть ворота.

Мы поставили грузовик на место, подошли к диковинной машине и оглядели ее. Шасси у нее было на гусеницах, что свидетельствовало о ее военном происхождении. Она производила впечатление чего-то среднего между закрытым бронетранспортером и самодельным домиком на колесах. Мы с Сюзен переглянулись, подняв брови, и пошли в дом.

В холле мы обнаружили наших домочадцев и еще четырех незнакомых мужчин в одинаковых серо-зеленых лыжных костюмах. Двое из них были при пистолетах в кобурах на правом бедре; остальные двое были вооружены автоматами, которые они положили на пол рядом с собой.

Когда мы вошли, Джозелла повернулась к нам. Лицо у нее было каменное.

— Это мой муж. Билл, это мистер Торренс. Он сказал нам, что является официальным лицом. У него есть к нам предложение.— Мне никогда не приходилось слышать, чтобы она говорила таким ледяным тоном.

На секунду язык у меня прирос к гортани. Человек, на которого она указала, не узнал меня, но я-то запомнил его хорошо. Лицо, глядевшее на тебя через прорезь прицела, отпечатывается в памяти на всю жизнь. И вдобавок эти приметные рыжие волосы. Я отлично помнил, как этот деятельный молодой человек обошелся с моей командой в Хэмпстеде. Я кивнул ему. Он произнес, глядя на меня:

— Насколько я понимаю, вы здесь хозяин, мистер Мэйсен.

— Дом принадлежит мистеру Бренту,— ответил я.
— Я хочу сказать, что вы организатор этой группы.
— Пожалуй,— сказал я.
— Прекрасно.— На лице его было такое выражение, словно он говорил: «Ну вот, мы и достигли кое-чего».— Я являюсь командиром Юго-Восточного района,— заявил он.

Видимо, я должен был понять, что это значит. Но я не понял и сообщил ему об этом.

— Это означает,— пояснил он,— что я являюсь старшим должностным лицом чрезвычайного комитета для Юго-Восточного района Британских островов. В таковом качестве на мне лежит обязанность надзора за распределением и размещением личного состава.
— Ну и ну,— сказал я.— Впервые слышу об этом...э... комитете.
— Возможно. Мы тоже не подозревали о существовании вашей группы, пока не заметили вчера дым пожара.

Я промолчал.

— Когда мы обнаруживаем такую группу,— продолжал он,— я обязан обследовать ее и определить сумму налогов, а также произвести необходимые изменения в ее составе. Таким образом, вы можете считать, что я здесь с официальным визитом.
— От официального комитета...— сказал Деннис.— Или, может быть, это самозваный комитет?
— Должен быть закон и порядок,— напыщенно произнес Торренс. Затем, изменив тон, он сказал: — У вас здесь удобное место, мистер Мэйсен.
— Это не у меня, а у мистера Брента,— поправил я.
— Оставим мистера Брента. Он здесь только потому, что вы согласились содержать его.

Я взглянул на Денниса. Лицо его застыло.

— Тем не менее это его собственность,— заметил я.
— Была, я так понимаю. Но общества, давшего ему санкцию на собственность, больше не существует. Поэтому право на владение исчезло. Более того, мистер Брент слепой и, таким образом, никак не может считаться достаточно компетентным.
— Ну и ну,— снова сказал я.

Этот молодой человек со своими решительными манерами не понравился мне еще в первую нашу встречу. И мое впечатление о нем не улучшилось в ходе нашего разговора. Он продолжал:

— Дело идет о жизни и смерти. Чувства не должны мешать необходимым практическим мероприятиям. Теперь так. Миссис Мэйсен сообщила мне, что здесь у вас восемь человек. Пятеро взрослых, вот этот подросток и двое детей. И за исключением этих трех,— он показал на Денниса, Мэри и Джойс,— все зрячие.
— Это так,— согласился я.
— Гм. Это, знаете ли, совершенно непропорционально. Боюсь, что здесь придется кое-что изменить. В наше время необходимо быть реалистами.

Джозелла поймала мой взгляд. В ее глазах я увидел предупреждение. Но я и без того не собирался бушевать. Я уже видел прямолинейные методы рыжеволосого человека в действии, и мне нужно было получше узнать, против чего придется бороться. Видимо, он понял, что я горю любопытством.

— Давайте лучше я посвящу вас во все подробности,— сказал он.— Вкратце дело обстоит так. Штаб района находится в Брайтоне. В Лондоне очень скоро стало слишком неудобно. В Брайто-

не мы очистили часть города и установили там карантин. Брайтон достаточно велик. Когда прошла чума, и мы получили возможность как следует оглядеться, оказалось, что в окрестностях имеется множество складов. Однако этот путь для нас теперь закрывается. Дороги сильно ухудшились, ездить приходится далеко. Этого следовало ожидать, разумеется. Возможно, мы с самого начала набрали слишком много людей. Единственный мыслимый путь — это жить на продукты с земли. Для этого нам нужно разбиться на мелкие группы. Стандартная группа установлена такая: один зрячий на десять слепых плюс неограниченное число детей.

У вас здесь удобное место, оно вполне может прокормить две группы. Мы закрепим за вами семнадцать слепых, тогда всего их у вас будет ровно двадцать плюс, конечно, дети, которые у них родятся.

Я с изумлением воззрился на него.

— И вы серьезно убеждены, что на продукты с этой земли могут прожить двадцать человек и их дети? Послушайте, да это же совершенно невозможно! Мы сомневались, проживем ли мы с этой земли сами.

Он уверенно кивнул.

— Очень даже возможно. Я предлагаю вам командование двойной группой, которую мы здесь разместим. Честно говоря, если вы откажетесь, мы поставим здесь кого-нибудь другого, кто не откажется. В такие времена нельзя позволить себе расточительность.

— Да взгляните вы на поле,— сказал я.— Оно просто не прокормит столько людей.

— Уверяю вас, что прокормит, мистер Мэйсен. Разумеется, вам придется немного снизить жизненный уровень — всем нам придется на ближайшие несколько лет, но когда подрастут дети, вы получите новые рабочие руки и сможете расширить хозяйство. Согласен, лично для вас это будет означать тяжелый труд в течение шести или семи лет, здесь уж ничего не поделаешь. Но затем вы станете постепенно освобождаться, и в конце концов за вами останутся только руководство и надзор. Это будет, несомненно, щедрой наградой за трудные годы, как вы считаете?

Какое будущее ждало бы вас, если бы вы остались в нынешнем положении? Только тяжкий труд, пока вы не умрете на борозде, а вашим детям придется продолжать тянуть ту же лямку, и все для того лишь, чтобы просто выжить. Откуда при такой системе возьмутся будущие вожди и администраторы? На вашем прежнем пути вы будете выбиваться из сил и останетесь в том же положении еще двадцать лет, и все ваши дети вырастут деревенщиной. На нашем пути вы станете главою клана, который будет работать на вас, и вы передадите его в наследство вашим сыновьям.

До меня начало доходить. Я сказал с удивлением:

— То есть вы предлагаете мне что-то вроде... феодального владения?

— Ага,— сказал он,— вот вы и начали понимать. Для нынешнего положения вещей именно это является очевидной и совершенно естественной формой социальной и экономической организации.

Не было никакого сомнения в том, что этот человек говорит совершенно серьезно. Я не стал спорить и повторил снова:

— Но эта ферма просто не сможет прокормить столько людей.

— В течение нескольких лет вам придется, конечно, кормить их главным образом толчеными триффидами. Насколько можно судить, в этом сырье недостатка не будет.

— Пища для скота! — сказал я.

— Но зато очень питательная. Мне говорили, что она содержит массу витаминов. Нищим же — особенно слепым нищим — выбирать не приходится.

— И вы серьезно полагаете, что я должен взять этих людей и держать их на силосе?

— Послушайте, мистер Мэйсен. Если бы не мы с вами, никого из этих слепых не было бы сейчас в живых. И никого из этих детей. Им надлежит делать то, что мы им приказываем, брать, что мы им даем, и благодарить нас за все, что они получают. Если они откажутся от того, что мы им предлагаем... ну что же, царство им небесное.

Я решил, что сейчас было бы неразумно высказывать ему свои чувства по поводу его философии. Я начал с другого конца:

— Я как-то не пойму... Скажите, а какую роль играете во всем этом вы и ваш комитет?

— В руках комитета верховная администрация и законодательная власть. Он будет править. Кроме того, он будет контролировать вооруженные силы.

— Вооруженные силы,— повторил я тупо.

— Разумеется. Когда это станет необходимо, мы создадим вооруженные силы путем рекрутского набора в феодальных владениях, как вы это называете. Взамен вы получите право взывать к комитету в случае нападения извне или внутренних мятежей.

Я почувствовал, что задыхаюсь.

— Армия! Конечно, это будет небольшой подвижный отряд полицейских сил?..

— Я вижу, вы узко мыслите, мистер Мэйсен. Бедствие, как вы знаете, не ограничилось только нашими островами. Оно было всемирным. Всюду царит одинаковый хаос — это несомненно, иначе мы бы уже знали сейчас, что где-то положение иное, и в каждой стране, вероятно, есть свои уцелевшие. Ну так вот, рассудок подсказывает нам, что первая страна, которая вновь встанет на ноги и приведет себя в порядок, будет иметь наилучшие шансы привести в порядок и все остальные. Как, по-вашему, можем мы оставить эту задачу какой-нибудь другой стране и дать ей сделаться новой доминирующей силой в Европе, а то и во всем мире? Очевидно, нет. Ясно, что нашим национальным долгом является как можно скорее встать на ноги и взять на себя статус ведущей державы, с тем чтобы противостоять возможной опасной оппозиции. Поэтому чем скорее мы создадим вооруженные силы, способные вселить страх в любого агрессора, тем будет лучше.

Несколько мгновений в комнате стояла тишина. Затем Деннис неестественно засмеялся.

— Всемогущий боже! Мы пережили такое... а теперь этот человек предлагает начать войну!

Торренс резко возразил:

— Видимо, я выразился недостаточно ясно. Слово «война» является неоправданным преувеличением. Речь идет об умиротворении и должном наставлении племен, вернувшихся к первобытному беззаконию.

— Если только та же благодатная идея не пришла в голову этим самым племенам,— пробормотал Деннис.

Я заметил, что Джозелла и Сюзен очень пристально глядят на меня. Джозелла показала глазами на Сюзен, и я понял.

— Давайте поставим точки над «i»,— сказал я.— Вы считаете, что мы, трое зрячих, можем взять на себя полную ответствен-

ность за двадцать взрослых слепых и за какое-то число их детей. Мне представляется...

— Слепые не совсем беспомощны. Они могут делать многое, в том числе для своих собственных детей, и они могут помогать готовить для себя пищу. При должной организации забота о них во многих отношениях сводится к надзору и руководству. Но вас будет здесь не трое, мистер Мэйсен, а двое: вы и ваша жена.

Я посмотрел на Сюзен, сидевшую очень прямо в своем голубом костюмчике, с красной ленточкой в волосах. Она переводила взгляд с меня на Джозеллу, и в глазах ее была горячая мольба.

— Трое,— сказал я.

— Мне очень жаль, мистер Мэйсен. На группу положено десять человек. Девочку мы возьмем в штаб. Мы подыщем для нее какую-нибудь полезную работу, а когда она подрастет, мы дадим ей группу.

— Мы с женой считаем Сюзен своей дочерью,— резко сказал я.

— Повторяю, мне очень жаль. Но таков закон.

Несколько секунд я глядел на него, а он твердо глядел на меня. И тогда я сказал:

— В таком случае мы требуем в отношении нее твердых гарантий и обязательств.

Мои домочадцы неслышно ахнули. Торренс немного смягчился.

— Естественно, вы получите все практически мыслимые гарантии,— сказал он.

Я кивнул.

— Мне нужно время, чтобы все обдумать. Для меня это полная неожиданность. Кое-что приходит в голову уже сейчас. Оборудование у нас износилось. Найти новое, не поврежденное ржавчиной, теперь трудно! И я предвижу, что в ближайшее время мне понадобятся хорошие, сильные рабочие лошади.

— Лошадьми трудно. Сейчас их мало. Некоторое время вам придется в качестве тягла использовать людей.

— Далее,— продолжал я,— относительно жилья. Пристройки малы, а в одиночку я не способен построить даже временные сооружения.

— В этом, кажется, мы можем вам помочь.

Мы обсуждали детали еще минут двадцать. Торренс сделался почти любезен, а затем я спровадил его вместе с его угрюмыми охранниками осматривать в сопровождении Сюзен наше хозяйство.

— Билл, как ты мог?.. — начала Джозелла, едва за ними закрылась дверь.

Я рассказал ей все, что знал о Торренсе и его методе устранять препятствия при помощи огнестрельного оружия.

— Это меня ничуть не удивляет,— заметил Деннис.— Меня удивляет совсем другое, и знаете что? Что я вдруг почувствовал симпатию к триффидам. По-моему, если бы не они, таких гадостей сейчас было бы гораздо больше. И если они смогут воспрепятствовать возрождению крепостного права, то я желаю им всяческой удачи.

— Вся эта затея абсурдна,— сказал я.— У них нет ни малейших шансов. Разве смогли бы мы с Джозеллой содержать такую кучу народа и одновременно отбиваться от триффидов? Однако,— добавил я,— мы не можем прямо отказаться от предложения, которое делают четверо вооруженных людей.

— Значит, ты не...

— Милая моя,— сказал я.— Неужели ты всерьез можешь представить меня феодальным сеньором, ударами бича понука-

ющим к работе крепостных и вилланов? Даже если триффиды не сомнут меня до этого...

— Но ты сказал...

— Послушайте,— сказал я.— Уже темнеет. Сегодня они не уедут. Им придется остаться здесь на ночь. Завтра они решат забрать Сюзен с собой — она будет заложницей, отвечающей за наше поведение. И они могут оставить здесь одного или двух охранников, чтобы присматривать за нами. Так вот, я думаю, нам это не подходит. Верно?

— Конечно, однако...

— Мне кажется, я убедил его в том, что его идея начала мне импонировать. Сегодня вечером у нас будет ужин, который должен быть воспринят как знак взаимопонимания. Приготовьте хороший ужин. Все ешьте как можно больше. Накормите поплотнее детей. Подайте на стол нашу лучшую выпивку. Проследите, чтобы Торренс и его парни выпили как следует, но сами на спиртное не нажимайте. К концу ужина я на несколько минут выйду. Продолжайте увеселять компанию, чтобы это не бросалось в глаза. Поставьте пластинки с развеселыми песенками или что-либо в этом роде. И все хором подпевайте. Еще одно: ни слова о Микаэле Бидли и его группе. Торренс, должно быть, знает о колонии на Уайте, но незачем ему давать понять, что мы тоже знаем. А теперь мне нужен мешок сахару.

— Сахару? — растерянно спросила Джозелла.

— Нет? Ну, тогда большой бидон меда. Мне кажется, мед тоже подойдет.

За ужином каждый сыграл свою роль прекрасно. Компания не только оттаяла, она по-настоящему оживилась. Джозелла в добавление к ортодоксальным напиткам выставила крепкую брагу собственного изготовления, которая была принята благосклонно. Когда я потихоньку вышел, гости были в состоянии приятной расслабленности.

Я подхватил узел с одеялами и одеждой и пакет с едой, лежавшие наготове, и поспешил через двор к сараю, где находился вездеход. При помощи шланга я доверху наполнил баки вездехода из цистерны, в которой мы держали наши основные запасы бензина. Затем я занялся диковинной машиной Торренса. Подсвечивая себе фонариком, я с некоторым трудом нашел крышку карбюратора и залил в бак литра полтора меду. Остальной мед из большого бидона я опростал в цистерну.

Мне было слышно, как поет и шумит компания. Добавив к вещам, уже уложенным в вездеход, кое-что из триффидного снаряжения и других мелочей, я вернулся в дом и присоединился к пирушке. Вечер закончился в атмосфере, которую даже внимательный наблюдатель принял бы за доброжелательную.

Мы дали им два часа, чтобы заснуть покрепче.

Поднялась луна, и двор был залит белым светом. Я забыл смазать дверь в сарае, и она отчаянно заскрипела. Остальные уже гуськом двигались ко мне. Бренты и Джойс хорошо знали двор, поэтому поводырь им не требовался. Следом за ними шли с детьми на руках Джозелла и Сюзен. Дэвид сонно захныкал, но Джозелла быстро прикрыла ему рот ладонью. Остальных я усадил позади и закрыл дверцу. Затем я забрался на водительское место, поцеловал Джозеллу и перевел дыхание.

На другой стороне двора триффиды теснились у самых ворот, как всегда, если их не трогали несколько часов.

Волею провидения двигатель вездехода завелся моментально. Я включил первую скорость, объехал машину Торренса и двинулся прямо на ворота. Тяжелый бампер с треском ударил в створки. Мы рванулись вперед, волоча за собой фестоны из проволоки и сломанных досок, сбили дюжину триффидов и под градом яростных ударов жалами миновали остальных. Затем мы помчались по проселку.

Там, где поворот на подъеме давал возможность еще раз увидеть Ширнинг, я затормозил и выключил двигатель. В нескольких окнах горели огни, затем вспыхнули фары машины и залили дом ярким светом. Зарычал стартер. Послышались выхлопы, и у меня слегка екнуло сердце, хотя я знал, что скорость нашего вездехода в несколько раз превосходила скорость этого неуклюжего устройства. Машина начала рывками разворачиваться на гусеницах передом к воротам. Не успела она закончить разворот, как ее двигатель зафыркал и смолк. Снова зарычал стартер. Он рычал и рычал, раздраженно и безрезультатно.

Триффиды уже обнаружили, что ворота опрокинуты. В лунном сиянии и свете фар мы видели, как их высокие тонкие силуэты, раскачиваясь на ходу, торопливой процессией вливаются во двор; другие триффиды ковыляли вниз по склонам долины, чтобы последовать за ними...

Я поглядел на Джозеллу. Она не наплакала бочек слез: она вообще не плакала. Она посмотрела на меня, затем на Дэвида, спавшего у нее на руках.

— У меня есть все, что мне по-настоящему нужно,— сказала она.— И когда-нибудь ты приведешь нас сюда обратно, Билл.

— Это очень славно, когда жена так уверена в муже, радость моя, но... Нет, черт побери, никаких «но». Я приведу вас сюда обратно снова,— сказал я.

Я вышел, чтобы удалить с крыльев вездехода обломки и стереть яд с ветрового стекла, чтобы мне видна была дорога прочь отсюда, через вершины холмов на юго-запад.

Здесь мой рассказ о себе объединяется с историей остальных. Вы найдете ее в великолепных хрониках колонии, принадлежащих перу Элспет Кэри.

Наши надежды сосредоточены теперь здесь. Вряд ли что-нибудь выйдет из неофеодального плана Торренса, хотя несколько его феодальных владений сохранились до сих пор. Насколько мы знаем, они влачат весьма жалкое существование. Их стало гораздо меньше, чем было. Айвен то и дело докладывает, что пало еще одно феодальное поместье и что осаждавшие его триффиды разбрелись, чтобы принять участие в других осадах.

Таким образом, задачу, стоящую перед нами, будем выполнять мы сами, без посторонней помощи. Теперь уже виден путь, но придется затратить еще много усилий, и мы (или наши дети) переправимся через узкие проливы и погоним триффидов, неустанно истребляя их, пока не сотрем последнего из них с лица земли, которую они у нас отняли.

КРАКЕН ПРОБУЖДАЕТСЯ

Огромный айсберг, выброшенный на мель приливом, прочно стоял на дне. Холодные волны Атлантического океана разбивались о него, как о скалу, взметая в воздух тучи брызг.

Ослепительно белые утесы на фоне иссиня-черной воды: они были повсюду. Я невольно залюбовался. Мне показалось, что в то утро их было гораздо больше, чем обычно. Ледяные глыбы поменьше плавно раскачивались на волнах, ветер и течение медленно относили их к проливу.

— Думаю,— сказал я,— мне стоит написать... отчет.

— Ты хочешь сказать — книгу?— поправила Филлис, не отрывая взгляда от океана.

— Книгу?! Вряд ли из этого выйдет нечто в коленкоровом переплете, но, пожалуй, ты права, действительно — книгу,— согласился я.

— Книга — всегда книга, даже если никто кроме автора и его жены никогда ее не прочтет.

— И все-таки не исключено, что кто-нибудь когда-нибудь прочтет. Я чувствую, мне следует взяться за перо, ведь мы с тобой знаем о случившемся больше, чем кто-либо другой. Есть, конечно, специалисты в своей узкой области более компетентные, но в целом общую картину мы можем описать куда лучше.

— Без ссылок на документы?

— Если хоть кто-нибудь прочитает книгу и она его заинтересует, он без труда отыщет необходимую документацию, то есть все, что от нее осталось. Я лишь опишу события, как они представляются мне... нам,— поправился я.

— Если рассматривать что-то одновременно с двух точек зрения, ничего путного не получится,— резонно заметила Филлис и плотнее запахнулась в пальто.

Ее дыхание становилось белым облачком пара на холодном воздухе. Мы любовались айсбергами. Их было не счесть сколько, самые дальние угадывались только по белоснежной пене разбивающихся о них волн.

— Книга поможет нам скоротать зиму,— предположила Филлис,— а потом, когда настанет весна, может быть... С чего ты хочешь начать?

— Не знаю, еще не думал об этом,— признался я.

— Мне кажется, тебе стоит начать с этой ночи на борту «Джиневры», когда мы увидели...

— Но, дорогая,— возразил я,— еще никто не доказал, что эти явления взаимосвязаны.

— Если ты собираешься подыскивать всему доказательства, то лучше не берись совсем.

— Я начну с первого погружения.

Филлис покачала головой:

— Если читатель опустит что-либо несущественное — это полбеды. Много хуже, если нечто важное опустишь ты сам.

Я насупился.

— Да, я никогда не был убежден, что те болиды... Но, черт возьми, слово «совпадение» и существует потому, что в самом деле существуют совпадения.

— Вот так и напиши. Только начни с «Джиневры».

— Ладно,— уступил я.— Глава первая — «Любопытный феномен».

— Милый, мы живем не в девятнадцатом веке! Я бы на твоем месте разделила книгу на три Фазы. Фаза первая...

— Дорогая, чья это будет книга?

— Конечно, твоя, милый.

— Значит ли это, что она будет принадлежать мне больше, чем моя жизнь с тех пор, как я встретил тебя?

— Да, милый. Итак, Фаза первая... Ой, посмотри скорей!

Громадная льдина, подточенная водой, откололась от айсберга и, тяжело описав в воздухе дугу, со всего размаха обрушилась в воду, взметнув в небо миллионы сверкающих брызг. Продолжая по инерции вращение, она на какое-то мгновение замерла почти горизонтально и качнулась назад, оставляя за собой искрящийся водяной шлейф. Мы, как зачарованные, смотрели на затухающие колебания этого гигантского маятника, пока льдина не успокоилась, выставив на обозрение миру другую свою грань.

Филлис вернулась к разговору.

— Первая Фаза,— начала она уверенно, но вдруг остановилась.— Нет, в начале нужен эпиграф на целую страницу, отражающий самую суть.

— Пожалуй,— согласился я.— Думаю...

Филлис замотала головой.

— Подожди... сейчас... Вспомнила!— обрадовалась она.— Эмили Петифел! Ты о ней, вероятно, никогда и не слышал...

— Совершенно верно,— вставил я.— Мне хотелось бы...

— Это из «Розовой Книги Детства». Вот послушай.— И Филлис, вынув руку из кармана, продекламировала.

— Слишком длинно, дорогая, и, прости, немного не по теме.

— Да, но последние две строчки, Майк, вот эти:

«Но что это, мама, ответь мне скорее
Из моря украдкой выходит на берег?»

— Жаль, дорогая, но я вынужден повторить: нет.

— Ты не найдешь ничего лучшего,— обиделась она.— Ну а что у тебя?

— Я имел в виду Теннисона.

— Теннисона?!— поморщилась Филлис.

— Слушай,— сказал я и в свою очередь прочитал небольшой отрывок.— Конечно, это не шедевр, но ведь и Теннисон был когда-то начинающим поэтом.

— Мои две последние строчки более точны.

— По букве, но не по духу. И кто знает, может быть, слова Теннисона, в конце концов, окажутся истиной.

Мы еще немного поспорили, но я так считаю: книга моя, а Филлис, если захочет, может написать свою.

Под громоподобными волнами
Бездонного моря, на дне морском
Спит Кракен* непотревоженным снами,
Древним, как море, сном.
Тысячелетнего века и веса
Огромного водоросли глубин
Переплелись с лучами белесыми,
Солнечными над ним.
На нем многослойную тень рассеял
Коралловых древ неземной раскид.
Спит Кракен, день ото дня жирея,
На жирных червях морских,
Покуда последний огонь небесный
Не опалит *Глубин*, не всколыхнет вод,—
Тогда восстанет он с ревом из бездны
На зрелище ангелам... и умрет.

(Альфред Теннисон).

Я— истинный свидетель, ты— истинный свидетель, практически все твари божьи — истинные свидетели: ума не приложу, как возникают совершенно различные версии одного и того же события! Я знаю только двух людей, чьи описания происшедшего в ночь на 15 июля полностью совпадают,— эти двое Филлис и я. Но так как Филлис — моя жена, люди, по своей простоте, говорят за нашими спинами, будто я повлиял на нее. О, как плохо они знают Филлис!

Итак, время: 23 часа 15 минут; место: 35 широта, 24 градуса западнее Гринвича, круизное судно «Джиневра»; ситуация: медовый месяц — вот факты, не вызывающие сомнений.

Маршрут круиза проходил через Мадейру, Канарские острова, острова Зеленого Мыса и затем круто поворачивал на север, чтобы по пути домой захватить Азоры.

Мы стояли на верхней палубе, облокотясь на перила, вдыхая прохладный ночной воздух. Из салона доносилась заунывная мелодия, красивый баритон страдал от неразделенной любви. Отдыхающие танцевали.

Корабль шел плавно, как по реке. Мы молчали, уставившись в бесконечные просторы моря и неба. Эстрадный певец надрывно стенал за нашими спинами.

— Как хорошо, что я не могу разделить его горе, это было бы ужасно,— пробурчала Филлис.— И зачем тиражировать подобные завывания?

К счастью, мне не надо было отвечать — внимание Филлис неожиданно переключилось.

— Как мрачен и зловещ сегодня Марс,— сказала она. — Хочется верить, что это не дурное знамение.

Я взглянул на красную точку среди мириад белых. Надо признать, в тот вечер Марс действительно был ярок, как никогда. Хотя, возможно, все объяснялось тем, что мы находились в тропиках: все звезды здесь тоже были совсем другие...

— Да,— согласился я,— хочется верить...

Некоторое время мы молча пялились на красную точку.

— Странно, но, кажется, он увеличивается,— озадаченно заметила Филлис.

---

* Сказочное морское чудовище, по преданию, обитавшее у берегов Норвегии (*норв.*)

Я сказал, что это скорее всего галлюцинация. Однако Филлис была права: Марс явно увеличился в размерах и более того...

— Еще один! Нет, двух Марсов быть не может...— растерялась она.

И тем не менее они были. Вторая точка, чуть меньше первой, мерцала таким же алым светом.

— Еще! Видишь? Там, слева.

— Вероятно, какой-то тип реактивных самолетов,— предположил я.

Точки становились все ярче и все ниже опускались по небосклону, пока не оказались почти над линией горизонта. От них по воде побежала розовая дорожка отраженного света.

— Пять,— насчитала Филлис.

И сколько нас ни просили потом описать эти точки подробнее, мы говорили тогда и продолжаем утверждать сейчас, что установить их точные очертания было невозможно. Равномерно красный, слегка размытый по контуру шар — вот все, что мы тогда разглядели. Попытайтесь представить пурпурный источник света, окутанный густым туманом, таким, что образуется довольно отчетливый ореол, и вы получите примерное представление, на что это походило.

Естественно, кроме нас на палубе слонялись и другие отдыхающие, и не мы одни обратили внимание на необычное явление. Но кому привиделись тела сигарообразной формы, кому — цилиндры, кому — диски, кому — блюдца; кто усмотрел восемь, кто — девять, кто — дюжину объектов. Мы — пять.

Что же касается ореола, то даже если он и являлся следствием работы реактивных двигателей, приближались объекты сравнительно медленно, и у пассажиров «Джиневры» хватило времени, чтобы сбегать в салон и позвать своих друзей поглазеть на небо. Так что вскоре все перила облепили зеваки, наперебой высказывавшие догадки, одна лучше другой.

Взметнулось облако розового пара — первый объект с шипением погрузился в воду. Вскоре пар расстелился над водой, потерял розовый оттенок и стал просто белым туманом в лунном свете. Вода в месте погружения бурлила и пенилась. Когда туман рассеялся, на глади моря не осталось ничего, кроме постепенно успокаивающейся воронки.

Следом погрузился второй шар, затем — третий, и наконец все пять небесных тел с громким свистом исчезли в море, оставив после себя бурлящие воронки.

На «Джиневре» затрезвонили колокола, корабль изменил курс, и команда приготовилась к спуску шлюпок. Мужская половина пассажиров застыла наготове со спасательными жилетами.

Четыре раза корабль прошел туда и обратно, исследуя район, однако никаких следов аварии мы не обнаружили — море было пустынным и спокойным.

Я в то время являлся штатным сотрудником И-Би-Си*; поэтому, не раздумывая, я поспешил к капитану, протянул ему свою

* EBC — English Broadcasting Company — Английская радиовещательная компания.

визитную карточку и объяснил, что на радио наверняка заинтересуются происшедшим.

— Здесь, наверное, опечатка: Би-Би-Си?— переспросил капитан.

Конечно, И-Би-Си тогда уступала знаменитой радиовещательной компании, и мне вечно приходилось давать нобходимые пояснения. Заверив капитана, что все напечатано правильно, я добавил:

— Насколько я успел выяснить, у каждого пассажира есть своя версия. Я бы хотел услышать вашу, официальную, чтобы сравнить со своей.

— Неплохая мысль,— согласился капитан,— но начнем с вас.

Когда я закончил, он кивнул и протянул мне вахтенный журнал. В главном наши наблюдения совпадали: объектов пять и форму их определить невозможно. Я отметил про себя, что все пять тел зарегистрированы радарами и отнесены к разряду НЛО.

— А что вы лично об этом думаете?— спросил я его.— Не наблюдали ли вы нечто подобное раньше?

— Нет... никогда,— как-то нерешительно отозвался капитан.

— Но?

— Хорошо, только не для печати. Видеть — не видел, но мне рассказывали о двух случаях, почти в точности совпадающих с этим. Оба они произошли в прошлом году. Первый раз это случилось ночью — было всего три... болида. Во втором случае — полдюжины, и несмотря на то, что их наблюдали при дневном свете, они выглядели так же, как вчерашние,— размытые красные пятна. И тоже над Тихим океаном, правда, в другой его части.

— А почему не для печати?

— Тогда было всего по два-три свидетеля, а вы сами понимаете... Какой моряк хочет прослыть пустозвоном?! Оба случая, конечно, стали известны, но только среди своих. Мы, так сказать, не столь скептичны, как остальные: в море иногда случаются странные вещи.

— Ну, а хоть какое-нибудь объяснение, на которое я смог бы сослаться?

— Я предпочел бы этого не делать и ограничиться записью в вахтенном журнале. Вчера я зафиксировал происшедшее только потому, что на сей раз было несколько сот свидетелей.

— А почему бы нам не исследовать дно, вы же точно засекли место погружения?

Он покачал головой.

— Здесь больше тысячи саженей. Слишком глубоко.

— А в тех двух случаях? Тоже никаких следов крушения?

— Нет. Если бы они были, то власти наверняка провели бы официальное расследование. Никаких доказательств.

Мы поговорили еще немного, но больше ничего интересного мне не удалось из него вытянуть. Я вернулся в каюту и, написав короткий репортаж, передал его в Лондон. В тот же вечер материал пошел в эфир в рубрике «Любопытное происшествие».

Вот так случилось, что я оказался одним из первых свидетелей того, что положило начало всем нашим бедам.

Я убежден, что все взаимосвязано: и эта ночь, и рассказ капитана, и то, что произошло в дальнейшем, хотя даже теперь, спустя годы, у меня нет никаких доказательств. Чем все закончится?

Я боюсь заглядывать вперед, я бы предпочел вообще обо всем забыть, если б это было возможно. Да, все начиналось так незаметно! Ничто не предвещало катастрофы. Однако трудно представить, что можно было бы предпринять, заранее зная об опасности. Потенциальную угрозу расщепления атомного ядра человечество осознало довольно рано, но что от этого изменилось?!

Возможно, если бы мы сразу атаковали... Но что или кого атаковать, мы не знали, а потом уже было слишком поздно. Да и не хочу я здесь оплакивать наши просчеты. Моя цель — четко и, по возможности, кратко описать события, послужившие причиной нашего сегодняшнего положения. Пусть даже сведения о них отрывочны и не связаны между собой.

«Джиневра» прибыла в Саутгемптон по расписанию без каких-либо прочих происшествий. Их никто и не ждал — то, что произошло, само по себе было из ряда вон выходящим, и когда-нибудь, в отдаленном будущем, мы могли сказать своим внукам нечто вроде: «Когда ваши дедушка и бабушка были молодыми, они видели морского дракона».

Это был великолепный медовый месяц, лучшего я не мог себе и представить. Филлис тоже, когда мы, опершись на перила, смотрели на суету портового города, восторженно отозвалась о нашей морской прогулке.

Мы славно устроились в нашем замечательном новом доме в Челси, наслаждаясь тишиной и уютом, позабыв о странных болидах. Лишь в понедельник утром, явившись в офис родной И-Би-Си, я с удивлением обнаружил, что коллеги в мое отсутствие окрестили меня Ватсон-болидом из-за огромного количества откликов на передачу. Всучив кипу писем, мне сказали: «Ты заварил эту кашу, тебе и расхлебывать».

Оказывается, на свете существует несметное число любителей сверхъестественного, которые только тем и занимаются, что раскапывают душещипательные секреты и тайны. Им достаточно малейшего повода, чтобы усмотреть единомышленника в первом встречном. Разбирая корреспонденцию, я выявил целый букет загадочных явлений. Одного моего коллегу, сделавшего передачу о привидениях, слушатели завалили письмами о левитации, телепатии, материализации, гипнозе и тому подобном. Я же затронул несколько иную область. Большинство моих респондентов сочли, что коль я занимаюсь болидами, то мне будет интересно узнать о таких явлениях, как дождь из лягушек, таинственное выпадение золы, все разновидности свечения на небе и морские чудовища.

Просмотрев письма, я отложил с полдюжины, возможно, относящихся к моей теме. В одном из них рассказывалось о недавнем случае у Филиппин: явное подтверждение рассказа капитана «Джиневры». Другое письмо заинтересовало меня тем, что его автор в интригующей форме приглашал встретиться с ним в «Золотом пере». Я решил принять приглашение, тем более что там всегда можно неплохо перекусить.

Мы встретились неделю спустя. Пригласивший меня мужчина был всего на два-три года старше меня. Он заказал четыре стакана тио-пепе и первым делом признался, что имя на конверте вымышленное и что он сам капитан королевской авиации.

— Видишь ли,— сказал он,— сейчас-то они уверены, что мне все померещилось, но едва найдутся доказательства, не преми-

нут сделать это государственной тайной. Такая вот петрушка, дружище.

Я посочувствовал...

— Ладно,— продолжил он,— я все равно влип, а ты собираешь данные, поэтому я все тебе расскажу. Только на меня не ссылайся — не хочу неприятностей от начальства. Нет законов, запрещающих делиться галлюцинациями, но кто знает...

Я понимающе кивнул...

— Это случилось три месяца назад. Обычный патрульный полет примерно в нескольких сотнях миль от Формозы...

— А... а разве...

— Эх, парень, есть множество вещей, которые у нас не афишируют, но и не делают из них больших секретов,— сказал он.— Итак, я совершал обычный патрульный полет. Радар засек их еще вне зоны видимости, далеко за мной; они стремительно приближались с запада. Я решил выяснить, что это, и пошел на перехват; попытался связаться с ними, но безрезультатно. Три красные точки — я видел их — три красные точки, яркие даже при солнечном свете. Я снова и снова вызывал их — ни ответа, ни привета. Не обращая на меня никакого внимания, они неслись с бешеной скоростью, хотя я сам летел со скоростью близкой к пятистам.

Так вот...— Он перевел дыхание.— Я капитан патрульной службы, и я доложил на базу, что передо мной неизвестный тип летательных аппаратов, если это вообще можно назвать летательным аппаратом и, так как они не отвечают, я предложил пальнуть по ним. А что еще оставалось? Дать им уйти? Тогда какого черта я вообще патрулирую! Неохотно, но база все же согласилась.

Для очистки совести я еще разок попытался выйти с ними на связь, но им было плевать на меня и на мои сигналы.

Мы сближались. Нет, это точно были никакие не летательные аппараты, это было именно то самое, что ты описал в передаче: темно-красное ядро с розовым ореолом. Я сказал бы — миниатюрные красные солнца. И чем дольше я на них смотрел, тем меньше они мне нравились. Я установил гашетку под контроль радара и позволил им обогнать меня. По моим подсчетам они двигались со скоростью более семисот.

Секунда-две, и орудие выстрелило. Казалось, шар взорвался одновременно со спуском гашетки. Эх, парень, видел бы ты, как он взорвался! Мгновенно разбух до неимоверных размеров, становясь из темно-красного розовым, из розового — белым и весь в эдакую малиновую крапинку. Ну и зрелище, доложу я тебе! Самолет мой тряхнуло взрывной волной, может быть, попали осколки... (я — счастливчик, парень) потому что, когда пришел в себя, обнаружил, что еще жив, а самолет быстро теряет высоту. Три четверти моего правого крыла — как не бывало, левое тоже выглядело не лучшим образом. Я понял, что пора катапультироваться, и, к моему удивлению, катапульта сработала.

Он призадумался, а потом добавил:

— Я понимаю, что не сказал тебе ничего нового, но обрати внимание на два момента: они перемещались значительно быстрее, чем те, которых видел ты, это во-первых. И во-вторых, что бы это ни было, оно очень уязвимо.

Единственное, что мне еще удалось из него вышатать, это то, что после взрыва шар не развалился на части, а исчез, лопнул, взорвался весь, целиком, полностью. И, как ни странно, это об-

стоятельство впоследствии оказалось более значимым, чем думалось вначале.

В последующие недели пришло всего несколько писем, а затем болидная эпопея вовсе стала напоминать историю с Лохнесским чудовищем.

Все, касающееся болидов, спихивали мне — на И-Би-Си это считалось моим делом.

Изредка из обсерваторий сообщали, что ими зафиксированы красные объекты, перемещавшиеся на высоких скоростях. Однако там были очень осторожны в своих утверждениях, да и ни одна газета все равно б не напечатала об этом ни строчки, хотя бы потому, что все это сильно смахивало на НЛО, а читатели, по мнению редакторов, предпочли бы в качестве сенсации что-нибудь новенькое.

Но все же материал постепенно накапливался и спустя два года события получили должную огласку и внимание.

Тринадцать болидов! Первой их засекла радарная станция на севере Финляндии. Болиды двигались в юго-западном направлении со скоростью тысяча пятьсот миль в час. Финны в своем сообщении назвали их «неопознанными летающими объектами». Шведы тоже засекли их, когда они пересекали территорию страны; им даже удалось наблюдать объекты, и они описали их как маленькие красные точки. Норвежцы подтвердили информацию, но, по их данным, скорость точек не превышала тысячи трехсот миль в час. Шотландская станция доложила о них как о телах, «видимых невооруженным глазом», перемещающихся со скоростью тысяча миль. Две станции в Ирландии сообщили, что «неопознанные летающие объекты» пролетают прямо над ними в юго-западном направлении с небольшим отклонением. Еще более южная станция определила их скорость — восемьсот миль в час и утверждала, что они «отчетливо видны». Метеорологическое судно на 65 градусе северной широты зафиксировало скорость тел — пятьсот миль, и это было последнее известие.

Причина, по которой сообщение именно об этом полете болидов оказалось без внимания, заключалась не только в обилии поступивших сообщений, позволявших вычертить траекторию полета, причина была в самой траектории. Но, несмотря на окольные намеки и даже прямые выпады, на Востоке молчали.

После первых атомных испытаний в России и последовавших за ними поспешных и нехарактерных для Востока объяснений Москва взяла за правило в подобных вопросах симулировать глухоту. Такая политика имела определенный успех, создавалось впечатление, что за молчанием непременно стоит сила. Ну, а поскольку те, кто был хорошо знаком с действительным состоянием дел в России, не собирались афишировать своей осведомленности, то игру в непричастность можно было продолжать и впредь.

Швеция, избегая конкретизации, объявила, что они предпримут меры против любого посягательства на их воздушное пространство со стороны кого бы то ни было. Британские газеты заявляли, что некая супердержава, столь ревностно охраняющая свои границы, должна признать подобное право и за другими странами. В американских журналах говорилось, что, имея дело с русскими, надо стрелять первым.

Кремль... не реагировал.

В редакцию посыпались письма. Сообщения о болидах шли отовсюду, я только успевал отбирать наиболее яркие, откладывая

в сторону остальные. Было в них и несколько описаний болидов, спускающихся в море, причем настолько похожих на мои собственные наблюдения, что я не был уверен в том, что их не позаимствовали из моей же радиопередачи. В целом вся корреспонденция оказалась кучей предположений, догадок, бесконечных историй, информации из третьих рук, чистых фантазий, и я мало что извлек из этой кипы бумаг. Но чтобы болид приземлялся на сушу? Ни одно из погружений не наблюдалось с берега — все они были замечены с борта корабля или самолета, далеко в море.

Сообщения поступали еще несколько недель. Скептики сдались, и только самые стойкие из них продолжали твердить: это не более чем галлюцинации. Письма приходили, но мы тем не менее не узнали о болидах ничего нового, ни одной фотографии — как у охотника, который в ответственный момент всегда оказывается без ружья.

Но зато следующая вереница болидов пролетела как раз над тем, у кого оружие оказалось, причем, в буквальном смысле слова.

Авианосец военно-морских сил США «Тускиги», находясь вблизи Сан-Хуана, о.Пуэрто-Рико, принял сообщение из Кюрасао о том, что в их направлении летят восемь болидов. Капитан, уверенный, что это посягательство на воздушное пространство острова, сделал необходимые приготовления и, потирая руки, наблюдал за приближением болидов на экране радара. Выждав, пока нарушение воздушных границ стало бесспорным, он отдал приказ произвести шесть залпов с интервалом в три секунды и вышел на палубу полюбоваться ночным небом.

В бинокль он увидел, как шесть красных точек одна за другой превратились в большие клубы розоватого дыма.

— Так,— сказал он самодовольно,— с этими покончено. Посмотрим теперь, кто станет жаловаться.

Закинув голову, капитан стоял и смотрел, как оставшиеся две точки удалялись в северном направлении.

Шли дни, жалоб не поступало, но не уменьшалось и число сообщений о болидах; политика же искусственного замалчивания лишний раз доказывала, чьих рук это дело.

На следующей неделе еще два болида оказались достаточно неосторожны, пролетев в радиусе действия разведывательной станции Вумера, за что и поплатились; еще три были уничтожены морским судном в районе Кодиака.

Вашингтон отправил Москве ноту протеста с указанием на неоднократные нарушения воздушных границ и, выражая соболезнования родственникам погибших, подчеркнул, что ответственность лежит не на тех, кто находился на борту летательных аппаратов, а на тех, кто, вопреки международным соглашениям, послал их на смерть.

Кремль после нескольких дней «созревания» выдал ответный протест, заявив, что тактикой приписывания своих преступлений другим Запад никого не удивил, что оружием, разработанным советскими учеными для дела мира, недавно уничтожено более двадцати летательных аппаратов над территорией Союза; и это должно вразумить всякого, кто еще промышляет шпионажем.

Положение осталось невыясненным, а весь несоветский мир разделился на два лагеря: тех, кто верил русским, и тех, кто не верил им. У первых не возникало никаких вопросов — их вера была тверда. Вторые сомневались, считать ли заявление Москвы

чистой ложью или, может, русские все-таки сбили — пусть не двадцать — ну хоть пяток болидов.

Обмен нотами затянулся на несколько месяцев.

Поток информации о небесных телах рос с каждым днем, но о чем это свидетельствовало, сказать было трудно: то ли об увеличении интереса к проблеме, то ли об активизации самих болидов. Частенько попадались сообщения о новых столкновениях ВВС с «неизвестными летательными аппаратами», время от времени в газетах появлялись перепечатки из советских изданий с угрозами в адрес капиталистического мира и обещаниями показать всем милитаристским болидам силу и мощь единственно истинной народной демократии.

Однако для поддержания интереса публики необходимо «топливо» — без новых дров он быстро угасает. Да, болиды существовали, они проносились по небу на высоких скоростях, взрывались, если в них стреляли... Ну и что из этого? Они не проявляли никаких признаков агрессии, во всяком случае никто об этом не знал. Они не оправдывали ожиданий, а публика жаждала сенсаций.

Интерес к ним пошел на убыль. Началась пора спокойных рассуждений. Все вернулось к истокам, к версии огней Святого Эльма, новой формы природного электричества. Атаки на болиды со стороны военных судов и наземных станций прекратились. Загадочным телам позволили беспрепятственно совершать их непонятные маршруты. Регистрировались только время появления, скорость и направление движения. Красные точки в небе всех разочаровали.

Тем не менее в Адмиралтейство и штаб-квартиру ВВС стекались со всего мира всевозможные данные. На военных картах отмечались маршруты болидов, созывались совещания, и постепенно кое-что начало вырисовываться.

В редакции И-Би-Си мой стол продолжал считаться местом, где оседало все, связанное с болидами, и хотя казалось, дело совсем дохлое, на случай, если оно вдруг оживет, я держал порох сухим. В то же время я вкладывал свою лепту в создание общей картины, посылая специалистам информацию, которая, на мой взгляд, могла их заинтересовать.

Таким образом, я оказался в числе отмеченных и был приглашен в Адмиралтейство для ознакомления с некоторыми результатами работы комиссий.

Меня пригласил капитан Винтерс. Сообщив, что материалы, которые мне покажут, не являются государственной тайной, он подчеркнул, что желательно пока не использовать их в передачах.

Я пообещал, и тогда он извлек из стола карту мира, сплошь заштрихованную тонкими линиями, каждая из которых была помечена цифиркой и датой. Казалось, что на карту наброшена паутина, и это впечатление усиливали крохотные красные точки, разбросанные по всей ее поверхности и напоминающие паучков-крестовичков.

Капитан Винтерс взял лупу и склонился над столом.

— Вот,— сказал он, наведя лупу на Азорские острова,— это ваш вклад.

Я посмотрел на карту и различил маленькую красную точку, отмеченную цифрой пять и датированную днем, когда мы с Филлис наблюдали исчезающие в *Глубинах* болиды. Рядом, ближе к северо-востоку, тянулась полоса точно таких же точек.

— Точка — это болид?— спросил я.

— Один или более,— ответил капитан.— А это их курсы,— добавил он, указывая на тонкие линии.— Естественно, только те, о которых нам известно. Итак, что скажете?

— М-да. Первое, что бросается в глаза, это то, что их чертовски много, гораздо больше, чем я мог вообразить. А второе — какого дьявола они группируются в скопления вроде этого?!— Я ткнул пальцем.

— А!— воскликнул капитан.— Теперь на минуту отвлекитесь и прищурьтесь.

Я прищурился и понял, что он имеет в виду.

— Области концентрации...

Капитан кивнул:

— Вот именно! Пять основных и целый ряд поменьше. Самая большая — юго-западнее Кубы, вторая по плотности — в шестистах милях от Кокосовых островов, огромные скопления — у Филиппин, Японии и Алеутов. Я не обольщаюсь и не утверждаю, что места скоплений определены с абсолютной точностью, даже наоборот. Вот посмотрите, сколько линий ведет в район к северо-востоку от Фолклендов, а ведь здесь зафиксировано всего три погружения. О чем это говорит? Только о том, что это место — вдалеке от водных трасс и, следовательно, нет очевидцев. Что-нибудь еще привлекло ваше внимание?

Я отрицательно покачал головой, пытаясь сообразить, к чему он клонит. Капитан достал карту промеров глубин и развернул ее на столе рядом с первой.

— Области концентрации в районе больших глубин?— догадался я.

— Да, и почти нет сообщений о погружениях в местах мельче, чем четыре тысячи саженей.

Я задумался. Капитан тоже молчал.

— Ну и что?— не выдержал я.

— Вот именно: ну и что?

Мы снова склонились над картами.

— Да, еще!— вспомнил он.— Все сообщения касаются исключительно погружений, и ни одного — о взлете.

— Капитан,— спросил я,— что вы обо всем этом думаете? У вас есть хоть какие-нибудь предположения? И если есть, собираетесь ли поделиться со мной?

— У нас есть целый ряд теорий, но все они по тем или иным причинам неудовлетворительны. Ну, а ответ на второй вопрос вытекает из первого.

— А как насчет русских?

— Они здесь ни при чем. В действительности они обеспокоены еще больше нашего. Русские с молоком матери впитали ненависть к капиталистам и всегда во всем подозревают Запад. Вот и теперь они не могут отделаться от мысли, что эти болиды — наши козни и происки, хоть и не понимают, что за игру мы ведем. Единственное, в чем сходятся мнения Востока и Запада, что эти штуки не природное явление и появление их не случайно.

— А если не Россия, а какая-то другая страна, вы бы об этом знали?

— Без сомнения.

Мы снова погрузились в изучение карт.

— Мне постоянно напоминают,— нарушил молчание я,— слова небезызвестного Шерлока Холмса, сказанные им моему тезке: «Когда вы устраните невозможное, то все, что останется —

каким бы невероятным оно ни было — и будет истиной». Кто может утверждать, что если болиды — не продукт земной цивилизации...

— Мне не нравится такое разрешение вопроса,— оборвал меня капитан.

— Оно никому не понравится,— согласился я,— и тем не менее... Или почему, например, не предположить, что нечто в *Глубинах* достигло высокой стадии эволюции и теперь объявилось на поверхности во всей красе высокоразвитой технологии. Почему бы и нет?

— Еще менее вероятно,— заметил капитан.

— В таком случае, мы опровергнем Холмса — мы устранили все возможное и невозможное. А *Глубины* — совсем неплохое место, чтобы схоронить что-либо от глаз человеческих, преодолев, естественно, технические трудности.

— Кто спорит,— согласился капитан,— но среди этих, как вы выразились, трудностей — давление в четыре-пять тонн на квадратный дюйм.

— Гм, об этом стоит поразмыслить.— Я нахмурился.— Возникает еще один вопрос: что они здесь делают?

— Вот-вот.

— И никакой зацепки?

— Они прилетают,— задумчиво рассуждал он,— возможно, и улетают. Но преобладает явно первое — вот в чем дело.

Я взглянул на карту, испещренную линиями и точками.

— Вы что-нибудь предпринимаете? Или мне не следует задавать подобных вопросов?

— Для этого мы вас, собственно, и пригласили, к этому я и вел весь разговор. Мы собираемся произвести разведку. Само собой разумеется, что ни о каких радиопередачах не может идти и речи, но нам необходимо все записать и заснять от и до. Так что, если ваши люди заинтересуются...

— И куда мы отправляемся?

Он показал пальцем на карте.

— О!— воскликнул я.— Моя жена питает пристрастие к тропическому солнцу, особенно в Вест-Индии.

— Сколько мне помнится, у нее было несколько довольно неплохих документальных сценариев.

— Да, да,— размышляя, пробубнил я.— Если И-Би-Си откажется, это будет непростительной ошибкой.

Пока берег не исчез за горизонтом, огромный предмет, возбуждавший наше любопытство, был скрыт под чехлом. Он как гора возвышался посреди кормы на специально сконструированной опоре.

Снимали чехол в торжественной обстановке, но «разоблаченная» тайна оказалась всего лишь металлической сферой около десяти футов в диаметре с круглыми, похожими на иллюминаторы, окнами и с большим кольцом для троса сверху.

Начальник экспедиции, капитан-лейтенант, окинув влюбленным взглядом свое детище, обратился к присутствующим:

— Аппарат, который вы сейчас видите, называется батископ.

Он сделал значительную паузу.

— Кажется, Бибе...— шепнул я Филлис.

— Нет,— ответила она,— у того была батисфера.

— А...

— Он сконструирован так,— продолжал капитан-лейтенант,— что способен противостоять давлению в две тонны на

квадратный дюйм и теоретически может опуститься до глубины в тысячу пятьсот саженей. Однако мы планируем погружение более чем на тысячу двести саженей, оставляя, таким образом, запас прочности в семьсот двадцать фунтов на квадратный дюйм. Даже в этом случае мы побьем достижения доктора Бибе, погрузившегося на глубину немногим более пятисот саженей, и Бартона, который достиг отметки семьсот пятьдесят саженей...

Мне стало скучно, и я обратился к Филлис:

— Я как-то не очень разбираюсь в этих саженях. Сколько это будет в нормальных человеческих футах?

Филлис сверилась со своими записями.

— Глубина, которую они собираются достичь — семь тысяч двести футов, а которую могут достичь — девять тысяч.

— Внушительно.

Филлис в некоторых отношениях гораздо практичнее меня.

— Семь тысяч двести футов,— сообщила она,— это чуть больше мили с третью. А давление на этой глубине немногим больше тонны с третью.

— Ах ты, моя сценаристочка,— восхитился я,— что б я без тебя делал? Но все же...

— Что?

— Тот парень из Адмиралтейства, капитан Винтерс, говорил о давлении в четыре-пять тонн...— Я повернулся к начальнику экспедиции.— Какая здесь примерно глубина?

— В районе Каймановой впадины, между Ямайкой и Кубой,— ответил он,— более пяти тысяч.

— Но...— начал я удивленно.

— Саженей, милый,— подсказала мне Филлис,— в футах тридцать тысяч.

— А-а-а,— протянул я.— Это около пяти с половиной миль?

— Да,— подтвердил капитан-лейтенант.

— А...— начал было я.

Но он уже вернулся к своему докладу.

— Это,— обратился он к собравшейся толпе, состоявшей к тому времени из меня и Филлис,— на сегодняшний день предел наших возможностей. Хотя...— Он сделал многозначительный жест и указал на точно такую же сферу, но гораздо меньшего диаметра.— Здесь перед нами совершенно другой аппарат, способный достичь в два раза большей глубины, нежели батископ, а, возможно, и еще большей. Этот аппарат полностью автоматизирован и кроме всевозможных измерительных приборов оснащен пятью телевизионными камерами. Четыре из них дают изображение в горизонтальной плоскости, а пятая — в вертикальной, под самой сферой.

— Этот прибор,— вдруг раздался чей-то голос, имитирующий интонацию начальника,— мы называем «телебат».

Однако никакая насмешка не могла смутить капитан-лейтенанта — никак не отреагировав, он невозмутимо продолжал лекцию. Но аппарат уже был окрещен и так и остался телебатом.

В течение трех дней мы занимались испытанием и наладкой оборудования. Нам с Филлис тоже позволили влезть в батископ и погрузиться на триста футов, просто так, чтобы почувствовать, что это такое, после чего мы уже не завидовали тем, кому предстояло погружение на тысячу саженей.

Утром четвертого дня все столпились вокруг батископа. Два участника экспедиции — Вайзман и Трент, протиснулись

сквозь узкое отверстие внутрь аппарата, затем им передали необходимую на глубине теплую одежду, пакеты с едой, термосы с горячим чаем и кофе.

— О'кей,— махнул на прощание Трент, показавшись из люка.

Матросы задраили крышку люка и при помощи лебедки перенесли батископ за борт. Он висел, сверкая в солнечных лучах, и слегка покачивался. Неожиданно на телеэкранах возникло наше изображение — кто-то из парней внутри батископа включил камеру.

— О'кей!— уже из динамика раздался голос Трента.— Опускайте!

Батископ коснулся воды, и через мгновение волны океана сомкнулись над ним.

Я не хочу описывать детально все погружение — оно было долгим и утомительным. Надо сказать, смотреть на экран, ничего не делая, довольно скучное занятие. Вся жизнь моря, оказывается, четко разграничена на определенные слои-уровни. Верхний, самый обитаемый слой, кишит планктоном, подобно непрекращающейся пылевой буре. Разглядеть можно только существа, вплотную приблизившиеся к иллюминаторам. Глубже из-за отсутствия питательного планктона, жизни почти нет, лишь изредка на экранах проскальзывают тени каких-то рыб: мрак и пустота, однообразный вид до тошноты. Поэтому большую часть времени мы провели с закрытыми глазами и лишь изредка выходили на воздух перекурить. Солнце палило нещадно, и матросам приходилось то и дело поливать раскаленную палубу водой. Флаг, что тряпка, болтался на флагштоке, разморенный океан распластался под тяжелым куполом неба и только где-то над Кубой виднелась тонкая полоска облаков. Кроме помех в наушниках, тихого гудения лебедки и голоса матроса, отсчитывающего пройденные сажени, ничто не нарушало безмолвия дня.

Иногда неожиданно раздавался бодрый баритон начальника экспедиции:

— Эй там, внизу, все в порядке?

И мгновенно в наушниках отзывалось.

— Да, да, сэр.

Один раз, кажется, Вайзман спросил:

— Был ли у Бибе костюм с электроподогревом?

Выяснилось, что никто не знает.

— Если нет, снимаю перед ним шляпу!

— Полмили, сэр!— раздался скрипучий голос матроса.

Лебедка продолжала вращаться, на экранах было все то же: отдельные стайки рыб, тут же исчезающие в темноте. Смотреть было не на что. В наушниках пожаловались:

— Эти твари неуловимы! Стоит поднести камеру к одному иллюминатору — появляются в другом!

— Пятьсот саженей. Вы обходите Бибе!— объявил капитан-лейтенант.

— Чао-чао, Бибе!— отозвались на глубине, и снова на долгое время наступила тишина.

Внезапно молчание прервал далекий голос:

— Удивительно! Здесь опять жизнь: куча головоногих, больших и малых. Вы должны видеть! Что-то еще, на границе света... очень большое... не могу точно... Возможно, гигантский кальмар... Нет, черт побери! Не может быть!... Кит... на такой глубине!

— Маловероятно, но возможно,— авторитетно заметил начальник экспедиции.

— Но в этом случае...эх, черт, он скрылся! Н-да! Мы, млекопитающие, иногда добираемся сюда.

— Обходим Бартона! — объявил капитан-лейтенант и добавил, неожиданно сменив тон: — Теперь, ребятки, все зависит только от вас. У вас все в порядке?

— Все о'кей, сэр!

И снова тишина.

— Скоро миля! Как самочувствие?

— А как там погода наверху?

— Полный штиль, ни ветерка.

— Тогда продолжим, сэр. Неизвестно, что будет завтра: может быть, придется ждать благоприятной погоды не одну неделю.

— Хорошо, пусть так. Раз вы уверены в себе...

— Мы уверены, сэр.

— В таком случае еще триста саженей.

Прошло немало времени, прежде чем до нас донесся голос Трента:

— Пусто, пусто и темно. Любопытно, как отличаются слои друг от друга.

И через несколько секунд:

— Опять кальмары?! Светящиеся рыбы... Целый косяк! Ух! Видите?

Мы, не отрываясь, глядели на экраны, с которых на нас уставились диковинные существа — видения ночных кошмаров.

— Ошибка природы,— сказал Трент,— или безумие.

— Все,— вдруг объявил начальник экспедиции.— Тысяча двести саженей. Отбой, мальчики.

— Хм,— прозвучало в наушниках.— То, что хотели, мы не обнаружили...

Лицо капитан-лейтенанта ничего не выражало. Ожидал ли он от этого погружения какого-нибудь результата или нет — трудно сказать. Думаю, нет. Думаю даже, никто ни на что не рассчитывал: болиды, или что бы там ни было, должны были располагаться на самом дне, а до дна от того места, где зависли двое парней, как показывала эхограмма, оставалось не менее трех миль.

— Эй там, на батископе, начинаем подъем. Готовы?

— Да, да, сэр.

Заработала лебедка, и ворот медленно начал набирать обороты.

— Как у вас, порядок?

— Порядок, сэр.

Минут десять прошло в молчании.

— Здесь что-то есть,— раздалось в наушниках.— Что-то большое. Плохо видно. Неужели опять кит? Постараемся вам показать.

Мы увидели пойманные лучом прожектора яркие точки каких-то крохотных организмов. Затем камера метнулась в сторону, на мгновение все исчезло, и когда появилось снова, мы разглядели на самой границе весьма странную большую тень — что-то очень неясное.

— Кружит вокруг нас. Попробую... вот теперь должно быть лучше видно. Это не кит... видите?

На экранах вырисовывалось светлое пятно, несколько овальное, неясных размеров.

— М-да,— звучал голос в наушниках,— это что-то новенькое. Конечно, может быть, и рыба, но больше похоже на черепахообразное. В любом случае ужасно огромное. Держится на расстоянии... не могу различить никаких деталей.

Камера снова показала нам нечто проплывающее мимо.

— Пошло вверх. Идет быстрее, чем мы. Все, уходит из поля зрения... Может быть...

Внезапно голос оборвался, экран на секунду вспыхнул и погас. Звук лебедки резко изменился: она заработала вхолостую.

Мы некоторое время сидели в молчании, тупо уставившись на черные пятна экранов. Филлис нащупала мою руку и крепко стиснула.

Начальник экспедиции, не проронив ни слова, вышел на палубу.

Чтобы смотать более мили кабеля, требуется время. Возникла пауза. Все почувствовали себя как-то странно неловко и разбрелись по кораблю. Мы с Филлис прошли на нос и сидели там, опустив головы, боясь взглянуть друг другу в глаза.

Прошел, казалось, не один час, прежде чем до нас долетел характерный звук последних оборотов лебедки. Не сговариваясь, мы поспешили на корму.

Из воды показался конец троса. Все, полагаю, ожидали увидеть его измочаленным, раскрученным, похожим на щетку, но вместо этого перед нами предстало нечто иное: оба главных кабеля и кабель коммуникации оканчивались гладкими шарами расплавленного металла. Ошарашенные, мы уставились на них не в силах оторваться.

Вечером капитан корабля прочел молитву, и над океаном прогремело три орудийных залпа.

На следующий день погода не изменилась: палило солнце, море лениво и томно переливалось в его лучах. В полдень начальник экспедиции собрал нас всех вместе. Выглядел он очень усталым и больным.

— Я приказываю продолжать исследования,— коротко и бесстрастно произнес он.— Если ничего не изменится и мы успеем провести соответствующие приготовления, то погружение начнем завтра утром сразу после рассвета. У меня есть указание проводить погружения вплоть до гибели аппарата, так как другой возможности для наблюдений не представится.

Мы сидели перед мониторами. Снова перед нашими глазами проносились океанические слои, каждый со своими особенностями. Все было, как и в предыдущий раз, только теперь вместо голосов Вайзмана и Трента в наушниках раздавались всевозможные помехи: треск, скрежетание, хлюпанье, чавканье — звуки, улавливаемые установленными на телебате микрофонами — адская какофония *Глубин*. Мы испытали своего рода облегчение, когда на глубине в три четверти мили все стихло.

Кто-то пробормотал:

— А говорили, что никакое давление не может раздавить микрофоны.

Мимо камер скользили головоногие, нервно метались косяки рыб, вспугнутые лучами прожекторов, иногда мелькали смутные очертания гротескных чудовищ.

Миля... миля с половиной... две мили... две с половиной... И тут на экране возникло нечто, привлекшее общее внимание. Необъ-

ятное, неопределенное, овальной формы — оно перемещалось с экрана на экран, кружась вокруг аппарата. Три-четыре минуты оно как бы наплывало на нас — всегда мучительно неясное, таинственное, страшное... Затем поднялось вверх и исчезло.

Спустя полминуты экраны погасли.

Почему бы иногда не похвалить свою жену?! Филлис пишет сногсшибательные сценарии, и этот был несомненно один из лучших. Жаль только, что его не приняли так, как он того заслуживал.

Мы послали его в Адмиралтейство на согласование, и через неделю нас принял капитан Винтерс. Он прямо с порога начал расхваливать Филлис ее сценарий, было видно, что он не на шутку очарован моей женой, и лишь когда мы устроились в мягких креслах, с сожалением покачал головой.

— Тем не менее,— сказал он,— я хочу попросить вас пока повременить с оглашением материала.

Филлис, естественно, огорчилась, она много и серьезно работала над сценарием не только ради денег: ей хотелось отдать должное погибшим Вайзману и Тренту

— Мне жаль,— сказал капитан,— но я предупреждал вашего мужа.

Филлис подняла глаза на Винтерса.

— Почему?

Меня волновал этот вопрос не меньше, чем Филлис: мои личные наблюдения и записи, не занесенные в официальные протоколы, тоже приходилось откладывать в долгий ящик. Я посмотрел на капитана.

— Постараюсь объяснить, я просто обязан это сделать,— согласился Винтерс, переводя взгляд с меня на Филлис. Он чуть подался вперед.— Сложность заключается в оплавленных тросах, вы сами это должны понимать. Одна только мысль о существе, способном перекусить стальной канат, поражает воображение; даже если только представить возможность его существования. А что будет, когда эта новость выплывет наружу: «Тварь, перекусывающая стальные канаты», «Автоген — вместо зубов»? Начнется паника. Мне очень жаль, но, согласитесь, это не совсем обычная опасность, подстерегающая людей при глубоководном погружении. Мы должны прежде выяснить, в чем она заключается, а уж потом объявить о ней.

Капитан все понимал и сожалел, но должен был подчиняться приказам.

Мы поговорили еще немного, он уверил, что сам лично известит нас, как только настанет время огласить материал. Нам пришлось смириться.

Перед самым уходом Филлис спросила:

— Капитан, если откровенно, что вы сами об этом думаете? Кто это?

— Если откровенно, миссис Ватсон, то не только у меня, а вообще ни у кого нет правдоподобного объяснения.

Так мы и расстались, ничего не добившись.

Спустя неделю во время обеда раздался звонок. Филлис сняла трубку.

— Миссис Филлис? Здравствуйте, рад вас слышать. У меня хорошие новости,— раздался в трубке голос капитана Винтер-

са.— Только что я говорил с И-Би-Си и дал «добро» на ваш материал.

Филлис поблагодарила за приятное сообщение и поинтересовалась:

— Но что же все-таки произошло?

— Видите ли, несмотря на все наши старания, информация просочилась. Вы услышите это вечером в «Новостях» и прочитаете во всех утренних газетах. В создавшемся положении, я считаю, вы вправе использовать свой шанс. Лорды Адмиралтейства со мной согласны, они заинтересованы, чтобы передача как можно быстрее вышла в эфир. Они подтвердят ваш материал. Вот такие дела. Удачи вам.

Филлис еще раз поблагодарила его и повесила трубку.

— Но что же могло произойти?— спросила она у меня.

У меня, конечно, ответа не было, и нам пришлось ждать девятичасовой сводки новостей.

Сообщение было кратким, но, на наш взгляд, существенным. По радио передали, что американское судно, проводя подводные исследования в районе Филиппин, лишилось глубинной камеры с экипажем из двух человек.

И тут же после новостей нам позвонили с И-Би-Си и стали твердить о приоритете, сообщив, что они изменили программу, чтобы вставить нашу передачу.

Передача вызвала много шума. Выйдя в эфир сразу за американцами, мы достигли пика общественного интереса. Лорды остались довольны. Передача показала, что они отнюдь не всегда плетутся в хвосте. Хотя, я считаю, им не следовало делать подарков янки, придерживая наш материал. Правда, с учетом дальнейших событий все это не имеет большого значения.

На нас посыпалась корреспонденция с самыми разными объяснениями и догадками, но никакого света на загадку оплавленных тросов они не пролили.

Другое дело, что мы ничего и не ждали: людям и в голову не могло прийти, что между гибелью аппаратов и устаревшей темой болидов существует какая-то связь.

Однако тогда как Королевский Флот, казалось, не собирался принимать никаких конкретных шагов, занимаясь теоретическими изысканиями, флот США действовал несколько иначе. Окольными путями мы разузнали, что американцы готовят вторую экспедицию. Мы с Филлис сразу же обратились с прошением о включении в ее состав, но нам отказали. Сколько человек, кроме нас, обратилось с подобной просьбой, я не знаю, однако народу набралось столько, что американцам пришлось снарядить еще одно судно. Но и на нем нам места не нашлось, все места были отданы американским журналистам и обозревателям, которые собирались вещать не только на Америку, но и на всю Европу.

Что ж, это было их шоу. Жаль, конечно, терять такую возможность, да что делать?!

Мы подозревали, что американцы снова потеряют свой аппарат, но не могли даже предположить, что они потеряют и судно.

Неделю спустя объявился один парень с Эн-Би-Си — свидетель происшествия. Мы с трудом заманили его к себе на ленч, пообещав поделиться кое-какой информацией.

— Никогда не видел ничего подобного,— сказал он,— и не хочу увидеть впредь. Идея была — послать первым аппарат типа

вашего телебата, и если все сойдет удачно, второе погружение произвести с экипажем. Добровольцев на это у них хватало. Даже смешно, всегда находятся молодцы, которым наскучило пребывание на земле.

Наше судно находилось в нескольких сотнях ярдов или, может, чуть больше от исследовательского. Но оба корабля связывал телевизионный кабель, так что мы тоже могли следить за погружением.

Сам я считаю, что это была неплохая затея для подогрева публики, но главным было, конечно, второе погружение с экипажем. Пусть не такое глубокое, как первое, но все равно...

Итак, мы полюбовались, как камера бултыхнулась в воду и спустились в салон к мониторам. Наверное, мы наблюдали на экранах то же, что и вы: пелена планктона, затем какие-то рыбы странного вида, кальмары, целые стаи жутких тварей, о которых даже вспоминать не хочется.

Кто пособразительней, уже после первой мили поднялись на палубу под тент покурить и выпить чего-нибудь прохладительного. Я не выдержал где-то в районе двух миль и присоединился к ним, оставив двух-трех типов следить за мониторами и наказав, если что, кликнуть нас. Вскоре один из них тоже вышел перекурить.

— Две с половиной мили,— сказал он. — Темно, как в Туннеле Любви. Даже рыбе должно быть скучно от подобной картины.

Взяв себе кока-колу, он было снова направился ко мне, но вдруг замер, увидев что-то за моей спиной.

— Боже,— выдохнул он.

И тут же из салона раздался пронзительный крик.

Все обернулись в сторону исследовательского судна. Еще минуту назад оно мирно покачивалось на волнах, а теперь...

Н-да... Не знаю, какие у вас случаются грозы, но у нас в некоторых местах молния в один момент пронзает здание насквозь и пламя охватывает его, будто спичечный коробок. Именно так выглядело исследовательское судно. Слышно было, как оно трещит в огне.

Не знаю, может быть, прошло всего несколько секунд, но мне они показались вечностью. Затем корабль взорвался.

Что там находилось на борту — один бог ведает, но взорвалось оно, что пороховой склад.

На нас обрушился шквал воды и обломков. Мы попадали на палубу, а когда подняли головы, то увидели только затихающие волны от воронки. Подбирать практически было нечего, кроме полудюжины спасательных буев и трех страшно обгоревших тел. Мы подняли их на борт и взяли курс к дому.

Филлис налила ему чашечку кофе.

— Что это было?— спросила она.

Он пожал плечами.

— Кто его знает... Выглядело так, будто пламя вырвалось из-под воды.

— Никогда не слышала ни о чем подобном,— тихо сказала Филлис.

— Да,— согласился он,— но все когда-нибудь происходит впервые.

— Не очень-то утешительно,— прокомментировала Филлис.

Парень с Эн-Би-Си внимательно посмотрел на нас.

— Кстати, ребята, — сказал он, — вы были на «британской рыбалке»... Может, вы знаете, зачем нам это нужно? Почему нас вечно тянет сунуть голову в самое пекло?

— Я лично не удивляюсь, — ответил я.

Он кивнул.

— Попробуем так, — предложил он после минутной паузы. — Мне сказали, что невозможно пропустить ток высокого напряжения, скажем, в миллион вольт, по неизолированному стальному тросу, находящемуся в воде. Не могу спорить, я в этом не разбираюсь. Но, если бы это было возможно, то эффект был бы именно тот, который мы наблюдали.

— Но ведь там были и изолированные кабели? — спросила Филлис.

— Конечно. Даже телевизионный кабель, проведенный на наш корабль, и тот был заизолирован. Но он не смог бы выдержать тока столь высокого напряжения, враз расплавился бы. Мне представляется, что ток шел по основному кабелю, хотя друзья-физики со мной не соглашаются.

— У них есть другое объяснение? — спросил я.

— Даже несколько. Кое-что может показаться вполне правдоподобным, — сказал он и добавил: — Для тех, кто не видел взрыва.

— Если ты прав, то это весьма странно, — задумчиво произнесла Филлис.

Он посмотрел на нее.

— Все это странно, независимо от того, прав я или нет. Что бы ни говорили физики, они сами озадачены.

— Но с другой стороны... — начала Филлис.

Он покачал головой.

— Я гадать не буду, у нас слишком мало данных. Если бы все, что нам известно теперь, мы знали много раньше...

Мы вопросительно взглянули на него.

— Только между нами... наши собираются сделать еще пару попыток, но без огласки.

— Где?

— Одну — где-то недалеко от Алеут, другую — в бассейне Гватемалы. А что ваши?

— Не знаю, — честно признался я.

Он опять покачал головой.

— Темните...

В течение нескольких недель мы держали ухо востро, тщательно просматривая всю прессу, надеясь хоть что-нибудь вычитать о новых испытаниях, но безуспешно. Месяц спустя снова объявился парень с Эн-Би-Си.

Нахмурив брови, он сообщил:

— У Гватемалы они ничего не обнаружили. Судно южнее Алеутских островов все время держало с базой связь по радио. Во время погружения связь оборвалась, судно исчезло.

Официальные сообщения об американских подводных исследованиях остались за семью печатями. Временами до нас доходили слухи, свидетельствовавшие о неспадающем интересе к событиям в океане. Иногда в прессе появлялись отдельные статьи, сопоставив которые, можно было получить смутное представление о состоянии дел.

Наши контакты с Флотом, будучи дружескими, оставляли желать лучшего, что нас сильно огорчало. Коллеги по ту сторону Атлантики чаще находят общий язык со своими официальными

источниками, но на этот раз и они молчали. Видимо, и там что-то застопорилось.

Зато о болидах все позабыли, только очень немногие нет-нет да и посылали весточку о новых появлениях красных точек. Я все же не расслаблялся: мало ли что вдруг может всплыть.

По моим данным, оба феномена — катастрофы в океане и болиды — никто так и не связал друг с другом. Вскоре их и вовсе забросили, оставив необъясненными сенсациями летнего сезона, а по прошествии трех лет и мы с Филлис о них почти не вспоминали.

Нас занимало другое: рождение сына Вильямса и его смерть восемнадцать месяцев спустя. Чтобы помочь Филлис пережить это, я исхитрился раздобыть заказ на репортаж о путешествии, продал дом и некоторое время мы скитались по свету.

Честно говоря, мои репортажи были моими только отчасти, на самом деле внешний лоск и эффектные концовки, которые так нравились слушателям И-Би-Си, принадлежали Филлис. Она, естественно, писала и свои сценарии, когда не была занята наведением глянца на мои репортажи.

Мы много трудились, и к моменту возвращения домой наш престиж вырос, у нас накопилось множество материала, было над чем поработать, и даже появилась уверенность, что мы на правильном пути.

И тут американцы потеряли у Марианских островов круизный лайнер. Заметка была очень короткой — слегка приукрашенное в редакции сообщение телеграфного агентства, но что-то в ней было такое, что привлекло наше внимание. Филлис достала атлас и принялась изучать карту.

— С трех сторон Марианы окружают большие глубины,— сказала она.

— Да,— отозвался я.— Что-то тут не так. Не знаю, что именно, но мне как-то не по себе.

— Слухами земля полнится. Надо проверить все неофициальные источники,— решила Филлис.

Мы так и поступили, но безуспешно. Ничего, кроме заметки телеграфного агентства: «Туристический лайнер «Кивиноу» затонул в ясную погоду, в живых осталось двадцать человек, назначено официальное расследование». Но о результатах расследования мы так никогда и не услышали. Инцидент был заглушен шумихой вокруг затонувшего при невыясненных обстоятельствах русского судна, промышлявшего восточнее Курил. Так как для Советов любая неудача связана с происками капиталистических акул и реакционных фашистских гиен, то желчные намеки и обвинения в адрес Запада сыпались довольно долго, и происшествие это стало казаться куда значительнее, чем потеря американцев — на самом деле, более серьезная. В шуме брани мистическое исчезновение гидрографического норвежского судна «Утскарпен» за пределами родной Норвегии осталось почти незамеченным.

К сожалению, я потерял свои записи, но насколько помню — еще с полдюжины кораблей, так или иначе связанных с морскими исследованиями, исчезли до того, как американцев постигла новая потеря, теперь у Филиппин.

На сей раз они потеряли эскадренный миноносец, а вместе с ним и терпение.

Хитроумное заявление «... так как воды в районе Бикини недостаточно глубоки для объявленной серии подводных испытаний

атомного оружия, место полигона перенесено на тысячу миль к западу», возможно, и ввело в заблуждение простаков, но в кругах газетчиков и радиожурналистов началась настоящая драка за прикомандировку к экспедиции.

Мы с Филлис были на хорошем счету и нам повезло. Взяв билеты на самолет, мы, спустя несколько дней, составили компанию остальным счастливчикам.

Наше судно держалось на стратегической дистанции от места, где затонул «Кивиноу».

Не могу описать глубинной атомной бомбы — я никогда ее не видел. Все, что нам было позволено — это созерцать небольшой плот, на котором возвышалось нечто вроде полусферической палатки. Нас успокоили, сказав, что эта бомба почти не отличается от атомной бомбы обычного типа, за исключением массивной оболочки, способной выдержать давление на глубине пяти миль.

На рассвете в назначенный день буксир оттащил плот за горизонт, а мы перешли к экранам. Дав «полный назад», буксир оставил плот дрейфовать в заданной точке, и в течение трех часов тот плавно раскачивался на волнах. Голос из громкоговорителя отсчитывал время до запуска; мы шатались по палубе, пока не начался обратный счет.

— ... три, два, один, ПУСК!

С плота взвилась сигнальная ракета, оставляя за собой хвост бурого дыма.

— Бомба сброшена,— объявил голос.

Долго ничего не происходило, все в молчании застыли перед экранами. Плот продолжал раскачиваться на залитой солнцем воде. Если не считать рассеивающихся клубов дыма, оставленного ракетой, можно было подумать, что ничего не случилось — с виду полная безмятежность. Но мы сидели, затаив дыхание.

И вот внезапно плоская гладкая поверхность вздыбилась, море извергло огромное белое облако, которое, корчась и скручиваясь, поднималось все выше и выше. Наше судно содрогнулось от удара взрывной волны.

Мы оторвались от экранов и выскочили на палубу. Облако повисло над горизонтом, продолжая корчиться, разрастаться, и во всех его движениях было что-то непристойное, грязное.

И только когда облако поднялось на огромную высоту, на нас обрушился первый водяной вал.

Мы обедали за одним столиком с Малларби из «Книжных новостей» и Беннелом из «Сената». Никогда раньше я и не мечтал о столь прославленной компании. Но в свое время мне хватило ума жениться на Филлис, «окольцевав» ее прежде, чем она обнаружила, какой у нее был широкий выбор.

Это была ее игра. Моя роль в подобных представлениях довольно скромна — я поднимаюсь на палубу и демонстрирую свою общительность. Дальше следует партия Филлис, в которую я не вмешиваюсь. Мне остается только наблюдать, как разворачивается нечто среднее между шахматной игрой и искусным надувательством. Следить, как она реагирует на неожиданный ход противника, одно удовольствие. Филлис редко проигрывает.

На этот раз она подвела собеседников к нужной теме между первым и жарким.

— До сих пор камнем преткновения было нежелание признать в качестве причины некий Разум,— заметил Малларби.— То, что произошло сегодня — первый шаг к признанию.

— И все равно Разум остается под вопросом,— отреагировал Беннел — Граница между инстинктивным и разумным весьма условна. особенно когда речь идет о самозащите. Хотя бы потому, что и то и другое может вызвать одну и ту же реакцию.

— Но вы же не станете отрицать, что даже независимо от причины это совершенно новое явление?

Собеседники вошли в азарт — Филлис добилась своего. Расслабившись, она поудобнее устроилась в кресле и вся превратилась в слух.

— Я могу предположить,— говорил Беннел,— что это существовало там в *Глубинах* столетиями, неизвестное нам, пока мы не влезли со своими исследованиями в его экологическую нишу.

— Конечно можно предположить и такое,— согласился Малларби,— но я бы не стал. Бибе и Бартон тоже спускались в *Глубины*, однако с ними ничего не случилось. Вы также не учитываете оплавленные тросы, а уж это трудно объяснить инстинктами.

Беннел усмехнулся:

— Все теории, которые я слышал до сих пор, имеют множество слабых мест Моя — не исключение.

— А гибель американского судна? Это что, по-вашему,— статическое электричество?— саркастически спросил Малларби.

— Я недостаточно знаком с деталями, чтобы утверждать, будто это невозможно.

— Боже мой,— фыркнул Малларби.— Утешение для детишек и дурачков.

— Пусть. Но если выбирать между двумя теориями — моей и Бокера, — я предпочту первую.

— Я не последователь Бокера. Его предположения мне, так же, как и вам, кажутся нелепыми, но, посмотрите, с чем мы столкнулись. обилие гипотез, неспособных объяснить ничего и взаимоисключающих друг друга, с одной стороны, и гипотеза Бокера, с другой. И ведь какой бы фантастической мы ее ни считали, она связывает вместе больше данных, чем все остальные.

— Жюль Верн мог бы предположить версию не хуже,— съязвил Беннел.

Ни я. ни Филлис ничего не слышали о гипотезах Бокера, но по тому как Филлис уверенно вмешалась в разговор, это было трудно предположить.

— Вероятно.— слегка нахмурившись, сказала она,— не стоит вот так просто отбрасывать теорию Бокера.

Это сработало. Через несколько минут мы были исчерпывающе осведомлены о взглядах Бокера, а наши собеседники так и остались в неведении насчет наших знаний.

Нельзя сказать, что имя Алистера Бокера было нам совершенно не знакомо. Это известный географ, окруженный последователями и учениками, его имя часто появлялось на страницах газет Тем не менее сведения, которые извлекла Филлис, были для нас совершенно новыми. Вкратце их можно обобщить примерно так.

С год назад Бокер представил в Адмиралтейство меморандум. Учитывая авторитет ученого, меморандум зачитали в высоких кругах, несмотря на то, что суть его была следующей: оплавленные кабели и пораженное электрическим током судно должны рассматриваться как бесспорные доказательства разумной деятельности в определенных глубинах океана. Но давление, температура, постоянный мрак и тому подобное, заявлял Бокер. являются непреодолимым препятствием эволюции разумных

форм жизни. Исходя из того, что ни одно государство до сих пор не создало механизмов, способных работать в подобных условиях, напрашивается вывод: Разум возник не в Глубинах. А если так, то он должен был откуда-то прийти и кроме того иметь защитную оболочку, выдерживающую давление, как минимум, в две тонны на квадратный дюйм. На Земле, кроме глубоководных океанических впадин, нет другого места с такими характеристиками.

Что из этого следует? Если эволюция не могла пройти на Земле,— а она где-то все-таки прошла — естественно предположить, что она прошла на планете с высоким атмосферным давлением. Вопрос: когда и каким образом эта разумная форма жизни попала на Землю?

Бокер припомнил болиды, вызвавшие много шума несколько лет назад и изредка появляющиеся вплоть до настоящего времени. Ни один болид, подчеркнул он, не опустился ни в каком другом районе Земли, кроме океанических впадин. А если вспомнить, с какой силой взрывались те, что сталкивались с ВВС, можно представить, как велико давление внутри них.

Из всего вышеизложенного Бокер делал вывод, что мы сейчас, ничего не подозревая, подвергаемся инопланетному вторжению. И если бы его спросили об источнике этого вторжения, он указал бы на Юпитер как на ближайшую планету, отвечающую необходимым условиям существования пришельцев.

Меморандум заканчивался рассуждениями о причинах вторжения. По мнению автора, его совсем не обязательно рассматривать как враждебное — существует такая вещь, как бегство от условий, а интересы людей не могут столкнуться с интересами существ, которым необходимо для жизни давление в несколько тонн. Бокер призывал направить все усилия на поиск путей к контакту с целью научного обмена в самом широчайшем смысле слова.

Мнения, высказанные лордами Адмиралтейства по поводу меморандума, опубликованы не были. Но достоверно известно, что буквально через несколько дней Бокер забрал свой меморандум с их недружественных столов и представил его на суд главного редактора «Книжных новостей». Редактор, возвращая ученому меморандум и заботясь исключительно о репутации своего издания, высказался с присущим ему «тактом»: «Наша газета более ста лет существует без комиксов, и я не вижу причин нарушать сложившуюся традицию».

Потом документ оказался на столе у редактора «Сената». Бегло пробежав его, он вскинул брови и продиктовал вежливый отказ. Меморандум еще долго путешествовал по различным изданиям, пока не затерялся. Его пересказывали из уст в уста, но все равно он был известен только в узких кругах.

— Не понимаю,— удивилась Филлис с таким видом, будто была знакома с ситуацией не первый год,— почему его не напечатали издания типа «Еженедельных заметок» или «Объектива»? Разве это не в их духе? Или американская пресса?

— «Заметки» согласились,— ответил Малларби,— но Бокер предупредил, что подаст на них в суд, если они только упомянут его имя. Бокеру нужна была либо публикация в солидном издании либо вообще никакой. «Заметки» поискали ученого, который согласился бы поставить свою подпись под чужой работой, но никто на это не соблазнился. Тогда Бокер зарегистрировал свое авторское право на меморандум, положил статью в сейф и на этом кончилось. «Заметки» отступились — без авторитетного

имени это пахло просто очередной сенсацией. С «Объективом» вышло примерно то же самое. Меморандум напечатала одна маленькая американская газетенка, но так как это было уже их третье сообщение об инопланетном вторжении за последние четыре месяца, то никто не обратил на статью никакого внимания. Другие издания посчитали, что их обвинят в стремлении нажить дешевый капитал на гибели экипажа «Кивиноу», и отказались от публикации. Но рано или поздно этот материал все равно окажется в газетах, с ведома Бокера или нет — неважно, но непременно без его призыва к дружескому контакту. А ведь это, как я понимаю, самое главное для ученого. Да, они обязательно напечатают меморандум, оставив исключительно комический и драматический аспект работы — эдакий ужасник. Фу! Мороз по коже...

— А какой еще прок от этой мешанины? — поинтересовался Беннел.

— И все-таки, как я уже говорил, необходимо признать, что Бокер — единственный, кому удалось создать целостную картину событий, связав, казалось бы, совершенно противоречивые данные. Правда, такое изобилие данных, ipse fasto*, содержит в себе долю фантазии. Можно отрицать или критиковать его теорию, но это лучшее, что мы имеем на сегодняшний день.

Беннел покачал головой:

— Мы опять вернулись к началу. Ну предположим, что в *Глубинах* существует некий Разум, но у вас нет доказательств, что он не может эволюционировать при давлении несколько тонн с такой же легкостью, как и при пятнадцати фунтах. Вам нечего мне противопоставить. Вы довольствуетесь утверждением типа — аппарат тяжелее воздуха летать не может. Докажите мне...

— Вы заблуждаетесь. Бокер говорит о том, что разум развился в условиях высокого давления, но он не мог этого сделать под влиянием остальных факторов наших *Глубин*. Что бы власти ни думали о Бокере, с некоторых пор они сами считают, что там внизу *нечто* разумное. Ведь они не в пять минут сконструировали глубинную атомную бомбу. Но в любом случае, прав Бокер или нет, главное его предложение не выполнено. Сегодняшнюю бомбу трудно назвать дружественным шагом, к которому он призывал,— Малларби на минуту задумался.— Я несколько раз встречался с Бокером. Это культурный, либерально настроенный человек, со свойственным всем людям этого типа заблуждением — они думают, что и другие тоже либералы. До него не доходит, что обыватель при виде всего нового и необычного пугается и говорит: «Уничтожить и побыстрее!» Нам с вами уже доводилось наблюдать подобное.

— Но если,— возразил Беннел,— как вы говорите, власти верят в Разум на глубине, то тут, мне кажется, есть чего испугаться. И тогда все, что произошло сегодня, не более чем возмездие. Вы не можете этого не признать.

Малларби скептически покачал головой.

— Мой дорогой Беннел, я не только могу признать, я это уже признал. Представьте себе, как нечто, подвешенное на веревке,

---

* Тем самым (*лат.*)

опускается к нам из космоса, оно испускает всевозможные волны, вызывающие у нас чувство дискомфорта и даже страдание. Что бы вы сделали? Наверняка обрезали бы веревку и попытались обезвредить это нечто. А теперь представьте, что вслед за первым появляется второй, затем — третий... «Это похоже на вторжение»,— говорите вы и принимаете соответствующие меры. С какой целью вы их уничтожите — с целью избавиться от состояния дискомфорта, из мести или любого другого чувства — неважно. Итак, кого винить — себя или объект из космоса? В нашем случае вопрос чисто риторический. Трудно предположить форму разума, которая не возмутилась бы тем, что мы сегодня совершили. Конечно, если бы это была единственная *Глубина*, причем необходимая нам как воздух,— другое дело. Но вы сами знаете, что это не так. Ну, а во что это выльется, я думаю, мы скоро увидим.

— Вы и в самом деле ожидаете ответной реакции?— удивилась Филлис.

— Давайте снова прибегнем к моей аналогии и попытаемся представить себя на их месте. Нечто огромной разрушительной силы опускается на ваш город. Ваши действия?

— Но что мы можем сделать?

— Ну, хотя бы натравить на это мальчиков из секретных лабораторий. Если это повторится еще раз...

— Вы слишком далеко заходите, Малларби,— прервал его Беннел.— Вы предполагаете почти параллельную степень развития.

— Да,— согласился Малларби,— но не забывайте о том, как были уничтожены наши корабли. Я предполагаю высокоразвитую технологию...

— Неужели поздно вернуться к предложению Бокера?— вставила Филлис.— Ведь пока сброшена всего одна бомба. И если не будет другой, то у нас есть надежда, что они сочтут первую просто природным катаклизмом.

— Увы,— Малларби снова покачал головой,— первая, но не последняя. Слишком поздно, дорогая миссис Ватсон. Две совершенно различные цивилизации на нашей маленькой Земле? Человечество этого не потерпит. Мы внутри себя не можем разобраться, а вы хотите... Боюсь, призыв Бокера вообще не имел шансов на успех.

Все произошло примерно так, как и говорил Малларби. К нашему возвращению с испытаний был упущен последний шанс. Каким-то образом «проницательная» общественность связала все события воедино, и ханжеская попытка выдать бомбардировку *Глубин* за обычные испытания провалилась. Чувство скорби по поводу гибели «Кивиноу» сменилось пламенным чувством мести.

Атмосфера была как при объявлении войны. Вчерашние флегматики и скептики превратились в ярых поборников крестового похода против... как бы это выразиться... того, кто имеет наглость нарушать свободу навигации. Единодушие, с которым мир подхватил эту идею, поражало воображение. Все загадочные явления, произошедшие в последние годы, связывали теперь исключительно с тайнами *Глубин*.

Волна всемирного ажиотажа застигла нас во время однодневной остановки в Карачи. Город кишел историями о морских чудищах и пришельцах из космоса. Независимо от Бокера не-

сколько миллионов человек самостоятельно пришли к аналогичному выводу. Это навело меня на мысль — не согласится ли Бокер в создавшихся условиях на интервью. Я связался с И-Би-Си с просьбой выяснить, насколько это реально.

Бокер согласился на пресс-конференцию для избранных лиц, но, как мы потом узнали, этот брифинг мало что добавил к сценарию, написанному нами по пути из Карачи в Лондон. Он повторил свой призыв к поиску мирного решения проблемы — столь контрастный с общественным мнением, что он, естественно, и не был услышан...

Скоро мы еще раз убедились, что ненависть не может питать самое себя. Никто не в силах долго сражаться с ветряными мельницами. Ничего сверхъестественного, что могло бы хоть как-то оживить ситуацию, не происходило. Королевский Флот предпринял лишь один единственный шаг — отчасти для удовлетворения общественности, отчасти из соображений собственного престижа — сбросил еще одну бомбу. В результате все побережье Южных Сандвичевых островов оказалось заваленным дохлой рыбой, от которой несколько недель в воздухе стояла жуткая вонь.

Сложилось мнение, что происходящее не соответствует нашим представлениям о межпланетной войне. А поскольку это не межпланетная война, то сам собой напрашивался вывод — это происки русских.

У русских, в свою очередь, даже и не возникало сомнения, что все это — дело рук капиталистических поджигателей войны. Когда же сквозь железный занавес просочились слухи о вторжении инопланетян, красные ответили следующими взаимоисключающими утверждениями: во-первых, все это — ложь чистой воды, попытка скрыть приготовления к войне; во-вторых, все это — правда, ибо капиталисты, верные себе, атаковали мирных, ничего не подозревающих инопланетян атомными бомбами; и, в-третьих, правда это или нет — СССР будет непоколебимо бороться за мир во всем мире всем имеющимся в его распоряжении оружием, кроме бактериологического.

Одним словом, все возвращалось на круги своя. Люди говорили: «Ай, и не напоминайте мне об инопланетянах. Однажды я уже поверил в эту чепуху. Хватит! Стоит задуматься всерьез... Интересно, какую игру ведут русские? Непременно они что-то затевают, если здесь замешаны атомные бомбы».

Так довольно скоро status quo ante bellum hyphotheticum* был восстановлен, и мы снова оказались в привычном положении взаимных подозрений. Единственный положительный результат — морская страховка подскочила на один процент.

— Нам так не везет,— жаловалась Филлис.— Болидов все меньше и меньше, интереса к ним никакого. После первого погружения и то не было так скверно. До сих пор не понимаю, как мы упустили Бокера. Теперь его идея окончательно зашла в тупик. Впечатление такое, будто и впрямь ничего не происходит.

— Если бы ты внимательно читала газеты,— сказал я,— ты бы узнала, что на той неделе сброшены еще две бомбы: одна в

* Положение, существовавшее до предполагаемой войны (*лат.*)

бухте Падающих Кокосов, другая во Впадине Принца Эдуарда. Сейчас надо читать то, что напечатано мелким шрифтом.

— И чего они выбирают какую-то глухомань для своих бомбежек?

— Ни один цивилизованный регион не положит атомных бомб у своего порога, и никто их за это не осудит. Предложи мне хоть миллион, все равно откажусь от зрелища дохлой рыбы.

— Может быть, нам стоит пойти в уайтхолл и поговорить с твоим адмиралом?

— Он капитан,— поправил я, обдумывая эту мысль.— В прошлую нашу встречу мне показалось, ты произвела на него впечатление...

— Я тебя поняла,— Филлис не дала мне закончить.— Хм, тогда — обед во вторник. Однажды ты обнаружишь, что промахнулся и получил отставку.

— Прелесть моя, тебе же самой так нравится водить всех за нос. Ты бы рассердилась, если бы я потребовал от тебя зарыть свой талант в землю.

— Все это прекрасно, милый, но мне хотелось бы знать, чей нос ты имеешь в виду?

Капитан Винтерс принял приглашение на обед.

— По-моему,— сказала Филлис, откидываясь на подушку и изучая потолок,— Милдред очень привлекательна.

— Да, дорогая,— не задумываясь, откликнулся я.

— Да?

Мы немного помолчали.

— Мне показалось, она отвечала тебе взаимностью,— заметила Филлис.

— Э...— промямлил я,— так, легкое увлечение.

— Вот-вот.

— Дорогая, ты ставишь меня в неловкое положение. Мне надо было сказать, что одна из твоих лучших подруг некрасива?

— Я не уверена, что Милдред — одна из моих лучших подруг. Но она действительно привлекательна.

— И все равно она не может сравниться с тобой. Ты у меня — сама искренность: глаза, улыбка... Ты — чудо. Да тебе самой это прекрасно известно. И честное слово, ты была на высоте.

— А капитан тоже ничего!— увернулась Филлис.

— Можно подвести итог: мы провели вечер с двумя милыми привлекательными людьми, не так ли?

Филлис что-то пробурчала.

— Любимая, не ревнуешь же ты меня в самом деле? Мой талант притворяться...

— Как-то внезапно он у тебя прорезался, дорогой,— оборвала меня Филлис.

— Я всегда сочувствовал мужчинам, толкущимся вокруг тебя.

— Мне они не нужны.

— Дорогая,— заметил я спустя некоторое время,— я начинаю сомневаться, стоит ли нам еще встречаться с Милдред.

— Мм... и с капитаном тоже.

— А все-таки, что говорил тебе капитан?

— О, массу комплиментов! В нем определенно есть ирландская кровь.

— И все-таки, давай от дел суетных перейдем к насущным, о чем вы говорили с капитаном?

— О чем? Да в основном он старался держать язык за зубами, а то, что мне удалось из него вытянуть, не очень-то утешительно. Местами просто ужасно...

— ???

— В принципе ничего не изменилось. Ни здесь, ни там — на глубине. Во всяком случае, никто не имеет ни малейшего представления о том, что нас ждет. Неизвестность нагнетает тревогу, и наши адмиралы боятся, как бы она не обернулась паникой. Из его объяснений я поняла, что все их попытки исследования *Глубин* не увенчались успехом. Например — эхолокация. Они прощупали все дно, но ничего не определили. Вторичное эхо оказывалось настолькослабым, что понять — стайки ли это мелких рыб или более крупные существа — было невозможно.

Мало проку и от глубинных микрофонов: то абсолютная тишина, то невообразимое нагромождение звуков, подобное тому, что мы слышали из телебата. Помня о том, что случилось с исследовательским судном, они попытались использовать трос из токонепроводящего материала, но и он сгорел на глубине тысяча саженей. Телекамера, работающая в инфракрасном свете, расплавилась на глубине восьмисот саженей и замкнула половину их приборов, хорошо, что они догадались изолировать ее от судна.

С атомными бомбами покончено, во всяком случае, на некоторое время. Капитан сказал, что их разрешено использовать только в определенных местах — «у черта на рогах». Но все равно радиоактивность уничтожает несметное число промысловой рыбы. Рыбинспекция по обе стороны Атлантики подняла дикий гвалт и утверждает, что своими испытаниями ВМС нарушили естественный процесс миграции рыб, а заодно и всю экологическую систему. Правда, кое-кто из специалистов считает, что данных для подобных утверждений маловато, что все это может происходить и по другой причине. Бесспорно — это отразится на обеспечении продовольствием. В общем, общественность без понятия, чего еще ждать от бомб, кроме гибели рыбы и повышения цен, поэтому популярность их резко упала.

— Ну, все это мы знали и раньше,— заметил я.

— Тогда кое-что новенькое для тебя: из сброшенных бомб две не взорвались.

— И что?

— Не знаю. Но адмиралы явно перетрусили. Видишь ли, эти бомбы сконструированы так, что взрываются на заданной глубине от давления. Надежно и весьма просто.

— Значит, они не достигли области нужного давления и застряли где-то по пути.

— Все это было бы так, но дело в том, что в бомбы вмонтировано специальное устройство, срабатывающее в подобных случаях как часовой механизм. И только на этот раз произошла осечка. Вот это и беспокоит адмиралов.

— Все элементарно, мой дорогой Ватсон,— улыбнулся я,— вода попала в часовой механизм, чего-то там заклинило и...

— Во-первых, ничего там не заклинило,— холодно обрубила Филлис,— во-вторых, Ватсон — это ты, а в-третьих, видел бы ты при этом лицо Винтерса...

— Еще бы! Посеять парочку атомных бомб — не шутка, я бы на их месте тоже не прыгал от радости,— откровенно признался я.— Что еще?

— Еще три судна пропали без вести.

— Когда?

— Одно — полгода назад, второе — с месяц, третье — на прошлой неделе.

— Возможно, здесь нет никакой связи.

— Все может быть... Но капитан уверен в обратном.

— Сколько осталось в живых?

— Никого.

Мы помолчали.

— Что-нибудь еще?— спросил я.

— Подожди, дай вспомнить. Ах, да... Они разработали какой-то специальный снаряд убийственной силы, но не атомный. Правда, испытать не успели.

Я с восхищением посмотрел на свою жену.

— Вот это работка, дорогая. И ты еще говоришь, что капитан держал язык за зубами! Да у тебя мертвая хватка! Может быть, тебе удалось раздобыть и какие-нибудь чертежи или рисунки?

— Глупая твоя голова. В газетах нет публикаций только потому, что никто не хочет лишний раз волновать народ. Ни одна редакция не пойдет на это. Прошлый шум-гам настолько сократил число тиражей, что теперь рекламодатели ни за что не станут рисковать. Никто ведь не собирается звонить, например, во впадину Минданао и интересоваться — не хочет ли там кто-нибудь приобрести любопытную информацию.

— Пожалуй, ты права,— согласился я.

— Иногда и вояки проявляют здравый смысл,— задумчиво констатировала Филлис и добавила:— Хотя, возможно, он и умолчал о чем-нибудь.

— Наверняка,— поддакнул я.

— А! Самое главное,— спохватилась Филлис,— капитан обещал познакомить меня с доктором Матетом.

Я сел.

— Но, милая, после нашей последней передачи Океанографическое общество пригрозило отлучением всякому, кто посмеет связываться с нами. Это же часть их антибокеровской кампании.

— Да, но доктор Матет — друг капитана, он в курсе всех дел. И мы с тобой все-таки не отъявленные бокерианцы, не так ли?

— Кто знает, совпадет ли твое мнение о нас с мнением доктора Матета? Ну, да ладно... Когда же мы встречаемся с ним?

— Полагаю, я увижу его через пару дней, милый.

— Не понял. Не хочешь ли ты сказать, любимая...

— Так мило с твоей стороны доверять мне.

— Но...

— Все, дорогой. Пора спать,— отчеканила Филлис.

Как потом рассказывала Филлис, Матет встретил ее обычными словами.

— И-Би-Си?— недоуменно воскликнул он.— Мне помнится, капитан Винтерс говорил про Би-Би-Си.

Это был довольно крупный худощавый человек с огромной шарообразной головой. Полированный загорелый лоб заканчивался, казалось, на самой макушке, и весь величественный купол его головы был обрамлен волнистыми седыми волосами.

Слегка портили впечатление пучки волос, торчащие из ушей. Два горящих карих глаза, выдающийся римский нос, большой выразительный рот, тяжелый, чуть-чуть раздвоенный подбородок...— Филлис настолько образно описала мне этого человека, что я ясно представил, как он сутулится под тяжестью своей невообразимой ноши.

На его вопрос Филлис вздохнула и в очередной раз пустилась в рутинные объяснения о различии двух радиовещательных компаний, уверяя, что спонсорство отнюдь не означает продажность и бессодержательность. Матет нашел, что это новая и любопытная точка зрения. Тогда Филлис процитировала лучшие фрагменты из наших самых популярных передач, перечислила имена всех знаменитостей, которые когда-либо давали нам интервью, и постепенно, шаг за шагом, ей удалось убедить доктора, что мы — достаточно милые и даже мужественные люди, сражающиеся во славу передовых идей науки. А когда Филлис заверила, что имя доктора Матета не будет упомянуто ни при каких обстоятельствах, он понемногу разговорился.

Все его объяснения, выдержанные в строго академическом стиле, изобиловали несчетными силлогизмами и всевозможными специальными терминами. Филлис пришлось изрядно поломать голову над этой «тарабарщиной». Я изложу лишь суть разговора, не вдаваясь в подробности.

С год назад появились сообщения об изменении цвета некоторых океанических течений. Так, в течении Куро-Сиво, на севере Тихого океана, впервые обнаружена необычная муть, уносимая на северо-восток и постепенно исчезающая в безбрежных просторах.

— Само собой, мы взяли пробы воды и подвергли их тщательному анализу,— сказал Матет.— И чем бы, вы думали, вызвано изменение цвета?

Филлис выжидающе молчала, и он сам ответил на вопрос.

— В основном илом из ракушек радиолярий с заметным вкраплением диатомового ила.

— Как интересно,— удачно нашлась Филлис.— И в чем же причина?

— О!— воскликнул доктор.— Вот в чем вопрос! Изменение весьма значительно, чтобы приписать его к явлениям обычным. Даже в образцах, взятых на другом конце океана — у берегов Калифорнии, мы обнаружили большой процент диатомового ила.

— Поразительно! И что же в результате?

— В результате? Очевидны лишь следствия, например, изменение миграций рыб. Совершенно естественно, что в воде, богатой диатомовыми водорослями...

Он еще долго продолжал в том же духе, а Филлис пыталась хоть что-нибудь уразуметь.

— ... все это имеет огромное значение, но нас интересует первопричина. Я смотрю в корень. Что произошло в действительности? Как случилось, что иловые отложения поднялись с огромнейших глубин на поверхность в таких удивительных количествах?

Филлис почувствовала, что пора и ей вставить словцо.

— Может быть, это как-то связано с атомными бомбами? Мы там...

Доктор Матет так свирепо посмотрел на нее, что Филлис осеклась.

— Бомбы сбросили гораздо позже! И сомнительно, чтобы результат взрывов обнаружился в Куро-Сиво, а не у Мариан.

— А-а-а...

— Естественней предположить, что мы наблюдаем вулканическую деятельность на дне океана. Как известно, это область повышенной сейсмической активности. Однако сейсмографы не зарегистрировали ни одного толчка...

Матет пустился в долгие пространные рассуждения о вулканах и о том, что причина кроется, безусловно, не в них.

— Тем более,— поддержала его Филлис,— ил не оседает и нечто нам неизвестное продолжает происходить там, на дне.

— Да,— согласился Матет и вдруг, спустившись с высот Олимпа, добавил:— И, честно говоря, один Бог знает, что там за чертовщина.

Они поговорили еще немного, и Филлис выяснила, что изменения произошли не только в течении Куро-Сиво: глубоководные отложения поднялись недалеко от Гватемалы — в Монзунском проливе, и по другую сторону перешейка — в Москитском течении. Повысилась плотность воды в экваториальной зоне Атлантики у берегов Австралии, а также во многих других местах.

Филлис старалась записать все, что нам могло пригодиться для передачи. Только в конце беседы ей удалось задать вопрос, который давно крутился у нее на языке.

— Доктор,— спросила она,— как вы думаете, насколько это серьезно? Лично вас это беспокоит?

Он улыбнулся.

— Нельзя сказать, что я не могу уснуть по ночам, если вы это имеете в виду. Нет, нас, как вы изволили выразиться, беспокоит то, что мы вдруг оказались некомпетентны в сфере нашей компетенции. Мы бьемся лбами о стену и ничего не можем понять.— Он беспомощно развел руками.— А что касается результатов, считаю, что они даже благоприятны: со дна поднят огромный плодородный слой питательного ила. Я ожидаю в ближайшем будущем снижения цен на рыбу, и тем, кто предпочитает рыбные блюда, остается только позавидовать. К сожалению, я не из их числа.— Он опустил голову.— Меня беспокоит только то, что впервые я не могу ответить на простое «почему» в области, где я всегда считался неплохим специалистом.

— Слишком много географии,— сетовала Филлис,— слишком много океанографии, слишком много батиографии, слишком много всяких «графий». Будь ты хоть семи пядей во лбу, отобрать из этой кучи что-либо путное, по-моему, невозможно.

— Хм,— промычал я.

— Никаких «хм»! Когда у тебя в одно ухо влетает, а в другое вылетает, что в этом хорошего?

— Не думала ли ты, что Матет выложит тебе готовенький материал на целую передачу? Мало-помалу кое-что накапливается, это — еще одна капля. Оторчаться не стоит. Кстати, он никак не связывает это с болидами?

— Да нет. Я попыталась навести его на эту мысль, но он не отреагировал. Матета интересуют только факты, и, вообще, он был очень осторожен в высказываниях. Мне даже показалось, он сожалеет о том, что согласился на встречу. Знаменитость, не поддающаяся ни на лесть, ни на уговоры. Ничего, кроме фактов, никаких тебе гипотез или догадок. Одно желание — не подмочить репутацию, как уже случилось с Бокером.

— С Бокером?! — воскликнул я.— Как хорошо, что ты напомнила. Уж он-то наверняка в курсе всех событий и имеет на этот счет свою теорию.

— После той пресс-конференции он избегает общения.— Филлис покачала головой.— И не удивительно: такая шумиха! Слава богу, мы не принимали в этом участия.

— Будем тянуть жребий, кому звонить?— предложил я.

— Я сама.

— Меня восхищает твоя непрошибаемая самоуверенность. Хорошо, давай.

Я развалился в кресле и с упоением слушал, как искуситель-ница Филлис, пройдя через обычный ритуал объяснений, касаемых И-Би-Си — Би-Би-Си, очаровывает светило науки.

Должен признать, Бокер имел смелость и силу пойти против общественного мнения и не отказался от своей, ставшей в одно мгновение непопулярной, теории. Но он сразу же дал нам понять, что не имеет ни малейшего желания ввязываться в пустопорожние споры, так как ему совсем не улыбается вновь оказаться посмешищем для толпы.

Бокер сидел перед нами гордый и невозмутимый, слегка склонив набок голову с пышной седой шевелюрой.

— Вы хотите знать мою гипотезу потому, что у вас нет никаких мало-мальски приемлемых объяснений? Прекрасно, мне не составит труда ее изложить. Вряд ли вы с ней согласитесь, но в любом случае, прошу не упоминать моего имени. Когда до всех дойдет, что я прав, тогда другое дело. Я не ищу дешевой славы и не хочу, чтобы обо мне думали как о мелком трибуне. Договорились?

Я кивнул.

— Мы просто хотим,— пояснила Филлис,— воссоздать цепь событий. Если с вашей помощью удастся отыскать недостающее звено, мы будем очень признательны. Ну, а если вы нам не доверяете, это ваше право, и мы его уважаем.

— Мне нечего возразить, так что приступим. Теорию о происхождении глубинного Разума вы знаете — не буду ее повторять. А нынешняя ситуация представляется мне таковой... Существа... назовем их так, благополучно устроились в экологической нише и следующая их задача — обустроить новое жилище на свой лад. Ведь они — самые настоящие первопроходцы, колонисты. Чем, по-вашему, станет заниматься человек, прибыв на новое место? Благоустройством. И вот то, что мы наблюдаем сегодня,— и есть первый результат их деятельности.

— И чем же именно они заняты?— спросил я.

— Почем я знаю?— Бокер пожал плечами.— Учитывая то, как мы их встретили, думаю, чем-нибудь вроде защитных сооружений. Скорее всего, они добывают металл. Во впадине Миндинао, а также в *Глубинах* юго-восточнее Бухты Падающих Кокосов работы идут полным ходом.

— Э... но горнорудные работы в таких условиях...— До меня дошло, почему Бокер пожелал остаться инкогнито.

— Откуда нам знать, каков уровень их цивилизации? Я могу привести вам множество примеров, где мы сами добились того, что, на первый взгляд, абсолютно невозможно.

— Это при давлении-то в несколько тонн, в кромешной темноте...— начал было я, но Филлис так взглянула не меня, что я тут же прикусил язык.

— Доктор Бокер,— сказала она,— вы обозначили две конкретные точки Мирового океана, почему именно эти?

Бокер перевел взгляд на Филлис.

— Как однажды заметил мистер Холмс знаменитому тезке вашего мужа: «Самая большая ошибка — строить теории на пустом месте. Но пренебрегать уже имеющимися данными — умственное самоубийство». Я обладаю неплохим воображением, но не могу представить себе ничего другого, кроме сверхмощного насоса, перекачивающего бескрайние залежи ила на поверхность океана.

— Но,— влез я, становясь в позу (мне порядком надоели постоянные издевки призрака мистера Холмса),— если, как вы утверждаете, они добывают руду, то почему цвет меняется за счет ила, а не за счет грунта?

— Прежде чем достигнуть рудоносных пластов, молодой человек, необходимо пройти огромный пласт ила, это во-первых, а во-вторых, согласитесь, плотность песка и ила значительно разнится: песок просто не успевает достичь поверхности и под собственной тяжестью опускается на дно.

К сожалению, мне не дали возразить.

— А все-таки, доктор, почему вы упомянули именно эти два места?— Филлис просто зациклилась на своем.

— Я не утверждаю, что в других местах ничего не происходит, но исходя из расположения, полагаю, что если там и ведутся работы, то с какой-то другой целью.

— С какой?— воскликнула Филлис, глядя на Бокера с поистине детским любопытством.

— Коммуникации. Вот, посмотрите сюда,— Бокер развернул карту,— немного ниже экватора — впадина Романш. Это узкий перешеек в подводных рифах Атлантического хребта, единственный проход, связывающий бассейны западной и восточной Атлантики. Здесь начинается изменение окраски. Причина наверняка вот в чем: некто на дне, мне сдается, не удовлетворен состоянием прохода — возможно, он загроможден обломками скал или мелковат, а может, слишком узок. Так или иначе, его, как минимум, нужно очистить от наслоений ила, что, видимо, и происходит. В общем, что бы то ни было, это каким-то образом связано с благоустройством.

Мы молчали, переваривая его слова.

— А вот эти две точки?— Филлис первая собралась с мыслями.— В Карибском море и Гватемальской котловине?

Бокер достал портсигар и предложил нам закурить, но мы вежливо отказались. Тогда он закурил сам, откинулся на спинку кресла и, выпустив под потолок тонкую струйку дыма, произнес:

— Как вам понравится такая идея — туннель, связывающий *Глубины* по обе стороны перешейка? Вспомните историю Панамского канала.

В чем в чем, а в узости мышления Бокера не упрекнуть, если уж он выдвигает теорию — так это действительно Теория. И что самое главное: еще никому не удалось его опровергнуть. Проблема в том, что бокеровские гипотезы совершенно неудобоваримы для нормальных людей. И как ни хороша была очередная его гипотеза, она костью застряла у меня в горле, что случается со мной нечасто, ибо я всегда считал себя чуть ли не шпагоглотателем. Так что до конца разговора я занимался тем, что пытался расправиться с этой злосчастной костью. У меня не было ни мыслей,

ни слов, ни сил, чтобы хоть что-то противопоставить безукоризненной логике Бокера. На прощанье он подкинул нам еще один сюрпризик.

— Вы, конечно, слышали о двух невзорвавшихся атомных бомбах?

— Конечно...

— А что вы знаете о вчерашнем атомном взрыве, за который ни одна страна не взяла на себя ответственность?

— Вы думаете, что это одна из тех бомб?— неуверенно спросила Филлис.

— Почти уверен. Очень хотелось бы думать, что это не так, но... но вот что любопытно: одну бомбу сбросили у Алеут, а другую — во впадину Миндинао, а эта взорвалась недалеко от Гуама...

— Как жаль,— сокрушалась Филлис,— что в свое время я не была прилежной ученицей и наплевательски относилась к географии, которую бедняжка мисс Попл тщетно пыталась в меня вдолбить. Каждый день всплывают какие-нибудь новые названия, о которых я сроду не слышала.

— Не унывай,— утешил я,— в военных сводках упоминаются такие названия, о которых сами географы порой не подозревают, не говоря уж о том, что на обычных картах они и вовсе не значатся.

— Вот опять.. сообщают, что около шестидесяти человек смыло какими-то *цунами*, прошедшими над островом Ростбифа. Где этот Ростбиф? И что еще за *цунами*?

— Не *цунами*, дорогая, а цунами, по-японски — волна, гигантская волна, возникающая в результате подводных землетрясений. А где находится Ростбиф — понятия не имею, зато могу предложить целых два острова Сливового Пудинга.

— И чего ты вечно корчишь из себя отличника, Майк,— Филлис осуждающе посмотрела на меня.— М-да, интересно, как это все нас коснется?

— Причем тут мы?

— Я о том, что сейчас происходит на дне.

— С чего ты взяла, что это не настоящие цунами, и связываешь с ними...

— Ах,— перебила меня Филлис,— как звучит: *настоящие цунами, с ними, с нами, сними-снами*... что еще случится с нами?

— Хорошо,— не выдержал я.— Давай попробуем разобраться.

— ... *сними-снами*...

— Если тебя это так волнует, можешь позвонить своему ученому другу Матету.

— ... *настоящие цунами*...

— У него непременно есть сводки. Он тебе скажет точно — настоящие они или ненастоящие, или...

— Ты уверен? А как они это узнают?

— Спроси чего-нибудь полегче. Узнают и узнают. Матет обязательно в курсе, если там что-то не так.

— Хорошо,— сказала Филлис и вышла из комнаты.

Не прошло и трех минут, как она вернулась.

— Настоящие цунами. Цитирую: «Небольшое сейсмическое возбуждение, произошедшее вблизи острова Святого Амброзия; долгота такая-то, широта такая-то». Кстати, Ростбиф — второе название Надежды.

— А где этот остров Надежды?

— А, кто его знает,— Филлис беспечно махнула рукой.

Она взяла газету и села на диван.

— Как скучно,— сказала Филлис, сдерживая зевоту,— ничегошеньки не происходит.

— Пока...— резонно заметил я.

— Вчера звонил капитан Винтерс: за два месяца — ни одного сообщения о болидах.

— Он как-нибудь прокомментировал это событие?— Я достал сигарету.

— Нет, просто упомянул между делом.

— Бокер сказал бы, что закончилась первая фаза колонизации. Его первопроходцы обустроились, дальнейшее зависит от того, как они будут жить: либо — долго, либо — в долгах.

— Я думаю — в долгах, а как говорят русские: «Долг платежом красен».

— *Плачу и плачу, плачу и плачу...*— отозвался я.— Если бы кто-нибудь услышал домашнее чириканье лучшей специалистки по сенсациям, он смог бы составить нам конкуренцию.

Филлис пропустила мое замечание мимо ушей.

— Помнишь, о чем я говорила Малларби?— спросила она.— Вот и я не могу понять, какое нам дело, что происходит на дне, почему мы не можем оставить их в покое и уступить ненужную часть мира?

— На первый взгляд, вполне разумно,— согласился я.— Но Малларби имел в виду другое, и в этом я с ним абсолютно согласен; мы столкнулись не с разумом, а с инстинктом. Инстинкт самосохранения сопротивляется уже самой мысли о чуждом ему Разуме и не без оснований. Трудно представить себе форму разума, если, конечно, не впадать в абстракцию, которая не попыталась бы переустроить среду обитания на свой лад. И как-то уж очень сомнительно, чтобы интересы двух форм разума совпадали, настолько сомнительно, что, думается, вместе нам никак не ужиться.

Филлис задумалась.

— Уж очень мрачно, Майк. Прямо какая-то дарвиновская перспектива.

— «Мрачно» — это, дорогая, эмоции. На самом деле — такова жизнь. Представь, один вид живет в соленой воде, другой — в пресной. Настанет день, когда они расплодятся настолько, что им станет тесно в своих водоемах, и тогда одни, ради своего удобства или продолжения рода — назови, как хочешь — начнут опреснять моря, другие,.. как бы это сказать...— подсаливать реки и озера. Только так и никак иначе.

— То есть, ты за то, чтобы закидать океаны атомными бомбами?

— Дорогая, я за естественный ход событий. «Всему свое время»,— это не я сказал. Если за летом следует осень, еще не значит, что осенью надо будет тащить лестницу и обрывать листья с деревьев.

— Действительно, с какой стати?

— Вот и я говорю...

— То есть, ты против бомбежек? Я правильно тебя поняла?

— Да оставь ты бомбы в покое! Черт возьми, не в них дело. Пойми, как только у человека наметилась первая извилина в мозгу, он огляделся и увидел, что мир в том виде, как он есть, его не устраивает. Думаешь, эти там на дне всем довольны? Черта с

два. У нас есть все основания для подобного вывода. Или ты считаешь, что наши бомбежки пришлись им по вкусу? Как бы не так. И тут же напрашивается следующий вопрос: сколько осталось до прямого столкновения?

— Ты спрашиваешь меня? Ты сам прекрасно знаешь, что все началось с первой бомбы. Я тоже об этом сожалею.

— Жалеть уже поздно, дорогая. Теперь в их черном списке преобразования природы мы с тобой — на первом месте. А в том, как скоро они обезопасились от нашего оружия, есть нечто зловещее, словно они приготовились ко всему заранее. Будем надеяться, что эти твари останутся в своих *Глубинах* и не позарятся на наши владения. В противном случае, хотел бы я знать, чем мы их встретим?

— Значит, ты все-таки за атомные бомбы,— подытожила Филлис.

— Бог мой! Милая, ни я, ни ты, ни весь Королевский Флот, никто не захочет сбрасывать эти бомбы: шуму много, а результат сомнительный. Однако я очень надеюсь, что наш доблестный Флот, «ополчась на море смут, сразит их противоборством»*. А вот какое оружие мы применим, зависит от времени, места и условий.

Филлис сидела, подперев рукой голову, невидящим взором уставившись в газету.

— Ты говоришь «такова жизнь», ты в этом уверен?— спросила она немного погодя.

— Да, пусть даже из предположений Бокера верна только часть... Вдвоем с ними нам не ужиться на Земле.

— И когда, по твоему, это случится?

Я пожал плечами. Если представить, какие естественные препятствия должны преодолеть и те, и другие, чтобы добраться друг до друга, можно подумать, что по меньшей мере пройдет не один десяток лет, а то и столетий.

Филлис снова вперилась в пустоту, и я, зная этот симптом, не собирался нарушать ее задумчивости. Мы долго молчали, пока вдруг в наступившую тишину не вкрался мягкий и тревожный полушепот Филлис.

— ...ветер, его полночные завывания и стоны утопают в нарастающем рокоте гневных волн океана... слышишь, где-то совсем рядом противно завизжала лебедка — это матросы сбросили за борт спасательную шлюпку. Ветер подхватил их хриплые, просоленные голоса и понес прочь. Тише! Что это? Я слышу чей-то голос, доносящийся словно из небытия: «одна сажень, две...». Шум ветра все ближе, голос все отчетливей: «три сажени, четыре...». Какой-то мерный, неясный гул, гнусное чавканье рыб — мы погружаемся: «пять саженей...» противное чавканье сменяется жуткой какофонией: «полное погружение!..»— тишина: пять секунд, десять... Нет, я не слышу, я ощущаю каждой клеткой, ощущаю тяжелые стоны Глубин... мне страшно... что-то происходит... опять чей-то голос. Что, что он говорит?.. Я не могу разобрать... о Левиафанах?!... теперь я различаю каждое слово... о Боже! Какой нечеловеческий голос: «...самая недоступная точ-

* Шекспир В. «Гамлет, принц датский».

ка земли — дно. Так было, есть и будет. Кромешная темнота. Мрак. Самая мрачная точка Земли. Так было, есть и будет до тех пор, пока не высохнут моря и океаны, тогда растрескавшаяся, безжизненная планета будет нескончаемо вращаться по своей орбите, а жизнь на ней станет историей.

Но это случится не раньше, чем Солнце высушит пять миль над нами. А пока здесь Мрак. Мрак и Холод. Мрак и Холод и Тишина. И Покой. Пусть будет так. Мы так хотим.

Дно — самое лучшее и самое страшное место на Земле. Здесь правит сама Смерть. Вглядитесь, все устлано бренными останками цветущей некогда жизни. Биллионы и биллионы существ обрели здесь свой последний приют. Тишина... Гробница мира. Вы говорите: «Нет! Ничто не может существовать Здесь», а мы отвечаем:

«Мы. Ваши предки миллионы лет назад тоже выкарабкались на берег, преодолев огромную толщу вод, так что мешает нам?.. Ждите нас, мы идем...»

А потом сразу вступаешь ты и говоришь о неизбежности столкновения двух разумов. Затем я — о возможности взаимопонимания и все такое прочее. Как идейка?

— Если честно, то я мало что понял: что, для чего, зачем?

— Мне представляется это как передача из серии «Камо грядеши».

— Конечно, можно попробовать. Но... Ты хочешь показать картину новой жизни на примере завораживающих кельтских мифов?

— Приблизительно...

— Это ужасно, Фил. Говорить об этом в таком тоне? Не знаю. Давай лучше попробуем подготовить документальный материал. Вот тогда, я думаю, будет что-то.

— Может, ты и прав. Но пока у нас нет материалов на передачу, я бы, на твоем месте, так не пренебрегала моей идеей. Впрочем, кажется, за фактами дело не станет.— Филлис неожиданно замолчала.— Иногда мне очень страшно, Майк. Так хочется, чтобы они убрались отсюда побыстрее.

Я мысленно согласился с ней, но к тому, что произошло дальше, не был готов никто.

Мы выехали рано утром. Машина была загружена еще с вечера, и, выпив по чашечке кофе, мы быстро тронулись в путь. Я посмотрел на часы.

— Пять минут шестого. У нас есть еще пару часов, пока дороги запрудят автомобили.

Нам предстояла неблизкая дорога, что-то около трехсот миль, до небольшого коттеджа в Корнуэлле близ Константайна, некогда приобретенного Филлис на скромное наследство тетушки Хелен.

Я, конечно, предпочел бы дом в окрестностях Лондона, но Филлис, по ей одной неведомой причине, была непреклонна.

Коттедж Роз — так назывался наш скромный пятикомнатный домик из серого камня — был расположен на юго-восточном склоне холма, поросшего вереском, розовый цвет которого и дал название коттеджу.

Это невысокий дом с крышей почти до самой земли в чисто корнуэллском стиле, с фасадом, выходящим на Хелфорд-Ривер, так что ночью всегда видны огни маяка на мысе Лизард, а днем открывается изумительный вид на изрезанное побережье Фал-

мутского залива. А если вы отойдете ярдов на сто от подветренной стороны холма, то вдалеке за Маунтским заливом различите острова Силли, за которыми — Атлантика.

Если же вам захочется прогуляться в Фалмут — пожалуйста — семь миль, за покупками в Хелстон — ради бога — девять. И уж коль скоро вы добрались до Корнуэлла, то понимаете, что не зря преодолели почти триста миль.

Мы использовали коттедж как временное пристанище. Закинув в котомку накопившиеся заказы, идеи, задумки, мы вырывались недели на четыре, чтобы разгрести весь этот скарб, поработать извилинами, постучать на пишущей машинке в тишине благостного уединения. Отдохнувшие и посвежевшие мы возвращались в Лондон: бегали по магазинам, поддерживали нужные и ненужные связи, работали, наконец! Вся эта суета продолжалась до тех пор, пока из глубины души не вырывался крик отчаяния, и тогда, наскоро покидав вещи в автомобиль, мы трогались в путь.

В то утро я нещадно гнал машину. Филлис мирно спала на моем плече, пока я не разбудил ее.

— Йовил, дорогая. Самое время перекусить.

Я оставил Филлис приходить в себя после сладкого сна, а сам пошел купить свежие газеты.

...Мы сидели за столиком, уплетали кашу и просматривали прессу.

В передовицах сообщалось о кораблекрушении, но поскольку корабль был японским, я подумал, что газетам, видимо, просто больше нечего делать. Из голого любопытства я прочитал заметку под фотографией: «Японский лайнер <Яцухиро>, курсировавший между Нагасаки и Амбоном, утонул при невыясненных обстоятельствах. Из семисот с лишним человек, находившихся на борту корабля, в живых осталось пять».

Странное дело, но меня не покидает впечатление, что мы тут на западе слишком экспрессивны, а они — на Востоке — чересчур инертны. Так, например, если в Японии обрушится мост, сойдет с рельсов поезд или, как сейчас, затонет судно — это не вызовет таких эмоций, как случись нечто подобное у нас. Я не осуждаю японцев, но тем не менее это так.

— Посмотри,— вдруг сказала Филлис.

— В чем дело?

Она ткнула пальцем в газету. «Гибель японского лайнера у Молуккских островов» — гласило название. Точно такое же коротенькое сообщение, только вместо фотографии — схема района кораблекрушения.

— Тебе не кажется, что корабль затонул где-то совсем рядом с нашей старой знакомой — впадиной Минданао?

— Действительно, неподалеку.

Я внимательно ознакомился с сообщением. «Смерть в тишине обрушилась на спящий лайнер.... Бедные дети... несчастные матери...— ну конечно, без этого нельзя!— вопили от ужаса... Обезумевшие женщины в ночных сорочках выскакивали из своих кают... Бедные матери с огромными от ужаса глазами, подхватив самое драгоценное в жизни — детей..» и так далее и тому подобное. Если отбросить всех этих женщин и детей, вставленных корреспондентом лондонской редакции, дабы вызвать слезы у читателей, то вся заметка выглядела настолько беспомощной, что я вначале поразился, почему две столь авторитетные газеты предоставили событию первые полосы, но затем я понял, что

скрывалось за всеми этими дутыми страстями: «Яцухиро» непостижимо и загадочно, без всяких видимых причин, внезапно, как камень, пошел на дно.

Позже я раздобыл копию сообщения агентства и увидел, что оно в своей неприкрашенной лаконичности куда более тревожно и драматично, чем все эти рассуждения о «ночных рубашках»: «Причина не выяснена, море спокойное, повреждений не было. Корабль погрузился в воду менее чем за одну минуту без явных следов аварии. Взрыва не наблюдалось...» Так что в ту ночь не было ни криков, ни воплей. У японцев едва хватило времени продрать глаза, и вряд ли они успели сообразить спросонок, что произошло. Их почти мгновенно поглотила вода: никаких криков — одни пузыри, когда двадцатитысячетонный стальной гроб взял курс на дно.

Я поднял глаза на Филлис. Она задумчиво смотрела на меня, опершись подбородком на ладони.

— Неужели это то самое, Майк, так скоро?

Я замялся.

— Трудно сказать, тут столько надуманного... И я не могу судить... Подождем до завтра. Думаю, из «Таймс» мы узнаем, что случилось на самом деле. А может и нет...

Дальше мы уже ехали куда медленнее и остановились один только раз в Дартмуте — на ленч.

Наконец к середине дня, ужасно уставшие, мы добрались до места. И хоть я не забыл позвонить в Лондон, чтобы попросить прислать все вырезки о кораблекрушении, мне уже казалось, что трагедия на другом конце света столь же далека от маленького серого домика в Корнуэлле, как гибель «Титаника».

На следующий день «Таймс» сообщила о происшествии, но как-то уж очень вяло и осторожно, очевидно в редакции и сами разводили руками.

Совсем иного характера были вырезки, присланные нам с И-Би-Си: фактов — нуль, зато куча комментариев. «Покрыта тайной гибель японского лайнера «Яцухиро», ушедшего в вечность в ночь на понедельник у южных Филиппин, унесшего с собой более семисот жизней. Со времен загадки «Марии Целесты» мир еще не знал столь таинственного происшествия». «Создается впечатление, что лайнер «Яцухиро» займет достойное место в длинном списке неразгаданных тайн моря. Тайна шхуны «Мария Целеста», которая была обнаружена дрейфующей у...» «Рассказы пяти оставшихся в живых японских моряков только сгущают мрак, окружающий судьбу судна «Яцухиро». Почему оно затонуло? Как это случилось? Почему столь внезапно? Неужели мы так никогда и не найдем ответа на эти вопросы, как не нашли ответа на вопросы, связанные с «Марией Целестой»? «Даже в наш век, век науки, море продолжает ставить нас в тупик. Гибель «Яцухиро» — очередная неразрешимая загадка в истории мореплавания. Как и знаменитая «Мария Целеста».

— Майк, они что, все с ума посходили? Вот опять: «Трагическая гибель «Яцухиро» стоит в одном ряду с неразрешимой загадкой «Марии Целесты». Но ведь самое таинственное в случае «Марии Целесты» — это как раз то, что она не затонула. Все наоборот...

— Приблизительно так.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Все очень просто, дорогая. Это такой «угол зрения» или «уровень мышления». Никто не знает и не понимает, почему за-

тонул «Яцухиро» и причисляют его к загадкам морей. Ну, а «Мария Целеста» — первое, что приходит в голову из этой области. Другими словами — все зашли в тупик.

— Тогда я предлагаю выбросить весь этот мусор.

— А вдруг на что наткнемся? Давай, почитаем. Не может же так быть, что мы единственные, до кого дошла связь событий... Читай внимательнее.

Мы просмотрели уже почти всю кипу вырезок, узнав массу сведений о «Марии Целесте» и ничего — о «Яцухиро», когда наконец Филлис издала громкое «А!» первооткрывателя.

— Вот,— сказала она.— Это уже что-то новенькое. Слушай: «Роскошный, сверкающий золотом лайнер «Яцухиро», построенный на деньги с Уолл-стрит, затонул при невыясненных обстоятельствах у берегов Филиппин. В то время когда растущая пропасть между неконтролируемыми доходами зажиточной буржуазии и стремительно снижающимся жизненным уровнем японских рабочих...» А, ну понятно.

— О чем это они?

Филлис пробежала статью глазами.

— Да ни о чем. Пишут, что капиталистический лайнер, до краев набитый награбленными деньгами, не выдержал подобной тяжести и пошел ко дну.

— М-да, интересное наблюдение, первая и единственная версия во всей этой куче бумаг. Игра, как видно, пошла не для слабонервных. Если вспомнить, какую кутерьму подняли рекламодатели во время последней паники, созданной газетами. Я думаю, они теперь решили просто прикрыться «Марией Целестой». Но теперь не собираются же они на этом успокоиться. У более солидных изданий все-таки не такие чувствительные рекламодатели. я не представляю «Трибюн» или...

Филлис прервала меня.

— Майк, ты что, еще не понял — игра кончилась. Затонуло огромное судно, погибло семьсот человек!.. Это ужасно. Сегодня мне приснилось, что я заперта в тесной каюте, а изо всех щелей хлещет вода.

— Вчера...— начал я и остановился. Мне захотелось напомнить Филлис, как вчера она вылила целый чайник кипятка на ненавистных домашних муравьев. Уж наверняка их полегло более семисот. Но я вовремя опомнился и продолжил:— Вчера множество народа погибло в автокатастрофах, столько же погибнет сегодня...

— Да при чем тут это?

Конечно, Филлис была права, я привел плохое сравнение, но говорить о существах, для которых мы — самые настоящие муравьи, мне не хотелось.

— Мы привыкли считать,— сказал я,— что естественная смерть — это смерть в постели на старости лет. Заблуждение. Смерть естественна в любом проявлении, и всегда — нежданна.

Но это тоже оказалась неподходящая тема, и Филлис ушла, оскорбленно стуча каблучками.

Я раскаивался.

Мы ждали объяснения, и на следующее утро оно появилось. Видимо, мы были не одиноки в нашем ожидании. Почти все газеты сразу подхватили его, а толстые еженедельники развили и углубили.

В двух словах это называлось «усталостью металла».

Дело в том, что в конструкциях «Яцухиро» впервые был применен новый сплав, разработанный японцами. Эксперты пришли к выводу, что при критической частоте вибрации двигателя не исключено нарушение структуры сплава. Поломка какой-нибудь детали может вызвать цепную реакцию. Другими словами — при совсем не значительном толчке или ударе корабль разваливается на части и тонет.

Существовала, правда, маленькая оговорка, мол, пока не будут изучены останки судна, кристаллическая структура деталей, нельзя считать это окончательным выводом, но так как корабль покоится на глубине шести миль...

И тем не менее все работы на судах класса «Яцухиро» приостановили на неопределенное время.

— О, светочи науки! — простонал я.— Как вы любите все притягивать за уши. Слабое утешение для родственников погибших и никакое — для остальных. Таинственная усталость металла! Заметь, не сварной шов, не какая-нибудь заклепка, а именно общая усталость, без каких-либо уточнений: что за сплав, в каких деталях он применялся — ничего! И вообще все в порядке: злосчастный сплав использовался исключительно на одном японском судне, а, значит, остальным не грозят подобные напасти. И море! Море — безопасно, как всегда! В путь, ребята, ничего не бойтесь. Посмотрим, что они запоют, когда развалится очередная посудина.

— Но теоретически усталость возможна.

— И то я сомневаюсь. А главное — им все сойдет с рук. Общество проглотит это «объясненьице» и не поморщится. Специалисты тоже протестовать не станут, во всяком случае, пока.

— И я бы хотела поверить и, наверное, даже смогла бы, не знай я, где это произошло.

— Надо внимательно следить за ценами на акции корабельных компаний,— задумчиво произнес я.

Филлис подошла к окну и долго смотрела на синие воды, простиравшиеся до горизонта.

— Майк,— неожиданно сказала она,— прости меня за вчерашнее. Я... эти японцы так меня расстроили. До сих пор мы играли в какие-то шарады, ребусы; смерти Вайзмана и Трента казались несчастьем, недоразумением. Но это... это же совсем другое. Целый лайнер ни в чем не повинных людей! Отцы, матери, дети... всех в одно мгновение... Ты понимаешь меня? Для моряков риск — профессия, но эти несчастные... Мне не по себе, Майк, я боюсь. Там, внизу на дне... что там?

Я обнял Филлис.

— Не знаю. Мне кажется — это *начало*.

— Начало чего?

— Начало того, чего не избежать. На *Глубине* — чуждый нам Разум, мы ненавидим и боимся его. Тут ничего не попишешь, это происходит на уровне инстинкта, подсознания. Случайно на улице ты сталкиваешься с пьяным или сумасшедшим, тебя охватывает страх, и этот страх тоже иррационален. Это животный страх.

— Ты хочешь сказать, что если бы причина крылась в каких-нибудь китайцах, все было бы иначе?

— А ты сама как думаешь?

— Я?.. Я не уверена.

— Точно не знаю, я бы рычал от возмущения. Меня бьют ниже пояса, я знаю — кто и поэтому могу сориентироваться и дать

сдачи. Но так, как это происходит сейчас, когда у меня только смутное представление — «кто» и никаких предположений — «как», я весь холодею при мысли — «почему». Вот так, Фил, если тебя это интересует.

Она крепко сжала мою руку.

— Как я рада, Майк. Вчера я вдруг почувствовала себя такой одинокой.

— Хорошая моя, это всего лишь напускная небрежность, защитная маска. Я пытаюсь обмануть самого себя...

— Я это запомню,— произнесла Филлис со значением, но я не уверен, что правильно ее понял.

Гости врывались в наше уединение стихийным бедствием — всегда посреди ночи как гром средь ясного неба. То они неверно рассчитали время, то переоценили возможности автомобиля, то еще что, но обрушивались они, как тайфун, вечно голодные, с одной мыслью об яичнице с беконом.

Гарольд и Туни не явились исключением. В субботу, часа в два ночи, меня разбудил визг тормозов их машины. Выйдя на улицу, я увидел, что Гарольд уже вытаскивает из багажника вещи, а Туни подозрительно озирается по сторонам. Увидав меня, она воскликнула:

— О, это действительно здесь! Я только что говорила Гарольду, что мы, наверное, ошиблись, потому что...

— Да-да, конечно,— начал оправдываться я, ведь Туни была у нас впервые,— стоило бы посадить парочку розовых кустов. Все от нас только этого и ждут... кроме соседей.

— Я говорил ей,— пробурчал Гарольд,— но она не поверила.

— Ты мне всего лишь сказал, что в Корнуэлле роза — это не роза.

— Да,— подтвердил я,— здесь так называют вереск.

— А почему бы тогда для ясности не переименовать дом в коттедж Вереска?

— Проходите,— сказал я, закрывая тему.

Иногда просто диву даешься, почему твои друзья женятся на тех, на ком женятся. Я знаю, как минимум, трех девушек, которые составили бы Гарольду великолепную пару: одна, например, могла запросто сделать ему карьеру, другая... ну, да ладно. Туни, безусловно, красивее, но... есть, на мой взгляд, некоторое различие между комнатой, в которой живешь, и комнатой с выставки «Идеальный дом». Как говорит Филлис, «откуда может взяться у девушки с именем Петуния то, чего не хватало ее родителям».

Подоспела яичница с беконом, и Туни пришла в восторг от нашего миланского столового сервиза. Она с расспросами накинулась на Филлис, а я тем временем решил разузнать у Гарольда, что ему известно об «усталости металла». Он работал в престижной конструкторской фирме в отеле конъюнктуры и ассортимента. Кое-что Гарольд должен был знать. Он бросил беглый взгляд на Туни — казалось, на всем белом свете ее интересует только сервиз.

— Нашей фирме это не нравится,— коротко сказал он и тут же переключился на неполадки своей машины.

Обычно такие разговоры невообразимо скучны, но в три часа ночи они прямо-таки действуют на нервы. Я уже было открыл рот, собираясь покончить с «неполадками» точно так же, как ми-

нуту назад Гарольд разделался с «усталостью», но тут Туни издала странный звук и повернулась ко мне.

— Усталость металла!— Она захихикала.

Гарольд попробовал вмешаться.

— Мы говорили о моей машине, милая.

Но Туни машина не интересовала.

— Хи-хи, усталость металла, хи-хи...— Она явно напрашивалась на вопрос.

Однако в четвертом часу ночи — не до расспросов. С нашей стороны это не было невежливостью, обыкновенная самооборона. Гарольд поднялся со стула.

— Уже поздно,— сказал он,— пора...

Но Туни не из тех, кого легко смутить. Она принадлежала к тому типу женщин, которые считают, что их мужья, вступив в брак, уже один раз сваляли дурака и не стоит ждать от них ничего путного впредь.

— Господи,— просвистела она,— неужели здесь верят этой чепухе?

Я поймал удивленный взгляд Филлис. Еще вчера я говорил, как газетчики здорово одурачили простаков, а тут, на тебе, Туни первая же и опровергла меня.

— Но почему же?— возразила Филлис.— «Усталость металла» отнюдь не новое явление.

— Конечно,— согласилась Туни,— недурно сработано. В этот бред могут поверить даже вполне разумные люди.— Она обвела нас испытующим взглядом.

Мне захотелось возразить, но я вовремя посмотрел на Филлис. «Не суйся не в свое дело»— явственно читалось в ее глазах.

— Но это же официальная версия,— сказала она.— Все газеты...

— Ах, милочка, вы верите газетам?! Неужто? Конечно, без официального мнения — никак, но и то они это сделали только потому, что дело в японцах. Ах, как это напоминает Мюнхен.

При чем тут Мюнхен? Я ничего не понимал.

— Поясни, пожалуйста. Я не поспеваю за твоей мыслью,— мягко попросила Филлис.

— Ну это же ясно как божий день! Они сделали это один раз — им сошло с рук, но дальше будет хуже. Здесь обязательно надо занять твердую позицию. Политика соглашательства ни к чему хорошему не приведет, это факт. Мы давно должны были ответить на их провокации.

— Провокации???

— Ну да. Подводный Разум, болиды, марсиане и прочая ахинея.

— Марсиане???— Филлис явно была ошеломлена.

— Ну, нептуняне, неважно. Не понимаю, почему его до сих пор не арестовали?

— Кого?

— Бокера, конечно. Говорят, едва его приняли в университет, как он тут же вступил в партию. С тех пор так и работает на них. Само собой, он не сам все это придумал, нет. Придумали в Москве и использовали Бокера, ведь он такой авторитетный ученый. История о Разуме под водой обошла весь мир, и множество народа поверило в этот бред. Но теперь с этим покончено. В задачу Бокера входило подготовить почву для... ну, вы меня понимаете.

Да... мы начали понимать.

— Но ведь русские обвиняют нас,— робко вставил я.

— Не выдерживает критики,— отвергла Туни.— Они оседлали своего любимого конька и обвиняют нас в том, в чем виноваты сами.

— То есть все от начала до конца — ложь?!— уточнила Филлис.

— Естественно, ну как вы не понимаете? Сначала они закидали нас летающими тарелками, затем — кроваво-красными аэросферами... Господи, это же так просто! Потом — эти, обитатели морских *Глубин*, так умело преподнесенные Бокером. А чтобы запутать нас еще больше, они перерезали парочку тросов и даже потопили несколько лайнеров.

— Э...э... а каким образом?— не выдержал я.

— Своими новыми миниатюрными подводными лодками, которые они использовали против несчастных японцев. Вот увидите, они будут продолжать топить корабли. История с «усталостью металла» только для отвода глаз, скоро они опять вернутся к бокеровским подводным чудовищам. И это весьма недурно, потому что, пока люди верят в эту дрянь, призывы к ответным мерам не достигнут ушей нашего правительства.

— Значит, версия с «усталостью металла» только для того, чтобы успокоить народ?— спросила Филлис.

— Ну правильно!— Туни обрадовалась, что ее наконец поняли.— Наше правительство ни за что не согласится признать, что это происки красных, тогда от него сразу потребуют принять ответные меры. Нет, оно никогда не пойдет на это — уж слишком велико их влияние здесь, у нас. И вот власти прикидываются, что верят в бокеровские бредни. Что ж, пускай. Когда все выплывет наружу, они предстанут перед миром в довольно глупом виде. Пока все нормально: корабль японский, русские далеко. Но это — пока. Народ уже начал выражать свое недовольство и требует от правительства твердой позиции.

— Народ?— удивился я.

— Народ в Кенсингтоне, и не только в нем.

Филлис принялась убирать тарелки.

— Просто удивительно, насколько живя здесь, в глуши, ты оторван от остального мира,— сказала она, словно ее замуровали в коттедже.

Гарольд подавился дымом и закашлялся.

— Слишком много свежего воздуха,— объявил он и, демонстративно зевнув, взялся помогать Филлис.

На следующий день мы пополнили наши сведения о коварных намерениях русских, однако зачем им понадобилось топить безобидное пассажирское судно, так и осталось невыясненным. Все воскресные выпуски газет пестрели сведениями об «усталости металла», и Туни, по-моему, прекрасно провела время, пролистывая их с улыбкой посвященного.

Что бы ни думали в Кенсингтоне, и не только в нем, в Корнуэлле прекрасно приняли официальную версию. В пенлиннском баре «Пик», к примеру, нашелся свой собственный эксперт по части кристаллических структур. Это был старый горняк, который с удовольствием делился воспоминаниями о всевозможных поломках горнорудной техники и объяснял их исключительно хрупкостью металла по причине длительной вибрации.

— Шахтеры,— утверждал он,— на много лет опередили ученых. Мы уже давным-давно знали про усталость, только называли иначе.

Слушатели с пониманием кивали, так как события на море во все века интересовали жителей Корнуэлла.

Гарольд выглядел озабоченным.

— Меня, похоже, ждет горячее времечко, — сказал он грустно, когда мы вышли из бара. — Муторное дело. Придется всем доказывать, что наша продукция не подвержена «усталости».

— Зачем? Ведь покупателям без ваших товаров все равно не обойтись?

— Все это так, но конкуренты... они будут из шкуры лезть, чтобы доказать, что их продукции не страшна никакая «усталость». Если в этой ситуации мы не поступим точно так же, нас поймут превратно. Придется увеличивать ассигнования. Черт бы побрал этот проклятый корабль. Превратись он в черепаху, это никого бы не удивило и все было бы нормально. А теперь столько хлопот на мою голову и ничего утешительного на горизонте. Не знаю, благодарить ли за это единомышленников Туни или кого другого, но факт остается фактом: число отказов плыть морем пропорционально возросшему количеству желающих лететь самолетом. И еще, ты не обратил внимание на акции судоходных компаний?

— Да, а что?

— Вот тут и впрямь худо. А их акции продают не друзья Туни... Это сколько ж людей не верят ни в «усталость», ни в «красную угрозу»?!

— Ну, а ты?

— Нет, конечно же, нет. Но не в этом дело. Я не из тех, кто влияет на цены акций. А вот если те, кто способен влиять на цены, вдруг забеспокоятся, заволнуются — тогда все к черту. Мне плевать, есть там кто на дне или нет, я боюсь новой экономической катастрофы... А тут еще вы!

— От нас твоей экономике никакого вреда, даже если бы мы захотели, ничего бы не вышло — многострадальная правда, увы, не перевешивает мирового производства. Не скажу, что у нас за пазухой нет материала на пару передач, но последнее время из наших источников не было ни одного сообщения о подводной жизни.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Примерно то, что если у тебя вложен капитал в судоходство, я бы на твоем месте, пока не поздно, продал свои акции и вложил в авиакомпании.

Гарольд издал протестующий стон.

— Знаю-знаю, вы с Фил на этих болидах собаку съели, но хоть какое-нибудь практическое решение у вас есть?

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда о чем говорить?! Что вы можете предложить, кроме библейского «горе мне, горе»? Чего вы добились после этой проклятой бомбежки? Перепугали уйму народа, подорвали производство... в общем, пострадали все и главное — без толку. Какого труда стоило привести людей в чувство! — Гарольд в отчаянии махнул рукой. — А вы опять за свое. Зачем зря будоражить народ, может, там, на дне, ничего нет.

— А от чего, по-твоему, затонул японский лайнер? Какая польза от страуса, зарывшего голову в песок?

— Так безопаснее для головы, Майк.

Когда я передал Филлис наш разговор, то с удивлением обнаружил, что она полностью согласна с Гарольдом.

— Игра стоит свеч, когда есть практическая польза. В данном случае — пользы нет,— без тени сомнения изрекла Филлис.— Всю жизнь нас окружают люди и вещи, о которых мы почти ничего не знаем. Пойми, Майк, обнажать истину без цели — распутство. Ух!.. Каков афоризм, а? И куда это я дела записную книжку?

Гарольд с Туни уехали, и мы снова принялись за дела. Филлис с завидным усердием раскапывала, что еще не сказано о Бекфорде из Фонтхилла, а я занимался менее литературным трудом — корпел над составлением серии о королевских браках по любви, условно названной «Королевское сердце, или Венценосный купидон».

Незаметно пролетел месяц. Внешний мир почти не вторгался в наше добровольное заточение. Филлис преспокойно завершила сценарий о Бекфорде, написала еще два и вернулась к своему нескончаемому роману. Да и я благополучно отмыл королевскую честь от политического презрения и настрочил парочку-другую статей.

В погожие дни мы бросали дела, шли к морю, купались или брали напрокат лодку.

О «Яцухиро» все будто забыли, но термин «усталость металла» прочно прижился среди местных жителей, им обозначали всяческие незадачи — все, что казалось странным и необъяснимым. В обиход вошли всевозможные «усталости»— усталость фарфора, стекла и прочего. Болиды и все с ними связанное казалось таким нереальным, что мы тоже, забыв обо всем, наслаждались тишиной и покоем.

И тут в пятницу вечером в девятичасовой сводке новостей сообщили, что затонула «Королева Анна».

Сообщение, как всегда, было очень коротким: «...Никакими подробностями не располагаем, число жертв пока не установлено!..— и далее — «Королева Анна» рекордсмен трансатлантических рейсов, судно водоизмещением девяносто тысяч тонн...»

Я наклонился и выключил радио.

Филлис закусила губу, в ее глазах стояли слезы.

— Боже мой, «Королева Анна»!

Я достал носовой платок.

— Майк, это мое любимое судно!

Я придвинулся к Филлис, и мы долго сидели обнявшись, вспоминая Саутгемптон, где видели судно в последний раз. Божественное творение, нечто среднее между живым существом и произведением искусства, горделиво уносящееся в открытое море. Мы тогда молча стояли у причала и смотрели, как тает на воде пенная дорожка.

Я прекрасно знал Филлис и понимал, что мысленно она уже там, на корабле: обедает в сказочных ресторанах, танцует в шикарных бальных залах, прогуливается по палубе и переживает вместе со всеми то, что случится.

Я еще крепче прижал ее к себе. Как хорошо, что органы моего воображения расположены значительно дальше сердца, чем у Филлис.

Спустя четверть часа зазвонил телефон, я снял трубку и с удивлением узнал голос Фредди.

— Привет! Что случилось?— спросил я, понимая, что десять часов вечера — несколько странное время для звонка директора отдела новостей.

— Привет! Что случилось?— спросил я, понимая, что десять часов вечера — несколько странное время для звонка директора отдела новостей.

— Боялся, что не застану. Слышали новости?

— Да.

— Отлично. Срочно надо что-нибудь о подводной угрозе. На полчаса.

— Но послушай, совсем недавно от меня требовали даже не намекать.

— Все меняется, Майк. Теперь нужно! Не сенсации, нет. Заставь всех поверить, что на дне что-то есть...

— Фредди, если это розыгрыш!..

— Срочное и ответственное задание.

— Больше года меня считали полным кретином, раздувающим сумасшедшие бредни, а теперь ты звонишь в такое время, когда на вечеринках заключаются идиотские пари, и говоришь...

— Черт побери, Майк, я не на вечеринке. Я в своем офисе и, похоже, проторчу здесь до утра.

— Объяснись.

— Я как раз собирался... Понимаешь, слухи. Невообразимые слухи, будто это дело русских. И какого черта всем взбрело в голову, что красные начнут именно так. Люди взбудоражены настолько, что могут смести все в одночасье, не оставив и камня на камне. Так называемые любители лозунга: «Мы им покажем!» воспользовались моментом. Идиоты, скоты... Их необходимо остановить. Они вынудят правительство подать в отставку, чего доброго предъявят русским ультиматум или что-нибудь еще похлеще. Версия об «усталости металла» не пройдет, это понятно. Поэтому и всплыли вы со своими *Глубинами*. Завтра мы должны дать материал. В игру включилось Адмиралтейство. Мы вышли на несколько научных светил: в следующей сводке уже будут кое-какие намеки... Би-Би-Си не отстает, американцы вовсю развернули кампанию... Так что если желаешь внести свою лепту, не медли.

— Я понял. На полчаса. В каком стиле?

— Интервью с учеными. Серьезно, деловито и чтоб кровь леденило от ужаса. Не злоупотребляй заумными терминами. Материал для нормального смышленого человека с улицы. Главное — обыденно. Предлагаю фабулу: угроза более серьезная и развивается быстрее, чем ожидалось. Удар, нанесенный нам, страшен, но ученые, объединив усилия, найдут средства дать отпор et cetera* Осторожный, но уверенный оптимизм. Договорились?

— Попробую, но честно говоря, оптимизмом здесь не пахнет.

— Это неважно, главное, чтобы слушатели прониклись. Твоя задача: убедить всех, что для их же пользы выкинуть из головы антирусский вздор. Если это удастся, мы отыщем возможность подкрепить твою версию.

— Думаешь, в этом будет нужда?

— Что ты имеешь в виду?

— После «Яцухиро» и «Королевы Анны»... Мне кажется, они не последние. Там, на дне, видимо, не на шутку обиделись...

* И так далее (*лат.*)

— Я ничего не хочу знать. У тебя есть дело, займись им. Закончишь — позвони, продиктуешь на диктофон. Надеюсь, ты позволишь распорядиться материалом по нашему усмотрению?

— Хорошо, Фредди. Ты получишь то, что хочешь.— Я повесил трубку и повернулся к Филлис.— Дорогая, для нас есть работенка.

— Только не сегодня, Майк. Я не могу...

— Ладно, справлюсь сам.— Я пересказал ей пожелания Фредди Виттиера.— Для начала, думаю, выбрать стиль, придумать тезисы, а затем повыдергивать из старых сценариев подходящие отрывки. Ах черт, ведь они остались в Лондоне!

— По-моему, мы их знаем почти наизусть, а заумничать, как сказал Фредди, не стоит.— Филлис задумалась.— У нас с тобой неважная репутация, мы можем с треском провалиться.

— Если утром газеты сделают свое дело, то недоверия к нам поубавится. Наша задача — лишь закрепить...

— Нам нужна твердая позиция. Первое, о чем нас спросят: «Если все так серьезно, почему вы молчали? Почему до сих пор ничего не сделано?» Что ты ответишь на это?

Я почесал затылок.

— А если так: «Без сомнения, трезвые понимающие люди Запада восприняли бы это известие вполне нормально, но какой реакции ожидать от остального, более эмоционального и легко возбудимого населения планеты? Его реакция непредсказуема. Поэтому в интересах дела мы сочли необходимым не волновать аудиторию в надежде, что наши ученые предотвратят опасность раньше, чем она выползет на поверхность и возбудит тревогу общественности». Ну как?

— Лучше не придумаешь,— одобрила Филлис.

— Дальше предложение Фредди об ученых умах, которые собираются вместе и всю мощь современной науки и техники вкладывают в месть и предотвращение опасности. Это святой долг по отношению к погибшим и крестовый поход за безопасность океанов.

— Тем более, что так оно и есть,— с ноткой поучения произнесла Филлис.

— Почему ты всегда считаешь, будто то, что я сказал — я сказал случайно?

— Ты всегда начинаешь так, словно истина — не более чем случайность, а заканчиваешь, как сейчас. Это раздражает, Майк.

— Я исправлюсь, Фил. Я напишу все, как надо. Иди спать, а я тут займусь делом.

— Спать?! С какой стати?

— Но ты же сама сказала, что не можешь?..

— Не говори чепухи. Неужели я могу тебе доверить одному готовить такой важный материал?!

Наутро, около одиннадцати часов, я в полубредовом состоянии, спотыкаясь спустился на кухню, составил на поднос чашки с кофе, тосты, вареные яйца и наощупь поднялся наверх.

Было уже больше пяти утра, когда я закончил диктовать в Лондон наш совместный труд. К этому времени мы настолько выбились из сил, что не соображали уже — хорошо получилось или нет.

— Давай сходим в Фалмут,— предложила Филлис.

Мы пошли в Фалмут и не преминули посетить четыре наиболее известных портовых бара.

Фредди оказался прав. Разговоры о красной угрозе не сходили с уст: буриые — между двойными виски и рассудительные — среди бокалов пива. Эта точка зрения наверняка бы победила, если б не единодушие, с каким утренние газеты взвалили ответственность на подводных существ. Такая солидарность создала впечатление, что антирусские настроения — выдумка местных консерваторов и экстремистов.

Однако это еще не означало, что все поверили новой версии. Многие помнили первую панику, быстро сменившуюся попыткой все высмеять. И вот сейчас людям опять предлагали резко изменить свое мнение. Но серьезные обзоры ведущих газет пресекли насмешки, и люди задумались: а вдруг и действительно в этом что-то есть?!

— Завтра возвращаемся в Лондон,— объявила Филлио.— Ты достаточно раскопал морганатических браков, а там нас ждет интересная работа на нашу общую тему.

Филлис выразила мое желание. И по обыкновению мы еще затемно оставили коттедж Роз.

Вернувшись на лондонскую квартиру, включив радио, мы услышали о гибели авианосца «Мериториус» и лайнера «Карибская принцесса».

Насколько помню, «Мериториус» в момент гибели находился в Средней Атлантике, в восьмистах милях к юго-западу от островов Зеленого Мыса, «Карибская принцесса» — милях в двадцати от Сантьяго-де-Кубы. Оба корабля затонули в течение двух-трех минут, и в живых не осталось ни одного человека. Трудно сказать, кого это потрясло больше — британцев, потерявших новенькое военное судно, или янки, лишившихся одного из лучших круизных лайнеров. Я уж не говорю о том, что и те, и другие были потрясены гибелью «Королевы Анны» — общей гордости трансатлантических рейсов. Всех обуяло неистовое негодование, но настолько жалкое и беспомощное, что оно напоминало чувства человека, которого кто-то в толпе ударил в спину, и вот он стоит, сжав кулаки, и озирается, не зная, кому дать сдачи.

Большинство американцев поверили в подводную угрозу и подняли такой ор о необходимости решительных мер, что он тут же перекинулся на Англию.

В пивбаре на Оксфорд-стрит я на собственной шкуре почувствовал весь спектр общественных настроений.

— Почему, я вас спрашиваю?!— расходился какой-то толстяк.— Если в самом деле на дне сидят какие-то твари, почему мы их не атакуем? За что мы платим Флоту? Или у нас нет атомных бомб? Разбомбить их к чертовой матери, пока они нам еще забот не подкинули! Или мы так и будем сидеть сложа руки, а они будут думать, что им все дозволено! Что, у нас не хватит сил показать им, где раки зимуют?! Ага, спасибо. Да, светлого...

Кто-то припомнил дохлую рыбу.

— К черту,— не унимался толстяк,— океан большой, ни хрена с ним не случится. Или пусть разработают что-нибудь другое, не атомное.

Кто-то предположил, что океан как раз слишком большой для игры в прятки, но ему тут же возразили.

— Правительство твердит: *Глубины, Глубины*. Все болтают об этих *Глубинах*. Тогда почему бы не шарахнуть по этим *Глубинам*, не задать им, как полагается. Эй, кто заплатил за этот бокал? Ваше здоровье!

— Я тебе отвечу,— откликнулся сосед, опрокидывая залпом полбокала,— если тебя интересует. Потому что все это — пыль в глаза, и только! *Глубины, Глубины*... скажите, пожалуйста?! Расскажи это своей бабушке. Марсиане, как же! Ты мне вот на что ответь: наши корабли тонут? Тонут. У янки, у япошек — тоже? Тоже. А у красных тонут? Дудки. Вот и ответь: почему?

— Потому что весь их флот — раз, два и обчелся.

Кто-то вспомнил, что русские тоже когда-то потеряли судно, и по этому поводу подняли дикий гвалт.

— Эх, вы... Да разве это подтвердилось?! Русские и не на такие выдумки способны.

Никто не разделял его чувств, все были согласны с толстяком.

— Болтать можно сколько угодно,— подвел черту джентльмен в шляпе,— но я скажу так: «Спасибо, старина, хватит. Мне бы, например, спалось спокойней, если бы я знал, что кто-нибудь хоть что-то делает».

Скорее всего американское правительство допекли подобные требования, и оно отдало приказ сбросить бомбу в Кайманскую впадину, недалеко от места гибели «Карибской принцессы». Вряд ли они надеялись на какой-то результат от подобной бомбежки наугад в районе площадью 1500 миль.

Это ожидаемое событие вызвало неслыханный резонанс по обе стороны океана. Американцы гордились, что они первыми подняли «карающий меч возмездия», а мои оскорбленные соотечественники выражали своему правительству презрение, демонстративно приветствуя намерения Штатов.

Как сообщалось, флотилия из десяти кораблей вышла в море, имея на борту изрядное количество специальных глубинных бомб, не считая двух атомных. Это было праздничное, торжественное шествие под всеобщее бурное одобрение, заглушившее одинокий протестующий голос Кубы.

Всякий, слышавший прямую трансляцию, никогда не забудет вдруг изменившийся голос диктора: «...кажется... Что это?... О боже! Он взорвался!..» И эхо взрыва, вырвавшееся из динамика. Затем снова бессвязное бормотание комментатора и еще один взрыв. Грохот, паника, крики, звон корабельных колоколов и вновь задыхающийся голос диктора: «Первый взрыв, который вы слышали,— это эсминец «Каворт», второй — фрегат «Редвуд», на его борту осталась одна из атомных бомб, сконструированная так, чтобы взорваться на глубине пяти миль... Оставшиеся восемь кораблей флотилии на полном ходу покидают опасный район. Я не знаю, и никто не может сказать, сколько времени у нас в запасе. Думаю, несколько минут. Палуба под нами ходит ходуном... Мы стараемся изо всех сил... Все взоры обращены туда, где затонул «Редвуд»... Эй, кто-нибудь! Кто знает, сколько нам осталось?.. Дьявол, кто-то же должен знать... Мы уходим, мы уходим так быстро, как можем... другие тоже... Все пытаются унести ноги... Кто-нибудь! Каких размеров может быть взрывная воронка?.. Ради бога... Неужели никто ни черта не знает?!.. Мы спешим изо всех сил, может быть, нам удастся... Господи, сколько осталось?.. Может быть... может быть... ну быстрее, ради бога, быстрее... Давай, жми на всю катушку! Пусть все провалится, быстрее... Кто-нибудь, *сколько эта чертова посудина будет тонуть*???

Пять минут, прошло пять минут... Все еще живы... Почти наверняка мы покинули район основной воронки. Господи, у нас есть шанс. Дай нам его использовать... Идем, все еще идем. Все

смотрят назад, смотрят и ждут. Неужели он еще не достиг дна? Наверное, нет. Слава богу... Уже больше семи минут. Может, она не взорвалась? Или глубина меньше пяти миль? Почему никто не может сказать? Сколько этот ад может длиться!? Худшее, должно быть, позади. Остальные суда кажутся уже белыми точками... Живы, Господи... пока живы... Все глядят назад... Боже! Море...»

На этом месте передача оборвалась.

Правда, диктор остался жив. Его судно и еще пять из всей флотилии вернулись без повреждений, но слегка радиоактивные.

В офисе ему сразу влепили выговор «за использование ряда выражений, оскорбивших слушателей пренебрежением к Третьей Заповеди».

В тот же день все споры прекратились сами собой. Нужда в нашей пропаганде полностью отпала. Скептики были посрамлены, все удостоверились, что в *Глубинах* есть Нечто, и это Нечто — очень опасно.

Над миром прокатилась волна тревоги. Даже русские, преодолев национальную сдержанность, признали, что потеряли три судна: одно исследовательское — восточнее Камчатки и два, без уточнения, снова у Курил. «Вследствие этого,— объявили они,— мы выражаем свое согласие на сотрудничество со всеми силами доброй воли во имя преодоления угрозы с целью установления мира во всем мире».

На следующий день правительство Ее Величества предложило провести в Лондоне военно-морской симпозиум по вопросам изучения проблемы. Симпозиум продлился три дня и, по мнению правительства, был весьма своевременным.

Начались повальные отказы от билетов на морские рейсы; перегруженные авиакомпании были вынуждены объявить предварительную запись. Курс судоходных компаний резко пошел на убыль, увеличились цены на продукты, все виды табака исчезли с прилавков. Правительство наложило ограничения на продажу нефтепродуктов и готовило систему служб жизнеобеспечения.

— Ты только загляни на Оксфорд-стрит,— говорила мне Филлис за день до открытия симпозиума,— раскупают все подряд! Особенно ситец. Самый задрипаный лоскут продается втридорога. Все готовы глаза друг другу выцарапать за шмутье, на которое неделю назад никто бы внимания не обратил. Исчезло все до последнего клочка. Видно, припрятывают на складе, надеясь потом продать еще дороже.

— В Сити, говорят, то же самое,— подхватил я.— Похоже, скоро можно будет купить судоходную компанию, имея в кармане пару монет. Зато ни за какое состояние не удастся приобрести акции авиафирм. Цены на сталь возросли, на резину, на пластик тоже. Единственно, чей курс пока стабилен — пивоваренные заводы.

— Я видела на Пикадилли одну парочку, они грузили в роллс-ройс два мешка кофе...— Филлис вдруг осеклась, до нее только сейчас дошли мои мысли.— Ты продал акции тетушки Мэри?

— Давно,— улыбнулся я,— и вложил деньги... хм, довольно забавно, в производство авиамоторов и пластика.

Филлис благосклонно кивнула, причем с таким видом, будто я выполнил ее распоряжение. Затем ей в голову пришла другая мысль.

— А как насчет пропусков для прессы на завтра? — спросила она.

— Пропусков на симпозиум не было вообще, но объявлена пресс-конференция.

Филлис уставилась на меня.

— Не было? Они думают, что творят?!

Я пожал плечами.

— Сила привычки. Когда они готовят грандиозную кампанию, то сообщают прессе ровно столько, сколько считают нужным, и, как правило, с большим опозданием.

— Да, но все же...

— Знаю, Фил, но нельзя же требовать от спецслужб измениться за одну ночь.

— Какая глупость. Совсем как в России. Там есть телефон?

— Дорогая. это же международный симпозиум! Не собираешься же ты...

— Естественно, собираюсь. Чушь какая-то!

— Но учти: с кем бы из высокопоставленных особ ты ни захотела связаться, тебе скажут, что он только что вышел.

Это ее остановило.

— Никогда не слышала подобной бредятины,— пробурчала Филлис.— Как, по их мнению, мы должны делать наше дело?

Говоря «наше дело», Филлис подразумевала совсем не то, что имела в виду еще несколько дней назад. Наша задача внезапно изменилась. Теперь мы уже не убеждали общественность в реальности невидимой угрозы, а поддерживали моральный дух и пытались не допустить паники. И-Би-Си завела новую рубрику — «Парад новостей», где мы, сами того не заметив, оказались в роли неких специалистов — океанических корреспондентов.

В действительности, Филлис никогда не состояла в штате компании, да и я расстался с И-Би-Си уже пару лет назад, но тем не менее кроме отдела выплат никто, по-моему, этого не заметил. Генеральный директор, ошибочно полагая, что мы его подчиненные, требовал от нас укреплять моральный дух общества, хотя зарплату нам начисляли не как прежде — раз в месяц, а поштучно и как придется.

Но о какой нормальной работе может идти речь, когда нет никакой возможности добыть стоящую информацию. Мы немного поговорили на эту тему и я, оставив жену, пошел на И-Би-Си, в свой офис, которого, по существу, у меня не было.

Около пяти позвонила Филлис.

— Милый,— сказала она,— запомни, ты пригласил доктора Матета на ужин завтра в клубе в девятнадцать ноль-ноль. Я буду с вами. Понял?

— Понял, дорогая.

— Я объяснила ему ситуацию, и он согласился со мной — это абсурд. Хотела пригласить и Винтерса — ведь они друзья — но тот сказал, что служба есть служба, и отказался. Я встречаюсь с ним завтра за ленчем, ты не против?

— Не возьму в толк, дорогая, почему служба не есть служба при встрече тет-а-тет? Ну, да ладно, можешь погладить себя по головке. Лондон сейчас переполнен всякими «ографами», которых он не видел много лет.

— Уж да. Теперь он в один день увидит их целую кучу.

На этот раз Филлис не пришлось улещать доктора Матета. Облокотясь на стойку, с шерри в руке, он напоминал мессию.

— У спецслужб свои правила,— изрек он.— Мы — дело другое. С меня никто не брал никаких обязательств. Я считаю своим долгом довести до общественности основные факты. Вы, конечно, читали официальное заявление?

Конечно, мы читали это заявление. В нем содержался чуть ли не приказ — всем судам держаться как можно дальше от *Глубин*, до специальных распоряжений. Естественно, что многие капитаны поступали так и раньше, но теперь, заручившись правительственной поддержкой, они могли ссылаться на это при любых разногласиях с судовладельцами.

— По-моему, там нет ничего особенного,— сказал я Матету — какой-то чертежник, гордый как индюк своей работой, обозначил опасные области глубиной более двадцати тысяч футов, а сейчас рвет на себе волосы, потому что кто-то ему сказал, что *Глубины* начинаются с двадцати пяти тысяч.

— Ученым Советом принято считать опасную зону с четырех тысяч,— поправил Матет.

— Как?!— дико воскликнул я.

— Саженей.

— Двадцать четыре тысячи футов, милый. Надо все умножать на шесть,— ласково разъяснила мне Филлис и, пропустив мимо ушей мои благодарности, обратилась к доктору.— А по-вашему, с какой глубины?

— Откуда вы узнали, что я не согласен с мнением Совета, миссис Ватсон?

— Вы использовали пассивную конструкцию,— мило улыбаясь, ответила Филлис.

— А говорят что все нюансы речи лучше всего передает французский! Что ж, признаю. Я рекомендовал три тысячи пятьсот саженей, но судовладельцы встали на дыбы.

— Однако!— удивилась Филлис.— Я считала, что это военно-морской симпозиум.

— Так-то оно так, но адмиралы не хотят ронять свой престиж. А их престиж прямо пропорционален безопасной площади Мирового океана.

— Выходит, очередной псевдосимпозиум?— огорчилась Филлис.

— Надеюсь, что нет.

Мы прошли к столику. Филлис легкомысленно болтала о том о сем, а затем изящно вернулась к разговору

— В прошлый раз мы говорили об иле, вы тогда недоумевали, о чем вы думали?

Матет улыбнулся.

— О том, о чем и сейчас: изгою всегда труднее добиваться своей цели. Бедняга Бокер даже теперь, когда все согласились со второй половиной его теории, все равно остается изгоем. Я не имел возможности публично разделить с ним предположение о горных работах, но ничего другого не мог себе представить. И как однажды заметил гений с Бейкер-стрит вашему тезке...

Я перебил его:

— Но вы ведь и не хотели присоединиться к одинокому голосу вопиющего в пустыне Бокера?

— Не хотел. И не я один. Провал Бокера предостерег нас от преждевременных высказываний. Кстати, вы знаете, что тече-

ния опять изменили цвет, то есть вернулись в первоначальное состояние?

— Да, капитан Винтерс говорил мне,— сказала Филлис.— Но в чем причина?— произнесла она с таким видом, будто и не звонила Бокеру как только Винтерс сообщил ей эту новость.

— Если принять гипотезу горных работ...— Матет пустился в занудные объяснения — Представьте, что вы откачиваете грунт сначала у вас образуется небольшая воронка, она все расширяется, но с ее краев постоянно скатывается песок — песок всего лишь прообраз ила — он скатывается до тех пор, пока воронка не станет достаточно широка. Наконец вы достигаете твердых пород: можно представить, какой это долгий и титанический труд. Так вот, если принять гипотезу Бокера, то, видимо, они перекачали весь ил и добрались до твердых пород. Трудно представить масштабы проделанной работы, ведь необходимо убрать колоссальные залежи ила! Но если это так, то все объяснимо: дейтрит слишком тяжел, чтобы подняться выше, чем на пару сотен футов.

Филлис смотрела на Матета такими глазами, что трудно было заподозрить ее в том, что все это ей прекрасно известно, и более того — что у нее уже готов сценарий передачи именно на этом материале.

— Теперь все ясно, доктор,— невозмутимо произнесла она.— Вы так доступно объясняете. Значит, нам точно известно место проведения работ?

— Да, мы можем сказать об этом с большой степенью точности,— согласился он.— И это будут первоочередные цели для наших ударов.

— И как скоро?

— Вот это уже не в моей компетенции, но думаю, этот день не за горами. Любая отсрочка может произойти только по техническим причинам. Вопрос в том, насколько большой район океана мы позволим себе заразить радиацией? Имеем ли мы право на непродуманный риск? И еще масса подобных вопросов.

— И это все, что мы можем сделать в качестве ответных мер?

— Это все, что известно мне. В настоящий момент главный упор — на безопасность мореплавания, а это — не моя область. Тут я могу сказать только то, что сам знаю лишь по слухам.

Матет рассказал, что, насколько ему известно, корабли подвергаются двум видам нападения (или трем, если считать поражение электричеством, что случалось пока крайне редко). Но самое интересное, что ни одно из них не взрывчатое.

Во-первых — вибрация. Вибрация такой интенсивности, что суда буквально рассыпаются на части за одну-две минуты.

Во-вторых — средство, менее туманное по природе, но более загадочное по своим возможностям, поражающее корабли ниже ватерлинии. Учитывая скорость, с какой тонули жертвы, и тот факт, что воздух сжатый в корпусе с грохотом вышибал палубы, можно предположить, что какой-то таинственный инструмент не просто пробивает обшивку, а как бы начисто срезает дно судна.

Еще до начала симпозиума Бокер выдвинул гипотезу, что существуют некие периметры обороны вокруг глубоководных районов. Он подчеркнул, что не представляет труда сконструировать механизмы, покоящиеся на заданной глубине и активизирующиеся только при приближении цели — таков принцип работы акустических и магнитных мин. Но само устройство ме-

ханизма, способного резать сталь, как нож масло, не мог вообразить даже Бокер.

Из-за скудности имевшихся данных оспорить или развить эти предположения никто не мог.

— Я считаю,— сказал доктор Матет,— что самое главное сейчас — успокоить людей, объяснить им, что ничего сверхъестественного в этом нет. Надо пресечь глупую панику, в которой повинна исключительно фондовая биржа. Конечно, верно, что нас застигли врасплох, но верно и то, что мы, как всегда, найдем средства отвести опасность. И чем быстрее люди поймут это, тем лучше для них. Именно поэтому я и согласился на встречу с вами. В настоящий момент создается множество различных комиссий, и как только там разберутся, что в этой войне нет вражеских агентов и шпионов, думаю, появится много полных, откровенных сообщений.

На этом мы и расстались.

Я и Филлис старались изо всех сил, убеждая народ, что «твердая рука уверенно держит руль и наши парни из секретных лабораторий, создавшие на своем веку всевозможные чудеса техники, не подведут. Дайте им пару дней — они горы своротят и покончат с напастью». И, надо сказать, у нас возникло приятное ощущение, будто спокойствие постепенно возвращается.

Возможно, основным стабилизатором обстановки стал серьезный инцидент в одном из технических комитетов. Поступило предложение испытать в качестве контроружия торпеды с дистанционным управлением. Все согласились, но встала на дыбы делегация России.

— Дистанционное управление,— заявили русские,— изобретение наших ученых, значительно опередивших капиталистическую науку Запада, и бессмысленно ждать, что мы подарим свое открытие подстрекателям войны.

Оратор с западной стороны заверил, что уважает пыл, с которым Советы борются за мир во всем мире, и отдает должное советской науке, за исключением, конечно, биологии, но хотел бы напомнить, что цель встречи — консолидация всех сил перед лицом общей опасности.

Глава советской делегации усомнился, что Запад, обладай он подобным устройством контроля, какое изобрели русские инженеры, поделился бы своим открытием с советскими людьми.

Ему возразили, уверив, что Запад имеет устройство, о котором говорит советский делегат, и еще раз напомнили о целях симпозиума.

Срочно был объявлен перерыв, после которого русские, связавшись с Москвой, выступили с заявлением, что, мол, даже если признать истинность подобных утверждений, то не возникает сомнений —империалистические акулы украли секрет устройства у советских ученых. Учитывая ложные заявления и открытое признание в шпионаже, в равной степени демонстрирующие незаинтересованность Запада в продолжении диалога и в разрешении задач симпозиума, у делегации не остается другого выбора, как покинуть зал заседаний.

Эта акция русских убедила всех в нормализации положения и надолго успокоила растревоженный мир.

Что касается вибрационного оружия подводных обитателей, то комиссия по этой теме уверила, что уже проведены некоторые испытания, которые дали весьма обнадеживающие результаты.

На третий день, создав Комитет исследований и сотрудничества, включивший в себя представителей ЮНЕСКО, Постоянного комитета действия, Комитета военно-морского сотрудничества и других организаций, симпозиум завершил работу.

И тут среди всеобщего умиротворения раздался одинокий голос Бокера, как всегда резко диссонирующий со всеми остальными.

— Хоть время и упущено,— вещал он,— может быть, еще не поздно попытаться договориться с жителями *Глубин*. Они продемонстрировали человечеству технологию, равную нашей, если не превосходящую. Обитатели дна в пугающе быстрое время *не только* сумели обосноваться в океане, но и создали мощное средство защиты. Мы должны *не только* по достоинству оценить их возможности, но и отнестись к ним уважительно. Ведь при столь огромном различии в условиях существования серьезное столкновение интересов человечества с данным ксенобатическим разумом невозможно!

Как ни была горяча речь Бокера, из всех его слов до людей дошло только два — «ксенобатический разум», мгновенно переиначенный в «ксенобат».

— На языке, да не в голове,— с горечью заметил Бокер.— Если их интересуют только греческие слова, могу предложить еще одно — Кассандра.

Запрет избегать больших глубин дал положительные результаты: в течение нескольких недель не было ни одного сообщения о затонувших судах. Биржи угомонились, восстановилось спокойствие, число пассажиров, хоть и медленно, но начало расти. И, несмотря на продолжавшиеся загвоздки с транспортом, стало казаться, что многострадальное человечество в который раз было обращено в панику любителями сенсаций.

А в это время мозговые центры спецслужб упорно работали, и месяца четыре спустя Адмиралтейство объявило, что некое военно-морское соединение, экипированное новейшим оружием, направляется в район испытаний южнее мыса Рейс, недалеко от места гибели «Королевы Анны».

На не слишком горячее пожелание прессы участвовать в испытаниях последовал категорический отказ. Никто из моих знакомых, впрочем, и не горел желанием присоединиться к экспедиции. Вполне возможно, власти просто не хотели рисковать больше необходимого или, может, их сбил тот прохладный энтузиазм, с которым пресса настаивала на своих правах. Но, так или иначе, ни одного корреспондента ближе чем на судах сопровождения не было, так что информацию из первых рук мы могли получить только от кого-нибудь из команды испытательных судов.

Филлис, познакомившись с одним молоденьким лейтенантом — прямым очевидцем событий, затащила его к нам на обед. После нескольких рюмок он разговорился.

— Сама'я настоящая конфетка,— убеждал он нас.— Хоть, по правде говоря, до испытаний не очень-то в это верилось, да, в общем, никто и не скрывал своих сомнений.

Где-то милях в пятидесяти мы бросили якорь и принялись готовиться. Ух, скажу я вам, эта анти-вибро-фиговина вначале жутко бьет по мозгам. И кто ее только назвал «анти». Жужжит как муха, действует на нервы; полуслышишь-получуешь, но потом — ничего, как родная.

Вообще, надо сказать, мы были нашпигованы что надо! Еще одна штуковина, эдакая металлическая акула (парни-разработчики назвали ее «Дельфин», но точно — акула) сразу рвет футов на двести вперед и пристраивается на глубине пяти саженей. «Дельфин» этот, конечно, под контролем, но чуть что — сразу сигнал и пошел на цель. Как он эту цель обнаруживает, радиус его действия, почему по нам не шарахнет — не знаю, в этом я не секу. Если вам чего такого надо, вы лучше обратитесь к разработчикам, а если в общих чертах, то примерно таким образом.

Ну, приготовились мы, спецы-разработчики кончили крутить-вертеть все, что только можно, и приступили. «Дельфин» — впереди, корабль жужжит как улей, у всех аж под ложечкой засосало, у меня, во всяком случае, точно. Команда, на всякий пожарный, в спасательных жилетах, даже свободные от вахты.

Три часа — ни черта. Уже когда стали закрадываться сомнения — не чухня ли вся эта затея, вдруг из мегафона: «Пошел Дельфин-1, подготовить Дельфин-2». Не успели вывести «Дельфин-2», первый достиг цели, и еще как! Взрыв, и тысяча тонн воды в небо! Мы, как положено, отсалютовали, спустили «Дельфин-2» и подготовили «Дельфин-3».

Рядом со мной стоял один из их ученой команды — рот до ушей. «То, что там взорвалось,— говорит,— было под большим давлением. Сам по себе «Дельфин» взрывается раза в четыре слабее».

Мы строго держались курса и как ястребы вглядывались в океан, но — ничего! Минут пять, наверное, прошло, пока опять не затрещал мегафон: «Пошел Дельфин-2, спустить Дельфин-3». На этот раз море взметнулось много быстрее, чем в прошлый. Спустили «Дельфин-3» и снова стали ждать. Долго ничего не происходило и вдруг мерзкое жужжание, которое к тому времени все перестали замечать, резко изменилось, и мы сразу обратили на него внимание. Этого типа, который стоял со мной, как волной смыло: он издал какой-то нечленораздельный звук и скрылся в лаборатории (тоже мне, соорудили прямо на палубе сарай и назвали его лабораторией). А жужжание все нарастало, пока не перешло в дикий вой. Палуба дрожала! Все схватились за свои спасжилеты и тряслись от страха.

И было от чего. Прямо перед нашим носом взорвался «Дельфин-3», взрыв намного слабее, чем предыдущие, но все равно ощущение не из приятных. Разработчики решили, что он взорвался сам по себе, от подводной вибрации. Тут из лаборатории вылетел один из их братии, весь взбудораженный, и приказал запускать анти-вибро-машину. И запустили: сбросили на дно несколько сферических контейнеров и принялись ждать, когда там жахнет, пока не поняли, что ничего не будет. Примерно так.

Потом из сарая донесся восторженный шум и оттуда гурьбой вывалили спецы, хлопая друг друга по плечам и пожимая руки.

Где-то через час с большим грохотом взорвался «Дельфин-4». Ученые совсем обалдели, скакали по палубе, целовались и распевали «Пароход Билл». Ну вот, пожалуй, и все.

Лейтенант был хорошим парнем, да неважным источником информации. Но уж очень нам хотелось послушать очевидца, хотя мы и сами приблизительно знали, как работает «Дельфин» и что сброшенные на дно сферы предназначены для поражения источника вибрации.

Успешные испытания мгновенно отозвались эхом на фондовой бирже. Сразу возник спрос на «Дельфинов», акции судоход

ных компаний несколько стабилизировались, но цена фрахта оставалась высокой — судовладельцы стремились покрыть расходы на покупку «Дельфинов». Оснащение судов требовало времени, цены росли буквально на все.

Однако темпы вооружения скоро достигли такого размаха, что уже через полгода и Лондон, и Вашингтон позволили себе высказываться с оптимизмом. Премьер-министр обратился к парламенту с таким заявлением: «Битва выиграна. Наши суда, оснащенные новым оружием, вернулись на свои обычные маршруты. Правда, мы уже были свидетелями того, что победить в одном сражении — не значит одержать победу во всей войне. Мы обязаны помнить об этом. Разбойник с большой дороги, коим до сих пор остается скрытый противник, не дремлет и подстерегает нас на жизненно важных трассах океанических просторов. Сколько несчастий мы претерпели от него, и хотя мы победили в решающей схватке, все равно должны помнить об опасности. Мы не можем позволить себе ни на минуту расслабиться в борьбе с коварным врагом.

Мы используем все завоевания и достижения человечества, весь наш разум, чтобы победить Антихриста, скрывающегося в океанских безднах. И пусть знания о нем ничтожны и еще никто не сталкивался с ним воочию, и пусть для нас, живущих под Солнцем, он так и останется безымянным и бесформенным порождением Тьмы — я верю, мы пройдем до самого конца по тернистому пути и победим. В борьбе мы познаем врага: его природу, его силу, а главное — его слабость, и тогда люди наши, как флаг Свободы, поднимут паруса над безбрежной гладью океана и выйдут в море, встречая на пути своем лишь те опасности, которые в старые добрые времена встречали их отцы».

Но уже спустя месяц всего за какую-то неделю погибло более десяти кораблей. Чудом оставшиеся в живых утверждали, что «Дельфины» работали безупречно — подвели антивибраторы, которые не смогли предотвратить распада судна на куски.

И сразу — правительственное уведомление: «До тех пор, пока не будут проведены повторные испытания, всем судам не рекомендуется курсировать в районах *Глубин*».

Примерно в это же время появились два сообщения, незаслуженно обойденные вниманием: одно из Сафиры, другое с острова Апреля.

Сафира — бразильский островок в Атлантическом океане с населением не более ста человек. Примитивные условия, почти натуральное хозяйство, полное отсутствие интереса к делам внешнего мира... Говорят, что эти люди — потомки португальских мореплавателей, спасшихся после кораблекрушения и вынужденных обосноваться на острове в восемнадцатом веке. К тому времени, когда их обнаружили, они уже прочно вросли в эту землю и никуда не собирались возвращаться. Тот факт, что из граждан Португалии они превратились в подданных Бразилии, их не волновал. Символическая связь с приемной матерью-родиной поддерживалась небольшим корабликом, раз в полгода доставляющим на остров различные грузы. Обычно он возвещал о своем приближении протяжным гудком; сафирцы выскакивали из своих домиков и спешили к крохотному причалу, где покачивались их рыбачьи посудины.

На этот раз сирена гудела напрасно: никто не выбегал из деревянных хижин, никто не приветствовал прибывший с материка

корабль, только стая птиц кружила над гаванью. Снова и снова раздавался над островом протяжный вой сирены, но, кроме пернатых, никто так и не отозвался на этот зов. Тишина. Даже привычный дымок не курился над трубами. С корабля спустили шлюпку, и несколько матросов под командой помощника капитана налегли на весла. Подплыв к причалу и поднявшись по каменным ступенькам на крутой берег, они, чуя недоброе, остановились, вслушиваясь в тишину.

— Может, они уплыли? — нарушил безмолвие один из матросов.

— Н-да,— отозвался помощник капитана и, набрав полную грудь воздуха, крикнул, будто доверял своим легким больше, чем корабельной сирене.

Но в ответ — тишина. Только замирающее эхо прокатилось над бухтой.

— Н-да... Что ж, пойдем посмотрим.

Чувство неуверенности, охватившее матросов, заставило их держаться вместе. Гурьбой они шли за офицером, пока не приблизились к первой постройке.

— Фу,— выдохнул помощник капитана, распахнув ногой незапертую дверь.

На грязном столе в тарелке смердило несколько протухших рыбин. В остальном же, по здешним понятиям, было чисто и прибрано: постели расстелены на ночь, никаких следов беспорядка или поспешных сборов, все говорило о том, что хозяева вышли на пару минут. Но тухлая рыба и остывшая в очаге зола...

И во втором, и в третьем домике они застали точно такую же картину. В четвертом — матросы обнаружили в люльке мертвого младенца.

Подавленные и озадаченные, они вернулись на корабль.

Капитан связался с Рио. Из столицы приказали прочесать остров.

Команда неохотно сошла на берег, матросы старались держаться группами, но ничего не обнаружив, почувствовали себя увереннее.

Поиски продолжались три дня. На вторые сутки в горных пещерах они наткнулись на десять трупов, шесть из них принадлежали детям. Очевидно, люди умерли от голода с неделю назад.

Третий день поисков ничего не дал, команда обшарила остров вдоль и поперек, но кроме трех десятков одичавших овец и коз ничего не нашла.

Они похоронили покойников, передали в Рио полный отчет и снялись с якоря.

Известие об этом событии прозвучало лишь в вечерних новостях, да некоторые газеты выделили ему пару строчек. Остров получил прозвище «остров Марии Целесты», и вскоре о нем забыли.

То, что произошло на острове Апреля, долго бы не всплыло на поверхность, если б не случай.

Группа яванских повстанцев, называемых то контрабандистами, то террористами, то коммунистами, то патриотами, то фанатиками, то просто смутьянами, доставляла правительству немало хлопот. Индонезийская полиция сбилась с ног, пока выявила и уничтожила их штаб-квартиру; повстанцы потеряли свое влияние на территории в несколько квадратных миль. Рядовые члены — мелкие сошки — растворились в толпе праздношата-

ющихся оборванцев, но двум десяткам вдохновителей и организаторов восстания, за чьи головы была обещана высокая награда, исчезнуть было гораздо сложнее.

Учитывая характер местности и находившиеся в распоряжении силы, индонезийские власти отказались от немедленного преследования мятежников, решив дождаться информатора, который рано или поздно заявится к ним, соблазнившись легкой наживой.

Уже за первый месяц объявилось несколько доносчиков, но все они остались без награды: всякий раз преступникам удавалось вовремя улизнуть.

Власти уже решили, что дело безнадежно, когда год спустя в Джакарту прибыл человек с донесением к правительству. Это был уроженец острова Апреля, что расположен немного южнее Зондского пролива, по соседству с принадлежащим Великобритании островом Рождества. Он рассказал, что еще полгода назад на их острове текла спокойная мирная жизнь, пока на небольшом катере туда не приплыли восемнадцать человек. Захватив единственный на Апреле радиопередатчик, они объявили себя новой администрацией, учредили на острове свои порядки, приказали построить себе дома и обзавелись женами. В общем, они установили жесткую диктатуру, а тех, кто попытался возмутиться, расстреляли. Когда же на остров прибывали редкие в тех краях корабли, захватчики сгоняли часть населения в сарай и держали под прицелом в качестве заложников. Зная нравы новоявленной администрации, местные жители и пикнуть не решались, и суда покидали гавань, даже не заподозрив, что здесь не все чисто.

Бежать из этого варварского плена осведомителю удалось просто чудом. Загодя спрятав в кустах каноэ, он в сумерках отчалил от острова, надеясь добраться до материка и выяснить — действительно ли диктаторов послало на голову островитян джакартское правительство. На полпути его подобрал пароход и доставил в столицу.

Описание преступников не оставляло сомнений, что на Апреле объявились пропавшие карбонарии, и на остров под флагом Индонезийской Республики срочно снарядили канонерку.

Не желая рисковать лишний раз, операцию решили провести ночью. При свете звезд канонерка, скрытая от поселения высоким мысом, вошла в заброшенную бухту. На берег высадился вооруженный десант во главе с проводником-информатором, затем судно удалилось от берега и легло в дрейф.

Отряду для занятия позиции требовалось часа три, но уже минут через сорок на канонерке услышали первую автоматную очередь. Эффект внезапности был утрачен, и капитан приказал дать полный вперед.

Пока судно подходило к берегу, автоматная пальба сменилась глухим протяжным гулом. Все удивленно переглянулись: кроме гранат и автоматов у группы ничего не было.

После недолгого затишья вновь раздались короткие очереди и снова оборвались протяжным воем.

Канонерка обогнула мыс. В слабом мерцающем свете разобрать, что происходит на острове в двух милях от судна, было невозможно; опять несколько выстрелов и далекие вспышки в непроглядной темени. Включили прожектор. Луч света нашарил поселок, однако — никакого движения, все будто вымерли. Это

уже потом кто-то вспомнил, что справа по борту промелькнула неясная тень в глубине.

Корабль подошел к самому берегу и заглушил двигатели. Матросы замерли у орудий, держа пальцы на гашетке, и следили за лучом, прощупывающим остров. Остров странно блестел.

Прожектор высветил несколько автоматов, валявшихся у самой кромки воды. Капитан через мегафон призвал десант выйти из укрытия, но никто не отозвался. Луч еще раз обежал весь остров и вернулся к автоматам на песке. Повисла тревожная тишина.

Капитан решил дождаться утра. Деревня в свете прожектора казалась ярко освещенной сценой, на которой чудилось вот-вот появятся актеры. Но актеры так и не появились.

Едва занялся рассвет, от канонерки отчалила шлюпка с пятью матросами и старпомом. Под прикрытием корабельных орудий они высадились на берег и первым делом осмотрели брошенное оружие. Автоматы покрывал тонкий слой слизи; моряки бросили их в лодку и отмыли руки.

С берега к поселку вели четыре широких рва где-то восьми футов шириной, полукруглого сечения, глубиной пяти-шести дюймов. Небольшая насыпь по краям говорила о том, что след мог быть оставлен каким-нибудь шарообразным телом. Внимательно изучив борозды, старпом пришел к выводу, что только одна из них идет от поселка. Это открытие заставило его с тревогой взглянуть в сторону деревни. Он увидел, что вся округа, странно блестевшая ночью, до сих пор мерцает загадочным светом. Ничего не понимая, взяв автомат наперевес, он повел своих спутников в глубь острова, бросая по сторонам настороженные взгляды, вслушиваясь в малейшие шорохи.

Чем ближе они подходили к поселку, тем яснее становилась причина непонятного блеска. Трава, деревья, хижины — все было покрыто тонким слоем слизи.

Разновеликие домики стояли полукругом, образовывая небольшую площадь. Моряки сгрудились в самом центре и застыли спина к спине.

Ни звука, ни движения, только слабый трепет листвы в утреннем бризе. Люди вздохнули немного свободнее.

Вся земля под их ногами была усыпана блестевшими от слизи железяками, старпом носком ботинка поддел одну из них, затем, пристально оглядев лачуги, остановил выбор на самой большой.

— Пошли,— распорядился он.

Фасад дома, как и все прочее, искрился от слизи и казался до противного липким. Старпом пнул незапертую дверь и вошел внутрь. Никого: ни живых, ни мертвых, пара опрокинутых табуреток, а в остальном — полный порядок.

Они вышли. Старший помощник бросил взгляд на следующую хижину, вздрогнул и посмотрел более внимательно. Он обогнул дом, из которого они только что вышли,— все стены, кроме лицевой, были сухие и чистые.

— Похоже,— произнес он,— что кто-то заляпал этой гадостью поселок с центра площади.

Прочесав всю деревню, они убедились в правильности своей догадки, но не смогли ничего объяснить.

— Как? Чем? И какого дьявола?

— Что-то выползло из моря,— неуверенно предположил матрос.

— Что-то?! Целых три штуки!

Они вернулись на площадь и еще раз оглядели все поселение. Да, деревня покинута, и делать здесь больше нечего.

— Прихватите парочку железяк,— приказал офицер и направился в сторону ближайшего дома.

Там он отыскал бутылку, соскреб в нее слизь и закупорил пробкой.

— Теперь на солнце эта мерзость еще и воняет,— вернувшись, объявил он команде.— Пошли отсюда.

Взойдя на борт, старпом предложил капитану сфотографировать борозды на песке и разложил перед ним трофеи.

— Любопытно,— сказал старпом, подкидывая на ладони осколок матового металла,— их там словно дождем набросало.— Он поскреб железяку ногтем.— С виду свинец, а легок, как перышко. Вы видели раньше что-нибудь подобное, сэр?

Капитан отрицательно помотал головой и заметил, что мир в наше время полон странных вещей.

Вернулась шлюпка с фотографом.

— Дадим еще несколько гудков,— решил капитан,— и если в течение получаса никто не отзовется, перебираемся на новое место. Должны же мы, черт побери, отыскать того, кто нам скажет, что здесь произошло.

Через несколько часов они причалили в северо-восточной бухте острова, где на равнине недалеко от берега раскинулась точно такая же деревенька, разве что чуть поменьше. И вновь — четыре широкие борозды на пляже и никаких признаков жизни. Правда, на этот раз из четырех борозд две возвращались в море, и совсем не было слизи.

Капитан склонился над картой.

— Вот еще одна бухта. Снимаемся с якоря.

Деревня казалась вымершей, как и две предыдущие, хотя на пляже не было видно никаких следов. Снова и снова капитан и помощник рассматривали побережье в бинокли, снова и снова гудела корабельная сирена, но — ни одной живой души.

Они уже собирались отчаливать, когда вдруг старпом воскликнул.

— Взгляните, сэр! Вон там, на холме, кто-то размахивает тряпкой!

Капитан направил бинокль, куда показывал помощник.

— Еще двое... трое, немного левее... Спустить шлюпку,— приказал он и добавил:— Держитесь от них на расстоянии. Возможна эпидемия или другая чертовщина.

Капитан наблюдал со своего мостика.

В нескольких сотнях ярдов восточнее поселка из-за деревьев вышли девять человек, они размахивали рубашками и что-то кричали в сторону шлюпки. Что именно, капитан разобрать не мог — их голоса тонули в шуме прибоя.

Лодка уткнулась носом в берег, старпом жестом поманил людей, однако никто не откликнулся на его зов. Тогда он сам направился к ним, но через десять минут вернулся к шлюпке в одиночестве.

— В чем дело?— прокричал капитан, не успел ботик пришвартоваться к судну.

Старпом запрокинул голову.

— Они не захотели плыть, сэр.

— Что с ними случилось?

— Лично с ними ничего. Они говорят, что море небезопасно.

— Что они имеют в виду?

— Они боятся, сэр, что их может постичь участь тех двух деревень. Они были атакованы...

— Атакованы? Кем?

— Э... Лучше бы вам самому поговорить с ними, сэр.

— Я послал за ними шлюпку, черт возьми. С них и этого достаточно!

— Боюсь, сэр, что даже под угрозой смерти, сэр...

Капитан помрачнел.

— Хотел бы я знать, чем они так напуганы? Или кем?

Старпом облизнул пересохшие губы. Он всячески избегал вопрошающего взгляда капитана.

— Они... э... они говорят, сэр, что это киты, сэр.

Глаза капитана округлились.

— Кто???

Помощник не знал, куда деться.

— Я понимаю, сэр. Это... э... Но они утверждают, что это были киты и... медузы, сэр. Огромные медузы. Может быть, э... вам в самом деле стоит поговорить с ними?

Известия с Апреля не «взорвали» мир в общепринятом смысле этого слова. Атолл, который невозможно отыскать на страницах большинства атласов, не представляет для публики особого интереса. И те немногие строки, посвященные событию, очень скоро канули в Лету. Скорее всего, об этом вообще никто бы не узнал, не случись американскому журналисту оказаться в Джакарте и не наткнись он на этот материал. Он тут же слетал на остров Апреля и, вернувшись в Штаты, опубликовал статью в одном из еженедельников. Редактор еженедельника вспомнил происшествие на Сафире и, связав оба события воедино, представил миру новую угрозу в первом воскресном выпуске газеты.

Так случилось, что это произошло как раз накануне сенсационного коммюнике Постоянного комитета действий, и *Глубины* опять оказались в центре всеобщего внимания. Более того, сам термин «Глубины» зазвучал по-иному, более конкретно и драматично. Комитет поспешил дать очередные рекомендации: всем судам держаться континентального шельфа, ибо потери последнего месяца ярко свидетельствуют о том риске, которому подвергаются корабли.

Совершенно очевидно, что никто не стал бы наносить столь ощутимого удара по только оправившемуся судоходству, не имея на то веских причин. И тем не менее владельцы судоходных компаний в запале негодования обвинили Комитет во всех смертных грехах: от паникерства до преследования личных интересов, связанных с авиакомпаниями. «Если последовать этой рекомендации,— возмущались они,— то всем трансатлантическим лайнерам придется ползти каботажным рейсом через воды Исландии, Гренландии, через Бискайский залив, вдоль западного побережья Африки и т.д. Торговые рейсы в Тихом океане вообще придется отменить. А Новая Зеландия и Австралия оказываются отрезанными от всего остального мира. Правительство,— кричали судовладельцы,— пошло на удивительно необдуманный шаг, позволив Комитету без всестороннего обсуждения опубликовать «рекомендацию». Все это грозит замораживанием морской торговли, паникой и уж никак не способствует безопасности. Как можно давать рекомендации, когда заранее известно, что они невыполнимы».

Комитет невозмутимо отбивался от нападок, утверждая, что это — не приказ, а предостережение, что опасно пересекать места глубиной более двух тысяч саженей.

Судовладельцы огрызались, дескать, какая разница — приказ или предостережение, суть от этого не меняется. Поднялась невообразимая шумиха, газеты запестрели всяческими схемами-указателями, но так как все их карты разнились между собой, создавалось весьма двойственное впечатление.

Комитет был уже готов несколько переиначить свое заявление, когда на мир обрушились два сообщения: одно из средней Атлантики о гибели итальянского лайнера «Сабина», другое из южной — о потере немцами судна «Ворпоммерн».

Известие об этом передали по радио в субботу, а наутро все воскресные газеты (по крайней мере — шесть из них) как коршуны налетели на правительство, обвинив его в некомпетентности, задав тем самым тон для всей остальной прессы.

«Таймс» открыто потребовала от общественности «как следует надавить на власти». Менее категорично по форме, но сходно по сути выступила «Гардиан». «Ньюс Кроникл» был не то чтобы против, но не лез на рожон. «Экспресс» отвернул свой молот от ковки имперских цепей к крушению оных, немощность которых, по его словам, лишь «ослабляет государство». «Самое большое предательство,— объявила «Мейл»,— неспособность «править морями»*,— и потребовала немедленной отставки саботажников. «Геральд» уведомила домохозяек, что предвидится повышение цен на продукты. «Уокер» заметил, что в обществе, управляемом должным образом, подобные трагедии невозможны в принципе, так как не будь в нем роскошных лайнеров,— нечему было бы и тонуть. И далее обрушивался на судовладельцев, толкающих моряков на смерть, да еще за несоизмеримо низкую плату.

В среду я позвонил Филлис.

На Филлис периодически находило (едва мы дольше обычного задерживались в Лондоне), что у нее нет никаких сил переносить блага цивилизации и ей необходимо немного передохнуть. Если я был свободен, мне дозволялось сопровождать ее, если нет — Филлис удалялась общаться с природой в одиночестве. Обычно возвращалась она где-нибудь через неделю, духовно окрепшая и окрыленная. Но вот уже две недели, как от нее не было ни слуху ни духу: ни звонка, ни открытки, как правило, предшествующей ее возвращению. Бывало, конечно, и такое, что открытка приходила на следующий день после приезда Филлис. Но две недели — срок немалый!

Я слушал гудки довольно долго и уже собирался повесить трубку, когда вдруг услышал знакомый голос:

— Привет, дорогой!

— А если это не дорогой, а налоговый инспектор... или убийца?

— О, они бы столько времени не висели на телефоне!

— Во-во,— пробурчал я.

— Извини, я была в саду.

---

* «Правь, Британия, морями...» — один из английских гимнов.

— Сажала розы?
— Укладывала кирпичи.
— Наверно, что-то с линией — мне послышалось «кирпичи».
— Да-да, именно кирпичи, дорогой.
— А-а-а... Ну понятно,— отозвался я,— кирпичи.
— Я даже не подозревала, что это так здорово. Представляешь, оказывается существует несметное число всяких растворов: фламандский, английский... А еще здесь нужна такая штучка, называется мастерок.
— А что строишь, если не секрет? Какую-нибудь кладовку?
— Нет,— рассмеялась Филлис.— Обычная стенка. Как у Бальбуса или мистера Черчилля. Где-то я читала, что в минуты стресса Черчилль находил такую работу успокаивающей. А что было хорошо для Черчилля — хорошо и для меня.
— Я рад. Надеюсь, ты уже в полном порядке?
— О, да! Это так успокаивает, Майк. Особенно, когда кладешь кирпич, а ведро с раствором падает тебе...
— Я понял, Фил. Но время идет... Ты нужна здесь.
— Мне приятно, дорогой, что ты соскучился, но бросить дело на половине...
— Да не я соскучился... То есть я, конечно, тоже... И-Би-Си хочет нас видеть.
— Зачем?
— Точно не знаю, но домогаются настойчиво.
— И когда же они хотят нас видеть?
— Фредди приглашал в пятницу на ужин. Ты как?
Наступила недолгая пауза.
— Хорошо, попробую успеть. Я приеду шестичасовым.
— Прекрасно, я встречу тебя. Кстати, Фил, есть еще одна причина.
— Да? Какая?
— Песок, дорогая. Осыпающийся песок и неостановимое колесо, и вечно сверкающее острие. Монотонный размеренный звук падающих капель в клепсидре жизни...
— Ты что репетируешь, Майк?
— А что мне остается?
— Ну пригласил бы Милдред отобедать.
— Приглашал, но, когда часто видишь ее, она действует на нервы. Даже странно.
— Майк, Милдред три недели как в Шотландии.
— Да? Ты сказала «Милдред», а мне послышалось...
— Все, кончай, дорогой. До пятницы.
— Я даю до пятницы обет молчания, Фил. Прощай.

Мы опоздали всего на несколько минут, но судя по поспешности, с какой Фредди потащил нас в бар, он, казалось, изводился от жажды уже не первый час. Фредди растворился в толпе у стойки и тут же вынырнул с полным подносом двойных и одинарных шерри.
Залпом осушив два двойных, он стал, наконец, похож на человека и начал замечать окружающее. Он даже обратил внимание на состояние рук Филлис: обломанные ногти и большой кусок пластыря на левой руке. Фредди нахмурился, но ничего не сказал. Я заметил, что он исподтишка разглядывает меня.
— Моя жена,— сказал я,— отдыхала в Корнуэлле. Разгар сезона по укладке кирпичей.
Мое объяснение скорее успокоило его, нежели заинтересовало.

— А как с вашим чувством единой команды? — спросил он.— Ничего не случилось?

Мы дружно замотали головами.

— Чудесно. Тогда у меня для вас кое-что есть.

Оказалось, один из всемогущих спонсоров И-Би-Си сделал предложение. Ему, видимо, понравились наши с Филлис репортажи, и он заинтересовался нами.

— Что ж,— произнес я, развалившись на стуле,— человек с понятием! Последние пять-шесть лет...

— Заткнись, Майк,— обрубила моя драгайшая женушка.

— События,— продолжал Фредди,— по мнению спонсора, достигли той точки, когда смело можно вкладывать в это дело деньги, пока они еще хоть что-то значат. Он заявил, что хочет внести свою лепту во благо общества и, с другой стороны, не видит ничего предосудительного в том, чтобы поиметь с этого барыши. Он предлагает снарядить экспедицию. Кстати, все это между нами: не дай бог Би-Би-Си что-нибудь пронюхает и опередит нас.

— И куда же отправляется экспедиция? — как и подобает практичной жене, спросила Филлис.

— Это был и наш первый вопрос,— откликнулся Фредди.— Все зависит от Бокера.

— От Бокера?! — Я подскочил.— Неужели Фортуна сжалилась над ним?

— Некоторым образом. И как сказал спонсор: «Если отбросить космический вздор, то в остальном Бокер прав, во всяком случае, более чем другие». Поэтому он пошел к ученому и спросил напрямик: «Как думаешь, где в следующий раз объявятся эти существа?» Бокер, естественно, не знал. Но они договорились, что спонсор субсидирует, а Бокер возглавит экспедицию и выберет место на свое усмотрение. И даже спутников выбирает Бокер. Так что вы стали участниками по его выбору с благословения И-Би-Си и вашего согласия.

— Он всегда был моим любимым «ографом»,— сказала обрадованная и несомненно польщенная Филлис.— А когда отправляемся?

— Минуточку,— влез я.— Были времена, когда морские прогулки рекомендовались как оздоровительные мероприятия, но теперь...

— Конечно, ты прав, Майк,— поддержал меня Фредди.— Осторожность и только осторожность. Все уже получили массу впечатлений от первого знакомства с этими гадами. Но сейчас важно не то, чтобы вы с Фил лично познакомились с ними, а то, чтобы вы сумели побольше о них разузнать.

— Любая предусмотрительность достойна одобрения,— назидательно произнес я.

— Вобщем, завтра ступайте к Бокеру, а потом сразу ко мне — подпишем контракт.

Весь оставшийся вечер Филлис выглядела задумчивой.

— Если ты не хочешь...— не выдержал я, когда мы вернулись домой.

— Ерунда. Конечно хочу. Но, как думаешь, что значит «субсидировать»? Могу ли я, скажем, как-нибудь отовариться за их счет?

— Даже лотосы приедаются,— проворчал я, обозревая окрестности.

— А мне нравится побездельничать на солнышке.

— «Нравится» — не то слово, дорогая. Я хочу сказать,— неторопливо рассуждал я,— что женщины двадцатого века считают инсоляцию неким космическим средством с легким возбуждающим действием. Но вот что любопытно: ни в одной летописи нет даже упоминания, что твои предшественницы занимались чем-либо подобным. Зато мужчины, заметь, из века в век жарятся на солнцепеке.

— Угу,— отозвалась Филлис.

— Как ты смеешь на мою вдохновенную тираду отвечать сомнительным «угу»?— возмутился я.

— Майк, я сейчас в таком состоянии, что могу ответить «угу» абсолютно на все. Это же тропики, дорогой! Мистер Моэм столько раз это подчеркивал.

— Моэм, моя радость, даже не в тропиках зачастую зависел не от того, от кого надо, хотя и там ему тоже говорили «угу». И температура тут вовсе ни при чем. Даже в... в триангуляции, в которой он уступал только Евклиду — другому автору наиболее раскупаемых книг. Кстати, напрашивается вопрос: может ли подход к литературе с точки зрения тройственности...

— Майк, ты бредишь. Это жара. Давай просто лениво сидеть на солнышке и ждать.

И мы снова предались этому убийственному занятию, которому отдали уже несколько недель своей жизни.

Мы сидели под солнечным зонтиком неподалеку от гостиницы со странным вымученным названием «Гранд Отель Британия энд ля Джустиция». Отсюда мы могли наблюдать и покой природы, и суету города. Справа до самого горизонта простиралось пронзительно голубое море, в которое вдавался поросший пальмами мыс, казавшийся миражом в дрожащем знойном воздухе — эдакий театральный задник в испанской пьесе. Слева кипела жизнь столицы — единственного города на всем острове.

Эскондида — так назывался остров — был случайно открыт в стародавние времена заплутавшими в океане испанскими мореходами. Прошло много лет, но, несмотря на все перемены, происшедшие в этой части света, остров сохранил свое название и даже испанский колорит. Архитектура, язык, темперамент островитян оставались по-прежнему скорее испанскими, чем английскими. Площадь (она же Плаза), церквушка, пестрые магазинчики и прочие достопримечательности выглядели, как иллюстрация из путеводителей по Испании. Зато население острова было очень разнообразно — от загорелых европейцев до черных, как смоль, негров.

За отелем высилось несколько гор с абсолютно лысыми макушками и ярко-зеленым пледом на плечах, как бы вздымавших Эскондиду к небу.

Название города — Смиттаун, можно было выяснить только из надписи на алом почтовом ящике, водруженном на Площади. А когда кто-то нам сказал, что Смит — не кто иной, как удачливый пират, в голову сразу полезли всякие романтические истории и легенды.

Именно здесь уже пятую неделю и околачивалась наша экспедиция.

Бокер разработал собственную теорию вероятности и методом исключений получил десять возможных объектов нападения. Четыре из них, находившиеся в Карибском море, и предопределили наш маршрут.

Сначала мы высадились в Кингстоне на Ямайке и провели там неделю в компании оператора Теда Джерви, звукооператора Лесли Брея, техпомощника Мюриэл Флинн. Сам Бокер и двое его приближенных в это время занимались облетами Кайман Брака, Большого, Малого Каймана и Эскондиды на военном самолете, любезно предоставленном ему местными властями, выбирая постоянную базу для нашей экспедиции. Доводы, побудившие Бокера в конце концов остановиться на Эскондиде, казались убедительными, но мы несколько огорчились, когда спустя два дня Большой Кайман подвергся первому нашествию *Глубин*. Однако, несмотря на наше разочарование, мы поняли, что Бокер действительно знает, что делает.

Четверо из нас сразу слетали туда, но без толку: следы на пляже уже оказались затоптаны ордами любопытных.

Все произошло ночью. Более двухсот местных жителей в испуге сбежало, большинство просто бесследно исчезло, а немногие оставшиеся считали своим долгом наврать интервьюерам с три короба, так что событие быстро обросло баснями.

Бокер решил не менять расположения лагеря, считая, что на Эскондиде у нас не меньше шансов, чем где-либо, тем более Смиттаун единственный город на всем острове и рано или поздно настанет его черед.

Но шли недели, ничего не происходило, и мы начали сомневаться. Радио, что ни день, сообщало о новых нападениях, однако за исключением небольшого происшествия на Азорах, остальные случались в Тихом океане. У нас появилось угнетающее чувство, что мы ошиблись полушарием.

Я говорю «мы», но подразумеваю только себя. У моих товарищей дел было по горло. В частности — освещение. Все нападения случались ночью, а для съемки в темноте нужен хороший свет. Как только городской совет узнал, что ему не придется раскошеливаться, то тут же дал согласие на дополнительную иллюминацию: здания, почтовые ящики, деревья — все было облеплено мощными прожекторами, управление которыми в интересах Теда вывели на единый пульт в его гостиничном номере.

Островитяне полагали, что их ожидают грандиозные празднества, городской совет называл это занятие безобидной формой сумасшествия, а я — бесполезной затеей. Да и все мы с каждым днем становились все скептичнее, пока... Пока не случился набег на остров Гэллоу, прогремевший на весь Карибский бассейн.

Столица — Порт-Энн — и три самых крупных береговых поселения подверглись нападению в одну ночь. Три четверти населения — как не бывало. Выжили только те, кто заперся в доме или спасся бегством. Поговаривали о каких-то невероятных размеров танках, якобы выползающих из моря. Но во всей этой неразберихе совершенно невозможно было понять, где правда, а где ложь. Единственный достоверный факт — тысячи человек бесследно исчезли.

Настроения резко изменились. Спокойствия, безмятежности, чувства безопасности как не бывало: все вдруг ясно осознали, что могут стать следующей жертвой. Люди откапывали на пыльных чердаках дедовское оружие, давно вышедшее из употребления, и приводили его в порядок. Организовывались добровольные дружины, шли разговоры о создании межостровной Службы быстрого реагирования. В общем, первые две-три ночи город бурлил, по улицам с важным видом ходили патрули.

Однако прошла неделя, никакого намека на опасность, и боевой пыл потихоньку испарился. Кстати, активность подводных обитателей прекратилась повсеместно. Единственное сообщение — с Курил, но и то в чисто славянском духе — ни даты, ни подписи: надо полагать, что оно долго блуждало по тамошним системам госбезопасности и тщательно рассматривалось под микроскопами.

На десятый день естественный принцип смиттаунцев во всем полагаться на mañana* полностью восстановился. По ночам и во время сиесты Эскондида беспробудно спала. Мы — вместе с нею. Казалось совершенно невозможным, что кто-то может нарушить покой. Мы полностью адаптировались к местной жизни, во всяком случае, некоторые из нас: Мюриэл увлеклась островной флорой: наш пилот Джонни Таллтон постоянно прохлаждался в кафе, где очаровательная сеньорита обучала его местному диалекту; Лесли адаптировался до такой степени, что приобрел гитару, треньканье которой днями напролет доносилось из открытого окна. Мы с Филлис вернулись к сценариям для будущих передач. И только Бокер да двое его ближайших соратников — Билл Вейман и Альфред Хейл — не дремали. Если бы нас видел спонсор!..

Мы томились под зонтиком, а Лесли завел свой обычный репертуар. «O Sole mio»** летело сверху.

— Сейчас последует «La Paloma»***,— застонал я и отхлебнул джин.

— Мне кажется,— сказала Филлис,— пока мы здесь, стоило бы выяснить... Ох, что это?

Со стороны моря до нас донесся ни с чем не сравнимый шум. Мы выглянули в окно и увидели крохотного мальчугана цвета кофе, почти целиком скрытого широкополой шляпой. Он вел упряжку здоровенных волов, за которой визжала, скрипела, скрежетала пустая повозка. Мы обратили на мальчишку внимание еще утром, когда он спускался с гор с повозкой, груженой бананами, даже тогда нам показалось, что это весьма шумно и неприятно, но теперь, когда она шла порожняком,— грохот был несусветный.

С трудом мы дождались, пока волы минуют Плазу, но тут опять послышался голос Лесли. Он уже пел «La Paloma».

— Мне кажется,— вернулась к разговору Филлис,— надо извлечь из этого Смита все, что можно. Почему бы ему не стать, к примеру, Робин Гудом? Что нам стоит сделать из него такового? А что ты знаешь о старинных парусниках?

— Я?! С какой стати я должен о них что-то знать?

— Любой мужчина почитает за честь разбираться в морских судах, я подумала, что и ты...— Филлис неожиданно замолчала.

Сверху раздался заключительный аккорд «La Paloma», и Лесли грянул новую песню.

Я сижу в лаборатории,
Раскалился добела.

---

* Завтра (*исп.*)

** Солнце мое (*итал.*)

*** Голубка (*исп.*)

Ксенобатоинфузория,
Ты с ума меня свела!

Ох, вы атомы ядреные,
Термоядерный утиль!
Что ж вы, неучи, ученого
Подвели под монастырь?

А когда не торопили бы,
Я бы горы своротил,
Некробаротерапию бы
Шаг за шагом воплотил.

Я настроил бы локаторы,
Я бы выждал до утра,
Взмыл бы в небо авиатором,
Жахнул сверху... и ура!

Я бы.....

— Бедняга Лесли,— печально сказал я,— посмотри, что с ним сделал этот чертов климат. Рифмовать «лабораторию» с «ксенобатоинфузорией»! Боже мой, что творится! Какое размягчение мозгов! Извилины плавятся. Пора объявить Бокеру ультиматум. Конкретный срок, скажем, неделя, и мы уезжаем. Иначе нас ждет здесь полное разложение, и мы тоже начнем сочинять песенки с дебильными рифмами. Струны наших душ заржавеют, и в один прекрасный миг мы вдруг обнаружим, что срифмовали «своротил — воплотил».

— Хорошо...— неуверенно начала Филлис.

За моей спиной раздались шаги и возник Лесли.

— Приветствую.— выкрикнул он.— Самое время пропустить стаканчик, а? Слышал новую песенку? Настоящий шлягер! Твоя жена назвала ее «Жалоба ученого», но мне больше нравится «Озадаченный ученый». Что пьем? Джин?— протараторил Лесли и побежал к стойке.

— Итак,— сказал я мрачно,— я говорю — «неделя» и настаиваю на этом. Хотя и этот срок может оказаться фатальным.

Я оказался более прав, чем думал.

— Любимая, да плюнь ты на эту луну и иди ко мне.

— У тебя нет души. В этом все дело. И зачем я вышла за тебя?!

— Хуже, когда души больше, чем нужно. Посмотри на Лоуренса Хоупа.

— Ты — свинья, Майк! Терпеть тебя не могу.

— Дорогая, уже час ночи.

— На Эскондиде сама жизнь смеется над часовых дел мастерами. Ненавижу тебя, Майк. Милая, милая Диана, забери меня от этого человека!

Я подошел к окну.

— «Корабль, остров, бледная луна...» — прошептала Филлис.— Так хрупко, так вечно... как прекрасно! Ты только вглядись!

Мы стояли у окна и любовались пустынной Плазой, спящими домами, серебряным в лунном свете морем.

— Как хорошо! Я запомню это навсегда!— Ее дыхание дрожало на моей щеке.— Почему ты не видишь и не слышишь того, что слышу я, Майк? Почему?

— Это было бы так скучно. Представь, мы с тобой хором взываем к Диане. У меня свои боги, Фил.

Она пристально посмотрела на меня.

— Может быть, но их трудно разглядеть.

— Ты так считаешь? А я уверен в обратном. «Кто обращен молитвой к Мекке, а я к твоей постели, Ясмин»— твой любимый Флекер, дорогая.

— Ну, Майк!

И тут со стороны моря до нас долетел крик. Затем еще и еще. Завизжала женщина...

— Майк, неужели...

Крики, выстрелы...

— Это они, Майк, они!

Шум нарастал. Люди высовывались из окон, спрашивали друг друга, что происходит. Какой-то мужчина выскочил из дверей, завернул за угол и понесся к морю.

— Эй, Тед!— закричал я и забарабанил в стену.— Вруби прожекторы внизу, что у моря. Даешь свет, старина!

Я расслышал слабое «о'кей». Вспыхнули прожектора, но ничего необычного не было видно, только десятка два мужчин спешили к гавани.

Внезапно на несколько секунд шум стих. Хлопнула дверь Теда, и в коридоре отчетливо прозвучали его шаги. Затем опять плач, вопли, еще громче, еще надрывнее, чем раньше, будто во время паузы тишина набиралась сил, чтобы в следующее мгновение взорваться.

— Я должен...— начал я и замер, не обнаружив рядом с собой Филлис.

Филлис закрывала дверь на замок.

— Я должен быть там...

— Нет,— отрезала она, загородив собой дверь.

Филлис была похожа на разгневанного ангела, если, конечно, не учитывать, что ангелов обычно изображают в пристойных одеяниях, а не в гипюровых ночных сорочках.

— Но, Фил,— взмолился я,— это же моя работа. Мы здесь именно для этого.

— Плевать.

Она не сдвинулась с места, только ангел превратился в маленькую капризную девочку. Я протянул руку.

— Фил, пожалуйста, отдай ключ.

— Нет,— коротко сказала она и швырнула ключ в окно.

Он монеткой звякнул о булыжник. Ошеломленный, я посмотрел ему вослед. Как это не похоже на Филлис.

По залитой светом площади проносились спешащие к морю люди. Я снова повернулся к двери.

— Отойди. Будь добра, отойди.

— Не глупи, Майк. Не забывай о главном.

— Это как раз то...

— Нет, не то! Ну как ты не понимаешь?! Все, что мы знаем о Них, мы знаем не от тех, кто сломя голову бросился выяснять, что случилось, а от тех, кто спрятался или убежал.

Я был зол. Но не до такой степени, чтобы справедливость ее слов не дошла до меня.

— Фредди,— продолжала Филлис,— говорил, что мы обязаны вернуться и рассказать обо всем, что увидим.

— Все это хорошо, но...

— Нет! Взгляни,— она кивнула на окно.

Все это напоминало кино, которое прокручивают в обратную сторону: толпа, огромная толпа, пятилась, как гигантский рак, пока не заполнила площадь.

Филлис покинула свой пост и присоединилась ко мне. Прямо под нами проскочил Тед с переноской в руках.

— Что это?— крикнул я ему.

— Бес его знает. Я не мог протолкнуться. Что бы там ни было, оно идет сюда. Я буду снимать из окна. В такой толчее невозможно работать.

Он еще раз оглянулся на площадь и скрылся в дверях отеля.

Вдруг из толпы вынырнул самолично доктор Бокер в сопровождении Джонни Таллтона. Запрокинув голову, Бокер закричал:

— Альфред!

Из окон отеля высунулось несколько голов.

— Где Альфред?

Никто не знал.

— Если кто разглядит его в этом месиве, пусть скажет, чтобы он непременно возвращался в номер. Остальным оставаться на местах,— распорядился Бокер.— Наблюдайте, но не высовывайтесь. Во всяком случае, пока. Тед, включай все прожектора. Лесли...

— Уже бегу, док.

— А ну назад! Укрепи микрофон в окне, и ни шагу на улицу! Еще раз говорю, это касается всех!

— Но что это, док? Что?

— Не знаю. Поэтому пока останемся в отеле. Мисс Флинн! Где, черт возьми, мисс Флинн? А, вы здесь. Хорошо. Следите внимательно...

Бокер повернулся к Джонни и обменялся с ним парой слов. Джонни кивнул и скрылся за отелем. Бокер еще раз окинул взглядом толпу и, хлопнув дверью, поспешил в укрытие.

Площадь к тому времени была запружена до отказа. Те, в ком любопытство боролось со страхом, толкались у дверей, готовые в любой момент броситься за спасительные стены. Сдесяток мужчин, кто с пистолетами, кто с винтовками, залегли прямо на мостовой, направив дула в сторону надвигающейся опасности. Если не считать одиночных всхлипов и выкриков, над площадью повисло тревожное всеохватывающее безмолвие. И вот тогда до нас докатился негромкий, но душераздирающий скрежет чего-то тяжелого о булыжную мостовую.

В крохотной церковной пристройке распахнулась дверь и оттуда в длинной черной сутане вышел священник. Его тут же окружил народ, люди бросились на колени. Священник простер над толпою руки, то ли защищая своих прихожан от власти дьявола, то ли благословляя на битву с ним.

Где-то совсем рядом прогремело три-четыре выстрела, затем еще... Мы видели стрелков, видели, как они перезаряжают винтовки, но мишень была скрыта от нас угловым домом. Оттуда, из-за поворота, раздавался хруст крошащихся кирпичей, звон стекла, и вскоре мы увидели первый *танк* — нечто из серого матового металла, вползающее на площадь, сметающее на своем пути углы и стены домов.

Со всех сторон защелкали выстрелы, но пули только плющились о его металлические бока, не оставляя ни вмятин, ни царапин. *Танк* продвигался вперед медленно и бесстрастно. Массивный и неуязвимый, он как бы втягивал себя на площадь со ско-

ростью не более трех миль. Наконец мы смогли разглядеть его как следует.

Вообразите себе яйцо, причем яйцо не менее тридцати пяти футов в длину, затем поставьте его на попа, отсеките нижнюю половину, то, что останется, покрасьте в свинцовый цвет, и вы получите самый настоящий *морской танк*.

Как он передвигался — оставалось только догадываться. На колесах? Вряд ли. Судя по виду и звуку, он просто полз на своем брюхе без всяких там приспособлений. Ни на что земное это не походило.

За ним показался следующий — и такая же серая махина. Оба *танка* заняли позицию по краям площади, пропуская по центру, прямо на нас, третий.

Толпа вокруг священника рассеялась, и он, высоко подняв голову и воздев над собой Распятие, двинулся к *танку*. Но *танк* никак не отреагировал на святого отца, он просто покатым боком оттеснил старца и, как ни в чем не бывало, проехал мимо.

Достигнув самого центра площади, *танк* остановился.

— Войска занимают позицию,— шепнул я Филлис.— Это не случайность. Что дальше?

С минуту ничего не происходило. Во всех окнах торчали любопытные, кто-то еще зачем-то стрелял, вероятно, для очистки совести.

— Смотри,— Филлис указала на *танк* в центре площади.

На самой верхушке «яйца» образовался небольшой нарост — беловатое полупрозрачное подобие пузыря. Он был значительно светлее остальной поверхности и стремительно разрастался.

— Господи, он все раздувается...

Грянул одиночный выстрел, пузырь задрожал, но не лопнул. Он надувался все быстрее и быстрее, все больше и больше. Казалось, он вот-вот оторвется от обшивки и взовьется в небо, как воздушный шар.

— Сейчас лопнет. Я уверена, сейчас лопнет.

— Еще два.

Первый пузырь был уже не менее трех футов в диаметре и все рос и рос.

— Сейчас, сейчас...— голос Филлис дрожал.

Огромный пульсирующий пузырь продолжал расти, и лишь когда достиг футов пяти, вдруг перестал раздуваться, забился, затрясся, как желе, и оторвался от тонкой ножки, связывающей его с *танком*.

Перетекая как амеба, он постепенно уплотнялся, превращаясь в устойчивый шар. Мы и не заметили, как он оказался футах в десяти от нас.

И тут что-то произошло: не то чтобы пузырь взорвался — никакого звука мы не услышали, скорее он раскрылся, как бутон, раскинув во все стороны бессчетное число белых щупалец.

Мы инстинктивно отскочили от окна подальше от этой мерзости. Четыре или пять щупалец неслышно упали на пол и моментально стали сокращаться, возвращаясь обратно.

Громко вскрикнула Филлис: одно щупальце дотянулось до ее правого плеча и теперь, сокращаясь, увлекало за собой.

Филлис попыталась оторвать его левой рукой, но пальцы тут же прилипли к белому телу.

— Майк!— закричала она.— Майк!

Щупальце натянулось, как тетива лука, неумолимо таща Филлис к окну. Я подскочил, обхватил ее и рванул с такой силой,

что мы оказались в другом конце комнаты. Однако оторваться нам не удалось, и щупальце потянуло на улицу нас обоих. Я уцепился коленом за ножку кровати и что есть мочи держал Филлис. Когда мне уже казалось, что нам не вырваться, Филлис вдруг закричала, и мы повалились на пол.

Она была в обмороке, из ран на плече и кисти левой руки сочилась кровь. Я положил ее так, чтобы ничто не могло до нее дотянуться и осторожно выглянул на площадь. Отовсюду доносились леденящие кровь крики и стоны. Первый пузырь, окруженный сонмом щупалец, лежал на земле. Щупальца одно за другим исчезали за его оболочкой, унося в нутро пузыря свою добычу. Несчастные еще боролись, пытаясь вырваться из цепких лап, бились, вопили, но тщетно...

Вдруг я увидел Мюриэл Флинн, ее волочило по булыжной мостовой за чудесные рыжие волосы, она так страшно кричала от боли и ужаса, что у меня зашлось сердце. Рядом тянуло Лесли, он не сопротивлялся, не кричал. Ему повезло больше — при падении из окна бедняга сломал шею.

Какой-то мужчина пытался освободить ускользающую от него женщину. И он уже дотянулся до нее, но задел липкое щупальце, и дальше их поволокло вместе.

Кольцо сужалось, щупальца сокращались, люди бились, как мухи в паутине. Во всем этом была какая-то тщательно продуманная жестокость. Не в силах оторваться от кошмарного зрелища, я чуть не прозевал, как от *танка* отделился второй пузырь.

Три аспида скользнули в окно, поизвивались на полу и медленно уползли назад.

Я выглянул на площадь. Снова та же картина: теперь уже второй пузырь собирал тщетно отбивающихся людей. Зато первый, нажравшись до отвала, захлопнулся и не спеша покатился к морю. *Танки*, похожие на больших серых слизняков, оставались на месте, занятые производством отвратительных пузырей.

Следующая «Горгона» взметнула в воздух своих змей, я отскочил, но на этот раз ничего не угодило к нам в комнату. Я решил закрыть окно и очень вовремя: едва я задвинул задвижку, четыре щупальца с такой силой шмякнулись о стекло, что оно треснуло.

Вернувшись к Филлис, я положил ей подушку под голову и, оторвав кусок простыни, принялся перевязывать раны.

Вдруг с улицы донесся новый незнакомый звук. Я подошел к окну и увидел низко летящий самолет. Застрекотали пулеметные очереди, я отпрянул назад.

Прогремел взрыв, погас свет, распахнулось окно и мимо меня пролетели какие-то брызги, заляпав всю комнату. Я снова выглянул на улицу: набитые людьми шары катились к морю, *танк* тоже начал пятиться.

Пилот заходил на второй вираж. Я бросился на пол.

— Майк,— едва слышно позвала Филлис.

— Все в порядке, Фил, я здесь.

За окном раздался еще один взрыв.

— Что случилось?

— Они убираются, Фил. Джонни угостил их с воздуха, я думаю, это он. Теперь уж все в порядке.

— Майк, у меня болят руки.

— Потерпи, моя хорошая, я сейчас схожу за доктором.

— Что это было, Майк? Если бы не ты...

— Все уже позади, Фил.

— Майк, тут что-то липкое кругом... Ты не ранен?
— Нет, нет. Весь номер забрызган какой-то гадостью.
— Тебя трясет, Майк!
— Ничего не могу с собой поделать. Фил, милая Фил... Так близко... Если бы ты только видела... Мюриэл, Лесли...
— Ну, ну,— Филлис принялась утешать меня словно маленького,— не плачь, Мики, не надо.— Она попыталась встать.— Ой, как больно!
— Я сейчас, дорогая.
Со стулом наперевес я рванулся к двери и дал волю обуревавшим меня чувствам.

Наутро мы собрались вместе: Бокер, Тед, Джерви, я и Филлис — жалкие остатки экспедиции. Правда, оставался еще Джонни, но он уже был на пути в Кингстон вместе с магнитофонными и кинопленками, а также с моими записями.
Раны Филлис были тщательно перевязаны, и, несмотря на плохое самочувствие и бледный вид, она не пожелала остаться в постели.
Глаза Бокера потеряли обычный блеск, а на лбу и щеках появилась густая сеть морщин. Он немного прихрамывал и опирался на палку. Вообще, за ночь он неимоверно постарел.
Только я да Тед вышли невредимыми из ночного бедлама.
Тед вопросительно посмотрел на Бокера.
— Если вы в состоянии, сэр,— произнес он,— надо первым делом убраться отсюда, подальше от этого дерьма.
— Несомненно, и чем скорей, тем лучше.
Мы вышли на свежий воздух.
Усеянная осколками металла площадь блестела от слизи, в воздухе стояло жуткое зловоние, и куда ни глянь — все покрывала отвратительная липкая скверна.
Уже на расстоянии ста футов вонь заметно поубавилась, а среди пальм на противоположном конце города воздух был чист и свеж. Редко когда я так остро ощущал прелесть легкого бриза.
Бокер сел, прислонившись спиной к дереву, и задумался. Мы пристроились рядом и ждали, когда он заговорит.
— Альфред,— вздохнул доктор,— Билл, Мюриэл, Лесли... Это я привел вас сюда... Я виноват.
— Вы не правы доктор,— вступилась Филлис,— никто не гнал нас силком. Вы предложили — мы согласились. Случись то же самое со мной, уверена, Майк не упрекнул бы вас. Правда, Майк?
— Да, Фил. Уж я-то знаю, кого бы я поставил к стенке!
— Слышали, доктор?— Филлис взяла его за руку.— И все думают так же.
Бокер прикрыл глаза, опустил голову и осторожно положил ладонь на руку Филлис.
— Вы слишком добры ко мне, Филлис,— тихо сказал он, поглаживая ее руку. Затем Бокер выпрямился, весь подобрался и произнес уже совсем другим тоном.— Что ж, мы получили кое-какие результаты, может, не столь однозначные, как ожидали, но и это уже кое-что! Спасибо Теду — человечество увидит то, что давно жаждет увидеть. Спасибо Теду — у нас теперь есть первый образец!
— Образец?— удивленно переспросила Филлис.— Какой образец?
— Да так,— заскромничал Тед,— кусочек щупальца.

— Но как? Как тебе удалось?

— Повезло. Понимаешь, первый раз ничего не влетело ко мне в окно, но увидев, что происходит, я приготовил нож. А когда второй гад выбросил свои щупальца и одно упало мне на плечо, я тут же его отсек. Примерно около восемнадцати дюймов. Оно сразу же отвалилось и упало на пол, повертелось, поизвивалось, а потом свернулось. Мы отправили его вместе с Джонни.

— У-у-ух!— вырвалось у Филлис.

— Придется на будущее запастись ножами,— подытожил я.

— Не забудь хорошенько наточить их. Не так-то легко эти сволочи режутся,— посоветовал Тед.

— Эх,— с сожалением вздохнул Бокер.— Еще бы кусочек. Я бы сам с ним повозился. Есть в них что-то очень странное. Хотя суть ясна: нечто родственное морскому анемону. Вопрос в том: выращены ли они искусственным путем или...— Он поежился.— Особенно меня интересует, как они присасываются к телу и как отличают живое от неживого. И еще: кто управляет ими и как? По-моему, их используют не как оружие, в нашем понимании, а скорее в качестве ловушек.

— Вы хотите сказать,— уточнила Филлис,— что они вылавливают и собирают нас как... э... примерно, как мы креветок?

— Что-то вроде этого. Но зачем?

Мы призадумались. Честно говоря, я бы предпочел, чтобы в голову Филлис пришло какое-нибудь другое сравнение.

— Пули,— вслух рассуждал Бокер,— не причиняют вреда ни *танкам*, ни *медузам*. Может, конечно, у них есть чувствительные точки, но мы о них не знаем. Зато нам известно, что *танки* находятся под большим давлением: они взрывались со страшной силой, то есть давление в них — на грани взрыва. Отсюда следует, что на Апреле кто-то либо метнул гранату, либо случайно попал в чувствительную точку. Да, все разговоры о «китах» — не ложь и не сказки: на расстоянии их действительно легко принять за что-либо подобное. В этом, по-моему, мы сами убедились. Ну, а что касается *медуз*, так люди вовсе были недалеки от истины — пузыри, несомненно, близкие родственники кишечнополостных. Я думаю вот о чем: сдается мне, что внутри *танков*, кроме давления, ничего нет, они просто груда металла. Какая же сила движет эти глыбы? С утра я внимательно изучил их следы: булыжники на мостовой глубоко вдавлены в землю, некоторые расколоты под их тяжестью... Для меня это загадка. Может, какие-нибудь присоски?.. Безусловно, в их действиях есть некая разумность, но или не очень высокая, или плохо скоординированная. Ну разве не разумно — вывести *танки* в самый центр площади?!

— В свое время я видел, как настоящие армейские танки сносили на поворотах углы домов, точь-в-точь, как эти,— заметил я.

— Вот, пожалуйста, еще одно доказательство плохой скоординированности. Может, кто-нибудь тоже что-то заметил?— Бокер обвел нас взглядом.

— Мне показалось,— замялся Тед,— что все пузыри отличались друг от друга. Хотя бы радиусом действия, и более поздние сокращались гораздо медленнее. Один провалялся на площади секунд двадцать, прежде чем начал сворачиваться.

— Ты полагаешь, они что-то искали?— заинтересовался Бокер.

— Я не захожу так далеко. Главное, что я все успел заснять.

— Будем надеяться, что сможем почерпнуть кое-что из пленок. А никто не заметил, как щупальца реагировали на выстрелы?

— Мне показалось,— сказал Тед,— что пули проходили сквозь них, как сквозь воздух. А может, мне показалось...

Бокер хмыкнул и погрузился в размышления.

Филлис что-то бубнила себе под нос.

— Что-что?— Я наклонился к ней.

— Многореснитчатые кишечнополостные...

— А-а-а!..— протянул я.

— Мы плохо продумали план,— заговорил Тед.— Надо было установить микрофон в твоей комнате, Майк. Ты мог бы вести синхронный репортаж.

— Во-во! То же самое мне скажут на И-Би-Си. Хотя мне все равно было не до этого. Ну ничего, будет время как следует поработать. Эх, черт возьми,— добавил я,— как вспомню, что надо возвращаться в отель... Ничто в мире так не смердило, как этот проклятый Смиттаун!

Мы еще долго сидели в пальмовой роще, занятые каждый своими мыслями, пока Бокер не вывел нас из задумчивости.

— Знаете,— сказал он,— если бы я верил в Бога, я бы, наверное, страшно перепугался. Но, к счастью, я слишком старомоден и, слава богу, в Бога не верю.

Брови Филлис поползли вверх.

— Почему?— воскликнула она.— Почему бы вы перепугались?

— Потому что, будь я суеверен, столкнувшись с чем-то новым, необычным, я наверняка решил бы, что Всевышний задумал преподать мне урок. «Вы, люди,— наверное, сказал бы мне Бог,— возомнили из себя невесть что и думаете, будто умнее других. Вы научились расщеплять атом, побеждать микробов, полагаете, что научились управлять миром, а возможно, и небом. Вы — тщеславные насекомые, глупцы, безумцы, в природе еще столько всякой всячины, что ваш крохотный мозг не в состоянии даже представить. Сейчас я покажу вам кое-что и посмотрю, что вы тогда запоете?! Мне следовало это сделать гораздо раньше».

— Но так как вы не верите?..

— Не знаю... На земле жили люди и до нас. И они находились в лучшем положении. Всякие там динозавры и прочее... короче, они выжили. А теперь все человечество на грани...

Он не стал заканчивать, да мы и не просили. Все сидели в молчании, отрешенно уставившись в безмятежное лазурное море.

Среди прочих газет, купленных в лондонском аэропорту, мне сразу бросился в глаза последний номер «Бихолдэ». Конечно, и у «Бихолдэ» есть определенные достоинства, но меня никогда не оставляло чувство, что он публикует не столько здравые мысли, сколько предрассудки. Вот и сейчас на первой полосе огромными буквами красовалось «ДОКТОР БОКЕР СНОВА НА КОНЕ». И далее: «Мы никогда не сомневались в мужестве Алистера Бокера, без страха ринувшегося навстречу подводному дракону, мы также отдаем должное той проницательности, с какой он рассчитал место возможной встречи с монстром, но те кошмарные, фантастические сцены, которыми нас угостила в прошлый вторник И-Би-Си, заставляют скорее удивиться не тому, что четыре члена экспедиции погибли, но тому, как выжили остальные. Мы считаем своим долгом поздравить доктора Алистера Бокера с

тем, что ему в этой ситуации посчастливилось отделаться лишь растяжением коленного сустава, тогда как чудовище стащило с него носок и ботинок.

Однако каким бы душещипательным ни казалось это приключение, какой бы вклад ни внес доктор Бокер в развитие средств обороны, ошибочно с его стороны считать себя единственным на Земле провидцем.

Мы обеспокоены, и обеспокоены не без оснований, теми сокрушительными ударами по мировому производству, которые наносит подводный мир. Но мы уверены, что недалек тот день, когда наши выдающиеся умы найдут панацею от всех бед и восстановят свободу мореплавания. Мы скорбим о безвинно павших мирных островитянах и негодуем при мысли о совершенных злодеяниях. Но тем не менее не следует поддаваться на очередную провокацию доктора Бокера, пытающегося запугать нас. Мы не сомневаемся, что все думающее население Земли на нашей стороне.

Мы склонны приписать предложение Алистера Бокера по созданию системы защиты вдоль всего западного побережья Соединенного Королевства, увы, не здравому смыслу, а стремлению ввести в заблуждение простодушного мирянина, склонного к экстравагантным сенсациям.

Давайте проанализируем, из чего исходил доктор Бокер, давая свои паникерские рекомендации: несколько набегов на крошечные тропические острова некоего, до сих пор нам не известного, чудища, где в результате погибло пару сотен человек?! Но примерно столько же ежедневно гибнет в автокатастрофах! Конечно, все это весьма прискорбно, но вряд ли дает нам основания возводить дорогостоящие баррикады в тысячах миль от места происшествия, причем за наш с вами счет, дорогие читатели. Это примерно то же, как если бы мы принялись строить сейсмостойкие здания только потому, что в Токио произошло землетрясение..»

И так далее и тому подобное. Они разгромили Бокера в пух и прах. Я решил не показывать статью доктору, но, к сожалению, взгляд «Бихолдэ» не уникален, и Бокер вскоре прочитал эту галиматью в другой газете.

Хорошо, что нам с Филлис удалось ускользнуть раньше, чем коллеги по перу, встречавшие нашу экспедицию, набросились на доктора.

Однако не видеть Бокера — не значит забыть о нем. Пресса, мгновенно разделившаяся на его противников и сторонников, создавала впечатление его постоянного присутствия.

Едва мы открыли дверь своей квартиры, на нас обрушились звонки представителей обеих сторон. Я дозвонился до И-Би-Си и заявил, что если они не подключатся к нашему телефону, я оборву провод; пусть записывают все звонки, иначе мне придется выполнить свою угрозу, что будет им явно не на руку.

Они согласились и наутро доставили длиннющий список желающих с нами поговорить. Среди них я обнаружил имя капитана Винтерса.

— Тут есть, на мой взгляд, один с явным преимуществом,— сказал я.— Не хочешь ли набрать его номер?

— О боже! Ничего я не хочу. Это ты хочешь, чтобы твоя жена стала инвалидом!...— ни с того ни с сего взорвалась Филлис, но все-таки взглянула на фамилию в списке.— А! Морской Флот — это другое дело!

Филлис взялась за телефон.

— Нас желает видеть один из досточтимых лордов Адмиралтейства,— сообщила она, повесив трубку — Винтерс будет нас сопровождать, а потом приглашает на обед.

— Прекрасно.

Священный трепет, который мы испытали, чуть замявшись у дверей, растаял, едва мы предстали перед адмиралом. Адмирал оказался на удивление не страшным и даже по-отечески сердобольным.

Заботливо поинтересовавшись, не беспокоят ли Филлис раны, он поздравил нас с благополучным возвращением и предложил сесть.

— Э-э...— протянул адмирал, кинув взгляд на папку, лежавшую на столе.— Мы, конечно, получили доклад доктора Бокера, но в нем есть несколько спорных моментов. Нам кажется, в нем.. э-э... как бы это сказать помягче.. некоторая вольность обобщений, не совсем позволительная для ученого. Мы подумали, что не помешает встретиться с очевидцами, чтобы прояснить кое-какие детали.

Мы уверили его, что все понимаем.

— Весь сегодняшний день,— сказал я,— шли жаркие дебаты между нашим спонсором, членом правительства, и администрацией И-Би-Си. Спорили о том, что можно позволить в эфире Бокеру, а чего нет. Не было только самого Бокера, а уж он будет биться до последнего против любых правок его выступления.

— Конечно, конечно.— Адмирал заглянул в папку.— Вот здесь он пишет про так называемые морские танки и какие-то странные тела, которые он почему-то нарек *псевдокишечнополостными*. Он говорит, что они неуязвимы для ружейных выстрелов, но взрываются от разрывных снарядов... Это так?

— Да, они лопаются, как электрические лампочки,— подтвердил я.— Все, что от них остается — куча металлических обломков.

— А слизь?

— Да, конечно. И слизь.

— На солнце она превратилась в лак,— добавила Филлис.

Адмирал кивнул.

— Теперь об этих *псевдокишечных*. Вот что он о них пишет. — Он зачитал нам бокеровское описание пузырей.— Вы можете что-нибудь добавить к этому?

— Да, вроде, все точно,— сказала Филлис.

— А как, на ваш взгляд, обе эти формы обладают... э-э... органами чувств?

— Трудно сказать, сэр. Да, они реагировали на некоторые раздражители... Но если вы имеете в виду степень их разумности, то в двух словах на это не ответишь. Могу сказать одно: направлял их некий Разум, мозг, если хотите. Ведь сделать механизмы с дистанционным управлением, по-моему, не так сложно.

— Видно, вы знакомы с теорией Бокера, он говорит примерно то же самое. А каково ваше мнение?

— Я затрудняюсь, сэр. В принципе, доктор Бокер вполне логичен. Моя жена выразилась по этому поводу довольно просто, она назвала это «ловлей креветок».

— То есть, что попадется — то попадется? Дело случая?

— Именно это и отличает живое от неживого...

— Хм... А как насчет способа передвижения танков, есть идеи?

Мы покачали головами. Адмирал перебирал страницы доклада.

— Сколько я его знаю, он очень редко чувствует себя неуверенным, особенно, что касается его специальности. Но в этот раз... А с этими *кишечнополостными*?! Если я правильно понял, они, по его мнению, не только не кишечнополостные, но и вообще не живые существа. Вот послушайте, что он пишет: «Допустимо, что органические ткани можно получить путем синтеза, как это делают наши химики, синтезируя пластик молекулярной структуры. Если этого добиться, то полученный артефакт (придай ему чувствительность к внешним раздражителям) будет вести себя, как живое существо. Неподготовленный человек не в состоянии заподозрить искусственный продукт.

Наблюдения только подтверждают правильность моей теории. Из многочисленных форм жизни неведомый Разум выбрал кишечнополостных в силу их простой организации. Возможно, что и *такие* — произведение такого же рода. Другими словами, мы подверглись нападению органических механизмов с дистанционным или программным управлением. Единственное, что отличает их, например, от наших торпед, управляемых на расстоянии, это то, что они органической природы. Я даже полагаю, что нам приходится решать более сложные задачи в управлении неорганическими машинами». Итак, мистер Ватсон, ваши впечатления?

— Я согласен с Бокером, сэр. А что с образцом?

— Вот копия экспертизы. Для меня это китайская грамота, но мои консультанты говорят, что от этого анализа мало проку. Все высказывания экспертов слишком осторожны, чтобы из них можно было что-нибудь почерпнуть. В общем, щупальце поставило ученых в затруднительное положение.

— Может быть, я что-то не понимаю,— вставила Филлис,— но разве это имеет большое значение? С практической точки зрения, я имею в виду. Живые они или псевдоживые, обращаться с ними, по-моему, надо одинаково.

— Это верно,— согласился адмирал,— но все равно, выводы, не подкрепленные доказательствами, бросают тень и на доклад, и на самого ученого.

— О-хо-хо,— с болью в голосе изрекла Филлис, как только за нами закрылась дверь.— Как бы я хотела сейчас тряхнуть этого Бокера. Ведь он же обещал мне, про «псевдо» — ни-ни. Самый настоящий enfant terrible*, а не ученый муж. Ну, попадись он мне!

— Да,— кивнул капитан Винтерс,— это только усугубляет его положение.

— И еще как! Пресса обязательно проболтается и будет вам еще один «бокеризм», уж помяните мое слово. Плохо дело, снова все забуксует, даже разумные люди отвернутся от Бокера. Да, надо ждать неприятностей. Ладно, пошли обедать, пока я окончательно не вышла из себя.

Следующая неделя выдалась скверной. Вслед за «Бихолдэ» газеты с ликованием набросились на *псевдокишечнополостных*: редакционные писаки окунули перья в сарказм и зубоскальство,

* Ужасный ребенок (*фр.*)

целые батальоны ученых, которые и раньше не оставляли в покое Бокера, бросились в новую атаку, готовые его растоптать, карикатуристы внезапно открыли, что их «любимые» политические деятели, оказывается, мало похожи на людей.

Вторая половина прессы, наоборот, рисовала кошмарные картины будущего и требовала защиты от *псевдожизни*.

Наш спонсор, опасаясь за свою репутацию, решил расторгнуть контракт с И-Би-Си. Дирекция рвала на себе волосы. Руководитель отдела продажи эфирного времени вспомнил старую поговорку, что любое паблисити — хорошее паблисити. Но спонсор утверждал, что покупательский бум не что иное, как подтверждение теории Бокера, и влечет за собой продолжение роста цен. И-Би-Си парировала, что созданное паблисити уже накрепко связало его продукцию с именем Бокера, и бессмысленно не постараться заработать на этом сколько возможно.

— Моя фирма собиралась внести свой вклад в развитие науки и общественной безопасности, а не совершать вульгарный рекламный трюк,— сказал спонсор.— Тут накануне ваш комик высказался, что, дескать, только *псевдожизнь* открыла ему глаза на собственную тещу. Если это позволяет себе И-Би-Си, то что говорить о других?!

И-Би-Си заверила, что подобное не повторится, но заметила, что после отказа от стольких обещаний, данных спонсором редакции, вряд ли его фирме удастся сохранить авторитет.

В то же время коллеги с Би-Би-Си вдруг обнаружили неслыханную симпатию к нашей компании. Казалось, конкуренты что-то замышляют — больно подозрительной была их вызывающая вежливость.

Я пытался работать в редакции. Но все, кому не лень, заглядывали в дверь, сообщали о событиях на фронте, советовали вставить или опустить ту или иную подробность, в зависимости от состояния дел. И через пару дней, не выдержав, я перебрался домой. Однако и здесь меня не оставили в покое. Телефон не умолкал: рекомендации, всяческие предложения, сообщения о смене конъюнктуры сыпались как из рога изобилия. Я старался вовсю: писал, переписывал, пытаясь угодить всем беспокойным.

А И-Би-Си уже воевала с Бокером. Он кричал, угрожал, обещал все бросить, если его не пустят в прямой эфир.

Закончив сценарии, мы так устали, что не было сил вникать во все эти споры и распри. А когда вышла первая передача, мы решили, что на радиостанции ее перепутали с «Полчаса Маменькиного Ангелочка».

Собрав манатки, мы махнули за покоем в Корнуэлл.

— Боже мой!— воскликнул я, увидев нововведение.— Неужели не хватает веранды? Если ты думаешь, что в жару я буду сидеть там только потому, что...

— Это,— холодно перебила меня Филлис,— беседка.

— Неужели?— изумился я, разглядывая необычное сооружение со скособоченной стеной.— Ну и к чему нам беседка?

— А вдруг кому-нибудь летним днем захочется в ней поработать. Она прекрасно защитит от ветра и не даст разлететься бумагам.

— Да-а?..

— В конце концов,— оправдываясь, добавила Филлис,— если кто-то кладет кирпичи, значит он что-то строит.

«Логично, но подозрительно»,— подумал я и уверил Филлис, что если это беседка, то очень премиленькая, просто для меня это было явной неожиданностью.

— Чтобы прийти к подобному выводу,— ехидно заметила Филлис,— не нужно так долго думать.

Меня так и подмывало что-нибудь ответить Филлис, но я все же попридержал язык и сказал, что, на мой взгляд, все сработано чудесно, тем более что сам я вообще не способен положить один кирпич на другой.

Как иногда необходима смена обстановки! Эскондида, *танки*, пузыри со своими щупальцами... трудно было поверить в их существование. И все-таки мне не удалось расслабиться, как я надеялся.

В первое же утро Филлис взяла черновики своего романа и отправилась в беседку. Я слонялся вокруг в ожидании долгожданного успокоения, но оно так и не снизошло на меня.

Все так же по лицу хлестал ветер, все так же волны бились о скалы. Море могло рокотать, штормить, топить корабли, но так было всегда, все это старые штучки. Я смотрел на пенный прибой и понимал всю нереальность Эскондиды. Эскондида принадлежала другому миру, миру, где никто не удивляется ни *танкам*, ни *кишечнополостным*. Здесь все было не так, Корнуэлл был реален и солиден. Над ним проходили века, его берега омывали волны, и если море забирало людей, то не потому, что бросало им вызов, а потому, что люди бросали вызов ему. Море казалось настолько мирным и домашним, что невозможно было вообразить его извергающим исчадия ада, наподобие тех, что выползли на пляж Эскондиды. Отсюда и Бокер представлялся мне уже злым духом, вызывающим сатанинские галлюцинации. Здесь без него жизнь текла размеренно и спокойно, по крайней мере, так представлялось сначала. Но стоило мне спустя несколько дней вынырнуть из текучки наших будничных дел, я понял, до чего расшатан мир.

Воздушный флот работал строго по предписанию: перевозить грузы только первейшей необходимости. Жизнь вздорожала почти на двести процентов. Самолетостроение крутилось на поляную катушку, пытаясь снизить стоимость перевозок, потребность в которых была столь велика, что даже первоочередники могли просидеть на аэровокзалах добрых пару лет. Все гавани были забиты до отказа брошенными судами. Докеры, потеряв работу, собирались на митинги, выходили на демонстрации, словом, всеми силами боролись за гарантированный заработок, в то время как их профсоюз колебался и выжидал. Выброшенные на улицу моряки присоединялись к докерам, требуя защиты своих прав. Труженики авиалиний грозили поддержать бастующих, если им не повысят зарплату. Упал спрос на сталь, на уголь, и когда было предложено закрыть несколько обанкротившихся предприятий, вся отрасль забастовала в знак протеста.

Буревестники из Москвы, ощутив, как меняется политический и экономический климат, провозгласили, что судоходный кризис — это, большей частью, происки реакции. Запад, говорили они, уцепился за несколько несчастных случаев, чтобы оправдать расширение военно-воздушных программ.

Промышленность работала только на самое необходимое. То и дело созывались конференции финансистов. Пронесся слух, что продукты будут распространять пропорционально доходам, вспыхнули мятежи. Торговля бурлила.

Однако все еще находились смельчаки, за немалую плату готовые выйти в открытое море. Но это было не более чем бравада — никакие сверхценные грузы не могли оправдать ни риска, ни баснословной цены таких круизов.

Вдруг кто-то спохватился, что все погибшие суда работали от силовых установок, и сразу моря запестрели парусниками. Возникла идея наладить их массовое производство, от которой быстро отказались, сочтя, что не сегодня-завтра с напастью будет покончено и нет надобности в инвестициях.

Ученые всего мира продолжали упорно трудиться. Каждую неделю испытывалось новое оружие, кое-что даже запускали в производство и тут же снимали по причине многочисленных изъянов. Оправдывая свои промахи, ученые в век научно-технического прогресса вспоминали, что и у магов и чародеев случались неудачи. Но в том, что со дня на день средство будет найдено, не сомневался никто.

Я так понимаю, люди верили в науку больше, чем наука сама в себя. Как ни хотели ученые мужи предстать освободителями человечества, у них ничего не выходило. И все же главная трудность состояла не в немощи инженерной мысли, а в недостатке информации. «Ну как, как подступиться,— жаловался мне один ученый,— если тебе нужно сделать ловушку для привидения, для духа. Ну хоть бы что-нибудь, хоть запах...» Ученые с радостью ухватились бы за любую соломинку, но, кроме теории Бокера, не было ничего.

Может, именно поэтому в ученой среде к ней отнеслись довольно серьезно.

Что касается *морских танков*, то они не сходили со страниц газет и с экранов телевизоров. И-Би-Си то и дело прокручивала нашу запись с Эскондиды и даже любезно предоставила небольшой фрагментик Би-Би-Си. Видя, какую тревогу вызывают эти передачи, я недоумевал, но потом понял, что кому-то наверху выгодно отвлечь внимание народа от состояния внутренних дел. Что-что, а уж *морские танки* как нельзя лучше подходили для этой цели.

С тех пор как мы покинули Смиттаун, прошло не так много времени, а, по сообщениям прессы, в области Карибского бассейна пришельцы из *Глубин* совершили уже одиннадцать набегов, двенадцатый был отбит благодаря оперативным действиям американских ВВС.

Но все это, однако, мелочи по сравнению с тем, что творилось в другом полушарии. С дюжину *танков* выползло на Хоккайдо и Хонсю, четыре города на Минданао одновременно атаковали около шестидесяти танков и так далее и так далее. Да, британцам жилось гораздо спокойнее на высоком континентальном шельфе, нежели обитателям Филиппин и Индонезии, где тысячи людей в панике покидали побережье, бросали дома, срываясь с оседлых мест, и бежали вглубь островов. То же самое происходило и в Вест-Индии.

Мороз продирал по коже, когда я получал подобные вести. Совершенно отчетливо я осознал наконец весь ужас происходящего, насколько же все было серьезнее, чем представлялось. Сотни, тысячи танков свидетельствовали не об отдельных, случайных рейдах, а о широкой, развернутой кампании.

— Власти обязаны защитить людей,— не выдержав, возмутился я,— хотя бы раздать оружие. Какая к черту экономика, ког-

да невозможно подойти к морю. Они должны сделать, чтобы люди могли нормально жить и работать.

— Кто знает, где *танки* вынырнут в следующий раз,— откликнулась Филлис,— нужны молниеносные действия, а это значит, что каждый должен иметь при себе оружие днем и ночью.

— Вот именно. Так что правительство никуда не денется и раздаст его.

— В самом деле?

— Что ты хочешь сказать?

— Тебе не кажется странным: власть, якобы правящая по воле народа, готова пойти на все, лишь бы не давать этому народу в руки оружие? Народ защищает не самого себя, а правительство. Разве не так? Исключение разве что швейцарцы: они доверяют своему правительству, но у них нет выхода к морю и, следовательно, нет наших забот.

Филлис меня озадачила. Сегодня она выглядела особенно усталой и была совсем не похожа на себя.

— Что случилось, Фил?

— Ничего,— Филлис вздрогнула,— просто у меня сдают нервы при виде всей этой лжи и грязи. Майк, тебе никогда не хотелось родиться в век Истинного, а не Мнимого разума? Мне кажется, они скорее отдадут этим монстрам тысячи жизней, нежели рискнут раздать людям оружие, и найдут для оправдания своего решения массу доводов. Какое им дело до нескольких тысяч или миллионов людей?! Женщины всегда восполнят потери. А вот ценным правительством рисковать нельзя.

— Дорогая...

— Нет, конечно, что-то они сделают. Например, поставят парочку гарнизонов в особо опасных местах. Но все равно всегда и везде они будут опаздывать. Плотно набитые человеческим мясом шары будут катиться к морю, несчастных девушек, как Мюриэл, будут тянуть за волосы по асфальту, людей будут разрывать на куски, как того парня, которого ухватили сразу две медузы... вот тогда прилетят самолеты, и адмиралы скажут: «Нам, ах, как жаль, мы немножко опоздали, но вы сами понимаете, что существуют определенные трудности, сборы, приготовления». Или я не права?

— Но, Фил, дорогая...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Майк. Я действительно разволновалась. Никто, никто ничего не делает! Никаких попыток что-нибудь изменить! Все говорят: «Боже, боже, какой упадок». Одни слова, слова, слова... будто словом можно остановить катастрофу. Зато стоит появиться Бокеру, как тут же его объявляют паникером. Так сколько, Майк, сколько по их мнению, должно погибнуть людей, чтобы они сочли нужным что-либо сделать?

— Но, Фил, они же пытаются...

— Да? Майк, они же просто балансируют! Какова минимальная плата за сохранение политического господства? Сколько людей должно погибнуть до возникновения опасности? Разумно ли на данном этапе объявлять чрезвычайное положение? Сплошная болтовня и нежелание ударить палец о палец. О, я бы!..— Она неожиданно умолкла.— Прости, Майк, что-то я совсем расклеилась. Наверное, просто устала.

Филлис вышла. Этот ее взрыв очень меня обеспокоил. С тех пор как умер наш ребенок, я не видел ее в таком состоянии.

Следующее утро ничего не изменило. Я нашел Филлис сидящей в беседке. Уронив голову на руки, она плакала.

— Дорогая, любимая моя, что случилось? — Я нежно поцеловал ее.

Филлис посмотрела на меня.

— Я больше так не могу,— сказала она, слезы текли по ее щекам.

Я сел рядом и обнял ее за плечи.

— Все пройдет моя хорошая. не расстраивайся.

— Нет не пройдет Майк. Мне страшно.— Она посмотрела на меня каким то странным испытующим взглядом.

— Тебе нечего бояться Фил.

— А ты, ты не боишься?

— Мы просто засиделись, Фил. Скисли. размякли над своими сценариями Давай прогуляемся. По-моему, неплохо бы прокатиться на серфинге.

Филлис утерла рукой слезы.

— Хорошо, пойдем.

Был чудесный день. Ветер, море, серфинг вернули Филлис к жизни Она почувствовала себя намного лучше.

— День-два,— сказала она,— и все заживет без следа.

Довольные, мы вернулись в коттедж в половине десятого вечера. Филлис пошла варить кофе а я включил радио. Поймав Би-Би-Си, где шла пьеса, в которой Глэдис Янг собиралась стать заботливой матерью я тут же переключил приемник на родную И Би-Си. Там передавали какую-то нудятину, но я оставил ее — пусть говорят.

Вскоре передача кончилась и некто, кого я никогда прежде не слышал, представил своего закадычного друга — из динамика грянула песня:

Я сижу в лаборатории,
Раскалился добела

Понадобилось время. чтобы до меня дошло, что происходит. Я уставился на приемник.

Ох вы, атомы ядреные,
Термоядерный утиль!

За спиной раздался грохот Я обернулся и увидел Филлис. у ее ног валялся поднос с разбитыми чашками. Колени Филлис подкосились, я едва успел подхватить ее и усадить в кресло.

Я бы выждал до утра
Взмыл бы в небо авиатором..

Я выключил радио Каким-то образом И-Би-Си удалось раздобыть песенку Лесли наверное. Тед успел ее записать...

Филлис не плакала. Она сидела в кресле и раскачивалась из стороны в сторону.

— Я дал ей успокоительного и она уснула,— сказал доктор.— Вашей жене нужен отдых и перемена обстановки.

— Как раз за этим мы и приехали,— заметил я.

— Вам, кстати, тоже,— задумчиво произнес он, оглядывая меня.

— Со мной полный порядок. Я одного не понимаю. доктор в сущности она знает не больше других, все видели пленки. Правда, мы сами были участниками...

— Вам это часто приходит во сне, не так ли?— спросил он, внимательно глядя мне в глаза.

— Да, парочка кошмаров...

Доктор кивнул.

— И раз за разом все прокручивается, как наяву? Особенно то, что связано с женщиной по имени Мюриэл и мужчиной, которого разорвало надвое?

— Да,— опешил я.— Откуда вы знаете?— Тут меня осенило.— Но я обмолвился об этом раз или два, не больше! Я сам почти уже забыл...

— Такое вряд ли скоро забудешь.

— Вы хотите сказать, что я разговариваю во сне?

— И, по-видимому, часто.

— Понятно, поэтому Филлис...

— Да. Я дам вам адрес моего друга с Харли-стрит, обязательно завтра же загляните к нему.

— Хорошо, доктор. Знаете, это все работа: каждый день я занимался тем, что описывал весь этот ужас. Теперь я могу расслабиться.

— Возможно. Но все равно зайдите на Харли-стрит.

Врачу с Харли-стрит я признался, что в своих сновидениях не Мюриэл, а Филлис видел влекомой за волосы по асфальту, и не парня разрывали на части, а именно ее — Филлис. Видно, она провела немало бессонных ночей, не давая мне в бреду кинуться в окно.

— Quid pro quo*,— сказал на это врач.

Нирвана — для избранных. И тем не менее я тоже на какое-то время окунулся в блаженство в старинном замке графства Йоркшир, куда мне посоветовали отправиться отдохнуть.

Первые дни при полном отсутствии газет, радио, телевидения не вызвали ничего, кроме раздражения, но затем я прямо физически ощутил, как ослабляются струны перенапряженных нервов. Казалось, произошла смена скоростей: непрерывная гонка уступила место стабильной размеренности, мотор заработал нормально. Пришло внутреннее упрощение, появились постоянные привычки. В общем, я стал другим человеком и за полтора месяца так втянулся в дурман ничегонеделания, что запросто застрял бы в Йоркшире еще бог весть насколько, если бы в один прекрасный день жажда не привела меня в маленький пивной ресторанчик.

Я стоял за стойкой, потягивая пиво. Хозяин включил радио. Наш архиконкурент передавал вечерние новости, и первое же известие пробило брешь в моей, с таким трудом воздвигнутой, китайской стене.

«Число жертв в Овьедо-Сантандер,— сообщал диктор,— до сих пор не установлено. На сегодняшний день зарегистрировано три тысячи двести пропавших без вести, однако испанские власти полагают, что цифра занижена на пятнадцать-двадцать процентов.

Со всей части света в Мадрид продолжают поступать соболезнования; среди них из Сан-Хосе, Гватемалы, Сальвадора, Ла Серены, Чили, Банбери, Западной Австралии, а также с многочисленных островов Вест-Индии, которые сами пережили страх

* Одно за другое (*лат.*)

варварских нападений. Однако кошмар, доставшийся на долю жителей северного побережья Испании, ни с чем не сравним.

Сегодня в парламенте лидер оппозиции, присоединившись к премьер- министру, выразил глубокие соболезнования по поводу несчастья, постигшего испанский народ. Он отметил, что последствия нападений в Хихоне могли бы быть намного печальнее, если бы люди не взяли защиту в свои руки. Задача нашего правительства, подчеркнул он, обеспечить население всеми средствами обороны. А если власти уклоняются от своего долга, то пусть потом не осуждают народ за вынужденную самозащиту.

С незапамятных времен, напомнил он, у нас существует армия для обеспечения внешней безопасности; в 1929 году мы образовали полицию, дабы обезопасить себя от внутренних врагов, как бы теперь не оказалось, что правительство не способно оградить от страшного бедствия жителей побережья, которые имеют на это полное право, принадлежа к великой нации.

Члены оппозиции считают, что правительство, не выполнив предвыборные обязательства, порочит название своей партии, что политика сбережения ничем не отличается от скаредности. Самое время, говорит оппозиция, принять меры для безопасности, чтобы жителей наших островов не постигла судьба испанцев.

Премьер-министр уверил оппозицию, что правительство внимательно следит за ходом дела,и конкретные шаги, если это понадобится, будут предприняты незамедлительно. Однако, заметил он, Британские острова расположены вдали от *Глубин*, в которых сосредоточена главная угроза.

Имя Ее Величества возглавляет список фонда, открытого лорд-мэром Лондона для...»

На этом месте хозяин выключил радиоприемник.

— Эх!— возмутился он.— Из себя выводит. Одно и то же, одно и то же. Сколько можно? Что мы, шпингалеты неразумные?! Как во время войны, ей богу! Дерьмовая охрана по всему городу, ожидающая дерьмовых десантников, дерьмовое вооружение, дерьмовое затемнение, тьфу! Как сказал один старик: «За кого они нас принимают?!»

Я предложил ему выпить и, объяснив, что оказался без новостей, спросил о том, что происходит в мире.

Если отбросить его однообразное прилагательное и добавить то, что мне удалось выяснить несколько позже, события разворачивались примерно так: последние недели область набегов вылилась за пределы тропиков. Банбери, а также Западную Австралию атаковало более пятидесяти *танков*. Спустя несколько дней врасплох была захвачена Ла Серена. В это же время в Центральной Америке на Тихоокеанское и Атлантическое побережье обрушилась целая серия вторжений. Неоднократно подвергались нападениям Острова Зеленого Мыса; опасная зона распространилась вплоть до Канарских островов и Мадейры. Незначительные вылазки зарегистрированы в районе Африканского Рога.

Выражение «Ex Africa semper oliquid novi» можно несколько вольно перевести как: «Все любопытное случается там, где нас нет», то есть Европа, по мнению европейцев, была есть и будет стабильна. Ураганы, землетрясения, цунами — все это слишком экстравагантно для Европы и божественным провидением направлено в более экзотические и менее здравомыслящие части света. Европеец сам в периоды своих буйных помешательств на-

носил Европе куда больший ущерб. Так что никто всерьез не думал, что беда может грянуть ближе, чем где-нибудь на Мадейре или Касабланке. Поэтому, когда пять дней назад *танки* выползли на скользкую дорогу к Сантандеру, для жителей это было как снег на голову.

Едва они появились на улицах города, местный гарнизон был поднят на ноги тревожными телефонными звонками. Кто-то бешено орал в трубку, что вражеские подводные лодки вторглись в порт, кто-то утверждал, что субмарины высаживают танковый десант, кто-то называл субмарины «амфибиями», короче, никто в гарнизоне ничего не понял, и на место происшествия выслали разведотряд.

А тем временем *танки* занимали позицию. Верующие, уверенные в дьявольском происхождении «амфибий», на латыни призывали непрошеных гостей вернуться, откуда явились — к своему Господу-Люциферу. Но «амфибии», невзирая на заклинания, медленно выходили на позицию, гоня перед собой несчастных служителей культа.

Подоспевший разведотряд с трудом пробивал себе дорогу в толпе молящихся горожан.

«Будь то иностранное вторжение или сам Дьявол во плоти, правда за нами»,— решил командир отряда и приказал открыть огонь.

Комиссариат, приняв пальбу на улице за восстание военных, бросил полицию на подавление мятежа.

Началась какая-то партизанщина. Грохот выстрелов, причитания молящихся, стоны раненых, исступленные крики попавших в сети *кишечнополостных* — все слилось в единую апокалипсическую симфонию.

Только наутро, когда пришельцы убрались восвояси, выяснилось, что бесследно исчезло более двух тысяч человек.

— Но почему так много?— не удержался я.— Они что, так и молились прямо на улице?

Но, как понял из газет хозяин паба, люди просто не могли взять в толк, что творится.

— Они там не шибко грамотные,— пояснил он,— прессы не читают и что в мире дерьмо такое, понятия не имеют. А потом началась дерьмовая паника: счастливцам удалось бежать, но, в основном, все пытались забраться под крыши.

— Но там же им ничего не угрожало?— изумился я.

Оказывается, мои сведения устарели. Со времен Эскондиды твари кое-чему научились, в частности, они усвоили, что, если разрушить первый этаж, здание разваливается само собой и остается только подбирать людей на развалинах. Таким образом, выбора не было: либо погибнуть под обломками, либо — на свежем воздухе.

На следующую ночь, близ Сантандера, дозорные заметили огромные полуовальные тени, выползающие на берег во время прилива. Жителей, слава богу, успели эвакуировать, а испанская авиация остановила *танки* пулеметным огнем и бомбами.

В Сан-Висенте ВВС уничтожили целую дюжину, а остальных заставили повернуть назад.

Еще в четырех прибрежных городах войска потрудились на славу: из пятидесяти *танков* в *Глубины* возвратилось лишь пять.

Это была крупная победа, и немало тостов было поднято в честь доблестной армии.

На другую ночь ничего не произошло, хотя нападения ждали и расставили дозорных вдоль всего побережья. Вероятно, *танки* или те, кто их посылал, получили болезненный урок.

Утром поднялся ветер, а к вечеру над морем расстелился такой густой туман, что было видно не дальше, чем на несколько ярдов. Около одиннадцати без единого звука в Хихоне показались *танки*. И только треск ломающихся шаланд на их пути разбудил рыбаков.

Прежде чем все поняли, что случилось, первый уже успел выпустить пузырь. Раздались крики, началась суматоха.

Медленно и неуклюже продвигались адские машины по узким улочкам города, за ними из воды появлялись все новые и новые. Люди не знали, куда деваться: убегая от одного *танка*, они наталкивались на другой и так без конца; из тумана выбрасывалась призрачная нить, находила свою жертву и ускользала обратно в туман. Плотно набитые шары один за другим с плеском исчезали в море.

— Высадились,— угрюмо сказал дежурный по комиссариату и медленно опустил трубку телефона.— Мобилизовать всех боеспособных и раздать автоматы!— приказал он и добавил — Вряд ли они помогут, но чем черт не шутит Цельтесь хорошенько, и если обнаружите уязвимое место, тут же доложите.

Внезапно раздался взрыв, задрожали стекла, следом еще один Зазвонил телефон. Взволнованный голос сообщил, что это доке ры бросают под *танки* динамитные шашки. И снова взрыв.

— Отлично!— Дежурный тут же принял решение.— Найди те их главного и от моего имени назначьте командиром.

Но не так-то просто было заставить неприятеля отступить. Бойня продолжалась почти до самого рассвета. Кто говорил, что было всего пятьдесят *танков*, кто утверждал, что — сто пятьдесят. Одни уверяли, что уничтожили семьдесят ползучих гадов, другие — тридцать.

Когда занялась заря и рассеялся туман, город представлял собой сплошные развалины, покрытые толстым слоем вонючей слизи. Но люди чувствовали, что заслужили лавры победителей.

— Около сотни этого дерьма,— заключил владелец паба,— уничтожили за две ночи. А сколько их еще ползает по дерьмовому дну?! Пора их уже с дерьмом смешать, дерьмо такое! Но нет! «Причин для беспокойства нет»,— говорит наше дерьмовое правительство. Ха! Слышали, знаем. Причины дерьмовой нет, видите ли, для дерьмового беспокойства! Вот так и будет, пока ты щу-другую бедолаг не схрумают летучие медузы! Тогда и посыплются дерьмовые приказы, вот увидишь.

— Бискайский залив,— заметил я,— самое глубокое место в нашем регионе.

— Ну и что?— по делу спросил он.

Вот именно — ну и что. Давно прошли те времена, когда нападения совершались исключительно вблизи *Глубин*. Даже если взглянуть на это с точки зрения механики: медленный покатый подъем куда удобнее кручи. Но с другой стороны, чем выше давление извне, тем меньше им надо тратить внутренней энергии Господи, как мало мы о них знаем!

Мы выпили за то, чтобы его слова не сбылись, и я побрел назад в замок.

Колдовские чары распались, я уложил вещи и сообщил всем что утром уезжаю в Лондон.

Чтобы не скучать в дороге, а заодно войти в курс событий, я накупил кипу газет.

«Защита побережья...», «Защита побережья...»— мелькало на каждой странице. Левые ратовали за немедленное вооружение, правые называли опасность химерой и всячески отвергали. В принципе, ничего не изменилось. Ученые еще не создали панацею, хотя что-то, как обычно, испытывалось. Порты были забиты судами, авиационные заводы работали в три смены, рабочие угрожали забастовкой, а коммунистическая партия вещала, что каждый самолет — это еще один голос, отданный за войну.

«Никого не обманет,— утверждали товарищи из Кремля,— что форсирование воздушных программ не что иное, как часть буржуазно-фашистских замыслов по развязыванию войны.

Негодование русского народа, который сопротивляется одной лишь мысли о возможной войне, так велико, что в целях защиты мира правительство СССР приняло решение утроить производство самолетов. Войны можно избежать!»

Длинный анализ этого утверждения нашими советологами не оставлял сомнений, что Дельфийский оракул перенесен из Дельф в Москву, а незабвенная Пифия из храма Аполлона — прямо в Кремль.

Первое, что я увидел, открыв дверь,— куча конвертов на полу. Квартира была явно брошена. В спальне — следы поспешных сборов, в кухне — немытая посуда.

Я взглянул на настольный календарь, на нем неделю назад рукой Филлис было нацарапано лаконичное — *«баранья отбивная»*.

Рядом лежала ее записная книжка. Обычно я никогда не заглядываю в нее, придавая ей статус личных писем, но сегодня — исключительный случай — нужно было найти хоть намек, где искать Филлис. Я открыл блокнот, однако последняя запись не внесла никакой ясности.

Неугомонный мистер Нэш*, ученая душа,
Открыл словарь и все слова смеясь перемешал.
И «да» — не «да», и «нет»— не «нет»!
О, мистер Бард! О, мистер Бред!

И пусть мне жить еще и жить, и снова, и опять,
Но, все равно, мне рифмы той вовек не отыскать —
Той рифмы, что прекрасней грез,
Что Огден Нэш с собой унес.

— Здесь меньше грез, а больше слез,— вырвалось у меня,— совсем никаких объяснений. Определенно никаких,— пробурчал я и взялся за телефон.

Приятно было услышать, как обрадовался мне Фредди Виттиер.

— Ну-ну,— прервал я поток приветствий и поздравлений с возвращением,— я так долго никого не видел и ни с кем incomunicado**, что, кажется, потерял жену. Ты не просветишь меня?

---

* Огден Нэш — американский поэт (1902—1971).

** Не общался (*исп.*).

— Потерял, прости, что?

— Жену, Фил-лис!— почти прокричал я.

— Фу-у-у!— облегченно вздохнул на другом конце провода Фредди.— Мне послышалось «жизнь». Филлис в порядке, не волнуйся. Она уехала с Бокером.

— Тебе не кажется, Фредди, что это не лучший способ сообщать новости? Что ты хочешь сказать этим своим «уехала с Бокером»?

— В Испанию,— лаконично пояснил Фредди, но тут же добавил:— Они там ставят какие-то ловушки на *такси*. В ближайшее время надо ждать от нее известий.

— Значит, она прикарманила мою работу?

— Наоборот, сохранила для тебя. Это другие пытались, а она не дала. Хорошо, что ты вернулся, Майк. Филлис продержалась на курорте куда меньше, через неделю она уже объявилась в Лондоне.

Пустая квартира вселяла в меня уныние, и я допоздна проторчал в клубе.

Меня разбудил затрезвонивший прямо над ухом телефон. Включив свет, я обнаружил, что всего пять часов утра.

— Алло?

Это был Фредди. Мое сердце тревожно забилось — с чего бы ему будить меня в такую рань.

— Майк? Одевай шляпу, бери магнитофон, за тобой уже послана машина.

— Машина?— туго соображая, переспросил я.— Что-нибудь с Филлис?

— Филлис? О боже, нет, конечно! Она звонила вечером, я передал ей от тебя поцелуй. А теперь пошевеливайся, старик. Машина будет с минуты на минуту.

— Погоди, у меня нет магнитофона. Он, наверное, у Фил.

— Дьявол! Постараюсь раздобыть к самолету.

— К самолету?— Я совсем растерялся, но в трубке уже раздавались телефонные гудки.

Нехотя я выскользнул из-под одеяла и принялся одеваться. В дверь позвонили.

— Что все это значит?— спросил я нашего постоянного шофера.

Но он знал только, что меня надо доставить к самолету, улетающему спецрейсом в Нортольт. Я захватил паспорт и мы вышли.

— А вот и еще один «Говорящий Голос»! Да это же наш Ватсон!— окликнули меня в зале ожидания.

Я оглянулся и присоединился к небольшой заспанной группе с Флит-стрит, попивающей горячий кофе.

— Что все это значит?— поинтересовался я.— Какого черта меня вытащили из теплой, хотя и одинокой, постели, потащили ночью... О, спасибо. Да, это немного оживит.

Самаритянин, протягивающий кофе, уставился на меня.

— Ты что, ничего не слышал?

— О чем?

— Как? О подводных тварях. Ирландия, Банкрана, Донегол — город гномов и волшебных духов. Как раз место для этих гадов. Не сомневаюсь, аборигены наверняка скажут, что их снова дискриминировали, что первый город на Британских островах, который посетили *такси*, не случайно оказался ирландским. Помяни мое слово, обязательно скажут.

Паспорт мне не пригодился.

Странно было почувствовать знакомый запах гнилой слизи в маленьком ирландском поселке. Эскондида, Смиттаун — тропическая экзотика, но здесь, среди мягкой зелени и туманной синевы, *морские танки и медузы* со своими отвратительными щупальцами казались совершенной нелепицей.

И тем не менее следы нашествия были повсюду. Борозды на пляже, вдавленный в землю булыжник, покореженные дома, женщины с красными от слез глазами, видевшие, как их мужья скрылись за полупрозрачными стенками пузырей, и все та же мерзкая слизь и жуткий запах.

Донегол посетило шесть *танков*. Три из них удалось подорвать подоспевшим военным, остальные добрались до воды целыми и невредимыми. Больше половины населения, скатанное в тугие коконы, бесследно исчезло в море. Следующей ночью набег повторился, но несколько южнее — в заливе Голуэй.

Когда я вернулся в Лондон, кампания уже шла полным ходом. Здесь не место в деталях ее описывать — копии официальных сообщений сохранились до сих пор, и они гораздо точнее, нежели мои путаные воспоминания.

Вернулась и Филлис. Мы сразу кинулись в работу, работу для нас новую и необычную. Мы поддерживали связь с Адмиралтейством, а также с Бокером и сообщали нашим слушателям, что предпринимается властями против *танков*.

А предпринималось действительно немало. Ирландская Республика оставила прошлые обиды, рассчитывая получить от Соединенного Королевства побольше мин, базук, минометов, и даже согласилась расквартировать воинские подразделения. По всему западному и южному побережью заложили минные поля, в приморских городах расставили патрули, наготове стояли броневики и самолеты.

Но ничто не останавливало подводных дьяволов. Ирландия, Британия, Бискайский залив, Португалия... ночь за ночью подвергались разрушительным набегам. И все-таки главное оружие противника — внезапность — было утрачено: первый же подрывавшийся на мине *танк* поднимал по тревоге армию, людей спешно эвакуировали, и хотя разрушений было много, *медузы*, как правило, оставались без добычи. А то и вовсе ни одна тварь не возвращалась в море.

Много хлопот *танки* доставили по другую сторону Атлантики — в районе Мексиканского залива. Здорово досталось и Филиппинам, Японии, островам Индийского океана, но и там, в итоге, на них нашли управу.

Бокер, сломя голову, носился по всему миру, убеждая власти разных стран поставить хоть парочку капканов, но безуспешно. Все соглашались с ним, что было бы полезно узнать о враге побольше, но ссылаясь на практические трудности, отказывали. «Вряд ли,— говорили ему,— люди пойдут на то, чтобы у них под боком отвратительный монстр безнаказанно продуцировал ненасытных медуз». И все же несколько ловушек типа ловчей ямы Бокер вырыл, однако никто в них не попался. Тогда он, приложив всю мощь своего красноречия, убедил каких-то защитников не взрывать *танки*, а набрасывать на них стальную сеть. Сеть набросили, но что делать дальше, никто не знал. При всякой попытке вскрыть *танк* в воздух выбрасывался целый гейзер вонючей слизи, а частенько они просто взрывались сами по себе. По мне-

нию Бокера, это вызывалось прямыми солнечными лучами, хотя были на этот счет и другие мнения. Короче говоря, изучение природы подводных существ не продвинулось ни на шаг после ночи на Эскондиде.

Из всех стран Северной Европы больше всего атак пришлось на Ирландию, как полагал Бокер, откуда-то из *Глубин* южнее Рокалля. Надо отдать должное ирландцам — они быстро научились расправляться с нечистью и считали позором, если хоть один *танк* ускользал из их рук. В Шотландии обошлось почти без жертв, а что касается Англии, то на ее долю выпало несколько мелких инцидентов в Корнуэлле, ну, разве что, еще вторжение в Фалмутский порт: там двум *танкам* удалось достигнуть линии прилива, где их и уничтожили, остальные не доползли даже до берега.

Затем набеги прекратились. Прекратились неожиданно, и на материках — полностью.

По прошествии недели уже никто не сомневался, что некто, прозванный «Полководцем Глубин», дал отбой. Континенты оказались ему не по зубам, попытка захвата материков с треском провалилась, и *танки* отступили к островным районам. Но и там ситуация давно изменилась: неприятель нес крупные потери.

Еще через неделю отменили чрезвычайное положение.

День или два спустя Бокер дал в эфире свои комментарии.

«Некоторые из нас,— начал он,— не самые разумные, уже отпраздновали победу. Им я могу сказать, что если вода в котле не закипела только потому, что у каннибала кончились дрова, жертве в котле рано радоваться. И если эта жертва не хочет быть съеденной, ей надо поспешить что-нибудь предпринять, пока людоед не вернулся с охапкой хороших сухих дров.

Давайте внимательно посмотрим на так называемую «победу». Мы, морская нация, в расцвете своего могущества, боимся выйти в открытое море! Нас вытеснили из среды, которую мы испокон веков считали своей. Мы еще отваживаемся выйти в мелкие прибрежные воды, но как долго это продлится? Где гарантия, что нас не погонят и оттуда? Мы — в блокаде, в блокаде более серьезной, чем когда бы то ни было. Наш хлеб насущный зависит от авиации. Даже ученые, пытающиеся изучить причину наших несчастий, и те отправляются в путь исключительно на парусниках! И это вы называете победой?!

Никто, никто еще не может сказать, где корень зла. Возможно, те, кто высказался о «ловле креветок», недалеки от истины, возможно. Но лично я уверен, что все не так просто. А может быть, им нужна суша? Что ж, надо признаться, их попытки захватить сушу гораздо успешнее, чем наши — достичь *Глубин*. Следовательно, они лучше осведомлены о нас, чем мы о них, и потому опасны. Вряд ли эти существа пойдут старым путем, я думаю, они обязательно применят новое оружие. Но что будем делать мы? Сумеем ли противопоставить свое? Полагаю — нет. А вы?

На сегодняшний день потребность в оружии для нас не уменьшилась, а напротив — возросла многократно.

Кто-то может упрекнуть меня в том, что еще вчера я призывал к дружбе с ними, а сегодня — развернулся на сто восемьдесят градусов. Все правильно, но ведь никто даже не попытался достигнуть взаимопонимания. Вероятно, ничего бы не вышло, теперь я в этом убежден, но, без сомнения, то, что я когда-то пытался предотвратить, настало и требует немедленного разрешения. Два Разума ненавидят друг друга. Жизнь во всех ее формах —

борьба, и Разум — самое мощное оружие в этой борьбе. Разум — абсолют, а двух абсолютов быть не может.

Ход событий показал, что моя прежняя точка зрения оказалась печально антропоморфична. И я заявляю: как только мы отыщем контроружие, мы должны, обязаны напасть и стереть их с лица Земли. Сейчас нам дарована Провидением небольшая передышка, но они вернутся, ими движет то, что движет и нами: убить или умереть. И когда они вернутся, не дай бог, они будут лучше вооружены...

Это — не победа. Я повторяю, это — не победа...»

Наутро я встретил Пэнделла из отдела связи. Он посмотрел на меня печальным взором.

— Мы пытались,— стал оправдываться я.— Мы сделали, что могли, но на него снизошло вдохновение.

— Увидишь его, передай все, что я о нем думаю,— попросил Пэнделл.— Дело не в том, что он не прав: я просто не знаю другого человека с таким поразительным даром портить людям праздник. Если вдруг случится, что он снова появится в нашей программе — приемники выключат тысячи слушателей. Дай ему дружеский совет в следующий раз обратиться на Би-Би-Си.

Так получилось, что мы встретили Бокера в тот же день. Он, естественно, поспешил услышать отклики на свое выступление. Я, по возможности щадя его самолюбие, рассказал, что мне было известно.

— Примерно то же — во всех газетах,— вздохнул он.— И за что я осужден навечно жить в демократической стране, где дурак равен разумному человеку? Если бы та энергия, что идет на околпачивание простаков в погоне за их голосами, была направлена на полезную деятельность — вот была бы нация! А так что?! По меньшей мере три газеты ратуют за «сокращение миллионов, выброшенных на исследования», и это для того, чтобы каждый смог купить в неделю лишнюю пачку сигарет! А значит, возрастет стоимость перевозок табака, следовательно, поднимутся налоги и так далее. А суда тем временем ржавеют в портах. Какая бессмыслица!

— Но мы же выиграли сражение,— возразила Филлис.

— Стало хорошей традицией,— съязвил Бокер,— сначала получать тумаки, а уж потом выигрывать войну.

— Ну и что?!— воскликнула Филлис.— Мы проиграли на море, но в конце концов...

Бокер застонал и закатил глаза.

— Ну и логика!..

Тут вмешался я.

— Вы считаете, что они намного превосходят нас, не так ли?

— Не знаю, что и ответить,— нахмурился он.— Скорее, они мыслят иначе. А если так, нельзя проводить никаких аналогий, любая попытка сравнения только собьет с толку.

— И вы действительно считаете, что война не кончена?— спросила Филлис.— Это не желание помочь задыхающемуся судоходству?

— Вам так показалось?

— Нет, но...

— Да, я имел в виду и это. Выбора нет: либо — мы, либо — нас. И если в ближайшее время...

Я сидел на корме и осторожно правил обернутым войлоком веслом. Вдруг что-то зашуршало о борт, и лодка забилась, наткнувшись на упругое препятствие.

Я напряженно вглядывался в темноту, пытаясь разобрать, на что мы напоролись, вряд ли это мог быть берег.

— Что это?— прошептал я.

Филлис привстала, резко качнув нашу маленькую лодочку.

— Сеть, огромная сеть,— отозвалась она.

— Попробуй ее поднять.

Лодка накренилась, грозя опрокинуться.

— Нет, слишком тяжелая.

Такой задержки я не предвидел.

Пару часов назад, изучая с церковной крыши дальнейший путь, я приметил на северо-западе узкий проход между двумя холмами и подумал, что если удастся благополучно миновать этот перешеек, то дальше можно будет плыть в относительной безопасности. Мы дождались прилива и под прикрытием ночи пустились в дорогу. Устроившись на корме, я потихоньку правил веслом, позволяя течению бесшумно нести нас в направлении канала. И вот теперь, этот невод...

Я развернул лодку и веслом нащупал сеть. «Не менее полудюйма»,— прикинул я толщину веревки, вытаскивая из кармана складной нож.

— Придержи сеть,— попросил я Филлис.

Но не успел я открыть лезвие, как над нами взвилась осветительная ракета, залив ярким светом всю округу.

С левого от нас торфяного холма прямо в воду сбегала узкая тропинка, вдоль которой росло несколько кустов. От самой вершины до подножия холма тянулся ряд домов; далее из воды торчали лишь крыши да трубы.

Вдруг на берегу щелкнул затвор винтовки, раздался глухой выстрел и над моей головой просвистела пуля. Мы кинулись на дно лодки.

— Убирайтесь туда, откуда явились!— долетел до нас голос с острова.

Мы подняли головы.

— Мы просто хотим добраться до своего дома,— прокричала Филлис невидимому собеседнику.— Мы проплываем мимо и не собираемся здесь останавливаться, тем более просить вас о чем-то.

— Все так говорят. Ну и куда же вы плывете?

— В Корнуэлл.

— В Корнуэлл?— засмеялся человек.— Что ж, тогда у вас еще есть надежда.

— Да,— подтвердила Филлис.

— И все равно, уматывайте, иначе буду стрелять. Давайте, давайте отсюда!

— У нас достаточно еды...— начала Филлис.

Я замахал на нее руками. Теперь я окончательно убедился, что мы сможем достичь коттеджа только пробираясь тайком, и уж вовсе не стоит афишировать, что у нас есть съестные припасы.

— Хорошо,— крикнул я.— Мы уходим!

Надобность сохранять тишину отпала, я отгреб от сети и взялся за шнур мотора.

— Вот так-то лучше. И больше не пытайтесь,— посоветовал невидимка.— Это я такой старомодный, а другие не столь щепетильны и с радостью размозжат вам головы. Я не любитель пулять без разбора.

Ракета догорела, тьма снова сомкнулась над нами.

Филлис перебралась на корму и крепко стиснула мое колено.

— Мне жаль, что так вышло,— сокрушенно вздохнул я.

— Ничего, Майк, ничего. Рискнем еще разок где-нибудь в другом месте. Бог любит троицу.

— А ведь он мог бы попасть!— Я поежился.

— Судя по всему, мы не первые, кто хотел здесь прорваться,— заметила Филлис.— Интересно, где мы сейчас находимся, ты не знаешь?

— Нет, где-нибудь в районе Стейнс-Вейбридж. Жаль, что приходится отступать.

— Если б нас подстрелили, было бы хуже.

Мы медленно продвигались вперед, ориентируясь по одиноким факелам.

— Если тебе неизвестно, где мы находимся, то откуда ты знаешь, куда нам плыть?— поинтересовалась Филлис.

— Да я и не знаю,— честно признался я.— Я просто «уматываю», как выразился джентльмен. По-моему — весьма разумно.

Сквозь густые облака изредка проглядывала серебристая луна. Филлис сидела, плотно укутавшись в пальто, и слегка дрожала.

— Июнь луна вино вина...— нараспев прочитала она.— Помнишь, как пели раньше июньскими вечерами на берегу... Sic transit Gloria Mundi*.

— Но даже для того времени люди были не в меру оптимистичны,— откликнулся я.— Заметь, между прочим, самые умные всегда прихватывали теплые пледы.

— Да? И кто, например?

— Неважно. Autres temps, autres mondes.

— Autre monde**,— озираясь, поправила меня Филлис.— Майк, но нельзя же плыть неведомо куда! Давай найдем хоть что-нибудь, где можно согреться и выспаться, наконец.

— Хорошо,— согласился я и прибавил скорость.

Где-то в миле от нас возвышался курган, сплошь утыканный черными точками домов. От него тянулась длинная цепочка полузатопленных зданий, и мы выбрали одно из них поприличнее — в позднем грегорианском стиле, подальше от острова.

Деревянная оконная рама так разбухла, что мне пришлось веслом выбить стекло. Проникнув внутрь, мы оказались в помещении, бывшем некогда спальней. Филлис держала факел, освещая отделанную с большим вкусом комнату. Еще совсем недавно тут жили люди, а сейчас здесь было по щиколотку воды. Я прошлепал к двери и, поднатужившись, открыл ее — лестница, ведущая вниз, была полностью залита, но верхний этаж оказался чист и сух.

— Сойдет,— промолвила Филлис.

---

* Так проходит земная слава (*лат.*).

** Другое время — другой мир (*лат.*).

Она зажгла свечи и принялась обустраивать комнату на свой вкус, а я поспешил вниз, чтобы покрепче привязать лодку и перенести из нее наши скромные пожитки.

Вернувшись, я обнаружил, что Филлис уже скинула пальто, и улыбнулся, глядя, как она деловито и грациозно переставляет стулья — Филлис была прекрасна в своем эластичном костюме, переливающемся в пламени свечей.

Мы завесили окна одеялами, чтобы никто не позарился на нашу лодку, заявившись на огонек. Затем, отодрав деревянные перила, я разжег камин, и мы славно устроились у огня, наслаждаясь теплом.

Отужинав сосисками и горячим чаем со сгущенным молоком, мы почувствовали себя почти как дома, хотя нас и не покидала мысль, что где-то там, в недоступных закромах бывшего особняка, наверняка скрыто нечто более лакомое, нежели сваренные в консервной банке сосиски и чай из дождевой воды.

Экономно затушив свечи, мы откинулись на подушки и расслабились, любуясь отблесками огня из камина.

— И что теперь?— спросила Филлис, передавая мне половинку сигареты.

— Как это ни печально,— ответил я,— но с мыслью о Корнуэлле, видимо, придется расстаться.

— Ты думаешь о том невидимке, который чуть не пристрелил нас? Почему он рассмеялся? Может, он нам не поверил?

— Мне кажется, что таких, как он, с ружьем наготове, у нас на пути встретится еще ого-го сколько! И, думаю, его смех означал именно это.

— Даже вернись мы в Лондон, нас рано или поздно ждет то же самое. С каждым днем становится все хуже и хуже. Где-нибудь в деревне еще есть шанс выжить — там можно вырастить хоть что-то. А город — пустыня, пустыня из стекла и камня.

Филлис была права, с тех пор как кончились съестные припасы, город стал бесплодной пустыней. Именно поэтому я и решился перебраться в коттедж Роз. Там есть земля, правда, не ахти какая, но ни на что другое рассчитывать не приходилось — никто не позволит нам поселиться на плодородных землях. Вряд ли и в Корнуэлле нас встретят с распростертыми объятиями, но если никто еще не захватил коттедж, то у нас есть хоть какой-то шанс... конечно, если мы вообще туда доберемся.

Мы проговорили больше часа, но так ничего и не решили. Филлис зевнула. Разложив на кровати спальные мешки, я подбросил в камин дров и, устраиваясь на ночь, положил в изголовье заряженный дробовик.

Надежда появилась на следующий день, вернее — около часа ночи, когда меня разбудил глухой стук.

Я сел на кровати. В комнате было темно, лишь несколько головешек слабо тлели в камине. Раздался еще один удар, а затем что-то заскреблось, затерлось, зацарапалось о наружную стенку. Схватив ружье, я подскочил к окну и сдернул одеяло. Кругом плавал и бился о стены какой-то мусор, палки, обломки мебели. Лодка спокойно покачивалась на том же месте, где я ее привязал. И вдруг — снова глухой удар, теперь уже с противоположной стороны дома.

— В чем дело?— проснулась Филлис. Но мне некогда было ей отвечать: с дробовиком в одной руке и факелом в другой я бросился в соседнюю комнату.

Осторожно приоткрыв окно и предусмотрительно выставив вперед ружье, я глянул вниз. Маленькая моторная яхта, быстро уносимая течением, завернула за угол дома и скрылась из виду. Я успел разглядеть только лежащую на палубе женщину.

— Что случилось?— донесся до меня голос Филлис, когда я пробегал мимо дверей нашей спальни.

— Яхта,— бросил я, слетая вниз по ступеням.

Вода этажом ниже доходила уже до пояса, но мне было не до этого, я даже не почувствовал, насколько она холодна. С трудом забравшись в лодку, я еще изрядно попотел над мотором, и когда он завелся с пятого оборота, то яхты, конечно, уже и след простыл.

Я рванул вниз по течению и только совершенно случайно заметил в полузатопленной рощице мелькнувшую среди ветвей тень.

Кроме женщины, простреленной двумя выстрелами в грудь и в шею, на яхте никого не было. Я скинул тело за борт и перебрался в свою лодку. У меня не было ни сил, ни желания разбираться в управлении, и я привязал яхту покрепче, чтобы течение не унесло ее до моего возвращения. Боясь схватить воспаление легких, я поспешил обратно, пока не зашла луна, а то не хватало еще заблудиться в темноте.

Оставлять яхту, конечно, было рискованно: в наше время это бесценная добыча. Но выбора не было. Я надеялся, что защитный цвет (красить суда во все цвета радуги перестали давным-давно) скроет ее.

Освободившись от мокрой пижамы, я завернулся в одеяло, которое Филлис предусмотрительно нагрела у огня, и приятное, спасительное тепло разлилось по телу.

— Яхта морская?— взволнованно спросила Филлис.

— Пожалуй,— согласился я.— С такими высокими бортами она, действительно, рассчитана на море, хоть и невелика.

— Не занудствуй, Майк. Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Сможет ли она доставить нас в Корнуэлл?

— Скорей уж сможем ли мы доставить ее в Корнуэлл. Попытаемся, конечно, а что нам еще остается? Интересно, что ты скажешь, когда увидишь ее?

— У меня есть предложение...

— Погоди, посмотрим еще, цела ли яхта. Может, она вся в дырах.

После ночного купания тепло подействовало как снотворное. Попросив Филлис разбудить меня с рассветом, я уснул в наилучшем за последние несколько недель расположении духа. Я знал, что мы отправляемся в Корнуэлл не на пикник, но оставаться в Лондоне было хуже во сто крат. Лондон — медленно захлопывающийся капкан, капкан, из которого хорошо бы унести ноги, пока он не лязгнул зубами.

Бокер даже не предполагал, предупреждая мир о грядущей опасности, что глубоководные существа уже пустили в действие новое оружие. Прошло шесть месяцев, прежде чем человечество осознало происходящее.

Если б суда продолжали следовать своими обычными маршрутами, события на море не ускользнули бы от глаз людей. Но трансатлантические перевозки стали достоянием авиакомпаний, а повышенная туманность на западе Атлантики не причиняла неудобств летающим на больших высотах самолетам. По-

этому доклады пилотов о плотных скоплениях тумана просто регистрировались, и только.

Просматривая сообщения тех дней, я обнаружил, что примерно тогда же появились сообщения о необычно большой облачности на северо-западе Тихого океана; плохая погода установилась севернее японского острова Хоккайдо, а еще севернее — у Курил, по слухам, и того хуже.

Но так как уже давно никто не осмеливался пересекать *Глубины*, известия об изменениях в климате были отрывочными и мало кого заинтересовали. Даже аномальная туманность у побережья Северной Америки долго не привлекала внимания.

В Англии, хоть и жаловались на промозглое лето, но скорее по привычке.

Мир бы еще невесть сколько оставался в неведении, если б не русские. Москва объявила о появлении на советской территории обширной области густого тумана с эпицентром на 130 градусов восточнее Гринвича, на 85-й параллели. Русские ученые установили, что никогда за время советской власти в этом регионе не наблюдалось ничего подобного, тем более в течение целых двенадцати недель. «А значит,— заявило советское правительство,— это не что иное как подрывная деятельность капиталистических поджигателей войны. Права СССР на область между 32 градусами восточнее Гринвича и 168 градусами западнее Гринвича подтверждены международным законодательством, следовательно, любое посягательство на социалистическую собственность рассматривается как акт агрессии. Советский народ вправе принять любые меры для сохранения мира в этом районе».

«Народы Запада,— тут же откликнулся Госдепартамент США,— заинтригованы советской нотой. Они хорошо помнят территориальное деление Арктики и, в свою очередь, точности ради — напоминают советскому правительству истинные координаты их арктических владений: 32 градуса 4 минуты 35 секунд восточнее Гринвича и 168 градусов 43 минуты 35 секунд западнее Гринвича, а это несколько меньшая область, чем заявлено в ноте. Однако последние наблюдения указывают на существование точно такого же явления и над территорией Соединенных Штатов, с центром тоже близко к 85-й параллели, но на 79 градусов западнее Гринвича. По стечению обстоятельств именно этот район выбран правительствами США и Канады в качестве полигона для испытания ракет большой дальности. Подготовка к испытаниям уже завершена и пробные запуски назначены на ближайшие дни».

Русские в своих комментариях указали на странность места, выбранного для полигона, где невозможны визуальные наблюдения. Американцы, не отставая от русских, изумились славянскому рвению к установлению мира в необитаемых районах.

Обмен нотами двух сверхдержав привлек внимание общественности к необычному явлению. Вот тогда и выяснилось, что удивительно густой туман распространился чуть ли не по всему земному шару.

Первое сообщение, которое что-то прояснило в беспредметных разговорах, пришло из Готхоба в Гренландии. В сообщении говорилось об увеличении потока воды через Девисов пролив, несущего из моря Баффина обломки льда, что совершенно не характерно для этого времени года.

Спустя несколько дней с Аляски сообщили об аналогичном явлении в Беринговом проливе. Затем и со Шпицбергена пришли

известия о стремительном подъеме уровня воды и понижении температуры.

Все это сразу объяснило загадочные туманы у Ньюфаундленда и в других районах, порожденные вторжением холодных глубинных течений в теплые воды. Но откуда взялись эти холодные течения?

Вскоре из Годхавна, что немного севернее Готхоба, известили о небывалом количестве айсбергов самых причудливых форм. Американцы, исследовав арктический район с воздуха, подтвердили, что океан севернее моря Баффина сплошь усеян айсбергами.

«Мы увидели,— описывал один пилот,— величайшее зрелище в мире: огромный ледник сползал с Гренландской ледниковой шапки. Сколько я ни летал над Гренландией — такого не видел. Здоровенные скалы, высотой в сотни футов, внезапно откалывались от ледника и, падая в море, вздымали вверх целые фонтаны воды. На сотни миль — сплошные тучи брызг, и льдины — гигантские белоснежные острова. Не успевал один айсберг отчалить от ледника, на него тут же обрушивался другой, и так беспрерывно; казалось, что фейерверки брызг буквально зависли в воздухе. Грандиозное зрелище!»

Примерно то же наблюдали летчики и над восточным побережьем острова Девон и над южной оконечностью острова Элсмир. У Девисова пролива сталкивались, разбивались друг о друга бесчисленные ледяные глыбы, пробивая себе путь в Атлантику.

С другой стороны арктического круга была точно такая же картина.

Публика воспринимала эти новости, развалившись в мягких креслах. Хотя первые фотографии и произвели на всех неизгладимое впечатление, вскоре стали поговаривать о наскучившем однообразии полярных натюрмортов. Начальный испуг быстро сменился полным безразличием: мол, современной науке известно все и об айсбергах, и о течениях, и о всяком таком прочем. Чего, стало быть, волноваться?

Как-то Филлис случайно столкнулась с Туни.

— Не понимаю,— возмущалась Туни,— почему спят те, кто должен бодрствовать?! Полное безволие! А ведь это творится под самым носом! Почему они не остановят их?

— Но как остановить айсберг?— поинтересовалась Филлис.— Это же, наверное, не просто.

— Ах!— Туни махнула рукой.— Я не об айсбергах. Я о русских, которые их производят.

— А-а! Так это они их делают?!

— А ты как думала?! Естественно, русские. Рассуди логически: разве подобные вещи случаются сами по себе? Конечно, нет. А красные, хоть и достигли полюса позже других, всегда считали, что у них больше прав на Арктику, чем у кого бы то ни было. Я совершенно не удивлюсь, если они заявят, что открыли Северный полюс еще в девятнадцатом веке. О, это в их стиле! Разве русские в состоянии вынести, что и кроме них кто-то что-то открывал?!

— Ну, а чего ради им сдались эти айсберги?— полюбопытствовала Филлис.

— Как?— изумилась Туни.— Ты и этого не понимаешь? Но все же так элементарно! Это же часть их политики — повсюду, где только возможно, возводить на нашем пути препятствия. Посмотри, какое скверное в этом году лето; поговаривают об отмене

Уимблдона — и это все из-за этих белых бестий, которых красные понапускали в наш Гольфстрим. И все молчат, все до единого — ни один ученый не проронил ни слова! Народ уже сыт по горло, доложу я тебе. Все устали и требуют положить конец безобразию. Уж слишком далеко все зашло, милочка. Давно уже можно было покончить с этим, взорвать их или еще что-нибудь...

— Кого взорвать, русских?

— Айсберги! Если разделаться с ними, красные сами утихомирятся.

— Ты абсолютно уверена, что дело в русских?

Туни искоса посмотрела на Филлис.

— Мне очень странно видеть, милочка, как некоторые при всякой возможности пытаются выгородить нашего отъявленного врага.

На этом они и расстались.

Обмен нотами затянулся до осени — осени еще более отвратительной, чем прошедшее лето. Что оставалось делать, как не относиться к этому философски.

Где-то на другом полушарии в самом разгаре было лето, но по погоде — не лучше нашей осени. Открылся сезон ловли китов, если так можно выразиться, поскольку желающих выйти в море — по пальцам пересчитать. Однако смельчаки все же находились, и вскоре до нас дошли вести с Земли Виктории о ледниках, сползающих в море Росса. Появились опасения, что и сам шельфовый ледник может отколоться от материка.

Аналогичные новости сыпались на нас в течение недели. Страницы солидных иллюстрированных еженедельников пестрели красочными фотоснимками фантастически красивых ледяных скал, низвергающихся в море... «Могущество Природы!» — было начертано на глянцевой обложке одного толстого журнала, под снимком переливающейся на солнце восхитительной ледяной громады. «...Вздымаясь к небу готическими белоснежными шпилями, новый Эверест морей пускается в одинокий вояж! Перед вами тонко схваченная фотохудожником леденящая красота айсберга! На месте ледников, испокон веков считавшихся частью суши, простирается открытое море!»

Такое вежливо-снисходительное отношение к матери-природе и благовоспитанное восхищение ее мудростью, способной без конца удивлять человечество, еще долго усыпляло б самые трезвые умы, если бы не очередная хулиганская выходка доктора Бокера.

«Воскресные новости», провозгласившие себя трибуном интеллектуальной сенсации, всегда испытывали затруднения с материалом. Более дешевым и менее уважаемым изданиям, работающим в стиле эмоционального нокаута, было значительно проще. «Воскресные новости» — совсем другое дело: отказ от сенсации во имя сенсации подразумевает некоторые познания, хороший вкус и литературные способности. Но как следствие — постоянная нехватка тем для поддержания должного уровня. Мне сдается, что именно глубокий кризис материала и подтолкнул «Воскресные новости» предоставить свои страницы Алистеру Бокеру.

То, что редактор предчувствовал, чем это обернется, легко прочитывалось из короткой преамбулы перед статьей ученого, в которой черным по белому было написано, что редактор снимает с себя всю ответственность за нижеизложенное.

С таким вот «доброжелательным» предисловием под заголовком «Дьявол и Глубина» Бокер и развивал свою новую теорию.

«Никогда,— писал он,— со времен Ноева ковчега мир не был столь преступно близорук, как теперь. Но так не может продолжаться вечно, скоро закончится полярная ночь, и тогда ослепшие прозреют.

Печальная история неудач, берущая начало от гибели «Яцухиро» и «Кивиноу», подходит к концу. Мы потерпели поражение и на море, и на суше. Да-да, именно поражение.

Многим, я знаю, не по вкусу это слово: они никогда не признают неудач, полагая себя доблестными рыцарями мира сего. Но слепое упрямство — отнюдь не доблесть, а слабость под личиной ложного оптимизма.

Оглядитесь вокруг: меняется наш образ жизни — повсюду волнения, рост цен, ломка всех экономических структур... Но что для большинства есть наш сегодняшний проигрыш? Так, временное отступление, которое кончится само собой. Откуда, откуда такое непростительное спокойствие? Уже пять лет лучшие ученые мира бьются над проблемами контроружия, и за все пять лет они не продвинулись ни на дюйм. О чем это говорит? Только о том, что все наши надежды тщетны и мы уже никогда не вернемся в море.

Теперь о последних событиях в Арктике и Антарктиде. Хватит держать нас за неразумных младенцев! Настало время открыть глаза человечеству.

Меня не волнует, какие силы заставили молчать тех, кто уже давно установил связь между поражением на море и изменением климата: придворные клики, закулисные фракции, в чьих интересах держать общественность в неведении «во имя ее же собственной пользы», или какие другие ревнители порядка — это не имеет значения. Были, есть и будут люди, изо всех сил стремящиеся найти средство, которое уничтожит нашего общего врага в *Глубинах*. Однако хочется напомнить, что до тех пор, пока это средство не найдено — мы стоим перед лицом самой большой опасности, когда-либо существовавшей перед земной цивилизацией, и от которой у нас нет защиты! Мы не в состоянии побороть нависшую над нами угрозу, пока не обнаружим и не обезвредим их «Главное Командование». Но что мы можем противопоставить их оружию, что? Как мы можем остановить таяние льдов, как?

Вы считаете, что растопить ледник невозможно? Это фантастика? Абсурд? Нет, нет и еще раз нет! Если бы мы захотели, мы бы и сами могли это сделать, использовав освобожденную силу атома. Так что это — самая настоящая реальность.

Давайте вспомним о туманах. Из-за долгой полярной ночи мы о них давно ничего не слышали. Мало кому известно, что если арктической весной существовало всего две области распространения тумана, то к концу лета — их уже насчитывалось восемь, причем значительно удаленных друг от друга.

Причина возникновения тумана всем известна — это встреча теплых и холодных течений воздуха и воды. Но как могло произойти, что в Арктике вдруг возникло восемь новых независимых друг от друга течений? И как результат — беспрерывный поток ледяных глыб в Берингово и Гренландское моря. В Антарктиде паковые льды проникли на сотни миль севернее их обычной весенней отметки. В арктических районах, к примеру, в

Норвежском море льды появились наоборот южнее. Да и у нас самих нынешняя зима была непривычно холодной и влажной.

А айсберги? В последнее время мы только и говорим о них. Почему? Вероятно потому, что число их неимоверно возросло. Но тут же возникает еще одно «почему», на которое еще никто не ответил публично: почему их вдруг стало столь много?

Все знают, как образуются айсберги.

Когда-то давным-давно огромный ледник сполз на сушу. Продвигаясь к югу и снося на своем пути горы, он шел все дальше и дальше, пока не остановился стеной сверкающих скал из прозрачного зеленоватого льда, покрыв собой половину Европы. Затем постепенно он начал свое обратное движение к северу. Столетия ледник отступал, таял; его больше нет нигде, за одним исключением — в Гренландии. Гренландия — огромный остров (в девять раз превышающий Британские острова), последний бастион ледникового периода. Только здесь на девять тысяч футов все еще возвышается этот гигантский памятник истории планеты — до сих пор непобежденный ледник. От его боков год за годом откалываются айсберги и, кажется, так было всегда. Но почему-то теперь их в десять раз больше обычного. Для этого должна быть причина, и она есть.

Если бы мы сами сегодня начали растапливать льды, то уже завтра могли бы полюбоваться результатом своих трудов. Это не такой уж долгий процесс, как считают некоторые. Более того: следствия будут проявляться вначале тонкой струйкой, а затем — бурным потоком. Я видел так называемые «подсчеты», предполагающие, что если полярные льды растают, то уровень воды поднимется только на сотню футов. Называть эти бумаги «подсчетами» — явная ложь. Это не более чем предположение, которое может оказаться как верным, так и неверным. Бесспорно единственное — уровень моря поднимется. Но на сколько?

В этой связи я хочу обратить ваше внимание, что в январе сего года уровень воды в Ньюлине возрос на два с половиной дюйма».

— О боже!— вырвалось у Филлис, когда она дочитала статью.— Опять этот сорвиголова! Нам надо с ним встретиться.

Мы попытались дозвониться Бокеру, но его линия постоянно была занята.

Наутро мы сами пошли к нему, и, на удивление, нас тут же приняли.

— Хорошо, что вы пришли,— вставая из-за стола, заваленного почтой, сказал Бокер.— Нынче все держатся от меня на расстоянии пушечного выстрела.

— Не перегибайте, док,— ответила Филлис.— Не успеете вы оглянуться, как окажетесь самым популярным человеком среди торговцев землей и землеройной техникой.

Бокер не прореагировал.

— И вас бы постигла сия участь,— произнес он,— когда б вы почаще общались со мной. И вы бы стали прокаженными. Спасибо Англии, в других странах меня давно уже упекли бы за решетку.

— Представляю, как вы огорчены,— откликнулась Филлис.— Тюрьма — прекрасное место отдыха для тщеславных великомучеников. Но ведь еще не все потеряно?— Филлис засмеялась.— Хорошо, а если серьезно, док? Неужели вам в самом деле нравится, когда вас побивают камнями?

— Просто у меня кончилось терпение.

— У других — тоже. Вы все время норовите повернуть против течения. Однажды вы поплатитесь, Бокер. Не сегодня, так завтра.

— Если не сегодня, то, возможно, и никогда! — изрек Бокер.— Но зачем тогда, девушка, вы пришли ко мне? Только ради того, чтобы сказать, что меня неминуемо ждет возмездие? Чего вы хотите?

— Отрезвления, док. Я не понимаю, мне казалось, что вы были близки к грандиозному откровению, а скатились до каких-то там двух с половиной дюймов...

Бокер внимательно посмотрел на Филлис.

— Да,— произнес он,— и что вам не нравится? Если два с половиной дюйма помножить на сто сорок один миллион квадратных миль поверхности, то в тоннах это получится...

— Меня не интересует арифметика. Для нормальных людей два с половиной дюйма — ничто, ну, разве чуточку выше обычного. После такого многообещающего начала!.. Очень многие теперь раздосадованы, мол, стоило ли так тревожиться по пустякам. Некоторые даже смеются: «Ха! Ну и светило?!»

Бокер махнул рукой в сторону стола.

— Вон сколько ваших раздосадованных, точнее, возмущенных и взволнованных!— Он закурил.— Я только этого и добивался, причем с самого начала, и вы об этом знаете. Абсолютное большинство, а особенно специалисты, как могут, сопротивляются очевидным фактам. И это в век науки! Отворачиваясь от доказательств, они готовы свернуть себе шеи, лишь бы ничего не видеть и не знать. Сколько понадобилось усилий, чтобы они приняли мою первую теорию? И то — скрепя сердце, с большим запозданием, когда уже невозможно было отрицать! А сейчас что? То же самое! События в Арктике взволновали многих, но сделать выводы никто не решился. Возможно, они молчали под давлением правительства. Я тоже молчал.

— Как это не похоже на вас, доктор,— заметил я.

Бокер только усмехнулся.

— Сначала я ошибся. А потом, когда все стало ясно, я сказал себе: «На этот раз вы откусили больше, чем сможете проглотить». Я решил никого не волновать понапрасну, пока была надежда, что их попытка растопить льды потерпит фиаско. Эдакая полудобровольная самоцензура. Но теперь все обернулось достаточно скверно.

— А что американцы?

— О, у них ничем не лучше нашего. Бизнес — их национальный вид спорта, а следовательно — вещь почти священная. Они испугались очередной паники и тоже играли в молчанку, правда, не сидели сложа руки, как мы, а сбросили в Северный Ледовитый океан парочку бомб. Беда в том, что результаты бомбежки остались в тумане, в самом прямом смысле.

Меня интересует вот что: как эти существа проникли в Арктику? Вряд ли через Берингов пролив — им бы пришлось преодолеть несколько тысяч миль мелководья. Скорее всего, рядом с нами — между Рокаллем и Шотландией. Перевалив через подводный хребет Фарерских островов, они оказались в достаточно глубоких водах, ведущих в полярный бассейн.

На этом отрезке существует два сравнительно узких прохода. Если объединиться с норвежцами и минировать проход чуть восточнее острова Яна Майена, а второй проход, между Гренландией и Шпицбергеном, закидать бомбами, то, может быть, это

хоть что-нибудь даст. Они конечно могут контратаковать, но кто знает...

А тут еще братья-славяне паясничают, не понимая, что творится с морем. По их мнению, море причиняет Западу массу неудобств согласно диалектически-материалистическому закону. И, доберись они до *Глубин*, не сомневаюсь, не преминули бы заключить соглашение с их обитателями на период диалектического оппортунизма.

— Это точно,— поддакнул я.

— Дальше — больше. Кремль вдруг так рассвирепел, что все внимание наших спецслужб перекинулось от действительно серьезной угрозы на гнусные ужимки этого восточного клоуна, который думает, что моря и океаны созданы назло капиталистам.

Вот так, молодые люди, и оказалось, что мы, как всегда, опоздали. Нет чтобы всем умам объединиться, так, наоборот, наши «гениальные» мужи ищут опасность там, где ее нет в помине, и игнорируют то, чего знать не желают. Бывают в истории моменты, когда люди напрочь забывают, для чего Бог создал страуса.

— Поэтому вы решили, что пора объединить их умы... э... руки для удара?— спросил я.

— Да, но не только. На этот раз за мной стоят влиятельные и озабоченные люди. Я должен дать сигнальный выстрел по эту сторону Атлантики. Что до американцев — не пропустите на этой неделе «Лайф». Кое-что, конечно, все-таки будет сделано.

— Что?— спросила Филлис.

Бокер оценивающе посмотрел на нас и слегка кивнул головой.

— Только между нами: я — ничего не говорил, вы — ничего не слышали. Единственное, по-моему, что власти еще в состоянии сделать — это организовать спасение ценностей. А тем, у кого нет шанса войти в список этих ценностей, остается уповать на Бога. Боюсь, что у нас с вами будет мало шансов.

— Эвакуация великих произведений искусства и наивеличайших личностей? Как перед войной?— взволновалась Филлис.

— Именно, именно.

Филлис нахмурилась.

— Вы сказали, что у нас будет мало шансов, док,— почему?— спросила она.

— Потому, что я не верю в систему ценностей нашего руководства. Шедевры искусства? Да, без сомнения, они постараются сохранить их, но за счет чего? Можете назвать меня Филистимлянином, если пожелаете, но искусство, я вам скажу, стало Искусством только в последние лет двести. А до этого оно, в сущности, являлось лишь домашней утварью. Несколько тысяч лет мы прекрасно обходились и обходимся сейчас без культуры кроманьонцев, а попробуйте прожить, ну, скажем, без огня?

А наивеличайшие личности?! Это, по-вашему, кто? В венах каждого англичанина течет немало как норманнской, так и донорманнской крови. Но я не удивлюсь, что, когда начнется драка за выживание, в ход пойдут родословные; и те, в чьих жилах окажется больше донорманнской крови, станут с пеной у рта оспаривать свое преимущество на жизнь. Ну, повезет еще нескольким выдающимся интеллектуалам за их прошлые заслуги, ну, может быть, кое-кому из молодых. А для простых людей лучше всего пристроиться при знаменитостях.

— Кончайте, док. Вы же, в конце концов, не какой-нибудь лаборант-недоучка,— остановила его Филлис.

На лице Бокера промелькнула едва заметная улыбка.

— И все равно,— произнес он серьезно,— это будет дельце не из приятных.

— А скажите...— вырвалось у нас с Филлис одновременно.

— Давай, Майк,— уступила мне жена,— твоя очередь.

— А скажите, доктор, как, по-вашему, можно осуществить такой гигантский проект? Я имею в виду — растопить ледник?

— Да, есть целый ряд гипотез: от совершенно бредовой идеи, типа перекачки горячих океанических вод из тропиков, до использования геотермических вод. Последнее мне представляется тоже малореальным.

— А что предлагаете вы?— спросил я. Было бы невероятно, если б у Бокера не оказалось своей теории.

— Хорошо, я скажу,— как-то безнадежно согласился он.— У них есть насос для перекачки ила — и это мы знаем. Так вот, если этот насос использовать совместно с тепловой установкой, скажем, на атомном топливе, то можно создать теплое течение. Вопрос в том, есть у них атомный реактор или нет. К сожалению, не считая нашего подарка — помните невзорвавшуюся бомбу — у нас нет на этот счет никаких данных. В принципе, я думаю, моя теория не так уж плоха.

— Допустим, вы правы, но где они возьмут уран?

— Помилуйте, в их распоряжении две трети земной поверхности! Неужели вы думаете, что если они знают об уране, они не в состоянии его раздобыть?!

— Ну ладно, а айсберги?— не унимался я.

— С айсбергами много проще. Будь у вас такое оружие, которым в три секунды можно потопить корабль, разве трудно с его помощью отколоть кусок льда?

Мы помолчали.

— И тем не менее,— Филлис покачала головой,— мне не верится, что мы бессильны...

— Дело в том, что, как я уже говорил, мы и эти твари мыслим совершенно по-разному. Вся наша военная стратегия основывается на земном опыте. Мы впервые столкнулись с внеземным Разумом и даже не имеем понятия о применяемых в *морских танках* сплавах, тем более о технологии изготовления этих сплавов. Во время наших войн мы можем хотя бы предугадать очередной ход противника, ибо мыслим так же, как он, а что касается этих существ... я даже не знаю, что сказать. Как движутся их *танки*? Вряд ли при помощи двигателя, в нашем понимании. Может, как в случае с *кишечнополостными*, они использовали неведомую нам биологическую форму? Кто знает?! Так как мы можем изобрести превентивное оружие?! Сколько лет прошло, а нас волнует все тот же вопрос: черт возьми, что, что происходит на дне?!

— Доктор Бокер,— не выдержал я,— скажите, сколько нам осталось до...

— Понятия не имею. Все зависит от них. Я считаю бесполезным и даже вредным гадание на кофейной гуще.

— Когда люди, наконец, поймут, что происходит, и в бессилии запросят о помощи, что вы им посоветуете?— спросила Филлис.

— Разве я — правительство? Это ему самое время задуматься над вашим вопросом. Мой совет настолько непрактичный, что...

— И все-таки, док?

— Ну, раз вы так хотите... Я бы посоветовал присмотреть холм повыше, с хорошей плодородной почвой, оборудовать его и укрепить.

Однако хоть Бокер и дал свой «сигнальный выстрел», ничто не сдвинулось с мертвой точки. В Америке статья ученого затерялась среди других, не менее волнующих, событий недели. В родной Англии от Бокера все отвернулись: здесь оказаться в числе «желтой прессы» значит вляпаться по уши в грязь, и тогда уж не жди, что кто-нибудь протянет тебе руку. В Италии и Франции к заявлению Бокера отнеслись более серьезно, но на мировой арене политический вес их правительства был значительно меньше. Россия, проигнорировав содержание статьи, не упустила случая прокомментировать ее появление как очередную выползку космополитов против трудящихся всего мира. В общем, по нашему мнению, кампания провалилась. Но, как уверил нас Бокер, в стене официального равнодушия, наконец, образовалась первая брешь.

И в Лондоне, и в Вашингтоне были созданы комитеты по «всестороннему изучению явления и выработке рекомендаций». Правда, работали они спустя рукава и бед не знали, пока в Вашингтон не посыпались возмущенные письма из Калифорнии. Калифорнийцев мало волновало, что какой-то там уровень воды поднялся на каких-то там несколько дюймов, калифорнийцев волновало то, что резко упала средняя температура и над их побережьем появились холодные промозглые туманы. Они запротестовали.

Да, туго, наверное, пришлось вашингтонскому комитету, поскольку, когда протестуют калифорнийцы, получается довольно солидный шум. К тому же, соседей поддержали и в Орегоне, и в Неваде.

Не знаю — как где, а в Америке поняли, что пора что-то предпринимать.

В апреле во время весеннего половодья вода перехлестнула набережную у Вестминстера. Заверения, будто это случалось и раньше, были отметены бульварной прессой триумфальным — «а что мы вам говорили». Весь мир, за исключением одной шестой, забился в истерике. «Бей их! Бей их!»— раздавалось со всех сторон. Даже солидные, серьезные издания присоединились к требованиям: «Закидать бомбами подводных завоевателей».

«Миллиарды, потраченные на бомбу, которую мы собирались сбросить на Корею, не должны пропасть даром,— писал какой-то писака.— Мы побоялись в свое время использовать ее по назначению, а теперь боимся применить в подводной войне. Первое — понятно, второе — непростительно. Люди, на чьи средства создано это оружие, не могут отомстить за родных и близких, погибших на море и на суше от руки ненавистного Дьявола. Так что же остается — размахивать этой бомбой на перекрестках да помещать ее цветные фотографии в иллюстрированных еженедельниках? О чем думает правительство? Отношение властей уже с самого начала...» и так далее и тому подобное; можно было подумать, что у всех отшибло память и люди напрочь забыли о бомбардировках *Глубин*.

— Прекрасно сработало,— сказал нам при встрече Бокер.

— А по-моему, очень глупо,— отреагировала Филлис.— Все те же старые аргументы за бомбежку без разбора.

— Я не об этом,— возразил Бокер.— Власти, конечно, сбросят парочку-другую бомб, причем, как всегда, без толку, зато с большой помпой. Нет, я говорю о перспективе. Сейчас все напомина-

ет прожект, вроде строительства огромной дамбы из мешков с песком, но когда мы пройдем через это — что-нибудь да будет сделано.

Бокер попал в самую точку. Прошел год, и весной правительство распорядилось возвести вдоль берегов Темзы защитные сооружения из мешков с песком. Предосторожности ради, движение транспорта перенесли подальше от набережных, которые тут же заполнили толпы любопытных. Полиция тщетно пыталась рассеять слоняющихся прохожих. Люди махали проплывающим на уровне мостовой буксирам, баржам и глядели на медленно поднимавшуюся воду. Казалось, если вода прорвет укрепление, они возмутятся, но если ничего не случится, разочаруются.

Разочароваться им не пришлось. Река уже ласкалась о тюки с песком, и кое-где вода просачивалась на тротуар. Полицейские, пожарные бдительно следили за своими участками, но, как они ни старались, везде поспеть было невозможно. Тогда в работу включились праздные зеваки, помогая подтаскивать мешки и затыкать многочисленные бреши. Никаких сомнений насчет того, что скоро произойдет, не оставалось. Однако никто не спешил покинуть набережную, предвкушая волнующие события.

Темза прорвалась одновременно в нескольких местах.

Команда И-Би-Си устроилась на крыше передвижной телевизионной станции, припаркованной на Воксхолл Бридж. Оттуда мы увидели, как струи мутной воды хлынули сквозь заграждения и, сливаясь в единый поток, обрушились на тротуары, подвалы и фундаменты зданий.

Я поймал Би-Би-Си, которая разместилась на Вестминстерском мосту, и услышал, как Боб Хамблеби описывает скрывающуюся под водой набережную Виктории.

Парням с телевидения повезло меньше — они то и дело мелькали перед нашими глазами с фотоаппаратами и переносными телекамерами, пытаясь наверстать упущенное из-за неправильно выбранной позиции. Да, видимо, они проиграли немало пари — вода прорвалась не в том месте, на которое они поставили.

Все закрутилось, завертелось. Река вырвалась на улицы Ламбет Сауфварк и Бермондсэй, затопила Чизвик. Ниже по Темзе серьезно пострадал Лименхауз. Сообщения неслись отовсюду, усилия сдержать натиск воды ни к чему не привели, оставалось ждать отлива и заделывать дырки в укреплении. И снова ждать — ждать следующего наводнения.

Парламент, отвечая на многочисленные вопросы, старался выглядеть бодрым и самоуверенным, хотя все ответы его были малоубедительны.

«Основная работа возложена на министерства и департаменты... Все жалобы будут рассматриваться через муниципалитеты... Непредвиденные обстоятельства вмешались в первоначальные подсчеты гидрографов... Готовится приказ о срочной реквизиции землеройной техники... Общественность может полностью довериться своему правительству... Подобное больше не повторится, принятые правительством меры исключат дальнейшее наступление воды... Основная задача — строительство новых укреплений.. Все человеческие и материальные ресурсы будут справедливо распределены по всем опасным районам страны...»

Однако всеобщая реквизиция — это одно, а справедливое распределение реквизированного — совсем другое. Несчастные клерки министерств и муниципалитетов побледнели, высохли и ходили с вечно красными от недосыпа глазами. Общество захлестнула полная неразбериха: постоянные переориентации и передислокации, душераздирающие жалобы и неописуемые угрозы, прямой подкуп и настоящий разбой. И все же в отдельных районах кое-что стало налаживаться.

Однажды Филлис пошла на Риверсайд посмотреть, как продвигаются работы, и среди тысяч зевак-ревизоров наткнулась на Бокера. Они вместе поднялись на мост Ватерлоо и взглядом небожителей оглядели копошащийся внизу муравейник.

— Альф, священная река, башни и стены без конца и без края,— произнесла Филлис.

— И по обеим сторонам скоро будут не очень романтичные, но глубочайшие бездны,— заметил Бокер.— Интересно, как много они успеют сделать, пока до них дойдет вся тщетность затеянного?

— Трудно поверить, что такое бесподобное сооружение может оказаться ненужным, но, пожалуй, вы правы.

— Основой основ этого чуда-творения,— Бокер указал вниз,— являются заверения старого дурака-географа Стакли, что максимальный уровень воды не превысит десяти, ну, самое большое — двадцати футов. Одному Богу известно, откуда он выкопал эту цифру: Главное — всех занять работой, и многие, надо сказать, считают это действительно неплохим средством против паники. Любопытно, на что они надеются? Им удалось однажды выпутаться из войны и теперь они тоже рассчитывают отделаться легким испугом? Ну-ну! Есть, слава богу, такие, у кого побольше здравого смысла, но из моральных соображений они не вмешиваются в это дело.

— Я давно хотела спросить вас, док, что будет с простыми людьми? Для них что-нибудь делается?

Бокер устремил взгляд в пространство.

— Правительство думает о них,— с сарказмом произнес он.

Они некоторое время молча глядели на суету внизу.

— Что ж,— нарушил молчание Бокер,— я думаю, что найдется тот, кто, добравшись до Ада, еще посмеется над всем этим средь теней.

— Хочется верить, док. А кто?

— Король Канут.

Новости все прибывали, но из-за нехватки бумаги то и дело возникали трудности с их печатанием, так что на Соединенные Штаты места в газетах практически не оставалось. Однако мы знали, что и там не все в порядке. Климат Калифорнии больше не являлся проблемой номер один для американцев — от Ки-Уэста до самой мексиканской границы возникли иные, куда более серьезные осложнения. Во Флориде перед владельцами латифундий вновь предстала угроза заболачивания земель, а в Техасе вообще — огромная территория севернее Браунсвилла исчезла под водой. Чудовищные потери понесли штаты Луизиана и Миссисипи. В народе стали популярны заклинания типа — «Река, стой! Прочь от моего порога!», но река не уходила, напротив, вода прибывала.

Всего не перечислить. Весь мир страдал под одним и тем же игом. Разница была лишь в том, что в остальных странах на ук-

реплениях потели тысячи мужчин и женщин, тогда как в развитых — круглые сутки работала не знающая усталости техника. Но, как для тех, так и для других, задача была непосильной. Быстро росли ввысь защитные сооружения, но еще быстрее поднимался уровень воды. Реки разливались, и никакие искусственные отводы не спасали поля.

Незадолго до действительно серьезного наводнения у Блэкфрайерс наиболее мудрые и обеспеченные сообразили, что битвы не выиграть, и оставили Лондон. На их место пришли беженцы из восточных графств и других прибрежных городов, чье положение было еще хуже, чем наше.

Как раз в это время среди избранных сотрудников И-Би-Си (вроде нас с Филлис) разошелся секретный документ, если это, конечно, можно назвать документом. «В интересах поддержания общественного порядка... Должны быть приняты некоторые меры во избежание...» и так далее, и так далее еще на две страницы. Мне не доводилось читать более идиотского обращения, все его содержание вычитывалось между строк. Было бы куда проще и лучше сказать: «Ребята, оставаться опасно, но из соображений престижа мы просто не имеем права покинуть Лондон. Да, мы не можем вам приказать, но нас бы очень устроило, если б среди вас нашлись добровольцы. Мы обязуемся повысить вам жалование и гарантируем, если что случится, не оставить вас в беде. Ну, как, согласны?»

Мы с Филлис обсудили предложение. Будь у нас семья, мы скорее всего, не колеблясь, поспешили б убраться в более безопасное место (хотя кто знает, где найдешь — где потеряешь), но так как мы — одни, то вправе распоряжаться собственной жизнью как нам заблагорассудится. Взвесив все «за» и «против», Филлис подытожила:

— Что нас ждет в другом месте — вдали от благ большого города, без новостей, удобств и прочего? Срываться с насиженного места и бежать, не зная куда, вряд ли умно. Я за то, чтобы остаться. Посмотрим, как будет дальше.

Короче, мы остались и очень обрадовались, узнав, что Фредди с женой поступили точно так же.

Прошло несколько недель, И-Би-Си арендовала два верхних этажа большого универсального магазина близ Марбл Арч и занялась переоборудованием их в крепость, способную выдержать длительную осаду.

— Я бы предпочла что-нибудь еще повыше, например в Хэмпстеде или на Хайгейт,— заметила Филлис, когда мы об этом узнали.

— Зато какая реклама для И-Би-Си,— откликнулся я.— «Внимание, внимание! Говорит И-Би-Си, передача ведется с самого края пропасти...» Да и для магазина тоже отличная реклама.

— Ну да, если верить, что вода в один прекрасный день отступит.

— А даже если нет, что они теряют, сдав два этажа?

Я внимательно изучил план магазина — к тому времени мы были уже совсем не те, что раньше, и старались предусмотреть все до мелочей.

Дом был построен на высоте 75 футов над уровнем моря. Я сообщил об этом Филлис.

— А что у нашего архиконкурента?— спросила она.

— Бродкастинг Хаус, 85 футов.

— Хм,— произнесла Филлис, проводя пальцем по плану.— А их телестудия! Смотри, всего 25 футов! Хочешь — не хочешь, им придется напроситься к нам в друзья.

Лондон, казалось, жил двойной жизнью. Ожидая неизбежного прорыва, все старались скрыть друг от друга свои приготовления. Представители фирм на официальных встречах, как бы между прочим, вскользь упоминали о необходимости что-то делать, а, возвращаясь в свои офисы, продолжали лихорадочно готовиться к наводнению. Бедолаги, работавшие на строительстве укреплений, не задумывались ни о чем — они радовались сверхурочным и до странности не верили в опасность.

Даже после прорыва мало что изменилось, кроме пострадавших никто не забил тревогу. Стену восстановили, и все вернулось на круги своя. Настоящая драма разразилась только после весеннего разлива.

Хотя на этот раз по всему городу и были развешаны плакаты и объявления, предупреждающие об опасности, люди отнеслись к предупреждениям флегматично. «Слава богу, у нас уже есть опыт»,— говорили они и перетаскивали все свое добро на верхние этажи, непрестанно ворча на власти, неспособные оградить их от неприятностей.

За три дня до наводнения каждый житель Лондона получил уведомление о предполагаемом времени прорыва, но боязнь паники и тут сыграла свою роль: уведомление было столь осторожным и щепетильным, что практически не возымело воздействия.

День прошел нормально, и к вечеру множество народа выплеснулось на улицы, желая увидеть, что произойдет, если произойдет вообще. Подземка закрылась в восемь часов вечера, городской транспорт не работал, пешеходы мрачно прогуливались вдоль Темзы в нетерпеливом ожидании кульминации.

Ровная, маслянистая поверхность реки медленно надвигалась на укрепления и быки мостов. Черная вода беззвучно поднималась все выше, а толпы любопытных, затаив дыхание, смотрели вниз.

Предполагаемая кризисная отметка составляла двадцать три фута и четыре дюйма. Это было на четыре фута ниже нового парапета, поэтому никто не волновался, что река поднимется выше укреплений. Беспокоило другое — вдруг не выдержат стены.

Мы расположились на северном конце моста Ватерлоо. На набережной, все еще освещенной фонарями, не было видно ни единого человечка — все заняли позиции на мосту. Стрелки часов на башне парламента невыносимо долго ползли по циферблату, как бы сопровождая наползающую на стены реку, пока, наконец, не добрались до одиннадцати. Над притихшим городом раздались гулкие удары Биг-Бена.

Их мерный звон заставил людей вздрогнуть, переступить с ноги на ногу, затем снова все стихло. Большая стрелка поползла вниз. Десять минут, пятнадцать, двадцать пять... И вот где-то в это время выше по течению послышался нарастающий рокот и ветер донес до нас эхо людских голосов. Все повернули головы и зашептались. Через несколько секунд вдоль набережной понесся огромный грязный поток, увлекающий за собой мусор, кусты, скамейки... Над мостом прокатился тяжелый сдавленный стон. И тут за нашими спинами рухнула стена старинного замка. Освобожденная река ринулась в пролом, выворачивая огромные камни, разрушая преграды. Вода вырвалась на улицы.

Ни введение чрезвычайного положения, ни распоряжение об эвакуации ничего не дали. В стране царила полная неразбериха, хаос. Трудно поверить, что даже те, кто издавал указы, надеялись на их выполнение. Конечно, если бы речь шла всего лишь об одном городе, может быть, и удалось навести порядок. Но паника охватила больше двух третей населения страны: люди устремились в возвышенные районы, и только самые жесткие меры могли сдержать беженцев, и то — ненадолго.

В Англии дела обстояли из рук вон плохо, в других местах — вовсе отвратительно. Нидерландцы проиграли свою многовековую битву с морем и отступили в глубь материка. Рейн и Маас затопили страну, разлившись на многие мили. Население подалось в Бельгию и Германию. Но и на северо-германской равнине было не намного лучше: разлив рек Эмс и Везер прогнал людей из родных городов и селений. Датчане спешно эвакуировались в Швецию.

Какое-то время нам еще удавалось ориентироваться в происходящем. Но когда жители Арденн и Вестфалии в ужасе кинулись в бегство, спасаясь от голодных и отчаявшихся пришельцев с севера, достоверные сведения погрязли в трясине слухов.

Обитатели восточных графств Великобритании бежали от наводнения в Мидленд (там обошлось почти без жертв — людей заранее предупредили о грозящей беде). Жители Чилтерн Хилса объединились в единый фронт, защищаясь от нашествия беженцев из Лондона и восточных окраин Англии.

В самом Лондоне события разворачивались по той же схеме, но с меньшим размахом. Обитатели Вестминстера, Челси, Ли Уолли, Хаммерсмита, оставив обжитые дома, уходили в Хемпстед и Хайгейт, где их уже поджидали баррикады и ружейный огонь. Однако ничто не могло остановить ожесточенных переселенцев: они врывались в близлежащие дома, силой добывали оружие и начиналось кровопролитие. Нечто похожее происходило и в Сиденхеме и в Тутинг Беке.

Запаниковали и районы, еще не пострадавшие от наводнения. Несмотря на все потуги правительства восстановить спокойствие, подавляющее большинство считало, что девять шансов из десяти, чтобы выжить — перекочевать в более возвышенные места.

В некоторых, не тронутых водой, частях Лондона еще несколько дней сохранялась иллюзия привычной жизни. Не зная, что предпринять, люди пытались жить по-старому, и, хоть подземку затопило, множество народа по привычке спешило на рабочие места; полиция продолжала патрулировать улицы, но просачивающееся из пригородов беззаконие говорило о неизбежности краха. Вскоре вышло из строя аварийное освещение, и первая же ночь без единого огонька явилась своего рода coup de grace* по остаткам спокойствия. Начались повальные грабежи, особенно досталось продовольственным магазинам. Преступность достигла таких размеров, что и полиция и военные оказались бессильны.

---

* Завершающим смертельным ударом (*фр.*).

Мы решили, что пора переселяться в новую крепость И-Би-Си.

Из передач по радио выходило, что во всех городах Великобритании события развиваются в основном одинаково, если не считать, конечно, более низко расположенных поселений — там законы отмерли намного раньше. Я не собираюсь вдаваться в подробности — это дело историков, и не сомневаюсь, что когда-нибудь появятся их объективные скрупулезные труды.

И-Би-Си в эти дни постоянно дублировала своего старого конкурента, зачитывая вслед за ним многочисленные постановления правительства, все еще надеющегося восстановить некоторый порядок. Какое это скучное и неблагодарное занятие — изо дня в день убеждать еще не пострадавших домовладельцев оставаться на своих местах или расквартировывать пострадавших, или предупреждать уже расквартированных. Возымели ли наши голоса хоть какое действие, нам было неизвестно. Возможно, на севере и был какой-то эффект от этих передач, но на юге, где любые попытки рассредоточить людей были бесполезны из-за невероятного скопления народа и затопленных автомобильных и железнодорожных трасс — от них точно не было никакого проку. Слоняющиеся оравы сорванных с насиженных мест лондонцев вселяли ужас в тех, кто еще не лишился родного крова; люди боялись, что если не поторопиться, им может не хватить недоступного для воды клочка земли. Сначала, стараясь опередить друг друга, все хотели во что бы то ни стало раздобыть машину, но очень скоро выяснилось, что идти пешком куда безопаснее, хотя самое безопасное было — вообще не высовываться из дома.

Английский парламент перебрался в Харрогит — город в Йоркшире, расположенный на высоте семьсот футов над уровнем моря. Та скорость, с какой он переехал в свою новую резиденцию, диктовалась все тем же страхом, что кто-то может его опередить; со стороны казалось, что парламент возобновил работу всего через несколько часов после наводнения в Вестминстере. На его заседаниях поднимались вопросы о разрушительных процессах на ледовых окраинах земли. В частности, не ошиблись ли мы, проводя политику бомбардирования арктических *Глубин* с интенсивным использованием ядерных веществ? Не поступили ли мы в данном случае себе во вред, ведь парламент принял решение о бомбардировке вопреки советам экспертов?

Отвечая на этот вопрос, министр иностранных дел заявил, что, даже если отказаться от принятого решения, это мало что изменит.

— Русские,— пояснил он,— произвели больше ядерных взрывов, чем мы и американцы, вместе взятые.

Все удивились столь резкому повороту политики активных борцов за мир.

— Из наших источников,— разъяснил министр,— мы знаем, что Россия стоит перед угрозой образования на своей территории нового внутреннего моря. От устья Оби к югу простираются огромные пространства пойменных лугов, сейчас полностью залитые водой. Если ничего не изменится и уровень воды будет подниматься, то новообразованный бассейн достигнет размера Гудзонова залива. К тому же, Москву очень беспокоят быстро распространяющиеся наводнения в Карелии и области южнее Белого моря.

Администрация И-Би-Си тоже перебралась из Лондона в Харрогит и стала оживленным военным лагерем на окраине города. С противоположной стороны расположилось начальство нашего архиконкурента. На таком расстоянии друг от друга соперники могли жить совершенно спокойно, без боязни, что за ними подглядывают в телескоп.

Что касается нас, то мы день ото дня все глубже погружались в рутину.

Жилые помещения располагались на последнем этаже, этажом ниже — офисы, студии, техснаряжение, склады и прочее, в подвалах здания — огромные запасы керосина и дизельного топлива. Наша крыша служила посадочной площадкой для вертолетов, а крыша соседнего дома была сплошь утыкана нашими антеннами. Несколько обжившись, мы решили, что довольно неплохо устроились.

И все равно, несмотря на, казалось бы, надежное убежище, мы, руководимые все тем же страхом, первым делом перетащили часть содержимого продовольственного склада в собственные апартаменты, пока это не сделали другие.

Что за роль была нам отведена — оставалось только догадываться насколько я понимаю — создавать видимость обычной работы. Последовать за администрацией в Йоркшир мы могли лишь в крайнем случае — при неминуемой опасности. На чем это распоряжение было основано? Вероятно, на уверенности, что Лондон погибнет не весь сразу, а по частям: сначала — одна его клетка, потом — другая...и так до тех пор, пока вода не заплещется у дверей наших «кают». А до той поры все штатные сотрудники И-Би-Си — оркестр, артисты, дикторы... обязаны работать, как ни в чем не бывало. Единственным свидетельством того, что составители сей программы допускали неожиданный поворот событий, было заблаговременное перемещение фонотеки в Йоркшир. И то опасались они скорее беспорядков и неразберихи, нежели катастрофы.

Забавно, что еще несколько дней кое-кто из администрации нет-нет да и показывался в Лондоне, но потом и те исчезли, бросив нас на произвол судьбы. С тех пор мы перешли на осадное положение.

Не хочу быть дотошным и утомлять вас подробностями следующего года — это долгая и нудная история мирового упадка.

Во время холодной затянувшейся зимы вода не переставала прибывать. Вооруженные оборванцы рыскали по Лондону в поисках пропитания, и в любой час дня и ночи можно было услышать отзвуки перестрелки неполадивших между собой банд.

Даже на нас пару раз попытались напасть, но эти попытки не увенчались успехом, и, так как вокруг еще хватало магазинов, представляющих собой более легкую добычу, нас оставили на закуску.

С приходом весны народу на улицах заметно поубавилось. Не желая провести еще одну зиму в голодном, антисанитарном городе, многие подались в деревни, и уличные бои переместились от центра к окраинам.

Поредели и наши ряды: из шестидесяти пяти человек осталось двадцать пять. Остальные партиями улетели на вертолете, после того как центр жизни переместился в Йоркшир. Мы остались в виде какого-то незначительного поста, исключительно ради престижа компании.

Я и Филлис тоже подумывали, не пора ли и нам податься в новую столицу, но, потолковав несколько минут с командиром вертолета, решили еще немного повременить, уж больно переполненной и малопривлекательной показалась нам теперешняя штаб-квартира И-Би-Си.

Нельзя сказать, что мы испытывали большие неудобства на своей лондонской верхотуре, напротив, чем меньше нас оставалось в этом орлином гнезде, тем больше пространства и продовольствия приходилось на каждого.

Поздней весной правительство взяло все радиовещание под прямой контроль, и таким образом мы слились с нашим архиконкурентом. Бродкастинг Хауз к тому времени практически опустел, запасы его истощились и несколько сотрудников Би-Би-Си, до сих пор не покинувшие Лондон, присоединились к нам, благо у нас всего было вдоволь.

Новости мы получали по двум основным каналам: умеренно правдивые — из Харрогита от И-Би-Си и неумеренно оптимистические — отовсюду. К последним мы относились весьма цинично и очень быстро от них устали, казалось, что все государства мира встречают и даже побеждают напасть с прямо-таки залихватской смелостью, свойственной исконным традициям их непобедимых народов.

К середине дрянного промозглого лета Лондон совсем притих. Банды ушли, и остались только шакалы-одиночки. Без сомнения, их было довольно много, но в огромном городе они казались крохотной горсткой. Мы снова могли показаться на улицах без страха тут же быть убитыми.

Вода неумолимо поднималась, не оправдывая никаких прогнозов: самые высокие приливы достигли уже пятидесяти футов. Граница наводнения проходила севернее Хаммерсмита, захватывала большую часть Кенсингтона, тянулась вдоль южной стороны Гайд Парка, затем к югу от Пикадилли, через Трафальгарскую площадь вдоль Стренда и Флит-стрит и дальше шла к северо-востоку выше западной стороны Ли Уолли; только Сити и холм с собором Святого Павла оставались незатопленными. На юге граница пролегала через Барнис, Баттерси, Сауфварк, большую половину Дептфорда и нижнюю часть Гринвича.

Однажды во время прилива мы прогуливались возле Трафальгарской площади. Вода плескалась у самых ног. Стоя у балюстрады и глядя на забрызганных пеной львов Ландсейера, мы гадали, что бы сказал адмирал Нельсон при виде своей статуи в окружении покачивающейся на воде удивительной коллекции обломков.

На полузатопленных шестах, светофорах, фонарях — излюбленном месте голубей — сидели чайки, кое-где на деревьях чирикали воробьи; скворцы еще не покинули церковь Святого Мартина, а вот — голуби, голуби улетели.

— Не помню, кто сказал: «Так кончится мир — не грохотом, а хныканьем»,— произнес я, глядя на тоскливый пейзаж.

— Не помнишь?! Да это же Эллиот!

— Да? Видимо, он обладал даром предвидения.

— Величайшее предназначение поэта — предвидеть,— назидательно отозвалась Филлис.

— Хм,— усомнился я,— а может его миссия — снабжать нас цитатами при всяком неожиданном повороте событий. Ну, не злись, не злись. Эллиоту, действительно, надо отдать должное.

Мы помолчали.

— Если бы мы только могли помочь этому миру...— заговорила Филлис.— Мне все время казалось, что еще не поздно что-нибудь сделать, а вот теперь я начинаю сомневаться. Ничего не вернуть, все, поздно. А посещать места, вроде этого, выше моих сил, Майк.

— Это единственное в своем роде, Фил. Когда-то оно было поистине уникально. А теперь — мертво, хотя еще не стало музеем. «Вся гордость вчерашняя наша в Ниневии и Тире»,— скоро запричитаем мы. Скоро, но не сейчас.

— Ты что, сегодня на короткой ноге с чужими музами? Чьи это слова?

— Это Киплинг, дорогая. Но скорее у него была не Муза, а Кошка.

— Бедняга Киплинг.

— Однако ему тоже надо отдать должное.

— Майк,— после затянувшегося молчания неожиданно произнесла Филлис,— давай уйдем отсюда. Прямо сейчас.

— Да, так будет лучше. Пора научиться обходиться без сентиментальностей.

Филлис взяла меня под руку, и мы повернули назад. Вдруг откуда-то с южной стороны площади до нас донеслось тарахтение мотора и из-под арки Адмиралтейства выскочил катер. Резко повернув, он помчался к Уайтхоллу, поднимая за собой волну, захлестывающую окна дорогих правительственных кабинетов.

— Здорово! — восхитился я.— Даже во сне такое не приснится!

— Стоит подумать,— заметила Филлис, снова становясь практичной,— где бы и нам раздобыть катер.

К концу лета вода поднялась еще на девять футов, и к середине сентября нас осталось всего шестнадцать человек.

Даже Фредди объявил, что ему надоело убивать время в четырех стенах и он собирается подыскать себе что-нибудь поинтереснее. Вертолет унес его вместе с женой в Йоркшир, а мы остались обдумывать наше собственное положение.

Как ни опротивело нам готовить бодренькие передачи из обливающегося кровью сердца империи, мы оставались на месте, потому что считалось, что они все еще приносят какую-то пользу. Да и все до сих пор работающие радиостанции мира насвистывали примерно одну и ту же песенку.

За два дня до отлета Виттиеров, поздним вечером, мы поймали Нью-Йорк. С высоты Эмпайер Стэйт Билдинг диктор описывал изумительный вид ночного города: «Башни Манхэттена, как замершие на посту часовые; переливающаяся в лунном свете вода разбивается об их подножия...» Да, представить такую картину было несложно, но наше воображение рисовало нам уж никак не «часовых», а скорее обелиски. Дослушав передачу, мы поняли, что нам никогда не сравняться с американцами в живописании картин умирающего города и, прощаясь с Фредди, сказали, что скорее всего тоже оставим Лондон.

Однако две недели спустя, когда мы вновь по прямому проводу услышали его голос, у нас еще не созрело окончательное решение. Да и Фредди не уговаривал нас последовать его примеру.

— Это не пустые слова, Майк. Это совет незаинтересованного человека тому, кто может оказаться на сковородке.

— В чем дело, Фредди?

— Понимаешь, если б я так горячо не просился сюда, я б непременно подал прошение о переводе обратно. Черт побери, Майк, оставайся там и ни о чем не жалей!

— Но...

— Подожди минуточку.— Фредди на мгновение исчез.— Порядок! — снова раздался его голос.— Теперь нас никто не подслушивает. Пойми, Майк, здесь — сущий ад. Йоркшир переполнен, жрать нечего, терпение у всех вот-вот лопнет; если через пару дней не вспыхнет гражданская война — я сочту это за чудо. Голодные озлобленные крестьяне думают, что мы сидим у них на шее, но это не так. Оставайся, Майк, не ради себя, так ради Фил.

— Так возвращайся, Фредди! Если все так плохо, на первом же вертолете и возвращайся! Подкупи, в конце концов, пилота...

— Да, наверное. Не понимаю — какого черта нас вообще пустили. Мы здесь никому не нужны, лишние два рта и только. Жди нас следующим рейсом, Майк.

— Удачи тебе, Фредди. Привет жене и Бокеру, если его там еще никто не прикончил.

— О, Бокер здесь и считает, что вода не поднимется выше ста двадцати пяти футов. Он утверждает, что это хорошая новость.

— Еще бы — от него следовало ждать чего-нибудь похлеще! Ну ладно, Фредди, до скорого.

Еще одна супружеская чета, которая собиралась лететь следующим рейсом, осталась, хотя я никому не рассказывал о своем разговоре с Йоркширом.

Мы ждали Фредди два дня, на третий — связались с И-Би-Си, но там ничего не знали о нем — Фредди с женой и вертолетом загадочно исчезли. А поскольку у компании других вертолетов не было, то последняя ниточка нашей связи с Йоркширом оборвалась.

За холодным летом пришла холодная, гнусная осень. Прокатились и тут же заглохли слухи, что вновь появились *морские танки*; может быть, *танки* сочли добычу на пустынных лондонских улицах слишком бедной? Не знаю, но, судя по сообщениям радио, в других районах они, действительно, активизировались.

Фредди оказался недалек от истины — в Йоркшире начались серьезные осложнения. Как-то вечером по радио мы услышали призыв местных властей ко всем лояльно настроенным гражданам поддержать законное правительство и оградить его от возможных попыток насильственного переворота. Но то, как это было подано, не вызывало сомнений, что такая попытка уже состоялась. Стало ясно — это конец. Даже лучший диктор И-Би-Си не смог придать убедительности словам, и весь правительственный призыв выглядел жалкой мешаниной из увещеваний, угроз и молений.

Наша администрация не могла или не хотела ничего прояснять.

— С беспорядками скоро будет покончено,— объявила она, желая пресечь распространившиеся слухи и не допустить антиправительственных настроений.

Мы ответили, что ничто не может вызвать в нас недоверие к законной власти и еще раз запросили о положении в Йоркшире.

Но тут связь неожиданно оборвалась.

Ситуация, когда слышишь весь мир, и никто, никто даже не упомянул о родной Англии, пока не привыкнешь, довольно

странная. Из Америки, Канады, Австралии, Кении мы что ни день получали запросы о нашем молчании.

Прежде, отдавая планете свои скудные знания, мы хоть слышали, как наши сообщения потом повторяли зарубежные станции. А теперь мы не понимали, что происходит. Если даже радиовещательные системы обеих корпораций оказались неисправными, то в эфир все равно выходили бы независимые станции Шотландии и Северной Ирландии. Но и от них не было ни звука. Остальному миру, занятому маскировкой собственных трудностей, было не до нас. Правда, однажды мы все-таки услышали голос, бесстрастно говоривший о «L'ecroulement de L'Angleterre». Что это значит, мы не поняли, но звучало очень зловеще.

Кончилась зима. Лондон, казалось, вымер — можно было пройти целую милю, но так никого и не встретить. Как люди сумели перезимовать, оставалось загадкой. Остатками награбленного?

Естественно, это не тема для расспросов, тем более, когда из-под пальто на тебя смотрит дуло пистолета. Мы и сами давно не расставались с оружием, но ни разу, к счастью, нам не довелось нажать на курок. Странно, но волчьи инстинкты пока не взяли верх над разумной человеческой настороженностью. Случайно встреченные люди делились с нами слухами, сплетнями и некоторыми новостями местного значения. Именно от них мы узнали о плотном враждебном кольце, образовавшемся вокруг Лондона, о том, что окружающие районы объявили себя независимыми государствами и, выдворив беженцев, закрыли границы. Всякого вступившего на их территорию ждет верная смерть.

— Это что! Будет еще хуже! Все так считают,— заверил нас разговорившийся прохожий.— Пока есть запасы, все нормально, главное сейчас — не позволить себя обокрасть какому-то прощелыге. Потом будет наоборот — с ног собьешься, пока отыщешь пройдоху, у которого еще что-то припрятано. Вот где гадко-то станет.

Отметка прилива подобралась к семидесяти пяти футам. По ночам с юго-запада дул пронзительный ледяной ветер, прижимая к крышам бурый дым из печных труб. Запасы угля давно кончились, и люди сжигали в каминах все, что попадалось под руку,— столы, стулья, книги...

Я думаю, что в то время во всей Англии не было ни одного человека, который устроился бы лучше нашей группы. Продовольствия, топлива — всего имелось с избытком и хватило бы на несколько лет — ведь никто не думал, что из всей команды нас останется только шестнадцать. Однако не хлебом единым жив человек! И когда впервые вода перехлестнула ступени нашего дома и все здание наполнилось шумным эхом ниспадающего в подвалы потока, щемящее чувство одиночества сдавило горло.

Многие из нас совсем раскисли и ходили понурые, задаваясь единственным вопросом: «Неужели сто футов — это еще не предел?».

Я не мог лицемерить и поведал всем новую версию Бокера о ста двадцати пяти футах, означающих, что в своем орлином гнезде мы можем чувствовать себя в безопасности. Это было слабым

утешением, поскольку никто не забыл слова того же Бокера о том, что любые прогнозы весьма относительны, ведь никто точно не знает, сколько льда в Антарктиде, Арктике и в других северных районах. И все равно, лежа в постели, под гулкий плеск гонимых ветром по Оксфорд-стрит волн, мы твердили про себя как молитву: «сто двадцать пять, сто двадцать пять...»

Как-то солнечным, но холодным майским утром я разыскивал Филлис. Расспросы привели меня на крышу, где я застал ее, глядящую на утыканное деревьями озеро, некогда бывшее Гайд Парком. Она плакала.

— Я так и осталась сентиментальной, Майк,— вытирая заплаканные глаза, сказала она.— Я больше не могу. Увези меня отсюда. Пожалуйста.

— Куда, Фил?

— В коттедж. В деревне будет лучше. Там кое-что и растет, а не только, как здесь, умирает. А тут... хоть с крыши прыгай. У нас нет выбора, Майк.

Я задумался.

— Даже если мы доберемся до коттеджа, то все равно умрем от голода.

— Там...—Филлис замялась.— Мы продержимся, Майк, обязательно продержимся до того, как вырастим что-нибудь. Потом, там же есть рыба, ты наловишь много рыбы. Да, будет тяжело, но оставаться здесь, на этом кладбище!.. Я больше не могу, Майк. Что мы совершили, чтобы заслужить такую кару? Пусть мы несовершенны, но не настолько же! Если б хоть знать, с кем сражаться, а так!.. Люди тонут, умирают от голода, убивают друг друга... Все, все ради жизни! Может, тот, кто посильнее, и выживет, переждет на крыше какого-нибудь небоскреба, но что его ждет потом? Что еще придумают эти твари?

Ты знаешь, Майк, они мне часто снятся, лежащими там, внизу, в беспросветном мраке, иногда напоминающие ужасных осьминогов или слизняков, иногда — огромные облака мерцающих клеток. Но как бы они ни выглядели, они — существуют, и от них никуда не деться. Они сделают все, лишь бы нас уничтожить.

Это так страшно, Майк,— эти сны... огромные бескрайние равнины — дно океана, притягивающее к себе все — раковины, осколки костей, миллиарды и миллиарды крупиц планктона. Одно движение вниз, век за веком... И несметные полчища *морских танков*, без конца и края, насколько хватает глаз; они переваливают через расщелины, через затопленные города, они идут сюда, Майк.

Много раз мне снилось, что мы с тобой поймали и вскрыли *танк*, и там оказался *Он Сам*, и мы поняли, что надо сделать, чтобы уничтожить их всех. И никто, кроме Бокера, нам не поверил, но док создал новое оружие, и мы победили, Майк, понимаешь — победили.

Я знаю, все это глупо, но очень приятно проснуться с чувством, будто ты спас мир. Как жаль, что это всего лишь сны и кошмар продолжается.

Увези меня, Майк! — взмолилась Филлис.— Иначе я сойду с ума. Я больше не могу видеть, как дюйм за дюймом гибнет великий город. Увези, увези, куда хочешь, лишь бы не оставаться в Лондоне. Лучше погибнуть, чем пережить еще одну такую зиму.

— Хорошо, дорогая,— сказал я.

А что я мог еще сказать?!

Оставалось найти способ добраться до Корнуэлла. Попытаться идти сухим путем? Но мы были наслышаны о специальных капканах, засадах, сигнализациях, сторожевых пунктах и так далее, причем, говорят, доходило до того, что буквально вырубали целые рощи, лишь бы ничто не мешало всадить очередному беженцу пулю в лоб. Во всем — строгий расчет, каждому известно, что значит лишний рот, каждый знает свою задачу — не допустить и не пропустить. Таков закон борьбы за выживание. А поскольку наше собственное чувство самосохранения требовало от нас того же — выжить, мы решили идти другим путем.

Поиски катера ни к чему не привели, но все же мне удалось раздобыть небольшую лодку.

Мы задержались в надежде на более теплые дни, но в конце июня, расставшись с иллюзиями, я погрузил в лодку провиант, и мы тронулись вверх по реке.

Если бы не счастливая случайность, подарившая нам маленькую моторную яхту «Мидж», я не знаю, что бы с нами сталось. Думаю, в конце концов, нас бы просто пристрелили.

Однако «Мидж» все изменила, и на следующий день мы вернулись в Лондон.

Что ни говорите, а плавание по затопленным улицам — дело довольно мучительное и неприятное. Нас выручала хорошая память, и мы ни разу не напоролись днищем на скрытые под водой фонари или светофоры. Обычно в более мелких местах я прибавлял скорость, но на углу улицы, ведущей к Гайд Парку, мы проторчали несколько часов в ожидании прилива.

Мучившее нас предчувствие, что кто-нибудь из оставшихся коллег захочет присоединиться к нам, оказалось безосновательным. Все без исключения, сочтя нас сумасшедшими, принялись уговаривать остаться и больше не покидать надежного пристанища, называя наше решение — безумием. И все же они помогли нам заправить и снарядить «Мидж» в дорогу. Ребята так старались, что яхта осела на несколько дюймов.

Мы продвигались по Темзе медленно и осторожно. Больше всего нас беспокоил ночлег — «Мидж» с ее содержимым являла собой лакомую добычу. Мы причаливали на тихих, укромных улочках затопленных городов и там проводили ночь. Иногда из-за сильного порывистого ветра мы застревали в подобных местах на несколько дней. В общем, путешествие, на которое обычно у нас уходило в среднем полдня, заняло больше месяца.

Чем ближе мы приближались к Корнуэллу, тем тревожнее становилось на душе. Чем встретит нас коттедж Роз?

Держа револьвер наготове, я направил яхту в устье реки Хелфорд. Кое-где на склонах холмов показались вооруженные люди, но они почему-то пропустили нас, как потом выяснилось, «Мидж» просто приняли за местную яхту.

Мы свернули в один из многочисленных рукавов, но ошиблись. Мы ошибались еще с десяток раз (и все из-за размножившихся, как грибы после дождя, притоков), прежде чем увидели знакомый силуэт коттеджа с крышей почти до самой земли.

Конечно, здесь уже побывали, и неоднократно. Но хотя беспорядок был на славу, унесли немного, в основном съестное и топливо.

Бегло осмотревшись, Филлис скрылась в подвале, а через минуту она уже бежала в сад к своей беседке.

— Слава богу, все в порядке,— облегченно вздохнула она, вернувшись.

Мне показалось, что Филлис выбрала не самое удачное время проявлять заботу о беседке, пусть даже построенной ее собственными руками.

— Что в порядке?

— Провизия, конечно. Мне не хотелось тебе говорить заранее если б что случилось, было бы так обидно.

— Подожди, подожди. Какая провизия?

— Майк, у тебя что — голова совсем не работает? Е-да, понимаешь — еда. Ты что действительно думал, что я подрядилась в каменщики ради забавы? Я замуровала половину подвала, набив продуктами, и устроила еще один склад — под беседкой

Я ошарашенно уставился на жену.

— Ты хочешь сказать... Но это же было еще до наводнения!

— Но не до того, как начали нападать на наши корабли. Уже тогда стало очевидно, что нас ждут большие трудности. Вот я и подумала, что неплохо было бы как-нибудь подготовиться, хотя бы запастись продуктами. Если б я сказала тебе об этом раньше, ты бы меня не понял.

— Не понял?

— Ну, Майк, согласись, что ты из тех, кто будет лучше платить по курсу черного рынка, чем примет разумные меры предосторожности.

— И поэтому ты засучила рукава?

— Мне так не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал об этом, Майк. Поэтому я сама... Мне кажется, я не зря потрудилась.

— И надолго нам этого хватит?

— Незнаю. Здесь добрый фургон, плюс то, что мы привезли на «Миджо».

У меня еще остались кое-какие сомнения, но выражать их я пока воздержался, и мы принялись за разгрузку и уборку.

Через четыре месяца узенькая полоска суши, соединяющая наш холм с большой землей, скрылась под водой, и мы превратились в настоящих островитян. Здесь, в Корнуэлле, происходило то же самое, что и везде: неохотное отступление — вначале, и паническое бегство на возвышенности потом, когда страх, что тебя опередят, пересилил остальные чувства. Остались только те, в чьих сердцах теплилась надежда, что еще не все потеряно и вода не коснется их порога. Потом началась настоящая война — каждый защищал свои владения: одни — от опустошительных набегов людей с возвышенностей, другие — от отчаявшихся беженцев. Не знаю, насколько это правда, но рассказывали, что, по сравнению с восточными графствами, здесь было намного легче, так как большинство населения ушло в земли более плодородные, нежели вересковые пустоши. А в Девоншире, Дорсете, Сомерсетшире велись непрекращающиеся ожесточенные бои между умирающими от голода жителями.

Через неделю сломался приемник и починить не было никакой возможности.

Полная изоляция легла на нас тяжким бременем. Хотя, с другой стороны, мы радовались, что наш остров не вызывал того искушения у местных обитателей, которого мы так боялись. Рыбы в море было полно, да и урожай, собранный корнуэльцами в прошлом году, не заставлял их браться за оружие, чтобы добыть пропитание. Нас не трогали; все, наверное, думали, что мы обходимся рыбой и теми запасами, которые привезли на «Мидж».

Я начал писать эту книгу в начале ноября. С тех пор прошло четыре месяца. Вода продолжает медленно подниматься, но уже не с такой скоростью и, кажется, в Ла-Манше айсбергов значительно поубавилось.

Изредка нас посещают *морские танки*, иногда по одному, но чаще — по пять-шесть. Практически, они не доставляют нам никаких хлопот — дозорные всегда предупреждают людей об опасности, и все поползновения морских гадов терпят фиаско. Да и сами *танки* становятся все менее агрессивными, редко случается, что они заходят дальше, чем на четверть мили от края воды и, не найдя жертв, быстро поворачивают обратно.

Гораздо тяжелее было пережить лютую зиму, более холодную, чем все предыдущие. Неуспокаивающееся все три месяца море выбрасывало на берег огромные льдины, залив промерз до самого дна; хорошо, что наш домик расположен с подветренной стороны, иначе нам бы пришлось совсем туго.

Запасы тают на глазах, и мы подумываем покинуть Корнуэлл, как только наступит лето. Думаю, что продуктов еще хватило бы на одну зиму, но что потом — все равно надо уходить.

Не питая больших надежд разжиться топливом где-нибудь в Плимуте или Девонпорте, я на всякий случай поставил на «Мидж» мачту. Но под парусами или без... мы еще не решили — куда поплывем, ясно, что на юг, где можно будет что-нибудь посадить, вырастить и собрать урожай. Может быть, там нас ждет смерть от пули, но, как ни смотри, это лучше, чем умереть от голода.

— Нас ждут большие путешествия,— всякий раз говорит Филлис.— Пока нам благоволит Фортуна, мы должны рисковать.

Сегодня двадцать четвертое мая.

Мы не плывем на юг, я извиняюсь, что забежал вперед.

Потомкам не придется раскапывать жестяные банки с этими записями, они остаются со мной и, возможно, их даже очень скоро прочтут. С некоторых пор наши планы резко изменились.

А случилось вот что.

Мы готовили «Мидж» к путешествию. Филлис красила, а я копался в двигателе, регулируя зажигание, когда в заливе показалась лодка. Я убедился, что револьвер при мне и пристально следил за приближением непрошеного гостя. Когда лодка подошла достаточно близко, я узнал в нем одного местного жителя, с которым мне пару раз доводилось встречаться последнее время.

— Эй, там! — закричал он.— Ваше имя Ватсон?

— Да,— отозвался я.

— Тогда мне к вам.

Он убрал парус и причалил к берегу.

— Майкл и Филлис Ватсон? — еще раз спросил он, вылезая из лодки.— Вы работали на И-Би-Си?

Мы кивнули.

— Тут по радио передали ваши имена.

Мы, выпучив глаза, смотрели на необычного гостя.

— Кто? — придя в себя, выпалил я.

— Они называют себя «Совет Возрождения». Уже неделю, если не больше, они каждый день выходят в эфир и всегда заканчивают списком разыскиваемых. Вчера зачитали ваши имена, добавив, что «могут находиться в окрестностях Пенлинна». Вот я и подумал, что надо наведаться к вам.

— Но... Но кто они такие и чего хотят? — чуть ли не орал я.

Он пожал плечами.

— Пытаются разгрести завал. И я говорю им — «Бог в помощь». Давно пора.

Филлис побледнела.

— Неужели?.. Неужели кончилось?

Мужчина внимательно посмотрел на нее.

— Нет,— тихо произнес он.— Но лучше хоть попытаться, чем бросить все так,— он кивнул в сторону разрушенных домов.

— Но зачем мы им?

— Они хотят, если это в ваших силах, чтобы вы вернулись в Лондон. Если — нет, оставайтесь здесь и ждите дальнейших указаний. Многих собирают в Шеффилде или Малверне, но вас почему-то хотят непременно видеть в Лондоне.

— И они не говорят — зачем?

Он покачал головой.

— Еще они говорят, что обеспечат всех портативными рациями и советуют организовать местное самоуправление.

Мы с Филлис переглянулись.

— Я, кажется, понял, зачем нас ищут.

Она кивнула.

— Пойдемте,— сказал я доброму вестнику.— У нас припрятано пару бутылочек на случай вроде этого.

— Расскажите все, что вам известно,— попросил я после того, как мы выпили по первому бокалу.

— Да вроде больше нечего. Два дня назад выступал Бокер. Вы его помните?

Еще бы нам его не помнить!

— Так вот, он давал «общий обзор ситуации» и казался много приветливее, чем раньше.

— Расскажите, расскажите! — обрадовалась Филлис.— Милый док в хорошем настроении — это что-то значит!

— Главное, он говорит, что вода больше не поднимается (можно подумать, я сам этого не заметил), и, хотя много плодородных земель погребено под океаном, оставшейся части человечества хватит, чтобы прокормить себя. А осталось нас на Земле одна пятая, если не одна восьмая.

— Что?! — вскричала Филлис, не веря своим ушам.— Всего?

— Похоже, что в сравнении с другими нам повезло,— заметил он.— Пережить три дьявольских зимы без лекарств, без еды — это не шутка. Люди дохли как мухи.

Мы молчали, не в силах вымолвить ни слова. Я понимал только одно — будущий мир будет очень сильно отличаться от прошлого.

— А может, не стоит и пытаться?.. — удрученно произнесла Филлис.— Эти твари все равно не уймутся и придумают что-нибудь новое.

Наш гость усмехнулся.

— Бокер сказал кое-что и про них. Считайте, что они получили свое.

— Что получили?

— Не помню, как называется... Что-то там сбросили в эти чертовы *Глубины*... Ультра... ультра...

— Ультразвук? — догадался я.

— Точно. Бокер сказал, что он убивает их. И знаете, кто это придумал? Японцы. Они утверждают, что уже очистили свои воды от подводных монстров.

— Но кто-нибудь узнал, что представляют из себя эти монстры? Кто они? На что похожи? — сыпала вопросами Филлис.

— Не знаю. Все, что сказал по этому поводу Бокер,— «на поверхность всплыло огромное количество студенистой массы и быстро разложилось на солнце». Предполагают, что их разрывает от перепада давлений при всплытии. Ну и бес с ними.

— По мне довольно и того, что им воздалось.— Я наполнил бокалы.— За освобожденные *Глубины*!

Человек уплыл, а мы пошли в беседку.

Филлис выглядела так, будто только что закрыла дверь «Салона Красоты».

— Я воскресаю, Майк! — угадала она мои мысли.

— Я тоже, Фил. Хотя впереди нас ждет отнюдь не пикник.

— Ерунда! Зато есть надежда! Без нее — слишком тяжко.

— Это будет очень странный и необычный мир,— размышляя, сказал я.— Всего одна восьмая, Фил! Одна восьмая!

— Во времена Елизаветы нас насчитывалось миллион!

Мы принялись строить планы на будущее.

— Я думаю, нам хватит горючего до Лондона.

— Да, Майк, надо быстрее заканчивать с «Мидж» и возвращаться в Лондон.

Филлис сидела, подперев голову руками, и смотрела на воду.

Зашло солнце, похолодало.

— Знаешь, о чем я думаю, Майк? Ничто не ново на Земле. Когда-то, давным-давно, наши предки жили на огромной зеленой равнине, покрытой густыми лесами. В лесах водились дикие звери, и люди охотились на них. Но настал день — и случился потоп... Мне кажется, я узнаю это море, Майк... Мы уже были здесь. Ты понимаешь, Майк, мы ведь и в прошлый раз выжили.

РАССКАЗЫ

БОЛЬШОЙ ПРОСТОФИЛЯ

— Знаешь,— с удовлетворенным видом воскликнул Стефен,— если запустить эту ленту таким вот образом, мы услышим мои слова, только шиворот-навыворот.

Дайлис отложила книгу, взглянула на мужа. На столе перед ним стояли магнитофон, усилитель и всякие другие мелочи. Путаница проводов соединяла все это между собой, со штепсельной розеткой, с огромным репродуктором в углу и с наушниками на голове Стефена. Куски магнитофонной ленты устилали пол.

— Новое достижение науки,— холодно сказала Дайлис.— По-моему, ты собирался всего-навсего подправить запись вчерашней вечеринки и послать Майре. Она ей очень нужна, я уверена, только без этих фокусов.

— Да, но эта мысль пришла мне в голову только что!..

— Боже, посмотри, что ты тут натворил! Словно здесь устраивали бал телеграфной аппаратуры. Что хоть это такое?

Стефен поглядел на обрывки и кольца магнитофонной ленты.

— О, здесь записано, как все вокруг принимаются говорить разом, есть куски нудного рассказа, который Чарльз вечно всем навязывает... Есть нескромности... и всякая всячина...

— Судя по записи, нескромностей на этой вечеринке было гораздо больше, чем нам тогда казалось,— сказала она.— Прибери-ка ты тут, пока я приготовлю чай.

— Но почему бы тебе не прослушать пленку? — воскликнул Стефен.

Дайлис остановилась в дверях.

— Ну, скажи на милость, с какой стати я должна слушать твой голос да еще шиворот-навыворот? — спросила она и вышла.

Оставшись один, Стефен не стал наводить порядок. Вместо этого он нажал пусковую кнопку и стал с интересом слушать забавную белиберду — запись его собственного голоса, запущенного задом наперед. Потом он выключил магнитофон, снял наушники и переключил звук на репродуктор. Он заметил, что, хотя в интонациях голоса сохранялось что-то европейское, разобрать это в каскаде бессмысленных звуков было нелегко. Ради опыта Стефен вдвое сократил скорость и увеличил громкость. Голос, теперь на октаву ниже, принялся выводить глубокие, раздумчивые, невероятные звукосочетания. Стефен одобрительно кивнул и откинул голову назад, вслушиваясь в сочное рокотание.

Вдруг раздался шипящий звук, как будто паровоз выпустил струю сжатого пара, и налетела волна теплого воздуха, пахнувшего горячим шлаком.

От неожиданности Стефен подпрыгнул и чуть не перевернул стул. Опомнившись, он схватился за магнитофон, поспешно на-

жимая кнопки, щелкая переключателями. Сразу замолк репродуктор. Стефен с беспокойством обследовал аппаратуру в поисках повреждения, но все было в порядке. Он вздохнул с облегчением, и именно в этот момент каким-то непонятным образом почувствовал, что он уже не один в комнате. Стефен резко повернулся. Челюсть его отвалилась почти на дюйм, и он сел, рассматривая человека, стоявшего в двух шагах от него.

Человек стоял навытяжку, держа руки по швам. Он был высок — верных шесть футов — и казался еще выше из-за своего головного убора — цилиндра невероятной высоты с узкими полями. На незнакомце были высокий накрахмаленный воротничок с острыми углами, серый шелковый шарф, длинный темный фрак с шелковой окантовкой и лилово-серые брюки, из-под которых высовывались блестящие черные туфли. Стефену пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть его лицо. Оно было приятное на вид и смуглое, словно загорело под средиземноморским солнцем. Глаза были большие и темные. Роскошные усы вразлет сливались с хорошо ухоженными бакенбардами. Подбородок и нижняя часть щек были гладко выбриты. Черты его лица вызывали в памяти смутные воспоминания об ассирийских скульптурах.

Даже в первый момент — момент растерянности — у Стефена возникло впечатление, что при всей нелепости такого наряда в нынешних обстоятельствах в надлежащее время и в надлежащем месте он считался бы вполне солидным и даже элегантным.

Незнакомец заговорил.

— Я пришел,— заявил он довольно торжественно.

— Э-э... да-да...— сказал Стефен.— Я... э-э-э... я это вижу, но я как-то не совсем...

— Вы звали меня. Я пришел,— повторил человек с таким видом, будто его слова должны были все объяснить.

Вместе с замешательством Стефен почувствовал раздражение.

— Но я не произнес ни слова,— возразил он.— Я просто сидел здесь и...

— Не волнуйтесь. Вот увидите, вам не придется раскаиваться,— сказал незнакомец.

— Я не волнуюсь, я просто сбит с толку,— сказал Стефен.— Я не понимаю...

Незнакомец ответил с оттенком нетерпения, без всякого пафоса на сей раз:

— Разве вы не построили железную Пентаграмму? — Оставаясь неподвижным, он сложил три пальца правой руки таким образом, что указательный, затянутый в лилово-серую перчатку палец вытянулся, указуя вниз.— И разве вы не произнесли Слово Власти? — добавил он.

Стефен взглянул туда, куда показывал палец. Пожалуй, подумал он, несколько кусков ленты на полу и образуют геометрическую фигуру, имеющую сходство с пятиугольником. Но железная пентаграмма, сказал этот тип... Ах да, ну, конечно же, ферритовая пленка... Хм, ну хорошо, допустим... что-то тут есть...

Хотя Слово Власти... Впрочем, голос, говорящий задом наперед, мог набрести на какое угодно слово.

— Мне кажется,— сказал Стефен,— тут какая-то ошибка, совпадение.

— Странное совпадение,— скептически заметил человек.

— Что тут странного? Ведь совпадения иногда случаются,— сказал Стефен.

— Никогда не слышал, чтобы такое случалось. Никогда,— сказал незнакомец.— Если уж меня или моих друзей вызывают подобным образом, то всегда ради какого-то дела. А уж дело свое мы знаем!..

— Дело? — переспросил Стефен.

— Дело,— подтвердил человек.— Мы с удовольствием удовлетворим любое ваше желание. А у вас есть собственность, которую мы с удовольствием приобщим к нашей коллекции. Для этого нужно всего лишь договориться об условиях. Затем вы подписываете договор — своею кровью, разумеется,— и дело в шляпе.

Именно слово «договор» приоткрыло немного завесу. Стефен вспомнил запашок горячего шлака, наполнивший комнату при появлении незнакомца.

— Ага, начинаю понимать,— сказал Стефен.— Ваш визит... Значит, я вызвал духа. Вы не кто иной, как сам Са...

Незнакомец, сдвинув брови, прервал его:

— Меня зовут Бэтруэл. Я один из доверенных представителей моего Господина и располагаю всеми полномочиями для заключения договора. А теперь, если вы будете столь любезны и освободите меня от этого пятиугольника, слишком для меня тесного, мы со всеми удобствами обсудим с вами условия договора.

Некоторое время Стефен рассматривал незнакомца, потом отрицательно покачал головой.

— Ха-ха! — произнес он.— Ха-ха-ха!

Глаза гостя расширились. Он выглядел оскорбленным.

— Я попрошу!..— произнес он.

— Послушайте,— сказал Стефен,— извините меня за досадный случай, который привел вас сюда. Но поймите, здесь вам делать нечего, абсолютно нечего, независимо от того, что вы собираетесь предложить.

Некоторое время Бэтруэл в задумчивости изучал Стефена. Затем он слегка поднял голову, и ноздри его затрепетали.

— Очень странно,— заметил он.— Святостью здесь и не пахнет.

— О, не в этом дело,— заверил его Стефен.— Просто некоторые из ваших делишек хорошо нам известны, и — что весьма существенно — известны и последствия: не было случая, чтобы вступивший с вами в союз рано или поздно не пожалел об этом.

— Да вы только подумайте, что я могу вам предложить!

Стефен отрицательно покачал головой.

— Не старайтесь, право,— сказал он.— Я ведь привык отбиваться от вполне современных назойливых коммивояжеров. Мне приходится иметь с ними дело каждый божий день.

Бэтруэл посмотрел на Стефена опечаленными глазами.

— Я больше привык иметь дело с назойливыми клиентами,— признался он.— Ну что ж, если вы уверены, что все это простое недоразумение, мне остается только вернуться восвояси и дать объяснения. Признаться, ничего подобного со мной раньше не происходило, хотя по закону вероятностей и должно было произойти... Не повезло! Ну да ладно. До свидания — тьфу, черт, что я говорю,— прощайте, мой друг, я готов.

Бэтруэл замер, как мумия, и закрыл глаза: теперь и лицо его одеревенело.

Но ничего не произошло.

У Бэтруэла отвалилась челюсть.

— Ну произносите же! — воскликнул он раздраженно.
— Что произносить? — спросил Стефен.
— Слово Власти! Освобождение!
— Но я его не знаю! Я понятия не имею о Словах Власти,— возразил Стефен.
Брови Бэтруэла опустились и сошлись у переносицы.
— Вы хотите сказать, что не можете отослать меня обратно? — спросил он.
— Если для этого необходимо Слово Власти, то, ясное дело, не могу,— сказал Стефен.
Ужас тенью лег на лицо Бэтруэла.
— Неслыханное дело!.. Как же мне быть? Мне совершенно необходимо получить от вас или Слово Освобождения, или подписанный договор.
— Ну что ж, скажите мне это слово, и я его произнесу,— предложил Стефен.
— Да откуда же мне его знать? — рассердился Бэтруэл.— Я никогда его не слышал. До сих пор те, кто вызывал меня, спешили поскорее состряпать дельце и подписать договор...— Он помолчал.— Все было гораздо проще, если бы и вы... Нет? Это просто ужасно, клянусь вам. Я просто не представляю себе, что тут делать.
В дверь носком туфли постучала Дайлис, давая знать, что несет поднос с чаем. Стефен подошел к двери и приоткрыл ее.
— У нас гость,— предупредил он супругу: ему совсем не хотелось, чтобы она от удивления уронила поднос.
— Как же?..— начала было Дайлис, но когда Стефен открыл дверь пошире, она действительно чуть не выронила подноса. Стефен подхватил его, пока она таращила глаза, и благополучно поставил на место.
— Дорогая, это мистер Бэтруэл... Моя жена,— представил он.
Бэтруэл, все еще стоявший навытяжку, явно смутился. Он повернулся к Дайлис, чуть заметно наклонив голову.
— Очарован, мэм,— произнес он.— Надеюсь, вы извините мои манеры. К несчастью, движения мои ограничены. Если бы ваш муж был настолько любезен и разрушил эту пентаграмму...
Дайлис продолжала рассматривать его, оценивающим взглядом окидывая его одежду.
— Боюсь...боюсь, что я ничего не понимаю,— жалобно произнесла она.
Стефен постарался наилучшим образом объяснить ей ситуацию. В конце концов она сказала:
— Ну, я не знаю... Следует подумать, что тут можно сделать, верно? Это не так уж просто — ведь он не какое-нибудь перемещенное лицо.— Она в задумчивости посмотрела на Бэтруэла и добавила: — Стив, поскольку ты уже сказал, что мы не собираемся ничего с ним подписывать, может быть, можно разрешить ему выйти из этого?.. Ему там неловко.
— Благодарю вас, мэм, мне действительно страшно неудобно,— с чувством сказал Бэтруэл.
Стефен в задумчивости помолчал.
— Ну что ж, раз он все равно здесь, и мы все о нем знаем, особого вреда не будет,— согласился он.
Стефен наклонился и отбросил в сторону куски ленты на полу.
Бэтруэл вышел из разорванного пятиугольника. Правой рукой он снял с себя шляпу, левой коснулся шарфа на груди. Затем он повернулся к Дайлис, отвесил ей поклон — и сделал это пре-

восходно: отставил носок ботинка, левой рукой будто опираясь на несуществующий эфес шпаги, правой держа шляпу у сердца.

— Ваш покорный слуга, мэм.

Затем повторил это упражнение для Стефена:

— Ваш слуга, сэр.

Стефен ответил на это со всем старанием, сознавая, однако, что до элегантности гостя ему далеко.

Наступила неловкая пауза. Дайлис нарушила ее, предложив:

— Принесу-ка я еще чашечку.

Она вышла, вернулась и повела светскую беседу:

— Вы... э-э-э... вы давно не бывали в Англии, мистер Бэтруэл?

Бэтруэл, казалось, несколько удивился.

— Что вас навело на эту мысль, миссис Трэмон? — спросил он.

— О, я... я подумала...— смутилась Дайлис.

— Мою жену приводит в недоумение ваш костюм,— объяснил Стефен.— Кроме всего прочего, простите мою нескромность, мне кажется, вы перепутали различные периоды истории. Например, стиль вашего приветствия примерно поколения на два предшествует вашему костюму.

Бэтруэл, по-видимому, был слегка озадачен. Он оглядел свой костюм.

— Последний раз, когда я был здесь, я особенно внимательно приглядывался к модам,— разочарованно сказал он.

В разговор снова вмешалась Дайлис:

— Пусть это не расстраивает вас, мистер Бэтруэл. У вас прекрасный костюм. А какой материал!

— Но не совсем в современном стиле? — проникновенно спросил Бэтруэл.

— Да, пожалуй,— согласилась Дайлис.— Вы, наверное, все слегка отстали от моды... там.. где вы... живете.

— Возможно,— признался Бэтруэл.— В 17-18 веке у нас было много дел в этой части света, но уже в 19 количество их прискорбно сократилось. Вообще-то всегда бывают вызовы, но ведь дело случая, кого потребуют и в какой район. И так уж получилось, что в течение 19 века мне пришлось побывать здесь всего лишь раз, а в этом веке — и совсем ни разу. Так что можете представить себе, какую радость доставил мне вызов вашего мужа, с какими огромными надеждами на взаимовыгодную сделку я сюда явился...

— Ну-ну! Хватит об этом! — прервал его Стефен.

— О да, конечно, примите мои извинения. Старый боевой конь чует запах битвы, вы же понимаете.

Снова наступила пауза. Дайлис задумчиво смотрела на гостя. Всякому, кто знал ее так же хорошо, как ее муж, сразу стало бы ясно, что в сердце ее идет борьба и что любопытство берет верх.

Наконец она сказала:

— Надеюсь, ваши... э-э-э... командировки в Англию приносят вам не только разочарования, мистер Бэтруэл?

— О, ни в коей мере, мэм. О визитах в вашу страну у меня сохранились самые теплые воспоминания. Помню вызов одного алхимика — он жил возле Винчестера,— это случилось, по-моему, в середине 16 века. Он хотел получить хорошее имение, титул, добрую, но родовитую жену. Мы выбрали для него прелестное местечко недалеко от Дорчестера — его потомки проживают там до сих пор, насколько мне известно. Потом, в начале 17 века, был еще один довольно молодой человек. На того напала охота

обеспечить себя постоянным приличным доходом и, женившись, проникнуть в высшее общество. Мы его удовлетворили, и теперь его кровь течет в жилах весьма известных персон. А несколькими годами позже еще один молодой человек (надо признаться, тупой малый) просто захотел стать знаменитым драматургом и острословом. Это было куда труднее сделать, но нам и это удалось! Не удивлюсь, если его имя помнят до сих пор. Это был...

— Все это хорошо,— снова прервал его Стефен.— Для потомков это одно удовольствие. Но каково предкам?

Бэтруэл пожал плечами.

— Сделка есть сделка. Контракт заключается добровольно,— убежденно сказал он.— Хотя я здесь давно не был,— продолжал он,— но от своих сослуживцев знаю, что требования клиентов, хотя и изменились в деталях, по существу остались теми же. По-прежнему ценятся титулы, особенно женами клиентов; положение в обществе, хотя бы и в таком, каким оно стало теперь. Ну и, конечно, приличная загородная вилла в Мейфере,— теперь мы оборудуем в. у. и pied-de-terre*. Вместо конюшни мы теперь можем предложить закрытый «бент-роллслей», даже личный самолет...— с мечтательным выражением на лице говорил Бэтруэл.

Стефен почувствовал, что самое время вмешаться в разговор.

— Подумаешь, «бент-роллслей»! В следующий раз повнимательнее изучите «Справочник потребителя» И я вам буду очень обязан, если вы перестанете искушать мою жену. Не ей придется расплачиваться за это.

— Нет, конечно,— согласился Бэтруэл.— Между прочим, это весьма характерно для женщины. Она платит за то, что получает, но чем больше она получает, тем меньше платит. У вашей жены жизнь стала бы куда легче: никакой работы, слуги...

— Пожалуйста, перестаньте! — взмолился Стефен.— Поймите, ваша система устарела. Мы поумнели. Ваша система потеряла всякую притягательную силу.

На лице Бэтруэла отразилось сомнение.

— Если судить по нашим отчетам, мир еще далеко не безгрешен,— возразил он.

— Предположим. И все-таки самая безнравственная часть его не нуждается в ваших старомодных услугах. Люди предпочитают получить побольше, заплатив поменьше, если уж приходится платить.

— Это же не этично,— пробормотал Бэтруэл.— Должны же быть моральные устои!

— Возможно, но тем не менее это так. Кроме того, мы теперь более тесно связаны друг с другом. Ну, например, как, по-вашему, согласовать неожиданное получение мною титула с именным указателем Дебре? Или внезапное обогащение с инспекцией Подоходного налога? Или даже появление нового особняка с Городским Управлением? Нужно уметь смотреть фактам в глаза.

— О, думаю, все это можно уладить,— сказал Бэтруэл.

---

* В.у. — всеми усовершенствованиями, pied-de-terre (*франц.*) — участок земли (*прим. переводчика*).

— Ничего у вас не выйдет. Сейчас существует только один способ разбогатеть — это... Постой...— Он резко оборвал себя и погрузился в размышления.

Бэтруэл обратился к Дайлис:

— Какая жалость, что ваш муж так несправедлив к себе. У него же незаурядные способности. Это же просто бросается в глаза. Если он станет обладателем небольшого капитала, какие перспективы перед ним откроются!.. А сколько в этом мире приятного для богатого человека и, конечно, для его жены: всеобщее уважение, авторитет, океанские яхты. Просто жалость берет, что он растрачивает себя по пустякам.

Дайлис взглянула на своего задумчивого супруга.

— Вы тоже так думаете? Мне всегда казалось, что фирма его недооценивает.

— Все это происки мелких интриганов, конечно,— сочувственно произнес Бэтруэл.— Немало молодых дарований загублено ими. Но при известной независимости и, смею сказать, под руководством разумной и прелестной молодой жены я, право, не вижу причин, почему бы ему...

Но тут Стефен вернулся к действительности.

— Учебник Искушения, глава первая, не так ли? — презрительно фыркнул он.— А теперь не пора ли кончать с этим? Если вы сумеете реально посмотреть на вещи, я готов поговорить с вами о делах.

Бэтруэл просветлел лицом.

— Ага! — воскликнул он.— Я так и знал, стоит вам обдумать хорошенько все выгоды нашего предложения...

Стефен остановил его.

— Постойте,— сказал он.— Итак, о реальных вещах... Во-первых, вы должны зарубить себе на носу, что я не собираюсь обсуждать с вами никаких условий, так что можете прекратить заигрывание с моей женой. Во-вторых — и это главное,— влипли-то вы, а не я. К примеру, как вы думаете вернуться в... э... ну, туда, откуда вы явились, если я не помогу вам?

— Мое предложение: помогая мне, помогите себе,— торжественно заявил Бэтруэл.

— Это всего лишь одна сторона дела, не правда ли? А сейчас слушайте меня. Перед нами три возможных пути. Первый: мы разыскиваем кого-то, кто подскажет нам нужное заклинание. Вы можете сделать это? Нет? И я тоже. Второй путь: я могу попросить священника изгнать вас. Думаю, он был бы рад оказать эту услугу. Ведь впоследствии его могли бы канонизировать за стойкость в борьбе с искушениями...

Бэтруэл содрогнулся.

— Только не это,— запротестовал он.— В 16 веке так обошлись с одним моим другом. Это была мучительная процедура, он до сих пор никак не оправится. Потерял всякую веру в себя.

— Чудесно. В таком случае у нас есть еще третья возможность. Имея в наличии кругленькую сумму денег, я (не связывая себя никакими обязательствами, разумеется) берусь найти человека, который согласится заключить с вами договор. И тогда, имея на руках скрепленный подписями договор, вы сможете смело доложить у себя там, что ваша миссия увенчалась успехом. Как вам нравится такой вариант?

— Ничего хорошего в нем не нахожу,— быстро ответил Бэтруэл.— Вы просто хотите получить у нас сразу две концессии за полцены. Наша бухгалтерия никогда не пойдет на это.

Стефен печально покачал головой.

— Неудивительно, что ваша фирма прогорает. За тысячи лет своего существования она, кажется, и шагу не сделала вперед от идеи обыкновенного заклада. И вы уже готовы вложить собственный капитал там, где вам предоставляется возможность взять чужой. Так вы далеко не уйдете. Послушайте мой план: вы ссужаете меня небольшой суммой, получаете свой договор, и единственный капитал, который вам при этом придется выложить, это каких-нибудь несколько шиллингов и то из моего кармана.

— Не понимаю, каким образом это можно сделать,— с сомнением произнес Бэтруэл.

— Можно, уверяю вас. Правда, вам придется задержаться здесь на несколько недель. Будете жить у нас... А теперь скажите, вы умеете играть в футбол?

— В футбол? — растерянно повторил Бэтруэл.— Не думаю... Что это такое?

— Вы должны будете досконально изучить правила и тактику игры. Самое главное в ней — это точность удара по мячу. Если мяч попадает не совсем туда, куда предполагает направить его игрок, мяч потерян, потерян шанс, не исключено, что таким образом проиграна и игра. Понятно?

— Да, пожалуй.

— Тогда вы должны понять и то, что даже легкий толчок локтем — всего на какой-нибудь дюйм — в критический момент может многое изменить. И тогда не будет никакой нужды в неспортивной грубости, телесных повреждениях. Нужных результатов можно достигнуть, не вызывая никаких подозрений. А для этого нужно только, чтобы один из ваших чертенят — из тех, которых вы используете для своих шуточек,— своевременно и кого надо чуть-чуть подтолкнул под локоть. Устроить это не так уж трудно для вас.

— Да, это совсем просто,— согласился Бэтруэл. — Но я все-таки не понимаю...

— Ваша беда, старина, что вы безнадежно отстали от времени,— сказал Стефен.— Дайлис, где у нас справочник по спортивным играм?

Через полчаса Бэтруэл уже проявлял ощутимое знание игры и ее возможностей.

— Действительно,— сказал он,— стоит немного подучить технику, и тогда ничего не стоит устроить ничью, или даже поражение нужной команде... ничего не стоит.

— Точно! — радостно воскликнул Стефен.— И вот как это делается. Я заполняю купон, выкладываю на него несколько шиллингов, чтобы все было честь-честью. Вы ведете матчи, а я отгребаю в тотализаторе приличные суммы — и никаких дурацких вопросов со стороны инспектора по налогам.

— Все это, конечно, хорошо для вас,— заметил Бэтруэл.— Ну, а я-то, как получу свой договор? Если вы, конечно...

— Ага, вот тут мы подходим к следующей стадии,— ответил Стефен.— В уплату за мои выигрыши я берусь найти вам клиента, скажем, в течение шести недель, а? Договорились? Тогда давайте заключим соглашение. Дайлис, дорогая, принеси-ка нам лист бумаги и немного крови... о, какой же я болван, кровь-то у меня есть, своя...

Пять недель спустя Стефен подкатил на своем «бентлее» к подъезду Нортпарк Отеля, а минутой позже из подъезда вышел

Бэтруэл. Идею о том, чтобы поселить Бэтруэла в своем доме, пришлось отвергнуть после первых же двух дней знакомства с ним. Жажда искушать была второй, совершенно не поддающейся контролю натурой Бэтруэла. Это оказалось несовместимым с семейным спокойствием, поэтому Бэтруэла перевели в отель, где искушать было куда менее затруднительно и где перед ним открылись широчайшие возможности.

Теперь, выйдя из вращающихся дверей отеля, от предстал человеком, непохожим на того Бэтруэла, каким он впервые явился в гостиной Стефена. Хотя роскошные усы остались, бакенбард уже не было. Фрак уступил место серому сюртуку отличного покроя, потрясающий цилиндр — серой фетровой шляпе, а серый шарф — полосатому галстуку, который решительно ничем не напоминал гвардейский. Теперь это был зажиточный мужчина лет сорока, привлекательной наружности и, несомненно, принадлежащий ко второй половине двадцатого века.

— Лезьте в машину,— предложил ему Стефен.— Бланк договора с вами?

— Он у меня всегда с собой. На всякий, знаете ли, случай...— произнес он, когда машина тронулась.

Первый тройной выигрыш Стефена вопреки его надеждам не остался незамеченным. Попробуйте скрыть от людей неожиданное наследство в двести двадцать тысяч фунтов стерлингов! Перед следующей победой Стефен и Дайлис приняли все меры к тому, чтобы выигрыш остался неизвестен,— а он составил еще двести десять тысяч фунтов стерлингов. Когда же пришло время выплатить Стефену по третьему чеку — двести двадцать пять тысяч,— у администрации возникло некоторое сомнение — она не то чтобы отказалась платить, об этом не могло быть и речи: предсказание на купоне было написано чин-чином — чернилами, по всей форме,— но тем не менее администрация призадумалась и решила послать к Стефену своих представителей. Один из них, серьезный молодой человек в очках, принялся растолковывать Стефену закон вероятности и вывел число с потрясающим количеством нулей, представляющее якобы количество доводов против возможности выиграть подряд три раза тройную сумму.

Стефена это явно заинтересовало. Его система, заявил он, оказалась лучше, чем он предполагал, раз она устояла против невероятности, выраженной таким астрономическим числом.

Молодой человек пожелал познакомиться с системой Стефена. Стефен отказался говорить о ней, но признался, что не прочь обсудить некоторые ее детали с главой Стадиона мистером Грипшоу.

И вот они едут на беседу с самим Сэмом Грипшоу.

Главное управление Стадиона располагалось возле одной из новых магистралей, немного в глубине, за ровной лужайкой и клумбой с цветущими сальвиями. Швейцар в галунах отдал честь и открыл дверцу машины. Через несколько минут их провели в просторный кабинет, где Сэм Грипшоу стоя приветствовал их. Стефен пожал ему руку и представил своего компаньона.

— Мистер Бэтруэл, мой советник,— пояснил он.

Сэм Грипшоу бросил беглый взгляд на Бэтруэла, затем вгляделся пристальнее. На какой-то момент глава Стадиона будто призадумался. Потом он снова обратился к Стефену:

— Итак, прежде всего должен поздравить вас, молодой человек. Вы величайший победитель за всю историю нашего Стадиона. Говорят, шестьсот пятьдесят тысяч фунтов... Кругленькая сумма, весьма кругленькая, в самом деле. Однако,— покачал он головой,— вы же понимаете, так дальше продолжаться не может. Не может продолжаться...

— О, почему бы и нет? — дружески заметил Стефен, когда все сели.

Сэм Грипшоу опять покачал головой.

— Один раз — удача, второй раз — необыкновенная удача, третий уже дурно пахнет, четвертый может пошатнуть все предприятие, пятый будет означать почти банкротство. Никто ведь не поставит и шиллинга против дохлого дела. Это же ясно... Итак, у вас есть своя система?

— У нас есть система,— поправил Стефен.— Мой друг, мистер Бэтруэл...

— Ах, да, мистер Бэтруэл,— сказал Сэм Грипшоу, снова внимательно его разглядывая.— Полагаю, вам не очень хочется посвящать меня в вашу систему?

— А вы как думаете? — спросил Стефен.

— Думаю, что нет,— сказал Сэм Грипшоу.— Но и вы... Не можете же вы до бесконечности продолжать это...

— Только потому, что это разорило бы вас? Разумеется, это нам абсолютно ни к чему. Честно говоря, в этом и состоит причина нашего визита к вам. М-р Бэтруэл собирается вам что-то предложить.

— Послушаем,— сказал мистер Грипшоу.

Бэтруэл встал.

— Мистер Грипшоу, у вас прекрасное дело. И будет чрезвычайно обидно, если публика вдруг потеряет интерес к вам, обидно и за публику и за вас. Останавливаться на этом нет надобности хотя бы потому, что я знаю, вы воздержались от широкого оповещения публики о третьем выигрыше моего друга мистера Трэмона. Смею сказать, вы поступили мудро, сэр. Это могло бы вызвать некоторое охлаждение, уныние... Однако я могу предложить вам способ, с помощью которого вы навсегда освободитесь от угрозы возникновения подобной ситуации. И это не будет стоить вам ни пенни. Но все-таки...— Здесь им овладел дух искушения, и он стал похож на художника, который взял в руки свою любимую кисть.

Сэм Грипшоу терпеливо выслушал его вплоть до заключительных слов:

— ...и в уплату за это — за эту пустую формальность, я бы сказал,— я обязуюсь не помогать больше ни нашему другу, Стефену Трэмону, ни кому-либо другому в... э-э-э... предсказаниях. С кризисом, таким образом, будет покончено, и вы сможете продолжать свое дело с той убежденностью, которой, я уверен, ваше дело заслуживает.

Роскошным жестом он достал из кармана бланк договора и положил его на стол.

Сэм Грипшоу взял договор и просмотрел его. К несказанному удивлению Стефена, он согласился, не колеблясь ни минуты.

— Вроде бы все так. Боюсь, мне нечего возразить. Хорошо, подписываю.

Бэтруэл счастливо улыбнулся. Он выступил вперед с маленьким аккуратным перочинным ножичком в руке.

Поставив подпись, Сэм Грипшоу обернул чистым платком свое запястье. Бэтруэл взял договор, отступил на шаг, помахивая

бумагой, чтобы высохла подпись. Затем с видимым удовольствием рассмотрел ее, осторожно сложил договор и положил его в карман.

Он посмотрел на них, сияя улыбкой. От восторга он снова потерял представление о времени и отвесил свой элегантный поклон в стиле восемнадцатого века.

— Ваш слуга, джентльмены! — и исчез неожиданно, не оставив после себя ничего, кроме слабого запаха серы в воздухе.

Последовавшее за этим молчание прервал Сэм Грипшоу.

— Ну вот, от него мы избавились... он не появится здесь, пока кто-нибудь не вызовет его,— с удовлетворением сказал он и с задумчивым видом повернулся к Стефену.— Итак, вы не в проигрыше, молодой человек, верно? Вы положили в карман более полумиллиона, продав ему мою душу. Вот это я понимаю, деловые способности! Мне бы ваши способности, когда я был молод.

— Вы, однако, не очень-то расстроены, а? — со вздохом облегчения заметил Стефен.

— Да, этот договор меня нисколько не беспокоит,— ответил м-р Грипшоу.— Пусть беспокоится он там. А вам и невдомек, а? Вот уже тысячи лет, как он и ему подобные занимаются этим делом, и до сих пор никакой системы. А ведь сейчас в любом деле самое главное — это организация, то есть, чтобы все нити были в ваших руках и вы бы знали, что к чему и где что. А эти ... они просто старомодны. Много воды утечет, прежде чем они постигнут самое главное.

— Да, не особенно искусны,— согласился Стефен.— Но признайтесь, то, чего он добивался, он все-таки получил.

— Ха! Дайте срок. Он еще заглянет в картотеку, если, конечно, они имеют представление о картотеке... Откуда, по-вашему, я взял капитал для своего Стадиона?..

ВИДЕОРАМА ПООЛИ

Однажды я заглянул к Сэлли и показал ей заметку в «Вечерних известиях Уэстуича».

— Что ты на это скажешь? — спросил я ее.

Она, не присаживаясь, прочла статью и недовольно наморщила свой хорошенький лобик.

— Вздор какой-то,— проговорила она наконец.

Почему Сэлли в одно верила, а в другое не верила, всегда оставалось для меня загадкой. Поди разбери, почему вдруг девушка отвергает что-то совершенно бесспорное, а потом с пеной у рта отстаивает какое-нибудь откровенное надувательство... Как бы там ни было, но это так.

Заметка, озаглавленная «Пинок под музыку», гласила:

«Вчера вечером собравшиеся на концерт в Адамс-Холле любители музыки были поражены тем, что во время исполнения одного из номеров с потолка свесились по колено две ноги. Их видел весь зал, и все в один голос утверждают, что это была пара ног, обутых во что-то вроде сандалий. Они несколько минут медленно раскачивались взад и вперед и больше не появлялись. Обследование крыши не принесло никаких результатов, и владельцы концертного зала отказываются дать какое-либо объяснение случившемуся».

— Это уже не первый случай,— сказал я.

— Ну и что с того? — возразила Сэлли, очевидно позабыв, что минуту назад отрицала самую возможность подобных вещей.

— Затрудняюсь сказать,— отозвался я.

— Вот видишь,— заключила она.

Порой у меня возникает чувство, что Сэлли начисто не признает логики.

Впрочем, не одна она: людям хочется, чтобы все кругом было спокойно и привычно. И все же мне стало казаться, что пришло время обстоятельно изучить это дело и что-то предпринять.

Первым — так по крайней мере документально засвидетельствовано — столкнулся с этим явлением некий констебль Уолш. Если до него кто и видел нечто подобное, то, верно, почел это новой разновидностью небезызвестных «чертиков». Но единственное возлияние, которое обычно позволял себе констебль Уолш, состояло всего лишь из кружки крепкого чая с большой порцией сахара, а посему, когда он набрел на торчащую из тротуара голову с едва видимой шеей, он просто застыл на месте и уставился на нее. Но, что его особенно поразило, как заявил он в участке, куда влетел, пробежав без остановки полмили и долго еще заикаясь от страха, так это что голова поглядела ему вслед.

Спору нет, узреть голову на тротуаре — не большое удовольствие, тем более в два часа ночи, но вообще-то говоря, разве не случалось вам в минуту рассеянности поймать на себе укоризненный взгляд трески, которую вы жарите на сковородке? Однако констебль Уолш рассказал еще кое-что. Он утверждал, что голова открыла рот, словно хотела что-то сказать. Даже будь это правдой, ему не следовало говорить об этом: каждый знает — трезвому такое не привидится. Но поскольку констебль настаивал на своем, его попросили дыхнуть и, с огорчением установив, что от него не пахнет спиртным, отправили обратно на место происшествия в сопровождении другого полицейского. Никакой головы, а также следов пролитой или смытой крови там, разумеется, не было. На том, казалось, все и кончилось, вот только в послужном списке бедняги Уолша появилось несколько не особенно лестных пометок, затруднивших его продвижение по службе.

Впрочем, констебль недолго держал первенство. Два дня спустя целый дом обмер от страха, услыхав пронзительные крики миссис Рурк из квартиры №35 и одновременно вопли мисс Фаррелл, обитавшей над ней. Сбежавшиеся соседи нашли миссис Рурк в истерике: ей привиделось, что с потолка ее спальни свесилась пара ног; а мисс Фаррелл, заливаясь слезами уверяла, что из-под ее кровати высунулась чья-то рука. Однако при обследовании потолка и пола не удалось обнаружить ничего примечательного, кроме кучи пыли, извлеченной, не к чести мисс Фаррелл, из-под ее кровати.

К этому вскоре прибавились и другие случаи.

Первым привлек мое внимание ко всему этому Джимми Линдлен, работавший — если это можно назвать работой — в соседнем со мной отделе. Джимми собирал факты. Фактом в глазах этого бедняги было все, что попадало на страницы газет. Ему было все равно, о чем идет речь, лишь бы о чем-нибудь необычном. Возможно, он от кого-то слыхал, что истина не бывает простой, и поэтому решил, что все, что не просто, истина.

Я привык к его бурным вторжениям и не обращал на них особого внимания, поэтому его первый приход с пачкой вырезок о констебле Уолше и всей этой истории не вызвал во мне горячего интереса.

Но через день-другой он появился с новой пачкой вырезок. Меня несколько удивило, что он вторично обратился к фактам одного и того же рода, и я отнесся к нему повнимательней.

— Вот. Повсюду — руки, ноги, головы, туловища... Прямо какое-то наваждение. Это неспроста. Тут что-то есть! — возгласил он — его интонации в печати соответствовал бы курсив.

Прочитав часть принесенных им заметок, я был вынужден признать, что на сей раз он открыл неиссякаемый источник необычного.

Один водитель автобуса увидел, что прямо перед ним на дороге торчит человеческое туловище, но тормозить было уже поздно. Когда же он остановил машину и сам не свой вылез из нее, чтоб осмотреть жертву, ее не оказалось. Какая-то женщина высунулась из окна поглядеть, что делается на улице, и увидела под собой чью-то голову, которая тоже смотрела на улицу, только прямо из кирпичной стены. В лавке одного мясника из пола вылезли две руки, которые, как видно, пытались что-то нащупать; через мгновенье они исчезли в цементном полу — совершенно бесследно, разумеется, если не считать ущерба, нанесенного торговой репутации мясника. Какой-то каменщик внезапно увидел возле себя странно одетую фигуру, висевшую прямо в воздухе. После этого рабочего пришлось под руки свести вниз и отправить домой. Еще одну человеческую фигуру заметили на пути следования товарного поезда, но когда поезд ее переехал, она точно сквозь землю провалилась.

Пока я просматривал эти и еще некоторые другие заметки, Джимми кипел от нетерпения прямо как сифон с содовой.

— Хм!..— только и промолвил я.

— Вот-вот,— сказал он.— Что-то тут есть.

— Допустим,— осторожно согласился я,— но что именно?

— Все происшествия не выходят за пределы одной определенной зоны,— многозначительно сказал Джимми и раскрыл передо мной карту города.— Погляди, я здесь отметил все случаи; они, как видишь, произошли недалеко один от другого. Где-то здесь эпицентр.— Теперь его интонация передавала кавычки; он ждал, что на моем лице появится удивление.

— Вот как? — сказал я.— Эпицентр? Только чего именно?

Он уклонился от прямого ответа.

— Есть у меня одна любопытная идея, — сказал он важно.

Каждая новая идея казалась ему любопытной, и тем не менее через час он мог утверждать что-нибудь совершенно противоположное.

— Выкладывай! — сказал я.

— Телетранспортировка! — объявил он.— И ничто другое. Этого следовало ожидать. И вот кто-то этим занялся.

— Хм! — сказал я.

— Ничего удивительного.— Он возбужденно придвинулся ко мне.— А как ты еще это объяснишь?

— Да, но если это телепередача, или телетранспортировка, или что-то еще в этом роде, то где-то непременно должен быть передатчик, ну и какая-то приемная станция, что ли,— возразил я.— И разве возможно, чтоб человека или вещь куда-то передали по радио, а потом воссоздали на старом месте?

— Разве мы что-нибудь знаем об этом? — сказал он.— К тому же в этом отчасти и состоит моя идея об эпицентре. Передатчик находится где-то в другом месте, но его лучи проецируются сюда.

— Если это так,— сказал я,— у твоего аппарата препаршивая настройка. Каково, например, человеку, если во время передачи его разрезает пополам кирпичная стена?

Джимми не выносил таких мелких придирок.

— Так ведь это же только начало. Первые опыты,— возразил он.

Я остался в уверенности, что разрезанному стеной нисколько не легче оттого, что это «первые опыты», однако смолчал.

Как раз в тот вечер я и заговорил об этом с Сэлли, и, пожалуй, напрасно. Дав мне ясно понять, что не верит в это, она объявила, что если это правда, то, наверно, тут просто какое-нибудь новое изобретение.

— И, по-твоему, это «просто новое изобретение»? Да это же целая революция! — вскричал я.

— А что пользы от такой революции?

— Это как же? — спросил я.

На Сэлли нашел дух противоречия. Она продолжала тоном человека, привыкшего смотреть правде в глаза.

— Всякому открытию у нас находят только два применения,— объяснила она.— Первое: попроще убить побольше народу. И второе: помочь разным выжигам обирать простаков. Может, когда и бывают исключения, как например, с рентгеновскими лучами, да только редко. А ты радуешься. Да первое, что мы делаем со всяким открытием,— это приводим его к наименьшему общему знаменателю, а потом множим результат на простейшую дробь. Ну времена! А уж люди!.. Прямо в жар бросает, как подумаешь, что скажут о нас потомки.

— А вот мне все равно. Мы же их не услышим,— возразил я.

Она смерила меня убийственным взглядом.

— Ну, конечно. Ответ, достойный двадцатого века.

— И чудачка же ты, проговорил я.— Ты можешь преспокойно говорить глупости, лишь бы они были твои, а не чужие. Для большинства нынешних девушек будущее — это только новый фасон шляпок или очередное прибавление семейства. А там хоть град из расщепленных атомов — им и дела нет: ведь они убеждены, что спокон века на земле не было и не будет особых перемен.

— Откуда ты знаешь, что думают девушки? — возмутилась Сэлли.

— Так мне кажется. А вообще, откуда мне знать? — отвечал я.

По всему судя, она настроилась отрицать все, что было связано с этой историей, и я почел за лучшее переменить тему.

Дня через два Джимми опять заглянул ко мне.

— Он на время прервал свои опыты,— сообщил Джимми.

— Это ты про кого?

— Да про этого, телетранспортировщика. Со вторника никаких сведений. Наверно, догадался, что кто-то напал на его след.

— Ты себя имеешь в виду? — спросил я.

— Может быть.

— Так тебе удалось что-то узнать?

Он нахмурился.

— Во всяком случае, я кое-что сделал. Я нанес на карту места их появлений, и центр пришелся на храм Всех Святых. Я сходил, все там посмотрел, но ничего не обнаружил. И все же я на верном пути, иначе зачем ему прятаться?

Этого я не мог ему объяснить. Да и никто другой тоже. Тем более в тот же вечер газета сообщила, что какая-то домохозяйка видела руку и ногу, которые передвигались по ее кухне. Я показал эту заметку Сэлли.

— Вот увидишь, все это окажется каким-нибудь новым видом рекламы,— сказала она.

— Не иначе, как тайной,— пошутил я. Но, заметив, что в глазах ее снова загорается возмущение, поспешил добавить: — А не пойти ли нам в кино?

Когда мы входили в кинотеатр, небо затянуло тучами; вышли мы уже в ливень. Так как до дома Сэлли не было и мили, а все такси как будто сгинули, мы решили идти пешком. Сэлли натянула на голову капюшон своего плаща, взяла меня под руку, и мы двинулись в путь. С минуту мы молчали.

— Милая,— произнес я наконец,— меня, конечно, можно назвать человеком легкомысленным и беспутным, но разве ты не задумывалась о том, какие здесь открываются возможности для педагогического воздействия?

— Разумеется,— сказала она решительно, но не тем тоном, на который я рассчитывал.

— Словом,— продолжал я настойчиво,— если тебе хочется посвятить себя благородному делу, что может быть лучше, как заняться воспитанием подобной личности? Перспективы громадные...

— Это что, понимать как предложение? — спросила Сэлли.

— «Понимать»!.. Да если б ты знала... Господи! Что это?! — И я замолк.

Мы шли по Тайлер-стрит. Эта коротенькая улочка была сейчас залита водой и совсем пустынна: кроме нас — ни души. А умолк я потому, что внезапно увидел немного впереди какую-то машину. Из-за дождя я не мог ее толком разглядеть, но мне показалось, что это был маленький грузовичок с низкими бортами, в кузове которого сидело несколько легко одетых людей; он пересек Тайлер-стрит и исчез. Все бы ничего, если бы на Тайлер-стрит выходила хоть какая-нибудь улица, но, увы, ее не было. Грузовичок просто вынырнул с одной стороны и исчез с другой.

— Ты видела? — спросил я.

— Да, но как он?..— начала она и осеклась.

Мы прошли еще немного и достигли того места, где промелькнул грузовичок: по одну сторону от нас была кирпичная стена, по другую — фасады домов.

— Тебе, наверное, показалось,— сказала Сэлли

— Но почему только мне?..

— Но ведь это невозможно.

— Послушай, дорогая...— начал было я.

В эту минуту из кирпичной стены шагах в десяти перед нами выступила девушка. Мы замерли на месте и уставились на нее.

Не знаю, свои ли у нее были волосы или парик (теперь наука и искусство так усиливают женские чары!), только голову ее увенчивало какое-то подобие огромной золотой хризантемы добрых полутора футов в окружности, а чуть левее середины в волосы был воткнут красный цветок. Голова ее казалась непомерно тяжелой. На девушке было что-то вроде короткой розовой туники, очевидно шелковой, которая казалась бы уместной в ночном кабаре, но не на мокрой, грязной и темной Тайлер-стрит. Но что меня совсем убило, так это вышитые на тунике узоры. Трудно было

поверить, чтоб девушка... Но так или иначе — тут стояли мы, а там — она.

Стоять-то она стояла, да только не прямо на земле, а в нескольких дюймах над ней. Она взглянула на нас обоих, потом уставилась на Сэлли: обе принялись внимательно изучать друг друга. Время шло, а мы все стояли и не двигались. Девушка открыла рот — очевидно, она что-то сказала, но мы не расслышали ни звука. Потом она покачала головой, махнула нам рукой и, повернувшись, ушла в стену.

Сэлли стояла, не шевелясь. В своем блестевшем от дождя плаще она походила на какое-то темное изваяние. Когда она обернулась и на меня из-под капюшона глянуло ее лицо, оно показалось мне каким-то новым. Я обнял ее за плечи, она дрожала всем телом.

— Мне страшно, Джерри,— сказала она.

— Ну что ты, Сэлл. Наверное, все это проще простого,— солгал я.

— Нет, Джерри, тут что-то не то. Ты видел ее лицо? Она же моя копия!

— Да, здорово похожа,— согласился я.

— Понимаешь, ну просто копия... И мне стало страшно.

— Это игра света — и все. А в общем ее уже больше нет,— сказал я.

И все же Сэлли была права. Девушка походила на нее как две капли воды. Я потом часто об этом думал...

Утром ко мне пришел Джимми и принес газету. В короткой передовой высмеивались граждане, которые в последнее время видели разные чудеса.

— Наконец-то они высказали свое мнение,— объявил он.

— А тебе как, удалось что-нибудь разузнать? — спросил я.

Он нахмурился.

— Боюсь, я шел по ложному следу. Я и сейчас думаю, что это первые опыты, только передатчик, очевидно, где-то совсем в другом месте. Возможно, его передачи направлены сюда в опытных целях.

— Но почему сюда?

— Откуда мне знать! Куда-то он должен был их направить. А сам передатчик может быть где угодно.— Он замер, вдруг пораженный страшной мыслью.— Возможно, речь идет об очень серьезных вещах. Что, если передатчик у русских, и они могут телетранспортировать сюда людей или даже... бомбы...

— Здесь-то зачем? — настаивал я.— Если бы, скажем, в Харуелл или же Королевский арсенал — дело другое...

— Для опыта,— повторил он.

— Вот разве что,— согласился я. Затем я рассказал ему о девушке, которую мы с Сэлли повстречали накануне.— Я что-то русских представлял себе совсем иначе,— добавил я.

Джимми покачал головой.

— Маскируются. Насмотрелись там у себя за железным занавесом разных иллюстрированных журналов и газет и решили, что наши девушки так ходят. Вот и весь фокус,— закончил он.

---

* Атомный центр в Англии.

На следующий день примерно три четверти всех читателей «Вечерних новостей» написали в редакцию о разных странностях, которые видели, и газета оставила этот шутливый тон. А через два дня город решительно разделился на сторонников, так сказать, классического толкования и нового. Во втором лагере имелись свои раскольники против теории стереоскопической передачи или спонтанного молекулярного синтеза; первый лагерь разделился на следующие секты: поборников вторжения духов, адептов телесности обычно бестелесных видений и провозвестников страшного суда. В жарких спорах частенько было не разобрать, кто действительно что-то видел, а кто от полноты чувств приукрасил дело в ущерб истине.

В субботу мы встретились с Сэлли, чтобы вместе позавтракать. Потом мы отправились на машине за город — там, где среди холмов, было одно местечко, которое, по-моему, на редкость подходило для объяснения в любви. Но когда мы пересекли Хай-стрит, шедшая перед нами машина затормозила. Затормозили и я и мужчина, ехавший следом за нами. Третья машина затормозила уже в последний момент. По ту сторону перекрестка тоже раздался характерный скрежет металла. Я поднялся на ноги, чтоб узнать причину остановки, и потянул за руку Сэлли.

— Смотри, опять,— сказал я.

Прямо посреди перекрестка отчетливо вырисовывалось что-то, что с трудом можно было назвать машиной,— оно больше походило на какую-то плоскую тележку или платформу и висело над землей на расстоянии фута. Да-да, висело, я не оговорился. У платформы не было ни колес, ни подпорок. Она просто висела в воздухе. На ней стояло с полдюжины людей в ярких одеждах, похожих не то на рубаху, не то на халат, и с любопытством оглядывало все вокруг. По борту платформы шла надпись: «Видеорама Пооли». Один из мужчин показывал другому на храм Всех Святых; остальные больше смотрели на людей и машины. Полисмен-регулировщик высунул из своей будки изумленное лицо. Но тут же взял себя в руки. Он закричал, засвистел в свисток, опять закричал. Стоявшие на платформе даже не повернулись. Полицейский вылез из будки и двинулся к перекрестку — точь-в-точь вулкан, который нашел, наконец, куда бы извергнуться.

— Эй! — прокричал он пришельцам.

Те по-прежнему не обращали на него никакого внимания, и только когда он был от них уже в двух ярдах, заметили его, стали подталкивать друг друга локтями, ухмыляться. Полицейский весь побагровел; он принялся бранить их на чем свет стоит, а они продолжали рассматривать его с нескрываемым интересом. Он выхватил из заднего кармана дубинку и двинулся на них. Полицейский хотел было схватить юношу в желтой рубахе, но рука его прошла сквозь него.

Блюститель порядка отступил. Ноздри его раздулись, как у лошади. Стиснув в руке дубинку, он размахнулся и ударил ею по всей компании. Те продолжали смеяться: дубинка свободно прошла сквозь них.

Я готов снять шляпу перед этим полицейским: он не пустился бежать. С минуту он как-то странно глядел на них, потом повернулся и не спеша направился к будке; все так же спокойно он дал машинам сигнал продолжать путь. Ехавший перед нами только того и ждал. Он рванул с места и прошел сквозь платформу. Она

успела уйти от меня, иначе я сам бы ее поддал. Сэлли видела, как платформа, описав дугу, исчезла в стене городского банка.

Когда мы подъехали к намеченному месту, погода заметно испортилась, все вокруг глядело мрачно и совсем не благоприятствовало моим целям, так что мы, покатавшись немножко, повернули обратно и остановились в тихом и уютном ресторанчике у въезда в город. Мне уже почти удалось начать разговор, о котором я мечтал, когда у нашего столика появился,— кто бы вы думали? — Джимми.

— Вот встреча! — вскричал он.— Слыхал, Джерри, что случилось сегодня в центре?

— Да мы сами там были,— ответил я.

— Выходит, Джерри, наши с тобой догадки — так, ерунда. А дело-то покрупней! Эта платформа все прояснила. Техника у них куда выше нашей. Знаешь, кто это, по-моему?

— Марсиане,— предположил я.

Он так и отпрянул, вытаращив глаза.

— Нет, но как ты догадался?! — изумленно спросил он.

— А больше некому,— объяснил я.— Только вот непонятно, зачем марсианам путешествовать под вывеской «Видеорама Пооли»,— продолжал я.

— А там было так написано? Я этого не знал,— проговорил Джимми.

И он ушел с унылым видом, успев начисто испортить все, что мне с таким трудом удалось наладить.

Утром в понедельник наша машинистка Анна пришла на работу еще более очумелая, чем всегда.

— Ой, что со мной приключилось, страх!..— затрещала она, едва переступив порог.— Никак не опомнюсь. Я вся была красная как рак.

— Вся-вся? — заинтересовался Джимми.

Она не потрудилась ему ответить.

— Сижу я в ванне и вот поднимаю глаза — мужчина в зеленой рубашке стоит и смотрит. Ну, я, конечно, закричала.

— Еще бы. Конечно! — поддакнул Джимми.— А дальше что было, или нам нельзя...

— Стоит — и все,— продолжала она.— А потом усмехнулся и ушел... в стену. Ну какой нахал!

— Ужасный! — согласился Джимми.— Так, прямо в открытую, и усмехнулся?

Анна пояснила, что нахальство его заключалось не только в этом.

— Просто сущее безобразие,— говорила она. Что ж это будет, если мужчины начнут свободно ходить сквозь стены ванных, где купаются девушки?..

Резонный вопрос, ничего не скажешь.

Тем временем прибыл шеф. Я последовал за ним в кабинет. Видно было, что он чем-то расстроен.

— Да что ж это творится в этом проклятом городе, Джерри? — сказал он с возмущением.— Вчера приходит жена домой. А в гостиной две какие-то невероятные девицы. Она, конечно, обвинила меня. Первый скандал за двадцать лет. Пока мы разбирались, девицы исчезли,— закончил он.

Я поахал в знак сочувствия — что еще оставалось.

Вечером я пошел навестить Сэлли и увидел, что она сидит на ступеньках у своих дверей, прямо под дождиком.

— Ты что это? — спросил я.

Она взглянула на меня безнадежно.:

— Понимаешь, явились двое. Мужчина и девушка. И ни за что не хотели уходить. Только смеялись надо мной. А потом стали вести себя так, точно меня там и нет. Дошли до того, что... Словом, я не выдержала и ушла.

Она сидела несчастная-пренесчастная и вдруг расплакалась.

Ход событий все убыстрялся. Наутро произошло жаркое сражение — вернее, побоище — на Хай-стрит. Мисс Дотрби, представительница одной из именитейших семей Уэстуича, была оскорблена в лучших чувствах появлением на углу Нортгейн четырех взлохмаченных и хихикающих девиц. Но едва она обрела дыхание, и глаза ее вернулись в свои орбиты, она тут же постигла свой долг перед обществом. Она зажала в руках зонтик, точно дедовский меч, и двинулась на врага. Она прошла сквозь его ряды, нанося удары направо и налево, а когда обернулась, то увидела, что девицы стоят и хохочут ей в лицо. Она напала на них вторично, но те продолжали над ней смеяться. Тогда она принялась что-то бессвязно лепетать, и ее увезли в машине «Скорой помощи».

К концу дня город заполнили возмущенные матроны и растерянные мужи; мэра и полицию одолевали просьбами принять, наконец, какие-нибудь меры.

Особенно неспокойно было в районе, который Джимми ранее отметил на карте. Вообще-то, пришельцы встречались повсюду, но в этих кварталах они ходили толпами — мужчины в цветных рубахах и девушки с немыслимыми прическами и совсем уж немыслимыми узорами на одежде; они выходили под ручку из стен и беззаботно разгуливали среди пешеходов и машин. По временам они останавливались, что-нибудь друг другу показывали, а потом разражались беззвучным хохотом. Что их особенно забавляло, так это наш гнев. Стоило им заметить, что они вас шокируют, как они начинали строить вам рожи и всячески донимать вас. доводить вас до слез, и чем больше вы волновались, тем больше они радовались. Они гуляли, где хотели, проникали в магазины, банки, учреждения и частные квартиры, невзирая на ярость постоянных обитателей. Везде появились надписи «Не входить», но это их только смешило.

В центре от них прямо не было прохода, хотя, как выяснилось, они могли двигаться не только на том уровне, что мы. Иногда вам казалось, что они идут по земле или по полу, но где-то рядом другие парили в нескольких дюймах над землей, а еще дальше вы могли встретить и таких, что шли по земле, точно вброд. Очень скоро мы убедились, что они так же не слышат нас, как мы их, и потому не было никакого смысла обращаться к ним или грозить им, а наши объявления лишь возбуждали их любопытство.

На четвертый день в городе воцарился полный хаос. В местах массового нашествия гостей исчезла всякая возможность уединения. В самые интимные минуты они могли пройти мимо вас, тихонько хихикая или фыркая вам в лицо. Хорошо было полиции объявлять, что пришельцы, мол, безопасны, не могут причинить никому вреда и поэтому лучше всего просто не обращать на них внимания. Бывают такие минуты, когда не у всякого хватит выдержки взять и отвернуться от толпы хохочущих юнцов и девиц. Даже такой мирный человек, как я, временами впадал в ярость, а уж разные там женские комитеты и общество охраны — те вообще пребывали в состоянии вечной истерики.

Слухи о нашем положении начали распространяться по стране, но от этого нам слаще не стало. В город хлынули любители сенсаций. От них некуда было деться. По улицам поползли провода кинокамер, телекамер и микрофонов, а фоторепортеры только и делали, что сновали вокруг и щелкали затворами своих аппаратов и, будучи отнюдь не бесплотны, мешали нам не многим меньше пришельцев.

Но нам предстояли еще более серьезные испытания. Мы с Джимми оказались свидетелями нового поворота событий. Мы шли завтракать в кафе и, следуя инструкции, старались всеми силами не замечать пришельцев — шли сквозь них, и все. Джимми был мрачен. Ему пришлось отказаться от всех своих теорий: они одна за другой рушились под натиском фактов. Уже подходя к кафе, мы заметили на Хай-стрит беспорядочное скопление машин, двигавшихся в нашу сторону, и решили обождать. Через минуту из потока машин вынырнула одна, ехавшая со скоростью шести-семи миль в час. Это скорее была не машина, а платформа, вроде той, которую мы с Сэлли видели на перекрестке в прошлую субботу, только пошикарней. У нее были разноцветные, еще блестевшие красной, желтой и синей краской борта, а внутри — сиденья, по четыре в ряд. Большинство пассажиров составляла молодежь, но попадались и люди постарше, одетые в более сдержанные костюмы все того же фасона. За передней платформой двигалось с полдюжины других. На бортах платформ можно было прочесть:

ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ. ВИДЕОРАМА ПООЛИ — ВЕЛИЧАЙШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ ВЕКА.

КУРС ИСТОРИИ БЕЗ ВСЯКОЙ ЗУБРЕЖКИ ЗА ОДИН ФУНТ.

ТАК ЖИЛА ВАША ПРАПРАБАБУШКА.

ДВА ШАГА — И ВЫ В СТАРОМ СМЕШНОМ ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ. СМЕШНЫЕ МОДЫ, ДРЕВНИЕ ОБЫЧАИ.

ВЕСЬМА ПОУЧИТЕЛЬНО! ИЗУЧАЙТЕ ПРИМИТИВНЫЕ НРАВЫ И ОБРАЗ ЖИЗНИ.

ЗАГЛЯНИТЕ В РОМАНТИЧНЫЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК — БЕЗОПАСНОСТЬ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

ИЗУЧАЙТЕ СВОЕ ПРОШЛОЕ, ПОВЫШАЙТЕ КУЛЬТУРУ — СТОИМОСТЬ ЭКСКУРСИИ ОДИН ФУНТ.

КРУПНАЯ ПРЕМИЯ ТОМУ, КТО ОПОЗНАЕТ СВОЮ ПРАБАБУШКУ ИЛИ ПРАДЕДУШКУ.

Пассажиры с удивлением глазели по сторонам и порой прямо-таки давились от смеха. Кое-кто из юношей тыкал в нас пальцем и, по-видимому, отпускал на наш счет разные шуточки: спутницы их так и покатывались от беззвучного хохота. Другие сидели, развалясь, и уплетали какие-то крупные желтые плоды. Временами они поглядывали вокруг, но больше были заняты своими соседками, которых обнимали за талию. На задке предпоследней платформы стояло:

ТАК ЛИ ДОБРОДЕТЕЛЬНА ВАША ПРАБАБУШКА, КАК ОНА УТВЕРЖДАЛА?

СПЕШИТЕ УЗНАТЬ ТО, О ЧЕМ В СЕМЬЕ НЕ РАССКАЗЫВАЛИ.

А на последней:

ЛОВИТЕ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ, ПОКА ОНИ НЕ НАЧАЛИ ПРЯТАТЬСЯ.

УЗНАВАЙТЕ ТАЙНЫ — ЭТО ПОМОЖЕТ ВАМ ВЫИГРАТЬ ПРИЗ!

Платформы проехали, а мы, пешеходы, стояли и переглядывались в изумлении. Говорить, как видно, никому не хотелось.

Этот торжественный выезд был, по-моему, чем-то вроде парада, ибо позднее, хоть я и не раз встречал платформы, до отказа набитые любителями впечатлений и шедшие под лозунгами:

ИСТОРИЯ — ЭТО КУЛЬТУРА. РАСШИРЯЙТЕ СВОЙ КРУГОЗОР — ВСЕГО ЛИШЬ ОДИН ФУНТ.

или:

УЗНАВАЙТЕ ПОДНОГОТНУЮ ВАШИХ ПРЕДКОВ!

во всяком случае, о подобных парадах я больше не слышал.

В мэрии рвали на себе последние волосы и продолжали увешивать город объявлениями о том, что запрещается делать туристам, но те только смеялись, и дела шли все хуже и хуже. Пешие туристы взяли за обычай подбегать и заглядывать вам в лицо; сверившись с книгой или газетой, которую носили с собой, они в раздражении кидались за кем-нибудь другим. Я пришел к выводу, что за меня не давали ни гроша.

И все же надо было работать. Раз уж мы не могли справиться с этими гостями, приходилось их терпеть. Многие семьи уезжали за город, чтоб сыскать покой и уберечь дочек от влияния новой моды и прочих соблазнов, но большинство из нас должно было как-то тянуть обычную канитель. Почти все встречные глядели хмуро и озадаченно. Исключение составляли одни пришельцы.

Как-то вечером, недели через две после торжественного проезда платформ, я зашел за Сэлли. Когда мы с ней вышли из дому, то увидели, что чуть подальше на улице идет драка. Две девицы, чьи головы походили на раззолоченные плетеные шары, сцепились, как две кошки. Один из стоявших рядом юношей самодовольно поглядывал вокруг, остальные подзадоривали соперниц. Мы повернули в другую сторону.

— Совсем чужой стал город,— проговорила Сэлли.— Даже дома от них не спрячешься. Что бы им убраться и оставить нас в покое. Мерзкие создания!.. Видеть их не могу!

У самого входа в парк мы набрели на хризантемоволосую малютку, которая сидела ни на чем и горько-прегорько плакала. Сэлли тут же смягчилась.

— Может, они не такие уж злые, ну хотя бы некоторые. Тогда зачем они устроили из нашей жизни какой-то цирк?

Мы сыскали скамейку и сели на нее полюбоваться закатом. Мне хотелось куда-нибудь увезти ее отсюда.

— А наверно, красиво сейчас на холмах,— сказал я.

— А жаль, что мы не там, Джерри,— вздохнула она.

Я взял ее руку; она не отняла ее.

— Сэлли, дорогая...— начал я.

Но не успел я закончить фразу, как откуда-то появились двое туристов, мужчина и девушка, и заняли позицию напротив нас. Вот когда я пришел в ярость. Ну пусть себе ездят по городу на своих платформах, неужто же надо хорониться этих пеших гостей и здесь, в парке, где для них нет — по крайней мере не должно быть — ничего интересного. Но эта парочка, видно, сыскала что-то интересное. Это была Сэлли, и они уставились на нее без всякого стеснения. Она выдернула свою руку из моей. Пришельцы стали о чем-то совещаться. Мужчина открыл папку, которую держал под мышкой, и вынул оттуда какой-то листок. Они взгля-

нули на него, на Сэлли, опять на листок. Это уж было слишком. Я встал и, пройдя сквозь них, заглянул в листок. Удивлению моему не было предела. То была страница наших «Вечерних новостей», очевидно взятая из какой-то очень старой подшивки. Истрепанная, с полувыцветшей печатью, она, чтобы не рассыпаться, была с обеих сторон заклеена каким-то тонким, прозрачным пластиком. Я не заметил числа, но это и понятно: я смотрел туда же, куда смотрели они, а с фотографии на меня смотрело улыбающееся лицо Сэлли. На каждой руке у нее было по малютке. Я успел прочесть лишь заголовок: «У супруги городского советника — двойня». Тут они сложили газету и опрометью кинулись к выходу. Летят за своим проклятым призом, подумал я, чтоб им подавиться!

Я вернулся к Сэлли и сел с ней рядом. Разумеется, эта фотография испортила все дело. «Супруга городского советника» — каково! Ей, конечно, хотелось знать, что я прочел в газете, и мне пришлось что-то соврать, чтобы выкрутиться.

Мы сидели на скамейке, молчаливые и мрачные.

Мимо проехала платформа, на которой красовалось:

ОБРАЗОВАНИЕ БЕЗ УСИЛИЙ. КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ПОЛНОГО КОМФОРТА.

На наших глазах она прошла сквозь решетку парка и влилась в уличное движение.

— Пойдем домой,— предложил я.

— Пойдем,— грустно ответила Сэлли.

Провожая ее домой, я все сокрушался, что не заметил дату выпуска.

— Между прочим, у тебя нет какого-нибудь знакомого советника? — спросил я ее как бы невзначай.

Она удивилась.

— Есть один. Мистер Фэлмер,— сказала она как-то неуверенно.

— Он что, молод? — осведомился я небрежным тоном.

— Что ты! Он такой старый. Я, собственно, знаю не его, а его жену.

— Вот как! — сказал я.— А какого-нибудь молодого не знаешь?

— Кажется, нет. А что?

Я промямлил что-то насчет того, как нужны нам в подобный момент молодые люди с головой.

— Молодые люди с головой не идут в городские советники,— возразила она, глядя на меня.

Возможно, ей в самом деле не хватало логики, но она умела подбодрить человека. Вот если б мне еще найти разгадку всей этой истории!

На следующий день город снова негодовал. Дело в том, что накануне в храме Всех Святых шла вечерняя служба. Но едва священник взошел на кафедру и открыл рот, чтобы произнести небольшую проповедь, в церкви появилась платформа с надписью:

НЕ ЭТОТ ЛИ МАЛЬЧУГАН ВАШ ПРАПРАДЕДУШКА? ЗАПЛАТИТЕ ФУНТ, И ВЫ СМОЖЕТЕ ЭТО ВЫЯСНИТЬ.

Платформа остановилась против аналоя. Священник молча глядел на нее с полминуты, а потом хватил кулаком по пюпитру.

— Нет, это невыносимо! — завопил он.— Не начну, пока эта штука не выедет!

И он замер, вперив сверкающий взор в платформу. Прихожане последовали его примеру.

На платформе с явным нетерпением ожидали начала представления. Видя, что оно задерживается, туристы, чтобы скоротать время, принялись откупоривать бутылки и угощаться фруктами. Священник продолжал смотреть на них испепеляющим взглядом. Служба все не начиналась, туристам сделалось скучно. Юноши стали щекотать девиц, девицы захихикали. Несколько человек горячо убеждали в чем-то сидевшего впереди мужчину. Спустя минуту он кивнул, и платформа уплыла через южную стену.

Первый раз мы взяли верх. Священник вытер лоб, откашлялся и произнес лучшую свою проповедь на тему: «Города в долине».

Но как ни возмущались отцы города, нам от этого не было легче. Планов, конечно, хватало. Один из них принадлежал Джимми и состоял в том, чтобы с помощью ультравысоких или инфранизких волн развеивать изображение туристов. Возможно, в ходе подобных опытов нам бы и удалось что-то сыскать, но время не ждало. А попробуйте повоевать с врагом, когда он всего-навсего стереоскопическое изображение, и вы понятия не имеете, как воспрепятствовать его передаче. Сама передача происходит не там, где вы ее видите, а в каком-то совершенно неизвестном вам месте — как туда доберешься? То, что вы видите, не способно чувствовать, оно не ест, не спит, не дышит... И вот, когда я стал раздумывать над тем, что же оно все-таки способно испытывать, тут-то меня и осенило. Я был поражен — ведь до чего просто! Я схватил шляпу и кинулся в мэрию.

Осаждавший мэрию поток возмущенных, недовольных и одержимых разными планами лиц весьма затруднил туда доступ, и все же я, наконец, пробился к одному чиновнику, который выслушал меня внимательно, хотя и недоверчиво.

— План ваш не многим понравится,— заявил он.

— Пускай. Нам ведь нечего терять. К тому же это пойдет на пользу местной торговле.

Лицо его заметно просветлело. А я наседал:

— Ведь у мэра несколько ресторанов, а уж владельцы гостиниц, пивных и закусочных, те просто возликуют.

— Что и говорить,— согласился он.— Попробуем предложить им ваш план. Пойдемте.

Последующие три дня мы с утра до ночи разрабатывали мой план. На четвертый приступили к его осуществлению. Ранним утром на все дороги вышли люди и перекрыли въезды в наши муниципальные пределы, а потом водрузили у их границ огромные щиты, на которых красным по белому было написано:

УЭСТУИЧ — ГОРОД, СМОТРЯЩИЙ В БУДУЩЕЕ. ПОСЕТИТЕ — УВИДИТЕ. СМОТРИТЕ, ЧТО БУДЕТ.

НЕ ГОРОД — ЧУДО ВЕКА (С ПРИЕЗЖИХ 2 ШИЛЛИНГА ШЕСТЬ ПЕНСОВ).

В то же утро были запрещены все телевизионные передачи из Уэстуича, а в столичных газетах появилась серия объявлений:

ВЕЛИКОЛЕПНО! ОРИГИНАЛЬНО! ПОУЧИТЕЛЬНО!

УЭСТУИЧ ПРЕДЛАГАЕТ ЕДИНСТВЕННО ВЕРНУЮ ПАНОРАМУ БУДУЩЕГО!

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ЗНАТЬ:
ЧТО БУДЕТ НОСИТЬ ВАША ПРАПРАВНУЧКА,
КАК БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ ВАШ ПРАПРАВНУК,
ЧТО БУДЕТ МОДНО В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ ВЕКЕ,
КАК ПЕРЕМЕНЯТСЯ ОБЫЧАИ,
ПОСЕТИТЕ УЭСТУИЧ И ВЗГЛЯНИТЕ СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ.
ВАМ ОТКРЫТА ПЕРСПЕКТИВА ИСТОРИИ.
БУДУЩЕЕ ЗА ДВА ШИЛЛИНГА И ШЕСТЬ ПЕНСОВ:

Мы полагали, что происходящее у нас всем известно, и потому не стали вдаваться в подробности, однако поместили в иллюстрированных газетах несколько реклам, рассчитанных на любителя.

УЭСТУИЧ.
ПАРАД КРАСОТОК!
ЖЕНЩИНЫ БУДУЩЕГО.
СМЕЛЫЕ МОДЫ — ВОЛЬНЫЕ МАНЕРЫ.
ИЗУМИТЕЛЬНО! ДОСТОВЕРНО! СО ВСЕЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ!
СТИЛЬНЫЕ ДЕВОЧКИ НА ВСЕ ВКУСЫ ЗА ДВА ШИЛЛИНГА ШЕСТЬ ПЕНСОВ.

И так далее и тому подобное. Кроме того, мы закупили в отделах новостей достаточно места для своей рекламы, чтобы привлечь тех, кто считает, что руководствуется во всем психологическими, социальными и прочими высокими мотивами.

И они прикатили.

К нам и раньше приезжало немало охотников за сенсацией, но стоило им узнать, что за это назначили цену, как число прибывающих резко возросло, и чем больше их становилось, тем мрачнее смотрел казначей Городского совета — отчего, мол, не догадались спрашивать за въезд по пять, а то и по десять шиллингов.

Через несколько дней нам пришлось построить на всех пустырях и кое-где в окрестных полях автомобильные стоянки и еще пустить специальный автобус для тех, кто там остановился. Улицы были забиты приезжими, которые собирались толпами и приветствовали свистом, гиканьем и шутками каждую платформу Пооли и каждого пешего туриста, так что местные жители попросту засели дома и там копили свою ярость.

Наш казначей уже начал тревожиться, как бы нас не обложили налогом на развлечения. Мэра с каждым днем все больше и больше заваливали жалобами, но он был так занят снабжением своих ресторанов пивом и едой, что не мог уделить этому ни минуты. И тем не менее я стал опасаться, что этот Пооли нас все-таки выживет. Легко было заметить, что туристам из будущего не по вкусу этот гам-тарарам — он изрядно мешал охоте за призами,— однако они продолжали бродить по городу, да еще к ним прибавились приезжие, которые поднимали несусветный шум и бесновались почти до утра. Терпение жителей иссякло, назревала буря.

Однако к концу недели, когда кое-кто из нас стал подумывать, уж не лучше ли, пока не поздно, отлучиться на время из Уэстуича, обнаружилась первая брешь: чиновник из мэрии позвонил мне и сказал, что он видел несколько платформ, на которых было много пустых мест.

На следующий вечер я вышел на один из их излюбленных маршрутов, чтобы самому на все поглядеть. Я застал там большую, уже успевшую угоститься толпу — люди обменивались шутками, пихались и толкались локтями,— впрочем, ждать

пришлось недолго. Из фасада кафе «Коронация» чуть наклонно выплыла платформа с надписью:

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ РОМАНТИКА XX ВЕКА — ЗА ПЯТНАДЦАТЬ ШИЛЛИНГОВ.

На платформе было с полдюжины свободных мест.

Появление платформы было встречено общим ликованием и пронзительным свистом. Водитель с полным безразличием повел машину прямо сквозь толпу. Пассажиры на платформе выглядели менее уверенно, чем прежде. Иные из них вели с нами немую перепалку; они смеялись и на каждый жест, каждую гримасу отвечали тем же. Хорошо еще, что их девицы не могли слышать то, что кричала им толпа; впрочем, некоторые жесты были достаточно красноречивы. Сомневаюсь, что было очень приятно проезжать сквозь толпу мужчин, ведущих себя подобным образом. К тому моменту, когда платформа миновала толпу и готовилась скрыться в фасаде универмага, большинство туристов уже перестало бодриться, а некоторые совсем помрачнели. Глядя на их лица, я подумал, что Пооли, наверно, нелегко будет отстаивать познавательную ценность своих начинаний перед депутацией недовольных.

В следующий вечер на платформах было больше пустых мест, чем занятых; говорили также, что стоимость экскурсии снизилась до десяти шиллингов.

Через день платформы не появились вовсе, и мы только и делали, что возвращали въездную плату и отбивались от требований оплатить расход бензина.

Не появились они и на следующий день и на третий день, так что нам оставалось лишь произвести генеральную уборку Уэстуича. В общем, если не считать приобретенной городом печальной славы, которую предстояло изживать годами, вся эта история была теперь позади.

Так мы по крайней мере считали. Но Джимми утверждал, что это заблуждение. Он был уверен, что они лишь подработали фактор видимости — из-за него и вышла вся неприятность,— и теперь, верно, снова разъезжают по нашему и другим городам.

Что ж, возможно, он прав. Кто поручится, что этот Пооли или какой-нибудь его преемник не устраивает сейчас увеселительные экскурсии по всему белому свету и по всей истории вдоль и поперек? Но мы их не видим и, поскольку они скрыты от нас, не больно тревожимся.

Так или иначе, мы, как могли, справились с Пооли. Правда, для этого пришлось пойти на крайние меры. Даже настоятель храма Всех Святых понял это, оттого, безсомнения, и начал свою благодарственную проповедь словами: «Беспримерно и поразительно, братья, действие пошлости...»

Поскольку все уладилось, я нашел, наконец, время навестить Сэлли. Она была веселее, чем в последние дни, и поэтому еще привлекательней. Кажется, она тоже была рада меня видеть.

— Привет, Джерри,— сказала она.— Я только что читала в газете, как мы обязаны тебе тем, что избавились от них. Нет, право, ты молодец!

Еще недавно я, верно бы, растаял от этих слов, а сейчас во мне словно что-то замкнулось. Я то и дело вспоминал ее с близнецами на руках и ломал себе голову, как они там очутились.

— Ничего особенного, дорогая,— отвечал я сдержанно.— Любой бы придумал.

— Возможно. Только люди почему-то другого мнения. Зна ешь, Джерри, что я сегодня слышала? Они хотят просить тебя баллотироваться в Городской совет.

— Меня — в совет? Вот комедия...— начал было я и замолк.— Но если... Значит, тогда меня станут называть советником, да?

— Ну да, наверно,— ответила она с удивлением глядя на ме ня.

Кажется, все начало проясняться.

— Сэлли, дорогая... любимая... Я давно собирался сказать тебе одну вещь...— забормотал я.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

В конце декабря 1958 года в контору юридической фирмы «Кропторн, Дэггит и Хоуи» на улице Бэдфорд зашел мистер Ре джинальд Астер. Там он был встречен уже поджидавшим его ми стером Фраттоном, любезным молодым человеком едва старше 30 лет, но уже тогда являвшимся главою этого предприятия, унас ледованного от покойных господ Кропторна, Дэггита и Хоуи.

Когда мистер Фраттон сообщил мистеру Астеру, что по статье завещания умершего недавно сэра Эндрю Винселла он является наследником 6 тыс. обычных акций Британской компании «Винвинил Лимитид», мистер Астер, как выразился мистер Фраттон позднее в разговоре с коллегой, был так потрясен, что не которое время не мог ничего взять в толк.

В статье завещания, касавшейся мистера Астера, добавлялось, что все это сделано «в признательность за наиценнейшую услу гу, которую он мне однажды оказал». Характер этой услуги не был точно оговорен, профессиональная скромность мистера Фраттона запрещала ему дальнейшие расспросы, но вряд ли за веса, скрывавшая его любопытство, была достаточно непрозрач на.

Эта неожиданная удача, оценивавшаяся тогда как раз по 83 фунта и 6 пенсов за акцию, пришлась мистеру Астеру как нельзя кстати. Реализация небольшой части акций дала ему возмож ность разрешить пару неотложных вопросов, и по ходу дел он и мистер Фраттон встретились еще несколько раз. Наконец, при шло время, когда последний, подстегиваемый любопытством, приступил чуть ближе к границе осторожности, чем он обычно себе позволял, чтобы заметить вскользь.

— Вы ведь не слишком хорошо знали сэра Эндрю?

Это было своего рода вступление, которое мистер Астер мог смело отвергнуть, если бы захотел, но в действительности он не сделал и попытки отразить удар. Вместо этого он погрузился в за думчивость и испытывающе разглядывал мистера Фраттона.

— Да, встретился с ним однажды,— произнес он.— Мы про вели вместе где-то часа полтора.

— Примерно так я и предполагал,— сказал мистер Фраттон, давая своему замешательству стать чуть более заметным.—Где-то в прошлом июне, не так ли?

— 25 июня,— подтвердил мистер Астер.

— Но перед этим — никогда?

— Ни до — ни после.

Мистер Фраттон озадаченно покачал головой.

После паузы мистер Астер сказал:

— Есть в этом всем, знаете ли, что-то вовсе уж непонятное.

Мистер Фраттон кивнул, но не сделал никакого ответного замечания. Мистер Астер продолжил:

— Хотелось бы... ну... послушайте, вы не отобедаете со мной завтра?

Мистер Фраттон согласился, и когда на следующий день с обедом было покончено, они удалились с кофе и сигарами в тихий уголок клубной гостиной. После нескольких минут размышлений мистер Астер произнес:

— Надо сказать, что я чувствовал бы себя счастливее, будь этот случай с Винселлом хоть чуточку яснее. Я не вижу... гм!.. во всем этом есть что-то необычное. Так и быть, расскажу вам всю эту историю. Вот как это было.

Вечер 25 июня выдался приятный, в отличие от самого лета. Чтобы получить побольше удовольствия, я решил прогуляться с работы до дома. Совершенно не спеша и раздумывая, не завернуть ли мне куда-нибудь выпить, я вдруг увидел старину Винселла. Он стоял на тротуаре, на улице Танет, держась за поручни одной рукой и, с выпученными от изумления глазами, ошеломленно оглядывался вокруг себя.

Видите ли, в нашей части Лондона, как вы знаете, всегда много иностранцев со всего света, особенно летом, и достаточное число их выглядит слегка потерянно. Но старик Винселл — ему было уже где-то за 70, как я решил,— не имел к ним никакого отношения. Конечно, он был не турист. И действительно, «элегантный»— вот то слово, что пришло мне в голову, когда я его увидел. У него была седая аккуратно подстриженная остроконечная бородка, тщательно вычищенная черная фетровая шляпа, темный костюм превосходной ткани и покроя, на нем были дорогие ботинки, таким же был и его умеренно яркий шелковый галстук. Не то чтоб в наших краях такие господа, как старик Винселл, были нам совсем уж в диковинку, но к нам они редко заглядывают, а чтобы так, один, да еще с выпученными от удивления глазами. Пара людей, шедших передо мной, коротко взглянули на него, машинально отметили про себя его состояние и прошли мимо. Но я этого не сделал, мне показалось, что он просто напился, более того, он действительно был как будто бы напуган.

Поэтому я остановился перед ним.

— С вами все в порядке?— спросил я его.— Может, вызвать такси?

Он повернулся и посмотрел на меня. В его глазах было изумление, но лицо было интеллигентным, слегка аскетичным и узким, что еще сильнее подчеркивали заросшие седые брови. Похоже, что он только с трудом сосредоточил на мне внимание, его ответ был еще медленнее и сделан с усилием.

— Нет,— неуверенно сказал он.— Нет, спасибо. Я... Со мной все в порядке.

Мне показалось, что это не вполне было правдой, но не высказал он и явного нежелания разговаривать со мной, поэтому, попытавшись один раз, я не собирался оставить его вот так.

— Вас что-то потрясло?— спросил я его.

Его глаза следили за машинами на проезжей части. Он кивнул, но ничего не сказал.

— Через пару улиц отсюда есть больница...— начал я. Но он затряс головой.

— Нет,— снова ответил он.— Я буду в порядке минуты через две.

Он все еще не просил меня уходить, и у меня было чувство, что он не совсем хочет этого. Его глаза смотрели то в одну сторону, то в другую, и затем взгляд снова обращался на него самого. Тогда он становился совершенно неподвижен и напряжен, уставясь на свою одежду с сильным удивлением, которое не могло быть неискренним. Отойдя от ограды, он поднял руку, чтобы разглядеть рукав, потом заметил кисть руки — красивой, ухоженной руки, но худой от возраста, с иссохшими суставами, выступающими голубыми венами. На мизинце было надето кольцо с печаткой...

Все мы читали про глаза навыкате, но это был единственный раз, когда я их видел. Казалось, что они готовы выскочить из орбит, а вытянутая рука начала мучительно дрожать. Он попытался что-то сказать, но ничего не вышло. Я начал бояться, что у него может случиться сердечный приступ.

— Больница...— начал я снова, но он еще раз покачал головой.

Я не знаю точно, что надо делать, но подумал, что ему следует присесть, да и бренди в таких случаях частенько помогает. Он не ответил ни да, ни нет на предложение зайти куда-нибудь, но послушно пошел за мной через улицу в отель «Вилсбурн». Я повел его к столику в тамошнем баре и послал за двойным бренди для каждого из нас. Когда я отвернулся от официанта, старик сидел, уставившись вдругой конец комнаты с выражением ужаса. Я тут же взглянул туда. Он смотрел на себя самого в зеркале.

Не отрываясь глядя в него, Винселл снял шляпу и положил ее рядом на стул, затем поднял все еще трясущуюся руку, чтобы дотронуться сперва до своей бороды, а затем до красивых серебристых волос. После этого он сел совершенно неподвижно, тараща глаза.

Я почувствовал облегчение, когда принесли бренди. Он, видимо, тоже. Добавив туда немного содовой, он выпил весь бокал. Сейчас же рука стала спокойнее, на щеках выступил едва заметный румянец, но он продолжал, не отрывая взгляда, смотреть в другой конец комнаты. Затем с внезапным видом решимости поднялся.

— Извините меня, на минутку,— вежливо сказал он.

Старик пересек комнату. Добрых две минуты он стоял перед зеркалом, изучая себя вблизи. Затем отвернулся и пошел обратно. Хотя и не вполне уверенный, у него был вид большей решимости, и он сделал знак официанту, указав на наши бокалы.

С любопытством глядя на меня, он сказал, сев обратно на свое место:

— Я прошу вас извинить меня. Вы были чрезвычайно любезны.

— Что вы, вовсе нет,— уверил я его.— Был рад помочь. Вас верно что-то здорово потрясло?

— Гм... даже несколько раз,— признался он и добавил,— забавно, до чего реально может выглядеть сон, когда даже и не догадываешься, что спишь.

На это трудно было что-то ответить, и поэтому я и не пытался.

— Сперва вроде бы и не нервничаешь,— добавил он с некоторой принужденной веселостью.

— Что случилось?— спросил я, чувствуя, что до сих пор не могу взять в толк смысл его слов.

— Это моя вина, полностью моя вина, но я спешил,— объяснил он.— Я стал переходить улицу перед трамваем, когда вдруг увидел еще один, идущий в противоположную сторону почти пе-

редо мной. Могу предположить только то, что, должно быть, он меня сбил.

— Да,— сказал я.— Мм... да, конечно. Мм... где это случилось?

— Как раз здесь, на улице Танет,—сообщил он мне.

— Вы... вы, кажется, ничуть не ушиблись,— заметил я.

— Не совсем,— согласился он с сомнением.— Да, кажется, не ушибся.

Он ничуть не пострадал, даже не запачкался. Его одежда, как я уже сказал, была безупречна — кроме того, трамвайную линию перенесли с улицы Танет около 25 лет назад. Я раздумывал, должен ли я ему это сказать, но затем решил подождать с этим. Официант принес наши бокалы. Старик потрогал карман жилетки и посмотрел на него в оцепенении.

— Мой кошелек! Мои часы!— воскликнул он.

Я рассчитался с официантом, дав ему один фунт. Старик внимательно наблюдал, как официант отсчитал мне сдачу и отошел.

— Если вы извините меня,— сказал я.— Думаю, это потрясение вызвало у вас потерю памяти. Вы... э-э... помните, кто вы такой?

Все еще держа пальцы в кармане жилетки и с подозрительностью в глазах, он тяжело уставился на меня.

— Кто я такой? Конечно помню. Я — Эндрю Винселл. Живу в двух шагах отсюда, на улице Харт.

Я поколебался, а затем сказал:

— Тут недалеко была улица Харт. Но ее название изменили, кажется, в 30-х, во всяком случае до войны.

Искусственная уверенность, которую он старался у себя вызвать, покинула его и несколько минут он сидел совершенно неподвижно. Затем он запустил руку во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда бумажник. Он был сделан из хорошей кожи, имел золотые уголки и тиснение из инициалов Э.В. Старик с интересом уставился на него. Потом раскрыл. Из левого отделения он вытащил чек на один фунт и озадаченно нахмурился над ним. Дальше последовал чек на 5 фунтов, который, казалось, озадачил его еще больше.

Не говоря ни слова, он еще раз поискал в кармане и вытащил оттуда тонкую книжечку, составлявшую комплект с бумажником. На ней в нижнем правом углу тоже были инициалы Э.В., а в верхнем было вытиснено «Дневник 1958». Он держал ее некоторое время в руке, разглядывая, прежде чем поднял глаза на меня.

— Пятьдесят восьмой?— неуверенно произнес он.

— Да,— сказал я ему.

Последовала долгая пауза, затем:

— Не понимаю,— совсем по-детски произнес он.— Моя жизнь! Что стряслось с моей жизнью?

Его лицо сморщилось и стало жалким.

Я пододвинул к нему бокал, и он выпил немного бренди. Открыв дневник, он посмотрел внутрь на календарь.

— Боже мой!— произнес он.— Это слишком похоже на действительность. Что... что со мной произошло?

Я сочувственно ответил:

— Видите ли, частичная потеря памяти нередка после потрясений. Через некоторое время память, как правило, возвращается в норму. Предлагаю вам заглянуть туда,— указал я на бумаж-

ник,— очень может быть, что-нибудь там напомнит вам обо всем.

Он поколебался, но потом открыл правое отделение. Первое, что он вытащил, был цветной снимок, очевидно, семейная фотография. В центре стоял он сам, моложе лет на 5 или 6, в костюме из твида, черты другого мужчины, лет около 45, носили фамильное сходство с ним. Были там также две женщины помоложе и две девочки и два мальчика в возрасте от 10 до 15 лет. На фоне за ухоженным газоном виднелся старинный дом XVIII века.

— Не думаю, чтобы вам надо было беспокоиться за свою жизнь,— сказал я.— Она, кажется, была вполне удовлетворительной.

Затем последовали три визитные карточки, разделенные тканью, просто гласившие: сэр Эндрю Винселл, но не дававшие адреса. Там же был конверт, адресованный тому же лицу, Британская компания «Пластмассы Винвинил Лимитид», где-то в Лондоне.

Он покачал головой, сделал еще глоток из своего бокала, снова взглянул на конверт и невесело рассмеялся. Затем с видимым усилием он овладел собой и сказал решительно:

— Какой-то глупый сон. Как же это обычно просыпаются?— Он закрыл глаза и твердым голосом объявил:— Я Эндрю Винселл. Мне 23 года. Живу на улице Харт, 48. Сейчас прохожу обучение по контракту в фирме «Пенберти и Тралл», присяжная бухгалтерия, площадь Блумсберри, 102. Сейчас 12 июля 1906 года. Сегодня утром меня сбило трамваем на улице Танет. Должно быть я здорово ударился и все это время страдаю галлюцинациями. Итак!

Он открыл глаза и выразил искреннее удивление, найдя меня все на том же месте. Затем он свирепо посмотрел на конверт и выражение его лица стало брюзгливым.

— Сэр Эндрю Винселл!— издал он презрительное восклицание.— И «Пластмассы Винвинил Лимитид». Какого дьявола все это значит?

— Не думаете ли вы,— предположил я,— что, судя по всему, вы член этой фирмы, по виду один из ее директоров, я бы сказал.

— Но я же вам говорю,— вмешался он.— Что такое пластмасса? Ничего это мне не говорит, кроме как моделирование клея. Что я могу иметь общего с клеем?

Меня охватило сомнение. Выглядело так, будто потрясение, каково бы оно ни было, вырезало из его памяти около 50 лет. Возможно, подумал я, если мы заговорим о деле, которое по всему было для него близким и важным, наш разговор разбудит некоторые воспоминания. Я постучал по поверхности стола.

— Вот это, к примеру, пластмасса,— сообщил я ему.

Он исследовал ее и щелкнул по ней ногтями.

— Я бы это так не назвал. Это же очень твердое,— заметил он.

Я постарался объяснить.

— Она была мягкой до того, как затвердела. Существует множество видов пластмасс. Эта пепельница, обивка вашего стула, эта ручка, обложка моей чековой книжки, плащ вон той женщины, ее сумочка, ручка ее зонтика, десятки других вещей вокруг вас — даже ткань моей рубашки из пластмассового волокна.

Он не сразу ответил, а сидел переводя взгляд от одной вещи к другой с растущим интересом. В конце концов он снова повернулся ко мне. На этот раз его глаза смотрели в мои с огромным

напряжением. Его голос слегка дрогнул, когда он еще раз спросил:

— Это действительно 1958 год?

— Конечно, 58-й,— уверил я его.— Если вы не верите собственному дневнику, за стойкой висит календарь.

— Никаких лошадей,— пробормотал он про себя.— И деревья на площади выросли так сильно... сон не бывает таким последовательным в деталях, ну, не до такой степени...— он остановился, потом вдруг:

— Боже мой!— застонал он.— Боже мой, если это в самом деле...— он повернулся ко мне снова с нетерпеливым блеском в глазах.— Расскажите мне об этих пластмассах,— срочно потребовал он.

Я не химик и знаю о них не больше, чем любой другой. Но он, по-видимому, был в нетерпении и, кроме того, как я уже сказал, мне подумалось, что близкая ему тема сможет помочь оживить его память. Поэтому я решил попытаться. Я указал на пепельницу.

— Вот эта, кажется, наиболее напоминает пластмассу Бейнлайта, если так, то это одна из первых пластмасс, полученных при помощи термоустановок. Человек по имени Бейнлайт запатентовал ее примерно в 1909 году, насколько я помню. Что-то связанное с фенолом и формальдегидом.

— Термоустановка? Что это такое?— стал он выспрашивать.

Я постарался ответить наилучшим образом и затем продолжил объяснять то немногое, что я успел нахвататься о молекулярных цепях и связях, полимеризации и т.д., некоторые их характеристики и использование. Он ни в чем не дал мне почувствовать себя так, будто я пытаюсь учить собственную бабушку. Напротив, он слушал с сосредоточенным вниманием, иногда повторял слово, как бы пытаясь утвердить его в своем мозгу. То, что он так тщательно меня слушает, льстило моему самолюбию, но я мог не обманывать себя, что это хоть сколько-нибудь восстанавливает его память.

Мы — по крайней мере я — проговорили около часа, и все это время он сидел серьезный и напряженный, с крепко сцепленными ладонями. Тут я заметил, что действие бренди ослабло, и он опять далеко не в лучшем состоянии.

— Я действительно думаю, что пора мне проводить вас домой,— сказал я ему.— Вы можете вспомнить, где вы живете?

— Улица Харт, 48,— произнес он.

— Нет, я имею в виду, где вы теперь живете,— настаивал я.

Но он уже не слушал. На его лице все еще была написана огромная сосредоточенность.

— Если бы только я мог вспомнить... если бы только я мог вспомнить, когда проснусь,— бормотал он безнадежно, скорее для себя, чем для других. Затем он снова поднял глаза на меня.

— Как вас зовут?— спросил он.

Я ответил.

— Это я тоже запомню, если, конечно, смогу,— заверил он меня на полном серьезе.

Я перегнулся через стол и приподнял обложку на его дневнике. Его имя и адрес где-то в начале улицы Гросвенор были на форзаце. Я сложил бумажник и дневник вместе и вложил их ему в руку. Он спрятал все автоматически в карман, и пока швейцар вызывал нам такси, сидел с совершенно отсутствующим видом.

Пожилая женщина, скорее всего экономка, открыла нам дверь впечатляющей квартиры. Я посоветовал ей позвонить врачу сэра Эндрю и оставался там до тех пор, пока он не приехал, чтобы объяснить ситуацию.

На следующее утро я позвонил туда выяснить, как он себя чувствует. Мне ответил более молодой женский голос. Она сообщила, что сэр Эндрю хорошо выспался после болеутоляющего, проснулся несколько утомленным, но вполне самим собой, без каких-либо признаков потери памяти. Доктор не видел никаких причин беспокоиться. Она поблагодарила меня за то, что я о нем позаботился и привез его домой — и все.

Я действительно забыл про этот случай, пока не увидел в газете объявление о его смерти в декабре.

Мистер Фраттон некоторое время воздерживался от замечаний, потом вытащил изо рта сигару, хлебнул кофе и сказал, не вполне логически обоснованно:

— Странно это.

— Вот и я тоже думал... думаю,— подтвердил мистер Астер.

— Я имею в виду,— продолжил мистер Фраттон,— я имею в виду, что вы, конечно, оказали ему полезную услугу, без всяких сомнений, но едва ли — вы меня простите — едва ли такую, которую можно оценить в 6 тыс. однофунтовых акций, оцениваемых в 13 фунтов и 6 пенсов.

— Именно так,— согласился мистер Астер.

— Что еще непонятнее,— продолжил мистер Фраттон,— так это то, что встреча ваша случилась прошлым летом. Но завещание, содержавшее упоминание о вас, было составлено и подписано 7 лет назад.— Он снова многозначительно вынул сигару изо рта.— И я не вижу здесь нарушения доверенности, если скажу вам, что ему предшествовало другое, написанное 20 лет назад, где присутствовал тот же пункт.— И он углубился в размышления о своем собеседнике.

— Я уже махнул рукой на это,— сказал мистер Астер.— Но если вы коллекционируете странные случаи, вы, может быть, пожелаете взглянуть на это?

Он достал записную книжку и вынул оттуда газетную вырезку. Полоска бумаги гласила: «Некролог. Сэр Эндрю Винселл — пионер в производстве пластмасс». Мистер Астер выделил абзац в середине колонки и зачитал его:

— «Любопытно отметить, что в юности сэр Эндрю ничем не предвосхитил свои более поздние интересы и даже некоторое время был в обучении по контракту в фирме присяжных Бухгалтеров. Тем не менее, в возрасте 23 лет, летом 1906 года, он резко и довольно неожиданно прервал свою учебу и посвятил себя химии. За несколько лет он сделал первые из тех важных открытий, на которых впоследствии была построена его компания».

— Гм!—произнес мистер Фраттон. Он внимательно поглядел на мистера Астера.— Он был сбит трамваем на улице Танет в 1906 году.

— Конечно. Он же сам об этом сказал,— ответил мистер Астер.

Мистер Фраттон покачал головой.

— Все это очень подозрительно,— заметил он.

— И вправду странно,— согласился мистер Астер.

ПЕТЛЯ ВО ВРЕМЕНИ

На той стороне дома, что находилась в тени, было жарко. Миссис Долдерсон поближе подкатила кресло к открытому двухстворчатому окну, доходившему до пола, так, чтобы голова оставалась в тени, а тело нежилось на солнце.

Откинув голову на подушку, она смотрела в окно.

Там все было для нее вне времени.

За ровным газоном стоял неизменный кедр, она догадывалась, что его однообразно распростертые сучья должно быть вытянулись еще немного с той поры, когда она была ребенком. Но трудно было это утверждать. Дерево казалось огромным тогда, огромным казалось оно и теперь. Чуть дальше живая изгородь на границе участка была такой же подстриженной, опрятной, как и всегда. По обе стороны ворот в рощицу все еще топорщились два куста, подстриженные в виде не поддающихся определению птичек: Куки и Олли — чудесно, что они еще были там, хотя перья в хвосте Олли и стали слишком ветвистыми от времени.

Клумба, слева перед зарослями кустарника, пестрела красками, как и прежде — ну, возможно, немного ярче; было такое ощущение, что цветы со временем становятся чуть резче в своих очертаниях, оставаясь все же восхитительными.

Рощица за оградой, однако, немного изменилась, прибавилось больше молодых деревьев, а некоторые из тех, что побольше, исчезли. Между ветками, там где в былые времена не было никаких соседей, проглядывала черепичная крыша. Если бы не это, можно было бы забыть на мгновение всю прожитую жизнь.

Послеполуденная дремота, когда отдыхают птицы, жужжание пчел, нежный шелест листьев, стук мяча о ракетку с теннисного корта за углом, и случайный выкрик счета. Это мог бы быть любой солнечный летний полдень из 50 или 60 прожитых лет.

Миссис Долдерсон улыбнулась всему, что она так любила, любила еще тогда, когда была девочкой, а теперь еще больше.

В этом доме она родилась, в нем она выросла, вышла замуж, вернулась в него после смерти отца, вырастила двух детей, состарилась... Через несколько лет после второй войны она чуть было не потеряла его — но не совсем, и вот она все еще здесь...

Это Харольд сделал такое возможным. Умный мальчик и чудесный сын. Когда стало совсем ясно, что она больше не сможет содержать дом и его придется продать, это Харольд смог уговорить правление своей фирмы купить его. «Их интересует,— сказал он,— участок, как и любого другого покупателя». Сам по себе дом теперь уже не имел почти никакой ценности, но месторасположение его было удобным. По условию продажи 4 комнаты на южной стороне были превращены в квартиру, которая предназначалась для нее на все оставшиеся дни жизни. Остальное стало общежитием, обеспечивающим жильем где-то около 20-и молодых людей, работавших в лабораториях и конторах, которые располагались теперь на северной стороне, на месте конюшни и части выгона. Когда-нибудь, она знала, старый дом снесут, она видела чертежи, но в настоящем, пока она жива, оба они, и дом, и сад с юга и запада, могли оставаться нетронутыми. Харольд заверил ее, что они не понадобятся еще лет 15-20, намного дольше, чем ей будет нужно...

Не жалеет она по-настоящему, спокойно думала миссис Долдерсон, и того, что надо уходить. В старости становишься бесполезной, а теперь, когда ей было необходимо кресло на колесах,

еще и обузой для других. У нее появилось чувство, что она уже не принадлежит этому миру, что она стала посторонней в мире других людей. Он так изменился, этот мир: сперва она перестала его понимать, когда же мир еще более усложнился, оставила всякие попытки понять его.

Харольд был милым мальчиком, и ради него она старалась не казаться слишком глупой — но часто это было трудным для нее...

Сегодня за завтраком, к примеру, он был так возбужден из-за какого-то эксперимента, который они должны были провести после полудня. Ему необходимо было поговорить о нем, хотя даже он должен был знать, что практически ничего из его речи она понять не могла. Что-то опять про измерения — это более всего запало ей в память, но она только кивала и не пыталась вникать дальше. В последний раз, когда возникла эта тема, она заметила, что в ее молодости их было только три, и она не могла понять, как даже самый сильный прогресс в мире мог добавить еще что-то. Это дало ему повод прочесть целую лекцию про взгляд математика на мир, существование которого он, очевидно, был в состоянии воспринимать лишь через серию измерений. Даже момент существования относительно времени был, казалось, своего рода измерением. «С философской точки зрения...», — начал объяснять Харольд; тут она сразу же потеряла ход его мыслей, он вел прямо к неразберихе. В душе она была уверена, что в ее молодости философия, математика и метафизика, как науки, были в достаточной мере раздельны — в теперешнее же время, они, как оказалось, были совсем непонятно соединены вместе. Поэтому, на сей раз, она слушала молча, издавая тихие, подбадривающие восклицания, пока он уныло не улыбнулся и не сказал, что она была так мила и терпелива с ним.

После того он обошел вокруг стола и поцеловал ее нежно в щеку, положа ей руку на плечо, и она пожелала ему удачи в послеобеденном таинственном эксперименте. Потом вошла Дженни убрать со стола и подкатила ее ближе к окну...

Тепло сонливого послеполуденного времени унесло ее в полудрему, на 50 лет назад, как раз к тому дню, когда она сидела у того самого окна — конечно же, и не помышляя о кресле-качалке, ожидая с болью в сердце Артура..., а Артур так никогда и не пришел...

Странно, как порой все решает случай. Если бы Артур пришел в тот день, она почти точно вышла бы за него замуж. И никогда бы не родились Харольд и Синтия. У нее были бы, конечно, дети, но не Харольд и Синтия. Какая странная, случайная вещь — чье-то существование... Только сказав «нет» одному человеку и «да» другому, женщина дает, возможно, существование потенциальному убийце... Как глупы они все в теперешние дни, пытаясь увязать все вместе, сделать жизнь безопаснее, в то время как за их спиной, в прошлом каждого, простирается в бездну, заполняемый случаем, ряд женщин, сказавших «да» или «нет», как им это вздумалось...

Странно, к чему ей теперь вспоминать Артура, должно быть, годы прошли с тех пор, как она думала о нем...

Она была совершенно уверена, что он сделал бы ей предложение в тот день. Это было до того, как она впервые услышала о Колине Долдерсоне. И она согласилась бы. Да, да, несомненно.

Но объяснений никаких не последовало. Она никогда не узнала, почему он не пришел тогда — или после. Он так и не написал

ей: 10 днями или, скорее, 2-мя неделями позже была краткая записка от его матери, сообщавшей, что он был болен, и что доктор посоветовал отправить его заграницу. Но после этого — ничего больше до того дня, когда она увидела его имя в газете, более 2-х лет спустя.

Она некоторое время очень сердилась, конечно, испытывая уязвление в своей девичьей гордости и даже душевную боль.

И все-таки кто знает, что было бы лучше в конце концов? Были бы его дети так же дороги ей и настолько добры и умны, как Харольд и Синтия...

Такая неопределенность случая... Все эти гены и другие вещи, о которых они говорят теперь...

Глухой стук теннисных мячей прекратился, игроки ушли скорее всего обратно к своим ремонтным работам.

Продолжали деловито жужжать пчелы, там же с дилетантским и беззаботным видом порхали с полдюжины бабочек. За ними мерцали в поднимавшемся от земли тепле деревья. Послеполуденная дремота стала всесильной. Миссис Долдерсон не сопротивлялась ей. Она откинула назад голову, смутно отметив про себя, что где-то начался другой жужжащий звук, выше по частоте, чем у пчел, но не настолько громкий, чтобы раздражать. Она сомкнула веки...

Неожиданно, всего лишь в нескольких ярдах, в той части дорожки, что вне поля зрения, послышались шаги. Звук их начался совсем внезапно, как если бы кто-то только что ступил на дорожку с травы, но тогда она увидела бы кого-нибудь, проходящего по саду... Одновременно послышался звук голоса, напевавшего баритоном, но не громко, как бы для себя. Он тоже начался совсем неожиданно, даже на полуслове: «...жизни это делает, делает, делает...».

Голос внезапно прервался. Шаги тоже замерли. Глаза миссис Долдерсон были теперь открыты — широко открыты. Ее тонкие руки нащупали ручку кресла. Она мысленно воспроизвела тембр умолкнувшего голоса, более того, она даже была уверена в нем — после всех этих лет... «Глупый сон»,— сказала она себе... Она вспомнила его всего за несколько минут до этого, перед тем как закрыла глаза... Как глупо!

И все же, это было до странности не похоже на сон. Все было так резко и ясно, так похоже на действительность. Ручки кресла были вполне материальными под ее пальцами...

Другая мысль проскользнула в ее мозг. Она умерла. Вот почему это не похоже на обычный сон. Сидя здесь на солнце, она, должно быть, тихо скончалась. Доктор говорил, что это может случиться совсем неожиданно... И вот — случилось!

На какой-то краткий миг она почувствовала облегчение, не потому, что она боялась смерти, а потому что до этого было ощущение большого испытания впереди. Теперь оно ушло, а самого испытания так и не было.

Так же просто, как заснуть. Она почувствовала неожиданно радость от этого, быть может даже оживление...

Хотя было странно, что она, кажется, все еще привязана к креслу.

Гравий скрипнул под сдвинувшейся ногой. Изумленный голос произнес:

— Вот чудно! До жути странно. Что же, черт возьми, случилось?

Миссис Долдерсон сидела в кресле, не шелохнувшись. У нее не было никаких сомнений насчет голоса.

Пауза. Было слышно, как кто-то переминается с ноги на ногу, как бы неуверенно. Затем пошел вперед, но теперь медленно. В поле ее зрения попал молодой человек. О, он выглядел так молодо, этот человек. Она почувствовала, как защемило ее сердце.

Он был одет в полосатый блейзер и белые фланелевые брюки. Вокруг шеи был повязан шелковый шарф, а на затылке сидела соломенная шляпа с цветным бантом. Его руки были засунуты в карманы брюк, под мышкой — теннисная ракетка.

Она увидела его сначала в профиль, и не в самом лучшем виде, так как выражение лица у него было изумленное, а рот слегка открыт, когда он глядел в сторону рощицы, на одну из черепичных крыш за нею.

— Артур,— нежно произнесла миссис Долдерсон.

Он был поражен. Ракетка выскользнула и со стуком упала на дорожку. Он попытался поднять ее, снять шляпу и восстановить свое спокойствие — все это в одно и то же время, и вполне безуспешно. Когда он распрямился, его лицо было пунцовым и все еще смущенным.

Он посмотрел на старую леди в кресле, чьи колени были укрыты пледом, а тонкие руки сжимали ручки кресла. К его растущему смущению примешалась тревога. Потом взгляд снова остановился на лице старой леди. Она внимательно его разглядывала. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь видел ее до этого, не понимая, кто бы это мог быть — и все же в ее глазах было, казалось, что-то едва-едва знакомое. Она опустила взгляд на свою правую руку. С мгновение изучала ее, как будто озадаченная немного, потом снова подняла глаза на него.

— Ты меня не знаешь, Артур?— тихо спросила она.

В ее голосе была нотка грусти, которую он принял за разочарование с оттенком укора.

— Я... Я боюсь, что нет,— сознался он.— Видите ли, я... м-м... вас... м-м...,— он замялся, а потом продолжал безнадежно:— вы, должно быть, тетя Тельмы... миссис Кильдер?

Она смотрела на него не отрываясь несколько мгновений. Он не понял выражения ее глаз, но тут она ответила:

— Нет. Я не тетя Тельмы.

Снова его взгляд ушел в глубь комнаты, за нее. На этот раз он в изумлении покачал головой.

— Все по-другому. Нет, как-то наполовину по-другому,— сказал он в огорчении.— Послушайте, я не мог зайти не в тот...— он смолк и обернулся поглядеть на сад еще раз.— Нет, конечно не это,— ответил он решительно сам себе.

— Но что.., что случилось?

Его удивление переросло обычное, он выглядел потрясенным. Его изумленные глаза снова вернулись к ней.

— Пожалуйста.., я не понимаю, откуда вы меня знаете?— спросил он.

Его усиливающееся расстройство обеспокоило ее и заставило быть осторожнее.

— Я узнала тебя, Артур. По-моему, мы встречались раньше.

— Разве? Я не могу припомнить... Мне очень неудобно...

— Ты выглядишь нездоровым, Артур. Пододвинь этот стул и немного отдохни.

— Благодарю, миссис... э-э... миссис?

— Долдерсон,— подсказала она ему.

— Благодарю, миссис Долдерсон,— сказал он, слегка нахмурившись, пытаясь отыскать имя в памяти.

Она наблюдала, как он ближе подтащил стул. Каждое движение, каждая черточка были родными, даже локон русых волос, что всегда падал на лоб, когда он нагибался. Он сел и с минуту молчал, уставясь через сад из-под нахмуренных бровей.

Миссис Долдерсон тоже сидела тихо. Она была изумлена едва ли меньше его, хотя старалась не выдать этого. Несомненно, что мысль о смерти была вовсе глупой. Она ощущала себя, как обычно, все еще в каталке, с сознанием боли в спине, с сознанием возможности нащупать ручки кресла и почувствовать их.

Это все же был не сон — все было слишком вещественным, слишком реальным, каким не бывают никогда вещи во сне. И даже слишком ощутимыми, не такими ли, какими они были бы, будь на месте Артура любой другой молодой человек...?

Не была ли это галлюцинация?— обман ее мозга, навязавший лицо Артура совершенно другому.

Она взглянула на него. Нет, не это, он откликнулся на имя «Артур». Несомненно, он и был Артуром — и одет в его блейзер... И не стригутся так в настоящем времени, и прошли годы и годы с тех пор, как она видела, чтобы молодой человек носил соломенную шляпу...

Что-то вроде привидения?.. Но нет, он был из плоти и крови, стул скрипел, когда он садился, гравий хрустел под его ботинками... Кроме того, слышал ли кто когда-либо о привидении в виде глубоко изумленного молодого человека и, тем более, совсем недавно порезавшемся во время бритья?..

Он резко прервал ее мысли, повернув голову.

— Я думал, что Тельма будет здесь,— сказал он ей.— Она обещала это. Пожалуйста, скажите мне, где она?

«Как маленький испуганный мальчик»,— подумала миссис Долдерсон. Ей хотелось успокоить его, а не испугать еще больше. Но она ничего не могла придумать, кроме как:

— Тельма отсюда недалеко.

— Я должен ее найти. Уж она-то будет в состоянии объяснить то, что случилось,— он приподнялся, чтобы встать.

Миссис Долдерсон взяла его за руку и нежно заставила сесть обратно.

— Подожди немного,— сказала она ему.— Что же, как тебе кажется, случилось, что так сильно беспокоит тебя?

— Это,— сказал он, махнув рукой на все вокруг него.— Оно все другое, и все такое же, и все же нет... Я чувствую будто... будто я немного сошел с ума.

Она пристально посмотрела на него и потом покачала головой.

— Я не думаю. Скажи мне, что-то не в порядке?

— Я шел сюда играть в теннис, ну, на самом деле увидеть Тельму,— поправился он.— Все было в порядке тогда, как и обычно. Я свернул с дороги и прислонил велосипед к большой ели там, где начинается дорожка. Я пошел по ней и, как только я добрался до угла дома, все стало как-то чудно.

— Чудно?— переспросила миссис Долдерсон.— Что стало чудно?

— Ну, почти все. Солнце будто подскочило на небе. Деревья вдруг стали вроде бы больше и не совсем теми же. Цветы на той вот клумбе совершенно изменили краски. Этот плющ, который раньше покрывал всю стену, вдруг неожиданно оказался лишь

наполовину выросшим и это придает ему вид какого-то другого сорта плюща. И вот там есть дома. Я никогда их до этого не видел — за рощицей было только открытое поле. Даже гравий на дорожке выглядит еще желтее, чем я думал. И эта комната... Это та же комната. Я знаю этот письменный стол и этот камин, и эти две картины. Но обои совсем другие. Я их никогда до этого не видел — но ведь они же... Пожалуйста, скажите мне, где Тельма... Я хочу ей объяснить... Я, должно быть, немного сошел с ума.

Она твердо положила свою ладонь на его.

— Нет,— решительно сказала она.— Что бы то ни было, я совершенно уверена, что это — не то.

— Но что же тогда?..— он внезапно замолчал и прислушался, слегка наклонив голову. Звук нарастал.— Что это?— спросил он с беспокойством.

Миссис Долдерсон сжала его руку в своей.

— Все в порядке,— сказала она так, будто это был ребенок.— Все в порядке, Артур.

Она могла почувствовать, как его напряжение росло по мере усиления звука. Он пронесся как раз над их головами, на высоте чуть меньше тысячи ярдов, повизгивая реактивным мотором, с грохотом, оставляя за собой сжатый воздух, постоянно содрогаясь, все тише и тише по мере удаления.

Артур видел его. Следил, как он исчез. Его лицо, когда он обернулся к ней, было белым от испуга. Каким-то странным голосом он спросил:

— Что... что это было?

Тихо, как бы стараясь его успокоить, она ответила:

— Просто аэроплан, Артур. Такие уж это жуткие, беспокойные штуки.

Он бросил еще взгляд на удалявшийся самолет.

— Но я видел аэроплан и слышал его. Он не похож на этот. Шум от него, как от мотоцикла, только погромче. Это же было ужасно! Я не понимаю... Я не понимаю, что случилось...— его голос звучал жалобно.

Миссис Долдерсон только хотела ответить, как поймала себя на внезапной четко возникнувшей в ее сознании мысли о том, как Харольд говорил об измерениях, что они могут сдвинуться в различные плоскости, будто это было еще одно измерение. Толчок интуиции, и она поняла — нет, поняла — это было слишком неточно, ощутила всем существом своим, что это было именно так. Но, воспринимая, она почувствовала свое поражение. Она снова взглянула на молодого человека. Он все еще был в напряжении, слегка дрожа. Он думает, что сходит с ума! Она должна остановить его. Это нельзя было не сделать помягче, но как же избежать по возможности резкости?

— Артур,— сказала она быстро.

Он растерянно посмотрел на нее. Она намеренно заставила свой голос звучать оживленнее.

— В буфете ты найдешь бутылочку бренди, пожалуйста, достань еще и два стакана,— приказала она.

Он подчинился как во сне. Она наполнила бренди треть стакана для него и плеснула на дно для себя.

— Выпей это,— сказала она Артуру. Он сомневался.

— Ну же,— скомандовала она.— Тебя что-то взволновало, а это пойдет тебе на пользу. Я хочу поговорить с тобой, но не могу же я это сделать, пока ты соображаешь только наполовину.

Он отпил, слегка кашлянул и снова сел.

— Допей это,— твердо сказала ему она.

Он допил. Тотчас же она поинтересовалась:

— Теперь чувствуешь себя лучше?

Он кивнул, но ничего не сказал. Она приняла решение и осторожно перевела дыхание. Отбросив весь свой оживленный тон, она спросила:

— Артур, скажи мне, какое сегодня число?

— Число?— удивленно произнес он.— Да пятница сегодня... или... 27 июня.

— А какого года, Артур? Какого года?

Он полностью обернулся к ней.

— Но я же не сумасшедший, на самом деле. Я знаю, кто я, где я, я думаю... Что-то произошло с вещами, а не со мной.

— Все, что я хочу от тебя услышать — это год, Артур.

В ее голосе вновь послышалась повелительная нотка.

— 1913, конечно,— сказал он, непрерывно глядя ей в глаза.

Миссис Долдерсон перевела взгляд на цветы. Она нежно кивнула. Это был тот самый год, и это была пятница: странно, что она это вспомнила. Это вполне могло быть и 27 июня... Но конечно же, пятница летом 1913 года был тот день, когда он не пришел... Все это было так давно, так давно...

Его голос окликнул ее. Он дрожал от беспокойства.

— Почему, почему вы меня об этом спрашиваете, о том, который год, то есть?

Его брови изогнулись, глаза были полны нетерпения. Он был так молод. Ее сердце страдало за него. Она снова положила свою руку, такую тонкую и слабую, на его сильную и большую.

— Мне кажется, я знаю,— сказал он прерывающимся голосом.— Это... не знаю почему, но вы не спросили бы меня, если бы не... Странно как-то вышло, ведь правда? Каким-то образом это больше не 1913 год — вот что вы имели в виду? То, как выросли деревья..., этот аэроплан...— он остановился, уставясь на нее широко открытыми глазами.

— Вы обещали мне сказать..., пожалуйста, пожалуйста... Что это за место?

— Бедный мой мальчик,— пробормотала она.

— О, пожалуйста...

Из-за обивки стула, стоявшего перед нею, торчала «Таймс» с наполовину решенным кроссвордом. Неохотно она вытащила газету, сложила ее и протянула ему. Его рука дрожала, когда он брал ее.

— Лондон, понедельник, 1-е июля,— прочел он.

И недоверчивым шепотом: «1963-й»?

Он перевел взгляд на статью ниже, изучающе рассматривая страницу. Она дважды медленно кивнула. Они сидели молча, уставившись друг на друга. Постепенно выражение его лица менялось. Брови сошлись на переносице, как будто от боли. Он, как от резкого толчка, оглянулся вокруг, как будто в поиске спасения. Потом перевел взгляд обратно на нее. Он зажмурился на мгновение. Потом опять открыл глаза, полные боли... и страха.

— О нет... нет!.. нет!.. Не может быть... Вы... вы сказали мне... Вы миссис Долдерсон, ведь так? Вы так сказали... Вы ведь... Вы не... Тельма?

Миссис Долдерсон ничего не ответила. Они посмотрели друг на друга. Его лицо сморщилось, как у маленького ребенка.

— О, боже! Ой-ой-ой...— заплакал он, закрыв лицо руками.

Миссис Долдерсон закрыла на мгновение глаза. Когда же снова открыла их, то уже взяла себя в руки. Печально глядела она на его трясущиеся плечи. Ее тонкая, вся в голубых венах левая рука протянулась к склоненной голове и нежно погладила светлые волосы.

Ее правая рука нашла под столом перед ней кнопку звонка. Она нажала ее и продолжала держать пальцы на ней, пока хватало сил...

На звуки движения она открыла глаза. Подъемные жалюзи затемняли комнату, но пропускали достаточно света, чтобы заметить стоявшего перед постелью Харольда.

— Я не хотел разбудить тебя, мама,— сказал он.

— Ты меня не разбудил, Харольд. Я дремала, но не спала. Садись, дорогой мой. Я хочу с тобой поговорить.

— Ты не должна утомлять себя, мама. У тебя снова заговорила старая болезнь, ты же знаешь.

— Осмелюсь сказать, что нахожу не менее утомительным ломать голову над загадкой, чем знать ее. Я тебя ненадолго задержу

— Ну что ж, мама,— он придвинул стул вплотную к постели и сел, взяв ее руку в свою. Она смотрела в полумраке на его лицо.

— Ведь это ты все натворил, Харольд? И это твой эксперимент перенес сюда бедного Артура?

— Это был несчастный случай, мама.

— Расскажи мне.

— Мы проводили опыт. Просто предварительное испытание. Мы знаем, что теоретически это возможно. Мы доказали, что, если бы мы могли, ох, это так трудно объяснить в словах — если бы мы могли, ну, свернуть измерение, как бы сломать его пополам, то 2 точки, раздельные в нормальном состоянии, совпали бы... Я боюсь, что не очень понятно...

— Не беспокойся, продолжай.

— Ну, когда мы установили наш генератор искажений полей, мы закрепили его механизм на сведение вместе двух точек, которые отделяет друг от друга 50 лет. Представь себе длинную полоску бумаги, которую сложили так, что эти отметины совпали.

— Ну же.

— Выбор был сделан совершенно произвольно. 10 лет, или 100, но все сразу согласились на 50-ти. Ведь мы и попали поразительно близко, мама, просто замечательно близко. Искажение всего в 4 календарных дня за целые 50 лет. Нас всех это потрясло. Теперь нам надо выяснить источник искажения, но если бы ты попросила любого из нас держать пари...

— Да, дорогой, я уверена, что это было просто чудесно. Но что случилось?

— Ой, извини. Ну, как я уже сказал, это был несчастный случай. Прошли 3 или 4 минуты, как мы включили генератор. И тут он, должно быть, вошел в поле совпадения. Посторонний — это же 1 шанс из миллиона. Жаль, что так случилось, но едва ли мы могли знать...

Она повернула голову к подушке.

— Нет. Вы не могли знать,— согласилась она.— А потом?

— Да, на самом деле ничего. Мы ничего не знали, пока Джулия не пошла на твой звонок и не нашла тебя в обмороке, а этого парня Артура чуть не в истерике. Она тут же послала за мной. Одна из девушек помогла уложить тебя в постель. Пришел доктор Соул и осмотрел тебя. Потом он всадил в этого Артура какое-то успокоительное. Бедняга в нем нуждался. Сущий ад, конечно же, когда ты ожидаешь поиграть с любимой девушкой в теннис, а тут такое?

— Когда этот Артур поутих немного, он сказал нам, кто он и откуда. Ну, это было как раз для тебя. Живое свидетельство несчастного случая с первого попадания. Но все, что он желал, этот не-

счастный, это как можно скорее вернуться обратно. Он был очень расстроен, что всегда довольно болезненно. Доктор Соул хотел остановить его как врач, желая не допустить, чтоб он свихнулся. А было на то похоже, и не думаю, чтобы ему стало лучше, когда он вернулся обратно.

Мы не знаем, смогли ли послать его туда. Если перемещение «вперед», грубо говоря, можно рассматривать как бесконечное ускорение естественной прогрессии, то мысль о перемещении «обратно», если разобраться, привела нас в полное замешательство. Мы долго спорили, пока доктор Соул не прервал нас. Если есть определенный шанс, сказал он,— этот парень имеет право на попытку, и на нас лежит обязанность искупить перед ним вину за то, что мы ему причинили. А кроме того, если бы мы не попытались, нам бы, конечно, пришлось бы объяснять кой кому, как мы дошли до того, что у нас на руках оказался бредящий полоумный да еще, так сказать, 50 летней давности.

Мы попытались растолковать этому Артуру, что мы не можем быть уверены, сработает ли машина в обратную сторону и что все равно, раз получилась эта ошибка в 4 календарных дня, тогда же в лучшем случае на точность нельзя рассчитывать. Не думаю, чтобы он действительно понял. Бедняга был в ужасном состоянии, все, чего ему хотелось — это просто шанс, любой шанс выбраться отсюда. Его просто заело на этом. Вот почему мы решили рискнуть, в конце концов, если бы это оказалось невозможным, он бы, ну, он бы ничего не почувствовал или вообще ничего бы не случилось.

В установке генератора ничего мы не меняли, оставили около него одного из наших, отвели этого Артура обратно на дорогу, около твоей комнаты и поставили его там.

— Теперь иди вперед,— сказали мы ему — Как ты шел до того, как все случилось,— и подали сигнал включать. Из-за дозы доктора и всего прочего он еле держался на ногах, хотя и постарался взять себя в руки. Он пошел вперед как-то враскачку. Дотошный парень, он почти плакал, но странным каким-то голосом пытался петь: «Все это делают, делают».

И тут он исчез — просто совсем растворился. Харольд замолчал и с сожалением добавил: «Все доказательства, которые у нас сейчас есть, не очень-то убедительны — одна теннисная ракетка, совершенно новая, но старой модели, одна соломенная шляпа, такая же!»

Миссис Долдерсон лежала, ничего не говоря.

— Мы сделали все, что смогли, мама, а мы могли только попытаться...

— Конечно, дорогой! И вам это удалось. Не твоя вина, что вы не в состоянии были исправить то, что сделали... Нет, мне просто стало интересно: что случилось бы, произойди все несколькими минутами раньше или позже. Но я не думаю, чтобы это вообще тогда случилось.

Он взглянул на нее слегка встревоженно.

— Что ты имеешь в виду, мама?

— Ничего, дорогой. Это, как ты сказал, был несчастный случай. По крайней мере, я предполагаю, что так,— хотя слишком много важных вещей кажутся несчастными случаями, что просто диву даешься, не написаны ли они в самом деле где-то там...

Харольд посмотрел на нее, пытаясь что-то в этом понять, потом решил спросить:

— Но почему ты думаешь, что нам удалось вернуть его обратно, мама?

— О, я знаю, дорогой. Потому что я очень ясно помню тот день, когда прочла в газете, что лейтенант Артур Чаренг Батлей награжден орденом «За боевые заслуги» — где-то в ноябре 1915 года это было, я думаю. И, во-вторых, я только что получила письмо от твоей сестры.

— От Синтии? Но, боже мой, причем же здесь она?

— Она хочет приехать и увидеть нас. Она думает снова выйти замуж и хотела бы привезти молодого человека, ну, не такого уж и молодого человека, я хотела сказать, чтобы показать его нам.

— Отлично, но я не вижу...

— Она думает, что ты, наверное, заинтересуешься им. Он — физик.

— Но...

Миссис Долдерсон не обратила внимания на слова, она продолжала.

— Синтия говорит, что его фамилия Батлей, и он — сын полковника Артура Чаренга Батлея, кавалера ордена «За боевые заслуги» из Найроби, Кения.

— Ты имеешь в виду, что он сын...

— Похоже на то, дорогой. Странно, не так ли? — она с минуту размышляла и добавила. — Надо сказать, что если вот это и предписано, то иногда кажется, что у писавшего до странности искаженный стиль, ты так не думаешь?

ОХ, ГДЕ ЖЕ ТЕПЕРЬ ПЕГГИ МАК-РАФФЕРТИ

— Ох, где же... — раздаются вздохи в маленьком сером домике, покоящемся в изумрудных травах Барранакло, там где Слив Гамф уносит свои воды в болото. — Ох, где же наша Пег? Где же наша девочка с глазками, черными как торфяной омут, и щечками, как пионы папаши О'Крейсигана, наша милая и хорошенькая девочка? Сколько писем написали мы ей, с тех пор как она уехала, но ни на одно из них не ответила нам Пегги, потому что мы не знаем куда их слать. Охо-хой! А вот как это случилось. В домик пришло письмо, адресованное мисс Маргарет Мак-Рафферти. Почтальон, принесший его, заметил Пегги, что конверт подписан очень изящно, на что она согласилась, и не без волнения, потому что до этого ни разу не получала писем себе лично. Когда у Майкла из Канады, Патрика из Америки, Катлин из Австралии или Бригит из Ливерпуля руки доходили до бумаги, они писали обычно сразу всем Мак-Рафферти, чтобы не тратить времени попусту.

Кроме того, оно было напечатано на машинке. Некоторое время Пегги любовалась им, пока Эйлин не сказала нетерпеливо:

— От кого это?

— Почем я знаю? Я его еще не открыла, — ответила Пегги.

— Ну, так открой, — сказала Эйлин.

Когда конверт распечатали, в нем оказалось не только письмо, но и почтовый перевод на 20 шиллингов. Изучив его, Пегги внимательно прочла письмо, начиная с заголовка, где было напечатано «Популярное Объединенное Телевидение», и, не отрываясь, до подписи.

— Ну, что там такое? — потребовала ответа Эйлин.

— Какой-то человек хочет задать мне пару вопросов,— сообщила ей Пегги.

— Полиция?— неожиданно воскликнула ее мать.— Что ты там натворила? А ну, дай сюда.

Под конец они разобрались, что к чему. Кто-то, не вполне ясно кто, подсказал автору письма, что мисс Маргарет Мак-Рафферти, наверное, пожелала бы принять участие в викторине, где победившие получат ценные подарки в городском холле Баллилориша. Писавший надеялся, что она сможет приехать, а остальные детали уладятся по получении ее ответа. А тем временем он покорнейше просил ее взять из конверта фунт стерлингов на расходы.

— Но ведь билет на автобус до Баллилориша стоит только 3 шиллинга и 6 пенсов,— обеспокоенно сказала Пегги.

— Ну, вернешь ему остальное, когда увидишься с ним,— подсказала Эйлин,— или, по крайней мере,— добавила она еще практичнее,— дашь ему какую-то мелочь. Шиллинга два.

— А вдруг я не смогу ответить на вопросы?— возразила Пегги.

— Господи боже мой! Да в чем дело? Ну и что? Билет стоит 3 шиллинга и 6 пенсов, обратно ты дашь ему два, чтобы выглядело поприличнее, три пенса за марку, которую ты наклеишь на конверт. Это 5 и 9, а вместе получается 14, а три пенса тебе за то, что ты будешь трястись в автобусе до Баллилориша и обратно.

— Но я не люблю телевидение,— возразила Пегги.— Вот если бы кино...

— Ах, опять ты со своим кино. Вечно ты так старомодна. Фигура на телевидении — вот кем хотят все быть в наши дни.

— Но не я,— ответила Пегги.— Я хочу попасть в кино.

— Ну ведь тебя должны же где-нибудь увидеть? Надо же где-то начинать,— сказала ей Эйлин.

Поэтому Пегги написала в ответ свое согласие.

Но оказалось, что все зависело, скорее, от случая, чем от самих вопросов. Сперва она плотно поужинала в отеле Баллилоришского Замка. Слева от нее сидел молодой ирландец, имевший ко всему этому какое-то отношение, и был с нею очень вежлив и мил, а справа другой молодой человек, тоже старавшийся быть таким же вежливым и милым, но у него это хуже получалось, потому что он был англичанином. После этого они пошли пешком в городской холл, битком набитый хаосом проводов, камер и слепящих огней, а заодно и всем населением Баллилориша.

К счастью, начали не с Пегги, и она внимательно вслушивалась в вопросы, задававшиеся ее предшественницам. На самом деле, они были не такие уж страшные, как она ожидала: первый — самый легкий, второй — не очень легкий, а третий — немножечко потруднее, и по мере того как все те, кто смог выдержать первый, срывались на втором, ее настроение улучшалось. Наконец, подошла ее очередь, и она заняла место в кабине.

Мистер Хассоп, ведущий, улыбнулся ей.

— Мисс Пегги Мак-Рафферти, а ну-ка, Пегги, тебе посчастливилось вытащить географический раздел, так что, надеюсь, в школе ты хорошо учила географию.

— Не особо,— ответила Пегги, что, по-видимому, понравилось зрителям.

Пробормотав что-то скороговоркой, мистер Хассоп добрался до первого вопроса.

— Сколько графств нашей прекрасной земли стонет еще под иностранным ярмом, и как они называются?

Это было совсем легко. Публика зааплодировала.

— Ну, а теперь мы переберемся через залив. Назови-ка мне пять университетских городов в Англии.

Она сделала это даже с излишком, потому что ей не пришло в голову, что «Оксфорд» и «Кембридж» — это разные города, и названий оказалось шесть.

— А теперь в Америку...

Пегги почувствовала облегчение, услышав про Штаты. Отчасти потому, что в Америке был Голливуд, а еще потому, что кроме ее брата Патрика, работавшего на автомобильном заводе в Детройте, у нее было два дяди в полиции Нью-Йорка, один — в полиции Бостона, один — в Чикаго, застреленный там в старые добрые времена, а еще один жил в местечке под названием Сан-Квентин. Поэтому она всегда интересовалась Америкой и теперь внимательно слушала вопрос.

— Соединенные Штаты,— сказал мистер Хассоп,— это, как ты знаешь, и как говорит их название, не единая страна, а союз штатов. Я, конечно, не требую, чтобы ты их перечисляла, ха-ха-ха! Но я хочу, чтобы ты сказала мне, из скольких штатов состоит этот союз. Не торопись. Помни, что никто до сих пор за этот вечер не ответил правильно на все три вопроса. Итак, вот призы — и вот твой шанс получить их. Ну-ка, ради них, сколько штатов заключает в себя название США?

Пегги осторожно соображала. Облизав губы кончиком языка, она произнесла:

— 49 штатов.

Стеклянная кабина, охранявшая опрашиваемых от подсказок, защитила ее и от всеобщего недовольного ропота. Чарльз Хассоп выразил вежливое сожаление. Он слышал недовольный шум в зале, но, будучи доброжелательно настроенным к своей жертве, попытался затянуть время.

— Ты сказала, что в Америке 49 штатов. Ты уверена, что хотела сказать именно 49?

Пегги в стеклянной кабине кивнула.

— Конечно. Но не думаю, что с вашей стороны это честно,— добавила она.

У мистера Хассопа мгновенно исчезло выражение сочувствия.

— Не честно?— переспросил он.

— Да,— отважно сказала Пегги.— Разве вы нам только что не сказали, что никаких «обманных вопросов» не будет? А сами пытались только что заставить меня сказать «50».

Мистер Хассоп уставился на нее.

— Ну...— начал он, но Пегги резко его прервала.

— Я сказала 49 штатов и повторяю еще раз 49 — подтвердила Пегги,— 49 штатов, 2 федерации и округ Колумбия,— решительно добавила она.

У мистера Хассопа глаза полезли на лоб. Он открыл рот, чтобы ответить, посомневался и еще посображал. Он знал ответ на карточке, но в его голове смутно замаячило возможное препятствие, ловушка у самых ног. Он с усилием изобразил свой привычный апломб.

— Минуточку, пожалуйста,— сказал он зрителям и поспешно отступил в сторону от кабины — посовещаться.

Когда представление закончилось, все вернулись в отель Баллилоришского Замка на ужин — все, за исключением мистера Хассопа, который удалился, довольно сдержанно поздравив Пегги с победой.

— Мисс Мак-Рафферти,— сказал милый молодой человек.— ирландец, вновь оказавшийся ее соседом.— Насколько я мог заметить, вы обладаете невероятной долей нашего национального обаяния, но не могу ли я поздравить вас теперь и с той же долей нашей национальной удачливости?

— Уверена, что в любом случае с вашей стороны это будет очень мило. Даже хотя все там, кроме нескольких телевизионщиков, были тоже ирландцами,— ответила Пегги.— И ведь я знала ответ.

— Конечно, знали. И это настолько же здорово, насколько вы очаровательны,— согласился он.— Но мог выпасть и другой вопрос,— молодой человек помолчал и хихикнул.— Бедняга Чарльз. Он умеет задавать каверзные вопросы, несмотря на все уверения, но каверзные ответы... Здорово же он потрясся. Хотя сам напросился, пришлось звонить в Дублин, в американское консульство, его до сих пор пот прошибает при воспоминании об этом.

— Вы что же, хотите сказать, что никакой каверзы не было?— удивилась Пегги.

Он взглянул на нее многозначительно и счел за лучшее переменить тему.

— Что вы хотите сделать с добычей?— поинтересовался он.

— Ну,— сказала Пегги,— электричества у нас в Барранакло нет, но, думаю, из этого холодильника выйдет чудесный ящик для зерна.

— Без сомнения,— согласился молодой человек.

— Но эти бумажные штуковины — сплошное жульничество,— добавила она.

— Вы имеете в виду годовой запас салфеток для снятия косметики Титании Кобвеб!? Не совсем понял...

— Ну, еще бы. Разве вы не видите, они ждут, что все деньги я истрачу на косме... косми... косметику, чтобы их использовать, нет уж. В Америке это называется надувательством,— объяснила Пегги.

— А-а, я не подумал об этом,— признался молодой человек.

— С деньгами, надеюсь, все в порядке?— добавил он с опаской.

Пегги достала из сумочки чек и разгладила его на столе. Она и двое молодых людей, справа и слева от нее, с уважением посмотрели на него.

— Еще бы,— сказала она.— Это так мило. Это мое маленькое состояние. Полтысячи долларов, как говорят в Америке.

— Пять тысяч фунтов лучше полтысячи американских долларов, а иметь их у себя еще лучше,— согласился молодой ирландец.— Но едва ли состояние. Не в наши дни. Правда, без налогов... Хоть в этом мы обошли Америку. Что вы с ними собираетесь делать?

— О, я отправлюсь в США и займусь кино, как они его там называют,— объяснила Пегги.

Молодой человек укоризненно покачал головой.

— Вы хотите сказать, ТВ,— поправил он,— кино — его песенка давно уже спета.

— Я говорю не про ТВ. Я там только что была. Я говорю про кино,— твердо повторила Пегги.

— Но послушайте,— сказал молодой человек и стал красноречиво доказывать свою правоту.

Пегги вежливо выслушала его до конца.

— Вы очень преданы своей работе,— ответила она, как только он закончил.— Но я все-таки говорила о кино.

— Вы хоть кого-то там знаете?— спросил ирландец.

Пегги начала перечислять ему полный список своих дядей, двоюродных братьев, но он прервал ее.

— Нет, я имел в виду Голливуд. Видите ли, пятьсот фунтов — это здорово, но долго на них там не продержишься.

Пегги пришлось признаться, что ни один из ее родственников не имел связи с Голливудом, насколько ей было известно.

— Ну...— начал он, но тут его прервал молодой англичанин, который уже некоторое время задумчиво разглядывал Пегги.

— Ты это серьезно про кино? Это жестокая игра — учти.

— К легкой жизни я приготовлюсь, когда буду немного постарше,— сказала ему Пегги.

— В Голливуде околачивается полно таких вот «будущих звезд».

— Но некоторые же пробиваются,— ответила отважно Пегги.

На некоторое время он погрузился в раздумья, но тут же вернулся к начатой теме.

— Послушай,— сказал он.— Думаю, что ты даже не представляешь, с чем тебе придется столкнуться, и во что это тебе станет. Не лучше ли попытаться сперва в английском кино, и начать оттуда?

— А разве это проще?

— Может быть. Я знаю тут одного продюсера...

— Ну, ну,— сказал молодой ирландец.— Это уже забито.

Но его молодой приятель проигнорировал замечание.

— Его имя,— продолжал он,— Джордж Флойд...

— Да, да. Я слышала о нем,— сказала Пегги с возрастающим интересом.— Он сделал «Страсть для троих» в Италии, да?

— Именно. Я могу представить тебя. Конечно, ничего не могу гарантировать, но если на следующий день он скажет хоть пол-слова, тебе уже стоило его увидеть. Если ты, конечно, захочешь.

— Да, да,— нетерпеливо ответила Пегги.

— Э-э.... слушай, старина...— начал второй молодой человек, но англичанин обернулся к нему.

— Не будь идиотом, Майкл. Неужели ты не видишь сути? Если Джордж возьмет ее, получится, что «Популярное Объединенное Телевидение» открыло новую звезду. Каждый раз при упоминании о ней, за ее именем будет следовать: «открытие «П.О.Т.»», это чего-то стоит. Уж во всяком случае, это стоит того, чтобы рискнуть и свозить ее в Лондон, поместив на неделю в хороший отель. Даже если Джордж откажется, какая-то реклама из этого выйдет, а ей не встанет ни в пенни. Но думаю, он, скорее всего, заинтересуется. Судя по тому, что он говорил недавно, она может оказаться как раз тем, что он ищет. А хватка у нее крепкая, я смотрел в монитор.

Оба повернулись к Пегги и начали изучать ее суровым, профессиональным взглядом. Через некоторое время молодой ирландец произнес:

— А знаешь что? Ты это действительно здорово...— с такой серьезной убежденностью, что Пегги начала заливаться румянцем, пока не поняла, что он обращается к своему коллеге.

Но потом они совсем перестали говорить на профессиональные темы и вечер вышел просто замечательный, после чего они отвезли ее на машине домой, к изумлению тех, кто еще не спал в Барранакло.

Через неделю прибыло другое письмо, длинное и тоже напечатанное на машинке. После поздравлений с успехом оно сообщало, что предложение, поставленное мистером Роббинсом, которого она без сомнения вспомнит, перед советом «Популярного Объединенного Телевидения», принято. Поэтому компания счастлива пригласить ее и надеется, что ее устроит следующий план действий: в среду, 16-го в восемь утра за ней в Барранакло приедет машина...

Вместе с письмом в конверте находился авиабилет из Дублина в Лондон и приколотая к нему записка от руки, гласившая: «Трудился до сих пор, как ломовая лошадь. Обаял всех. Подчисти перышки. Встречаю тебя в лондонском аэропорту. Билл Роббинс».

По деревне прокатилась волна радостного возбуждения, омраченная только тем, что никто не знал, какие это перышки должна подчистить Пег.

— Но ты не волнуйся,— сказала Эйлин после раздумья,— это, наверняка, англичане так выражаются про завивку. Надо запомнить.

В среду, точно по времени, приехала машина и в ней Пегги отбыла прочь с таким шиком, как ни один эмигрант не отбывал до этого из Барранакло.

В лондонском аэропорту в зале для встречающих уже стоял мистер Роббинс и, помахав рукой, начал протискиваться через толпу, чтобы встретить ее.

Кто-то разрядил рядом всполошившую всех вспышку, и Пегги представили огромной приличной на вид леди в черном костюме и серебристой лисе.

— Мисс Трамп,— пояснил мистер Роббинс.— Задача мисс Трамп в том, чтобы сопровождать тебя, давать тебе советы, присматривать за тобой и отбиваться от волков.

— Волков?— ошарашенно переспросила Пегги.

— Волков,— заверил он ее,— здесь все кишит ими.

До нее неожиданно дошло.

— А, понятно, это те кто в Америке свистят девушкам на улице,— спросила она.

— Ну, с этого они только начинают, хотя уверяю тебя, они водятся не только в Америке.

Затем она, мистер Роббинс, мисс Трамп и человек по имени Берт, с несчастным видом щелкавший всех из фотоаппарата, забрались в огромный автомобиль и отправились в гостиницу.

— Наши люди взялись за это дело с размахом,— сказал мистер Роббинс Пегги.— Где-то через пару часов у тебя встреча с прессой. Свидание с Джорджем Флойдом я назначил на послезавтра. Но ребятишкам из прессы о нем ни слова. Учти это. Нехорошо, если будет выглядеть, будто мы этим пытаемся его шантажировать. А в нашей программе сегодня вечером для тебя будет материал в одну минуту. Надо бы заодно придумать, что рассказать о тебе прессе? Например, о твоей семье? Играл ли кто-нибудь из твоих предков важную роль в истории? Солдаты, моряки, исследователи?

Пегги подумала.

— Ну, вот мой прапрадедушка, он ехал на чью-то землю, это исследование?

— Не совсем в обычном смысле. А если что-нибудь поновее.

Пегги снова поразмыслила.

— Были еще братья у моей мамы, они просто здорово жгли дома англичан,— предложила она.

— Ну, это тоже несколько не то. Попробуй вспомнить еще,— настаивал мистер Роббинс.

— Я не знаю... Да, был еще мой дядя Син, конечно же! Он был довольно знаменит.

— Что он делал? Взрывал что-нибудь?— поинтересовался с надеждой Берт.

— Не думаю, но он попал под пулю другого тоже довольно-таки известного человека по имени Аль Капоне,— сказала Пегги.

Отель «Консорт» оказался очень величественным местом, но едва приехав, они быстрым шагом проскочили вестибюль, чтобы избежать любых неприятных встреч с журналистами, готовыми в любой момент вскинуть пушку фотоаппарата, и со свистом понеслись вверх, прежде чем Пегги могла понять, где это они едут.

— Это что — грузоподъемник?— поинтересовалась она.

— Возможно, хотя если бы американцы действительно додумались до него первыми, это был бы Вертикальный Персональный Распределитель, а мы называем его лифтом,— разъяснил ей Берт.

В коридоре, покрытом тонким ковром, они остановились перед дверью с металлическим номером, и тут мисс Трамп впервые заговорила:

— Эй вы, двое, забирайтесь в гостиную. И не теряйте головы,— проинструктировала она мужчин.

— У тебя только полчасика, Далси. Не больше,— сказал ей мистер Роббинс.

Они зашли в роскошную комнату, в основном отделанную в оттенках серо-зеленого с проблесками золота. Там уже сидела девушка в изящном платье черного шелка, а на переливчатом пуховом стеганом одеяле лежали хорошенький серый костюм и два платья, зеленое шелковое и сияющее белое.

— Сегодня нам надо постараться быть пошикарнее, ваша честь,— объявила Трамп.— Наполните ванну. По-моему, ей лучше одеть зеленое.

Пегги подошла к постели, подняла зеленое платье и приложила к себе.

— Это милое платье, мисс Трамп, как раз для меня. Как вы угадали?

— Мистер Роббинс сказал нам твой размер и цвета, мы подобрали вот это.

— Как это умно с вашей стороны. У вас наверное полно опыта, как надо возиться с такими девчонками как я.

— Я уже 12 лет на службе,— ответила мисс Трамп, пока Пегги стаскивала жакет и приготавливалась к ванне.

— В рядах Королевской женской Армии?— спросила Пегги.

— Нет, в Холлоуэе,— сказала мисс Трамп.— А теперь иди-ка сюда, дорогуша, у нас не очень-то много времени.

— Стой ровно,— приказал Берт, продолжая ползать по ковру, согнувшись в три погибели.

— Ритуальный танец современного фотокорреспондента,— прокомментировал мистер Роббинс.

— Не надо поворачиваться ко мне всем лицом,— сказал Берт с колен.— Мне хочется уловить только три четверти. Держи лицо вот так,— и он переместился еще несколько по окружности.— Теперь прими позу.

Пегги стояла не шелохнувшись. Берт устало опустил камеру.

— Христа ради, неужели же в Барранакло никто не знает, что такое фотоаппарат?

— Нет, не совсем,— сказала Пегги.

— Отлично. Начнем с основных принципов. Стой, где стоишь. Отведи руки за спину, сцепи ладони. Теперь смотри сюда в камеру, отлично. Теперь сведи брови чуть вместе и улыбнись. Нет, еще лучше, чтобы был виден каждый зубик. Не волнуйся, если тебе кажется, что выйдет жуткая ухмылка, художественный редактор лучше знает. Вот это уже лучше. Теперь держи улыбку. Держи брови вместе и сделай глубокий вдох, как только можешь. Это лучшее, что можешь сделать? Выглядит почти в норме — ну...

Яркая вспышка. Пегги расслабилась.

— Подходит?

— Будешь удивлена,— сказал Берт,— кое-чему мы можем научить природу, еще как можем.

— Но для фотографа это сплошные трудности,— заметила Пегги.

Берт взглянул на нее.

— Милочка,— сказал он,— много ли ты видела фотографий за последнее время?— он достал журнал с картинками и щелкнул ногтем по одной странице, потом по другой.

— Вот!— произнес он, протягивая ей.

— Ах!— только и сказала Пегги.— Вы думаете, я буду выглядеть вроде этого?

— Это то, что я подразме... подразумевал, черт возьми, более или менее,— заверил ее Берт.

Пегги продолжала изучать картинку.

— С ней что, чего-нибудь не в порядке? Деформирована, или как это еще называется?— поинтересовалась она.

— Это,— сурово сказал ей Берт,— называется романтический ореол или, ну в общем, та ересь, которой вы, молодые женщины, сводите всех с ума.

— То, что в Америке называют «горячая штучка»?— спросила Пегги.

Тут вмешался мистер Роббинс.

— Пошли,— сказал он,— у «горячих штучек» есть одно качество: они не заставляют прессу ждать. Вспомни то, о чем мы условились в машине. И держись подальше от выпивки. Она предназначена для размягчения их мозгов, не наших.

— Ну,— сказал мистер Роббинс, расслабившись.— Все закончилось. Теперь можно и выпить, мисс Трамп? Мисс Мак-Рафферти?

— Пожалуйста, немного портвейна и лимон,— заказала мисс Трамп.

— Эй... скорый поезд и ржаное виски,— сказала Пегги.

Мистер Роббинс нахмурился.

— Мисс Мак-Рафферти, ваши познания довольно обширны, но расплывчаты. Не надо смешивать территории. Я не буду это переводить. Рекомендую вам напиток изготовления нашего земляка, мистера Пимма.

Когда принесли бокалы, он удовлетворенно проглотил половину своего тройного виски.

— Чертовски хорошо, Берт,— заметил он.

— Да, вполне,— согласился фотограф, но без энтузиазма.— Не так уж плохо. Ты замечательно держалась, моя милочка, фигура у тебя что надо.

Пегги слегка воспряла духом.

— Правда, да? Я думала, большинство из них такие важные, что не замечают меня.

— Не верь этому, дорогая моя. Они-то замечают. Хотя все дело не столько в мужчинах, сколько в бабах. Особенно если они начинают подкрадываться со сладким видом, а ведь этого они не сделали,— он опорожнил стакан и протянул, чтобы наполнили еще.— Смешная штука с этими бабами. От некоторых девушек они выбрасывают щупальца на 15 метров вперед, а от некоторых за 20 метров сморщивают носы, большинство вообще не замечают: просто новый урожай на старую мельницу. Но время от времени появляется такая девушка, что у них у всех мозги вышибает на мгновение. «Ах, то, что видел я, мне больше не увидеть». Вот тогда-то понимаешь, что даже в их жизни был когда-то лучик света небесного. Так проходит слава мирская,— он вздохнул.

— Зло в вине,— заключил мистер Роббинс.

— То есть истина,— подсказал Берт.

— Черт возьми, о чем вы тут вообще говорите?— осведомилась Пегги.

— Этот мир быстротечен, дорогая моя,— пояснил ей Берт. Он поискал за стулом и вынул камеру.— Но как бы быстро ни ускользал он от нас, я могу поймать его тень. А теперь я предлагаю сделать пару настоящих снимков.

— О, боже, я думала, с этим уже покончено,— сказала Пегги.

— Вскоре, возможно, да, но не сейчас, не совсем,— ответил Берт, держа над головой вспышку.

Да, хоть англичане и были чуть-чуть того, с нею они держались мило и доброжелательно. Поэтому Пегги поставила бокал и встала. Она отряхнула юбку, взъерошила волосы и приняла ту же позу, что и до этого.

— Так?— спросила она.

— Нет,— ответил Берт,— не так...

На следующий день Пегги присутствовала на телевизионной встрече, одетая в белое парчовое платье, «наша недавняя обладательница приза в викторине, которая скоро начнет брать призы и на экране». Все были милы и добры к ней, все время повторяли это и делали вид, что все идет великолепно.

Еще на следующий день было интервью с мистером Флойдом, который тоже оказался очень милым, но простым интервью это нельзя было назвать. Она и не предполагала, что уже так скоро ей придется прохаживаться, садиться, вставать, играть то то, то это перед камерой, но мистер Флойд, казалось, был доволен, а мистер Роббинс, когда они вышли, похлопал ее по плечу и сказал:

— Молодчина! Мне жаль иногда, что девушек, которых я вижу в мониторе, нельзя назвать феями, а то ведь поймут не так.

Хорошо знакомым всем киношникам жестом Джордж Флойд запустил пальцы в свои густые, седеющие волосы.

— Придется вам признать после этих просмотров, что в ней что-то есть,— настаивал он.— Она предельно фотогенична, может превосходно двигаться и выглядит свежо. Если она и не смыслит много в актерском мастерстве, то так бывает со всеми сначала. По крайней мере, она не успела еще нахвататься посредственных ужимок и вывертов, и ее можно направить по правильному пути, тем более, что у нее это не первая попытка. Кроме того, у нее есть шарм, умение здорово работать. Одним словом, я хотел бы ее снимать.

Солли де Копф пожевал сигару.

— Допускаю, что в своем роде она неплохо смотрится,— признал он,— но клиентам нужно нечто современное, а этого в ней нет. Да и болтает она как-то забавно,— добавил он.

— Несколько уроков у специалиста выправят ей речь. Она же не немая,— сказал Джордж.

— Может быть. Что ты о ней думаешь, Ал?— поинтересовался Солли у своего клеврета.

Ал Фостер бесстрастно произнес:

— У нее отличная хватка,— признал он,— хороший рост, чудесные ноги. Хотя, как вы и сказали, шеф, она не современна, но талия у нее сантиметров 55, я думаю. Что самое главное, а остальное приложится. Я бы сказал, что она пойдет, шеф. Хотя и не Лоло!

— Черт возьми, зачем ей быть Лоло,— спросил Джордж,— подделки под Лоло — это большей частью итальянский экспорт. Пора уже кому-то выставить что-нибудь новое. А она как раз то, что здесь надо.

— Поновее?— подозрительно спросил Солли.

— Поновее,— повторил Джордж непреклонно.— То, что мы имеем, начинает выдыхаться. Уж кто-кто, а ты должен знать, Солли. Вспомни, что случилось с «Прожектором в моем сердце». Многосерийная история звезды ночного клуба была верной ставкой, но для тебя уже девятой по счету, и ты проиграл. Пора отложить до поры до времени итальянскую романтику.

— Но Италия еще не выдохлась. Пока что это огромные деньги,— возразил де Копф.— К тому же Ал как раз присмотрел одну вещичку под названием «Камни Венеции», которую мы намереваемся купить, подписав договор с автором. А еще раньше мы подобрали жутко сексуальный сюжет, настоящий взрыв для юнцов. Там, кажется, про то, как у римлян, у древних римлян, а не теперешних разбойников, однажды случилась нехватка женщин, тогда они состряпали план пригласить в гости на что-то вроде холостяцкой вечеринки парней из соседнего города, и когда веселье было в самом разгаре, выслали туда банду, которая окружила жен этих парней и дала вместе с ними деру. Какой простор для фантазии! Ведь это подлинно исторический случай! Я проверял, так что здесь с классикой в порядке. Правда, придется подыскать новое название. Просто возмутительно, как можно было раньше пропускать такой сюжет! Представьте себе только картину из прошлого под названием «Похищение сабинянок».

— Ну,— уступил Джордж,— если пустить ее вовремя, то, может быть, вид пары сотен полуобнаженных Лоло, мечущихся и визжащих в панике, возбудит наших юнцов.

— Никаких «может быть», Джордж. Тут замешана история, вроде «10 заповедей» и тому подобное. Это беспроигрышно.

— Вряд ли ты прав, Солли. Если ты дальше будешь долбить итальянскую тему, наживешь еще один «Прожектор». Настало время для свежего дыхания.

Солли де Копф размышлял.

— А ты что скажешь, Ал?

— Похоже, что так. Это всегда так кажется, что успех будет продолжаться вечность, пока в один прекрасный день — пых!— успеха нет,— подтвердил Ал.

— А мы опять в прогаре,— добавил Джордж.— Послушай, Солли, когда-то народ валом валил к нам, всех возрастов и размеров, и не меньше 2 раз в неделю. А посмотри, что творится с кино теперь.

— Да уж. Чертово телевидение,— сказал Солли де Копф с усталой злобой.— А что могли мы с ним поделать? Провалиться ему, не так уж оно хорошо. Но разве мы пытались отвоевать публику обратно?— продолжал Джордж.

— Конечно пытались. Что ты скажешь насчет широких экранов и зрелищности новых фильмов?

— Все это примитивные трюки, да балаганная развлекаловка, Солли. Мы работали для зеленых юнцов и недоумков — все, что осталось от нашей публики, если не считать нескольких больших картин. Мы позволили основной массе публики уйти от нас и даже не попытались удержать ее.

— Ну, что теперь? Ты, Джордж, как всегда преувеличиваешь, но в чем-то ты прав.

— А вот что, Солли. В мире все еще полно публики среднего возраста, даже больше чем ранее, а обслуживать их некому. Все словно помешались, пытаясь ободрать ребятишек как липок: грамзаписи, поп-музыканты, эстрада, экспресс-бары, ночные джаз-клубы, журнальчики всех сортов, мы, и сюда же я включаю курортные аттракционы, даже телевизионщики работают, в основном, на подростков. А в стороне осталась вся публика постарше, для которой никто ничего не делает, та самая публика, принесшая нам миллионы, вздыхая и плача над «Розой из Трале», «Лилией из Килларни», «Улыбчивым», «Длинными папочкиными ночами», «Идя во ржи» и т.д. Вот что им нужно, Солли, слезы, комок в горле, нежная рука, перебирающая струны души. Дай им то, что они хотят, и они будут счастливы. Они снова побегут в кино, чтобы поплакать там над слезливым сюжетом. А эта девчонка как раз подойдет для этого.

— Переделки, да?— многозначительно спросил Солли.

— Нет,— ответил Джордж,— не просто переделки. Перед нами та же возрастная группа, с теми же эмоциями, но поколение уже другое, а значит другими будут и мишени — отчасти. Нам надо вычислить, что это за мишени, иначе опять пойдет все та же завлекаловка.

— Ага,— снова сказал Солли де Копф нерешительно.— А ты что думаешь, Ал?

— В этом что-то есть, шеф,— согласился Ал. Он бросил пронзительный взгляд в сторону Джорджа.— Ты говоришь, что секс надо заменить романтикой. А что, это пойдет.

— Конечно, это пойдет. Если женщина плачет на свадьбе, то она все еще деревенщина. Как я сказал уже, если мы будем слизывать все с 20-х годов, мы далеко не уйдем с современной мелодрамой, но, черт возьми, я уверен, что, если правильно к ней подступиться, нам поможет ностальгия ко всему кельтскому.

— Хм... Вряд ли тебе удастся свести с ума полмира с именем «Маргарет Мак-Рафферти», а?— заметил Солли.

— Так, шеф,— подумав, сказал Ал,— а если «Конни О'Мара»,— предложил он.

— Нет,— решительно ответил Джордж,— этого и надо избегать. Все эти современные имена, вроде Пегги О'Нил. Грейси Филдз, Нитти О'Ши — они уже приелись. Вокруг нашего должен сиять романтический ореол, что-то от феи. Но не беспокойтесь, я уже выбрал одно.

— И...?— поинтересовался Ал.

— Дейдре Шилсин,— провозгласил Джордж.

— А ну-ка еще,— попросил мистер де Копф.

Джордж написал его огромными буквами и пустил листок по кругу. Солли де Копф долго изучал его.

— Но ты произносил его еще как-то по-другому?— спросил он.

— Ирландцы произносят это как «Шил-шон»,— пояснил Джордж.

— Класс,— согласился Ал.— Но далеко ты с ним не уедешь. Безнадега. Ты знаешь, что они выделывают с «Дианой» или «Марией», чтобы было попроще. В один миг ее переделают в Дин-дре-Шилсин.

Однако Солли де Копф продолжал разглядывать имя.

— Мне нравится,— сказал он,— хорошо смотрится.

— Но, шеф...

— Я знаю, Ал. Успокойся. Если клиентам нравится звать Диану «Дин-энн», а эту «Дин-дре» — черт с ними! Они за это платят. Но оно в самом деле хорошо смотрится.

— Ну хозяин здесь вы, шеф. Но дело не в одном имени,— ответил Ал.

— Она не против ехать в Маринштайн,— сказал Джордж.

— Ага. Они все не прочь,— заметил мистер де Копф.

— И она готова заплатить за обучение,— добавил Джордж.

— Это лучше,— согласился Солли.

— Но расходы на жилье и все такое ей не по карману.

— Жаль,— сказал Солли де Копф.

— Но «ПОТ» вызывается снабдить ее необходимой суммой в виде капиталовложения,— объявил Джордж.

Брови Солли де Копфа опустились и сошлись на переносице.

— Черт их возьми, что им-то до нее?— возмутился он.

— Ну, они ее открыли на одной из своих телепередач,— пояснил Джордж.

Но Солли продолжал хмуриться.

— Чего доброго, они начнут присваивать себе наших звезд еще до того, как они стали звездами,— прорычал он.— Будь они прокляты! Ал, проследи, чтобы эта девчонка подписала контракт с правом замены, действительный только по предъявлении документа из Маринштайна, и если он удовлетворит нас. Не подведи. Мы оплачиваем все ее расходы — проследи, чтобы отель был хороший, не из тех вшивых, что вечно себе выбирают телевизионщики. Устрой так, чтобы она имела успех, а мальчишкам из прессы скажи, чтобы начинали работать по рекламе. И не забудь запросить Маринштайн о 10-процентной скидке, понял?

— Конечно, шеф. Мигом,— уже в дверях крикнул Ал.

Солли де Копф обернулся к Джорджу.

— Ну, вот и сделали твою звезду,— сказал он.— А историю ей придумали?

— Надо еще написать,— признался Джордж,— но это легко. Главное в ней самой. Она будет хорошенькой ирландской девушкой, с наивностью ребенка, золотым сердцем и т.д., с прошлым, полным изумрудных полей, пурпурных туманов, спускающихся с гор, и голубой дымкой над хижинами. Она будет ранима и бесхитростна, распевая заунывные песни за дойкой коров, но ей же будет известна и стародавняя мудрость предков, говорящая о жизни и смерти, она будет любить ягнят и верить в эльфов. Можно еще прибавить и брата, одержимого парня, попадающего в переделку при перевозке за границу бомбы, а она бледная, невинная и любящая идет просить за него. И вот она встречает офицера...

— Какого офицера?— переспросил Солли.

— Того, который арестовал брата, конечно. Когда она встретит его, сердце обоих пронзит внезапная вспышка...

— Ну вот и все,— сказала сидевшая рядом с Пегги девушка,— это Мариншгайн.

Пегги выглянула наружу. Под наклоненным крылом самолета лежал город из белых домов с розовыми крышами, теснящимися по берегам извилистой речки. Чуть в стороне от реки поднимался вверх обрывистый скалистый кряж, а на самой вершине его красовалось здание с башнями, зубчатыми стенами и развевающимися по ветру флагами — Замок Мариншгайн, как и 12 веков назад, стороживший город и 10 километров своих владений.

— Потрясающе! Мариншгайн!— с прерывающимся дыханием повторила девушка.

Самолет пошел на снижение, покатился по взлетной полосе и замер около здания аэропорта. С шумом и болтовней пассажиры собрали свои вещи и спускались по трапу вниз. На последней ступеньке Пегги остановилась и посмотрела вокруг.

Пейзаж, купавшийся в ярких, теплых солнечных лучах, очаровывал. Вдалеке, надо всем, возвышалась громада скал с Замком на вершине. А рядом, ослепляя коралловой сияющей белизной, стояло здание аэропорта с огромной, но несколько похудевшей копией Венеры Милосской, украшавшей его центральную башню. Перед нею развевался герцогский стяг, а на ослепительном фасаде шла надпись на французском языке: «Добро пожаловать в Мариншгайн — город красоты».

Все пассажиры снова собрались в багажном отделении. Единственными мужчинами среди них были несколько швейцаров в белоснежных костюмах. Заметив яркие наклейки на чемоданах Пегги, один из них протиснулся к девушке через толпу и повел ее к выходу.

— Машину мадемуазель Шилсин,— выразительно гаркнул он.

Болтовня смолкла и половина всех глаз с благоговением, завистью и тонким расчетом уставилась на Пегги. Пресса уже успела привлечь внимание публики к новой находке компании «Плантагенет Филмз» повсюду распродававшимися открытками с ее изображениями. Были сообщения и о контракте, хотя в них он выглядел куда определеннее, чем на самом деле. Поэтому для любителей кино имя Дейдре Шилсин уже кое-что значило.

К тротуару подкатила шикарная машина. Швейцар усадил в нее Пегги и через некоторое время перед девушкой уже возник Гранд Отель Нарцисс, построенный на уступе скалы, чуть ниже самого Замка. Там ее провели в щегольски отделанный номер. С увитого цветами балкона открывался вид на город, реку и домики за нею. Но ванна превзошла все ожидания: нежно-розовая, с огромными флаконами нюхательных солей и различных эссенций, чашечками пудры, сияющими кранами душевой и невероятно огромными, разогретыми полотенцами. Горничная открыла воду. Выскользнув из одежды, Пегги погрузила тело в роскошную благодать ванны, напоминавшей перламутровые створки раковин.

Но звук гонга заставил ее выйти из ванной. Накинув в спальне длинное белое платье, в котором она была на телевизионном интервью, Пегги спустилась вниз.

Обед, проходивший в пышной гостиной, был довольно странен, потому что единственными мужчинами здесь были офици-

анты, а дамы только тем и занимались, что завистливо и несколько утомительно разглядывали своих соседок. Поэтому, когда официант посоветовал Пегги выпить кофе на террасе, она так и сделала.

Солнце уже час как зашло. На небе, отражаясь в водах реки, светила ущербная луна. Посреди реки, на островке, стоял изящный маленький открытый храм, а внутри него белоснежная статуя женщины, задумчиво державшей в руке яблоко, освещаемая скрытой подсветкой. Пегги решила, что это Ева, и хотя автор назвал ее Атлантой, ошибка значения не имела.

Сам город был усеян огоньками, вдалеке пульсировали неоновые рекламы, но прочитать их из-за расстояния было невозможно. Чуть вниз по реке над башней аэропорта парила как призрак Венера. А над громадой скалы, сияя башенными огнями, парил в воздухе замок. Пегги вздохнула.

— Как в сказке — не иначе,— сказала она.

Уединившаяся за соседним столиком женщина постарше быстро взглянула на нее.

— Вы здесь новенькая?— поинтересовалась она.

Пегги сказала, что только что приехала.

— Ах, если бы я тоже только что... а лучше никогда,— произнесла леди.— Я здесь в седьмой раз и уже больше, чем достаточно.

— По-моему, здесь чудесно,— сказала Пегги.— Но если вам не нравится, зачем вы сюда ездите?

— Потому что сюда приезжают мои друзья на ежегодную починку. Может, вы слышали о Джонсах?

— Не знаю я никаких Джонсов,— ответила Пегги.— Это что, ваши друзья?

— Это люди, с которыми мне приходится жить,— сказала женщина.

Она снова взглянула на Пегги.

— Сейчас вы еще слишком молоды, моя дорогая, чтобы заинтересоваться ими, но попозже вы окажете им более любезный прием.

Пегги не нашлась, что ответить, и поэтому промолчала.

— Вы американка, да?— спросила она.— Это, наверное, замечательно. У меня в Америке полно родственников, которых я, правда, ни разу не видела. Но я надеюсь поехать туда в скором времени.

— Может, вам и понравится,— ответила ей леди.— По мне лучше Париж, Франция.

Внезапно освещение изменилось и, выглянув, Пегги увидела, что замок теперь окружало зарево персикового цвета.

— Ах, как красиво — как сказочный замок,— воскликнула она.

— Еще бы,— без воодушевления подтвердила леди.— Так и задумано.

— Но до чего же романтично!— сказала Пегги,— луна... и река... и огни... и чудесный аромат цветов...

— В пятницу это всегда «Шанель №7»,— объяснила леди,— завтра будет «Ярость» Ревигана — несколько вульгарный запах. Но везде в субботу теперь делается все хуже, не правда ли? Скорее всего, подстраиваются под вкусы клиентов, у которых доходов поменьше. Воскресенье получше — «Святоша» Котизона, что-то вроде химчистки. Их разбрызгивают из замковых башен, а если ветер дует в противоположную сторону, то с башни аэропорта.

— Наша великая профессия,— сказала как-то мадам Летиция Чейлайн на одном из обедов в обращении к Международной Ассоциации практикующих косметологов,— наше великое призвание — это что-то несравнимо большее, чем обычная отрасль промышленности. Это же, так сказать, та подлинная сила духа, которая дает женщине веру в себя. На заре истории и до наших дней слезно, слезно посылали небу несчастные женщины мольбы о красоте, которые так редко были услышаны. Но теперь нам дана сила осуществить их мечты и принести утешение миллионам наших несчастных сестер.

Вот каково, друзья мои, наше назначение.

И как доказательство этого, один за другим стали появляться флаконы и баночки, пакеты и тюбики «косметических принадлежностей» Летиции Чейлайн, украшая витрины магазинов, туалетные столики и сумочки от Сиэтла до Хельсинки, от Лиссабона до Токио и даже иногда (но по ценам и моде несколько лет назад) в таких местечках, как Омск. Элегантные святыни производства Чейлайн судя по охране, перешедшей уже в разряд недвижимой собственности, освещали соблазнительным блеском витрины Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Рима и десятка других ведущих городов, административных центров империи, которая ненавидела своих соперников и которой некого уже было завоевывать.

Во всех этих домах, в их конторах и салонах шел лихорадочный процесс создания красоты, никогда не замедлявшийся, потому что в любую минуту с небес с проклятиями могла явиться Летиция Чейлайн (или Летис Шекельман, как гласил ее паспорт) с целой когортой квалифицированных экспертов. Все же, несмотря на давление и дисциплину в фирме, время от времени доставлявшей себе удовольствие проглатывать очередного мелкого конкурента, предел роста был достигнут,— по крайней мере так казалось, пока дочь Летиции, мисс Кэти Шекельман (или Чейлайн) не вышла замуж за разорившегося аристократа и не превратилась в ее Высочество Великую Княгиню Екатерину Маринштайн.

До свадьбы Кэти даже не видела самого города, и увидев была просто потрясена. Замок был до удивления полон романтики, но оборудован для жилья не больше, чем первобытная пещера. Дела в городе тоже шли плохо, а его жители занимались, в основном, попрошайничеством, произведением потомства и выпивкой. Та же картина была в округе, с тем только отличием, что выпрашивать было не у кого. Большинство Великих Княгинь в подобных обстоятельствах вскрикнули бы от возмущения и отчалили в благоустроенные центры изящной жизни, но Кэти была из другого теста. Еще на коленях своей всемирно известной мамаши она впитала в себя не только Евангелие Красоты, но и действенные принципы большого бизнеса, что было очень удобно для той, кто имел бы впоследствии значительные вложения в фирму Летиции Чейлайн и ее отделений. И, сидя на окне замковой башни, глядя на нищий Маринштайн, она слышала, как внутри нее звучит эхо того предприимчивого идеализма, который вдохновил некогда ее мать обратить благодать красоты на прекрасную половину человечества.

— Мамочка,— сказала она, обращаясь к отсутствующему всемирному духу,— милая мамочка, это не рай, но думаю, здесь еще можно кое-что сделать.

И, послав за секретарем, начала диктовать письма.

Через три месяца разбили аэродром и соорудили первые взлетные полосы. Великая Княгиня заложила камень первого отеля, на улицах машины рыли канализационные рвы, а мариншта йнцы посещали обязательные циклы лекций по гигиене и гражданской ответственности.

Через 5 лет вдобавок к двум отелям 1-го класса и двум 2-го были пристроены еще три, так как Великой Княгине пришло в голову, что кроме красоты общественной, она может заняться всевозможными видами красоты профессиональной, заодно с обучением мастерству и самой высокой технологии. Появилось с полдюжины салонов, клиник и колледжей, как постоянных, так и временных, и после суровой опеки маринштайнцы наконец-то оценили теорию экономии вместо того, чтобы зарывать свои таланты.

Через 10 лет это был чистенький, но все столь же живописный город, Университет красоты со всемирной репутацией, дорогой клиентурой, признанным стандартом женских прелестей и регулярными рейсами самолетов ведущих авиакомпаний. Во всех уголках капиталистического мира, с открыток в лучших парикмахерских, плакатов в избранных туристических агентствах, со страниц ведущих журналов, отовсюду смотрела на зрителя Венера Боттичелли, приглашая всех, кто ценит красоту, искать ее и найти в самом первоисточнике — Маринштайне. К тому времени былые пророки несчастья давно уже успели направить свою деятельность на сбыт собственной продукции Маринштайну, великодушно признавая, что волосы его Великой Княгини и в самом деле похожи на мех норки.

Таково было положение дел на тот момент, когда после завтрака, очаровывающего прелестью новизны, но вряд ли соответствующего ирландским правилам, Пегги Мак-Рафферти вышла на следующий день после приезда из Гранд Отеля Нарцисс. Она увидела вымытую мылом булыжную мостовую, белые домики со свежевыкрашенными ставнями, топорщившиеся со стен цветы, навесы в яркую полоску над витринами магазинов, а вверху надо всем этим солнце. Это побудило ее отрицательно махнуть рукой поджидавшему ее такси. Вышедшая за нею девушка сделала то же самое и, взглянув на Пегги, воскликнула:

— Ох, здесь так чудесно, так чудесно! Лучше я пойду прогуляюсь и осмотрю все.

После той пресыщенной леди прошлым вечером это было приятной переменой, поэтому Пегги кивнула, и они отправились в город вместе.

На южной стороне площади Артемиды (бывшей Хотгеборнприцадельвертплатц) стояло изящное здание, с колоннами и вывеской: «Регистратура». В холле, за огромной стойкой их с устрашающим видом приняла прилизанная дама.

— Сцена, кино, реклама, профессиональное телевидение, или по свободному выбору,— поинтересовалась она.

— Кино,— сказали одновременно Пегги и другая девушка.

Прилизанная леди сделала знак мальчику-слуге.

— Отвези этих леди к мисс Кардью,— сказала она ему.

— Я рада, что вы на кино,— обратилась девушка к Пегги.— Меня зовут Пат... то есть Карла Карлита.

— А меня... ээ... Дейдре Шилсин,— ответила Пегги.

Девушка широко раскрыла глаза.

— Ох, это здорово, я про вас читала. Ведь у вас настоящий контракт с «Плантагенет Филмз», в самолете говорили об этом,

только я не сообразила, что это вы. Они все просто зеленели от зависти. И я тоже. Ох, это потрясающе...— ее прервал мальчик, введший их в комнату и объявивший: «Тут к вам две леди, мисс Кардью».

На первый взгляд в комнате ничего не было. Кроме пары стульев, роскошного ковра и цветочного изобилия на письменном столе, но из-за последнего тут же вынырнуло лицо и произнесло: «Садитесь, пожалуйста».

Пегги села так, чтобы разглядеть тот конец стола, что не был загроможден, и опрятную карточку, гласившую: «Обучение искусству икебаны зависит только от Вашего упорства. Улица Помпадур, 10 (индивидуальное обучение)».

Они назвали свои имена, а мисс Кардью сверилась с какой-то книгой.

— Ах, да,— сказала она.— Вы обе включены в программу. Итак, ваши курсы будут частично состоять из одиночных занятий, а частично из групповых. О деталях спросите у мисс Арбетнот в доме гимнастики...

Затем их снабдили целым списком инструкторов и руководителей, оканчивавшимся «мисс Хиггинс, дикция».

— Мисс Хиггинс,— воскликнула Пегги.— Она ирландка?

— Не могу сказать,— призналась мисс Кардью.— Но она, как и все наши сотрудники, большой специалист в своей области, внучка профессора Генри Хиггинса. А теперь я позвоню мисс Арбетнот и попытаюсь договориться насчет вашей встречи сегодня после обеда.

Пегги и Карла купили несколько марок с очень красиво напечатанной, хотя и в лиловом цвете, головой Боттичеллиевой Венеры и потом целый час провели, осматривая разнообразные лавочки, салоны, особняки, ателье, открытки и даже канавы, после чего заглянули в ресторан на берегу реки «У тысячи красоток» в самом начале бульвара Прекрасной Елены, чтобы провести там остаток времени до встречи с мисс Арбетнот. Они почти все время говорили о кино, причем Карла проявляла самый живой интерес к каждой мелочи, которую Пегги могла вспомнить о своем контракте.

Мисс Арбетнот в доме гимнастики оказалась довольно суровой леди, одаривавшей каждого таким взглядом, что человек сразу чувствовал, что он не вовремя.

— Хм...— сказала она, подумав.

Пегги нервно начала:

— Да, я знаю, что мои физические данные...— но мисс Арбетнот резко ее прервала.

— Не сказала бы, что этот термин нам подходит,— объявила она.— Мы в Мариншгайне предпочитаем говорить о Показателе Красоты. Вашу талию — где-то 55 см — я нахожу удовлетворительной, но вам придется всерьез заняться собой, чтобы достичь соотношения 105-55-95.

— Сто пять см!— воскликнула Пегги.— Ох, я не думаю...

— Здесь дело не в личном вкусе,— заявила мисс Арбетнот.— Как неоднократно говорила о нашем общественном подходе Великая Княгиня: фигура по прошлогодней моде хуже платья позапрошлых лет. А что касается экрана, надо быть еще сознательно требовательней к себе потому, что требования современного экрана — 105-55-95. Это красота, а все остальное — нет.

— Но сто пять...— запротестовала Пегги.

— О, это мы вам устроим. А иначе зачем мы здесь.

Пегги, хотя и несколько неуверенно, подумала, что так оно должно быть и есть.

— А теперь,— сказала мисс Арбетнот, после того как дала ей расписание гимнастических занятий,— я полагаю, что вы желаете встретиться с мисс Карнеги, вашим личным инструктором.

Выходя, Пегги обнаружила в передней толпу ожидающих приема девушек. Она расслышала, как некоторые упомянули ее имя, когда она проходила мимо. Но удовольствие от этого Пегги не почувствовала: все они очень внимательно разглядывали ее.

— Легкая оживленность, легкая оживленность, просто почаще повторяйте это про себя, что бы вы в тот момент ни делали.

— Но разве это будет моя подлинная личность? Разве это буду я?— спросила Пегги.

Брови мисс Карнеги поднялись.

— Ваша личность? — повторила она, потом улыбнулась,— а, понятно. О боже, сколько же вам надо внушить! Вы нас, боюсь, перепутали с телевидением. Личность в кинематографе есть нечто другое. Да, да, в самом деле. Несколько лет назад в моде была страстность, потом прямота наивности,— а что же у нас дальше? Ах да, тлеющий огонь и скоро вышедшая из моды бесхитростность, потому что современного зрителя это не устраивает и глупо пытаться настаивать. Потом, короткий период, в моде была скрытая страстность, зрителю в общем она нравилась, но для многих была довольно докучлива. В этот сезон — это легкая оживленность. Поэтому до следующего визита ко мне в среду, продолжайте повторять это про себя.

Легкая оживленность, легкая оживленность! Попробуйте чуть больше перекинуть вес на кончики пальцев ступни и увидите — это поможет. Легкая оживленность, легкая оживленность.

Потом последовали парикмахер, массаж лица, инструктор по правилам хорошего тона, диетолог и еще целый ряд других, пока Пегги не попала, наконец, к мисс Хиггинс, которая как раз заканчивала занятия с Карлой.

— Да,— говорила мисс Хиггинс,— слух у вас хороший. Не думаю, чтобы мне пришлось с вами много заниматься. Эти «ррр» мы легко усилим.

Но в чем вам надо быть настороже, так это с вашей манерой кричать во время обычного разговора. В микрофон это будет ужасно. Леди никогда не должна кричать, если только она живет не в Кенсингтоне.

Затем Карла удалилась, и подошла очередь Пегги. Мисс Хиггинс попросила ее прочесть абзац, напечатанный на карточке, и, когда та начала, была просто очарована.

— Прекрасно!— сказала она.— Прежде чем я испорчу ваше произношение, надо сделать несколько записей на магнитофон. Эти «и-и»! А ну-ка повторяйте за мной: «Би-би-си видит в вас изумительную лирическую певицу».

В течение последующих десяти минут Пегги демонстрировала свое завывание. Она сделала вывод, что мисс Хиггинс отнеслась к ней как к дару судьбы, преподнесшей ей наконец работу, достойную ее таланта.

— Вот задачка как раз по сердцу моему дедушке,— сказала она.— Но для вас это означает тяжелейшую работу, моя дорогая. Боюсь, тяжелей, чем для всех остальных.

— Остальных?— переспросила Пегги.

— На отделении кинематографа этого курса вас 36, а ведь конкуренция в этой профессии невероятная.

— Но у меня контракт, мисс Хиггинс.

— Контракт с правом замены, насколько я знаю,— поправила та.— Это дает дополнительный стимул. Не думаю, чтобы вы уже познакомились с вашими соперницами, но эти знают о вас все, и каков результат? Уже четверо просили придать им легкий ирландский акцент, и у меня нет сомнения, что остальные сделают то же. Так что, понимаете...

Пегги возмущенно уставилась на нее.

— Ах, вот они как! Так они собираются стянуть с меня контракт?

— Судя по всему, вот откуда ветер дует,— согласилась мисс Хиггинс.— Но эта просьба совершенно невыполнима. Все, чему можно научиться у нас — это всеми признанный вариант англо-американского. И все это должно показать вам...

— Но если мне изменят фигуру, изменят мой голос, мои волосы, лицо и все такое, как они говорят, что же останется от меня?— спросила Пегги.

— Это долг перед зрителем,— сказала мисс Хиггинс,— или, если так выразиться, работа в кино несет определенную ответственность перед зрителем. Надо научиться соответствовать среднему и работать в рамках этого. Таковы требования ко всем актерам, разве нет?

Пегги невесело согласилась.

— Ну же, не беспокойтесь, дорогуша,— посоветовала мисс Хиггинс,— мы займемся вами как следует и выдадим вам удостоверение. Только утром в понедельник не забудьте зайти сюда после гимнастики, и мы с вами поработаем. Вас будут снимать, не сомневайтесь.

Джордж Флойд, пошатываясь, вошел в просторный кабинет мистера Солли де Копфа и бухнулся в кресло.

— Что с тобой стряслось?— поинтересовался Солли, подняв глаза.

— Мне надо выпить,— ответил Джордж.— Побольше.

Ал изобразил, как наливает стакан и ставит его перед ним.

— Что случилось? А я думал, ты поехал ее встречать. Только не говори, что самолет из Мариншгайна разбился.

— Да нет, с ним все в порядке. Все было наготове... Пресса, радио, телевидение, вся компания.

— Но ее там не было?

— О, была, по крайней мере, я думаю, что была.

Солли де Копф встревоженно посмотрел на него.

— Джордж, ты, кажется, перебрал лишнего. Ты поехал туда, чтобы встретить ее, посмотреть, хорошо ли ее там выдрессировали и все такое, а потом привезти сюда. Ну, и где же она?

Джордж вздохнул.

— Я не знаю, Солли. Я думаю, она испарилась.

— Ал,— сказал Солли.— Спроси его, что случилось?

— Обязательно, шеф. Послушай, Джордж, ты говоришь, что самолет прилетел, как и надо — и что же?

— Проблема в том, что оттуда вышло...

— А что оттуда вышло?

— Лолы,— угрюмо ответил Джордж,— 36 единоподобных Лол. Ни следа прежней ирландской девушки, или Розы Ирландии. 36 Лол, у всех удостоверение из Мариншгайна, все заявляют,

что они Дейдре Шилсин, и все говорят, что у них с нами контракт. У меня будет сердечный приступ.

— То есть ты не можешь узнать, которая из них — она,— переспросил Ал.

— Сам попробуй,— они все внизу в вестибюле. В любом случае, теперь слишком поздно. Ох, голубые горы, изумрудный мох, серебряные озера и милая нежная ирландская девушка со смеющимися глазами... Все исчезло. Испарилось. Одни Лолы,— он глубже зарылся в кресло, излучая такое отчаяние, что оно тронуло даже Солли де Копфа.

Ал, однако, сохранял задумчивую беспристрастность и внезапно просветлел.

— Послушай, шеф!

— Ага?— сказал Солли.

— Я тут поразмыслил, шеф, может эта ирландская дребедень не так уж нам сейчас нужна — слишком рискованно и несвоевременно. Но ведь у нас на руках есть все еще безошибочно бьющий сценарий. Припомните-ка тот, что про шайку Римлян и Сабинянок.

Мгновение мистер Солли де Копф сидел молча, сжав в зубах сигару, потом дал выход своему гневу.

— Все 36 Лол в нашем вестибюле?— его глаза заблестели.— Ал, дождались! Чего ты ждешь? Ступай туда, Ал. Заставь их всех подписать тот же контракт с правом замены, понял?

— Конечно, шеф,— уже в дверях крикнул Ал.

Вот почему так скучают в домике на берегу Слив Гамф в Барранакло по бедненькой Пегги Мак-Рафферти, Пег, гибкой как болотный камыш, доверчивой милой Пег, которую они больше никогда не увидят. Охо-хой!

ВЫЖИВАНИЕ

Пока космодромный автобус не спеша катил по открытому полю, которое отделяло привокзальные строения от грузовых подъемников, миссис Фелтон внимательно смотрела вперед. Корабль возвышался над равниной словно огромный серебряный шпиль. Нос его светился ярким голубым пламенем, а это означало, что он готов к старту. На огромных хвостовых стабилизаторах и вокруг них суетились крошечные механизмы и люди, издали похожие на точки. Заканчивались приготовления. Миссис Фелтон глядела на все это с непередаваемым отвращением и горькой, безнадежной ненавистью. Затем ее взгляд сосредоточился на затылке зятя.

Его она тоже ненавидела. Она обернулась, посмотрела на свою дочь, сидящую сзади. Алиса казалась бледной, ее губы были крепко сжаты, а глаза смотрели прямо перед собой.

Миссис Фелтон раздумывала, но затем решилась и, стараясь перекричать шум автобуса, сказала:

— Алиса, дорогая, еще не поздно, даже сейчас, ты понимаешь.

Девушка на нее даже не взглянула. Она сделала вид, что ничего не слышала, только еще крепче сжала губы.

— Мама, успокойся, прошу тебя!

Но раз начав, миссис Фелтон уже не унималась.

— Это для твоего же блага, дорогая. Все, что тебе нужно — это переменить решение.

Девушка промолчала.

— Никто не станет тебя винить, — упорствовала миссис Фелтон. — Они не подумают о тебе ничего плохого. Ведь каждый знает, что Марс не место для молодых женщин.

— Мама, пожалуйста, перестань, — оборвала дочь. Резкость ее тона выбила миссис Фелтон из колеи. Она заколебалась, но затем ответила:

— Ты не приспособлена к той жизни, что тебя ожидает, дорогая. Совершенно примитивной. К тому же, милая, ничего страшного не произойдет. Ты разлучишься с Дэвидом всего-навсего на пять лет. Я уверена, что если бы он по-настоящему любил тебя, то посчитал бы, что тебе здесь будет спокойнее и безопаснее...

— Сколько можно твердить об одном и том же, мама, — взмолилась девушка. — Говорю тебе, я не ребенок. Я все обдумала и решила. Сама.

Миссис Фелтон несколько минут сидела молча. Автобус выруливал на открытое поле и теперь казалось, что космический корабль вздымается до самого неба.

— Когда у тебя будет ребенок, — сказала она тихо, как бы самой себе, — ты еще вспомнишь мои слова, поймешь, как все это трудно перенести матери.

— Мне и без того тошно, а ты... Мама, я тебя не понимаю.

— Что здесь понимать, я же люблю тебя. Я тебя родила. Я тебя воспитала и знаю тебя лучше, чем кто бы то ни было. Я знаю, что эта жизнь не для тебя. Будь ты сильной, стойкой, мужественной девушкой, тогда другое дело. Но ты не такая. Сама знаешь, что совершенно не такая.

— Ты знаешь меня не так хорошо, как тебе кажется, мама.

Миссис Фелтон покачала головой. Она зло посмотрела на своего зятя.

— Он похитил тебя у меня, — проговорила она уныло.

— Неправда, мама. Но даже если и так, ведь я больше не ребенок. Я взрослая женщина и у меня есть собственная жизнь.

— Бог тебе судья, и я бы раньше пошла за мужем... — как бы размышляя сказала миссис Фелтон, — но теперь это ни к чему, понимаешь. Одно дело, племена древних кочевников, и совсем другое в наши дни, когда речь заходит о женах солдат, моряков, летчиков, космонавтов...

— Как же ты не понимаешь, мама. Это совсем другое. Я уже по-настоящему взрослая и должна все решать сама.

Автобус подрулил к остановке, маленький и игрушечный на фоне корабля, который казался огромным, и трудно было поверить, что он поднимется в небо. Пассажиры вышли и столпились около сверкающего борта. Мистер Фелтон обнял дочь. Алиса прижалась к нему со слезами на глазах.

— До свидания, моя дорогая, — пробормотал он дрожащим голосом. — Счастливого пути.

Затем он пожал руку зятю.

— Береги ее, Дэвид. Ведь она...

— Я знаю. Постараюсь. Не беспокойтесь.

Миссис Фелтон крепко поцеловала дочь и заставила себя протянуть руку зятю.

— Просим всех пассажиров подняться на борт!

Двери подъемника закрылись. Мистер Фелтон старался не встречаться с женой взглядом. Он обнял ее и молча повел к автобусу.

Вернувшись в космопорт, миссис Фелтон промокнула глаза кончиком платочка и еще раз посмотрела на громадный, безмолвный и одинокий остов корабля. Ее рука коснулась руки мужа.

— Я все еще не верю, — сказала она. — Это так на нее не похоже. Думал ли ты когда-нибудь, что наша маленькая Алиса?... Ох, зачем только она вышла за него замуж? — Ее слова перешли в рыдания.

Не говоря ни слова, муж сжал ее пальцы.

— Я бы не удивилась, если бы это случилось с кем-то из ее подруг, — продолжала она. — Но Алиса всегда была такой тихой, застенчивой, я даже беспокоилась, что ей помешает эта скромность. Я боялась, что она станет синим чулком, робкой и угрюмой занудой. Помнишь, как дети звали ее Мышкой? И вот! Пять лет в этом чудовищном космосе. Ой, она не выдержит, Генри. Я знаю, что она не сможет, у нее не тот характер. Почему ты не вмешался, Генри? Она бы тебя послушала. Ты бы мог их остановить.

Муж вздохнул.

— Так было всегда, Мэриан, молодые не обращают внимания на советы. Ты же знаешь. Алиса теперь взрослая женщина со своими взглядами на жизнь, и она имеет на это право. Да кто я такой, чтобы решать за нее, что ей лучше, а что хуже?

— Но ты бы мог помешать ей сделать опрометчивый шаг.

— Возможно, но какой ценой.

Она на несколько минут замолчала, затем сжала пальцами его ладонь.

— Генри, Генри, у меня такое чувство, что мы больше их не увидим.

— Увидим и не раз, не беспокойся.

— Ты сам не веришь в это по-настоящему, Генри. Ты просто стараешься меня приободрить. О, зачем, зачем ей понадобилось уехать в это ужасное место. Она такая юная. Ну что ей стоило бы подождать пять лет. Откуда в ней столько упрямства, столько строптивости — куда делась моя маленькая любимая мышка?

Генри погладил жену по руке, стараясь успокоить ее.

— Постарайся не думать об Алисе, как о ребенке, Мэриан. Она давно уже вышла из этого возраста, она теперь взрослая женщина, и вообще, — попробовал пошутить он, — если бы все наши женщины были бы только мышками, мы наверняка влачили бы жалкое существование.

Навигатор космического корабля Фалкон подошел к капитану.

— Отклонение, сэр.

Капитан Винтерс взял протянутую ему бумагу.

— Одна целая, триста шестьдесят пять тысячных градуса, — прочитал он. — Хм. Не страшно. То есть не так уж страшно. Опять юго-западный сектор. Почему все отклонения в юго-западном секторе? Странно, не правда ли, м-р Картер?

— Может, в дальнейшем все прояснится, сэр. А пока что перед нами очередная загадка.

— Странно, одна за другой. Лучше внесите поправку сейчас, пока отклонение от курса не слишком велико.

Капитан повернулся к раздвижной полке и вытащил стопку таблиц. Сверившись с ними, он записал результат.

— Проверьте, мистер Картер.

Навигатор сравнил выводы с таблицей и согласно кивнул.

— И какова же погрешность? — спросил капитан.

— Отклоняемся немного в сторону с постоянным вращением, сэр.

— Поправьте траекторию вручную. Я проконтролирую. Потом выровняйте корабль и стабилизируйте. Десять секунд двойного ускорения по правому борту. Дадим ему тридцать минут двадцать секунд, чтобы развернуться, а сами посмотрим, что будет. Потом компенсируем двойным ускорением с левого борта. О'кей?

— Отлично, сэр,— навигатор уселся в кресло пилота и застегнул пояс. Он пробежал по клавишам управления и осторожно тронул переключатель.

— Может получиться хорошая встряска. Надо предупредить об этом всех, чтобы не было паники, — он включил систему оповещения и, достав микрофон, поставил его перед собой.

— Внимание! Внимание! Мы проводим коррекцию курса. Будет несколько импульсов. Не сильных, но все хрупкие предметы должны быть надежно закреплены. Сами вы должны занять свои места и пристегнуть ремни безопасности. Операция займет около получаса и начнется через пять минут. Когда кончится, я сообщу позднее. Все, — он выключил микрофон.

— Хорошо, что предупредили. А то найдутся профаны, которые подумают, что корабль не смог увернуться от метеорита, — добавил он. — Так уже было однажды. Во всяком случае, хуже не будет. Удивительно, какого черта делает здесь этот ребенок. Хотя бы занялась чем-нибудь толковым, ну чем там обычно занимаются у них дома в деревне, вяжут, например.

— Она и вяжет, — заметил навигатор.

— Знаю, но не в этом дело. Зачем она отправилась на Марс? Она умрет с тоски по дому и возненавидит каждый камешек в округе. Надеюсь, у ее мужа хватит ума отправить ее обратно. Слишком жестоко так поступать с этаким ребенком.

— По-моему, это и ее вина, сэр. На мой взгляд, она ужасно упряма.

Капитан выжидающе посмотрел на офицера.

— Пусть у меня нет большого жизненного опыта, но я уверен, что если бы захотел, нашел бы что сказать жене, надумай она увязаться за мной в космос.

— Но вряд ли такая штука проходит у всех. Как ни крути, а эта птичка, в конце концов, своего добилась.

— Раз вы так хорошо постигли женскую натуру, то объясните, каким образом, все-таки, она здесь оказалась, если он не потащил ее за собой? По вашему выходит, что отправиться на Марс так же просто, как смотаться на какую-нибудь международную конференцию.

— Да, сэр, она поражает меня своей преданностью. Девушка боится даже собственной тени, а вместе с тем до того решительна. Вы слышали, как овцы, встретившись со львом, защищают своих детенышей?

— Вы хотели сказать ягнят,— поправил капитан, — что ж, отвечу. Я не верю ни в сказки об овцах, ни в храбрость девушек.

— Я только старался обрисовать тип характера, сэр.

Капитан почесал щеку.

— Может быть, ты и прав, но если бы я собирался взять свою жену на Марс, что запрещается начальством, я бы сразу раскусил, что моей строптивой мамочке быть там совсем не обязательно. А ее муж, что этот тип там будет делать?

— По-моему, принимать грузы одной горнорудной компании.

— Почасовая работа. Что ж, может быть, все обойдется. Но все же на мой взгляд, тяжко осознавать себя бедной никчемной принадлежностью собственной кухни. Провести полжизни, трясясь от страха рядом со смертью, а потом прозябать остаток дней в уюте и комфорте. — Он взглянул на часы. — У них было вдоволь времени, чтобы закрепить ночные горшки. Займемся делом. — Он застегнул ремень безопасности, повернул к себе висевший на кронштейне экран, включил его и вытянулся в кресле, обозревая медленно проходящую перед ним панораму звезд.

— Все расселись, м-р Картер?

Навигатор подключил подачу топлива и положил правую руку на ключ.

— Все на местах, сэр.

— Отлично. Давайте вверх.

Навигатор сосредоточился на огоньках приборов. Попробовал нажать пальцами на ключ — ничего не получилось. Он нажал вновь. Все осталось без изменений.

— Продолжай,— раздраженно сказал капитан.

Навигатор решил попробовать развернуть корабль по-другому. Он нажал один из тумблеров под левой рукой. Корабль откликнулся незамедлительно. Он вздрогнул и рванулся вбок. По его корпусу прокатился грохот, будто вдалеке откликнулось эхо.

Только привязной ремень удержал навигатора в кресле. Он тупо уставился на вращающиеся перед ним точки. Звезды бежали перед ним по экрану причудливым фейерверком. Какой-то миг капитан смотрел на дисплей в зловещем молчании, потом холодно произнес:

— Может, теперь вам посчастливится, м-р Картер, выровнять корабль. Попробуйте-ка.

Навигатор взял себя в руки. Он выбрал момент и нажал переключатель. Ничего не произошло. Он попробовал другой. Стрелки приборов продолжали вращаться. На лбу выступила испарина. Он переключился на другую топливную магистраль и попытался управлять снова.

Капитан лежал в своем кресле, перед ним по экрану плыли глубины космоса.

— Ну как?— спросил капитан, хотя все было и так ясно.

— Бесполезно, сэр.

Капитан Винтерс отстегнул привязной ремень и проклацал по полу магнитными подошвами. Он кивком приказал навигатору покинуть кресло и занял его место. Щелкнул тумблером топливных магистралей. Нажал стартер. Никакого ответа. Светящиеся точки продолжали вращаться. Он поработал с остальными тумблерами — безрезультатно. Он поднял глаза и встретился взглядом с навигатором. Они смотрели друг на друга, недоумевая, что происходит, затем капитан подошел к своему пульту и щелкнул выключателем. Тишину нарушил голос:

— Если б только знать, что происходит. Пока мне только известно, что этот проклятый корабль может кувыркаться, а такой способ перемещения явно не подходит для нашего старика.

— Джевонс,— резко оборвал капитан.

— Да, сэр?— казалось, это спрашивает уже другой человек.

— Боковые не действуют?

— Нет, сэр.

— Не может быть, парень. Я думаю, они просто не сработали. Их заело.

— Что, заело все сразу, сэр?

— Не все, а только те, которые отвечают за левый борт. И нужно добиться, чтобы они заработали. Может быть, послать кого-нибудь наружу, чтобы взглянуть, что там происходит. Не нравится мне этот номер.

— Будет исполнено, сэр.

Капитан снова щелкнул переключателем связи и сделал объявление:

— Прошу внимания. Можете отстегнуть привязные ремни и заниматься своими делами. Коррекция курса откладывается. Все.

Капитан и навигатор снова посмотрели друг на друга. Их лица посуровели, в глазах отразилась тревога...

Капитан Винтерс изучал свою аудиторию. В нее входили все, находящиеся на борту Фалкона. Четырнадцать мужчин и одна женщина. Шестеро из них были члены экипажа, остальные пассажиры. Он разглядывал их, пока они рассаживались в маленькой кают-компании корабля. Как бы он хотел, чтобы на его корабле было побольше груза и поменьше пассажиров. Тем более, что в основном это были не просто пассажиры, а шахтеры, разведчики, изыскатели, а то и авантюристы.

В такой компании женщина на борту корабля могла стать причиной излишних неприятностей, поэтому ей следовало бы быть крайне осмотрительной. К счастью, она была робкой и невзрачной. И хотя она своей бесцветностью и раздражала капитана, сейчас он благодарил судьбу, что она не оказалась яркой блондинкой.

Он вспомнил, что недавно наблюдал, как она сидела подле своего мужа. Более кроткой и милой женщины просто не придумаешь. Картер должно быть прав, утверждая о затаенном упрямстве — без этого она вряд ли пустилась бы в такое путешествие и стойко, и безропотно прошла через все испытания. Он посмотрел на ее мужа. Странный народ, женщины. Морган был парень неплохой, но в нем не было ничего такого, как говорится, ради чего женщина пустилась бы в это путешествие.

Он подождал, пока все рассядутся и угомонятся. Наконец, наступила тишина. Он обвел их взглядом. Лицо его посуровело.

— Мисс Морган и джентльмены,— начал он.— Я собрал вас всех вместе, потому что мне кажется лучше, если вы будете знать правду, и каждый правильно оценит наше нынешнее положение.

Так вот. Нас подвели топливные магистрали. Они, по каким-то причинам, мы пока не выяснили каким, отказали. Кроме того, на левом борту прогорели дюзы, и заменить их нечем.

Если кто-нибудь из вас не представляет, что это значит, я поясню: боковые двигатели используются при навигации. От них за-

висит ориентация и стабилизация корабля. Главная двигательная установка создает движущую силу, позволяющую оторваться от Земли. Потом она отключается, переводя нас в свободное парение. Любые маневры, отклонения от курса и коррекция совершаются соответствующими импульсами боковых двигателей.

Но мы их используем не только для управления. Они необходимы при посадке, которая требует неизмеримо более сложной работы, чем при взлете. Мы поворачиваем корабль и используем основную двигательную установку, чтобы погасить скорость. Вы едва ли можете себе представить, чего стоит удержать в равновесии такую махину, как наш корабль, или установить его в нужном положении при снижении. Тут и приходят на помощь боковые двигатели, которые ориентируют корабль. Без них нам никак не обойтись.

В комнате наступила мертвая тишина. Потом кто-то спросил:

— По-вашему выходит, капитан, нам теперь и лететь дальше и приземлиться невозможно?

Капитан Винтерс взглянул на говорившего. Это был здоровенный детина, который выделялся среди остальных и без труда мог бы стать заводилой.

— Конечно, это я и имел в виду.

В комнате все напряженно замерли.

Громила кивнул. Кто-то еще спросил:

— Значит ли это, что мы можем врезаться в Марс?

— Нет,— сказал капитан,— если мы будем лететь как сейчас, уклонившись от курса, мы его обойдем.

— И отправимся играть в пятнашки с астероидами,— добавил кто-то из зала.

— Может, случится и так, если мы будем просто сидеть сложа руки. Чтобы спастись, нам необходимо найти выход из этого положения.— Капитан замолчал, сознавая, что нужно завладеть их вниманием. Потом продолжил.— Должно быть, вы все знаете, так как заглядывали в иллюминаторы, что мы сейчас кувыркаемся в космосе, находясь э-э... вверх тормашками. Это происходит из-за взрыва боковых двигателей. Несомненно, нам предложен весьма неудобный способ путешествия, но если в точно заданный момент дать импульс дюзами основного двигателя, он позволит нам выровнять траекторию.

— И чем помогут нам эти усилия, если мы все равно не сможем приземлиться?— выкрикнул кто-то, но капитан проигнорировал реплику и продолжил:

— Я свяжусь с Марсом и с домом, доложу обстановку и сообщу также, что намереваюсь использовать единственную доступную нам возможность — включу основную двигательную установку и попытаюсь вывести корабль на орбиту Марса.

— Если это и удастся, не исключены еще две опасности — мы можем промазать и пролететь мимо, уйдя к внешним планетам системы, или врезаться в Марс. Думаю, у нас есть немало шансов избежать и того, и другого.

Кончив речь, он еще раз посмотрел в зал и увидел на одних лицах тревогу, на других озабоченность. Он заметил, как крепко миссис Морган сжала руку мужа, а ее лицо чуть побледнело.

Первым нарушил тишину человек с раскатистым голосом.

— Думаете, немало шансов?— повторил он вопросительно.

— Да. И еще я уверен, что это единственная возможность. Я не стану вас дурачить, изображая полную уверенность. Все слишком серьезно.

— И когда мы достигнем орбиты, что будет тогда?

— Они постараются поймать нас радаром, и как только это удастся, пошлют нам помощь.

— Х-м,— отозвался спрашивающий.— А что вы лично думаете об этом, капитан?

— Я... что ж, видимо, это будет не так-то просто. Но раз уж мы связаны одной веревочкой, я скажу, что они доберутся до нас за несколько месяцев. Это самое лучшее, на что мы можем рассчитывать. Корабль пошлют с Земли. Сейчас планеты в противофазе. Боюсь, что придется немного подождать.

— А сколько мы выдержим, капитан?

— Согласно моим расчетам, мы продержимся около семнадцати-восемнадцати недель.

— И этого хватит?

— Должно хватить!

Он оборвал паузу, затянувшуюся после этого ответа, и продолжил твердым голосом.

— Пусть будет поменьше удобств, развлечений и комфорта, но если мы правильно разыграем свою партию и урежем потребности до минимума, то все выйдет как надо. Сейчас на повестке дня три насущные проблемы: воздух для дыхания — к счастью, о нем мы можем не беспокоиться. Регенерационная установка, баллоны аварийного запаса и грузового отсека обеспечат нас кислородом надолго. Воду придется экономить. По две пинты на каждые двадцать четыре часа, для всех. К счастью, мы можем добыть воду из топливных баков, хотя это будет далеко не так просто, как это кажется. Хуже всего обстоят дела с пищей.

Он подробно рассказал своим слушателям о всех трудностях, которые их ожидают и под конец добавил:

— А теперь, я надеюсь, у вас будут ко мне какие-то вопросы.

— И нет никакой надежды, что боковые дюзы заработают вновь?— спросил маленький жилистый человечек с обветренным лицом.

— Никакой. Двигательный отсек корабля устроен так, что к нему в космосе не подобраться. Мы попробуем, конечно, но даже если некоторые двигатели и заработают, всей левой двигательной установки нам не починить.

Он решил, что лучше ответить на большее число вопросов, склонив чашу весов в сторону надежды и таким способом поддержать дух у тех, кому судьба подбросила такой злой сюрприз. И правда, перспективы сулили мало хорошего. Прежде чем придет помощь им потребуется вся воля и решимость, которая только у них имеется, и даже после этого из шестнадцати человек всегда найдутся несколько ничтожных и слабых.

Его взгляд вновь задержался на Алисе Морган и ее муже. Женщина на корабле, терпящем катастрофу, беспокоила его. Когда страсти накалятся, кто-то из мужчин обязательно положит на нее глаз, а потом неровен час, сорвется и...

Но раз уж здесь оказалась женщина, ей придется делить все тяготы наравне с остальными. И никаких поблажек. В критический миг, может, кто-нибудь и позволит себе широкий жест, но выделять человека сейчас, когда им всем предстоит такое испы-

ние, давая ему привилегии, было абсолютно недопустимо. Дайте ей поблажку, и вам придется уступать тем, у кого здоровье пошаливает, настроение сегодня не очень хорошее — бог знает, что из этого выйдет.

— Конечно,— подумал он, увидав, как она сжимает руку мужа и глядит на него широко раскрытыми глазами,— неплохо было бы выделить даму,— но тут же решил, что делать этого не следует.

Он надеялся, что она погибнет не первой. Было бы просто нечестно, чтобы первой была она...

Она и в самом деле оказалась не первой. И вообще за первые три месяца никто не погиб.

Фалкон, благодаря умелому маневрированию с помощью основного двигателя, устремился к орбите Марса. После этого экипажу оставалось совсем немного работы. В промежуточном положении корабль превратился в маленький спутник, мчавшийся по эллиптической орбите, предопределенной заранее. На корабле ожидали помощи или смерти.

На борту, если не открывать створок иллюминаторов, невероятные кульбиты корабля почти не ощущались.

Но стоило их открыть, как бешеный галоп окружающего мира приводил человека в такое смятение, что тут же хотелось захлопнуть створки, чтобы сохранить иллюзию устойчивой вселенной. Даже капитан Винтерс и навигатор едва успевали проделать необходимые измерения и выключали экран, обрывая безумное вращение звезд.

Для всех обитателей корабля Фалкон стал маленьким, независимым миром, сильно ограниченным в пространстве и чрезвычайно недолговечным во времени. Более того, это был мир с очень низким уровнем жизни, с нервотрепкой, постоянными срывами, скандалами, болезненным самолюбием, бесхребетностью и склочностью. Здесь находилась кучка людей, и каждый был начеку, боясь, как бы его не обделили. Тех жалких крох, которые назывались обедом, едва хватало, чтобы заглушить голодное урчание в желудке. Ложась спать и просыпаясь, человек постоянно мечтал о еде.

Люди, стартовавшие с Земли крепкими и здоровыми, стали теперь тощими и болезненными, их лица посуровели и ожесточились, приобретя резкие черты, кожа сделалась землисто-бледной. Лихорадочно сверкали безумные глаза. Они все испытывали немочь. Самые слабые безучастно лежали на своих койках. Более выносливые глядели на них с одним и тем же вопросом в глазах. Прочесть его было нетрудно: «До каких пор мы будем попусту тратить пищу на этого парня? Похоже, он уже отмучился». Но пока никто умирать не собирался. Как и предполагал капитан Винтерс, в один из дней положение обострилось. Поводом послужили, конечно же, продукты. Несколько ящиков консервных банок не выдержали колоссального давления остального груза, находящегося сверху, лопнули во время взлета, и банки стали хаотично кружиться в грузовом отсеке по своим собственным орбитам. Узнай об этом пассажиры, они бы, конечно, с удовольствием их съели. Но, к несчастью, консервы вдруг бесследно исчезли. И куда — никто не знал. Все поиски на корабле оказались тщетны. Ну а большая часть неприкосновенного запаса состояла из обезвоженной пищи, для которой капитан не отважи-

вался израсходовать нужное количество воды, поэтому еда буквально застревала в горле. Они просто решили понемногу добавлять концентрат к рациону, если не успеют починить корабль к расчетному сроку. Среди груза нашлось немного продуктов, которые несколько скрашивали их существование. Но, в конце концов, пришлось уменьшить рацион, чтобы растянуть его на семнадцать недель. Но, конечно, долго так продолжаться не могло. Вначале от недоедания появилась бы слабость, вслед за ней пришла бы раздражительность, а там до бунта недалеко.

Джевонс, главный инженер, установил, что обнаружить и исправить неполадки в боковых двигателях можно, только проникнув в двигательный отсек корабля. Из-за баков, крепившихся за головной частью и отделявших ее от остальных секций корабля, пробраться туда прямо из жилых отсеков оказалось невозможно.

К тому же, теми инструментами, которые были на корабле, отверстие в борту корабля никак не прорежешь. Низкая температура космоса и теплопроводность металла пожирали тепло горелки, его не оставалось для того, чтобы пробить шов. По его мнению, самым лучшим в создавшейся ситуации было бы обрезать дюзы левых двигателей. Спорить здесь было нечего — хуже того, что есть, быть не могло, да и другие двигатели корабля все равно оставались неуравновешенными левым бортом. Единственным доводом против было то, что для резаков пришлось бы использовать драгоценный кислород. А это заставляло задуматься. Капитан бездействовал и только выслушивал предложения, строя свои, пока никому не известные планы.

— Хорошо,— сказал угрюмо Джевонс.— Мы похожи на крыс в клетке, но мы с Боуманом постараемся ее открыть и сделаем все возможное, даже если собственной рукой отрежем себе путь обратно в корабль.

И капитан Винтерс сдался. Не то, чтобы он верил, что у них что-то выйдет, но это немного успокоило бы Джевонса и никому не причинило бы вреда. И Джевонс с Боуманом по целым дням не вылезали из космических скафандров и упорно работали. Их успехи, едва заметные вначале, становились все ничтожнее и ничтожнее, они на глазах слабели.

Умер ли Боуман насильственной смертью, или нет, осталось тайной. Все знали, что он не доверяет Джевонсу. Однажды корабль вздрогнул, и по его корпусу пробежала затихающая вибрация. Возможно, это была драка. Но скорее всего, бедняга Боуман поторопился и случайно коротким разрядом прожег в скафандре крошечное отверстие.

Первый раз за несколько недель открыли иллюминаторы, и множество лиц уставилось в головокружительное вращение звезд

В поле зрения возник Боуман. Он безучастно плавал в дюжине ярдов от корабля. Его костюм сдулся и опал, а в левом рукаве темнела гигантская рваная дыра.

Одно сознание того, что вокруг корабля вертится мертвец, совсем недавно твой товарищ, отнюдь не способствовало хорошему настроению и не крепило тот самый моральный дух, который и без того на корабле изрядно пошатнулся. Маленький спутник смерти кружился над затерявшимися в космосе людьми. И сколько не отталкивай его, все равно он будет вращаться вокруг корабля, пускай и чуть дальше от него. Может, когда-нибудь для

подобных случаев придумают соответствующий ритуал: скорее всего — это будет небольшая ракета, которая унесет бренные останки в их последнее бесконечное путешествие. Так или иначе, ввиду отсутствия прецедентов, капитан Винтерс решил оказать и в этих условиях телу соответствующие почести, взяв его обратно на борт. Холодильная камера служила обычно для хранения остатков провизии, но несколько отделений уже пустовало.

После того, как тело поместили во временную гробницу, прошли почти сутки. Неожиданно над дверью рубки управления тихо звякнул звонок. Капитан осторожно промокнул последнюю запись в бортовом журнале и закрыл книгу.

— Войдите,— сказал он.

Дверь отворилась лишь настолько, чтобы в нее могла протиснуться Алиса Морган. Она вошла и быстро затворила ее за собой. Капитан удивился, увидев женщину. Она всегда старалась держаться в тени и напоминала о себе не часто, да и просьбы ее передавал муж. Капитан заметил в Алисе некоторые перемены. Как и все, она сильно похудела, а в ее глазах сквозила тревога и озабоченность. Пальцы ее рук были в постоянном движении, сжимаясь и разжимаясь. Было ясно, что она не знает, с чего начать. Он ободряюще улыбнулся.

— Садитесь, миссис Морган.

Она пересекла комнату, слегка щелкая магнитными подошвами и села в кресло. Сидела она напряженно, на самом краешке.

Да, это путешествие не для нее, вновь отметил он. В конце концов она могла бы быть милой маленькой хозяйкой дома, но не более. Зачем этот глупец-муж сорвал ее с насиженного места — тихой, уютной заводи городских окраин, спокойного быта, жизни, где она была защищена от любых невзгод и тревог. Его снова удивило, как безропотно и стойко она выдерживает все лишения аварийного судна. Видно, судьба подарила ей мужественный характер. Он говорил с ней мягко и спокойно, а она напоминала настороженную птицу, готовую в любую минуту сорваться и умчаться прочь.

— Чем могу быть полезен для вас, миссис Морган?

Пальцы Алисы сплетались и расплетались. Она следила за ними. Потом подняла глаза, попыталась что-то сказать, но передумала.

— Это не так просто,— пробормотала, наконец, она обреченно.

Стараясь успокоить ее, он тихо произнес:

— Не надо нервничать, миссис Морган. Лучше скажите мне, что вас мучает. Кто-нибудь из них... пристает к вам?

Она покачала головой.

— Ах нет, капитан Винтерс. Совсем не то.

— Так что же?

— Наш рацион. Мне не хватает пищи.

— Как и всем нам,— сказал он коротко.

— Знаю,— нетерпеливо ответила она.— Знаю, но...

— Что «но»?— спросил он холодно.

Она перевела дыхание.

— Тот человек, что умер вчера, Боуман. По-моему, я могла бы рассчитывать на его порцию...

Предложение так и осталось неоконченным, так как она подняла в этот момент глаза на капитана.

Он даже бровью не повел, только почувствовал, что она поняла по его взгляду, насколько он удивлен ее предложением. Более наглого и жестокого ему ничего в жизни не приходилось слышать. Он сразу и не нашелся, что ответить. Ее глаза встретились с его, но что удивительно, в них было еще меньше робости, чем прежде. А стыда — так и совсем как не бывало.

— Я должна получать больше пищи,— сказала она, делая ударение на каждом слове.

В капитане Винтерсе поднимался гнев.

— С чего вы это взяли, что имеете право на долю погибшего человека! Я даже не хочу произносить тех слов, которыми стоило бы ответить на эту наглость, глупая девчонка. Но вы должны понять одно: мы делим, и все делим поровну. Смерть Боумана — это трагедия. Да, она на несколько часов или дней продлит нашу жизнь, так как мы будем есть его порцию. Но все вместе, а не вы одна. Думаю, вам лучше сейчас же уйти.

Но Алиса Морган даже не двинулась с места. Она сидела, поджав губы и чуть прищурив глаза. Даже несмотря на свой гнев капитан удивился ее спокойствию. На его глазах домашняя кошечка вдруг превратилась в хищника. Она сказала упрямо:

— До сих пор я не просила для себя никаких привилегий, капитан. Я не требовала бы и сейчас, если бы это не было абсолютно необходимым. Но смерть человека дала нам какой-то резерв. И я должна получать больше пищи.

Капитан снова вспылил.

— Смерть Боумана не дала нам никакого дополнительного резерва, и тем более не стала какой-то счастливой случайностью. Я повторяю, единственное: она увеличила наши шансы выжить, на день или два отдалив смерть. Думаете, что остальные чувствуют себя лучше и меньше вас нуждаются в пище? По-моему, то, что вы говорите,— это просто наглость.

Она подняла руку, останавливая его. От тяжести ее взгляда он как-то смешался, оробел и, опять удивившись, подчинился...

— Капитан. Посмотрите на меня внимательней,— сказала она резким голосом.

Он присмотрелся. Внезапно его чувство гнева уступило место жуткому потрясению. Будто обухом по голове. На ее бледных щеках выступил слабый румянец.

— Да,— сказала она.— Теперь понимаете, что вам придется давать мне больше пищи. Моему ребенку нужно дать шанс, чтобы он выжил.

Капитан смотрел на нее как завороженный. Наконец, он закрыл глаза и провел по лицу рукой.

— Господи милостивый, это же чудовищно,— пробормотал он.

— Нет, это не чудовищно, тем более, если мой ребенок выживет,— проговорила Алиса Морган серьезно, будто все давно обдумала и взвесила. Он беспомощно взглянул на нее, не вымолвив ни слова. А она продолжила.— Вы же видите, мы никого не ограбим. Боуману больше не нужна его порция, а моему ребенку необходима. Это ведь очень просто, не правда ли,— она вопросительно взглянула на капитана. Он не нашел, что ответить. Поэтому она добавила:— Так что, как видите, все будет честно. Я

теперь — это два человека, не так ли? И мне необходимо больше пищи. А если вы не дадите мне ее, вы убьете моего ребенка. Поэтому вам придется, придется... Мой ребенок должен жить, он должен...

Когда она удалилась, капитан Винтерс вытер лоб, отпер личный ящик и вынул оттуда одну из заветных, тщательно оберегаемых бутылок виски. Он ограничился лишь маленьким глотком. Это слегка взбодрило его, но в глазах остались страх и настороженность.

Почему у него не хватило мужества объяснить женщине, что у ее ребенка вообще нет шанса появиться на свет. По крайней мере было бы честно, но он сомневался, стоит ли полагаться на честность в такой ситуации. Скажи он это, и придется объяснять почему, а когда она узнает, то все равно ни за что не поверит, разве что поговорить с ее мужем. Да и потом, уж слишком поздно.

Капитан открыл верхний ящик и достал пистолет. Уж лучше это. Появилось искушение использовать его по назначению. Это не было минутной слабостью. Рано или поздно все равно придется, а ведь чему быть, того не миновать.

Он нахмурился, не зная на что решиться. Наконец, взмахнул правой рукой и легким щелчком послал пистолет подальше в конец ящика. Потом запер ящик. Еще рано.

Скорее всего, скоро придется носить его постоянно. Пока его авторитет держался. Только иногда слышался сдержанный ропот. Но не за горами время, когда ему понадобится пистолет для их или его собственной безопасности. Он это знал.

Если люди заподозрят, что обнадеживающие сообщения, которыми он время от времени радовал их,— липа, если они как-то обнаружат, что спасательный корабль, который, как они верят, мчится через бездну космоса к ним на выручку, еще даже не стартовал с Земли — тогда начнется настоящий ад.

Было бы куда спокойней, если бы первым сломалось радио оборудование...

— Вам что, нечем заняться?— спросил капитан Винтерс. Он говорил отрывисто и резко, потому что был крайне раздражен, а не потому, что вопрос, который обсуждался, заботил его теперь больше других.

Навигатор даже не удосужился ответить. Его башмаки заклацали по полу, а ключи и браслет-идентификатор проплыли к капитану в дюйме или двух над поверхностью стола. Он протянул руку, чтобы поймать их.

— Я,— начал было он, но поймал взгляд товарища — Бог мой, дружище, что с тобой происходит

Он почувствовал некоторое угрызение совести Ему понадобился боуманский браслет идентификатор для записи в журнал, но вряд ли стоило посылать за ним Картера У человека, погибшего в открытом космосе, вид должен быть не из лучших Поэтому они до сих пор и оставляли его в скафандре К тому же, подумал он, Картер всегда был порядочным сопляком. Он вытащил бутылку. Последнюю.

— На-ка, хлебни этого,— сказал он.

Навигатор подчинился и уронил голову на руки. Капитан поймал бутылку, свободно дрейфующую в воздухе, и убрал подальше от глаз.

— Простите, сэр,— сказал навигатор, не поднимая глаз.

— Ладно, Картер, все в порядке. Скверная работенка. Надо было бы мне взяться за нее самому.

Его подчиненный слегка вздрогнул. Минута прошла в молчании, поскольку каждый замкнулся в себе. Потом навигатор поднял глаза и встретил взгляд капитана.

— Дело не только... в этом.

Казалось, капитан смутился.

— Что ты имеешь в виду?

Губы офицера дрогнули. Он никак не мог собраться с мыслями и постоянно запинался.

— Не мельтеши. Объясни толком, что ты хочешь сказать,— проговорил капитан сурово, чтобы парень взял себя в руки.

Навигатор чуть вздернул голову. Его губы перестали дрожать.

— У него... у него...— с трудом выговорил навигатор, а потом, попробовав снова, разом выдохнул.— У него нет обеих ног.

— Чего? Ты говоришь, что у Боумана нет ног?

— Д...да, сэр!

— Какая чушь. Я сам видел, как его доставили. Да и ты, впрочем, тоже. У него ноги были на месте.

— Да, сэр. Были ноги, а теперь их нет!

Капитан замер. Несколько секунд в рубке управления не было ни звука, только слышалось тиканье хронометра. Наконец, он с трудом выдавил всего одно слово:

— По-твоему?..

— А что же еще, сэр?

— Господи милостивый!— выдохнул капитан. Он широко раскрыл глаза, понимая, что пережил человек, который находился перед ним.

Двое людей шли, крадучись, обернув тряпками свои магнитные ботинки. Они остановились напротив двери холодильной камеры. Один из них достал плоский ключ. Он вставил его в замочную скважину, осторожно попробовал, от этой ли камеры ключ, и потом с легким щелчком повернул его. Как только дверь полностью отворилась, в холодильнике дважды грохнули выстрелы. Человек, открывший дверь, осел на колени и безвольно повис в воздухе.

Второй так и остался за полуоткрытой дверью. Он выхватил из кармана пистолет, на миг выставил его за край двери, целясь внутрь холодильника, и дважды нажал на курок.

Из рефрижератора вылетел человек в скафандре и, неестественно согнувшись, поплыл через каюту. Когда он пролетал мимо стрелявшего, тот снова нажал на курок. Человек в скафандре ударился о стенку, чуть выпрямился и завис у противоположной стены. Прежде чем он смог повернуться и воспользоваться пистолетом, зажатом в руке, в него выстрелили снова. Он дернулся и отплыл на середину каюты. Стрелявший держал пистолет наготове, но скафандр покачивался перед ним вяло и безжизненно.

Дверь, в которую только что вошли двое, с грохотом отворилась. Не успев войти в нее, навигатор прямо с порога открыл огонь. Он стрелял, не переставая. Когда магазин опустел, человек напротив него странно покачнулся, удерживаемый магнит

ными ботинками, и замер навсегда. Навигатор подтянулся и зацепился за косяк. Затем медленно, с трудом, добрался до фигуры в скафандре. Он с трудом отстегнул шлем и снял его.

Лицо капитана казалось более серым, чем обычно бывает у мертвого человека. И вдруг его глаза медленно приоткрылись.

— Теперь твоя очередь, Картер. Счастливо!

Навигатор попробовал ответить, но вместо слов у него изо рта вырвалась кровавая пена. Руки обвисли. По его форме медленно расплывалось темное пятно. Вскоре его тело безжизненно повисло рядом с телом капитана.

— По-моему, раньше их хватало надолго, но так не может тянуться до бесконечности,— сказал маленький человечек с усами песочного цвета.

Человек, говоривший рокочущим басом, сурово посмотрел на него.

— Ах, по-твоему. И ты уверен в собственной правоте?

Маленький человечек замялся. Он облизал кончиком языка губы.

— Ладно. Сперва Боуман. Потом те, четверо. Потом двое умерших. Итого, семеро.

— Верно. Семеро. Ну и что?— спросил спокойно верзила. По правде говоря, он не был особенно высоким, но был широк в плечах. Под его внимательным взглядом исхудавший коротышка, казалось, съеживался прямо на глазах.

— Э... ничего. Может, мои подсчеты никуда не годятся,— сказал он.

— Мой совет тебе: поменьше считай, понял, а?

Коротышка сник.

— Что ж. Я так и сделаю.

Верзила оглядел каюту.

— О'кей, начнем,— сказал он.

Все притихли. Они смотрели на него смущенно и заискивающе. Они нервничали. Один или двое тихо грызли ногти. Вперед опять выступил высокий парень. Он взял шлем от скафандра, перевернул и поставил на стол. Потом равнодушно сказал:

— Будем тянуть. Каждый из нас возьмет одну бумажку и будет держать ее, не раскрывая, пока я не дам знак. Не раскрывая. Дошло?

Все кивнули. Все, не отрываясь, смотрели ему в глаза.

— Отлично. Одна из бумажек в шлеме помечена крестиком. Рей, я хочу, чтобы ты сейчас пересчитал бумажки и убедился, что их там девять.

— Восемь,— сказала Алиса Морган.

Головы повернулись к ней, будто их дернули за веревочку. На лицах было написано такое удивление, словно они только что услышали крик горлицы. Под взглядами Алиса несколько смутилась, но выдержала их стойко. Бескровный рот превратился в прямую щелочку. Человек, руководивший процедурой, внимательно изучал ее.

— Так-так,— протянул он.— Значит, ты не хочешь принять участия в нашей маленькой игре!

— Нет, — сказала Алиса.

— До сих пор ты была с нами на равных, но теперь, к сожалению, мы попали в такую ситуацию, когда ты больше не желаешь.

— Нет,— призналась Алиса.

Он поднял бровь.

— Может, ты собираешься взывать к нашему благородству?

— Нет, — сказала Алиса снова. — Я считаю вашу, так называемую игру, нечестной. Тот, кто вытянет крест, умрет, не так ли?

— Про боно публико, — сказал верзила. — Прискорбно, конечно, но увы, неизбежно.

— Но если я вытяну, погибнут двое. И вы называете это справедливостью? — спросила Алиса.

Мужчины смутились. Алиса ждала.

Верзила обдумывал ее слова. В первый раз он растерялся.

— Ну что,— проговорила Алиса. — Разве не так?

Один из сидящих заметил:

— В философии вопрос о том, когда именно человек обретает личность, индивидуальность или душу, до сих пор остается спорным. Некоторые придерживаются мнения, что до тех пор, пока тела не разъединены...

Его резко оборвал раскатистый бас верзилы.

— Думаю, что лучше предоставить этот вопрос теологам, Сэм. На мой взгляд, он достоин мудрости самого Соломона. Но все сводится к тому, что миссис Морган требует, чтобы ее освободили от жеребьевки, войдя в ее положение.

— Мой ребенок имеет право жить, — сказала упрямо Алиса.

— Мы все имеем право жить. Все хотим жить, — проронил кто-то.

— Почему бы тебе... — начал кто-то, но его вновь забил раскатистый голос.

— Ладно, джентльмены. Давайте соблюдать все формальности. Я за демократию. Мы проголосуем. Вопрос стоит так: либо вы решите, что требование миссис Морган правомочно и имеет силу, либо ей придется попытать счастье на общих основаниях. Так...

— Минуточку, — сказала Алиса твердым голосом, которого от нее не слышал еще никто из присутствующих. — Прежде чем вы проголосуете, лучше выслушайте меня. — Она огляделась вокруг, желая убедиться, что ее слушают все. Их изумление возрастало все больше. — Во-первых, сейчас я важнее любого из вас, — сообщила она просто. — Нет, не надо смеяться. Так оно и есть. И я объясню, почему.

Она сделала паузу.

— До того, как сломалось радио...

— Ты хотела сказать, до того, как его сломал капитан, — поправил кто-то.

— Пусть так. До того, как оно стало бесполезно, — согласилась она. — Капитан Винтерс был в постоянном контакте с домом. Он регулярно туда посылал сообщения о нас. Особенно новости, которые запрашивала обо мне пресса. Женщины, а тем более женщины, оказавшиеся в необычной ситуации, всегда возбуждают повышенный интерес. Он говорил, что обо мне писали в заголовках: «Молодая женщина в обреченной ракете», «Космическая авария — тяжкое испытание для женщины» и все в том же духе. И если вы забыли, как подают подобные материалы наши газеты, то я вам напомню. Представьте себе передовицы типа «Преодолев чудовищное расстояние, заживо погребенные в космическом склепе, одна женщина и пятнадцать мужчин теперь беспомощно кружат на орбите Марса...»

Вы, мужчины, представляетесь всему миру теперь неуклюжими и мелкими, как и весь этот корабль. Я же — женщина, и мое положение сразу становится романтичным, ведь я молода, кра-

сива, очаровательна... — ее исхудавшее лицо тронула кривая усмешка.— Я героиня...

Она остановилась, дав вникнуть в суть сказанного, затем продолжила:

— Я была героиней еще до того, как капитан Винтерс объявил им, что я беременна. Но после этого я стала настоящим феноменом. Они постоянно требовали интервью у моих родителей и друзей, у всех, кто меня знал. И теперь бесчисленному количеству людей известно, что со мной приключилось. Они постоянно интересуются мной. И тем более интересуются моим ребенком, которому впервые суждено родиться в космическом пространстве.

Ну что, теперь вы понимаете. У вас есть готовая легенда. Боуман, мой муж, капитан Винтерс и остальные с риском для жизни пытались исправить бортовые двигатели. Произошел взрыв. И их выкинуло в открытый космос.

Это может пройти. Но если я с ребенком или наши тела исчезнут бесследно, тогда вам придется отвечать. И что же вы скажете? — Она вновь оглядела собравшихся. — Ну что вы скажете? Что я тоже снаружи чинила бортовые двигатели? Что я покончила с собой, умчавшись в открытый космос на ракете?

Только представьте. Мировая печать горит желанием узнать обо мне все досконально — и потребуется чрезвычайно правдоподобная история, чтобы как-то уладить случившееся. А если что-нибудь сорвется — думаю, вам придется очень туго.

Да, черт побери, у вас не останется ни малейшего шанса. Вас повесят или поджарят. Всех, одного за другим, если не успеют линчевать раньше...

Когда она кончила говорить, в каюте установилась гробовая тишина. На лицах застыло удивление, будто на каждого напала мелкая злобная собачонка. Мужчины лишились дара речи.

Минуту или около того Верзила сидел, погрузившись в размышления. Затем он поднял глаза и задумчиво потер щетину на своем заострившемся подбородке. Потом обвел взглядом собравшихся и остановился на Алисе.

— Мадам, — пророкотал он, — возможно вы нас здорово надули. — Он отвернулся. Но мы еще успеем все взвесить до следующей встречи. А пока, Рей, восемь бумажек, как велела леди.

— Это он, — сказал человек, глядящий на экран из-за плеча шкипера.

Шкипер раздраженно отмахнулся.

— Конечно же, он. Неужели ты надеялся встретить что-то другое, кружащееся в космосе как пьяная сова? — Он на миг внимательно вгляделся в экран. — Никаких сигналов. Все люки закрыты.

— Вы думаете, существует шанс, шкип?

— Что? Прошло столько времени! Нет, Томми, не может быть и тени сомнения. Мы идем туда только для очистки совести.

— Как мы проникнем внутрь, шкип?

Шкипер следил за вращением Фалкона.

— Что ж, они потеряли управление, но я считаю, если мы сумеем зацепить его кабелем, то сможем осторожно подтянуть к себе, как большую рыбу. Правда, придется попотеть.

И пришлось. Пять раз магнит, посланный со спасательного корабля, срывался, не произведя захвата. Шестая попытка ока-

залась более успешной. Когда магнит проходил вблизи Фалкона, на миг выключился электрический ток. Магнитный захват изменил курс и оказался в непосредственной близости от корабля. Когда он его почти коснулся, подали питание, захват рванулся вперед и, словно рыба-прилипала, приклеился к борту корабля.

Затем последовала долгая игра по захвату Фалкона. Постоянно сохраняя натяжение каната между двумя кораблями (не слишком сильное) и удерживая корабль от закручивания, спасатели медленно подтягивались к Фалкону. Трижды корабль срывался, но, наконец, после долгих изнурительных часов хитрых маневров спасателей, беспорядочное движение Фалкона свелось к спокойному вращению. До сих пор на его борту не чувствовалось и намека на жизнь. Спасательный корабль подошел ближе.

Капитан, третий офицер и врач забрались в скафандры и вылезли наружу. Они направились к лебедке. Капитан перекинул петлю троса через корабль и затем привязал оба его конца к своему поясу. Он лег, держась за кабель обеими руками, и, резко оттолкнувшись, заскользил в открытый космос. Остальные последовали за ним по натянутому кабелю.

Они собрались у входного люка Фалкона. Третий офицер извлек из своей сумки рукоятку. Он вставил ее в отверстие и начал вращать до тех пор, пока не удостоверился, что внутренняя дверь переходной камеры закрыта. Когда он довел рукоять до упора, и она перестала вращаться, он вставил ее в следующее отверстие. Это должно было привести в действие насосы, откачивающие воздух из переходной камеры — если, конечно, там был воздух и если до сих пор оставался ток для работы моторов. Капитан приложил микрофон к борту корабля и прислушался. Он уловил легкое жужжание.

— О'кей. Работают, — сказал он.

Он подождал, пока жужжание не прекратилось.

— Отлично. Открывай,— приказал он.

Третий офицер снова вставил рукоять и повернул ее. Главный люк открылся вовнутрь, образовав на сверкающей поверхности борта темный провал. Несколько секунд все трое мрачно всматривались в отверстие. Наконец, с угрюмым спокойствием капитан произнес:

— Ладно, пошли!

И они осторожно и медленно двинулись в темноту, прислушиваясь, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук.

Третий офицер прошептал:

Тихо, как в звездном небе,
Лишь только сон средь одиночества холмов...

Капитан перебил его:

— Как воздух, док?

Доктор взглянул на свой анализатор.

— Нормально, — сказал он несколько удивленно. — Давление на несколько унций ниже нормы, и только. Он принялся отстегивать свой шлем. Остальные последовали его примеру. Отвинтив крепления, капитан поморщился.

— Не нравится мне все это, — сказал он встревоженно. — Пошли, посмотрим, что там.

Он направился к комнате отдыха. Остальные осторожно последовали за ним.

Сцена была немыслимой и ошеломляющей. Хотя вращение Фалкона прекратилось, все незакрепленные предметы внутри него продолжали кружиться, пока не натыкались на какую-нибудь твердую преграду и, отскочив от нее, мчались в другом направлении. Получилась какая-то мешанина из всевозможных предметов, медленно плавающих и сбившихся в кучи.

— Как и следовало ожидать, здесь никого нет, — сказал капитан. — Док, как вы думаете...

Он замолчал, уловив странное выражение в глазах доктора, и проследил за его взглядом. Доктор уставился на плывущие обломки. Среди паривших книг, жестянок, игральных карт, ботинок и разного хлама его внимание привлекла какая-то кость. Она была обглодана и перерублена пополам.

— В чем дело, док? — окликнул капитан.

Доктор обернулся, взглянув на него невидящими глазами, и снова уставился на плавающую кость.

— Это, — сказал он с дрожью в голосе. — Это человеческое бедро.

Очень долгое время, пока они рассматривали чудовищные останки, на Фалконе царила полная тишина. И вдруг раздался звук... Звук был высоким, тонким, дрожащим и очень чистым человеческим голосом.

Трое недоверчиво посмотрели друг на друга, услышав:

«Спи-усни, дитя,
На вершине деревца.
Когда ветер налетит,
Закачает колыбель...»

Алиса сидела на краю койки, чуть покачиваясь и прижимая к себе ребенка. Он смеялся и тянул маленькую ручку, стараясь коснуться материнской щеки, а женщина пела:

«...ветка обломается,
колыбелька свалится
прямо вниз...»

Щелкнули двери, и песня оборвалась. Алиса безумно уставилась на вошедших. Ее лицо походило на маску, кожа обтягивала кости. Какое-то время оно ничего не выражало. Наконец, по нему пробежала тень понимания. Ее глаза загорелись, губы скривились в улыбке.

Она отвела руку от ребенка, и тот повис в воздухе, гукая и улыбаясь. Она запустила руку под подушку и вытянула оттуда пистолет.

Черный остов пистолета казался громадным в ее невероятно худенькой ручке, когда она направила его на людей, застывших в дверном проеме.

— Посмотри, детка, — сказала она. — Посмотри сюда. Это же еда. Наша любимая еда...

КОНТУР СОЧУВСТВИЯ

Пролежав пять дней в больнице, Жанет смирилась с тем, что сиделка у нее робот. Сначала она удивилась этому, потом попыталась принять это, как должное, и, наконец, убедилась, что Джеймс отличный робот и у него немало замечательных ка-

честв. Это принесло ей облегчение. Почти у всех ее друзей был домашний робот. Они говорили, что это прекрасное приобретение. Женщины вообще считали, что лучше иметь робота, чем автомобиль. Мужчины были несколько иного мнения. Но дело не в этом. Жанет заметила, что в последнее время ее приятели начали над ней посмеиваться, считая чудачеством ее чрезмерные хлопоты по дому и усердие, с которым она выполняла домашнюю работу. То, на что она тратила целый день, робот мог бы сделать за несколько часов. Заметила она, что и Джордж стал нервничать, заставая ее каждый вечер усталой. Однако ее предубеждение против роботов со временем становилось все сильней. Это не было обычным упрямством. Здесь было нечто большее, чем нежелание, чтобы тебя в ресторане обслуживали роботы-официанты, в магазине — роботы-продавцы, чтобы возили тебя в такси роботы-шоферы, которые, кстати, водили машину лучше и осторожнее, чем люди. С ужасом думала она о самой возможности жить постоянно под присмотром домашнего робота, общаться с очеловеченной машиной. Трудно сказать, почему в ней так прочно сидело это нежелание иметь металлического слугу. Скорее всего это было воспитано патриархальным домом ее детства, куда таки не допустили механических слуг. Конечно, легче всего было осовременить свой быт тому, кто рос рядом с роботом, пусть примитивным, пусть старого поколения, но роботом-домашней хозяйкой. Она же никак не могла преодолеть себя и впустить в свою частную жизнь постороннего, пусть он всего лишь машина. С другой стороны ей было тяжело, что все это невозможно объяснить мужу, который тоже считал ее предубеждение простым упрямством и следствием неправильного воспитания.

Сиделка «Джеймс» был первым роботом, с которым Жанет познакомилась так близко. Он стал для нее настоящим открытием. Наконец старый страх был побежден. Она обязательно заведет у себя дома такую игрушку.

Жанет сказала о своем решении лечащему врачу. Доктору было приятно услышать это. А Джордж был просто счастлив. В этот день он, навестив жену, не сразу отправился домой, а заглянул в кабинет врача и долго говорил с ним о больной.

— Это замечательно,— подтвердил доктор.— Если говорить честно, я опасался, что у вашей жены глубочайший невроз, осложненный ситуацией, в которой она оказалась. Ваша жена никогда не была сильным человеком. А тут еще эти годы тяжелейшего труда, хрупкой женщине непросто тянуть изо дня в день хозяйство. Да еще и этот предрассудок — делать все самой, вручную.

— Да, да, я знаю,— печально кивнул Джордж.— В первые два года нашей совместной жизни я пытался переубедить ее, но из этого ничего не вышло. Одни неприятности. И я смирился. У вас же здесь произошло чудо. Она поняла, что попала в больницу, потому что работала на износ и не было у нее в помощниках робота. Это замечательно, что она пришла к этому сама.

— Верно. Жить так, как раньше, она больше не сможет. Иначе через пару месяцев ей придется опять обратиться к нам.

— Думаю, этого не случится. Она, действительно, стала здесь у вас другой,— продолжал Джордж.— Будут, правда, сложности. Она совершенно не представляет себе, что такое современный робот. Самому совершенному, которого она видела у наших дру-

зей, не меньше десяти лет. Поэтому ее так удивил «сиделка Джеймс». Мы с вами должны подумать и подобрать для нее подходящую модель.

— Честно говоря, мистер Шенд, я уже думал об этом. Мне кажется, вашей жене будет трудно привыкать к чему-то новому. Кроме того, нужен совершенный аппарат, который соединял бы в себе и домохозяйку, и няньку, и компаньонку, короче говоря, «сиделка Джеймс». Что-то в этом роде. «Джеймс» не просто робот, он робот новой модификации. В нем разработана высокая чувствительность со специально сбалансированным контуром сочувствия. Это весьма сообразительный субъект или объект, называйте, как хотите. Каждая команда, которую обычный робот выполняет тут же, «не задумываясь», оценивается этим самым контуром, анализируется с точки зрения пользы или вреда, которые могут принести его действия пациенту. И если есть хоть малейшие сомнения, приказ не выполняется. Эти роботы идеальны для ухода за больными. Они так же замечательно присматривают за детьми. И поэтому на них большой спрос. Естественно и цена на них не маленькая. К сожалению.

— Какова же она?

Круглая цифра, названная доктором, озадачила Джорджа Шенда, однако подумав немного, он сказал:

— Это, конечно, немало. Но в конце концов, если у нас и есть какие-то сбережения, то только благодаря экономии Жанет. Где его можно купить, доктор?

— Нигде. Вернее, приобрести «Джеймса» не так то просто. Но я постараюсь. А вы выясните у жены, каким она хотела бы видеть своего помощника. Я имею в виду, как он должен выглядеть, что носить и так далее. Сообщите мне все это, а я уж займусь делами.

Жанет отнеслась серьезно к внешнему виду робота.

— Он должен быть настоящим,— сказала она.— Что ни говори, он будет жить в нашем доме, постоянно общаться с нами. — я бы не вынесла общения с пластмассовой коробкой, из которой торчат рычаги и которая смотрела бы на нас линзами объективов. Его основная работа — это уборка комнат, кухня. Так пусть же и выглядит он, как горничная в старом добром доме.

— Если хочешь, эта штука может быть мужчиной.

Она покачала головой.

— Нет, нет. Робот будет ухаживать за мной, поэтому только женщина, я бы хотела, чтоб женщина. На ней должно быть черное сатиновое платье, белый фартук, обязательно с оборочками и чепчик, а еще, желательно, чтобы она была блондинкой, чтобы лицо у нее было загорелым, рост сто семьдесят пять сантиметров. Пусть она будет симпатичной, но ни в коем случае не красавица. Не хватало еще ребновать к ней.

Доктор не выписывал Жанет из больницы еще десять дней, хотя она была полностью здорова. За это время он старался уладить все дела с роботом. В общем-то им повезло — кто-то отказался от своего заказа. Но все равно, переделки модели требовали времени. Да и перестройка на другую домашнюю псевдопамять за один час не делается.

На второй день после возвращения Жанет из больницы привезли и механическую горничную. Большой продолговатый ящик внесли два робота-грузчика и хором спросили, не распаковать ли сундук. Жанет отказалась от их услуги и попросила поста-

вить ящик в пристройке. Когда Джордж вернулся с работы, он тут же захотел открыть его, но она ему не дала сделать это.

— Давай сначала поужинаем,— сказала она,— робот может подождать, не так ли?

Ели они торопливо, все-таки не терпелось взглянуть на покупку. Затем Джордж сложил тарелки в раковину и пустил горячую воду. Когда с посудой было покончено, они поспешили к соседям, чтобы одолжить робота. Кто лучше него затащит ящик в дом? Однако Джордж с роботом ящик поднять не смогли. Пришлось бежать еще к одним соседям, чтобы у них взять робота.

Они внесли ящик на кухню, положили его на пол, попрощались и ушли. Джордж начал работать гаечным ключом. Он открутил шесть больших болтов, которые держали крышку, и увидел, что внутри сундука было полно упаковочной бумаги. Не долго думая, он бросил ее на пол. Жанет отругала его за это.

— Чем ты недовольна, дорогая? Убирать-то все таки придется уже не нам! — весело заметил он.

В ящике был еще один ящик, а под его крышкой оказалась вата, большой слой белоснежной ваты. Джордж поднял его и увидел робота. Он был, как они и заказывали, в черном платье с белым фартуком. Несколько секунд они молча смотрели на него. Это поразительно — робот лежал, как живой. Жанет даже почувствовала какую-то неловкость: эта живая кукла — ее собственность. У Джорджа было другое чувство.

— Спящая царевна,— произнес он и потянулся за инструкцией, которая лежала на груди новорожденной.

Царевна не была красавицей. Желание Жанет было исполнено мастерами. Робот-горничная была довольно симпатична. А темно-золотым волосам могла позавидовать любая женщина, хотя не вызывало сомнения, что локоны ее синтетические. Искусственная кожа была идеальной гладкости. Черты лица смоделированы четко — лицо было, как на портретах старых мастеров. Жанет осмелилась прикоснуться пальцем к щеке своей рабыни-принцессы и удивилась, что она совершенно холодна. Жанет присела перед ней на корточки.

— Это только большая кукла и все, — уговаривала она себя.— Механизм, чудесный механизм из металла, пластика и электронных контуров. Но это всего-навсего механизм. Он выглядит так потому, что его сделали люди. Я сама просила их сделать его таким.

Однако такое сходство вещи с живым человеком внушало беспокойство. Жанет почувствовала, что она не сможет относиться к этой штуке, как к механизму.

— Надо дать ей имя,— подумала Жанет, и тут же испугалась.— Но с именем она будет еще более очеловеченной.

Джордж в это время зачитывал инструкцию.

— «Модель питается от батареи,— читал он.— Она требует подзарядки каждые четыре дня. Есть унифицированные модели, которые подзаряжаются сами.» Давай-ка вытащим ее.

Он взял робота за плечи и попробовал поднять его.

— Ого! Он, наверное, весит втрое больше меня.

Джордж попытался еще раз приподнять железную куклу.

— Черт возьми,— выругался он и опять развернул инструкцию.

— «...контрольные переключатели размещены на спине, чуть повыше талии...» Ладно. Давай хоть перевернем его.

Он напрягся и с усилием перевернул железную леди на бок, а затем начал расстегивать на спине пуговицы черного платья. Жанет подумала почему-то, что это как-то неделикатно с его стороны.

— Давай-ка, это лучше сделаю я,— предложила она.

Джордж с недоумением посмотрел на жену, но подчинился.

— Конечно. Это ведь твоя штука.

— Я бы не хотела, чтобы ты называл ее — штука. Ее зовут Эстер. Так, по крайней мере, буду называть ее я.

— Ну вот и прекрасно,— попробовал рассмеяться Джордж.

Жанет расстегнула пуговицы и погладила спину все еще спящей царевны.

— Я не могу найти включатель или что-нибудь в этом роде,— заметила она.

— Там должна быть крышка. Она открывается,— заглянул в инструкцию Джордж.

Жанет возмутилась.

— Крышка? Такого не может быть.

Джордж снова удивленно посмотрел на жену.

— Милая, ты забываешь — это только робот, механизм — не больше.

— Да, я знаю,— холодно ответила Жанет. Она еще раз провела по спине робота, нашла крышку и открыла ее.

— Поверни верхнюю ручку до половины вправо, а потом закрой крышку, иначе цепь не замкнется,— продолжал советовать Джордж, не отрываясь от инструкции.

Жанет торопливо сделала все, что он сказал, и снова присела перед моделью, с интересом наблюдая за Эстер. Робот тяжело шевельнулся, лег на спину, сел, а потом встал. Он стоял раскованно и невозмутимо, напоминая субретку на провинциальной сцене, служанку из комедии давнего времени.

Жанет вскрикнула, и робот произнес свои первые слова:

— Добрый день, мадам. Здравствуйте, мистер. Я с радостью буду служить вам.

— Благодарю тебя, Эстер,— только и смогла сказать Жанет.

Она не должна была благодарить машину, но ей казалось, вежливость не помешает. Да и вообще сначала можно стать грубым с механизмом, а затем эта грубость перейдет и на отношения с людьми. И чем больше проходило времени, тем отчетливее чувствовала Жанет, что взяла правильный тон по отношению к Эстер.

Она не была обычным роботом. И одета она была иначе. И вела себя по-другому. Через три месяца Эстер стала заботливой и неутомимой подругой хозяйки дома. С самого начала Жанет, вопреки здравому смыслу, не верила, что Эстер только механизм. Да и сам механизм все больше очеловечивался. И в конце концов Жанет стало казаться, что рядом с ней ее хорошая подруга, милая служанка. А то, что ест она вместо хлеба электричество, так, в конце концов, каждому свое. Мало ли у кого какие слабости. Как-то раз что-то там внутри робота заело, и он начал ходить по кругу. В другой раз забарахлило его зрение, и он промахивался, когда хотел что-нибудь взять. Мастер, приехавший исправлять механизм, был похож на обычного врача, которого вызывают к обычному больному. Короче говоря, Эстер в доме Жанет стала совсем как человек. Общество ее было для Жанет приятно. Она проводила время со своей говорящей куклой веселей, чем когда к ней приезжали ее живые подруги.

— Признайся,— спросила как-то Жанет у Эстер,— ты считаешь меня слабым существом и вообще жалеешь?

Эстер не умела юлить, поэтому ответила прямо:

— Да, это так.— Правда, в ней тут же сработало реле мягкости и она добавила.— А знаешь, я думаю, что все люди слабые. Я всех жалею. Что поделаешь, они такими родились. Им можно только посочувствовать.

Жанет давно уже не думала о том, что ответы Эстер смягчаются «Контуром сочувствия». Она не пыталась представить себе и то, как информация идет по проводкам к центру, где срабатывает механический мозг, где соединены процессы переработки, избирания, соединения и распределения.

— Наверное мы и есть такие, если сравнивать нас с роботами. Ты, например, никогда не устаешь. Если б ты знала, как я тебе завидую.

— Понимаешь, я была такой задумана и такой сделана. Ты же возникла случайно. То, что ты такая,— это твое несчастье, а не вина,— толково и ясно ответила Эстер.

— И тебе нравится быть такой, как ты есть?

— Конечно,— кивнула Эстер,— мы выносливее вас. Нам не надо каждый день спать, чтобы подкрепить свои силы. Мы не должны жить в постоянном страхе от того, что наша биологическая структура напоминает ненадежную химическую фабрику. Мы не стареем. Люди такие неуклюжие. Им бывает плохо, их почти всегда что-то беспокоит. Если у нас какой-то узел выходит из строя, нам не больно, и поломка легко устраняется. У вас есть целый ряд слов, который мы только выучиваем, но почувствовать их мы не можем — «боль», «страдание», «несчастье», «слабость». Мне жаль, что ты так не уверена в собственных силах и вообще, что ты такая слабая. Это постоянно вносит помехи в мой «Контур сочувствия».

— Неуверенная и слабая. Как точно ты подметила. Именно это я чувствую постоянно.

— Люди постоянно живут с ощущением риска. Им всегда нужно чего-то бояться. Если мне отрежет или придавит руку — ничего страшного не произойдет. Никакой боли, никаких последствий. Придет мастер и заменит деталь — несколько минут работы — вот и все. А люди вынуждены страдать, к тому же нет возможности заменить одну живую деталь другой. Правда, можно надеть искусственную ногу. Но вы не любите. Хотя и напрасно. Ведь разрабатывая нас, человек достиг таких высот в создании искусственных органов. Вы могли бы заменить руки и ноги на более сильные и неуязвимые. Но вы почему-то цените свои собственные — ноющие перед непогодой, хромающие после вывихов, но свои.

— Ты хочешь сказать, что конечности могут быть искусственными? Я этого не знала. Но разве дело только в руках и ногах? Если бы у меня они постоянно болели, я, может быть, и согласилась на искусственные. Но ведь дело не в них. Ты же слышала наш сегодняшний разговор с доктором. Он рекомендовал мне больше лежать, не переутомляться, короче говоря, постоянно отдыхать. О болезни он ничего конкретного не сказал. Но я видела его лицо. Видимо, мои дела совсем плохи. Что за жизнь? Он прописал мне постоянный отдых. Разве можно так жить? Бедный мой Джордж. Что за жена досталась ему? Он так терпелив

со мной, так добр, ни разу не сорвался. Лучше бы я умерла, чем страдать самой и причинять страдания другим.

Жанет все говорила и говорила, больше обращаясь уже к себе самой. А терпеливая Эстер стояла рядом и сочувственно кивала головой. Жанет заплакала, затем вытерла слезы и подняла блестящие глаза на робота.

— Ох, Эстер, если бы ты была человеком, я бы, пожалуй, возненавидела тебя за твое богатырское здоровье и силу. Но я так люблю тебя. Ты терпеливая, добрая, умная. Я уверена — будь у тебя слезы, ты рыдала бы вместе со мной.

— Наверняка,— сказала Эстер.— Мой контур сочувствия настроен на это.

— Ну при чем здесь контур сочувствия? — запротестовала Жанет.— Контур тут ни при чем. У тебя здесь вот есть сердце. Не может не быть.

— Я считаю, что мой контур надежнее человеческого сердца,— гордо произнесла Эстер.

Она подошла, наклонилась над Жанет и, как пушинку, подняла ее.

— Милая моя, ты изводишь себя. Я отнесу тебя наверх. Надо хоть немного поспать. Отдохнешь до возвращения Джорджа.

Жанет чувствовала через материал одежды ледяные руки робота, но это уже не было неприятным.

— Добрая Эстер! Ты такое утешение для меня. Знаешь, что я сделаю...— она не договорила, задумалась, а потом продолжила, но уже сердито.— Этот доктор, я знаю, на что он намекает. Он думает, будто я буду слабеть и слабеть, пока не умру. Я сказала тебе, что лучше умереть, чем так жить. Это неправда, я солгала. Я не хочу умирать, не хочу.

Эстер несла женщину на руках, словно та была ребенком.

— Ну хватит, любовь моя, все хорошо. Даже если не хорошо, то и не так уж плохо. И нечего думать о смерти. Тебе нельзя плакать. Это очень вредно. Ты ведь не хочешь, чтобы он увидел тебя заплаканной? Правда?

— Ладно,— сказала Жанет,— я не буду.

А Эстер несла ее в верхнюю комнату, успокаивая как могла.

В больнице дежурная сестра-робот посмотрела на Джорджа вопросительно.

— Речь идет о моей жене,— пояснил он,— я вам звонил час назад.

Лицо робота приняло профессиональное выражение неприторной симпатии.

— Да, да, мистер Шенд. Я представляю, как вы расстроились, когда узнали. Но я уже говорила вам по телефону, что ваш домашний робот вовремя привез ее сюда.

— Я хотел бы поговорить с врачом, но его никак не могут найти.

— Не беспокойтесь. Вашу жену уже обследовали. Мы запросили историю болезни из той больницы, где она лежала раньше. Операция назначена на завтра. Разумеется, если вы не будете против.

Джордж не знал, что и отвечать.

— Я хотел бы сначала встретиться с лечащим врачом.

— Боюсь, что сейчас мы его уже не найдем.

— А операция действительно необходима? — спросил Джордж.

Робот посмотрел на него сочувственно.

— Вы же знаете, что она слабела буквально на глазах.

Джорджу оставалось только кивнуть.

— Если ничего не предпринимать, болезнь будет прогрессировать, и в конце концов последует мучительная смерть.

Джордж долго смотрел на стену перед собой, затем тихо произнес:

— Я понимаю.

Он подписал бумагу, протянутую ему роботом.

— А можно надеяться на благополучный исход? — спросил он с надеждой.

И робот ответил:

— Да. Риск всегда существует. Но мы уверены, что семьдесят пять процентов — это удача.

Джордж облегченно вздохнул:

— А могу я увидеть жену?

— Конечно.

Робот нажал кнопку.

— Но постарайтесь не разбудить ее. Сейчас она спит.

Что ж, пришлось довольствоваться и этим. И все-таки Джордж возвращался домой несколько успокоившись. Жанет во сне улыбалась.

На следующий день в контору Джорджа наконец позвонили из больницы. Операция закончилась удачно. Врачи были довольны. Они и Джорджу советовали надеяться на то, что все будет хорошо. Нет, нет, посещать ее несколько дней нельзя. Надо спокойно ждать, беспокоиться не о чем. Совершенно!

Джордж звонил в больницу каждый день. Отвечали ему вежливо, даже сердечно. Но посещать больную не разрешали. На пятый день ему неожиданно сообщили, что его жена уже выписана и находится дома. Он был ошеломлен, ему казалось, что ее будут лечить еще, по крайней мере, недели две-три. Он выбежал из конторы, купил цветы, несколько раз проехал на красный свет и, наконец, добрался до дома.

— Где она? — крикнул он Эстер, открывшей ему двери.

— В постели.— отвечал робот.— Я считаю...

Но Джорджу было наплевать, что считает служанка. Прыгая через ступеньки, взбежал он в комнату жены.

Жанет лежала, вытянувшись. Из-под простыни была видна только ее голова и часть забинтованной шеи. Джордж положил цветы на тумбочку у кровати. Он наклонился и поцеловал жену. Она была взволнована.

— Джордж, милый! Она тебе рассказала?

— О чем? — спросил Джордж, присев на краешек кровати.

— Эстер тебе рассказала? Джордж, я не хотела этого. То есть, мне кажется, что я хотела. Она меня отнесла. Я была такой слабой. Мне хотелось сделаться посильней. Пожалуй, я не все понимала. Эстер меня уговорила.

— Успокойся, милая,— улыбнулся Джордж.— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Он засунул руку под простынь и взял ее ладонь.

— Не надо, Джордж.

— Милая, твоя рука, как лед. Тебе плохо?

Он погладил ее плечо и замер. Страшная догадка заставила его вскочить и откинуть простыню. Он положил ладонь ей на грудь, там, где должно было биться сердце. Но тут же отдернул руку и закричал:

— Не может быть! Нет!

— Джордж, милый,— произнесла голова Жанет.

— Нет! Нет! — кричал Джордж.

Он выбежал из комнаты. В темноте не видно было ступенек, он споткнулся и кубарем скатился вниз.

Эстер подошла к Джорджу, он был без сознания. Она присела и обследовала повреждения. Робот не пытался поднять человека или каким-то образом помочь ему. Служанка спокойно подошла к телефону и набрала нужный номер.

— Скорая помощь? — спросила она и назвала адрес и фамилию.— Приезжайте немедленно. Каждая минута на счету. Да, да, многочисленные переломы. Поврежден позвоночник. Да, бедняга. Череп? Череп цел. Конечно. Это единственный выход. Иначе, даже если он выкарабкается,— это инвалид на всю жизнь. Да, пусть санитар привезет бумагу, все будет официально. Жена обязательно подпишет.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТОГЛАЗЫЕ 3
ЧОККИ 101
«ПОПРОБУЙ, ПОЙМИ ЕЕ» 166
ДЕНЬ ТРИФФИДОВ 209
КРАКЕН ПРОБУЖДАЕТСЯ 363
БОЛЬШОЙ ПРОСТОФИЛЯ 488
ВИДЕОРАМА ПООЛИ 498
СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ 513
ПЕТЛЯ ВО ВРЕМЕНИ 520
ОХ, ГДЕ ЖЕ ТЫ ТЕПЕРЬ ПЕГГИ МАК-РАФФЕРТИ 529
ВЫЖИВАНИЕ 548
КОНТУР СОЧУВСТВИЯ 566

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 20

Джон Уиндем

ЗОЛОТОГЛАЗЫЕ

Ответственный за выпуск
В. П. Кирчев

Технический редактор
О. Цыплакова

Дата в печать 20.01 93 Уч. изд. л 47,05 Усл. печ. л 30,24
Тираж 52.000 Цена договорная Заказ 97

Издательство «ЭЯ» г Кишинев

Компьютерный набор и верстка фирмы «ОСКАР»

Издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография»
Государственного Департамента республики Молдова
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
277068, Кишинев, ул. Флорилор 1